

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

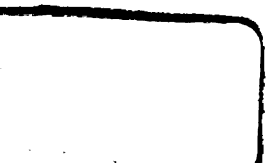
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191430 5

100

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1875

ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ОЧЕРКИ КИТАЯ. Е. А. Слэчкова.
- II. ПРОСВѢЩЕННОЕ ВРЕМЯ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Э. Писемскаго.
- III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ОФИЦЕРА. Два эпизода изъ обороны Севастополя. А. Д. Сатина.
- IV. ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXI—XXVII.
- V. ЛОГИКА КАКЪ ПРОПЕДЕВТИКА ФИЛОСОФИИ ВЪ ГИМНАЗИЯХЪ. Н. Е. Скворцова.
- VI. ДВА СОНЕТА ИЗЪ ШЕКСПИРА. Гр. И. Мамуна.
- VII. МЕЛЬНИЦА. Разказъ. Н. В—ва.
- VIII. АННА КАРЕНИНА. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. Гр. Л. Н. Толстаго.
- IX. УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОСЪ. Н. А. Любимова.
- X. ПЕРЕПИСКА БЪЛАНСКАГО СЪ ДРУЗЬЯМИ. А. Н. Пыцкий. В. Г. Бьльскій. Опытъ біографіи. (*Вѣстникъ Европы*, 1874, кн. X—XII.) А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга девятая, гл. VII—XV, и книга десятая, гл. I.
- II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСЪ И ПАДЕНІЕ ХИВЫ. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть первая, гл. I—VII.

О ПОДПИСКѢ

к а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1875 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.** съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ **ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Сокольева, на Страсбургскомъ Бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылати кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	18	—
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію.	19	—
Въ Англию, Давію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію.	20	50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	21	60

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

†

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1875 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1875 году е же лиевно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые придутся на недѣль, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателю въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за двумя праздничными днями), будетъ издаваться, какъ и въ нынѣшнемъ году, полныя листы газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1875 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и бо лее, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты помѣщаемо не будетъ. Желаніе получить газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* будутъ на 1875 годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.....	8 „ 50 „
„ 12 „.....	13 „ — „	„ 12 „.....	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЮ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. — к.	На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „ — „
„ 12 „.....	16 „ — „	„ 12 „.....	18 „ — „

Подписка въ Москвѣ съ доставкою чрезъ разнощиковъ редакціи на одинъ мѣсяць не принимается.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подписной цѣны (съ доставкою) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	7 , 75 ,	15 , — ,	28 ,
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египеть. . .	9 , — ,	17 , 50 ,	33 ,
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	10 , 50 ,	20 , — ,	38 ,
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	8 р. — к.	14 р. — к.	28 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	10 , — ,	17 , 50 ,	35 ,
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію Францію и Египеть. . .	11 , 50 ,	21 , — ,	42 ,
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	13 , — ,	24 , — ,	48 ,

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по предварительному соглашенію съ редакціей.

Священно- и церковно-служителямъ православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), во всѣхъ привислянскихъ и балтійскихъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерніяхъ редація будетъ высылать свою газету за уменьшенную цѣну, а именно: въ годъ за 9 р., 6 мѣсяцевъ за 5 р. безъ казенныхъ объявленій, и 11 р. за годъ, 6 р. за 6 мѣсяцевъ съ казенными объявленіями.

Редація проситъ инопородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ.

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫИ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660025
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1913

ОЧЕРКИ КИТАЯ *

Очерки Современнаго Китая. Г. Венюкова.

Авторъ *Очерковъ Современнаго Китая*, г. Венюковъ, пользуется репутаціей знатока Азіи. Кромѣ многихъ записокъ прочитанныхъ имъ въ засѣданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и нѣсколькихъ статей въ нашихъ журналахъ, онъ написалъ два тома о Японіи и *Опытъ Военнаго Обзора Русской Границы въ Азіи*. Нѣтъ сомнѣнія что этотъ послѣдній трудъ найдетъ справедливую рецензію отъ специалистовъ, хорошо знакомыхъ съ описываемыми въ *Опытѣ* мѣстностями. Вѣроятно найдутся также оцѣнщики труда автора о Японіи. А въ предлагаемой статьѣ мы намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній на его *Очерки Современнаго Китая*.

Впрочемъ *Очерки* эти не свѣжая новость въ нашей литературѣ. Они составлены изъ статей того же автора въ недавніе годы напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Однакожь,

* Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто любознательной статьѣ нашего извѣстнаго знатока Китая К. А. Скачкова, много лѣтъ прожившаго въ этой своеобразной странѣ и глубоко изучившаго всѣ особенности китайскаго быта и китайскихъ помятій. Его вѣскія сообщенія, безъ сомнѣнія, съ интересомъ прочтутся и тѣми кто бы не раздѣлялъ тѣхъ или другихъ воззрѣній автора. *Прим. Ред.*

ради характера современности, въ книгѣ сдѣлано нѣсколько отрывочныхъ вставокъ и о послѣднихъ новостяхъ изъ Китая.

Очерки г. Венюкова знакомятъ читателя со многими сторонами быта въ Китаѣ: авторъ трактуетъ о составѣ населенія Китая, объ эмиграціи Китайцевъ, объ иностранцахъ въ Китаѣ, о тамошнихъ пиратахъ, о торговлѣ Китая съ иноземными государствами, и, въ отдѣльности, съ Россіей, о банковыхъ и промышленныхъ ассоціаціяхъ въ Китаѣ, о возстаніи Тайпиновъ, о военныхъ учрежденіяхъ въ Китаѣ, и наконецъ о послѣднихъ событіяхъ за 1871—1873 года.

Такой рядъ статей, написанныхъ хорошимъ слогомъ, при своемъ разнообразіи, не могъ не заинтересовать образованнаго читателя. Но должно сказать что при разнообразіи своемъ онѣ болѣе или менѣе страдаютъ односторонностію, въ нихъ слишкомъ мало находимъ собственно о Китайцахъ, такъ какъ почти всѣ страницы *Очерковъ* главнымъ образомъ посвящены тѣмъ сторонамъ современнаго Китая которыя болѣе или менѣе тѣсно связаны съ бытомъ тамъ иноземцевъ и притомъ преимущественно въ портахъ.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые особенно выдающіеся взгляды автора, болѣе или менѣе несогласные съ нашими.

I. Самостоятельность государственнаго строя въ Китаѣ.

Въ первой главѣ *Очерковъ Современнаго Китая* авторъ даетъ читателю понятіе о составѣ Китайской Имперіи, знакомя съ давно изслѣдованными фактами искусственнаго слоченія Имперіи изъ разноплеменныхъ народовъ и непрочности таковаго слоченія. Потомъ, по справедливости, отдавая первенствующее мѣсто въ составѣ Имперіи собственно Китаю, при его населеніи болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ живущемъ одною историческою жизнью, не соглашается однакожь съ тѣмъ чтобъ эта страна была внушающее уваженіе цѣлое, и не ручается также смѣло за ея будущность, какъ за будущность Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки и проч., замѣчая разложеніе въ самомъ населеніи, далеко не однородномъ по своему характеру, влеченіямъ и т. п.

Такой взглядъ автора, основанный имѣнно на двухъ современ-

ныхъ намъ явленіяхъ, — водвореніи въ Китаѣ иноземцевъ и недавнемъ возстаніи Тайпиновъ, по мнѣнію нашему, и узокъ и не вѣренъ. Онъ противорѣчитъ факту только-что уломянутой исторической жизни Китая, своею изумительно длиннотою превосходящей рѣшительно все что мы знаемъ въ исторіи остальныхъ народовъ обоихъ полушарій.

Авторъ конечно согласится съ нами что при сужденіяхъ о судьбѣ страны нельзя не посоветоваться съ ея исторіей. А благодаря тому что мы знаемъ изъ исторіи Китая, можно ручаться за его будущность едва ли не больше чѣмъ за будущность какой-либо другой страны. Чтобы наглядно дать понятіе о томъ какое мѣсто занимаетъ Китайъ въ политическомъ мірѣ, сравнимъ его съ камнемъ необъятнаго размѣра покоющимся на почвѣ. Подверженныя окружающимъ вліяніемъ, составныя части этого камня не всегда однородны; но за всѣмъ тѣмъ связь между ними настолько плотна что онъ въ длинныя вѣка своего существованія не подчиняется ни выѣтриванію, ни измелеченію, ни разложенію, ни тлѣнію. Стойкость всей массы камня такова что даже грозныя міровыя событія въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ не стерли его съ лица земли, даже не сдвинули съ однажды занятаго мѣста, несмотря на исчезновеніе многихъ другихъ сильныхъ царствъ и народовъ, о которыхъ мы знаемъ только одни азы, изучая ихъ по слѣдамъ обломковъ въ голыхъ степяхъ. Правда, много терпѣлъ и этотъ стоящій по сію пору камень отъ избытка страстей человѣческихъ; много разъ и его распятывали, даже склоняли къ паденію. Но однакожь цѣлость его не сдавалась; своей тяжестью онъ наваливался снова на излюбленную имъ почву, и стойкость его уравнивалась попрежнему. Онъ всегда признавалъ надъ собою права собственника; и прельщавшихся такою добычею собственниковъ въ теченіе сорока вѣковъ являлось уже много. Они спорили, боролись, рѣзались; сильные присвоивали его отъ слабыхъ; равносильные между собой дѣлили правомъ владѣнія. Такимъ образомъ камень былъ зрителемъ уже двадцати трехъ родовъ, то мѣстныхъ, то иноземныхъ его владѣтелей. Но конецъ для всѣхъ ихъ былъ одинъ и тотъ же; всѣ одинъ за другимъ положили свои кости подъ гнѣз же самымъ камнемъ, а имена ихъ для назиданія потомству записаны на его скрижаляхъ. А камень остался все тѣмъ же, какъ былъ прежде. Правда, утомляемый

бѣдствіями его окружавшими, онъ нѣсколько разъ дряхлѣлъ, заросталъ лишаями, паразитами; но затѣмъ снова молодѣлъ, снова обновлялся, принаряжался, благодаря живучести крѣпко между собой связанныхъ составныхъ частей его. И по сію пору онъ стоитъ столь же непоколебимо самостоятельно, какъ и прежде.

Конечно ничто не вѣчно подъ луной. Все имѣетъ свои предѣлы. Не вѣченъ и Китай. Но его разрушенію, разрушенію этой сильной сорокавѣковой крѣпости, должны предшествовать событія чрезвычайныя.

А сколько превратностей судьбы уже перенесъ Китай со своимъ народомъ, мы знаемъ изъ его исторіи. И дѣйствительно, перелистывая лѣтописи Китая отъ вѣка къ вѣку, мы находимъ что эта страна десятки разъ мѣняла свои государственные порядки, бывала то самодержавной, то феодальной, то въ междоусобіяхъ; множество разъ была разоряема, раздираема войнами, междоусобіями, всякими бѣдствіями. И сколько разъ эта страна казалась на краю гибели, переживъ двадцать три династіи, перебивавъ въ рукахъ многихъ азіятскихъ народовъ, находясь и теперъ во власти Манчжуровъ. Но всѣ государственные перевороты нисколько не нарушили самостоятельности страны. Напротивъ того, сами побѣдители, азіятскіе иноземцы, чрезъ какое-нибудь столѣтіе окитаивались, сливались съ народностію страны, что мы видимъ и на Манчжурахъ. Въ исторіи Китая мы находимъ что Китайцы разсѣянные на огромномъ пространствѣ своей территоріи въ давно прошедшіе вѣка различались очень рѣзко между собою, отчего и враждовали часто въ междоусобныхъ войнахъ; но потомъ, въ особенности благодаря изобрѣтенному ими книгопечатанію и распространенной грамотности, время мало-по-малу сглаживало рознь, такъ что даже и пришлые въ Китай племена, Татары и Монголы, тоже окитаивались. Такой этнографическій процессъ продолжается и по сію пору, болѣе и болѣе скрѣпляя, а не разлагая народности.

Прочное звено скрѣпленія сковано изъ излюбленныхъ Китаичами преданій объ общихъ всѣмъ имъ предкахъ, объ общихъ имъ золотыхъ годинахъ ихъ древности. Это звено, завѣщанное великимъ учителемъ Кунъ-фуцзы *, царитъ и со-

* Такимъ именемъ мы возстановляемъ правильно, въ прошломъ столѣтіи иезуитами исковерканное, латинизированное Конфуціусъ.

храняется въ Китаѣ со всей бережностію, съ національною гордostí столь знатнаго наслѣдія.

Сравнительно съ тѣми политическими и общественными переворотами какіе пережили, терпѣливо перестрадавъ ихъ, Китайцы въ свои длинныя вѣка, можно конечно какъ на ничтожество глядѣть на недавнее возстаніе Тайпиновъ. При самомъ счастливомъ успѣхѣ, оно имѣло бы послѣдствіемъ смѣну нынѣ царствующей Манчжурской династіи; но это нисколько не отождествлялось бы съ распаденіемъ Китая. Стойкость Китая не во вѣшнемъ, а во внутреннемъ процессѣ его жизни, въ его народности; а она осталась бы та же самая.

Еще ничтожнѣе въ судьбѣ Китая нынѣ играетъ роль вторженіе въ немъ иноземцевъ. Вліяніе ихъ не въ силахъ положить на Китай печать разложенія. Вѣрные урокамъ своего прошедшаго, не двигаясь ни назадъ ни впередъ, Китайцы смотрятъ на современное свое положеніе какъ на скоропреходящую невзгоду; на иноземцевъ смотрятъ какъ на тунеядныя поросли въ ихъ странѣ, отъ которыхъ они рано или поздно освободятся. Для нихъ это не болѣе какъ вопросъ времени.

Впрочемъ можетъ-статься мы нѣсколько поторопились отставать будущность Китая, не дослушавъ тѣхъ доводовъ которые въ *Очеркахъ Современнаго Китая* подкрѣпляются, если не свидѣтельствомъ исторіи, то по крайней мѣрѣ современными событіями.

Авторъ *Очерковъ* говоритъ: „Ореолъ который окружалъ представителей обоихъ руководящихъ началъ государственной жизни, сына неба и ученыхъ классиковъ-бюрократовъ, мало-по-малу начинаетъ тускнѣть“. Кто же омрачилъ эти начала? Ихъ омрачаютъ, по словамъ автора, недавнія побѣды иноземцевъ, христіанская пропаганда, западныя понятія, вносящія въ жизнь Китая элементы доселѣ ей чуждые и начинающіе понемногу ее разлагать. Авторъ говоритъ что тѣ Китайцы которые до современнаго намъ періода вѣрили въ непогрѣшимость и прочность прежнихъ порядковъ, уже вымираютъ; а новые рождаются и растутъ при условіяхъ совершенно различныхъ отъ прежнихъ.

Эти сильныя строки должны естественно породить въ читателѣ убѣжденіе въ громадности нравственной силы небольшой горсти иноземцевъ въ Китаѣ, столь, повидимому, легко

и скоро расшатанной нѣкогда очень прочное цѣлое; расшатанной огромныхъ размѣровъ массу камня, которая по сію пору, въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ своего существованія, не поддавалась никакимъ внѣшнимъ усиліямъ. Еще такъ недавно наши отцы не повѣрили бы такой метаморфозѣ. Впрочемъ и самъ авторъ не мало удивляется ей когда говорить: „Мыслимо ли было за тридцать лѣтъ назадъ то что теперь совершается въ Китаѣ во-очію; теперь молодые Китайцы командуютъ пароходами, умѣютъ готовить нарѣзные орудія, читаютъ астрономію Гершеля, и въ большомъ числѣ наполняютъ христіанскіе храмы.“ Соглашаясь что вѣковые предразсудки Китайцевъ слишкомъ упорны, что народное ихъ чувство, оскорбленное сближеніемъ съ чужеземцами побѣдить трудно, авторъ однакожъ убѣжденъ что „дѣло проникновенія въ Китай западной цивилизаціи идетъ твердо, хотя и медленною столой“.

Послѣвшимъ замѣтитъ что должно-быть не медленною, а очень быстрою столой проникаетъ въ Китай западная цивилизація, если, какъ только-что сказалъ авторъ, новое поколѣніе Китайцевъ находится при условіяхъ совершенно различныхъ отъ прежняго. Авторъ и укоряетъ лекинскую автократію въ томъ что „она попрежнему запирается въ стѣнахъ своихъ дворцовъ чтобы недоступностію придать себѣ больше величія и тѣмъ какъ бы поддержать старокитайское традиционное знамя“. Но это, очевидно, уже поздно, если, какъ продолжаетъ авторъ-очевидецъ, „ветхая хоругвь эта рвется все больше и больше, и даже въ средѣ чиновничества, самаго своекорыстнаго и закоренѣлаго въ своихъ привычкахъ сословія, начинаютъ появляться новые люди. Они сидятъ теперь, посреди европейскихъ сотрудниковъ, по таможнямъ, гдѣ не берутъ взятокъ; они образуются въ нѣсколькихъ школахъ, устроенныхъ, *volens-nolens*, самимъ правительствомъ, и мало-по-малу перейдутъ наконецъ на мѣста генералъ-губернаторовъ и министровъ“.... „Когда это случится, продолжаетъ авторъ, то жители разныхъ областей Небесной Имперіи узнаютъ что далеко не все такъ однородно въ ихъ государствахъ, какъ думали ихъ отцы, дѣды и прадѣды“.

Вникая въ суть выписаннаго нами, сперва о неручательствѣ за прочную будущность Китая, а вслѣдъ затѣмъ о счастливой зарѣ проявляющейся между Китайцами западной цивилизаціи, и сооставляя одно съ другимъ, въ прямомъ ло-

гическомъ выводѣ получимъ что въ просвѣщеніи Китайцевъ западными ученіями авторъ видитъ начало конца, усматриваетъ начало разрушенія Китая. Дѣйствительно, изъ словъ автора нельзя не заключить что когда ветхая хоругвь китайщины рвется все больше и больше, когда въ таможенныхъ Китайцы уже не берутъ взятокъ, когда Китайцы европейски образованные будутъ генераль-губернаторами и министрами, то старому Китаю не миновать плачевнаго конца. Этотъ громадный сорокавѣковой камень наконецъ будетъ разбитъ въ дребезги. Худо, очень худо сказалъ бы истый Китаецъ, залисной кузь-фуцзянецъ, выросшій на „схоластическо-неподвижной классической мудрости“.

Впрочемъ мы не станемъ слишкомъ настаивать на обнаруживающихся противорѣчій автора *Очерковъ Современнаго Китая* съ самимъ собой, будучи убѣждены что онъ стоитъ за все блага западной цивилизаціи и только во этихъ благахъ видитъ для Китая якорь спасенія отъ гибели.

Но охотно забывая противорѣчія въ сужденіяхъ автора, мы желаемъ однакожь дать себѣ отчетъ насколько *Очерки Современнаго Китая* дѣйствительно вѣрно изображаютъ современный Китай и Китайцевъ въ процессѣ проникновенія западной цивилизаціи.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то что приобрѣли иноземцы недавними побѣдами въ Китай. Отвѣтъ будетъ точенъ, если скажемъ что, благодаря этимъ побѣдамъ, Китайцы были вынуждены открыть для иноземной торговли тринадцать портовъ въ своей территоріи. Этотъ фактъ по своей необыкновенной важности всѣмъ извѣстенъ. Еще что? Китайцы были вынуждены дать иноземцамъ нѣкоторую свободу кататься и жить всюду въ ихъ Имперіи, что очень цѣнно въ особенности для основательно изучающихъ Китай. Допустили свободу христіанской пропаганды во всей Имперіи и свободу ввоза опиума. Для истребленія злоупотребленій въ торговыхъ сношеніяхъ иноземцевъ и Китайцевъ учредили морскія таможи подъ управленіемъ иноземцевъ, хотя впрочемъ надзоръ и контроль за ними остался въ рукахъ Китайцевъ. И наконецъ, китайское правительство было вынуждено согласиться на пребываніе въ Пекинѣ чужеземныхъ дипломатическихъ миссій, а въ открытыхъ портахъ ихъ консульствъ, для ближайшихъ сношеній съ китайскими властями, для защиты святости договоровъ и пр.

Вотъ главные статьи выигранныя иноземцами у Китайцевъ. Въ нихъ выгоды для иноземцевъ очевидны. А Китайцы потеряли много и выиграли мало. Главнѣйшій выигрышъ для Китайцевъ состоитъ въ значительномъ увеличеніи сборовъ въ ихъ морскихъ таможенныхъ; но, какъ мы скажемъ въ послѣдствіи, китайское правительство нисколько не дорожить ими. А проигрышъ для Китайцевъ, въ общей сложности, главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ томъ что правительство самое консервативное на всемъ свѣтѣ должно было согласиться войти, по выраженію Китайцевъ, въ омутъ слишкомъ близкихъ и равноправныхъ отношеній съ варварами для него ненавистными.

На вопросъ, дѣйствительно ли такой щелчокъ китайскому консерватизму помрачаетъ „ореолъ“ окружавшій и по сію пору окружающій представителей началъ государственной жизни въ Китаѣ, — богдохана и неправильно названныхъ авторомъ *Очерковъ* собирательнымъ именемъ, ученыхъ-классиковъ-бюрократовъ, по нашему крайнему разумѣнію, мы отвѣтимъ отрицательно по отношенію къ личности богдохана, отрицательно по отношенію къ сословію ученыхъ классиковъ, и утвердительно только по отношенію къ сословію классиковъ-бюрократовъ, да и то не вполне.

Такъ какъ мы лшдемъ о Китайцахъ, быть и свойства которыхъ обыкновенно мало знаютъ внѣ Китая, и заботимся говорить о нихъ точно, то дабы нашъ отвѣтъ былъ понятенъ, и въ немъ была сохранена логическая послѣдовательность, очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ какъ каждому Китайцу представляется образъ богдохана.

Богдоханъ, по понятію Китайца, есть абстрактный призракъ-человѣкъ, сынъ неба, стоящій внѣ и выше всего земнаго, держащій въ своихъ рукахъ судьбу всей вселенной; всецѣло, премилосердно и премудро преслѣдующій пути для блага всего земнаго, будучи единственнымъ посредникомъ между небомъ и землей.

Такова, въ убѣжденіяхъ Китайцевъ, особа богдохана. Этотъ идеалъ повелителя не сочиненъ официальнымъ римо-латетомъ, не внушенъ указами, а созданъ преданіями, исторіей всего государственнаго строя въ Китаѣ. Оттого Китаецъ, даже изъ самыхъ передовыхъ либераловъ, а таковыхъ между ними не занимать-стать, никогда не подниметъ руки сомнѣнія въ томъ чтобъ его богдоханъ былъ не премудръ, не пре-

миосердѣ. Оттого, сколь бы ни казалось это для насъ невѣроятнымъ, все униженіе испытанное богдоханомъ Сяньфыномъ въ побѣдахъ иноземцевъ, не только не оразило, а еще болѣе озарило ореоломъ богдоханское величіе въ Китаѣ. Пусть каждый Китаецъ знаетъ что иноземцы вынудили его страну на важныя уступки: онъ чувствуетъ и на себѣ самомъ что иноземцы оскорбили, унизили Китайцевъ; въ этомъ онъ не сомнѣвается. И что жь? Тотъ же Китаецъ, въ непоколебимомъ улованіи во всѣ совершенства своего богдохана, смотритъ на эти факты со своей, съ китайской точки зрѣнія. Онъ во всемъ обвиняетъ не богдохана, который виноватымъ не бываетъ, а дурныхъ правителей Китая, генералъ-губернаторовъ и министровъ, со всѣми ихъ ставленниками, не умѣвшими сладить съ варварами, накликавшими на страну разорительную войну. Каждая война есть бѣдствіе для народа. Богдоханъ, преслѣдующій пути для блага всего земнаго, въ одно мгновеніе, однимъ почеркомъ своей кисти, остановилъ потокъ бѣдствій, бросивъ кусокъ хлѣба варварамъ, загнаннымъ голодомъ изъ-за тридцать земель. Въ этомъ актѣ милосердіе богдохана выразилось безпредѣльно на всю вселенную. Но, будучи посредникомъ между небомъ и землей, держа въ рукахъ судьбу вселенной, сынъ неба знаетъ, и только онъ знаетъ, какая кара постигнетъ дерзновенныхъ варваровъ.

При такомъ воззрѣніи на богдохана, взятомъ нами съ натуры, мыслимо ли заподозрить хотя бы на волосъ омраченіе предъ Китайцами его величія?

Напрасно было бы и говорить что такое воззрѣніе на богдохана направляется и подтверждается, поддерживается и подкрѣпляется всѣми актами его правительства. Такъ, напримеръ, происходившіе переговоры съ иноземцами въ Пекинѣ, и самыя подписи трактатовъ въ 1860 году, были, какъ убѣждены Китайцы, учинены безъ вѣдома богдохана, тогда *послѣдшаго родную Манчжурію*. Указы по поводу сношеній, война и уступокъ иноземцамъ всегда осуждали дѣйствія правительства, выражая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и презрѣніе къ варварамъ. Даже самая прокламація къ народу о заключенныхъ съ иноземцами договорахъ въ 1860 году, обнародованная по повелѣнію со стороны англійскихъ дипломатовъ, выразила собой не болѣе какъ только всю глубину состраданія богдохана къ завѣскимъ западнымъ варварамъ. Впрочемъ и самыя

толки въ народѣ о тогдашнихъ военныхъ и дипломатическихъ событіяхъ въ Китаѣ, необыкновенно быстро распространявшіеся по всей Имперіи, проводили одну и ту же мысль о великодушіи богдохана. Тогда, живя въ отдаленномъ, глухомъ углу Китайской Имперіи, мы не мало наслушались политическихъ разказовъ о современныхъ событіяхъ. Мы и интересовались ими болѣе всего потому что въ нихъ, съ прозрчнымъ великодушіемъ богдохана, соединялось дѣйствительное великодушіе его сильнаго соотѣда.

Точно также отрицаемъ слова *Очерковъ Современнаго Китая* о современномъ будто бы затускненіи, омраченіи ореолу ученыхъ классиковъ въ Китаѣ. Скажемъ о нихъ.

Это сословіе ученыхъ. Оно не замкнутое; въ его среду можетъ вступить каждый, только бы поучился. Оно весьма многолюдно, такъ какъ въ Китаѣ почти каждый ищетъ возможности учиться. Оно распространено во всѣхъ мѣстностяхъ, даже въ самыхъ невидныхъ деревняхъ Китая, благодаря тому что въ этой странѣ немыслимо чтобы сколько нибудь населенная мѣстность оставалась безъ школы. Ученое званіе представляетъ градацію степеней, говоря по-нашему доктора, магистра, кандидата и до студента включительно. Эти степени пріобрѣтаются постепенно экзаменами. Все образование въ школахъ состоитъ только въ первоначальномъ изученіи древнихъ китайскихъ классиковъ, и тамъ можно получить только званіе студента. Собственными ли усиліями или же подъ постороннимъ руководствомъ, студентъ готовится къ экзамену на слѣдующую степень, и т. д. Отъ кандидата требуется уже болѣе основательное знаніе классиковъ, а также отечественной исторіи и географіи; а отъ магистровъ требуются кромѣ того вполне основательное знаніе позднѣйшихъ классиковъ и лирики. Докторами назначаютъ изъ разряда лучшихъ магистровъ, еще нѣсколько разъ подвергаемыхъ экзаменамъ. Экзамены на ученые степени, въ подкульной китайской администраціи, рѣшительно неподкупны; а при ограниченности въ цифрѣ выдаваемыхъ патентовъ для двухъ послѣднихъ степеней, получить ихъ даже для наилучше приготовленныхъ есть дѣло особеннаго счастья. Оттого часто случается что знающій студентъ или кандидатъ съ годовъ своей юности лѣтъ до шестидесяти, нѣсколько разъ возобновляетъ свои экзамены, всегда оставаясь ввѣ списка увѣнчанныхъ. За то благодать услѣвшимъ. Первы

по списку магистръ-эминентъ, тотчасъ послѣ экзаменовъ, является къ богдохану, и потомъ съ торжествомъ, при огромной толпѣ народа, проѣзжаетъ по многолюднымъ лекинскимъ улицамъ.

Конечно, лишь небольшая часть грамотныхъ Китайцевъ удостоивается получить даже степень студента; бѣльшая часть студентовъ не достигаетъ до званія кандидата и т. д. Впрочемъ въ глазахъ Китайца уже большой почетъ быть студентомъ. Вообще въ Китаѣ ученость достается съ большими усиліями, и особенно если до нея добивается человекъ бѣдный. Бываетъ что для экзамена на магистра, происходящаго всегда въ столицѣ, являющіеся изъ отдаленныхъ провинцій доѣзжаютъ туда на однокольныхъ тачкахъ: съдоки тачать одинъ другаго поочередно. За то и награды удостоеннымъ учеными степенями бываютъ очень значительны. Какой-нибудь бѣднякъ пахарь, едва не нищій, получивъ степень магистра, можетъ безъ шаговъ протекціи и безъ рѣка вепотизма разомъ получить званіе областного начальника, съ годовымъ его доходомъ отъ 20 до 60 тысячъ руб. Получившій степень доктора, въ два, три года можетъ стать на прямую дорогу главы министерства.

Однакожь не всѣ ученые занимаютъ служебныя обязанности въ средѣ правительства. Служащихъ ученыхъ мы отчасти соглашаемся съ авторомъ *Очерковъ Современнаго Китая* назвать учеными классиками-бюрократами. О нихъ бы будемъ говорить послѣ. А первыхъ, не служащихъ, будемъ называть просто учеными классиками. Каждая мѣстность въ Китаѣ дорожитъ и возносится цифрой ученыхъ изъ среды своихъ обитателей. Не только ученый, а и семья, родня его пользуются уваженіемъ въ каждомъ селеніи; въ большихъ городахъ каждый кварталъ знаетъ своихъ ученыхъ. Ученый—то празднующійся, то занимающійся гдѣ-либо въ конторѣ, то учитель въ школѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непремѣнно совѣтникъ, наставникъ во всѣхъ заботахъ семейнаго быта между его сосѣдями. Къ его помощи обращается каждый Китаецъ, и онъ волей-неволей есть адвокатъ, медикъ въ своемъ околоткѣ. Онъ же самый довѣренный двигатель, руководитель общественнаго настроенія въ народѣ. По своему вліянію—это аргусъ народа. Общественное мнѣніе Китайцевъ виситъ и держится на ученыхъ, въ ихъ совѣтахъ, дѣйствіяхъ, сочиненіяхъ.

Китайская исторія, съ которою мы любимъ совѣтоваться,

убѣждаетъ насъ что великія событія въ этой странѣ во многомъ были обязаны этому почетному прелетариату. Его могучимъ вліяніемъ на весь государственный строй создавались и разрушались династіи; его голосу внимали лучшіе богдоханы. Известна ожесточенная борьба съ лигой ученыхъ перваго единовластителя Китая, *Цинъ-ши Хуанъ-ди* царствовавшего съ 246 по 208 годъ до Р. Х. Увидѣвъ что боги не равны, этотъ богдоханъ наконецъ рѣшился даже на жестокія мѣры, приказавъ всюду въ Китаѣ сжигать все написанное классиками, заколавъ живыхъ болѣе четырехсотъ ученыхъ; тысячи этихъ пролетаріевъ то казнили, то ссылали въ каторгу для возведенія знаменитой Великой Стѣны. Но тѣмъ не менѣе, какъ восклицаютъ Китайцы, элементъ просвѣтителей народа не только не изчахъ, а даже пересилилъ своего гонителя. Преслѣдующая ихъ династія вскорѣ пала; а новая династія, въ признательность столь упорнымъ руководителямъ народа, стала ихъ покровительницей. Китай своимъ консерватизмомъ обязанъ именно сословію ученыхъ, настойчивыхъ консерваторовъ по преимуществу предъ всѣми остальными сословіями, и самыхъ строгихъ, до крайняго ледантизма, хранителей древнихъ преданій. Вкусъ къ классикамъ вѣдается въ головѣ ученаго Китайца столь крѣпко, что даже обыкновенные разговоры его сопровождаются тирадами древнихъ. Тирады эти, подобно нашимъ текстамъ изъ Священнаго Писанія, конечный, безслорный, всеразрѣшающій отвѣтъ на всѣ сомнѣнія. Какъ прежде, такъ и теперь, каждое событіе въ Китаѣ, каждое распоряженіе его правительства получаетъ благопріятный или неблагопріятный исходъ, успѣхъ или неуспѣхъ, одобреніе или недовольство, послушаніе или ослушаніе въ народѣ, смотря по тому какъ на нихъ взглянуть ученые. Ропотъ, сопротивленіе ученыхъ есть ропотъ, сопротивленіе народа.

Такимъ образомъ мы видимъ что въ Китаѣ сословіе ученыхъ есть дѣйствительный двигатель и руководитель общественнаго настроенія въ народѣ. А изъ довольно близкаго знакомства съ современнымъ бытомъ Китайцевъ мы знаемъ что ихъ ученые какъ отрицали всегда прежде, такъ отрицаютъ и теперь всякое чужеземное новшество, если оно заявляетъ претензію стоять не ниже чего-либо китайскаго. Это же отрицаніе крѣпко впечатлѣно и въ народѣ. Будучи классомъ самостоятельнымъ и многочисленнымъ, китайскіе

ученые, послѣ грома побѣд иноземцевъ, не только ничего не потеряли въ своемъ вліяніи на народъ, но ореолъ ихъ получилъ еще новую силу. Сердечно вѣря своимъ руководителямъ, Китайцы видятъ въ нихъ вѣрныхъ истолкователей причинъ и слѣдствій настоящаго положенія своего, глубоко задѣвающаго народное самолюбіе. Отъ мудрости и могущества своихъ учителей Китайцы ожидаютъ лучшаго будущаго, ожидаютъ освобожденія родной страны отъ иноземцевъ. Ученые съ своей стороны поддерживаютъ эти надежды. Такое броженіе надеждъ и обѣщаній проявляетъ себя тѣми явленіями которыя отъ времени до времени безпокоятъ въ Китаѣ иноземцевъ, то неблагоприятными для нихъ правительственными распоряженіями, то мѣстными противъ нихъ угрозами и даже возмущеніями въ народѣ. Такое возмущеніе особенно сильно выразилось въ Тяньцзинской рѣзнь иноземцевъ, въ памятный день 7го іюня 1870 года. *

Наконецъ, отдѣляя отъ ученыхъ классиковъ совсѣмъ особое сословіе, называемое *Очерками Современнаго Китая* учеными классиками-бюрократами, скажемъ нѣсколько словъ о государственной функціи этихъ китайскихъ чиновниковъ.

Въ Китаѣ нѣтъ дворянства въ томъ смыслѣ какъ мы его понимаемъ, но замѣнъ его есть привилегированный классъ. Онъ состоитъ изъ лицъ находящихся на государственной службѣ. Въ этомъ классѣ очень рѣзко между собой различаются чины гражданскіе отъ военныхъ. Первые по большей части суть избранные изъ ученыхъ; оттого они пользуются передовымъ значеніемъ предъ военными, поступающими на службу по большей части по испытанію ихъ въ очень несложномъ военномъ артикулѣ. По словамъ Китайцевъ, гражданскій чиновникъ есть голова, распорядитель и правитель дѣла, а военный есть хвостъ, исполнитель дѣла; гражданскій чиновникъ кисть (перо), а военный—мечъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ почетныхъ должностей, предоставленныхъ роднѣ богдохана, весь составъ китайскаго правительства снизу до верху состоитъ изъ лицъ взятыхъ изъ народа. Мы уже сказали сколь быстро бѣднякъ-простолудинъ можетъ шагнуть на высокій государственный постъ. Слу-

* Будучи ближайшимъ свидѣтелемъ этого страшнаго зрѣлища, мы описали его въ запискѣ „Тайны Тяньцзинской рѣзни“. Но нѣкоторые обстоятельства заставляютъ насъ медлить ея изданіемъ.

жебное движеніе однакожь тормозится классами чиновъ. Для насъ это должно быть понятно, такъ какъ самое слово *чинъ* есть китайское *чэнъ*, то-есть служащій на государственной службѣ. Но сыновья служащихъ, хоть бы министра, остаются въ народѣ; они простолюдины. Мало того, и самъ служащій, хотя бы и министръ, выйдя въ отставку, тоже вступаетъ въ среду простолюдиновъ. Такимъ образомъ чиновники въ Китаѣ суть временные избранныки, по выраженію Китайцевъ, поставленные богдоханомъ исполнять его высокую волю для блага страны. При этомъ не станемъ останавливаться на замѣчаніи что сильные, богатые и связи имѣющіе, въ Китаѣ, какъ и вездѣ, тоже умѣютъ пригрѣвать своихъ дѣтей къ прочнымъ должностямъ; не станемъ также говорить о возможности, допускаемой законами съ 1840 годовъ, покупать низшія и даже среднія чиновныя званія, а иногда и сопряженную съ ними государственную службу, безъ обязанностей экзаменоваться на ученую степенъ.

Какъ богдоханъ есть отецъ своей Имперіи и покровитель народовъ всей вселенной, такъ и мѣстные правители, до уѣзднаго начальника включительно, въ официальныхъ документахъ называются родителями мѣстныхъ обывателей. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, мѣстнымъ правителямъ, подобно и настоящимъ отцамъ въ китайскихъ семействахъ, жить и барствовать на счетъ своихъ дѣтей. Корыстолюбіе китайскихъ чиновниковъ извѣстно каждому. Порочныя страсти человѣческія, ради корысти не щадящія ближняго, въ Китаѣ столь же тонко изучены и настолько же въ частой практикѣ, какъ и въ остальныхъ странахъ пяти частей свѣта. Однакожь было бы ошибочно утверждать что китайскій чиновникъ непременно взяточникъ. Конечно въ семьѣ не безъ урода, но вѣрно то что наибольшая часть мѣстныхъ правителей не берутъ взятокъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, а удовлетворяются сборомъ такъ-называемаго правительскаго налога. Эти налоги разныхъ наименованій, помимо богдоханскихъ регламентовъ, установились со время незаламятныхъ, вошли въ обычай, такъ-сказать въ законность, оттого никто на нихъ и не жалуется. Эти налоги слагаются изъ грошевыхъ дачъ. Ихъ размѣры и сроки обыкновенно опредѣляются съ большою точностію. Ихъ платятъ только тѣ обыватели которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ или же занимаются торговлей, промыслами. Только тяжebныя дѣла и проступки не освобожда-

ютъ отъ подарковъ сотрудникамъ мѣстныхъ правителей не только состоятельныхъ людей, а даже и празднующихся ученыхъ. При густомъ населеніи въ Китаѣ, правительскіе сборы въ уѣздѣ даютъ иногда до 30 тысячъ рублей въ годъ. Правители областные, окружные и наконецъ губернаторы и генералъ-губернаторы, кромѣ принадлежащихъ собственно имъ сборовъ, получаютъ известную долю въ годовыхъ приношеніяхъ отъ подчиненныхъ имъ правителей и, въ свою очередь, доставляютъ подобныя же приношенія властямъ въ столицѣ, которыя все выше и выше подносятъ ихъ до верхней правительственной ступени, собирающей львиныя доли. Кромѣ правителей, въ городахъ есть еще и другія правительственныя власти, имѣющія сборы и производящія дѣла по своимъ вѣдомствамъ. Такимъ образомъ начальство благоденствуетъ ради благъ народа. Но не столь щедро наделены земными благами подначальные, чиновники безъ штатныхъ должностей, кандидаты на мѣста правителей, иногда всю жизнь свою трудящіеся за скуднѣйшее вознагражденіе, обыкновенно отъ 12 до 24 рублей въ мѣсяцъ, всегда въ чаяніи добиться до раздольнаго начальствованія. Наконецъ низшіе чины приказные, служители, надзорщики, опредѣляемые по найму и безъ особыхъ правъ по службѣ, обыкновенно рѣдко награждаются жалованьемъ, существуя только одними поборами. Это разрядъ настоящихъ взяточниковъ, но должно сказать что поборы ихъ происходятъ въ размѣрахъ очень миніаторныхъ, всегда по опредѣленной таксѣ, иногда до $\frac{1}{4}$ копейки. Несмотря однакожъ на такую скромность, густота населенія доставляетъ крупныя рубли. Всѣ поборы явные, не узаконенныя обычаями, въ Китаѣ опасны: они возбуждаютъ ропотъ въ народѣ, который, благодаря прокурорамъ, быстро доходитъ до богдохана.

Китайскіе чиновники обыкновенно усердные и точные исполнители своихъ обязанностей. Они знаютъ что за ними наблюдаютъ и снизу и сверху. Сверху за ними наблюдаютъ прокуроры; это аргусы богдохана, его очи и уши, блюстители законовъ. Находясь при каждомъ вѣдомствѣ, будучи вполне независимыми отъ административныхъ тузовъ, свои наблюденія они лично представляютъ богдохану въ докладахъ. Снизу, за каждымъ шагомъ чиновника наблюдаютъ ученые, — аргусы народа. Такимъ образомъ снизу и сверху они должны безостановочно угождать общественному и правитель-

ственному настроеніямъ, опасаясь осужденія съ той и другой стороны.

А что такое народность въ Китаѣ?

Ученіе Кунъ-фуцзы со всеми его послѣдователями и весь рядъ длинныхъ лѣтописей Китая могутъ убѣдить каждаго знакомаго съ ними что, по понятіямъ Китайцевъ, народность есть корень, единственный прочный фундаментъ всего государственнаго строя. Въ понятіяхъ Китайца народъ есть все въ государствѣ; самостоятельность народа есть та сила которая связываетъ страну въ одно прочное цѣлое. Внѣшнее выраженіе этой силы вмѣщено въ его правительствѣ. И, по убѣжденіямъ Китайцевъ, только одинъ богдоханъ, стоящій внѣ и выше народа и правительства, державно хранитъ въ своихъ рукахъ рычагъ этой силы, заботясь единственно только о счастіи народа; а спокойствіе народа есть первая буква его счастія.

Но въ народѣ есть два элемента, между собой недѣлимые. Первый изображаетъ всю массу народа, а второй, украшающій массу, есть сословіе ученыхъ. Ученые суть высшая интеллигенція, передовая сила народа, главная пружина его самостоятельности. Выраженіе: *го и минъ вэй бонъ*, то-есть народъ есть основа государства, повторяется и поминѣ во всѣхъ китайскихъ государственныхъ актахъ. Въ обнародываемыхъ богдоханомъ указахъ часто высказывается что государство есть тѣсно связанное взаимными интересами семейство. Богдоханъ отецъ семейства; народъ его равноправныя дѣти. Но, рассуждаютъ Китайцы, между богдоханскими дѣтьми есть старшія, сословіе ученыхъ, и младшія, составляющія совокупность остальнаго народа. Обаяніе къ ученымъ въ Китаѣхъ столь вѣско что въ богдоханскихъ прокламаціяхъ прямо къ народу, очень частыхъ въ Китаѣ, весьма обыкновенна фраза *шанъ минъ*, то-есть почетные (ученые) и народъ. Китайское правительство лучше и ближе всего знаетъ силу такого ареолага ученыхъ въ царствѣ богдохана. Оттого-то, при постоянныхъ заботахъ своихъ не разойтись съ народомъ, не выступать съ государственнаго фундамента, всѣ предначертанія, рѣшенія и распоряженія китайскаго правительства прежде всего строго взвѣшиваются на вѣсахъ общественнаго настроенія. Боясь отчужденія народа, правительство ежедневно бесѣдуетъ съ нимъ чрезъ посредство своего органа, *Столичнаго Вѣстника*, у котораго читателей милліоны. Редакція *Столичнаго Вѣст-*

ника дирижируется съ замѣчательнымъ тактомъ, печатая только тѣ правительственные распоряженія, акты, указы и оклады которые главнѣйшимъ образомъ регулируютъ отношенія богдохана къ народу, нисколько не обнаруживая внутренней, конфиденціальной дѣятельности правительства. Этотъ официальный дневникъ есть, такъ-сказать, непрерывно публикуемая коллекція документовъ, писемъ отца къ дѣтямъ, проводящихъ всегда одну и ту же формулу: дѣйствія богдохана и народа, главы и тѣла государства, вполне безупречны, во всемъ ловимыя руки и ноги государства, его правительство снизу до верха. Резюмируя указами то одобреніе, то осужденіе тому или другому правительственному лицу, отдѣльному вѣдомству или министерству, въ исполненіи богдоханскихъ предначертаній, сообщая о благопріятности или горестномъ положеніи и о состояніи финансовъ въ той или другой мѣстности Имперіи, иногда для убѣжденія народа въ богдоханскихъ заботахъ о немъ, въ *Столичномъ Вѣстникѣ* появляются указы въ которыхъ выставляется на показъ вся гнусность служащихъ въ правительствѣ, дерзающихъ отягощать народъ несправедливостію суда и лоборами, строго налoминая уголовными угрозами что чиновники должны довольствоваться только своими окладами жалованья. Понятно что такія строки противъ корысти, щекотя народное самолюбіе, остаются мертвыми буквами. Бываетъ также что, словами прокуроровъ, *Столичный Вѣстникъ* печатаетъ столь драго содержанія доклады о нуждахъ и о положеніи Имперіи и о злоупотребленіяхъ въ правительствѣ что въ печати Европы не найти ничего подобнаго.

Китайскимъ чиновникамъ приходится очень изловчаться. Между ними только тѣ дѣятели почитаются за лучшихъ которые въ рѣшеніяхъ своихъ служебныхъ задачъ умѣютъ выдерживать свой авторитетъ настолько что въ глазахъ народа остаются родителями его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ бравадахъ своихъ не оставляютъ пружины строгости по исполненію предписаній свыше.

Впрочемъ практика въ рѣшеніи служебныхъ задачъ доведена въ Китаѣ до совершенства; безъ особаго множества входящихъ и исходящихъ бумагъ, которыми столь щедро завалываются пространные архивы въ Европѣ. Однакожъ, задача задачъ рознь. Сколь легко сосчитать даже по пальцамъ распоряженія о дѣлахъ всеневныхъ, такъ-сказать

домашнихъ, для которыхъ не требуется ни отягощать мозгъ, ни рыться въ справкахъ, столь же трудно, напротивъ, справляться съ задачами новыми, не своими, для рѣшенія которыхъ иногда даже классическія тирады не помогутъ. Такими задачами, самыми головоломными и опасными, между современными китайскими чиновниками считаются дѣла по сношеніямъ съ иноземцами. Благодаря дурнымъ рѣшеніямъ ихъ, во всей фалангѣ китайскихъ администраторовъ уже не мало лицъ лишилось своихъ должностей, сослано въ ссылку, потеряло заслуженныя имена; кромѣ позора въ народѣ, не мало между ними оставили свои головы на плахѣ. Такимъ образомъ уже многіе дѣятели внѣшней силы народа оказались недостойными своего призванія, безсиальными ея органами, теряя предъ иноземцами почву китайской самостоятельности, сдаваясь иноземцамъ своими подписями подъ трактатами, своей вынужденной исполнительностію требованій иноземцевъ.

И дѣйствительно, не легко китайскому чиновнику справиться съ дѣлами иноземцевъ, когда сверху виситъ Дамокловъ мечъ во образѣ святости исполненія трактатовъ, и рядомъ съ мечомъ лежитъ инструкція, слишкомъ общими словами выражающая приказаніе богдохана: ради блага народа умѣючи обходить смыслъ тѣхъ же трактатовъ. А снизу, при зоркости ученой братіи, вылѣзаютъ наружу всѣ невзгоды для народа отъ дѣйствій по законнымъ требованіямъ иноземныхъ гостей; да еще снизу же, при зоркости самихъ иноземцевъ, являются другія опасенія, навлечь на свою шею непріязнь съ ихъ стороны. Неизвѣстно какъ распорядиться чтобъ угодить и трактату и своей инструкціи. И неизвѣстно какъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ усложнить и усладить свой народъ и иноземцевъ.

По правдѣ сказать, нельзя не отдать справедливости Китаичамъ въ томъ что благодаря ихъ короткому знакомству съ практической школой жизни, они разрѣшаютъ подобныя задачи, хотя не легко, но хитро. У нихъ по большей части онѣ рѣшаются такъ что и волки сыты и овцы цѣлы. При этомъ, кромѣ врожденной Китаичамъ дипломатической ловкости, ихъ значительно выручаютъ два обстоятельства. Во первыхъ то что на должности сношеній съ иноземцами китайское правительство назначаетъ лицъ продолжительно испытанныхъ въ изворотливостяхъ съ ними и награждаетъ ихъ чуть не сотней тысячъ рублей годового со-

держанія. * И ввторыхъ, въ противоположность КитаЙцамъ, на должности агентовъ въ Китаѣ, иноземныя страны частенько присылаютъ изъ забракованнаго дома балласта. У КитаЙцевъ волки сыты, когда ихъ агенты не престолая прямаго смысла трактатовъ, тѣмъ не менѣе умѣютъ ловко вылить собственнымъ офиціальнымъ положеніемъ. Оттого, когда попадется въ офиціальныя сношенія съ КитаЙцами иноземный агентъ не опытный, мало знающій языкъ, обычаи и канцелярскія обрядности ихъ, каковыхъ въ Китаѣ легионъ, то дѣло вполнѣ правое по трактатамъ и иногда значительной важности, очень резонно кладется въ долгій ящикъ. А благодаря подобнымъ остановкамъ и овцы цѣлы, то-есть цѣлы интересы КитаЙцевъ. Но этого еще недостаточно для чиновнаго КитаЙца. Ему еще надобно безопасно сидѣть на своей должности, да еще и оставаться родителемъ народа. Для этихъ цѣлей въ благопріятный часъ, изподтиска, онъ тѣшитъ свою лублику прокламаціями. Сказать о какомъ бы то ни было общемъ распоряженіи по должности, тутъ же, кстату или не кстату, вклеить замысловатую тираду изъ классиковъ, иносказательно или явно осмѣивая, осуждая, проклиная иноземцевъ съ ихъ трактатами. КитаЙцы, благодаря своимъ ученымъ руководителямъ, поймутъ и на тысячи ладовъ обсудятъ смыслъ тирады; а большинство иноземцевъ, между которыми во всемъ Китаѣ не найдется десятка читающихъ китайскихъ классиковъ, хотя и прочтутъ ту же прокламацію, но ея смысла не съхватятъ.

Вотъ въ какомъ искусственномъ, ложномъ положеніи врачаются государственные служители въ Китаѣ. Но понятно что такое положеніе испытываютъ не всѣ чиновники безъ исключенія, а единственно только тѣ немногіе которые обязаны быть въ сношеніяхъ съ иноземцами. И за то ореолъ этихъ отдѣльныхъ личностей дѣйствительно затускнѣлъ. Будучи дѣятелями по исполненію обязательствъ въ ненавистныхъ трактатахъ, въ глазахъ народа они уже недостойные

* Во всѣхъ открытыхъ портахъ въ Китаѣ, иноземцы спосаются офиціально только съ китайскими управляющими вѣшними дѣлами. Но ни же чиновники живютъ съ тѣмъ управляютъ всеми таможами въ портѣ, гдѣ и остаются въ ихъ собственность лошаинные остатки. Въ Тяньцзинѣ эти остатки простираются въ годъ до 100.000 р.; въ Шангаѣ должно-быть втрое болѣе и т. д.

его родители. Эти же дѣятели не лобы и иноземцамъ, считающимъ ихъ классиками-бюрократами, негодяями, за то собственно что официальные дѣла вяжутся съ ними слишкомъ туго; что они слишкомъ назойливы при истолкованіи смысла каждой строки трактатовъ; что они необщительны съ иноземцами, обыкновенно принимая ихъ не у себя въ домѣ, а въ помѣщеніи канцеляріи.

Въ заключеніе скажемъ что взаимная и тѣсная связь трехъ началъ государственнаго строя въ Китаѣ: богдохана, народа и правительства, выражаетъ собой невидимую силу присущую этой странѣ, которая хранитъ ее вотъ уже сороковой вѣкъ. Эта невидимая сила покоится на могущественной инициативѣ богдохана. Опираясь на народъ и слушая его голосъ, его инициатива можетъ обновить и приарядить Имперію. Эта же невидимая сила олицетворяется въ нравственной инерціи народа, словно въ камень всосаннаго. Она влечетъ его стоять или двигаться только по взаимному соглашенію съ волей возсѣдающаго на камнѣ. Посредникъ въ такомъ соглашеніи есть правительство. Такой связью всѣ три начала китайской жизни туго между собой перелутаны и стянуты въ Гордіевъ узелъ.

Античную аллегорію о Гордіевомъ узлѣ мы понимаемъ въ томъ смыслѣ что она выражала собой крѣпчайшую связь всѣхъ началъ государственнаго строя у древнихъ народовъ въ западной Азіи. Этой связью сохранялась ихъ національная самостоятельность, остававшаяся непобѣдимой ни предъ какими внѣшними вліяніями враговъ и обстоятельствъ. Ихъ государственная жизненность родила знаменитый Вавилонъ и весь фундаментъ нашей цивилизаціи. Только одинъ мечъ великаго завоевателя, Александра Македонскаго, назадъ тому двадцать вѣковъ, могъ разсѣчь, распутать этотъ узелъ; только такимъ путемъ порванная связь уже стала немощна удерживать отъ разрушенія царства и народы, о которыхъ исторія уже почти забыла.

Но въ восточной Азіи, можемъ сказать мы, Гордіевъ узелъ по сію пору остается не тронутымъ. Чтобы распутать, разсѣчь его, нуженъ не менѣе какъ второй Александръ, второй великій завоеватель царствъ и народовъ. Но его острый мечъ будетъ скованъ не изъ мшурнаго матеріала, каковымъ мы должны признать современное вліяніе иноземцевъ въ Китаѣ.

II. Религіозныя вѣрованія Китайцевъ.

Чтобы дать отчетъ насколько точенъ авторъ *Очерковъ Современнаго Китая* въ его воззрѣніяхъ о значительности вліянія на Китайцевъ христіанской пропаганды, сперва мы скажемъ какую религію исповѣдуютъ Китайцы.

У Китайцевъ есть своя религія, не имѣющая ничего общаго со всѣми извѣстными намъ религіями. Нося на себѣ тиль древѣйшаго происхожденія, безъ сомнѣнія она есть дщерь, остатокъ вѣрованій доисторическихъ народовъ. Она создалась изъ первобытнаго, естественнаго влеченія каждаго живаго существа обожать давшее ему жизнь. Такое обожаемое существо есть природа, въ которой на первомъ планѣ стоятъ виновники дней человѣка, то-есть его предки, и прежде всего его родители, а впереди всѣхъ его отецъ. Наболѣе всего Китаецъ боготворитъ, поклоняется памяти, праху своего отца. Вблизи отца Китаецъ боготворитъ память своей матери, своихъ дѣдовъ, прадѣдовъ, всѣхъ старшихъ въ родѣ. Всѣ эти лица, при жизни своей, были виновниками и пособниками въ существованіи отца его; отъ того имъ же и самъ ояъ одолженъ своею жизнью. Такъ какъ чествованіе памяти отца, матери и предковъ, по существу, принадлежитъ тѣсному кругу въ своемъ родѣ, въ своей семьѣ, безъ прямого отношенія къ остальному обществу, то эта религія, подобно тому какъ и всѣ бытовые стороны въ Китаѣ, что по всей вѣроятности было и вездѣ въ древнемъ мѣрѣ, представляетъ собою культъ не общественный, а замкнутый въ своемъ доми. Отъ того общественныхъ храмовъ эта религія не имѣла и не можетъ имѣть. Ея храмъ есть жилище поклоняющагося. Престоломъ служитъ столъ поставленный на лучшемъ мѣстѣ въ его лучшей комнатѣ. На престолѣ поставлена черная деревянная планка, на которой изображенъ вырѣзанный и окрашенный карминомъ іероглифъ имени чествуемаго отца. Это изображеніе лучшимъ другомъ чествуемаго освящается: ояъ предъ іероглифомъ ставитъ своею рукой точку. Предъ престоломъ единственнымъ служителемъ можетъ быть только старшій въ семействѣ. Ояъ, такъ-сказать, наслѣдственный патриархъ его. Ежедневное служеніе состоитъ въ поднесеніяхъ на престолъ предъ планкой яствъ, съ поклонами въ землю и испрашиваніемъ благословенія на трапезу. А въ другіе извѣстные дни года, и всего торжественнѣе предъ

наступленіемъ новаго года, при поклоненіяхъ служителя остальные члены семейства, стоя позади, преклоняются въ землю вслѣдъ за поклонами родоначальника. Кромѣ сказаннаго святилища, для Китайца есть еще другое, родовое кладбище, куда въ извѣстные дни года является все семейство почтить ламяь родителей и всѣхъ предковъ своихъ. Наконецъ нераздѣлимая съ вѣрованіемъ Китайца существенная его принадлежность есть школа. На школу Китайцы смотрятъ какъ на питомникъ, на садъ, въ которомъ воздѣлываются растенія, будущіе граждане страны. На школьнаго учителя они смотрятъ какъ на просвѣтителя дѣтей въ области древняго ученія, въ которомъ сосредоточены всѣ древнія преданія о вѣрѣ, о дѣяніяхъ предковъ. Ихъ древнія классическія творенія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и каноны ихъ; онѣ заключаютъ въ себѣ ученіе о нравственномъ идеалѣ человѣка и правила для всѣхъ житейскихъ обязанностей. Подобно тому какъ каждый Китаецъ смотритъ на свое фамильное кладбище какъ на вторую святыню, онъ смотритъ высоко и на школу. Украшающаяся въ своемъ лучшемъ залѣ рисованнымъ изображеніемъ Кунъ-фуцзы и еще нѣкоторыхъ ближайшихъ его послѣдователей, школа въ глазахъ Китайца есть необходимое духовное звено для сохраненія изъ рода въ родъ древняго характера въ его бытѣ. О томъ насколько Китаецъ ставитъ высоко школьное образованіе, можно судить изъ того что согласно съ тирадой древнихъ твореній, своего учителя онъ признаетъ за втораго отца. По словамъ Китайцевъ, *фу, му, ши*, то-есть отецъ, мать и учитель, суть три драгоценности въ жизни человѣка.

Кромѣ своихъ предковъ, Китаецъ боготворитъ тѣ созданія которыя едва прозрѣвшаго первобытнаго человѣка прежде всего поразили своею чудесностію. Эти созданія: небо и земля, солнце и луна. Для нихъ есть свои храмы. Однакожь при верховенствѣ богдохана, сына неба и отца поднебснаго, онъ есть единственный патріархъ во вселенной, отъ того служеніе въ тѣхъ храмахъ принадлежитъ ему одному или иногда, по благословенію его, его ближайшему родственнику. А доступъ въ храмы всѣмъ остальнымъ поклонникамъ закрытъ безусловно.

Праздниковъ въ китайскомъ культѣ нѣтъ, за исключеніемъ первыхъ дней новаго года, почитающихся днями обновленія человѣка.

Изъ совокупности всего что мы знаемъ о китайскихъ вѣ-

рованіяхъ, должно заключить что они не могутъ не имѣть вліянія на нравственный складъ Китайцевъ. Прежде всего они требуютъ отъ людей моральнаго совершенствованія, что и составляетъ основу всего ученія Кунъ-фуцзы. Китаецъ всего выше ставитъ качества любви и преданности сына къ отцу, подданнаго къ богдохану. Китайская исторія и китайская литература, въ драмахъ и въ трагедіяхъ, представляютъ безчисленные примѣры возвышенныхъ чертъ сыновняго самопожертвованія. Въ общественныхъ обрядахъ ихъ, особенно при похоронахъ родителей, этотъ же характеръ виденъ въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ, часто доходящихъ до гадѣства.

Въ теченіе вѣковъ къ чистотѣ этой религіи суевѣріе прибавило много новаго, на примѣръ почитаніе памяти отцовъ народа, то-есть людей славныхъ въ исторіи своими дѣяніями и впереди всѣхъ Кунъ-фуцзы, а также обоготвореніе стихій природы, звѣздъ, вѣтра и т. л. Но философы, вѣрные ученію древнихъ, всегда отвергали такую ересь. Достоинно замѣчанія что Китайцамъ чуждо пластическое изображеніе обоготворенныхъ ими предметовъ; у нихъ нѣтъ никакихъ атрибутовъ идолопоклонства, несмотря даже на заманчивые тому примѣры у буддистовъ и у даоссовъ.

Благодаря своей замкнутости, китайская религія никогда не играла роли въ политической жизни страны. По крайней мѣрѣ въ ея исторіи мы не видимъ рѣзкихъ примѣровъ фавитизма, преслѣдованій, сектаторства и т. л. Вслѣдствіе своей религіи, не имѣющей никакого отношенія ко всѣмъ остальнымъ, и еще тому, вѣроятно, что исповѣдующіе ее хранятъ ея заповѣди въ самой тѣсной сферѣ своего рода, Китай есть страна по вѣротерпимости, доходящей до индифферентизма, занимающая самое видное мѣсто. Исторія свидѣтельствуетъ намъ что всѣ извѣстныя религіи были терпимы въ Китаѣ.

Извѣстно что буддизмъ былъ занесенъ въ Китай и сталъ распространять свою пропаганду со 2го столѣтія по Р. Х. Далеко ранѣе буддизма, даже, какъ мы имѣемъ основанія предполагать, въ одни дни съ первоначальнымъ внесеніемъ въ Китай гражданственности, около 20 вѣковъ до Р. Х., туда стали являться, вѣроятно изъ западной Азіи, просвѣтители, волхвы, маги, извѣстные подъ собирательнымъ именемъ учителей закона (*дао ши*), которымъ, какъ мы полагаемъ, древніе Китайцы много обязаны въ своей цивилизаціи. Эти учителя закона, часто имѣвшіе печальное вліяніе на властители

лей Китая, которыхъ олаивали шарлатанскими зельями, польменемъ нектара безсмертія, влослѣдствіи времени, забывъ свое призваніе и въ солерничествѣ съ буддистами, владѣли въ идолопоклонство. У нихъ выработалось свое религіозное ученіе, будто бы данное имъ ихъ великимъ учителямъ, тысячулѣтія странствовавшимъ по вселенной и явившимся въ Китай съ запада. Этотъ великій учитель былъ обоготворенъ въ лицѣ китайскаго философа Лао-цзы, современника и недруга Кунъ-фуцзы. Ученіе это, отчасти сохранившееся въ книгахъ, большею частію забыто, уступивъ мѣсто однимъ обрядностямъ во многомъ сходнымъ съ буддаискими.*

Магометанство первоначально было внесено въ Китай въ половинѣ XI столѣтія.**

Христіанская религія извѣстна въ Китаѣ съ начала VII вѣка. Этотъ фактъ имѣетъ безспорное историческое свидѣтельство въ сохранившемся по сію пору памятникѣ.***

Иудейство внесено въ Китай около XIV столѣтія.****

Шаманство принадлежитъ къ культу Манчжуровъ. Но будучи по вѣрѣ предковъ шаманомъ, богдоханъ есть патріархъ китайскаго культа; онъ посвящаетъ также кумирни буддаискія и даоссія и мечети. Извѣстно что въ прошломъ столѣтіи, богдоханъ Каньси входилъ въ католическій храмъ въ Пекинѣ, не снимая впрочемъ шляпы. Въ понятіяхъ Китайцевъ, при локровительствѣ всѣмъ народамъ богдоханъ есть и естественный патріархъ всѣхъ религій.

Шаманство никогда не имѣло пропаганды въ Китаѣ. Богдоханы Манчжурскаго рода вмѣстѣ съ народомъ всегда стояли за господство въ Китаѣ государственной религіи, завѣщанной Кунъ-фуцзы. Иудейство всегда было слишкомъ ничтожно въ Китаѣ чтобы поднять свой голосъ. Мусульманство не было дѣятельно въ пропагандѣ. За то даоссизмъ и буддизмъ, во многія эпохи китайской исторіи локровительствуемые богдоханами, играли болѣе или менѣе замѣтныя

* См. замѣчательное сочиненіе о религіяхъ Востока: кунъ-фуціанство, буддизмъ и даоссизмъ, В. Васильева, 1873 года.

** См. *О магометанахъ въ Китаѣ*, архимандрита Палладія, въ *Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ*, томъ IV, 1866 года.

*** См. *Старинныя слѣды христіанства въ Китаѣ*, архимандрита Палладія, въ *Восточномъ Сборникѣ*, томъ I, выпускъ 1й, 1872 года.

**** См. тамъ же, стр. 59.

роиз, всегда между собой соперничая. Памятники их славнаго прошедшаго по сію пору сохранились въ замѣчательныхъ по своей архитектурѣ кумирняхъ, разбросанныхъ по всему Китаю, по большей части въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ.

Возвращеніе въ Китайъ христіанской религіи несторіанами не было долговѣчно. Въ XIV столѣтіи исчезли его послѣдніе слѣды, несмотря на довольно упорную пропаянду. Но благодаря іезуитамъ, вошедшимъ въ Китайъ съ 1581 года съ Матвѣемъ Риччи, по дорогѣ указанной имъ другимъ Игнатіа Лойолой, знаменитымъ Францискомъ Ксаверіемъ (1552 года), и благодаря также нашему правительству, положившему основаніе православной духовной миссіи въ Пекинѣ въ 1716 году, христіанская религія была вновь гостепріимно принята въ этой странѣ.

Впрочемъ необходимо указать на различіе въ судьбѣ возвращенія въ Китайъ православія и католичества. Православная духовная миссія, имѣющая свою исторію, * всегда заботилась собственно только о своей паствѣ, о потомкахъ нашихъ соотечественниковъ изъ Албазина, случайно поселенныхъ въ Пекинѣ съ 1685 года. Ея пастыри, пользуясь уроками заимствованными ими изъ исторіи Китая, никогда не вели настойчивой пропаянды, зная что усилія напрасны, что она не привлечетъ къ нашей церкви достойныхъ сыновъ.

Въ противоположность нашей миссіи, католическіе миссіонеры упорно занимались пропаяндою. Ради своихъ цѣлей она воспользовалась возможностью приблизиться къ богдоханскому двору, увлекши правительство своими услугами до части астрономіи. ** Въ началѣ XVIII столѣтія въ спискахъ ихъ Римской коллегіи уже были тысячи именъ неофитовъ-Китайцевъ. Тогда же ежегодная цифра неофитовъ увеличивалась отъ одной до полуторы тысячи. Въ 1703 году только въ одной провинціи Изынь-нань насчитывалась сотня церквей и часовень, съ сотней тысячъ католиковъ. ***

* См. *Сибирскій Вѣстникъ*, Спасскаго. Тоже нашу статью *Албазинцы въ Пекинѣ въ Художественномъ Листкѣ* Тумма, 1859 года, № 28.

** См. мою статью *Судьба астрономіи въ Китайѣ*, въ *Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія*, май, 1874 года.

*** С. *Lettres edificantes et curieuses, la Chine*. Тоже *Histoire du Christianisme en Chine*, par abbé Нис. Тоже *Chinese Recorder*. May, 1870.

Ревность иезуитовъ, усиливавшихся вытѣснить изъ Китая непрошенныхъ сотрудниковъ въ доминиканцахъ, августинцахъ и францисканцахъ, вовлекла ихъ въ правительственныя интриги и привела было къ плачевному концу. Съ 1724 года начались гоненія противъ католицизма, вслѣдствіе которыхъ католическіе патеры были изгнаны изъ страны. Въ глазахъ китайскаго правительства католическое ученіе получило значеніе опасной политической секты, и иезуиты были причиной что въ странѣ индифферентизма ко всякой вѣрѣ было поднято преслѣдованіе на окатоличенныхъ Китайцевъ. Правительство и народъ смотрѣли на нихъ какъ на шайки заговорщиковъ противъ государственнаго строя въ Китаѣ. Но иезуиты не бросили начатаго дѣла. Укравкой, тайно они стали пробираться въ отдаленные углы Китая, особенно въ юго-западный его конецъ, въ Сычуанскую провинцію. По словамъ патеровъ, въ этой провинціи въ теченіе девяти лѣтъ, по 1801 годъ, изъ 25.000 стало 40.000 католиковъ. * Потомъ пропаганда проникла въ западную провинцію Шаньси и даже въ Чжилійскую провинцію, по сѣверной ея границѣ съ Монголіей. Благодаря подкупности мѣстныхъ властей, при своемъ надзорѣ не видѣвшихъ въ иноземцахъ ничего опаснаго для края, иезуиты продолжали пропаганду, съ разрѣшенія лалы учредили въ Китаѣ епархію съ епископами, рассылавшія по всему Китаю рукоположенныхъ во священство Китайцевъ. Въ Пекинѣ, въ 1850 годахъ, мы знали нѣсколькихъ туземныхъ священниковъ: не отличаясь по наружному виду отъ остальныхъ Китайцевъ, а потому и не имѣя повода скрываться отъ нихъ, свое богослуженіе они совершали однакожь секретно въ своемъ кругу, въ уединенныхъ помѣщеніяхъ жилищныхъ Китайцевъ-католиковъ. Замѣчательно что до 1860 годовъ въ Пекинѣ между такими жилищными было значительное число продавцовъ нюхательнаго табака, пирожниковъ сладкаго тѣста и часовыхъ мастеровъ. Эти промыслы были внесены въ Пекинъ въ прошломъ столѣтіи иезуитами, и въ ихъ цехи принимались по преимуществу только католики. Иногда, впрочемъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, по указаніямъ епископовъ сами миссіонеры обѣзжали епархію. Но несмотря на свое китайское одѣяніе, большая ихъ часть обыкновенно попадалась въ руки полиціи: ихъ отсылали въ Макао.

* См. *Chinese Recorder*, May, 1870.

Шаткое положеніе католической миссіи въ Китаѣ дождалось наконецъ свѣтлыхъ дней, когда, въ 1860 году, благодаря подписаннымъ трактатамъ, христіанская пропаганда должна была освободиться въ Китаѣ отъ всѣхъ преслѣдованій и запрещеній. Сказанный годъ положилъ начало новой эпохи для дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Безгранично пользуясь покровительствомъ французскаго посольства въ Пекинѣ и своихъ консульствъ въ китайскихъ портахъ, католическіе епископы подыма въ провинціяхъ свой голосъ почти вровень съ мѣстными генераль-губернаторами. Предъявивъ и отстаивъ свои права на многіе участки земель, принадлежавшіе въ прошломъ столѣтіи католическимъ часовнямъ и школамъ, давнымъ давно занятые подъ уѣздныя экзаменаторскія камеры; даже безъ всякаго права завладѣвъ очень крупными участками земель въ портахъ; обогатившись приношеніями изъ Европы, католическая миссія настроила, строить и по нынѣ, какъ въ портахъ, такъ и внутри Китая, даже въ Монголіи, большіе соборы, монастыри съ семинаріями, часовни, госпитали, школы, школы и зданія для частнаго найма и подъ промышленныя заведенія. Она наполняетъ свои учрежденія миссіонерами и сестрами милосердія, являющимися на берега Китая почти съ каждымъ приходомъ пароходовъ *Messagerie Impériale*. Она креститъ каждаго Китайца заявившаго влеченіе къ лону католической церкви.

По свѣдѣніямъ недавно сообщеннымъ католическою миссіей въ Пекинѣ одному изъ протестанскихъ миссіонеровъ, * въ 1724 году въ ея спискахъ было всего до 300 тысячъ Китайцевъ-католиковъ. Но потомъ, съ изгнаніемъ католическихъ миссіонеровъ и при преслѣдованіяхъ католицизма въ Китаѣ, число католиковъ тамъ сокращалось значительно до настоящаго столѣтія, когда были учреждены епископства. Благодаря епископствамъ, съ 1810 года въ текущее пятидесятилѣтіе цифра католиковъ стала опять возрастать. Весь составъ католической миссіи былъ слѣдующій:

Года.	Епископовъ.	Ихъ помощниковъ.	Миссіонеровъ.	Туземныхъ священниковъ.	Китайцевъ-католиковъ.
1810	6	2	23	80	215.000
1839	8	—	57	114	303.000
1863	10	4	114	—(?)	320.000
1846	12	8	80(?)	90(?)	330.000(?)
1866	20	12	233	237	363.580

* См. *Chinese Recorder*, May, 1870.

Всего въ 1866 году, считая вмѣстѣ съ Японіей, Кохинхиной и Тонкиномъ, католическая миссія заключала въ себѣ 34 епископа, 18 ихъ помощниковъ, 348 миссіонеровъ, 453 туземныхъ священниковъ и 836.747 католиковъ.

Но мы имѣемъ основанія сказать что всѣ приведенныя цифры, за исключеніемъ количества епископовъ, вообще очень преувеличены.

По свѣдѣніямъ недавно намъ сообщеннымъ однимъ изъ французскихъ консуловъ въ Китаѣ, въ 1873 году уже считалось только въ одной Китайской имперіи до 500 тысячъ католиковъ. Но знающіе близко Китаѣ соглашаются что эта цифра по крайней мѣрѣ удвоена противъ дѣйствительной.

На ряду съ католичествомъ, въ Китаѣ пролагандируютъ и протестантскіе миссіонеры, преимущественно Англичане и Американцы. Пропаганда германскихъ миссіонеровъ ограничивается Кантонскою провинціей и весьма слаба. Англичане и Американцы, не встрѣчая особаго покровительства въ своихъ посольствахъ и консульствахъ, по характеру своей пропаганды значительно отличаются отъ католическихъ миссіонеровъ. Принадлежа большей частію къ сектамъ индепендентовъ и методистовъ, они не имѣютъ епископовъ и туземныхъ священниковъ и ограничиваются одними туземными катехизаторами. Съ мѣстными властями они рѣдко входятъ въ столкновеніе; живутъ со своими семействами въ открытыхъ портахъ или по близости къ нимъ, учреждая часовни для проповѣдей, школы и госпитали. У нихъ нѣтъ ни семинарій, ни пріютовъ. Они крестятъ Китайца не прежде какъ когда уже нѣсколько подготовятъ его въ правилахъ вѣры, для чего сами и жены ихъ обучаютъ новообращенныхъ. Для распространенія протестантства внутри Китайской Имперіи, не имѣя тамъ своихъ миссій, они часто обѣзжаютъ ея провинціи тысячами распродавая экземпляры своихъ переводовъ священныхъ книгъ по цѣнѣ самой ничтожной.

О составѣ протестантскихъ миссій и о цифрѣ китайскихъ протестантовъ, мы можемъ предложить слѣдующія свѣдѣнія относящіяся къ 31му марта 1869 года, и отличающіяся нѣкоторой точностію. *

* См. *Chinese Recorder*, August 1869.

Между католическими и протестантскими миссіонерами издавна идетъ глухая вражда. Католическіе патеры, всегда въ китайскихъ костюмахъ, и протестантскіе патеры, всегда джентльмены въ бѣлыхъ батистовыхъ галстукахъ, между собой не имѣютъ никакого общенія. Какъ на преимущество предъ протестантами, католическіе миссіонеры указываютъ на то что они, въ своей пропагандѣ, несутъ тяжелый крестъ въ тѣхъ лишеніяхъ какія на каждомъ шагѣ испытываютъ, живя по большей части въ уединеніи, въ глуши, въ труппахъ провинцій Китая, безотлучно раздѣляя съ Китайцами всю ихъ скудость въ помѣщеніи и въ лицѣ, отдавая свои труды проповѣди, школѣ и помощи бѣднымъ больнымъ. За то, говорятъ они, мы стоимъ впереди всѣхъ въ нравственномъ вліяніи на Китайцевъ; изучили мѣстное нарѣчіе, знаемъ мѣстные интересы и вникаемъ въ политическій и въ общественный строй Китайцевъ, пользуясь всѣмъ чтобы воспитывать окрещенныхъ въ правилахъ католическихъ.

Протестантскіе миссіонеры отвѣчаютъ что вліяніе католическихъ патеровъ на Китайцевъ скорѣе мірское чѣмъ духовное, и выражается собственно тѣмъ что окатоличенные Китайцы смотрятъ на своихъ патеровъ какъ на олекуновъ ихъ интересовъ, полагаясь на ихъ могущественную руку и на ихъ доходы. Изучаютъ ли католическіе патеры мѣстный языкъ, строй и интересы Китайцевъ, этого никто не знаетъ; они слишкомъ прячутся отъ гласности въ литературѣ. Ихъ госпитали обязаны своимъ существованіемъ только ихъ деньгамъ, причемъ всѣ заботы возлагаются на туземныхъ медиковъ. Уже два столѣтія пропагандируютъ они въ странѣ, но по сію пору нѣтъ точныхъ китайскихъ переводовъ Священнаго Писанія. Не то мы видимъ, говорятъ протестанты, въ нашей пропагандѣ. Для нея уже въ 1807 году Маррисонъ перевелъ Евангелія; * а нынѣ уже есть переводы священныхъ книгъ на нѣсколькихъ китайскихъ нарѣчіяхъ, съ поясненіями, съ назидательными примѣрами, съ иллюстраціями. Вообще, знаютъ и Китайцы что протестантскіе миссіонеры образованнѣе католическихъ. Въ житейскихъ лишеніяхъ католическихъ патеровъ мы сомнѣ-

* Впрочемъ этотъ первый ангайскій переводъ былъ во многихъ отношеніяхъ неудачный.

ваемся, а одѣваясь и кушая по-китайски, этимъ самымъ конечно они доставляютъ себѣ же удобства, живя внѣ портовъ. Было бы непростительно упрекать насъ за нашу семейную жизнь, за нашъ комфортъ: мы люди и живемъ между людьми. Не должно тоже забывать что и жены наши принимаютъ дѣятельное участіе въ пролагандѣ. Онѣ находятся въ постоянномъ общеніи съ Китаанками и съ ихъ дѣтьми, учатъ ихъ; лишутъ переводы духовныхъ сочиненій. Такой образъ жизни литературнѣе для дѣла пролаганды и почтеннѣе удивленія въ захолустьяхъ. Живя не въ захолустьяхъ, а въ портахъ и въ Пекинѣ и въ ихъ окрестностяхъ, мы не менѣе того распространяемъ по всей Китайской Имперіи слово Божіе нашими книгами. Будучи окружены стекающимися въ эти промышленные пункты дѣятельными Китайцами, около себя мы поучаемъ и крестимъ жаждущихъ вѣры Христовой, отстравая лицемѣровъ.

Собразъ такіе pro и contra изъ журнала *Chinese Recorder*, мы предоставляемъ самому читателю дать заключеніе, который изъ двухъ лагерей правѣе.

Изъ этого бѣлаго очерка пролагандъ религій въ Китаѣ, какъ не заключить что между Китайцами должны быть огромныя массы буддистовъ, даоссистовъ и христіанъ. И дѣйствительно, посѣщая порты и углубляясь внутрь Китая, туристы охотно подтверждаютъ такое заключеніе, встрѣчая повсюду, во всѣхъ провинціяхъ, множество разбросанныхъ кумирень буддайскихъ и даосскихъ, и встрѣчая иногда цѣлыми селеніями католиковъ съ ихъ храмами и часовнями.

Сознаемся и въ нашихъ заблужденіяхъ. Не только послѣ первыхъ впечатлѣній, какъ бываетъ у туристовъ, а въ продолженіе первыхъ двухъ, трехъ дѣтъ нашего пребыванія въ Китаѣ, мы полагали что всѣ Китайцы, за исключеніемъ мусльманъ, суть или буддисты или даоссисты, принимая за таковыхъ даже самыхъ ревностныхъ докторовъ кунфуцзянства. Мы были вовлечены въ такой обманъ, не всмотрѣвшись во внутреннюю натуру Китайцевъ, такъ какъ внѣшній покровъ ихъ не обличаетъ ничего кунфуцзянскаго. Мы не знали тогда что вся обрядность Китайца въ почитаніи своихъ предковъ скрыта въ стѣнахъ его дома, что она ничѣмъ особеннымъ не выказывается на улицахъ. Ряды повозокъ и толпа пѣшеходовъ торопящихся на кладбища

въ два поминовенія предковъ, не могли наломить объ ихъ культѣ, такъ какъ и въ другихъ религіяхъ принято то же поминовеніе усопшихъ. Между тѣмъ отъ нашихъ наблюденій не скрылось что Китайцы, кланяющіеся предъ престоломъ своихъ отцовъ, ходятъ въ кумирни, посѣщаютъ христіанскіе храмы. Чтѣ же ихъ влечетъ туда, думали мы какъ не требованія вѣры, какъ не жажда молитвы? Только въ послѣдствіи, уже долго проживъ въ Китаѣ, мы пришли къ инымъ заключеніямъ. Мы убѣдились что Китайцы ходятъ въ кумирни и въ храмы не по влеченію вѣры, а по влеченію суевѣрія, и не для потребности помолиться, а ради пустаго, празднаго любопытства.

Чтобы видѣть сколь велика вѣротерпимость Китайца и съ какимъ равнодушіемъ относится онъ къ другимъ религіямъ мы можемъ сослаться между многими на слѣдующій фактъ извѣстный каждому побывавшему въ Китаѣ.

По китайскимъ канонамъ, похоронить отца съ подобающими приличіями и церемоніями есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей сына. Богатые и сановитые наследники на такіе похороны иногда издерживаютъ весьма крупныя цифры серебра, внося въ свою программу все что можно придумать для вящей пышности. Такъ, между прочимъ бываетъ что къ церемоніи провожанія гроба на кладбище приглашаются идолослужители буддисты, даосисты, и тожмагометане. Благодаря сговорчивости іезуитовъ, въ истекшемъ столѣтіи и они тоже не брезгали сопутствовать гробу христіанина со своими хоругвями и другими похоронными атрибутами. Однажды смотря на такую пестроту въ церемоніи, мы любопытноспросили въ чей рай вступитъ усопшій. Китаецъ отвѣтилъ намъ: въ тотъ рай гдѣ примутъ, а вѣрнѣе что ни въ который, такъ какъ извѣстно что душа его будетъ вѣчно пребывать въ Китаѣ, въ памятего потомковъ.

Укажемъ и на другой фактъ. Въ Китаѣ существуетъ обыкновеніе чтобы богдоханъ предписывалъ молебствія для вымаливанія у Неба дождей и иногда для другихъ какихъ-либо случаевъ, угрожающихъ бѣдствіями. Но для того чтобы услѣшнѣе умоливать Небо, иногда указами предписывается поименно нѣсколькимъ кумирнямъ буддайскимъ, даосскимъ и мечетямъ, а встарину тоже предписывалось песторіанамъ и іезуитамъ, совершать въ назначенный день и част

молебствія. Къ каждому молебствію, какъ представитель богдана, командирруется родственникъ его или кто-либо изъ высокопоставленныхъ; случается что и самъ богдоханъ присутствуетъ при нихъ.

Упомянувъ о суевѣрности китайцевъ, мы можемъ засвидѣтельствовать что они пропитаны ею до мозга костей. О куріозахъ ихъ суевѣрій мы не отказались бы написать сотню страницъ. Для примѣра теперь ограничимся только образцами.

Китайцы, особенно горожане, при постороннихъ людяхъ вообще держатъ себя очень степенно: кромѣ плавной рѣчи, трудно услышать отъ нихъ что-либо другое. Между тѣмъ не только въ деревняхъ, а даже въ Пекинѣ, въ темные вечера, намъ не разъ случалось слышать какъ бѣгущій Китаецъ востъ очень бойко. Онъ боится чтобъ его не догналъ чортъ. Бойкостію своей лѣсни онъ силится доказать чорту собственную храбрость. А чтобы чортъ ни за что не догналъ его, то даже забывая свою бѣдность, храбрый лѣвчій забрасываетъ назадъ по мѣдной монетѣ: пусть корыстолюбецъ выбараетъ ихъ, только бы отсталъ подальше.

Въ кумирняхъ даоссистовъ можно встрѣтить чествованіе невозможныхъ духовъ патроновъ. Такъ, на примѣръ, въ Пекинѣ есть ихъ кумирня воздвигнутая въ чествованіе духа-патрона ученыхъ. Пекинцы убѣждены что безъ поклона и безъ сожженія предъ его идоломъ клочка бумаги, съ написаннымъ на ней собственнымъ именемъ, никакому ученому не выдержать экзамена. Отъ того-то предъ экзаменами тамъ обыкновененъ приливъ лублики, студентовъ и до докторовъ значительно. Въ Пекинѣ же есть кумирня гдѣ для поклоненія поставлено изваянное изображеніе осла. Нѣкоторыя его части отащачаются несоразмѣрною крулостію. Безплодныя женщины убѣждены что отъ одного прикосновенія къ нему, онъ дождутся семейныхъ радостей. При похоронахъ Китайца, кромѣ древнихъ обрядовъ поклоненія, оплакиванія и прощанія, непременно приглашаются монахи, кто слодручнѣе и дешевле, будь они буддаискіе или даосскіе, все равно; а богатые приглашаютъ и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. По убѣжденіямъ Китайцевъ, безъ ихъ обряда отпѣванія, въ домѣ непременно разведутся черти, которыхъ потомъ уже не выжить на чѣмъ.

Женщины (особенно охотно ходятъ въ кумирни той или

другой религіи безразлично, чтобы предъ какимъ бы то ни было идоломъ, все равко, поставить свѣчу курящагося фимиама, положить нѣсколько мѣдныхъ монетъ, прѣсныхъ пирожковъ, или обрѣзокъ холста, шелковой матеріи, ожидая свое приношеніе помощи въ удручающемъ ихъ горѣ. Многіе Китайцы, особенно крупныя торговыя фирмы, промысловыя и ремесленныя цехи, цѣлыя селенія, на свой счетъ сооружаютъ тѣ или другія кумирни, во имя своего духа-патрона обезлечивая ихъ слугителей земельными угодьями. Но обыкновенно оказывается что такіе благодѣтели нуждаются не въ идолослуженіи, до котораго имъ нѣтъ никакого дѣла, на которомъ они и не бывають, а собственно въ сборномъ въ кумирнѣ мѣстѣ для своихъ дѣловыхъ совѣщаній, подобныя нашимъ общественнымъ собраніямъ. Тамъ же, во время ярмарокъ и въ дни мѣстнаго торжества, публика потѣшается театральными зрѣлищами, въ особо устраиваемыхъ лавильонахъ противъ зданія кумирни. Заходя въ самое калище идола, рѣдко встрѣтишь молящихся. Даже сами идолослужители тамъ бывають рѣдко. Ихъ обязанности исполняютъ ихъ ученики, обыкновенно юные подростки, даже случаются и старше лѣтъ десяти. При куреніи фимиама, ударяя палкой по поверхности колокола, они выкрикивають заученныя молитвы. Во всякое время, тоже и при службѣ, въ калища случайно заходятъ посѣтителю, но не для молитвы, а отъ нечего дѣлать, позѣвать на идола, на вычурныя украшенія фонарями, и т. п. Тамъ же Китайцы курять трубки, пьютъ, ѣдятъ, сидя на корточкахъ, играютъ въ карты, въ кости, въ шахматы. Тѣ же калища служатъ для пристанища для ночлеговъ проѣзжимъ, даже иностранцамъ. Если подобныхъ явленій не бываетъ въ католическихъ храмахъ въ Китаѣ, то, мы полагаемъ, потому только что во время богослуженія сами миссіонеры того не допустять, а внѣ служенія ихъ храмы залепты. Въ 1850 году былъ всенародно объявленъ боходанскій указъ воспрещавшій женщинамъ посѣщеніе кумирень. Указъ былъ мотивированъ тѣмъ что только въ кумирняхъ представляются женщинамъ случаи сближенія съ посторонними мужчинами, въ соблазнъ нравственности. Нѣтъ сомнѣнія что такого указа не было бы выдано еслибы онъ шелъ въ разрѣзъ съ народными убѣжденіями: кумирни не были бы поставлены въ одинъ уровеньъ съ мѣстами соблазна. Наконецъ, скажемъ еще что несмотря на распространенну

грамотность въ странѣ, ни одинъ Китаецъ, даже и въ самой средѣ идолослужителей, за исключеніемъ специалистовъ, которые впрочемъ очень рѣдки, * не знаетъ въ чемъ состоятъ религіи буддистовъ и даоссистовъ, несмотря на богатые свѣдѣнія о томъ собранныя въ китайской литературѣ.

Не достаточно ли приведенныхъ фактовъ чтобы согласиться съ нами что было бы большою ошибкой считать Китайцевъ, какъ въ массѣ, такъ и въ единицахъ, буддистами или даоссистами. Каждый Китаецъ, согласимся пожалуй и мы, и буддистъ и даоссистъ, но не истинно, а всеу вѣрующій во всехъ безраздѣльно идоловъ, прибѣгающій къ нимъ ради, напимѣръ, страха къ чорту.

Столько же плохіе вѣрующіе и Китайцы обращенные въ христіанство. По преданіямъ оставленнымъ отъ прошлыхъ двухъ столѣтій іезуитами въ Китаѣ, католическіе патеры востигли хорошо что нѣтъ ничего легче какъ привлечь Китаца въ лоно церкви. Католическіе патеры охотно присообщаютъ къ своей паствѣ каждаго Китаца вызывающагося быть христіаниномъ. Такого якобы жаждущаго вѣры Христовой обыкновенно рекомендуетъ патеру его церковникъ, доверенный Китаецъ. Получивъ благословеніе патера, слышавшій неопитъ заучиваетъ символъ вѣры; поучается при входѣ въ храмъ: омачивать пальцы въ святой водѣ, ходить въ храмъ на цыпочкахъ, опустивъ глаза и голову; присѣдать для молитвы и для поклоновъ, и прочимъ внѣшнимъ приемамъ католичества. Зная ихъ, Китаецъ уже достоинъ крещенія; его крестятъ. Онъ получаетъ христіанское имя, о которомъ впрочемъ онъ вспоминаетъ только при исповѣдяхъ, одинъ или два раза въ году.

На вопросъ, въ чемъ же преобразило его крещеніе, нельзя не отвѣтить: ни въ чемъ, кромѣ новаго имени. Онъ не отказался ни отъ одного изъ убѣжденій всосанныхъ съ материнскимъ молокомъ. Достоинно замѣчанія что католицизмъ, столь строго консервативный въ Европѣ, для Китайцевъ отвергаетъ свои врата либеральными ключами. Такъ, напимѣръ, онъ

* Въ Пекпнскихъ окрестностяхъ мы знаемъ нѣсколько буддаическихъ монастырей, гдѣ, по ихъ уставамъ, обитаетъ только ихъ ученики. При загородныхъ поѣздкахъ случилось не разъ что Русскіе сивологи, останавливаясь въ такихъ ученическихъ оазисахъ, въ разговорахъ о предметахъ буддизма поучались не у братіи, а сами поучали братію, благодаря прочитанному въ китайскихъ книгахъ.

нисколько не касается до культа обоготворенія Китайцамъ предковъ; не сжигаетъ, не обращаетъ въ щелки домашняго престола у Китайца, соглашаясь что и христіанское ученіе строго предписываетъ чтить своихъ родителей. Куньфуцзы уже второе столѣтіе какъ канонизированъ во святыя. Изображеніе Спасителя допускается рисовать въ китайской обуви, изображеніе образа Богородицы въ миниатюрныхъ башмакахъ. Изображаютъ ихъ даже въ истуканахъ. Патеры не изнуряютъ свою паству ни постомъ, ни молитвами, къ быту Китайцевъ столь не подходящими; не утомляютъ чтеніемъ церковныхъ книгъ, считая что Китайцамъ достаточно полученій въ проповѣдяхъ. Но обыкновенно, сколько бы продолжительно ни жили въ Китаѣ католическія патеры, они не научаются достаточно хорошо говорить по-китайски, чтобъ удобопонятно и ясно сказать проповѣдь; оттого и эта обязанность лежитъ главнымъ образомъ на Китайцѣ-церковникѣ, вообще играющемъ значительную роль въ дѣлѣ католической пролаганды въ Китаѣ. Что же это за личность?

Китайцы - церковники, въ большей части случаевъ, назначаются мѣстными епископами, изъ окончившихъ курсъ въ ихъ китайскихъ семинаріяхъ. Въ затворническомъ чуждомъ воспитаніи, перенѣвшившись порядковъ для него чуждыхъ, образовавшійся Китаецъ-семинаристъ очень быстро искушается въ грѣхахъ міра сего. Будучи правой рукой въ приходѣ своего патера, такой фактотумъ рекомендуетъ въ братію не ищущихъ истинной вѣры, а въ большинствѣ случаевъ такихъ личностей которыя, ради житейскихъ цѣлей своихъ, задобривъ семинариста, гнутъ на то чтобъ открыть себѣ легкій доступъ ко спасенію мірскому.

А какое спасеніе мірское Китайцы приучились обрѣтать въ католичествомъ? Это вопросъ очень широкій, на который отвѣтимъ только въ общихъ штрихахъ. Таковое спасеніе Китайцы видятъ во множествѣ способовъ, но большей части болѣе или менѣе темныхъ, сводящихся къ тому знаменателю чтобъ избавиться отъ житейскихъ трудовъ, дать просторъ своему тунеядству, найти лицу своей корысти, избѣжать законной кары за свои проступки, и т. л.

Да не осудитъ насъ читатель въ преувеличеніяхъ. Мы рисуемъ съ натуры.

Итакъ, для католическаго патера трудъ не великій найти Китайцевъ для своей паствы. Они сами сбѣгаются къ нему. Отъ того и не должно удивляться услѣвности католической пропаганды въ Китаѣ. И въ самомъ дѣлѣ, стоить только патеру поселиться гдѣ бы то ни было въ Китаѣ, даже въ его глуши и труппахъ, да обставить себя принадлежностями своей профессіи, имѣя подъ бокомъ одного или двухъ церковниковъ изъ Китайцевъ, чтобы въ короткое время уже увидѣть около себя ухаживающихъ, какъ цыплята, покорныхъ неопитовъ. Но, рапортуя о быстро приращающейся паствѣ, патеры не стануть писать какова она въ духовномъ значеніи. Они понимаютъ что такая отчетность будетъ напрасна, когда ихъ епископы, благодаря іезуитскимъ преданіямъ, давно знаютъ что Китайцы потому только и католики что видятъ въ своемъ благодѣтелѣ крѣпкій щитъ, дѣятельнаго покровителя въ ихъ нуждахъ, защитника ихъ мірскихъ прегрѣшеній. Епископамъ ближе всѣхъ извѣстно что патерь, благодаря своимъ пособникамъ-семинаристамъ, знающимъ мѣстное нарѣчіе, быть и мѣстные интересы, всегда легко привлечетъ массу ищущихъ выгодъ и покровительства въ дѣлахъ не совсѣмъ чистаго свойства. А такихъ, всегда и вездѣ, и не въ одномъ Китаѣ, толпа великая.

Католическіе тенета въ Китаѣ сплетены изъ имущественныхъ средствъ пропаганды, и изъ офиціальнаго содѣйствія. Но имущественныя средства эти, о сколаеніи которыхъ мы говорили выше, ложатся тяжело на благосостояніе Китайцевъ же. А ревность офиціальнаго содѣйствія производитъ то что канцелярія французскаго посольства въ Пекинѣ и французскаго консульства въ китайскихъ портахъ наполнены тяжбыными и уголовнымъ процессами, обстоятельство тяжело ложащееся на отношенія катаяскаго правительства къ правительствамъ католическихъ странъ.

Въ рапортахъ со стороны патеровъ и содѣйствующихъ имъ канцелярій впереди всего можно встрѣтить стереотипныя фразы: *lâche mandarin* и *lâches idolâtres*. А въ рапортахъ китайскихъ провинціальныхъ властей первѣе всего стоятъ жалобы на Китайцевъ-католиковъ, за ихъ непокорность, самоуправство, похищеніе чужой собственности, укрывательство преступленій, и т. п. Такія жалобы съ двухъ

сторонъ возбуждаютъ въ Пекинскомъ синклитѣ переговоры, разногласія и пререканія, обыкновенно оканчивающіеся уступками слабого сильному, то-есть уступками предъ статья-ми трактатовъ, гласящихъ о терпимости въ Китаѣ христіанства. Но, нельзя не замѣчать что по мѣрѣ выигрышей со стороны матеріальной, нарастаютъ для католической пропаганды въ Китаѣ проигрыши съ моральной стороны. Эти проигрыши болѣе и болѣе отражаются въ усиливающемся недовольствѣ, въ открытомъ ропотѣ народа и его правителей. Католическая пропаганда высокоуміемъ своимъ возбудила противъ себя не только туземцевъ, но и иноземцевъ не католиковъ, чуждающихся патеровъ и окрещенныхъ ими Китайцевъ. Особенно ненавистна она массѣ руководителей народа, ученому сословію, за посягательства католиковъ на присвоение экзаменаторскихъ камеръ. Въ массѣ китайскаго правительства католическая пропаганда породила тайное содѣйствіе народу въ мѣстныхъ возмущеніяхъ противъ христіанъ. Такія возмущенія обыкновенно остаются безслѣдными, такъ какъ Пекинское правительство, всего болѣе дорожащее кредитомъ въ народѣ и, столько же какъ народъ, ненавидящее трактаты, дѣйствуетъ изподтишка въ пользу тѣхъ же возмущеній. Замѣчательное обстоятельство что тѣхъ Китайцевъ которыхъ католическіе ралорты заклеили словами lâches, Пекинское правительство тѣмъ или другимъ способомъ вознаграждаетъ, какъ дѣятелей противъ католической пропаганды. Еще болѣе оно щедро къ тѣмъ правителямъ и обывателямъ, или къ семействамъ ихъ, которые, по настоянію католическихъ властей, получили наказаніе отъ своего же правительства. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ что семейства казенныхъ получали значительныя денежныя вознагражденія; заточенные въ тюрьмѣ вскорѣ отсылались въ другія провинціи съ правомъ на прибыльное участіе въ казенныхъ подрядахъ, соляныхъ откупахъ и т. п. Отставляемые по настоянію патеровъ правители обыкновенно назначаются въ другія провинціи на лучшія должности. Намъ извѣстна быстрая служебная карьера одного смѣтливаго Китайца, который съ должности исправника достигъ въ теченіи девяти лѣтъ до губернаторства, благодаря тому что его отставляли отъ занимаемыхъ имъ должностей всегда по жалобамъ католическихъ патеровъ, имъ же самимъ ловко возбуждаемымъ.

Забываясь не выходить далеко за предѣлы своей задачи—дать отчетъ насколько точны сужденія автора *Очерковъ Современнаго Китая* о вліяніи христіанства въ Китаѣ, не будемъ говорить объ организаціи протестантской пропаганды. Для нашей цѣли будетъ достаточно сказать только въ общихъ словахъ что протестантская пропаганда въ Китаѣ, въ составѣ ея дѣятелей, большею частію почтенныхъ и просвѣщенныхъ, въ ея организаціи безкорыстной и мирной, на каждомъ шагу парализуется тяжелыми тормазами, происходящими съ одной стороны отъ безвѣрія народа, съ другой — отъ возбужденнаго католическою пропагандой нерасположенія Китайцевъ. Протестантскіе миссіонеры убѣдились и не скрываютъ убѣжденій что Китайцы цѣнятъ званіе христіанъ не болѣе какъ выгодный промыселъ, и дорожатъ таковымъ приобрѣтеніемъ до поры пока оно кормитъ ихъ. Въ массѣ такихъ промышленниковъ торгующихъ именемъ Христовымъ мы близко знаемъ одного Китайца который два раза былъ католикомъ, разъ протестантомъ и въ недавнее время мечталъ сдѣлаться православнымъ. Его кощунство конечно встрѣтило отказъ.

Что жъ, спросимъ мы автора *Очерковъ Современнаго Китая*, такіе Китайцы достойны ли быть названы христіанами? Не откажется ли авторъ отъ своего патетическаго заключенія выведеннаго изъ того что „Китайцы въ большомъ числѣ наполняютъ христіанскіе храмы“? Не согласится ли онъ съ нами что такіе оглашенные недостойны вступать даже на пороги христіанскаго храма? И наконецъ, мы не сомнѣваемся, онъ откажется отъ своихъ словъ что будто бы католическая пропаганда „ставить около богдохана палу“.

Такое солоставленіе богдохана съ палой очень эффектно. Это два зенита могущества: верховный глава всей вселенной, по понятіямъ Китайцевъ, и верховный глава всего христіанскаго міра, по понятіямъ католиковъ. Солоставленіе ихъ конечно можетъ громко звучать въ ухахъ читателей незнакомыхъ съ Китаемъ. Въмѣстѣ съ авторомъ *Очерковъ* они увидятъ наступающую новую знаменательную эпоху, когда померцающая власть палы въ христіанскихъ странахъ восходитъ въ Китайской Имперіи во всемъ величіи, затемняя ореоль богдохана. Но едва ли этими громкими фразами увлечется кто-нибудь изъ знакомыхъ съ Китаемъ на дѣлѣ или изъ серьезныхъ книгъ. Они не повѣрятъ что католическая пропаганда готовится быть побѣдительницей, и близка къ тому чтобы сра-

вить одно изъ самыхъ коренныхъ началъ государственной жизни, абстрактную недосыгаемость боѣдохана, столь тѣсно и крѣпко связанную со всѣмъ живымъ зданіемъ Китая.

Мы полагаемъ что было бы совершенно напрасно подкрѣплять наши слова фактами. За нихъ говорить исторія Китая, весь политическій и нравственный строй его. Отвѣчаетъ за нихъ и ничтожное значеніе католической пропаганды въ Китаѣ.

Скажутъ можетъ-быть что наши сужденія слишкомъ узки, что немислимое сегодня возможно въ будущемъ, когда стадо католиковъ-Китайцевъ, столь легко привлекаемыхъ, достигнетъ до цифры нѣсколькихъ милліоновъ, когда, постоянно руководимое патерами, оно созрѣетъ наконецъ до того что сживется со своимъ новымъ положеніемъ, станетъ ближе къ истинно вѣрующимъ во Христа, о чемъ столь настоятельно и заботится католическая пропаганда. Тогда, скажутъ намъ, эта масса Китайцевъ получить значеніе уже не похожее на настоящее; получить значеніе угрожающее, которое мало-по-малу и низвергнетъ весь нынѣшній государственный строй въ Китаѣ, столь отсталый, столь ненормальный, враждебный прогрессу; тогда, благодаря пропагандѣ, Китай станетъ страной христіанской и цивилизованной.

Но такое будущее для Китая отъ пропаганды въ немъ католичества мы отвергаемъ, мы не вѣримъ въ него. Не вѣримъ чтобы даже милліонная масса Китайцевъ-католиковъ могла заставить Китай сдѣлаться страной христіанской. Законченныя, закрѣпленныя успѣхи великихъ реформъ исходятъ изъ рукъ ихъ руководителей, идущихъ дружно съ общимъ настроеніемъ народа, съ его воспитаніемъ, складомъ. Не таковы реформаторы созрѣвающие на почвѣ католической пропаганды. Они въ глазахъ всей интеллигенціи въ Китаѣ суть темныя тѣни, чужеродные паразиты его народности. Эти полчища новаторовъ, сколь бы ни были они сильны, усиліями своими могутъ не болѣе какъ только раздуть тлѣющійся огонь вражды между христіанами и ихъ противниками, поднять междуусобіе, вызвать отчаянныя мѣры со стороны народа и его правительства. Это можетъ сильно расшатать страну; но едва ли сдѣлаетъ ее христіанской.

Ошибочно тоже, по нашему мнѣнію, предполагать что Китай сдѣлается христіанскою страной если его владыко, всемогущій боѣдоханъ, будетъ христіаниномъ.

Такое будущее для Китая давно преслѣдуется католическими миссіонерами. Уже въ прошломъ столѣтіи іезуиты съ часа-на-часъ поджидали открытія настежь дверей такого будущаго, полагая все порѣшить разомъ, однимъ ударомъ, надѣясь приготовить Пекинскій тронъ для богдохана по ихъ выбору. Такой богдоханъ, мечтали они, въ признательность, непремѣнно будетъ строгимъ католикомъ. Однакожь планы ихъ были разрушены вступившимъ на престолъ Юнчженомъ въ 1723 году. Съ той поры, до своего изгнанія изъ Китая, іезуиты натерпѣлись не мало гоненій. Но, скажутъ намъ, прѣжнія мечты могутъ осуществиться впереди, когда наконецъ на Китайскомъ престолѣ дѣйствительно можетъ быть христіанинъ: будетъ ли онъ Китаецъ (нѣкоторые видѣли на примѣръ склонность къ христіанству во главѣ Тайлюновъ) или же иноземецъ.

Правда, было бы парадоксомъ отвергать возможность облаванія Китайскимъ престоломъ христіаниномъ, когда исторія намъ говоритъ что Китай не разъ былъ въ зависимости отъ лицъ вполне чуждыхъ его народности. Но, мы спросимъ, богдоханъ-христіанинъ будетъ ли столько же счастливъ въ своихъ успѣхахъ, какъ на примѣръ Святой Владиміръ, который, принявъ христіанство, окрестилъ и Русь? Такимъ вопросомъ мы задаемся не въ первый разъ, всегда склоняясь къ заключеніямъ отрицательнымъ. Наше отрицаніе результатъ изученія исторіи Китая и наблюденія его современнаго государственнаго строя. Они сводятся къ нижеслѣдующей дилеммѣ.

Первое. Допустимъ что богдоханъ-христіанинъ захочетъ ввести христіанство въ Китаѣ. Для такой реформы на первыхъ же порахъ онъ увидитъ необходимость разрушить все знаніе страны, всѣ основы ея государственнаго строя, по сію пору твердо стоявшія на своихъ древнѣйшихъ преданіяхъ, глубоко въѣвшихся въ сорокавѣковой камень названный нами Китаемъ. Потребуется разбить этотъ камень. Исполнимо ли это? Естественно что въ такой тяжелой работѣ будутъ помогать богдохану окружающіе его. Они будутъ льстить его усиліямъ, но они же будутъ и обманывать его. Дорожа своимъ вліяніемъ, они станутъ заслонять, скрывать отъ богдохана всѣ неудачи въ заботахъ заставить Китайцевъ разстаться съ своими народными основами, сила коихъ въ ковацѣ-концовъ неотразимо возьметъ верхъ.

Второе. Допустимъ что богдоханъ - христіанинъ будетъ остороженъ и, окруживъ себя христіанами, рѣшится предоставить времени сдѣлать свое. Пусть вмѣсто усилій распространить христіанство между Китайцами, онъ будетъ льстить самолюбію, самостоятельности народа. Тогда онъ будетъ для Китайцевъ тѣмъ же абстрактнымъ существомъ какое необходимо для существующаго строя въ Китаѣ. Тогда для столь не тяжелой работы ему будутъ счастливо помогать его окружающіе. Они станутъ и льстить его усиліямъ, обнажая, открывая всѣ улованія народа видѣть въ своемъ богдоханѣ сына Неба, отца вселенной и пр. И рано или поздно можетъ-быть уже въ послѣдующихъ представителяхъ династіи, снова выработаются всѣ атрибуты такой власти богдохана какъ понимаютъ ее Китайцы; сдѣлаютъ снова изъ богдохана Китайца, повелителя всѣхъ народовъ, патріарха всѣхъ религій.⁵

Таковыми вполнѣ окитаевшимися мы видимъ нынѣ царствующихъ въ Китаѣ Манчжуровъ, несмотря на то что они вмѣстѣ со служителями своими по сію пору остались шаманами. И мы знаемъ изъ новой исторіи Китая что, благодаря предусмотрительности первыхъ государей Манчжурской династіи, понимавшихъ зрѣло что прочность ея можно обезпечить только опираясь на то что дорого для китайской самостоятельности, они успѣли утвердить свое могущество и даже обновить и расширить Китайскую Имперію, до нунъ расшатавшуюся.

Не когда же, спросятъ насъ, при какихъ благопріятныхъ событіяхъ Китай можетъ сдѣлаться христіанскою страной? Не беремъ дать отвѣта на этотъ вопросъ.

Судьба народовъ неисповѣдима. Рушились царства казавшіяся вѣчными. Явились великія націи изъ толпы хищниковъ. Кому предрѣшать судьбу Китая и судьбу воцаренія въ немъ христіанства? Это не въ предѣлахъ разума человѣка.

3. Народное воспитаніе въ Китаѣ.

Въ двухъ первыхъ главахъ мы высказали наше мнѣніе о томъ насколько фиктивны слова автора *Очерковъ Современнаго Китая* о вліяніи на государственный строй Китая любвдъ иноземцевъ и католической пропаганды. Но вслѣдъ

за словами что масса Китайцевъ около богдохана ставятъ палу, авторъ говоритъ еще что „даже кое-какія другія западныя ученія“ стали проникать въ массу Китайцевъ, ученія которыя „противолопагаютъ схоластическо-неподвижной классической мудрости свободу изслѣдованія“. И вотъ оба эти призрака побудили автора усмотрѣть будто бы въ Китаѣ „ввосятся въ жизнь элементы доселѣ ей чуждые и начинающіе понемногу ее разлагать“.

О ничтожномъ значеніи для Китайцевъ обаянія палы мы уже говорили. Но мы не можемъ не спросить автора, о какихъ западныхъ ученіяхъ хотѣлъ сказать онъ и отчего, задѣвъ любопытство читателя, молчаніемъ своимъ оставилъ его въ недоумѣніи; а намекомъ „кое-какихъ“ даетъ даже поводъ заключать что о распространяемыхъ въ Китаѣ западныхъ ученіяхъ говорить было бы нецензурно, столь они должны быть опасны для консервативнаго уха.

Мы довольно близко знакомы съ современнымъ Китаемъ, но по сію пору мы нисколько не подозревали чтобы въ его народѣ были распространяемы западныя ученія не только опаснаго, но какого бы то ни было свойства, которыя развивали бы въ немъ, въ противоположность старой неподвижной мудрости, свободу изслѣдованія.

Правда, мы знаемъ что, благодаря иноземцамъ, въ особенности Американцамъ, а не „Англичанамъ“, какъ ошибочно замѣчаетъ авторъ, въ недавніе годы китайская литература обогатилась переводами европейскіхъ руководствъ по математикѣ, механикѣ, естествознанію, а также международному праву, но извѣстно что всѣ эти почтенные труды исполнены по порученію самого китайскаго правительства, и они ни въ какомъ отношеніи для него не опасны, и ни въ чемъ не вступаютъ въ разрѣзъ съ китайскою мудростію. Обратимъ вниманіе еще и на то что подобные переводы не новость. Вспомнимъ что китайская литература снабжалась ими и прежде. Такъ, Матвій Ричи, отворившій іезуитамъ двери въ Китаѣ, самъ получилъ туда свободный входъ (въ 1581 году) благодаря своимъ переводамъ по-китайски руководствъ къ ариметикѣ и къ планиметріи. Вспомнимъ, затѣмъ, что въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, іезуиты внесли въ китайскую литературу такіе солидные вклады, какъ полный переводъ курса астрономіи, руководства къ геометріи, алгебры и тригонометріи,

таблицъ логариѳмовъ и пр. Имѣя ледъ рукой китайскіе каталоги, мы можемъ сказать опредѣлительно что въ тѣ столѣтія ученые іезуиты издали по-китайски шестьдесятъ семь сочиненій, напечатанныхъ, подобно какъ и нынѣшнія вышеупомянутыя руководства, въ Пекинской придворной типографіи.

Итакъ, удостовѣряя автора что этотъ элементъ уже не чуждъ для Китайцевъ, мы можемъ удостовѣрить его что этотъ же элементъ нисколько не разлагаетъ жизненности Китайцевъ, нисколько не упраздняетъ мудрости ихъ классиковъ. Мы докажемъ наши слова фактами изъ прошлаго. Извѣстно что просвѣщенные богдоханы Каньси (1662—1723) и Цянълувъ (1736—1796), благодаря іезуитамъ познавъ мудрость западнаго ученія, очень озабочивались просвѣтить и народъ свой, въ особенности въ наукѣ о небѣ, въ чемъ Китайцы во всѣ текущія долгіе вѣка сильно хромали. Но столько же извѣстно намъ какая неблагоприятная судьба постигла труды іезуитовъ-астрономовъ. * И дѣйствительно, въ своемъ конечномъ результатѣ что оставили они въ дѣлѣ просвѣщенія Китайцевъ? Классики-Китайцы, ознакомившись съ учеными трудами іезуитовъ, не могли не увидѣть въ нихъ много преимуществъ предъ своими доморощенными знаніями. Но это превосходство очень чувствительно зачекотало ихъ національное самолюбіе, и оттого тѣмъ упорнѣе они не сдались, не отдали западной мудрости первенства предъ своей. Такая уступка первенству мудрости варваровъ была бы на ихъ взглядъ недостойною ошибкой, грубымъ анахронизмомъ, постыднымъ для исторіи ихъ науки соблазномъ, измѣной предъ своими свѣтилами древности. Что же они сдѣлали? Съ необыкновеннымъ тщаніемъ они ловытаскали изъ западныхъ руководствъ все то что было болѣе или менѣе удобнопонятно для китайскаго склада ума, отбросивъ непостижимые имъ сложныя математическія вычисленія и, благодаря такому готовому матеріалу, стали строчить свои сочиненія, въ родѣ, напимѣрь, древнихъ и новыхъ изслѣдованій о наукѣ о небѣ (гу-цзинь-тянь-као), въ которыхъ вполнѣ академическими приѣмами, непонятными для толпы, доказывали что все то о чемъ современные ученые западныхъ странъ говорятъ какъ объ открытіяхъ новыхъ, было извѣстно

* См. нашу статью *Судьба астрономіи въ Китаѣ*.

мудрецамъ китайской древности. Свои доказательства они подкрѣпляли и цитатами, болѣе или менѣе кстати приложенными: а свои диссертациі заключали восклицаніями: не жалки ли западные варвары своей немощью, лохущая, во рту древнѣйшее достояніе Китайцевъ! Такія восклицанія электризуютъ Китайцевъ, поддерживая ихъ въ своемъ самообольщеніи. Чистосердечно самообольщаясь лервенствомъ, Китайцы признаютъ варварами все остальное человечество. Не мы у варваровъ, а варвары у насъ заимствовали всѣ науки, твердятъ ученый и не ученый, старый и малый Китаецъ. Естественнымъ послѣдствіемъ было то что, благодаря трудамъ іезуитовъ, въ китайскихъ комментаріяхъ на своихъ классиковъ нынѣ встрѣчаются помятія объ астрономіи достаточно благообразныя и, что, не читая и не понимая ученыхъ руководствъ іезуитовъ, лежащихъ безполезнымъ балластомъ въ книжныхъ лавкахъ, пріобрѣтенныя отъ нихъ знанія Китайцы считаютъ неотъемлемымъ наслѣдствомъ отъ своихъ мудрецовъ.

Мы предвидимъ что точно такимъ же превращеніемъ западныхъ ученій въ знанія восточныя будутъ, хотя бытъ можетъ и не въ близкомъ будущемъ, передѣланы и современные труды иноземцевъ въ Китаѣ, нисколько не разрушая, вѣрованій Китайцевъ въ своихъ національныхъ мудрецовъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе стали появляться въ Китаѣ газеты и книги, обыкновенно въ формѣ журналовъ, на туземномъ языкѣ, издаваемые иноземцами. Прежде онѣ замѣнялись брошюрами. При этомъ замѣтимъ что только китайскія изданія читаются Китайцами, несмотря на то что многіе живущіе въ портахъ привыкаютъ болтать по-англійски. Зная не часто англійское, а особо скованное англо-китайское нарѣчіе, называемое pigeon english, они обыкновенно не понимаютъ англійскихъ книгъ. Исключенія есть, но весьма рѣдкія. По содержанію своему новыя изданія иноземцевъ преимущественно политическіе, но иногда тоже сообщаютъ свѣдѣнія по предметамъ географіи, исторіи, торговли; часто встрѣчаются статьи релігіозныя и экономическія и пр. Въ настоящее время три китайскія газеты издаются въ Шанхаѣ и одна въ Гонконгѣ. Первая шанхайская газета называется *Вѣстникъ Объявленій* (Шэнь бао). Она выходитъ ежедневно, заключаая въ себѣ очень краткія политическія и правитель-

ственные извѣстія о Китаѣ и очень обильныя коммерческія объявленія и рекламы. Вторая газета, выходя разъ въ недѣлю, изобилуетъ политическими свѣдѣніями въ Китаѣ и внѣ Китая, оставляя только небольшое мѣсто для объявленій и рекламъ. И наконецъ третья газета, *Столичный Вѣстникъ*, есть точнѣйшая перепечатка съ пекинской официальной газеты того же названія. Гонконгская газета по программѣ своей сходна съ первою шанхайскою газетой. Въ числѣ журналовъ одинъ издается въ Шанхаѣ подъ названіемъ *Собраніе Новостей* (Цзянь хой синъ бао), по одной тетради въ десять дней, и другой съ 1872 года въ Пекинѣ, подъ названіемъ: *Распространеніе Полезныхъ Знаній въ Китаѣ* (the diffusion of useful knowledge in China), по одной тетради въ мѣсяцъ. Оба журнала заключаютъ въ себѣ религіозныя и научныя статьи и краткія политическія извѣстія изъ всѣхъ странъ.

Всѣ перечисленныя изданія, пользуясь еженедѣльно приходящими газетами со всего свѣта и ежедневными всесвѣтными телеграммами, говоря вообще, отличаются замѣчательною свѣжестью извѣстій. Притомъ находясь на почвѣ нейтральной и при отсутствіи въ Китаѣ цензуры, эти изданія не стѣсняются ничѣмъ въ своихъ сообщеніяхъ. Всѣ они, за исключеніемъ развѣ нѣскольکو сдержаннаго пекинскаго журнала, подобно большей части американскихъ періодическихъ изданій, отличаются свободою рѣчи и нисколько не сдерживаютъ себя ради признательности къ гостепріимству Китая: нисколько не стѣняясь они осмѣиваютъ общественный складъ и мудрость Китайцевъ и даютъ назиданія ихъ правительству, а иногда и самому богдохану съ его дворомъ. Въ противоположность дороговизнѣ издаваемыхъ въ Китаѣ англійскихъ періодическихъ газетъ и журналовъ подписка на вышеупомянутыя изданія, на какіе угодно сроки, самая ничтожная. Такъ на примѣръ годовое изданіе *Собранія Новостей* стоитъ полдоллара. Ихъ редакторъ, американскій миссіонеръ, ловко перетасовываетъ статьи научныя и политическаго содержанія со статьями для цѣлей протестантской пропаганды.

Дешевизна и свободорѣчіе этихъ изданій привлекаетъ между Китайцами огромное число читателей; читаютъ ихъ и высшіе члены китайскаго правительства. Отъ того было бы напрасно наломивать что строки ихъ возбуждаютъ въ Китайцахъ много толковъ и пересудъ, обнаруживаютъ многіе

недостатки и ошибки въ ихъ бытѣ, въ сферѣ ихъ правитель-
ства, даже въ самомъ богдоханѣ.

Не смотритъ ли авторъ *Очерковъ Современнаго Китая* именно на эти изданія какъ на орудія могущественнаго воз-
дѣйствія „кое-какихъ западныхъ ученій“ на „схоластическо-
неподвижно-классическую мудрость Китайцевъ“, не въ нихъ
ли видитъ онъ праводниковъ „свободы изслѣдованія“?

Если наша догадка вѣрна, то мы послѣдшимъ сказать что
такой взглядъ автора столь же фиктивенъ какъ фиктивно
погребеніе имъ заживо ореола сына Неба, какъ фиктивно сія-
ніе царства лалы около богдохана.

Сложное опредѣленіе китайской мудрости тремя прилагате-
льными, схоластическо-неподвижной классической, какъ
дѣлаетъ авторъ *Очерковъ Современнаго Китая*, по нашему
мнѣнію, не вполне точно. Правда, ихъ мудрость несетъ на
себѣ всѣ родные ей атрибуты древнихъ классиковъ; она
пропитана букетомъ схоластики, но неподвижности въ ней
не было и нѣтъ. Этого упрека она не заслуживаетъ, подобно
тому какъ несправедливо было бы говорить о неподвижно-
сти государственнаго строя въ Китаѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи философіи въ Китаѣ что отъ
дней Кунъ-фуцзы (551—480 до Р. X.) до воцаренія Манч-
журской династіи (1616 года), считается двѣсти восемнадцать
философовъ. Правда, въ этой фалангѣ большинство принад-
лежитъ къ послѣдователямъ ученія Кунъ-фуцзы; но за всѣмъ
тѣмъ было однакожь не мало и такихъ замѣчательныхъ мыс-
лителей которые шли въ разрѣзъ съ отцомъ философовъ въ
Китаѣ. Въ китайской литературѣ есть свой отдѣлъ, хотя и
мало замѣтный, принадлежащій къ лагерю противниковъ
Кунъ-фуцзы. Правда, китайская мудрость при всей ея жиз-
ненности оставалась всегда неподвижно вѣрна своему началу,
единственному и общему для всѣхъ ея лагерей, служащему
вѣрнѣйшей точкой отсчета въ каждой ея школѣ, во-
плотившемуся во весь строй и бытъ ихъ. Но достойны ли
Китайцы осужденія за такую глубокую привязанность ихъ,
за столь сердечное вѣрованіе питаемое ими не со вчерашняго
дня, сохраненное ими въ лучинѣ человѣческихъ страстей и
слабостей изумительнаго ряда вѣковъ. Не станемъ осуждать
ихъ въ неподвижности, держась пословицы что со своимъ
поставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, избѣгая односто-

ровности видѣть все образцовое, всѣ идеалы для счастья чело-
вѣчества только въ предѣлахъ мудрости западныхъ націй.

Китайцы не деревеньщина; они выросли изъ земли не вчера: никто не можетъ отнять у нихъ ни образованія, ни знаній, ни политическаго смысла, ни общественнаго такта. И они лорядочно обстрѣлены въ доморощенномъ либерализмѣ. Въ ихъ государственной жизни „свобода изслѣдованія“, о кото-
рой говоритъ авторъ *Очерковъ*, играетъ очень замѣтную роль. Уже одинъ *Столичный Вѣстникъ* даетъ имъ, не мало лицъ для того. Если, какъ мы замѣтили выше, Китайцы очень увлекаются чтеніемъ періодическихъ изданій печатаемыхъ на туземномъ языкѣ иностранцами, то должно сказать что такое явленіе происходитъ вовсе не отъ желанія вкушать запрещенный плодъ, а оттого собственно что воспитаніе при-
учило, приохотило ихъ къ чтенію такъ-сказать либеральнаго закала.

На школьныхъ скамьяхъ первоначальнаго обученія, ка-
кимъ большинство лтенцовъ оканчиваетъ свое образова-
ніе, не достигая до званія студента, однимъ изъ необ-
ходимыхъ элементарныхъ учебниковъ считается книга Мэнь-цзы. Это сочиненіе знаменитаго философа, современ-
ника Аристотеля, яраго послѣдователя Кунъ-фуцзы. Его книга состоитъ изъ ряда его бесѣдъ съ удѣльными князья-
ми, съ высшими представителями власти и со своими учени-
ками, записанныхъ въ его долгое странствованіе по Китаю. Бесѣды обыкновенно начинаются вопросами о способѣ луч-
шаго управленія, о средствахъ къ исполненію того или
другаго государственнаго предпріятія, о мѣрахъ къ полнятію
благополучія подданныхъ, и т. п., и заключаются отвѣтами
Мэнь-цзы. Въ отвѣтахъ его, обыкновенно отличающихся рѣз-
костію, всегда проведенъ одинъ и тотъ же характеръ, выра-
жающійся въ настоящемъ взглядѣ на всѣ элементы госу-
дарства какъ на принадлежность народа, по древней китай-
ской тирадѣ что государство для народа, а не народъ для
государства. На вопросъ, какую наибольшую пользу можно
извлечь отъ государственнаго управленія, Мэнь-цзы ска-
залъ: „Я не стану говорить о дрянной, матеріальной пользѣ,
присущей мечтамъ лавочниковъ; а для тебя да будетъ вы-
шая польза въ любви ближнихъ и въ справедливости къ нимъ.“
Есть ли различіе въ убійствахъ лалкой или мечомъ, спро-
силъ Мэнь-цзы. Все равно, было ему отвѣтомъ. А мечомъ

или управленіемъ? Все равно, ему отвѣчаютъ. А не будетъ ли убійствомъ роскошь у тебя и голодь у бѣдныхъ?

Подобными, и еще болѣе рѣзкими отвѣтами наполнена толстая книга Мэнь-цзы, поставленная въ числѣ четырехъ твореній для первоначальнаго обученія въ школахъ, чтеніе его законическихъ выраженій сопровождается множествомъ комментариевъ, поясненій, разъясненій и ссылокъ, написанныхъ лучшими китайскими учеными. Китайское воспитаніе требуетъ чтобы школьникъ зналъ на память въ разбивку всю книгу. Допустимъ что многіе ученики заучатъ ее какъ полугаи. Но за то въ остальныхъ, а въ Китаѣ все надобно считать цифрой милліоновъ, она оставитъ глубокіе слѣды.

Сказавъ кратко о томъ что читаютъ Китайцы, уломянемъ о томъ что они слышатъ. Конечно, мы не предложимъ читателю встать за дверьми кабинета Китайца. Но попросимъ его, когда случится побывать ему въ Китаѣ, иногда остановиться на улицѣ, на перекресткѣ, тамъ гдѣ онъ зайдетъ кшащую толпу народа. Можно съ увѣренностью сказать что та толпа или забавляется зрѣлищемъ фигляровъ, фокусниковъ и т. п., или же слушаетъ разказъ доморощеннаго оратора. Каеэдра для него очень не сложна. На площадкѣ земли стоить только мѣломъ очертить окружность, радиусомъ примѣрно въ сажень, да самому встать въ центрѣ круга, въ ожиданіи слушателей. Аудиторія внѣ круга быстро наполняется проходящими, такими къ свободѣ изслѣдованій. Въ такой толпѣ можно увидать людей всѣхъ состояній, отъ китайскаго джентльмена до оборванца, чиновниковъ, но не въ официальной формѣ, даже полицейскую стражу во всемъ ея облаченіи. Ораторъ вознаграждается бросаемыми около него мѣдными монетами. Предметъ рѣчи, произносимой то дидактически, то юмористически, обыкновенно составляетъ вопросъ дня изъ области управленія, быта, скандала и т. п. Чѣмъ современнѣе рѣчь, чѣмъ жгучѣе она, чѣмъ ближе выражаетъ настроеніе народа, тѣмъ болѣе возбуждаетъ вниманіе, энтузіазмъ публики, термометромъ чему служитъ густѣющая около оратора толпа и учащающееся подкидываніе монетъ. Однакожь, если ораторъ изъ своего заколдованнаго круга рѣчи перейдетъ за предѣлы приличія, въ патетическихъ восклицаніяхъ задѣнетъ какую-либо высокопоставленную личность или выскажетъ нѣчто возмущающее, то публика со всѣми

приличіями разгоняется полиціей, даже сама расходится оратора приводятъ къ Ѳемидѣ. Въ 1850 году, на само многлюдномъ мѣствѣ въ Пекинѣ, въ улицѣ Дунь-сы-Пай изъ подобной импровизаціи мы поняли внутреннюю причину начавшагося тогда возмущенія въ юго-западномъ ут Китая, вскорѣ разросшагося въ угрожающій успѣхъ пар Тайпиновъ.

Не останавливаясь на улицѣ можно послушаться оратора въ китайскихъ трактирахъ, въ городѣ или за городомъ обыкновенно открытыхъ для всѣхъ состояній публики: тамъ не рѣдкость увидать рядомъ сидящими франта и грязна косматаго, полунагаго лазарони. Въ трактирѣ каедед служить столъ съ поставленнымъ на немъ стуломъ. Въмѣстѣ съ вопросами дня, предметомъ декламаціи тоже бываю болѣе или менѣе выуклые сюжеты изъ отечественной исторіи, до которой Китайцы охотники до жадности. Трактирные ораторы обыкновенно принадлежатъ къ ученымъ, отъ го вмѣсто монетъ, вознаграждаются одобреніями и угощеніями тамъ же.

Наконецъ Китайцы и видятъ многое возбуждающее „свободѣ изслѣдованія“. Такъ напимѣръ, извѣстно что о страстные театралы, и что въ ихъ странѣ публичныхъ зрѣлищъ очень много. Китайскіе театры не имѣютъ столь огромныхъ размѣровъ и столь блестящей обстановки какъ театры европейскихъ столицъ. При своей первобытной простотѣ они помѣщаются то въ особыхъ зданіяхъ, то въ приспособленныхъ для сцены павильонахъ, то во временныхъ балакахъ, обшитыхъ рогожами, съ такими же карнизами и фронтонами, сдѣланныхъ въ родѣ рококо. Такіе театры мож встрѣтить вездѣ въ Китаѣ: въ городахъ и въ деревняхъ, большихъ и на проселочныхъ дорогахъ. При многочасовыхъ обѣдахъ, устраиваются театральные подмостки въ трактирахъ и въ богатыхъ домахъ. Входная плата въ партеръ обыкновенно до пяти и менѣе нашихъ копѣекъ. Представленія начинаются съ утра и кончаются къ вечеру. Въ публикѣ никогда недостатка не бываетъ. Въ партерѣ зритель садится къ столу. Тутъ онъ воленъ курить, пить, обѣдать, болтать, лезничать съ вызываемымъ имъ со сцены актеромъ въ амил женскаго персонажа, даже заснуть своимъ праведника.

Мы не будемъ говорить о всей обстановкѣ, въ формамахъ патріархальныхъ, театральной сцены, оркестра бе

артистической дисциплины, и пр. Цѣль нашего очерка другая. Наше вниманіе занято тѣмъ что происходитъ на сценѣ, что видятъ зрители. Піесы водевильнаго, комическаго, драматическаго и трагическаго характера, или легкаго содержанія, болѣе или менѣе скандальнаго свойства, или же принадлежатъ къ серьезнымъ сюжетамъ, всегда заимствованнымъ изъ отечественной исторіи, изъ эпизодовъ событій тяжкихъ и славныхъ для памяти въ народѣ. Безъ цензуры, при необыкновенномъ обиліи репертуара, театральныя представленія дѣлаютъ свое дѣло для возбужденія энтузіазма въ публикѣ, изображая дѣйствующихъ лицъ въ томъ видѣ какъ приговорили исторія или настроеніе въ народѣ, не стѣсняясь ни общественнымъ положеніемъ, ни историческимъ значеніемъ ихъ. Такимъ образомъ въ китайскомъ театрѣ, даже въ деревняхъ, нерѣдко осуждаются и осмѣиваются люди власть имущіе, иногда одурачиваются, вызывая хохотъ и аплодисменты въ публикѣ. На сцену являютъ аттестованные негодяи, преступники, обнаруживая своихъ высшихъ соучастниковъ, ловѣщаютъ свои исловѣди лашіе богдоханы и пр. Серіозныя піесы обыкновенно заканчиваются эпилогами торжества добродѣтели и мудрости, слабого надъ сильнымъ и т. п.

Такое воспитаніе въ школахъ и жизни естественнымъ путемъ отражается въ общественномъ положеніи и на характерѣ Китайцевъ. И дѣйствительно, мы видимъ что уровень образованія между всѣми ихъ сословіями болѣе или менѣе одинаковъ. Самый простой лахарь началъ учиться съ тѣхъ же самыхъ классиковъ какъ и первый баринъ; въ ихъ общественномъ воспитаніи они оба видятъ и слышатъ одно и то же; и въ домашнемъ ихъ быту, при извѣстной патріархальной простотѣ во всей его обстановкѣ, разница не большая: только одинъ бѣдѣе, другой богатъ. Одѣньте перваго въ шелковое одѣяніе, онъ немедленно приметъ всѣ манеры втораго. Такъ-называемой черни въ толлѣ между Китайцами нѣтъ. Для каждаго Китаеця одинаково доступна административная карьера; въ ея вери каждый изъ нихъ можетъ шагнуть по однѣмъ и тѣмъ же ступенямъ. Для каждаго Китаеця въ употребленіи мѣстоименіе *сы*; и для каждаго одинаковы всѣ общественныя приемы и приличія. Къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, въ какомъ бы матеріальномъ положеніи ни былъ, въ какомъ бы моральномъ состояніи ни находился, Китаецъ

всегда гордъ, всегда привѣтливъ предъ старшими, глядя на нихъ какъ на своихъ руководителей, называя ихъ старши братьями. Китаецъ стоитъ горой за все китайское и въ всего иноземнаго, сколько бы оно ни обольщало его.

Мы не станемъ говорить объ остальныхъ выдающихся чтахъ въ характерѣ Китайца, желая оставаться въ тѣснѣ рамокъ очерковъ. Но подтвердимъ сказанное нѣсколькими фактами, взятыми нами безъ всякаго выбора и болѣе частью подмѣченныхъ нами лично.

Мы не знаемъ, на примѣръ, человѣческаго созданія отъ тительнѣе китайскаго нищаго. Этотъ общественный локъ представляетъ собой крайнее олицетвореніе грязи, роковъ, цинизма. Но „бросьте“ ему монету, онъ не возьметъ ее. Полунагой, спасающійся отъ стужи клочкомъ рогожи, постуль столь же важна какъ идущаго въ мантии бояру. Остерегайтесь не посторониться, не дать ему дороги, бить жалкій взглядъ на него; онъ презрительно окипетъ въ своимъ обезображеннымъ взоромъ. Встрѣтивъ иноземца, осмѣветъ его какъ нѣчто ничтожное.

Сядьте въ извоициью повозку и заставьте извоицика гнать своего мула; извоицикъ не станетъ слушать васъ. Обзоръ его мѣстоимѣніемъ *ты* или лугните его, онъ сойдетъ облучка и привѣтливо предложитъ вамъ разстаться съ повозкой.

Обойдитесь сколько-нибудь неделикатно съ своимъ слугой. Послѣ того вы уже не увидите его; онъ немедленно уйдеть отъ вашего мѣста.

Гордость, похожая на надменность, обща всемъ кицкимъ чиновникамъ.

Остановитесь на улицѣ предъ столпившимися Китайцами. Вы видите что тутъ происходитъ споръ, драка; противники уже тянутъ другъ друга за косы. Не полиція, остающа праздною зрительницей, а прохожій старикъ разнимаетъ помирить ихъ.

Кунъ-фуцзы ли вы осудите или какую-нибудь немудрую мѣстную власть, противопоставивъ, какъ лучшее, свое земное, Китаецъ навязчиво и горячо станетъ васъ ослѣплять, хотя бы и не зналъ качества того лучшаго.

Между Китайцами никогда не замѣтите предпочтенія иноземному, какъ бываетъ въ другихъ странахъ. У нихъ всегда все свое лучше.

Однажды одинъ изъ лучшихъ китайскихъ генераль-губернаторовъ, сдѣлавъ намъ визитъ, похвалилъ поставленныя предъ нимъ конфеты съ хлопучками, спросилъ гдѣ можно купить ихъ и взялъ ихъ горсть для своихъ дѣтей. Сказавъ адресъ иноземнаго магазина, мы приказали всю вазу конфетъ отдать слугамъ гостя для его же дѣтей. Но, какъ мы освѣдомились, даже и такое иноземное лакомство не нашло въ чадолубивомъ отцѣ покупателя и онъ остался при китайскомъ десертѣ, до арбузныхъ сѣмечекъ включительно.

Мы были въ дружбѣ съ отличавшимся своимъ знакомствомъ съ Западомъ ученымъ и заслуженнымъ Китаецемъ. Дружба продолжалась уже пятый годъ. Однажды, въ минуты откровенной бесѣды, Китаецъ сказалъ что видитъ въ насъ дѣйствительно превосходнаго человѣка, а за то тѣмъ болѣе онъ вздыхаетъ о жалкомъ, неисправимомъ недостаткѣ нашемъ. О какомъ? О томъ прискорбномъ обстоятельстве, отвѣтъ Китаецъ, что вы не Китаецъ.

Люба только родное, къ иноземному Китаецъ чувствуетъ природное отвращеніе. Мы не разъ слышали интимности Китайцевъ, увѣрявшихъ что отъ иноземцевъ пахнетъ чѣмъ-то отвращающимъ, какою-то говядиной или собачиной. И это говорятъ Китайцы, вообще отличающіеся нечистоплотностью, объ иноземцахъ, въ Китаѣ ежедневно заботящихся о ванной и о двухъ перемѣнахъ бѣлья.

Мы не забудемъ какъ нашъ подрядчикъ Китаецъ отказывался отъ даровыхъ русскихъ салазокъ, продолжая доставлять намъ много тысячъ кирлица въ тяжелой телѣгѣ по дорогѣ глубоко занесенной снѣгомъ. Его смущали уличныя насмѣшки за предпочтеніе иноземному. Замѣтимъ еще что этотъ случай мы встрѣтили не въ Китаѣ собственно, а въ дальнемъ Туркестанѣ, въ городѣ Чугучакѣ, и подрядчикъ былъ не чистый Китаецъ, а окитаевшійся Татаринъ, Дунгань.

Къ живущимъ въ Китаѣ иноземцамъ между Китайцами нѣтъ никого ближе какъ ихъ секретари и компрадоры. Они близки оттого что, благодаря ихъ услугамъ, невѣдающіе Китая и его языка могутъ жить и дѣйствовать въ этой странѣ. Однакожь сколько бы ни ласкали и ни награждали такого Китайца, сколько бы онъ ни обогащался отъ иноземца, сердце его всегда остается глухо. Ни привязанности, ни откровенности, ни преданности, ни честности не дожидаться отъ него. Оттого-то иноземцы славятъ Китайцевъ мно-

гими пороками; видятъ въ нихъ явное криводушіе, безчестность, подлость, не вѣря тому что тотъ же самый Китаецъ разчитывается со своими земляками въ крупныхъ капиталъ не требуя даже росписокъ.

The poltroons, les lâches Китайцы, обыкновенно повторяютъ цинземецы, обманутые въ своихъ лагеряхъ подкупленными ими лазутчиками, или въ канцеляріяхъ задобренными ими мѣстными властями, или наконецъ тѣми же самыми секретарями и компрадорами, которые, высказывая будто бы секреты своего правительства, дгутъ или повторяютъ всѣмъ уже извѣстное, только бы настроить къ откровенности не опытнаго собесѣдника, узнать его взгляды и секреты, для правдивой ихъ передачи Китайцамъ власть имущимъ.

Мы готовы услышать возраженіе что не всѣ же Китайцы столь примѣрные сыны отечества. Это такъ. Но и мы говоримъ только о преобладающемъ большинствѣ между ними.

Прибавимъ что есть и ереси въ политическомъ складѣ Китая. Онѣ проявляются въ нѣсколькихъ школахъ. Между ними наиболѣе извѣстны три: ученіе блага неюфара (pelumbium alba), называемое по-китайски „бай линъ цзяо“, проповѣдуетъ республиканскій строй страны, со многими отбѣнками коммунизма; ученіе триархіи, * по-китайски „сань хо цзяо“, проповѣдуетъ равенство всѣхъ и cadaго въ положеніяхъ матеріальномъ и нравственномъ, связывая все и cadaго въ общинной равноправности трехъ началъ, отца семейства, учителя школы и выборнаго отъ всей общины старшины. Ученіе братства, по-китайски „гэ цзяо“, проповѣдуетъ тѣснѣйшую взаимную политическую связь всѣхъ и cadaго, жертвуя ради ея даже родственными и общественными обязанностями и связями. Послѣдователи всѣхъ этихъ ученій соединяются въ уніи.

Въ нашемъ очеркѣ мы не имѣемъ намѣренія говорить объ этихъ уніяхъ, по тенденціямъ своего ученія часто превосходящихъ ультра-соціалистскія ученія. Замѣтимъ мимоходомъ что два первые ученія ведутъ свое происхождение далеко до временъ Рождества Христова. Мы имѣемъ основаніе къ догадкѣ что они внесены въ Китай извнѣ, можетъ-быть изъ Вавилона, лилигримствующими учителями за-

* Писатели въ западной Европѣ это ученіе называютъ ученіемъ триады.

кона (лао ши), имѣвшихъ значительнѣйшее вліяніе на весь слагавшійся общественный и моральный складъ Китайцевъ. А учение братства, по словамъ китайскихъ писателей, есть незаконное дѣйствие происшедшее изъ уставовъ буддистовъ о братствахъ. Нѣкоторые, впрочемъ довольно темные эпизоды въ исторіи Китая до и послѣ Рождества Христова, могутъ отчасти свидѣтельствовать о немногихъ годахъ процвѣтанія, даже господства ученія бѣлаго неюфара, при сочувствіяхъ къ нему самаго богодана. Но при столь мимолетной исключительности, во всѣ остальные времена китайское правительство и отчасти общественное настроеніе народа были противъ сказанныхъ ученій. Оттого они строго преслѣдуются уголовными законами и почти покрыты тайной безмолвія въ литературѣ. * Впрочемъ между Китайцами ходятъ толки что ученіе бѣлаго неюфара, имѣя много развѣтвленій и отличаась многими практическими сторонами милосердія къ бѣднымъ, въ своихъ ученіяхъ имѣетъ и по нынѣ послѣдователей болѣе чѣмъ остальные два.

Пора заключить наши замѣчанія на *Очерки Современнаго Китая*. Но построивъ замѣчанія свои на фактахъ, считаемъ себя обязанными обратить вниманіе и на тѣ факты которыми авторъ, какъ очевидецъ, подтверждаетъ свои заключенія противоположныя нашимъ. Если по одному и тому же предмету встрѣтились заключенія взаимно противорѣчающія, то естественно что по существу только тѣ изъ нихъ точны которыя построены дѣйствительно на фактахъ, и тѣ изъ нихъ въ разладѣ съ истиной которыя построены не на достоверностяхъ, не на фактахъ въ собственномъ смыслѣ, а на фикціяхъ и на невѣрныхъ воззрѣніяхъ.

Насколько наши факты годны быть названными фактами, повѣрять не намъ. Повѣримъ противоположныя имъ.

Какъ на фактъ, конечно, особенной важности, авторъ-очевидецъ указываетъ что поколѣнія Китайцевъ которые

* Въ отдѣленіяхъ китайскихъ книгъ и рукописей въ публичныхъ бібліотекахъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Парижѣ нѣтъ ничего о сказанныхъ ученіяхъ. А въ Москвѣ, въ Публичной бібліотекѣ и Румянцевокомъ музеѣ, въ ихъ китайскомъ отдѣленіи, по каталогу за № 24, хранится очень цѣнная рѣдкая рукопись, въ 3 тетрадахъ, in 16°, заключающихъ въ себѣ гіерогамы ученія бѣлаго неюфара; и за № 25, о сектѣ бѣлаго неюфара и объ ея послѣдователяхъ, въ 3 книгахъ, in 8°, изданія 1826 года.

вѣрили въ непогрѣшимость и прочность прежнихъ порядковъ, вымирають, а новые рождаются и растутъ, при условіяхъ совершенно различныхъ отъ прежняго. И затѣмъ какъ бы для удостовѣренія въ сказанномъ, авторъ прибавляетъ: молодіе Китайцы командуютъ пароходами, умѣють приготовить различныя орудія, читають *Астрономію* Гершеля и въ большомъ числѣ наполняютъ христіанскіе храмы.

Такимъ образомъ изъ *Очерковъ Современнаго Китая* онъ называется, если вѣрить имъ, что нараждающееся новое поколѣніе сметаешь съ поверхности Китая старыхъ людей, старыя закоснѣлыя въ китайщинѣ. Оттого, въ правѣ сказать читатель, если писанное нами въ настоящей статьѣ имѣетъ тендензію на точность, то оно точно относится къ вымирающему уже поколѣнію, нисколько не касаясь китайской молодежи, достойной очерковъ болѣе современныхъ.

Пусть такъ. Но, въ свою очередь, мы спросимъ автора, какой руководящій масштабъ далъ ему средство столь резко разграничить китайское старье отъ нараждающаго поколѣнія; насколько внимательно онъ всмотрѣлся и изучилъ Китайцевъ чтобы произнести о нихъ столь широкое заключеніе, ни болѣе, ни менѣе какъ о перерожденіи націи. Для этого конечно требуются факты весьма вѣскіе. Между тѣмъ вмѣсто нихъ, авторъ выставляетъ лишь четыре указанія участіе Китайцевъ въ занятіяхъ иноземцевъ. Впрочемъ мы покажемъ что и приведенныя указанія едва ли говорятъ въ пользу его заключенія.

И въ самомъ дѣлѣ, неужели только недавно Китайцы учились командовать судномъ? Извѣстно что въ Китаѣ военный флотъ существуетъ очень давно; онъ имѣетъ свою исторію, свой уставъ, свои обычаи. * Если нынѣ Китайцы командуютъ пароходами, которыхъ еще такъ недавно они не знали, то трудно убѣдиться что ни Китаецъ капитанъ и никто изъ Китайцевъ на пароходѣ нисколько не работаютъ и ничего не знаютъ о машинѣ парохода, за которую смотрятъ, вполнѣ отвѣчаютъ и которою управляютъ инженеры-иноземцы. Точно то же самое мы скажемъ и о Китайцахъ находящихся при нарѣзкѣ орудій въ своихъ арсеналахъ. Понынѣ они находятся только въ качествѣ рабъ

* См. нашу статью *О военномъ морскомъ дѣлѣ у Китайцевъ*, в *Морскомъ Сборникѣ*, № 10, 1858.

чихъ при машинахъ, установленныхъ и приведенныхъ въ дѣйствиe механиками-иноземцами. Третій примѣръ, чтеніе молодыми Китайцами *Астрономіи* Гершеля, намъ представляетъ преждевременнымъ, такъ какъ по сію пору въ китайскомъ переводѣ нѣтъ сказаннаго сочиненія; да притомъ нынѣшнимъ Китайцамъ и не понятъ ничего изъ европейской астрономіи. * Наконецъ хожденіе въ католическіе храмы ровно ничего не доказываетъ въ пользу новаго поколѣнія Китайцевъ, если принять въ соображеніе какова масса молящихся.

Однакожь будемъ справедливы. Согласимся что командиры наконецъ достигнутъ весь механизмъ ларохода; что работники наконецъ станутъ хорошими мастерами при разныхъ орудіяхъ, и юноши наконецъ будутъ читать будущій переводъ *Астрономіи* Гершеля. Но что же тогда-то? Неужели такіе знатоки въ иноземномъ дѣлѣ станутъ уже людьми новыми, бросятъ все свое родное? Неужели такіа личности настолько шагнутъ впередъ предъ остальными своими ссотечествами что станутъ оракулами возрожденія своей націи? Мы думаемъ что ничего подобнаго не выйдетъ. Не выйдетъ оттого что и безъ знакомства съ иноземнымъ знаніемъ Китайцы не дикари. Кто даже изъ слегка знающихъ Китай не согласится что его народъ не только умный, а даже и славится умнѣемъ. На этотъ разъ обратитъ вниманіе только на разнообразныя отрасли техники. Ихъ своды и арки по сію пору непоколебимо стоятъ на Великой Стѣнѣ, которой постройка началась за два столѣтія до Р. Х. Ихъ земледѣліе, со всѣми его отраслями, можетъ служить образцомъ для Европы. Ихъ Великій Каналь столь точно описанный Стоумтономъ, ** есть образецъ гидротехники. Ихъ мраморныя на аркахъ мосты, шлязы, водопроводы не разрушаются столѣтіями. Ихъ система ирригаціи лучшая въ свѣтѣ. Ихъ издѣлія мануфактурныя, фарфоровыя, литейныя, токарныя, столярныя, рѣзные, мозаичныя, бумажныя; ихъ искусство книгопечатанія, красильное, рисовальное, заставляютъ удивляться всѣ образованныя націи въ обоихъ полушаріяхъ. А у кого они учились? Не у иноземцевъ конечно. Ихъ учителемъ была ихъ собственная натура, извѣстная своимъ способностями, своимъ трудолюбіемъ и изысканнымъ

* См. мою статью *Судьба астрономіи въ Китай*.

** См. *Voyage en Chine*.

вкусомъ. Подъ вкусъ ихъ не можетъ подладиться ни одинъ изъ иноземныхъ подражателей.

Тѣмъ не менѣ авторъ *Очерковъ*, въ указанныхъ имъ примѣрахъ видитъ несомнѣнный прогрессъ въ новомъ поколѣннн Китайцевъ и удивляется что то „что едва было мыслимо за тридцать лѣтъ назадъ, совершается теперь во-очю“. А это удивленіе приводитъ его къ заключенію что „какъ ни узорны вѣковые прѣдразсатки, какъ ни трудно побѣднть оскорбленное народное чувство сближеніемъ съ чужеземцами-оскорбителями, но дѣло проникновенія въ Китай западной цивилизаціи идетъ твердо, хотя и медленною столой“.

Мы не можемъ раздѣлять съ авторомъ такихъ воззрѣннй.

Зная Китайцевъ за консерваторовъ по ихъ традиціямъ, мы знаемъ тоже что они никогда не бывали врагами новнзны. Ихъ исторія богата примѣрами охотнаго введенія Китайцами въ своей странѣ чужеземнаго, если оно обѣщало принести практическую пользу. Имѣя предъ глазами ихъ исторію, можно прослѣднть изъ вѣка въ вѣкъ что Китайцы не только не чуждались иноземцевъ и ничего иноземнаго, а даже съ практическимъ тактомъ, достойнымъ похвалы, заискивали въ нихъ вступая въ сношенія, пользуясь чужими услугами, передавая чужестранцамъ и свое. Не вдаваясь во времена глубокой древности, когда въ первый разъ наука была внесена въ Китай изъ-внѣ наплывомъ учителей закона (дао ши), изъ лѣтописей Китая мы знаемъ что благодаря торговымъ путямъ сухопутнымъ и морскимъ, въ этой странѣ бывали Египтяне, Греки, Римляне, Инднйцы, Арабы, а въ послѣдствнн и нынѣшніе Европейцы. Кто не знаетъ о гостепрнмствѣ встрѣченномъ у Китайцевъ знаменитымъ Марко-Поло, столь щедро обогатившимъ Европу свѣдѣннями и нововведеннями изъ Китая.

Не Китайцы взяли, а взяли у нихъ въ Европу книгопечатаніе, порохъ, комласъ, векселя, шелкъ, фарфоръ, и еще множество другаго. Но мы знаемъ что и въ Китай было много внесено изъ внѣ, изъ рукъ иноземцевъ, и между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ многіе сельско-хозяйственные продукты, съ табакомъ и съ хлопкомъ, нѣкоторыя краски, войлокъ, и проч. Еще не очень давно, съ прошедшаго столѣтня, при возникшихъ торговыхъ сношенняхъ съ Россіей, Китайцы стали охотно пользоваться нашими продуктами, наконецъ усвоившимися у нихъ въ предметы необходимости, какъ на-

примѣръ наше сукно въ форменной ихъ одеждѣ. Еще ранѣе насъ въ Китаѣ были обласканы Испанцы, Италіянцы и Французы, въ ихъ іезуитскихъ сутанахъ, когда Китайцы увидѣли возможность научиться у нихъ астрономіи, часовому дѣлу и другимъ, для чего не побрезгали посадить иноземцевъ въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и въ мастерскихъ во дворцѣ богдохана, внимали ихъ указаніямъ въ постройкѣ новой обсерваторіи, и не жалѣли денегъ, только бы имѣть изъ Франціи лучшіе астрономическіе приборы и инструменты. Если іезуиты не удержались въ Китаѣ, если по изгнаніи ихъ, Китайцы стали чуждаться каждаго Европейца, то вина въ томъ лежитъ не на Китайцахъ, а на самихъ европейцахъ, которые своей передовою милиціей, іезуитами, оказавшимися политическими интриганами, уронили къ себѣ кредитъ въ Китаѣ.

А то что бывало въ Китаѣ всегда прежде, мы видимъ и теперь. И теперь преодолевъ оскорбленное народное чувство, вынужденные растворить настежь двери Имперіи иноземцамъ, Китайцы не только не чуждаются сближенія съ ними, а даже заискиваютъ въ нихъ, не ради дружбы конечно, а для практическихъ нуждъ, и прежде всего для улучшенія военной части. Давно и обильно снабженные флотомъ и войсками, крѣпостями, орудіями и порохомъ, въ войнѣ съ Англіи-Французами Китайцы увѣрились что всѣ ихъ средства были хороши въ старину, хороши и теперь для наказанія комадовъ, но не годны для борьбы съ хорошо вооруженными народами. Они заключили что только этотъ недостатокъ заставилъ ихъ подписать ненавистныя имъ статьи трактатовъ, заставилъ подллясывать ихъ самолюбіе подъ барабанный бой иноземцевъ. Потомъ вскорѣ когда иноземцы уже упрочились въ Китаѣ, Китайцы увидѣли что западные варвары тароваты, готовы дѣлиться своими знаніями, изобрѣтеніями, открытіями, очень пригодными для улучшенія военной силы. И вотъ, не жалѣя драгоценнаго металла, Китайцы, съ своимъ правительствомъ во главе, построили цѣлую систему приглашеній къ себѣ на службу иноземцевъ, и ихъ знаніемъ и руками, съ необыкновенною дѣятельностію, воздвигаютъ, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, арсеналы и пороховые заводы, доки и пароходы; накупаютъ Круловскія орудія, лучшія ружья, обучаютъ свое войско, переводятъ на свой языкъ лучшія

практическія руководства, въ Пекинской образцовой школѣ обучаютъ своихъ юношей астрономіи, физикѣ, химіи, медицинѣ, международному праву и иноземнымъ языкамъ.

Въ настоящихъ очеркахъ не мѣсто говорить объ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ такой новой дѣятельности Китайцевъ; неумѣстно говорить и о томъ насколько она производительна во всѣхъ своихъ частностяхъ. Но въ указаніе противорѣчія въ какомъ ожиданія автора *Очерковъ Современнаго Китая* находятся съ дѣйствительной современностью этой страны, мы обязаны сказать что эта новая дѣятельность насколько не сдвигаетъ съ своего насиженного гнѣзда китайскую цивилизацію, чтобъ отдать мѣсто цивилизаціи западной. Эта дѣятельность скорѣе усиливаетъ чѣмъ ослабляетъ китайскую самостоятельность, выѣдряя, какъ бывало и встарь, принятое отъ иноземцевъ въ собственную плоть и кровь Китайцевъ, поглощая заимствованное въ бездонномъ ящикѣ ихъ самобытности.

И въ результатѣ Китайцы остаются въ выигрышѣ. Такъ, напримѣръ, нынѣ, въ теченіе семи лѣтъ, ихъ правительство уже успѣло укрѣпить и вооружить свои береговыя крѣпости, въ собственныхъ верфяхъ построило паровую флотилію, тоже вооруженную лучшими орудіями; на своихъ заводахъ Китайцы имѣютъ порохъ, превосходящій англійскій; около береговъ разставили сторожевыя маяки, а въ устьяхъ рѣкъ укладываютъ торпеды; выкнудили въ насъ международное право и имѣютъ собственныхъ драгомановъ для иноземныхъ языковъ. При такомъ началѣ Китайцы стали уже смѣлѣе относиться къ требованіямъ иноземцевъ.

Успѣхамъ въ такой новой дѣятельности много помогаетъ природная сметка Китайцевъ, умѣнье прилаживаться къ иноземцамъ. Ради своихъ выгодъ, они очень ловко прикидываются въ сердечной будто привязанности къ иноземному, ими презираемому; готовы слегка и осудить родное, столь имъ безцѣнное; ради шика цивилизаціи иногда лялятъ на себя европейскую шалку, салоги, или палятъ наши палиросы. Благодаря своей сметкѣ, Китайцы охотно выкупаютъ иноземцевъ изъ затрудненія говорить по-китайски, быстро слагая новыя нарѣчія для взаимныхъ разговоровъ. Таково англо-китайское нарѣчіе въ портахъ, русско-китайское въ Кяхтѣ. Въ открытыхъ портахъ Китая такими дресированными туземцами наполнены всѣ улицы, всѣ дома, гдѣ

бываютъ иноземцы. Оттого иноземцы только съ ними и водятся, только ихъ и видятъ. Оттого же, собственно, только по такимъ Китайцамъ иноземцы произносятъ роковой судъ, говоря что „старое поколѣніе вымираетъ, а новое родится и растетъ, при условіяхъ совершенно отличныхъ отъ прежняго“.

Но, увы, не то на дѣлѣ. Заимствованное у иноземцевъ не придаетъ Китайцамъ даже полуютѣвника отрѣшенія ихъ отъ своей самобытности, да и эти замаскированныя въ новую личину люди, когда расстаются съ общеніемъ иноземцевъ, удаляясь изъ портовъ къ себѣ домой, въ бездонную глубь Китая, сбрасываютъ тяжкое для нихъ платье, для смѣны на старое. И вотъ у себя дома, съ проной вспоминаютъ и разказываютъ сосѣдямъ о своемъ хожденіи по иноземнымъ канатамъ и чествятъ иноземцевъ.

Мы идемъ эти строки съ натуры, не разъ встрѣчавшись съ такими шутниками, измѣнниками западному просвѣщенію, къ которому будто бы они шли „твердою, хотя и медленною стогою“.

Не можемъ согласиться и съ тѣмъ фактомъ, высказаннымъ въ *Очеркахъ Современнаго Китая*, будто бы „даже въ средѣ чиновничества (китайскаго), самаго своекорыстнаго и закоренѣлаго въ своихъ привычкахъ сословія, начинаютъ появляться новые люди; они сидятъ теперь среди европейскихъ сотрудниковъ по таможеннымъ, гдѣ не берутъ взятокъ“. Закоренѣлость этого сословія въ своихъ привычкахъ обща и не превосходитъ закоренѣлости въ привычкахъ всѣхъ остальныхъ туземныхъ сословій. Называть ихъ своимъ своекорыстнымъ сословіемъ неправильно, такъ какъ между ними всегда бывало не мало людей вполне честныхъ. Что же касается до новичковъ бюрократовъ, нынѣ снѣгающихъ въ портовыхъ таможенныхъ, то и въ принятія взятокъ, называемыхъ подарками, они упражняются, а самая участь ихъ жалка. Они подначальны иноземцамъ, получающимъ оклады въ десять, во сто разъ болѣе, и оставались бы при нихъ до гроба въ званіи лисцовъ, еслибы не убѣгали безъ оглядки прочь, къ болѣе лакомымъ должностямъ, гдѣ и кулаются вполне свободно въ подносимыхъ имъ обычныхъ приношеніяхъ.

Неточно также каждое слово автора, когда онъ говоритъ будто бы новые люди, то-есть Китайцы служащіе

писарями по портовымъ таможнямъ, „образуются въ нѣсколькихъ школахъ, устроенныхъ, volens-polens, самимъ консервативнымъ правительствомъ, и, мало-по-малу, перейдутъ наконецъ на мѣста генераль-губернаторовъ и министровъ. Известно что Китайцы служащіе по портовымъ таможнямъ обыкновенно опредѣляются не изъ школъ устроенныхъ въ Пекинѣ по иностранной программѣ. Далѣе, эти образцовыя школы устроены не поневолѣ, а, какъ мы замѣтили выше, по инициативѣ самого правительства. Наконецъ, студентамъ образцовыхъ школъ никогда не бывать ни генераль-губернаторами, ни министрами, буде они не отрѣшатся отъ своей карьеры данной имъ ихъ образованіемъ. Не отрѣшившись отъ карьеры западника, въ глазахъ каждаго Китайца, даже въ правительственной сферѣ, всегда будетъ казаться ренегатомъ своей страны. Замѣчательно что между своими земляками, студенты стыдятся своей принадлежности къ такимъ школамъ. При сказанномъ взглядѣ, кто жь изъ Китайцевъ такому новому человѣку дастъ ходъ къ блистательнымъ и гамъ по службѣ? Оттого-то вѣрнѣе что онъ всегда будетъ оставаться въ черномъ тѣлѣ, на побѣгушкахъ между китайскими властями и иностранцами. Этимъ объясняется весь обыкновенное явленіе что студенты образцовыхъ школъ смотря въ даль своей будущности, пользуются каждымъ благопріятнымъ случаемъ чтобы разстаться съ своими науками. Или, уже побѣгавъ въ обязанностяхъ драгоманства ищутъ удобной лазейки перешагнуть въ другую должность, сколь можно подалѣе отъ общенія съ иностранцами. Въ носъ своей должности, этотъ новый человѣкъ дѣлается старымъ записнымъ Китайцемъ, и нерѣдко отъявленнымъ врагомъ всему иностранному. Если такіе люди когда-либо сядутъ высшія правительственныя кресла, то отъ ихъ вліянія не придетъ легче иностранцамъ. И вслѣдствіе такого же вліянія, мы не поручимся что ни намъ, ни нашимъ правнукамъ не придется того времени когда благодаря европейски образованнымъ высшимъ властямъ, по словамъ автора *Очерковъ Современнаго Китая*, „случится что жители разныхъ областей Небесной Имперіи узнаютъ что далеко не все такъ однородно въ ихъ государствахъ, какъ думали ихъ отцы, дѣды и праотцы.

Такимъ образомъ, почти въ каждомъ выписанномъ нами словѣ, въ каждомъ разобранномъ фактѣ, мы видѣли склонность автора *Очерковъ Современнаго Китая* къ болѣе

менше фиктивному взгляду на Китай и на Китайцевъ. От чего это? быть-можетъ спросить насъ недовѣрчивый читатель. Отъ того, отвѣтимъ мы, что *Очерки* написаны туристомъ, видѣвшимъ Китай только на оконечностяхъ его, такъ-сказать изъ оконъ отеля, безъ изученія страны и ея исторіи, безъ знакомства съ настоящими Китайцами, съ ихъ бытомъ, языкомъ. Авторъ далъ свое сужденіе о Китаѣ и объ его народѣ по отрывочнымъ и мимолетнымъ наблюденіямъ надъ Китайцами живущими въ своихъ портахъ, далеко не похожими на настоящихъ Китайцевъ; и со строкъ печати, принадлежащихъ поселившимся въ китайскихъ портахъ иностранцамъ, нисколько не изучающимъ страны, смотрящимъ на нее въ бинокль своего цивилизаторскаго величія. Впрочемъ не онъ первый и не онъ послѣдній изображаетъ современный Китай въ столь фиктивныхъ очеркахъ. А изъ суммы подобныхъ сужденій мало-по-малу слагается та крупная реклама которая довѣрчивыхъ заставляетъ вѣрить что чрезъ многія двери, отпертыя ключами католической пропаганды и кое-какихъ ученій, быстро проникаетъ въ Китай западное вліяніе, угрожая его сороковѣковой самостоятельности.

К. ОКАЧКОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОСВѢЩЕННОЕ ВРЕМЯ

Д Р А М А

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

ИРАКЛІЙ СЕМЕНЫЧЪ ДАРЪЯЛОВЪ, отставной корнетъ, по
прежнему своему занятію шулеръ, а нынѣ директоръ компаніи „по
выщилкѣ руна изъ овецъ“.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА—жена его.

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ АМАТУРОВЪ, богатый помѣщикъ,
лошадиный охотникъ и господинъ вообще живущій въ свое удоволь-
ствіе; не молодой уже, но очень еще красивый и молодцоватый изъ
себя.

АНИКА МАТВѢИЧЪ БЛИНКОВЪ, молодой куличикъ и тоже очень
богатый.

ЭМИЛІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ГАЙЕРЪ — другой директоръ компаніи
„по выщилкѣ руна изъ овецъ“.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРИХВОСНЕВЪ, агентъ по всевозмож-
нымъ дѣламъ и содержатель увеселительнаго сада, называемаго: „Рус-
ская Забава“.

СЕКРЕТАРЬ КОМПАНИИ.

НАДЯ, горничная Софьи Михайловны.

ХОЖАЛЫЙ.

Акціонеры компаніи „по выщипкѣ руна изъ овецъ“:
 АБДУЛЬ-АГА, Татаринъ и зажиточный владѣлецъ мыльнаго завода.
 АГЕЙ-ОГЛЫ-ЭФЕНДИ, мулла киргизскій.
 ГАСПАРЪ ГАСПАРОВИЧЪ БЕЗХОВЪ-МУРИТСКІЙ, старый ростовщикъ изъ Армянъ, подслѣповатый и съ трясущеюся головой.
 ОДИНЪ МОЛОДОЙ АРМЯНИНЪ.
 ДРУГОЙ МОЛОДОЙ АРМЯНИНЪ.
 Гжа ТРУХИНА.
 ПРЕРИРАТОВЪ, повѣренный ея.
 ТРИ ЧИНОВНИКА.
 ШЕСТЬ ЧЕЛОВѢКЪ АРТЕЛЬЩИКОВЪ.
 ДЯЧОКЪ.
 КУЧЕРЪ.
 ЛАКЕИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Жестіи будуаръ, съ коврами, съ мягкой ситцевою мебелью и со множествомъ модныхъ бездѣлушекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА сидитъ на одномъ креслѣ около стола, а АМАТУРОВЪ — на другомъ не вдалекѣ отъ нея.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(смотря со страстью на Амурова)*.

Ты очень меня любишь?

АМАТУРОВЪ *(потупляя нѣсколько свои красивые глаза)*.

Очень!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Но за что?

АМАТУРОВЪ *(пожимая плечами)*.

Вопервыхъ, за то что ты хороша собой!.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(слегка встѣхивая)*.

Ну да, я знаю: ты мнѣ это ужъ говорилъ; но это собственно чувственная привязанность... А за что же еще ты меня любишь?

АМАТУРОВЪ *(какъ бы нѣсколько затрудняясь)*.

За то что ты умна.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(довольнымъ гол-
сомъ).*

Нѣтъ, ты не шутишь?... Я въ самомъ дѣлѣ кажусь тебѣ умна?

АМАТУРОВЪ.

Нисколько не шучу!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ну, а еще за что любишь?.. Скажи мнѣ, милый мой, мнѣ такъ отраднo это слышать!

АМАТУРОВЪ *(опять пожимая плечами).*

Еще за то, пожалуй, что ты сама меня любишь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ахъ, я тебя ужасно люблю!... Но вотъ еще въ чемъ ты признайся мнѣ: другихъ женщинъ, прежде меня, ты конечно любила?... Безъ сомнѣнiя?..

АМАТУРОВЪ *(улыхаясь).*

Была грѣхъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(быстро подхватывая).*

Разумѣется.... Но которую же изъ нихъ ты больше любила?

АМАТУРОВЪ.

Полагаю что къ тебѣ у меня самое серьезное и большое чувство.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Поклянись что это ты говоришь правду!

АМАТУРОВЪ.

Клянусь, или по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту мнѣ это такъ представляется.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ досадою).*

О настоящей минутѣ и не говори, а скажи что ты всю жизнь будешь это чувствовать!

АМАТУРОВЪ.

Полагаю даже что всю жизнь...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

И какую бы, значить, большую жертву или испытанiе самоотверженiе тебѣ ни пришлось перенести за меня, ты перенесешь и не разлюбишь меня?

АМАТУРОВЪ.

Зачѣмъ же разлюбливать?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

И теперь вотъ, когда мы такъ сидимъ здѣсь, тебѣ хорошо со мной?

АМАТУРОВЪ.

Еще бы!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

А какъ мнѣ-то хорошо!.. Я бы всю жизнь такъ сидѣла и глядѣла на тебя (*вдруг беретъ Аматурова за руку и начинаетъ уловать ее*).

АМАТУРОВЪ (*нѣсколько смущенный этимъ*).

Ну, полноте! (*Самъ начинаетъ уловать руку Софьи Михайловны*). Но ты скажи собственно за что меня любишь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*стремительно*).

Я? Тебя?.. За все!.. За твой умъ!.. За сердце твое, доброе ко мнѣ!.. За твое лицо!.. За чудные глаза твои!.. Ты богъ какой-то для меня!.. Идолъ!.. И меня теперь пугаетъ одно, что случится это когда-нибудь измѣнится и мы должны будемъ разстаться!.. У меня при одной мысли объ этомъ холодъ пробѣгаетъ по всей.

АМАТУРОВЪ (*нѣсколько встревоженными тономъ*).

Зачѣмъ же и съ какой стати намъ разставаться?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*почти гнѣвно*).

Мало ли что можетъ произойти!.. Разумѣется, еслибъ я была свободная женщина, тогда другое дѣло, но я замужемъ....

АМАТУРОВЪ (*попрежнему съ нѣкоторымъ безпокойствомъ*).

А развѣ мужъ думаетъ ухватить или переухватить куда-нибудь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Не знаю!.. Кто жь его вѣдаетъ что онъ думаетъ!.. Ему конечно не должны вѣряться наши отношенія!.. (*Торопливымъ голосомъ*.) Однако я слышу его шаги!.. Поотодвинься отъ меня подальше!

АМАТУРОВЪ *отодвигается отъ стола, а СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА облачивается на спинку своего кресла.*

ЯВЛЕНИЕ II.

Входитъ ДАРЬЯЛОВЪ съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ.

ДАРЬЯЛОВЪ *(грубо жемт)*.

Что жь ты—готова? *(Кивая небрежно и почти съ презрѣніемъ Аматурову головой.)* Здравствуйте!

АМАТУРОВЪ *въ свою очередь тоже ему довольно сухо кланяется.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я вовсе и не думала быть готова.

ДАРЬЯЛОВЪ *(покраснѣвъ отъ злости)*

Значить, ты не поѣдешь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я еще давеча тебѣ сказала что не поѣду...

ДАРЬЯЛОВЪ.

Почему жь ты не поѣдешь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Потому что я совершенно не нужна тутъ...

ДАРЬЯЛОВЪ.

Нѣтъ, нужна!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Зачѣмъ?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Зачѣмъ что это дѣло серьезное, вѣковос. — Мнѣ, можетъ быть, нужно будетъ посоветоваться съ тобой.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я тебѣ ничего не могу посоветовать, потому что ничего не понимаю.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Положимъ что не понимаешь; но если я хочу этого.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ усмѣшкой).*

Странное желаніе...

ДАРЬЯЛОВЪ.

Вовсе не странное! Я объяснилъ тебѣ почему я желаю объясни и ты, почему ты не хочешь ѣхать?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Такъ... просто не хочу...

ДАРЪЯЛОВЪ.

Но совершенно безпричинныхъ желаній быть не можетъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Отчего жь не можетъ?.. Можетъ..

ДАРЪЯЛОВЪ (*передразнивая жену*).

„Можетъ!“ Бычокъ, по обыкновенію, нашелъ... Все равно что стриженный, а не бритый.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*насилъственно усмѣхаясь*).

Ну, да, конечно! Все равно что стриженный, а не бритый.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Значить, ты дура, и больше ничего!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*вспыхнувъ вся въ лиуцъ; но, попрежнему, насилъственно усмѣхаясь*).

Если такъ по-твоему, — считай какъ хочешь.

ДАРЪЯЛОВЪ (*окончательно выходя изъ себя*).

Наконецъ, ты не имѣешь права поступать такимъ образомъ: я это дѣло затѣваю для выгоды, для семейнаго благосостоянія, въ которомъ и ты, я думаю, будешь участвовать; а чело-вѣкъ, получая какія бы то ни было для себя выгоды, долженъ же для этого потрудиться; иначе это будетъ подло съ его стороны!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*тѣмъ же насилъственно вымъ тономъ*).

Какимъ же особеннымъ благосостояніемъ я пользуюсь?..

ДАРЪЯЛОВЪ.

А такимъ что ты льешь, ѣшь вкусно, сидишь въ теплой, красивой комнатѣ, — стоить это чего-нибудь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*потупляя глаза*).

Кускомъ хлѣба ужь ты даже укоряешь меня?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Я не укоряю тебя, а говорю только что наши труды должны быть общіе.

АМАТУРОВЪ *(слушавшій всю эту сцену съ покуренною головой, поднимая наконецъ лицо и обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ).*

Но куда это вамъ такъ не хочется съѣздить?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Онъ ѣдетъ домъ покутать и смотрѣть,—поѣзжай и я съ нимъ....

ДАРЬЯЛОВЪ.

Да, поѣзжай, потому что, не говоря ужъ о томъ что покупка эта не шуточная — въ лятьдесятъ, въ шестьдесятъ тысячъ, но въ этомъ же домѣ будетъ и квартира наша; должна ты, я думаю, видѣть ея расположеніе. Ты же съ разными тряпками переѣдешь въ нее и, можетъ-быть, негдѣ будетъ поставить ихъ.

АМАТУРОВЪ *(Софьѣ Михайловнѣ).*

Конечно вамъ нужно посмотрѣть вашу будущую квартиру!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Какая же польза будетъ что я ее посмотрю... Положимъ что она мнѣ понравится, но онъ *(показывая головой на мужа)*, какъ только купитъ домъ, такъ все передѣляетъ и перемѣнитъ по-своему.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Непремѣнно перемѣню, но что жъ изъ того?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

А то что зачѣмъ же я буду теперь смотрѣть на эту квартиру... Тогда и посмотрю...

ДАРЬЯЛОВЪ.

А два раза невозможно посмотрѣть!.. Ослѣплнешь ты отъ этого?.. Умрешь?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Очень возможно что и умру... Я безъ того себя дурно сегодня чувствую, а выѣду, еще болѣе простужусь.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Ничего ты не чувствуешь дурно — не ври, пожалуста! Я сказалъ ужъ тебѣ что ты дура и могъ бы еще прибавить элитетъ!.. Я очень хорошо понимаю почему ты не ѣдешь. *(Сердито надѣвая шляпу, уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА и АМАТУРОВЪ

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Вотъ такъ, — каждый день почти такія сцены; никакого терпѣнія не хватаетъ. *(Начинаетъ плакать.)*

АМАТУРОВЪ *(пододвигаясь къ ней и беря ее за руку).*

Ангель мой, не плачь! Умоляю тебя, и отчего въ самомъ дѣлѣ ты не хотѣла съѣздить и потѣшить его — чортъ бы съ нимъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ горестью и досадой въ голосъ).*

Не хотѣла, потому что я желала съ тобой остаться, а съ его стороны это одинъ только фарсъ и глупая выходка!.. Я еще поутру ему говорила что я не поѣду, и онъ ничего, а тут какимъ тигромъ разсвирѣлѣлымъ влетѣлъ...

АМАТУРОВЪ.

Но какая же причина тому, какъ ты думаешь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *молчитъ.*

АМАТУРОВЪ.

Ужь не то ли что я пріѣхалъ, его разсердило?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(не вѣрнувъ).*

Я думаю что это!.. Чтò жь другое можетъ быть!.. Невѣжа такой, забылъ всякое приличіе: вошелъ... не поздоровался... не поклонился тебѣ лутемъ.

АМАТУРОВЪ *(грустно усмѣхаясь).*

Ревнуетъ, видно!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Вѣроятно!

АМАТУРОВЪ.

Что жь онъ выражалъ это какимъ-нибудь образомъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Сколько разъ, по крайней мѣрѣ все безъ постороннихъ, а тутъ и при тебѣ даже не выдержалъ; ты замѣтилъ его поспѣваю, милую фразу...

АМАТУРОВЪ.

Замѣтилъ!.. Но отчего ты никогда ничего не говорила мнѣ объ его ревности?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Зачѣмъ же тебя было тревожить?.. Это мое дѣло, — я и должна все переносить на себѣ.

АМАТУРОВЪ.

Какъ же онъ такъ прямо и называлъ, что вотъ ты любишь Амурова?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Почти!

АМАТУРОВЪ.

Но въ какихъ именно выраженіяхъ, — я желалъ бы знать!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да разныя тамъ!.. Мало ли человѣкъ подъ вліяніемъ злости что можетъ наговорить: — что вотъ онъ мыкается и работаетъ съ утра до ночи, а что у меня только гости и между прочимъ вотъ ты сидишь цѣлые дни!..

АМАТУРОВЪ.

Что жъ ты ему на это сказала?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ)*.

Я ему на это говорю: „отчего жъ у тебя могутъ бывать гости, а у меня нѣтъ!.. Обѣдалъ же у насъ прежде Габеръ безпрестанно, а телерь Матлетовъ и Дементьевъ каждый вечеръ являются“. „То, говорить, большая разница: съ этими людьми у меня дѣла общія, а съ Аматуровымъ какія у меня дѣла?“ „А Аматурову, говорю, со мной весело!“ Это его ужасно обозлило!

АМАТУРОВЪ.

Съ какою же цѣлью ты его еще больше злишь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я нарочно это!.. Что жъ мнѣ такъ все отъ него и переносить, какъ бы онъ ни поступалъ противъ меня и что бы онъ ни сказалъ мнѣ! Но что хуже всего въ немъ: сколько бы онъ ни сердился, онъ никогда не выскажетъ того что думаетъ и чувствуетъ, и у него всегда подъ этимъ таится совсѣмъ другое!.. Я-то его ужъ очень хорошо знаю, и мнѣ иногда страшно подумать что это за человѣкъ!..

АМАТУРОВЪ *(пожимая плечами)*.

Но согласись что такая жизнь не возможна и нельзя жъ тебѣ постоянно оставаться въ подобномъ положеніи.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Конечно тяжело, тѣмъ больше что я... *(грустно усмѣхаясь.)*
Я даже опасуюсь чтобы онъ чего-нибудь еще хуже не предпринялъ противъ меня.

АМАТУРОВЪ *(съ безпокойствомъ).*

Что жъ онъ можетъ еще хуже предпринять?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *на это молчитъ.*

АМАТУРОВЪ *(продолжаетъ).*

Если дѣйствительно, какъ ты говоришь, его въ настоящую минуту больше всего возмущаетъ то что я ѣзжу къ вамъ, изволь я буду бывать рѣже, и мы станемъ видаться въ другія мѣстахъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ некоторымъ удивленіемъ).*

Въ какихъ другихъ мѣстахъ?

АМАТУРОВЪ.

Очень просто: ѣзди чаще къ намъ въ домъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Что же за радость — ѣздить къ вамъ въ домъ!.. Ты живешь съ сестрами, съ братьями!.. Взглянуть на тебя лишній разъ не будешь смѣть! Это пытка обыкновенно какая-то для меня, когда я бываю у васъ; кромѣ того мужъ будетъ знать гдѣ я часто бываю, и это ему еще непріятнѣе будетъ, чѣмъ то что ты у насъ бываешь...

АМАТУРОВЪ *(пожимая плечами).*

Надобно же однако что-нибудь попридумать?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(грустнымъ голосомъ).*

Что жъ попридумать? *(Беретъ себя за голову и на нѣсколько мгновеній задумывается.)* Несчастливая и несчастная я женщина, вотъ что!... Одно что *(При этомъ все лицо ея вспыхиваетъ)* тогда мнѣ въ голову пришло, когда онъ мнѣ сказалъ что Матлетовъ и Дементьевъ ничего что у насъ бывають, потому что у него дѣла съ ними, я тутъ же и подумала, что еслибы ты вошелъ съ нимъ въ дѣла.

АМАТУРОВЪ *(нѣсколько удивленный).*

Я?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(какъ-то мрачно).*

Да!

АМАТУРОВЪ *(попрежнему съ удивленіемъ).*

Но неужели бы это могло обмануть и усложнить его?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(не совѣсть въпрямую).*

Полагаю что могло бы.

АМАТУРОВЪ.

На какомъ же основаніи?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ нѣсколькими заблившими глазами).*

Основаній много!

АМАТУРОВЪ.

А именно?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(видимо придумывая).*

Именно... что Дарьяловъ самъ про себя говоритъ что у него нѣтъ ни друзей, ни пріятелей, а есть одни только нужные люди,—ты тогда будешь нужный ему человекъ, а это положить большую узду на него!

АМАТУРОВЪ *при этомъ усмѣхается.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Потомъ, ревности настоящей, то-есть ревности по любви, въ немъ ко мнѣ нѣтъ; потому что онъ давно уже любитъ другихъ женщинъ.

АМАТУРОВЪ.

Но, можетъ-быть, это не мѣшаетъ ему продолжать любить тебя!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(вспыхнувъ).*

Съ,какой же стати? чѣмъ же ты меня послѣ того считаешь? Я вовсе не изъ такихъ женщинъ чтобы меня совѣмъ ужь можно держать въ рабскомъ подчиненіи: еслибы мы съ мужемъ любили другъ друга, тогда вѣроятно я тебя бы не полюбила, но еслибы это случилось, и мужъ мой все-таки продолжалъ любить меня, я бы ему во всемъ призналась, хоть бы онъ даже убилъ меня за то! Дарьяловъ же чисто ревнуетъ меня изъ самолюбія... Боятся чтобы въ обществѣ ему не посмѣялись, что ты у насъ безпрестанно бываешь; а когда ты будешь имѣть дѣла съ нимъ, тогда никто конечно не посмѣетъ ему и сказать того, потому что онъ оборветъ всякаго и отвѣтитъ что мало ли кто у него часто бываетъ по дѣламъ.

АМАТУРОВЪ (*внимательно выслушавшій
весь этотъ монологъ и съ
прежнею усмѣшкой*).

Все это, можетъ-быть, весьма справедливо; но я тутъ бы
вѣсколько вопросовъ желалъ сдѣлать.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Пожалуста!

АМАТУРОВЪ (*довольно протяжно*).

Вопервыхъ, какую же сумму денегъ я долженъ затратить
въ его дѣла?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ахъ, Боже мой, какую хочешь! Вы мушны лучше это
должны знать.

АМАТУРОВЪ (*тѣмъ же протяжнымъ
тономъ*).

Тысячъ тридцать довольно?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да! Полагаю что довольно!

АМАТУРОВЪ (*подумавъ нежно и уже
усмѣхаясь*).

Супругъ вашъ, скрывать этого нечего, великій аферистъ
и дутъ, — что, если онъ надуеъ и обманеъ какъ-нибудь
меня?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*покраснѣвъ*).

Нѣтъ, не думаю... Ты впрочемъ сдѣлай съ нимъ все на бу-
магахъ.

АМАТУРОВЪ.

Бумаги съ этими господами ничего не значать...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ и ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ.

Баривъ пріѣхалъ и спрашиваютъ: скоро ли будетъ готовъ
обѣдъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Аматурову*).

Начинаеъ ужъ придираеъся. (*Лакею*.) Ты же, вѣдь, накры-
ваешь!... Скажи что скоро.

АМАТУРОВЪ *(вставая и берясь за шляпу).*

Мнѣ, полагаю, лучше теперь уѣхать, и завтра что ли, завѣхать переговорить съ Иракліемъ Семеновичемъ объ деньгахъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(нервительно).*

Нѣтъ, зачѣмъ же завтра?.. Мнѣ очень не хочется отпустить тебя! Еслибы тебѣ сейчасъ идти переговорить съ нимъ?.. Непредувѣдомленный онъ, пожалуй, дерзость тебѣ какую-нибудь скажетъ. Погоди!.. Постои!.. *(Встаетъ).* Я пойду, подготавливаю его немного и позову его къ тебѣ!

АМАТУРОВЪ.

Отлично это, безплодно!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *уходитъ.*

ЯВЛЕНИЕ V.

АМАТУРОВЪ *(обращаясь къ публикѣ и показывая головой на ушедшую Софью Михайловну).*

Прелестная женщина!.. Она вся огонь и нервы!.. Мечтательница, какихъ міръ не производилъ... Воображаетъ, на примѣръ, что между мужчиной и женщиной можетъ существовать вѣчная любовь. Въ наше-то время вѣчная любовь? Развѣ между обезьянами гдѣ-нибудь на необитаемомъ острову она еще осталась, а между людьми что-то не видать ее. Но попробуй Софьѣ Михайловнѣ растолковать эту простую истину! Скорѣй съ ума сойдетъ, чѣмъ повѣритъ: расплачется, разрыдается, отнесетъ непременно это къ личности... скажетъ: „это вы меня разлюбили, вы такой вѣтренникъ!“ тогда какъ всѣ мужчины таковы, да и женщины тоже: она сама же вѣроятно года черезъ два разлюбитъ меня!.. *(Пройдѣсь по сценѣ.)* Неприятно тутъ еще то что безпрестанно приходится встрѣчаться съ ея мужемъ,—это скотина какая-то: на каждомъ шагу явно что съ умысломъ дѣлаетъ мнѣ грубости и дерзости, а теперь еще денегъ ему давай, которыя, разумѣется, ухнутъ у него и мнѣ ужъ никакими баграми не выцарапать ихъ изъ дѣла его! Глупо я немножко сдѣлалъ что сказалъ тридцать тысячъ—слишкомъ много!.. сказать бы десять: можетъ-быть и тѣмъ бы удовольствовался.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Входит ДАРЬЯРОВЪ. Лицо его не такъ уже мрачно и гнѣвно.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Еще разъ здравствуйте! *(Протягиваетъ Аматурову руку, которую тотъ, въ свою очередь, пожимаетъ.)*

ДАРЬЯЛОВЪ.

Я давеча, разсердившись на жену, и не простился съ вами! Сидите, пожалуйста!

ОБА садятся.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Беза мнѣ сейчасъ сказала что вы ѣздили къ намъ и тебѣ же прѣвжали по одному дѣлу вашему?..

АМАТУРОВЪ.

Въ то дѣлу...

ДАРЬЯЛОВЪ *(съ замѣтною важностью)*.

Слушаемъ-съ!... Будемъ слушать!...

АМАТУРОВЪ.

Мое очень простое: у меня есть свободнаго капитала чуть двадцать или двадцать пять!

ДАРЬЯЛОВЪ.

Беза мнѣ говорила что даже тридцать...

АМАТУРОВЪ *(нѣсколько сконфузившись)*.

Пожалуй что и до тридцати наберется! Получаю я съ нихъ всего по шести процентовъ. Согласитесь что въ настоящее время это смѣшно; а потому не возьмете ли вы ихъ въ какое-нибудь ваше дѣло хоть сколько-нибудь на болѣе выгодныхъ для меня условіяхъ?

ДАРЬЯЛОВЪ *(какъ бы размышляя)*.

На болѣе выгодныхъ для васъ условіяхъ?.. Но въ какое же собственно дѣло мое,—я недоумѣваю!

АМАТУРОВЪ.

Въ какое хотите!... У васъ ихъ много.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Есть конечно!.. Но все это какъ-то не подходящія. Прежде всего, какъ вы знаете, я директоръ компаніи „по выщипыванію руна изъ овецъ“!.. Не акціей же этой компаніи дать вамъ тридцать тысячъ?.. Вы ихъ можете сами приобрести въ какой-нибудь конторѣ.

т. слѣд.

3*

АМАТУРОВЪ *(услыжаясь)*.

Безъ сомнѣнія!...

ДАРЬЯЛОВЪ.

За тѣмъ-съ, у меня пароходство по рѣкѣ Безводнѣ. Расширять это дѣло нѣтъ дѣла; потому что мѣстныхъ потребности не требуютъ того, улучшать тоже нѣтъ надобности, такъ какъ оно въ отличномъ видѣ!...

АМАТУРОВЪ.

Новаго какого-нибудь предпріятія вы не затѣваете ли?...

ДАРЬЯЛОВЪ.

Новое у меня одно предпріятіе: я покупаю домъ! Если хотите, дайте мнѣ эти ваши тридцать тысячъ подъ вексель на покупку дома,—я вамъ двѣнадцать процентовъ дамъ!

АМАТУРОВЪ.

А если бы подъ закладную?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Подъ закладную мнѣ даромъ, безъ процентовъ, вашихъ денегъ не надобно! Очень мнѣ нужно связывать себя закладной!... Я ихъ могу взять только подъ вексель, съ поручительствомъ жены, разумѣется!

АМАТУРОВЪ.

Зачѣмъ же супругу вашу беспокоить?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Нѣтъ-съ, нѣтъ! Извините! Я люблю дѣлать дѣла честно и аккуратно: два человѣка вѣрнѣе одного!.. Согласны?

АМАТУРОВЪ *(подумавъ немного)*.

Извольте! Мнѣ все равно!... Двѣнадцать процентовъ на рубль хорошо!...

ДАРЬЯЛОВЪ *(знаменательно)*.

Я думаю что не дурно! Когда жъ однако я могу получить отъ васъ деньги?

АМАТУРОВЪ.

Если они вамъ нужны, я сейчасъ же могу за ними съѣздить!

ДАРЬЯЛОВЪ.

Нѣтъ, прежде лучше отобѣдайте у насъ; надобно выпить бутылочки двѣ клико, чтобы sprysнуть нашу сдѣлку, потомъ вы посидите съ женой; а я сосну немного; за тѣмъ вмѣстѣ отправимся: вы за деньгами, а я къ маклеру за вел. селемъ! *(Грозко кричитъ.)* Софья Михайловна!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ и СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Объдать, пожалуйста, поскорѣй!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я думала что вы заняты.... Тамъ все готово.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Бачили ужъ мы, и вы ступайте въ зало; а я пойду и рѣшусь о шампанскомъ... Мы тутъ дѣло одно сварганили! *(Привороуживаетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

АМАТУРОВЪ и СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

АМАТУРОВЪ *(съ насмѣшкой)*.

Сейчасъ другой человекъ сталъ, какъ денегъ ласуха: хитрый, любезный сдѣлался.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

У него, кажется, не хватало ихъ на локулку дома, котормъ, онъ говорить, очень выгоденъ!

АМАТУРОВЪ.

Я ужъ ему ихъ подъ вексель даю,—не беретъ иначе!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(видимо дулавшая не отълажь, а совѣтъ о другомъ)*.

Все равно это!... О, милый мой! Ненаглядный! *(Обнимаетъ Амагурова.)*

АМАТУРОВЪ *(прижимая ее къ груди)*.

Красавица моя, безцѣнная, сокровище мое!

Голосъ ДАРЬЯЛОВА изъ залы.

Идите же объдать!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Сейчасъ!... *(Снова неоднократно уплываетъ и обнимаетъ Амагурова.)*

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая зала въ домѣ Дарьялова. Въ лѣвой сторонѣ ея, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ съ бумагами, съ разными письменными принадлежностями и колокольчикомъ. Предъ столомъ поставлены два кресла. По лѣвой сторонѣ, кромѣ дивана со столомъ и нѣсколькихъ креселъ, разставлены рядами стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ ДАРЬЯЛОВЪ во фракъ, въ бѣломъ галстукѣ, бѣлыхъ перчаткахъ; но, попрежнему, чѣмъ-то раздосадованный и озабоченный. За нимъ идетъ ПРИХВОСНЕВЪ, лопоухой господинъ, съ огромными ноздрами, въ пестромъ платьѣ, съ золотой, толстой цѣпочкой, съ перстнями, кольцами.

ДАРЬЯЛОВЪ (*почти крича на Прихвоснева*).

Что это такое! Я жду, жду васъ! Вся внутренность перекипѣла.

ПРИХВОСНЕВЪ (*разводя руками*).

Да, помилуйте, я вчера въ десять часовъ вечера только получилъ отъ васъ записку.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Значить, вы ничего и не сдѣлали? И не привели акціонеровъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Я сдѣлалъ что можно сдѣлать въ одно утро: пригласилъ вонъ трехъ чиновниковъ....

ДАРЬЯЛОВЪ (*истеричливо*).

Ну!..

ПРИХВОСНЕВЪ.

Потомъ заѣхалъ въ компанію „Сыродровка“ и привелъ оттуда человѣкъ шесть артельныхъ.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Ну!...

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да еще, вѣхавши уже сюда, дорогой дьячка изъ нашего прихода Христомъ и Богомъ упросилъ чтобы пришелъ на собраніе.

ДАРЬЯЛОВЪ *(съ досадой)*.

Чортъ знаетъ: дьячковъ какихъ-то наприглашалъ!

ПРИХВОСНЕВЪ *(пскойно)*.

Дьячокъ особа неподозрительная.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Что жь все это будетъ стоить?

ПРИХВОСНЕВЪ *(подумавъ нежно)*.

Стоить будетъ.... мнѣ за утреннія хлопоты и за вечеръ, что сдѣлать здѣсь буду, пятьдесятъ рублей.

ДАРЬЯЛОВЪ.

А не жирно ли это будетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Нѣтъ-съ, не жирно! Я полгорода обскакалъ.... Одна компания „Сырдровка“, сами знаете, на краю города; чиновники такіе все въ разныхъ пунктахъ, — экилажъ ужь нарочно держу на этикіе случаи!

ДАРЬЯЛОВЪ.

Не для одного же моего дѣла вы экилажъ держите?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Какъ не для одного?... Я сегодняшній день кромѣ вашего порученія ничего не успею сдѣлать.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Успѣете и другое многое!... Сколько же прочимъ слѣдуетъ заллатить?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Прочимъ слѣдуетъ, — чиновникамъ менѣе пяти рублей серебромъ нельзя дать; а то потомъ ихъ ни на какое собраніе и не докличешься; артельнымъ, конечно, можно заллатить и по три, а дьячку тоже пять.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Это выходитъ восемьдесятъ восемь рублей?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да ужь положите на кругъ сто!... Лучше стараться будемъ!

ДАРЬЯЛОВЪ *(съ досадой)*.

Сто ему положить!... На вѣсь золота скоро вы станете цѣнить себя!... Будетъ съ васъ и восьмидесяти!... *(Проворно вынулъ изъ кармана бумажекъ и вытащивъ изъ него восемьдесятъ рублей, подастъ ихъ Прихвосневу)*.

ПРИХВОСНЕВЪ *(сосчитавъ деньги).*

Откуда же я восемь-то рублей возьму?.. Свои, что ли, прикладывать?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Откуда хотите!... Вы тогда, помните: съ госпожой той познакомили меня, и порядочно за то получили, а она недавно тягу отъ меня дала.

ПРИХВОСНЕВЪ *(огорченныиъ голосомъ).*

Слышалъ это я, — вѣтренца этакая!... Кто имъ нынче въ душу вѣзеть! Горевать вамъ впрочемъ много нечего, по пословицѣ: „было бы болото, а черти будутъ“!

ДАРЪЯЛОВЪ *(улыхаясь).*

Значить, много этихъ чертенятъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Много.... Въ одинъ мой увеселительный садъ сколько ихъ ѣздить! Вотъ даже теперь со мной нѣсколько фотографическихкихъ карточекъ имѣю,—выпросилъ у нѣкоторыхъ будто на память себѣ!... Хотите полюбопытствовать?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Кажите!

ПРИХВОСНЕВЪ *вынимаетъ изъ кармана нѣсколько фотографическихкихъ карточекъ и подаетъ Дарьялову.*

ДАРЪЯЛОВЪ *(разсматривая ихъ).*

Это кто такая, напримѣръ?

ПРИХВОСНЕВЪ *(съ гордостію).*

Горничная одна!

ДАРЪЯЛОВЪ *(внимательно всматриваясь въ карточку).*

Прелесть что такое!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да-съ; лучше, пожалуй, другой благородной.

ДАРЪЯЛОВЪ *(продолжая разсматривать карточки).*

А эта толстогубая?... Точно негритянка какая.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Толстогубая эта дочка статскаго совѣтника.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Ужь и дочка статскаго совѣтника,—вретъ, вѣдь, какъ!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Вѣрно такъ-съ!

ДАРЪЯЛОВЪ.

Но это что еще за госпожа?... Красками даже себя расписала. Не молодая ужь видно!... И набѣленная, должно-быть, нарумяненная.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Это есть немножко!... Подрисовывается!... Жена тутъ одного богатаго кулца, и женщина, надо полагать, этакая стыдливая, самолюбивая: въ садъ ко мнѣ ѣздила по вечерамъ съ однимъ господиномъ, часу ужь въ двѣнадцатомъ, и то подъ вѣдьмоу.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Да на кой чортъ ей садъ вашъ понадобился?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Дома вѣроятно строгонько! Если она съ кѣмъ очень амуричать начнетъ, такъ мужъ можетъ замѣтить, — а онъ действительно, какъ я слышалъ, человекъ дерзкій этакой на руку!... Пожалуй, ей и Амуру ея шею за то намылить, а вѣдь, у меня въ саду все шито и крыто!... Умерло тутъ!...

ДАРЪЯЛОВЪ (*возвращая ему карточки*)

Что ужь про васъ и говорить!... Благодаритель вы человекъства. (*Звонитъ въ колокольчикъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

На звонокъ этотъ является СЕКРЕТАРЬ, молодой еще человекъ, крайне мизерлой наружности, съ глуповатымъ лицомъ, но тоже во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

ДАРЪЯЛОВЪ (*ему*).

Такъ собрались акціонеры. Опрсите ихъ имена и фамилии... Внесите все это въ списокъ акціонеровъ и противъ каждаго изъ нихъ отмѣьте что акціи были ими представляемы, а также запишите и нашего кучера, — у него очень приличная физиономія, а потомъ всѣхъ ихъ введете сюда и посадите въ задніе ряды.

СЕКРЕТАРЬ.

Хорошо-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДАРЪЯЛОВЪ и ПРИХВОСНЕВЪ.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Вы намъ, Ираклій Семенычъ, все-таки маленькую програмку дайте что намъ дѣлать, а то мы, чего добраго, собьемся съ ролей своихъ.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Дѣлать только то чтобы прошли и были утверждены нѣкоторыя мои предложенія! Значить: какъ я сдѣлаю какое-либо заявленіе и скажу что кто съ этимъ согласенъ, пусть тотъ встаетъ,—такъ вы сейчасъ всѣ и вставайте!

ПРИХВОСНЕВЪ *(качая головой)*.

Понимаю-съ, понимаю!

ДАРЪЯЛОВЪ.

А потомъ, если что нужно будетъ сказать за меня и въ мою пользу, вы встанете и скажете!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Это ужь конечно!... Непремѣнно. Партія поэтому противъ васъ довольно сильная есть?

ДАРЪЯЛОВЪ *(даже восклицая)*.

Огромная!... Какъ тигры разъяренные, такъ и рычатъ на меня.

ПРИХВОСНЕВЪ *(тоже съ одушевленіемъ)*.

Но изъ кого жь она можетъ состоять? Кто коноводъ у нихъ?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Да вотъ въ первую голову этотъ Абдулка-Татаринъ. Муладу, говорятъ, какого-то киргизскаго выписалъ съ доносомъ на меня.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Ахъ онъ мыло казанское!

ДАРЪЯЛОВЪ.

Да: каково это мыло-то казанское!... Поддулъ также и этого Армяшку Безхова-Муритскаго; тотъ вчера еще заходилъ и записался съ двумя какими-то дураками, на людей даже не похожи, точно Черкесы какіе!

ПРИХВОСНЕВЪ *(съ удивленіемъ)*.

Поди ты, — Черкесы даже!

ДАРЪЯЛОВЪ.

Разумѣется, какіе-нибудь пріятели его, которымъ онъ давалъ свои акціи; но всѣ эти господа, мнѣ чортъ ихъ дери, мерзавцы они были, мерзавцами и останутся, но кто меня удивилъ и, какъ говорится, ранилъ меня въ душу, такъ это другъ мой и товарищъ Емилъка Гайтеръ: самъ, каналья, участвовалъ въ составленіи проекта; я ему за то изъ собственныхъ рукъ десять тысячъ заплатилъ, а онъ меня изъ благодарности прилирать къ стѣнѣ теперь хочетъ.

ПРИХВОСНЕВЪ *(какъ бы съ чувствомъ даже)*.

Но за что же такъ именно?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Вотъ зачѣмъ дѣла кампаніи разстроились; а чѣмъ я тутъ входить?... Пошли такія несчастія. Кто жь съ Богомъ можетъ бороться?

ПРИХВОСНЕВЪ *(разводя руками)*.

Какъ поборолся съ нимъ, и тотъ хромъ вышелъ!

ДАРЪЯЛОВЪ *(м-дтверждая)*.

И тотъ вышелъ хромъ! Вообще я вамъ скажу: всѣ эти восточные человѣки да Нѣмцы у насъ — просто житья съ ними нѣтъ!... Вонъ Русскіе у меня!... Сколько ихъ ни есть акціонеровъ.... всѣ молчать, а эти господа, если гдѣ грошъ ихъ затронуть, такъ живаго загрызутъ.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Дѣйствительно жадный народъ и главное: дерзкій этакой, лкій, неблагодарный!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ СЕКРЕТАРЬ и за нимъ АКЦІОНЕРЫ: нѣсколько артельщиковъ, три чиновника, ДЪЯЧОКЪ и КУЧЕРЪ Дарьялова.

СЕКРЕТАРЬ *(илъ)*.

Вы въ заднихъ рядахъ потрудитесь помѣститься.

Тѣ нѣсколько робко и неуклято садятся.

ДАРЪЯЛОВЪ *(Прихвосневу)*.

И имъ тоже надо разказать что они должны дѣлать?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да-съ, не мѣшаетъ немножко растолковать.

ДАРЬЯЛОВЪ *(довольно гордо обращаясь къ акціонерамъ).*

Васъ собственно, господа, я прошу не вмѣшиваться въ пренія и разговоры которые тутъ будутъ происходить, такъ какъ дѣло это для васъ совершенно чуждое; но будетъ и ворить г. Прихвосневъ, съ которымъ вы и должны безусловно соглашаться; поэтому, какъ только я пушу вопросъ и голоса и спрошу: „кто согласенъ съ г. Прихвосневымъ, тотъ встаетъ!“ такъ вы сейчасъ и вставайте, а когда я буду голосовать мнѣнія другихъ, то вы сидите!

ОДИНЪ ИЗЪ ЧИНОВНИКОВЪ.

Знаемъ-съ эти порядки! Не въ первый разъ: я даже въ прошлой недѣлѣ въ двухъ собраніяхъ былъ!.. Не ошибемся!

ДАРЬЯЛОВЪ.

Пожалуста! *(Прихвосневу.)* Потрудитесь имъ теперь же раздать слѣдующія деньги.

ПРИХВОСНЕВЪ *(какъ бы нѣсколько удивленно и обиженымъ голосомъ).*

Раздамъ-съ; не задержу. *(Начинаетъ раздавать.)*

ОДИНЪ ИЗЪ АРТЕЛЬЩИКОВЪ *(Прихвосневу.)*

За что жь, Петръ Петровичъ, намъ меньше супротивъ другихъ: одно, кажись, станемъ дѣлать дѣло?

ПРИХВОСНЕВЪ.

А что ты чиновникъ или мужикъ?

ТОТЪ ЖЕ АРТЕЛЬЩИКЪ.

Что жь что мужикъ? Мужикъ развѣ не человѣкъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

То-то, говорятъ, маленько изъ другаго тѣста состряпанъ

Въ это время СЕКРЕТАРЬ подходитъ къ ДАРЬЯЛОВУ и что-то шепотомъ докладываетъ ему.

ДАРЬЯЛОВЪ *(ему).*

Хорошо, позовите; я переговорю съ нимъ.

СЕКРЕТАРЬ киваетъ головой; въ дверяхъ показывается ХОЖАЛЫЙ.

ХОЖАЛЫЙ *(прожился и дикими голосомъ).*

Здравья желаемъ, ваше высокородіе!..

ДАРЬЯЛОВЪ.

Подойди сюда ко мнѣ поближе, любезный.

ХОЖАЛЫЙ *подходитъ.*

ДАРЬЯЛОВЪ.

Тутъ у меня будутъ лускать акціонеровъ по билетамъ; и всакій же, ловимаешь, можетъ лѣзть сюда.

ХОЖАЛЫЙ.

Слушаю-съ, ваше высокородіе.

ДАРЬЯЛОВЪ.

И, если кто тамъ будетъ безъ билета силой врываться, и его стануть не лускать, надѣюсь что ты, по обязанности твоей службы, посодѣствуешь.

ХОЖАЛЫЙ.

Зачѣмъ, ваше высокородіе, пущать безъ билетовъ. Безъ билетовъ пущать нигуда не вельно.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Потомъ здѣсь, собственно въ залѣ, если выйдетъ какое заглазительство, и я вынужденъ буду позвать тебя,—постоить около себя,—ты, сдѣлай милость, не откажись, постой.

ХОЖАЛЫЙ.

Слушаю-съ, ваше высокородіе.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Мало ли такихъ негодяевъ которые могутъ поднять шумъ, гл... ..

ХОЖАЛЫЙ.

Шумѣть вельзя, ваше высокородіе!.. Намъ и начальство приказываетъ: не позволять шумѣть на улицѣ даже, не то что въ комнатахъ.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Еще бы позволять!.. Ты поэтому въ дверяхъ вотъ тутъ и ставай, повывставившись немного, такъ чтообъ я тебя видѣлъ.

ХОЖАЛЫЙ.

Ставу, ваше высокородіе! (*Уходитъ и становится какъ ему приказано.*)

ДАРЬЯЛОВЪ (*секретарю*).

Позовите Софью Михайловну, что она тамъ сидитъ, и Ама-турова тоже! Скажите имъ что собраніе сейчасъ откроется.

СЕКРЕТАРЬ *уходитъ.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(Дарьялову)*.

Это ужь не Аполлонъ ли Алексѣичъ Аматуровъ?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Аполлонъ Алексѣичъ!.. Онъ самый!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Вотъ тоже господишь-то насчетъ прекраснаго пола—датель!

ДАРЬЯЛОВЪ *при этомъ нахмурился и какъ бы не слыши Прихвоснева.*

Я В Л Е Н І Е V.

СЕКРЕТАРЬ возвращается и за нимъ идутъ СОФЬЯ МИХАЙЛОНА и АМАТУРОВЪ.

ДАРЬЯЛОВЪ *(по обыкновенію грубо сердито жемт).*

Что ты тамъ сидишь? Не насидѣлась еще?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(садясь на диванъ)*

Я думала что рано.

ДАРЬЯЛОВЪ.

„Рано!“ она думала! *(Аматурову, успавшемуся рядомъ Софьей Михайловной.)* Я васъ тоже записалъ въ число членовъ собранія.

АМАТУРОВЪ.

Это съ какой стати?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Съ такой что нельзя же, вѣдь... *(не договариваетъ).*

АМАТУРОВЪ *(пожимая плечами).*

Странно! Я вовсе не желалъ этой чести.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *кидаетъ на него умоляющій взглядъ.*

ДАРЬЯЛОВЪ *(продолжаетъ).*

И я васъ прошу во всемъ соглашаться съ г. Прихвосневымъ! *(показываетъ на того).*

АМАТУРОВЪ *при этомъ только ужь презрительно усмѣхается.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(раскланиваясь прооз
Собьей Михайловной).*

Честь имѣю рекомендоваться!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *слезка кива етъ
ему головой.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(раскланиваясь такъ же и
съ Аматуrowымъ).*

Давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть!.. И не заѣдете
въ вынче никогда!

АМАТУРОВЪ *(какъ бы нѣсколько смущенный
его словами).*

Вече же къ вамъ забѣжать.... Будетъ ужь!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Ишь, значить?

АМАТУРОВЪ.

Ишь!

ПРИХВОСНЕВЪ *сѣдется какъ нѣ-
то подлѣмъ сѣльгомъ, отходитъ и
сидится около своей партіи.*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ перахъ показываються **АБДУЛЬ-АГА** въ золотой ормоакѣ, въ
пагі изъ трмаламы и въ туфляхъ, а за нимъ **АГЕЙ-ОГЛЫ-ЭФЕНДИ**
хула киргизскіи, въ темномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ.

АБДУЛЬ-АГА *(покланываясь хозяину кибитки
булаговъ).*

Ты, барина, не жѣшай мѣ. На, шюхай!... У меня тутъ лять
несатка тысячъ!... Съ этими, чай, можно и безъ билета хо-
дить! *(Входитъ, и садясь въ переднемъ ряду, обращается къ
Адулю, показывая ему на мѣсто около себя.)* Садись, Агей
Оглачъ!

МУЛЛА съ необыкновенною важностью
разсуживается около него. Затѣмъ
появляются **БЕЗХОВЪ-МУРНТСКІЙ**
въ удивленно-черкесскомъ костюмѣ,
то-есть, только въ длиннополномъ че-
панѣ и серебряномъ съ чернетью по-
ясѣ, и вѣстятъ съ нимъ два молодые
АРМЯНИНА въ настоящихъ ужь чер-
кескахъ, съ патройташами и даже
съ кинжалами. Всѣ они расшарки-
ваются **АБДУЛЬ-АГЪ**, который и мѣ
киваетъ головой и улыбается. **АР-
МЯНЪ** тоже садятся въ переднемъ
ряду. Лица у всѣхъ у нихъ черныя
и исполнены озлобленнаго выраженія.

ДАРЪЯЛОВЪ *(секретарю, показывая ии
пришедшихъ).*

Попросите этихъ господъ предъявить свои акціи.

СЕКРЕТАРЬ *(подходя къ Абъ, уа-Агъ и
довольно робкимиъ голо
сомъ).*

Ваши акціи позвольте видѣть.

АБДУЛЬ-АГА.

На, смотри, не фальшивыя! *(Показываетъ ему акціи.)*

СЕКРЕТАРЬ.

А акціи вашего товарища?

АБДУЛЬ-АГА.

Они тутъ же! Считаю его тутъ!... Ихъ хватить на всѣхъ—
на двухъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Но если они вамъ принадлежать, господинъ Мулла не мо-
жетъ на нихъ участвовать въ собраніи.

АБДУЛЬ-АГА.

А коли я ему подарю, ты можешь мнѣ запретить то? На,
Агей Оглычъ, пять тысячъ, держи ихъ въ рукахъ. Пусти его
Мулла Агей-Оглы-Эфеяди.

СЕКРЕТАРЬ *(обращаясь къ Даръ-
ялову).*

Можно ихъ записывать?

ДАРЪЯЛОВЪ *(исъжимая плечами).*

Запишите, хоть подобныхъ вещей никогда открыто не дѣ-
лается!

АБДУЛЬ-АГА.

Э, барина, открыто дѣлать лучше, чѣмъ потайкомъ.

СЕКРЕТАРЬ *(Армянамъ).*

Ваши билеты?

Тѣ молча показываютъ ему свои
билеты.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и ХОЖАЛЫЙ.

ХОЖАЛЫЙ *(не выступая изъ дверей, Дарьялову).*

Тамъ, ваше высококордіе, дама съ господиномъ просится переговорить съ вами.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Проси!

ХОЖАЛЫЙ *отворяетъ дверь. Входитъ ПРЕПИРАТОВЪ, молодой еще человекъ, со включенными, курчавыми волосами, съ выдавшимся впередъ лбомъ и въ очкахъ. Онъ ведетъ подъ руку толстѣйшую ГЖУ ТРУХИНУ, которая съ заплѣтною нужностью опирается на его руку. Оба они подходятъ къ ДАРЬЯЛОВУ.*

Гжа ТРУХИНА.

Вы господинъ директоръ?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Гжа ТРУХИНА.

Я вотъ тоже желаю говорить, но я женщина—не могу того, а я вотъ довѣряю гну Препиратову.

ПРЕПИРАТОВЪ *(густыми басомъ).*

Я повѣренный гжи Трухиной.

ДАРЬЯЛОВЪ *(Препиратову).*

То-есть какъ же: на настоящее только собраніе или по всемъ дѣламъ гжи Трухиной?

ПРЕПИРАТОВЪ.

Я вамъ полную довѣренность отъ гжи Трухиной.

Гжа ТРУХИНА.

Я имъ во всемъ довѣряю!

ДАРЬЯЛОВЪ *(ей).*

Прекрасно-съ!... Но намъ все-таки нужно видѣть осязая акціи ваши!

ТРУХИНА.

Я имъ и акціи довѣряю; я имъ довѣренность и акціи могу довѣрить! (*Подаетъ акціи секретарю.*)

СЕКРЕТАРЬ (*сосчитавъ акціи, возвращаетъ ихъ Трухиной.*)

Вѣрно-съ!

Гжа ТРУХИНА (*сунувъ въ карманъ акціи, говоритъ Препиратову.*)

Вы сядьте рядомъ, поближе ко мнѣ, а то, пожалуй, украдутъ у меня билеты эти тутъ!.. (*Усвѣвшись на одинъ изъ стульевъ и ощупывая его.*) О, лезъ, жестокой какой да маленький! Словно на колъ какой сѣла!

ПРЕПИРАТОВЪ (*басомъ.*)

Угодно кресло? (*Дарьялову.*) Могу дамъ кресло взять?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

ПРЕПИРАТОВЪ (*пододвигаетъ было кресло.*)

Гжа ТРУХИНА (*взлзнула на кресло.*)

Ой, нѣтъ! полно! я увязну тутъ; лучше на двухъ, стульяхъ посижу... (*садится на два стула.*) Подвинь-ка ихъ полегоньку

ПРЕПИРАТОВЪ (*осторожно сдвигаетъ подъ ней два стула.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ ЭМИЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ГАЙЕРЪ, разсвирѣпльшій Нѣмецъ Онъ тоже во фракъ и бѣломъ галстукъ и замѣтно выпивши. При входѣ его ХОЖАЛЫЙ дѣлаетъ подъ козырекъ, СЕКРЕТАРЬ вытати вѣетса. ГАЙЕРЪ прямо подходитъ къ директорскому столу и, сѣвъ въ кресло, вынимаетъ изъ кармана большую пачку акціи Общества и кладетъ ее на столъ. Рядомъ съ нимъ помѣщается и ДАРЪЯЛОВЪ

ГАЙЕРЪ (*не обращая никакого вниманія на Дарьялова встаетъ и съ видимымъ азартомъ, такъ что у него щеки даже дрожали, говоритъ акціонерамъ.*)

Три года, милостивые государи, тому назадъ, я имѣлъ честъ быть вами избранъ въ директоры!.. Теперь не хочу оставать ся!.. Я обманутъ какъ болванъ, какъ свинья! Господинъ Дарья

овъ при началѣ мнѣ говорилъ: „напишите намъ проектъ прощеннаго слособа выщипки руна изъ овецъ!“ Я ученый!... Я зоологъ!... Я химикъ!... Я знаю это!.. Мнѣ, говорить, за то заллатять десять тысячъ. Я пишу, проектъ утверждаютъ, и мнѣ даютъ не деньгами, а акціями: я иду на биржу, мнѣ тамъ даютъ за нихъ лять тысячъ; я прихожу. „Дайте мнѣ, говорю, остальные деньги!“ Подождите, говорятъ, акціи поднимутся, и мы васъ выберемъ въ директоры!.. Я опять былъ, милостивые государи (*колоотя себя въ грудь*), дуракъ и свинья великій!.. Я повѣрилъ!.. Я жду... иду черезъ годъ, мнѣ треть за нихъ даютъ... иду нынче—ничего!... Я вамъ принесъ ихъ назадъ... заллатите мнѣ деньгами... А не заллатите, я буду искъ имѣть къ гг. акціонерамъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*вдругъ вставая и густѣйшимъ басомъ*).

Требую себѣ слова.

ДАРЪЯЛОВЪ (*качнувъ ему головой*).

Разъшаю вамъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*сначала откашлянувшись и тѣмъ же густѣйшимъ басомъ*).

Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ правила для акціонерныхъ компаній находятся еще, такъ-сказать, въ первичномъ и начинающемъ состояніи, такъ какъ это явленіе новаго міра, новой цивилизаціи и новой культуры; но тѣмъ не менѣе, сколько можно судить по духу всѣхъ законоположеній, то искъ отъ частныхъ лицъ могутъ быть обращаемы только къ запасному капиталу общества или къ его имуществу, но никакъ не къ имуществу акціонеровъ!... (*поворачивается и снова садится на свое мѣсто*).

ГАЙЕРЪ (*еще болѣе раздраженнымъ голосомъ*).

Я знаю-съ къ кому предъявляю искъ. Знаю-съ.... Я вотъ это предъявляю къ г. Дарьялову; а теперь говорю, не хочу быть директоромъ больше и вотъ вамъ акціи и бумаги всѣ!... (*Лыгаетъ лежащія на столѣ бумаги и акціи*). Я ухожу.... (*Встаетъ съ кресла и садится на одно изъ стульевъ въ рядѣ акціонеровъ*.)

АБДУЛЬ-АГА (*ему*).

Ты, барина, не лошвыривай очень! Это тамъ ваши съ нимъ гѣла.

ГАЙЕРЪ *(въ окончательномъ азарѣ)*

Да, мои дѣла!... Я имѣю дѣла. Я у Прохора Прохорыча: пять милліоновъ заводомъ правлю.... Мнѣ за каждую мин жалованье платятъ.

АБДУЛЬ-АГА.

Это дай тебѣ Богъ и больше того!... *(Дарьялову)* Читайте намъ, барина, лучше про наши-то дѣла.

ДАРЪЯЛОВЪ *(весь красный встает и начинаетъ говорить совершенно дрожащимъ голосомъ).*

Милостивые государи!... Къ великому моему прискорбнѣю действительно я долженъ заявить почтеннымъ членамъ собранія что дѣла нашего Общества находятся въ критическомъ или, точнѣе сказать, отчаянномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ къ поправкѣ ихъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторой поддержкѣ цѣны на акціи.... это, какъ я полагаю съ своей стороны... еслибы собраніе мнѣ разрѣшило выдать хоть три процента дивиденда изъ запаснаго капитала Общества, который, не могу скрыть, такимъ образомъ изсякнетъ весь.

ПРИХВОСНЕВЪ *(подмигнувъ своей лѣвой рукой и вставъ).*

Г. директоръ, я просилъ бы васъ настоящее ваше предложеніе голосовать, чтобъ узнать мнѣніе большинства.

Въ это время встаетъ БЕЗХОВЪ МУРИТСКИЙ, все что-то писалъ и считавшій на бумажкѣ.

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКИЙ *(останавливая движеніемъ руки Прихвоснева).*

Позвольте-съ, я еще прежде желаю говорить! *(Подноситъ исписанную имъ бумажку къ самому почти глазу своему, который у него немножко еще видѣлъ и, слегка потрясъ головой, обращается къ Дарьялову).* Три процента дивиденда я сосчиталъ, на всѣ акціи Общества составятъ семьдесятъ тысячъ рубль! Такъ?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Вѣроятно такъ.

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКИЙ *(продолжая смотреть въ бумажку).*

Въ отчетѣ же прошлаго года вы печатали что запаснаго капитала у васъ двѣсти тысячъ,—куда жь сто тридцать ушло? *(Обращаясь уже къ товарищамъ своимъ и лукаво имъ подмигивъ единственно видящимъ глазомъ).* Такъ?... куда?

ТЪ *оба въ одинъ голосъ.*

Да! куда?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Вы не дали мнѣ договорить; я сейчасъ хотѣлъ объяснить что деньги эти издержаны мной по случаю ужасныхъ несчастій постигшихъ прошедшій годъ наше предпріятіе: у насъ сгорѣлъ заводъ и всѣ хозяйственныя при немъ учрежденія.

ГАЙЕРЪ *(гордо державшій ногу на ногъ и съ какимъ-то презрѣніемъ слушавшій Дарьялова).*

Врете! Это не несчастіе: заводъ былъ застрахованъ. Это еще польза Общества.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Онъ застрахованъ былъ въ весьма маленькой суммѣ.

ГАЙЕРЪ.

Врете, въ большой! Я-то ужь это знаю.

ДАРЬЯЛОВЪ *только при этомъ пожимаетъ плечами и снова продолжаетъ свою рѣчь.*

Потомъ недостача шерсти. А между тѣмъ я исполнялъ контракты, и чтобы не подвергаться взысканію неустоекъ, долженъ былъ шерсть перекупать изъ вторыхъ и изъ третьихъ рукъ.

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКИЙ *(все еще стоявшій на ногахъ и державшій ухо по направленію къ Дарьялову).*

Отчего же вы при такихъ несчастіяхъ не созвали собранія, не заявили ихъ и не испросили на ваши дѣйствія согласія Общества?

ДАРЬЯЛОВЪ.

Я не могъ этого сдѣлать, потому что встрѣтилъ ихъ на мѣстѣ, въ степи, въ ордѣ кочующей.

АБДУЛЬ-АГА (*вставая*).

Э, лодно, барина, на стель-то воротить! Стель тутъ не лчемь! Ты вонъ въ лисулчкахъ своихъ... читала мнѣ въ тра тирѣ... лишешь что у тебя шерсти не хватило и овцы лед колѣли,—сколько ихъ у тебя колѣло?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Сто тысячъ.

АБДУЛЬ-АГА.

Много это, много! Вѣрно ли ты сосчиталъ?

ДАРЪЯЛОВЪ.

Вѣрно! Я самъ два раза заболѣвалъ этою ужасною б лѣзью. (*Показывая на свою руку*.) Вонъ слѣды выжиговъ.

АБДУЛЬ-АГА.

Да хранить тя Богъ! Сколько же ты продалъ овцы Мулла (*Обращаясь къ Мулла*.) Агей Оглычъ, сколько ты компанейской овцы кулилъ?

МУЛЛА (*вставая*).

Компанейска овца мы купили лятьдесять тысячъ.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Вы могли и сто тысячъ купить на базарѣ.

МУЛЛА.

Нѣтъ, вся компанейска овца была начисто.

АБДУЛЬ-АГА (*Мулла*).

Кажика шкурку-то что привезъ.

МУЛЛА (*вынимая изъ-подъ полы х лата овчью шкурку и по нимаая ее на глаза встѣх а цюперовъ*).

Это тавро вотъ компанейское.

ДАРЪЯЛОВЪ (*совершенно растеря шись*).

Но можетъ-быть и не компанейское!

АБДУЛЬ-АГА.

Кажика тавро правленское,—случимъ.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Правленское тавро затеряно.

ГАЙЕРЪ.

Покажите мнѣ шкурку.

Ему показываютъ ее.

ГАЙЕРЪ.

Компанейское тавро.

АБДУЛЬ-АГА (*Дарьялову*).

Такъ, барина, честные господа не дѣлають.

ДАРЪЯЛОВЪ (*выйдя наконецъ изъ себя*)

Позвольте, господа, что такое: слѣдствіе, что ли, здѣсь надо мной производить или я предсѣдательствую въ собраніи? Я желаю голосовать вопросъ: угодно ли собранію разрѣшить выдачу дивиденда изъ заласнаго капитала или нѣтъ? Кто разрѣшаетъ, тотъ встанеть.

ПРИХВОСНЕВЪ и вся его партія
мгновенно встають.

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКІЙ (*взглянувъ на вставшихъ акціонеровъ*).

Мы ихъ няго вставанья слушаться не будемъ. (*Дарьялову*) Вояъ кучеровъ-то вашихъ нагнали! Я слѣлъ да вижу: онъ у меня сначала жилъ и къ вамъ перешель, подтасовщикъ вы этакой и жуликъ!

ДАРЪЯЛОВЪ.

Вы не смѣете мнѣ такъ говорить!

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКІЙ.

Говорить я и не буду!... А я васъ палкой буду бить! (*Ступаетъ палкой своей объ полъ и за тѣмъ обращается къ товарищамъ своимъ, тоже вскочившимъ на ноги*.) Палками его надо бить!

ТЪ (*хватаясь за кинжалы*).

Мы васъ палками и кинжалами будемъ бить.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Кинжалами я вамъ не позволю себя бить!... Эй, хожалый, шумать здѣсь!

ХОЖАЛЫЙ (*входя*).

Господа, кричать не велѣно!

БЕЗХОВЪ-МУРИТСКІЙ.

Я буду кричать!... Онъ наши деньги всѣ развороваль.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Денегъ вашихъ я не разворовываль: я самъ нищій!... А когда вы такъ безчинствуете, я закрываю собраніе! (*Встаетъ и идетъ къ дверямъ во внутреннія комнаты*.)

ВСѢ АРМЯНЕ *(слѣдуя са нима).*

Нѣтъ, погоди! Мы тебя палками будемъ бить!

ХОЖАЛЫЙ *(растопыривая предъ нима руки).*

Позвольте, господа, шумѣть и буянить нельзя!

ВСѢ АРМЯНЕ *(въ одинъ голосъ).*

Мы будемъ буянить!

ДАРЬЯЛОВЪ *въ это время скрывается за дверь, а ХОЖАЛЫЙ становится для защиты ея спиной къ ней. Начинается всеобщій шумъ.*

ТРУХИНА *(подойдя къ Софьи Михайловнѣ).*

Вы теперича, говорятъ, сужруга ихнея!... Вы имъ должны сказать, лошто же они намъ этакія подлости дѣлають.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(все время съ большими волненіемъ слѣдившая за ходомъ собранія и по временамъ почти страстно взглядывавшая на Аматаурова, вставъ наконецъ.)*

Ничего я не знаю!... *(Аматаурову.)* Аполлонъ Алексѣвичъ, спасите меня!

АМАТУРОВЪ *(тоже вставая).*

Пойдемте.

АБДУЛЬ-АГА *(показывая Армяна на Софью Михайловну).*

Хоть бы барыньку-то маненько аманаткой задержать!

АМАТУРОВЪ *(поднимая кулакъ).*

Убью всякаго, кто подойдетъ ко мнѣ!

ПРИХВОСНЕВЪ *(тоже охраняя Софью Михайловну).*

Такъ, господа, поступать съ дамою нельзя-съ!... нельзя!

Оба они заводятъ ее въ ту же дверь въ которую скрылся и ДАРЬЯЛОВЪ. Шумъ еще болѣе усиливается: одновременно АРМЯНЕ схватываются съ ПРИХВОСНЕВЫМЪ.

ПРИХВОСНЕВЪ (*иля кричитъ*).

Мало ли, господа, съ кѣмъ можетъ быть несчастіе: лодка... сибирская язва.

АРМЯНЕ (*тоже кричатъ*).

Мы ему дадимъ сибирская язва... Ты самъ мошенникъ, коли за него.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Я не мошенникъ, я держусь только справедливости.

ОДИНЪ ЧИНОВНИКЪ (*толкуетъ другому*).

Попытайте: не дали ни одного вопроса голосовать!.. Гдѣ жь это бываетъ?

ГАЙЕРЪ (*въ свою очередь кричитъ на него*).

Какъ вы смѣете голосовать, когда вы всѣ кулленные.

ТОТЪ ЖЕ ЧИНОВНИКЪ.

Просимъ васъ не обижать насъ: мы чиновники.

ГАЙЕРЪ.

Чиновники вы — хуже саложника!

АБДУЛЬ-АГА (*кричитъ*).

Газро компанейская... Вся овца компанейская была!

МУЛЛА (*кричитъ ему въ отвѣтъ*).

Компанейская вся!...

ХОЖАЛЫЙ (*охраняя попрежнему дверь, кричитъ съ своей стороны*).

Господа, не шумите, пожалуста, а не то, я свистокъ дамъ: стражу позову!

(*Занавѣсъ падаетъ*.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая, но очень мило убранная гостиная.

ЯВЛЕНІЕ I.

На среднемъ диванѣ, предъ круглымъ столомъ, на которомъ стоитъ прекрасный дорогой букетъ въ вазѣ, сидитъ СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА, въ шелковомъ платьѣ и нарядномъ головномъ уборѣ. Она стала еще красивѣе, но замѣтно похудѣла и была не весела. Въ этотъ день ея именины. На креслахъ помѣщаются пріѣхавшіе съ поздравленіемъ: юный БЛИНКОВЪ, съ очень маленькими усиками, пухлый, румяный и, какъ садуетъ для утренняго визита, въ черномъ сюртукѣ, и ПРИХВОСНЕВЪ, тоже какой-то вымытый, причесанный и также въ черномъ сюртукѣ и даже въ лаковыхъ сапогахъ съ пуговками. Оба они замѣтно модничаютъ и топируютъ.

БЛИНКОВЪ *(Софья Михайловна и слегка пришептывая).*

Вы изволили слышать Патти?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ужь три раза слышала! Я абонирована.

БЛИНКОВЪ.

Прекрасная пѣвица, не правда ли?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Превосходная!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Не нравится мнѣ, господа, ваша Патти, что угодно!....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Почему же?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Души нѣтъ въ пѣніи!...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Какъ нѣтъ души въ пѣніи? Поетъ такъ божественно, собой прелестна.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Это такъ-съ, собой прелестна; но чувства въ голосѣ не слышать... Какъ ее можно сравнить съ Віардо; у той точно что душа лилась въ каждомъ звукѣ. Какъ это она пѣла: „Я все еще его... пламенно, что ли, люблю!“ И этакъ, знаете, не совсѣмъ тоже чисто выговаривала по-русски, — прелесть что такое!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Въ которомъ же это году была здѣсь Виардо?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Въ 53мъ! Я старинный театраль!

БЛИНКОВЪ *(показывая на Прихвоснева).*

Онъ самъ въ балетахъ танцевалъ; танцмейстеромъ былъ!...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ удивленіемъ).*

Вы?

ПРИХВОСНЕВЪ *(немного сконфуженный).*

Да-съ, по балетной части служилъ! Но всегда какъ-то къ театальной службѣ не имѣлъ расположенія, особенно въ то время; строго очень было и безвыгодно! Я какъ тогда получилъ маленькую возможность бросить это дѣло, такъ сейчасъ же и бросилъ!

БЛИНКОВЪ.

Онъ въ балетахъ только чертей и игралъ, ничего другаго не давали, — неловокъ очень!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Не однихъ чертей, а и марграфовъ иногда изображалъ! *(Обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ и видимо желая перемѣнить тему разговора.)* Супругъ вашъ такъ-таки совсѣмъ и уѣхалъ отсюда?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Онъ не то что уѣхалъ: онъ бѣжалъ! Его, говорятъ, хотѣли убить эти Армяне или въ тюрьму посадить, — не знаю ужъ!

ПРИХВОСНЕВЪ.

А васъ такъ и кинулъ безъ всякихъ средствъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Кинулъ безъ всякихъ средствъ. Даже всю посуду, всю мебель продалъ заранѣе, и когда я проснулась по утру послѣ его отъѣзда, приходятъ кулцы и все взяли.

ПРИХВОСНЕВЪ *(какъ бы разсердившись даже).*

Оу ты, Боже ты мой!... муженьки нынче какіе,—хуже постороннихъ—право!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *на это промолчала.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(размышляющимъ узбе тономъ).*

Какъ еще у васъ умѣнья хватило поустроиться потомъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *и на это ничего не ответила.* **БЛИНКОВЪ** *при этомъ какъ бы нѣсколько краснѣлъ и старался смотрѣть по сторонамъ.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(тѣмъ же размышляющимъ тономъ).*

Да-съ, да!... Жизнь человѣческая!.. Кто знаетъ: какъ и въ какую сторону она повернется!

ЯВЛЕНІЕ П.

Тѣ же и **НАДЯ** въ чистенькомъ платьицѣ, въ хорошенькихъ ботиночкахъ, причесала. Она принесла на подносѣ двѣ чашки кофе и сухари.

НАДЯ *(подавая Прихвосневу первую съ усмѣшкою).*

Здравствуйте, Петръ Петровичъ!

ПРИХВОСНЕВЪ *(тоже съ усмѣшкою).*

Здравствуйте, сударыня, здравствуйте! *(Софья Михайловна показывая ей на Надю.)* Именинница тоже сегодня!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да!.. А вы развѣ знаете ее?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Какъ мнѣ не знать-съ, я вамъ ее и поставилъ: Аллолъ Алексѣичъ тогда заѣхалъ ко мнѣ и говорить: „у Софьи Михайловны нѣтъ горничной, пришлите къ ней какую-нибудь лошадежнѣ“.

НАДЯ *(подавая не безъ кокетства кофе Блинкову).*

Сухарей прикажете-съ?

БЛИНКОВЪ.

Нѣтъ, благодарю.

НАДЯ, *поднявъ гордо голову, уходитъ.*

БЛИНКОВЪ *(Софья Михайловна).*

Какая у васъ горничная хорошенькая!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Очень хорошенькая!

ПРИХВОСНЕВЪ *(Софья Михайловна).*

Но довольны ли вы ею? Это главное.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Пока довольна. А я и не знала что вы прислугу рекомендуете.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Нѣсколько ужъ дѣтъ этимъ занимаюсь, и у меня это на твердыхъ основаніяхъ устроено: какъ пришелъ кто изъ прислуги и записался, я первый вопросъ ему: „гдѣ изволилъ жить?“ А потомъ черезъ одного человѣчка и развѣдаю: какъ и что онъ, а потому льяницу или вора или съ какими-нибудь другими качествами ужъ я не пришлю!

БЛИНКОВЪ.

Присылаете и вы.... Рекомендовали же намъ лакея: онъ черезъ недѣлю все столовое серебро укралъ у насъ.

ПРИХВОСНЕВЪ (*какъ бы даже вспылить*).

Это-съ не онъ укралъ, а прежняя ваша прислуга, вотъ что-съ! А на него, какъ на новаго человѣка, свалили.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Но сколько же дѣлъ у васъ? Вы и въ акціонерныхъ собраніяхъ: помните это ужасное у мужа собраніе!.. Потомъ мебель мы страховали.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Агентъ-съ я тамъ!... Я собственно агентирую по разнымъ отраслямъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Наконецъ у васъ садъ и кофейная: ваша эта *Русская Забава!*.. Такъ, кажется, она называется?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Такъ-съ. Нарочно, знаете, въ русскомъ духѣ ее назвалъ для привлеченія кулечества, а въ сущности: это *salle de danse*, публика прѣдетъ, танцуютъ, выходятъ—одни въ садъ, другіе—въ сосѣднія комнаты!.. Кто требуетъ себѣ прохладительнаго!.. Кто водочки выпьетъ!... Кто закусить!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

И публика порядочная бываетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Отличная-съ, первый сортъ! (*Показывая на Блинкова.*) Вотъ онъ со своими друзьями каждый разъ бываетъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Блинкову*).

И весело вамъ тамъ?

БЛИНКОВЪ *(какъ-то глупо смѣясь)*.

Не знаю-съ какъ другимъ, а намъ весело! *(Показывая на Прихвоснева.)* Ему только счастья нѣтъ отъ газетъ!... Писутъ что у него въ саду ему же самому студенты бока нажали....

ПРИХВОСНЕВЪ *(опять всплывъ)*.

Что это за вздоръ какой вы повторяете! не стыдно ли вамъ!... Когда это было, въ какое время?

БЛИНКОВЪ.

Я не знаю,—вы же судились, и на судѣ еще залерлись и сказали что никогда этого не было.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да, сказала, потому что дѣйствительно не было.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(наивно)*.

Чего же не было!

ПРИХВОСНЕВЪ *(нѣсколько заминаясь)*.

Того что я будто бы дѣйствиємъ былъ оскорбляемъ. Это все выдумалъ г. писачка, который, прямо уже теперь скажу, приходилъ ко мнѣ и просилъ двадцать пять цѣлковыхъ... Я ему не далъ, вотъ онъ и написалъ на меня. Онъ еще погоди: я его притяну къ суду; онъ посидитъ въ Титовкѣ! *(Софья Михайловна.)* Не вѣрьте, сударыня, — все это клевета, и вы не будете ли такъ добры: не посѣтите ли сами мой садъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Аполлонъ Алексѣвичъ нѣсколько разъ меня звалъ; можетъ-быть, какъ-нибудь соберусь и приѣду.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Сдѣлайте милость! Билетовъ прошу не брать, а даромъ, и увидите что у меня все чинно, прилично и на благородную ногу.

БЛИНКОВЪ *(Софья Михайловна)*.

Когда вы будете, то позвольте пригласить васъ на двѣ кадрили и на мазурку.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(улыбаясь)*.

Хорошо!

БЛИНКОВЪ *(раскланиваясь предъ ней)*.

А теперь имѣю честь кланяться.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(протягивая ему руку)*.

Прощайте!... Мерсі за букетъ.

БЛИНКОВЪ.

Если вамъ угодно, я другой еще привезу.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Нѣтъ, благодарю; я до цвѣтовъ не большая охотница!

БЛИНКОВЪ (*Прихвосневу*).

До свиданія!

ПРИХВОСНЕВЪ (*слы*).

Обѣдъ въ Славянскомъ Базарѣ не забудьте, — я не прощу вамъ его!

БЛИНКОВЪ (*мѣясь*).

Не знаю, будете ли еще сточтъ!... (*Вторично раскланывается съ Софьей Михайловной.*) Мой поклонъ, madame! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА и ПРИХВОСНЕВЪ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

За что это вы съ него обѣдъ въ Славянскомъ Базарѣ требуете?

ПРИХВОСНЕВЪ (*смѣясь*).

Да такъ: дурачимся! Счета разные свои съ нимъ имѣемъ! (*Болѣе уже серьезнымъ тономъ.*) Прекраснѣйшій молодой человекъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

А онъ однако все что-то надъ вами подтрунивалъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Манера этакая, глухая, кулеческая; но все-таки долженъ сказать: ангельской души мальчикъ, и при этомъ страшно богатъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Овъ, мнѣ кажется, очень недалекъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Ай, нѣтъ-съ, напротивъ. Въ языкѣ только не чистъ, а умный и главное любознательный: за границу нынѣшнимъ дѣломъ собрался-было ѣхать, да тутъ грѣхъ съ нимъ маленько случился.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Какой грѣхъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Обыкновенно какой у молодыхъ людей грѣхъ бывае
влюбился!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Вотъ какъ!... Въ кого же это онъ влюбился?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Въ васъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(удивленная и нѣжная).*

Въ меня?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да-съ!... До безумія!... до сумашествія!... Ночи всѣ не спит
Нервы даже разстроилъ себѣ!... Водой теперь лѣчится.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Но гдѣ же онъ могъ влюбиться въ меня? Онъ всего р
два или три былъ у меня.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Страсть мгновенно людьми овладѣваетъ!... Плачетъ иног
бѣдный. Жаль даже его!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(усмѣхаясь и сле-
каяя головой).*

Въ такомъ случаѣ я еще больше убѣждаюсь что онъ глуп
(Покраснѣвъ немного.) Развѣ онъ не знаетъ что я люблю д
гаго человѣка?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Какъ не знать-съ. Знаетъ. Я даже говорилъ ему объ этомъ
вы ужъ извините меня!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я нисколько этого и ни отъ кого не скрываю.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Что тутъ скрывать! Говорю ему что вотъ что.... „Ч
жъ, говорить, этотъ другой не стоить любви Софьи Миха
ловны.“

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(попрежнему усмѣ-
хаясь).*

Почему же онъ не стоить моею любви?

ПРИХВОСНЕВЪ *(замѣвшись немного).*

Потому что самъ, что ли, не любить или мало васъ л
бить....

СОФЯ МИХАЙЛОВНА.

Изъ чего же Блинковъ заключаетъ что Аматуровъ мало меня любить?

ПРИХВОСНЕВЪ *(еще болѣе запинаясь).*

Да тамъ я не знаю: измѣняетъ, что ли, вамъ....

СОФЯ МИХАЙЛОВНА.

Мнѣ Аполлоновъ Алексѣичъ измѣняетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Блинковъ говоритъ что измѣняетъ.

СОФЯ МИХАЙЛОВНА.

А какъ же Блинковъ можетъ знать это?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Знаетъ ужь, видно!.... Не скрываются въ этомъ случаѣ мушкетеры другъ отъ друга.

СОФЯ МИХАЙЛОВНА *(поблѣдитъ).*

Подумайте, Прихвосневъ, вы шутите это или нѣтъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Сударыня, смѣлъ бы я шутить? Я конечно глуло сдѣлалъ что сказалъ вамъ.... Теперь васъ только обезпокоить....

СОФЯ МИХАЙЛОВНА *(съ рыданіемъ въ голосъ).*

Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали что сказали мнѣ!.. Вы, какъ честный человѣкъ, должны были это сказать!.. Я сама замѣчала: она постоянно куда-то все рвется отъ меня.... куда-то все ему надо.... Говорите: измѣняетъ онъ мнѣ или нѣтъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Ей Богу, сударыня, не знаю!..

СОФЯ МИХАЙЛОВНА.

Нѣтъ, вы знаете это! Вы должны это знать!.. Я на колѣняхъ васъ буду умолять, буду цѣловать ваши руки.... Ну, добрый, милый Прихвосневъ, говорите! *(Старается взять его за руки.)*

ПРИХВОСНЕВЪ.

Что мнѣ вамъ говорить, ей Богу!

СОФЯ МИХАЙЛОВНА.

Умоляю васъ, умоляю... Иначе я съ ума сойду. У меня ужь голова обезчуживенѣла.... Вонъ она—ничего не чувствует!.. Ничего!... *(Хватаетъ себя за голову и вся дрожитъ.)*

ПРИХВОСНЕВЪ *(не на шутку струсившій)*

Ну, извольте, сударыня, я скажу вамъ.... Только вы послѣ какъ-нибудь въ сердцахъ не скажите Аполлону Алексѣевичу что отъ меня слышали.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(стремительно).*

Никогда!... Клянусь вамъ: никогда!... *(Какъ бы машинально беря его за руку и выводя на авансцену.)* Еслибы пытку мнѣ даже дѣлали, на медленномъ огнѣ меня жгли, я никому не проговорю что это вы мнѣ сказали. Я скажу что по городской почтѣ мнѣ написали... Говорите: есть у него любовница!

ПРИХВОСНЕВЪ *(съ грустію пожимая плечами).*

Есть.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(по наружности какъ бы твердымъ и спокойнымъ голосомъ).*

Кто она такая?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да такъ, обыкновенная....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Наемная, значить.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Неужели изъ любви!... Квартиру ей нанимаетъ. Пожалуй не хуже этой.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ какимъ-то пылающимъ ужасомъ).*

Значить: когда я была больна, когда я умирала, онъ за всю-то любовь мою къ нему ни одного вечера не хотѣлъ посидѣть у меня, говорилъ что ему по дѣламъ надо,—это онъ къ ней ѣздилъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Безъ сомнѣнія-съ. Пиръ даже задавалъ тамъ.... Приѣдетъ со своими пріятелями.... Тѣ тоже со своими амазками.... Кутятъ.... Пѣсни поютъ.... Бывалъ я иногда у нихъ на этихъ собраніяхъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(какъ бы стѣясь).*

Вотъ что: какъ онъ веселился!... Но только я теперь постараюсь сдѣлать чтобъ ему не было ужъ больше весело тамъ!... Подумте сейчасъ же и проводите меня къ этой моей соперницѣ,—я хочу ее видѣть!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Полноте, сударыня, какъ это вамъ не стыдно: унижать себя и вѣхать къ какой-нибудь дурѣ!... Браниться, что ли, вы съ ней будете! [

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

За что я буду съ ней браниться? Чѣмъ она тутъ виновата? Я только хочу посмотрѣть: хороша ли она?... лучше ли она меня?... Потому что я знаю что я еще красивѣе многихъ женщинъ! *(Глаза ея при этомъ полны слезъ.)*

ПРИХВОСНЕВЪ.

Гдѣ жь ей быть, помилуйте, противъ васъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Такъ за что же онъ предпочелъ ее мнѣ? Можетъ-быть она больше и сильнѣй его любить, чѣмъ я. Въ такомъ случаѣ я предостерегу ее, несчастную!.. Я скажу ей что этому человѣку на души, ни сердца женскаго не надо.... Я тоже любила его глубоко!... Я жизнию готова была для него пожертвовать; но онъ ничего этого не поцѣнилъ и ушелъ къ другой женщинѣ! Чтѣ же это такое?... Прихоть! Развратъ!... Пусть эта госпожа знаетъ какой онъ негодяй и чувственникъ!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Госпожа эта очень хорошо все знаетъ и нисколько объ этомъ не безпокоится. Вы-то, по благородству чувствъ вашихъ, судите по себѣ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(колотя себя въ грудь).*

Да! Я сужу по себѣ... Въ продолженіе трехъ лѣтъ я въ тысячахъ даже не подумала не только что разлюбить его, но даже немножко охладѣть къ нему, а онъ-то! онъ-то!... Боже мой! Надя, дай мнѣ бурнусъ и шляпку! *(Уходитъ въ соседнюю комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРИХВОСНЕВЪ *(почти въ отчаяніи разведя руками).*

Влопался теперь въ эту исторію — бѣда!... И не разлещься!... А все этотъ дуракъ Блинковъ! Присталъ какъ съ вокомъ къ горлу: „Скажи да скажи про Аматурова Софью Михайловну; это скорѣй дѣло подвигеть!“ Вонъ оно какъ подвинуло... Баба бѣшеная, вцѣлится Аллолону Александровичу

въ глаза; онъ какъ-нибудь узнаетъ или догадается что я маненько химостилъ, и живой отъ него не уйдешь! Не шло было бы еслибъ еще выгода какая-нибудь особе открывалась; а то вздоръ: развѣ вотъ этотъ обѣдшкъ Славянскомъ Базарѣ,—очень онъ мнѣ нуженъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА въ бурнусъ и шапкѣ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Поѣдьте, покажите мнѣ дорогу.... Я продамъ мои великіе брилліанты и заплачу вамъ за это.

ПРИХВОСНЕВЪ *(слѣдя за ней съ трясущейся головой и вольными голосомъ).*

Ничего, сударыня, мнѣ не надо! Милліоновъ бы не взялъ за это!

Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

НАДЯ *(проворно выбѣгая изъ своей комнаты).*

Батюшки, я не спросила барыню, скоро ли она пріѣдетъ *(Отворяетъ окно и кричитъ.)* Софья Михайловна, вы когда пріѣдете, если спросить Аполлонъ Алексѣичъ? Ну, и не вѣчаетъ ничего.... Сердитая такая отъ чего-то.... Но куда она поѣхала?... Въ городъ, должно-быть, закупить что-нибудь для вечера.... У меня самой сегодня балъ будетъ.... шеколку купила, стану шеколодомъ всѣхъ поить.... Удивляюсь я, что это другія дѣвушки простую водку пьютъ, я даже виноградного вина не могу; за то конфетъ или фруктовъ сколько хочешь съѣмъ.... Пудъ бы, кажется, съѣла, еслибы кто подарилъ *(Слышится звонокъ.)* Аполлонъ Алексѣичъ вѣрно это вѣхалъ!... *(Бѣжитъ отворять.)*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Входитъ проворно АМАТУРОВЪ, а за нимъ возвращается и НАДЯ.

АМАТУРОВЪ.

Софья Михайловны дома нѣтъ, и прекрасно! *(Надѣ.)* жалуйте сюда поближе ко мнѣ.

НАДЯ *подходитъ.*

АМАТУРОВЪ (*подавая ей небольшую коробочку*).

Прошу принять и не побрезговать!

НАДЯ (*съ недоумѣніемъ*).

Что такое, баринъ?

АМАТУРОВЪ.

Брошка и сережки съ бриллиантами на именины тебѣ.

НАДЯ (*вся вспыхнувъ*).

Съ какой же стати это, баринъ?

АМАТУРОВЪ.

Такъ—подарить хочу.

НАДЯ.

Да, баринъ, я и надѣтъ не буду смѣть. Вдругъ Софья Михайловна спроситъ меня гдѣ я взяла; я скажу вы подали; она Богъ знаетъ что можетъ подумать.

АМАТУРОВЪ.

Кто жъ тебя заставляетъ сказать что я подарилъ. Развѣ кто-нибудь другой тебѣ не могъ подарить?

НАДЯ.

Это такъ, баринъ, но все какъ-то опасно...

АМАТУРОВЪ.

Нечего, нечего!... Клади въ карманъ!

НАДЯ *кладетъ коробочку въ карманъ себѣ.*

АМАТУРОВЪ.

Ну, а теперь еще я, моя прелестная, желаю съ тобой переговорить: неужели тебѣ не противно жить въ горничныхъ?

НАДЯ.

Что ужъ, баринъ, хорошаго: точно что самая противная должность!

АМАТУРОВЪ.

Но, вѣдь, ты лортниха?

НАДЯ.

Портниха-съ; но намъ у хозяйвъ, пожалуй, еще труднѣе жить-съ: у меня даже грудь начала болѣть,—сидишь все согнувшись...

АМАТУРОВЪ (*перебивая ее*).

Я тебѣ не про хозяйку и говорю, а открой сама свою мастерскую. Полюби какого-нибудь человѣка съ состояніемъ:

онъ тебѣ купить швейную машину, дастъ на первое обзаведеніе и потомъ слегка станетъ тебя поддерживать—и живи, значить, на своей волѣ.

НАДЯ.

Развѣ, баринъ, такого человѣка на улицѣ, что ли, найдемъ...

АМАТУРОВЪ.

Да полюби меня,—я тебѣ все это сдѣлаю!

НАДЯ.

Вы?.. Ха, ха, ха! Вотъ это отлично, безплодно! А барыню какъ же вы будете любить? Она по васъ жива сторгѣла!

АМАТУРОВЪ (*вздыхнувъ*).

Что дѣлать, барыню я разлюбилъ; съ сердцемъ своимъ не совладаешь.

НАДЯ (*качая головой*).

Ахъ вы, мушны, мушны гадкіе!

АМАТУРОВЪ.

Можетъ и гадкіе! Но какъ же, полюбишь?

НАДЯ.

Нѣтъ, баринъ, никогда не буду согласна на это.

АМАТУРОВЪ.

Почему?

НАДЯ.

Потому, баринъ, что я лучше замужъ пойду, за равнаго **себѣ**.

АМАТУРОВЪ.

За какого за равнаго?

НАДЯ.

Хоть за какого-нибудь клубскаго лакея; онъ станетъ съ мной жить, а я буду жить на квартирѣ.

АМАТУРОВЪ.

И будетъ къ тебѣ этотъ клубскій лакей приходитъ каждыи вечеръ и колотить тебя.

НАДЯ.

Ну, а то что вы, баринъ, говорите, развѣ лучше? мало васъ дурь отъ того погибаетъ!

АМАТУРОВЪ.‡

Это ужъ извини; я тебя не погублю, потому что это простое волокитство съ моей стороны, а я влюбленъ въ тебѣ самымъ искреннимъ образомъ.

НАДЯ (*усмѣхаясь*).

Мнѣ, баринъ, смѣшно даже слышать какъ вы говорите что вы влюблены въ меня: вы вотъ любите барыню мою.... кучеръ вашъ разказывалъ что у васъ есть гдѣ-то тамъ еще другая барыня....

АМАТУРОВЪ.

Положимъ что я люблю твою барыню и что есть еще у меня гдѣ-нибудь другая барыня; но если я всѣхъ ихъ брошу для тебя.]

НАДЯ.

«Не бросите, не посмѣйте!.. Это не то что нашу сестру.

АМАТУРОВЪ (*прижимая руку къ сердцу*).

Утѣряю тебя честью...

НАДЯ.

А когда бросите, тогда и видно будетъ, а теперь я и разговору такого не хочу имѣть съ вами!.. Адье-съ, мусье! (*Кокетливо крисъдаетъ ему и проворно уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ VІІІ.

АМАТУРОВЪ (*оставшись одинъ и какъ бы размышляющимъ нѣсколько тономъ*).

Ушла!.. Чтò это значить? Въ самомъ ли дѣлѣ она *prude* такая или просто плутовочка; но какъ бы то ни было, удивительно чтò у меня за характеръ: дѣвочка эта сдѣлалась теперь въявь всѣхъ моихъ желаній! Я полсостоянія готовъ истратить [на [то, хотя напередъ знаю что она скоро заскучитъ мнѣ; потому что, какъ дѣлають вонъ другіе мужчины, любить долго одну женщину я никогда не могъ: скорѣй бы застрѣлся! И теперь вотъ еще черта у меня: Софью Михайловну я разлюбилъ совершенно; ея ласки и нѣжности просто невыносимы мнѣ; но попробуй она сама отстранить меня отъ себя или, чтò еще хуже того, полюбить другаго, гнѣться, вѣдь, буду.... терзаться.... ревновать стану.... мстить даже готовъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Входитъ СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Выраженіе лица ея почти ужасное.

АМАТУРОВЪ *(увидавъ ея).*

А, вотъ и дорогая именинница наша! Поздравляю васъ со днемъ вашего ангела.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(слезка кивая ему головой).*

Очень вамъ благодарна!... *(Садится на диванъ и отворачивается отъ Аматурова. На глазахъ ея, несмотря на строгое выраженіе ихъ, искрятся слезы.)*

АМАТУРОВЪ *(все это замѣтившій и уже нѣсколько смущеннымъ голосомъ).*

А на счетъ подарка, извини, мой ангелъ!.. Какой случай вышелъ: третьяго дня я заѣхалъ къ ювелиру; вижу одинъ браслетъ — чудо что такое, въ серединѣ яхонтъ, а кругомъ на золотыхъ цвѣточкахъ изумруды. Денегъ со мною не было, а онъ довольно цѣнный, такъ что я рѣшился заѣхать на другой день. Вообрази: пріѣзжаю, и его ужъ купили... Я, впрочемъ, заказалъ тебѣ сдѣлать точно такой же... Ты, надѣюсь, подождать можешь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Отчего жь не подождать! Могу, могу... *(Какъ-то странно смѣется.)*

АМАТУРОВЪ *(это тоже замѣтившій и садясь на довольно отдаленное отъ Софьи Михайловны кресло, тѣмъ же смущеннымъ голосомъ).*

Теперь-съ второе дѣло и олять денежное: милѣйшій су другъ вашъ Богъ знаетъ до какой наглости дошелъ... Слыши! ото всѣхъ что онъ тамъ богатѣеть, и вдругъ вчера получая отъ него письмо, въ которомъ онъ почти приказываетъ мнѣ: немедленно выслать ему на какую-то временную перевертку шесть тысячъ рублей серебромъ. Не говоря уже о томъ что я никогда бы и ничѣмъ не желалъ ссужать подобнаго господа, но теперь даже лишень возможности сдѣлать это; къ тому что наличныя деньги, какія у меня были, я всѣ ем отдалъ, а больше у меня таковыхъ не имѣется!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

И не посылай! Кто жь тебя заставляетъ?

АМАТУРОВЪ.

Прекрасно-съ; но если онъ тебѣ начнетъ за это дѣлать не-
пріятности?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*гордо взмахивая на
него глазами*).

А тебѣ что за дѣло до того?

АМАТУРОВЪ.

Дѣло, потому что мнѣ твое спокойствіе дорого.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Спокойствіе мое! дорого вамъ? А я и не знала этаго!.. (*Опять
какъ-то странно смѣется и постукиваетъ ногой.*)

АМАТУРОВЪ.

Но что жь тутъ смѣшнаго и что у тебя за токъ сегодня?..
Сердишься, что ли, ты на меня за что-нибудь?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Спроси свою совѣсть: есть ли мнѣ за что на тебя сердить-
ся или нѣтъ—да самъ и отвѣчай на этотъ вопросъ!

АМАТУРОВЪ.

Спрашиваю и рѣшительно отвѣчаю что не за что: я сего-
дня такой же какимъ былъ и вчера...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да, я знаю что ты сегодня такой же негодяй какимъ былъ
вчера и третьяго дня....

АМАТУРОВЪ (*перебивая ее*).

Софья Михайловна, остерегитесь въ вашихъ выраженіяхъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Такимъ именемъ тебя назоветъ еще и другая женщина!..
Я сейчасъ была у другой твоей любовницы!.. На, смотри,
кому ты дарилъ этотъ портретъ! (*Показываетъ Аматурову
его фотографическій кабинетный портретъ.*) Она также не
хочетъ держать его у себя и пускать тебя къ себѣ.

АМАТУРОВЪ (*сильно смущенный*).

Я въ этомъ нисколько не нуждаюсь!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Не ли ужь, пожалуста! Ну, разлюбилъ, приди, скажи!.. По
крайней мѣрѣ честнымъ человѣкомъ бы остался; но въ тебѣ
даже откровенности ко мнѣ, искренности въ отношеніи меня
не было.

АМАТУРОВЪ (*нѣсколько оправившись*).

Позвольте, Софья Михайловна! искренности и въ васъ въ отношеніи меня никогда не было.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Гдѣ? въ чемъ? говори!

АМАТУРОВЪ.

Да, вотъ съ пустяковъ взять: вонъ на столѣ у васъ букетъ стоитъ. Я не ревную и не спрашиваю: кто вамъ его подарилъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Напрасно!.. Я тебѣ сейчасъ скажу: букетъ этотъ подарилъ мнѣ молодой Блинковъ, страстно въ меня влюбленный.

АМАТУРОВЪ.

Вотъ видите что оказалось на повѣрку, да и въ другомъ во многомъ....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Въ чемъ еще другомъ? Говори!

АМАТУРОВЪ.

Что жь говорить?.. Я никогда не хотѣлъ напоминать вамъ объ этомъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Нѣтъ, я требую чтобы ты напомнилъ, если ужь началъ.

АМАТУРОВЪ (*какъ бы самъ съ собой*).

Хороша искренность! Въ то время какъ Богъ знаетъ въ какой любви меня увѣряли, вы отличнѣйшимъ образомъ дѣйствовали въ пользу кармана своего супруга... Вы думали что я не понялъ ничего этого; но я, къ несчастію, все это уразумѣлъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да, дѣйствовала въ пользу кармана своего супруга!.. Но знаешь ли ты, жадный скупецъ, отчего и почему я это дѣлала? Я дѣлала это чтобы спасти любовь нашу: еще накануне мужъ хотѣлъ услать меня въ деревню и разлучить насъ, а я тогда жить безъ тебя не могла, да полагала что и ты тоже.

АМАТУРОВЪ.

Если жить безъ меня не могли, то гораздо бы простѣе было прямо увѣхать отъ мужа.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Конечно!.. Такъ бы вотъ онъ сейчасъ и пустилъ меня: смирененькаго какого нашли!.. Онъ бы и черезъ полицію вытре-

бывалъ меня къ себѣ. Впрочемъ я все-таки сознаюсь что я тутъ подло и безчестно поступила, но я не знала васъ: я думала что я дороже для васъ тридцати тысячъ, въ чемъ прошу у васъ извиненія, а еще болѣе въ томъ что и потомъ продолжала обременять васъ собою и жить на вашъ счетъ, чего ужъ конечно теперь ни одной минуты себѣ не позволю!.. Надя!

ЯВЛЕНІЕ X.

НАДЯ, все время подслушивавшая у дверей, вбѣгаетъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Поди, принеси мнѣ изъ спальни мою красненькую коробку.

НАДЯ *уходитъ.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Аматурову*).

Ничего не беру изъ вашей квартиры, возьму только свои прѣвые брилліанты и еще разъ прошу у васъ прощенья что заставила васъ тратиться на себя.!

НАДЯ *возвращается и подаетъ СОФЬѢ МИХАЙЛОВНѢ ящичекъ.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*ей*).

Поди, найми мнѣ извозчика! Не далеко тутъ въ номерѣ! Я сейчасъ туда переѣзжаю.

АМАТУРОВЪ (*желая ее успокоить*).

Софья Михайловна, перестаньте же безумствовать и глупости дѣлать!.. Если дѣйствительно была съ моей стороны маленькая вѣтренность, то завѣряю васъ, она ужъ болѣе не повторится!..! Помиримтесь!.. (*Хочетъ было приблизиться къ ней*.)

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*отстраняясь отъ него*).

Не подходи или иначе я убью тебя!

АМАТУРОВЪ.

Ну, убивайте, когда хотите! (*Подходитъ было къ ней*.)

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*кидая въ него портретъ*).

На, вотъ тебѣ портретъ твой отвратительный!

АМАТУРОВЪ (*отскакивая отъ нее*).

Сумашедшая женщина!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(съ окончателно раздвинувшись поздравляя Надю).*

Найми извозчика и поѣдемъ со мною!

АМАТУРОВЪ *(Надя тоже возбужденнымъ голосомъ).*

Не ѣзди, Надя, оставайся здѣсь, и ужь не служанкой, а барыней!.. Это все и вся квартира принадлежитъ тебѣ, и три тысячи годового дохода.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(строго Надю).*

Ѣдешь или нѣтъ?

НАДЯ *(со слезами въ голосъ).*

Барыня, я въ номерахъ жить не могу.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ха, ха, ха, и тутъ ужь есть!.. *(Быстро поворачиваясь къ Аматурову).* Человѣкъ ты или звѣрь?.. Ты исключенье изъ людей!.. Чудовище какое-то!.. Что же это такое, — Господи!.. *(Поднимаетъ въ ужасъ руки).*

АМАТУРОВЪ *обозленный стоитъ на одной сторонѣ авансцены, а НАДЯ очень смущенная — на другой.*

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Общественный садъ съ отдѣльными столиками и плетеными стульями около нихъ. На заднемъ планѣ виднѣется довольно красивое въ русскомъ вкусѣ зданіе съ надписью: „Русская Забава“. Въ саду около кустовъ стоятъ нѣсколько лакеевъ въ вытертыхъ черныхъ фракахъ и съ металлическими номерами на груди. Лѣтній вечеръ.

ЯВЛЕНИЕ I.

БЛИНКОВЪ въ модномъ лиджакѣ и **ПРИХВОСНЕВЪ** въ лѣтящемъ гарусномъ пальто и соломенной шляпѣ сидятъ около столика, ближайшаго къ авансценѣ на правой сторонѣ.

БЛИНКОВЪ *(по обыкновенію слегка пришептывая).*

Сколько времени ужь, братъ, прошло, а дѣло на аршинъ не подвинулось.

ПРИХВОСНЕВЪ *(поучительнымъ тономъ).*

Терпѣніе и терпѣніе.

БЛИНКОВЪ.

Покалуй терпи! Она вонъ все плачетъ!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Непремѣнно-съ должна плакать.

БЛИНКОВЪ.

Стало-быть она по этомъ Аматуровѣ плачетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Нисколько-съ, нисколько!

БЛИНКОВЪ.

О комъ же она плачетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

О ~~ея~~ положеніи! Вы не знаете, а я ей послѣдніе брил-
лянтки ея продалъ, и она сегодня пріѣдетъ сюда за
денежн.

БЛИНКОВЪ *(уже горячась).*

Кто жь ее заставляетъ?... Развѣ я не могу ей помочь и
держать ее хоть на всемъ на готовомъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Вона, какую маленькую штуку выдумалъ: „держать на го-
товомъ“!.. Она не простая дѣвушка, а женщина благороднаго
занія, свой гоноръ и амбицію имѣетъ!

БЛИНКОВЪ.

А отчего она у Аматурова жила на его счетъ?

ПРИХВОСНЕВЪ.

То другое-съ было! По любви началось!.. А потомъ когда
случай такой вышелъ: мужъ бросилъ!.. надобно было какъ-
нибудь существовать!.. Телерь же думаетъ: любила одного,
во тутъ выходить надо любить другаго,—какъ этому вдругъ
сбѣяться! Съ какой-нибудь Надей, спросите-ка Аматурова,
жолко онъ хлопоталъ: сначала ни квартиры, ни ве-
щей Софьи Михайловны, ни даже жалованья въ три тысячи
цѣлковыхъ брать не хотѣла, ушла отъ него, и только ужъ
хвѣста черезъ три, какъ ей очень не втерпѣжъ пришлось
лечь въ горничныхъ, мы разными ее катаньцами, гулянь-
цами и винцомъ сладкимъ сманили....

БЛИНКОВЪ.

Меня, значитъ, Софья Михайловна ужь и не полюбитъ никогда?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Да, полюбитъ, Господи, погодите немножко!... Она мнѣ сама говорила: „Я въ него еще всматриваюсь, серьезное ли онъ чувство ко мнѣ имѣеть.“

БЛИНКОВЪ.

Еще бы не серьезное, мнѣ ничего не жаль для нея.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Знаю-съ! Но вотъ она увидитъ это, пойметъ и оцѣнитъ! Кто-то однако пріѣхалъ! (*Глядитъ въ даль*). Батюшки, Ама-туровъ съ Наленькой своей!... (*Блинкову*). Вы съ нимъ встрѣчались послѣ его разлуки съ Софьей Михайловной?

БЛИНКОВЪ (*не совсѣмъ покойнымъ го-
лосомъ*).

Встрѣчались!

ПРИХВОСНЕВЪ.

И что же, ничего?

БЛИНКОВЪ (*тѣмъ же не спокойнымъ
голосомъ*).

Ничего, кажется!....

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ АМАТУРОВЪ и НАДЯ франтовски одѣтая.

АМАТУРОВЪ (*Прихвосневу, который его
почти раболопно встрѣ-
чаетъ*).

Вотъ и мы къ вамъ на гулянье пріѣхали!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Очень-съ радъ, очень! (*Кланяется Надѣ*.) Какая вы, Надежда Дмитревна, прелесть стали!... Чудо что такое!...

НАДЯ (*перебивая его*).

Пожалуста безъ насмѣшекъ!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Какія насмѣшки! (*Аматурову*.) Я вотъ этта какъ-то встрѣтилъ васъ: ѣдете вы на вашихъ рыскахъ... сбруя горитъ... экилажъ отличнѣйшій... сами молодцомъ сидите... около васъ (*показывая на Надю*) этотъ ангелочикъ... Просто народъ ахаетъ и ротъ разѣваетъ, глядя!

АМАТУРОВЪ *(самодовольно).*

Дѣйствительно, у меня эта пара не дурная! *(Подходит и мѣсть съ Надей садится около столика на лѣвой сторонѣ скамеекъ.)*

ПРИХВОСНЕВЪ *(слѣдуя за ними).*

Чѣмъ прикажете подчивать?

АМАТУРОВЪ.

Намъ пока ничего не надо, а объ лошадяхъ похлопочите: велите вашему кучеру ихъ отпречь, чтобы повыстоялись они немного, и овса имъ дайте.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Сами, значить, правила; въ одноколѣхъ прѣехали?

АМАТУРОВЪ.

Самъ. Но однако слѣшите, не растабарывайте.

ПРИХВОСНЕВЪ.

Въ минуту все устроимъ. *(Уходитъ.)*

АМАТУРОВЪ *(надѣвъ пантѣи и осматривая садъ, говоритъ Надѣ).*

Это, кажется, господинъ Блинковъ?

НАДЯ.

Овъ... То-то, я думаю, у васъ какъ въ сердцѣ закипѣло!... Такъ бы и съѣли его сейчасъ.

АМАТУРОВЪ *(съ усмѣшкой).*

Напротивъ!...

НАДЯ *(перебивая его).*

Ужь сдѣлайте милость, не заливайтесь!... Досадно ужъ!

АМАТУРОВЪ *(съ тою же усмѣшкой).*

Почему жь досадно?

НАДЯ.

Да какъ же: прежде Софья Михайловна васъ любила, а теперь, говорятъ, его любитъ.

АМАТУРОВЪ.

И за здоровье еѣ!... Вотъ мы сейчасъ даже опривѣтствуемъ другъ друга! *(Грохкивъ голосомъ и кивая головой Блинкову.)* Здравствуйте, Блинковъ.

БЛИНКОВЪ *(вскакивая съ мѣста и нѣсколько трусливо).*

Ахъ, здравствуйте!... Какъ ваше здоровье!

АМАТУРОВЪ.

Ничего, живемъ.... Не хотите ли въ слѣдующее воскресеніе на бѣгу потягаться на рысакахъ?

БЛИНКОВЪ *(скаля отъ удовольствія ротъ).*

Извольте-съ. У насъ нынче новый каурый рысакъ есть

АМАТУРОВЪ.

А мы на старомъ еще поллетемся. Съ Софьей Михайловной Дарьяловой часто видаетесь?

Нѣтъ-съ, не часто.

АМАТУРОВЪ.

А какъ этакъ?

БЛИНКОВЪ.

Да такъ.... иногда бываю-съ. А вы видаетесь?

АМАТУРОВЪ.

Нѣтъ, мы не видаемся. Прежде очень ужъ часто видали надоѣли другъ другу.

БЛИНКОВЪ.

Вотъ что-съ!... До свиданья! *(Встаетъ и хочетъ уйти.)*

АМАТУРОВЪ *(ему).*

Куда жь это вы?

БЛИНКОВЪ.

На билліардѣ въ кофейную *(показываетъ головой на заданіе)* иду поиграть! *(Скрывается.)*

АМАТУРОВЪ *(слегка усмѣхаясь).*

Убѣжалъ, каналья. Думаетъ вѣрно что я стану претендовать на него; а я радъ очень даже что онъ утѣшилъ безутѣннью...

НАДЯ *(щуря глаза).*

Ахъ, какъ вы злы на Софью Михайловну, — ужасно! Счасъ и насмѣшничать надъ ней!... Что и надоѣли другъ другу и что утѣшилъ безутѣннью.

АМАТУРОВЪ *(уже серьезнымъ голосомъ и съ удареніемъ).*

Ну, я еще мало на нее злюсь!... На нее слѣдовало бы больше злиться за всѣ ея дѣянія противъ меня.

НАДЯ.

Какія же дѣянія ея противъ васъ были?

АМАТУРОВЪ.

Да вотъ хоть бы то что меня ревновала,] никуда отъ себя не лускала, только что не на цѣлочкѣ держала; а сама въ это время подъ сурдинкой любовника другаго приобрѣла себѣ.

НАДЯ (*съ удивленіемъ*)

Какого любовника? Что вы выдумываете?

АМАТУРОВЪ.

А Бланкова этого?

НАДЯ.

Да если она и полюбила его, такъ послѣ того какъ вы ее кинули.

АМАТУРОВЪ (*всплилъ даже*).

Что ты мнѣ говоришь: послѣ! У ней на именинахъ стоишь букетъ отъ него. Они давно ужъ, я думаю, обожаютъ другъ друга!

НАДЯ.

Гдѣ жь давно?.. Онъ всего два раза у ней и былъ тогда... На юныхъ глазахъ все это происходило.

АМАТУРОВЪ.

При тебѣ два раза, а вотъ, можетъ-быть, въ этомъ же саду, у этого жерзавца Прихвоснева, каждый день видалась; но все это: люби она тамъ кого ей угодно, сколькихъ угодно; но главное: какъ она смѣла бросить мнѣ портретъ въ лицо!.. Она прямо тутъ разчитала что она женщина и что я ничѣмъ не могу отплатить ей за то... Не хлысть же взять и самую ее отдуть,—мы не въ томъ вѣкѣ живемъ.

НАДЯ (*грозя ему пальчикомъ*).

Погодите, Алолонъ Алексѣвичъ, постойте: отчего жь вы на другую, которая у васъ была вмѣстѣ съ Софьей Михайловной, не сердитесь?.. Та тоже васъ оставила!

АМАТУРОВЪ.

Та оставила меня благороднѣйшимъ образомъ: она возвратила мнѣ мой портретъ и написала мнѣ письмо чтобъ я больше къ ней не ѣздилъ.

НАДЯ.

Вѣтъ, не потому!.. Не проведете меня.

АМАТУРОВЪ.

А почему жь?

НАДЯ.

А потому что и теперь еще къ ней ѣздите.

АМАТУРОВЪ *(замѣтно смущенный этими словами).*

Пустяки какіе!.. Когда же я вѣзжу!

НАДЯ.

Знаю я, знаю!.. И подстерегу даже васъ и тоже въ ливамъ брошу: помяло даже!.. Я злая тоже.

АМАТУРОВЪ *(продолжая оставать нѣсколько смущеннымъ).*

Ты можешь кидать. Ты другое дѣло!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ ПРЕПИРАТОВЪ, мрачный и сильно похудѣвшій.

ПРЕПИРАТОВЪ *(одному изъ лакеевъ бормочетъ).*

Одолжите мнѣ, любезный, чаю!

ЛАКЕЙ.

Сейчасъ-съ! *(Уходитъ.)*

ПРЕПИРАТОВЪ *обернувшись въ сторону къ АМАТУРОВУ началъ всматривать въ него. Тотъ на него тоже смотритъ.*

АМАТУРОВЪ *(про себя).*

Гдѣ я видѣлъ этого господина — не помню!

ПРЕПИРАТОВЪ *(подходя къ нему и въ обыкновенію басочку).*

Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами въ собраніяхъ компаніи „ло выщилкѣ руна изъ овецъ“.

АМАТУРОВЪ *(припомнилъ).*

Ахъ, да!.. Тамъ!.. Дѣйствительно! Вы, кажется, адвокатъ. Господинъ Препиратовъ, если я не ошибаюсь.

ПРЕПИРАТОВЪ.

Точно такъ! *(Подумавъ немного.)* Чтò же эта компанія такъ совсѣмъ и лопнула?..

АМАТУРОВЪ.

Совершенно.

ПРЕПИРАТОВЪ *(нахмуривая брови).*

А гдѣ же этотъ обманувшій всѣхъ господинъ директоръ!

АМАТУРОВЪ.

На югѣ себѣ благоденствуетъ. Пароходствомъ своимъ управляетъ, и еще, говорятъ, новое какое-то предпріятіе замышляетъ!.. Въ двухстахъ тысячахъ его считаютъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*глубокомысленно качиваетъ головою*).

Какая безнаказанность!

АМАТУРОВЪ.

А вынече плутовать можно, кто умѣетъ прятать концы, Въ и по вашей адвокатурѣ есть, вѣдь, тоже это?

ПРЕПИРАТОВЪ (*грустнымъ голосомъ*).

Есть!.. Къ великому сожалѣнію долженъ сознаться что есть.

АМАТУРОВЪ (*вслатриваясь въ него*).

Но вы что-то очень похудѣли.... Страдаете чѣмъ-нибудь?

ПРЕПИРАТОВЪ (*мрачно*).

Груда!.. Въ молодости я учился въ семинаріи и насъ тогда тамъ истязали... Классы были почестъ нетопленные; профессор сидѣли въ шубахъ; мы въ своихъ халатикахъ. — простуда, значить! Потомъ, дурное питаніе: я все время ученья ѣлъ только такъ-называемыя кулоросныя щи. Истѣ изъ одной протухлой калуствы, безо всего!.. Наконецъ, наказанія несоразмѣрныя: ежели мало-мальски въ урокъ не твердь, профессор подкликнетъ тебя къ себѣ: „дай-ка, говорить, твои аксіомы!“ И таскаетъ, таскаетъ тебя за аксіомы; а бросить, его же поблагодари что наказаль.

АМАТУРОВЪ.

Что за варварство такое!

ПРЕПИРАТОВЪ.

Жестокое проходила воспитаніе....

ЛАКЕЙ (*подходя къ нему*).

Чай готовъ.

ПРЕПИРАТОВЪ.

Благодарю!... (*Идетъ къ столу, за который усявшись, начинаетъ съ мрачнымъ выраженіемъ пить чай*.)

АМАТУРОВЪ (*снова относясь къ нему*).

А скажите: у той гослужи съ которой я васъ видѣлъ, вы до сихъ поръ повѣренный?

г. сл.

ПРЕПИРАТОВЪ *(съ окончательнo ому
чившился взоромъ).*

Нѣтъ-съ, она другаго уже повѣреннаго имѣеть! Мы съ н
болѣе года какъ разошлись.

АМАТУРОВЪ.

Вслѣдствіе чего же?

ПРЕПИРАТОВЪ.

Вслѣдствіе того что она женщина неблагодарная и р
вращенная.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА**. Она появляется изъ воротъ
да. За ней, едва поспѣвая, слѣдуетъ **БЛИНКОВЪ**.

БЛИНКОВЪ *(ей негромко и торопливo)*

Я васъ все тутъ у воротъ дождался... Амагуровъ здѣ
въ саду сидитъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

А мнѣ что за дѣло до того! Онъ можетъ сидѣть и быва
гдѣ ему угодно! *(Подойдя къ столу направо и обращаясь
Блинкову.)* Мужъ пріѣхалъ и былъ у меня.

БЛИНКОВЪ *(поблдишь).*

У васъ даже былъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да, но не засталъ меня дома. Сказалъ что въ восемь ч
совъ вечера опять пріѣдетъ. Я нарочно уѣхала изъ д
му... Позовите ко мнѣ поскорѣе Прихвоснева, чтобъ о
отдалъ мнѣ мои деньги,—я сейчасъ же уѣду.

БЛИНКОВЪ.

Куда-съ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Не знаю еще и сама куда.

БЛИНКОВЪ *хотѣлъ было идти, но изъ
кофейной вышли ПРИХВО
НЕВЪ и ДАРЪЯЛОВЪ.*

ПРИХВОСНЕВЪ *(искреннимъ голосомъ)*

Ей-Богу, Ираклій Семенычъ, вашей супруги здѣсь нѣт

ДАРЪЯЛОВЪ *(взбѣшеннымъ голосомъ)*

Что вы мнѣ говорите!... Я по пятамъ почти ея ѣхал
(Увидавъ Софью Михайловну.) А это что?

ПРИХВОСНЕВЪ.

Сейчасъ только вѣроятно пріѣхали.

ДАРЪЯЛОВЪ *(передразнивая его).*

Пріѣхала сейчасъ! *(Какъ бы нѣсколько въ сторону.)* Мошенники!

ПРИХВОСНЕВЪ.

Вы не ругайтесь, а не то я вѣло васъ вывести.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Какъ же, вывести тебѣ меня!

ПРИХВОСНЕВЪ.

И выведу — да! *(Самъ впрочемъ уходитъ въ кофейную.)*

ДАРЪЯЛОВЪ *(осматривая публику.)*

А, и господинъ Аматуровъ здѣсь! Вся компанія, значитъ, въ сборѣ. *(Женъ.)* Почему ты не приняла меня давеча?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(твердымъ и какъ бы спокойнымъ голосомъ).*

Давеча меня дома не было.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Но я оставилъ тебѣ записку, гдѣ писалъ что я пріѣду въ восемь часовъ, отчего жъ ты меня не подождала?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Я нарочно уѣхала, чтобы ты не засталъ меня.

ДАРЪЯЛОВЪ *(въ бѣшенствѣ повторяя).*

А, нарочно!... Ну, погоди: я еще послѣ съ тобой поговорю. Прежде съ этимъ господиномъ! *(Подойдя къ Аматурову почти съ сжатями кулаками.)* Послушайте, что за подлости вы дѣлаете противъ меня?

АМАТУРОВЪ *(тоже вставшій на ноги, гордо и грозно выпрямившійся и какъ-то злоуще поигрывая своимъ хлыстикомъ).*

Какія-съ?

НАДЯ не знаетъ куда и глядѣть; она то опускаетъ глаза въ землю, то взмахиваетъ ихъ на СОФЬЮ МИХАЙЛОВНУ, которая стоитъ неподвижно какъ статуя. ПРЕПИРАТОВЪ мрачно прислушивается къ начинающейся ссорѣ.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Такія что.... за какимъ-то тамъ дьяволомъ представляете

векселя на меня!... Я долженъ былъ для этого за семьсотъ верстъ прискакать.

АМАТУРОВЪ *(насмѣшливо)*.

За такимъ, чтобы деньги получить которыхъ вы мнѣ не платите!... Я вовсе не желаю чтобы вексель мой пропадалъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *при этомъ прерзительно улыбнулась*.

ДАРЪЯЛОВЪ *(почти крича)*.

Не на меня же вы должны представлять его ко взысканію, а должны обращаться къ моему поручителю — къ женѣ моей!... Вонъ она сидитъ тутъ съ вами, — хоть съѣшьте ее!

АМАТУРОВЪ *(опять усмѣхаясь)*.

Мѣсяцъ ужъ давнымъ давно истекъ послѣ срока, да и во всякомъ случаѣ я долженъ былъ бы первоначально обратиться къ вамъ.

ДАРЪЯЛОВЪ.

Нѣтъ-съ, не ко мнѣ, — извините!... Я законы знаю!... Я жену нарочно поручительницей и поставилъ чтобъ она первая платила вамъ! Это вы съ ней дѣла дѣлали, съ ней и раздѣлывайтесь.

АМАТУРОВЪ *(какъ бы даже съ удивленіемъ)*.

Если вы такъ разчитывали, то ошиблись!... И всего лучше, я полагаю, нашъ споръ можетъ разрѣшить г. Препиратовъ, какъ юристъ! *(Обращаясь къ Препиратову)* Скажите: имѣю ли я право послѣ пропуску мѣсячнаго срока обращаться къ гжѣ Дарьяловой, какъ къ поручительницѣ?

ПРЕПИРАТОВЪ *(откашлянувшись и басомъ)*.

Если мѣсячный срокъ истекъ, то никакого.

ДАРЪЯЛОВЪ *(опышенный и обращаясь къ Препиратову)*.

То-есть какъ же?... Кто же теперь въ настоящую минуту долженъ платить г. Аматурову: я или жена?

ПРЕПИРАТОВЪ.

Вы!

ДАРЪЯЛОВЪ.

А жена такъ-таки ничего?

ПРЕПИРАТОВЪ.

Ничего! Черезъ мѣсяцъ послѣ срока, если вексель не подаютъ былъ ко взысканію, съ поручителей спадаетъ всякая отвѣтственность.

ДАРЪЯЛОВЪ *(съ бѣшенствомъ махая рука-ми и покраснѣвъ какъ ракъ).*

Это чортъ знаетъ что!... Это грабежъ дневной!... Тамъ устроили какія-то шушуканья, шелтанья между собой... при-шли... сами предложили мнѣ денегъ подъ вексель!... Я чело-вѣкъ военный: всѣхъ тонкостей въ этихъ дѣлахъ не знаю!... просто, какъ на большой дорогѣ ограбили.

АМАТУРОВЪ *(приподнимая немного хлыстъ и сильно возвы-сивъ голосъ).*

Кто васъ грабилъ? Вы всѣхъ грабили и тысячи людей об-воровали, и я вытяну съ васъ свои деньги.

ДАРЪЯЛОВЪ *(передразнивая нѣсколько его).*

Вытяну!... Вытяну!... Да!.. да!.. какъ вамъ не вытянуть!... Развѣ такъ этакой: вкрался въ честный домъ, разрушилъ семейное счастье, да векселя еще тамъ какіе-то заставлялъ подписать ему!

АМАТУРОВЪ *(все болѣе и болѣе насту-пая на Дарьялова).*

Развѣ я васъ заставлялъ подписывать? Вы сами проси-ли съ васъ вексель, и я чистыя деньги отдалъ вамъ подъ него.

ДАРЪЯЛОВЪ *(немного уже отступая).*

Не для меня же вы ихъ отдавали, а для жены... Пять лѣтъ его женщина любить какъ дура какая-нибудь, а онъ грошами какими-то не хочетъ пожертвовать за то. Только одни жидоморы такъ дѣлаютъ.

При послѣднихъ словахъ СОФЬЯ МИ-ХАЙЛОВНА вздрогнула даже вслѣзъ тѣломъ.

ДАРЪЯЛОВЪ *(ужасъ).*

Извольте сейчасъ же заставить гна Аматурова изорвать свой вексель на меня!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(наслапшилисьмъ голо-сомъ).*

Не послушаетъ онъ, я думаю, телерь меня.

ДАРЪЯЛОВЪ.

А не послушаетъ, я въ деревню увезу тебя.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*попрежнему насмѣшливо*).

И то, полагаю, не поможетъ, да въ деревню я и сама съ тобой не поѣду.

ДАРЬЯЛОВЪ.

Нѣтъ, поѣдешь, будь покойна. Если я силой посажу въ вагонъ, такъ поѣдешь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Никогда ты не посмѣешь этого сдѣлать.... Никогда.... Я талисманъ противъ тебя имѣю могущественный.... сильный....

ДАРЬЯЛОВЪ (*насмѣшливо*).

Талисманъ она тамъ имѣеть.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да.... талисманъ.... талисманъ.... (*Протягивая въ сторону руку и какъ бы ища кого-то.*) Послушайте, этотъ Блинковъ...

БЛИНКОВЪ *приближается къ ней.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Есть съ вами деньги и большія деньги? А если нѣтъ, то съѣздите сейчасъ за ними.

БЛИНКОВЪ (*обрадованнымъ голосомъ*).

Со мной-съ теперь чекъ.... Сегодня ѣздить въ банкъ получать....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ну, и хорошо это.... Потрудитесь вы теперь же заллатить (*Показываетъ на Аматурова*) этому господину тридцать тысячъ и сдѣлайте такъ чтобы вексель его на мужа принадлежалъ мнѣ. Можно это?

БЛИНКОВЪ (*сconfуженный и обрадованный*).

Я думаю можно-съ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Препиратову*).

Дѣлается такъ?

ПРЕПИРАТОВЪ (*попрежнему мрачно стоявшій около своего стула*).

Всегда такъ и дѣлается и совершенно законно будетъ.

БЛИНКОВЪ (*подойдя къ Аматурову*).

Угодно вамъ получить чекъ?

АМАТУРОВЪ (*насмѣшливо*).

Сдѣлайте одолженіе.

БЛИНКОВЪ пишетъ чекъ, а **АМАТУРОВЪ** росписку въ полученіи денегъ; тѣмъ и другимъ они обнятываются между собою; затѣмъ **БЛИНКОВЪ** подаетъ росписку **СОФЬѢ МИХАЙЛОВНѢ**.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Благодарю. (*Мужу.*) Ты вѣдь смѣялся надъ талисманомъ противъ тебя, а онъ у меня оказался. (*Показываетъ ему росписку Аматырова.*) Съ нимъ ты меня, надѣюсь, не повезешь въ деревню, а иначе я деньги взыщу.

ДАРЬЯЛОВЪ (*не глядя на нее и при- топывая ногой.*)

Очень ты мнѣ нужна!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Конечно. (*Обращаясь къ Аматырову.*) Вамъ мнѣ слѣдуетъ еще заплатить тѣ деньги которыя вы мнѣ послѣдній годъ выдавали; я сочту сколько ихъ и заплачу вамъ.

АМАТУРОВЪ (*попрежнему насмѣшливо, но внутри видимо терзаемый совѣстью.*)

Слушаю-сь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*какъ бы съ просвѣтлѣвшимъ на мгновеніе лицомъ.*)

А мнѣ теперь одна фантазія пришла: мнѣ кутить хочется! (*Блинкову.*) Прикажите Прихвосневу чтобъ онъ далъ намъ угля и вина человѣкъ на шесть, на семь.

БЛИНКОВЪ.

Сю секунду-сь. (*Убѣгаетъ.*)

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*встѣмъ.*)

Оставьте со мной поужинать.... Можетъ, въ жизни мы никогда ужъ и не встрѣтимся. (*Аматырову.*) Согласны, Аматыровъ, хоть въ память того какъ мы когда-то съ вами ужинали?

АМАТУРОВЪ (*грустно улыбаясь.*)

Если вы желаете того.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Надѣ.*)

Пужинай, Надя, и ты со мной.

НАДЯ (*совѣмъ опуская глаза.*)

Извольте-сь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*мужу.*)

А ты останешься?

ДАРЬЯЛОВЪ (*грубо и насмѣливо*).

Можешь ужинать и безъ меня.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА садится за одинъ изъ столиковъ, за который также садится и АМАТУРОВЪ. Въ продолженіи всей послѣдующей сцены онъ замѣтно былъ разстроенъ и все кусалъ себѣ губы. НАДЪ тоже, какъ видно, очень было неловко сидѣть съ СОФЬЕЙ МИХАЙЛОВНОЙ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*Препиратову*).

Присядьте и вы къ намъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*басомъ*).

Благодарю васъ!.... Я не ужинаю. (*Остается на своемъ мѣстѣ*.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и БЛИНКОВЪ съ ПРИХВОСНЕВЫМЪ, а за ними ЛАКЕИ вносятъ ужинъ и вино и ставятъ все это на столъ. БЛИНКОВЪ садится рядомъ съ СОФЬЕЙ МИХАЙЛОВНОЙ, а ПРИХВОСНЕВЪ около него.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*пододвигая гостямъ своимъ блюда*).

Кушайте.... А мнѣ дайте еще проплакаться.... Слезъ ужъ много накопилось. (*Закрываетъ себѣ лицо руками*.)

ВСѢ смотрятъ на нее съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*вдругъ открывая лицо, хватая бокалъ и обращаясь къ Блинкову*).

Налейте мнѣ вина, и всѣмъ налейте!

БЛИНКОВЪ *наливаетъ*.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*поднимая бокалъ*):

За здоровье всѣхъ лоретокъ, кокотокъ и камелій! (*Гостямъ своимъ*.) Что жъ вы не пьете?... Вы только ихъ и любите нынче.... Онѣ вамъ милѣй всякой честной женщины, и ни почему другому какъ потому что менѣе затрогиваютъ вашъ эгоизмъ: ихъ можно бросить каждомуминуто, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, хоть умри она отъ того, и сейчасъ же най-

ти другую, лучше, моложе.... красивѣе!... Пейте! (*Выпиваетъ много бокалъ свой.*)

Вслѣдъ за ней и прочіе выпиваютъ вино свое и при этомъ одинъ только ПРИХВО- СНЕВЪ негромко восклицаетъ: „ура!“

АМАТУРОВЪ (*грустно - насмѣлившись голосомъ*).

Вы, можетъ-быть, не хотите ли, какъ Лукреція Борджіа, отравить насъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*устремляя на него пронизывательный взглядъ*).

А хорошо было бы.... хорошо.... И съ васъ начать перваго... Впрочемъ гдѣ же всѣхъ перетравить.... Всѣ вы такіе: а здѣсь всѣ сидящіе и тамъ вонь!.. Но зачѣмъ же ужь насъ такъ во всемъ винить? „Вонь онъ“ (*показываетъ на му- жса*) былъ меня, когда я не хотѣла участвовать въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ его.

ДАРЪЯЛОВЪ (*ходившій въ глубинѣ сцены*).

Кага жь это было?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Было!... Не залирайся!... (*Снова обращаясь къ Аматурову.*) Но вы.... Вы, пожалуй, еще хуже его были противъ меня.... Я васъ любила какъ высшее какое-то существо.... Я думала что вы уврачуете вашимъ участіемъ всѣ душевныя страданія мои, которыя у меня накопились отъ жизни съ этимъ человекомъ.... (*Показываетъ опять на мужа.*) Но вы.... Я не говорю уже объ измѣнахъ вашихъ, а когда вы, можетъ-быть, и вѣрны еще были мнѣ, вы всегда видѣли во мнѣ какую-то чувственную игрушку вашу.... Помните: сколько разъ я плакала и говорила вамъ что я женщина, а не животное, и хотѣла чтобы меня любили не за одно красивое лицо. Вы мнѣ отвѣчали на это одними полусловами. Вамъ, кажется, смѣшно даже было слышать такое мое желаніе.... А этотъ (*показываетъ на Блинова*) совсѣмъ ужь меня какъ вещь какую простую купить хочетъ! (*Строго Блинову:*) Но только я не дамъ вамъ!... Вы меня не купите! Я не хочу васъ обманывать: вы мнѣ гадки!.. Нате вамъ ваши деньги (*бросаетъ ему пачку Аматурова*).

БЛИНКОВЪ, *совсѣмъ растерявшійся, беретъ эту пачку.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(вставая)*.

Хотѣла было съ добрымъ чувствомъ проститься съ вами и того не могу. *(Идетъ къ выходу.)*

ВСѢ *прочіе тоже встанутъ из
стола.*

НАДЯ *(слушавшая Софью Михайловну съ потупленными
очами вдругъ бѣжитъ за
дверь).*

Софья Михайловна, возьмите и меня съ собой, хоть я и въ горничныя.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(оборачиваясь къ
и какинъ-то мужи-
нымъ голосомъ).*

Зачѣмъ?... Развѣ ты спасешься куда-нибудь отъ этихъ делъ?... Отъ нихъ уйдешь, другихъ встрѣтишь, и можетъ-быть погода, годъ какой-нибудь поборешься, но въ концѣ концовъ опять будетъ то же!... Нынче жить нельзя — пойми это!... Не порокъ!... Какъ вотъ онъ же выучилъ меня эти фразы. *(Показываетъ на Амурова.)* Не порокъ, а добродетель должна умолять чтобъ ей позволили существовать *(Окончательно мрачнымъ голосомъ.)* Я иду на презрѣніе, нищету и, пожалуй, на что-нибудь еще худшее, а те развѣ хочется того?... Да и зачѣмъ это дѣлать? Смотри: ватутъ уважаютъ, вамъ весело тутъ, привольно, нарядно. Оставайся!... *(Машетъ рукой и уходитъ.)*

НАДЯ *остается въ глубинѣ суетно
сильно спущенною.*

АМАТУРОВЪ *(на авансценѣ).*

Это Богъ знаетъ что такое!... Бредъ какой-то.

БЛИНКОВЪ *(почти плачущимъ го-
лосомъ).*

За что это на меня Софья Михайловна разсердилась, са не знаю.

ДАРЬЯЛОВЪ *(снова съ какинъ-то р-
свертываемымъ лицомъ).*

Но кому же все-таки я долженъ теперь остаться? *(Бл-
кову.)* Вамъ что ли?

БЛИНКОВЪ.

Ничего не мнѣ-съ!... Я вотъ сейчасъ разорву роспись гна Амурова!... *(Рветъ росписку которую ему подала Соф Михайловна.)*

ДАРЬЯЛОВЪ *(Амурову).*

Вамъ, значить?... Не доберусь, — какая путаница вышла!

АМАТУРОВЪ *(ему съ досадой).*

Убирайтесь вы съ вашимъ долгомъ!... Очень онъ мнѣ нуденъ!... Я такъ тогда подалъ въ сердцахъ ко взысканію.... Я метра же налпшу въ судъ что вы мнѣ заллатили. *(Блинкову, кидая ему чекъ его.)* Возьмите и вы вашъ чекъ назадъ.

БЛИНКОВЪ *(какимъ-то почти героическимъ тономъ).*

Нѣтъ, ужъ вы его взяли, и получите по немъ. Это извините... Софья Михайловна хоть и говоритъ что я хотѣлъ ее какъ вещь кулпать!... Я не хотѣлъ того!... Я только влюбленъ былъ въ нее, въ этомъ каюсь.

Въ это время раздается выстрѣлъ.

ВСЪ *(въ одинъ голосъ).*

Что такое?

Вбѣгаетъ ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ *(перепуганнымъ голосомъ).*

Госпожа что вышла сейчасъ застрѣлилась на дорожкѣ.

БЛИНКОВЪ и **НАДЯ** *(совсѣмъ опшшенные).*

Господи!

ПРЕПИРАТОВЪ *(значительно жонкуетъ головой и въ сторону).*

Я ожидалъ этого!

АМАТУРОВЪ *(поблѣднѣвшій какъ полотно).*

Но гдѣ же и откуда она могла взять пистолеть?

БЛИНКОВЪ *(отъ страха окончателъно пришепетывая, такъ что едва можно понять что онъ говоритъ).*

Она давно его носила, говорила все что васъ хочеть застрѣлить!

ВСЪ *бѣгутъ въ ту сторону откуда раздался выстрѣлъ.*

ДАРЪЯЛОВЪ *(оставшійся еще на сценѣ и тоже, какъ видно, сильно пораженный).*

Какова соколица?... А?... Какова?...

ПРИХВОСНЕВЪ *(совсѣмъ склоняя голову предъ публикой).*

Странная женщина, — особенно въ наше просвѣщенное время!

(Занавѣсъ падаетъ.)

А. ПИСЕМСКІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ОФИЦЕРА

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

(Посвящается П. М. Леонтьеву).

І. На перевязочномъ пунктѣ.

Быль полдень морознаго, яснаго дня. Пушечной пальбы кругомъ Севастополя не было слышно. Не будь трескотни штуцеровъ, и не жужжи пули какъ шмели, можно бы было подумать что заключено перемиріе. Команда на четвертомъ бастионѣ только-что пообедала. Послѣ долгихъ дождей все были рады солнцу; кто просушивалъ свое платье, кто занялъ его лочинкой. Многіе беззаботно раскинулись на локоѣ и спали богатырскимъ сномъ, не помышляя и во снѣ что могутъ проснуться. Другіе сидѣли живописными группами и, покуривая трубочки, балагурили. Съ утра матросики не могли быть какъ къ сбитенцику, каждый день являвшемуся на бастионѣ, полала пуля прямо въ чайникъ. Всѣ остроты сводились на эту тему.

— А что, братцы, вотъ онъ (Французъ) его талерча не лужалъ, пожалуй Кирилычъ завтра не придетъ со сбитнемъ?

— Кирилычъ-то? Придетъ, безпримѣнно придетъ, охъ онъ до карбованцевъ, а ему еще нужно выручить лочинку полуду.

— Овъ (Французъ) его вылудить.

— Куды вылудить! Вишь совсѣмъ подохъ: не любитъ мороза.

— Нѣтъ ребята, Французъ мороза не боится.

— Почему?

— Да овъ, талерча наматаетъ онучки * посверхъ саломъ, ну, ему и жарко.

Име, между пушкой и траверсомъ, два усатыхъ Георгіихъ кавалера преусердно козыряли въ носки, и глядя на ихъ физиономіи, можно было смѣло сказать что фалька и фальды ихъ интересовали несказанно болѣе чѣмъ всякая работа Англо-Французской арміи.

Немецанты были костюмы на нашихъ матросикахъ, но либо было смотрѣть на ихъ молодцоватую осанку и на гордыя зорылыя лица. Они знали себѣ цѣну, они знали что значилъ ту высшую награду, когда флигель-адъютантъ ходилъ по бастионамъ, и лично, отъ имени Государя, благодарилъ ихъ за молодецкую службу.

Въ янврь, по обыкновенію, пришелъ адмиралъ, осмотрѣлъ бастионъ, осмотрѣлъ работы непріятеля, и переговоривъ съ старшимъ офицеромъ, подозвалъ меня, какъ командующаго мортирами на батареѣ.

— Видите эту новую батарею что строятъ Англичане? Если команда отдохнетъ, потрудитесь ее срыть, чтобы къ вечеру ея не было.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Я пошелъ обѣдать. До осады я жилъ съ моимъ товарищемъ и пріателемъ Иваномъ Л; предъ самой осадой къ намъ прислалъ его братъ Николай, только-что произведенный, 16ти летній мичманъ. Иванъ Л. поступилъ на пятый бастионъ, а Николай, и я на четвертый. Наша прислуга жила въ квартирѣ и каждый день къ 1му часу приносила обѣдать. Пробило двѣ стклянки, ** а обѣда все нѣтъ. Наконецъ во второе часу показался мой Николай съ судкомъ.

— Отчего такъ поздно?

— Нельзя было, Иванъ Дмитріевичъ раненъ.

Николай Л. обомлѣлъ. „А я дежурный“, прошелталъ овъ.

— Ступайте, я за васъ останусь, мнѣ все равно надо до вечера пробыть на бастионѣ.

* Штубаеты.

** Однаъ часъ

Онъ ушелъ. Грустно мнѣ было: это уже третій изъ нашихъ закадычныхъ. Проглотивъ нѣсколько глотковъ лоднаго супу и попробовавъ пристывшаго къ тарелкѣ битя пошелъ на бастионъ исполнить приказаніе адмирала.

Кругомъ все было тихо, лущечной пальбы даже вѣдъ не было слышно. Не то чтобъ у меня было предчувствіе но такъ, какъ-то совѣстно было нарушить всеобщій покой. Я зналъ что если сдѣлаю выстрѣлъ — и пойдетъ канона. Но приказано—надо покориться. Я вызвалъ прислугу къ мтирамъ. Навелъ, прицѣлился, скомандовалъ „пли!“ бомба вдалась и упала не долетая нѣсколько шаговъ до непріятельскаго бруствера.

— Прибавь чуть пороху!

— Берегись! закричалъ часовой, и непріятельская бомба пролетѣвъ надъ лѣвымъ фасомъ, упала во вторую линію, батарею Лазарева. Тотъ тотчасъ же отвѣтилъ. Мой второй выстрѣлъ былъ удаченъ, бомба упала прямо за брустверъ. Англичане выскочили за насыль, а наши штуцерные ловили ихъ лулями.

Но французская бомба опять пролетѣла и упала къ Лазареву. Видно не по мнѣ, подумалъ я.

Скомандовавъ третій разъ „пли!“ я хотѣлъ только-что прыгнуть на банкетъ чтобы слѣдить бомбу, — сзади меня что-то бухнуло. Я повернулся. Что-то блеснуло, что-то треснуло... я упалъ безъ чувствъ. Ни боли, ни страданія, ничего. Отъ полной жизни, полная мертвенность.

Потомъ мнѣ говорили: когда бомбу разорвало около меня я покачался на ногахъ и упалъ на лицо.

Матросики перекрестились, положили меня на носилки; двсняли пальто, одно сунули подъ голову, другимъ прикрыли и понесли на перевязочный пунктъ въ Морское Собраніе.

Я очнулся въ билліардной комнатѣ. Около меня что-то суетились, что-то со мной дѣлали; но что случилось, я не могъ дать себѣ яснаго отчета. Меня что-то давило, я чувствовалъ нестерпимую боль въ каждой точкѣ моего существа. Зрѣніе мнѣ не измѣнилось, я узнавалъ знакомыя лица; предо мной стоялъ князь В. И. В—въ и мой товарищъ Н.... Понемногу я сталъ приходить въ себя и боль стала концентрироваться въ животѣ и рукахъ. Оказалось что мнѣ однимъ осколкомъ раздробило два пальца правой руки, другимъ контузило обожгло лѣвую руку, и осколокъ прошелъ по животу, содралъ

жу. Рана не была опасна, но ударъ по животу былъ сильнѣе.

Н. досталъ гдѣ-то 17 пиявокъ, по 1 руб. 25 коп. за штуку, но принялось только восемь, и мнѣ на раненый животъ, на открытыя язвы отъ пиявокъ поставили банки. Я опять впалъ въ обморокъ. Когда я пришелъ въ себя, предо мною стоялъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, и что-то ласково говорилъ. Потомъ пришло и остальное все начальство, какъ будто бы говорилось быть на перевязочномъ пунктѣ. Меня это удивляло, но вбѣжавшій въ полыхахъ старикъ генералъ К...., тотъ самый котораго князь Меншиковъ называлъ вѣтренной блядишкой, мнѣ все пояснилъ.

— Гдѣ Сакенъ? гдѣ Дмитрій Ерошеевичъ?

— Да это перепутали, отвѣчали ему, не генералъ-лейтенантъ Сакенъ раненъ, а лейтенантъ Сатинъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ мнѣ васъ жалко, милый Сатинъ, я столько хорошаго объ васъ слышалъ. А меня-то какъ напугали, сказали что это Сакенъ. Ну слава Богу.

Перекрестился даже.

Теперь я съ нимъ вполнѣ соглашаюсь, но тогда, грѣшенъ, отвернулся отъ него. Вечеромъ пришелъ мой вѣрный вѣстовой Кузьма.

— Ваше благородіе, вещи я отнесъ на квартиру и отдалъ Николаю.

— Хорошо, спасибо.

Онъ нервнительно подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ забинтованную руку и опрямѣвъ бросился вонъ.

Кузьма былъ арестантъ. Когда 5го октября Корниловъ умеръ, послѣднія слова его были:

— Скажите всѣмъ какъ пріятно умирать когда чувствуешь что исполнилъ свой долгъ. Прикажите сейчасъ же всѣхъ гардемариновъ отправить въ Николаевъ, а арестантовъ выпустить на свободу.

Ихъ выпустили. Севастопольцы радушно ихъ приняли въ ряды или одинъ изъ нихъ не залягнулъ довѣрія героя адмирала. Они, которыхъ привыкли называть отверженными, честно исполнили свой долгъ и молодцами умирали на бастионахъ. Корниловъ былъ русскій человекъ, онъ зналъ сердце и душу русскаго человека. Какъ-то странно, даже смѣшно, читать въ такомъ серіозномъ трудѣ какъ *Вторженіе въ Крымъ* Кингска замѣчаніе которае почтенный авторъ,

восхваляя въ двухъ томахъ англійскую кавалерію, дѣлаетъ по случаю успѣха атаки Лорда Кардигана, приписывае маго авторомъ тому что Англичане обладаютъ какимъ-то не беснымъ даромъ который присуць избраннымъ расамъ: „qui le ciel parait accorder aux races d'élite“ *.

Послѣ восьми лѣтъ перерыва, почтенный авторъ продолжаетъ свою исторію. Интересно будетъ знать чему онъ лишеть неуспѣхъ Англичанъ при обонхъ штурмахъ Зго батіона.

Бго іюня они просто не могли даже и дойти до него; 27го августа его заняли, когда было мало прикрытія, а какъ только капитанъ 1го ранга Перелешинъ и полковникъ Артемьевъ, во главѣ баталіона, вошли на бастіонъ одного натиска этой колонны было достаточно чтобъ ихъ выбросить вонъ. Они какъ зайцы бросились чрезъ брустверъ а оставшіеся во рву сдались. Новыя колонны бросились опять на штурмъ и ихъ опять отбросили штыками. Если есть отборныя расы, то которая же изъ двухъ? Я не могу допустить мысли чтобы русскій солдатъ уступилъ комъ бы то ни было въ храбрости, я не могу повѣрить чтобъ русскій солдатъ дрался дурно, когда имъ хорошо командуютъ. Подъ Балаклавой нашими дурно командовали, а Кардигана кавалерія, разогнавъ лошадей, не могла ихъ удержать. Подъ Нарвой Шведы разбили русскія войска какъ стадо барановъ, но эти же бараны дрались какъ львы подъ Полтавою и уничтожили Шведовъ. Но я увлекся.

Арестантъ Кузьма поступилъ ко мнѣ вѣстовымъ слѣдующимъ образомъ. Когда я вступилъ въ командованіе мортирными батареями, я приказалъ назначать вѣстоваго отъ дальней батареи.

— Ваше благородіе, съ той нельзя, тамъ только одинъ утеръ-офицеръ, а остальные арестанты.

— Все равно, назначать арестанта.

И Кузьма былъ мнѣ преданъ до фанатизма. Узнаю я стороной что Кузьма контуженъ.

— Кузьма, что съ тобой? Что же ты мнѣ ничего не сказалъ.

— Пустяки, Аркадій Дмитріевичъ, не стоить безлокомъ ваше благородіе.

— Покажи.

Я ахнулъ, у него плечо было контужено и вздуло

* Французскій переводъ. Т. IV р. 61.

какъ подушка. Я чуть не силой отправилъ его на перелазочный пунктъ. На другой день онъ является назадъ.

— Ну что?

— Да только хуже стало, тамъ мнѣ насѣчекъ понадѣлали, мне благородіе, я теперь свою примочку сдѣлалъ.

— Какую?

— Да ребята сказывали, я смочилъ землицы, да въ тряпочкѣ и наложилъ. Полегчало, ваше благородіе.

Ну что было противъ этого возразить, вѣдь это тоже комаресъ въ своемъ родѣ. Можетъ-быть и поможетъ, подумалъ я.

Было часовъ девять, я лежалъ въ какомъ-то забытѣ, вошелъ мой пріятель Федоръ Т.

— Что Сатинъ? спросилъ онъ шолотомъ у доктора.

— Нехорошъ, лѣкарство не дѣйствуетъ, если къ утру не будетъ перелома,—плохо.

Я только тутъ узналъ свой приговоръ. Подошелъ Т.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Ты вѣдь слышалъ.

— Нужно тебѣ что-нибудь?

— Напиши лисьмо домой.

— Подожди; можетъ-быть завтра тебѣ будетъ лучше.

— Пожалуй, приходи только поранѣе.

Мнѣ какъ-то было все равно; мать мнѣ было жаль, она еще не сняла траура по другомъ сынѣ, къ себѣ я былъ равнодушенъ. Мнѣ только было обидно что я такъ безцвѣтно пришибленъ осколкомъ и долженъ страдать. Лучше бы уже тѣмъ, на бастіонѣ, все кончилось.

Лампа тускло освѣщала биліардную залу; подъ ней на операционномъ столѣ, въ окровавленномъ фартукѣ, фельдшеръ пилъ чай, дежурный докторъ дремалъ въ креслѣ. Изъ гостиной слышны были стоны французскаго капитана Марте-на; онъ былъ тоже раненъ въ животъ, только штыкомъ, и все жаловался и бранился что: „on l'a maltraité.“ *

Въ танцевальномъ залѣ глухо раздавались чьи-то шаги. Все прошлое промелькнуло у меня въ памяти. Давно ли мы тутъ веселились, все дышало счастіемъ, жизнію, теперь тутъ смерть, кругомъ все кровь. Въ этой комнатѣ, гдѣ я столько

* Дѣло было такъ: ночью на вылазкѣ матросикъ ткнул его штыкомъ, повалилъ на землю и приволокъ за ногу на бастіонъ. Дѣйствительно лицо у него было ободрано о камни.

разъ безпечно игралъ на билліардѣ, я лежу на госпитальнѣхъ койкѣхъ пришибленный осколками. Послышался шумъ, отъ рили обѣ половинки дверей и внесли раненыхъ. Одного то часъ же унесли обратно — отошелъ. Пришелъ еще докторъ фельдшера засуетились, положили кого-то на столъ. Мнѣ я видѣлъ убитыхъ и раненыхъ, но ампутаціи и хлороформованія я не видалъ. Лежащему на столѣ наложили лицо что-то бѣлое; онъ началъ бормотать, потомъ неистово вскрикнулъ.

— Охъ!.. голова, оставь... не рѣжь головы... звѣрь... лю-у-ты

Слышенъ былъ звукъ пилы и запахъ крови. Неизъяснимый ужасъ охватилъ мою душу, меня начала бить лихорадка. Фельдшеръ пронесъ окровавленную ногу. Положи другаго, у него была нерусская физиономія. Олять набрали на лицо что-то бѣлое. Думаю: Боже мой, олять эти ужасные стоны, и... ушамъ не вѣрю. Зловѣщимъ гуломъ раздалась по комнатамъ польская лѣснь. Господи! Да неужели сошелъ съ ума? Нервы не выдержали, я началъ стонать. Операция кончилась, докторъ, вытирая окровавленный инструментъ, подошелъ ко мнѣ.

— Вамъ хуже?

Я думаю, только преступникъ, глядя на палача съ свѣтлой рою, могъ ощущать то что я. Несмотря на нестерпимую боль я прижался къ стѣнѣ.

— Ради Бога, докторъ, оставьте меня, мнѣ лучше.

Грустно покачалъ докторъ головой и отошелъ. Потомъ они меня пожалѣли и остальную ночь рѣзали въ танцовальномъ залѣ.

Ночь я провелъ въ какомъ-то горячемъ состояніи, и мнѣ казалось что я въ Москвѣ дома, слышу родные голоса, то олять эти ужасные стоны и: „не рѣжь, звѣрь лю-у-ты!“ Утромъ мнѣ стало лучше и я умолялъ ради Бога не оставлять меня на перевязочномъ пунктѣ, просилъ лучше выбраться на улицу. Адмиралъ Р... предложилъ мнѣ карету, старшій докторъ позволилъ перевезти меня на квартиру. С невыразимымъ блаженствомъ я оставилъ Собраніе съ его кровавой атмосферой.

Севастополь былъ ярко залитъ солнечными лучами, я жадно, полной грудью глоталъ морозный воздухъ; несмотря на боль, мнѣ было такъ хорошо, мнѣ такъ хотѣлось жить: мнѣ еще не было двадцати лѣтъ.

— Ну вотъ и ты, благо что въ одно время, все лучше, жаль что у обоихъ только одна рука. Посмотри какъ мою-то раздробили, да еще контузія въ бокъ.

Такъ встрѣтилъ меня мой товарищъ по квартирѣ Иванъ Л. Онъ уже устроился, печь была натоплена, окно и дверь выпаны коврами, и приходилось сидѣть съ огнемъ. Чудна была личность Л.... Умень, образованъ, хорошъ собой и шутъ; остроты его ходили по городу, ихъ боялись. Онъ не вынесъ своихъ ранъ и умеръ въ отпуску.

Послѣ бурной жизни и тревоженій на бастіонѣ, странно казалося дома въ тиши. Слншь раздѣвшись въ постели, слабо хочешь, обѣдать подають по-человѣчески: приборъ и салфетка; чай лей сколько угодно, не боишься что будутъ стлать на огонекъ или дымокъ. Въдъ 4й бастіонъ былъ только въ 40 саженьяхъ отъ непріятельской траншеи.

Но несмотря на этотъ комфортъ, все было какъ-то не по себѣ. Два чувства волновали душу: за своихъ, тамъ на бастіонѣ, и своихъ родныхъ на родинѣ, въ Москвѣ.

Для одной мысли что я поѣду въ Москву, мои силы удвоились. Во докторъ упорно держалъ меня въ постели. Жизнь въ мѣн довольно своеобразную, спали днемъ, а вечеромъ и ночью у насъ были постоянно гости. Такъ какъ бастіоны исправлялись ночью, то кого пошлютъ въ городъ, забѣжитъ вынуть стаканъ чаю и сообщить новости; но постоянными нашими собесѣдниками по вечерамъ были офицеры 4го стрѣльцоваго баталіона, капитанъ К.... и поручикъ Р....; они ходили со штуцерниками на бастіонъ только днемъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, въ домѣ сдѣлалась страшная сушотоха. Въжалъ мой Николай.

— Что случилось?

— Бомбу на чердакѣ разорвало, — вотъ я вамъ и осколокъ принесъ, еще телленкій.

— Убило кого-нибудь?

— Нѣтъ-съ, — только боровъ разворотило, да и то не нашъ.

— Ну такъ протопи, а то холодно.

— Аркадій Дмитріевичъ, да у насъ дровъ нѣтъ.

Нашъ и въ голову никогда не приходило спросить чѣмъ топить, и откуда берутъ дрова.

— Да прежде-то чѣмъ ты топилъ?

— Да такъ кое-гдѣ съ Иваномъ промышляли, — а вчера

начали разбирать полисадникъ предъ домомъ Филатова, настъ обходъ чуть-чуть не захватилъ.

— Я вамъ пришло дровъ, обратился ко мнѣ калитантъ К...., — у меня въ ротѣ тоже на дняхъ полалась люда, но теперъ этого не_будетъ: я назначаю каждый вечеръ лять человекъ за дровами, а позади идутъ лять ружейныхъ; какъ только увидятъ обходъ, они забираютъ своихъ же, и ведутъ въ роту. Теперъ всѣ такъ дѣлаютъ.

Начальство только первое время смотрѣло строго, а потомъ топили даже палисандровыми досками отъ роялей. Къ концу осады на обоихъ бульварахъ не только деревья, корни всѣ были вырыты, а въ домахъ рѣдко гдѣ можно было увидѣть притолку или лодоконникъ.

Въ одно прекрасное утро, наша прислуга объявила намъ прескверную новость: „денегъ остается только три рубля“ А цѣны на все громадныя. Чтѣ дѣлать? Послалъ къ адмиралу С.... просить 100 руб. въ счетъ жалованья. Прислалъ просить вспомошествованія мы не желали; да и многіе этого не дѣлали, хотя и нуждались. Товарищи или свое начальство выручало.

Я далекъ отъ мысли умалить заслуги лицъ присланныхъ изъ Петербурга со вспомошествованіемъ. Они сдѣлали все чтѣ могли, но было бы лучше личную произвольную раздачу денегъ замѣнить приказомъ: „кто раненъ, имѣетъ право получить столько-то“. Тогда бы не стѣснялись просить, и кому было нужно, брали бы.

Случился разъ слѣдующій казусъ: одно изъ лицъ присланныхъ изъ Петербурга приходитъ въ госпиталь. Лежитъ офицеръ, лицо кровь съ молокомъ, но раздроблена рука.

— Вы тяжело ранены?

— Да.

— Не нуждается ли въ деньгахъ?

— У меня гроша нѣтъ.

Положилъ на столъ 50 рублей и пошелъ далѣе.

Лежитъ другой офицеръ блѣдный, худой: онъ уже шестунъ недѣлю на декоктѣ.

— Вы тяжело ранены?

Поневолѣ солгалъ и сказалъ: „да“.

— Нужны вамъ деньги?

— Нѣтъ, сохрани Богъ.

— Пожаауста возьмите. Сунуль 300 рублей подъ подушку и ушелъ.

Приносили намъ разныя новости, но охотно вѣрилось только одной: что въ Вѣнѣ скоро заключать миръ. Да друго исхода мы и не могли ожидать. Севастополь взять нельзя, прогнать ихъ мы не можемъ. Вѣдь не драться же десять лѣтъ, какъ подъ Троей.

Навѣщалъ меня и мой вѣрный Кузьма, только онъ всегда приходилъ съ грустными новостями.

— Семенову-то, ваше благородіе, что у двухлудовыхъ столягоу выше колѣна оторвало, не донесли: померъ; ии Кравчуку-то, только-что Павелъ Стеланычъ * навѣсилъ Ерма, его тутъ же наповаль убили, — въ братскія ** свезли. Грустно, жаль мнѣ ихъ было, я такъ съ ними сроднился въ бастіонѣ, да и они меня любили.

Николѣй Л... и я были моложе всѣхъ на бастіонѣ, матросы общались съ нами просто какъ съ дѣтьми.

Бываю высунешься изъ-за бруствера посмотрѣть, десять лѣтъ глянуть внизъ.

— Ваше благородіе, что вы, ваше благородіе, куда вы? Убьютъ А сами готовы броситься куда хотите.

Про деликатность ихъ предоставляю сулить самому читателю.

Во время холода, было у насъ обыкновеніе лопть сбивать каждому свою часть. Разъ Николай Л... и я замѣтили что мы платимъ относительно менѣе, чѣмъ другіе офицеры.

— Кирилычъ, почему съ насъ такъ мало?

— Да, ваше благородіе, ваши никогда бубликовъ не ѣдятъ.

— Ребята, отчего вы не ѣдите бубликовъ?

— Да что, ваше благородіе, вы и такъ на насъ много харчуетесь.

Они готовы сами отдать свой послѣдній кусокъ офицеру. А сколько разъ, подвергая свою жизнь оласности, они спасали офицеровъ. Генерала А. П. Хрущева спасъ горнисть. Лейтенанта Бирюлева грудью заслонилъ отъ штыка матросъ Много примѣровъ было.

Заходила къ намъ и веселая компанія. Разъ въ сумерки зашло къ намъ человѣкъ шесть молодыхъ офицеровъ.

— Публика, откуда?

* Нахимовъ.

** Могилы общія.

— Съ маленькаго бульвара, братъ, тамъ такое веселье шло, чудо, плясъ былъ. — Прикажи дать вина.

— Плясъ-то по какому случаю былъ?

— Да вишь, братъ, играетъ музыка вальсъ, вѣдь сегодня воскресенье, вдругъ какъ шарахнетъ ракета надъ музыкантами и долнула надъ памятникомъ Казарскаго. Ну, Орестъ Б... не вытерпѣлъ — пошелъ, а за нимъ и мы. Когда еще представится такой случай танцевать подъ бомбами!

Въ 9 часовъ всѣ разошлись по бастионамъ. Въ концѣ января, я сталъ замѣтно поправляться, докторъ сталъ поговаривать что скоро меня выпустить. Но олять бѣда: денегъ нѣтъ. Отецъ пишетъ что два раза высылалъ, но я ни разу не получалъ. Сколько ни посылалъ на почту, все одинъ отвѣтъ: нѣтъ.

Вообще надо отдать справедливость почтовому вѣдомству что безпорядки были страшные и почтовая часть находилась въ плачевномъ состояніи. Какъ былъ штатъ почтовой конторы, такъ и оставался при наливѣ 100 тысячъ войскъ. Его усилили что-то ужъ очень поздно.

Писемъ не раздавали, а брали мы ихъ сами. Бывало придетъ почта, офицеры и разбросаютъ письма по алфавиту; каждый послѣдующій уже ищетъ въ своей литерной кучкѣ. Деньги же я не знаю какъ раздавали, и раздавали ли ихъ. Я имѣю право это сказать, потому что деньги высланные изъ Москвы въ октябрѣ и ноябрѣ, я въ Севастополѣ въ январѣ не получалъ, а получилъ ихъ черезъ годъ въ Петербургѣ. А вѣдь могъ же я быть и убитъ.... Въ одно прекрасное утро входитъ ко мнѣ адъютантъ штаба капитанъ 2го ранга Г... и вручаетъ мнѣ пакетъ. Смотрю, рука отца, распечатываю, деньги.

— Откуда это?

— Изъ Симферополя. М... просилъ меня вамъ передать.

Оказалось что М... старый знакомый моего отца, получалъ отъ него письмо и деньги съ просьбою, если я живъ, передать ихъ мнѣ, если же убитъ, то поставить памятникъ. Я тотчасъ же собрался ѣхать въ отлукъ. Получивъ билетъ, я просилъ моего товарища Т... поѣхать на Сѣверную сторону и нанять мнѣ что-нибудь до Симферополя. Часа черезъ два Т... вернулся. Если хочешь ѣхать, то поѣзжай сегодня же вечеромъ. Лошадей нѣтъ, но я нанялъ фуру съ волами,

до Бахчисарая (25 верстъ отъ Севастополя) за 8 рублей. Къ утру обѣщается доставить.

Грустно мнѣ стало. Севастополь сталъ мнѣ родиной, тутъ я началъ службу, счастье мнѣ уныбалось. У меня тутъ остались друзья, боевые товарищи. Когда и гдѣ я ихъ увижу, да увижу ли? Чтò будетъ съ Севастополемъ? Все это томилò душу, даже мысль что я буду скоро въ Москвѣ отходила на задній планъ. Вельботъ съ парохода-фрегата *Крымъ* переезъ меня на Сѣверную сторону; два моихъ товарища меня провожали.

— Акимъ! изъ Бѣлгорода! нѣсколько разъ прокричалъ Т...
Отъ одного изъ балагановъ, въ темнотѣ показалась фигура.

— Свѣдокъ что ли?

— Да, готово у тебя?

— Стулайте чай пить, мигомъ залрягу.

Мы зашли къ маркитанту. У подъѣзда стояла ухарская тройка, запряженная въ бричку. Въ балаганѣ провѣантскій чинарикъ и два офицера въ тонкихъ чистыхъ шинеляхъ пили шампанское. Не успѣли мы выпить по стакану чаю, какъ вошедшій Николай доложилъ: „волы готовы“.

Мы простились, съ фуры я еще разъ пожалъ руку товарищамъ и сказалъ послѣдній разъ „до свиданія“. Мы не любили въ Севастополѣ говорить: прощай. Одного изъ провожавшихъ меня я скоро увидалъ въ Москвѣ; ему прострѣли грудь на вылетъ. Другой остался навсегда, не далеко отъ того мѣста гдѣ мы разставались — въ братскихъ могилахъ.

Увязая въ густой грязи, фура тихо подымалась въ гору. Я смотрѣлъ на Севастополь.

Въ городѣ только кое-гдѣ были видны огоньки, Николаевская батарея одна блистала огнями. Оборонительную линію и мѣста бастіоновъ можно было угадать по вслышкамъ выстрѣловъ, послѣ которыхъ за бомбами тянулись огненные слѣды по направлению непріятеля; отъ него такіе же слѣды тянулись концентрически въ городъ. Слышны были выстрѣлы и трескъ долавшихся бомбъ.

Теперь, только теперь, выйдя изъ этого кроваваго омота, переступилъ ту роковую черту гдѣ я находился въ безопасности, а ноялъ весь ужасъ того что дѣлалось въ Севастополѣ.

Тамъ на бастіонахъ, когда самъ ожидалъ каждую минуту быть убитымъ, казалось такъ естественно: такой-то убитъ, такой-то раненъ. Тутъ же я съ ужасомъ смотрѣлъ на эти огненные слѣды, бороздившіе мрачное небо. Вѣдь это смерти! Сотня смертей, тысячи вдовъ и сиротъ! Какой-то холодъ сжималъ мое сердце, я со страхомъ слѣдилъ за полетомъ бомбъ, и въ то же время съ гордостью думалъ: въ этой рѣкѣ русской крови которая оmyваетъ Севастопольскіе бастіоны, есть и моя частичка. Фура остановилась, на встрѣчу шелъ батальионъ солдатъ.

— Откуда ребята?

— Изъ Кишинева.

Они весело разговаривали и радовались что окончили дальній путь, пришли на мѣсто. А тутъ что́ будетъ? Они объ этомъ не думали. На то воля Божія. Я съ уваженіемъ и грустію смотрѣлъ на этихъ простыхъ людей. Можетъ-быть завтра же половины ихъ не будетъ. А на хорошую бомбардировку надо три, четыре такихъ массы вывести въ расходъ. Насъ, офицеровъ, ожидаетъ карьера! почести. У нихъ только два чувства которыя ими руководятъ: теплая вѣра въ Бога и непредѣльная прирожденная, всосанная съ молокомъ матери, любовь къ Государю. Въ политикѣ они знаютъ только одно: родной край въ оласности. И они бодро, смѣло, безропотно шли, какъ только Русскіе умѣютъ идти, шли ложиться костыми за Царя и Россію.

II. Неудавшаяся вылазка.

Въ концѣ ноября обстрѣленный Севастопольскій гарнизонъ гордо стоялъ на сооруженныхъ имъ же бастіонахъ. Страху за Севастополь болѣе уже не было, а каждый думалъ какъ бы поскорѣе прогнать незваныхъ гостей, или причинить имъ поболѣе вреда. Да и не въ русскомъ духѣ сидѣть за стѣной. Русская удалъ и отвага рвались на просторъ, сразиться съ врагомъ лицомъ къ лицу. Отъ того-то всегда и было столько охотниковъ на вылазки. Первые вылазки почти всѣ были подъ начальствомъ или руководствомъ флотскихъ офицеровъ, какъ лучше знающихъ мѣстность.

Горя благороднымъ соревнованіемъ, армейскіе офицеры

съ 4го бастіона рѣшились предпринять вылазку одни, безъ участія флотскихъ. Адмиралъ позволялъ, но только съ условіемъ чтобы позади шла колонна матросъ для сравниванія маршеской трамшеи, для заклепки орудій и для уноса штуръ; такъ какъ матросы болѣе къ этому привычны. При съ матросахъ съ долатами, заклепками и коромыслами, было только 20 ружейныхъ и три офицера, въ томъ числѣ и я.

Общество офицеровъ полка поручило командованіе вылазкой штабсъ-капитану В., какъ одному изъ самыхъ храбрыхъ, отличившемуся нѣсколько разъ на Дунаѣ. При всей своей блистательной личной храбрости В. никогда ничѣмъ не командовалъ, и поступилъ въ полкъ изъ баталіона военнаго кантонистовъ, пробывши до офицерства шесть лѣтъ фельдфебелемъ. Исполнять блистательно приказанія онъ умѣлъ, командовать не привыкъ.

Было 11ть часовъ темной безлунной ночи. Густые черные облака казались висѣли надъ самыми головами, на Малаховѣ Бурганъ гремѣла пальба, надъ Артиллерійской слободкой стало багровое зарево.

Мы собрались противъ лѣваго фаса бастіона. Три колонны по 100 человекъ каждая должны были идти впередъ, мы съ интересомъ за ними.

Сказавъ напутственное слово командѣ, адмиралъ обратился къ начальнику вылазки: — Смотрите же г. В...., если васъ мало откроютъ, лучше вернитесь. Не теряйте даромъ людей. Другой разъ пойдете.

— Слушаю ваше превосходительство.

Мы перекрестились, спустились въ ровъ, тихо, безъ шума отдвинулись изъ него, и поползли къ непріятельской траншеѣ. Вотъ уже видна насыль, вотъ обозначаются двѣ тѣни французскихъ часовыхъ. Шаговъ двадцать не болѣе.... Вдругъ „Qui vive!“ и условный свистъ куролатки. Мы остановились. Пошесть В....

— Что?

— Лежите, сейчасъ.

— Qui vive, qui vive! раздалось олять, и двѣ лули просвистали надъ нами. Этого было довольно. Насыль покрылась темными фигурами, опоясалась огненною полосой, и убійственный залгъ разразился надъ нами. Непріятельскія батареи открыли мгновенно перекрестный огонь, обсылая насъ гралатами и пулями. Все бросилось назадъ. Будь В.... на

своимъ мѣстѣ и закричи: ура! Все бросилось бы точно такъ же впередъ. Но его не было. Лейтенанты Модестъ Н..., Левъ Б., я и 20 ружейныхъ матросовъ очутились одни.

Лѣвая колонна, полавъ подъ уступъ мѣстности, не слышала свиста куропатки и дорвалась до „ура!“ Мы приняла вѣтво на крикъ, но уже наши выходили изъ траншеи унося трофеями пять штуцеровъ.

Подъ страшнымъ огнемъ мы отступили на бастіонъ. То были адскія минуты, адскія картины. Гулъ нашихъ и непріятельскихъ выстрѣловъ, трескъ лолающихся гранатъ и ружейной пальбы, свистъ пуль и картечи производили какой-то неестественный, не земной шумъ. Бомбы разрываясь освѣщали сумрачныя строгія лица, или лица искаженныя страданіями. Одна бомба упала такъ близко отъ меня что обдала шинель искрами, но сдѣлавъ рикошетъ полетѣла далѣе. Я не понимаю какъ я не былъ контуженъ. На бастіонѣ положительно не могли понять что случилось.

— Гдѣ В?... спрашивалъ адмиралъ.

— Я здѣсь, ваше превосходительство, я искалъ ваше превосходительство чтобы спросить: прикажете броситься въ штыки? Французъ уже окликнулъ.

Да, и людей водить на убой нужна опытность. По официальнымъ извѣстіямъ мы потеряли 7 убитыхъ, 5 раненыхъ, и одинъ офицеръ безъ вѣсти пропалъ: подпоручикъ 13го... полка Г—цкій.

А. САТИНЪ.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА*

РОМАНЪ

ВИЛКИ БОЛЛИНЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ГЛАВА XXI.

Я вижу мой путь.

Въ туманномъ свѣтѣ новаго утра я закрыла отчетъ о процессѣ моего мужа.

Послѣ долгихъ часовъ чтенія и размышленія я не чувствовала никакой усталости, никакой охоты лечь въ постель и заснуть. Мнѣ казалось что я уже спала и только-что проснулась новою женщиной съ обновленнымъ духомъ.

Я поняла наконецъ что побудило Евстаѳіа покинуть меня. Для человѣка съ его деликатностью было бы пыткой встрѣтиться съ женой послѣ того какъ она прочла все что было напечатано о немъ въ отчетѣ. Я чувствовала это такъ же живо какъ онъ. Въ то же время я думала что онъ могъ бы быть увѣренъ что я постараюсь вознаградить его за эту пытку, и могъ бы вернуться ко мнѣ. Я еще не теряла

* См. Русскій Вѣстникъ 1874. №№ 10 11 и 12.

надежды что онъ вернется, и въ ожиданіи его возвращенія жалѣла и прощала его всѣмъ сердцемъ.

Одно только обстоятельство, вопреки моей философіи, смущало меня. Неужели Евстаѣій все еще тайнѣ любить мистрисъ Боли? думала я. Или я потушила въ немъ эту страсть? Къ какому роду красавицъ принадлежитъ она? Можетъ-быть мы такъ не положи одна на другую какъ только возможно.

Окно моей комнаты выходило на востокъ. Я подняла шторы и увидала величественный восходъ солнца на ясномъ небѣ. Побужденіе выйти изъ дома и подышать чистымъ воздухомъ было непреодолимо. Я надѣла шляпку и шаль и взяла подъ мышку отчетъ. Отворивъ безъ труда заднюю дверь дома, я вышла въ хорошенькій садикъ Веніамина.

Успокоенная и подкрѣпленная удивленіемъ и утреннею свѣжестью я почувствовала себя достаточно сильной чтобы взглянуть прямо на страшный вопросъ стоявшій телерь предо мной, на вопросъ о будущемъ.

Я прочла процессъ. Я дала себѣ обѣщаніе посвятить жизнь свою священной цѣли доказать невинность моего мужа. Одинокая, беззащитная, я обязана была довести свое отчаянное предпріятіе до конца. Съ чего должна я была начать?

Въ моемъ положеніи смѣлое начало было конечно лучшимъ. Я имѣла серіозныя причины (основанныя, какъ я уже сказала, на его показаніи) считать Мизерримуса Декстера своимъ дать мнѣ совѣтъ и помощь. Онъ могъ обмануть мои ожиданія, онъ могъ отказать помогать мнѣ или (какъ мой дядя Старктуэзеръ) принять меня за сумашедшую. Все это было возможно, но я должна была попытаться. Мой первый шагъ въ дѣлѣ моего мужа, рѣшила я, приведетъ меня къ калѣкѣ со страннымъ именемъ.

Но если онъ приметъ меня, пойметъ меня, почувствуетъ ко мнѣ участіе—что скажетъ онъ? Судѣлка въ своемъ послѣднемъ представленіи представила его человѣкомъ рѣзкимъ на словахъ. Онъ скажетъ по всей вѣроятности: какъ намѣрены вы дѣйствовать? Какъ могу я помочь вамъ?

Были ли у меня готовы отвѣты на эти два вопроса? Да. Я могла бы отвѣтить на эти вопросы, еслибы только рѣшилась высказать незнакомому человѣку ужасное подозрѣніе въ которомъ я до сихъ поръ не рѣшалась сознаться даже на этихъ страницахъ.

Однако телерь я должна наконецъ высказать всю правду

Мое подозрѣніе привело къ результатамъ составляющимъ часть этой исторіи и часть моей жизни.

Начну съ признанія что я закрыла отчетъ вполне соглашаваясь относительно одной подробности дѣла съ моимъ врагомъ и съ врагомъ моего мужа, съ лордомъ-адвокатомъ. Онъ назвалъ объясненіе смерти мистрисъ Макалланы высказанное защитой „грубою натяжкой въ которой ни одинъ разумный человѣкъ не найдетъ ни малѣйшаго правдоподобія“. Я тоже не находила въ свидѣтельскихъ показаніяхъ ни малѣйшаго обстоятельства подтверждающаго предположеніе защиты что мистрисъ Макалланы умерла отъ слишкомъ большой дозы мышьяка принятой ею самой по ошибкѣ. Я вѣрила что она имѣла у себя мышьякъ и что она принимала или имѣлась принимать его для улучшения своего цвѣта лица, но дальше этого я не шла. Чѣмъ больше я думала, тѣмъ сильнѣе убѣждалась что обвинительная власть была права утверждая что мистрисъ Макалланы умерла отравленная чужою рукой, хотя конечно не рукой моего мужа.

Такъ какъ мужъ мой былъ несомнѣнно невиненъ, то кто-нибудь другой былъ виновенъ. Кто изъ лицъ гостившихъ въ то время въ домѣ могъ отравить мистрисъ Макалланы? Мое подозрѣніе пало на женщину. Имя этой женщины мистрисъ Боли.

Да. Вотъ къ какому поразительному заключенію пришла я, и по моему мнѣнію это заключеніе было неизбежнымъ слѣдствіемъ чтенія отчета.

Обратитесь на минуту къ лисьму съ подписью „Елена“ адресованному къ подсудимому и прочтенному на судѣ. Нѣтъ сомнѣнія (хотя судьи и освободили ее отъ отвѣта на вопросъ объ этомъ) что лисьмо это было написано ни кѣмъ инымъ какъ мистрисъ Боли. Хорошо. По моему мнѣнію оно представляетъ достойное вѣроятія свидѣтельство о состояніи духа въ какомъ мистрисъ Боли пріѣхала въ Гленвикъ.

Будучи женой другаго, человѣка которому она дала слово прежде чѣмъ встрѣтилась съ мистеромъ Макалланомъ, что пишетъ она послѣднему? Она пишетъ: „когда я думаю о вашей жизни принесенной въ жертву этой негодной женщинѣ, сердце мое обливается кровью за васъ.“ И еще: „еслибъ я имѣла невыразимое счастье жить съ лучшимъ изъ людей, въ какомъ раю жили бы мы, какіе блаженные часы испытали бы мы.“

Если это не есть выраженіе безстыдной, безумной любви женщины къ мушкетеру—не къ мужу—такъ что же это? Она такъ преисполнена мыслями о немъ что даже будущая жизнь (см. письмо) представляется ей слияніемъ съ душой мистера Макаллана. Въ такомъ состояніи духа и съ такой нравственностью она неожиданно, со смертью своего мужа, почувствовала себя и объятія свои свободными. По прошествіи нѣкотораго времени она отправляется дѣлать визиты и наконецъ прѣзжаетъ въ домъ обожаемаго человѣка. Жена его лежила больная въ постели. Единственный гость въ Гленвикъ безгнѣшнѣйшій калѣка передвигающійся съ мѣста на мѣсто не иначе какъ въ креслѣ на колесахъ. Никто не мѣшаетъ мистрисъ Боли пользоваться обществомъ любимого человѣка. Ничего не стоитъ между ней и невыразимымъ счастіемъ быть женою лучшаго изъ людей кромѣ некрасивой больной женщины къ которой мистеръ Макалланъ никогда не чувствовалъ и не могъ чувствовать ни малѣйшей любви.

Не естественно ли предположить что такая женщина подвигнута такими побужденіями и въ такомъ положеніи способна рѣшиться на преступленіе, если представляется возможность совершить его не рискуя своей безопасностью?

Что показываетъ она сама?

Она сознается что покойная мистрисъ Макалланъ спрививала ее однажды о средствахъ для сохраненія цвѣта лица. О чемъ еще было говорено во время этого свиданія? Узнала ли мистрисъ Боли какое опасное средство употребила ее хозяйка для улучшенія своего цвѣта лица и не пользовалась ли она въ послѣдствіи своимъ открытіемъ достигнутаго своей преступной цѣли? Мы знаемъ только что мистрисъ Боли не сказала объ этомъ ни слова.

Что показалъ помощникъ садовника?

Онъ слышалъ разговоръ между мистеромъ Макалланомъ и мистрисъ Боли, разговоръ показывающій что мысль о возможности сдѣлаться женою мистера Макаллана безъ сомнѣнія приходила въ голову мистрисъ Боли, и что она считала разговоръ объ этомъ опаснымъ. Невинный мистеръ Макалланъ продолжалъ бы говорить; предусмотрительная мистрисъ Боли остановила его.

А что рассказала Христина Ормонъ, сидѣлка?

Утромъ въ день смерти мистера Макаллана, сидѣлка бы

а отлучена внизъ. Она оставила больную оправившеюся къ перваго приладка отравленія и способною писать. Сидѣлка ждала около получаса, потомъ встревожилась не слыша звонка, отправилась въ утреннюю комнату чтобы посоветоваться съ мистеромъ Макалланомъ и тамъ услышала въ отсутствіи мистрисъ Боли. Мистеръ Макалланъ не видитъ ея и спрашиваетъ о ней мистера Декстера. Мистеръ Декстеръ тоже не видалъ ея. Въ какое время замѣчено было отсутствіе мистрисъ Боли? Въ то самое время когда мистрисъ Макалланъ осталась въ своей комнатѣ одна.

Больная наконецъ позвонила. Сидѣлка вернулась въ спальню около одиннадцати часовъ и нашла что опасныя симптомы обнаружившіеся утромъ повторились опять въ значительно усиленной степени. Вторая доза яда, болѣе значительная чѣмъ первая, была дана больной во время отсутствія сидѣлки и (замѣтите!) въ то время когда мистрисъ Боли была невѣстно гдѣ. Выглянувъ въ корридоръ, сидѣлка увидала ее выходящею съ самымъ невиннымъ видомъ изъ своей спальни (неужели только-что вставшую, въ одиннадцать часовъ утра!) чтобы спросить о здоровьѣ хозяйки.

Немного позже мистрисъ Боли вошла вмѣстѣ съ мистеромъ Макалланомъ въ комнату мистрисъ Макалланъ. Упавшая женщина бросила на нихъ обоихъ какой-то странной взглядъ и приказала имъ выйти изъ комнаты. Мистеръ Макалланъ принялъ это за проявленіе болѣзненной раздражительности и промедлилъ въ комнатѣ лишнюю минуту чтобы сказать сидѣлкѣ что за докторомъ послано. Какъ поступила мистрисъ Боли? Она убѣжала въ ланчестскомъ стратѣ. Даже у мистрисъ Боли повидимому есть совѣсть.

Развѣ всѣ эти обстоятельства, рассказанныя свидѣтелями подъ присягой, не оправдываютъ моего подозрѣнія?

По моему мнѣнію они приводятъ къ неизбѣжному заключенію что вторая доза мышьяка была дана рукой мистрисъ Боли. Согласившись съ этимъ, вы должны будете согласиться что и первая доза была дана ею же. Какъ могла она это сдѣлать? Обратитесь опять къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Сидѣлка сознается что спала отъ половины третьяго до шести. Она говоритъ также о залертой двери между спальней и кабинетомъ, ключъ отъ которой былъ невѣстно гдѣ. Кто взялъ этотъ ключъ? Почему не мистрисъ Боли?

Еще одно слово, и все что было у меня въ то время умѣ будетъ высказано.

Мизерримусъ Декстеръ сознался косвеннымъ образомъ у него было свое особое воззрѣніе на смерть мистр Макалланъ. Въѣствъ съ тѣмъ его отзывъ о мистрисъ Б ясно показывалъ что эта особа не пользовалась его расположеніемъ. Не подозрѣвалъ ли онъ ее? Главною причиною побуждавшею меня обратиться къ нему первому было мѣрѣніе разъяснить этотъ вопросъ. Если онъ дѣйствителъ думалъ о ней такъ же какъ я, мой образъ дѣйствій бы ясевь. Мой слѣдующей шагъ привелъ бы меня къ мистр Боли въ качествѣ безобидной незнакомки.

На моемъ пути были конечно препятствія. Первымъ главнымъ изъ нихъ была необходимость найти кого-нибудь кто могъ бы представить меня мистеру Декстеру.

Но успокоительное дѣйствіе свѣжаго воздуха и прогу располагало меня болѣе къ отдыху чѣмъ къ размышленію предстоявшихъ мнѣ затрудненіяхъ. Мало-по-малу я почувствовала себя слишкомъ сонной чтобы думать, потомъ слишкомъ утомленной чтобы ходить. Моя постель показала мнѣ необыкновенно привлекательною когда я прошла мимо отвореннаго окна моей комнаты.

Пять минутъ спустя я поддаюсь соблазну, я легла въ постель и забыла свои заботы и огорченія. Еще черезъ пять минутъ я заснула крѣпкимъ сномъ.

Осторожный стукъ въ дверь моей комнаты разбудилъ меня. Я услышала голосъ моего добраго стараго Вениамина

— Другъ мой, я боюсь что вы умрете съ голоду если оставите васъ спать еще долѣе. Теперь половина втораго, и одинъ вашъ другъ пріѣхалъ завтракать съ нами.

Мой другъ? Какіе друзья остались у меня? Мой мужъ былъ далеко, а дядя Старкъуззеръ отказался отъ меня.

— Какой другъ? крикнула я.

— Майоръ Фитцъ-Девидъ, отвѣчалъ Вениаминъ изъ двери.

Я вскочила съ постели. Тотъ самый человекъ которъ былъ мнѣ нуженъ ждалъ меня. Майоръ Фитцъ-Девидъ былъ знакомъ, какъ говорится, со всѣмъ свѣтомъ. Зная хорошаго моего мужа, онъ зналъ конечно и его стараго друга Мизерримуса Декстера.

Сознаться ли мнѣ что я въ этотъ день занялась особенно тщательно своими туалетами? Какая женщина пренебрегла бы этимъ ишѣя въ виду обратиться съ важною просьбой къ майору Фитцъ-Давиду?

ГЛАВА XXII.

Майоръ не оправдываетъ моихъ ожиданій.

Когда я отворила дверь столовой, майоръ бросился мнѣ на встрѣчу. Въ своемъ синемъ сюртукѣ, со своею любовною улыбкой, со своими рубиновымъ перстнемъ, со своими безконечными комплиментами, онъ казался самымъ молодымъ и беззаботнымъ изъ лондонскихъ джентльменовъ. Мнѣ пріятно было встрѣтиться опять съ современнымъ Донъ-Жуаномъ.

— Я не спрашиваю о вашемъ здоровьи, началъ онъ. — Глаза ваши отвѣтили мнѣ прежде чѣмъ я успѣлъ предложить вопросъ. Въ ваши годы долгій сонъ есть лучший элементъ для сохраненія красоты. Побольше сна — вотъ простое и верное средство сохранить красоту и прожить до глубокой старости. Побольше сна.

— Я спала не такъ долго какъ вы полагаете, майоръ. Я была занята всю ночь чтеніемъ.

Майоръ въ учтивомъ изумленіи поднял свои выкрашенные брови.

— Какая счастливая книга заинтересовала васъ такъ сильно? спросилъ онъ.

— Отчетъ о дѣлѣ моего мужа по обвиненію въ убійствѣ жены, отвѣчала я.

Улыбка майора исчезла. Онъ отступилъ отъ меня со встревоженнымъ взглядомъ.

— Не говорите объ этой ужасной книгѣ, сказалъ онъ. — Не возвращайтесь къ этому тяжелому предмету. Что общаго между красотой и граціей съ одной стороны, и процессами, отравленіями, ужасами—съ другой? Для чего профанировать наши уста разговоромъ о такихъ предметахъ? Для чего пунить Амуровъ и Грацій которые лежатъ въ вашей улыбкѣ? Некажіте старика обожающаго Амуровъ и Грацій и не жеманяго ничего лучшаго какъ находится подъ лучами вашей улыбки. Завтракъ готовъ. Будемъ веселы. Будемъ смѣяться и завтракать.

Онъ подвелъ меня къ столу и наполнилъ мою тарелку и мой стаканъ съ видомъ человѣка занятаго важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни. Вѣнѣамивъ между тѣмъ началъ новый разговоръ.

— Майоръ Фитцъ-Девидъ привезъ вамъ новость, друг мой, сказалъ онъ. — Ваша свекровь пріѣдетъ сегодня повидаться съ вами.

Моя свекровь пріѣдетъ повидаться со мной! Я съ нетерпѣніемъ обратилась къ майору за объясненіемъ.

— Не узнала ли мистрисъ Макаланъ что-нибудь о моемъ мужѣ? спросила я. — Не для того ли она пріѣдетъ чтобы сообщить мнѣ какую-нибудь новость о немъ?

— Да, она узнала что-то о вашемъ мужѣ, отвѣчалъ майоръ, — и кромѣ того она получила письмо отъ вашего дяди. Нашъ добрый другъ Старкъуззеръ писалъ ей, но что побудило его къ тому, мнѣ неизвѣстно. Я знаю только что, получивъ его письмо, она рѣшилась побывать у васъ. Я встрѣтился съ нею вчера на одномъ вечерѣ. Я всѣми силами старался выпытать пріѣдетъ ли она къ вамъ въ качествѣ друга или врага, но всѣ мои усилія были напрасны. Дѣло въ томъ, — прибавилъ онъ тономъ двадцатилѣтняго юноши дѣлающаго скромное признаніе, — дѣло въ томъ что я не умѣю ладить со старухами. Примите намѣреніе за исполненіе, прекрасный другъ мой. Я старался оказать вамъ услугу, но неудачно.

Эти слова дали мнѣ поводъ котораго я ждала. Я рѣшилась воспользоваться имъ.

— Вы можете оказать мнѣ величайшую услугу если позволите мнѣ разчитывать на вашу доброту, майоръ, сказалъ я. — Мнѣ нужно предложить вамъ вопросъ, и когда вы отвѣтите мнѣ, я можетъ-быть обращусь къ вамъ съ просьбой.

Майоръ Фитцъ-Девидъ поставилъ на столъ свой стаканъ и взглянулъ на меня съ величайшимъ интересомъ.

— Приказывайте мнѣ, дорогой другъ мой. Я вашъ и только вашъ, сказалъ любезный старикъ. — Какой вопросъ же лаете вы предложить мнѣ?

— Я хочу спросить знакомы ли вы съ Мизерримусомъ Декстеромъ?

— Знакомъ ли я съ Мизерримусомъ Декстеромъ! воскликнулъ майоръ. — Вотъ неожиданный вопросъ! Я знакомъ съ нимъ столько лѣтъ что и счетъ потерялъ. Но съ какою цѣлью спросили вы...

— Я могу объяснить вамъ мою цѣль въ двухъ словахъ

майоръ. Я хочу просить васъ представить меня мистеру Декстеру.

Мнѣ показалось что майоръ поглядывалъ подъ румянами. Его блестящіе маленькіе глаза устремились на меня съ нескрываемымъ испугомъ и смущеніемъ.

— Вы хотите познакомиться съ Мизерримусомъ Декстеромъ, сказалъ онъ съ видомъ человѣка не вѣрящаго своимъ ушамъ. — Мистеръ Веніаминъ! Не слишкомъ ли много вышло я вашего превосходнаго вина? Не обманулъ ли меня мой слухъ? Правда ли что наша собесѣдница дѣйствительно попросила меня представить ее Мизерримусу Декстеру?

Веніаминъ, съ своей стороны, взглянулъ на меня съ величайшимъ изумленіемъ и сказалъ серьезно:

— Мнѣ тоже показалось что вы сказали это, душа моя.

— Конечно сказала. Почему васъ такъ удивляетъ моя просьба?

— Но знаете ли вы что Декстеръ сумашедшій, воскликнулъ майоръ. — Во всей Англии вы не могли бы выбрать чѣмъ-то менѣе его годнаго для знакомства съ женщиной, въ особенности съ молодою женщиной. Знаете вы объ его ужасномъ уродствѣ?

— Знаю, но это нисколько не страшитъ меня.

— Не страшитъ васъ! Другъ мой, умъ его такъ же уродливъ какъ его тѣло. То что Вольтеръ сказалъ саркастически о характерѣ своихъ соотечественниковъ вообще, приложимо къ Декстеру буквально. Онъ есть смѣсь тигра и обезьяны. Въ одну минуту онъ услужаетъ васъ, въ другую—заставитъ васъ хотать до уладу. Я не отвергаю что онъ бываетъ иногда уменъ, блистательно уменъ, и я знаю что онъ не способенъ причинять кому-нибудь зло умышленно. Тѣмъ не менѣе онъ безумный. Простите мнѣ если я предложу вамъ нескромный вопросъ: съ какою цѣлью желаете вы познакомиться съ Декстеромъ?

— Я хочу посоветоваться съ нимъ.

— Могу я спросить на счетъ чего?

— На счетъ процесса моего мужа.

Майоръ Фитцъ-Девидъ простоналъ и обратился за утѣшеніемъ къ каарету Веніамина.

— Опять этотъ ужасный процессъ! воскликнулъ онъ. — Мистеръ Веніаминъ, почему ей такъ хочется говорить на эту ужасную тему?

— Я не могу не говорить о томъ что составляетъ главную цѣль и главную надежду моей жизни, отвѣчала я. — Я имѣю основаніе думать что мистеръ Декстеръ можетъ помочь мнѣ снять съ моего мужа пятно оставленное на немъ шотландскимъ вердиктомъ. Хотя онъ, по вашимъ словамъ, тигръ и обезьяна, я не боюсь знакомства съ нимъ и прошу васъ опять, рискуя показаться вамъ слишкомъ самонадѣянною и упрямою, дать мнѣ рекомендацію къ нему. Я не подвергну васъ никакимъ непріятностямъ, я не буду просить васъ сопровождать меня. Рекомендательное письмо—вотъ все что мнѣ нужно.

Майоръ взглянулъ жалобно на Веніамина и покачалъ головой. Веніаминъ взглянулъ жалобно на майора и покачалъ головой.

— Она повидимому настаиваетъ, сказалъ майоръ.

— Да, она повидимому настаиваетъ, сказалъ Веніаминъ.

— Я не могу рѣшиться, мистеръ Веніаминъ, отпустить ее къ Декстеру одну.

— Не отправиться ли мнѣ съ ней, сэръ?

Майоръ подумалъ. Веніаминъ въ качествѣ покровителя повидимому не внушалъ довѣрія нашему военному другу. Майоръ подумалъ съ минуту и обратился ко мнѣ.

— Мой обворожительный другъ, сказалъ онъ, — будьте обворожительнѣе чѣмъ когда-либо, снисойдите до соглашенія. Что вы скажете о маленькомъ обѣдѣ?

— О маленькомъ обѣдѣ? повторила я не понимая его.

— Да, продолжалъ майоръ, — о маленькомъ обѣдѣ въ моемъ домѣ. Вы настаиваете чтобы я представилъ васъ Декстеру, а я не могу рѣшиться отпустить васъ одну къ этому полоумному человѣку. При такихъ обстоятельствахъ у меня остается только одинъ исходъ — пригласить его для свиданія съ вами въ мой домъ. Кого пригласимъ мы еще? (Майоръ просіялъ увидавъ возможность удовлетворить свое гостепріимство.) Мы должны собрать вокругъ стола цѣлый цвѣтникъ красавицъ для искупленія уродства Декстера. Мадамъ Мирлифлоръ все еще въ Лондонѣ. Я увѣренъ что вы сойдетесь съ ней. Она прелестная особа, она обладаетъ вашею твердостью, вашею необыкновенною настойчивостью въ достиженіи цѣли. Да, мы пригласимъ мадамъ Мирлифлоръ. Кого еще? Не пригласить ли леди Кларинду? Другая прелестная особа, мистеръ Веніаминъ. Я увѣренъ что вы будете въ восторгѣ отъ нея, она

такъ симпатична, она во многомъ похожа на нашего прелестнаго друга присутствующаго здѣсь. Да, леди Кларинда будетъ обѣдать съ нами и я посажу васъ, мистеръ Веніаминъ, рядомъ съ ней, въ знакъ моего искренняго уваженія къ вамъ. Не пригласить ли и мою молодую примадонну чтобы она слѣзла намъ что-нибудь вечеромъ? Она хорошенькая и поможетъ затмить уродство Декстера. Прекрасно, вотъ и все наше общество. Сегодня вечеромъ у меня будетъ совѣщаніе съ моимъ поваромъ. Какой день назначимъ мы? Ровно черезъ недѣлю въ восемь часовъ. Вы согласны? спросилъ майоръ вынимая свою записную книжку.

Я дала согласіе, но неохотно. Съ рекомендательнымъ письмомъ я могла бы отправиться къ Декстеру немедленно. Въ ожиданіи маленькаго обѣда я должна была провести цѣлую недѣлю въ бездѣйствіи. Однако волей или неволей я должна была покориться. Майоръ Фитцъ-Девидъ при всей своей любезности могъ быть такъ же настойчивъ какъ я. Онъ очевидно рѣшился не уступать и дальнѣйшія домогательства съ моей стороны были бы бесполезны.

— Ровно въ восемь часовъ, мистеръ Веніаминъ, повторилъ онъ. — Запишите это въ своей книжкѣ.

Веніаминъ повиновался, бросивъ на меня косвенный взглядъ, который мнѣ не трудно было понять. Мой добрый старый другъ былъ не совсѣмъ доволенъ перспективой встрѣчи съ полу-тигромъ и полу-обезьяной, а честь сидѣть рядомъ съ леди Клариндой скорѣе пугала чѣмъ радовала его. Все это было моимъ дѣломъ, ему не оставалось другаго выбора какъ только покориться.

— Ровно въ восемь, сэръ, сказалъ бѣдный старикъ записывая приглашеніе въ свою книжку. — Вылейте еще стаканъ вина, сэръ.

Майоръ взглянулъ на свои часы и послѣшню вставъ рассыпался въ извиненіяхъ.

— Теперь позже чѣмъ я думалъ, сказалъ онъ. — Я обѣщаль быть у одной дамы. Необыкновенно привлекательная особа. Вы напоминаете мнѣ ее немного, милый другъ мой, вы похожи на нее цвѣтомъ лица. Та же молочная блѣдность. Я обожаю молочную блѣдность. Она желаетъ посовѣтоваться со мной насчетъ замѣчательнаго образца старинныхъ кружевъ. Я изучалъ старинныя кружева. Я изучаю все что можетъ сдѣлать меня полезнымъ и пріятнымъ для вашего вос-

хитительнаго пола. Вы не забудете о нашемъ маленькомъ обѣдѣ? Я пошлю приглашеніе Декстеру лишь только вернусь домой.

Онъ взялъ мою руку и поглядѣлъ на нее критически.

— Прелестная рука, сказалъ онъ. — Вы не сердитесь что я смотрю на нее? Вы не разсердитесь если я поцѣлую ее? Красивыя руки одна изъ моихъ слабостей. Будьте снисходительны къ моей слабости. Я обѣщаю раскаяться и исправиться со временемъ.

— Благоразумно ли откладывать покаяніе въ ваши годы, майоръ? раздался голосъ позади насъ.

Мы всѣ обернулись. Въ дверяхъ стояла, саркастически улыбаясь, мать моего мужа и возлѣ нея застѣнчивая маленькая служанка Веніамина готовившаяся доложить о ней.

— Годы, любезнѣйшая мистрисъ Макалланъ, выраженіе чисто относительное, возразилъ майоръ. — Нѣкоторые люди никогда не бываютъ молоды, другіе никогда не бываютъ стары. Я принадлежу къ числу послѣднихъ. Au revoir.

Съ этимъ отвѣтомъ неисправимый майоръ поцѣловалъ концы своихъ пальцевъ и вышелъ изъ комнаты. Веніаминъ поклонился со своею старомодною учтивостью, пригласилъ меня и мистрисъ Макалланъ старшую войти въ бібліотеку и оставилъ насъ вдвоемъ.

ГЛАВА XXIII.

Моя свекровь изумляетъ меня.

Я сѣла на стулъ въ почтительномъ отдаленіи отъ дивана на которомъ усѣлась мистрисъ Макалланъ. Старушка улыбнулась и сѣлала мнѣ знакъ сѣсть рядомъ съ ней. Судя повидимому она пріѣхала ко мнѣ не съ враждебными чувствами.

— Я получила письмо отъ вашего дяди викарія, начала она. — Онъ просилъ меня навѣстить васъ и я исполнила его просьбу очень охотно, потому что безъ этого предлога я едва ли рѣшилась бы явиться къ вамъ. Мой сынъ поступилъ съ вами такъ предосудительно что мнѣ какъ его матери совѣстно глядѣть вамъ въ глаза.

Серіозно ли она говорила? Я слушала ее и глядѣла на нее въ изумленіи.

— Вашъ дядя, продолжала мистрисъ Макалланъ, — разка- залъ мнѣ въ своемъ письмѣ какъ вы переносите свое тяже- лое испытаніе и что вы намѣреваетесь сдѣлать. Бѣдный док- торъ Старкъуэзеръ повидимому невыразимо потрясенъ тѣмъ что вы сказали ему когда онъ былъ въ Лондонѣ. Онъ про- ситъ меня попробовать уговорить васъ отказаться отъ ва- шихъ плановъ и вернуться въ его домъ. Я далеко не согла- са съ вашимъ дядей, другъ мой. Хотя я тоже считаю ваши планы сумасбродными и не имѣющими ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, но я восхищаюсь вашимъ мужествомъ, вашею непоколебимою преданностью моему несчастному сыну по- слѣ его непростительныхъ поступковъ съ вами. Вы славная женщѣна, Валерія, и я прѣѣхала сюда чтобы сказать это вамъ. Поцѣлуйте меня, дитя мое. Вы достойны быть женой героя, и вмѣсто того судьба свела васъ съ самымъ малодуш- нымъ изъ людей. Да проститъ мнѣ Богъ что я говорю такъ о моемъ сынѣ. Но все это лежитъ у меня на душѣ и я должна высказаться.

Слышать такіе отзы́вы о Евстаѣи, хотя бы отъ его ма- тери, я не могла. Я овладѣла собой и рѣшилась защищать мужа.

— Я горжусь вашимъ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, мист- рисъ Макалланъ, сказала я, — но вы поражаете меня, изви- ните что я сознаюсь въ этомъ прямо, говоря такъ презри- тельно о Евстаѣи. Я не могу согласиться съ вами что мой мужъ малодушнѣйшій изъ людей.

— Конечно нѣтъ, возразила она. — Всякая хорошая жен- щина считаетъ героемъ человѣка котораго любить, заслужи- ваетъ ли онъ это, или нѣтъ. У вашего мужа множество пре- красныхъ качествъ и я знаю ихъ можетъ-быть лучше чѣмъ вы. Но все его поведеніе относительно васъ, съ той минуты какъ онъ вошелъ въ домъ вашего дяди и до настоящаго времени, было поведеніемъ въ высшей степени малодушнаго человѣка. Какъ вы думаете, что сдѣлалъ онъ телеръ въ видѣ искупленія своей вины? Онъ вступилъ въ благотворительное братство и отпиривался съ краснымъ крестомъ на плечѣ на Испанскую войну, когда ему слѣдовало бы быть здѣсь и на колѣняхъ вымаливать прощенія у жены. Я называю это

поведеніемъ малодушнаго чловѣка. Нѣкоторые назвали бы это болѣе жестокимъ именованіемъ.

Извѣстіе о мужѣ поразило и встревожило меня. Я старалась покориться тому что онъ покинулъ меня, я считала нашу разлуку только временной, но всѣ мои женскіе инстинкты возмутились противъ того что вдали отъ меня онъ поставилъ себя въ опасное положеніе. Онъ сознательно усилилъ мое безпокойство. Я сочла это жестокимъ съ его стороны, но мнѣ не хотѣлось сознаться въ этомъ его матери. Я старалась казаться спокойной и опровергала ея заключенія такъ твердо какъ только могла. Мистрисъ Макалланъ продолжала осуждать его все съ болѣшимъ и болѣшимъ жаромъ.

— Хуже всего то что онъ не сумѣлъ понять васъ, сказала она. — Еслибъ онъ женился на женщинѣ глухой, поведеніе его было бы еще понятно. Онъ поступилъ бы даже благоразумно скрывъ отъ глухой женщины свой первый бракъ и то что онъ былъ героемъ ужаснаго процесса. Онъ былъ бы также правъ еслибы, для спокойствія обѣихъ сторонъ, покинулъ глупую жену послѣ того какъ она открыла бы истину. Но вы умны. При всей краткости моего знакомства съ вами я поняла это, а онъ не понималъ. Почему онъ не открывалъ вамъ свою тайну съ самаго начала, и овладѣлъ вашимъ сердцемъ подъ чужимъ именованіемъ? Почему онъ намѣревался (какъ онъ сознался послѣ самъ) увезти васъ въ Средиземное море и потомъ поселиться за границей изъ опасенія чтобы на родинѣ какой-нибудь нескромный другъ не выдалъ вамъ его тайну? Какъ вы отвѣтите на эти вопросы? Есть только одинъ прямой отвѣтъ и одно объясненіе его иначе необъяснимаго поведенія. Мой бѣдный сынъ — онъ весь въ отца, онъ ни мало не похожъ на меня — мой бѣдный сынъ малодушенъ, малодушенъ въ своихъ сужденіяхъ, малодушенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и какъ всѣ малодушные люди упрямы и безразсудны. Вотъ истина. Нечего краснѣть и сердиться. Я люблю его не меньше васъ. Я какъ и вы вижу его достоинства и считаю заслугой съ его стороны то что онъ выбралъ себѣ жену умную и рѣшительную и до того преданную ему что она не позволяетъ говорить о его недостаткахъ даже его матери. Милое дитя мое! Я люблю васъ еще болѣе за то что вы ненавидите меня!

— Развѣ я сказала что ненавижу васъ? воскликнула я

чувствуя однако нѣчто близкое къ ненависти. — Я думаю только что вы смѣшиваете малодушіе съ деликатностью. Нашъ несчастный Евстаѣй....

— Человѣкъ деликатный, докончила мою фразу непроницаемая мистрисъ Макаллаанъ. — Мы остановимся на этомъ, другъ мой, и перейдемъ къ разговору о другомъ. Желала бы я знать согласимся ли мы хоть въ этомъ.

— О чемъ вы желаете говорить, сударыня?

— Я не скажу ничего если вы будете называть меня сударыней. Скажите: о чемъ вы хотите говорить, матушка?

— О чемъ вы хотите говорить, матушка?

— О вашемъ намѣреніи обратиться въ кассационный судъ и добиться справедливаго вердикта для Евстаѣя. Неужели вы действительно думаете сдѣлать это?

— Да.

Мистрисъ Макаллаанъ подумала съ минутой.

— Вы знаете какъ я восхищаюсь вашимъ мужествомъ и вашею преданностью моему несчастному сыну, сказала она. — Вы знаете что я не лицемерю. Но я не могу позволить вамъ добиваться невозможнаго и рисковать своимъ счастьемъ, своею репутаціей, не постаравшись образумить васъ пока не поздно. Дитя мое, то что вы забрали себѣ въ голову, не можетъ быть сдѣлано. Откажитесь отъ своихъ плановъ.

— Я очень благодарна вамъ, мистрисъ Макаллаанъ....

— Матушка!

— Я очень благодарна вамъ, матушка, за ваше участіе ко мнѣ, но я не могу отказаться отъ моего намѣренія. Права я или нѣтъ, рискуя я или нѣтъ, но я должна попробовать и попробую.

Мистрисъ Макаллаанъ посмотрѣла на меня внимательно и вздохнула.

— О, молодость, молодость! сказала она грустно. — Блаженъ кто молодъ! — Она овладѣла собой и обратилась ко мнѣ почти сердито. — Но скажите, ради Бога, какъ вы намѣрены дѣйствовать?

Въ ту самую минуту какъ она предложила этотъ вопросъ, мнѣ прашло въ голову что она могла дать мнѣ рекомендацію къ Декстеру. Она должна была знать его какъ стараго друга своего сына.

— Прежде всего я намѣреваюсь посоветоваться съ Мизерримусомъ Декстеромъ, сказала я смѣло.

Мистрисъ Макалланъ отшатнулась отъ меня съ громкимъ восклицаніемъ удивленія.

— Съ ума вы сошли? спросила она.

Я сказала ей, какъ и майору Фитцъ-Девиду, что я имѣла причины полагать что Мизерримусъ Декстеръ можетъ помочь мнѣ.

— А я, возразила мистрисъ Макалланъ, — имѣю причины полагать что весь вашъ замыселъ безуміе и что попросивъ совѣта у Декстера вы попросите его, какъ и слѣдуетъ, у безумнаго. Не пугайтесь, дитя мое. Декстеръ безвреденъ. Я не хочу сказать что онъ способенъ оскорбить васъ или причинить вамъ какой-нибудь вредъ. Я говорю только что молодой женщиной въ вашемъ печальномъ и щекотливомъ положеніи никакъ не слѣдуетъ дѣлать своимъ союзникомъ Мизерримуса Декстера.

Странно! Предостереженіе майора было повторено почти буквально мистрисъ Макалланъ. Тѣмъ не менѣе оно произвело такое же дѣйствіе какъ большая часть предостереженій, оно только усилило мое упрямство.

— Вы очень удивляете меня, сказала я. — Все что говорилъ мистеръ Декстеръ въ судѣ показалось мнѣ вполне разумнымъ.

— Конечно, отвѣчала мистрисъ Макалланъ. — Стенографы и репортеры, прежде чѣмъ напечатать его показаніе, позаботились придать ему приличную форму. Но еслибы вы слышали то что онъ дѣйствительно говорилъ, вы или почувствовали бы къ нему отвращеніе, или посмѣялись бы надъ нимъ, смотря по тому какъ вы смотрите на вещи. Онъ началъ скромнымъ и довольно пристойнымъ объясненіемъ значенія своего имени и сразу отнялъ у слушателей охоту смѣяться надъ нимъ. Но въ дальнѣйшихъ показаніяхъ его странности обнаружались. Онъ смѣшивалъ самымъ страннымъ образомъ серьезное съ бессмыслицами, былъ нѣсколько разъ призываемъ къ порядку и едва не подвергся штрафу и аресту за неуваженіе къ суду. Словомъ, онъ показалъ себя самимъ собою, то-есть соединеніемъ самыхъ странныхъ и противорѣчивыхъ качествъ, то былъ ясенъ и разуменъ, то владалъ въ бредъ самаго возмутительнаго свойства какъ въ припадкѣ безумія. Я повторяю вамъ что онъ вовсе не способенъ да-

въ совѣты. Не ожидаете ли вы что я представляю васъ Декстеру?

— У меня была эта надежда, отвѣчала я. — Но послѣ того что вы сказали, я конечно отказываюсь отъ нея. Это не составляетъ большого лишенія для меня, мнѣ придется подождать только недѣлю. Ровно черезъ недѣлю у майора Фитц-Девида будетъ обѣдъ на который онъ обѣщаль пригласить Мизерримуса Декстера чтобы познакомиться его со мной.

— Я узнаю въ этомъ майора, воскликнула мистрисъ Макалланъ. — Если вы довѣряете этому человѣку, мнѣ жаль васъ. Онъ увертаивъ какъ угорь. Вы вѣроятно просили его представить васъ Декстеру.

— Да.

— Декстеръ презираетъ его, душа моя. Майоръ знаетъ такъ же хорошо какъ и я что Декстеръ не поѣдетъ на его обѣдъ, и пользуется этимъ косвеннымъ средствомъ помѣшать вамъ познакомиться съ нимъ, вмѣсто того чтобъ отказать вамъ прямо, какъ сдѣлалъ бы честный человѣкъ.

Это было очень неприятною новостью для меня, но мое упрямство не допустило меня признать себя побѣжденною.

— Если мистеръ Декстеръ не пріѣдетъ къ майору, я напишу ему сама и попрошу его принять меня.

— И отправитесь къ нему одна если онъ согласится принять васъ? спросила мистрисъ Макалланъ.

— Одна.

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Я не лущу васъ одну.

— Позвольте спросить, какъ вы намѣреваетесь помѣшать мнѣ ѣхать одной?

— Конечно не иначе какъ отправившись съ вами, упрямецъ. Да, да. Я могу быть такой же настойчивой какъ вы, когда нужно. Но замѣйте что я не хочу знать ваши планы, не хочу имѣть ничего общаго съ вами. Мой сынъ покорился вотландскому вердикту, я тоже покорилась. Вы одна не хотите покориться и оставить дѣло въ томъ положеніи въ какомъ оно теперь. Вы тщеславное и сумасбродное созданіе, но я тѣмъ не менѣе люблю васъ и не лущу васъ къ Декстеру одну. Надѣвайте шляпку.

— Сейчасъ? спросила я.

— Да, сейчасъ. Моя карета у подъезда, и чѣмъ скорѣе

мы отдѣлаемся, тѣмъ лучше для моего спокойствія. Оды-
тесь и не мѣшчайте.

Я не заставила ее повторить приглашеніе, и спустя деся-
минуть мы были на пути къ Мизерримусу Декстеру.

Таковъ былъ результатъ моего свиданія съ моею свекровью.

ГЛАВА XXIV.

Мизерримусъ Декстеръ. Первое знакомство.

Мы просидѣли за завтракомъ довольно долгое время пре-
де чѣмъ мистрисъ Макалланъ пріѣхала въ коттеджъ Вен-
мина. Послѣдовавшій за тѣмъ разговоръ между мной и мо-
ею свекровью (приведенный здѣсь только вкратцѣ) продолжалъ
почти до вечера, такъ что когда мы съѣли въ экипажѣ, сол-
нце уже заходило въ тяжелыхъ тучахъ и осенніе сумерки
стали насъ еще въ дорогѣ.

Мы ѣхали, окошко я могла судить, по направленію къ с-
верной окраинѣ Лондона.

Болѣе часа карета наша катилась по мрачному кирпич-
ному лабиринту улицъ, становившихся все уже и уже, грязнѣ-
и грязнѣе, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ. Изъ
этого лабиринта мы выѣхали, какъ я разглядѣла въ темнотѣ
на какой-то безобразный пустырь. Далѣе мы проѣхали ми-
нѣсколькихъ беспорядочныхъ группъ домовъ и лавочекъ
казавшихся небольшими деревнями предпринявшими пут-
шествіе въ Лондонъ и уже загрязнившимися и заколѣтыв-
шимся на пути. Все темнѣе и темнѣе, мрачнѣе и мрачнѣе ст-
новились окрестности, но наконецъ карета остановилась.
мистрисъ Макалланъ объявила своимъ сатирическимъ тономъ
что мы достигли до цѣли нашей поѣздки.

— Дворецъ принца Декстера, душа моя, сказала она.
Какъ онъ вамъ нравится?

Я посмотрѣла вѣкругъ себя и не знала что подумать.

Мы вышли изъ кареты и стояли на полуотдѣланной,
стальной щебнемъ дорогѣ. Направо и налево отъ насъ во-
вышались полуоконченныя зданія новыхъ домовъ въ ихъ
первомъ періодѣ существованія. Вокругъ насъ валялись д-
еки и кирпичи. Мѣстами возвышались высокіе подмостки
казавшіеся безлиственными деревьями этой кирпичной и

ми. Позади насъ простирался еще не застроенный лугъ. Прямо предъ нами, на разстоянн двусотъ ярдовъ около того, видѣлась темная масса въ которой я мало-малу разглядѣла въ темнотѣ длинный, низкій, старинный съ живою изгородью и частоколомъ предъ фасадомъ. Мы направились подъ предводительствомъ слуги къ забору, складывая себѣ путь мимо досокъ и кирличей, устричныхъ мочалъ и битой посуды.

Въ заборѣ была калитка и ручка звонка, отысканная по долгихъ поисковъ. Дернувъ ручку слуга привелъ въ движеніе, судя по звуку, колоколъ значительной величины, пригодный болѣе для церкви чѣмъ для дома.

Пока мы ждали чтобы насъ впустили, мистрисъ Макалланъ указала мнѣ на старый домъ.

— Вотъ одна изъ его сумасбродныхъ причудъ, сказала она. — Спекуляторы застраивающіе эту мѣстность давали ему большія деньги за его землю и домъ. Это мѣсто было некогда феодальнымъ замкомъ. Много лѣтъ тому назадъ Декстеръ купилъ его самъ не зная зачѣмъ. Никакія фамильныя воспоминанія не связываютъ его съ его домомъ, а деньги могли бы пригодиться ему. Какъ бы то ни было, но онъ отказался продать домъ и написалъ спекуляторамъ такое письмо: „Мой домъ есть памятникъ живописнаго и прекраснаго среди пошлыхъ, низкихъ, пресмыкающихся строеній пошлаго, низкаго, пресмыкающагося вѣка. Я сохраняю мой домъ, джентльмены, какъ полезный урокъ для васъ. Смотрите на него и краснѣйте, если можете, за свои собственные постройки.“ Можно ли написать что-нибудь нелѣпѣе этого? Шт! Я слышу шаги въ садъ. Это идетъ его родственница. Она женщина. Я предупреждаю васъ объ этомъ потому что ее легко принять за мужчину.

За заборомъ послышался грубый, густой голосъ который я понято, не приняла бы за женскій.

— Кто тамъ?

— Мистрисъ Макалланъ, отвѣчала моя свекровь.

— Что вамъ нужно?

— Намъ нужно видѣть Декстера.

— Его нельзя видѣть.

— Почему нельзя?

— Какъ вы назвали себя?

— Макалланъ. Мистрисъ Макалланъ. Мать Евстаѳіа каллана. Теперь появили?

Голосъ проворчалъ что-то, въ замкѣ щелкнулъ ключъ были впущены въ садъ.

Въ темнотѣ усиленной густыми кустами я разглядѣла женщину съ грубымъ голосомъ только то что она была мужской шляпѣ. Она залерла за нами калитку и не сказала намъ ни слова въ прѣвѣтствіе или въ объясненіе повела по направленію къ дому. Моя свекровь, зная дорогу, свала за ней свободно, я же слѣдовала за мистрисъ Макалланъ стараясь не отстать отъ нея ни на шагъ.

— Прелестное семейство, прошептала мнѣ моя свекровь Родственница Декстера единственная женщина въ до эта единственная женщина идиотка.

Мы вошли въ большую, низкую прихожую, слабо освѣщенную масляной лампой висѣвшей въ отдаленномъ углу комнаты. При этомъ слабомъ свѣтѣ я разглядѣла что стѣны украшены картинами, но содержаніе картинъ не могла глядѣть.

Мистрисъ Макалланъ обратилась къ безмолвной родственницѣ въ мужской шляпѣ.

— Скажите же намъ гдѣ мы можемъ увидать Декстера сказала она.

Родственница взяла со стола листокъ бумаги и подала мистрисъ Макалланъ.

— Это написалъ хозяинъ, сказала эта странная женщина глухимъ шелотомъ и такимъ тономъ какъ будто одна мысль о хозяинѣ приводила ее въ трель. — Прочтите это ишите сами остаться вамъ или уйти.

Она отворила незамѣтную дверь замаскированную отъ изъ картинъ и исчезла какъ призракъ.

Мистрисъ Макалланъ подошла къ масляной лампѣ и взглянула на поданный ей листокъ. Я послѣдовала за ней, церемоніи перегнулась чрезъ ея плечо и прочла записку съ ней. Записка была написана замѣчательно крупно и твердымъ почеркомъ. Если я не заразилась безуміемъ воздухъ дома, я дѣйствительно прочла слѣдующее:

„Увѣдомленіе. Мое громадное воображеніе работаетъ дѣлая героевъ проходящихъ предо мной. Я оживляю въ духъ отшедшихъ великихъ людей. Мой мозгъ кипитъ моей головѣ. Всякій кто потревожитъ меня при такихъ

стоятельствѣхъ, сдѣлаетъ это съ опасностью для своей жизни. Декстеръ.“

Мистрисъ Макалланъ обернулась ко мнѣ съ своею саркастическою улыбкой.

— Вы и теперь настаиваете чтобъ я представила васъ Декстеру? сказала она.

Насмѣшка въ тонѣ ея вопроса затронула мою гордость. Я рѣшила что не уступлю перваа.

— Нѣтъ, сударыня, я не настаиваю если это подвергаетъ жизнь вашу опасности, отвѣчала я не совсѣмъ учтиво.

Моя свекровь, не удостоивъ меня отвѣтомъ, положила бумагу на столъ и направилась къ двери направо, за которой видѣлись стулени широкой дубовой лѣстницы.

— Слѣдуйте за мною, сказала она поднимаясь по темной лѣстницѣ. — Я знаю гдѣ найти его.

Мы поднялись оцуюлю до первой площадки. Далѣе лѣстница поворачивала въ противоположную сторону и была слабо освѣщена свѣтомъ масляной лампы горѣвшей гдѣ-то наверху.

Поднявшись до второй площадки мы повернули въ небольшой корридоръ и пройдя его вошли въ красивую круглую комнату освѣщенную масляною лампой стоявшею на каминѣ. На стѣнѣ противоположной двери въ которую мы вошли висѣлъ длинный коверъ спускавшійся съ потолка до полу.

Мистрисъ Макалланъ откинула его въ сторону и сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней.

— Слушайте, прошептала она.

Я прошла за коверъ и очутилась въ небольшомъ корридорѣ, въ концѣ котораго, при свѣтѣ лампы стоявшей позади насъ, я разглядѣла затворенную дверь. Я начала прислушиваться и услышала за дверью громкій человѣческій голосъ и какой-то странный свистящій звукъ, производимый, какъ казалось, чѣмъ-то катавшимся взадъ и впередъ по большому пространству. Этотъ странный звукъ то усиливался и заглушалъ голосъ, то затихалъ, и тогда голосъ слышался яснѣе. Дверь была вѣроятно очень толстая, потому что какъ я ни прислушивалась, я не могла ни разслышать голоса, ни лонять причину гремящихъ и свистящихъ звуковъ.

— Что происходитъ по ту сторону двери? спросила я шепотомъ.

— Идите за мной, отвѣчала мнѣ мистрисъ Макаланъ.

Она олустила коверъ и повернувъ беззвучно ручку отворила тяжелую дверь.

Мы остались въ темномъ корридорѣ и заглянули въ отворенную дверь.

Я увидала (насколько это было возможно въ темнотѣ длинную и низкую комнату. Красноватый свѣтъ углей догоравшихъ въ каминѣ, единственный свѣтъ при которомъ могла судить о предметахъ и разстояніяхъ, освѣщала только центральную часть комнаты, находившуюся прямо противъ насъ, но не достигала до краевъ остававшихся во мракѣ. Едва я успѣла замѣтить это какъ услышала что гремящія и свистящія звуки направляются въ мою сторону. Въ слѣдующее мгновение въ освѣщенномъ пространствѣ появилось высокое кресло на колесахъ и въ немъ смутно обрисовывавшаяся фигура чемовѣка съ развѣвающимися волосами, неистово размахивавшаго руками приводя въ движеніе механизмъ посредствомъ котораго двигалось кресло. „Я Наполеонъ въ утро Аустерлица!“ воскликнулъ чемовѣкъ въ креслѣ промелькнувъ мимо меня. „Мнѣ стоить сказать одно слово и троны рушатся, короли низвергаются, націи трепещутъ десятки тысячъ людей сражаются, истекаютъ кровью, умираютъ!“ Кресло исчезло въ темнотѣ и чемовѣкъ въ немъ сѣлся другимъ героемъ. „Я Нельсонъ“, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ. „Я предводительствую флотомъ въ Трафальгарѣ. Я издаю приказанія, пророчески предвижу побѣду и свою смерть. Я вижу мой алоэозъ, слезы моей націи, мое погребеніе въ славной церкви. Потомство воспоминаетъ обо мнѣ, лѣты воспѣваютъ меня въ безсмертныхъ стихахъ!“ Докатившись до края комнаты кресло повернуло назадъ, и страшный, фантастическій образъ новаго кентавра, полу-чемовѣка полу-кресла, показался опять въ полу-темномъ пространствѣ комнаты. „Я Шекспиръ“, воскликнулъ онъ. „Я пишу *Лира*, эту трагедію изъ трагедій. Я выше всѣхъ древнихъ и всѣхъ новыхъ поетовъ. Свѣту! свѣту! Строки извергаются какъ лава изъ моего умственного кратера. Свѣту для того чтобы безсмертный поэтъ могъ написать свои безсмертные слова!“ Онъ съ шумомъ подкатился къ камину и наклонился надъ нимъ. Последній уошь вспыхнулъ на минуту и свѣтъ достигъ до отворенной двери возлѣ которой мы стояли. Въ эту минуту странное созданіе повернулось и увидало

насъ. Кресло остановилось такъ быстро что потрясло старый полъ дома, перемѣнило направленіе и бросилось на насъ съ быстротою дикаго животнаго. Едва успѣли мы отступитъ и прислониться къ стѣнѣ коридора какъ оно вылетѣло изъ двери и откинуло висѣвшій коверъ. Свѣтъ лампы изъ сосѣдней комнаты освѣтилъ наше убѣжище. Неистовыя колеса остановились опять и странное созданіе въ креслѣ взглянуло на насъ съ свирѣлымъ любопытствомъ способнымъ привести въ трепетъ.

— Раздавилъ я ихъ? Превратилъ я ихъ въ порошокъ за дерзкую попытку помѣшать мнѣ? сказалъ онъ про себя. Выразивъ это любезное предположеніе онъ вспомнилъ опять о Шекспирѣ и Королѣ Лирѣ. — Гонергелю и Регану! воскликнулъ онъ. — Мои двѣ безчеловѣчныя дочери, двѣ вѣдьмы, пришли насмѣхаться надо мной!

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала моя свекровь такъ спокойно какъ будто обращалась къ разумному существу. — Я вашъ старый другъ мистрисъ Макалланъ, а это вторая жена Евстаея Макаллана, пріѣхавшая повидаться съ вами.

Лишь только она произнесла: „вторая жена Евстаея Макаллана“, странное существо издало такой пронзительный крикъ какъ будто она прострѣлила его, и вырыгнуло изъ кресла. Человѣкъ безъ ногъ мелькнулъ въ воздухѣ, опустился на полъ съ легкостью обезьяны, и къ довершенію безобразной сцены, убѣжалъ на рукахъ въ длинную комнату, скорчившись у камина и весь дрожа началъ стонать, повторяя множество разъ: — О, сжальтесь надо мной, сжальтесь надо мной!

Таковъ былъ человѣкъ къ которому я пріѣхала за совѣтомъ, на помощь котораго я такъ разчитывала!

Г Л А В А XXV.

Мизерримусъ Декстеръ. Второе знакомство.

Полный уладокъ духа, отвращеніе и (чтобы сказать всю правду) сильный страхъ, заставили меня признать себя побѣжденной. Я обратилась къ мистрисъ Макалланъ и сказала шепотомъ.

— Вы были правы, я обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Убѣдемъ отсюда.

Сауль Мизерримуса Декстера былъ вѣроятно такъ же

чутокъ какъ слухъ собаки. Онъ разслышалъ что я сказа
„уйдемъ отсюда“.

— Нѣтъ, крикнулъ онъ. — Приведите сюда вторую ж
Евстаѳіа Макаллана. Какъ джентльменъ я обязанъ извини
ся предъ ней, какъ наблюдатель человѣческой природы
хочу видѣть ее.

Онъ былъ теперь повидимому совсѣмъ другимъ чело
комъ. Онъ произнесъ послѣднія слова самымъ мягкимъ
номъ и вздохнулъ истерическимъ вздохомъ какъ женщ
послѣ долгихъ слезъ. Пробудилось ли во мнѣ мое мужест
или меня подстрекало любопытство, но когда мистрисъ М
калланъ сказала мнѣ: „Припадокъ прошелъ. Вы остает
при своемъ намѣреніи уйти?“ Я отвѣчала: — Нѣтъ, я во
къ нему.

— Вы уже увѣрвали въ него снова? спросила мистри
Макалланъ съ своей безпощадной насмѣшливостью.

— Я преодолѣла мой испугъ, отвѣчала я.

— Мнѣ жаль что я испугалъ васъ, сказалъ мягкій голс
у камина. — Нѣкоторые люди говорятъ что я бываю ино
не въ своемъ умѣ. Вы пришли въ одинъ изъ часовъ мое
безумія, если нѣкоторые люди правы. Я самъ сознаю что
ясновидецъ. Когда мое воображеніе разыгрывается, я го
рю и дѣлаю странныя вещи. Если же мнѣ напомнятъ въ
кое время объ ужасномъ процесѣ, я возвращаюсь къ п
шлому и испытываю невыразимыя нервныя страданія. Я
мый мягкосердечный человѣкъ и какъ неизбежное слѣдст
этого (въ такомъ мірѣ какъ нашъ) самый несчастный че
вѣкъ. Примите мои извиненія. Войдите обѣ и пожалуйте ме

Даже ребенокъ не чувствовалъ бы къ нему въ эту ми
ту никакого страха. Даже ребенокъ вошелъ бы къ нему
пожалѣлъ бы его.

Въ комнатѣ становилось все темнѣе и темнѣе. Мы не
дѣли ничего кромѣ скорченной фигуры у камина.

— Не велите ли вы освѣтить комнату? спросила мистри
Макалланъ. — И если вы сочтете это нужнымъ, хорошо ли б
детъ если эта молодая особа увидитъ васъ при свѣтѣ в
вашего кресла?

Онъ приложилъ къ губамъ что-то блестящее, металлически
и издавалъ рядъ рѣзкихъ, дрожащихъ, птичьихъ нотъ. Сл
стя нѣсколько минутъ гдѣ-то въ отдаленной части нижня
этажа раздались точно такіе же звуки.

— Аріэль идетъ, сказалъ Декстеръ. — Успокойтесь, мамаша Макалаанъ. Аріэль сдѣлаетъ меня приличнымъ для женскихъ глазъ.

Онъ удалился на рукахъ въ темный уголъ комнаты.

— Подождите, сказала мистрисъ Макалаанъ. — Вамъ готовится новый сюрпризъ. Вы увидите нѣжнаго Аріэля.

Въ сосѣдней круглой комнатѣ послышались тяжелые шаги.

— Аріэль, вздохнулъ Мизерримусъ Декстеръ въ темнотѣ.

— Здѣсь, отвѣчалъ къ моему невыразимому удивленію грубый голосъ родственницы въ мужской шалатѣ, скорѣе голосъ Калибана, нежели Аріэля.

— Мое кресло, Аріэль.

Особа съ этимъ неподходящимъ именемъ откинула коверъ чтобъ освѣтить комнату и вышла двигая предъ собой кресло. Она нагнулась и подняла Декстера съ пола какъ ребенка. Прежде чѣмъ она успѣла посадить его, онъ съ радостнымъ крикомъ вырвался изъ ея рукъ и прыгнулъ въ кресло съ легкостью лггицы.

— Лампу, сказалъ онъ. — И зеркало. Извините, обратился онъ къ намъ, — что я сижу повернувшись къ вамъ спиной. Вы не должны видѣть меня пока мои волосы не будутъ приведены въ порядокъ. Аріэль! Лампу, гребенку и помаду.

Держа въ одной рукѣ лампу, въ другой зеркало, а въ зубахъ щетку съ воткнутою въ нее гребенкой, Аріэль Второй плаче родственница Декстера, предсталъ предо мною впервые при ясномъ освѣщеніи. Я увидѣла круглое, мясистое, бессмысленное лицо, безцвѣтные, мутные глаза, толстый носъ и грубый подбородокъ, полуживое, полуразвитое, неуклюжее созданіе одѣтое въ мужской сюртукъ и въ тяжелые мужскіе сапоги. Только фланелевая юбка и сломанный гребень въ жесткихъ свѣтлыхъ волосахъ были единственными признаками по которымъ въ ней можно было признать женщину, Такова была негостепріимная особа принявшая насъ въ темнотѣ когда мы вошли въ домъ.

Странная служанка, собравъ туалетныя принадлежности необходимыя для приведенія въ порядокъ волосъ ея еще болѣе страннаго господина, принялась за свое дѣло.

Она чесала, помадила, приглаживала щеткой, мочила духами длинные, волнистые волосы и шелковистую бороду Мизерримуса Декстера и дѣлала это съ самою странною смѣсью

тулоумія и ловкости. Дѣло сдѣланное безмолвно, съ глухимъ взглядомъ, съ неукающими приемами, было тѣмъ не менѣ сдѣлано какъ нельзя лучше. Калѣвка въ креслѣ не слускала глазъ съ зеркала и былъ слишкомъ заинтересованъ ходомъ дѣла, чтобъ обращать вниманіе на насъ. Только когда Арія окончателно отдѣливая его бороду, стала лицомъ къ нему онъ взглянулъ на нее и обратился къ моей свекрови, не поворачивая голову въ нашу сторону, чтобы не показаться до окончанія своего туалета.

— Мамама Макаланъ, сказалъ онъ, — какъ зовутъ вторую жену вашего сына?

— Для чего вамъ это знать? спросила моя свекровь.

— Мнѣ нужно это знать потому что я не могу называть ее мистрисъ Макаланъ.

— Почему?

— Потому что это имя напоминаетъ мнѣ другую мистрисъ Макаланъ, а при воспоминаніи объ ужасныхъ дняхъ въ Гленцикѣ я потеряю опять самообладаніе и начну стонать.

Услышавъ это я послѣшила виѣшаться.

— Меня зовутъ Валерія, сказала я.

— Валерія! Римское имя, замѣтилъ Декстеръ. — Оно мнѣ нравится. Мой умъ образовался въ римскомъ духѣ. Мое тѣлесное сложеніе было бы также римскимъ еслибы я родился съ ногами. Я буду называть васъ мистрисъ Валерія, если только вы не имѣете ничего противъ этого.

Я послѣшила успокоить его.

— Вотъ и прекрасно, сказалъ онъ. — Мистрисъ Вадерія, видите вы лицо страннаго созданія стоящаго предъ вами?

Онъ указалъ зеркаломъ на свою родственницу такъ безцеремонно какъ указалъ бы на собаку. Она съ своей стороны обратила такъ же мало вниманія на его неучтивость какъ еслибы была собакой. Она все съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ продолжала чесать и помадить его бороду.

— Это лицо идіотки, продолжалъ Мизерримусъ Декстеръ. — Взгляните на нее. Вѣдь это прсыбаемое. Въ концѣ калусты растущемъ въ саду столько же жизни и выраженія какъ въ наружности этой дѣвушки въ эту минуту. Повѣрите ли что даже въ этомъ полуразвитомъ созданіи таятся умъ, любовь, гордость, преданность?

Я не рѣшилась отвѣтить на такой вопросъ въ присутствіи

дѣвушки, но моя совѣстливость была повидимому излишнею. Белостижимая молодая особа продолжала свое дѣло равнодушная какъ машина ко всему что окружало ее.

— Мнѣ удалось добраться до ея затаенной любви, гордости, преданности и прочаго, продолжалъ Мизерримусъ Декстеръ. — Я обладаю ключомъ къ ея дремающему уму. Великолепная мысль! Глядите на нее пока я буду говорить съ ней. Я назвалъ ее Аріэльъ въ одну изъ моихъ проницательскихъ минутъ, и она привыкла къ этому имени какъ собака привыкаетъ къ ошейнику. Аріэль!

Безмысленное лицо дѣвушки начало проясняться. Рука дѣвушки, машинально работавшая гребенкой, остановилась.

— Аріэль, ты выучилась чесать мои волосы и мою бороду, неправда ли?

— Да, да, да, отвѣчала она съ жаромъ. — И вы говорите что теперь я дѣлаю это хорошо.

— Да, я говорю это. Не желаешь ли ты чтобы кто-нибудь другой дѣлалъ это за тебя?

Въ глазахъ ея появилась жизнь и смыслъ. Ея странный не женскій голосъ смягчился до самыхъ нѣжныхъ нотъ.

— Никто кромѣ меня не будетъ убирать ваши волосы, никто кромѣ меня не дотронется до васъ пока я жива, отвѣчала она съ нѣжностью и гордостью.

— Не исключая и этой молодой особы что стоитъ тамъ, спросилъ Мизерримусъ Декстеръ указывая зеркаломъ черезъ плечо въ мою сторону.

Глаза дѣвушки внезапно сверкнули свирѣлою ревностью. Она догрозила мнѣ гребенкой.

— Пусть попробуетъ! воскликнула она своимъ прежнимъ грубымъ голосомъ. — Пусть притронется къ вамъ если смѣетъ!

Декстеръ засмѣялся при этой дѣтской вспышкѣ.

— Довольно, мой нѣжный Аріэль, сказалъ онъ. — Я отпускаю на покой вашъ умъ. Вернитесь къ своему прежнему состоянию и окончите мою бороду.

Она отвѣчала пассивнымъ повиновеніемъ. Осмысленное выраженіе въ ея глазахъ и лицѣ мало-по-малу исчезло, она продолжала свою работу съ тою же безжизненною ловкостью которая удивила меня вначалѣ. Декстеръ былъ повидимому вполне доволенъ этою переменой.

— Я полагаю что мой маленькій опытъ заинтересовалъ

вать, сказалъ онъ. — Дремлющій умъ моей интересной родственницы подобенъ музыкальному инструменту. Я прикасаюсь къ нему, и онъ отвѣчаетъ на мое прикосновеніе. Она любитъ чтобъ я прикасался къ ея уму. Ея высшее наслажденіе слушать сказки, и чѣмъ сильнѣе сказка волнуетъ ее, тѣмъ больше она ей нравится. Я довожу ее до сильнѣйшей степени возбужденія. Это очень забавно. Вы должны когда-нибудь посмотреть на это. — Онъ устремилъ въ зеркало послѣдній взглядъ. — А, вотъ теперь я въ порядкѣ, сказалъ онъ довольнымъ тономъ. — Исчезни, Ариэль.

Служанка вышла изъ комнаты съ безмолвною покорностью выдрессированнаго животнаго. Когда она проходила мимо меня, я сказала ей: „доброй ночи.“ Она взглянула на меня, и не отвѣтила мнѣ, мои слова очевидно не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Только голосъ Декстера способенъ былъ пробуждать ее.

— Валерія, сказала моя свекровь. — Нашъ скромный хозяинъ ждетъ узнать ваше мнѣніе о немъ.

Пока мое вниманіе было обращено на его родственницу, Мизерримусъ Декстеръ повернулся лицомъ къ намъ. Описывая его какъ свидѣтеля въ судѣ я неумышленно основала мое описаніе на моемъ позднѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ. Я увидала теперь впервые его открытое, умное лицо, его большіе, ясные, голубые глаза, блестящіе волнистые волосы свѣтлаго каштановаго цвѣта, длинныя, нѣжныя, бѣлыя руки, стройную шею и грудь. Уродство унижавшее и портившее мужественную красоту его головы и туловища было скрыто пестрымъ покрываломъ въ восточномъ вкусѣ накинутымъ на его кресло. Онъ былъ одѣтъ въ темносинемъ бархатномъ сюртукѣ, застегнутомъ на груди крупными малахитовыми пуговицами, и въ шелковыхъ манжетахъ во вкусѣ прошлаго столѣтія. Можетъ-быть я была недостаточно проищательна, но я не замѣчала въ немъ теперь никакихъ признаковъ безумія, начега отталкивающаго. Единственный недостатокъ который я замѣтила въ его лицѣ были морщины появившіяся у внѣшнихъ угловъ его глазъ когда онъ смѣялся, и въ меньшей степени когда онъ улыбался, морщины вовсе не гармонизировавшія съ его молодевою наружностью. Его ротъ насколько я могла разглядѣть его подъ усами и бородой былъ малъ и изященъ, его носъ, самой правильной греческой формы, былъ можетъ-быть слишкомъ тонокъ въ сравне-

ли съ полными щеками и съ высокимъ, массивнымъ лбомъ. Смотря на него какъ на цѣлое (и конечно съ точки зрѣнія женщины, я не физиономиста) я могу только сказать что это былъ замѣчательно красивый человекъ. Живописецъ охотно взялъ бы его моделью для Святаго Иоанна, а молодая дѣвушка, увидавъ его и не зная что скрывалось подъ восточнымъ покрываломъ, сказала бы про себя: вотъ герой моихъ мечтаній.

— Пугаю я васъ теперь, мистрисъ Валерія? спросилъ онъ спокойно.

— Нисколько, мистеръ Декстеръ.

Его голубые глаза, большіе какъ глаза женщины, ясные какъ глаза ребенка, остановились на мнѣ съ выраженіемъ какой-то странной борьбы чувствъ, что заинтересовало и смущало меня. То въ нихъ появлялось сомнѣніе, безпокойное, тяжелое сомнѣніе, то опять радостное одобреніе, такое откровенное одобреніе что тщеславная женщина подумала бы что побѣдила его съ перваго взгляда. Потомъ внезапно имъ овладѣло ловидимому новое чувство. Глаза его закрылись, голова опустилась на грудь, онъ поднялъ руки съ жестомъ сожалѣнія. Онъ бормоталъ что-то про себя, предавшись какому-то тайнымъ и грустнымъ воспоминаніямъ которыя удаляли его ловидимому все болѣе и болѣе отъ дѣйствительности. Я прислушивалась къ тому что онъ говорилъ и старалась угадать что происходило въ умѣ этого страннаго существа.

— Лицо несравненно красивѣе, разслышала я, — но не фигура. Развѣ можно быть стройнѣе ея? Граціозна, ко далеко не такъ какъ та. Въ чемъ же сходство которое наломнило мнѣ ее? Въ позѣ, можетъ-быть? Въ движеніяхъ? Бѣдный замученный ангелъ! Что за жизнь! И что за смерть, что за смерть!

Не сравнивалъ ли онъ меня съ жертвой отравленія, съ первой женой моего мужа? Если такъ, то покойная очевидно пользовалась его расположеніемъ. Это было ясно по грустному тону его голоса. Выиграю я или проиграю отъ сходства которое онъ нашелъ во мнѣ? Приятно или неприятно ему будетъ смотрѣть на меня? Каковъ будетъ результатъ если я открою свое подозрѣніе и свои планы этому странному человекъ? Я ждала съ нетерпѣніемъ не скажетъ ли онъ еще что-нибудь о первой женѣ моего мужа. Нѣтъ. Въ немъ произошла новая перемѣна. Онъ вздрогнулъ и началъ осматри-

ваться какъ человекъ внезапно пробужденный отъ глубокаго сна.

— Что я сдѣлалъ? спросилъ онъ.—Я кажется далъ олять волю своему воображенію? Онъ содрогнулся и вздохнулъ. — О, этотъ Гленникскій домъ! пробормоталъ онъ грустно. — Неужели я никогда не буду въ силахъ не думать о немъ?

Къ моему невыразимому огорченію мистрисъ Макалланъ остановила его.

Въ его воспоминаніи о сельскомъ домѣ ея сына было повидимому что-то что оскорбило ее. Она прервала его рѣзко и рѣшительно.

— Довольно, другъ мой, довольно! сказала она. — Вы кажется сами не знаете что говорите.

Его большіе голубые глаза сверкнули свирѣлымъ негодованіемъ. Однимъ поворотомъ руки онъ подкатилъ свое кресло къ ней, схватилъ ее за руку и заставилъ ее нагнуться къ нему, такъ чтобъ онъ могъ говорить съ ней шепотомъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и шепотъ его былъ такъ громокъ что достигъ до меня.

— Я самъ не знаю что говорю, повторилъ онъ устремивъ пристальный взглядъ не на нее, а на меня. — Вы близорукая старуха. Гдѣ ваши очки? Развѣ вы не видите въ ней никакого сходства, — въ фигурѣ, а не въ лицѣ — съ первою женою Евстаѳіа?

— Одно воображеніе, возразила она. — Я не вижу никакого сходства.

Онъ прервалъ ее съ нетерпѣніемъ.

— Не такъ громко, прошепталъ онъ.— Она услышитъ.

— Я слышала васъ обоихъ, сказала я. — Вы можете говорить при мнѣ не стѣсняясь, мистеръ Декстеръ. Я знаю что мой мужъ былъ женатъ прежде чѣмъ женился на мнѣ и знаю какъ ужасно окончила жизнь его первая жена. Я прочла отчетъ о процессѣ.

— Вы прочли описаніе жизни и смерти мученицы! воскликнулъ Мизерримусъ Декстеръ. Онъ подкатилъ свое кресло къ моему стулу и наклонился ко мнѣ съ полными слезъ глазами. — Никто кромѣ меня не цѣнилъ ее по достоинству, сказалъ онъ. — Никто кромѣ меня!

Мистрисъ Макалланъ отошла нетерпѣливо на другую сторону комнаты.

— Я готова ѣхать, Валерія, сказала она. — Нельзя застав-

лять лошадей и слугъ ждать такъ долго въ этомъ мрачномъ мѣстѣ.

Но я была слишкомъ заинтересована словами Декстера чтобы разстаться съ нимъ въ эту минуту. Я сдѣлала видъ что не слышала замѣчанія мистрисъ Макалланъ, и чтобы удержать Декстера возлѣ себя опустила какъ бы случайно руку на его кресло.

— Вы доказали своимъ свидѣтельствомъ въ судѣ какъ высоко вы цѣнили эту особу, сказала я. — Я полагаю, мистеръ Декстеръ, что вы имѣете свое собственное мнѣнiе о тайнѣ ея смерти. Права я, или нѣтъ?

Онъ глядѣлъ на мою руку лежавшую на ручкѣ его кресла, во при моихъ послѣднихъ словахъ онъ внезапно поднялъ глаза и устремилъ ихъ на меня съ выраженiемъ сердитаго подозрѣнiя.

— Почему вы полагаете что я имѣю свое собственное мнѣнiе о тайнѣ ея смерти? спросилъ онъ строго.

— Я узнала это изъ отчета, отвѣчала я. — Судья переспрашивавшій васъ выразилъ такое же предположенiе. Я не имѣла намѣренiя оскорбить васъ, мистеръ Декстеръ.

Лицо его тотчасъ же прояснилось, онъ улыбнулся и положилъ свою руку на мою. Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу при его прикосновенiи, и я быстро отдернула руку.

— Простите меня если я перетолковалъ ваши слова въ ложную сторону, сказалъ онъ. — Да, я сознаюсь что имѣю свои собственныя идеи насчетъ этой несчастной женщины. Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на меня пристально. — Развѣ вы тоже имѣете свои собственныя идеи?

Я была глукоко заинтересована. Я сгорала отъ нетерпѣнiя узнать больше. Чистосердечiе съ моей стороны могло вызвать его на откровенность. Я отвѣчала:— да.

— Идеи которыя вы сообщили кому-нибудь? продолжалъ онъ.

— До сихъ поръ еще ни одному живому существу, отвѣчала я.

— Странно, сказалъ онъ не спуская съ меня своего прощательнаго взгляда. — Какое вамъ можетъ быть дѣло до умершей женщины которой вы никогда не знали? Почему вы предложили мнѣ свой вопросъ? Развѣ вы прiѣхали ко мнѣ съ какою-нибудь цѣлью?

Я смѣло созналась въ истинѣ. Я сказала: — да.

Съ цѣлью имѣющею связь съ первою женой Евстаѳіа Макаллана?

— Да.

— Съ чѣмъ-нибудь что случилось во время ея жизни?

— Нѣтъ.

— Съ ея смертью?

— Да.

Онъ внезапно всплеснулъ руками съ дикимъ жестомъ отчаянія, потомъ прижалъ ихъ къ головѣ какъ будто почувствовалъ внезапную боль.

— Я не могу выслушать васъ сегодня, сказалъ онъ.— Я отдалъ бы все въ мірѣ чтобы выслушать васъ, но я не смѣю. Я не въ силахъ возвратиться теперь къ ужасу и къ таинственности прошлаго, я не въ силахъ открыть могилу покойной мученицы. Слышали вы меня когда пришли сюда? У меня громадное воображеніе. По временамъ оно выходитъ изъ всякихъ границъ. Я могу вообразить себя величайшимъ героемъ какой когда-либо существовалъ. Я перехожу въ его индивидуальность, я живу нѣкоторое время жизнью человѣка которымъ воображу себя. Я не могу не поддаваться такимъ побужденіямъ. Еслибъ я сталъ сдерживать себя когда воображеніе мое разыгрывается, я сошелъ бы съ ума. Я даю себѣ волю. Припадокъ продолжается нѣсколько часовъ и оставляетъ меня въ уладкѣ духа, съ сильно разстроенными нервами. Если въ такое время во мнѣ возбуждать грусть или какія-нибудь тяжелыя воспоминанія, я способенъ стонать, я способенъ впасть въ истерику. Вы слышали какъ я стоналъ. Вы не должны видѣть меня въ истерикѣ. Нѣтъ, мистрисъ Валерія, я ни за что въ мірѣ не соглашусь испугать васъ, васъ, невинное отраженіе покойной. Не хотите ли пріѣхать завтра днемъ? У меня есть лонн и кабриолетъ. Аріэль, мой нѣжный Аріэль, умѣетъ править. Она пріѣдетъ къ мамашѣ Макалланъ и привезетъ васъ сюда. Мы поговоримъ. Я стою на нетерпѣніемъ выслушать васъ. Завтра утромъ я буду готовъ принять васъ. Довольно объ этомъ слишкомъ возбуждающемъ, слишкомъ интересномъ предметѣ. Я долженъ усложниться, или мой мозгъ взорвется въ моей головѣ. Музыки лучшее наркотическое средство для встревоженнаго ума. Мою арфу, мою арфу!

Онъ укатился на другую сторону комнаты. Моя свекровь подошла ко мнѣ чтобы поторопить меня.

— Пойдемте, сказала она съ досадою.— Вы видѣли его, онъ показалъ себя сегодня во всей красѣ. Довольно, иначе онъ утомить. Пойдемте.

Кресло возвратилось къ намъ медленно. Мизерримусъ Декстеръ дѣйствовалъ только одною рукой. Въ другой онъ держалъ арфу, такую арфу какія я до тѣхъ поръ видала только на картинахъ. Она была такъ мала что на ней можно было играть держа ее на колѣняхъ. Съ такими арфами изображаются музы и легендарные Вельскіе барды.

— Прощайте, Декстеръ, сказала мистрисъ Макаланъ.

Онъ повелительно поднялъ руку.

— Подождите, сказалъ онъ.— Пусть она услышитъ мое пѣніе. Онъ обратился ко мнѣ.— Я не хочу быть обязаннымъ другимъ моею поэзіею и моею музыкой, сказалъ онъ.— Я самъ сочиняю для себя и поэзію и музыку. Я импровизирую. Дайте мнѣ подумать немного и я съимпровизирую что-нибудь для васъ.

Онъ закрылъ глаза, оперся головою на рамку арфы и задумался, тихо водя пальцами по струнамъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня и заигралъ прелюдію. Это была дикая, монотонная музыка, то наломившая медленный, плавный восточный танецъ, то строгіе напѣвы старыхъ армянскихъ пѣсень. Слова послѣдовавшія за прелюдіею были такъ же дико, такъ же мало подчинены какимъ бы то ни было правиламъ какъ и музыка. Однимъ изъ прекраснѣйшихъ теноровъ какіе я когда-либо слышала мой поэтъ воспѣлъ меня въ слѣдующихъ словахъ:

Зачѣмъ она пришла?

Я въ ней утраченную вспомнилъ,

Мнѣ въ ней умершая воскресла:

Такой же станъ,

Такая же походка.

Зачѣмъ она пришла?

Судьба ли то?

Не вмѣстѣ ль суждено

Прошедшаго ошибки намъ исправить?

Не вмѣстѣ ль суждено

Намъ тайну прошаго открыть?

Соединить догадки, мысли, подозрѣнья?

Судьба ли то?

Разгадка въ будущемъ:
 Пусть ночь пройдетъ,
 Пусть день придетъ.
 Ея мысли прочту я
 Она въ мой умъ заглянетъ.
 Разгадка въ будущемъ.

Голосъ его затихалъ, пальцы прикасались къ струнамъ все слабѣе и слабѣе по мѣрѣ того какъ онъ подходилъ къ концу лѣсни. Утомленный умъ потребовалъ успокоенія. При послѣднихъ словахъ глаза его закрылись, голова опустилась на спинку кресла. Онъ заснулъ съ арфой въ рукахъ какъ ребенокъ съ новою игрушкой.

Мы вышли изъ комнаты на цыпочкахъ и оставили Мизерримуса Декстера — поэта, композитора и сумашедшаго — погруженнымъ въ глубокой сонъ.

Г Л А В А XXVI.

Я продолжаю упорствовать.

Въ темной прихожей насъ встрѣтила полусаснувшая Ариэль. Не взглянувъ на насъ, не сказавъ намъ ни слова, она проводила насъ къ темному саду и залерла за нами калитку.

— Доброй ночи, Ариэль, крикнула я ей чрезъ заборъ. Въ отвѣтъ я не услышала ничего кромѣ тяжелыхъ шаговъ удалявшихся по направленію къ дому и стука запираемой двери.

Лакей позаботился зажечь каретные фонари. Снявъ одинъ изъ нихъ онъ освѣтилъ нашъ путь по кирличной лустынѣ и вывелъ насъ благополучно на дорогу.

— Что вы скажете теперь? спросила меня моя свекровь когда мы усѣлись опять въ карету. — Вы видѣли Мизерримуса Декстера. Довольны вы теперь? Я отдамъ ему справедливость, съ тѣхъ поръ какъ я его знаю я никогда не видала его въ такомъ безумномъ состояніи какъ сегодня.

— Не смѣю оспаривать ваше мнѣніе о немъ, возразила я, — но что касается меня, я не убѣдилась что онъ безумный.

— Не убѣдилась послѣ всего что онъ выдѣлывалъ на своемъ креслѣ! воскликнула мистрисъ Макаланъ. — Не убѣдилась послѣ его насмѣшекъ надъ его несчастною родственни-

пей! Не убѣдились послѣ лѣсни которую онъ пролѣлъ въ честь васъ и въ заключеніе которой онъ заснулъ! О, Валерія, Валерія, правы были наши предки сказавъ что никто такъ не слѣлъ какъ тотъ кто не хочетъ видѣть.

— Извините меня, мистрисъ Макалланъ. — Я видѣла все о чемъ вы говорите и все это очень удивило и смутило меня. Но теперь, когда я пришла въ себя и могу думать спокойно, мнѣ кажется что этого человѣка нельзя назвать сумашедшимъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Я полагаю что его странность состоитъ въ томъ что онъ выражаетъ прямо и, надо сознаться, довольно дико, чувства и мысли которыя бывають у всѣхъ насъ, но которыя мы скрываемъ какъ слабость. Я сама иногда перестаю считать себя самой собою и воображаю себя какимъ-нибудь другимъ лицомъ и, признаюсь, это доставляетъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Всѣ дѣти не лишеныя воображенія любятъ представлять себя кѣмъ-нибудь другимъ, волшебницами, королевами, кѣмъ бы то ни было только не самими собою. Мистеръ Декстеръ, какъ и дѣти, дѣлаетъ это открыто, и если это доказательство сумашествія, то онъ конечно сумашедшій. Но я замѣтила что когда воображеніе его успокоилось, онъ сталъ считать себя опять самимъ собою, Мизерримусомъ Декстеромъ, и былъ такъ же далекъ какъ и мы отъ мысли что онъ Наполеонъ или Шекспиръ. Кромѣ того надо принять во вниманіе его уединенную, замкнутую жизнь. Я не настолько свѣдуща чтобъ опредѣлить до какой степени такая жизнь способствовала что онъ сдѣлался такимъ каковъ онъ теперь, но мнѣ кажется что она была причиной чрезмѣрно развитаго воображенія и необычайнаго самолюбія выразившагося въ его насмѣшкахъ надъ его несчастною родственницей и въ его странной лѣзни. Боюсь что это поколеблетъ ваше доброе мнѣніе обо мнѣ, но я должна сознаться что свиданіе съ Декстеромъ доставило мнѣ удовольствіе и что онъ заинтересовалъ меня.

— Не должна ли я заключить изъ этого ученаго разсужденія о Декстерѣ что вы намѣреваетесь отправиться къ нему опять? спросила мистрисъ Макалланъ.

— Не знаю что я буду думать объ этомъ завтра утромъ, отвѣчала я, — но въ настоящую минуту я расположена отправиться къ нему опять. Пока вы стояли на другой сторонѣ

комнаты и имѣла съ нимъ разговоръ убѣдившій меня ч
онъ дѣйствительно можетъ быть полезенъ мнѣ.

— Въ чемъ онъ можетъ быть полезенъ вамъ? спросила м
етрисъ Макалланъ.

— Въ единственномъ дѣлѣ которое я имѣю въ виду, до
гая мистрисъ Макалланъ, и котораго вы, къ сожалѣнію,
одобряете.

— И вы намѣрены довѣриться ему? Открыть все своим
еди такому человѣку?

— Да, если мои намѣренія не измѣнятся до завтра. Я
гласна что такой поступокъ съ моей стороны будетъ може
быть рискованъ, но я должна рисковать. Я знаю что я
осторожна, но въ моемъ положеніи осторожность помѣши
бы мнѣ достигнуть цѣли.

Мистрисъ Макалланъ не возразила словами. Она откр
большой мѣшокъ на передней сторонѣ кареты и достала
него коробку спичекъ и дорожную лампочку.

— Вы соблазняете меня, сказала она, — показать вамъ ч
думаетъ вашъ мужъ о вашей затѣвѣ. Его послѣднее пис
письмо изъ Испаніи, со мной. Судите сами, бѣдное вост
женное молодое созданіе, достоинъ ли мой сынъ безнаде
ныхъ, бесполезныхъ жертвъ которыя вы намѣреваетесь
нести ради него. Зажгите лампу.

Я повиновалась охотно. Съ тѣхъ поръ какъ она сказа
мнѣ объ отъѣздѣ Евстаѳа въ Испанію, а жаждала узнать
еще что-нибудь о мужѣ, что-нибудь такое что оживило
мою энергію подвергавшуюся столькимъ испытаніямъ. Я
же не знала думалъ ли мой мужъ обо мнѣ въ своемъ доб
вольномъ изгнаніи. Надѣяться что онъ уже раскаивается
своимъ опрометчивомъ разрывѣ со мной я еще не смѣла.

Лампа была зажжена и повѣшена между двумя передни
окнами. Мистрисъ Макалланъ достала письмо своего сы
Какое безразсудство можетъ сравниться съ безразсудство
любви? Я должна была сдѣлать большое усиліе надъ со
чтобы не поцѣловать листокъ бумаги къ которому прика
лась дорогая мнѣ рука.

— Читайте, сказала мнѣ моя свекровь. — Начните со вто
страницы и прочтите до конца, и Бога ради, дитя мое, об
зультесь пока не поздно.

Я начала съ указаннаго мѣста и прочла слѣдующее:
„Могу ли я рѣшиться написать Валеріи? Но не писат

ней выше моихъ силъ. Разкажите мнѣ какъ она себя чувствуетъ, что она дѣлаетъ. Я думаю о ней непрерывно, и не прохождть дня чтобъ я не оплакивалъ нашъ разрывъ. О, зачѣмъ не послушалась она меня? Зачѣмъ открыла она ужасную истину?

Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она говорила что прочтеть отчетъ. Прочла ли она его? Мнѣ кажется — я говорю совершенно искренно, матушка — мнѣ кажется что я умеръ бы отъ стыда и горя еслибы встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу послѣ того какъ она узнала о позорѣ который я вынесъ, о гнусномъ подозрѣннн которе было выражено противъ меня публично. Вообразите себѣ эти чистые глаза устремленными на человѣка который обвинялся (и дсшихъ поръ не оправданъ вполнѣ) въ самомъ низкомъ изъ гбйствѣ, и вообразите себѣ что долженъ почувствовать этотъ человѣкъ, если въ немъ сохранилась совѣсть и стыдъ, подъ такимъ взглядомъ. Мнѣ дѣлается дурно при одной мысли объ этомъ.

Все ли еще мечтаетъ она, бѣдный ангель, о неисполнимомъ предпріятіи которое было внушено ей ея безотчетнымъ, безграничнымъ великодушіемъ? Все ли еще вѣрить она въ возможность доказать мою невиновность? О, матушка, если она еще не отказалась отъ своихъ плановъ, употребите всѣ усилія чтобы заставить ее отказаться отъ нихъ. Избавьте ее отъ униженій, отъ разочарованій, отъ оскорбленій которымъ она можетъ подвергнутъ себя. Ради меня и ради нея не оставьте неиспытаннымъ ни одного средства которое можетъ помочь вамъ въ достиженіи этой цѣли.

Я не поручаю, я не смѣю поручить вамъ передать ей что-нибудь отъ меня. Когда увидите съ ней не говорите ничего такого что могло бы напомнить ей обо мнѣ. Напротивъ, помогите ей забыть обо мнѣ поскорѣе. Лучшее что я могу сдѣлать и единственное средство искупить сколько-нибудь мою вину предъ ней это сойти съ ея жизненной дороги.

Этими жалкими словами кончалось письмо. Я отдала его моей свекрови молча. Она тоже не расположена была говорить.

— Если это не обезкуражило васъ, то вы непоколебимы, сказала она медленно складывая письмо. — Не будемъ болѣе говорить объ этомъ.

Я не отвѣчала, я плакала подъ вуалемъ. Моя будущность

казалась мнѣ такою безотрадною, мой несчастный мужъ былъ въ такомъ упорномъ заблужденіи! Единственнымъ шансомъ на счастье для насъ обоихъ, единственнымъ утѣшеніемъ для меня несчастной было держаться моего намѣренія твердо чѣмъ когда-либо. Еслибъ я нуждалась въ какомъ-нибудь доказательствѣ которое укрѣпило бы меня въ этомъ мнѣніи и вооружило бы меня противъ возраженій всѣхъ моихъ друзей, письмо Евстаѳія было бы болѣе чѣмъ достаточнымъ доказательствомъ для этого. Мужъ не забылъ меня; онъ думалъ обо мнѣ непрерывно и каждый день оплакивалъ разрывъ со мною. Это было достаточнымъ поощреніемъ для меня. Если Аріэль прійдетъ за мной завтра, я отправлюсь съ Аріелемъ, рѣшила я.

Мистрисъ Макалланъ высадила меня у двери коттеджа Вениамина.

Я сказала ей при прощаніи — мой страхъ къ ней былъ настолько силенъ что заставилъ меня отложить это до последней минуты — что Мизерримусъ Декстеръ обѣщалъ прислать за мной на слѣдующій день въ ея домъ и спросила позволить ли она мнѣ придти къ ней или предпочтетъ прислать экіпажъ къ Вениамину. Въ отвѣтъ на это смѣлое заявленіе моихъ плановъ я ожидала вспышки негодованія; но была приятно изумлена обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Моя свекровь должно-быть дѣйствительно полюбила меня. Она отвѣчала мнѣ ласково:

— Если вопреки всему вы останетесь при своемъ намѣреніи отправиться опять къ Декстеру, я не допущу по крайней мѣрѣ чтобы вы отправились къ нему изъ моего дома. Но надѣюсь что вы не будете упорствовать, надѣюсь что вы образумитесь до завтра.

Завтра настало. Немного раньше полудня прибылъ кабріолетъ отъ мистера Декстера съ письмомъ отъ мистрисъ Макалланъ.

„Я не имѣю права препятствовать вамъ въ вашихъ дѣйствіяхъ“, писала мнѣ моя свекровь. „Исполняя ваше желаніе я посылаю къ вамъ кабріолетъ. Но я утѣшаю себя надеждой что вы не сядете въ него. Желала бы я убѣдить васъ, Велерія, какъ искренно я расположена къ вамъ. Я много думала о васъ въ бессонные часы нынѣшней ночи и вѣроятно поймете какъ тревожны были мои размышленія когда я сознаюсь вамъ что я теперь горько упрекаю себя въ томъ что

я не сдѣлала всего что сдѣловало сдѣлать чтобы помѣшать вашему браку, хотя я и сама не знаю что могла я сдѣлать кромѣ того что было мною сдѣлано. Мой сынъ сознался мнѣ что онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе подъ чужимъ именемъ, но онъ отказался сказать мнѣ подъ какимъ именемъ вы его знаете, отказался также сказать ваше имя и вашъ адресъ. Мнѣ сдѣловало можетъ-быть постараться узнать все это, итѣшаться и открыть вамъ истину, рискуя сдѣлать своимъ врагомъ роднаго сына. Но я была убѣждена что исполнила свой долгъ высказавъ что не одобряю вашего брака и отказавшись присутствовать при свадьбѣ. Не слыхомъ ли легко смотрѣла я на дѣло? Поздній вопросъ. Но для чего тревожу я васъ своими старческими сомнѣніями и сожалѣніями? Дитя мое, если съ вами случится какая-нибудь неприятность, я буду считать себя отчасти виноватою въ томъ. Это-то тревожное состояніе духа и заставляетъ меня писать къ вамъ. Не ѣздите къ Декстеру. Меня всю ночь мучило опасеніе что ваша поѣздка къ нему кончится дурно. Валерія, я увѣрена что вы раскаетесь если отправитесь къ нему."

Какъ ни прямы были эти предостереженія, какъ ни заботливы были эти совѣты, они пропали даромъ.

Доброта моей свекрови сильно тронула меня, однако ни мало не поколебала моей рѣшимости. Моимъ единственнымъ стремленіемъ теперь было отправиться къ Мизерримусу Декстеру и выпытать у него его мысли о причинѣ смерти мистрисъ Макалланъ. На эти мысли я смотрѣла какъ на путеводную звѣзду на моемъ темномъ пути. Я отвѣтила моей свекрови письмомъ въ которомъ выражала ей мою искреннюю благодарность и раскаяніе, потомъ вышла изъ дома чтобы сѣсть въ присланный за мною экипажъ.

ГЛАВА XXVII

Мистеръ Декстеръ дома.

Всѣ праздные окрестные мальчишки собрались вокругъ кабриолета и шумно выражали на своемъ непонятномъ жаргонѣ свои мнѣнія о наружности Аріэли въ ея мужской шляпѣ и мужскомъ сюртукѣ. Пони безлокопца, на него дѣй-

ствовавъ шумъ толпы. Его погонщица сидѣла съ бичомъ въ рукѣ величественно равнодушная къ шуткамъ и насмѣшкамъ которыми ее осыпали. Садясь въ кабриолетъ я сказала ей: — добраго утра, Ариэль. Она отвѣчала только: — влѣзайте.

Я рѣшилась совершить путь въ далекую сѣверную окраину города молча. Я знала по опыту что пытаться завести разговоръ съ моею спутницей было бесполезно. Не всегда однако можно полагаться на опытъ. Проѣхавъ около получаса молча, Ариэль поразила меня внезапнымъ вопросомъ.

— Знаете вы къ чему мы подѣвжаемъ? спросила она глядя прямо впередъ между ушами пони.

— Нѣтъ, я не знаю дороги, отвѣчала я, — къ чему же мы подѣвжаемъ?

— Мы подѣвжаемъ къ каналу.

— Такъ что же?

— Что же! Мнѣ хочется вывалить васъ въ каналъ.

Это грозное признаніе требовало объясненія. Я осмѣлилась спросить:

— Почему вамъ хочется вывалить меня въ каналъ?

— Потому что я ненавижу васъ, было откровеннымъ и хладнокровнымъ отвѣтомъ.

— Что я сдѣлала вамъ дурнаго? продолжала я расспрашивать.

— Какое вамъ дѣло до хозяина? спросила Ариэль съ своей стороны.

— Вы говорите о мистерѣ Декстерѣ?

— Да.

— Мнѣ нужно поговорить съ мистеромъ Декстеромъ.

— Не правда! Вамъ хочется занять мое мѣсто, вамъ хочется чесать его волосы и помазать его бороду.

Я начала понимать ее. Мысль которую Мизерримусъ Декстеръ шутя внушилъ ей наканунѣ медленно зрѣла въ ея умѣ и спустя лятнадцать часовъ, подъ раздражающимъ вліяніемъ моего присутствія, нашла исходъ въ словахъ.

— Я не имѣю никакого желанія касаться его волосъ и бороды, я предоставляю это вамъ, отвѣчала я.

Она взглянула на меня. Ея толстое лицо горѣло; глаза расширились отъ непривычнаго для нея усилія выражать свои мысли словами и понять то что говорили ей.

— Повторите ваши слова и скажите ихъ медленно, во-
клинула она.

Я повторила свой отвѣтъ и сказала его медленно.

— Клянитесь! воскликнула она горячась все больше и больше.

Я сохранила серьезность (въ отдаленіи виднѣлся каналъ) и покачалась.

— Довольны вы теперь? спросила я.

Отвѣта не послѣдовало. Ея словесные ресурсы истощились. Она устремила опять глаза впередъ, тяжело перевела духъ и не сказала мнѣ болѣе ни слова во весь остальной путь. Мы проѣхали по берегу канала и я осталась жива и невредима, проѣхали улицы, проѣхали обширные пустыри которые при дневномъ свѣтѣ казались еще пустыннымъ и безобразнымъ чѣмъ въ темнотѣ и наконецъ повернули въ узкій переулокъ и остановились у незнакомыхъ для меня воротъ, не у тѣхъ въ которыя мы входили наканунѣ. Отперевъ ворота ключомъ, Аріэль ввела пони на дворъ стараго дома Мизерримуса Декстера. Пони отправился одинъ въ свою конюшню, таща за собой кабриолетъ. Я послѣдовала за моею безмолвною спутницей, которая провела меня чрезъ темную закопченную кухню и чрезъ каменный корридоръ въ заднюю часть той самой прихожей въ которой я была наканунѣ. Тутъ Аріэль подняла къ губамъ свистокъ вистѣвшій на ея шеѣ, издала нѣсколько рѣзкихъ, дрожащихъ нотъ которыя были уже мнѣ знакомы какъ сигналъ между ею и ея хозяиномъ и принудила себя сказать свои послѣднія слова.

— Ждите здѣсь пока не услышите свистка, потомъ идите на верхъ.

Вотъ какъ! Я должна была какъ собака локоряться свисту! Не объяснить ли Аріэль такое странное распоряженіе какою-нибудь уважительною причиною? Ничего подобнаго. Она повернулась ко мнѣ своею неуклюжею спиной и исчезла чрезъ заднюю дверь.

Подождавъ минуту или двѣ и не слыша сигнала, я вышла на среднюю прихожую чтобы взглянуть на картины которыя я замѣтила, но не могла разглядѣть наканунѣ. Надпись на карнизѣ подъ самымъ потолкомъ, написанная нѣсколькими красками, уведомила меня что картины на стѣнахъ были произведеніями всеобъемлющаго генія Мизерримуса Декстера. Поэтъ и композиторъ, онъ былъ также и живописцемъ. Картины на одной стѣнѣ были названы изображеніями

страстей, картины на противоположной стѣнѣ эпизодами изъ жизни Вѣчнаго Жиды. Случайные зрители, какъ я на-примѣръ, предуведомлялись посредствомъ надписи, что на картины слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведенія чистой фантази. „Люди желающіе видѣть въ искусствѣ отраженіе природы (гласила надпись), суть люди къ которымъ Декстеръ не обращается своею кистью. Онъ полагается исключительно на свое воображеніе. Природа противна ему.“

Постаравшись отдѣлаться отъ всѣхъ представленій о природѣ, я начала разсматривать картины изображавшія страсти.

Какъ ни была я невѣдуща въ живописи, но я поняла что Мизерримусъ Декстеръ зналъ еще меньше чѣмъ я объ основныхъ правилахъ этого искусства. Его картины были пачкотней въ самомъ прямомъ значеніи этого выразительнаго слова. Необузданная страсть живописца къ изображенію ужаснаго была главною особенностью его произведеній.

Первая изъ картинъ изображавшихъ страсти представляла Мечь. На берегу пѣнящейся рѣвки, лодъ тѣнью гигантскаго дерева, лежало мертвое тѣло въ фантастическомъ костюмѣ Разъяренный человекъ, также въ фантастическомъ костюмѣ, стоялъ надъ тѣломъ и поднявъ мечъ къ туманному небу смотрѣлъ съ отвратительнымъ наслажденіемъ на кровь только-что убитаго имъ человекъ струившуюся крупными красными каплями по широкому клинку его оружія. Слѣдующая картина, раздѣленная на нѣсколько отдѣленій, изображала Жестокость. Въ одномъ изъ отдѣленій всадникъ варварски шлорилъ лошадь, въ другомъ престарѣлый ученый вскрывалъ живую кошку и наслаждался своимъ дѣломъ, въ третьемъ два язычника учтиво поздравляли другъ друга съ мученіемъ двухъ святыхъ: одинъ изъ святыхъ жарился на желѣзной рѣшеткѣ, съ другаго, висѣвшаго вверхъ ногами на деревѣ и еще живаго, сдирали кожу. Потерявъ послѣ этихъ обращиковъ всякую охоту разсматривать изображенія страстей, я перешла къ противоположной стѣнѣ чтобы познакомиться съ приключеніями Вѣчнаго Жиды. Тутъ другая надпись дала мнѣ знать что живописецъ считалъ Летящаго Голландца никѣмъ инымъ какъ Вѣчнымъ Жидомъ. Кистью Декстера были изображены морскія приключенія этого загадочнаго лица. Первая картина представляла гавань у скалистаго берега. Въ гавани стоялъ

корабль съ кормчимъ на палубѣ. Море было черно и взволновано, небо покрыто тяжелыми тучами освѣщенными широкими молніями. При свѣтѣ молніи смутно видѣлся въ отдаленіи Корабль Призракъ приближавшійся къ берегу. Какъ ни плохо была нарисована эта картина, въ ней были дѣйствительно признаки сильнаго воображенія и даже поэтической фантазіи. Слѣдующая картина представляла Корабль Призракъ остановившійся (къ ужасу и удивленію кормчаго) рядомъ съ дѣйствительнымъ кораблемъ. Жидъ высадился на берегъ. Лодка его стояла у пристани. Его свита, маленькіе блѣдные люди въ черныхъ погребальныхъ костюмахъ, сидѣли молча на скамьяхъ лодки съ веслами въ длинныхъ, худыхъ рукахъ. Жидъ, также въ черномъ, стоялъ на берегу поднявъ съ мольбой глаза и руки къ бурному небу. Дикія земныя и водяныя твари — тигръ, носорогъ, крокодилъ, морская змѣя, акула, окружали обреченнаго скитальца мистическимъ кругомъ. Молнія прекратилась. Море и небо совсѣмъ почернѣли. Сцена была освѣщена только слабымъ, мерцающимъ свѣтомъ факела карающаго духа, парившаго надъ Жидомъ на распростертыхъ крыльяхъ. Какъ ни странна была эта картина по концепціи, я должна сознаться что она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Таинственная тишина въ домѣ и мое странное положеніе имѣли также мѣняніе на состояніе моего духа. Когда я все еще смотрѣла на картину, раздался рѣзкій свистъ. Нервы мои были такъ разстроены что я вздрогнула и вскрикнула отъ испуга. Съ минуту я готова была убѣжать. Мысль пойти одной къ человеку нарисовавшему страшныя картины привела меня въ ужасъ. Я сѣла на стулъ. Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ я начала успокоиваться и чувствовать себя опять самою собою. Свистокъ прозвучалъ вторично, въ этотъ разъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Я встала и поднялась по широкой лѣстницѣ во второй этажъ. Отступивъ теперь я уронила бы себя въ собственномъ мѣшани. Но сердце мое билось сильнѣе обыкновеннаго когда я подходила къ двери круглой комнаты и я должна признаться что въ эту минуту я живо сознавала неосторожность моего поступка.

Надъ каминомъ круглой комнаты висѣло зеркало. Какъ ни была я разстроена, но я остановилась на минуту чтобы взглянуть на свое лицо.

Коверъ закрывавшій дверь былъ приподнятъ. Какъ ни

тихо я шла, но собачій слухъ Мизерримуса Декстера уловилъ шелестъ моего платья. Прекрасный теноровый голосъ который я слышала наканунѣ крикнулъ мягко:

— Это вы, мистрисъ Валерія? Не ждите тамъ, входите.

Я вошла въ слѣдующую комнату.

Кресло на колесахъ подвинулось ко мнѣ на встрѣчу медленно и тихо. Мизерримусъ Декстеръ медленно протянулъ мнѣ руку. Голова его была задумчиво склонена на сторону, большіе, голубые глаза смотрѣли на меня жалобно. Ничто теперь не напоминало въ немъ бѣснующагося, кричащаго существа которое наканунѣ было въ одну минуту Наполеономъ, въ другую Шекспиромъ. Мистеръ Декстеръ утромъ былъ кроткимъ, задумчивымъ, грустнымъ существомъ походившимъ на вечерняго Декстера только изысканною странностью костюма. Его верхнее платье въ этотъ разъ было розовое шелковое, покрывало скрывавшее его уродство было блѣднозеленое атласное, на его манжетахъ были надѣты массивные золотые браслеты скопированные со строго-простыхъ образцовъ дошедшихъ до насъ отъ древнихъ временъ.

— Какъ вы добры что пришли развеселить и ободрить меня, сказалъ онъ грустнымъ, музыкальнымъ тономъ. — Я одѣлся для васъ въ мой лучшій костюмъ. Не удивляйтесь. За исключеніемъ не благороднаго, матеріальнаго девятнадцатаго столѣтія, мужчины какъ и женщины всегда носили дорогія матеріи и яркіе цвѣта. Сто лѣтъ тому назадъ джентльменъ въ розовой шелковой одеждѣ былъ прилично одѣтымъ джентльменомъ. Пятнадцать столѣтій тому назадъ патриціи классическихъ временъ носили точно такіе браслеты какъ мои. Я презираю грубое пренебреженіе къ красотѣ и низкую скудость ограничивающіе костюмъ современнаго джентльмена чернымъ сукномъ, а украшенія современнаго джентльмена перстнемъ. Я люблю казаться сіяющимъ и красивымъ, въ особенности когда блескъ и красота приходятъ навѣстить меня. Вы не можете себя представить какъ я радъ вамъ. Нынѣшній день одинъ изъ моихъ грустныхъ дней. Слезы выстулають у меня на глазахъ, я вздыхаю и грущу о своей участи, я жажду сочувствія. Подумайте что я такое? Я одинокое созданіе жестоко обиженное природой. Какъ печально! какъ ужасно! Мое любящее сердце бесполезно, мои необычные таланты пропадають даромъ. Грустно, грустно, грустно! Пожалуйте меня.

Глаза его действительно наполнились слезами, слезами сожалѣнія о самомъ себѣ. Онъ говорилъ со мной и смотрѣлъ на меня съ калризною мольбой больнаго ребенка. Я рѣшительно не знала что мнѣ дѣлать, я никогда въ жизни не была въ такомъ затруднительномъ положеніи.

— Пожалуйте меня пожалуста, повторилъ онъ. — Не будьте жестоки ко мнѣ. Я прошу не многого. Милая мистрисъ Валерія, скажите только что вы жалуете меня.

Я сказала что жалѣла его и при этихъ словахъ почувствовала что покраснѣла.

— Благодарю васъ, сказалъ Мизерримусъ Декстеръ смиренно. — Ваши слова принесли мнѣ облегченіе: Сдѣлайте немного больше. Поласкайте мою руку.

Какъ ни старалась я владѣть собою, но послѣдняя просьба, выраженная совершенно серьезно, показала мнѣ до такой степени смѣшно что я не могла не расхохотаться.

Мизерримусъ Декстеръ взглянулъ на меня съ непритворнымъ изумленіемъ и этимъ насмѣшилъ меня еще болѣе. Не оскорбила ли я его? Повидимому ни мало. Оломнившись отъ изумленія, онъ опустилъ голову на спинку кресла съ выраженіемъ человѣка внимательно слушающаго. Когда я кончила смѣяться, онъ поднялъ голову, захолопалъ своими красивыми бѣлыми руками и воскликнулъ все тѣмъ же дѣтски калризнымъ тономъ:

— Посмѣйтесь еще! Милая мистрисъ Валерія, у васъ музыкальный смѣхъ, у меня музыкальный слухъ. Посмѣйтесь еще.

Но я ни мало не расположена была теперь смѣяться.

— Мнѣ стыдно за себя, мистеръ Декстеръ, сказала я. — Простите меня пожалуста.

Онъ не отвѣтилъ: я сомнѣваюсь что онъ меня слышалъ. Онъ повидимому уже поддался новому впечатлѣнію. Онъ глядѣлъ пристально на мое платье (какъ мнѣ казалось) и былъ занятъ какими-то важными размышленіями.

— Мистрисъ Валерія, воскликнулъ онъ внезапно, — вамъ не покойно на этомъ стулѣ.

— Извините, возразила я, — мнѣ здѣсь очень покойно.

— Извините меня, возразилъ онъ. — Въ концѣ комнаты есть плетеный индійскій стулъ который будетъ гораздо удобѣе для васъ. Простите вы меня если я попрошу васъ привести его самой? У меня есть на это причина.

Какую новую эксцентричность замышлялъ онъ? Я встала и принесла стулъ. Возвращаясь къ Декстеру я замѣтила что онъ былъ занятъ попрежнему разсматриваніемъ, какъ мнѣ казалось, моего платья. И что еще страннѣе, мое платье почему-то очевидно заинтересовало и смутило его.

Я поставила стулъ возлѣ него и готова была сѣсть когда онъ далъ мнѣ новое порученіе.

— Сдѣлайте мнѣ величайшее одолженіе, сказалъ онъ.—Въ концѣ комнаты на стѣнѣ виситъ экранъ соотвѣтствующій стулу. Мы сидимъ близко отъ огня. Экранъ будетъ полезенъ вамъ. Простите меня опять что я заставляю васъ принести его самой. Я имѣю на это причину.

Опять причина, и въ этотъ разъ онъ произнесъ это слово съ особеннымъ удареніемъ. Любопытство сдѣлало меня покорною рабой его капризовъ. Я принесла экранъ. Возвращаясь къ нему я замѣтила что глаза его были устремлены на мое простое платье все съ тѣмъ же страннымъ выраженіемъ интереса и грусти.

— Благодарю васъ тысячу разъ, сказалъ онъ.—Вы уязвили мое сердце сами того не подозревая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы были невыразимо добры ко мнѣ. Обѣщаете ли вы простить меня если я скажу вамъ правду?

Онъ хотѣлъ объясниться. Я никогда въ жизни не давала обѣщанія такъ охотно какъ въ этотъ разъ.

— Я былъ такъ грубъ что заставилъ васъ принести самой стулъ и экранъ, сказалъ онъ.—Боюсь что причина побудившая меня къ тому покажется вамъ странной. Замѣтили ли вы что я слѣдилъ за вами очень внимательно, можетъ-быть даже слишкомъ внимательно, когда вы ходили по комнатѣ?

— Да, отвѣчала я.—Мнѣ показалось что вы смотрѣли на мое платье.

Онъ покачалъ головой съ горькимъ вздохомъ.

— Нѣтъ, не на платье. И не на лицо. Платье ваше темно, лицо ваше все еще чужое для меня. Нѣтъ, милая мистрисъ Валерія, я смотрѣлъ на вашу походку.

На мою походку? Что хотѣлъ онъ сказать? Куда забрелъ его блуждающій умъ?

— Вы обладаете даромъ рѣдкимъ между Англичанками, продолжалъ онъ.—Вы ходите хорошо. Она ходила хорошо.

Я не могъ преодолѣть побужденія полюбоваться ею смотря на васъ. Я видѣлъ ея походку, ея простую, безыскусственную грацію (не вашу), когда вы ходили по комнатамъ. Вы воскресили ее когда привесли стулъ и экранъ. Извините меня что я безлокоизлъ васъ; идея была невинна, побужденіе было священно. Вы огорчили и восхитили меня. Сердце мое обливається кровью и благодарить васъ.

Онъ замолчалъ на минуту, опустилъ голову на грудь, потомъ внезапно подыаялъ ее олять.

— Вѣдь вы говорили вчера о ней, не правда ли? спросилъ онъ. — Что вы сказали? У меня безпорядочная память, я половину помню, половину забываю. Напомните мнѣ что вы сказали? Вы не сердитесь на меня?

Я можетъ-быть разсердилась бы на другаго челоуѣка, но не на него. Телерь, когда онъ добровольно заговорилъ о первой женѣ Евстафія, я была слишкомъ заинтересована чтобы сердиться на него.

— Мы говорили, отвѣчала я, — о смерти мистрисъ Макаланъ, и мы сказали другъ другу...

Онъ порывисто наклонился ко мнѣ.

— Помню, помню, воскликнулъ онъ. — Я былъ удивленъ и спросилъ васъ почему васъ интересуеть тайна ея смерти. Скажите мнѣ. Довѣрьтесь мнѣ. Я горю нетерпѣніемъ узнать это.

— Тайна ея смерти даже васъ не можетъ интересовать такъ какъ интересуеть меня, отвѣчала я. — Отъ открытія этой тайны зависитъ счастье всей моей жизни.

— Боже милостивый! Что это значить? воскликнулъ онъ. — Подождите. Я начинаю волноваться. Этого не должно быть. Я долженъ сохранить всю ясность моего ума, я не долженъ увлекаться. Дѣло слишкомъ серьезно. Подождите минуту.

На ручкѣ его кресла висѣла изящная корзинка. Онъ открылъ ее и вынулъ неоконченную полоску вышиванія со всѣми необходимыми для шитья принадлежностями. Мы посмотрѣли другъ на друга. Онъ замѣтилъ мое удивленіе.

— Женщины, сказалъ онъ, — благоразумно принимаются за шитье когда хотятъ успокоиться и подумать на свободѣ. Почему мужчинамъ пренебрегать этимъ успокоительнымъ средствомъ сохраняющимъ твердость нервовъ и ясность ума?

Я слѣдую благоразумному примѣру женщины. Позвольте мнѣ успокоиться, мистрисъ Валерія.

Онъ серьезно расправилъ работу и началъ вышивать терпѣливѣе и сосредоточенностью искусной швеи.

— Теперь я готовъ слушать васъ, сказалъ онъ. — Вы будете говорить, я буду вышивать. Начинайте пожалуйста.

Я повиновалась и начала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛОГИКА КАКЪ ПРОПЕДЕВТИКА ФИЛОСОФІИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ

Παρά νέψ μερακίῳ ὀρίν φιλοσοφίαν δῆμαι.
Вида юношу за философій, а восхищаюсь.

Платонъ *Горг.* 486 с.

I.

Учебная реформа нашихъ гимназій тѣмъ особенно важна для будущихъ успѣховъ русской образованности что она поставила ихъ какъ школы общаго образованія ума, подготавлиющія къ факультетскому образованію въ университетѣ. До реформы, программы ученія въ нашихъ гимназіяхъ были по большей части чѣмъ-то въ родѣ обрѣзанныхъ, укороченныхъ программъ наукъ университетскихъ, какъ это сохранилось еще и доселѣ въ преподаваніи нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ въ такъ-называемыхъ гимназіяхъ военнаго вѣдомства и въ нѣкоторыхъ женскихъ училищахъ. Доходило, какъ извѣстно, дѣло до того что гимназическое ученіе дѣлилось на своего рода спеціальности и было какъ бы миниатюрнымъ факультетскимъ образованіемъ; но въ то же время прохожденіе факультетскихъ наукъ не было и не могло быть продолженіемъ или расширеніемъ такого гимназическаго образованія, ибо для правильнаго факультетскаго образованія, отъ того кто его проходитъ безусловно требуется

развитая способность научнаго мышленія. Потому, при томъ контингентѣ какой доставляли доселѣ университетамъ наши гимназїи, самое образованіе въ университетахъ естественно должно было находиться на низкомъ научномъ уровнѣ, или мельчать въ отрывочныхъ спеціальностяхъ, лишенныхъ всякаго характера строгаго ученаго дѣла.

Люди мыслящіе, знающіе цѣну вещамъ и явленіямъ по ихъ внутреннему смыслу, а не по случайному складу ихъ въ порядкѣ времени и въ ряду другихъ вещей и явленій, всегда старались спасти школу отъ того соблазна многопредметности въ который вовлекала ее окружающая среда. Такъ еще и въ то время когда науки заключенныя большею частію въ своихъ начаткахъ естественно стояли во взаимномъ единеніи, Платонъ понималъ опасность которая грозитъ истинному образованію разума отъ разрозненнаго множества знаній, и потому совѣтовалъ вести дѣло образованія такъ чтобы разнообразныя свѣдѣнія приобретаемыя учениками уяснялись имъ потомъ въ ихъ взаимной родственной связи и въ отношеніи къ природѣ истинно сущаго (*О государствѣ*, стр. 536). Хотя, по мнѣнію Платона, эта задача рѣшается въ педагогїи преимущественно чрезъ введеніе въ систему ученія диалектики или логики, но несомнѣнно что въ ней выражается и та идея педагогїи которая извѣстна подъ именемъ конденсаціи учебныхъ занятій въ школѣ. Впрочемъ есть еще болѣе древнее выраженіе этой педагогической идеи въ словахъ Гераклита что „многоученіе уму не научаетъ“.

Нельзя, такимъ образомъ, достаточно похвалить реформу нашихъ гимназій, за то что она концентрировала занятія учащихся по одному плану и къ одной цѣли, за то что она поняла эту цѣль какъ общее образованіе мыслящаго и познающаго духа. Нужна была большая свобода духа и много ясности умственнаго сознанія чтобъ отстоять ученую школу отъ фальшивыхъ требованій, и спасти ее для высшихъ цѣлей духа. Нельзя не замѣтить однако что еще не мало труда предстоить надъ нашей школой въ этомъ направленіи. Главнѣйше нужно заботиться о томъ чтобы достоинство этого направленія школы было предметомъ убѣжденія для всѣхъ ея дѣятелей въ равной мѣрѣ, чтобы всѣ учителя дѣйствовали такимъ образомъ въ одномъ направленіи, взаимно помогая другъ другу и не забывая никогда великой мысли Платона о родственной связи всѣхъ наукъ

Логика какъ пропедевтика философіи въ гимназіяхъ. 205
въ идеѣ истины. Только при этомъ складѣ школьнаго дѣла, только при такомъ направленіи труда учителей въ нашей ученой школѣ, она въ состояніи будетъ доставить своимъ питомцамъ истинное духовное развитіе, то-есть ту зрѣлость ума и воли къ которой тщетно стремились наши гимназіи, стараясь развивать свою дѣятельность по путямъ какъ можно болѣе разнообразнымъ и разнороднымъ, все дальше и дальше отъ тѣхъ глубокихъ основъ знанія которыми условливается родственная связь всѣхъ наукъ.

Для цѣлей развитія умственныхъ силъ учащихся до той степени зрѣлости которая обезпечиваетъ плодотворное приращеніе ихъ ко всякой дѣятельности однимъ изъ важныхъ орудій представляется философская пропедевтика, введенная у насъ въ систему гимназическаго ученія въ формѣ элементарной логики.

II.

Такъ какъ гимназія всюду разсматривается какъ ученая школа приготавливающая къ университету, и такъ какъ философское образованіе должно существенно характеризовать собою университетское образованіе, то нѣчто философское приличествуетъ и гимназіи. Это нѣчто, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть философіей въ собственномъ смыслѣ: оно должно быть только нѣкоторымъ приготовленіемъ къ философскому образованію, пропедевтикой философіи. Конечно, въ каждомъ предметѣ гимназическаго преподаванія и въ особенности въ изученіи классической литературы, всегда найдутся элементы годные быть элементами философіи для юношей, но такой способъ ознакомленія учащихся съ элементами философіи не можетъ считаться достаточнымъ. Посему философская пропедевтика должна быть, въ той или другой формѣ, поставлена въ систему гимназическаго ученія какъ самостоятельный предметъ общаго ученаго образованія. И дѣйствительно, какъ прежде такъ и въ наше время, всѣ наиболѣе значительные школовѣды стараются не лишать гимназическое образованіе той закрѣпы которую оно находитъ въ ознакомленіи гимназическаго юношества съ начатками философіи.

Но при всемъ единодушіи педагогіи по вопросу о необходимости и важности философскаго элемента въ гимназическомъ образованіи, нельзя того же сказать относительно вопроса о томъ въ какомъ видѣ или подъ формою какой философской науки, долженъ быть введенъ философскій элементъ въ гимназическую программу. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ различіемъ во взглядахъ которое, по нашему мнѣнію, существенно зависитъ не столько отъ различія возрѣвнн на самую задачу, сколько отъ различнаго пониманія общаго образовательнаго значенія разныхъ философскихъ дисциплинъ. Впрочемъ, если мы обратимся къ исторіи, то скоро убѣдимся что логика всегда признавалась тою философскою дисциплиною которая наиболее всякой другой пригодна для общихъ цѣлей гимназическаго образованія. Такъ Платонъ, какъ мы уже видѣли, дисциплиною закрѣпляющею *общее* образованіе признавалъ діалектику — науку которая, вообще говоря, можетъ вполне соответствовать нашей логикѣ. Того же самаго мнѣнія былъ въ этомъ случаѣ и Аристотель. Во взглядѣ Аристотеля на занимающій насъ предметъ, особенно интересно то что онъ сближаетъ діалектику (логику) съ риторикою, въ томъ отношеніи что обѣ онѣ, по его мнѣнію, имѣють своимъ содержаніемъ вѣчто общее (формы мышленія и формы рѣчи) находящее себѣ мѣсто во всѣхъ наукахъ, а не что-либо отдѣльное. При семъ онъ говоритъ о пользѣ этой науки въ троякомъ отношеніи 1) для упражненія разума въ мышленіи, такъ какъ владѣніемъ методою мы удобнѣе можемъ рѣшать всякаго рода умственныя задачи; 2) для развитія самостоятельности въ мышленіи такъ какъ діалектика требуетъ отъ всякаго кто руководителею собственнаго сужденія, и 3) какъ пропедевтика философскихъ наукъ, такъ какъ она знакомитъ съ общими началами всякаго знанія. (Толики. А. 101. а. 26—35). Такимъ образомъ педагогическое значеніе логики или діалектики отличо указано Платономъ и Аристотелемъ въ томъ что она есть дисциплина закрѣпляющая формально разнородныя свѣдѣнія въ единствѣ ученаго сознанія, и въ томъ что она служитъ для разума вѣрнѣйшимъ путемъ отъ низшаго познанія къ высшему, къ усвоенію принциповъ всякой сферы знанія или что то же, всякаго спеціальнаго, факультетскаго образованія.

Возрѣніе Платона и Аристотеля на логику какъ на дисциплину руководящую къ развитію ученаго мышленія имѣло всю силу на практикѣ въ прежней латинской европейской школѣ. Знаменитый Меланхтонъ самъ составилъ *Elementa Rhetorices* и *Erroremata Dialectices* — учебники, которые въ XVI и XVII столѣтіяхъ находили себѣ обширное употребленіе въ нѣмецкихъ школахъ. Въ томъ же педагогическомъ планѣ составлены были и употреблялись въ нѣмецкихъ гимназіяхъ учебники: Будде (*Logica et Ethica cum reliquis partibus Philosophiae Fundamentalis*), Эрнеста (*Institutiones Logicae*), Виттенбаха (*Praecepta Philosophiae Logicae*) и другіе. Но съ эпохи Канта гимназическая педагогія стала клониться къ тому чтобъ исключить изъ гимназіи всякое преподаваніе философіи, и дать большее развитіе другимъ учебнымъ предметамъ. Нынѣ однако западная школа возвращается къ прежнимъ преданіямъ и вновь даетъ въ себѣ мѣсто философской пропедевтикѣ, которая впрочемъ расширяется иногда въ своемъ объемѣ уроками опытной психологіи и даже нѣкоторыми отрывками изъ исторіи философіи.

Въ этомъ отношеніи интересно мнѣніе Гербарта, которое мы впрочемъ никоимъ образомъ не считаемъ руководящимъ для гимназической педагогіи. Въ статьѣ своей *Über den Unterricht in der Philosophie auf Gymnasien*, Гербартъ требуетъ чтобъ учитель, которому предстоитъ преподавать въ гимназіи философскую пропедевтику (и который самъ предполагается вовсе не философомъ), читалъ прежде всего Локка и сосредоточившись на тѣхъ мѣстахъ его сочиненій гдѣ онъ наиболее силенъ, усвоилъ бы ихъ себѣ, и затѣмъ сообщалъ бы это своимъ ученикамъ въ ясныхъ представленіяхъ. Рекомендуя затѣмъ логику какъ предметъ пригодный для философской пропедевтики, и совѣтуя учителю снабжать логическія правила разнообразными примѣрами, Гербартъ продолжаетъ: „Остается еще нѣчто самое трудное что на дѣлѣ однако есть самое легкое, именно обзоръ исторіи философіи. Въ этой исторіи встрѣчаются, конечно, многія части которыя останутся совершенно непонятными ученику, напримѣръ ученіе Элеатовъ и Спинозы, интеллекція и предустановленная гармонія. Но пусть такъ онъ и не узнаетъ отсюда ничего кромѣ собственнаго незнанія; пусть онъ узнаетъ что мужи величайшаго ума стали знамениты чрезъ такія изслѣдованія и положенія къ уразумѣнію которыхъ ему не даютъ ключа ни Локкъ, ни

Цицеронъ, ни логика, ни математика, ни филологія.“ Эти уроки философа, школа котораго оказала несомнѣнные услуги современной педагогичѣ, не были, сколько намъ извѣстно, приимѣнены во всей силѣ ни въ одной гимназіи, ибо задача дать ученику нѣчто понять чрезъ возбужденіе сознанія о нелогичности имъ этого, очевидно, не можетъ быть предпринята безъ риска подорвать школьное ученіе. Преподаваніе опытной психологіи входитъ и теперь въ гимназическую программу въ большей части австрійскихъ гимназій. Что же касается собственно до Германіи, то въ ней, особенно въ сѣверной ея части, гимназическая педагогія гораздо строже, по видимому, держится старыхъ преданій, допуская въ гимназію только логику. Хотя нельзя не замѣтить что въ нѣмецкой ученой школѣ преподаваніе этого предмета не имѣетъ еще и доселѣ всюду прочнаго права гражданства, но тѣмъ не менѣе сама ученая школа, въ лицѣ лучшихъ знатоковъ ея дѣла, какъ на примѣръ: Тренделенбурга, Лева, Керна и др., всегда убѣдительно отстаивала элементарную логику какъ необходимый предметъ гимназическаго ученія.

Итакъ, на логику мы можемъ смотрѣть какъ на такую философскую дисциплину которая во всю исторію общаго учебнаго образованія, начиная съ Платона и Аристотеля до нашихъ дней, считается наиболѣе пригодною для ознакомленія чрезъ нее учениковъ гимназій съ элементами философіи. Въ силу этого и для той же цѣли, она принята теперь и въ нашихъ гимназіяхъ. Но если въ исторіи гимназическаго образованія въ Европѣ были и есть еще школы въ которыхъ, для достиженія указанной цѣли, вмѣстѣ съ логикой имѣютъ мѣсто и другія философскія науки, то въ свою очередь существуетъ также не малая разница во взглядѣ какъ на цѣль этой науки вообще, такъ и на методу преподаванія ея въ гимназіяхъ.

III.

Выше было сказано что Платонъ и Аристотель превосходно изъяснили педагогическое значеніе логики какъ науки которая должна доставить разуму упражненіе въ правильномъ мышленіи, и такимъ образомъ организовать его для самостоятельности при дальнѣйшемъ занятіи науками. Эта идея рѣзко выражена Аристотелемъ въ понятіи о методѣ которую должна доставить мышленію логика.

Значеніе методы для каждой науки сознается теперь всеми, такъ что это понятіе стало въ наше время, можно сказать, какимъ-то даже моднымъ выраженіемъ. Пока въ наукѣ господствовало такое педагогическое воззрѣніе на логику, она разсматривалась какъ *ars veritatis* (*l'art de vérité*), какъ наука объ истинномъ познаніи, и къ изученію ея обращались какъ къ средству развитію въ мышленіи правильную методу познанія.

Здѣсь не мѣсто изяснять судьбу занимающаго насъ воззрѣнія на логику. Замѣтимъ только что оно было раздѣляемо такими великими авторитетами въ философіи какъ Баконъ, Декартъ, Лейбницъ, Вольфъ и Локкъ. Но нельзя при этомъ не обратить вниманія на одно сочиненіе, которое въ теченіе очень долгаго времени имѣло значительное и благотворное вліяніе на преподаваніе логики въ европейской школѣ, которое не осталось, кажется, безъ послѣдствій и для воспитанниковъ нѣкоторыхъ нашихъ школъ, сколько мы можемъ судить объ этомъ по живущимся у насъ запискамъ по логикѣ, обращавшимся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Мы говоримъ о логикѣ Поръ-Ройяля (*La logique de Port-Royal*), сочиненіи анонимномъ (см. Barbier *Dictionnaire des ouvrages anonymes*), которое обыкновенно и доселѣ издается безъ имени автора, хотя извѣстно что оно принадлежитъ двумъ французскимъ ученымъ вышедшимъ изъ школы Декарта, такъ-называемымъ ясенистамъ, Арнольду († 1694) и Николу († 1695). Первое изданіе этой логики было въ 1662 году въ Парижѣ, а послѣднее также въ Парижѣ въ 1865 году. Въ продолженіе двухъ столѣтій, сочиненіе это издавалось нѣсколько разъ, было переведено почти на всѣ европейскіе языки и породило много подражаній и составленныхъ по немъ руководствъ. Въ предварительной статьѣ (*discours*) помѣщаемой въ изданіяхъ этой книги, разсуждается о задачѣ и значеніи логики въ дѣлѣ общаго образованія ума. „Наиважнѣйшая задача нашего умственного образованія должна состоять въ развитіи сужденія. Обыкновенно пользуются разумомъ какъ средствомъ для приобрѣтенія познаній, между тѣмъ какъ слѣдовало бы пользоваться знаніями для усовершенствованія разума. Правильное мышленіе, въ дѣлѣ образованія неизмѣримо выше всякаго рода познаній. Неправильность мышленія не есть только причина ошибокъ въ наукахъ, но и

въ жизни: несправедливыя сѣтованія, неосновательныя процессы, безразсудныя совѣты, дурныя примѣры и т. л., все это имѣетъ очень часто свой источникъ въ какой-нибудь ошибкѣ сужденія. Для развитія мышленія путемъ изученія логики существенно чтобы логика въ преподаваніи не была отдѣляема отъ другихъ наукъ; напротивъ, она должна быть сближаема съ ними чрезъ заимствованіе отъ нихъ такихъ примѣровъ въ которыхъ бы изучающій логику уразумѣвалъ практическое значеніе теоретическихъ ея правилъ. Такимъ образомъ логика, какъ искусство мышленія, есть практическое руководство употребленія разума въ познаніи.“ Практической характеръ дѣйствительно лежитъ на всѣхъ статьяхъ логики Поръ-Ройяля. Она имѣетъ своею задачей разъяснить законы мышленія и научить тѣмъ правиламъ которыми должно руководиться при познаніи. Цѣль ея укрѣпить разумъ въ его дѣятельности, дать ему силу овладѣть матеріаломъ подлежащимъ познанію. Согласно этому взгляду, логика есть именно та дисциплина которою желательно завершать общее учебное образованіе, имѣющее главнѣйшею цѣлью, какъ выразился директоръ одной нѣмецкой гимназій, во всякомъ случаѣ „können“, а не „wissen“.

Говоря вообще, европейская ученая школа, въ преподаваніи логики для цѣлей общаго образованія, долго держалась методы логики Поръ-Ройяля, методы хотя нѣсколько измененной, но все же въ сущности согласной со взглядами Аристотеля на педагогическую задачу этой науки. Въ школѣ Лейбница и Вольфа логика постоянно удерживала на себѣ характеръ практическаго руководства *dirigendi facultatem cognoscitivam in cognoscenda veritate* (то-есть направленія познавательной способности въ познаніи истины), какъ опредѣляетъ логику Вольфъ. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія на логику составлены извѣстные учебники Баумгартена, Баумейстера, Мейера и другіе, которые долгое время вращались въ обиходѣ европейской школы и которые въ переводахъ или передѣлкахъ употреблялись и въ нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наилучшее же педагогическое примѣненіе эта метода общаго логическаго образованія имѣетъ въ превосходномъ трудѣ профессора Тренделенбурга: *Elemente logicae Aristoteleae*.

Критическая философія Канта, овладѣвшая умами, значительно ослабила тѣ живыя преданія философскаго образо-

ванія которыя связывали доселѣ европейскую ученую школу съ уроками Аристотеля. Кантъ, отдавшійся метафизическому критицизму, призналъ логику неподвижною наукою, утверждая что со времени Аристотеля она не подвинулась ни на шагъ впередъ и не могла подвинуться, такъ какъ, отвлекаясь отъ предметовъ подлежащихъ знанію и ихъ различій, она имѣетъ дѣло только съ формами разсудка. Если эти формы выяснены однажды Аристотелемъ, то далѣе уже дѣлать нечего; можно только повторять одно и то же.

Повидимому, такое воззрѣніе на логику должно было упрочить за нею мѣсто общеобразовательнаго предмета въ гимназіяхъ; но на самомъ дѣлѣ большинство этихъ учебныхъ заведеній, подъ вліяніемъ воззрѣній Канта, совершенно исключили всякій элементъ философіи. Прежде всего, конечно, педагогія не могла связать своего дѣла съ такимъ направленіемъ философской мысли которое требуетъ твердаго устоя въ развитомъ уже сознаніи, для того чтобы не ринуться въ бездну; но въ то же время педагогія не считала возможнымъ примѣнить къ своей задачѣ умственнаго развитія ознакомленіе учащихся съ тѣмъ скелетомъ разсудка какой представляетъ логика въ системѣ философскихъ наукъ по Канту. Въ самомъ дѣлѣ, идея *руководства* къ познанію истины, которой держалась доселѣ педагогія въ преподаваніи логики, должна повидимому быть устранена изъ курса формальной логики: изъ практической дисциплины, способной укрѣпить разумъ посредствомъ образцовъ и упражненій, она должна, кажется, стать системою только голыхъ формъ мышленія, которой нѣтъ никакого дѣла до достоинства содержанія этихъ формъ. Въ этомъ положеніи логика, по выраженію французскаго ученаго Ремюза, * оказывается уже слишкомъ отдаленною отъ интересовъ разума, такъ что повидимому не можетъ быть для него дисциплиною... Но какъ бы то ни было, это аналитически-формальное направленіе въ обработкѣ логики стало, можно сказать, господствующимъ послѣ Канта какъ въ научныхъ системахъ, такъ и въ учебныхъ руководствахъ. Таковы сочиненія по логикѣ Бутервека, Рейнгольда, Твестена, Бахмана и др. Крайнее развитіе этого формалистическаго направленія въ изложеніи логики мы встрѣчаемъ у Гербарта. Гербартъ далъ логикѣ мѣсто во

* *Revue des Deux Mondes*. I Avril. 1856 p. 501.

введеніи въ философію. Изложивъ здѣсь основныя логическія правила на нѣсколькихъ страницахъ, болѣе афористически, какъ законоположеніе, чѣмъ изслѣдуя и изясняя какъ ученіе, Гербартъ тѣмъ самымъ способствовалъ развитію употребленія въ учебникахъ чертежей, долженствующихъ служить средствомъ для нагляднаго изясненія разныхъ путей логическаго мышленія; посему одинъ педагогъ не безъ ироніи замѣчаетъ что Гербартъ въ преподаваніи логики слишкомъ много чести оказывалъ губкѣ и мѣлу. Впрочемъ, въ школѣ Гербарта, особенно если включить въ нее въ настоящемъ случаѣ и тѣхъ мыслителей которые сами, быть-можетъ, и не желаютъ считаться Гербартіяцами, именно Дробша и Лотце, это направление въ обработкѣ логики, о которомъ рѣчь, получило нѣкоторое болѣе практическое примѣненіе къ задачѣ общаго ученаго образованія.

Къ разряду такого рода руководствъ логики должно отнести и *Элементарную Логику* г. Струве, имѣющую за собою всѣ достоинства хорошаго учебника.

IV.

Обозначеніемъ логики именовъ формальной выражается содержаніе этой философской дисциплины, то-есть что она изучаетъ общіе законы мышленія, примѣнимые ко всякому познанію, общія формы его въ какихъ раскрывается дѣятельность разума при всякомъ содержаніи. Въ этомъ отношеніи формальная логика сходна съ математикой. „Правила ариметическихъ дѣйствій“, говоритъ г. Струве (*Элементарная Логика* стр. 4), „остаются неизмѣнными, хотя они и примѣняются къ разнороднымъ предметамъ. Точно также и законы логической дѣятельности мышленія одни и тѣ же, при изученіи всевозможныхъ предметовъ.“ Такимъ образомъ, формальная логика знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ такихъ необходимыхъ положеній которыя должно принимать наше мышленіе въ процессѣ познанія. Но она не касается вопроса о томъ откуда происходитъ необходимость того или другаго логическаго положенія или формы мышленія; она не рѣшаетъ, на примѣръ, вопроса о томъ, откуда происходитъ то что утверждая нѣчто вообще должно утверждать то же и въ частности, или отрицая нѣчто въ частности должно отрицать это

и вообще. Такія задачи однако естественно останавливаютъ на себѣ вниманіе: кромѣ изученія просто фактовъ мышленія, издавна была потребность познать основанія этихъ фактовъ. Во всякой наукѣ даны предметы и объясненія ихъ. Тѣмъ естественнѣе въ логикѣ отъ простаго описанія фактовъ мышленія переходитъ къ ихъ объясненію, что эти факты, будучи формами мышленія, суть вмѣстѣ и формы познанія. Чѣмъ оправдывается законность и непреложность этихъ формъ познанія; гдѣ критерій ихъ истины; какъ возможно быть увѣрену что въ нихъ, въ этихъ субъективныхъ формахъ разсудка, мы знаемъ вещи какъ онѣ существуютъ внѣ нашего познанія, такіе и другіе болѣе отдаленные вопросы усложняютъ простую задачу формальной логики и переходятъ въ метафизику.

Въ логикѣ могутъ быть два основныя направленія: психологическое и метафизическое. Психологическая логика задается задачею объяснить логическія формы мысли путемъ генетическимъ; она смотритъ на нихъ какъ на порожденіе естественнаго процесса душевной жизни; по смыслу этой логики, формы мышленія—понятіе, сужденіе и т. д. образуются въ насъ по закону психической ассоціаціи впечатлѣній. Такъ, на примѣръ, если мы имѣемъ два сужденія въ которыхъ есть однородныя понятія, то по закону ассоціаціи они сливаются въ одно, и такимъ образомъ происходитъ новое сужденіе, которое и есть умозаключеніе. По смыслу такого объясненія формъ мышленія, выходитъ что мышленіе въ своихъ формахъ совершается въ насъ пассивно, что содержаніе мыслимаго въ насъ мыслится подобно тому какъ варится въ насъ лица. Это, очевидно, есть изъясненіе формы изъ содержанія. Міръ также изъясняли изъ хаоса, порядокъ изъ беспорядка. Но какъ физическія и химическія свойства элементовъ хаоса, условливающія превращеніе ихъ въ форму космоса, сами, конечно, не происходятъ изъ хаоса, такъ равно и изъ хаоса впечатлѣній нельзя объяснить происхожденіе формъ мышленія. Посему психологическое начало введенное въ сферу логики какъ начало изъясняющее формы мышленія оказывается несостоятельнымъ. Еще Кантъ говорилъ что вводить въ логику психологическое начало также неосновательно какъ выводить моральныя правила изъ жизни. Психологически мы понимаемъ мышленіе только какъ оно дѣйствуетъ подъ разными субъек-

тивными условіями, но вопросъ логики состоитъ не въ томъ какъ мы мыслимъ, но въ томъ какъ мы должны мыслить.

Эта идея *необходимости* изучаемыхъ логикою формъ и законовъ мышленія, о которой говоритъ Кантъ, ведетъ несомнѣнно къ метафизическому изслѣдованію логическихъ формъ и законовъ, а не къ психологическому. Древніе философы хорошо понимали эту задачу и не обходили ея въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но софисты отвергали ее: они въ дѣятельности мысли видѣли только личное умѣнье мыслящаго, его индивидуальную ловкость, а не общую для всякаго возможнаго содержанія энергію истины.

Софистика не умерла и доселѣ. То психологическое направленіе логики о которомъ сказано выше, самую свою задачей обречено продолжать по отношенію къ этой наукѣ дѣло древней софистики, ибо оно думаетъ разгадать судьбу разума, какую переживаетъ онъ въ формахъ своей мыслительной дѣятельности, не объективно, какъ судьбу истины, а субъективно, какъ исторію событій, въ которыхъ онъ также случайно наталкивается на истину какъ и на заблужденіе. Эта логика, въ противоположность формальной, считаетъ себя *реальною*, которая занимается будто бы тѣмъ что *имѣетъ важность для бытія предметовъ*. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1874, сентябрь, стр. 212). Но этотъ реализмъ есть простой эмпиризмъ, не отличающій случай душевной жизни отъ рациональной истины, событіе въ исторіи познанія отъ закона дѣятельности познающаго разума. Написанная въ этомъ направленіи индуктивная логика Милля вся основана на смѣшеніи явленій психологическихъ съ логическими, простыхъ ассоціацій душевныхъ впечатлѣній съ чистыми формами логическаго мышленія. Къ сожалѣнію, такое направленіе логики нашло себѣ мѣсто и въ сочиненіи г. Владиславлева: *„Логика. Обзоръ индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія*. С.-Петербургъ 1872“. Оно же имѣетъ теперь, также къ нашему сожалѣнію, сторонниковъ и въ тѣхъ нашихъ школахъ которыя, кажется, существовали доселѣ совершенно по другимъ преданіямъ. Подтвержденіемъ тому служитъ рецензія *Логики* г. Владиславлева написанная г. Свѣтилинимъ, профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи и помѣщенная въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, августъ и откъбрь. Эмпирическая философія, разчитавшись

разъ навсегда съ логическими законами и формами мышленія какъ съ пустыми абстракціями, все дѣло изслѣдованія ихъ свела на простую задачу описанія „манеръ, способовъ, приемовъ“ * субъекта мыслящаго. Мышленіе со своими необходимыми формами и законами стало въ эмпиризмѣ слетеніемъ какихъ-то манерныхъ виртуозностей ума человѣческаго для достиженія истины, скрытой отъ него однако „въ законахъ или общихъ положеніяхъ на которыхъ зиждутся событія природы и жизни и которыя онъ долженъ открыть и доказать“. Но гдѣ рубятъ тамъ и щелки летятъ: гдѣ есть виртуозность, тамъ и промахи—и эти промахи, эту ошибочность, но не какъ недостатокъ правильнаго мышленія, а какъ нѣчто самобытное, эмпиризмъ возводитъ въ теорію дурнаго умозаключенія, рядомъ съ теоріею хорошаго, какъ особую философію заблужденія, что мы видимъ у Милля. Не признавая метафизической содержательности логическихъ формъ мышленія и того что эти формы имѣютъ законодательное значеніе разума, эмпиризмъ чурается самаго слова *форма*, боясь какъ бы не упрекнулъ его въ служеніи безсодержательному формализму. (Ср. Владиславлевъ, *Логика* стр. 7—9).

Справедливо что формы мышленія не могутъ быть найдены нигдѣ: ни въ и помимо содержанія которое составляетъ матерію мысли. Съ этой стороны, всѣ формы мышленія суть нѣчто безразличное къ тому и другому содержанію, нѣчто общее, при всемъ различіи матеріальнаго содержанія мыслей. Посему логика какъ наука о формахъ мышленія, и притомъ общихъ для всякаго содержанія, не отвѣчаетъ за достоинство или матеріальнаго содержанія, не имѣетъ и не можетъ имѣть своею задачею ознакомить съ предметами міра физическаго или нравственнаго.

Но самая форма мышленія, будучи актомъ познающаго разума, полна содержанія; и истина формальнаго мышленія ни мало не объясняется изъ истины матеріальнаго его содержанія: напoотивъ. истина или ложь мыслимаго содержанія открывается только въ формахъ мышленія. Истина мышленія объясняется изъ истины вообще, изъ того что *истинно само въ себя*, а не въ „нашемъ случайномъ опытѣ“. Реальное или

* Нельзя не пожалѣть что г. Струве въ своемъ учебникѣ логики, случайнымъ колеблющимся образомъ, употребляетъ также выраженіе „пріемъ мышленія“, которое впрочемъ чередуется у него съ нормальнымъ выраженіемъ „форма мышленія“.

объективное значеніе формъ мышленія состоитъ въ томъ что не иначе какъ въ нихъ только могутъ быть поняты предметы какъ они существуютъ объективно, по дѣйствительности. Если логика есть наука о формахъ мышленія, то безъ сомнѣнія она есть наука формальная; но реальное значеніе логики состоитъ въ томъ что объясняемая ею формы мышленія суть единственно тѣ формы въ которыхъ только и можетъ быть понята истина дѣйствительнаго бытія.

Истина, говорятъ, состоитъ въ согласіи представленія съ предметомъ представляемымъ. Но кто рѣшаетъ вопросъ о томъ согласно ли наше представленіе съ предметомъ или нѣтъ? Никто иной какъ то же наше представленіе о предметѣ, ибо предметъ намъ доступенъ только въ представленіи. Ясно такимъ образомъ что для того чтобъ имѣть истинное представленіе о предметѣ мы должны сравнивать его съ новымъ представленіемъ о немъ, а это въ свою очередь опять съ другимъ, и такъ безъ конца, ибо никогда не помѣстимъ въ своемъ разумѣ предмета внѣ представленія. Посему на дѣлѣ такой мѣрки истины мы не употребляемъ. Такъ, изучая, напримѣръ, въ математикѣ законы построенія треугольника, мы, хотя конечно вполне увѣрены что изучаемъ истину, между тѣмъ ни мало не заботимся о томъ чтобы наше представленіе треугольника было согласно съ дѣйствительно существующимъ треугольникомъ; утверждая, какъ истину, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, мы утверждаемъ это о всякомъ возможномъ треугольникѣ и не хотимъ при этомъ даже и спрашивать есть ли на свѣтѣ какой-нибудь такой треугольникъ; мы, напротивъ, совершенно увѣрены что не было, нѣтъ и никакой умъ не построитъ никогда треугольника въ которомъ сумма угловъ не была бы равна двумъ прямымъ. Это истина всеобщая, или это мысль согласная съ законами общаго разума. Истина такимъ образомъ есть нѣчто независимое отъ насъ, связывающее произволь нашей мысли. Таковы тѣ незыблемыя основы мышленія на которыхъ покоится вся система нашего разума. Что согласно съ ними, то и есть истина. Итакъ, истина состоитъ въ согласіи мыслимаго со всеобщими основами разума. Это, безъ сомнѣнія, критерій формальной истины, но общаго критерія матеріальной истины нѣтъ и быть не можетъ. Матеріальное содержаніе истины, данное въ разныхъ ощущеніяхъ, распадается на отдѣль-

ныя событія зрѣнія, слуха и т. д., между которыми нѣтъ ничего общаго, такъ что вопросъ объ истинѣ матеріальнаго содержанія чего-либо мыслимаго можетъ касаться всегда только того какъ комбинируется это содержаніе въ представленіи разума. Истина въ глубокомъ колодуѣ, сказалъ одинъ древній мудрецъ. Въ глубинахъ мыслящаго духа, внутри разума, въ самой природѣ его непосредственно заключено сознаніе истины, и изъ этого сознанія, какъ изъ одного законодательства, выступаютъ всѣ формы мышленія какъ формы всеобщей истины.

Элементарное дѣло мышленія состоитъ въ томъ что принимаемая въ себя содержаніе извѣстнаго ряда впечатлѣній внѣшняго или внутренняго чувства какъ матеріаль, оно даетъ ему какую-либо такую форму въ которой это различное содержаніе соединяется вмѣстѣ какъ нѣчто одно. Такимъ образомъ, мышленіе не позволяетъ отдѣльнымъ представленіямъ слѣдовать только другъ за другомъ, или оставаться одному около другаго, но объемлетъ ихъ содержаніе въ такой связи которую оправдываетъ ихъ совмѣстность въ предметѣ. Но не во всякой формѣ связь представленій въ мышленіи одинаковымъ образомъ оправдываетъ ихъ объективную совмѣстность. Здѣсь должно различать простой синтезъ, въ которомъ разнообразныя впечатлѣнія соединяются въ порядкѣ пространственномъ и временномъ, безо всякой мысли о достоинствѣ такого соединенія и безо всякаго сознанія причины его. Это форма общаго представленія. Другая мысленная форма соединенія представленій есть дѣйствительное соединеніе ихъ, въ которомъ дано знаніе самой природы представляемаго и причины такого, а не другаго соединенія. Это форма понятія. Форма общаго представленія точно такъ же отличается отъ формы понятія какъ простое имя предмета отличается отъ идеи предмета. Между тѣмъ, въ языкѣ нѣтъ отдѣльныхъ частей рѣчи или словъ для выраженія общихъ представленій въ отличіе отъ понятій; отсюда и происходятъ что простое общее представленіе нерѣдко фигурируетъ въ мышленіи, и даже ученомъ, какъ настоящее логическое понятіе. Но общее представленіе доступно и животнымъ, а понятіе лишь мыслящему духу человѣка. Такъ когда собака преслѣдуетъ зайца, то она преслѣдуетъ не того котораго быть-можетъ лоймаетъ, а общій образъ этого животнаго. Общее представленіе такимъ образомъ только знако-

मितъ насъ съ предметомъ; это сфера явленій, того что бываетъ, это міръ личнаго опыта; вслѣдствіе чего общія представленія субъективны, условны: что дано во впечатлѣніи, то и составляетъ содержаніе представленія. Такъ житель края сѣвера имѣетъ не такое общее представленіе о деревѣ какъ имѣетъ житель юга. Потому общія представленія измѣнчивы какъ измѣнчивъ опытъ и впечатлѣнія. Но понятіе не то: въ немъ нѣтъ ничего субъективнаго, ничего измѣнчиваго; оно всегда себѣ тождественно и объективно какъ законъ. Ни въ чемъ существующемъ отдѣльно подъ нашими ощущеніями не реализуется понятіе, ибо общее какъ общее не существуетъ для ощущенія; оно имѣетъ идеальное бытіе какъ форма всеобщаго разума, какъ форма чистаго мышленія. Потому понятіе законодательствуетъ, то-есть оно имѣетъ въ нашемъ мышленіи значеніе не образа, а закона, которому подчиняются всѣ частныя экземпляры даннаго въ немъ содержанія. Такъ понятіе треугольника законодательствуетъ въ мышленіи геометра, ибо для мышленія его возможны только тѣ модификаціи треугольника которыя допускаетъ это понятіе, и конечно никогда на свѣтѣ не встрѣтится такой экземпляръ треугольника который бы измѣнилъ понятіе о немъ. Другое дѣло общее представленіе: быть-можетъ нѣтъ двухъ лицъ которыя бы имѣли адекватное представленіе треугольника, но понятіе о немъ какъ форма мышленія одно, для всѣхъ обязательно какъ нѣчто объективное и безусловно всеобщее. Итакъ, понятіе есть законъ, объективный разумъ міра явленій, а не „пріемъ“, не „манера“ дѣятельности субъективнаго разума людскаго. Объективность есть условіе внѣ котораго оно не есть уже понятіе. Надъ уразумѣніемъ объективности понятій работали и будутъ работать вѣка и геніи...

Сужденіе также есть объективная форма истины. Безспорно что судить заставляетъ насъ опытъ. Онъ навязываетъ намъ представленіе объ измѣненіи и учитъ различать въ явленіяхъ ихъ постоянное содержаніе отъ случайнаго. Въ этомъ смыслѣ и ощущеніе Аристотель называетъ врожденною судительною способностью (*О Душѣ* 418, 8, 4). Такъ собака узнаетъ своего хозяина въ разныхъ платьяхъ. Но это сужденіе пассивно. Подлинное логическое сужденіе не таково. Въ логическомъ сужденіи мы оправдываемъ связь субъекта съ предикатомъ, по сознанію ихъ внутренняго, метафизическаго отношенія, по которому и рѣшается вопросъ о томъ, соеди-

нмы ли они или не соединимы объективно, или, какъ говоритъ Аристотель, познается истина и ложь. Совмѣстное существованіе представленій выступаетъ въ сужденіи какъ выраженіе соединенія соотвѣтствующихъ одно другому понятій; чрезъ это простая ассоціація субъективныхъ представленій утверждается въ сужденіи еще разъ, но уже въ метафизической основѣ и въ новой логической связи объективныхъ мыслей. Та форма истины которая выступаетъ въ сужденіи чрезъ соединеніе или несоединеніе понятій есть форма абсолютной истины или того что, какъ говоритъ Аристотель, есть первое и безусловно познаваемое. Дойти до этого познанія объективнаго и всегда тождественнаго съ собою по содержанію и есть задача истиннаго знанія. Какъ въ сферѣ практической дѣятельности, говоритъ Аристотель, задача состоитъ въ томъ чтобъ исходя изъ индивидуальнаго блага, создать общее благо, которое было бы благомъ и для каждаго въ отдѣльности; такъ и въ сферѣ познанія задача состоитъ въ томъ чтобъ изъ области чувственнаго и отдѣльнаго выдти въ область теоретическаго и общаго, изъ сферы личнаго разума въ сферу разума всеобщаго, или въ сферу всеобщей истины (*Метафизика*. 1029, 6, 4), что и достигается мышленіемъ нашимъ, благодаря способности его обнимать впечатлѣнія въ формахъ понятія и сужденія, которыя суть формы всеобщей истины.

Какъ далеко отъ этой теоріи, объясняющей значеніе формъ мышленія, уклонился современный эмпиризмъ, можно видѣть на примѣрѣ въ опредѣленіи сужденія данномъ г. Владиславлевымъ: „сужденіе есть логическій приѣмъ обозначенія предмета съ извѣстныхъ сторонъ“. Тутъ все утрачено: и мысль объ истинѣ, и мысль объ объективномъ значеніи сужденія: сужденіе рисуется, повѣствуется какъ событіе въ мышленіи, безо всякаго вниманія къ той ἀνάγκη которая въ немъ сбывается.

V.

Таково истинное значеніе логическихъ формъ мышленія. Какъ передать эту истину ученикамъ гимназіи изучающимъ логику? Какъ приблизить ихъ разумъ къ пониманію ея и приготовить къ тому ихъ мышленіе? Конечно, метафизическія теоріи — не для гимназіи. Здравая педагогія не можетъ дать

имъ мѣста тамъ гдѣ нѣтъ еще яснаго представленія о такихъ фактахъ подлежащихъ объясненію теоріи, — тѣмъ ему не знакомы, быть-можетъ, даже и нѣкоторыя слова какіе термины науки. Гимназическое ученье, несомнѣнно, должно быть всецѣло проледевтическимъ: поступать иначе значитъ подрывать все дѣло ученой школы. Но ученая школа, безъ сомнѣнія, не должна также въ преподаваніи наукъ уклоняться отъ истины; она должна заботиться о томъ чтобъ истинное объясненіе сдѣлать доступнымъ учащимся.

Если гимназія есть ученая школа приготовительная университету, то элементы философскаго ученія должны быть преподаваны въ ней такіе которые бы могли быть приняты основаніемъ того подлинно философскаго образованія которое должно быть дано въ университетѣ. И если и въ всѣхъ философскихъ элементахъ элементы логики, по справедливости, должны быть признаны самыми годными для закладки изъ нихъ фундамента философскаго образованія, гдѣ же найти ихъ въ лучшей и болѣе первичной формѣ какъ не въ сочиненіяхъ отца логики, Аристотеля? Конечно, мы были бы очень затруднены, въ какомъ видѣ рекомендовать гимназіямъ Аристотеля, на какія указать его сочиненія какъ на годныя для чтенія въ классѣ, и многое еще затруднили бы насъ въ этомъ случаѣ, еслибы мы не могли указать всею рѣшительностію на уломанутую выше, столь извѣстную въ германской школѣ книжку: *Elementa Logices Aristoteleae*, превосходный для нашей цѣли трудъ покойнаго профессора Берлинскаго университета Адольфа Тренделенбургера.

Въ изъясненіи логическихъ вопросовъ, въ самомъ дѣлѣ взгляды на логическія задачи и въ употребленіи понятій и терминовъ науки, въ учебникахъ логики встрѣчается часто такое разнорѣчіе и разномысліе, что гимназическое ученое повидимому, вовсе не можетъ найти здѣсь для себя ничего твердаго, ничего такого что стояло бы выше спора и раздѣленій. Тѣмъ болѣе, значитъ, надобно быть осторожнымъ въ борьбѣ руководства логики для гимназій, и не отрываться въ этомъ случаѣ отъ основаній науки, на которыя прежде всего долженъ быть поставленъ учащійся, чтобъ онъ былъ въ состояніи въ послѣдствіи не затеряться въ различіяхъ и противорѣчіяхъ. Основанія науки логики положены Аристотелемъ: все что онъ изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ по вопросамъ логики, стало навсегда достояніемъ этой науки.

Какъ въ геометріи Эвклидъ, такъ въ логикѣ Аристотель пережили вѣка и навсегда останутся чистымъ источникомъ, откуда всего лучше могутъ быть почерпнуты основныя положенія этихъ наукъ. Логика Аристотеля какъ и геометрія Эвклида не устарѣли и никогда не устарѣютъ. Начала наукъ уясняемыя этими мыслителями получили, безъ сомнѣнія, болѣе развитія илч, лучше сказать, болѣе примѣненія въ разныхъ областяхъ современнаго опыта; но смыслъ самихъ началъ остался все тотъ же, не старѣясь и оправдываясь абсолютно на всемъ къ чему бы ни были они прикѣплены. Въ этомъ конечно смыслъ должна быть понятна мысль Канта что со времени Аристотеля логика не подвинулась ни на шагъ. Въмѣстѣ съ началами, логика, какъ и вообще философія, получила отъ Аристотеля большую часть ученыхъ терминовъ, каковы: субъектъ, объектъ, субстанція, потенція, актъ, категория и пр. Истинный смыслъ этихъ понятій можетъ быть доступенъ во всей точности только тому кто встрѣчается съ ними исторически, въ мѣстѣ и условіяхъ самого ихъ образованія, именно въ сочиненіяхъ Аристотеля. Несомнѣнно что учная школа особенно должна заботиться о томъ чтобъ эти термины, смыслъ коихъ лежитъ въ основаніи всей нашей умственной культуры, были поняты учащимися именно въ ихъ подлинномъ смыслѣ, а не въ какомъ-либо случайномъ, въ какомъ онѣ могутъ встрѣчаться въ современной литературѣ. Усвоивая основныя понятія науки, изучающій логику непосредственно по Аристотелю знакомится здѣсь съ коренными логическими положеніями, и при томъ какъ съ положеніями способными руководить его мышленіе на пути къ истинному убѣжденію. Безспорно что изслѣдованіе значенія формъ мышленія въ отношеніи къ формамъ бытія и знанія должно быть предоставлено метафизикѣ; но дѣло въ томъ что въ мышленіи Аристотеля, какъ и вообще у древнихъ, формальная сторона знанія не отдѣляется отъ содержанія знанія, то-есть отъ истины; въ сочиненіяхъ Аристотеля формы мышленія изслѣдуются не изолированно и безразлично къ вопросу объ истинѣ, какъ встрѣчается это въ нашихъ учебникахъ формальной логики, особенно въ школѣ Гербарта, напротивъ, логика Аристотеля, какъ вѣрно замѣтилъ Целлеръ, представляетъ не картину мыслительной дѣятельности въ ея голыхъ формахъ, но изслѣдованіе формъ и законовъ научнаго знанія истины. (*Die Philosophie der Griechen.*

II, 2, стр. 130.) Его логика есть такимъ образомъ теорія и знанія. Онъ имѣеть здѣсь дѣло съ мышленіемъ какъ основнымъ факторомъ знанія, и элементарныя формы мышленія изучаетъ какъ формы истиннаго знанія. Понятно и чтеніе умно и толково составленной по Аристотелю книги такого и есть означенная выше книга Тренденбурга) и жеть послужить истиннымъ руководствомъ проледевити философіи, что и нужно для цѣлей гимназическаго ученія.

Изученіе логики не должно остаться изученіемъ нотоклатуры науки, во что оно легко можетъ обратиться при преподаваніи по тому или другому учебнику. Если изученіе всякаго предмета въ гимназіи должно быть гимназическою для разума, то тѣмъ болѣе таково должно быть изученіе логики. Да хранить Богъ нашу школу какъ въ преподаваніи всѣхъ другихъ наукъ, такъ и философской проледевити отъ той мишурной учености, которая въ концѣ концовъ сводится на заучиваніе словъ, названій и вообще ученой нотоклатуры. Печальный образецъ такого псевдо-философскаго образованія представляетъ программа философіи по которой производится во Франціи экзаменъ на бакалавра. Тулузскій профессоръ философіи Прево издалъ по этой программѣ руководство, которое представляетъ рядъ утомительныхъ совершенно безплодныхъ для умственнаго труда таблицъ разныхъ частей философіи: *Programme d'un cours élémentaire de philosophie en tableaux synoptiques de la philosophie et de l'histoire, etc.* 1872. Означенныя таблицы помѣщены на лѣвыхъ страницахъ книги или скорѣе тетради большаго формата, правыхъ — объясненія въ два столбца соответствующихъ таблицъ.

Мы представляемъ здѣсь для образца одну таблицу экспериментальной логики:

Силлогизмъ.	Элементы.	{	Предложенія	{	большая	} посылки.	
			термины.		меньшая		
	Разные виды.	{	Простые.	{	Большой—терминъ.	} заключеніе	
Составные.			Меньшій—терминъ.				
Формы.	{	{	Порядокъ	{	Средній—терминъ.	} не измѣняетъ	
			Сложные.		Дисъюнктивные.		} заключенія.
			Несложные.		Копулятивные.		
			въ которомъ				
			состоятъ				
			предложенія				

Основающія.	Фигуры.	4 Фигуры условливае- мыя мѣс- томъ зани- маемымъ среднимъ терминомъ.	{ 1я субъектъ въ большой и предиктъ въ меньшей посылкѣ. 2я предикатъ въ обѣихъ посылкахъ. 3я субъектъ въ обѣихъ посылкахъ. 4я предикатъ въ большой и субъектъ въ меньшей посылкѣ.
	Виды.	(19 видовъ условливае- мыхъ коли- чествомъ и качествомъ посылокъ.	{ 4 изъ 1й фигуры: AAA—EAE—AII—EIO. 4 изъ 2й фигуры: AEE—EAE—AOO—EIO. 6 изъ 3й фигуры: AAI—EAO—IAI—AII —OAO—EIO. 5 изъ 4й фигуры: AAI—AEE—IAI—EAO —EIO.

Этого, полагаемъ, довольно. На правой сторонѣ этой таблицы помѣщено объясненіе ея, состоящее, какъ и слѣдуетъ ожидать, изъ краткихъ, отрывочныхъ положеній, которыя должны быть заучиваемы. Безплодность такой учебной механики очевидна сама собою. Замѣчательно что самъ авторъ руководства, въ предисловіи ко второму изданію, рѣзко порицаетъ существующую систему ученія философіи и требуетъ реформы въ заключеніе говорить: „Побѣжденный необходимостію отсрочить еще надолго эту реформу, я молю о томъ времени когда эта книга сдѣлается безпольною, и питаю надежду что этотъ выпускъ ея будетъ послѣдній“.

Легко понять что для истинной цѣли философской пропедевтики въ гимназіяхъ необходимо чтобы учащіеся были сами непосредственно занимаемы логическими операціями, чтобы они имѣли подъ рукою пригодный для сего логическій матеріалъ и упражняясь на немъ логизовали бы свое мышленіе, приготовляя изъ него такимъ образомъ орудіе истиннаго знанія. Эту задачу, конечно, большею частію хорошо понимаютъ составители учебниковъ логики, потому они и заботятся обыкновенно снабдить правила этой науки подходящими примѣрами. Еще Лейбницъ говорилъ что изучать правила логики безъ примѣровъ есть то же что учиться фехтованью на словахъ. Но не говоря о томъ что, при всемъ стараніи составителей, примѣры въ учебникахъ логики по необходимости часто очень сухи и безсодержательны; нельзя не замѣтить что если они вычитываются и заучиваются готовыми, а не отыскиваются, то обыкновенно мало освѣщаютъ ученику логическое правило и не рѣдко путаются одно съ другимъ въ его памяти. Плодотворно будетъ ученіе логики въ томъ случаѣ когда учащійся самъ составитъ требуемые примѣры,

хотя бы вымышленнаго содержанія, или когда онъ отыщетъ ихъ въ указанномъ ему учителемъ, или встрѣченномъ имъ самимъ мѣстѣ какого-либо сочиненія. Берхъ успѣха было бы то чтобъ ученикъ приучился, подъ руководствомъ учителя, подмѣчать логическіе примѣры въ ближайшемъ матеріалѣ своихъ занятій: въ правилахъ грамматики и синтаксиса, въ разказахъ историческихъ, въ доказательствахъ математики, въ урокахъ физики и т. д. Все это, однако, скорѣе достижимо въ томъ случаѣ если съ теорією логики ученикъ знакомится непосредственно, такъ-сказать въ источникѣ, читая систематически подобранные отрывки изъ сочиненія Аристотеля, которые онъ можетъ усвоить себѣ только постиженіемъ ихъ, а не заучиваніемъ. Напрягая свою мысль чтобы понять предложенное ему мѣсто изъ Аристотеля, учащійся необходимо переживаетъ умственно самый процессъ образованія даннаго логическаго ученія и такимъ образомъ осваивается съ логикой настолько что удобно можетъ наблюдать проявленіе ея правилъ въ подлежащемъ ему учебномъ матеріалѣ. Это и есть настоящее воспитаніе разума въ логическомъ мышленіи. При томъ, какъ было уже замѣчено, у Аристотеля логика не отдѣляется отъ метафизики: то внутреннее метафизическое основаніе формъ мышленія которымъ опредѣляется значеніе ихъ какъ формъ всеобщей и абсолютной истины, усваивается при этомъ учащимся непосредственно и внутренне, путемъ самаго мышленія, на которое вызываетъ Аристотель, что въ свою очередь служитъ для его разума залогомъ развитія въ немъ истинно логическаго сужденія, или критики.

Книжка Тренделенбурга *Elementa Logices Aristoteleae*, принятая какъ руководство для ознакомленія учениковъ съ элементами философіи, можетъ, кажется намъ, оказать истинную услугу нашимъ гимназіямъ. Греческій текстъ отрывковъ изъ сочиненій Аристотеля изъ которыхъ она составлена, и объяснительныя примѣчанія къ нимъ на латинскомъ языкѣ профессора Тренделенбурга, относительно языка, не представляютъ учащимся ни малѣйшихъ затрудненій; а *Erläuterungen* на нѣмецкомъ языкѣ послужатъ для учителя прекраснымъ руководствомъ при объясненіи статей текста. Конечно, нельзя при этомъ не сознаться что у насъ еще очень мало учителей которымъ можно было бы смѣло повѣрить это дѣло; тѣмъ не менѣе, сущность педагогическаго требованія которое мы высказываемъ повидимому не должна отъ того

мѣняться. Пусть лучше тамъ гдѣ нѣтъ пригоднаго для чтенія Аристотеля учителя пропедевтика философская будетъ вовсе отмѣнена, чѣмъ поручать преподаваніе ея неумѣлому учителю, по какому бы то ни было готовому учебнику. Текстъ Аристотеля всегда можетъ быть понятъ филологомъ, и провѣрку своего пониманія учитель можетъ найти въ обширной Аристотелевской литературѣ, созданной нѣмецкими учеными. Тутъ мало различій, развѣ въ тонкостяхъ; а для провѣрки своего недоумѣнія или сомнѣнія, возбужденнаго въ немъ тѣмъ или другимъ учебникомъ, учитель не можетъ обратиться къ другому учебнику, ибо другой учебникъ, написанный по другой идеѣ, по другому плану и пожалуй на основаніи другаго убѣжденія и взгляда, можетъ очень легко слутать его въ томъ или другомъ случаѣ въ какихъ-либо подробностяхъ и породить еще болѣе вопросовъ и сомнѣній. Еще хуже если подъ вліяніемъ этого разнообразія впечатлѣній отъ одного и того же, учитель начнетъ самъ философствовать... А если вѣтъ, то занятіе учениковъ элементами философіи по неволѣ превратится въ заучиванье учебника, и такимъ образомъ вмѣсто укрѣпляющей концентраціи мышленія, ученики будутъ имѣть только новый предметъ ученія. Между тѣмъ должно желать и можно надѣяться что въ основу факультетскаго образованія, по крайней мѣрѣ въ факультетахъ подготовляющихъ учителей, будетъ въ скоромъ времени положено правильное философское образованіе — и тогда учитель гимназіи, слособный хорошо руководить учениковъ въ чтеніи элементовъ Аристотелевой логики, будетъ, надѣмся, уже не случайнымъ явленіемъ.

Рекомендуемое нами прохожденіе философской пропедевтики въ гимназіяхъ по элементамъ Аристотелевой логики Тренделенбурга требуетъ для себя болѣе времени нежели только отведено его теперь. Одинъ часъ въ недѣлю, въздствие возможныхъ праздниковъ, случаевъ отсутствія почему-либо учителя, практически дастъ никакъ не болѣе двадцати пяти, шести уроковъ въ годъ, что конечно мало, тѣмъ болѣе что въ этомъ должно считать еще и время на повтореніе. Кромѣ того, самая продолжительность времени отъ одного урока до другаго, иногда въ двѣ и три недѣли, должна быть признана вредною для цѣли. Лучше было бы сосредоточить преподаваніе этого предмета въ меньшихъ предѣлахъ времени, но посвятить ему болѣе часовъ въ

недѣлю. Такъ именно разсуждаетъ профессоръ Тренделенбургъ, требуя для прохожденія элементовъ Аристотелевой логики три часа въ недѣлю въ продолженіе полугода. Полагаемъ что ученики младшаго отдѣленія седьмага класса, такъ какъ этотъ годъ ученія для нихъ вообще легко, могли бы съ большою пользою посвятить часть досуга чтенію Аристотеля. А для самаго преподаванія, кромѣ теперешняго урока логики, еще одинъ часъ безъ вреда могъ быть взятъ отъ уроковъ исторіи литературы. „Учебные часы посвящаемые этому предмету, говоритъ Тренделенбургъ, не рѣдко проходятъ болѣе въ разговорѣ чѣмъ въ наставленіи, болѣе доставляютъ удовольствія чѣмъ возбуждаютъ умственную работу.“ Промѣнять одинъ урокъ по русской словесности на урокъ элементарной логики по Аристотелю, полагаемъ, было бы несомнѣнно полезно для цѣли гимназическаго образованія.

Излишне бояться чтобъ умственная работа которая требуется при изученіи элементовъ логики по Аристотелю была очень трудна ученикамъ гимназій. „Не о томъ, говоритъ Тренделенбургъ, слѣдуетъ заботиться чтобы вести учащихся легчайшимъ путемъ, но наилучшимъ: трудности полезны учащимся, такъ какъ онѣ изоцряютъ ихъ умственныя силы“. (*Elem.*, стр. VII). Еще рѣшительнѣе говоритъ объ этомъ философъ-педагогъ въ предисловіи къ второму изданію своихъ *Erläuterungen zu den Elementen der Aristotelischen Logik*, стр. XV. „Трудный предметъ, говоритъ здѣсь Тренделенбургъ, не долженъ уступать свое мѣсто легкому. Трудное образуетъ. На трудномъ упражняется юный разумъ въ работѣ, а легкимъ онъ только забавляется. Кто одолѣлъ трудное, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ усвоилъ себѣ болѣе легкое. Учрежденія которыя какъ гимназіи работаютъ для развитія возможно болѣе глубокаго и основательнаго образованія въ странѣ, по самой задачѣ своей, должны заниматься труднымъ, такъ какъ оно именно имѣетъ значеніе, а не легкимъ.“ Такое твердое и рѣшительное мнѣніе одного изъ первоклассныхъ дѣятелей германской ученой школы и университета, конечно, легко встрѣтитъ себѣ противниковъ въ приверженцахъ нашей гувернерской педагогіи, которая думаетъ создать умственную культуру путемъ разнообразія впечатлѣній, а не развитіемъ и усиленіемъ дѣятельности ума.

Пора намъ возвратиться къ методу серьезнаго труда, ко-

торый, при своей правильности, никогда не бываетъ изнури-
 тельн. Это нужно, конечно, для успѣха учениковъ въ шко-
 лѣ, а равно и для того чтобъ они долѣ оставались юношами и
 не теряли способности быть веселыми въ жизни. Кто-то ска-
 зы: кто въ литературѣ серіозенъ, тотъ въ жизни весель, и
 наоборотъ. Не то же ли отношеніе между школой и жизнью?
 Въ послѣдняго времени зачастую встрѣчались у насъ
 юноши не юношескаго свойства: всѣ невинныя забавы
 какъ будто ниже ихъ возвышеннаго ума, они не рѣзвятся,
 не играютъ, не танцуютъ, кажутъ себя людьми практиче-
 скими, дѣловыми, людьми разчета и политики. А на са-
 момъ дѣлѣ, какъ луста и глула часто ихъ практика; какъ
 бѣды ихъ головы основательными, дѣльными мыслями!
 Кто, напротивъ, въ ученьи привыкъ къ настойчивому тру-
 ду, къ сосредоточенной дѣятельности мысли, тотъ, завое-
 вывая себѣ успѣхъ въ ученьи, сохраняетъ въ то же время
 способность быть веселымъ въ жизни, — во время отдыха
 отъ труда; онъ съ увлеченіемъ отдается тогда невиннымъ
 забавамъ, безъ смѣшной претензіи на важность ученаго му-
 да, и гнѣтъ конечно сберегаетъ свои силы для новаго, успѣш-
 ваго труда. Лучшее средство продлить какъ можно долѣ
 юности въ нашемъ молодомъ поколѣніи, это давать
 ему болѣе серіозное занятіе въ школѣ. Впрочемъ; нынѣ дѣй-
 ствующая учебная система въ нашихъ гимназіяхъ сдѣлала
 уже къ этой цѣли рѣшительный шагъ, и мы по опыту мо-
 жемъ заявить здѣсь что нарождается и у насъ этотъ тиль
 учащейся молодежи, трудящейся съ энергіей, серіозной за-
 нятіемъ и веселой на досугѣ.

Н. СКВОРЦОВЪ.

Д В А С О Н Е Т А

ИЗЪ

Ш Е К С П И Р А

I. *

Когда наединѣ я мыслью пробѣгаю
Тяжелый длинный рядъ пережитыхъ потерь,
О сколькихъ близкихъ мнѣ я тяжело вздыхаю,
О сколькихъ радостяхъ, несбыточныхъ теперь.

И плачу я о тѣхъ кто въ холодѣ могилы
Нашелъ себѣ покой отъ жизненныхъ скорбей,
И снова предо мной, исполненные силы,
Встаютъ знакомые мнѣ образы людей.

И снова предо мной мои воспоминанья,
И безконечный рядъ пережитыхъ невзгодъ.
И слезы прошлыхъ и прошлыхъ страданья,
Я съ вами вновь свожу нашъ позабытый счетъ...

Но если въ этотъ мигъ тебя я вспоминаю,
Забыто прошлое, я слезы отираю.

* XXX. When to the sessions of sweet silent thought.

II. *

Глаза ея сравнить съ небесною звѣздою
 И пурпуръ нѣжныхъ устъ съ коралломъ—не дерзну,
 Со свѣгомъ грудь ея не спорить бѣлизною
 И съ золотомъ сравнить нельзя кудрей волну;

Предъ розой пышною роскошнаго востока
 Бѣднѣе цвѣтъ ея лѣнителныхъ лавить,
 И ошпама смоль Аравіи далекой
 Амброзія ея дыханья не затмить.

Я лету ея восторженно внимаю,
 Хоть пѣсни соловья мнѣ кажутся милѣй,
 И съ постулью богинь никакъ я не смѣшаю
 Тяжелой поступи красавицы моей.

Все жъ мнѣ она милѣй всѣхъ тѣхъ кого толпою
 Лестцы съ богинями равняютъ красотой.

ГРАФЪ ИВ. МАМУНА.

* СЛХХ. My mi tréz 'eyes are nothing lik : the sun

МЕЛЬНИЦА

РАЗКАЗЪ.

Когда вы переѣдете черезъ Вару на паромѣ у Ракитскаго перебора — на большой дорогѣ увидите пограничный столбъ, отсюда начинается царство одного русскаго вѣдомства. Я говорю „царство“, ибо три, четыре милліона десятинъ лѣсу и луговъ — это нѣчто выходящее изъ ряда обыкновенныхъ владѣній. Огромные лѣса тянутся во всѣ стороны по болотамъ и боровымъ мѣстамъ, по холмамъ и долинамъ, сбѣгаютъ съ крутыхъ обрывовъ и ползутъ по высокимъ берегамъ шумной и широкой Вары.

Среди этихъ лѣсовъ, на высокомъ пригоркѣ надъ рѣкою, черявютъ высокія избы поселка Малаго. Тутъ живутъ всего три семейства, и это уединеніе на самыхъ обитателей наложило какую-то особенную печать сосредоточенности, молчаливаго раздумья. Очень любилъ я бывало такія мѣста. Тутъ нѣтъ шума, гаму, гомону базарныхъ большихъ селъ, нѣтъ этой бойкой, шумливой, новгородской ловадки; нѣтъ этой вѣчной суетки и заботы о кулѣ и продажѣ; голосистыхъ бабъ, полульянаго сельскаго начальства; нахальныхъ взглядовъ писарей, зазываній въ лавки, разгульныхъ лѣсенъ — лѣсенъ большею частію новѣйшаго происхожденія.

Обитатели поселка заняты мирнымъ трудомъ, живутъ въ лѣсномъ русскомъ затишьи. Оно настраиваетъ человѣка какъ-то мѣрно, разсудительно и кротко. Это почти скитское житье. Женщины такія тихія и занятыя, старухи не болташья; дѣти тоже не бѣгаютъ сломя голову, не кричатъ, а сидятъ, копаются въ лескѣ или идутъ за ягодами и грибами въ родной, дремучій лѣсъ которому нѣтъ конца-краю, который своимъ здоровымъ смолистымъ воздухомъ наполняетъ ихъ груди и шумитъ надъ ихъ колыбелью. Захожу я разъ въ поселокъ. Жарко, всѣ на работѣ, въ полѣ, вького нѣтъ. Старуха только одна сидитъ на крылечкѣ, прядетъ. Противъ нея маленькая внучка зарылась въ глубокомъ горячемъ лескѣ, копается ручонками, и кидаетъ песокъ въ морду остроухой собачонкѣ, которая морщится, жмурится, но не сходить съ мѣста. Куры клохчутъ въ темныхъ обширныхъ сѣняхъ, въ „пріизбѣ“, а изъ лѣсу выходитъ въ залачканной рубашонкѣ хорошенькій мальчуганъ. Онъ что-то несетъ въ обѣихъ рукахъ. Онъ останавливается и внимательно смотритъ своими большими, ясными дѣтскими глазами.

— Что это ты такое несешь?

— Это? Птичечка, говоритъ онъ, радостно улыбаясь.

— Въ лѣсу поймалъ. Не боишься ты, мальчикъ, одинъ ходить?

— Въ лѣсу мы лѣ-все ходимъ. Чего бояться-то?

— Медвѣдя не боишься?

— У тятки ружье есть. На медвѣдей у насъ во какое лу-галю поставлено, указываетъ онъ обѣими руками, не различая пригоршни, въ которой бьется маленькая птичка. Въ сторонѣ около лѣсу одну елочку закутали густо въ лохмотья и солому и изъ свола сдѣлали на верхушкѣ что-то въ родѣ шапки съ перьями. Руки-вѣтви въ оборванныхъ рукавахъ высоко вздымаются, простирая объятія къ темному лѣсу...

— Ишь вонъ какой лѣшій! говоритъ задумавшись мальчуганъ поглядывая на чучелу,—медвѣдь въ жисть не подойдетъ, боится...

За рѣдѣющими деревьями видна желтая хлѣбная полянка, подсыкъ. На такихъ мѣстахъ особенно густа, высока и колосиста рожь, защищенная отъ непогоды густымъ лѣсомъ. Тамъ сверкая серпами и ныряя въ шумящихъ волнахъ, жнутъ. Телѣга скрипитъ по лѣсной дорогѣ, и фырканье лошади, и

лай собаки особенно ясно и отчетливо повторяется въ лѣсу по всѣмъ направленіямъ.

Обитатели поселка такъ мало имѣютъ сношеній и столкновеній съ другими. Съѣздить на базаръ за солью, продать рыбу, сходить въ воскресенье въ церковь и тотчасъ послѣ обѣдни отправляться домой, въ волость съ податью, вотъ и все.

Особенно сосредоточенно и уединенно жилъ мой знакомецъ, „масленикъ“, какъ его называли, старикъ Жукъ. Лицо у него было чрезвычайно характерное, и я жалѣлъ что не умѣю рисовать чтобъ оставить себѣ на память его портретъ. Борода густая, сѣдая и длинная, все лицо скутано волосами и изъподъ нависшихъ бровей сверкаютъ старческіе, еще живые, задумчивые глаза. Улыбается онъ очень рѣдко, но пріятность и ласковость этой старческой улыбки трудно разказать. Въ очертаніи губъ и морщинъ хмураго лба таилось точно какое-то застывшее издавна выраженіе — выраженіе горя, покорности.

Мужикъ онъ былъ довольно зажиточный и въ доставшіяся ему отъ отца домъ ввелъ много лѣтъ назадъ красивую и веселую жену, уроженку сосѣдней деревни. Мальчикъ сынъ былъ уже хорошій помощникъ ему по дому, когда вдругъ надъ семьею разразилось несчастіе. Сначала сынъ отправившись за дровами въ лѣсъ, гдѣ они были наготовлены на зиму, неосторожно обвалилъ всю полѣнницу на себя и отъ сильныхъ ушибовъ умеръ, а за нимъ вскорѣ и мать его, молодая, сильная женщина, умерла родами.

Не охотникъ нашъ домохозяинъ до наружныхъ знаковъ особенной любви къ своимъ. Обращеніе его всегда ровно и сдержанно, даже строго. Изрѣдка, въ шуткѣ или въ просьбѣ, дрогнетъ голосъ какъ-то особенно; изрѣдка, въ серьезную, важную минуту жизни, выкажется чувство со всею своею скрытою силой. Разслабленно-нѣжныхъ словъ и ласкъ, за которыми часто у насъ кроется сухость и холодность, не водится въ нашей простой семьѣ. Жукъ и покривалъ на жену и сына, хотя рѣдко, потому что мальчикъ былъ послушный, тихій и работающій. Рѣдко отвернувшись усмѣхнется въ бороду Жукъ, увидѣвъ какъ молодецки направляется топоромъ или весломъ сильный мальчикъ, какъ толково и разумно исполняетъ онъ разныя домашнія порученія и работы. Но когда умерли эти два единственныя для него на свѣтѣ близкія существа, Жукъ, еще не старый,

другъ посѣдѣлъ, сгорбился, замолчалъ, и тутъ кому бы была охота за нимъ замѣчать, можно было догадаться какъ много, бесконечно много они для него значили.

Онъ конечно ужь не женился въ другой разъ; соображеніе жить хозяйку въ домѣ заставило его взять къ себѣ старшую-сестру, и стали они жить покорные судьбѣ, довольные всеякомъ, сосѣдями, достаткомъ и не пытались никуда выйти изъ словно заколдованнаго, пустыннаго лѣснаго затишья.

Въ это-то время и задумалъ Жукъ о мельницѣ.

Версты полторы отъ поселка Малаго, тянется глубокой и тихій обрывъ версты на шесть. Онъ весь покрытъ въ-копни соснами и березами, живописно раскиданными по нему. Мѣсто которое поближе къ поселку все журчитъ холодными, свѣтлыми ключами. И день, и ночь въ тѣни огромныхъ деревьевъ кипитъ ихъ таинственная жизнь, слышится неуловимый ихъ говоръ. И что же за чудные берега кругомъ! Тутъ срослись тутъ вмѣстѣ и малина, и шиповникъ, зеленая летая трава глухо все затянула и пестрѣетъ, и жгитъ безчисленными цвѣтами, а по сырѣмъ мѣстамъ и зелен не видно изъ-подъ голубаго полога незабудокъ. Тутъ, защищенное отъ вѣтра горой и деревьями, пригрѣтое солнышкомъ, среди чистой влаги ручьевъ, цвѣло лѣто все живетъ, цвѣтетъ, жужжитъ и летаетъ. И въ зиму, когда покрывается свѣжыми шалками и гнѣздами развѣсистыя вѣтви ели и елей, когда яркій свѣтъ чуть тронуть только легкими свѣдками лѣснаго звѣрья и птицы, и тогда ручьи неуловимо. Они бѣгутъ, бѣгутъ неизсякаемо изъ таинственности, глубокихъ вѣдръ земныхъ...

Это хѣсто сынъ Жука очень любилъ. Бывало придетъ, сидеть тамъ и думаетъ. Потомъ началъ смысленный ребенокъ строить на ручьяхъ маленькія мельницы. Сработалъ Жуковокъ (такъ его звали въ деревнѣ) крылья, выдѣлалъ ложкомъ искусно толчейки и подставилъ подъ свѣтлыя струи ручьевъ. Колесики завертѣлись, толчейки застучали, а онъ сидитъ и подправляетъ ихъ. Иногда ночью вскочить на свѣтъ, подумаетъ о своихъ мелечкахъ и ударится бѣжать на обрывъ. А ночь стоитъ лунная и тихая. Звѣзды глядятъ съ-за темныхъ вѣтвей на мальчика, черныя тѣни легли какъ вырванныя на лесокъ дороги. И ничего не слышно. Только на обрывѣ колотятъ палочки толчеекъ всю ночь свою неуловимую дробь, да звенитъ, блистаетъ въ лунномъ свѣтѣ

струйка, падая на мелкій камень. Иногда, проходя мимо, с косою на плечѣ, отецъ бывало остановится, послушаетъ как стучать толчейки, улыбнется и покачаетъ головой.

Послѣ уже смерти сына, Жукъ однажды шелъ также с сѣнокоса какъ и прежде, мимо обрыва, остановился, сердце его жалось. Толчекъ не было слышно давно, съ той поры когда сынъ сталъ помощникомъ и дѣлательнымъ членомъ семьи. Жукъ сошелъ внизъ, увидѣлъ у ручьевъ обломки толчекъ, колесиковъ, оглянулся кругомъ, и такъ горько ему стало и такъ полюбилось ему вдругъ это мѣсто!

„А вѣдь и взаправду толчейку-масленку тутъ можно устроить, подумалъ онъ, — ишь какъ Господь дитя ум дритъ! Царствіе ему небесное! И что только за лареней былъ! Божья воля! Его святая воля!“

И не разъ потомъ проходя мимо этого мѣста, Жукъ останавливался и обдумывалъ свое предположеніе, и все больше и больше оно казалось ему обыточно. Тутъ представлялось возможнымъ это, полюбившееся ему и дорогое по воспоминанію объ умершемъ сынѣ мѣсто, приобрести себѣ и не разставаться съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы вышло не такъ какъ-нибудь, и хоть не великъ доходъ будетъ, а все же дѣла не худое. Жукъ самъ мнѣ объяснилъ это такимъ именно образомъ, и я не хочу его объясненій перелагать на тотъ языкъ бы народный жаргонъ который у насъ теперь въ ходу, постараюсь разказать какъ я самъ все это понималъ изъ его словъ.

Онъ оглядѣлъ небольшой запасъ лѣсу у себя на дворѣ (есть у cadaго почти мало-мальски зажиточнаго въ эти мѣстахъ) и нашелъ что его достанетъ на постройку масляной бойки. Въ первый же свободный день сходилъ вереть : пятнадцать въ волость, гдѣ была водяная толчейка и гдѣ онъ прежде жилъ года два въ работникахъ, очень еще молодымъ, и возобновилъ въ памяти свои по этой части свѣдѣнія.

„Велико эко колесо, обдумывалъ онъ осматривая толчейку, силы воды не хватитъ.... Плотинку тоже труднѣе будетъ сбивать.... Грунтъ тамъ тоже слабѣе, камней натаскать придется....“

— Что, Гурьянычъ, никакъ масляной бойки ладить хочешь?

— Да, вотъ хочу, какъ Богъ поможетъ, поставить. Мѣсто у Малаго на обрывѣ хорошее.

— Чего не доброе. Хорошее это дѣло; ты мнѣ кола хочешь стадавай и жмыхи, * я сбуду. Моихъ не хватаетъ...

— Жмыху и у насъ всю разберутъ; да вотъ какъ ключи сильны не знаю. Поглядѣть вотъ еще надо.

Результатомъ всѣхъ этихъ толковъ и соображеній было то что Жукъ по перволутку запрягъ сиваго въ санки съ расписною рѣзною спинкой, дугу надѣлъ новую, писаную листемъ, новую сбрую съ бляхами, повязался краснымъ кушакомъ, надѣлъ зеленыя рукавицы и отправился въ городокъ уѣздный, въ контору.

До сихъ поръ дѣлъ къ конторѣ у него никакихъ не было и онъ въ первый разъ увидѣлъ и подивился сколько тамъ народу — чиновниковъ. Кругомъ сидѣли, чертили планы, писали очень усердно, переговаривались. „Экъ что письма этого у нихъ!“ подумалъ онъ и стѣснился. Но сторожъ пролукалъ его въ дверь безпрелятственно.

— Иди, не сумнѣвайся, дядя.... ничего.... Тамъ что тебѣ требуется, спроси вонъ у ихъ.... у окна-то.... черный....

Тотъ на котораго сторожъ указалъ поднялъ голову отъ бумагъ и узнавъ въ чемъ дѣло за намѣреніе Жука очень похвалилъ.

— Вотъ и видно что человекъ съ толкомъ. Я давно говорилъ Забынскимъ что это мѣсто пропадаетъ. Новая статья! Справку, пожалуста! крикнулъ онъ на другой столъ. — Справку, статья № 36. У кого? Ты значить хочешь въ года снять у насъ? Условіе? Ладно. Мы тебѣ живо обдѣлаемъ. Чать въ городѣ жить тоже зря не охота.

„Добрый баринъ“, подумалъ Жукъ и отвѣтилъ что дѣйствительно хотѣлось бы ужъ домой, не задержаться бы.

Но пока писали проекты, подавали къ подлиси управляющему, который въ этотъ день съ какого-то обѣда пришелъ въ контору поздно, время протянулось до вечера. Усталому Жуку, который и сидѣлъ, и стоялъ, и скучалъ, прочли наконецъ условіе. Тотъ выслушалъ его внимательно и спокойно.

— Позвольте-съ, ваше благородіе, замѣтилъ онъ, — какъ же я буду строить мельницу, а она потомъ къ сроку должна вамъ отойти?...

— Да вѣдь доходъ-то ты будешь съ нея получать. Сколько? ну скажемъ, сѣмя по чемъ.... Проценты на оборотный...

* Выжмы сѣменные по полученію масла. Идетъ на кормъ скоту.

И чиновникъ, съ знаніемъ цѣны и подробностей дѣла удивившими Жука, прикинулъ на счетахъ какъ мельница во столько-то лѣтъ покроетъ цѣнность свою и прочее. Жукъ слушалъ внимательно.

— Понимаю-сь, телерь я лонялъ, такъ-сь. Но, а это какъ же? Если вамъ понадобится статья, вы, значить, ее и отберете, а у меня пропадетъ стройка задаромъ. Какъ же-сь?

— Э, да пустяки, сказалъ досадливо чиновникъ, которому надо вло объяснять, -- экой ты братецъ, доточный. Видно что хозяинъ. Это такъ говорится. Ну, на кой прахъ она намъ понадобится? Живи себѣ съ Богомъ да плати денежки исправно.

— Деньги мы уплатимъ въ аккуратѣ, а все же...

— Ну, ну, подписывайся знай! Экой, шутилъ чиновникъ, — что мало у насъ статей что ли что твоя именно понадобится? Ты видѣлъ, мы отбирали у кого кортомлыя статьи или обижали что ли?

— Нѣтъ, этого не слышать, что говорить, согласился Жукъ и подписалъ условіе большими каракулями.

И всю зиму таскалъ сивка лѣсъ и камни на обрывъ и Жукъ одинъ съ топоромъ рубилъ до поздняго вечера съ разсвѣта. Онъ мечталъ объ этомъ созданномъ имъ дѣлѣ, заинтересовался имъ. Къ ранней веснѣ было готово все, и колесо, и толчея, и печка. Весною' сосѣди помощью сбили плотинку и пошла стучать и шумѣть маслобойка. Мѣсто ожило.

И зажилъ Жукъ на своей мельницѣ. Люди которымъ другіе строятъ за деньги не могутъ никогда понять какое чувство литаеть человекъ къ постройкѣ имъ задуманной, поставленной на облюбленномъ мѣстѣ, постройкѣ въ которой каждое бревно, каждая доска рублена, пиlena и лажена его собственными руками. Жукъ устроилъ мостикъ, прорубилъ узенькія просѣки по обрыву. Каждое дерево какъ бы сроднилось съ нимъ; одно дерево, большую, старую, развѣсистую сосну, со странно-раскиданными сучьями, онъ про себя называлъ Лохматкой, другое — тонкую стройную ёлочку Стрѣлкой... Сидитъ Жукъ на порогѣ, въ лѣскѣ валяется черная коротконогая собачка Дунайка; тѣни мелко ложатся на густой травѣ, лесчаная тропинка бѣжитъ предъ мельницею вверхъ по обрыву, между кустами и журчащими ручьями мостикъ отразился, опрокинулся въ чистой, хрустальной

водѣ прудика у плотины, а мельница стучить и шумить и живетъ точно.

Слава тѣ Господи! Благодареніе Господу! подумаетъ Жукъ и перекрестится широко.

Ишь какъ ее разбираетъ! продолжаетъ онъ думать прислушиваясь къ стуку, потомъ встанетъ, поправитъ что-нибудь, сольетъ масло, сложитъ жмыхи въ правильныя кучки. Идетъ ли онъ съ работы вверху по обрыву или изъ города съ базару куда ѣздитъ продавать масло, остановится и послушаетъ какъ въ темнотѣ тихой ночи стучить это мелевка, хлопочетъ и работаетъ....

„Что это какъ журчить, думаетъ онъ прислушиваясь, — эхъ, никакъ олять поднизу балки ручеекъ канальскій просочился! Что это и стучить какъ не равно? Шестеренка—это шестеренка!... Ужь этотъ мнѣ зубецъ.... Такой-то проклятой зубецъ! Все цѣпляетъ — его поправишь, а онъ все цѣпляетъ.... Ну погоди жь ты.... Такой излажу, что на поди!... Ужь то будетъ шестеренка! Вотъ-то шестеренка.... Не то что эта шельма!“ Такъ Жуку и представлялось что колесици, зубцы и толчейки, какъ живые, упрямятся, работаютъ хорошо или дурно....

Прошло много лѣтъ. Жукъ сталъ старый и совсѣмъ сѣдой и свыкъся съ своею мелевкой какъ съ живымъ существомъ. Хорошо работаетъ мелевка, масло разбираютъ бойко, не хватаетъ часто у Жука. Жмыхъ тоже хорошо идетъ. Подумываетъ Жукъ и побольше мелевку сдѣлать и толчеекъ прибавить. Колесо тоже.... Олять лошелъ онъ на сосѣдную маслобойку совѣтоваться. Вернулся поздно, переобувается, ворчитъ про себя на печкѣ и хмурить густыя брови:

— Да, говорить, стальные сдѣлай.... Ишь, ловокъ ты братъ! А гдѣ ты ихъ возьмешь.... Олять же стальной, онъ зерно разѣ такъ зацѣпить? Какже! Стальные!...

Старуха-сестра его проснулась на полатяхъ и сообщила новость дня.

— Ой Гурьянычъ, соннымъ голосомъ залопотала она,—ой Гурьянычъ! Безъ тебя тутъ господа какіе-то были, на угорѣ слышь — мелевку смотрѣли, мѣряли ведрами такими казенными ручейки-тѣ! Ей Богу! Такъ-то я напугалась....

У Жука упало сердце. Онъ такъ и остался въ одномъ салогѣ, точно руки оцѣмѣли.

— Господа! Зачѣмъ? Я вношу по правилу.... У насъ дѣльгамъ не бываетъ задержанья, что-то такое въ смущеніи заговорилъ онъ.

— Ой ужъ такъ-то я налугалась, такъ налугалась.... Когда хозяинъ, молъ, придетъ, охъ, когда придетъ!... Еще бы не разорили чего!...

— Чтò врешь! Не позволять разорить. Разъ это можно? Чтò врешь. Мы въ правилѣ....

Онъ однако не спалъ цѣлую ночь.

Чтò бы такое, думалъ онъ, чтò бы такое!

Темное предчувствіе сжало ему сердце. Прелъ нимъ проходили долгіе годы въ которые онъ такъ свыкъся съ этимъ мѣстомъ и мельницей что разстаться съ ними было цѣлое событіе для его несложной жизни. Долго думалъ онъ, когда вдругъ отдаленное воспоминаніе начало выясняться въ старческой его памяти. Онъ вспомнилъ какъ въ первый разъ пришелъ въ контору, какъ говорилъ съ нимъ чиновникъ, и вдругъ вскочилъ въ испугъ. Онъ зажегъ тонкую оплывшую сальную свѣчку, въ желѣзномъ свѣтцѣ, дрожащими руками отыскалъ на самомъ днѣ стараго сундучка стоявшаго подъ печкой аккуратно сложенное пожелтѣвшее условіе и большіе, старые, перевязанные толстою ниткой, роговые очки и медленю, потухающими, непривычными глазами, прочиталъ условіе, бормоча нѣкоторыя выраженія вслухъ. Онъ кончилъ, уронилъ руки съ бумагой на колѣни. Очки сползли ниже по носу, густыя брови поднялись, глаза уставились неподвижно въ уголъ.

— Такъ вотъ оно чтò! „Если будетъ надобность...“ да! вотъ оно чтò! „Переходить во владѣніе...“ И условію, значить, конецъ! Такъ.... Помереть ладилъ на этомъ мѣстѣ... Ну Божья воля, Его батюшки святая воля! Какъ Господу угодно!

Подъ роговые очки на сморщенную щеку прокралась дрожащая, можетъ-быть послѣдняя въ жизни старика, слеза....

Рано утромъ старикъ сходилъ на мельницу, копошился тамъ, осматриваетъ все съ особеннымъ вниманіемъ, точно навѣки прощался. Собачка Дунайка тоже какъ-то тревожно и невесело виляла короткимъ хвостомъ.

— И тебѣ жалко, Дунайка! Ну чтò дѣлать! Да еще логоди, лѣсушко! Можетъ ничего еще и нѣтъ, а мы съ тобой вслошались....

Онъ заложилъ лошадь и полтелся въ городъ въ контору.

Тамъ около какихъ-то двухъ пріѣзжихъ толпились чиновники и слушали какъ тѣ говорили. Чиновникъ писавшій условіе съ Жукомъ при сдачѣ статьи въ аренду, теперь уже сильно постарѣвшій и съ такою же сѣдою головою какъ у Жука, вышелъ къ нему на встрѣчу и сухо спросилъ что надо.

— Слыхалъ, батюшка, что пріѣзжали почто-то господа на меленку.... Такъ спросить не ладите ли отымать у меня....

— Отымать! Что, старикъ, глупости мелешь.... Это не статья ли 36 номеръ?... Согласно условію...

— Простите, батюшка, на глупомъ моемъ словѣ, а я худо-го не хотѣлъ говорить. Эта самая статья....

— Да, мы имѣемъ только въ виду сдать ее въ другія руки.... Даже очень скоро....

— Чѣмъ же, батюшка, провинился я. Худо ли держалъ, деньги ли въ срокъ не вносилъ?

— Нѣтъ, ничего. Просто надо сдать, вотъ пріѣзжіе.... Подъ заводъ смолокурennyй.... Пожалуй оставляй за собой по ихъ цѣнѣ.... Они дадутъ двѣсти въ годъ....

Жукъ даже вздрогнулъ.

— Экихъ денегъ, печально сказалъ онъ,—николи и въ рукахъ не бывало.... Помереть тутъ ладиль....

— Помереть, старикъ, гдѣ Богу угодно. Если хочешь, поговори съ ними. Не обидятъ: народъ, кажется, хорошій.... И я поговорю.... Отступное чуръ пополамъ.... Слышимъ!—не то шутивымъ не то серьезнымъ тономъ прибавилъ онъ.—Бери, а то все равно сдадимъ, ничего не получишь....

Пріѣзжіе между тѣмъ громко говорили....

— Да, мы думаемъ.... Знаете—ларовую.... Нельзя допотопнымъ способомъ.... Техникъ приглашень.... Мѣсто чудесное. Поднять если плотину да ключи обработать.... Жолоба чугунные.... Нѣсколько тысячъ бросить.... Тутъ дѣло будетъ ведурное.... Конечно не Богъ знаетъ что....

— Вотъ, господа, говорилъ я вамъ, обратился къ нимъ старый чиновникъ,—мужикъ этотъ чья мельница на этомъ мѣстѣ.... Просить не обидѣтъ.... Много лѣтъ съемщикъ. Мѣсто устроилъ тоже.... Жалѣеть.

Одинъ изъ пріѣзжихъ, пожилой, живой человекъ въ короткой жакеткѣ, съ сигарой въ зубахъ, прищуривъ глаза обратился къ Жуку.

— Зачѣмъ обижать.... Цѣнность мельницы.... Отдадимъ....

Ты заходи утромъ ко мнѣ—знаешь, въ домѣ у Егорова мы стоимъ.... Не бось, старикъ, не обидимъ.

— Чтò мнѣ отступное, началъ Жукъ,—мало ли мѣсть.... Ужь вы оставьте это мѣстечко.... Мнѣ не надо вашихъ денегъ....

— Вонъ чтò залопошилъ! не безъ удивленія отвѣтилъ тотъ. — Мнѣ какое дѣло — хочешь, такъ заходи завтра... Такъ вы ко мнѣ нынче, господа.... преферансикъ....

И онъ отвернулся совсѣмъ и говорить не сталъ объ этомъ дѣлѣ.

Весь этотъ день старикъ былъ самъ не свой. Онъ обдумывалъ это со всѣхъ сторонъ — ничего не подѣлаешь. Онъ ходилъ съ собачкой своей, понурый и печальный и еще болѣе опустившійся, какъ будто подряхлѣвшій. Надо было выбираться. Трудно описать чувство съ какимъ онъ вытаскивалъ котелки и бочки, и разныя принадлежности. Меленка затихла — вода была залерта. Последнею, жалкою надеждой держался и жилъ старикъ: онъ думалъ высокой суммой отступнаго отпугнуть прїѣзжихъ отъ этого мѣста на какое-нибудь другое, гдѣ отступнаго не потребуется. Съ этимъ намѣреніемъ отправился онъ на квартиру къ прїѣзжимъ предпринимателямъ въ городъ. Онъ пришелъ рано и думалъ что долго придется ждать пока встанутъ. Но тѣ и не ложились еще. Въ комнатахъ, прокуренныхъ насквозь, стоялъ говоръ, угарный дымъ и чадъ. Только-что кончили игру и подошли отъ исписаннаго мѣломъ и забросаннаго картами стола къ другому на которомъ въ беспорядкѣ были разставлены закуски и бутылки, и все это при налившихъ свѣчахъ и утреннемъ свѣтѣ пробиравшемся въ комнаты имѣло гораздо болѣе неприятный видъ кутежа для посторонняго, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Маленькій и живой человѣчекъ который говорилъ съ Жукомъ вчера, теперь вышелъ къ нему, растрепанный, съ красными глазами.

— А, это ты старикъ! Равенько — ну да тѣмъ лучше. Потолкуемъ. Водочки?

— Покорно благодарю — не употребляемъ....

— У, какой строгот! Ну такъ какъ полагаешь стоимость?... Я отдамъ, я обижать не хочу.... Мнѣ съ вами же жить.... Я не для обиды дѣло завожу.... Всѣмъ тутъ польза и работа будетъ.... Ну, старинушка, сказывай по совѣсти....

— Тысячу рублей, такъ я уйду....

Но только-что сказалъ Жукъ эти слова, какъ услугался того выраженія какое приняло лицо его собесѣдника. Глаза еще больше налились кровью, губы задрожали, черты исказились гнѣвомъ.

— Вонъ! Вонъ! закричалъ онъ наступая на старика и лутаясь отъ волненія, — иди вонъ! Скажите — я по совѣсти.... я добромъ.... а онъ.... что же ты, смѣяться задумалъ.... Убирайся — и говорить не стану. Вонъ изъ моей квартиры!

— Позвольте, Иванъ Петровичъ! Не горячитесь, мы поговоримъ....

— И говорить не хочу.... Я хотѣлъ... а онъ.... да я и такъ и такъ право.... скажите.... На смѣхъ что ли! Ахъ старый воякъ! скажите....

Жукъ вышелъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Не деньги были ему нужны — нѣтъ, его убивало сознаніе полной невозможности какъ-нибудь устроить это дѣло....

Недолго жить мнѣ... хоть бы помереть-то позволили — не тревожили, думалъ онъ, совсѣмъ убитый, все одно и то же.

Съ этого же утра пріѣзжіе начали сбивать народъ на работу и въ поселкѣ и въ окрестныхъ деревняхъ. Была ранняя весна, народу рабочаго много. Жукъ видѣлъ какъ лоптались подводы на его мѣстечко, къ его меленкѣ, побрелъ народъ съ топорами.

— Ужъ же все разнесутъ?...

Старикъ не вытерпѣлъ и пошелъ поглядѣть на свое мѣстечко. Тамъ колошился народъ, сосна Лохматка уже валлась черезъ тропинку безжалостно срубленная сосѣдскимъ топоромъ. Стрѣлка-елочка судорожно вздрагиваетъ подъ остриемъ другаго. Приступили и къ меленкѣ. Вотъ подняли первыя тесины, трещать косяки.... Старикъ отвернулся....

По дорогѣ, на красивой вороной лошади, ѣхалъ новый хозяинъ въ бѣговыхъ дрожечкахъ. Поровнявшись со старикомъ, онъ поднялъ картузь и поклонился. Онъ забылъ свою шляпку.

— Ну не сердись, старикъ ... Получи, Богъ съ тобой.... На вотъ держи.... Двѣсти.... За глаза.... Эта лачужка чего стоить.... Самъ знаешь.... Ты умный мужикъ....

Онъ вынулъ изъ кармана большой портфель и изъ толстой пачки отсчиталъ двѣ сотенныя, сунулъ ихъ въ руку убитому и молчавшему старику. Тотъ бессознательно зажалъ

въ рукѣ ассигнаціи и не посмотрѣлъ на нихъ даже, побре. лотихоньку домой.

Сестра - старуха очень удивилась когда, придя въ избъ увидѣла на полу двѣ сотенныя бумажки и брата, которъ лежалъ на печи безъ движенія.

— Ой что это, Гурьянычъ, слышь! Наши это что ль? Спратать что ли, касатикъ? Да что ты ровно нездоровый!...

Не отвѣчая Жукъ только слабо махнулъ рукой и отвернулъ

Въ прошломъ году Жукъ померъ зимой. Тихій и лонуръ бродилъ старикъ по дому. Онъ давно ничего не работалъ Садеть бывало на лавочкѣ у воротъ и смотреть вдаль и двигаясь. Онъ ослабъ и одряхлѣлъ такъ что трудно бы его узнать. Все ходилъ на обрывъ свой — стоитъ и смотритъ внизъ.... А тамъ клопочуть котлы, стучить и лыхтитъ ларвая машина. Ключей не слышно — они правильно бѣгутъ теперь по чугуннымъ трубамъ.... Хлопотливая современность на пустынномъ когда-то мѣстѣ настроила свои склады конторы, и дымовыя трубы съ клубами чернаго дыма вночь изрыгаютъ тучи искръ, которыя огненнымъ облакомъ горять и сверкаютъ на темносинемъ ночномъ небѣ. Необыный грохотъ и движеніе нарушили обычную пустынную тишину лѣснаго заташья....

Н. В — ВЪ.

Горки. Ноябра 15го 1874.

АННА КАРЕНИНА

Р О М А Н Ъ.

Мнѣ отищете, и Азъ воздамъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему.

Все случилось въ домѣ Облонскихъ. Жена узнала что мужъ былъ въ связи съ бывшею въ ихъ домѣ Французскою гувернанткой, и объявила мужу что не можетъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Положеніе это продолжалось уже третій день и мучительно чувствовалось и самими супругами и всѣми членами семьи и домочадцами. Всѣ члены семьи и домочадцы чувствовали что нѣтъ смысла въ ихъ сожителствѣ, и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой чѣмъ они, члены семьи и домочадцы Облонскихъ. Жена не выходила изъ своихъ комнатъ, мужа третій день не было дома. Дети бѣгали по всему дому какъ потерянные; Англичанка

поссорилась съ экономкой, и написала записку пріятельницѣ прося пріискать ей новое мѣсто; поварь ушелъ еще вчера со двора, во время обѣда; черная кухарка и кучеръ просили расчета.

На третій день послѣ ссоры, Степанъ Аркадьевичъ Облонскій,—Стива, какъ его звали въ свѣтѣ,—въ обычный часъ, то-есть въ 8 часовъ утра, проснулся не въ спальнѣ жены, а въ своемъ кабинетѣ, на сафьянномъ диванѣ. Онъ повернулъ свое полное, выхоленное тѣло на пружинахъ дивана, какъ бы желая опять заснуть надолго, съ другой стороны крѣпко обнявъ подушку и прижался къ ней щекой; но вдругъ вскочилъ, сѣлъ на диванъ и открылъ глаза.

„Да, да какъ это было?“ думалъ онъ, вспоминая сонъ. „Да, какъ это было? Да! Алабинъ давалъ обѣдъ въ Дармштадтѣ; нѣтъ, не въ Дармштадтѣ, а что-то американское. Да, но тамъ Дармштадтъ былъ въ Америкѣ. Да, Алабинъ давалъ обѣдъ на стеклянныхъ столахъ, да,—и столы лѣли: *Il mio tesoro*, и не *Il mio tesoro*, а что-то лучше, и какіе-то маленькіе графинчики, и они же женщины“, вспоминалъ онъ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли, и онъ задумался улыбаясь. Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще тамъ было отличнаго, да не скажешь словами и мыслями, даже на яву не выразишь. И замѣтивъ полосу свѣта, пробившуюся съ боку одной изъ суконныхъ сторъ, онъ весело скинулъ ноги съ дивана, отыскавъ ими шитыя женой (подарокъ ко дню рожденія въ прошломъ году), обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли, и по старой, девятилѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту гдѣ въ спальнѣ у него висѣлъ халатъ. И тутъ онъ вспомнилъ вдругъ какъ и почему онъ слитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ; улыбка исчезла съ его лица, онъ сморщилъ лобъ.

„Ахъ, ахъ, ахъ! Аа!...“ заговорилъ онъ, вспоминая все что было. И его воображенію представились опять всѣ подробности ссоры съ женою, вся безвыходность его положенія, и мучительнѣе всего собственная вина его.

„Да! она не проститъ и не можетъ простить. И всего ужаснѣе то что виной всему я,—виной я, а не виновать. Въ этомъ-то вся драма,“ думалъ онъ. „Ахъ, ахъ, ахъ!“ приговаривалъ онъ съ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой ссоры.

Неприятнѣе всего была та первая минута когда онъ, вернувшись изъ театра, веселый и довольный, съ огромною грушею для жены въ рукѣ, не нашелъ жены въ гостиной, къ удивленію не нашелъ ея и въ кабинетѣ, и наконецъ увидаль ее въ спальнѣ съ несчастною, открывшею все, запиской въ рукѣ.

Она, эта вѣчно озабоченная и хлопотливая, недалекая и неглубокая, какою онъ считалъ ее, Долли, неподвижно сидѣла съ запиской въ рукѣ, и съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и вмѣстѣ надежды что онъ разувѣритъ ее смотрѣла на него.

— Что это? это? спрашивала она указывая на записку.

И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучило Степана Аркадьевича не столько самое событіе сколько то какъ онъ отвѣтилъ на эти слова жены. Съ нимъ случилось въ эту минуту то что случается съ людьми когда они неожиданно ударены въ чемъ-нибудь слишкомъ постыдномъ. Онъ не успѣлъ приготовить свое лицо къ тому положенію въ которое онъ ставился предъ женою послѣ открытія его вины. Вмѣсто того чтобъ оскорбляться, отрекаться, оправдываться просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ—все было бы лучше того что онъ сдѣлалъ—его лицо совершенно невольно (рефлексы головного мозга, подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, который любилъ физиологію), совершенно невольно и почти улыбку привычною, доброю и потому гаулою улыбка. Эту гаулю улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидя эту улыбку, Долли вздрогнула какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жестокихъ словъ и выбѣжала изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ, она не хотѣла видѣть мужа.

„Всею виной эта гаулая улыбка,“ думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

„Но что же дѣлать! что дѣлать?“ съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и не находилъ отвѣта.

II.

Степанъ Аркадьевичъ былъ человекъ правдивый въ отношеніи къ себѣ самому. Онъ не могъ обманывать себя и уверять себя что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ что онъ, тридцати-

четырехлѣтній, красивый, влюбчивый человекъ, не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и двухъ умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его. Онъ раскаивался только въ томъ что не умѣлъ лучше скрыть отъ жены. „Не пойманъ—не воръ,“ только въ этомъ смыслѣ онъ раскаивался. Но онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и жалѣлъ жену, дѣтей и себя. Можетъ-быть онъ сумѣлъ бы лучше скрыть свои грѣхи отъ жены еслибъ ожидалъ что это извѣстie такъ на нее подѣйствуетъ. Ясно онъ никогда не обдумывалъ этого вопроса, но смутно ему представлялось что жена давно догадывается что онъ не вѣренъ ей и смотритъ на это сквозь пальцы. Ему даже казалось что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже некрасивая женщина и ничѣмъ незамѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости, должна быть снисходительна. Оказалось совсѣмъ противоположное.

„Ахъ ужасно! ай, ай, ай! ужасно!“ твердилъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и ничего не могъ придумать. „И какъ хорошо все это было до этого, какъ мы хорошо жили! Она была довольно счастлива дѣтми, я не мѣшалъ ей ни въ чемъ, предоставлялъ ей возиться съ дѣтми, съ хозяйствомъ, какъ она хотѣла. Правда, не хорошо что она была гувернанткой у насъ въ домѣ. Не хорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое въ ухаживаньи за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Онъ живо вспомнилъ черные плутовскіе глаза Мlle Roland и ея улыбку.) Но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. И хуже всего то что она уже... Надо же это все какъ нарочно! Ай, ай, ай! Но что же, что же дѣлать?“

Отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта который даетъ жизнь на всѣ, самые сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностями дня, то-есть заботиться. Забыться сномъ уже нельзя, по крайней мѣрѣ до ночи. Нельзя уже вернуться къ той музыкѣ которую любили графиники-женщины, стало-быть надо забыться сномъ жизни.

„Тамъ видно будетъ,“ сказалъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ, вставъ, надѣлъ сѣрый халатъ на голубой шелковой подкладкѣ, закинулъ кисти узломъ, и вдоволь забравъ воздуха въ свои широкій грудной ящикъ, привычнымъ, бодрымъ шагомъ вывернутыхъ ногъ, такъ легко носившихъ его полное тѣло, подошелъ къ окну, подыалъ стору и громко позвонилъ. Н

звонко́тъ тотчасъ же вошелъ старый другъ, камердинеръ Матвѣй, неся платье, салоги и телеграмму. Вслѣдъ за Матвѣемъ, вошелъ и цирюльникъ съ припасами для бритья.

— Изъ присутствія есть бумаги? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, взявъ телеграмму и садясь къ зеркалу.

— На столѣ, отвѣчалъ Матвѣй, взглянулъ вопросительно, съ участіемъ, на барина, и подождая немного прибавилъ съ хитрою улыбкой:—Отъ хозяина извощика приходили.

Степанъ Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ и только въ зеркало взглянулъ на Матвѣя; во взглядѣ которымъ они встрѣтились въ зеркалѣ видно было какъ они понимаютъ другъ друга. Взглядъ Степана Аркадьевича какъ будто спрашивалъ: это зачѣмъ ты говоришь? развѣ ты не знаешь?

Матвѣй положилъ руки въ карманы своей жакетки, отставилъ ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрѣлъ на своего барина.

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя лоналрасну, сказалъ онъ видимо приготовленную фразу.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ что Матвѣй хотѣлъ пошутить и обратить на себя вниманіе. Разорвавъ телеграмму, онъ прочелъ ее, догадкой поправляя перевранныя, какъ всегда, слова, и лицо его просіяло.

— Матвѣй, сестра Анна Аркадьевна будетъ завтра, сказалъ онъ, остановивъ на минуту глядцовитую, лухлую ручку цирюльника, разчищавшаго розовую дорогу между длинными, кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу, сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая что онъ понимаетъ, такъ же какъ и баринъ, значеніе этого прїѣзда, то-есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьевича, можетъ содѣйствовать примиренію мужа съ женой.

— Однѣ или съ супругомъ? спросилъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьевичъ не могъ говорить, такъ какъ цирюльничекъ занялъ былъ верхнею губой и поднялъ одинъ палець. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Однѣ. На верху приготовить?

— Дарѣ Александровнѣ доложу, гдѣ прикажутъ.

— Дарѣ Александровнѣ? какъ бы съ сомнѣніемъ повторилъ Матвѣй.

— Да, доложу. И вотъ возьми телеграмму, передай, что онъ скажутъ.

Попробовать хотите, лопая Матвѣй, но онъ сказалъ только:—Слушаю-сь.

Степанъ Аркадьевичъ уже былъ умытъ и расчесанъ и собирався одѣваться, когда Матвѣй, медленно ступая поскрипывающими сапогами, съ телеграммой въ рукѣ, вернулся въ комнату. Цирюльника уже не было.

— Дарья Александровна приказали доложить что онъ уѣзжаютъ, пускай же дѣлаютъ какъ имъ, вамъ то-есть, угодно, сказалъ онъ смѣясь только глазами, и положивъ руки въ карманы, оставивъ ногу и склонивъ голову на бокъ, устался на барина. Степанъ Аркадьевичъ помолчалъ. Потомъ, вдругъ, неотразимая, добрая и нѣсколько жалкая улыбка показалась на его красивомъ лицѣ.

— А? Матвѣй? сказалъ онъ покачивая головой.

— Ничего, сударь, образуется, сказалъ Матвѣй.

— Образуется?

— Такъ точно-сь.

— Ты думаешь? Это кто тамъ? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, услышавъ за дверью шумъ женскаго платья.

— Это я-сь, сказалъ твердый и пріятный женскій голосъ, и изъ-за двери высунулось строгое рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

— Ну что, Матреша? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ выходя къ ней въ дверь.

Несмотря на то что Степанъ Аркадьевичъ былъ кругомъ виноватъ предъ женой и самъ чувствовалъ это, почти всѣ въ домѣ, даже нянюшка, главный другъ Дарьи Александровны, были на его сторонѣ.

— Ну что? сказалъ онъ уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Богъ дастъ. Очень мучаются, и смотрѣть жалости, да и все въ домѣ на вынтараты пошло. Дѣтей, сударь, пожалѣть надо. Повинитесь, сударь. Что дѣлать! Люби кататься...

— Да вѣдь не приметъ...

— А вы свое сдѣлайте. Богъ милостивъ, Богу молитесь сударь, Богу молитесь.

— Ну хорошо, ступай, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ

покраскѣтъ. — Ну такъ давай одѣваться, обратился онъ къ Матвѣю, и рѣшительно скинулъ халатъ.

Матвѣй уже держалъ, сдувая что-то невидимое, хомутомъ приготовленную рубашку, и съ очевиднымъ удовольствіемъ облекъ въ нее холмоное тѣло барина.

III.

Одѣвшись, Степанъ Аркадьевичъ прыснулъ на себя духами, выправилъ рукава рубашки, привычнымъ движеніемъ рассыпалъ по карманамъ лалиросы, бумажникъ, слички, часы съ двойною цѣлочкой и брелоками, и встряхнувъ платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и физически веселымъ, несмотря на свое несчастье, вышелъ, слегка подрагивая на каждой ногѣ, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кофе и, рядомъ съ кофеемъ, письма и бумага изъ присутствія.

Онъ прочелъ письма. Одно было очень непріятное, — отъ кулца покулавшаго лѣсъ въ имѣніи жены. Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ рѣчи. Всего же непріятнѣе тутъ было то что этимъ подмѣшивался денежный интересъ въ предстоящее дѣло его примиренія съ женою. И мысль что онъ можетъ руководиться этимъ интересомъ, что онъ для продажи этого лѣса будетъ искать примиренія съ женой, эта мысль оскорбляла его.

Окончивъ письма, Степанъ Аркадьевичъ придвинулъ къ себѣ бумага изъ присутствія, быстро перелистывалъ два дѣла, большимъ карандашомъ сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ и, отодвинувъ дѣла, взялся за кофе; за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую утреннюю газету, и сталъ читать ее.

Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную газету, не крайнюю, но того направленія котораго держалось большинство. И несмотря на то что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы какихъ держалось большинство и его газета, и измѣнялъ ихъ только когда большинство измѣняло ихъ, или лучше, не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ, незамѣтно, измѣнялись.

Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили

къ нему, точно также какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ которая носятъ. А имѣть взгляды, ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ извѣстные годы, было также необходимо какъ имѣть шляпу. Если и была причина почему онъ предпочиталъ либеральное направление консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того чтобъ онъ находилъ либеральное направление болѣе разумнымъ, но потому что оно подходило ближе къ его образу жизни. Либеральная партія говорила что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно у Стелана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно не доставало. Либеральная партія говорила что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно семейная жизнь доставляла мало удовольствій Стелану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумѣвала, что религія есть только узда для варварской части населенія, и дѣйствительно Стеланъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на семь жить было бы очень весело. Въствѣ съ этимъ, Стелану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда озадачить смирнаго человѣка тѣмъ что если уже гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отrekаться отъ перваго родоначальника — обезьяны. Итакъ, либеральное направленіе сдѣлалось привычкой Стелана Аркадьевича, и онъ любилъ свою газету, какъ сигару послѣ обѣда, за легкій туманъ который она производила въ его головѣ. Онъ прочелъ руководящую статью въ которой объяснялось что въ наше время совершенно напрасно поднимается воля о томъ будто бы радикализмъ угрожаетъ поглотить всѣ консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять мѣры для подавленія революціонной гидры, что напротивъ, „по нашему мнѣнію, опасность лежитъ не во мнимой революціонной гидрѣ, а въ упорствѣ традиціонности, тормозящей прогрессъ“ и т. д. Онъ прочелъ и другую статью, финансовую, въ которой упоминалось о Бентамѣ и Миллѣ, и подлускались шпильки мнѣн

стерству. Со свойственною ему быстротою соображенія, онъ понималъ значеніе всякой шпильки: отъ кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, какъ всегда, доставляло ему нѣкоторое удовольствіе. Но сегодня удовольствіе это отравлялось воспоминаніемъ о совѣтахъ Матрены Филимоновны и о томъ что въ домѣ такъ неблагополучно. Онъ прочелъ и о томъ что графъ Бейстъ, какъ слышно, проѣхалъ въ Висбаденъ, и о томъ что нѣтъ болѣе свѣдыхъ волюсь, и о продажѣ легкой кареты, и предложеніе молодой особы; но эти свѣдѣнія не доставляли ему, какъ прежде, тихаго, прощическаго удовольствія.

Окончивъ газету, вторую чашку кофе и калачъ съ масломъ, онъ всталъ, стряхнулъ крошки калача съ жилета, и расправивъ широкую грудь радостно улыбнулся, не отъ того чтобъ у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное; радостную улыбку вызывало хорошее лицеваженіе.

Но эта радостная улыбка сейчасъ же наломнила ему все, и онъ задумался.

Два дѣтскіе голоса (Степанъ Аркадьевичъ узналъ голоса Гриши, меньшаго мальчика, и Тани, старшей дѣвочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

— Я говорила что на крышу нельзя сажать пассажировъ, кричала по-англійски дѣвочка: — вотъ подбирай!

„Все смѣшалось,“ подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, „вонъ дѣти одни бѣгаютъ.“ И подойдя къ двери, онъ кликнулъ ихъ. Они бросили шкатулку представлявшую поѣздъ, и вошли къ отцу.

Дѣвочка, любимица отца, вбѣжала смѣло, обняла его, и смѣясь повисла у него на шеѣ. Она любила и лицо отца, и ласки его, и запахъ духовъ распространившійся отъ его бакенбардъ. Дѣвочка поцѣловала его въ покраснѣвшее отъ наклоненнаго положенія и сіяющее нѣжностью лицо, и хотѣла бѣжать назадъ; но отецъ удержалъ ее.

— Что мама? спросилъ онъ вода рукою по гладкой, нѣжной шейкѣ дочери. — Здравствуй, сказалъ онъ улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Онъ сознавалъ что меньше любилъ мальчика и всегда старался быть ровней; но мальчикъ чувствовалъ это и не отвѣтилъ улыбкой на холодную улыбку отца.

— Мама? Встала, отвѣчала дѣвочка.

Стеланъ Аркадьевичъ вздохнулъ.

„Значить опять не спала всю ночь“, подумалъ онъ.

— Что она весела?

Дѣвочка вдругъ покраснѣла. Она знала что между отцомъ и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отецъ долженъ знать это, и что онъ притворяется спрашивая объ этомъ такъ легко. И дѣвочка покраснѣла за отца. Онъ тотчасъ же понялъ это и также покраснѣлъ.

— Не знаю, сказала она. — Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ миссъ Гуль къ бабушкѣ.

— Ну, иди, Танчурочка моя. Ахъ да, постой, сказалъ онъ, все-таки удерживая ее и глядя ея нѣжную ручку.

Онъ досталъ съ камина, гдѣ вчера поставилъ, коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ея любимыя, шоколатную и помадную.

— Грипъ? сказала дѣвочка, указывая на шоколатную.

— Да, да, и еще разъ погладивъ ея плечико, онъ поцѣловалъ ее въ руку, въ корни волосъ и шею, и тогда только отпустилъ ее.

— Карета готова, сказалъ Матвѣй. — Да просительница, прибавилъ онъ.

— Давно тутъ? спросилъ Стеланъ Аркадьевичъ.

— Съ полчаса.

— Сколько разъ тебѣ приказано сейчасъ же докладывать.

— Надо же вамъ дать хоть кофею откусать, сказалъ Матвѣй тѣмъ дружески грубымъ тономъ на который нельзя было сердиться.

— Ну, проси же скорѣе, сказалъ Облонскій морщась отъ досады.

Просительница, штабсъ-капитанша Калинина, просила о невозможномъ и безтолковомъ; но Стеланъ Аркадьевичъ, по своему обыкновенію, усадилъ ее, внимательно, не перебивая, выслушалъ ее, и далъ ей подробный совѣтъ къ кому и какъ обратиться, и даже бойко и складно, своимъ крупнымъ, растянутымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ, написалъ ей записочку къ лицу которое могло ей пособить. Отпустивъ штабсъ-капитаншу, Стеланъ Аркадьевичъ взялъ шляпу и оставившись припоминая не забылъ ли чего. Оказалось что онъ ничего не забылъ кромѣ того что хотѣлъ забыть — жену.

„Ахъ да!“ онъ опустилъ голову, и красивое лицо его приняло тоскливое выраженіе. „Пойти или не пойти?“ говорилъ

онъ себя. И внутренний голосъ говорилъ ему что ходить не надобно, что кромѣ фальши тутъ ничего быть не можетъ, что поправить, починить ихъ отношенія невозможно, потому что невозможно сдѣлать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь, или его сдѣлать старикомъ неспособнымъ любить. Кромѣ фальши и лжи, ничего не могло выйти теперь; а фальшь и ложь были противны его натурѣ.

„Однако, когда-нибудь же нужно, вѣдь не можетъ же это такъ остаться,“ сказалъ онъ, стараясь придать себѣ смѣлости. Онъ выпрямилъ грудь, вынулъ папироску, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ ее въ перламутровую раковину пепельницу, быстрыми шагами прошелъ разубранную картинную, бронзами и фарфоромъ мрачную, скучную и пустую гостиную, и отворилъ другую дверь въ спальню жены.

IV.

Дарья Александровна, въ кофточкѣ и съ припиленными на затылкѣ косами уже рѣдкихъ, когда-то густыхъ и прекрасныхъ волосъ, съ осунувшимся, худымъ лицомъ и большими, выдававшимися отъ худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанныхъ по комнатѣ вещей, предъ открытою шифоньеркой, изъ которой она выбирала что-то. Услыхавъ его шагъ, она остановилась, глядя на двери, тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выраженіе. Она чувствовала что боится его и боится предстоящаго свиданія. Она только-что пыталась сдѣлать то что пыталась сдѣлать уже десятый разъ въ эти три дня: отобрать дѣтскія и свои вещи которыя она увезетъ къ матери; но и теперь, какъ въ прежніе раза, она говорила себѣ что это не можетъ такъ остаться, что она должна предпринять что-нибудь, наказать ослѣпить его, отомстить ему хоть малую часть той боли которую онъ ей сдѣлалъ; она все еще говорила что уѣдетъ отъ него, но чувствовала что это невозможно; это было невозможно и потому что она не могла отвыкнуть считать его своимъ мужемъ и любить его. А наконецъ и здѣсь, въ своемъ домѣ, она едва успѣвала ухаживать за своими лѣтью дѣтми; куда же она поѣдетъ со всѣми ими, когда и здѣсь, въ эти три дня, мнѣшней заболѣлъ оттого что его накормили дурнымъ бульйономъ, а остальные были вчера почти безъ

обѣда? Она чувствовала что уѣхать невозможно; но, обманывая себя, отбирала вещи и притворялась что уѣдетъ.

Увидавъ мужа, она стала возиться въ шифоньеркѣ будто отыскивая что-то, и собравшись съ духомъ оглянулась на него. Но лицо ея, которому она хотѣла придать строгое и рѣшительное выраженіе, выражало потерянность и страданіе, и было жалко.

— Долли! сказала онъ тихимъ, робкимъ голосомъ.

Онъ втянулъ голову въ плечи и хотѣлъ имѣть жалкій и покорный видъ, но онъ все-таки сіялъ свѣжестью и здоровьемъ. Она, быстрымъ взглядомъ, оглядѣла съ головы до ногъ его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру. „Да онъ счастливъ и доволенъ!“ подумала она: „а я?... И эта доброта противная, за которую всѣ такъ любятъ его и хвалятъ; я ненавижу эту его доброту,“ подумала она. Ротъ ея сжался, мускуль щеки затрясся на правой сторонѣ блѣднаго, нервнаго лица.

— Что вамъ нужно? сказала она быстрымъ, не своимъ, груднымъ голосомъ.

— Долли! повторилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ: — Анна пріѣдетъ сегодня.

— Ну что же мнѣ? Я не могу ее принять! вскрикнула она.

— Но надо же, однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите, не глядя на него, вскрикнула она, какъ будто крикъ этотъ былъ вызванъ физическою болью.

Степанъ Аркадьевичъ могъ быть спокоенъ когда онъ думалъ о женѣ, могъ надѣяться что все *образуется*, по выраженію Матвѣя, и могъ спокойно читать газету и пить кофе; но когда онъ увидалъ ея измученное, страдальческое лицо, услышалъ этотъ звукъ голоса покорный судьбѣ и отчаянный, ему захватило дыханіе, что-то подступило къ горлу, и глаза его заблестѣли слезами.

— Боже мой, что я сдѣлалъ! Долли! Ради Бога!.. Вѣдь...

Онъ не могъ продолжать, рыданіе остановилось у него въ горлѣ.

Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него.

— Долли, что я могу сказать?.. Одно: прости, прости... Вспомни, развѣ девять лѣтъ жизни не могутъ искулить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая что онъ скажетъ.

— Минуты увлеченья... выговорилъ онъ, и хотѣлъ продолжать,

но при этомъ словѣ, будто отъ физической боли, опять поджались ея губы и опять залрыгаль мускуль щеки на правой сторонѣ лица.

— Уйдите, уйдите отсюда, закричала она еще пронзительнѣе, — и не говорите мнѣ про ваши увлеченія и про ваши мерзости.

Она хотѣла уйти, но пошатнулась и взялась за спинку стула чтобъ опереться. Лицо его расширилось, губы распухли, глаза налились слезами.

— Долли! проговорилъ онъ уже всхлипывая: — Ради Бога подумай о дѣтяхъ, они не виноваты. Я виноватъ, и накажи меня, вели мнѣ искупить свою вину. Чѣмъ я могу, я все готовъ. Я виноватъ, нѣтъ словъ сказать какъ я виноватъ. Но, Долли, прости!

Она съѣла. Онъ слышалъ ея тяжелое, громкое дыханіе, и ему было невыразимо жадко ее. Она нѣсколько разъ хотѣла начать говорить, но не могла. Онъ ждалъ.

— Ты помнишь дѣтей чтобъ играть съ ними, а я помню и знаю что они погибли теперь, сказала она видимо одну изъ фразъ которыя она за эти три дня не разъ говорила себѣ.

Она сказала ему „ты“ и онъ съ благодарностью взглянул на нее и тронулся чтобы взять ея руку, но она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него.

— Я помню про дѣтей, и поэтому все въ мірѣ сдѣлала бы чтобы спасти ихъ, но я сама не знаю чѣмъ я спасу ихъ: тѣмъ ли что увезу отъ отца или оставлю съ развратнымъ отцомъ, да, съ развратнымъ отцомъ... Ну скажите, послѣ того... что было, развѣ возможно намъ жить вмѣстѣ? Развѣ это возможно? скажите же, развѣ это возможно? повторяла она возвышая голосъ: — послѣ того какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, входитъ въ любовную связь съ гувернанткой своихъ дѣтей...

— Но что жъ дѣлать? Что дѣлать? говорилъ онъ жалкимъ голосомъ, самъ не зная что онъ говоритъ и все ниже и ниже опуская голову.

— Вы мнѣ гадки, отвратительны! закричала она горячасъ все болѣе и болѣе.—Ваши слезы—вода. Вы никогда не любиле меня, въ васъ нѣтъ ни сердца, ни благородства. Вы мнѣ мерзки, гадки, чужой, да чужой совѣмъ, съ болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово *чужой*.

Онъ поглядѣлъ на нее, и злоба выразившаяся на ея лицѣ

испугала и удивила его. Онъ не понималъ того что его жалость къ ней раздражала ее. Она видѣла въ немъ къ себѣ сожалѣнье, но не любовь. „Нѣтъ, она ненавидитъ меня. Она не проститъ,“ подумалъ онъ.

— Это ужасно! Ужасно! проговорилъ онъ.

Въ это время въ другой комнатѣ, вѣроятно улавши, закричалъ ребенокъ; Дарья Александровна прислушалась, и лицо ея вдругъ смягчилось.

Она видимо оломиналась нѣсколько секундъ, какъ бы не зная гдѣ она и что ей дѣлать, и быстро вставши, тронулась къ двери.

„Вѣдь любить же она моего ребенка“, подумалъ онъ, замѣтивъ измѣненье ея лица при крикѣ ребенка, „моего ребенка; какъ же она можетъ ненавидѣть меня?“

— Долли, еще одно слово, проговорилъ онъ идя за нею.

— Если вы пойдете за мной, я позову людей, дѣтей, пускай всѣ знаютъ что вы подлецъ. Я уѣзжаю нынче, а вы живите здѣсь съ своею любовницей.

И она вышла хлопнувъ дверью.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, отеръ лицо и тихими шагами пошелъ изъ комнаты. „Матвѣй говоритъ: образуется, но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ, какой ужасъ! и какъ тривіально она кричала,“ говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слова: подлецъ и любовница. „И можетъ-быть дѣвочки слышали! Ужасно тривіально, ужасно.“ Степанъ Аркадьевичъ постоялъ нѣсколько секундъ одинъ, отеръ глаза, вздохнулъ и, выпрямивъ грудь, вышелъ изъ комнаты.

Была пятница, и въ столовой часовщикъ Нѣмецъ заводилъ часы. Степанъ Аркадьевичъ вспомнилъ свою шутку объ этомъ аккуратномъ лѣтшивомъ часовщикѣ: что Нѣмецъ самъ былъ заведенъ на всю жизнь чтобы заводитъ часы,—и улыбнулся. Степанъ Аркадьевичъ любилъ хорошую шутку. А можетъ-быть и образуется! Хорошо словечко: *образуется*, подумалъ онъ. Это надо разказать.

— Матвѣй! крикнулъ онъ.—Такъ устрой же все тамъ съ Марьей, въ диванной, для Анны Аркадьевны, сказалъ онъ явившемуся Матвѣю.

— Слушаю-сь.

Степанъ Аркадьевичъ надѣлъ шубу и вышелъ на крыльцо.

— Кушать дома не будете? сказалъ провожавшій Матвѣй.

— Какъ придется. Да вотъ возьми на расходы, сказалъ онъ подавая двадцать рублей изъ бумажника:—довольно будетъ?

— Довольно ли недовольно, видно обойтись надо, сказалъ Матвѣй захлопывая дверку и отступая на крыльцо.

Дарья Александровна между тѣмъ, успокоивъ ребенка и по звуку кареты понявъ что онъ уѣхалъ, вернулась опять въ спальню. Это было единственное убѣжище ея отъ домашнихъ заботъ которыя обступали ее какъ только она выходила. Уже и теперь, въ то короткое время когда она выходила въ дѣтскую, Англичанка и Матрена Филимоновна успѣли сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ не терпѣвшихъ отлагательства, и на которые она одна могла отвѣтить: Чтò надѣтъ дѣтямъ на гулянье? Давать ли молоко? Не послать ли за другимъ поваромъ? „Ахъ, оставьте, оставьте меня!“ сказала она, и вернувшись въ спальню, сѣла опять на то же мѣсто гдѣ она говорила съ мужемъ, сжавъ исхудавшія руки съ кольцами спускавшимися съ костлявыхъ пальцевъ, и принялась перебирать въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ. Уѣхалъ! Но чѣмъ же кончилъ онъ съ нею? думала она. Неужели онъ видитъ ее? За чѣмъ я не спросила его? Нѣтъ, нѣтъ, сойтись нельзя. Если мы и останемся въ одномъ домѣ — мы чужіе. Навсегда чужіе! повторила она опять съ особеннымъ значеніемъ это страшное для нея слово. А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его!... Какъ я любила! И теперь развѣ я не люблю его? Не больше ли чѣмъ прежде я люблю его? Ужасно, главное то... начала она, но не dokonчила своей мысли потому что Матрена Филимоновна высунулась изъ двери.

— Уже прикажите за братомъ послать, сказала она,—все онъ изготовитъ обѣдъ; а то, по вчерашнему, до шести часовъ дѣтя не ѣвши.

— Ну хорошо, я сейчасъ выйду и распорядусь. Да послали за свѣжимъ молокомъ?

И Дарья Александровна погрузилась въ заботы дня и пошла въ нихъ на время свое горе.

V.

Степанъ Аркадьевичъ въ школѣ учился хорошо благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, но былъ лѣнивъ и шалулъ, и потому вышелъ изъ послѣднихъ; но несмотря на свою всегда разгульную жизнь, небольшіе чины и нестарые годы, занималъ почетное и съ большимъ жалованьемъ мѣсто начальника въ одномъ изъ московскихъ присутствій. Мѣсто это онъ получилъ чрезъ мужа сестры Анны, Алексѣя Александровича Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ министерствѣ къ которому принадлежало присутствіе; но еслибы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то чрезъ сотню другихъ лицъ, братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, тетокъ, Стыва Облонскій получилъ бы это мѣсто или другое подобное, тысячь въ шесть жалованья, которыя ему были нужны, такъ какъ дѣла его, несмотря на достаточное состояніе жены, были разстроены.

Половина Москвы и Петербурга была родня и пріятели Степана Аркадьевича. Онъ родился въ средѣ тѣхъ людей которые были и стали сильными міра сего. Одна треть государственныхъ людей, стариковъ, были пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ; другая треть были съ нимъ на „ты“, а третья—были хорошіе знакомые; слѣдовательно, раздаватели земныхъ благъ въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій и тому подобнаго, были всѣ ему пріятели и не могли обойти своего, и Облонскому не нужно было особенно стараться чтобы получить выгодное мѣсто; нужно было только не отказываться, не завидовать, не ссориться, не обижаться, чего онъ, по своейственной ему добротѣ, никогда и не дѣлалъ. Ему бы смѣшно показалось еслибъ ему сказали что онъ не получитъ мѣста съ тѣмъ жалованьемъ которое ему нужно, тѣмъ болѣе что онъ и не требовалъ чего-нибудь чрезвычайнаго; онъ хотѣлъ только того что получали его сверстники, а исполнять такого рода должность могъ онъ не хуже всякаго другаго.

Степана Аркадьевича не только любили всѣ знавшіе его, за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность; но въ немъ, въ его красивой, свѣтлой наружности, блестящихъ глазахъ, черныхъ бровяхъ, волосахъ, бѣлизнѣ и румянцѣ лица, было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и

весело на людей встрѣчавшихся съ нимъ. „Ага! Стива! Облонскій! Вотъ и онъ!“ почти всегда съ радостною улыбкой говорили встрѣчаясь съ нимъ. Если и случалось иногда что послѣ разговора съ нимъ оказывалось что ничего особенно радостнаго не случилось, на другой день, на третій, опять точно также всѣ радовались при встрѣчѣ съ нимъ. Но было одно несомнѣнное качество, за которое нельзя было не любить Степана Аркадьевича. Онъ, безъ малѣйшаго усилія, всю жизнь исполнял то что многіе люди желающіе быть хорошими стараются и не могутъ исполнить. Онъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Онъ, любившій такъ шутку, даже шуткой никогда не бывалъ увлеченъ въ насмѣшку. Всякая шутка казалась ему уже не весела если она могла оскорбить или огорчить кого-нибудь.

Занимая третій годъ мѣсто начальника одного изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, Степанъ Аркадьевичъ пріобрѣлъ, кромѣ любви, и уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъкъ то имѣлъ до него дѣло. Главныя качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему это общее уваженіе по службѣ, состояли, вопервыхъ, въ чрезвычайной спусходительности къ людямъ основанной въ немъ на сознаніи своихъ недостатковъ; вовторыхъ, въ совершенной либеральности, не той про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, во той что у него была въ крови и съ которою онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были, и втретьихъ — главное: въ совершенномъ равнодушіи къ тому дѣлу которымъ онъ занимался, вслѣдствіе чего онъ никогда не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ.

Пріѣхавъ къ мѣсту своего служенія, Степанъ Аркадьевичъ, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, прошелъ въ свой маленькій кабинетъ, надѣлъ мундиръ и вошелъ въ присутствіе. Писцы и служащіе всѣ встали, весело и почтительно кланаясь. Степанъ Аркадьевичъ послѣшно, какъ всегда, прошелъ къ своему мѣсту, пожалъ руки членамъ и сѣлъ. Онъ пошутилъ и поговорилъ ровно сколько это было прилично, и началъ занятія. Никто вѣрнѣе Степана Аркадьевича не умѣлъ найти ту границу свободы, простоты и офиціально-сти которая нужна для пріятнаго занятія дѣлами. Секретарь весело и почтительно, какъ и всѣ въ присутствіи Степана Аркадьевича, подошелъ съ бумагами и проговорилъ, тѣмъ

фамиллярно либеральнымъ тономъ который введевъ былъ Степаномъ Аркадьевичемъ:

— Мы таки добились свѣдѣнiя изъ Пензенскаго губернскаго правленiя. Вотъ не угодно ли....

— Получили наконецъ? проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ закладывая пальцемъ бумагу. — Ну-съ, господа... — И присутствiе началось.

Еслибъ они знали, думалъ онъ, съ значительнымъ видомъ склонивъ голову при слуханiи доклада, — какимъ виноватымъ мальчикомъ, полчаса тому назадъ, былъ ихъ предсѣдатель! — И глаза его смѣялись при чтенiи доклада. До двухъ часовъ, занятiя должны были идти не прерываясь, а въ два часа перерывъ и завтракъ.

Еще не было двухъ часовъ когда большiя стеклянныя двери залы присутствiя вдругъ отворились, и кто-то вошелъ. Всѣ члены изъ-подъ портрета и изъ-за зеркала, обрадовавшись развлеченiю, оглянулись на дверь; но сторожъ стоявшiй у двери тотчасъ же изгналъ вошедшаго и затворилъ за нимъ стеклянную дверь.

Когда дѣло было прочтено, Степанъ Аркадьевичъ всталъ потянувшись, и отдавая дань либеральности времени, въ присутствiи досталъ папироску и пошелъ въ свой кабинетъ. Два товарища его, старый служака Никитинъ и камеръ-юнкеръ Гриневичъ, вышли съ нимъ.

— Послѣ завтрака успѣемъ кончить, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ еще успѣемъ, сказалъ, Никитинъ.

— А плутъ порядочный долженъ быть этотъ Оминъ, сказалъ Гриневичъ объ одномъ изъ лицъ участвовавшихъ въ дѣлѣ которое они разбирали.

Степанъ Аркадьевичъ поморщился на слова Гриневича, давая этимъ чувствовать что неприлично преждевременно составлять сужденiе, и ничего ему не отвѣтилъ.

— Кто это входилъ? спросилъ онъ у сторожа.

— Какой-то, ваше превосходительство, безъ спросу влѣзъ только я отвернулся. Васъ спрашивали. Я говорю: когда выйдутъ члены, тогда....

— Гдѣ онъ?

— Нешто вышелъ въ сѣни, а то все тутъ ходилъ. Этотъ самый, сказалъ сторожъ, указывая на сильно сложеннаго, широкоплечаго человѣка съ курчавою бородой, который, не

снимаемая бараньей шалки, быстро и легко взбѣгалъ наверхъ по стертымъ ступенькамъ каменной лѣстницы. Одинъ изъ сходившихъ внизъ съ портфелемъ, худощавый чиновникъ, приостановившись, неодобрительно посмотрѣлъ на ноги бѣгущаго, и потомъ вопросительно взглянулъ на Облонскаго.

Стеланъ Аркадьевичъ стоялъ надъ лѣстницей. Добродушно сіяющее лицо его изъ-за шитаго воротника мундира просіяло еще болѣе когда онъ узналъ вбѣгавшаго.

— Такъ и есть! Левинъ, наконецъ! проговорилъ онъ съ дружескою, насмѣшливою улыбкой, оглядывая Левина, когда тотъ обнялъ и поцѣловалъ его. — Какъ это ты не побрезгалъ найти меня въ этомъ *вертень*? сказалъ Стеланъ Аркадьевичъ по-французски. — И въ европейскомъ платьѣ! прибавилъ онъ опять оглядывая его съ усмѣшкой.

— Я сейчасъ пріѣхалъ и очень хотѣлось тебя видѣть, отвѣчалъ Левинъ, застѣнчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ сердито и безлокойно оглядываясь вокругъ.

— Ну, пойдемъ въ кабинетъ, сказалъ Стеланъ Аркадьевичъ, знаяшій его самолюбивую и озлобленную застѣнчивость, и схвативъ его за руку, повлекъ за собой, какъ будто проводя его между опасностями.

Стеланъ Аркадьевичъ былъ на „ты“ почти со всѣми своими знакомыми: со стариками шестидесяти лѣтъ, съ мальчиками двадцати лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ кулцами и съ генераль-адъютантами, такъ что очень многіе изъ бывшихъ съ нимъ на „ты“ находились на двухъ крайностяхъ общественной лѣстницы и очень бы удивились узнавъ что шѣбуютъ черезъ Облонскаго что-нибудь общее. Онъ былъ на „ты“ со всѣми съ кѣмъ пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми, и поэтому, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ, встрѣчаясь со своими *постыдными* „ты“, какъ онъ называлъ шутя многихъ изъ своихъ пріятелей, онъ, со свойственнымъ ему тактомъ, умѣлъ уменьшать неприятность этого впечатлѣнія для подчиненныхъ. Левинъ не былъ постыдный „ты“, да и говорилъ все время по-французски, но Облонскій съ своимъ тактомъ почувствовалъ что Левинъ думать что онъ предъ подчиненными можетъ не желать выказать свою близость съ нимъ, и потому поторопился увести его въ кабинетъ.

Левинъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Облонскимъ и съ нимъ на „ты“ не по одному шампанскому. Левинъ былъ его това-

рищемъ и другомъ первой молодости. Они любили другъ друга, несмотря на различіе характеровъ и вкусовъ, какъ любятъ другъ друга пріятели сошедшіеся въ первой молодости и имѣющіе длинное прошедшее дружбы. Но несмотря на это, какъ часто бываетъ между людьми избравшими различные роды дѣятельности, каждый изъ нихъ, хотя разсуждая и оправдывалъ дѣятельность другаго, въ душѣ однако презиралъ ее. Каждому казалось что та жизнь которую онъ самъ ведетъ есть одна настоящая жизнь, а которую ведетъ пріятель, есть только призракъ. Облонскій не могъ удержать легкой, насмѣшливой улыбки при видѣ Левина. Ужь который разъ онъ видѣлъ его пріѣзжавшимъ въ Москву изъ деревни гдѣ онъ что-то дѣлалъ, но что именно, того Степанъ Аркадьевичъ никогда не могъ понять хорошенько, да и не интересовался. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стѣсненный и раздраженный этою стѣсненностью, и большею частью съ совершенно новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи. Степанъ Аркадьевичъ смѣялся надъ этимъ и любилъ это. Точно также и Левинъ въ душѣ презиралъ и городской обрядъ жизни своего пріятеля, и его службу которую считалъ пустяками, и смѣялся надъ этимъ. Но разница была въ томъ что Облонскій, дѣлая что всѣ дѣлаютъ, смѣялся самоувѣренно и добродушно, а Левинъ несамовѣренно и иногда сердито.

— Мы тебя давно ждали, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, войдя въ кабинетъ и выпустивъ руку Левина, какъ бы этимъ показывая что тутъ опасности кончились. — Очень, очень радъ тебя видѣть, продолжалъ онъ, блестя улыбкой. — Ну что ты? Какъ? Когда пріѣхалъ?

Левинъ молчалъ, поглядывая на незнакомыя ему лица двухъ товарищей Облонскаго и въ особенности на руку элегантнаго Гриневича, съ такими бѣлыми, длинными пальцами, съ такими длинными желтыми изгибавшимися въ концѣ ногтями и такими огромными, блестящими залонками на рубашкѣ, что эти руки видимо поглощали все его вниманіе и не давали ему свободы мысли. Облонскій тотчасъ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ахъ да, позвольте васъ познакомиться, сказалъ онъ. — Мои товарищи: Филиппъ Ивановичъ Никитинъ, Михаилъ Станиславичъ Гриневичъ, — и обратившись къ Левину: — земскій дѣя-

тель, новый, земскій человекъ, гимнастъ поднимающій одною рукой пять лудовъ, скотоводъ и охотникъ, и мой другъ Константинъ Дмитричъ Левинъ, братъ Сергѣя Ивановича Кознышева.

— Очень пріятно, сказалъ старичокъ.

— Имѣю честь знать вашего брата, Сергѣя Ивановича, сказалъ Григевичъ подавая свою тонкую руку съ длинными ногтями.

Левинъ нахмурился, холодно пожалъ руку, и тотчасъ же обратился къ Облонскому. Хотя онъ имѣлъ большое уваженіе къ своему, извѣстному всей Россіи одноутробному брату писателю, однако онъ терпѣть не могъ когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а какъ къ брату знаменитаго Кознышева.

— Нѣтъ, я уже не земскій дѣятель. Я со всѣми разбранился и не ѣзжу больше на собранія, сказалъ онъ обращаясь къ Облонскому.

— Скоро же! съ улыбкой сказалъ Облонскій. — Но какъ? отчего?

— Длинная исторія. Я разкажу когда-нибудь,—сказалъ Левинъ, но сейчасъ же сталъ разказывать: — Ну, коротко сказать, я убѣдился что никакой земской дѣятельности нѣтъ и быть не можетъ, заговорилъ онъ, какъ будто кто-то сейчасъ общѣлъ его:—съ одной стороны игрушка, играютъ въ парламентъ, а я не достаточно молодъ, ни достаточно старъ, чтобы забавляться игрушками, а съ другой (онъ заикнулся) стороны, это средство для уѣздной coterie наживать денегки. Прежде были опеки, суды, а теперь земство, не въ видѣ взятокъ, а въ видѣ незаслуженнаго жалованья, говорилъ онъ такъ горячо какъ будто кто-нибудь изъ присутствовавшихъ оспаривалъ его мнѣніе.

— Эге! Да ты, я вижу, олять въ новой фазѣ, въ консервативной, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Но, впрочемъ, послѣ объ этомъ.

— Да, послѣ. Но мнѣ нужно было тебя видѣть, сказалъ Левинъ, съ ненавистью вглядываясь въ руку Григевича.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Что жъ это ты въ европейскомъ платьѣ, а не въ русскомъ? сказалъ онъ оглядывая его новое, очевидно отъ французскаго портнаго, платье.—Такъ! я вижу: новая фаза.

Левинъ вдругъ покраснѣлъ, и такъ странно было видѣть

дѣственное лицо покрытое дѣтскимъ свѣжимъ

А жь увидимся? Вѣдь мнѣ очень, очень нужно погово-
рять тобою.

Левскій задумался: нельзя ли, вмѣсто завтрака дурною
пирожкой въ кабинетѣ присутствія, поѣхать за два шага къ
дверю и тамъ позавтракать и выпить?

— Вотъ что: поѣдемъ сейчасъ завтракать, и тамъ погово-
римъ. До трехъ я свободенъ.

— Нѣтъ, подумавъ отвѣчалъ Левинъ, — мнѣ еще надо
свѣдѣть.

— Ну, хорошо, такъ обѣдать вмѣстѣ.

— Обѣдать? Да. Мнѣ вѣдь ничего особеннаго, только два
слова сказать, спросить, а послѣ потолкуемъ.

— Такъ сейчасъ и скажи два слова, а бесѣдовать за обѣдомъ.

— Два слова вотъ какія, сказалъ Левинъ: — впрочемъ,
ничего особеннаго.

Лицо его вдругъ приняло злое выраженіе, происшедшее
отъ усилія которое онъ сдѣлалъ чтобы сказать что хотѣлъ.

— Что Щербацкіе дѣлаютъ? Все по старому? сказалъ
онъ.

Степанъ Аркадьевичъ, знавшій уже давно что Левинъ былъ
влюбленъ въ его свояченицу Кити, тонко улыбнулся, и глаза
его весело заблестѣли.

— Ты сказалъ два слова, а я въ двухъ словахъ отвѣтить
не могу, потому что.... Извини на минутку....

Вошелъ секретарь съ фамильярною почтительностью и нѣ-
которымъ, общимъ всѣмъ секретарямъ, скромнымъ сознаніемъ
своего превосходства предъ начальникомъ въ знаніи дѣлъ, по-
дошелъ съ бумагами къ Обловскому и сталъ, подъ видомъ во-
проса, объяснять какое-то затрудненіе. Степанъ Аркадь-
евичъ, не дослушавъ, положилъ ласково свою руку на рукавъ
секретаря.

— Нѣтъ, вы ужь такъ сдѣлайте какъ я говорилъ, сказалъ
онъ, улыбкой смягчая замѣчаніе, и кратко объяснивъ какъ
онъ понимаетъ дѣло отодвинулъ бумаги и сказалъ: — Такъ и
сдѣлайте, пожалуйста такъ, Захаръ Никитичъ.

Сконфуженный секретарь удалился. Левинъ, во время со-
вѣщанія съ секретаремъ, стоялъ облокотившись обѣими ру-
ками на стулъ, и на лицѣ его было насмѣшливое вниманіе.

— Не понимаю, не понимаю, сказалъ онъ.

— Чего ты не понимаешь? также весело улыбаясь и доста-
вая палироску, сказалъ Облонскій.

Онъ ждалъ отъ Левина какой-нибудь странной выходки.

— Не понимаю что вы дѣлаете, сказалъ Левинъ ложамя
печамтъ.—Какъ ты можешь это серьезно дѣлать?

— Отъ чего?

— Да отъ того что—ничего дѣлать.

— Ты такъ думаешь, но мы завалены дѣломъ.

— Бумажнымъ. Ну да, у тебя даръ къ этому, прибавилъ
Левинъ.

— То-есть, ты думаешь что у меня есть недостатокъ чего-то?

— Можетъ-быть и да, сказалъ Левинъ.—Но все-таки я лю-
буюсь на твое величїе и горжусь что у меня другъ та-
кой великій человекъ. Однако ты мнѣ не отвѣтилъ на мой
вопросъ, прибавилъ онъ съ отчаяннымъ усиленїемъ, прямо
глядя въ глаза Облонскому.

— Ну хорошо, хорошо. Погоди еще и ты придешь къ это-
му. Хорошо какъ у тебя три тысячи десятинъ въ Ефремов-
скомъ уѣздѣ, да такіе мускулы, да свѣжестъ какъ у двѣ-
надцатилѣтней дѣвочки, а придешь и ты къ намъ. Да, такъ
о томъ что ты спрашивалъ: перемѣны нѣтъ, но жаль что
ты такъ давно не былъ.

— А что? услуганно спросилъ Левинъ.

— Да ничего, отвѣчалъ Облонскій.—Мы поговоримъ. Да ты
зачѣмъ собственно прїѣхалъ?

— Ахъ, объ этомъ тоже поговоримъ послѣ, олять до ушей
покасаивъ сказалъ Левинъ.

— Ну, хорошо. Понято, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—
Такъ видишь ли: я бы позвалъ тебя къ себѣ, но жена не со-
всѣмъ здорова. А вотъ что: если ты хочешь ихъ видѣть, онѣ
навѣрное нынче въ Зоологическомъ Саду отъ четырехъ до пяти.
Бити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я завду, и
мнѣствъ куда-нибудь обѣдать.

— Прекрасно, до свиданїя же.

— Смотри же, ты вѣдь, я тебя знаю, забудешь или вдругъ
увдѣешь въ деревню, смѣясь прокричалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Нѣтъ, вѣрно.

И забывъ поклониться товарищамъ Облонскаго, особенно
прямо держась и рѣшительно стулая, Левинъ вышелъ изъ
кабинета.

— Должно - быть очень эпергическій господинъ, сказалъ Гриневицъ когда Левинъ вышелъ.

— Да, батюшка, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ покачивая головой, — вотъ счастливецъ, три тысячи десятинъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ, все впереди, и свѣжести сколько! Не то что нашъ братъ.

— Что жь вы-то жалуетесь, Степанъ Аркадьичъ?

— Да скверно, плохо, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, тяжело вздохнувъ.

VI.

Когда Облонскій спросилъ у Левина зачѣмъ онъ собственно прѣхалъ, Левинъ покраснѣлъ и разсердился на себя за то что покраснѣлъ, потому что онъ не могъ отвѣтить ему: „я прѣхалъ сдѣлать предложеніе твоей свояченицѣ“, хотя онъ прѣхалъ только за этимъ.

Дома Левиныхъ и Щербацкихъ были старые дворянскіе московскіе дома, и всегда были между собою въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Онъ вмѣстѣ готовился и вмѣстѣ поступилъ въ университетъ съ молодымъ княземъ Щербацкимъ, братомъ Долли и Кити. Въ это время, Левинъ часто бывалъ въ домѣ Щербацкихъ, и влюбился въ домъ Щербацкихъ. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Константинъ Левинъ былъ влюбленъ именно въ домъ, въ семью, въ особенности въ женскую половину семьи Щербацкихъ. Самъ Левинъ не помнилъ своей матери, и единственная сестра его была старше его, такъ что въ домѣ Щербацкихъ онъ въ первый разъ увидалъ ту самую среду стараго, дворянскаго, образованнаго и честнаго семейства которой онъ былъ лишенъ смертью отца и матери. Всѣ члены этой семьи, въ особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завѣсой, и онъ не только не видѣлъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, но подъ этою поэтическою покрывавшею ихъ завѣсой предполагалъ самыя возвышенныя чувства и всевозможныя совершенства. Для чего этимъ тремъ барышнямъ нужно было говорить черезъ день по-французски и по-

англійски; для чего онъ, въ извѣстные часы, играли по перчаткамъ на фортепiano, звуки котораго слышались у брата, въверху, гдѣ занимались студенты; для чего ѣздили эти учителя, французской литературы, музыки, рисованья, танцевъ; для чего, въ извѣстные часы, всѣ три барышни съ *Mlle Linon* подѣзжали въ коляскѣ къ Тверскому бульвару, въ своихъ атласныхъ шубкахъ, Долли въ длинной, Натали въ полудлинной, а Кити совершенно въ короткой, такъ что стальные ножки ея въ туго-натянутыхъ красныхъ чулкахъ были на всемъ виду; для чего имъ, въ сопровожденіи лакея съ золотой кокардой на шляпѣ, нужно было ходить по Тверскому бульвару; для чего онъ дѣлалъ сюрпризы отцу: пѣсы въ два фортепiano и французскіе спектакли; для чего потомъ Долли подарили часы, сшили длинное платье и повезли на первый балъ: всего этого онъ не понималъ, но зналъ что это такъ нужно, что это прекрасно, и былъ влюбленъ именно въ эту таинственность совершавшагося.

Во время своего студенчества, онъ чуть было не влюбился въ старшую Долли, но ее вскорѣ выдали замужъ за Облонскаго. Потомъ онъ началъ влюбляться во вторую. Онъ какъ будто чувствовалъ что ему надо влюбиться въ одну изъ сестеръ, только не могъ разобрать въ какую именно. Но и Натали только что оказалась въ свѣтъ вышла замужъ за дипломата Львова. Кити еще была ребенокъ когда Левинъ вышелъ изъ университета. Молодой Щербацкій, поступивъ во флотъ, утонулъ въ Балтійскомъ морѣ, и сношенія Левина со Щербацкими стали болѣе рѣдки. Но когда въ вышнемъ году, въ началѣ зимы, Левинъ пріѣхалъ въ Москву на выставку телятъ, и увидалъ Кити уже съ закрытыми длиннымъ платьемъ ножками, но еще болѣе предельною дѣвучкой чѣмъ она была ребенкомъ, онъ понялъ въ кого изъ трехъ ему дѣйствительно суждено было влюбиться.

Казалось бы, ничего не могло быть проще того чтобы ему, хорошей породы, скорѣе богатому чѣмъ бѣдному человѣку, тридцати двухъ лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ вѣроятностямъ, его тотчасъ признали бы хорошей партией, но Левинъ былъ влюбленъ, и поэтому ему казалось что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, такое существо превыше всего земнаго, а онъ такое земное низменное существо, что не могло быть и мы-

сли о томъ чтобы другіе и она сама признали его достынымъ ея.

Пробывъ въ Москвѣ какъ въ чадѣ два мѣсяца, почти к дый день выдаясь съ Кити, онъ внезапно рѣшилъ что эт не можетъ быть, и уѣхалъ въ деревню.

Онъ видѣлъ въ себѣ два главные недостатка, которые, его понятію, лишали его права думать о ней. Вопервы онъ не имѣлъ никакой привычки, опредѣленной въ его в гу дѣятельности и положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его варищи теперь, когда ему было тридцать два года, б уже который полковникъ и флигель-адъютантъ, кото профессоръ, который директоръ банка и желѣзныхъ дор или предсѣдатель присутствія какъ Облонскій; онъ же (зналъ очень хорошо какимъ онъ долженъ былъ казаться другихъ) былъ помѣщикъ, занимающійся разведеніемъ ровъ, стрѣляніемъ дуллелей и постройками, то-есть безд ный малый, изъ котораго ничего не вышло, и дѣлающій, понятіямъ общества, то самое чтò дѣлаютъ никуда не дившіеся люди. Онъ особенно живо чувствовалъ это ко бывалъ въ городѣ и сходился съ людьми занятыми опредѣл ною дѣятельностью, и видѣлъ всю эту кипящую, со всѣ сторонъ опредѣленную, всѣми признанную и всѣми уваж мую общественную дѣятельность. Только онъ одинъ бь безъ мѣста и безъ дѣла.

Другой недостатокъ, и самый главный, который онъ ч ствовалъ за собой при мысли о женитьбѣ, состоялъ въ то что онъ никогда не объяснялся въ любви ни съ одною ж щиною. Онъ представлялъ себя очень некрасивымъ, и е казалось что ни одна женщина, тѣмъ болѣе таинственна прелестная Кити, не могла любить его. Его прежнія отно нія къ Кити,—отношенія взрослога къ ребенку, вслѣдст дружбы съ ея братомъ,—казались ему еще новою прегра для любви. Некрасиваго, добраго человѣка, какимъ онъ с считалъ, можно, полагалъ онъ, любить какъ пріятеля, но ч бы быть любимымъ тою любовью какою онъ самъ люби Кити, нужно было быть красавцемъ, а главное—особенны человѣкомъ, онъ же считалъ себя и некрасивымъ и самы обыкновеннымъ человѣкомъ.

Слышалъ онъ что женщины часто любятъ некрасивы простыхъ людей, но не вѣрилъ этому, потому что судилъ

себѣ, такъ какъ самъ онъ могъ любить только красивыхъ, таинственныхъ и особенныхъ женщинъ. Но пробывъ два мѣсяца одинъ въ деревнѣ, онъ убѣдился что это не было одно изъ тѣхъ влюбленій которыя онъ испытывалъ въ первой молодости; что чувство это не давало ему минуты покоя; что онъ не могъ жить не рѣшивъ вопроса: будетъ или не будетъ она его женой. Онъ пріѣхалъ теперь въ Москву съ твердымъ рѣшеніемъ съдѣлать предложеніе и жениться если его примутъ. Или... онъ не могъ думать о томъ что съ нимъ будетъ если ему откажутъ.

Пріѣхавъ съ утреннимъ поѣздомъ въ Москву, Левинъ остановился у своего старшаго брата по матери Кознышева, и переодѣвшись вошелъ къ нему въ кабинетъ, намѣреваясь тотчасъ же разказать ему для чего онъ пріѣхалъ и просить его совѣта; но братъ былъ не одинъ. У него сидѣлъ извѣстный профессоръ философіи, пріѣхавшій изъ Харькова собственно затѣмъ чтобы разъяснить недоразумѣніе возникшее между ними по весьма важному философскому вопросу. Профессоръ велъ жаркую полемику противъ матеріалистовъ, а Сергій Кознышевъ съ интересомъ слѣдилъ за этою полемикой, и прочтя послѣднюю статью профессора написалъ ему въ письмѣ свои возраженія; онъ упрекалъ профессора за слишкомъ большія уступки матеріалистамъ. И профессоръ тотчасъ же пріѣхалъ чтобы столкнуться. Рѣчь шла о модномъ вопросѣ: есть ли граница между психическими и физиологическими явленіями въ дѣятельности человѣка, и гдѣ она?

Сергій Ивановичъ встрѣтилъ брата своею обычною для всѣхъ, ласково-холодною улыбкой, и познакомивъ его съ профессоромъ продолжалъ разговоръ.

Маленькій, желтый человѣчекъ въ очкахъ, съ узкимъ лбомъ, на мгновеніе отвлекся отъ разговора чтобы поздороваться, и продолжалъ рѣчь не обращая вниманія на Левина. Левинъ сѣлъ въ ожиданіи когда увидетъ профессоръ, но скоро заинтересовался предметомъ разговора.

Левинъ встрѣчалъ въ журналахъ статьи о которыхъ шла рѣчь, но онъ не могъ прочесть ихъ, потому что при этомъ чтеніи страшная скука одолевала его. Левинъ вообще не интересовался новѣйшею философіей. Ему всѣ эти вопросы о происхожденіи человѣка какъ животнаго, о рефлексахъ замѣняющихъ душу, о біологіи и соціологіи, казались невыносимо

скучными, потому что рѣшеніе этихъ вопросовъ въ ту или другую сторону нисколько не содѣйствовало къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ о значеніи жизни и смерти которые въ послѣднее время чаще и чаще приходили ему на умъ, и въ которые онъ углубляясь пытаясь разрѣшить ихъ. Но онъ не выражалъ даже для себя самого словами находимыхъ имъ разрѣшеній потому что смутно чувствовалъ что разрѣшеніе этихъ вопросовъ есть задача и цѣль всей жизни.

Слушая разговоръ брата съ профессоромъ, онъ нѣсколько разъ замѣчалъ что они почти подходили къ тѣмъ вопросамъ которые интересовали его; но каждый разъ какъ только они подходили близко къ самому главному, какъ ему казалось, они тотчасъ же послѣдно отдалялись и опять углублялись въ область тонкихъ подраздѣленій, оговорокъ, цитатъ, намековъ, ссылокъ на авторитеты, и онъ съ трудомъ понималъ о чемъ рѣчь.

— Я не могу допустить, сказалъ Сергѣй Ивановичъ съ обыкновеню ему ясностью и отчетливостью выраженія и изяществомъ дикціи: — я не могу ни въ какомъ случаѣ согласиться съ Кейсомъ чтобы все мое представление о вѣншемъ мірѣ вытекало изъ впечатлѣній. Самое основное понятіе *бытія* получено мною не черезъ ощущеніе; ибо нѣтъ и спеціальнаго органа для передачи этого понятія.

— Да, но они, Вурстъ и Кнаустъ и Приласовъ, отвѣтятъ вамъ что ваше сознаніе бытія вытекаетъ изъ совокулности всѣхъ ощущеній, что это сознаніе бытія есть результатъ ощущеній. Вурстъ даже прямо говоритъ это въ своей *Lehre*, что коль скоро нѣтъ ощущенія, нѣтъ и понятія бытія.

— Я скажу наоборотъ, началъ Сергѣй Ивановичъ, но тутъ Левину опять показалось что они, подойдя къ самому главному, опять отходятъ, и рѣшился предложить профессору вопросъ.

— Стало-быть, если чувства мои уничтожены, если тѣло мое умретъ, существованія никакого ужъ не можетъ быть? спросилъ онъ.

Профессоръ, съ досадою и какъ будто умственною болью отъ перерыва, оглянулся на страннаго вопрошателя, похожаго болѣе на бурлака чѣмъ на философа, и перенесъ глаза на Сергѣя Ивановича какъ бы спрашивая: что жъ тутъ говорить? Но Сергѣй Ивановичъ, который далеко не съ тѣмъ

усишемъ и односторонностью говорилъ какъ профессоръ, и у котораго въ головѣ оставался просторъ для того чтобъ и отвѣчать профессору, и вмѣстѣ понимать ту простую и естественную точку зрѣнія съ которою былъ сдѣланъ вопросъ, улыбулся и сказалъ:

— Этотъ вопросъ мы не имѣемъ еще права рѣшать...

— Не имѣемъ данныхъ, подтвердилъ профессоръ, и продолжалъ свои доводы. — Нѣтъ, говорилъ онъ, — я указываю на то что если, какъ прямо говоритъ Приласовъ, ощущеніе и имѣеть своимъ основаніемъ впечатлѣніе, то мы должны строго различать эти два понятія.

Нѣтъ, подумалъ Левинъ, ничего не понимаю. О томъ что интересно, они не хотятъ говорить. Онъ не слушалъ больше, и ждалъ когда увидеть профессоръ.

Когда профессоръ уѣхалъ, Сергѣй Ивановичъ обратился къ брату.

— Очень радъ что ты пріѣхалъ. Надолго? Чтò хозяйство?

Левинъ зналъ что хозяйство мало интересуеетъ старшаго брата, и что онъ только дѣлая ему уступку спросилъ его объ этомъ, и потому отвѣтилъ только о продажѣ пшеницы и девагахъ.

Левинъ хотѣлъ сказать брату о своемъ намѣреніи жениться и спросить его совѣта, онъ даже твердо рѣшился на это; но когда онъ увидѣлъ брата, послушалъ его разговора съ профессоромъ, когда услышалъ потомъ этотъ невольный покровительственный тонъ, съ которымъ братъ спрашивалъ его о хозяйственныхъ дѣлахъ (материнское имѣніе ихъ было недѣленое, и Левинъ завѣдывалъ обѣими частями), Левинъ почувствовалъ что не можетъ почему-то начать говорить съ братомъ о своемъ рѣшеніи жениться. Онъ чувствовалъ что братъ его не такъ какъ ему бы хотѣлось посмотреть на это.

— Ну чтò у васъ земство какъ? спросилъ Сергѣй Ивановичъ, который очень интересовался земствомъ и приписывалъ ему большое значеніе.

— А право не знаю...

— Какъ? Вѣдь ты членъ управы?

— Нѣтъ ужъ не членъ; я вышелъ, отвѣчалъ Константинъ Левинъ, — и не ѣзжу больше на собранія.

— Жалко! промолвилъ Сергѣй Ивановичъ нахмурившись.

Левинъ въ оправданіе сталъ разказывать чтò дѣлалось на собраніяхъ въ его уѣздѣ.

— Вотъ это всегда такъ, перебилъ его Сергѣй Ивановичъ. Мы, Русскіе, всегда такъ. Можетъ-быть это и хорошая напѣрца, способность видѣть свои недостатки, но мы пересаживаемъ, мы утѣшаемся проницательностью которая у насъ всегда готова на языкѣ. Я скажу тебѣ только что дай эти же права какъ наши земскія учрежденія другому европейскому народу, Нѣмцы и Англичане выработали бы изъ нихъ свободу, а мы вотъ только смѣемся.

Левину невольно пришло въ голову что если земскія учрежденія хороши только потому что изъ нихъ могутъ развиваться другія права, то надо бы такъ и сказать сначала: что земскія учрежденія сами по себѣ лустаки, но что изъ нихъ могутъ развиваться права, а кромѣ того сказать еще какія права. Но онъ не возражалъ, потому что не разсужденіемъ, а опытомъ убѣдился что въ этомъ дѣлѣ какъ и въ другихъ за которые онъ брался все основано на притворствѣ и фальши, и что повѣрить въ значительность земскихъ учреждений, послѣ того какъ онъ извѣдалъ ихъ не разумомъ, но опытомъ, онъ могъ, какъ не могъ бы повѣрить въ цѣльность ассигнаціи которая оказалась фальшивою.

— Но что же дѣлать? сказалъ онъ.—Это былъ мой послѣдній опытъ. Я вижу что я неспособенъ.

— Не неспособенъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—ты не такъ смотришь на дѣло.

— Можетъ-быть.

— А какъ тебѣ понравился профессоръ Климовъ? спросилъ Сергѣй Ивановичъ съ улыбкой чтобы смягчить свое замѣчаніе и перемѣнить разговоръ.—Очень искренній человѣкъ.

— Да, но я ничего не понялъ изъ того что онъ говорилъ, сказалъ Левинъ смѣясь.—И какъ онъ худъ, это ужасъ, какъ целочка!

— Да не вѣдь какъ ты Геркулесомъ быть. А ты зря ешь, братъ Николай олять тутъ.

— Что ты говоришь? съ выраженіемъ ужаса и вмѣстѣ досты вскрикнулъ Левинъ.

Братъ Николай былъ родной и старшій братъ Константина Левина и одноутробный братъ Сергѣя Ивановича, ловкій человѣкъ, промѣтавшій все свое состояніе, вращавшійся въ самомъ странномъ и дурномъ обществѣ и посорившійся съ братьями.

— Что ты говоришь? Почему ты знаешь что онъ здѣсь? Видь онъ былъ въ Кіевѣ?

— Прокофій видѣлъ его на улицѣ.

— Ахъ, это ужасно! проговорилъ Константинъ Левинъ сказившая отъ волненія.—Гдѣ онъ?

— Я жалѣю что сказалъ тебѣ это, сказалъ Сергѣй Ивановичъ видя волненіе меньшаго брата. — Я послалъ узнать гдѣ онъ живетъ и послалъ ему вексель его Трубину, по которому я заплатилъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

И Сергѣй Ивановичъ подалъ брату записку изъ-подъ преслапѣе.

Константинъ Левинъ прочелъ слѣдующее, написанное странно, но роднымъ ему почеркомъ: „Прошу покорно оставить меня въ покоѣ. Это одно чего я требую отъ своихъ любимыхъ братьевъ. Николай Левинъ.“

Левинъ прочелъ это, и не поднимая головы, съ запиской въ рукахъ, стоялъ предъ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Онъ чувствовалъ что желалъ бы забыть о несчастномъ братѣ, и чувствовалъ что это будетъ дурно.

— Онъ очевидно хочетъ оскорбить меня, продолжалъ Сергѣй Ивановичъ,—но оскорбить меня онъ не можетъ, и я всею душой желалъ бы помочь ему, но знаю что этого нельзя.

Левинъ зналъ какъ его братъ Николай былъ несправедливъ къ Сергѣю Ивановичу, какъ онъ несправедливо обвинялъ его въ неточности расчетовъ по раздѣлу, какъ жестоко уязвлялъ его въ самыя больныя мѣста; но Константинъ Дмитриевичъ тѣмъ живѣе чувствовалъ свою близость къ брату Николаю. Слезы выступили ему на глаза. Онъ отвернулся, прошелся по комнатѣ, и изъ другаго угла сказалъ:

— Я понимаю и цѣню твое отношеніе къ нему; но ты понимаешь что все-таки онъ мнѣ ближе.... Ахъ, это ужасно! Неужели ничего нельзя сдѣлать?

— Если тебѣ хочется сѣздить къ нему, сѣзди, но я не совѣтую, сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — То-есть, въ отношеніи ко мнѣ, я этого не боюсь, онъ тебя не поссоритъ со мной; но для тебя я совѣтую тебѣ лучше не ѣздить. Помочь нельзя. Впрочемъ дѣлай какъ хочешь.

— Можетъ-быть и нельзя помочь, но я чувствую что я долженъ участвовать въ его несчастіи. Я не имѣю права быть спокойнъ, тѣмъ болѣе счастливъ....

— Ну этого я не понимаю, сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Одно я понимаю, прибавилъ онъ: — это урокъ смиренія. Я иначе и снисходительнѣе сталъ смотрѣть на то что называется подлостью послѣ того какъ братъ Николай сталъ тѣмъ что онъ есть.... Ты знаешь что онъ дѣлалъ....

— Ахъ, это ужасно, ужасно! перебилъ Левинъ. Ему не хотѣлось слушать того что скажетъ Сергѣй Ивановичъ.

Извѣстіе о братѣ Николаѣ взволновало Левина. Онъ тотчасъ же собрался ѣхать къ нему, но обдумавъ рѣшилъ отложить свою поѣздку до вечера. Теперь надо было дѣлать то дѣло для котораго онъ пріѣхалъ въ Москву. И когда онъ вышелъ и велѣлъ ѣхать въ присутствіе Облонскаго, онъ совсѣмъ забылъ о братѣ, и только мысль о Кити и о рѣшеніи своей судьбы занимала его.

Изъ присутствія Левинъ поѣхалъ къ Щербацкимъ. Ему сказали что нѣтъ дома, и онъ поѣхалъ туда гдѣ ему сказали что онъ можетъ застать ее.

VII.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, Левинъ слѣзъ съ извозчика у Зоологическаго Сада, и пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, навѣрное зная что найдетъ ее тамъ, потому что видѣлъ карету Щербацкихъ у подѣзда.

Былъ ясный морозный! день. У подѣзда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы. Чистый народъ, блестя на яркомъ солнцѣ шляпами, кишѣлъ у входа и по разчищеннымъ дорожкамъ, между *quasi* русскими домиками съ рѣзными князьками; старыя кудрявыя {березы сада, обвисшія вѣтвями отъ снѣга, казалось были разубраны въ новыя торжественныя "ризы.

Онъ шелъ по дорожкѣ къ катку и говорилъ себѣ: „Надо не волноваться, надо успокоиться. О чемъ ты? Чего ты? Молчи глупое,“ обращался онъ къ своему сердцу. И чѣмъ больше онъ старался себя успокоить, тѣмъ все хуже захватывало его дыханіе. Знакомый встрѣтился и окликнулъ его но Левинъ даже не узналъ кто это былъ. Онъ подошелъ къ горамъ на которыхъ гремѣли цѣли спускаемыхъ и подни

изямыхъ салазокъ, грохотали катившіяся салазки и звучали веселые голоса. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, и предъ нимъ открылся катокъ, и тотчасъ же, среди всѣхъ катавшихся, онъ узналъ ее.

Онъ узналъ что она тутъ по радости и страху охватившимъ его сердце. Она стояла, разговаривая съ дамою, на противоположномъ концѣ катка. Ничего казалось не было особеннаго ни въ ея одеждѣ, ни въ ея позѣ; но для Левина также легко было узнать ее въ этой толпѣ какъ розанъ въ крапивѣ. Все освѣщалось ею. Она была улыбка озарявшая все вокругъ. Неужели я могу сойти туда на ледъ, подойти къ ней? подумалъ онъ. Мѣсто гдѣ она была показалось ему недоступною святыней, и была минута что онъ чуть не ушелъ: такъ страшно ему стало. Ему нужно было сдѣлать усиліе надъ собою и разсудить что около нея ходятъ всякаго рода люди, что и самъ онъ могъ придти туда кататься на конькахъ. Онъ сошелъ внизъ, избѣгая подолгу смотрѣть на нее какъ на солнце, но онъ видѣлъ ее какъ солнце и не глядя.

На льду собирались въ этотъ день недѣли и въ эту пору два люди одного кружка, всѣ знакомые между собою. Были тутъ и мастера кататься, щеголявшіе искусствомъ, и учившіеся за креслами съ робкими, неловкими движеніями, и мальчишки, и старые люди, катавшіеся для гигиеническихъ цѣлей; всѣ казались Левину избранными счастливцами, потому что они были тутъ вблизи отъ нея. Всѣ катавшіеся казались совершенно равнодушно обгоняли, догоняли ее, даже говорили съ ней, и совершенно независимо отъ нея веселились пользуясь отличнымъ льдомъ и хорошею погодою.

Николай Щербачкій, двоюродный братъ Кити, въ коротенькой жакеткѣ и узкихъ панталонахъ, сидѣлъ съ коньками на ногахъ на скамейкѣ, и увидавъ Левина закричалъ ему:

— А, первый русскій конькобѣжецъ! Давно ли? Отличный ледъ, надѣвайте же коньки.

— У меня и коньковъ нѣтъ, отвѣчалъ Левинъ, удивляясь этой смѣлости и развязности въ ея присутствіи, и ни на секунду не теряя ее изъ вида, хотя и не глядѣлъ на нее. Онъ чувствовалъ что солнце приближалось къ нему. Она была на углѣ, и тупо поставивъ узкія ножки въ высокихъ ботинкахъ, видимо робѣя, катилась къ нему. Отчаянно махавшій руками

и пригибавшійся къ землѣ мальчикъ, въ русскомъ платьѣ, обгонялъ ее. Она катилась не совсѣмъ твердо, и вынувъ руки изъ маленькой муфты висѣвшей на снуркѣ, держала ихъ наготовѣ и, глядя на Левина, котораго она узнала, улыбалась ему и своему страху. Когда поворотъ кончился, она дала себѣ толчокъ упругою ножкой и подкатилась прямо къ Щербачкову; и ухватившись за него рукой улыбаясь кивнула Левину. Она была прекраснѣе чѣмъ онъ воображалъ ее.

Когда онъ думалъ о ней, онъ могъ себѣ живо представить ее всю, въ особенности прелесть этой, съ выраженіемъ дѣтской ясности и доброты, небольшой бѣлокурой головки, такъ гордо поставленной на статныхъ плечахъ. Этотъ постановъ головы и дѣтскость выраженія, въ соединеніи съ красотой стана, составляли ея особенную прелесть которую онъ хорошо помнилъ; но что всегда, какъ неожиданность, поражаело въ ней, это было выраженіе ея глазъ, кроткихъ, спокойныхъ и правдивыхъ, въ особенности ея улыбка которая всегда покоряла Левина и переносила его въ волшебный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя умиленнымъ и смягченнымъ, какимъ онъ могъ запомнить себя въ рѣдкіе дни своего ранняго дѣтства.

— Давно ли вы здѣсь? сказала она, подавая ему руку. — Благодарствуйте, прибавила она когда онъ поднималъ платокъ выпавшій изъ ея муфты.

— Я? я недавно, я вчера.... нынче то-есть.... пріѣхалъ, отвѣчалъ Левинъ не вдругъ отъ волненія поймавъ ея вопросъ. — Я былъ у васъ, сказалъ онъ, и тотчасъ же вспомнивъ съ какимъ намѣреніемъ онъ былъ у нихъ смутился и покраснѣлъ. — Я не зналъ что вы катаетесь на конькахъ, и прекрасно катаетесь.

Она внимательно посмотрѣла на него, какъ бы желая познать причину его смущенія.

— Вашу похвалу надо цѣнить. Здѣсь сохранились преданія что вы лучшій конькобѣжецъ, сказала она страхиная маленькою ручкой въ черной перчаткѣ иглы иея улавшія на муфту.

— Да, я когда-то со страстью катался; мнѣ хотѣлось дойти до совершенства.

— Вы все, кажется, дѣлаете со страстью, сказала она улы-

блась. — Мнѣ такъ хочется посмотрѣть какъ вы катаетесь. Надѣвайте же коньки и давайте кататься вмѣстѣ.

„Вмѣстѣ! Кататься вмѣстѣ! Неужели это возможно?“ думалъ Левинъ, глядя на нее.

— Сейчасъ надѣну, сказалъ онъ.

И онъ пошелъ надѣвать коньки.

— Давно не бывали у насъ, сударь, говорилъ катальщикъ, поддерживая ногу и навинчивая каблукъ. — Послѣ васъ, никого изъ господъ мастеровъ нѣту. Хорошо ли такъ будетъ? говорилъ онъ, натягивая ремень.

— Хорошо, хорошо, поскорѣй пожалуйста, отвѣчалъ Левинъ съ трудомъ удерживая улыбку счастья выступавшую неволью на его лицѣ. „Да, думалъ онъ, вотъ это жизнь, вотъ это счастье! *Вмѣстѣ*, сказала она, *давайте кататься вмѣстѣ*. Сказать ей теперь? Но вѣдь я оттого и боюсь сказать что теперь я счастливъ, счастливъ хоть надеждой... А тогда? Но надо же! надо, надо! Прочь слабость!“

Левинъ сталъ на ноги, снялъ ляльто и разбѣжавшись по шершавому у домика льду выбѣжалъ на гладкій ледъ и покатился безъ усилія, какъ будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бѣгъ. Онъ приблизился къ ней съ робостью, но олять ея улыбка успокоила его.

Она подала ему руку, и они пошли рядомъ прибавляя хода, и чѣмъ быстрѣе тѣмъ крѣпче она сжимала его руку.

— Съ вами я бы скорѣе выучилась, я почему-то увѣрена въ васъ, сказала она ему.

— И я увѣренъ въ себѣ когда вы олираетесь на меня, сказалъ онъ, но тотчасъ же услужался того что сказалъ, и покраснѣлъ. И дѣйствительно какъ только онъ произнесъ эти слова, вдругъ какъ солнце зашло за тучи, лицо ея утратило всю свою ласковость, и Левинъ узналъ знакомую игру ея лица означавшую усиліе мысли; на гладкомъ лбу ея вспухла морщинка.

— У васъ нѣтъ ничего непріятнаго? Впрочемъ, я не имѣю права спрашивать, быстро проговорилъ онъ.

— Отчего же?... Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ непріятнаго, отвѣчала она холодно, и тотчасъ же прибавила:—Вы не видите Mlle Linon?

— Нѣтъ еще.

— Подите къ ней, она такъ васъ любитъ.

„Что это? Я огорчилъ ее. Господи, помоги мнѣ!“ подумалъ Левинъ и любѣжалъ къ старой Француженкѣ, съ сѣдыми букольками, сидѣвшей на скамейкѣ. Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она встрѣтила его какъ стараго друга.

— Да, вотъ ростемъ, сказала она ему указывая глазами на Кити, — и старѣемъ. Тину bear уже сталъ большой! продолжала Француженка смѣясь, и напомнила ему его шутку о трехъ барышняхъ которыхъ онъ называлъ тремя медвѣдями изъ англійской сказки. — Помните, вы бывало такъ говорили?

Онъ рѣшительно не помнилъ этого, но она уже лѣтъ десять смѣялась этой шуткѣ и любила ее.

— Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Левинъ опять подбѣжалъ къ Кити. Лицо ея уже не было строго; глаза смотрѣли также нѣжно и правдиво, и она весело разговорилась о своей старой гувернанткѣ, о ея странностяхъ, даже о томъ какъ мать не вполне понимаетъ *Mlle Linon*. Это сужденіе о матери въ разговорѣ съ нимъ обрадовало Левина, и снова подало ему надежду. Она съ *нимъ* говорила о матери, то-есть допускала возможность что онъ съ нею можетъ понимать что-нибудь больше чѣмъ мать.

— Ну неужели вамъ не скучно зимою въ деревнѣ? спросила она.

— Нѣтъ, не скучно, а одиноко, сказалъ онъ.

Кити взглянула на него. „Да, это возможно,“ подумалъ онъ.

— Вы на долго пріѣхали? спросила его Кити.

— Я не знаю.

— Какъ не знаете?

— Не знаю. Это отъ васъ зависитъ, сказалъ онъ.

Не слыхала ли она его словъ или не хотѣла слышать, но она какъ бы спотыкнулась, два раза стукнувъ ножкой, и послѣшно покатила прочь отъ него. Она подкатилась къ *Mlle Linon*, что-то сказала ей и направилась къ домику гдѣ дамы снимали коньки.

„Ахъ! не нужно, не нужно было говорить теперь!“ подумалъ Левинъ. „Господи Боже мой! Помоги мнѣ, научи меня,“ говорилъ онъ молясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя потребность сильнаго движенія, разбѣгаясь и выписывая вѣнныя и вуртрянныя круги и тѣмъ обращая на себя вниманіе зрителей.

Въ это время, одинъ изъ молодыхъ людей, лучший изъ но

выхъ конькобѣжцевъ, съ палироской во рту, въ конькахъ, вышелъ изъ кофейной и, разбѣжавшись, пустился на конькахъ внизъ по ступенямъ, громяхая и подпрыгивая. Онъ летѣлъ внизъ, и не измѣнивъ даже свободнаго положенія рукъ покатился по льду.

— Ахъ, это новая штука! сказала Левинъ и тотчасъ же побѣжалъ наверхъ чтобы сдѣлать эту новую штуку.

— Не убейтесь, надо привычку! крикнулъ ему Николай Щербачкiй.

Левинъ вошелъ на приступки, разбѣжался сверху сколько могъ и пустился внизъ, удерживая въ непривычномъ движенiи равновѣсiе руками. На послѣдней ступени онъ зацѣпился, но чуть дотронувшись до льда рукой, сдѣлалъ сильное движенье, справился смѣясь и покатился дальше.

„Славный, милый“, подумала Кити въ это время, выходя изъ домика съ Миле Линор и глядя на него съ улыбкою тихой ласки какъ на любимаго брата. „И неужели я виновата, неужели я сдѣлала что-нибудь дурное? Они говорятъ: кокетство. Я знаю что я люблю не его; но мнѣ все-таки весело съ нимъ, и онъ такой славный. Только зачѣмъ онъ это сказалъ?...“ думала она.

Увидавъ уходящую Кити и мать встрѣчавшую ее на ступенькахъ, Левинъ, раскраснѣвшiйся послѣ быстрого движенiя, остановился и задумался. Онъ снялъ коньки и догналъ у выхода сада мать съ дочерью.

— Очень рада васъ видѣть, сказала княгиня. — Четверги, какъ всегда, мы принимаемъ.

— Стало-быть нынче?

— Очень рады будемъ видѣть васъ.

И княгиня пошла прочь отъ него.

Левинъ понялъ отгѣнокъ холодности въ тонѣ княгини, и ему больно и грустно стало. Кити вѣроятно почувствовала это, и не могла удержаться отъ желанiя заглядить холодность матери. Она повернула голову и съ улыбкой проговорила:

— До свиданiя.

Въ это время, Степанъ Аркадьевичъ со шляпой на боку, блестя лицомъ и глазами, веселымъ побѣдителемъ входилъ въ садъ. Но подойдя къ тещѣ онъ съ грустнымъ, виноватымъ лицомъ отвѣчалъ на ея вопросы о здоровьѣ Долли.

Поговоривъ тихо и уныло съ тещей, онъ выпрямилъ грудь и взялъ подъ руку Левина.

— Ну что жь, ѡдемъ? спросилъ онъ.—Я все о тебѣ думалъ, и я очень, очень радъ что ты прѣѣхалъ, сказалъ онъ со значительнымъ видомъ, глядя ему въ глаза.

— ѡдемъ, ѡдемъ, отвѣчалъ счастливый Левинъ, провожая глазами садившуюся въ карету Кити.

— Въ Англiю или въ Эримтажъ?

— Мнѣ все равно.

— Ну, въ Англiю, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выбравъ Англiю потому что тамъ онъ былъ болѣе долженъ, и потому считалъ нехорошимъ избѣгать эту гостиницу. — У тебя есть извоицкъ? Ну и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

Всю дорогу прiятели молчали. Левинъ думалъ о томъ что означала эта перемѣна выраженiя на лицѣ Кити, и то увѣрялъ себя что есть надежда, то приходилъ въ отчаянiе и ясно видѣлъ что его надежда безумна, а между тѣмъ чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того какимъ онъ былъ до ея улыбки и слова: *до свиданiя*. Все прежде сложное, трудное, враждебное, казалось простымъ, ловкимъ и милымъ.

Степанъ Аркадьевичъ дорогой сочинялъ меню обѣда.

— Ты вѣдь любишь тюрбо? сказалъ онъ Левину подѣвзая.

— Чтò? переспросилъ Левинъ.—Тюрбо? Да, я ужасно люблю тюрбо.

VIII.

Когда Левинъ вошелъ съ Облонскимъ въ гостиницу, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженiя, какъ бы сдержаннаго сиянiя, на лицѣ и во всей фигурѣ Степана Аркадьевича. Облонскiй снялъ пальто, и со шляпой на бекрень прошелъ въ столовую, отдавая приказанiя лилнувшимъ къ нему Татарамъ во фракахъ и съ салфетками. Кланаясь на право и на лѣво нашедшимся и тутъ какъ вездѣ, радостно встрѣчавшимъ его знакомымъ, онъ подошелъ къ буфету, закусилъ водку рыбкой, и что-то такое сказалъ раскрашенной въ ленточкахъ, кружевахъ и завитушкахъ Француженкѣ сидѣвшей за конторкой, что даже эта Француженка искренно

засмѣлась. Левинъ же только оттого не выпилъ водки что ему оскорбительна была эта Француженка, вся составленная, казалось, изъ чужихъ волосъ, *rouge de riz* и *vinaigre de toilette*. Онъ, какъ отъ грязнаго мѣста, послѣшно отошелъ отъ нея. Вся душа его была переполнена воспоминаніемъ о Кити, и въ глазахъ его свѣтилась улыбка торжества и счастья.

— Сюда, ваше сіятельство, пожалуйста, здѣсь не обезпokoятъ ваше сіятельство, говорилъ особенно липнувшій старый, бѣлесый Татаринъ съ широкимъ тазомъ и расходившимися надъ нимъ фалдами фрака:—пожалуйте, ваше сіятельство, говорилъ онъ Левину, въ знакъ почтенія къ Степану Аркадьевичу ухаживая и за его гостемъ.

Мгновенно разостлавъ свѣжую скатерть на покрытый уже скатертью круглый столъ подъ бронзовымъ бра, онъ пододвинулъ бархатные стулья и остановился предъ Степаномъ Аркадьевичемъ съ салфеткой и карточкой въ рукахъ, ожидая приказаній.

— Если прикажете, ваше сіятельство, отдѣльный кабинетъ сейчасъ опростается: князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

— А! устрицы.

Степанъ Аркадьевичъ задумался.

— Не измѣнить ли планъ, Левинъ? сказалъ онъ, остановивъ ладонь на картѣ, и лицо его выражало серьезное недоумѣніе.

— Ну что жь, спросимъ.

— Хороши ли устрицы? Ты смотри.

— Фленбургскія, ваше сіятельство, остендскихъ нѣтъ.

— Фленбургскія-то Фленбургскія, да свѣжи ли?

— Вчера получены-съ.

— Такъ что жь, не начать ли съ устрицъ, а потомъ ужь и весь планъ измѣнить. А?

— Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь этого нѣтъ.

— Каша а ла руссь, прикажете? сказалъ Татаринъ, какъ няня надъ ребенкомъ нагибалась надъ Левинымъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, что ты выберешь то и хорошо. Я любѣлъ на конькахъ и ѣсть хочется. И не думай, прибавилъ онъ, замѣтивъ на лицѣ Облонскаго недовольное выраженіе,—чтобъ я не оцѣнилъ твоего выбора. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

— Еще бы! Чтò ни говори, это одно изъ удовольствій жизни, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Ну такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устриць два, или мало, три десятка, суль съ кореньями...

— Прентаньеръ, подхватилъ Татаринъ, но Степанъ Аркадьевичъ видно не хотѣлъ ему доставлять удовольствіе называть по-французски кушанья.

— Съ кореньями, знаешь? Потомъ тюрбо подъ густымъ соусомъ, потомъ.... ростбифу; да смотри, чтобы хорошъ былъ. Да каллауновъ что ли, ну и консервовъ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьевича не называть кушанья по французской картѣ, не повторялъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ: „суль прентаньеръ, тюрбо, сосъ Бомарше, пулардъ а лестрагонъ, маседуанъ де фрюи....“ и тотчасъ какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту и подхвативъ другую, карту винъ, поднесъ ее Степану Аркадьевичу.

— Чтò же пить будемъ?

— Я чтò хочешь, только не много, шампанское, сказалъ Левинъ.

— Какъ? сначала? А впрочемъ правда, пожалуй. Ты любишь съ бѣлою печатью?

— Каше бланъ, подхватилъ Татаринъ.

— Ну такъ этой марки къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

— Слушаю-сь. Столоваго какого прикажете?

— Нью подай. Нѣтъ, ужъ лучше классическій шабли.

— Слушаю-сь. Сыру *вашего* прикажете?

— Ну, да, пармезану. Или ты другой любишь?

— Нѣтъ, мнѣ все равно, не въ силахъ удерживать улыбки говорилъ Левинъ.

И Татаринъ, съ развѣвающимися фалдами, любѣжалъ и чрезъ пять минутъ влетѣлъ съ блюдомъ открытыхъ, на перламутровыхъ раковинахъ, устриць, и съ бутылкой между пальцами.

Степанъ Аркадьевичъ смялъ накрахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и, положивъ покойно руки, взялся за устрицы.

— А не дурны, говорилъ онъ, сдирая серебряною вилочкой съ перламутровой раковины шляпающихъ устриць и прогла-

тывая ихъ одну за другой.— Не дурны, повторялъ онъ, вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на Татарина.

Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе. Но онъ любовался на Облонскаго. Даже Татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое вино по разлятымъ, тонкимъ рюмкамъ, съ замѣтною улыбкой удовольствія поглядывалъ на Степана Аркадьевича. „Вотъ это кушаютъ! Служить весело“, говорилъ онъ себѣ, стоя предъ Степаномъ Аркадьевичемъ и поправляя свой бѣлый галстукъ.

— А ты не очень любишь устрицы, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ выливая свой бокаль,—или ты озабоченъ. А?

Ему хотѣлось чтобы Левинъ былъ веселъ. Но Левинъ не то что былъ не веселъ, онъ былъ стѣсненъ. Съ тѣмъ что было у него въ душѣ, ему жутко и неловко было въ трактирѣ между кабинетами гдѣ обѣдали съ дамами, среди этой бѣготни и суетни; эта обстановка бронзы, зеркалъ, газа, Татаръ, все это было ему оскорбительно. Онъ боялся залапачать то что переполняло его душу.

— Я? Да, я озабоченъ; но кромѣ того меня это все стѣсняетъ, сказалъ онъ. — Ты не можешь представить себѣ какъ для меня, деревенскаго жителя, все это дико, какъ ногти того господина котораго я видѣлъ у тебя...

— Да я видѣлъ что ногти бѣднаго Гриневича тебя очень заинтересовали, смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Не могу, отвѣчалъ Левинъ. — Ты постарайся, войди въ меня, стань на точку зрѣнія деревенскаго жителя. Мы въ деревнѣ стараемся привести свои руки въ такое положеніе чтобъ удобно было ими работать. Для этого обстригаемъ ногти, засучиваемъ иногда рукава; а тутъ люди нарочно отпускаютъ ногти насколько они могутъ держаться, и прицѣпляютъ въ видѣ залонокъ блюдечки чтобъ ужъ ничего нельзя было дѣлать руками.

Степанъ Аркадьевичъ весело улыбался.

— Да это признакъ того что грубый трудъ ему не нуженъ. У него работаетъ умъ....

— Можетъ-быть. Но все-таки мнѣ дико, также какъ мнѣ дико теперь то что мы, деревенскіе жители, стараемся лоскорѣе наѣсться чтобы быть въ состояніи дѣлать свое дѣло, а мы съ тобой стараемся какъ можно дольше не наѣсться; и для этого ѣдимъ устрицы....

— Ну, разумѣется, подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ.— Но въ этомъ-то и цѣль образованія: изо всего сдѣлать наслаженіе.

— Ну если это цѣль, то я желалъ бы быть дикимъ.

— Ты и такъ дикъ. Вы всѣ Левины дики.

Левинъ вздохнулъ. Онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ, и ему захотѣлось поговорить о немъ; но Обловскій прямо приступилъ къ главному предмету.

— Ну что жъ, поѣдешь нынче вечеромъ къ нашимъ, къ Щербацкимъ то-есть? сказалъ онъ, отодвигая лустыя шершавыя раковины, придвигая сыръ и значительно блестя глазами.

— Да, я непременно поѣду, вслыхнувъ отвѣчалъ Левинъ.— Хотя мнѣ показалось что княгиня не охотно звала меня.

— Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера... Ну, давай же, братецъ, суль!... Это ея манера, *grande dame*, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Я тоже пріѣду, но мнѣ на слѣвку къ графинѣ Бониной надо. Ну какъ же ты не дикъ? Чѣмъ же объяснить то что ты вдругъ исчезъ изъ Москвы? Щербацкіе меня спрашивали о тебѣ безпрестанно, какъ будто я долженъ знать. А я знаю только одно: ты дѣлаешь всегда то чего никто не дѣлаетъ.

— Да, сказалъ Левинъ медленно и взволнованно. — Ты правъ, я дикъ. Но только дикость моя не въ томъ что я уѣхалъ, а въ томъ что я теперь пріѣхалъ. Теперь я пріѣхалъ....

И вдругъ Левинъ покраснѣлъ и замолчалъ.

— О, какой ты счастливецъ! подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ, глядя въ глаза Левину.

— Отчего?

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну, не очень юноша. Тебѣ сколько лѣтъ?

— Мнѣ тридцать четыре, я двумя годами старше тебя. Да не въ годахъ дѣло. У тебя все впереди.

— А у тебя развѣ ужъ назади?

— Нѣтъ, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее такъ въ пересыпочку.

— А что?

— Да не хорошо. Ну да я о себѣ не хочу говорить, и къ тому же объяснить всего нельзя, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Такъ ты зачѣмъ же пріѣхалъ въ Москву?... Эй, придержи! крикнулъ онъ Татарину.

— Ты догадываешься? отвѣчалъ Левинъ, не слуская со Степана Аркадьевича своихъ во глубинѣ свѣтящихся глазъ.

— Догадываюсь, но не могу начать говорить объ этомъ. Ужь поэтому ты можешь видѣть вѣрно или не вѣрно я догадываюсь, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ тонкою улыбкой глядя на Левина.

— Ну что же ты скажешь мнѣ? сказалъ Левинъ, дрожа всѣмъ лицомъ и голосомъ. — Какъ ты смотришь на это?

Степанъ Аркадьевичъ медленно выпивалъ свой стаканъ шабли не слуская глазъ съ Левина, который съ замираніемъ сердца ждалъ его отвѣта.

— Я? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ: — я ничего такъ не желалъ бы какъ этого, ничего! Это лучшее что могло бы быть.

— Но ты не ошибаешься? Ты знаешь о чемъ мы говоримъ, проговорилъ Левинъ, и лицо его еще болѣе покраснѣло. — Ты думаешь что это возможно?

— Думаю что возможно. Отчего же невозможно?

— Нѣтъ, ты точно думаешь что это возможно? Нѣтъ, ты скажи все что ты думаешь. Ну, а если, если меня ждетъ отъ казъ.... И я даже увѣренъ.... задыхаясь проговорилъ Левинъ.

— Отчего же ты это думаешь? улыбаясь на его волненіе сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Такъ мнѣ иногда кажется. Вѣдь это будетъ ужасно и для меня, и для нея.

— Ну, во всякомъ случаѣ для дѣвушки тутъ ничего ужаснаго нѣтъ. Всякая дѣвушка гордится предложеніемъ.

— Да, всякая дѣвушка, но не она.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ такъ зналъ это чувство Левина, зналъ что для него всѣ дѣвушки въ мірѣ раздѣляются на два сорта: одинъ сортъ, это всѣ дѣвушки въ мірѣ кромѣ ея, и эти дѣвушки имѣютъ всѣ человѣческія слабости и дѣвушки очень обыкновенныя; другой сортъ — она одна, не имѣющая никакихъ слабостей и превыше всего человѣческаго.

— Пстой, соуса возьми, сказалъ онъ, удерживая руку Левина который отталкивалъ отъ себя соусъ.

Левинъ покорно положилъ себѣ соуса, но не далъ вѣсть Степану Аркадьевичу.

— Нѣтъ, ты лостой, лостой, говорилъ онъ. — Ты пойми что это для меня вопросъ жизни и смерти. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ. И ни съ кѣмъ я не могу говорить объ этомъ какъ съ тобою. Вѣдь вотъ мы съ тобой по всему чужіе; другіе вкусы, взгляды, все; но я знаю что ты меня любишь и понимаешь, и отъ этого я тебя ужасно люблю. Но, ради Бога, будь вполне откровененъ.

— Я тебѣ говорю что я думаю, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь. — Но я тебѣ больше скажу: моя жена удивительнѣйшая женщина.... — Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ съ женою, и помолчавъ съ минуту продолжалъ: — У нея есть даръ предвидѣнія. Она насквозь видитъ людей; но этого мало, она знаетъ что будетъ, особенно по части браковъ. Она, напримѣръ, предсказала что Шаховская выйдетъ за Brentельна. Никто этому вѣрить не хотѣлъ, а такъ вышло. И она на твоей сторонѣ.

— То-есть какъ?

— Такъ что она мало того что любитъ тебя, она говоритъ что Кити будетъ твоею женою непременно.

При этихъ словахъ лицо Левина вдругъ просіяло улыбкой, тою которая близка къ слезамъ умиленія.

— Она это говоритъ! вскрикнулъ Левинъ. — Я всегда говорилъ что она прелесть, твоя жена. Ну и довольно, довольно объ этомъ говорить, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, вставая съ мѣста.

— Хорошо, но садись же.

Но Левинъ не могъ сидѣть. Онъ прошелся два раза своими твердыми шагами по клѣточкѣ-комнатѣ, помигалъ глазами чтобы не видно было слезъ, и тогда только сѣлъ опять за столъ.

— Ты пойми, сказалъ онъ, — что это не любовь. Я былъ влюбленъ, но это не то. Это не мое чувство, а какая-то сила внѣшняя завладѣла мной. Вѣдь я ухѣхалъ, потому что рѣшилъ что этого не можетъ быть, понимаешь, какъ счастья котораго не бываетъ на землѣ; но я бился съ собой, и вижу что безъ этого нѣтъ жизни. И надо рѣшить....

— Для чего же ты ухѣхалъ?

— Ахъ, постой! Ахъ, сколько мыслей! Сколько надо спросить! Послушай. Ты вѣдь не можешь представить себѣ что ты сдѣлалъ для меня тѣмъ что сказалъ. Я такъ счастливъ что даже гадокъ сталъ; я все забылъ. Я нынче узналъ что братъ Николай... знаешь, онъ тутъ... я и про него забылъ. Мнѣ кажется что и онъ счастливъ. Это въ родѣ сумашествія. Но одно ужасно... вотъ ты женился, ты знаешь это чувство... ужасно то что мы старые, уже съ прошедшимъ... не любви, а грѣховъ... вдругъ сближаемся съ существомъ чистымъ, невиннымъ; это отвратительно, и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойнымъ.

— Ну, у тебя грѣховъ не много.

— Ахъ, все-таки, сказалъ Левинъ, — все-таки, съ „отвращеніемъ читая жизнь мою, я трелещу и проклинаю, и горько жалеюсь...“ Да.

— Что жь дѣлать, такъ міръ устроенъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Одно утѣшеніе, какъ въ этой молитвѣ, которую я всегда любилъ, что не по заслугамъ прости меня, а по милосердію. Такъ и она только простить можетъ.

Левинъ выпилъ свой бокаль, и они помолчали.

— Одно еще я тебѣ долженъ сказать. Ты знаешь Вронскаго? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ Левина.

— Нѣтъ не знаю. Зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Подай другую, обратился Степанъ Аркадьевичъ къ Татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно когда его не нужно было.

— Зачѣмъ мнѣ знать Вронскаго?

— А затѣмъ тебѣ знать Вронскаго что это одинъ изъ твоихъ конкурентовъ.

— Что такое Вронскій? сказалъ Левинъ, и лицо его изъ того дѣтски восторженнаго выраженія которымъ любовался Облонскій, вдругъ перешло въ злое и непріятное.

— Вронскій, это одинъ изъ сыновей графа Василья Ивановича Вронскаго, и одинъ изъ самыхъ лучшихъ образцовъ золоченой молодежи петербургской. Я его узналъ въ Твери когда я тамъ служилъ, а онъ пріѣзжалъ на рекрутскій наборъ. Страшно богатъ, красивъ, большія связи, флигель-адъютантъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень милый, добрый малый. Но болѣе чѣмъ просто добрый малый. Какъ я его узналъ здѣсь, онъ и образованъ и очень уменъ: это человѣкъ который далеко пойдетъ.

Левинъ хмурился и молчалъ.

— Ну-съ, онъ появился здѣсь вскорѣ послѣ тебя, и какъ я понимаю, онъ по уши влюбленъ въ Кати, и ты понимаешь что мать....

— Извини меня, но я не понимаю ничего, сказалъ Левинъ. — Право, довольно говорить объ этомъ, давай говорить о другомъ.

Левинъ чувствовалъ какъ вдругъ холодомъ обдало его, и какъ на сердце ему налегла тяжесть.

— Ты постой, постой, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь и трогая его руку. — Я тебѣ сказалъ то что я знаю, и повторяю что въ этомъ тонкомъ и нѣжномъ дѣлѣ, сколько можно догадываться, мнѣ кажется, шансы на твоей сторонѣ.

Левинъ откинулся назадъ на стулъ, лицо его было блѣдно.

— Но я бы совѣтовалъ тебѣ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, продолжалъ Облонскій доливая ему бокалъ.

— Нѣтъ, благодарствуй, я больше не могу пить, сказалъ Левинъ, отодвигая свой бокалъ. — Я буду льянъ.... Ну, ты какъ проживаешь? продолжалъ онъ, видимо желая переменить разговоръ.

— Еще слово: во всякомъ случаѣ совѣтую рѣшить вопросъ скорѣе. Нынче не совѣтую говорить, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Поѣзжай завтра утромъ, классически, дѣлать предложеніе, и да благословитъ тебя Богъ...

— Что жъ ты все хотѣлъ на охоту ко мнѣ пріѣхать? Вотъ пріѣзжай весной, сказалъ Левинъ.

Теперь онъ всею душой расказывался что началъ этотъ разговоръ со Степаномъ Аркадьевичемъ. Его особенное чувство было осквернено разговоромъ о конкуренціи какого-то петербургскаго офицера, предположеніями и совѣтами Степана Аркадьевича. Онъ насунился и молчалъ.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ понималъ что дѣлалось въ душѣ Левина.

— Пріѣду когда-нибудь, сказалъ онъ. — Да, братъ, женщины, это винтъ на которомъ все вертится. Вотъ и мое дѣло плохо, очень плохо. И все отъ женщинъ. Ты мнѣ скажи откровенно, продолжалъ онъ, доставъ сигару и держась одною рукой за бокалъ, — ты мнѣ дай совѣтъ.

— Но въ чемъ же?

— Вотъ въ чемъ. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

— Извини, но я рѣшительно не понимаю этого, какъ бы... все равно какъ не понимаю, какъ бы я теперь, навъшишь, тутъ же пошелъ мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Степана Аркадьевича блестяли больше обыкновеннаго.

— Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ что не удержишься.

Himmlich ist's wenn ich bezwungen
Meine irdische Begier;
Aber doch wenn's nicht gelungen
Hatt' ich auch recht hübsch Plaisir.

Говоря это, Степанъ Аркадьевичъ тонко улыбался. Левинъ тоже не могъ не улыбнуться.

— Да, но безъ шутокъ, продолжалъ Облонскій, — ты пойми что женщина, милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая, и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда уже дѣло сдѣлано, ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ: разстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

— Ну, ужъ извини меня. Ты знаешь, для меня всѣ женщины дѣлятся на два сорта... то-есть вѣтъ... вѣрнѣе: есть женщины и есть... Я прелестныхъ ладшихъ созданій не видѣлъ и не увижу, а такія какъ та крашеная Француженка у конторки, съ завитками, это для меня гадины, и всѣ ладшія такія же.

— А Евангельская?

— Ахъ перестань! Христось слова эти сказалъ не для тѣхъ кто понимаетъ ихъ навыворотъ... Изъ всего Евангелія только и помнать эти слова. Впрочемъ, я говорю не то что думаю, а то что чувствую. Я имѣю отвращеніе къ ладшимъ женщинамъ. Ты лауковъ боишься, а я этихъ гадинъ. Ты вѣдь навѣрно не изучалъ лауковъ и не знаешь ихъ нравовъ; такъ и я.

— Хорошо тебѣ такъ говорить; это все равно какъ этотъ Диккенсовскій господинъ который перебрасываетъ лѣвою рукою черезъ правое плечо всѣ затруднительные вопросы. Но отрицаніе факта не отвѣтъ. Что жъ дѣлать, ты мнѣ скажи, что дѣлать? Жена старѣется, а ты лодокъ жизни. Ты не успѣешь оглянуться какъ ты уже чувствуешь что ты не можешь любить любовью жену, какъ бы ты ни увижалъ ее. А

тутъ вдругъ подвернется любовь, и ты пропалъ, пропалъ! съ унылымъ отчаяніемъ проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Левинъ усмѣхнулся.

— Да, и пропалъ, продолжалъ Облонскій.—Но что же дѣлать?

— Не красть калачей.

Степанъ Аркадьевичъ разсмѣялся.

— О моралистъ! Но ты пойми, есть двѣ женщины: одна настаиваетъ только на своихъ правахъ, и права эти твоя любовь которой ты не можешь ей дать; а другая жертвуетъ тебѣ всѣмъ и ничего не требуетъ. Что тебѣ дѣлать? Какъ поступить? Тутъ страшная драма.

— Если ты хочешь мою исповѣдь относительно этого, то я скажу тебѣ что не вѣрю чтобы тутъ была драма. И вотъ почему. По моему, любовь... объ любви, которая помнишь, Платонъ опредѣляетъ въ своемъ *Пирѣ*, объ любви служить пробнымъ камнемъ для людей. Одни люди понимаютъ только одну, другіе другую. И тѣ что понимаютъ только не платоническую любовь, напрасно говорятъ о драмѣ. При такой любви не можетъ быть никакой драмы. „Покорно вась благодарю за удовольствіе, мое почтенье“, вотъ и вся драма. А для платонической любви не можетъ быть драмы, потому что въ такой любви все ясно и чисто, потому что....

Въ эту минуту Левинъ вспомнилъ о своей связи и о внутренней борьбѣ которую онъ пережилъ. И онъ неожиданно прибавилъ:

— А впрочемъ можетъ-быть ты и правъ. Очень можетъ быть... Но я не знаю, рѣшительно не знаю.

— Вотъ видишь ли, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — ты очень цѣльный человекъ. Это твое качество и твой недостатокъ. Ты самъ цѣльный характеръ, и хочешь чтобы вся жизнь сложилась изъ цѣльныхъ явленій. А этого не бываетъ. Ты вотъ презираешь общественную служебную дѣятельность, потому что тебѣ хочется чтобы дѣло постоянно соответствовало цѣли, а этого не бываетъ. Ты хочешь тоже чтобы дѣятельность одного человека всегда имѣла цѣль, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого не бываетъ. Все разнообразіе, вся прелесть, вся красота жизни складывается изъ тѣни и свѣта.

Левинъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ. Онъ думалъ о своемъ и не слушалъ Облонскаго.

Облонскій почувствовалъ это. Они оба почувствовали что хотя они и друзья, хотя они обѣдали вмѣстѣ и пили вино, которое должно было бы еще болѣе сблизить ихъ, что каждый думаетъ только о своемъ, и одному до другаго нѣтъ дѣла. Облонскій уже не разъ испытывалъ это, случающееся послѣ обѣда, крайнее раздвоеніе вмѣсто сближенія, и зналъ что надо дѣлать въ этихъ случаяхъ.

— Счетъ! крикнулъ онъ, и вышелъ въ сосѣдную залу гдѣ тотчасъ же встрѣтилъ знакомаго адъютанта и вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ актрисѣ и ея содержателѣ. И тотчасъ же, въ разговорѣ съ адъютантомъ, Облонскій почувствовалъ облегченіе и отдохновеніе отъ разговора съ Левинымъ, который вызывалъ его всегда на слишкомъ большое умственное и душевное напряженіе.

Когда Татаринъ явился со счетомъ въ двадцать шесть рублей съ колѣшками и съ дополненіемъ на водку, Левинъ, котораго въ другое время, какъ деревенскаго жителя, привелъ бы въ ужасъ счетъ на его долю въ четырнадцать рублей, теперь не обратилъ вниманія на это, расплатился и отправился домой чтобы переодѣться и ѣхать къ Щербацкимъ гдѣ рѣшится его судьба.

IX.

Князь Кити Щербацкой было восемнадцать лѣтъ. Она вышла первая зиму. Услѣхи ея въ свѣтѣ были больше чѣмъ обихихъ ея старшихъ сестеръ, и больше чѣмъ даже ожидала княгиня. Мало того что юноши танцующіе на московскихъ балахъ почти всѣ были влюблены въ Кити, уже въ первую зиму представились двѣ серьезныя партіи: Левинъ и, тотчасъ же послѣ его отъѣзда, графъ Вронскій.

Появленіе Левина въ началѣ зимы, его частыя посѣщенія и явная любовь къ Кити были поводомъ къ первымъ серьезнымъ разговорамъ между родителями Кити о ея будущности и къ спорамъ между княземъ и княгинею. Князь былъ на сторонѣ Левина, говорилъ что онъ ничего не желаетъ лучшаго для Кити. Княгиня же, со свойственною женщинамъ привычкою обходить вопросъ, говорила что Кити слишкомъ

молода, что Левинъ ничѣмъ не показываетъ что имѣетъ серьезныя намѣренія, что Кити не имѣетъ къ нему привязанности и другіе доводы; но не говорила главнаго, того что она ждетъ лучшей партіи для дочери, и что Левинъ не симпатиченъ ей, и что она не понимаетъ его. Когда же Левинъ внезапно уѣхалъ, княгиня была рада и съ торжествомъ говорила мужу: „вишишь, я была права“. Когда же появился Вронскій, она еще болѣе была рада, утвердившись въ своемъ мнѣніи что Кити должна сдѣлать не просто хорошую, но блестящую партію.

Для матери не могло быть никакого сравненія между Вронскимъ и Левинымъ. Матери не нравились въ Левинѣ и его странныя и рѣзкія сужденія, и его неловкость въ свѣтѣ, основанная, какъ она полагала, на гордости, и его, по ея понятіямъ, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ, съ занятіями скотиной и мужиками; не нравилось очень и то что онъ, влюбленный въ ея дочь, ѣздилъ въ домъ полтора мѣсяца, чего-то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся не велика ли будетъ честь если онъ сдѣлаетъ предложеніе, и не понималъ что ѣздя въ домъ гдѣ дѣвушка невѣста, надо было объясниться. И вдругъ, не объяснившись, уѣхалъ. Хорошо что онъ такъ непривлекателенъ что Кити не влюбилась въ него, думала мать.

Вронскій удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери. Очень богатъ, уменъ, знатенъ, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человекъ. Нельзя было ничего лучшаго желать.

Вронскій на балахъ явно ухаживалъ за Кити, танцевалъ съ нею и ѣздилъ въ домъ, стало-быть нельзя было сомнѣваться въ серьезности его намѣреній. Но, несмотря на то, мать всю эту зиму находилась въ страшномъ безлокоиствѣ и волненіи.

Сама княгиня вышла замужъ тридцать лѣтъ тому назадъ, по сватовству тетюшки. Женихъ, о которомъ было все уже впередъ извѣстно, пріѣхалъ, увидалъ невѣсту и его увидали; сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатлѣніе; впечатлѣніе было хорошее; потомъ, въ назначенный день, было сдѣлано родителямъ и принято ожидаемое предложеніе. Все произошло очень легко и просто. По крайней мѣрѣ такъ казалось княгинѣ. Но на своихъ дочеряхъ она испытала какъ не легко и не просто это, кажущееся обык-

вовеннымъ, дѣло выдавать дочерей замужъ. Сколько страховъ было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денегъ потрачено, сколько столкновений съ мужемъ при выдачѣ замужъ старшихъ двухъ, Дарьи и Натальи! Теперь, при вывозѣ хельшой, переживались тѣ же страхи, тѣ же сомнѣнія, и еще большія чѣмъ изъ-за старшихъ ссоры съ мужемъ. Старый князь, какъ и всѣ отцы, былъ особенно щепетилень насчетъ чести и чистоты своихъ дочерей; онъ былъ неблагоприятно равнивъ къ дочерямъ, и особенно къ Кити которая была его любимица, и на каждомъ шагу дѣлалъ сцены княгинѣ за то что она компрометируетъ дочь. Княгиня привыкла къ этому еще съ первыми дочерьми, но теперь она чувствовала что щепетильность князя имѣетъ больше основаній. Она видѣла что въ послѣднее время многое измѣнилось въ приемахъ общества, что обязанности матери стали еще труднѣе. Она видѣла что сверстницы Кити составляли какія-то общества, отправлялись на какіе-то курсы, свободно обращались съ мужчинами, ѣздили одна по улицамъ, многія не присѣдали, и главное, были всѣ твердо увѣрены что выбрать себѣ мужа есть ихъ дѣло, а не родителей. „Нынче ужъ такъ не выдаютъ замужъ какъ прежде“, думали и говорили всѣ эти молодыя дѣвушки и всѣ даже старые люди. Но какъ же нынче выдаютъ замужъ, княгиня ни отъ кого не могла узнать. Французскій обычай родителямъ рѣшать судьбу дѣтей былъ не принятъ, осуждался. Англійскій обычай, совершенной свободы дѣвушки, былъ тоже не принятъ и невозможенъ въ русскомъ обществѣ. Русскій обычай сватовства считался чѣмъ-то безобразнымъ, надъ нимъ смѣялись всѣ и сама княгиня. Но какъ надо выходить и выдавать замужъ, никто не зналъ. Всѣ, съ кѣмъ княгинѣ случалось толковать объ этомъ, говорили ей одно: „Помилуйте, въ наше время ужъ пора оставить эту старину. Въдѣ молодымъ людямъ въ бракъ вступать, а не родителямъ; стало-быть и надо оставить молодыхъ людей устраиваться какъ они знаютъ“. Но хорошо было говорить такъ тѣмъ у кого не было дочерей, а княгиня понимала что при сближеніи дочь могла влюбиться, и влюбиться въ того кто не захочетъ жениться, или въ того кто не годится въ мужа. И сколько бы ни внушали княгинѣ что въ наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла вѣрить этому, какъ не могла бы вѣрить тому что въ какое бы то ни было время для пятнадцатилѣтнихъ дѣтей самими

лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты. И потому княгиня беззаботлась съ Кити больше чѣмъ со старшими дочерьми.

Теперь она боялась чтобы Вронскій не ограничился однимъ ухаживаньемъ за ея дочерью. Она видѣла что дочь уже влюблена въ него. Она утѣшала себя тѣмъ что онъ, честный человѣкъ, хорошей семьи, не сдѣлаетъ этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она знала какъ съ нынѣшнею свободой обращенія легко вскружить голову дѣвушки, и какъ вообще мужчины легко смотрять на эту вину. На прошлой недѣлѣ, Кити разказала матери свой разговоръ во время мазурки съ Вронскимъ. Разговоръ этотъ отчасти успокоилъ княгиню; но совершенно спокойною она не могла быть. Вронскій сказалъ Кити что они, оба брата, такъ привыкли во всемъ подчиняться своей матери что никогда не рѣшатся предпринять что-нибудь важное не посоветовавшись не нею. „И теперь я жду, какъ особеннаго счастья, прїѣзда матушки изъ Петербурга,“ сказалъ онъ.

Кити разказала это не придавая никакого значенія этимъ словамъ. Но мать поняла это иначе. Она знала что старуху ждутъ со дня на день, знала что старуха будетъ рада выбору сына, и ей странно было что онъ, боясь оскорбить мать, не дѣлаетъ предложенія; однако ей такъ хотѣлось и самаго брака, и болѣе всего успокоенія отъ своихъ тревогъ что она вѣрила этому. Какъ ни горько было теперь княгинѣ видѣть несчастье старшей дочери Долли, сбиравшейся оставить мужа, волненіе о рѣшавшейся судьбѣ меньшей дочери поглощало все ея чувства. Нынѣшній день, съ появленіемъ Левина, ей прибавилось еще новое беззаботство. Она боялась чтобы дочь, имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ Левину, изъ излишней честности не отказала бы Вронскому и вообще чтобы прїѣздъ Левина не залуталъ, не задержалъ дѣла столь близкаго къ окончанію.

— Что онъ, давно ли прїѣхалъ? сказала княгиня про Левина, когда они вернулись домой.

— Нынче, татапа.

— Я одно хочу сказать... начала княгиня, и по серьезно оживленному лицу ея Кити угадала о чемъ будетъ рѣчь.

— Мама, сказала она, вслыхнувъ и быстро поворачиваясь къ ней, — пожалуста, пожалуста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Она любила одного Вронскаго, любила какъ никогда никого не любила и не будетъ любить, и знала что мать будетъ говорить въ его пользу; но это-то и было ей непріятно. Она желала того же чего желала и мать, но мотивы желанія матери оскорбляли ее.

— Я только хочу сказать что подавъ надежду одному...

— Мама, голубчикъ, ради Бога не говорите. Такъ страшно говорить про это.

— Не буду, не буду, сказала мать, увидавъ слезы на глазахъ дочери; — но одно, моя душа: ты мнѣ обѣщала что у тебя не будетъ отъ меня тайны. Такъ это?

— Никогда, мама, никакой, отвѣчала Кити, покраснѣвъ и взглянувъ прямо въ лицо матери. — Но мнѣ нечего говорить теперь. Я... я... еслибы хотѣла, я не знаю что сказать и какъ... я не знаю....

Нѣтъ, неправду не можетъ она сказать съ этими глазами, подумала мать, улыбаясь на ея волненіе и счастье. Княгиня улыбалась тому какъ огромно и значительно кажется ей, обдажкѣ, то что происходитъ теперь въ ея душѣ.

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство подобное тому какое испытываетъ юноша предъ битвою. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться.

Она чувствовала что нынѣшній вечеръ, когда они оба въ первый разъ встрѣчаются, долженъ быть рѣшительный въ ея судьбѣ. И она безпрестанно представляла себѣ ихъ, то каждаго порознь, то вмѣстѣ обоихъ. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью, останавливалась на воспоминаніяхъ своихъ отношеній къ Левину. Воспоминанія дѣтства и воспоминанія о дружбѣ Левина съ ея умершимъ братомъ придавали поэтическую грустную прелесть этимъ мыслямъ. Да и вообще, ей легко и радостно было вспоминать о Левинѣ. Въ воспоминанія же о Вронскомъ примѣшивалось что-то неловкое, хотя онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человекъ; какъ будто фальшь какая-то была, — не въ немъ, онъ былъ очень простъ и милъ, — но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя совершенно простою и ясною. Но за то, какъ

только она думала о будущемъ съ Бронскимъ, предъ ней вставала перспектива прелестная, блестящая, невѣдомо поэтическая; съ Левинымъ же ничего не представлялось радостнаго, но что-то туманное.

Взойдя наверхъ одѣться для вечера, и взглянувъ въ зеркало, она съ радостью замѣтила что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладаніи всѣми своими силами, а это ей такъ нужно было для предстоящаго сраженія: она чувствовала въ себѣ вѣшнюю тишину и свободную грацію движеній.

Въ половинѣ восьмаго, только что она сошла въ гостиную, лакей доложилъ: „Константинъ Дмитричъ Левинъ“. Княгиня была еще въ своей комнатѣ, и князь не выходилъ. „Такъ и есть“, подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась своей блѣдности взглянувъ въ зеркало.

Теперь она вѣрно знала что онъ затѣмъ и пріѣхалъ раньше чтобы застать ее одну и сдѣлать предложеніе. И тутъ только въ первый разъ все дѣло представилось ей совсѣмъ съ другой, новой стороны. Тутъ только она поняла что вопросъ касается не ея одной: съ кѣмъ она будетъ счастлива и кого она любить, но что сію минуту она должна оскорбить человѣка котораго она любитъ. И оскорбить жестоко... За что? За то что онъ, милый, любитъ ее, влюбленъ въ нее. Но, дѣлать нечего, такъ нужно, такъ должно.

„Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему? подумала она. Ну что я скажу ему? Неужели я скажу ему что я его не люблю? Это будетъ неправда. Что жь я скажу ему? Скажу что люблю другаго? Нѣтъ, это невозможно. Я уйду, уйду.“

Она уже подходила къ дверямъ, когда услышала его шаги. „Нѣтъ! не честно. Чего мнѣ бояться? Я ничего дурнаго не сдѣлала. Что будетъ, то будетъ! Скажу правду. Да съ нимъ не можетъ быть неловко. Вотъ онъ,“ сказала онъ себѣ, увидавъ всю его сильную и робкую фигуру и блестящіе глаза; прямо взглянула ему въ лицо своими нѣжными, правдивыми глазами, которые лаская, умоляли его о пощадѣ, и подала руку.

— Я не вовремя, кажется слишкомъ рано, сказалъ онъ оглянувъ пустую гостиную. Когда онъ увидалъ что его ожиданія сбылись, что ничто не мѣшаетъ ему высказаться, лицо его сдѣлалось мрачно.

— О нѣтъ, сказала Кити и сѣла къ столу.

— Но я только того и хотѣлъ чтобы застать васъ одну, началъ онъ, не садясь и не глядя на нее чтобы не потерять смѣлости.

— Мама сейчасъ выйдетъ. Она вчера очень устала, вчера....

Она говорила сама не зная что говорить ея губы и не спуская съ него умоляющаго взгляда.

Онъ взглянулъ на нее; она покраснѣла и замолчала.

— Я сказалъ вамъ что не знаю надолго ли я пріѣхалъ... что это отъ васъ зависитъ...

Она все ниже и ниже склоняла голову не зная сама что будетъ отвѣчать на приближавшееся.

— Что это отъ васъ зависитъ, повторилъ онъ. — Я хотѣлъ сказать... я хотѣлъ сказать... Я за этимъ пріѣхалъ... что... Быть моею женой! проговорилъ онъ, не зная самъ что говорилъ, но почувствовавъ что самое страшное сказано, остановился и посмотрѣлъ на нее.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторгъ. Душа ея была переполнена счастьемъ. Она никакъ не ожидала что высказанная любовь его произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Но это продолжалось только одно мгновеніе. Она вспомнила Вронскаго. Она подняла на Левина свои свѣтлые правдивые глаза, и увидавъ его отчаянное лицо послѣшно отвѣтила:

— Этого не можетъ быть... простите меня.

Какъ за минуту тому назадъ она была близка ему, какъ важна для его жизни! И какъ теперь она стала чужда и далека ему!

— Это не могло быть иначе, сказалъ онъ не глядя на нее.

Онъ поклонился и хотѣлъ уйти.

Х.

Но въ это самое время вышла княгиня. На лицѣ ея изобразился ужасъ когда она увидѣла ихъ однихъ и ихъ разстроенныя лица. Левинъ поклонился ей, и ничего не сказалъ. Кити молчала, не поднимая глазъ. „Слава Богу, отказала“, подумала мать, и лицо ея просіяло обычною улыбкой, съ которою она встрѣчала по четвергамъ гостей. Она сѣла и начала спрашивать Левина о его жизни въ деревнѣ. Онъ сѣлъ опять, ожидая пріѣзда гостей чтобы увѣхать незамѣтно.

Черезъ пять минутъ вошла подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, графиня Нордстонъ.

Это была сухая, желтая, съ черными блестящими глазами, болѣзненная и нервная женщина. Она любила Кити всею силой своей души, восхищалась, гордилась ею. Любовь ея къ Кити, какъ и всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась въ желаніи выдать Кити, по своему идеалу счастья, замужъ, и она желала выдать ее за Бронскаго. Левинъ, котораго она въ началѣ зимы часто у нихъ встрѣчала, былъ всегда непріятель ей. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ чтобы шутить надъ нимъ.

— Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня: или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной потому что я глупа, или снисходить до меня. Я это очень люблю: снисходить! Я очень рада что онъ меня терпѣть не можетъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть ее не могъ и презиралъ за то чѣмъ она гордилась и что ставила себѣ въ достоинство, за ея нервность, за ея утонченное презрѣніе и равнодушіе ко всему грубому и житейскому.

Между Нордстонъ и Левинымъ установилось то нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ отношеніе что два человѣка, оба хорошіе и умные, презираютъ другъ друга всѣми силами души, презираютъ до такой степени что не могутъ даже серьезно обращаться другъ съ другомъ, и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

— А! Константинъ Дмитричъ! Опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ, сказала она, подавая ему крошечную, желтую руку и вспоминая его слова сказанныя какъ-то въ началѣ зимы что Москва есть Вавилонъ. — Что, Вавилонъ исправился или вы испортились? прибавила она, съ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

— Мнѣ очень лестно, графиня, что вы такъ помните мои слова, отвѣчалъ Левинъ услѣвшій оправиться и, сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточно-враждебное отношеніе къ графинѣ Нордстонъ.—Вѣрно они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

— Ахъ, какже! Я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась, на конькахъ....

И она пустилась въ разговоръ съ Кити. Левинъ собирался встать и уйти. Какъ ни неловко это было, ему все-таки легче было сдѣлать эту неловкость чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити которая мучилась бы, изрѣдка взглядывала бы на него и избѣгала бы его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но княгиня, замѣтивъ что онъ молчитъ, обратилась къ нему.

— Вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы кажется мировымъ земствомъ занимаетесь, и вамъ нельзя надолго.

— Нѣтъ, княгиня, я не занимаюсь болѣе земствомъ, сказалъ онъ. — Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.

„Что-то съ вами особенное“, подумала графиня Нордстонъ, глядя на его строгое, серьезное лицо; „что-то онъ не нагибается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ предъ Кити, и сдѣлаю.“

— Константинъ Дмитричъ, сказала она ему, — растолкуйте мнѣ пожалуста, что такое значить, вы все это знаете: у насъ въ Калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропали что у нихъ было, и теперь ничего намъ не платить. Что это значить? Вы такъ хвалите всегда мужиковъ. Въ это время еще дама вошла въ комнату, и Левинъ всталъ.

— Извините меня, графиня, сказалъ онъ, — но я право ничего этого не знаю и ничего не могу вамъ сказать.

И когда онъ повернулся, онъ увидалъ входившаго вслѣдъ за дамой военнаго. „Это долженъ быть Вронскій“, подумалъ Левинъ, и чтобъ убѣдиться въ этомъ взглянулъ на Кити. Она уже успѣла взглянуть на Вронскаго и оглянулась на Левина, и ея невольна просіявшіе глаза встрѣтили грустный взглядъ его. Левинъ понялъ что она любила этого человѣка, понялъ такъ же вѣрно какъ еслибъ она сказала ему это словами. Не что же это за человѣкъ? Теперь, хорошо ли это, дурно ли, Левинъ не могъ не остаться; ему нужно было узнать что за человѣкъ былъ тотъ кого она любила.

Есть люди которые, встрѣчая своего счастливаго въ чемъ бы то ни было соперника, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго что есть въ немъ и видѣть въ немъ одно дурное; есть люди которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ въ немъ, со щемящею болью въ сердцѣ, одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему не трудно было отыскать хорошее и

привлекательное во Вронскомъ. Оно сразу бросилось ему въ глаза. Вронскій былъ не высокій, плотно сложенный брюнетъ, съ добродушно красивымъ, чрезвычайно спокойнымъ и твердымъ лицомъ. Въ его лицѣ и фигурѣ, отъ коротко обстриженныхъ черныхъ волосъ и свѣже-выбритаго подбородка до широкаго съ иголочки новаго мундира, все было просто и вмѣстѣ изящно. Давъ дорогу входившей дамѣ, Вронскій подошелъ къ княгинѣ и потомъ къ Кити.

Въ то время какъ онъ подходилъ къ ней, красивые глаза его особенно нѣжно заблестѣли, и съ чуть замѣтною счастливою и скромно торжествующею улыбкой (такъ показалось Левину), почтительно и осторожно наклонясь надъ нею, онъ подалъ ей свою небольшую, но широкую руку.

Со всѣми поздоровавшись, со всѣми перемолвившись, онъ сѣлъ, ни разу не взглянувъ на неслускавшаго съ него глазъ Левина.

— Позвольте васъ познакомить, сказала княгиня указывая на Левина.—Константинъ Дмитричъ Левинъ. Графъ Алексѣй Васильчъ Вронскій.

Вронскій всталъ и дружелюбно глядя въ глаза Левину пожалъ ему руку.

— Я нынче зимой долженъ былъ, кажется, обѣдать съ вами, сказалъ онъ, улыбаясь своею простою и открытою улыбкой,—но вы неожиданно уѣхали въ деревню.

— Константинъ Дмитричъ презираетъ и ненавидитъ городъ и насъ горожанъ, сказала графиня Нордстонъ.

— Должно-быть мои слова на васъ сильно дѣйствуютъ что вы ихъ такъ ломните, сказалъ Левинъ, и вспомнивъ что онъ уже сказалъ нѣчто подобное прежде, покраснѣлъ.

Вронскій взглянулъ на Левина и графиню Нордстонъ, и улыбнулся.

— А вы всегда въ деревнѣ? спросилъ онъ.—Я думаю зимой скучно?

— Не скучно если есть занятія, да и съ самимъ собой не скучно, рѣзко отвѣчалъ Левинъ.

— Это моя мечта, деревня, сказалъ Вронскій, замѣчая и дѣлая видъ что не замѣчаетъ тона Левина.

— Но надѣюсь, графъ, что вы бы не согласились жить всегда въ деревнѣ, сказала графиня Нордстонъ.

— Не знаю, я не пробовалъ подолгу, но люблю деревню. Я испыталъ странное чувство, продолжалъ онъ.—Я нигдѣ такъ

не скучалъ по деревнѣ, русской деревнѣ, съ лалтями и мужиками, какъ прожить съ матушкой зиму въ Ницца. Ницца сама по себѣ скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто, хороши лишь на короткое время. Они точно какъ....

Онъ говорилъ, обращаясь и къ Кити и къ Левину и переводя съ одного на другаго свой спокойный и дружелюбный взглядъ, говорилъ очевидно что приходило въ голову.

Замѣтивъ что графиня Нордстонъ хотѣла что-то сказать, онъ остановился не досказавъ начатаго, и сталъ внимательно слушать ее.

Разговоръ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, на случай неизвѣстныя темы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образованіе и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать ихъ, а графинѣ Нордстонъ не пришлось подразнить Левина.

Левинъ хотѣлъ и не могъ вступить въ общій разговоръ, ежеминутно говоря себѣ: „теперь уйти“ и не уходилъ чего-то дожидаясь.

Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ, и графиня Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала разказывать чудеса которыя она видѣла.

— Ахъ, графиня, непременно свезите, ради Бога свезите меня къ нимъ! Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю, улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Хорошо, въ будущую субботу, отвѣчала графиня Нордстонъ. — Но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите? спросила она Левина.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вѣдь вы знаете что я скажу.

— Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

— Мое мнѣніе только то, отвѣчалъ Левинъ,—что эти вертящиеся столы доказываютъ что такъ-называемое образованное общество не выше мужиковъ. Они вѣрятъ въ глазъ и въ порчу и въ привороты, а мы....

— Что жь, вы не вѣрите?

— Не могу вѣрить, графиня.

— Но если я сама видѣла.

— И бабы разказываютъ какъ онѣ сами видѣли домовыхъ.

— Такъ вы думаете что я говорю неправду.

И она не весело засмѣялась.

— Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говоритъ что онъ не можетъ вѣрить, сказала Кити, краснѣя за Левина, и Левинъ понявъ это, и еще болѣе раздражившись хотѣлъ отвѣчать, но Вронскій со своею открытою веселою улыбкой сейчасъ же пришелъ на помощь разговору угрожавшему сдѣлаться неприятнымъ.

— Вы совсѣмъ не допускате возможности? спросилъ онъ. — Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества котораго мы не знаемъ, почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, которая...

→ Когда найдено было электричество, быстро перебилъ Левинъ,—то было только открыто явленіе, и неизвѣстно было откуда оно происходитъ и что оно производитъ, и вѣка прошли послѣ того какъ подумали о приложеніи его. Спириты же, напротивъ, начали съ того что столики имъ лишутъ и души къ нимъ приходятъ, а потомъ уже стали говорить что это есть сила неизвѣстная.

Вронскій внимательно слушалъ Левина какъ онъ всегда слушалъ, очевидно интересуясь тѣмъ что онъ говорилъ.

— Да, но спириты говорятъ: теперь мы не знаемъ что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые лускай раскроютъ въ чемъ состоитъ эта сила. Нѣтъ, я не вижу почему это не можетъ быть новая сила, если она....

— А потому, олять перебилъ Левинъ,— что при электричествѣ каждый разъ какъ вы потрете смолу о шерсть обнаруживается извѣстное явленіе, а здѣсь не каждый разъ, стало быть это не природное явленіе.

Вѣроятно чувствуя что разговоръ принимаетъ слишкомъ серьезный для гостиниой характеръ, Вронскій не возражалъ, а стараясь перемѣнить предметъ разговора, весело улыбнулся и повернулся къ дамамъ.

— Давайте сейчасъ попробуемъ, графиня, началъ онъ, но Левинъ хотѣлъ досказать то что онъ думалъ.

— Я думаю, продолжалъ онъ,—что эта попытка спиритовъ объяснять свои чудеса какою-то новою силой самая неудачная. Они прямо говорятъ о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать матеріальному опыту.

Всѣ ждали когда онъ кончитъ, и онъ чувствовалъ это.

— А я думаю что вы будете отличный медиумъ, сказала графиня Нордстонъ,— въ васъ есть что-то восторженное.

Левинъ открылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то, покраснѣлъ и ничего не сказалъ.

— Давайте сейчасъ, княжна, испытаемъ столы, пожалуста, сказалъ Вронскій.—Княгиня вы позволите?

И Вронскій вставъ отыскивалъ глазами столикъ.

Кити встала за столикомъ, и проходя мимо встрѣтилась глазами съ Левинымъ. Ей всею душой было жалко его, тѣмъ болѣе что она жалѣла его въ несчастіи котораго сама была причиною. „Если можно меня простить, то простите, сказалъ ей взгляды, я такъ счастлива.“

„Всѣхъ ненавижу, и васъ и себя“,—отвѣчалъ его взгляды, и онъ взялся за шляпу. Но ему не судьба была уйти. Только что хотѣли устроиваться около столика, а Левинъ уйти, какъ вошелъ старый князь, и поздоровавшись съ дамами обратилъ къ Левину.

— А! началъ онъ радостно.—Давно ли? Я и не зналъ что ты тутъ. Очень радъ васъ видѣть.

Старый князь иногда ты, иногда съ говорилъ Левину. Онъ обнялъ Левина и говоря съ нимъ не замѣчалъ Вронскаго, который всталъ и спокойно дожидался когда князь обратится къ нему.

Кити чувствовала какъ послѣ того что произошло, любовь отца была тяжела Левину. Она видѣла также какъ холодно отецъ ея наконецъ отвѣтилъ на поклонъ Вронскаго, и какъ Вронскій съ дружелюбнымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на ея отца, стараясь понять и не понимая какъ и за что можно было быть къ нему недружелюбно расположеннымъ, и она покраснѣла. И почему-то всѣмъ стало неловко.

— Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича, сказала графиня Нордстонъ.—Мы хотимъ опытъ дѣлать.

— Какой опытъ? столы вертѣть? Ну, извините меня, дамы и господа, но по моему въ колечко веселѣе играть, сказалъ старый князь глядя на Вронскаго и догадываясь что онъ затѣялъ это.—Въ колечкѣ еще есть смыслъ.

Вронскій посмотрѣлъ съ удивленіемъ на князя своими твердыми глазами, и чуть улыбувшись, тотчасъ же заговорилъ съ графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

— Я надѣюсь что вы будете? обратился онъ къ Кити.
Какъ только старый князь отвернулся отъ него, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣнiе вынесенное имъ съ этого вечера было улыбающееся, счастливое лицо Кити, отвѣчавшей Вронскому на его вопросъ о балѣ.

Когда вечеръ кончился, Кити разказала матери о разговорѣ ея съ Левинымъ, и несмотря на всю жалость которую она испытывала къ Левину, ее радовала мысль что ей было сдѣлано *предложенiе*. У нея не было сомнѣнiя что она поступила какъ слѣдовало. Но въ постели она долго не могла заснуть. Одно впечатлѣнiе неотступно преслѣдовало ее. Это было лицо Левина съ насулленными бровями и мрачно уныло смотрящими изъ-подъ нихъ добрыми глазами, какъ онъ стоялъ слушая отца и взглядывая на нее и на Вронскаго. И ей такъ жалко стало его что слезы навернулись на глаза. Но тотчасъ же она подумала о томъ на кого она промѣняла его. Она живо вспомнила это мужественное, твердое лицо, это благородное спокойствiе и свѣтящуюся во всемъ доброту ко всѣмъ; вспомнила любовь къ себѣ того кого она любила, и ей опять стало радостно на душѣ, и она съ улыбкой счастья легла на подушку. „Жалко, жалко, но чтò же дѣлать? Я не виновата“, говорила она себѣ; но внутреннiй голосъ говорилъ ей другое. Въ томъ ли она раскаивалась что завлекла Левина или въ томъ что отказала, она не знала. Но счастье ея было отравлено сомнѣнiями. „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй,“ говорила она про себя пока заснула.

Въ это время, внизу, въ маленькомъ кабинетѣ князя, происходила одна изъ тѣхъ часто повторяющихся между родителями сценъ за любимую дочь.

— Чтò? Вотъ чтò, кричалъ князь размахивая руками, и тотчасъ же залахивая свой бѣличей халатъ,—то что въ васъ нѣтъ гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этимъ сватовствомъ, подлымъ, дурацкимъ.

— Да помилуй, ради самого Бога, князь, чтò я сдѣлала? говорила княгиня, чуть не плача.

Она, счастливая, довольная, послѣ разговора съ дочерью, пришла къ князю проститься по обыкновенiю, и хотя она не намѣрена была говорить ему о предложенiи Левина и

отказъ Кити, но намекнула мужу на то что ей кажется дѣло съ Вронскимъ совсѣмъ конченнымъ, и что оно рѣшится какъ только прїѣдетъ его мать. И тутъ-то на эти слова князь вдругъ вслыхнулъ и началъ выкрикивать неприличныя слова.

— Что вы сдѣлали? А вотъ что, волервыхъ, вы заманиваете жениха, и вся Москва будетъ говорить, и резонно. Если вы дѣлаете вечера, такъ зовите всѣхъ, а не избранныхъ женишковъ. Позовите всѣхъ этихъ *тютюковъ* (такъ князь называлъ московскихъ молодыхъ людей), позовите талёра и пускай пляшутъ, а не такъ какъ нынче женишковъ, и сводить. Мнѣ видѣтъ мерзко, мерзко, и вы добились, вскружили голову дѣвчонкѣ. Левинъ тысячу разъ лучше человѣкъ. А это франтъ петербургскій, ихъ на машинѣ дѣлаютъ, они всѣ на одну стать, и всѣ дрянъ. Да хоть бы онъ принцъ крови былъ, моя дочь ни въ комъ не нуждается.

— Да что же я сдѣлала?

— А то... съ гнѣвомъ вскрикнулъ князь.

— Знаю я что если тебя слушать, перебила княгиня, — то мы никогда не отдадимъ дочь замужъ. Если такъ, то надо въ деревню уѣхать.

— И лучше уѣхать.

— Да постой. Развѣ я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человѣкъ, и очень хорошій, влюбился, и она кажется...

— Да вотъ вамъ кажется! А какъ она въ самомъ дѣлѣ любитъ, а онъ столько же думаетъ жениться какъ я... Охъ! не смотрѣли бы мои глаза!.. „Ахъ, спиритизмъ, ахъ Ницца, ахъ на балѣ.“ — И князь, воображая что онъ представляетъ жену, присѣдалъ на каждомъ словѣ. — А вотъ какъ сдѣлаемъ несчастье Катеньки, какъ она въ самомъ дѣлѣ заберетъ въ голову...

— Да почему же ты думаешь?

— Я не думаю, а знаю; на это глаза есть у насъ, а не у бабъ. Я вижу человѣка, который имѣетъ намѣренія серьезныя, это Левинъ; и вижу перепела какъ этотъ щелкоперъ которому только повеселиться.

— Ну, ужъ ты заберешь въ голову...

— А вотъ всломнишь да лоздно, какъ съ Дашенькой.

— Ну хорошо, хорошо, не будемъ говорить, остановила его княгиня, всломнивъ про несчастную Доли.

— И прекрасно, и прощай!

И перекрестивъ другъ друга и поцѣловавшись, но чувствуя что каждый остался при своемъ мнѣніи, супруги разошлись.

Княгиня была сперва твердо увѣрена что нынѣшній вечеръ рѣшилъ судьбу Кити, и что не можетъ быть сомнѣнія въ намѣреніяхъ Вронскаго; но слова мужа смутили ее. И вернувшись къ себѣ, она точно также какъ и Кити, съ ужасомъ предъ неизвѣстностью будущаго, нѣсколько разъ повторила въ душѣ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй.“

XII.

Вронскій никогда не зналъ семейной жизни. Мать его была въ молодости блестящая свѣтская женщина, имѣвшая во время замужства, и въ особенности послѣ, много романовъ извѣстныхъ всему свѣту. Отца своего онъ почти не помнилъ и былъ воспитанъ въ Пажемскомъ Корпусѣ.

Выйдя очень молодымъ блестящимъ офицеромъ изъ школы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ. Хотя онъ и вѣдиль изрѣдка въ петербургскій свѣтъ, всѣ любовные интересы его были внѣ свѣта.

Въ Москвѣ въ первый разъ онъ испыталъ, послѣ роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближенія со свѣтскою, милою и невинною дѣвушкой которая полюбила его. Ему и въ голову не приходило чтобы могло быть что-нибудь дурное въ его отношеніяхъ къ Кити. На балахъ онъ танцевалъ преимущественно съ нею; онъ вѣдиль къ нимъ въ домъ. Онъ говорилъ съ нею то что обыкновенно говорятъ въ свѣтѣ, всякій вздоръ, но вздоръ которому онъ невольно придавалъ особенный для нея смыслъ. Несмотря на то что онъ ничего не сказалъ ей такого чего не могъ бы сказать при всѣхъ, онъ чувствовалъ что она все болѣе и болѣе становилась въ зависимость отъ него, и чѣмъ больше онъ это чувствовалъ, тѣмъ ему было пріятнѣе и его чувство къ ней становилось нѣжнѣе. Онъ не зналъ что его образъ дѣйствій относительно Кити имѣеть определенное названіе, что это есть заманиванье барышень безъ намѣренія жениться, и что это заманиванье есть одинъ изъ дурныхъ постулковъ обыкновенныхъ между блестящими молодыми людьми какъ онъ. Ему казалось что онъ первый открылъ это удовольствіе, и наслаждался своимъ открытіемъ.

Еслибъ онъ могъ слышать что говорили ея родители въ этотъ вечеръ, еслибъ онъ могъ перенестись на точку зрѣнія семьи и узнать что Кити будетъ несчастна если онъ не женится на ней, онъ бы очень удивился и не повѣрилъ бы этому. Онъ не могъ повѣрить тому что то что доставляю такое большое и хорошее удовольствіе ему, а главное ей, могло быть дурно. Еще меньше онъ могъ бы повѣрить тому что онъ долженъ жениться.

Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Онъ не только не любилъ семейной жизни, но въ семьѣ, и въ особенности въ мужѣ, по тому общему взгляду холостаго міра въ которомъ онъ жилъ, онъ представлялъ себѣ нѣчто чуждое, враждебное, а всего болѣе, смѣшное. Но хотя Вронскій и не подозрѣвалъ того что говорили родители, онъ, выйдя въ этотъ вечеръ отъ Щербацкихъ, почувствовалъ что та духовная тайная связь которая существовала между нимъ и Кити утвердилась нынѣшній вечеръ такъ сильно что надо предпринять что-то. Но что можно и что должно было предпринять, онъ не могъ придумать.

„То и прелестно,“ думалъ онъ возвращаясь отъ Щербацкихъ и вынося отъ нихъ какъ и всегда пріятное чувство чистоты и свѣжести, происходившее отчасти и отъ того что онъ не курилъ цѣлый вечеръ, и вмѣстѣ новое чувство удивленія предъ ея къ себѣ любовью: „то и прелестно что ничего не сказано ни мной ни ею, но мы такъ ловимали другъ друга въ этомъ невидимомъ разговорѣ взглядовъ и интонацій что нынче яснѣе чѣмъ когда-нибудь она сказала мнѣ что любить. И какъ мило, просто и главное довѣрчиво! Я самъ себя чувствую лучше, чище. Я чувствую что у меня есть сердце, и что есть во мнѣ много хорошаго. Эти милые влюбленные глаза! Когда она сказала: *и очень...* Ну такъ что жъ? Ну и ничего. Мнѣ хорошо и ей хорошо.“ И онъ задумался о томъ гдѣ ему окончить нынѣшній вечеръ. Онъ прикинулъ воображеніемъ мѣста куда онъ могъ бы ѣхать. „Клубъ? партія безика, шампанское съ Игнатовымъ? Нѣтъ не поѣду. *Château des fleurs*, тамъ найду Облонскаго, куллеты, сапсан; нѣтъ, надоѣло. Къ ней? Нѣтъ къ ней-то ужъ ни въ какомъ случаѣ нынче. Вотъ именно за то я люблю Щербацкихъ что самъ лучше дѣлаюсь. Поѣду домой.“ Онъ прошелъ прямо въ свой номеръ у Дюссо, велѣлъ подать себѣ

уживать, и потомъ, раздѣвшись, только успѣлъ положить голову на подушку, заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ, какъ всегда, сномъ.

На другой день, въ 11 часовъ утра, Вронскій выѣхалъ на станцію Петербургской желѣзной дороги встрѣчать мать, и первое лицо попавшееся ему на ступенькахъ большой лѣстницы былъ Облонскій, ожидавшій съ этимъ же поѣздомъ сестру.

— А! ваше сіятельство! крикнулъ Облонскій.— Ты за кѣмъ?

— Я за матушкой, улыбаясь какъ и всѣ кто встрѣчался съ Облонскимъ, отвѣчалъ Вронскій, пожимая ему руку, и вмѣстѣ съ нимъ взомель на лѣстницу. — Она нынче должна быть изъ Петербурга.

— А я тебя ждалъ до двухъ часовъ. Куда же поѣхалъ отъ Щербачкиныхъ?

— Домой, отвѣчалъ Вронскій: — признаться мнѣ такъ было пріятно вчера послѣ Щербачкиныхъ что никуда не хотѣлось.

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ точно также какъ прежде Левину.

Вронскій улыбнулся съ такимъ видомъ что онъ не отрекается отъ этого, но тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— А ты кого встрѣчаешь? спросилъ онъ.

— Я? я хорошенькую женщину, сказалъ Облонскій.

— Вотъ какъ!

— Nonni soit qui mal у pense! Сестру Анну.

— Ахъ, это Каренину? сказалъ Вронскій.

— Ты ее вѣрно знаешь?

— Кажется знаю. Или нѣтъ... Право не помню, разсѣяно отвѣчалъ Вронскій, смутно представляя себѣ при имени Карениной что-то чопорное и скучное.

— Но Алексѣя Александровича, моего знаменитаго зятя, вѣрно знаешь. Его весь міръ знаетъ.

— То-есть, знаю по репутаціи и по виду. Знаю что онъ умный, ученый, божественный что-то.... Но ты знаешь, это не въ моей.... not in my line, сказалъ Вронскій.

— Да, онъ очень замѣчательный человѣкъ, немножко консерваторъ, но славный человѣкъ, замѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ, — славный человѣкъ.

— Ну и тѣмъ лучше для него, сказалъ Вронскій улыбаясь. — А ты здѣсь, обратился онъ къ высокому старому лакею матери, стоявшему у двери, — войди сюда.

Вронскій въ это послѣднее время, кромѣ общей для всѣхъ пріятности Степана Аркадьевича, чувствовалъ себя привязаннымъ къ нему еще тѣмъ что онъ въ его воображеніи соединялся съ Кити.

— Ну, что жь, въ воскресенье сдѣлаемъ ужинъ для *двоихъ*, сказалъ онъ ему, съ улыбкой взявъ его подъ руку.

— Непремѣнно. Я сберу подписку. Ахъ, познакомился ты вчера съ моимъ пріятелемъ Левинымъ? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ же. Но онъ что-то скоро уѣхалъ.

— Онъ славный малый, продолжалъ Облонскій. — Не правда ли?

— Я не знаю, отвѣчалъ Вронскій, — отъ чего это во всѣхъ Москвичахъ, разумѣется исключая тѣхъ съ кѣмъ говорю, шутиво вставилъ онъ, — есть что-то рѣзкое. Что-то они все на дыбы становятся, сердятся, какъ будто все хотятъ дать почувствовать что-то....

Степанъ Аркадьевичъ засмѣялся: — Есть это, правда, есть...

— Что, скоро ли? обратился Вронскій къ служащему.

— Поездъ вышелъ, отвѣчалъ слуга.

Приближеніе поезда все болѣе и болѣе обозначалось движеніемъ приготовленій на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, появленіемъ жандармовъ и служащихъ и подъѣздомъ встрѣчающихъ. Сквозь морозный паръ видѣлись рабочіе въ полушубкахъ, въ мягкихъ валеныхъ сапогахъ, переходившіе черезъ рельсы загибающихся путей. Слышался свистъ паровика на дальнихъ рельсахъ и передвиженіе чего-то тяжелого.

— Нѣтъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, которому очень хотѣлось разказать Вронскому о намѣреніяхъ Левина относительно Кити. — Нѣтъ, ты невѣрно оцѣнилъ моего Левина. Онъ очень нервный человекъ и бываетъ непріятель, правда, но за то иногда онъ бываетъ очень милъ. Это такая честная, правдивая натура, и сердце золотое. Но вчера были особенныя причины, съ значительною улыбкой, продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ, — почему онъ могъ быть или особенно счастливъ или особенно несчастливъ.

Вронскій остановился и прямо спросилъ: — То-есть что же? Или онъ вчера сдѣлалъ предложеніе твоей *belle soeur*....

— Можетъ быть, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Что-то мнѣ показалось такое вчера. Да если онъ рано уѣхалъ и былъ

еще не въ духѣ, то это такъ... Онъ такъ давно влюбленъ, и мнѣ его очень жаль.

— Вотъ какъ!.. Я думаю впрочемъ что она можетъ разчитывать на лучшую партію, сказалъ Вронскій, и выпрямивъ грудь олять принялся ходить. — Впрочемъ, я его не знаю, прибавилъ онъ. — Да, это тяжелое положеніе! Отъ этого-то большинство и предпочитаетъ знаться съ Кларами. Тамъ неудача доказываетъ только что у тебя не достало денегъ, а здѣсь твое достоинство на вѣсахъ. Однако вотъ и лѣздъ.

Дѣйствительно, вдали уже свистѣлъ паровозъ. Черезъ нѣсколько минутъ платформа задрожала, и лыхая сбивасмымъ книзу отъ мороза паромъ, прокатился паровозъ, съ медленно и мѣрно нагибающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса и съ кланяющимся, обвязаннымъ, заиндивѣлымъ машинистомъ; а за тендеромъ все медленно и болѣе потрясая платформу, сталъ проходить вагонъ съ багажомъ и съ визжавшею собакой; наконецъ, подрагивая предъ оставовкой, подошли пассажирскіе вагоны.

Молодцоватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ, и вслѣдъ за нимъ стали по одному сходить ветергѣливые пассажиры: гвардейскій офицеръ держась прямо и строго оглядываясь, вертлявый кулчикъ съ сумкой весело улыбаясь, мужикъ съ мѣшкомъ черезъ плечо.

Вронскій, стоя рядомъ съ Облонскимъ, оглядывалъ вагоны и выходившихъ, и совершенно забылъ о матери. То что онъ сейчасъ узналъ про Кити возбуждало и радовало его. Грудь его невольно выпрямлялась, и глаза блестяди. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ.

— Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, сказалъ молодцоватый кондукторъ подходя ко Вронскому.

Слова кондуктора разбудили его и заставили всломнить о матери и предстоящемъ свиданіи съ ней. Онъ въ душѣ своей не уважалъ матери, и не отдавая себѣ въ томъ отчета не любилъ ее, хотя по понятіямъ того круга въ которомъ жилъ, по воспитанію своему, не могъ себѣ представить другихъ къ матери отношеній какъ въ высшей степени покорныхъ и почтительныхъ, и тѣмъ болѣе внѣшне покорныхъ и почтительныхъ чѣмъ менѣе въ душѣ онъ уважалъ и любилъ ее.

Онъ пошелъ за кондукторомъ въ вагонъ, и при входѣ въ отдѣленіе остановился чтобы дать дорогу выходящей дамѣ.

Съ привычнымъ тактомъ свѣтскаго человѣка, по одному взгляду на вѣншность этой дамы, Вронскій опредѣлялъ ея принадлежность къ высшему свѣту. Онъ извинулся и пошелъ было въ вагонъ, но почувствовалъ необходимость еще разъ взглянуть на нее не потому что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной граціи которыя видны были во всей ея фигурѣ, но потому что въ выраженіи милотвиднаго лица, когда она прошла мимо его, было что-то особенно ласковое и нѣжное. Когда онъ оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящіе, казавшіеся темными отъ густыхъ рѣсницъ, сѣрые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лицѣ какъ будто она признавала его, и тотчасъ же перенеслись на подходившую толпу, какъ бы ища кого-то. Въ этомъ короткомъ взглядѣ Вронскій успѣлъ замѣтить сдержанную оживленность, которая играла въ ея лицѣ и порхала между блестящими глазами и чуть замѣтною улыбкой изгибавшею ея румяныя губы. Какъ будто избытокъ чего-то такъ переполнилъ ея существо что мимо ея воли выражался то въ блескѣ взгляда, то въ улыбкѣ. Она потушила умышленно свѣтъ въ глазахъ, но онъ свѣтился противъ ея воли въ чуть замѣтной улыбкѣ.

Вронскій вошелъ въ вагонъ. Мать его, сухая старушка съ черными глазами и букольками, щурилась вглядываясь въ сына и слегка улыбалась тонкими губами. Поднявшись съ диванчика и передавъ горничной мѣшочекъ, она подала маленькую сухую руку сыну, и поднявъ его голову отъ руки поцѣловала его въ лицо.

— Получилъ телеграмму? Здоровъ, слава Богу.

— Хорошо доѣхали? сказалъ сынъ садясь подлѣ нея, и невольно прислушиваясь къ женскому голосу изъ-за двери. Онъ зналъ что это былъ голосъ той дамы которая встрѣтилась ему при входѣ.

— Я все-таки съ вами несогласна, говорилъ голосъ дамы.

— Петербургскій взглядъ, сударыня.

— Не петербургскій, а просто женскій, отвѣчала она.

— Ну-съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

— До свиданья, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите, не тутъ ли братъ, и пошлите его ко мнѣ, сказала дама у самой двери, и снова вошла въ отдѣленіе.

— Что жь, нашли брата? сказала Вронская, обращаясь къ дамѣ.

Вронскій вспомнилъ теперь что это была Каренина.

— Вашъ братъ здѣсь, сказалъ онъ вставая. — Извините меня, я не узналъ васъ, да и наше знакомство было такъ коротко, сказалъ Вронскій, кланяясь, — что вы вѣрно не помните меня.

— О, нѣтъ, сказала она, — я бы узнала васъ потому что мы съ вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о васъ, сказала она, позволяя наконецъ просившемуся наружу оживленію выразиться въ улыбкѣ. — А брата моего все-таки нѣтъ.

— Позови же его, Алеша, сказала старая графиня.

Вронскій вышелъ на платформу и крикнулъ:—Облонскій здѣсь!

Но Каренина не дождалась брата, а увидавъ его рѣшительнымъ легкимъ шагомъ вышла изъ вагона. И какъ только братъ подошелъ къ ней, она движеніемъ, поразившимъ Вронскаго своею рѣшительностью и граціей, обхватила брата лѣвою рукою за шею, быстро притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Вронскій, не слуская глазъ, смотрѣлъ на нее, и самъ не зная чему улыбался. Но вспомнивъ что мать ждала его, онъ опять вошелъ въ вагонъ.

— Не правда ли, очень мила? сказала графиня про Каренину.—Ее мужъ со мною посадилъ, и я очень рада была. Всю дорогу мы съ ней проговорили. Ну, а ты, говорятъ... *vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux.*

— Я не знаю на что вы намекаете, татап, отвѣчалъ сынъ холодно. — Что жь, татап, идемъ.

Каренина опять вошла въ вагонъ чтобы проститься съ графиней.

— Ну вотъ, графиня, вы встрѣтили сына, а я брата, весело сказала она.—И всѣ исторіи мои истожились; дальше нечего было бы разказывать.

— Ну, нѣтъ, сказала графиня, взявъ ее за руку, — я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась бы. Вы одна изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. А о сынѣ вашемъ, пожалуста, не думайте; нельзя же никогда не разлучаться.

Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ея улыбались.

— У Анны Аркадьевны, сказала графиня, объясняя сыну, — есть сынокъ, восьми лѣтъ кажется, и она никогда съ нимъ не разлучалась, и все мучается что оставила его.

— Да, мы все время съ графиней говорили, я о своемъ, она о своемъ сынѣ, сказала Каренина, и опять улыбка освѣтила ея лицо, улыбка ласковая, относившаяся къ нему.

— Вѣроятно это вамъ очень наскучило, сказалъ онъ, сейчасъ, на лету, подхватывая этотъ мячъ кокетства, который она бросила ему. Но она видимо не хотѣла продолжать разговора въ этомъ тонѣ, и обратилась къ старой графинѣ:

— Очень благодарю васъ. Я и не видала какъ проведѣ вчерашній день. До свиданья, графиня.

— Прощайте, мой дружокъ, отвѣчала графиня. — Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по старушечьи, прямо говорю что полюбила васъ.

Какъ ни казенна была эта фраза, Каренина видимо отъ души повѣрила и пораздовалась этому. Она покраснѣла, слегка нагнулась, подставила свое лицо губамъ графини, опять выпрямилась, и съ тою же улыбкой волновавшеюся между губами и глазами подала руку Вронскому. Онъ пожалъ маленькую, ему поданную руку, и какъ чему-то особенному обрадовался тому энергическому пожатію съ которымъ она крѣпко и смѣло тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой такъ странно легко носившею ея довольно полное тѣло.

— Очень мила, сказала старушка.

То же самое думалъ ея сынъ. Онъ провожалъ ее глазами до тѣхъ поръ пока не скрылась ея граціозная фигура, и улыбка остановилась на его лицѣ. Въ окно онъ видѣлъ какъ она подошла къ брату, положила ему руку на руку, и что-то оживленно начала говорить ему, очевидно о чемъ-то не имѣющемъ ничего общаго съ нимъ, съ Вронскимъ, и ему это показалось досаднымъ.

— Ну чтѣ, татап, вы совершенно здоровы? повторилъ онъ обращаясь къ матери.

— Все хорошо, прекрасно. Alexandre очень былъ милъ. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна.

И опять начала разказывать о томъ чтѣ болѣе всего интересовало ее, о крестинахъ внука, для которыхъ она ѣздила въ Петербургъ, и про особенную милость Государя къ старшему сыну.

— Вотъ и Лаврентію, сказалъ Вронскій, глядя въ окно, — теперь пойдемте если угодно.

Старый дворецкій, ѣхавшій съ графиней, явился въ вагонъ доложить что все готово, и графиня поднялась чтобы идти.

— Пойдемте, теперь мало народа, сказалъ Вронскій.

Дѣвушка взяла мѣшокъ и собачку, дворецкій и артельщикъ другіе мѣшки. Вронскій взялъ подъ руку мать; но когда они уже выходили изъ вагона, вдругъ нѣсколько человѣкъ съ испуганными лицами пробѣжали мимо. Пробѣжалъ и начальникъ станціи въ своей необыкновеннаго цвѣта фуражкѣ. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народъ отъ поѣзда бѣжалъ назадъ.

— Чтò?... Чтò?... Гдѣ?... Бросился!.. Задавило!.. слышалось между проходившими.

Степанъ Аркадьевичъ съ сестрой подъ руку, тоже съ испуганными лицами, вернулись и остановились, избѣгая народъ, у входа въ вагонъ.

Дамы вошли въ вагонъ, а Вронскій со Степаномъ Аркадьевичемъ пошли за народомъ узнавать подробности несчастія.

Сторожъ, былъ ли онъ пьянъ или слишкомъ закутанъ отъ сильнаго мороза, не слышалъ отодвигаемаго задомъ поѣзда, и его раздавили.

Еще прежде чѣмъ вернулись Вронскій и Облонскій, дамы узнали эти подробности отъ дворецкаго.

Облонскій и Вронскій оба видѣли обезображенный трупъ. Облонскій видимо страдалъ. Онъ морщился, и казалось готовъ былъ плакать.

— Ахъ, какой ужасъ! Ахъ, Анна, еслибы ты видѣла! Ахъ, какой ужасъ! приговаривалъ онъ.

Вронскій молчалъ, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно слокотно.

— Ахъ, еслибы вы видѣли, графиня, говорилъ Степанъ Аркадьевичъ. — И жена его тутъ.... Ужасно видѣть ее... Она бросилась на тѣло. Говорятъ, онъ одинъ кормилъ огромное семейство. Вотъ ужасъ!

— Нельзя ли что-нибудь сдѣлать для нея? взволнованнымъ шепотомъ сказала Каренина.

Вронскій взглянулъ на нее, и тотчасъ же вышелъ изъ вагона.

— Я сейчас приду, маман, прибавилъ онъ обертываясь въ дверяхъ.

Когда онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, Степанъ Аркадьевичъ уже разговаривалъ съ графиней о новой лѣвицѣ, а графиня нетерпѣливо оглядывалась на дверь ожидая сына.

— Теперь пойдемте, сказалъ Вронскій входя.

Они вмѣстѣ вышли. Вронскій шелъ впереди съ матерью. Сзади шла Каренина съ братомъ. У выхода, ко Вронскому подошелъ догнавшій его начальникъ станціи.

— Вы передали моему помощнику двѣсти рублей. Потрудитесь обозначить кому вы назначаете ихъ?

— Вдовѣ, сказалъ Вронскій пожимая плечами. — Я не понимаю о чемъ спрашивать.

— Вы дали, крикнулъ сзади Облонскій, и прижавъ руку сестры прибавилъ: — Очень мило, очень мило. Неправда ли, славный малый? Мое почтеніе, графиня.

И онъ съ сестрой остановились отыскивая ея дѣвushку. Когда они вышли, карета Вронскихъ уже отъѣхала. Выходившіе люди все еще переговаривались о томъ что случилось.

— Вотъ смерть-то ужасная! сказалъ какой-то господинъ проходя мимо. — Говорять, на два куска.

— Я думаю, напротивъ, самая легкая, мгновенная, замѣтилъ другой.

— Какъ это не примутъ мѣръ, говорилъ третій.

Каренина сѣла въ карету, и Степанъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ увидѣлъ что губы ея дрожатъ и она съ трудомъ удерживаетъ слезы.

— Что съ тобой, Анна? спросилъ онъ когда они отъѣхали нѣсколько сотъ сажень.

— Дурное предзнаменованье, сказала она.

— Какіе пустяки! сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Ты пріѣхала, это главное. Ты не можешь представить себѣ какъ я надѣюсь на тебя.

— А ты давно знаешь Вронскаго? спросила она.

— Да ты знаешь, мы надѣемся что онъ женится на Кити.

— Да? тихо сказала Анна. — Ну, теперь давай говорить о тебѣ, прибавила она встряхивая головой, какъ будто хотѣла физически отогнать что-то лишнее и мѣшавшее ей. — Давай говорить о твоихъ дѣлахъ. Я получила твое лисьмо, и вотъ пріѣхала.

— Да, вся надежда на тебя, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну, разкажи мнѣ все.

И Степанъ Аркадьевичъ сталъ разказывать.

Подъѣхавъ къ дому, Облонскій высадила сестру, вздохнулъ, пожалъ ся руку и отправился въ присутствіе.

XI.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной съ бѣлоголовымъ пухлымъ мальчикомъ, ужъ теперь похожимъ на отца, и слушала его урокъ изъ французскаго чтенія. Мальчикъ читалъ, вертя въ рукѣ и стараясь оторвать чуть державшуюся пуговицу курточки. Мать нѣсколько разъ отнимала руку, но пухлая ручонка опять бралась за пуговицу. Мать оторвала пуговицу и положила ее въ карманъ.

— Успокой руки, Гриша, сказала она, и опять взялась за свое одѣяло, давнишнюю работу, за которую она всегда бралась въ тяжелыя минуты, и теперь вязала нервно, закидывая пальцемъ и считая петли. Хотя она и велѣла вчера сказать мужу что ей дѣла нѣтъ до того пріѣдетъ или не пріѣдетъ его сестра, она все приготовила къ ея пріѣзду и съ волненіемъ ждала золовку.

Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ. Однако она помнила что Анна, золовка, была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ въ Петербургѣ и петербургская *grande dame*. И благодаря этому обстоятельству она не исполнила сказаннаго мужу, то-есть не забыла что пріѣдетъ золовка. „Да наконецъ, Анна ни въ чемъ не виновата, думала Долли. Я о ней ничего кромѣ самаго хорошаго не знаю, и въ отношеніи къ себѣ я видѣла отъ нея только ласку и дружбу.“ Правда, какъ она могла заломнить свое впечатлѣніе въ Петербургѣ у Карениныхъ, ей не нравился самый домъ ихъ; что-то было фальшивое во всемъ складѣ ихъ семейнаго быта. „Но за что же я не приму ее? Только бы не вздумала она утѣшать меня! думала Долли. Всѣ утѣшенія и увѣщанія и прощенія христіанскія, все это я ужъ тысячу разъ передумала, и все это не годится.“

Всѣ эти дни Долли была одна, съ дѣтьми. Говорить о своемъ горѣ она не хотѣла, а съ этимъ горемъ на душѣ говорить о постороннемъ она не могла. Она знала что такъ или иначе она Аннѣ выскажетъ все, и то ее радовала мысль о

томъ какъ она выскажетъ, то злила необходимость говорить о своемъ униженіи съ ней, его сестрой, и слышать отъ нея готовыя фразы увѣщанія и утѣшенія.

Она, какъ часто бываетъ, глядя на часы ждала ее каждую минуту и пропустила именно ту когда гостя пріѣхала, такъ что Долли не слышала звонка.

Услыхавъ шумъ платья уже въ дверяхъ (она не слышала легкихъ шаговъ Анны), она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея невольно выразилось не радость, а удивленіе. Она встала и обняла золовку.

— Какъ, ужъ пріѣхала? сказала она, цѣлуя ее.

— Долли, какъ я рада тебя видѣть!

— И я рада, слабо улыбаясь и стараясь по выраженію лица Анны узнать знаетъ ли она, сказала Долли. Вѣрно знаетъ, подумала она, замѣтивъ соболѣзнованіе на лицѣ Анны.—Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, продолжала она, стараясь отдалить сколько возможно минуту объясненія.

— Это Гриша? Боже мой, какъ онъ выросъ! сказала Анна, и поцѣловавъ его, не слуская глазъ съ Долли, остановилась и покраснѣла. — Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она саяла платокъ, шпаялу и зацѣпивъ ею за прядь своихъ черныхъ, вездѣ вьющихся волосъ, мотая головой отцѣпляла волоса.

— А ты сіяешь счастьемъ и здоровьемъ, сказала Долли почти съ завистью.

— Я?... Да, сказала Анна. — Боже мой, Таня! Ровесница Сережѣ моему, прибавила она, обращаясь ко вбѣжавшей дѣвочкѣ и стараясь скрыть свое смущеніе. Она взяла ее на руки и поцѣловала. — Прелестная дѣвочка, прелесть! Покажи же мнѣ всѣхъ.

Она называла ихъ, и припоминала не только имена, но годъ, мѣсяцы, характеры, недуги всѣхъ дѣтей, и Долли не могла не одѣвнуть этого.

— Ну, такъ пойдемъ къ нимъ, сказала она. — Вася спитъ теперь, жалко.

Осмотрѣвъ дѣтей, онѣ сѣли, уже однѣ, въ гостиной, предъ кофеемъ. Анна взялась за лоднось и потомъ отодвинула его.

— Долли, сказала она, — онъ говорилъ мнѣ.

Долли холодно посмотрѣла на Анну. Она ждала теперь притворно сочувственныхъ фразъ, но Анна ничего такого не сказала.

— Долли, милая, сказала она, — я не хочу ни говорить тебѣ за него, ни утѣшать; это нельзя. Но, душенька, мнѣ просто жалко, жалко тебя всею душой.

Изъ-за густыхъ рѣсницъ ея блестящихъ глазъ вдругъ показались слезы. Она пересѣла ближе къ невѣсткѣ и взяла ея руку своею энергическою маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо ея не измѣняло своего сухаго выраженія. Она сказала:

— Утѣшить меня нельзя, все потеряно послѣ того что было, все пропало.

И какъ только она сказала это, выраженіе лица ея вдругъ смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцѣловала ее и сказала:

— Но, Долли, что же дѣлать, что же дѣлать? Какъ лучше поступить въ этомъ ужасномъ положеніи, вотъ о чемъ надо подумать.

— Все кончено и больше ничего, сказала Долли. — И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить: дѣти, я связана. А съ нимъ жить я не могу, мнѣ мука видѣть его.

— Долли, голубчикъ, онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать, скажи мнѣ все.

Долли посмотрѣла на нее вопросительно.

Участіе и любовь непритворныя видны были на лицѣ Анны.

— Изволь, вдругъ сказала она. — Но я скажу сначала. Ты знаешь какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ татан не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорятъ, я знаю, мужья разказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива... — Она поправилась — Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сихъ поръ думала что я одна женщина которую онъ знаетъ. Такъ я жила восемь лѣтъ. Ты пойми что я не только не подозрѣвала невѣрности, но что я считала это невозможнымъ, и тутъ, представь себѣ, съ такими понятіями узнать вдругъ весь ужасъ, всю гадость... — Глаза Анны были такъ полны слезъ что ей надо было достать платокъ. — Теперь я вспоминаю. Я сидѣла вечеромъ, продолжала Долли удерживая рыданья, — и

занималась съ Петей, мнѣ подають письмо... письмо его къ своей любовницѣ, къ моей гувернанткѣ. Я читаю руку, и.... нѣтъ это слишкомъ ужасно! — Она послѣшно вынула платокъ и закрыла имъ лицо. — Я понимаю еще увлеченье, продолжала она помолчавъ, — но обдуманно хитро обманывать меня... съ кѣмъ же?... Продолжать быть моимъ мужемъ мнѣстѣ съ нею.... это ужасно! Ты не можешь понять.

— О, нѣтъ, я понимаю. Понимаю, милая Долли, понимаю, говорила Анна, пожимая ея руку.

— И ты думаешь что онъ понимаетъ весь ужасъ моего положенія? продолжала Долли. — Нисколько. Онъ счастливъ и доволенъ.

— О, нѣтъ! быстро перебила Анна. — Онъ жалокъ, онъ убить раскаяньемъ....

— Слособенъ ли онъ къ раскаявью? перебила съ жадностью Долли.

— Да, я его знаю. Я не могла безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ. Онъ добръ, но онъ гордъ, а теперь такъ униженъ. Главное что меня тронуло...—И тутъ Анна угадала главное что могло тронуть Долли. — Его мучаютъ двѣ вещи: то что ему стыдно дѣтей, и то что онъ любя тебя... да, да, любя больше всего на свѣтѣ,—послѣшно перебивая хотѣвшую возражать Долли: — сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. „Нѣтъ, нѣтъ, она не проститъ“, все говоритъ онъ.

Долли задумчиво смотрѣла мимо золовки, слушая ея слова.

— Да, я понимаю что положеніе его ужасно, виноватому хуже чѣмъ невинному, сказала она, — если онъ чувствуетъ что отъ вины его все несчастіе. Но какъ же простить, какъ мнѣ опять быть его женою послѣ нея? Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ мученье, именно потому что я люблю свою прошедшую любовь къ нему....

И рыданія перервали ея слова.

Но какъ будто нарочно, каждый разъ какъ она смягчалась, она начинала олять говорить о томъ что раздражало ее.

— Она вѣдь молода, вѣль она красива, продолжала она.—Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кѣмъ? Имъ и дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее лошдое существо пріятнѣе. Они вѣрно говорили между собою обо мнѣ или, еще хуже, умаачивали, ты понимаешь.

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

— И послѣ этого онъ будетъ говорить мнѣ... Что жъ я буду вѣрить ему? Никогда. Нѣтъ, ужъ конечно все, все что составляло утѣшенье, награду труда, мукъ... Ты повѣришь ли? я сейчасъ учила Гришу: прежде это бывала радость, теперь мученье. Зачѣмъ я стараюсь, тружусь? Зачѣмъ дѣти? Ужасно то что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности, у меня къ нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его и....

— Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты такъ оскорблена, такъ возбуждена, что ты многое видишь не такъ.

Долли затихла, и онѣ минуты двѣ помолчали.

— Что дѣлать, подумай, Анна, помоги. Я все передумаю и ничего не вижу.

Анна ничего не могла придумать, но сердце ея прямо и готово отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки.

— Что сказать тебѣ? начала Анна. — Я вполнѣ счастливая жена... Одно скажу: я его сестра, я знаю его характеръ, эту способность все, все забыть (она сдѣлала жестъ предъ лбомъ), эту способность полного увлеченія, но за то и полного раскаянія. Онъ не вѣритъ, не понимаетъ теперь какъ онъ могъ сдѣлать то что сдѣлалъ.

— Нѣтъ, онъ знаетъ, онъ зналъ, перебила Долли. — Но я... ты забываешь меня.... развѣ мнѣ легче?

— Постой. Когда онъ говорилъ мнѣ, признаюсь тебѣ, я не понимала еще всего ужаса твоего положенія. Я видѣла только его и то что семья разстроена. Мнѣ его жалко было, но поговоривъ съ тобой я, какъ женщина, вижу другое; я вижу твои страданія, и мнѣ, не могу тебѣ сказать, какъ жаль тебя. Но, Долли душенька, я понимаю твои страданія вполнѣ, только одного я не знаю: я не знаю.... Я не знаю насколько въ душѣ твоей есть еще любви къ нему. Это ты знаешь, настолько ли есть чтобы можно было простить. Если есть, то прости.

— Нѣтъ, начала Долли, но Анна прервала ее, цѣлуя еще разъ ея руку.

— Я больше тебя знаю свѣтъ, сказала она. — Я знаю этихъ людей какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этого не было. Эти люди дѣлаютъ невѣрности, но свой домашній очагъ и жена, это для нихъ святыня. Какъ-то у нихъ эти женщины остаются

въ презрѣнн и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую-го черту про-
волятъ непроходимую между семьей и этимъ. Я этого не по-
нимаю, но это такъ.

— Да, но онъ цѣловалъ ее....

— Долли, постой, душенька. Я видѣла Стиву когда онъ
былъ влюбленъ въ тебя. Я помню это время когда онъ при-
ѣзжалъ ко мнѣ и плакалъ говоря о тебѣ, и какая лозія и
высота была ты для него, и я знаю что чѣмъ больше онъ
съ тобой жилъ, тѣмъ выше ты для него становилась. Вѣдь
мы смѣялись бывало надъ нимъ что онъ къ каждому слову
прибавлялъ: „Долли удивительная женщина“. Ты для него
божество всегда была и осталась, а это увлеченіе не души его....

— Но если это увлеченіе повторится?

— Оно не можетъ, какъ я понимаю.

— Да, но ты простила бы?

— Не знаю, не могу судить.... Нѣтъ, могу, сказала Ан-
на подумавъ; и, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его
на внутреннхъ вѣсахъ, прибавила:—Нѣтъ, могу, могу, могу.
Да, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила
бы и такъ простила бы какъ будто этого не было, совсѣмъ
не было.

— Ну, разумѣется, быстро прервала Долли, какъ будто
она говорила то чтѣ не разъ думала;—иначе бы это не было
прощеніе. Если простить, то совсѣмъ, совсѣмъ. Ну, лойдемъ,
я тебя проведу въ твою комнату, сказала она вставая, и по
дорогѣ Долли обняла Анну. — Милая моя, какъ я рада что
ты пріѣхала. Мнѣ легче, гораздо легче стало.

ХІІІ.

Весь день этотъ Анна провела дома, то-есть у Облонскихъ,
и не принимала никого, такъ какъ ужъ нѣкоторые изъ ея
знакомыхъ, услѣвъ узнать о ея прибытіи, пріѣзжали въ этотъ
же день. Анна все утро провела съ Долли и съ дѣтьми. Она
только послала записочку къ брату чтобъ онъ непремѣнно
обѣдалъ дома. „Пріѣзжай, Богъ милостивъ“, писала она.

Облонскій обѣдалъ дома, разговоръ былъ общій, и жена го-
ворила съ нимъ называя его „ты“, чего прежде не было. Въ
отношеніяхъ мужа съ женой оставалась та же отчужден-

ность, но уже не было рѣчи о разлукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ видѣлъ возможность объясненія и примиренія.

Тотчасъ послѣ обѣда пріѣхала Кити. Она знала Анну Аркадьевну, но очень мало, и вѣдала теперь къ сестрѣ не безъ страху предъ тѣмъ какъ ее приметъ эта петербургская свѣтская дама которую всѣ такъ хвалили, и понравится ли ей. Но она понравилась Аннѣ Аркадьевнѣ, это она увидѣла сейчасъ. Анна очевидно любовалась ея красотой и молодостью, и не успѣла Кити опомниться какъ она уже чувствовала себя не только подъ ея вліяніемъ, но чувствовала себя влюбленною въ нее какъ способны влюбляться молодые дѣвушки въ замужнихъ и старшихъ дамъ. Анна не похожа была на свѣтскую даму или на мать восьмилѣтняго сына, но скорѣе походила бы на двадцатилѣтнюю дѣвушку по гибкости движеній, свѣжести и олять установившемуся на ея лицѣ оживленію, выбивавшему то въ улыбку, то во взглядъ, еслибы не серьезное, иногда грустное выраженіе ея глазъ, которое поражало и притягивало къ себѣ Кити. Кити чувствовала что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но она чувствовала что все-таки Анна слускалась до нея и что въ ней былъ другой какой-то, высшій міръ недоступныхъ для нея интересовъ, сложныхъ и поэтическихъ.

Анна чувствовала себя взволнованною и размягченною. И усталость пути и событіе на желѣзной дорогѣ, и предстоящее примиреніе мужа съ женой, и вообще Москва, родина, братья, друзья, эта милая, невинная, очевидно влюбленная красивая дѣвушка, эти славныя дѣти, все это перенесло ее въ совершенно новый для нея міръ, и при свойственной ей способности сживаться со всякими мірами, она казалась давнишнимъ и самымъ дорогимъ членомъ этой семьи.

Послѣ обѣда Долли вышла въ свою комнату. Анна быстро встала и подошла къ брату, который закуривалъ сигару.

— Стива, сказала она ему, весело подмигивая, крестя его и указывая на дверь глазами. — Иди, и помогай тебѣ Богъ.

Онъ бросилъ сигару понявъ ее, и скрылся за дверь.

Когда Степанъ Аркадьевичъ ушелъ, она вернулась на диванъ гдѣ сидѣла лодѣ Кити, окруженная дѣтьми. Отъ того ли что дѣти видѣли что мама любила эту тетю, или отъ того что они сами чувствовали въ ней особенную прелесть; но старшія два, а за ними и меньшія, какъ это часто бы-

ваетъ съ дѣтми, еще до обѣда прилипли къ новой тетѣ и не отходили отъ нея. И между ними составилось что-то въ родѣ игры состоящей въ томъ чтобы какъ можно ближе сидѣть подлѣ тети, дотрогиваться до нея, держать ея маленькую быструю руку и цѣловать ее, играть съ ея кольцомъ, или хотъ дотрогиваться до оборки ея платья.

— Ну, ну, какъ мы прежде сидѣли, сказала Анна Аркадьевна, садясь на свое мѣсто.

И опять Гриша подсунулъ голову подъ ея руку и прислонился головой къ ея платью, и засіялъ гордостью и счастьемъ. Анна переглянулась съ Кити послѣ того какъ Степанъ Аркадьевичъ скрылся въ двери, и чтобы не говорить, а также и не молчать про это при дѣтяхъ, она сказала:

— Такъ теперь когда же балъ, Кити?

— На будущей недѣлѣ, и прекрасный балъ. Одинъ изъ тѣхъ баловъ на которыхъ всегда весело.

— А есть такіе гдѣ всегда весело? съ нѣжною насмѣшкой сказала Анна.

— Странно, но есть. У Бобрищевыхъ всегда весело, у Никитиныхъ тоже, а у Межковыхъ всегда скучно. Вы развѣ не замѣчали?

— Нѣтъ, душа моя, для меня ужъ нѣтъ такихъ баловъ гдѣ весело, сказала Анна, и Кити увидѣла въ ея глазахъ тотъ особенный міръ который ей не былъ открытъ.—Для меня есть такіе на которыхъ менѣе трудно и скучно...

— Какъ можетъ быть *вамъ* скучно на балѣ?

— Отчего же *мнѣ* не можетъ быть скучно на балѣ? спросила Анна.

Кити замѣтила что Анна знала какой послѣдуетъ отвѣтъ.

— Отъ того что вы всегда лучше всѣхъ.

Анна имѣла способность краснѣть. Она покраснѣла и сказала:

— Впервыхъ, никогда; а вовторыхъ, еслибъ это и было, то зачѣмъ мнѣ это?

— Вы поѣдете на этотъ балъ? спросила Кити.

— Я думаю что нельзя будетъ не ѣхать. Вотъ это возьми, сказала она Танѣ которая стаскивала легко сходящее кольцо съ ея бѣлаго, тонкаго въ концѣ пальца.

— Я очень рада буду если вы поѣдете. Я бы такъ хотѣла васъ видѣть на балѣ.

— По крайней мѣрѣ, если придется ѣхать, я буду утѣшаться мыслью что это сдѣлаетъ вамъ удовольствіе... Гриша, не тереби пожалуста, они и такъ всѣ растрепались, сказала она, поправляя выбившуюся прядь волосъ которою игралъ Гриша.

— Я васъ воображаю на балѣ въ лиловомъ.

— Отъ чего же непременно въ лиловомъ? улыбаясь спросила Анна.

— Такъ надо.

— Ну, дѣти, идите, идите. Слышите ли? Миссъ Гуль зоветъ чай пить, сказала она, отрывая отъ себя дѣтей и отправляя ихъ въ столовую.

— А я знаю отчего вы зовете меня на балъ. Вы ждете много отъ этого бала, и вамъ хочется чтобы всѣ тутъ были, всѣ принимали участіе.

— Почему вы знаете? Да.

— О! какъ хорошо ваше время, продолжала Анна.—Помню и знаю этотъ голубой туманъ, въ родѣ того что на горахъ въ Швейцаріи. Этотъ туманъ который покрываетъ все въ блаженное то время когда вотъ-вотъ кончится дѣтство, и изъ этого огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается путь все уже и уже, и весело и жутко входить въ эту афиладу, хотя она кажется и свѣтлая и прекрасная... Кто не прошелъ черезъ это?

— Кити молча улыбалась. Но какъ же она прошла черезъ это, какъ бы я желала знать весь ея романъ, подумала Кити, вспоминая непоэтическую наружность Алексѣя Александровича, ея мужа.

— Я знаю кое-что. Стива мнѣ говорилъ, и поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится, продолжала Анна:—я встрѣтила Вронскаго на желѣзной дорогѣ.

— Ахъ, онъ былъ тамъ? спросила Кити покраснѣвъ.—Что же Стива сказалъ вамъ?

— Стива мнѣ все разболталъ. И я очень была бы рада.

И почему-то ей вспомнился ея мужъ, Алексѣй Александровичъ, и что-то въ родѣ зависти къ дѣвчичей свободѣ выбора мелькнуло въ ея душѣ.

— Я ѣхала вчера съ матерью Вронскаго, сказала она, — и мать не умолкая говорила мнѣ про него; это ея любимецъ; я знаю какъ матери пристрастны, но....

— Что жь мать разказывала вамъ?

— Ахъ, много! И я знаю что онъ ея любимецъ, но все-таки видно что это рыцарь... Ну напримѣръ она разказывала что онъ хотѣлъ отдать все состояніе брату, что онъ въ дѣтствѣ еще что-то необыкновенное сдѣлалъ, спасъ женщину изъ воды. Словомъ, герой сказала Анна улыбаясь и вспоминая про эти двѣсти рублей которые онъ далъ на станціи.

Но она не разказала про эти двѣсти рублей. Почему-то ей неприятно было вспоминать объ этомъ. Она чувствовала что въ этомъ было что-то касающееся до нея, и такое чего не должно было быть.

— Она очень просила меня поѣхать къ ней, продолжала Анна, — и я рада повидать старушку, и завтра поѣду къ ней. Однако, слава Богу, Стива долго остается у Долли въ кабинетѣ, прибавила Анна перемѣняя разговоръ и вставая, какъ показалось Кити, чѣмъ-то недовольная.

— Нѣтъ, я прежде! нѣтъ, я! кричали дѣти, окончивъ чай и выбѣгая къ тетѣ Аннѣ.

— Всѣ вмѣстѣ, сказала Анна и смѣясь любѣжала имъ на встрѣчу, и обняла, и повалила всю эту кучу колошащихся и визжащихъ и заливающихъ отъ восторга дѣтей.

Къ чаю большихъ Долли вышла изъ своей комнаты. Степанъ Аркадьевичъ не выходилъ. Онъ должно-быть вышелъ изъ комнаты жены заднимъ ходомъ.

— Я боюсь что тебѣ холодно будетъ наверху, замѣтила Долли, обращаясь къ Аннѣ, — мнѣ хочется перевести тебя внизъ, и мы ближе будемъ.

— Ахъ, ужь пожалуста обо мнѣ не заботьтесь, отвѣчала Анна, вглядываясь въ лицо Долли и стараясь понять было или не было примиренія.

— Тебѣ свѣтло будетъ здѣсь, отвѣчала невестка.

— Я тебѣ говорю что я сплю вездѣ и всегда какъ сурокъ.

— О чемъ это? спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ кабинета и обращаясь къ женѣ.

По тону его, и Кити и Анна сейчасъ поняли что примиреніе состоялось.

— Я Анну хочу перевести внизъ, но надо гардины переѣхать, никто не сумѣетъ сдѣлать, надо самой, отвѣчала Долли, обращаясь къ нему.

Богъ знаетъ вполнѣ ли помирились? подумала Анна услышавъ ея тонъ, холодный и спокойный.

— Ахъ полно, Долли, все дѣлать трудности, сказалъ мужъ.— Ну, хочешь, я все сдѣлаю...

Да, должно-быть помирились, подумала Анна.

— Знаю, какъ ты все сдѣлаешь, отвѣчала Долли,—скажешь Матвѣю сдѣлать то чего нельзя сдѣлать, и самъ увидишь, а онъ все перелуцаетъ,— и привычная, насмѣшливая улыбка морщила концы губъ Долли, когда она говорила это.

Полное, полное, примиренье полное, подумала Анна, слава Богу, и вся вспыхнувъ отъ радости что она была причиною этого, подошла къ Долли и поцѣловала ее.

— Совсѣмъ нѣтъ, отчего ты такъ презираешь насъ съ Матвѣемъ? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь чуть замѣтно и обращаясь къ женѣ.

Весь вечеръ, какъ всегда, Долли была слегка насмѣшлива по отношенію къ мужу, а Степанъ Аркадьевичъ доволенъ и веселъ, но настолько чтобы не показать что онъ, будучи прощенъ, забылъ свою вину.

Въ половинѣ десятаго, особенно радостная и пріятная вечерняя семейная бесѣда за чайнымъ столомъ у Облонскихъ была нарушена самымъ, повидимому, простымъ событіемъ, но это простое событіе почему-то всѣмъ показалось страннымъ. Разговорившись объ общихъ петербургскихъ знакомыхъ, Анна быстро встала.

— Она у меня есть въ альбомѣ, сказала она,—да и кстати я покажу моего Сережу, прибавила она съ гордою материнскою улыбкой.

Къ десяти часамъ, когда она обыкновенно прощалась съ сыномъ и часто сама предъ тѣмъ какъ ѣхать на балъ укладывала его, ей стало грустно что она такъ далеко отъ него; и о чемъ бы ни говорили, она нѣтъ-нѣтъ и возвращалась мыслью къ своему голубоглазому кудрявому Сережѣ. Ей захотѣлось посмотреть на его карточку, поговорить о немъ. Воспользовавшись первымъ предлогомъ, она встала и своею легкою рѣшительною походкой пошла за альбомомъ. Лѣстница наверхъ въ ея комнату выходила на площадку большой, входной, теплой лѣстницы.

Въ то время какъ она выходила изъ гостиной, въ передней послышался звонокъ.

— Кто это можетъ быть? сказала Долли.

— За мной рано, а еще кому-нибудь поздно, замѣтила Кити.

— Вѣрно съ бумагами, прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ, и когда Анна проходила мимо лѣстницы, слуга взбѣгалъ на верхъ чтобы доложить о пріѣхавшемъ, а самъ пріѣхавшій стоялъ у лампы, и Анна, взглянувъ внизъ, узнала тотчасъ же Вронскаго, и странное чувство удовольствія и вмѣстѣ страха чего-то вдругъ шевельнулось у нея въ сердцѣ. Онъ стоялъ не снимая пальто, и что-то доставалъ изъ кармана. Въ ту минуту какъ она поровнялась съ серединой лѣстницы, онъ поднялъ глаза, увидалъ ее, и въ выраженіи его лица сдѣлалось что-то пристыженное и испуганное. Она слегка наклонивъ голову прошла, а вслѣдъ за ней послышался громкій голосъ Степана Аркадьевича, звавшего его войти, и негромкій, мягкій и спокойный голосъ отказывавшагося Вронскаго.

Когда Анна вернулась съ альбомомъ его уже не было, и Степанъ Аркадьевичъ разказывалъ что онъ заѣзжалъ узнать объ обѣдѣ, который они завтра давали пріѣзжей знаменитости.—И ни за что не хотѣлъ войти. Какой-то онъ странный, прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Кити покраснѣла. Она думала что она одна поняла зачѣмъ онъ пріѣзжалъ и отчего не вошелъ. „Онъ былъ у насъ, думала она, и не засталъ и подумалъ я здѣсь; но не вошелъ, оттого что думалъ поздно и Анна здѣсь.“

Всѣ переглянулись ничего не сказавъ, и стали смотрѣть альбомъ Анны.

Ничего не было ни необыкновеннаго, ни страннаго въ томъ что человѣкъ заѣхалъ къ пріятелю въ половинѣ десятаго узнать подробности затѣваемаго обѣда и не вошелъ, но всѣмъ это показалось странно. Больше всѣхъ странно и не хорошо это показалось Аннѣ.

XIV.

Балъ только что начался, когда Кити съ матерью входила на большую, уставленную цвѣтами и лакеями въ пудрѣ и красныхъ кафтаныхъ, залитую свѣтомъ лѣстницу. Изъ залъ несся стоявшій въ нихъ равномерный какъ въ ульѣ шорохъ движенія, и пока онъ на площадкѣ между деревьями оправдалъ предъ зеркаломъ прическу и платье, изъ залы послы-

шались осторожно отчетливые звуки скрилокъ оркестра, начавшаго первый вальсъ. Штатскій старичокъ управлявшій свои сѣдые височки у другаго зеркала и изливавшій отъ себя залахъ духовъ, столкнулся съ ними на лѣстницѣ и посторонился, видимо любясь незнакомою ему Кити. Безбородый юноша, одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ юношей которыхъ старый князь Щербацкій называлъ *тютъками*, въ чрезвычайно открытомъ жилетѣ, оправляя на ходу бѣлый галстукъ, поклонился имъ, и пробѣжавъ мимо вернулся приглашая Кити на кадрили. Первая кадрили была ужь отдана Вронскому, она должна была отдать этому юношѣ вторую. Военный, застегивая перчатку, сторонился у двери, и поглаживая усы любовался на розовую Кити.

Несмотря на то что туалетъ, прическа и всѣ приготовления къ балу стоили Кити большихъ трудовъ и соображеній она теперь, въ своемъ сложномъ тюлевомъ платьѣ на розовомъ чохлѣ, вступала на балъ такъ свободно и просто какъ будто всѣ эти розетки, кружева, всѣ подробности туалета не стоили ей и ея домашнимъ ни минуты вниманія, какъ будто она родилась въ этомъ тюлѣ, кружевахъ, съ этою высокою прической, съ розой и двумя листками на верху ея.

Когда старая княгиня предъ входомъ въ залу хотѣла оправить на ней завернувшуюся ленту пояса, Кити слегка отклонилась. Она чувствовала что все само собой должно быть хорошо и граціозно на ней, и что поправлять ничего не нужно.

Кити была въ одномъ изъ своихъ счастливыхъ дней. Платье не тѣснило нигдѣ, нигдѣ не спускалась кружевная борта, розетки не смялись и не оторвались; розовыя туфли на высокихъ, выгнутыхъ каблукахъ, не жали, а веселили ножку. Густыя бандо бѣлокурыхъ волосъ держались какъ свои на маленькой головкѣ. Пуговицы всѣ три застегнулись не порвавшись на высокой перчаткѣ, которая обвила ея руку не измѣнивъ формы. Черная бархатка медальйона особенно нѣжно окружила шею. Бархатка эта была прелесть, и дома глядя въ зеркало на свою шею, Кити чувствовала что эта бархатка говорила. Во всемъ другомъ могло еще быть сомнѣнье, но бархатка была прелесть. Кити улыбнулась и здѣсь на балѣ взглянувъ на нее въ зеркало. Въ обнаженныхъ плечахъ и рукахъ Кити чувствовала холодную мра-

морность, чувство, которое она особенно любила. Глаза блестяли, и румяные губы не могли не улыбаться от сознания своей привлекательности. Не успела она войти в залу и дойти до тюлево-ленто-кружевно-цветной толпы дам, ожидавших приглашения танцевать (Кити никогда не ставала в этой толпе), как уже ее пригласили на вальс, и пригласил лучший кавалеръ, главный кавалеръ по бальной иерархii, знаменитый дирижеръ баловъ, церемониймейстеръ, женатый, красивый и статный мужчина, Егорушка Корсунский. Только что оставив графиню Бавину съ которою онъ протанцевалъ первый туръ вальса, онъ оглядывая свое хозяйство, то-есть пустившихся танцевать нѣсколько паръ, увидѣвъ входившую Кити и подбѣжалъ къ ней тою особенною, свойственною только дирижерамъ баловъ развязною иноходью, и поклонившись, даже не спрашивая желаетъ ли она, занесъ руку чтобъ обнять ее тонкую талию. Она оглянулась кому передать вѣрѣ, и хозяйка, улыбаясь ей, взяла его.

— Какъ хорошо что вы прѣехали вовремя, сказалъ онъ ей обнимая ее талию, — а то что за манера олаздывать.

Она положила согнувши лѣвую руку на его плечо, и маленькія ножки въ розовыхъ башмакахъ быстро, легко и мѣрно задвигались въ тактъ музыки по скользкому паркету.

— Отдыхаешь вальсируя съ вами, сказалъ онъ ей, пускаясь въ первые небыстрые шаги вальса. — Прелесть какая легкость, precision, говорилъ онъ ей то что говорилъ почти всѣмъ хорошимъ знакомымъ.

Она улыбнулась на его похвалу, и черезъ его плечо продолжала разглядывать залу. Она была не вновь выѣзжающая у которой на балѣ всѣ лица сливаются въ одно волшебное впечатлѣніе; она и не была затасканная по баламъ дѣвушка, которой всѣ лица бала такъ знакомы что наскучили; но она была на серединѣ этихъ двухъ, она была возбуждена, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладала собой настолько что могла наблюдать. Въ лѣвомъ углу залы, она видѣла, сгруппировался цвѣтъ общества. Тамъ была до невозможнаго обнаженная красавица Лиди, жена Корсунскаго, тамъ была хозяйка, тамъ сиялъ своею лысиной Кривинъ, всегда бывшій тамъ гдѣ цвѣтъ общества; туда смотрѣли юноши не смѣя подойти, и тамъ она нашла глазами Стиву, и потомъ увидала прелестную фигуру и голову Анны въ черномъ бархатномъ платьѣ. И онъ былъ тутъ. Кити не

видала его съ того вечера когда она отказала Левину. Она знала что онъ въ Москвѣ только отъ Анны. Кити своими дальнозоркими глазами тотчасъ узнала его, и даже замѣтила что онъ смотрѣлъ на нее.

— Что жь, еще туръ? Вы не устали? сказалъ Корсунскій слегка залыхавшись.

— Нѣтъ, благодарствуйте.

— Куда же отвести васъ?

— Каренина тутъ кажется.... отведите меня къ ней.

— Куда прикажете.

И Корсунскій завальсировалъ, умѣряя шагъ, прямо на толпу въ лѣвомъ углу залы, приговаривая: „*pardon, mesdames, pardon, pardon mesdames*“, и лавируя между моремъ кружевъ, тюля и лентъ, и не задѣливъ ни за перышко, повернулъ круто свою даму, такъ что открылись ея тонкія ножки въ ажурныхъ чулкахъ, а шлейфъ разнесло олахаломъ и закрыло имъ колѣни Кривину. Корсунскій поклонился, выпрямилъ открытую грудь и подаль руку чтобы провести ее къ Аннѣ Аркадьевнѣ. Кити раскраснѣвшись сняла шлейфъ съ колѣни Кривина и, закруженная немного, оглянулась, отыскивая Анну. Анна была не въ лиловомъ, какъ того непременно хотѣла Кити, а въ черномъ, низко срѣзанномъ бархатномъ платьѣ, открывавшемъ ея полныя, точеныя, какъ старой слоновой кости, характерныя плечи и грудь, и полныя руки, съ тонкою и крошечною кистью. Все платье было обшито венеціанскимъ гипюромъ. На головѣ у нея, въ черныхъ волосахъ, своихъ безъ примѣси, была маленькая гирлянда анютиныхъ глазокъ, и такая же на черной лентѣ пояса между бѣлыми кружевами. Прическа ея была незамѣтна. Замѣтны были только, украшая ее, эти своевольныя короткія колечки курчавыхъ волосъ, всегда выбивавшіяся на затылкѣ и вискахъ. На точеной тонкой шеѣ была нитка жемчугу.

Кити видѣла каждый день Анну, была влюблена въ нее, и представляла себѣ ее непременно въ лиловомъ. Но теперь, увидавъ ее въ черномъ, она почувствовала что не понимала всей ея прелести. Она теперь увидала ее совершенно новою и неожиданною для себя. Теперь, она поняла что Анна не могла быть въ лиловомъ, и что ея прелесть состояла именно въ томъ что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть виденъ на

ней. И черное платье съ пышными кружевами не было видно на ней, это была только рамка, и была видна только она, простая, естественная, изящная и вмѣстѣ веселая и оживленная.

Она стояла, какъ и всегда, чрезвычайно прямо держась, и когда Кити подошла къ этой кучкѣ, говорила съ хозяиномъ дома, слегка поворотивъ къ нему голову.

— Нѣтъ, я не брошу камня, отвѣчала она ему на что-то, — хотя я не понимаю, продолжала она пожавъ плечами, и тотчасъ же съ нѣжною улыбкой покровительства обратилась къ Кити. Бѣглымъ женскимъ взглядомъ окинувъ ея туалетъ, она сдѣлала чуть замѣтное, но понятное для Кити, одобрительное ея туалету и красотѣ, движенье головой. — Вы и въ залу входите танцуя, прибавила она.

— Это одна изъ моихъ вѣрнѣйшихъ помощницъ, сказалъ Корсунскій, кланяясь Аннѣ Аркадьевнѣ которой онъ не видалъ еще. — Княжна помогаетъ сдѣлать балъ веселымъ и прекраснымъ. Анна Аркадьевна, туръ вальса, сказалъ онъ нагибаясь.

— А вы знакомы? спросилъ хозяинъ.

— Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы съ женой какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ, отвѣчалъ Корсунскій. — Туръ вальса, Анна Аркадьевна.

— Я не танцую когда можно не танцовать, сказала она.

— Но нынче нельзя, отвѣчалъ Корсунскій.

Въ это время подходилъ Вронскій.

— Ну если нынче нельзя не танцовать, такъ пойдемте, сказала она не замѣчая поклона Вронскаго, и быстро подняла руку на плечо Корсунскаго.

„За что она недовольна имъ,“ подумала Кити, замѣтивъ что Анна умышленно не отвѣтила на поклонъ Вронскаго. Вронскій подошелъ къ Кити, наломившая ей о первой кадрили и сожалѣя что все это время не имѣлъ удовольствія ее видѣть. Кити замѣтила что было что-то особенное въ его тонѣ; онъ былъ какъ будто еще учтивѣе и осторожнѣе. Она смотрѣла любясь на вальсировавшую Анну и слушала его. Она ждала что онъ пригласитъ ее на вальсъ, но онъ не пригласилъ и ей стало неловко. Она взглянула на него. Онъ покраснѣлъ и послѣдно пригласилъ вальсировать, но только что онъ обнялъ ея тонкую талию и сдѣлалъ первый шагъ,

какъ вдругъ музыка остановилась. Кити посмотрѣла на его лицо которое было на такомъ близкомъ отъ нея разстояннѣ, и долго потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ взглядъ полный дробви которымъ она тогда взглянула на него и на который онъ не отвѣтилъ ей, мучительнымъ стыдомъ рѣзалъ ея сердце.

— Pardon, pardon! Вальсъ, вальсъ, закричалъ съ другой стороны залы Корсунскій, и подхвативъ первую попавшуюся барышню сталъ самъ танцовать.

Вронскій съ Кити прошелъ нѣсколько туровъ вальса. Послѣ вальса Кити подошла къ матери, и едва успѣла сказать нѣсколько словъ съ Нордстонъ какъ Вронскій уже пришелъ за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительнаго не было сказано, шелъ прерывистый разговоръ то о Корсунскихъ мужѣ и женѣ, которыхъ онъ очень забавно описывалъ какъ милыхъ сорокалѣтнихъ дѣтей, то о будущемъ общественномъ театрѣ, и только одинъ разъ разговоръ затронулъ ее за живое, когда онъ спросилъ о Левинѣ, тутъ ли онъ, и прибавилъ что онъ очень понравился ему. Но Кити и не ожидала большаго отъ кадрили. Она ждала съ замираньемъ сердца мазурки. Ей казалось что въ мазуркѣ все должно рѣшиться. То что онъ во время кадрили не пригласилъ ее на мазурку, не тревожило ея. Она такъ была увѣрена что она танцуетъ мазурку съ нимъ какъ и на прежнихъ балахъ, что лядерымъ отказала мазурку, говоря что танцуетъ. Весь балъ былъ для Кити тѣмъ самымъ чѣмъ долженъ быть и такъ рѣдко бываетъ балъ, временемъ невиннаго веселья, свидѣннемъ радостныхъ цвѣтовъ, звуковъ и движеній. Она не танцовала только когда чувствовала себя слишкомъ усталою и просила отдыха. Танцуя одну изъ послѣднихъ кадрилей съ однимъ изъ скучныхъ юношей, которому нельзя было отказать, ей случилось быть vis-à-vis съ Вронскимъ и Анной. Она не сходилась съ Анной съ самаго прїѣзда, и тутъ вдругъ увидала ее опять совершенно новою и неожиданною. Она увидала въ ней столь знакомую ей самую черту возбужденія отъ услѣха. Она видѣла что Анна льяна виномъ возбуждаемаго ею восхищенья. Она знала это чувство, и знала его признаки, и видѣла ихъ на Аннѣ, видѣла дрожащій, слышывающій блескъ въ глазахъ и улыбку счастья и возбужденія, невольна изгибающую губы, и отчетливую грацію, вѣрность и легкость движеній.

„Кто?“ спросила она себя. „Всѣ или одинъ?“ И не помогая мучавшемуся юношѣ, съ которымъ она танцевала, въ разговорѣ нить котораго онъ упустилъ и не могъ поднять, и наружно подчиняясь весело-громкимъ повелительнымъ крикамъ Корсунскаго, то бросающаго всѣхъ въ grand rond, то въ chaîne, она наблюдала, и сердце ея сжималось больше и больше. „Нѣтъ, это не любованье толпы ослѣпило ее, а восхищеніе одного, и этотъ одинъ? неужели это онъ?“ Каждый разъ какъ онъ говорилъ съ Анной, въ глазахъ ея вспыхивалъ радостный блескъ, и улыбка счастья изгибала ея румяныя губы. Она какъ будто дѣлала усиліе надъ собой чтобы не выказывать этихъ признаковъ радости, но они сами собой выступали на ея лицѣ. Но что онъ? Кити посмотрѣла на него и ужаснулась. То что Кити такъ ясно представлялось въ зеркалѣ ея лица, она увидѣла на немъ. Куда дѣлась его всегда спокойная, твердая манера и безлечно спокойное выраженіе лица? Нѣтъ, онъ теперь, каждый разъ какъ обращаясь къ ней, немного сгибалъ голову какъ бы желая пасть предъ ней и во взглядѣ его было одно выраженіе покорности и страха. „Я не оскорбить хочу, каждый разъ какъ будто говорилъ его взглядъ, но спасти себя хочу и не знаю какъ.“ На лицѣ его было такое выраженіе котораго она никогда не видала прежде.

Они говорили объ общихъ знакомыхъ, вели самый ничтожный разговоръ, но Кити казалось что всякое сказанное ими слово рѣшало ихъ и ея судьбу. И странно то что хотя они дѣйствительно говорили о томъ какъ смѣшенъ Иванъ Ивановичъ своимъ французскимъ языкомъ и о томъ что для Елецкой можно было бы найти лучше партію, а между тѣмъ эти слова имѣли для нихъ значеніе, и они чувствовали это также какъ и Кити. Весь балъ, весь свѣтъ, все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только пройденная ею строгая школа воспитанія поддерживала ее и заставляла дѣлать то чего отъ нея требовали, то-есть танцевать, отвѣчать на вопросы, говорить, даже улыбаться. Но предъ началомъ мазурки, когда уже стали разставлять стулья и нѣкоторыя пары двинулись изъ маленькихъ въ большую залу, на Кити нашла минута отчаянія и ужаса. Она отказала лядерымъ и теперь не танцевала мазурки. Даже не было надежды чтобы ее пригласили, именно потому что она имѣла слишкомъ боль-

шой услѣхъ въ свѣтъ, и никому въ голову не могло придти чтобъ она не была приглашена до сихъ поръ. Надо было сказать матери что она больна и уѣхать домой, но на это у нея не было силы. Она чувствовала себя убитою.

Она зашла въ глубь маленькой гостиной и олустилась на кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана; одна обнаженная рука безсильно олущенная утонула въ складкахъ розоваго тюника, въ другой она держала вѣеръ, и быстрыми короткими движеніями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но вопреки этому виду бабочки только что уцѣлившейся за травку и готовой вотъ-вотъ вспорхнувъ развернуть радужныя крылья, страшное отчаяніе щемило ей сердце.

А можетъ-быть я ошибаюсь, можетъ-быть этого не было? И она олять вспоминала все что она видѣла и поняла, и не могла сомнѣваться.

— Кити, что жь это такое? сказала графиня Нордстонъ, по ковру не слышно подойдя къ ней.—Я не понимаю этого.

— У Кити дрогнула нижняя губа, она быстро встала.

— Кити, ты не танцуешь мазурку?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Кити дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку, сказала Нордстонъ зная что Кити пойметъ кто онъ и она. Она сказала: развѣ вы не танцуете съ княжной Щербацкой?

— Ахъ, мнѣ все равно! отвѣчала Кити.

Никто кромѣ ея самой не понималъ ея положенія, никто не зналъ того что она вчера отказала человѣку котораго она можетъ-быть любила, и отказала потому что вѣрила въ другаго.

Графиня Нордстонъ нашла Корсунскаго съ которымъ она танцевала мазурку, и велѣла ему пригласить Кити.

Кити танцевала въ первой парѣ, и къ ея счастью ей не надо было говорить, потому что Корсунскій все время бѣгалъ распорядясь по своему хозяйству. Вронскій съ Анной сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнорозоркими глазами, видѣла ихъ и вблизи когда они сталкивались въ парахъ, и чѣмъ больше она видѣла ихъ тѣмъ больше убѣждалась что несчастіе ея свершилось: Она видѣла что они чувствовали себя наединѣ въ этой полной залѣ. И

на лицѣ Вронскаго, всегда столь твердою и независимомъ, она видѣла то поразившее ее выраженіе потерянности и логорности, похожее на выраженіе умной собаки когда она виновата.

Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и онъ становился серьезнѣе. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити къ лицу Анны. Она была прелестна въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, прелестны были ея руки съ браслетами, прелестна шея съ ниткой жемчуга, прелестны волосы разтравившейся прически, прелестны граціозныя легкія движенія, прелестно это красивое лицо въ своемъ оживленіи; но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести.

Кити любовалась ею еще болѣе чѣмъ прежде, но это любованье доставляло не радость, а мученье. Кити чувствовала себя раздавленною, и лицо ея выражало это. Въ глазахъ ея не было свѣта, брови поднялись и какъ будто сморщась вспухли посреди лба. Когда Вронскій увидалъ ее столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ былъ пораженъ ея лицомъ. Онъ почти не узналъ ея.

— Прекрасный балъ! сказалъ онъ ей чтобы сказать что-нибудь.

— Да, отвѣчала она.

Въ серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру вновь выдуманную Корсунскимъ, Анна вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ, подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее подходя. Анна прищурившись смотрѣла на нее, и улыбнулась пожавъ ей руку. Но замѣтивъ что лицо Кити только выраженіемъ отчаянія и удивленія отвѣтило на ея улыбку, она отвернулась отъ нея и весело заговорила съ другою дамою.

„Да, что-то чудное, бѣсовское и прелестное есть въ ней,“ сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла оставаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее.

— Полно, Анна Аркадьевна, заговорилъ Корсунскій забывая ея обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака.— Какая у меня идея котильона! Un bijou!

И онъ поемножку двигался стараясь увлечь ее. Хозяинъ улыбаясь одобрительно.

— Нѣтъ, я не останусь, отвѣтила Анна улыбаясь, но не смотря на улыбку, и Корсунскій и хозяйнѣ поняли по рѣшительному тону съ какимъ она отвѣчала что она не останется.

Вронскій стоялъ подлѣ и молчалъ. Она оглаулась на него. Хотя она только три раза видѣла его, она почувствовала что между ей и имъ уже было сложное и значительное прошедшее.

— Нѣтъ я и такъ въ Москвѣ танцевала больше на вашемъ одномъ балѣ чѣмъ всю зиму въ Петербургѣ, сказала Анна. — Надо отдохнуть предъ дорогой.

— А вы рѣшительно ѣдете завтра? спросилъ Вронскій.

— Да я думаю, отвѣчала Анна какъ бы удивляясь смѣлости его вопроса, но неудержимый дрожащій блескъ глазъ и улыбки обжогъ его когда она говорила это.

Анна Аркадьевна не осталась ужинать и уѣхала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГР. ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

По вопросу о преобразованіи нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ послѣднее время сдѣланъ шагъ великой важности. Пересмотръ ихъ уставовъ рѣшенъ въ принципѣ и начертаны общія указанія цѣлей какихъ желательно достигнуть преобразованіемъ. Высшая цѣль соответствующая видамъ правительства и желанію всѣхъ дорожающихъ успѣхами высшихъ знаній въ нашемъ отечествѣ въ томъ чтобы поднять духъ науки и ученія въ университетахъ и высшихъ школахъ помощію мѣръ существенныхъ, принятыхъ съ полнымъ сознаніемъ чего мы хотимъ, касающихся нервныхъ центровъ школьной организаціи, въ духѣ серьезно, а не мишурно либеральномъ.

Возможны два пути университетской реформы. Или приближеніе нашихъ университетовъ къ типу учебныхъ заведеній въ тѣсномъ смыслѣ, къ типу высшихъ спеціальныхъ школъ съ точными программами преподаванія, подъ бдительнымъ контролемъ, при прямомъ начальническомъ управленіи, при строгомъ надзорѣ за занятіями обучаемыхъ. Избравъ такой путь мы должны отказаться отъ мысли объ академической свободѣ и рѣшиться на радикальное измѣненіе нынѣшнихъ формъ университетскаго устройства. Или путь правильной организаціи академической свободы и рѣшительное

принятіе тѣхъ началъ которыя лежатъ въ основѣ германскаго устройства университетовъ. Благодаря учрежденію въ началѣ нынѣшняго столѣтія университета въ Дерптѣ, по образцу котораго составлены уставы и всѣхъ нашихъ университетовъ, наши высшіе разсадники ученья устроились во внѣшнихъ чертахъ по германскому тилу, обстоятельство въ высшей степени важное, значительно облегчающее дѣло реформы въ случаѣ еслибъ она приняла второй изъ указанныхъ путей, и способное значительно затруднить его въ случаѣ радикальнаго измѣненія началъ чрезъ обращеніе къ системѣ высшихъ специальныхъ училищъ. Это обстоятельство дѣлаетъ у насъ преобразование болѣе легкимъ чѣмъ какъ было напримѣръ въ Австріи въ пятидесятыхъ годахъ, когда тамъ былъ сдѣланъ поучительный для насъ и увѣнчавшійся успѣхомъ опытъ преобразованія университетовъ по германскому образцу, отъ котораго австрійскіе университеты по своимъ формамъ стояли дальше нашихъ; несравненно болѣе легкимъ чѣмъ во Франціи, гдѣ подобное преобразование повело бы къ рѣшительной ломкѣ. Намъ нечего на это жаловаться. Высокое состояніе германскихъ университетовъ признано всѣмъ міромъ: очевидное свидѣтельство что при германскихъ формахъ университетскаго устройства достижимы блистательные результаты.

Нѣтъ сомнѣнія что университетское преобразование въ указанномъ духѣ требуетъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, прежде всего быть исполненнымъ съ разумомъ. Задача не въ томъ чтобы наше устройство было сколкомъ германскаго въ его внѣшнихъ особенностяхъ; въ этомъ отношеніи и нынѣшнее устройство есть искаженный сколокъ германскаго; а въ томъ чтобы духъ науки составляющей силу германскихъ центровъ просвѣщенія сдѣлался главнымъ двигателемъ и въ нашемъ университетскомъ механизмѣ.

Правильная организація высшаго учебнаго дѣла на началахъ академической свободы не есть система ведущая къ тому чтобы укрѣплять произволъ преподаванія въ чтеніяхъ требующихъ наименьшей траты труда и поощрять свободу праздности бѣгущей занятій. Ея дѣйствіе должно быть прямо противоположное. Путемъ правильной организаціи экзаменныхъ требованій, которыя дѣлали бы необходимою пройти извѣстныя ступени обученія сосредоточеннаго на важнѣйшихъ предметахъ, путемъ развитія семинарій, практиче-

скихъ упражненій, обученія студентовъ малыми группами, обязательности занятій стипендіатовъ, цѣли обученія,—поднятіе занятій студентовъ и обучающей дѣятельности профессоровъ (въ чемъ нынѣ чувствуется такая потребность),—могутъ быть достигнуты безъ нарушенія высшихъ цѣлей университетскаго преподаванія, безъ положенія преграды развитію университетовъ въ смыслѣ учрежденій не только обучающихъ, но и содѣйствующихъ движенію науки.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ главные положенія намѣченныя въ моемъ *Миніи* заявленномъ въ 1873 году въ совѣтѣ Московскаго университета и затѣмъ развитыя въ *Университетскихъ Письмахъ* помѣщавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* истекшаго года. Разсѣяныя въ листахъ ежедневнаго изданія *Письма* и писались и конечно читались отрывочно. Мнѣ казалось не лишнимъ, въ виду важности дѣла, нынѣ силою вещей выдвигаемаго впередъ, воспользоваться заключающимся въ нихъ матеріаломъ для составленія связнаго очерка тѣхъ началъ которыя, по моему мнѣнію, могли бы съ пользою лечь въ основаніе университетскаго преобразованія. Такова цѣль настоящей статьи.

I.

Что такое университетъ въ ряду другихъ научныхъ учреждений? Въ немъ не трудно, какъ замѣчаетъ Шлейермахеръ, усмотрѣть и черты школы, и черты академіи. Школа, въ тѣсномъ смыслѣ, служитъ,—помимо своего воспитательнаго элемента,—для преподаванія окончательно выработанныхъ или по крайней мѣрѣ признаваемыхъ таковыми истинъ науки. Ея дѣло сообщить учащемуся определенную сумму знаній и определенную степень умѣнья. Обученіе въ школѣ есть передача пріобрѣтеннаго матеріала: двигать знаніе впередъ не ея дѣло. Академія есть общество людей имѣющее цѣлью расширеніе человѣческихъ познаній, движеніе науки впередъ. Она есть собраніе уже готовыхъ ученыхъ, прибѣжище, но не разсадникъ учености. Напротивъ, университетъ, въ германскомъ смыслѣ, съ его свободнымъ и критическимъ преподаваніемъ всей совокулности человѣческихъ знаній,—не будучи школой въ тѣсномъ смыслѣ,—есть именно разсадникъ учености. Цѣль университетскаго преподаванія ознакомить

учащихся съ тѣми путями какими разрабатывается и расширяется знаніе, съ тѣми приемами какими производятся ученые труды. Не каждый студентъ готовится въ ученые, не каждый будетъ производить ученые изслѣдованія и писать ученые сочиненія, но каждый долженъ ознакомиться съ приемами какими изслѣдованія производятся и ученые труды совершаются. Какъ ни разнообразны отрасли человѣческаго знанія, но наука едина, приемы исканія истины общія; и въ данную эпоху, въ изслѣдованіяхъ, повидимому, не имѣющихъ ничего общаго, обыкновенно вѣетъ одинъ и тотъ же духъ. Не даромъ одинъ и тотъ же великій умъ усмотрѣлъ умственнымъ глазомъ эфирныя волны свѣта и раскрылъ тайны египетскихъ іероглифовъ. Удовлетворить своему назначенію университетъ можетъ только если въ его преподаваніи господствуетъ духъ чистой науки, философскій духъ въ обширномъ смыслѣ.

Наша умственная почва не была благоприятна для философіи. Великій запретъ постоянно лежалъ на всякомъ свободномъ проявленіи мыслящаго духа. Духовная цензура, въ самомъ широкомъ значеніи и разнообразныхъ формахъ, ограждала нашу умственную жизнь отъ опасностей философскаго вольнодумства. Но увы! не оградила она наше общество отъ самыхъ дикихъ теорій, съ жадностью принимаемыхъ не укрѣпленными серьезнымъ упражненіемъ молодыми умами; отъ нелѣпыхъ ученій находящихъ, благодаря выгодному сбыту, многочисленныхъ производителей въ нашей печати и порождающихъ самыя печальныя явленія. Чего добраго можно ждать когда молодой умъ, въ эпоху горячей пылкости, когда слагаются убѣжденія о великихъ загадкахъ бытія и когда сердце открыто чтобы повѣрить и привязаться, не получаетъ въ своемъ чтеніи другой лица кромѣ настойчивыхъ намековъ на разныя ученія отрицательнаго и разлагающаго свойства, да полуграмотной перефразировки нѣсколькихъ сочиненій, признанныхъ передовыми, сочиненій по большей части критическаго, а не творческаго характера, имѣющихъ значеніе и понятныхъ лишь какъ вѣтви на умственномъ деревѣ эпохи и теряющихъ живой сокъ какъ скоро отрублены отъ этого дерева. Многое ли слышитъ молодой человѣкъ съ каеэдры что способно было бы прекратить безплодное броженіе скудоумнаго отрицанія и вызвать живую струю исполненнаго надеждъ творчества? По-

Классикъ на словахъ положительнаго знанія, онъ менѣе всего удовлетворится одною передачей фактическихъ свѣдѣній изъ той или другой области, хотя бы и основательною. Онъ ищетъ за чѣмъ бы закрѣпить свои симпатіи, рвется принять участіе въ борьбѣ направленій, жаждетъ вѣрованій. Только серьезная подготовка предъ университетомъ и оживленіе философскаго духа въ университетскомъ преподаваніи въ состояніи поднять молодыя силы наши къ самостоятельной дѣятельности, духомъ свободной науки замѣнить духъ рабскаго служенія ученью всеотрицающаго эгоизма, и дать мысли содержаніе, уму силу сопротивленія, положить конецъ той умственной анархіи при которой такое раздолье всякому обману.

Оживленіе философскаго духа въ преподаваніи должно содѣйствовать столь желанному поднятію уровня общаго образованія среди молодыхъ дѣятелей доставляемыхъ университетами. Недостатокъ его даетъ дорого чувствовать себя на всѣхъ путяхъ гдѣ требуются образованные люди. Мы продолжаемъ еще расплачиваться за разореніе нашей школы въ пятидесятыхъ годахъ, за этотъ дорого обошедшійся опытъ практически показать что оласность отъ которой желательно охранить общество не въ свободѣ и дѣятельности мысли, а въ ея безсиліи, въ неразуміи всякихъ видовъ и свойствъ. Недостатокъ общаго образованія крайне ощутителенъ и среди самихъ дѣятелей науки послѣднихъ поколѣній и очень затрудняетъ ихъ дѣятельность. Ученый персоналъ въ послѣдніе годы количественно, въ широкихъ рамкахъ устава 1863 года, значительно возросъ противъ стараго времени. Но увеличилась ли пропорціонально ученая производительность? Много ли появляется курсовъ и книгъ? Ученая производительность имѣетъ нынѣ двѣ преобладающія формы, такъ-называемая самостоятельная работа и какая-то новообрѣтенная редакція переводовъ. Спеціальная самостоятельная работа—вотъ обычный девизъ не только молодаго ученаго, что было бы умѣстно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ студента едва начинающаго разбирать азбуку науки. Спеціальныя занятія, самостоятельный трудъ,—вещи сами по себѣ прекрасныя и направленіе умственной дѣятельности къ трудамъ этого рода можно бы только приветствовать. Можно было бы не смущаться и тѣмъ обстоятельствомъ что лишь небольшой процентъ ихъ выше посредственности и значительный ниже

ея. Но есть черта заставляющая задуматься. Значительная доля ихъ страдаетъ удивительною неумѣlostью справиться съ передачею мысли и факта согласно самымъ элементарнымъ требованіямъ правильного изложенія; написать такъ чтобы можно было понять что именно хочетъ сказать авторъ, чтобы мысли не зацѣплялись одна за другую въ слуханное цѣлое, слова приходили и оставались не по собственному ихъ произволу, то подъ своимъ, то подъ чужимъ именемъ, а повиновались дисциплинѣ лишающаго—вотъ требованія которымъ едва ли удовлетворятъ многіе труды повидающему весьма спеціального ученаго достоинства. Нерѣдко говорить что недостатокъ нашъ въ томъ что у насъ мало спеціалистовъ, но мы страдаемъ главнымъ образомъ недостаткомъ общаго образованія, какъ въ обширномъ смыслѣ, такъ и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: общаго медицинскаго для медика (дабы спеціалистъ правой ноги и спеціалистъ лѣвой ноги не считали себя свободными отъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и о цѣломъ организмѣ); общаго физико-математическаго для испытателя природы, общаго филологическаго для спеціалиста по русскому языку и т. д. Въ наше время и въ сферѣ промышленности одинъ изъ живыхъ вопросовъ есть вопросъ о доставленіи общаго образованія рабочему люду, дабы каждый работникъ былъ сознательнымъ органомъ общаго дѣла, а не орудіемъ которое можно сдѣлать изъ желѣза. Известная ширина воззрѣнія, обнимающая предметъ въ его разнообразныхъ сочетаніяхъ, есть неизмѣнная спутница всякой важной спеціальной работы. Ею отличается гениальный умъ которому она дается иногда единственно силой таланта; она воспитывается главнымъ образомъ помощію солиднаго общаго образованія, состоящаго не столько въ разнообразіи свѣдѣній, сколько въ известной высотѣ сознанія и умственной дисциплинѣ.

Не параграфы устава создаютъ духъ учрежденія. Это справедливо; но не менѣе справедливо и то что смыслъ и особенно практика постановленій заключающихся въ параграфахъ могутъ могущественно содѣйствовать развитію учрежденія въ ту или другую сторону, облегчая или затрудняя правильный выборъ людей и помѣщая ихъ въ условія благоприятныя для ихъ дѣятельности, возбуждая или усыпляя ее. Потому вопросъ объ организаціи университетовъ есть для нихъ весьма существенный. Всѣми признано что первое мѣсто

между всеми высшими учебными заведениями въ мірѣ принадлежитъ германскимъ университетамъ. Въ чемъ же главныя основанія германскаго университетскаго устройства? Какія начала дѣйствующія въ германской университетской жизни должно считать наиболѣе существеннымъ условіемъ ихъ процвѣтанія и возвышеннаго положенія? Между этими началами едва ли не первое мѣсто принадлежитъ академической свободѣ преподаванія и слушанія. По крайней мѣрѣ, въ этой свободѣ главная отличительная черта германскаго устройства, и ею какъ первымъ благомъ и главнымъ правомъ дорожатъ университеты. Объ этой свободѣ и тѣхъ неразрывно связанныхъ съ нею учрежденіяхъ благодаря коимъ дѣлается возможнымъ ея осуществленіе, то-есть приватъ-доцентствѣ, системѣ гонорарія и независимомъ отъ текущаго преподаванія порядкѣ экзаменовъ, и намѣренъ я прежде всего повести рѣчь.

„Каждый къ факультету принадлежащій профессоръ имѣетъ право читать лекціи по всемъ предметамъ входящимъ въ область этого факультета“, сказано въ статутахъ каждаго изъ факультетовъ Берлинскаго университета. При соблюденіи нѣкоторыхъ условій, профессоръ можетъ читать лекціи и по предмету входящему въ области другаго факультета. Таково постановленіе закона, обуславливающее свободу университетскаго преподаванія. Предъ началомъ семестра, профессора и приватъ-доценты (последніе по отраслямъ на которыя имѣютъ право преподаванія) доставляютъ декану заявленія о курсахъ какіе намѣрены читать, на основаніи чего и составляется росписаніе чтеній входящее въ общее печатное обозрѣніе, дубликатъ рукописи котораго представляется въ министерство (для одобренія, *zur Genehmigung*, какъ сказано въ статутахъ). Студентамъ профессора оповѣщаютъ о предстоящихъ чтеніяхъ записками выставляемыми на доскѣ, причемъ на запискахъ приватъ-доцентовъ требуется отмѣтка *vidi*, декана.

Какимъ образомъ при подобной свободѣ въ выборѣ профессорами предметовъ чтенія достигается необходимая жолота преподаванія? На это обстоятельство въ статутахъ обращено вниманіе, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ параграфовъ восьмага отдѣла общихъ постановленій Берлинскаго университета.

„§ 6. Каждый факультетъ *in solidum* настолько отвѣтственъ за полноту преподаванія въ его области чтобы вся-

кій кто три слѣдующіе одинъ за другимъ полные года учился въ университетѣ имѣлъ возможность слышать чтенія о всѣхъ главныхъ предметахъ факультета. При томъ должны быть принимаемы въ расчетъ чтенія ординарныхъ, экстраординарныхъ профессоровъ и членовъ Академіи Наукъ, но не чтенія приватъ-доцентовъ.

„§ 7. Дабы удовлетворить этой отвѣтственности, факультетъ имѣетъ право, если считаетъ себя слабымъ, дѣлать представленія съ указаніемъ основаній, и оставить себя въ отвѣтственности если можетъ доказать что тотъ или другой главный предметъ не можетъ быть читанъ въ опредѣленный для курса срокъ ни однимъ изъ наличныхъ преподавателей.“

Въ самомъ преподаваніи профессоръ не стѣсненъ никакими предписаніями. Объемъ, метода, направленіе, принимаемое ученіемъ, все зависитъ отъ его усмотрѣнія. Онъ читаетъ подъ общимъ авторитетомъ университета безъ какой-либо регламентированной цензуры. Корпусъ профессоровъ изъ людей высоко стоящихъ въ наукѣ; то обстоятельство что лекціи не публичны во французскомъ смыслѣ, и что и аудиторіи состоятъ изъ молодыхъ людей прошедшихъ серіозную школу и признанныхъ зрѣлыми для научныхъ занятій, предъ которыми шарлатанство, популярничанье, каждеііе дурнымъ инстинктамъ, не могутъ имѣть прочнаго успѣха, наконецъ общій духъ серіозной науки издавна живущій въ германскихъ университетахъ, все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то что университетская свобода преподаванія, не безъ борьбы добытая великими учителями прошлаго времени, нынѣ признается всѣми и одинаково цѣнится людьми различныхъ убѣжденій и партій. Правительственное вмѣшательство вызванное направленіемъ тѣхъ или другихъ чтеній есть явленіе необычайно рѣдкое. Въ извѣстномъ сборникѣ Коха (Koch. *Die Preussischen Universitäten*. Berlin, 1839) я встрѣтилъ лишь одинъ документъ (сборникъ обнимаетъ промежутокъ времени съ 1816 до 1840 года) указывающій на случай правительственнаго вмѣшательства, съ политическою цѣлью, вызваннаго направленіемъ преподаванія государственнаго права въ прусскихъ университетахъ. Приведу относящійся сюда министерскій циркуляръ отъ 11го сентября 1824 года, на имя правительственныхъ уполномоченныхъ при университетахъ (замѣнявшихъ полечителей). Онъ интересенъ для характеристики отношенія правительственной власти въ

Пруссіи къ университетамъ, въ вопросахъ касающихся свободы преподаванія, и указываетъ въ какихъ размѣрахъ допускалось вмѣшательство въ преподаваніе въ случаяхъ того требовавшихъ. „Изъ исторіи и актовъ явствуетъ, сказано въ циркулярѣ, что революціонныя происки и заблужденія нашего времени въ весьма значительной долѣ произошли отъ извращенныхъ ученій общаго государственнаго права, или находятъ въ нихъ поощреніе и прикрасу. Тайныя общества въ университетахъ, какъ видно изъ документовъ, посвятили особое вниманіе общему государственному праву, на своихъ сходкахъ разбирали ближайшимъ образомъ догмы опредѣленныя къ дальнѣйшему распространенію, рѣшили имѣть, что отчасти и исполняли, собственныя чтенія по государственному праву. Хотя и въ прежнія времена въ компендіяхъ и чтеніяхъ по государственному праву можно было встрѣтить не мало вредныхъ и субверсивныхъ началъ, но прежде, по многимъ причинамъ, они не могли въ такой мѣрѣ распространять свое вредное вліяніе какъ теперь. Къ этимъ причинамъ надлежитъ въ особенности причислить перемѣнившееся положеніе общаго государственнаго права въ ряду академическихъ чтеній. До конца прошлаго столѣтія, на это право смотрѣли какъ на вторую часть естественнаго права, и преподавали его вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ; естественное же право по большей части разрабатывалось и излагалось юристами и причислялось къ юридическому ученію и курсу; оно потому не составляло части философскаго ученія. Это положеніе нынѣ значительно измѣнилось, такъ какъ естественное и общее государственное право разсматриваются, обрабатываются и преподаются какъ часть философскаго ученія, и болѣе и болѣе выдѣляются изъ ученія юридическаго. Отсюда слѣдуетъ что чтенія по общему государственному праву слушаются нынѣ не только юристами, какъ было почти исключительно прежде, но всѣми посвящающими философскія лекціи, а слѣдовательно вообще всѣми учащимися. Фактическія послѣдствія измѣнившагося положенія были значительны. Прежде общее государственное право было преподаваемо членами юридическаго факультета, слѣдовательно людьми фантазія коихъ умѣрялась положительнымъ правомъ; съ другой стороны, для учащихся за общимъ государственнымъ правомъ слѣдовало цѣлое остальное ученіе права и въ особенности положительнаго германскаго

государственнаго права. Изученіемъ положительнаго пра-
эксцентрическаго воззрѣнія которыя молодые люди могли и
лучше изъ лекцій объ общемъ государственномъ пра-
исправлялись и очищались; они научались познавать гос-
дарственныя отношенія вообще и въ особенности взаим-
отношеніе правительственной власти и подданныхъ не то-
ко какъ они представляются и строятся въ отвѣченны
часто односторонней, невѣрной и ежедневно мѣняющейся
оріи идеальнаго, такъ-называемаго государства по разу-
(Vernunftstaat), будучи къ дѣйствительному государству
приложимы, но и въ положительномъ государственномъ пра-
вѣ, по дѣйствительно существующимъ правомѣрнымъ
(rechtsgültige) отношеніямъ правителя и подданныхъ. Совѣ-
щаніе при упомянутомъ новомъ положеніи чтеній объ обще-
государственномъ правѣ. Богословы, филологи и врачи, |
которыя изучаются въ немъ познавать государственныя от-
ношенія in abstracto, не получаютъ предъ вступленіемъ
гражданскую жизнь никакихъ свѣдѣній изъ положительнаго
государственнаго права и потому вступаютъ въ нее со взг-
дамы и понятіями которыя они получили о теоретическомъ
государствѣ и порядкѣ вещей въ дѣйствительности не су-
ществующемъ и съ основаніемъ на этихъ взглядахъ претензіей
такое государство по разуму, а потому разсматриваютъ и
въ чемъ дѣйствительныя государственныя учрежденія
отступаютъ отъ теоріи какъ произволь и несправедливое
Подобному вредному вліянію поддаются и молодые юри-
сты когда имъ преподаютъ положительное право Германскаго
Союза и отдѣльныхъ его государствъ по системамъ ко-
рыя principialiter разсматриваютъ общее государственное
право, положительнаго же права касаются какъ дополненіе
отступления отъ перваго. Вы усмотрите отсюда какъ не-
ходимо обратить на этотъ предметъ ваше особенное вни-
маніе. Преимущественно требуется наблюдать чтобъ естест-
венное, и въ особенности общее государственное право, пре-
давалось по системамъ надлежаще испытаннымъ, не толь-
ко свободнымъ отъ вредныхъ началъ, но и основаннымъ на
началахъ истинныхъ. Хотя и желательно чтобъ объ науку и
подавались юридическими профессорами, нѣтъ однако на-
жности принимать и проводить это какъ общее правило;
строго должно держаться того чтобъ онъ излагались люд-
испытанными, зрѣлыми, основательными. Не мѣшае

должно заботиться чтобы чтенія эти вообще происходили по печатнымъ компендіумамъ признаннаго достоинства. Министерство настоятельноѣе поручаетъ этотъ предметъ вашему особому вниманію, указывая вамъ имѣть точныя свѣдѣнія о чтеніяхъ по симъ наукамъ и сообщать министерству какія вамъ представляются замѣчанія. Министерство предоставляетъ вамъ вступить въ переговоры объ этомъ предметѣ съ профессорами и обратить ихъ вниманіе на тотъ вредъ устраненіе котораго имѣется въ виду настоящимъ сообщеніемъ.“

Перейду къ свободѣ слушанія. Она состоитъ въ томъ что университетъ, рекомендуя студентамъ общую схему занятій въ продолженіе трехлѣтняго курса, въ формѣ составляемыхъ отъ времени до времени факультетами учебныхъ плановъ,—предоставляетъ затѣмъ ихъ собственному усмотрѣнію и предметы занятій, и выборъ преподавателей у кого они желаютъ слушать лекціи, вообще оплачиваемыя гонораріемъ. Хотя въ статутахъ упоминается что профессоры слѣдятъ за успѣхами и прилежаніемъ студентовъ, и въ этомъ направленіи отъ времени до времени со стороны высшаго начальства предписывались нѣкоторыя мѣры; но на практикѣ онѣ не получили значенія, и занятія студентовъ не подлежатъ какому-либо дѣйствительному контролю. Гейдельбергскій профессоръ Куно Фишеръ, въ рѣчи *Объ академическомъ ученіи и его задачѣ* (произнесенной въ 1868 году при вступленіи его въ должность проректора), слѣдующими чертами изображаетъ свободу студенческихъ занятій:

„Съ матрикулой объявляющею о вашемъ правѣ академическаго гражданства, говорилъ онъ, обращаясь къ студентамъ, вы получаете, при вступленіи въ университетъ, свидѣтельство объ освобожденіи васъ отъ школьнаго принужденія. Это школьное принужденіе, столь необходимое и благотворное для перваго развитія ума, состояло въ принужденіи къ труду въ двоякомъ отношеніи, именно: ученикъ не властенъ заявлять, хочетъ ли онъ трудиться или нѣтъ; онъ не властенъ также указывать надъ *чѣмъ* и *какъ* онъ хочетъ трудиться. О первомъ условіи, то-есть о томъ чтобъ ученикъ трудился, заботится школьная дисциплина; о второмъ, то-есть надъ *чѣмъ* и *какъ* онъ долженъ трудиться — заботятся училищные преподаватели. Этотъ направляющій шнуръ руководитъ и сдерживаетъ ученика; онъ плыветъ, говоря

образно, сдерживаемый бичевой находящеюся въ рукѣ учителя.

„Отъ этого шнура ученикъ освобождается какъ скоро школа объявляетъ что онъ созрѣлъ для академическаго ученія, что онъ уже настолько обучился и настолько внутренно развитъ что можетъ „студировать“ въ университетѣ: въ этомъ предположеніи мы васъ и принимаемъ. Изъ замкнутой области школьной науки вы прибыли къ тому мѣсту гдѣ царство науки открывается предъ вами какъ истинный университетъ (universitas), какъ открытое море, въ которое вы должны пуститься по собственному побужденію, собственной силой и на свой страхъ, стремясь къ цѣли избранной вами самими.

„Для меня вопросъ: что такое академическая свобода? совпадаетъ съ вопросомъ: въ чемъ состоятъ условія при которыхъ нормальнымъ образомъ возможно достигнуть научной зрѣлости, при которыхъ учащіеся юноши начинаютъ быть учеными людьми, при которыхъ, —если можно такъ сказать,— достигается научное совершенствованіе?

„Единственная цѣль и сущность академической свободы состоитъ въ томъ чтобъ учащіеся могли созрѣть въ научномъ отношеніи. Все несогласное съ этою цѣлію вредно для академической свободы; что не состоитъ ни въ какой связи съ этою цѣлію — не имѣетъ значенія; все служащее ей и согласующееся съ нею, хотя бы косвеннымъ и отдаленнымъ образомъ — вполнѣ оправдывается. Сюда причисляю я и ту степень внѣшней свободы и непринужденности безъ которой не могутъ хорошо развиваться внутреннее освобожденіе и развитіе познающей силы: эта степень состоитъ въ томъ чтобъ учащіеся и въ выборѣ своихъ общественныхъ отношеній удовольствій и развлеченій зависѣли только отъ самихъ себя и были ограничены лишь тѣми условіями которыми, ради самаго сохраненія свободы, долженъ подчиняться каждый, — именно условіями нравственности и общественнаго порядка.

Подъ вліяніемъ академической свободы въ ея внутреннихъ и внѣшнихъ проявленіяхъ издавна образовался болѣе или менѣе всѣмъ знакомый типъ германскаго студенчества съ его хорошими и дурными сторонами.

Особенности студентскихъ нравовъ въ Германіи въ значительной мѣрѣ поддерживались и поддерживаются университетскими привилегіями и прежде всего привилегіей самосу-

по отношенію къ проступкамъ студентовъ. Истинное назначеніе этихъ привилегій въ томъ чтобъ ограждать учебную среду отъ всякихъ вѣдшихъ ваіаній, а не въ томъ чтобъ укрѣплять убѣжденіе что студенты суть какъ бы особое сословіе съ прирожденными ему правами и привилегіями независимо отъ занятій наукою. Противъ такого взгляда рѣзко возсталъ свобододобивый, но вмѣстѣ строгій Фихте въ своей рѣчи *О единственно возможномъ нарушеніи академической свободы*, произнесенной въ 1811 году, при вступленіи въ ректорскую должность въ тогда еще юномъ Берлинскомъ университетѣ. Элементъ грозящій опасностью академической свободѣ, достаточно, по его мнѣнію, обезпеченной въ другихъ отношеніяхъ, онъ видѣлъ „въ той породѣ людей которая среди другихъ чело-вѣческихъ отношеній нигдѣ не была бы терпима, которая выдаетъ себя за студентовъ и причисляетъ себя къ университету. Эта порода образовалась такимъ образомъ. Тому кто изъ собственнаго опыта не знаетъ что такое ученье, естественно при видѣ университета съ его многочисленными особенностями считать такое учрежденіе, истинныя цѣли котораго для него остаются скрытыми, какъ бы нѣкоторымъ особеннымъ сословіемъ студентовъ, которое также какъ сословія дворянское, гражданское, крестьянское, существуетъ для того только чтобы существовать и пополнять число сословій, и что это сословіе, лишь вслѣдствіе своего существованія, пользуется вольностями и привилегіями. Ясно въ чемъ источникъ заблужденія. Ученіе есть призваніе; университетъ и всѣ его учрежденія существуютъ единственно для того чтобъ обезпечить осуществленіе этого призванія, и *студентъ лишь тотъ кто студируетъ*. Упомянутые же люди могутъ лишь полагать что есть особенная порода людей называемая студентами, называемая такъ несмотря на то занимаются они или нѣтъ, и что это сословіе студентовъ пользуется привилегіями ему усвоенными и съ ними нераздѣльными только вслѣдствіе своего существованія.“

Злоупотребленія студенческою свободой, противъ которыхъ многократно раздавались рѣшительные голоса въ рядахъ университетскихъ преподавателей, въ тѣхъ же рядахъ находили и не мало снисходительныхъ защитниковъ, помнявшихъ свои студенческіе годы и видѣвшихъ въ этихъ злоупотреб-

леніяхъ предохранительный клаланъ для юношеской бурливости.

Время, впрочемъ, многое измѣнило, и нравы нынѣшнихъ студентовъ много разнятся отъ нравовъ прежнихъ поколѣній, и злоупотребленія свободы нынѣ не имѣютъ уже того рѣзкаго, отчасти грубаго характера какимъ отличались въ былое время.

II.

Есть ли у насъ академическая свобода преподаванія и слушанія? При первомъ взглядѣ можетъ показаться что если не по уставу и разнымъ дополнительнымъ постановленіямъ, то по крайней мѣрѣ на практикѣ, и профессора и студенты въ дѣлѣ преподаванія и ученія пользуются у насъ весьма значительною степеню свободы. Профессоръ читаетъ въ границахъ своего предмета что хочетъ и какъ хочетъ, сколько хочетъ, будучи отвѣтственъ лишь предъ своею совѣстью экзаменуетъ такъ или иначе по своему характеру, темпераменту, расположенію къ строгости или склонности къ полупарничанью и т. д.; студенты, по желанію, ходятъ или не ходятъ на лекціи, занимаются или не занимаются, заглядываютъ въ университетъ, или служатъ въ частныхъ должностяхъ, или живутъ на урокъ гдѣ-нибудь въ Орлѣ, Пензѣ Саратовѣ. Свобода да и только! Къ сожалѣнію, истинная академическая свобода, какъ сила живая и дѣятельная, не отразимо, по необходимому внутреннему побужденію, наша гонимая нелегкія обязанности, ничѣмъ не похожая на распуценность или распаденіе, требуетъ условій которыя у насъ отсутствуютъ.

Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, свобода чтенія при закрытомъ преподаваніи предмета за его официальнымъ преподавателемъ при отсутствіи конкуренціи, при обязательныхъ лекціяхъ и экзаменахъ самимъ читающимъ и изъ того что имъ прочитано? При отсутствіи свободы слушанія, института приватъ-доцентовъ и независимыхъ экзаменовъ нѣтъ академической свободы преподаванія. Что значитъ, въ свою очередь свобода студентовъ ходить и не ходить на лекціи, заниматься и не заниматься, не подвергаясь контролю, безъ признающей и правильной свободы слушанія основанной на системѣ гонорарія? Безъ гонорарія и независимыхъ отъ текуща

преподаванія экзаменовъ явтъ свободы слушанія. Но факультеты безъ академической свободы суть спеціальныя школы, а спеціальныя школы должны быть со строго опредѣленными программами преподаванія и испытанія, строгимъ наблюденіемъ за чтеніями, строгимъ контролемъ за занятіями учащихся. Учрежденіе въ основаніе котораго теоретически было бы положено начало школы принимающей молодыхъ людей на выучку, за эту выучку отвѣтственной, подлежащей строгому наблюденію во всѣхъ подробностяхъ своей вполнѣ регламентированной организаціи, но въ которомъ бы, въ дѣйствительности, практиковалась свобода въ отрицательномъ смыслѣ, какъ возможность не дѣлать дѣла, едва ли было бы удовлетворительнымъ учрежденіемъ. Если дорога намъ академическая свобода какъ университетскій идеалъ, то мы должны необходимо стремиться къ осуществленію у насъ тѣхъ условій безъ которыхъ она невозможна. Если же мы хотимъ сохранить монополию обязательныхъ чтеній, безъ конкуренціи привать-доцентовъ; раздачу государственныхъ правъ чрезъ зависящія отъ нашего произвола экзамены; если хотимъ остаться партизанами дароваго ученья, въ противоположность системѣ гонорарія, то, дабы быть послѣдовательными, мы должны вовсе отказаться отъ претензій на академическую свободу.

Войдемъ ближе въ разсмотрѣніе условій благодаря которымъ становится возможною академическая свобода германскихъ университетовъ. Начнемъ съ института привать-доцентовъ. „Институтъ привать-доцентовъ (Max Oesfeld, *Preussent*, Т. I, стр. 244, 1871) имѣетъ свое происхожденіе въ томъ что ученые получившіе академическую степенъ (доктора) имѣютъ право,—по исполненіи извѣстныхъ условій, должствующихъ свидѣтельствовать объ ихъ способностяхъ,—вступать въ университетъ въ качествѣ преподавателей, получая чрезъ то право читать лекціи изъ области наукъ опредѣленнаго факультета, при которомъ имѣло мѣсто признаваніе ихъ способности (Habilitation). Ихъ положеніе въ университетѣ совершенно свободное; они могутъ оставить его во всякое время, развивать большую или меньшую дѣятельность и въ правѣ разчитывать, въ случаѣ если окажутся способными и представится вакансія, что имъ не легко предпочтень будетъ кто-либо не принадлежавшій дотола къ какому-либо университету.“

„Знаменитые мужи благодаря которымъ,“ говоритъ въ своей очередь геттингенскій профессоръ Мейерсъ (авторъ сочиненія до нынѣ пользующагося авторитетомъ: *Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten*, 1801) „возникли въ XII столѣтїи высшія училища, были вообще, — говоря по нашему, — привать-доценты, ибо они выступали какъ учителя юности не будучи назначены какимъ-либо правительствомъ, и безъ жалованья. Различіе между публичными преподавателями и привать-доцентами означилось не прежде какъ по введеніи публичныхъ испытаній и степеней. Кто выдержалъ предписанное испытаніе и достигъ предписанной степени — признавался публичнымъ преподавателемъ. Приватные преподаватели, напротивъ, были тѣ кои готовились къ академическимъ степенямъ и преподавали лишь подъ наблюденіемъ публичныхъ преподавателей. Назначеніе жалованій произвело значительное измѣненіе въ значеніи словъ: публичный и приватный преподаватель. Получавшіе жалованье стали считаться публичными, не получавшіе — приватными преподавателями.“ Затѣмъ, за публичными преподавателями укрѣпился титулъ профессора, съ которымъ соединилось понятіе о преподавателѣ опредѣленною правительственною властію (хотя бы даже и безъ жалованья); подъ именемъ же приватныхъ учителей стали разумѣть какъ привать-доцентовъ въ собственномъ смыслѣ, такъ и учителей искусствъ и языковъ. Замѣтимъ мимоходомъ что въ прошломъ столѣтїи, въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ, учителя фехтованія и верховой ѣзды играли не малую роль и, какъ свидѣтельствуемъ Мейерсъ, извѣстный штабмейстеръ Эйресь привлекалъ не мало студентовъ въ Геттингенъ; по рангу своему, онъ былъ, рескриптомъ 31го августа 1760 года, поставленъ тотчасъ послѣ ординарныхъ профессоровъ и выше экстра-ординарныхъ.

Какія постановленія закона опредѣляютъ положеніе привать-доцентовъ въ германскихъ университетахъ? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, обратимся къ статутамъ Берлинскаго университета. Тамъ находимъ:

„§ 2 (Отд. VIII). Право читать въ университетѣ пріобрѣтается: 1) чрезъ ординарную или экстра-ординарную профессуру; 2) чрезъ мѣсто дѣйствительнаго члена Академіи Наукъ 3) привать доцентами чрезъ габилитацію (признаніе способ

ности, Habilitation) въ томъ факультетѣ при которомъ имѣютъ читаться ихъ лекціи.

„§ 4. Приватъ-доценты должны габилитироваться при факультетѣ на которомъ хотятъ читать, и подавая заявленіе о допущеніи должны указать отрасли науки по которымъ намѣрены читать. Лишь по отношенію къ этимъ отраслямъ получаютъ они право чтенія. Просить о допущеніи могутъ лишь имѣющіе докторскую степень, а на богословскомъ факультетѣ также и лиценціаты. Признаніе способности (Habilitation) производится чрезъ публичное чтеніе, въ свободномъ изложеніи, на тему данную факультетомъ или съ согласія факультета, послѣ того какъ факультетъ, въ регламентахъ указаннымъ способомъ, удостовѣрился въ способности аспиранта. Впрочемъ, единственно отъ сужденія факультета объ аспирантѣ зависитъ дарованіе позволенія читать; усмотрѣнію факультета предоставляется отказать въ дозволеніи.“

Относительно удостовѣренія въ способности, на разныхъ факультетахъ статутами указаны нѣсколько различныя правила. На философскомъ, кромѣ докторской диссертациі, требуется представленіе (§ 55) писаннаго или печатнаго сочиненія по предмету чтеній. Представленные труды разбираются комиссарами отъ факультета выбранными тайною подачей голосовъ. При обсужденіи университетскихъ постановленій въ 1869 году, всѣ университеты высказались за сохраненіе института приватъ-доцентовъ въ нынѣшнемъ видѣ, съ еще большимъ упрощеніемъ условій вступленія.

Институтъ приватъ-доцентовъ — истинный разсадникъ профессоровъ. Съ другой стороны, приватъ-доценты своею конкуренціей непрестанно побуждаютъ къ прилежанію и штатныхъ профессоровъ. Преподаваніе приватъ-доцентовъ имѣетъ важное значеніе и для самого движенія науки. Съ жаромъ молодости они охотно вступаютъ на новые пути изслѣдованій и соображеній, годность или негодность которыхъ скоро обнаруживается на дѣлѣ; и мало-по-малу господствующія ученія, поддерживаемыя олытностію, знаніями и трудами старшихъ профессоровъ, смѣняются новыми болѣе согласными со сдѣланными открытіями или по крайней мѣрѣ за таковыя почитаемыми.

Весьма точную характеристику института приватъ-доцентовъ встрѣчаемъ въ знаменитомъ *Отчетѣ о состояніи*

народнаго просвѣщенія въ Германіи Кузена (*Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne et particulièrement en Prusse, 1832*), составленномъ послѣ поѣздки его въ Германію по порученію министерства просвѣщенія. „Самая существенная пружина университетскаго механизма въ Германіи, послѣ гонорарія“, говоритъ Кузенъ, „есть различіе трехъ разрядовъ профессоровъ: профессора обыкновенные, профессора экстра-ординарные и приватъ-доценты, или *doctores legentes*. Поглядите какъ удачно эти три ступени профессоровъ и раздѣляются и связываются между собою. Основаніе, корень, суть профессора, а непрестанно обновляющійся питомникъ профессоровъ есть институтъ молодыхъ докторовъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ, съ согласія факультетовъ, допускаются къ чтенію лекцій. Каждый сколько-нибудь способный человѣкъ можетъ такимъ образомъ достигъ высшаго преподаванія, но каждый достигаетъ подавъ по крайней мѣрѣ надежды. Если онъ не осуществитъ этихъ надеждъ дѣйствительнымъ успѣхомъ, привлекая слушателей и принося честь принявшему его факультету, то признаютъ что ошиблись, и его никогда не сдѣлаютъ экстра-ординарнымъ профессоромъ; да и самъ онъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ попытокъ, не привлекая слушателей и слѣдовательно не получая сколько-нибудь замѣтнаго вознагражденія, удаляется, избираетъ себѣ другую карьеру. Если, напротивъ того, онъ осуществляетъ подавныя надежды, если привлекаетъ много слушателей, составляетъ книги обращающія на себя вниманіе, — его дѣлаютъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, и это званіе, неотъемлемое (*qui est indestructible*), съ небольшимъ постояннымъ жалованьемъ присоединяемымъ къ гонорарію получаемому отъ слушателей, поощряетъ его и удерживаетъ на преподавательскомъ поприщѣ. Если его успѣхи продолжаются, и онъ пріобрѣтаетъ замѣтное мѣсто въ наукѣ, государство, имѣющее интересъ сохранить такого человѣка, постепенно увеличиваетъ его жалованье, и наконецъ назначаетъ его обыкновеннымъ профессоромъ. Это высокое званіе никогда не дается надеждамъ которыя опытъ можетъ не оправдать, но лишь продолжительнымъ успѣхамъ, признаннымъ талантамъ, пріобрѣтеннымъ репутаціямъ. Рѣдко можно достигнуть его раньше извѣстнаго возраста, и въ Германіи нѣтъ ни одного обыкновеннаго профессора который не былъ бы человѣкомъ болѣе или

менѣе знаменитымъ, ибо званіе это есть именно награда знаменитости. Большой публичный успѣхъ достигаемый чтеніями или сочиненіями, вотъ черезъ что дается ординарное профессорство въ Германіи. Громадная конкуренція открыта во множествѣ молодыхъ докторовъ. Призъ выигрываетъ талантъ съ помощію времени и настойчивости. Вотъ истинный конкурсъ. Какое еще испытаніе нѣсколькихъ дней или недѣль нужно послѣ десяти или двѣнадцати лѣтъ публичныхъ успѣховъ предъ лицомъ всей Германіи, а иногда и всей Европы? Между тѣмъ время и возрастъ утишаютъ жаръ, талантъ иногда ослабѣваетъ съ годами. Пусть однако ординарный профессоръ перестанетъ заниматься, свѣдѣть за успѣхами ежедневно дѣлаемыми наукой. Что же тогда случается? Слушатели покидаютъ аудиторію ординарнаго профессора для уроковъ экстра-ординарнаго или даже приватъ-доцента, молодого, ретиваго, новатора, часто до излишества; и университетъ не страдаетъ отъ упадка тѣхъ кто ему славно служилъ. Весь этотъ счастливый механизмъ основывается на различіи трехъ разрядовъ профессоровъ и раздѣленіи жалованья на постоянное и гонорарій.

Институтъ приватъ-доцентовъ находится въ неразрывной связи съ системой гонорарія. Съ большою ясностью и безспорнымъ авторитетомъ указываетъ на эту связь Дюбуа-Реймонъ, знаменитый физиологъ, профессоръ Берлинскаго университета, въ своей рѣчи объ университетскихъ учрежденіяхъ, произнесенной при вступленіи въ ректорство въ октябрѣ 1869 года (*Ueber Universitäts-Einrichtungen, Rede gehalten von Em. Du Bois Reymond*).

„Между французскими и нѣмецкими университетскими учрежденіями,“ говоритъ Дюбуа-Реймонъ, „чуть ли не самое важное различіе состоитъ въ томъ что французскій профессоръ, получая содержаніе отъ государства, не пользуется отъ своихъ слушателей, по крайней мѣрѣ непосредственно, никакимъ вознагражденіемъ, тогда какъ нѣмецкій, кромѣ оклада назначаемаго ему въ качествѣ ординарнаго или экстра-ординарнаго профессора, получаетъ еще плату отъ своихъ слушателей. Не рѣдко можно слышать у насъ, и именно въ средѣ юности, что въ этомъ заключается весьма важное преимущество французской учебной системы и что равно или поздно, другими реформами, мы необходимо придемъ и къ этому порядку какъ къ высшей ступени. Не

колеблюсь выступить противъ этого мнѣнія какъ совершенно ложнаго, въ надеждѣ что противники мои не увидятъ въ этомъ *oratio pro domo*, какъ и я не приписываю ихъ увѣренія въ какой-либо нечистой побудительной причины. Имъ не слѣдуетъ забывать еще и того что для университетскаго преподавателя, безъ сомнѣнія, было бы гораздо удобнѣе еслибы доходъ его не зависѣлъ отъ одобренія его слушателей, одобренія которое въ старости можетъ его оставить или быть у него отнимаемо.

„Происхожденіе такого, по моему мнѣнію, ложнаго возрѣнія я свожу къ той ошибкѣ мышленія (*Denkfehler*) каковая въ политикѣ называется радикализмомъ, не рѣдко вытекаетъ изъ благороднѣйшихъ чувствованій, и потому особенно распространена между молодыми людьми. Она состоитъ въ томъ что при обсужденіи залутанныхъ человѣческихъ дѣлъ дѣлаются идеальныя предположенія и прилагаются отвлеченныя схемы, вмѣсто того чтобы принимать въ разчетъ дѣйствительныя, частью естественныя, частью историческія условія и природу человѣческую съ ея страстями, особенностями, привычками, слабостями и сокровенными психическими побудительными причинами дѣйствій. Съ перваго взгляда кажется что государство поступаетъ благородно и либерально принимая на себя плату, и доставляя такимъ образомъ каждому жаждущему знанія возможность учиться бесплатно, и что напротивъ не либеральны и мелочны нѣмецкія учрежденія ставящія преподавателя въ такое положеніе что онъ долженъ какъ бы торговать наукой. Однако, въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ, и оказывается что именно изъ усвоеннаго въ Германіи образа дѣйствія проистекаетъ либеральный и благородный духъ германскихъ университетовъ, и что напротивъ система бесплатнаго преподаванія вредитъ независимости преподавателя и свободѣ ученія.

„Извѣстно что люди платя деньги хотятъ приобрести за нихъ что-нибудь, а потому учащіяся, внося гонорарій, этимъ побуждаются извлекать какъ можно болѣе пользы изъ лекцій ими слушаемыхъ. Съ другой стороны, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, преподавателю не все равно ограничивается ли дѣйствіе его чтеній доставленіемъ пользы и приобретеніемъ славы, или и служить они также къ улучшенію его внѣшняго положенія. Преподаватель, получая гонорарій отъ живыхъ слушателей, болѣе побуждается къ по

стоянному изо всѣхъ силъ исполненію своего долга, нежели служба за жалованье выдаваемое отвлеченнымъ существомъ—государствомъ. Гонорарій доставляетъ учащемуся основательное право пріобрѣтать къ совѣту и пособию преподавателя. При гонораріѣ, между профессоромъ и учащимся устанавливаются личныя сношенія, которыя часто имѣютъ самыя благодатныя послѣдствія и къ коимъ при безплатномъ преподаваніи не имѣется случая. Нѣтъ сомнѣнія что это одна изъ причинъ поражающихъ то тѣсное сближеніе нѣмецкихъ профессоровъ со студентами которое удивляетъ иностранцевъ. Конечно, всему этому содѣйствуетъ также степень образованности нѣмецкихъ студентовъ и нравственныя качества какія слѣдуетъ предполагать у каждаго изъ нихъ.

Именно при гонораріи сдѣлалось у насъ возможнымъ учрежденіе приватъ-доцентовъ которому такъ завидуютъ въ чужихъ краяхъ, ибо гонорарій не только матеріально поддерживаетъ молодаго доцента при исполненномъ трудностей вступленіи его на академическое поприще, но служба еще несомнѣннымъ свидѣтельствомъ его успѣховъ и заслугъ оказываетъ ему нравственное поощреніе и нерѣдко оправдываетъ его въ глазахъ мало свѣдущихъ близкихъ къ нему людей, которымъ его надежды и предположенія казались лутыми несбыточными мечтами. Благодаря гонорарію учебное сословіе германскихъ университетовъ непрерывно пополняется молодыми учеными которымъ нѣмецкая наука обязана своимъ смѣлымъ, непрерывно стремящимся впередъ духомъ, и преподаваніе которыхъ сверхъ того расширяетъ планъ университетскаго ученія. Опредѣленный государствомъ преподаватель въ виду свободной конкуренціи молодыхъ даровитыхъ людей, часто его собственныхъ учениковъ, постоянно возбуждается къ новымъ усиліямъ даже въ такихъ лѣтахъ когда у людей вообще энергія ослабѣваетъ и когда французскій профессоръ не рѣдко отказывается отъ труда, представляя его помощнику своему, такъ-называемому *suppléant*. Наконецъ, именно осуждаемый радикалами гонорарій доставляетъ университетскому преподавателю возможность, опираясь на свои силы и знаніе и на одобреніе учащагося юнства, противостоять во многихъ вопросахъ гнету извнѣ. Хотя подобныя столкновенія въ дѣйствительности и не было, однако нельзя сомнѣваться что тайное сознаніе такою отношенія тушило въ зародышѣ полползновеніе къ гнету, а что наоборотъ, сознаніе присутствія такой сдерживающей

силы охраняло въ нѣмецкомъ профессорѣ драгоцнѣнѣе нравственное благо человека, — независимость характера.

„Конкурсъ, какъ средство приискивать лучшихъ преподавателей, нынѣ, кажется, не пользуется милостью и во Франціи, и мѣсто его заняла система *présentation* или наименованіе корпораціями кандидатовъ на вакантныя должности и представленіе ихъ на выборъ начальству. Такъ дѣлается и у насъ, только у насъ представленію предшествуетъ *конкурсъ*. Конечно, не тотъ, такъ соотвѣтствующій галло-романскому духу публичный турниръ состязателей, въ которомъ побѣдителемъ легко можетъ оказаться блестящій говорунъ, но многолѣтняя борьба за академическое существованіе предъ неподкупнымъ жури нѣмецкихъ студентовъ платящихъ гонорарій, борьба, въ которой по непреложному закону природы, побѣдителемъ долженъ оказаться лишь дѣйствительно достойнѣйшій.

„Для того чтобы система гонорарія вполне имѣла такое дѣйствіе, къ ней нужно еще дополненіе уже существующее въ Германіи, именно чтобы студенты были совершенно свободны слушать чтò хотятъ и у кого хотятъ. Можно спросить не приличествуетъ ли такая свобода, — которой естественно требуютъ и радикалы, — лишь даровитѣйшимъ изъ учащихся, а не тѣмъ кои имѣютъ умѣренныя способности, и не больше ли послѣднимъ доставить пользы твердо установленный порядокъ ученія поддерживаемый экзаменами? Можетъ-быть; но свобода ученія не только связана съ системой гонорарія, но и есть часть академической свободы вообще, — свободы составляющей, по нашему мнѣнію, столь высокое благо учащихся молодыхъ людей, служащей такимъ важнымъ средствомъ для развитія ихъ характера, что ограниченій этой свободы мы, безъ крайней надобности, не одобримъ.“

III.

Нерѣдко указываютъ на французское устройство факультетскаго преподаванія какъ на образецъ даровой системы высшаго образованія, либеральнѣе доставляемаго государствомъ всякому желающему имъ воспользоваться, въ противоположность дѣйствующей въ германскихъ университетахъ системѣ платы или гонорарія вносимаго слушателями. Дѣлѣ

ствительно, во Франціи двери аудиторій открыты настежь для всякаго входящаго, лекціи публичны и бесплатны; но было бы заблужденіемъ думать что французская система есть даровая система. Во Франціи есть сборъ съ желающихъ получить высшее образованіе, но только не въ формѣ гонорарія, а въ формѣ налога взимаемаго за внесеніе въ списокъ студентовъ, за экзамены и дипломы. Какую сумму приносить этотъ налогъ, лучше всего можемъ узнать изъ интересной рѣчи произнесенной бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, г. Жюль Симономъ, 19го апрѣля 1873 года, на общемъ собраніи въ Сорбоннѣ представителей ученыхъ французскихъ обществъ прибывшихъ въ Парижъ на ученый съѣздъ. „Для нѣкоторыхъ изъ васъ“, сказалъ министръ, „будетъ быть-можетъ новостью узнать что даетъ у насъ государство на преподаваніе наукъ и словесности, другими словами, насколько огромны пожертвованія дѣлаемые Франціей для высшаго образованія. Я скажу вамъ что истратила она въ 1872 году; чрезъ шесть недѣль я бы могъ сказать что дастъ она на 1873 годъ. Разница не будетъ значительна. Государство по бюджету на высшее образованіе выдало въ 1872 году сумму 4.402.921 франковъ. Но если сочтемъ то что студенты платятъ въ формѣ взносовъ при внесеніи въ списки (frais d'inscription), а также за дипломы, — обществанный налогъ въ точномъ смыслѣ собираемый министромъ финансовъ, — то вотъ что, увидимъ, принесъ этотъ налогъ въ 1872 году: государство, сказалъ я, выдало 4.402.921 фр.; налогъ возвратилъ ему 4.316.610 франковъ!!“ Таковъ поразительный фактъ указанный Жюль Симономъ. Государство во Франціи не жертвуетъ почти ничего на высшее образованіе! Значительность взимаемой суммы достигается главнымъ образомъ благодаря огромному числу студентовъ въ Парижѣ (въ 1872 году на юридическомъ факультетѣ считалось 2.500, на медицинскомъ 4.000 студентовъ, по показанію Жюля Симона). Но и вообще сборъ со студентовъ во Франціи далеко нельзя назвать незначительнымъ. Вотъ, наприкладъ, что надо истратить чтобы достичь стелени доктора медицины (освобожденіе можетъ быть дано лишь министромъ по представленію факультетовъ):

Шестнадцать внесеній въ списокъ по 30 франковъ.....	480 фр.
Три экзамена конца года по 30 франковъ.....	90 .
Пять экзаменовъ конца ученья по 50 франковъ.....	250 .

Пять свидѣтельствъ способности (certificat d'aptitude) по 40 франковъ.....	200	фр
Защитеніе тезы.....	100	"
Свидѣтельство способности.....	40	"
Дипломъ.....	100	"
Итого.	1.260	"

Сумма, какъ видимъ, превышаетъ 250 рублей каку вносить у насъ студентъ медицины за пять лѣтъ курса (пріобрѣтеніе докторства у насъ не сопровождается издержками, за исключеніемъ печатанія диссертациі, которое и во Франціи падаетъ на ищущаго степени). Издержки на достиженіе степеней юридическаго факультета суть для полученія степени бакалавра 540 фр., степени лиценціата (licence) 560 фр., степени доктора 560 фр.; должн присоединить еще 245 фр. для пріобрѣтенія свидѣтельства способности. По факультетамъ математическому и словесному издержка за бакалавра 100, за лиценцію 140 и за докторство 140; и кромѣ того на факультетѣ физико-математическомъ 400 фр. для полученія свидѣтельства способности къ прикладнымъ наукамъ (sarasité pour les sciences appliquées). Много менѣе сбора по богословскому факультету, гдѣ платится 45 фр. за степень бакалавра, столько же за лиценцію и 80 за докторство.

Противъ французской системы якобы дароваго высшаго образованія и за систему гонорарія высказался сорокъ лѣтъ тому назадъ Кузенъ. Въ пользу той же системы высказывались и многіе другіе компетентнѣйшіе судьи, какъ напримеръ Сень-Маркъ Жирарденъ, Лабуле. Но мнѣнія эти не имѣли практическихъ послѣдствій: правительства останавливались предъ такимъ радикальнымъ измѣненіемъ системы которое потребовало бы значительной ломки. „Возраженіе“, писанъ въ 1833 году Кузенъ, „какое дѣлають во Франціи противъ лекцій оплачиваемыхъ слушателями, состоитъ въ томъ что такія лекціи ставятъ, будто бы, профессора въ зависимость отъ его слушателей и заставляютъ его забывать интересы науки для интереса своего кармана. Это возраженіе было бы основательно, еслибы въ Германіи профессоръ, кромѣ гонорарія, не получалъ никакого постояннаго жалованья отъ государства, жалованья которое не одинаково для всѣхъ и которое тѣмъ значительнѣе чѣмъ менѣе, при равномъ достоинствѣ, профессоръ имѣеть шансовъ, по самому свойству

преподаваемого предмета, привлечъ много слушателей. Первый долгъ профессора есть долгъ по отношенію къ наукѣ, а не по отношенію къ слушателямъ: это правило каждаго истиннаго профессора университета, правило существенно отдѣляющее университетъ отъ гимназіи. Государство должно потому обезпечить профессору приличное содержаніе независимое отъ числа слушателей, ибо невѣдко курсъ имѣющій семь, восемь слушателей, на примѣръ курсъ высшаго анализа или высшей филологіи, можетъ быть безконечно полезенъ для науки. Не должно чтобы великій геометръ для денегъ терялъ свое время обучая низшимъ частямъ математики. Съ другой стороны, государство не обязано даромъ давать науку всякому, и справедливо чтобы, переступля элементарное обученіе, каждый кто хочетъ болѣе или менѣе подойти къ наукѣ внесъ свою дань. Это безспорно относительно гимназій, это столь же, и даже болѣе, безспорно относительно университетовъ. Иначе пришлось бы всѣмъ профессорамъ безъ различія давать слишкомъ возвышенное жалованье, разорительное для государства, и деньги для котораго было бы въ высшей степени несправедливо брать изъ кармана всѣхъ гражданъ въ пользу весьма небольшого числа. Постоянное приличное жалованье, обезпечивающее профессору необходимое, и плата слушателей, улучшающая его матеріальное положеніе пропорціонально его услугѣ, — вотъ золотая середина въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ профессоръ не осужденъ забывать высшіе интересы науки и не можетъ, съ другой стороны, подъ личиною якобы недоступнаго генія, обойтись безъ некотораго услѣха и извѣстнаго числа слушателей. Къ этой выгодѣ прибавьте еще слѣдующую; рѣшительную по моему сужденію, а именно что студенты съ большимъ усердіемъ и прилежаніемъ посѣщаютъ лекціи за которыя платятъ. У насъ, на нашихъ словесныхъ и математическихъ факультетахъ, двери отворены настежь для всѣхъ; входитъ кто хочетъ ничего не платя. Это кажется съ перваго взгляда изумительнымъ, достойнымъ великой націи. Но знаете ли что отсюда проистекаетъ? Вопервыхъ, подобная аудиторія не иное что какъ партеръ театра; входятъ и выходятъ посреди лекцій, придуть разъ чтобы не вернуться, если профессоръ не прельщаетъ уха; слушаютъ разсѣянно, и вообще въ аудиторіи скорѣе дилеттанты чѣмъ истинные студенты. Далѣе, профессоръ ничего не теряющій если читаетъ дурно не занимается и не придаетъ

своимъ чтеніямъ важности. Любить онъ славу, заботится сохранить значительную репутацію, — является новая оласность: потерявъ надежду имѣть серіозную аудиторію, онъ пожелаетъ имѣть по крайней мѣрѣ многочисленную. Въ большой толпѣ всегда есть какое-то почти магнетическое вліяніе, подчиняющее себѣ самыя сильныя души; и тотъ кто былъ бы серіознымъ и поучающимъ профессоромъ при сотнѣ внимательныхъ студентахъ, становится легкимъ и поверхностнымъ предъ поверхностною и легкою аудиторіей. Наконецъ, что остается въ этой толпѣ отъ дароваго преподаванія? Смутное впечатлѣніе, которое можетъ имѣть долю пользы, какъ болѣе или менѣе живое впечатлѣніе оставаемое въ театрѣ благоприличною и интересною драмой. Но что это въ сравненіи съ трудолюбивою рачительностію пятидесяти или ста слушателей, которые, залативъ впередъ за лекціи профессору, усердно слѣдятъ за ними, ихъ собираютъ, обсуждаютъ, стараются дать себѣ въ нихъ отчетъ, ибо иначе они потеряли бы и время, и деньги. Надо чтобы студенты что-либо платили; надо также чтобы государство обезлечивало ученыхъ пользующимся извѣстностію приличное постоянное жалованье. Таковъ порядокъ на которомъ вѣка тому назадъ остановились всѣ университеты Европы и который въ Германіи даетъ самыя счастливыя результаты. Мнѣ кажется необходимымъ принять этотъ порядокъ, и у насъ его стоить только перенести изъ нашихъ коллегій (гимназій), гдѣ онъ господствуетъ, въ учрежденія для высшаго образованія.

Смѣлье французскаго было австрійское правительство. При преобразованіи австрійскихъ университетовъ въ 1850 году, тамъ была введена общая германская система гонорарія. Опытъ въ высшей степени важный и поучительный. Прежнее австрійское устройство никакъ не менѣе нашего отличалось отъ общаго германскаго типа, и прелатствій къ осуществленію реформы было никакъ не менѣе нашего. Результатъ, по свидѣтельству компетентныхъ людей, превзошелъ ожиданія. Въ 1862 году лейпцигскій профессоръ Вехтеръ, въ своихъ замѣчаніяхъ на посланный къ нему проектъ нашихъ университетовъ (см. *Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проектъ уставовъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія*, Петербургъ, 1863), указывалъ на этотъ фактъ какъ „на важный опытъ новѣйшаго времени“. „Университеты Австрійской Имперіи,“ говоритъ онъ, „прежде далеко отставали

отъ прочихъ германскихъ: въ нихъ не было привать-доцентовъ, и гонорарій не платился каждому профессору отдѣльно. Но двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ нихъ сдѣлано въ этомъ отношеніи коренное преобразование; по заявленнымъ предположеніямъ, и въ томъ числѣ по составленному мною, введено было правило что профессора получаютъ гонорарій отдѣльно, каждый отъ своихъ слушателей, и учреждено, сдѣлавшееся вслѣдствіе этого возможнымъ, званіе привать-доцентовъ. Эти преобразованія сопровождались такимъ успѣхомъ что австрійское правительство и не думаетъ дѣлать въ нихъ какія-нибудь измѣненія.“

Вообще вопросъ о гонораріи и привать-доцентахъ былъ подвергнутъ Вехтеремъ въ его замѣчаніяхъ весьма подробному и обстоятельному разбору. По важности предмета, считаемъ не лишнимъ привести главнѣйшія изъ его соображеній, хотя въ нихъ отчасти повторяются аргументы уже приведенные нами.

„Въ нѣмецкихъ университетахъ, говоритъ Вехтеръ, по принятому вообще правилу, слушатель за каждый слушаемый имъ полугодовой курсъ платитъ преподающему профессору гонорарій, опредѣленный по числу часовъ употребляемыхъ еженедѣльно на чтеніе слушаемаго курса. Только нѣкоторые курсы читаются, какъ это называется, *publice*, то-есть бесплатно. По принятому обычаю, плата не вручается профессору непосредственно самими слушателями: по поводу ея, онъ не входитъ съ ними ни въ какія прямыя сношенія. Университетское начальство само собираетъ ее по списку слушателей, передаваемому ему профессоромъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ начала курса, и собранныя деньги передаетъ профессору по принадлежности. Что касается освобожденія студентовъ отъ платы, по недостаточному состоянію, то въ нѣкоторыхъ университетахъ оно предоставляется вполне на волю профессора. Въ другихъ, и гораздо правильнѣе, не допускаются и въ этомъ отношеніи никакія непосредственныя сношенія профессоромъ со слушателями: освободить слушателя отъ взноса гонорарія, или отсрочить взносъ, и то единственно въ случаяхъ доказанной крайней необходимости, можетъ только университетское начальство; обыкновенно это дѣлаетъ особый комитетъ, составленный изъ преподавателей разныхъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора.

„Система гонорарія имѣетъ огромное значеніе для универ-

ситетовъ, какъ непосредственно въ отношеніи къ преподавателямъ, такъ и къ студентамъ. При существованіи гонорарія, каждый преподаватель читающій съ особымъ усѣхомъ и увлекающій слушателей пріобрѣтаетъ независимое положеніе, соединенное съ существенными выгодами и вполнѣ соответственное его заслугамъ, а въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается сила побуждающая преподавателя стараться всѣми мѣрами о томъ чтобы хорошо исполнять свое дѣло, отличатся въ немъ и предаваться ему съ постояннымъ усердіемъ. Кромѣ гонорарія, ни въ какихъ другихъ учрежденіяхъ или правилахъ не можетъ быть этого возбуждательнаго свойства.

„Конечно, добросовѣстнаго преподавателя должна побуждать къ честному исполненію своего долга не значительность доставляемаго тѣмъ дохода. Но мѣра исполненія долга имѣетъ свои степени, не поддающіяся положительнымъ предписаніямъ и, во всякомъ случаѣ, съ трудомъ контролируемыя; бываютъ затрудненія, задержки, препятствія, устранимыя только при крайнемъ напряженіи силъ, къ которому часто добросовѣстнѣйшій человѣкъ можетъ считать себя не обязаннымъ, при всемъ желаніи честно исполнить свой долгъ, потому что ему легко могутъ представиться многія извиняющія и оправдывающія обстоятельства въ томъ случаѣ когда онъ отступаетъ предъ затрудненіями и препятствіями. Это случается преимущественно въ области умственнаго труда, гдѣ степень усердія не можетъ быть предписана въ опредѣленной нормѣ. Здѣсь легко можетъ представиться и сдѣлаться руководящею та мысль что, и при умѣренныхъ усиліяхъ, можно удовлетворительно исполнять свои обязанности. Совсѣмъ иное дѣло, если съ извѣстною степенью умственнаго усилія соединяется, непосредственно и само собой, матеріальное вознагражденіе, возвышающееся по мѣрѣ трудовъ. Мысль что удвоенными стараніями, неутомимою преданностью своему дѣлу, постоянно усидчивыми и неуклонными усиліями, направленными къ возбужденію въ слушателяхъ плодотворной самостоятельности, обезпечивается или улучшается положеніе семейства и свое собственное, должна быть могущественнымъ двигателемъ преданности профессора своему призванію и усердія въ его исполненіи. Этимъ-то обстоятельствомъ и опредѣляется огромное значеніе гонорарія платимаго слушателями профессору. Сверхъ всего этого,

гонорарій представляется вполнѣ заслуженною выгодой. Если университетскій профессоръ своими стараніями и необыкновенною способностью привлекаетъ учащихся въ свой университетъ и собираетъ ихъ около себя сотню и болѣе, между тѣмъ какъ его товарищъ, читающій тотъ же предметъ, имѣетъ немного слушателей, то слѣдуетъ ли чтобъ и тотъ и другой пожинали одинаковые плоды или чтобы первый изъ нихъ отказывался отъ своей собственной прибыли въ пользу бѣдныхъ студентовъ или начинающихъ службу преподавателей, какъ это, между прочимъ, предположено проектомъ устава? Здѣсь, точно также какъ въ правѣ такъ-называемой умственной собственности, гарантируется автору неотъемлемость и неприкосновенность денежныхъ выгодъ доставляемыхъ его произведеніемъ. Для талантливаго писателя денежная выгода не составляетъ ближайшаго побужденія къ литературной дѣятельности. Но увѣренность что въ числѣ результатовъ его усилій будетъ улучшеніе и болѣе пріятная обстановка его внѣшняго положенія, можетъ поддержать и дѣйствительно поддерживаетъ въ немъ постоянную неутомимость, усиленное рвеніе и настойчивое стремленіе отличиться своими произведеніями. Шиллеръ писалъ, разумѣется, не для гонорарія, еще меньше того—богатый Гёте: но, конечно, Шиллера поощряло къ усиленному труду и къ новымъ пріятіямъ утѣшительное сознаніе что этимъ онъ приготовляетъ окружающимъ его обезпеченную будущность. И Гёте смотрѣлъ на платимый ему гонорарій какъ на вполнѣ слѣдующее ему по заслугамъ вознагражденіе. То же самое бываетъ и съ гонораріемъ университетскихъ профессоровъ. Онъ не составляетъ собой первоначальнаго побужденія къ исполненію долга, но тѣмъ не менѣе сильно поощряетъ къ неутомимымъ стараніямъ и въ то же время есть вполнѣ заслуженное ихъ послѣдствіе....

„Далѣе слѣдуетъ принять къ соображенію еще одно обстоятельство. При существованіи гонорарія, университетскимъ преподавателямъ открывается возможность имѣть столь же хорошій доходъ какъ и на всякой другой профессіи, не взваливая на государство чрезмѣрныхъ расходовъ. Гонорарный доходъ многихъ изъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ простирается отъ 1.500 до 4.000 талеровъ и болѣе ежегодно, не считая при этомъ незначительнаго постояннаго жалованья. Это очень немаловажное обстоятель-

ство въ наше время, когда другія, именно техническія профессіи, открываютъ таланту богатую будущность. При существованіи гонорарія, университетамъ, въ значительной степени, обезпечивается постоянная возможность пріобрѣтать для каедръ отличные таланты.... Государство пріобрѣтаетъ разсадникъ университетскихъ преподавателей и возможность тщательнаго ихъ выбора, не дѣлая для этой цѣли никакихъ пожертвованій. Вслѣдствіе особенности свойствъ университетской службы, именно такая система должна быть предпочитаема и защищаема. Для успѣшнаго исполненія профессорскаго призванія, необходима способность увлекать, воодушевлять слушателей, пробуждать и оживлять въ нихъ склонность къ научному труду и облегчать для нихъ усвоеніе и ясное пониманіе научныхъ вопросовъ. Имѣеть ли преподаватель такую способность, этого нельзя заранѣе опредѣлить, даже при помощи строжайшаго экзамена. Молодой человѣкъ могъ хорошо учиться, онъ уже многое знаетъ, очень ученъ и обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ и, при всемъ томъ, если не имѣеть этой способности, будетъ очень мало годенъ въ университетскіе профессора. Поэтому для университета особенно важно самопроизвольное испытаніе въ способности, а слѣдовательно важенъ и институтъ приватъ-доцентовъ, дѣлающій возможнымъ такое испытаніе. Даже, если опытъ и не удастся, то все-таки чрезъ этотъ институтъ выигрываютъ другія отрасли государственной службы, потому что въ нее поступаетъ человѣкъ все-таки выходящій изъ ряда другихъ, по своимъ основательнымъ познаніямъ, и, сверхъ того, еще многое изучившій во время испытательной службы при университетѣ; *docendo discimus*—старая истина....

„Но принципъ гонорарія тогда только вполнѣ осуществляется когда съ одной стороны есть свободная конкуренція между преподавателями, а съ другой — когда студенту предоставляется по произволу избирать себѣ одного изъ профессоровъ преподающихъ одинъ и тотъ же предметъ. Для этого необходимо чтобы каждый главный предметъ преподавался въ университетѣ по меньшей мѣрѣ двумя профессорами, хотя бы и такъ чтобы вторымъ преподавателемъ былъ экстраординарный профессоръ; сверхъ того, при этомъ должно быть каждому, надлежащимъ образомъ приготовившемуся, приватъ-доценту дозволено, съ разрѣшенія попечителя, читать

тѣ же самыя курсы которые поручены упомянутымъ нами двумъ профессорамъ, и такимъ образомъ открывать конкуренцію съ ними.

„Еслибы предметъ преподавался только однимъ профессоромъ, и преподающій такимъ образомъ былъ бы въ полной увѣренности что всѣ студенты явятся къ нему слушать курсъ, то гонорарій слѣдовало бы уничтожить, какъ утрачивающій въ такомъ случаѣ все свое значеніе: потому что тогда профессоръ обязавъ былъ бы полученіемъ гонорарія не личнымъ своимъ заслугамъ, а просто исключительному положенію въ которое онъ поставленъ государствомъ. Слѣдовательно, для осуществленія гонорарной системы и для достиженія главной цѣли этой системы необходима возможность конкуренціи между профессорами. Возможность конкуренціи чрезвычайно важна и по отношенію къ оживленію усердія въ профессорахъ. Плодотворность дѣятельности профессора обуславливается непосредственно и главнымъ образомъ неутомимостію его усердія и полною, живою преданностью своему призванію, а къ оживленію усердія и преданности особенно сильно способствуетъ конкуренція. Профессоръ которому предметъ порученъ исключительно, — хорошо ли, худо ли онъ его читаетъ, заботится ли онъ или не заботится возбуждать самостоятельность въ слушателяхъ и держаться постоянно въ уровнѣ съ современнымъ состояніемъ науки, — будучи совершенно увѣренъ что всѣ желающіе слушать его предметъ по необходимости станутъ посѣщать его лекціи, рискуетъ, по разнообразнѣйшимъ побужденіямъ, вредящимъ профессорской дѣятельности, напримѣръ по уклончивости, по политическимъ соображеніямъ, по излишней заботливости о своемъ здоровьѣ, по отвращенію къ чрезмѣрно усиленному напряженію ума и по другимъ подобнымъ, ловилному извинительнымъ, побужденіямъ — предаться безлѣтствію, довольствоваться прежними, когда-то сдѣланными изслѣдованіями, придерживаться старыхъ записокъ, которыя ему кажутся основательно обработанными, желать успокоенія послѣ прежнихъ усилій, и только по наружности исполнять порученную ему урочную работу. Единственное средство противодѣйствовать такой вредной для профессорской службы недѣятельности есть конкуренція и учрежденіе гонорарія.“

Едва ли нужно что-либо прибавлять къ приведеннымъ аргументамъ въ пользу системы привать-доцентства. Выгода ея очевидна. Но есть ли возможность ввести ее у насъ? Вотъ вопросъ которымъ займемся въ слѣдующей главѣ.

IV

Возможно ли у насъ введеніе института привать-доцентовъ, представляющаго, какъ мы видѣли, лучшій и надежнѣйшій расадникъ профессоровъ? Вопросъ этотъ имѣетъ для насъ великую важность. Недостатокъ достойныхъ кандидатовъ для занятія кафедръ былъ всегда большимъ мѣстомъ нашихъ университетовъ и заставлялъ отъ времени до времени принимать экстренныя мѣры, болѣе или менѣе удачныя. При каждомъ преобразованіи университетовъ высказывались рѣзкія жалобы на ихъ уладокъ и необходимость поднять ихъ изъ развалинъ, принимались усиленныя мѣры къ удаленію старыхъ профессоровъ и выражались радужныя надежды на имѣвшія замѣнить ихъ молодыя силы. Перепробованы разныя средства, не забыто и привать-доцентство, допущенное съ 1842 года (въ началѣ въ Кіевскомъ, затѣмъ и въ другихъ университетахъ), окончательное признанное уставомъ 1863 года, при чемъ въ объяснительной запискѣ высказаны великія на него надежды, какъ извѣстно, не оправдавшіяся. Привать-доцентство не привилось у насъ. Не трудно, впрочемъ, было догадаться что при остальныхъ условіяхъ нашего университетскаго устройства оно не могло прivityся. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы реформировали не на основаніи собственнаго опыта и собственныхъ потребностей; мы дѣйствовали безъ живаго чувства дѣйствительности; мы фантазировали и дѣлали амальгаму противорѣчащихъ одно другому началъ, заимствуя и соединяя вмѣстѣ что намъ казалось лучшимъ изъ противоположныхъ системъ, забывая что одно исключаетъ другое. Привать-доцентство находится въ такой связи съ системой академической свободы, и въ особенности съ системою гонорарія, что надѣяться, подобно составителямъ устава 1863 года на его развитіе въ отсутствіи этихъ существенныхъ условій его бытія, значитъ предаваться самымъ неосновательнымъ надеждамъ. Чтобы могло прivityся привать-доцентство и

чтобы мы получили столь желанный рассадникъ профессоровъ, надлежитъ прежде всего устранить обстоятельства его парализующія и утвердить условія ему благоприятныя.

Одно изъ существенныхъ обстоятельствъ дѣлающихъ невозможнымъ развитіе у насъ приватъ-доцентства есть нашъ институтъ штатныхъ доцентовъ, представляющій собою вполнѣ своеобразное явленіе нашихъ университетовъ. Въ уставѣ Дерптскаго университета 1803 года указаны лишь три категоріи университетскихъ преподавателей: профессора ординарные и экстра-ординарные, приватъ-доценты и учителя новыхъ языковъ и искусствъ. Ни о какихъ адъюнктахъ или штатныхъ доцентахъ нѣтъ рѣчи. Въ уставѣ собственно русскихъ университетовъ 1804 года введенъ параграфъ объ адъюнктахъ. „Адъюнкты, значитъ въ § 34, суть помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большей степени совершенства и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны имѣть участіе“. Постановленіе это находится въ связи съ § 62, согласно которому для выборѣ въ адъюнкты „природные Россіяне, нужды званія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ“. Имѣлось, повидимому, въ виду, прикомандировывая къ профессорамъ, по преимуществу призваннымъ изъ-за границы, молодыхъ способныхъ людей, заготовить постепенно собственныхъ профессоровъ (нѣчто подобное издавна имѣло мѣсто при Петербургской Академіи Наукъ). Уставъ 1835 года сохранилъ званіе адъюнктовъ, рассматривая ихъ, какъ въ уставѣ 1804 года, помощниками профессоровъ. „Адъюнкты, значитъ въ § 90, суть помощники профессоровъ, раздѣляющіе съ ними, по назначенію совѣта, преподаваніе и занимающіе за отсутствіемъ профессора временно ихъ кафедры.“ На практикѣ адъюнкты, за исключеніемъ медицинскаго факультета, естественно были не столько помощниками, сколько самостоятельными профессорами высшей градаціи. При составленіи устава 1863 года, эманципація адъюнктовъ и образованіе изъ нихъ, подъ именемъ доцентовъ, корпуса преподавателей ничѣмъ въ преподавательной функціи не отличающихся отъ профессоровъ приняты въ число основныхъ началъ университетскаго устройства. Наши доценты по уставу 1863 года тѣ же экстра-ординарные профессора германскихъ университетовъ. Это не рассадникъ профессоровъ, а дѣйствительные профессора. Избраніе въ доценты и есть при

вывѣшнемъ порядкѣ истинное избраніе въ профессора: остальное — дѣло времени: повышение, увеличеніе жалованья необходимо слѣдующее. Но въ Германіи избраніе въ экстра-ординарные профессора есть награда дѣятельности заявившей себя учеными и преподавательскими трудами, а не поощреніе только-что выступающей надежды, какъ у насъ званіе доцента. „Имѣлось въ виду, говорилъ я въ моемъ *Мнѣніи*, открыть доступъ къ университетскимъ кафедрѣ молодымъ талантамъ. Цѣль прекрасная, но можетъ ли быть она достигнута при такомъ, напримѣръ, порядкѣ? Баллотируется X, рекомендуемый какъ будущій (такъ какъ не имѣлъ еще времени сдѣлаться настоящимъ) специалистъ по антропологии или законодательствамъ азіатскихъ народовъ (такихъ наукъ, правда, нѣтъ, но нѣтъ причинъ чтобъ онѣ не были въ будущемъ). Какое основаніе положить X черный шаръ? Онъ избирается единогласно, если предлагающій членъ не имѣетъ противъ себя партіи. Но значитъ ли такая система — открывать доступъ молодымъ талантамъ? И предпочтеніе одной надежды, иногда случайное, другимъ таковымъ же надеждамъ не заграждаетъ ли скорѣе путь молодымъ талантамъ вмѣсто того чтобъ открывать его? Должно дѣлать широкимъ и льготнымъ доступъ въ кандидаты для профессорскихъ мѣстъ, но не на самыя мѣста.“ Составлять корпусъ профессоровъ изъ силъ неиспытанныхъ на ученомъ и учебномъ поприщѣ, неизвѣстныхъ другимъ да и самимъ себѣ, изъ надеждъ только-что проявившихся, которыя могутъ не осуществиться и которыхъ притомъ въ дальнѣйшемъ поприщѣ ничто и не будетъ возбуждать къ усиленной дѣятельности, а многое будетъ отклонять отъ нея, — такой порядокъ едва ли можно считать удовлетворительнымъ. Необходимо поставить кореннымъ условіемъ профессорскаго назначенія — солидную извѣстность на ученомъ и учебномъ поприщѣ. Уставъ 1863 года какъ бы вызываетъ скороспѣлое назначеніе. Штатъ преподавателей удвоенъ, на степень полныхъ кафедръ возведены предметы второстепеннаго значенія. Удовлетворить такому обилію кафедръ можно бы только при значительномъ богатствѣ ученыхъ силъ. Имѣлось, повидимому, въ виду германское разнообразіе преподаванія, но забыто что у насъ нѣтъ свободы слушанія. На одномъ медицинскомъ факультетѣ назначено 33 профессора, если считать таковыми и 17 доцентовъ этого факультета; слѣдовательно на шесть чело-

вѣкъ болѣе чѣмъ въ Берлинѣ (гдѣ въ 1872 году было 27 профессоровъ). И всѣ лекціи обязательны. Не хватаетъ часовъ. Студенты-медики, еслибы выслушивали все имъ преподаваемое, должны бы зачитываться до обморока; экзамены не только серьезные, но и какіе-нибудь, при сорока обязательныхъ предметахъ становятся почти невозможными. Обнаружились явленія не лишеныя куріоза: явились двѣ категоріи профессоровъ — профессора молчащіе и профессора говорящіе. Какъ можно убѣдиться изъ росписанія лекцій Московскаго университета, на медицинскомъ факультетѣ, въ одинъ и тотъ же часъ, для однихъ и тѣхъ же студентовъ, по одному и тому же предмету, въ одной и той же аудиторіи, назначены, вопреки закону непроницаемости, чтенія двухъ профессоровъ. Разгадка состоитъ въ томъ что доцентъ, занимающій тотъ же часъ какъ профессоръ, играетъ роль его прелатора, хотя и облеченъ званіемъ равнозначительнымъ съ германскимъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Можно ли такіе порядки считать правильными и нормальными? И какое тутъ мѣсто привать-доцентамъ? Если мы желаемъ имѣть въ университетахъ корпусъ молодыхъ лекторовъ группирующихся около старшихъ преподавателей, корпусъ который былъ бы разсадникомъ профессоровъ, то мы должны прежде всего отказаться отъ нынѣшней системы доцентуры. Нынѣшнее званіе доцента по правамъ своимъ есть, повторяю, то же что званіе экстра-ординарнаго профессора въ Германіи. Нѣтъ причины не наименовать его таковымъ, сохранивъ для полноправныхъ профессоровъ одно наименование ординарныхъ.

Упраздненіе нынѣшняго доцентства, при нормальномъ распределеніи кафедръ, сдѣлало бы возможнымъ корпусъ привать-доцентовъ. Чтобъ онъ сталъ дѣйствительностію, необходимо осуществленіе основныхъ условій его бытія: гонорарія, академической свободы и экзаменовъ независимыхъ отъ текущаго преподаванія. Но нѣтъ ли возможности устроить разсадникъ профессоровъ не прибѣгая къ системѣ привать-доцентуры? Теоріи разрѣшенія этой трудной задачи, безъ сомнѣнія, придумать можно не мало, но безъ олоры въ практическихъ примѣрахъ: на практикѣ система привать-доцентства есть единственная университетская система выдержавшая многотѣковое испытаніе. Едва ли не благоразумнѣе всего и держаться ея. Наши университеты въ главныхъ чертахъ

12*

устроены по образцу германскихъ, и потому, какъ было уже замѣчено нами во введеніи къ настоящей статьѣ, реформа по отношенію къ привать-доцентству у насъ едва ли болѣе представитъ препятствій чѣмъ сколько представилось въ Австріи, гдѣ она совершилась благодаря смѣлой инициативѣ гг. Экнера и Бонца, главныхъ совѣтниковъ министра фонъ-Туна. Во всякомъ случаѣ подобная реформа у насъ осуществима гораздо легче чѣмъ напримѣръ во Франціи, гдѣ предъ затрудненіями какія должны бы возникнуть при ея осуществленіи останавливаются люди вполне признающие ея великое значеніе. „Три реформы“, говоритъ г. Гиллебрандъ, авторъ заслуживающаго вниманія сочиненія о реформѣ высшаго образованія во Франціи (*De la réforme de l'enseignement supérieur*, par K. Hillebrand, Paris, 1868), „три реформы,—указанныя сорокъ лѣтъ тому назадъ Викторомъ Кузеномъ, а послѣ того Сень-Маркомъ Жирарденомъ и Лабуле, введенныя съ успѣхомъ, хотя и робко, въ Баваріи и Австріи,—соединеніе четырехъ факультетовъ, свободная конкуренція и независимыя экзаменаціонныя комиссіи,—постоянно откладывались во Франціи; и я понимаю что это такъ было.... Нельзя ввести во Франціи соединеніе факультетовъ и привать-доцентство, предполагающее отдѣльную плату за курсъ (гонорарій), не внося разстройства въ наши учрежденія; но необходимо издадека приготовить введеніе этихъ двухъ новыхъ реформъ.“

Общее устройство нашихъ университетовъ настолько близко къ германскому типу что введеніе привать-доцентства и гонорарія могло бы осуществиться сравнительно легче чѣмъ во Франціи, гдѣ факультеты устроены не по германскому типу. Но и у насъ есть немаловажныя затрудненія, коренящіяся главнымъ образомъ въ нашихъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Одно изъ важнѣйшихъ возраженій состоитъ въ томъ что при нашихъ порядкахъ гонорарій не можетъ быть достаточною приманкой для привлеченія значительнаго числа способныхъ людей въ привать-доценты. На очень большое число слушателей, говорятъ, разчитывать нельзя; сборъ едва ли можетъ быть назначенъ болѣе пяти рублей въ семестръ за курсъ въ четыре лекціи. Что же будутъ де значить триста-четыреста рублей гонорарія, когда нынѣ молодой, способный и особенно ловкій человѣкъ едва со студентской скамьи считаетъ двѣ, три тысячи весьма скромнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ? Дѣйствительно, при неустановившихся

условіяхъ нашей жизни, при легкости наживы чрезъ шарлатанство разнаго рода, при увеличившейся роскоши, при отсутствіи правильной оцѣнки труда,—когда то что достойно уваженія подвергается осмѣянію и поруганію, а возвеличивается достойное порицанія, когда въ стремительныхъ волнахъ общественнаго легкомыслія не возможенъ расчетъ на правильное плаваніе по житейскому морю,—скромная доля ученаго преданнаго своему дѣлу, рискующаго пройти незамѣченнымъ, немного представляетъ приманокъ. Но должно ли ученое званіе и быть предметомъ приманокъ? Ученая дѣятельность требуетъ призванія, удовлетвореніе которому и есть главная влекущая сила для человѣка такое призваніе чувствующаго. Если нѣтъ у насъ людей съ призваніемъ къ наукѣ, то не можетъ быть и русской науки и русскихъ университетовъ. Но утверждать это значило бы сомнѣваться въ способности нашего народа занимать мѣсто въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Люди найдутся. Надо только чтобы призывъ къ нимъ обращенный былъ призывъ живой, а не канцелярскій, чтобы заботы о ихъ вызовѣ и привлеченіи состояли не въ пересылкѣ бумагъ, а въ органическихъ, живыхъ людяхъ принимаемыхъ мѣрахъ. Одна, двѣ органическія мѣры могутъ имѣть неисчислимые послѣдствія. Были слухи объ учрежденіи заведенія (архи-гимназіи) гдѣ были бы собраны способнѣйшіе изъ всей массы готовящейся къ университету молодежи, съ которыми преподаваніе можно было бы воздвигать до высоты недостижимой для среднихъ способностей. Что проще, осуществимѣе, полезнѣе подобной мѣры, которая не могла бы остаться безъ сильнаго вліянія не только на гимназіи, но и на университеты? Какія обширныя надежды можно было бы съ полнымъ правомъ возлагать на подобное учрежденіе! Но можетъ быть именно потому что эта мѣра такъ проста, польза ея такъ очевидна, замыселъ полонъ жизни и энергіи—предпріятіе кажется окруженнымъ какими-то небывалыми трудностями и отступленіе отъ рутиннаго пути кажется необычайностію. А между тѣмъ каждый день отлагающей осуществленіе этой и подобныхъ живыхъ мѣръ есть день потерянный для русскаго просвѣщенія. Теперь идетъ впрочемъ рѣчь не о подобныхъ мѣрахъ могущихъ приготовить русскому просвѣщенію счастливую будущность, а о вынѣшнемъ положеніи дѣла, о возможности ввести вынѣ же институтъ приватъ-доцентовъ, или только обставить его

надлежащими условіями и сдѣлать его единственнымъ правильнымъ путемъ къ профессорскому званію.

Съ упраздненіемъ института нынѣшнихъ штатныхъ доцентовъ, когда приватъ-доцентство сдѣлается почти исключительнымъ путемъ къ достиженію профессорскаго званія, вопросъ приведется не къ тому найдутся ли охотники воспользоваться выгодами приватъ-доцентства самого по себѣ, а къ тому найдутся ли люди которые достиженіе кафедры поставятъ задачею своей дѣятельности и высокое званіе профессора, съ его скромною внѣшнею обстановкой, предпочтутъ попрощамъ обѣщающимъ болѣе выгодъ и почестей. Нельзя сомнѣваться что такіе люди найдутся; очень можетъ быть что на первое время ихъ будетъ меньше чѣмъ желательно, но очевидно что и малое число людей призванныхъ принесутъ университетамъ больше пользы чѣмъ двойное и тройное число непризванныхъ.

Учрежденіе приватъ-доцентства должно быть организовано не съ цѣлію приманивать на ученое поприще цѣною выгодъ людей которые иначе о немъ бы и не подумали, а съ цѣлію дать каждому чувствующему призваніе возможность испытать свои силы и повѣрить не обманчиво ли было призваніе. Но если основывать дѣло на призваніи, скажутъ мнѣ, и полагать главную приманчивость приватъ-доцентства въ томъ что оно есть ступень къ профессорству, то зачѣмъ же гонорарій: не можетъ ли оно быть вовсе безъ вознагражденія! Но если и никто не бросится къ приватъ-доцентству единственно изъ-за гонорарія, то тѣмъ не менѣе всякому пріятно получить вознагражденіе за трудъ. Кромѣ того гонорарій имѣетъ важное значеніе и помимо прямой доставляемой имъ выгоды. Только чрезъ гонорарій устанавливаются правильныя отношенія свободнаго преподавателя къ свободнымъ слушателямъ, и проба способности и призванія получаетъ серьезный характеръ практической оцѣнки приносимой пользы. Чрезъ гонорарій устраняется возможность увеселительныхъ чтеній и привлеченія на лекціи средствами независимыми отъ ихъ научныхъ достоинствъ. Да и въ матеріальномъ отношеніи доходъ гонорарія во многихъ случаяхъ далеко не былъ бы незначителенъ. Сборъ въ тысячу рублей при сотнѣ слушателей есть сумма которую нельзя назвать маловажною даже въ нашъ вѣкъ дешевыхъ денегъ и неправильной и живы.

Институтъ приватъ-доцентовъ въ первое время нуждался бы въ заботливомъ къ нему отношеніи, облегченіи условій доступа и въ поощреніи. Но поощреніе ни въ какомъ случаѣ не должно принять форму постоянного вознагражденія, то-есть жалованья. Это измѣнило бы характеръ учрежденія въ его сущности, которая именно въ томъ состоитъ чтобы приватъ-доцентъ пробивался по своей инициативѣ, на свой страхъ, олираясь на свою силу,—и лишило бы институтъ независимости которая есть одинъ изъ главныхъ его нервовъ. Поощреніе можетъ быть сдѣлано косвенными мѣрами: порученіемъ переводовъ и иныхъ научныхъ трудовъ, особыхъ зачатій со стипендіатами, занятій по разработкѣ документовъ и т. п., съ хорошимъ вознагражденіемъ, съ обращеніемъ вниманія на индивидуальныя условія каждаго случая и лишь по обнаруженіи достоинствъ. Полезною мѣрой была бы, мнѣ кажется, посылка года на два за границу съ обязательствомъ по возвращеніи года три быть приватъ-доцентомъ.

Облегченія доступа къ приватъ-доцентству на первое время должны быть значительны. Первые годы можно даже не требовать стелени магистра и габилитацию ограничить истеченіемъ нѣсколькихъ лѣтъ съ окончанія курса, услѣшнымъ исправленіемъ какой-нибудь преподавательской должности или представленіемъ какого-либо труда *pro venia legendi*. Въ послѣдствіи условія можно было бы поднять (срокъ такого повышенія требованій полезно было бы даже указать впередъ) и допускать лишь магистровъ. Допущеніе, впрочемъ, должно быть, наоборотъ, на первое время не ранѣе четырехъ лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, а потомъ срокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ (въ Германіи принято три года).

Остаюсь въ убѣжденіи что при правильной обстановкѣ учрежденія въ приватъ-доцентахъ не будетъ недостатка, и полезный институтъ этотъ привьется у насъ какъ привился, напримѣръ, въ Австріи. У насъ нѣтъ людей, слышимъ мы постоянно. Но что же предпринимаемъ мы или совѣтуемъ предпринимать на основаніи этого факта, на который такъ охотно ссылаемся какъ скоро желаемъ парализовать что-либо дѣйствительно полезное? Мы все еще поступаемъ какъ поступали при составленіи устава 1863 года. Нѣтъ людей, говорили тогда, а потому удвоимъ число кафедръ, и примемъ рѣшительныя мѣры къ изгнанію тѣхъ профессоровъ которые

есть на лицо. Фактъ предписываетъ экономію, провозгласитъ же расточительность. Такова логика сужденій, витающихъ въ неживой отвлеченности и слособныхъ порождать лишь бумажныя усовершенствованія, но безсильныхъ предъ серьезнымъ дѣломъ. Какъ обсуждался вопросъ о приватъ-доцентахъ въ собраніяхъ составителей устава 1863 года увидимъ ниже.

Другое важное затрудненіе ко введенію системы гонорарія есть непопулярность у насъ вообще сбора со слушателей. Брать деньги даромъ на службѣ у насъ не воспрещается, даже имѣеть отгѣнокъ чего-то либеральнаго, но для принятія правильнаго вознагражденія за трудъ обязательна конфузливость. Можно справедливо опасаться что со введеніемъ гонорарія явится мода отказываться отъ сбора и извлекать своего рода выгоды изъ популярничанія и игры на струнѣ якобы безкорыстія. Въ Германіи приватъ-доценты, согласно статутамъ, не имѣють права читать gratis курсы по предмету по которому профессоръ объявилъ чтенія privatim и не могутъ назначать за свои курсы меньшей гонорарій чѣмъ какой вносится профессорамъ, именно для того чтобы доценты не прибѣгали къ приманкамъ независимымъ отъ достоинства чтеній. На устраненіе возможности приманокъ такого рода тѣмъ болѣе должно быть обращено вниманіе у насъ, гдѣ имѣють такую силу популярничаніе, залугиваніе, гнетъ несвободныхъ понятій.

Учрежденіе приватъ-доцентовъ есть очевидно либеральная мѣра; противодѣйствіе этой мѣрѣ есть очевидный обскурантизмъ. Но увы! мѣра эта идетъ въ разрѣзъ съ однимъ изъ параграфовъ обязательнаго кодекса нашего либерализма — параграфомъ о даровомъ высшемъ образованіи. Потому нечего удивляться если противъ нея выступать именно тѣ которые выдають себя по преимуществу ревнителями либеральныхъ порядковъ. Эти ревнители не стѣсняясь требуютъ возвышенія жалованья профессоровъ, но развѣ жалованье идетъ съ неба? Не слогается ли оно изъ кошелька платимыхъ крестьяниномъ? Почему приличнѣе брать деньги съ невѣдмаго бѣдняка нежели съ молодаго человѣка имѣющаго средства, который самъ пользуется университетскимъ преподаваніемъ? Даровое обученіе не слѣдуетъ смѣшивать съ долущивіемъ недостаточныхъ людей въ число студентовъ. Послѣ нее возможно и при системѣ гонорарія. Въ Германіи не много бѣдныхъ студентовъ, и они не платятъ гонорарія, кол

рый *систмуется*. Тутъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго затрудненія. Таковаго не представится и намъ, но у насъ не мало придется бороться съ фразерствомъ. Нашъ русскій вопросъ о „бѣдныхъ студентахъ“ дѣйствительно заслуживаетъ внимательнаго изученія. Печалованіе о бѣдныхъ студентахъ сдѣлалось своего рода модою. Въ эпоху Самарскаго голода можно было подумать два бѣдствія въ Россіи требовали энергическаго усилія общественной помощи: этотъ голодъ и студенческая бѣдность. Благотворители колебались собирать ли приношенія для облегченія борьбы голодающихъ со стихіями природы, или для борьбы студентовъ со стихіями общественной жизни. Нѣкоторыя газеты предлагали раскинуть по всемъ губернскимъ городамъ Россіи сѣть общества вспоможенія бѣднымъ студентамъ. „Бѣдный студентъ“ сталъ лицомъ миѣческаго характера. Вѣра въ бѣднаго студента породила даже легенды. Въ газетахъ всѣ могли прочесть апокрифическое сказаніе о студентѣ умершемъ въ Петербургѣ съ голоду. Дѣло доходило до того что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ газетъ, на улицахъ Москвы ходили нищіе именовавшіе себя бѣдными студентами и тѣмъ надѣявшіеся возбудить особенную жалость въ проходящихъ. Если въ самомъ дѣлѣ бѣдность студентовъ достигла столь громадныхъ размѣровъ, необычныхъ въ прошлое время, то, очевидно, дѣло требуетъ самаго точнаго изученія и принятія серіозныхъ мѣръ. Но я не преувеличу если скажу что истинное положеніе дѣла никому толкомъ неизвѣстно, ни публикѣ, ни профессорамъ, ни студентамъ, и вопросъ о бѣдныхъ студентахъ выдвинулся въ число передовыхъ вовсе не вслѣдствіе какихъ-либо явленій дѣйствительности, свидѣтельствующихъ о возрастаніи въ послѣдніе годы бѣдности. Правда въ Московскомъ университетѣ можно указать фактъ, весьма замѣчательный, но который едва ли будетъ справедливо объяснять увеличеніемъ бѣдности. Въ 1865 и ближайшихъ къ нему годахъ, когда начиналась мода на бѣдныхъ студентовъ, число подлежащихъ, по истеченіи послѣдняго льготнаго срока, исключенію за невзносъ платы за слушаніе лекцій простиралось до 70 человекъ, значительно превышая соотвѣтствующее число прежнихъ лѣтъ (общее число студентовъ и слушателей значительно превышало нынѣшнее). Явленіе казалось необычнымъ, вызывающимъ усиленныя заботы. Но

знаете ли сколько надлежало бы, держась правилъ, исключить въ послѣдніе года? Въ 1871 году надлежало бы исключить 117 человекъ, въ 1872 году 280, въ 1873 около 220 (число студентовъ было 1.522 въ 1871 году, 1.353 въ 1872 и 1.256 въ 1873). Во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимость исключенія была устранена энергически предпринимавшимися сборами, при помощи концертовъ и иныхъ средствъ. Но слѣдуетъ ли изъ этихъ фактовъ что бѣдность учетверилась въ послѣднія десять лѣтъ? Не въ связи ли это явленіе съ обратившимся въ моду печалованіемъ о бѣдныхъ студентахъ? И это чисто напускное печалованіе не причиняетъ ли вреда, внося деморализацію въ средѣ студентовъ приближающихся къ помощи пожертвованій? Надлежитъ, повторю сказанное въ моемъ *Мнѣніи*, вывести дѣло изъ унижительной области нищества и сдѣлать вопросъ предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія, руководящею нитью котораго было бы соображеніе истинныхъ пользъ и учащагося юношества и государства и доброжелательство не нуждающееся въ популяризаціи.

V.

Наши студенты, говорятъ намъ, бѣднѣ нѣмецкихъ, — и потому система гонорарія, хотя бы въ размѣрѣ въ средней сложности не превышающемъ установленнаго нынѣ сбора, будетъ обременительна для бѣднаго большинства, ибо при ней едва ли возможно такое широкое какъ нынѣ освобожденіе отъ платъ (приблизительно половина учащихся). Наши университеты прибавляютъ далѣе, суть учрежденія имѣющія демократическій характеръ, и если не назначены формально, то фактически служатъ преимущественно для бѣдныхъ людей. Нельзя и признать что есть цѣлый рядъ обстоятельствъ и, — что особенно важно, — правительственныхъ мѣропріятій, послужившихъ къ возбужденію и укрѣпленію такого взгляда. Такъ волевыхъ, у насъ существуетъ искусственное отвлеченіе отъ университетовъ молодыхъ людей изъ семействъ принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ слоямъ, вслѣдствіе того что устроены особыя заведенія, какъ Александровскіе Лицей, Школа Правовѣдѣнія, Пажескій корпусъ и другіе въ научномъ отношеніи стоящіе значительно ниже университетовъ, но примаанивающія правами и перспективой сл

жебной карьеры. Древній геометръ говорилъ своему царственному ученику что въ математикѣ нѣтъ особой дороги для царей. У насъ, повидимому, полагали что даже для дѣтей особъ первыхъ классовъ табели о рангахъ долженъ быть въ наукѣ облегчительный путь, серьезное же ученіе должно быть удѣломъ поповачей и разночинцевъ. При этомъ забывалось что подобныя отвлеченія, поддерживая рознь въ образованномъ классѣ, могутъ плодить недоразумѣнія и ослаблять тотъ именно элементъ для поддержанія котораго предназначались. Аристократическое, переставая быть синонимомъ лучшаго, легко становится синонимомъ несправедливо привилегированнаго. Далѣе, по отношенію спеціально къ вопросу о платѣ за ученіе, можно указать нѣсколько мѣръ которыя необходимо должны были въ глазахъ многихъ придать ей ненавистный отбѣнокъ. Такъ, сбору этому не разъ придавался не свойственный ему по существу характеръ орудія для достиженія цѣлей политическаго свойства. Сборъ съ учащихся былъ первоначально введенъ для гимназій и низшихъ училищъ въ 1817, а для университетовъ въ 1839 году, изъ соображеній весьма уважительнаго свойства. Въ 1817 году имѣлось въ виду, съ одной стороны, улучшить положеніе учителей и нѣсколько увеличить довольно скудное штатное содержаніе училищъ, съ другой устранить, — возбуждаемую увѣренностію что за ученіе въ училищахъ не требуется никакой платы, — пагубную безпечность въ родителяхъ особливо въ низшемъ классѣ, и въ разсужденіи прилежнаго хожденія дѣтей въ училища, и ихъ усльховъ“. Имѣвшая, согласно постановленію 1839 года, собираться со студентовъ сумма (въ размѣрѣ 100 руб. ассигнаціями съ лица) предназначалась „на вспоможеніе бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ студентовъ, на выдачу отличнѣйшимъ пособія для дальнѣйшаго усовершенствованія по окончаніи ими университетскаго курса, а также въ случаѣ недостатка штатныхъ экономическихъ суммъ, на необходимые расходы по содержанію университетовъ.“ Въ 1845 году послѣдовало возвышеніе платы въ учебныхъ заведеніяхъ. Мотивы для новой мѣры имѣютъ уже иной характеръ. Имѣется въ виду „затруднить доступъ въ гимназіи (и университеты) для разночинцевъ“. Министръ указываетъ что въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ

людей отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ и для государства.“

„Потому“, продолжаетъ онъ, „я нахожу необходимымъ не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленій юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій — возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Въ 1861 году, при обсужденіи въ особомъ комитетѣ, а затѣмъ въ совѣтѣ министровъ, вопроса объ „усиленіи мѣръ наблюденія за университетскими студентами по случаю непрерывно возникающихъ безпорядковъ“, въ числѣ прочаго была принята слѣдующая мѣра: „отъ ежегоднаго денежнаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты которые до поступления въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, полагая на первое время для каждой губерніи принадлежащей къ университетскому округу по два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи. Другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ видомъ“. Рѣзкая мѣра не имѣла впрочемъ важныхъ послѣдствій, падала лишь на вновь поступающихъ, не примѣнялась строго, и скоро была упразднена. Но соединеніе вопроса о платѣ съ вопросомъ о мѣрахъ къ предупреденію студентскихъ волненій,—разжигаемыхъ разными вліяніями, сдѣлавшихся, благодаря общей смутѣ, важнымъ событіемъ, которое эксплуатировалось въ разныхъ на правленіяхъ,—не могло остаться безъ послѣдствій. Вопросъ о бѣдныхъ студентахъ привлеченъ къ союзу съ сумбуромъ нелѣпыхъ ученій обязательныхъ для нашихъ мнимыхъ прогрессистовъ, и поставленъ не вдалекѣ отъ вопроса о молдыхъ рабочихъ поколѣніяхъ вообще и о томъ всеобщемъ противъ чего-то протестѣ студентовъ о возбужденіи котораго такъ хлопотала ревностная дѣвица-студентка въ романѣ *Э. М. Достоевскаго Бѣсы*. Всякое слово не въ пользу дарваго высшаго обученія объявлено цензурою лже-либерализма подъ запретомъ, всякое сужденіе о предѣлахъ освобожденія отъ платы, хотя бы самое доброжелательное, должно возбуждать гвалтъ негодованія. Между тѣмъ вопросъ о даровомъ высшемъ обученіи вовсе не такъ простъ какъ кажется е

рѣшителямъ, и именно съ либеральной точки зрѣнія представляетъ оборотныя стороны которыя не слѣдуетъ упускать изъ вида. Когда говорятъ о даровомъ высшемъ образованіи и открытіи доступа къ нему для людей изъ бѣдныхъ классовъ, то нерѣдко забываютъ что съ привлеченіемъ къ строго-спеціальнымъ профессіямъ — въ чемъ государство нуждается — и съ великимъ дѣломъ привлеченія талантовъ къ наукамъ не должно смѣшивать искусственное привлеченіе, путемъ дароваго высшаго образованія, недостаточныхъ людей къ государственнымъ должностямъ. Вопросъ о такомъ привлеченіи въ чиновничество находится въ связи съ другимъ: есть ли государственная служба, въ смыслѣ участія въ государственномъ управленіи, такая же специальная профессія какъ медицинская, артистическая, учительская и т. п. профессія, доходъ съ которой служилъ бы для занимающагося ею средствомъ жизни, а при удачѣ и экономіи источникомъ большаго или меньшаго обогащенія? Не должно ли, напротивъ того, бремя государственнаго управленія разлагаться преимущественно на тѣхъ для кого жалованье не есть единственное средство къ жизни и кому достатокъ и общественныя связи даютъ извѣстную независимость положенія? Стремленіе къ самоуправленію не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ тому чтобы кругъ чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ былъ кругъ по возможности ограниченный? Вотъ почему кажущееся для иныхъ столь либеральнымъ привлеченіе людей изъ бѣдныхъ классовъ къ высшему образованію далеко не таково въ сущности, если образованіе это служитъ лишь орудіемъ къ достиженію чиновническихъ мѣстъ. Привлеченіе это можетъ вести къ развитію класса искателей мѣстъ, становящагося классомъ недовольныхъ если въ мѣстахъ оказывается недостатокъ или если они не удовлетворяютъ возбужденнаго самолюбія, такъ легко переходящаго въ зависть и маящаго къ безнравственнымъ средствамъ. Систематическое привлеченіе въ университеты молодыхъ людей изъ неимущихъ классовъ было весьма развито, по замѣчанію Роберта фонъ-Моля, „въ тѣхъ изъ германскихъ государствъ гдѣ, по древнему преданію католической церкви, обученіе низшихъ и бѣдныхъ классовъ сопровождается всеми возможными вспоможеніями, и гдѣ учиться и просить милостыню — чуть ли не тождественныя понятія“. Знаменитый ученый указываетъ на „невѣроятную, ужасающую грубость

и неспособность многихъ чиновниковъ“ какъ на „явленія которыя необходимо приписать тому что университеты въ этихъ странахъ наполняются дѣтми бѣдныхъ и въ той же мѣрѣ необразованныхъ семействъ. Самый тонъ какъ преподавателей такъ и учащихся въ этихъ университетахъ, представляетъ онъ, сильно страдаетъ отъ населенія ихъ нищенствующими студентами.“ Мейнерсъ, въ концѣ прошлаго вѣка, указывая что въ Австрію до 300.000 гульденовъ ежегодно шло на вспоможеніе бѣднымъ студентамъ, а въ Альторфѣ выдавались одинаковыя суммы на содержаніе всего университета и на бѣдныхъ учащихся, находилъ эти мѣры скорѣе вредными чѣмъ полезными для государства. Въ шотландскихъ университетахъ (см. Demogeot et Montucci, *De l'enseignement superieur en Angleterre et en Ecosse*, Paris, 1870) есть значительное число благотворительныхъ стипендій по большей части незначительныхъ размѣровъ. Послѣ реформы 1858 года, число ихъ было, насколько оказалось возможнымъ, уменьшено чрезъ соединеніе по нѣскольку въ одну. Неудобство пособій въ малыхъ размѣрахъ было убѣдительно указано еще комиссіей изучившей состояніе этихъ университетовъ въ 1830 году. „Судя по свѣдѣніямъ содержащимся въ показаніяхъ свидѣтелей,“ сказано въ докладѣ комиссіи, и въ особенности по заявленіямъ различныхъ профессоровъ, мы очень опасаемся что похвальная цѣль какой предполагалось достигнуть такими пожертвованіями не получила удовлетворительнаго и полезнаго осуществленія, и что большое число стипендій малыхъ размѣровъ было даже весьма вредно для интересовъ университетовъ. Число стипендій много превышаетъ пропорцію необходимую для поощренія особо талантливыхъ и для помощи въ рѣдкихъ особыхъ случаяхъ бѣдности и несчастія. Вполнѣ доказано что многіе молодые люди привлекаются въ университетъ надежю получить стипендію и остаются въ университетахъ не имѣя отъ природы малѣйшаго призванія ни къ какой ученой профессіи. Многіе кончаютъ тѣмъ что попадаютъ въ самое непріятное изъ положеній, — потерявъ способность къ занятіямъ какимъ безъ того могли бы себя посвятить и неспособные извлечь что-либо изъ полученнаго въ университетѣ образованія.“

Но, повторю еще разъ, система гонорарія вовсе не исключаетъ освобожденія отъ платы дѣйствительно бѣдныхъ людей. При этомъ форма ссуды употребляемая въ Германіи

(невысокая гонорарій считается долгомъ отмѣчаемымъ въ аттестатѣ и подлежащимъ уплатѣ въ теченіе пяти лѣтъ по окончаніи курса) едва ли не самая правильная, наиболѣе свободная отъ того оскорбительнаго для чести элемента который всегда примѣшивается къ помощи имѣющей форму подаванія. О томъ какъ смотрять въ Пруссіи на освобожденіе отъ гонорарія можно получить понятіе изъ слѣдующаго министерскаго циркуляра. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ прусскихъ университетахъ освобожденіе слушателей отъ взноса гонорарія приняло было значительные размѣры. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе министерства и вызвало слѣдующій циркуляръ къ ректорамъ, отъ 7го октября 1823 года: „По имѣющимся свѣдѣніямъ, сказано въ циркулярѣ, въ королевскихъ университетахъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ число студентовъ которые, отчасти по бѣдности, отчасти подъ предлогомъ бѣдности, входятъ съ просьбами объ освобожденіи ихъ отъ взноса гонорарія за посѣщаемыя чтенія и таковое получаютъ. Даже принятый порядокъ сбора черезъ квестора, установленный дабы оградить профессоровъ отъ затрудненій личнаго къ нимъ обращенія просящихъ и облегчить строгое слѣдованіе общимъ принятымъ правиламъ, остается бездѣйственнымъ, отчасти по недостатку общихъ правилъ, отчасти потому что правила сіи не исполняются строго. Какъ ни желательно, съ одной стороны, чтобы профессора и на будущее время обращалинисходительное вниманіе на бѣдность и безпомощность отдельныхъ студентовъ и не отказывали въ доступѣ на лекціи ни одному дѣйствительно нуждающемуся и достойному студенту, который совсѣмъ не въ состояніи уплатить гонорарія, но съ другой стороны, для возбужденія и сохраненія чувства чести между студентами и усиленія прилежанія, важно чтобы профессора, при постулающихъ прошеніяхъ объ освобожденіи отъ платы, не были черезчурънисходительны и щедры, и старались бы всѣми возможными средствами собирать предварительныя свѣдѣнія о достоинствѣ и степени нужды каждаго ходатайствующаго объ освобожденіи. Ни въ какомъ случаѣ одна недостаточность не должна служить основаніемъ для освобожденія, ибо нынѣ многіе родители, чаще чѣмъ прежде, легкомысленно и только въ надеждѣ на вспоможеніе посвящаютъ своихъ сыновей, не имѣющихъ внутренняго призванія къ научной жизни, научному поприщу и посылаютъ

въ университеты не обезпечивъ ихъ существованія хотя самымъ скуднымъ образомъ. Кромѣ многихъ неудобствъ кои произойдутъ какъ для университетовъ, такъ и для самихъ студентовъ въ случаѣ если взносъ гонорарія за лекціи будетъ все болѣе выходить изъ обычая, представляется еще и невозможность дать профессорамъ чрезъ увеличеніе жалованья соотвѣтствующее ихъ потерѣ вознаграженіе, если они, какъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ университетахъ, будутъ освобождать отъ гонорарія большую часть слушателей. Наконецъ, примѣръ нѣкоторыхъ иностранныхъ университетовъ гдѣ частныя курсы правильно оплачиваются и гдѣ отличнѣйшіе профессора, даже при очень умѣренномъ казенномъ жалованьи, имѣютъ достаточный доходъ чрезъ гонорарій, склоняетъ къ тому чтобъ и въ нашихъ университетахъ на будущее время требовать отъ студентовъ уплаты гонорарія строже чѣмъ до нынѣ. Министерство далеко отъ мысли стѣснять щедрость профессоровъ по отношенію къ дѣйствительно достойнымъ и нуждающимся студентамъ, имѣетъ въ виду только пресѣчь злоупотребленія какія въ этомъ отношеніи грозятъ войти въ употребленіе въ нашихъ университетахъ, къ невыгодѣ и студентовъ, и профессоровъ, и желаетъ чтобы каждый университетъ, принимая во вниманіе экономическое положеніе учащихся и принятый профессорами и приватъ-доцентами образъ дѣйствій по отношенію ко взиманію платы, могъ принять мѣры къ устраненію злоупотребленій. На сей конецъ министерство проситъ поставить о настоящемъ циркулярѣ въ извѣстность всѣхъ ординарныхъ, экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ; содѣйствовать сколько возможно къ соглашенію между факультетами или по крайней мѣрѣ между профессорами каждаго отдѣльнаго факультета относительно правилъ какими отнынѣ надлежитъ руководиться при освобожденіи отъ взноса гонорарія и во всякомъ случаѣ изыскать надлежащія мѣры дабы высказанное выше желаніе министерства было исполнено и замѣченными доннынѣ злоупотребленіями въ ходатайствахъ и въ освобожденіяхъ былъ положенъ конецъ.“

Съ другой стороны, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо государство нуждается въ людяхъ получившихъ высшее образованіе по спеціальнымъ профессіямъ, особенно медицинской и педагогической. Естественно чтобъ государствомъ было сдѣлано, сообразно съ потребностями, и пожертвованіе. Пожерт-

твованіе это должно, очевидно, имѣть форму стипендій достаточно обезпечивающихъ учащихся и соединенныхъ съ извѣстнымъ обязательствомъ службы. Увеличеніе казенныхъ стипендій (отъ которыхъ, прибавимъ, отвлекаетъ форсированное вспоможеніе, уменьшающее ихъ цѣну) въ числѣ и размѣрѣ было бы полезною мѣрой. Мѣра эта должна касаться факультетовъ медицинскаго, историко-филологическаго и отчасти математическаго, такъ какъ въ особомъ привлеченіи на юридическіе факультеты нынѣ не видится надобности. Отъ соединенныхъ съ обязательствами стипендій, имѣющихъ характеръ мѣры вызываемой потребностями государства, измѣняющимися съ теченіемъ времени, должно отличать стипендіи и преміи имѣющія назначеніемъ привлечь таланты къ занятіямъ наукою. Людей съ исключительными способностями немного вездѣ. Всякая мѣра направленная къ тому чтобъ они не затерялись въ толпѣ, не удовлетворивъ своему призванію, есть благодѣтельная и важная для государства мѣра. Вызовъ способныхъ школьниковъ въ Петербургскую Академію Наукъ въ прошломъ вѣкѣ далъ Россіи, кромѣ славнаго Ломоносова, Крашенинникова, Румовскаго, и другихъ замѣчательно полезныхъ дѣятелей. Помощь таланту есть ссуда имѣющая принести громаднѣйшій процентъ, который во много кратъ можетъ превзойти истраченный капиталъ. Правильно организованная система призыва талантовъ есть дѣло заслуживающее полнаго вниманія. Стипендіи во время курса и по окончаніи его для продолженія занятій; преміи, посылка за границу: вотъ нѣкоторыя изъ мѣръ о полезномъ значеніи коихъ, особенно при разумномъ и внимательномъ употребленіи, излишне было бы распространяться.

Въ какомъ отношеніи должны находиться стипендіаты разныхъ разрядовъ ко взносу гонорарія? При большомъ предлагаемомъ числѣ ихъ, освобожденіе ихъ отъ платы могло бы нанести значительный ущербъ интересамъ лекторовъ. Стипендіаты въ Германіи незамѣтны въ массѣ студентовъ и несмотря на то, за нѣкоторыми исключеніями, не освобождены отъ взноса гонорарія. По крайней мѣрѣ таковъ порядокъ въ Кенигсбергскомъ университетѣ гдѣ учреждено особенно много стипендій. Согласно регламенту 16го марта 1837 года, абсолютное освобожденіе отъ уплаты гонорарія не допускается ни въ какомъ случаѣ (за исключеніемъ дѣтей преподавателей университета) и льгота для бѣднѣйшихъ

состоитъ въ томъ что слѣдующій съ нихъ гонорарій числится долгомъ прописываемымъ въ аттестатѣ и который долженъ быть уплаченъ не позже пяти лѣтъ по окончаніи курса. При назначеніи размѣровъ стипендій у насъ, надлежитъ имѣть въ виду и плату за чтенія. Но отношеніе къ преподаваемымъ курсамъ стипендіатовъ, какъ получающихъ вспоможеніе въ виду ожидаемой отъ нихъ пользы, очевидно не можетъ быть въ такой мѣрѣ свободнымъ какъ отношеніе учащихся на свой счетъ. Учебный планъ рекомендуемый учащимся факультетами долженъ быть для стипендіатовъ обязательенъ, хотя и нѣтъ надобности стѣснять ихъ въ выборѣ преподавателя у котораго они должны слушать лекціи по указанному предмету. Занятія стипендіатовъ должны быть подъ нѣкоторымъ контролемъ и наблюденіемъ. Особенно должно быть обращено вниманіе на обязательное для нихъ участіе въ различныхъ практическихъ упражненіяхъ которыя желательно по возможности расширить. Было бы полезно еслибы стипендіаты раздѣлялись на группы занимающіяся практически, подъ общимъ наблюденіемъ профессоровъ заведующихъ университетскими семинаріями и при ближайшей помощи и особомъ наблюденіи молодыхъ руководителей. Университетское преподаваніе, если оно ограничивается чтеніемъ лекцій, имѣетъ тотъ недостатокъ что слушатели играютъ лишь пассивную роль, и не находясь съ преподавателями въ прямыхъ отношеніяхъ ученика и учителя, обыкновенно лишены ближайшаго руководства въ своихъ самостоятельныхъ занятіяхъ. Знаменитый Фихте предлагалъ даже воспретить профессорамъ „преподавать устно все что находится какъ учебный матеріалъ въ книгахъ (Alles was als Lehrstoff in Büchern niedergelegt ist): все таковое должно быть, при руководствѣ наставника и по правильной методѣ, изучено путемъ домашняго труда, и основательность пріобрѣтеннаго знанія засвидѣтельствована правильнымъ испытаніемъ.“ Къ группамъ стипендіатовъ могли бы присоединяться и желающіе изъ своекоштныхъ. Въ практическихъ и самостоятельныхъ студенческихъ упражненіяхъ,—осуществленіе которыхъ требуетъ значительнаго персонала,—привать-доценты могли бы принять дѣятельное участіе, получая надлежащее вознагражденіе.

Одно изъ главныхъ затрудненій къ тому чтобы привилась у насъ система привать-доцентства и гонорарія заключается

въ правахъ нашего студенчества. Извѣстно что студенты у насъ вообще весьма не аккуратно посѣщаютъ лекціи, и на некоторыхъ многолюдныхъ факультетахъ присутствіе на лекціи двадцати человекъ, вмѣсто трехсотъ, есть явленіе весьма обыкновенное. Правильно и методически въ теченіе года изъ студентовъ занимаются весьма немногіе. Занятія сосредоточиваются въ недѣляхъ посвященныхъ экзаменамъ. Луть начинаются усиленные занятія, иногда и днемъ и ночью; въ нѣсколько дней изготавливаются отвѣты по предметамъ совершенно новымъ для изучающаго и по отдѣламъ нѣрѣдко крайне спеціальнымъ. Молодой человекъ совершенно не опытный въ началахъ науки прямо переносится къ вершинамъ, и на память удерживаетъ кое-что изъ трудныхъ соображеній, ясное уразумѣніе коихъ не легко и для профессора. Отстать отъ такихъ, десятками лѣтъ вкорененныхъ привычекъ будетъ конечно весьма трудно. Можно сказать что и внося гонорарій, студенты не будутъ аккуратно посѣщать оплачиваемыя чтенія, парализуя усердіе лектора, и что привычка къ правильнымъ занятіямъ вкоренится не скоро. Но полагаю что два средства могутъ оказаться весьма дѣйствительными для водворенія новыхъ порядковъ. Первыхъ, на факультетахъ гдѣ много стипендіатовъ, правильное устройство обязательныхъ стипендіатскихъ занятій можетъ дать тонъ занятіямъ всего студенчества; учащіеся на свой счетъ, убѣдившись что луть правильныхъ занятій есть единственный ведущій къ цѣли, присоединятся къ группамъ стипендіатовъ. Вторыхъ, самымъ могущественнымъ средствомъ для перехода къ новымъ порядкамъ должна служить серьезная реформа экзаменовъ. Экзаменаціонныя требованія, ясно указанныя и внимательно выполняемыя, могутъ имѣть самое рѣшительное вліяніе и на занятія студентовъ, и на самый ходъ преподаванія. При требованіяхъ определенно высказанныхъ студенты будутъ знать въ чемъ искать помощи отъ преподавателей, а преподаватели соотноситься съ потребностями слушателей. Набрасывая вышесказанныя здѣсь предположенія, я имѣю въ мысли существенное преобразование нашихъ экзаменовъ, о которомъ еще буду говорить.

Указывая затрудненія съ какими предстоитъ бороться въ случаѣ введенія приватъ-доцентства, упомяну еще объ одномъ, е лишенномъ значенія. Какія права по отношенію къ поль-

зованію учебными пособіями, кабинетами, лабораторіями и т. п. должны быть предоставлены приватъ-доцентамъ въ факультетахъ медицинскомъ и математическомъ, гдѣ употребленіе практическихъ пособій преподаванія имѣеть столь важное значеніе? Какъ устранить, съ одной стороны, возможность отказа приватъ-доценту въ необходимомъ со стороны профессора завѣдующаго тѣмъ или другимъ практическимъ учрежденіемъ, съ другой—какъ оградить профессора отъ притязаній доцента, съ нимъ конкурирующаго и естественнаго склоннаго увлечься поговоркой *ôte toi de la place pour qu'il te m'y mette*? Полагаю что должно стремиться къ тому чтобы каждый преподаватель былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ хотя бы скромномъ уголкѣ. Около центральныхъ учрежденій находящихся въ вѣдѣніи профессоровъ могли бы возникнуть вспомогательныя отдѣленія со скромными сравнительно средствами, при чемъ цѣнные инструменты могли бы заимствоваться по соглашенію изъ главнаго центра, а многочисленность употребительнѣйшихъ аппаратовъ могла бы быть весьма полезна при увеличившемся числѣ занимающихся. Не заботѣ факультетовъ контролируемой вниманіемъ начальства должно лежать правильное, не допускающее неопредѣленныхъ отношеній, распредѣленіе учебныхъ средствъ сообразно наличнымъ силамъ и индивидуальнымъ особенностямъ cadaго частнаго случая.

Въ заключеніе нашей довольно длинной рѣчи о приватъ-доцентахъ скажу нѣсколько словъ о печальной исторіи судьбы этого учрежденія при нашихъ университетахъ. Вопросъ о приватъ-доцентахъ не впервые поднимается у насъ. Свое учрежденіе не есть новостъ въ нашихъ уставахъ. Въ 1842 году состоялся уставъ Кіевскаго университета. Въ немъ были введены слѣдующіе параграфы: „§ 34. Совѣтъ университета можетъ ходатайствовать о дозволеніи получившему ученую степень магистра или доктора читать лекціи какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, съ присвоеніемъ такому преподавателю званія доцента. § 35. Желающій приобрести сіе званіе обязанъ, кромѣ диссертациі по коей получалъ ученую степень, представить новую *pro venia legendi* и оную защищать публично. § 36. Доценты считаются на службѣ но жалованья отъ университета не получаютъ. По мнѣнію и услѣховъ ихъ въ преподаваніи, совѣту предоставляется ходатайствовать о вознагражденіи трудовъ ихъ единовременно

ыми денежными выдачами изъ экономической университетской суммы. Впрочемъ, доценты составляютъ разсадникъ изъ штатныхъ адъюнктовъ и профессорскихъ мѣстъ. "На слѣдующій годъ правила эти были распространены и на университеты Петербургскій, Московскій, Казанскій и Харьковскій. Что касается Дерптскаго, то тамъ привать-доценты доускались уставомъ 1803 года, а въ 1839 году было дозволено имѣть семь штатныхъ доцентовъ съ жалованьемъ 1.200 ассени и правами адъюнктовъ.

Допущеніе доцентовъ на указанныхъ условіяхъ не имѣло значительныхъ послѣдствій и осталось мертвою буквой. При обсужденіи проекта устава 1863 года вопросъ о привать-доцентахъ, естественно, вновь былъ поднятъ. Согласно первоначальному проекту предполагалось облегчить доступъ въ привать-доценты чрезъ допущеніе что „привать-доцентами могутъ быть кандидаты, лѣкаря съ отличіемъ, провизоры и ветеринары представившіе диссертацию pro venia legendi и защитившіе ее въ присутствіи совѣта (?)... Привать-доцентамъ не полагается постояннаго содержанія, но имъ можетъ быть назначаемо, изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ свободныхъ суммъ, соразмѣрное трудамъ вознагражденіе, по опредѣленію совѣта съ утвержденія полечителя". вмѣстѣ съ тѣмъ привать-доцентство было поставлено на самую ступень въ предлагавшейся длинной градаціи университетскихъ преподавателей (профессоры ординарные, экстра-ординарные, доценты старшіе, доценты младшіе, привать-доценты) и званіе предполагалось давать на три года, по истеченіи коихъ доценты и привать-доценты оставляются на службѣ не иначе какъ по новому избранію и утвержденію полечителя". Несообразности такого разрѣшенія вопроса о доцентствѣ и привать-доцентствѣ, лишенномъ въ своихъ предположеніяхъ всѣхъ своихъ основныхъ чертъ: независимости, возможности конкурировать со штатными преподавателями и т. д., бросались въ глаза, и потому оно подверглось, при обсужденіи проекта разными учреждениями и лицами, почти единогласному неодобренію. Многие при этомъ высказались въ пользу привать-доцентства въ германскомъ смыслѣ. Въ ученomъ комитетѣ главнаго правленія училищъ постановленіе свода мнѣній высказанныхъ по этому пункту было поручено г. Георгіевскому, который и составилъ весьма обстоятельную записку по этому предмету. Ея основныя

положенія записаны въ журналѣ засѣданія комитета 14го сентября 1862 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Наилучшимъ средствомъ (къ водворенію у насъ науки) всѣми теперь почитается, вмѣстѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго быта профессоровъ и предоставленіемъ студентамъ возможности болѣе спеціальныхъ научныхъ занятій, возможно большее развѣтленіе званія приватъ-доцентовъ. Этотъ разрядъ преподавателей представить вѣрнѣйшее средство къ пополненію ученаго университетскаго сословія лицами представившими речительство за свое научное и нравственное достоинство; оживить наши университеты притокомъ новыхъ и свѣжихъ силъ, дать возможность ко введенію спеціальныхъ курсовъ своею конкуренціей поддержать въ штатныхъ профессорахъ рвеніе къ наукѣ и ея преподаванію, устранить поводы къ неудовольствію университетскихъ слушателей доставленіемъ возможности выбора между преподавателями, и, наконецъ, убѣдивъ ихъ что недостатокъ преподавателей не зависитъ ни отъ воли университета, ни отъ воли правительства и, наконецъ, въ будущемъ, чрезъ введеніе системы гонорарія, дать возможность сократить государственные расходы на содержаніе университетовъ.“ Для того чтобъ осуществить всѣ эти надежды докладчикъ предлагалъ упразднить институтъ штатныхъ доцентовъ (старшихъ и младшихъ), дабы устраненіемъ его открыть приватъ-доцентамъ болѣе близкій путь къ занятію собственно профессорскихъ кафедръ; предоставить имъ, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ постояннымъ вознагражденіемъ, гонорарій отъ слушателей и различныя права и преимущества которыя сдѣлали бы ихъ способными конкурировать со штатными профессорами; съ достоинѣйшими изъ нихъ предоставить факультетамъ заключать условія относительно ихъ вознагражденія, на основаніи добровольнаго соглашенія. Къ какимъ результатамъ привело такое рѣшительное заявленіе въ пользу системы приватъ-доцентовъ и гонорарія? Члены комитета въ первыя минуты повидимому были увлечены убѣдительностію доводовъ въ пользу приватъ-доцентства. Правъ предложенныхъ докладчикомъ пока залось даже мало: начались сужденія о томъ не дать ли приватъ-доцентамъ голосъ въ совѣтѣ. „Затѣмъ гг. присутствовавшіе высказали много замѣчаній относительно установленія системы гонорарія — предмета въ нашихъ университетахъ совершенно новаго и весьма важнаго для поддерж-

ки и развитія дѣятельности приватъ-доцентовъ.“ Лишь одинъ членъ возражалъ противъ введенія системы гонорарія, доказывая что она „не въ нашихъ нравахъ и можетъ унижить преподавателей въ глазахъ ихъ слушателей“. Большинство же, хотя „находило дѣйствительныя затрудненія въ установленіи системы гонораріевъ, но признавало ихъ (не затрудненія, конечно, а гонораріи) необходимыми; а чтобъ основательно обсудить этотъ важный вопросъ, опредѣлило, по предложенію предсѣдателя (г. Воронова), постановить окончательное по этому предмету рѣшеніе при разсужденіяхъ о платѣ за слушаніе лекцій“. Итакъ дѣло повидимому обстояло благополучно; новая система принята. Если не считать члена высказавшагося прямо противъ гонорарія, то развѣ въ предсѣдательствѣ можно замѣтить легкую тѣнь сомнѣнія относительно пригодности новаго порядка. Но наступаетъ засѣданіе 25го сентября и приходитъ очередь разсужденій о платѣ за слушаніе лекцій. Бывшій адъюнктъ Петербургскаго университета, г. Калиновскій, дѣлаетъ докладъ съ заключеніями противоположными заключеніямъ г. Георгіевскаго иди, какъ выразился предсѣдатель комитета, предлагаетъ редакцію параграфовъ о платѣ за слушаніе лекцій „основывающуюся совершенно, на другомъ началѣ“. Г. Калиновскій, усвоивая изъ мнѣнія одного изъ профессоровъ Казанскаго университета что „наши университеты отличались до сихъ поръ отъ германскихъ своимъ гуманнымъ направленіемъ“, предлагаетъ чтобъ это направленіе и впредь было сохранено. „Что плата необходима, разсуждаетъ онъ, съ этимъ всѣ согласны; но относительно способа ея взиманія во мнѣніяхъ встрѣчается большое разногласіе. Самая значительная часть ихъ выразилась въ пользу гонорарія, потому что онъ будто бы обезлечитъ существованіе у насъ приватъ-доцентовъ, и въ вторыхъ, такъ какъ опытъ показалъ что тамъ гдѣ онъ введенъ замѣчаются отличные результаты.“ Г. Калиновскій не согласенъ съ мнѣніемъ „значительной части“, и опытъ германскихъ университетовъ для него неубѣдителенъ, ибо въ Германіи, — замѣчаетъ онъ, полагая повидимому что высказываетъ нѣчто очень убѣдительное, — „гонорарій развился вслѣдствіе историческихъ условій; онъ тамъ уже вкоренился, сросся съ нравами, а у насъ будетъ новостью“. Предсѣдатель, принявъ въ соображеніе что предложенія г. Калиновскаго „должны были бы вызвать весьма сложныя и продолжительныя пре-

нія“, позамялъ дѣло или, какъ сказано въ протоколѣ, „призналъ нужнымъ предложить гг. присутствующимъ по доставленіи къ нимъ печатной записки г. Калиновскаго сообразить ее съ запиской г. Георгіевскаго, съ тѣмъ чтобы вопросъ объ установленіи той или другой системы платы за слушаніе лекцій подвергнуть особому обсужденію, по тщательномъ изученіи всѣхъ высказанныхъ по сему предмету мнѣній“. Но увы! этого „особаго обсужденія“ одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ университетскаго устройства такъ и не послѣдовало. Г. председатель, „на основаніи журналовъ ученаго комитета“, составилъ редакцію проекта устава и читалъ его въ октябрьскихъ засѣданіяхъ, причемъ, какъ сказано въ общемъ протоколѣ этихъ засѣданій, занимающемъ едва страницю, „предложены были на обсужденіе гг. присутствующихъ тѣ вопросы которые не были разрѣшены въ предшешихъ засѣданіяхъ“. Никакого слѣда „особаго обсужденія“ не оказывается. Такъ странно сошелъ со сцены вопросъ столь существенно важный для университетовъ, поднявшій было серіозныя соображенія и собравшій значительное большинство, а въ комитетѣ почти единогласіе въ пользу разрѣшенія его по германскому образцу, но въ концѣ концовъ разрѣшенный самымъ канцелярскимъ образомъ. Гордіевъ узелъ былъ не разрѣченъ, а засунуть подалше подъ фразами объяснительной записки съ тирадой о великой пользѣ приватъ-доцентства. Дѣло въ томъ что всѣ эти сложные маневры экстра-гласнаго, всероссійскаго и общеевропейскаго обсужденія университетской реформы, со взвѣшиваніемъ, мнѣреніемъ, ражировкою мнѣній по самымъ неважнымъ пунктамъ, были и остались простымъ парадомъ. Серіозно стрѣляло одно тяжелое орудіе—канцелярія съ входящими и исходящими журналами и протоколами, писаніемъ и переписываніемъ, съ чудесами на бумагѣ, съ хитрымъ и сложнымъ механизмомъ, кажушимъ глазу удивительную машину, которой не достаетъ только одного—движущей силы!

(До слѣд. №).

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ПЕРЕПИСКА БЪЛИНСКАГО СЪ ДРУЗЬЯМИ

А. Н. Пыпинъ: В. Г. Бѣлинскій. Опытъ біографіи. (*Вѣстникъ Европы* 1874, кн. X—XII.)

Въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обзорѣвъ, въ статьѣ: *По поводу одной литературной репутаціи*, мы коснулись весьма любопытнаго вопроса о политическихъ мнѣніяхъ Бѣлинскаго или о такъ-называемомъ „направленіи“ его критики. Матеріаломъ для нашихъ выводовъ служили тогда первыя главы обширной и очень интересной біографіи Бѣлинскаго, печатаемой г. Пыпинымъ въ *Вѣстникъ Европы*. Выдержки изъ интимной переписки знаменитаго критика сороковыхъ годовъ и нѣкоторыя новыя или малоизвѣстныя свѣдѣнія о немъ біографическаго характера, собранныя г. Пыпинымъ въ тѣхъ первыхъ главахъ, настолько освѣтили личность Бѣлинскаго и въ особенности запасъ знаній и образовательныхъ средствъ съ которыми онъ выступилъ на критическое поприще, что мы позволили себѣ, на основаніи этого новаго біографическаго матеріала, представить оцѣнку Бѣлинскаго, какъ проповѣдника тѣхъ или другихъ идей общественнаго характера, и указать на степень довѣрія и уваженія съ какими возможно относиться къ его убѣжденіямъ, въ всякаго впрочемъ сомнѣнія въ ихъ совершенной искренности. Съ тѣхъ поръ, г. Пыпинъ значительно подвинулъ свой трудъ и успѣлъ довести его до того періода въ жизни

Бѣлинскаго когда въ его воззрѣнiяхъ на русскую общественность совершился извѣстный переломъ, отозвавшiйся отчасти и на его критической дѣятельности. Значительная масса совершенно новаго матеріала, извлеченнаго біографомъ изъ переписки Бѣлинскаго конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, проливаетъ яркій свѣтъ не только на первый періодъ дѣятельности знаменитаго критика, но и на обстоятельства съ помощью коихъ совершился въ немъ переходъ отъ этихъ воззрѣнiй ко мнѣніямъ противоположнаго характера. Новый біографическій матеріалъ который мы находимъ въ дальнѣйшихъ главахъ обширнаго труда г. Пылива какъ нельзя болѣе подтверждаетъ общую характеристику Бѣлинскаго и его мнѣнiй сдѣланную нами въ предыдущемъ очеркѣ. Но все то что въ упомянутой выше статьѣ было высказано нами почти какъ догадка, основанная не столько на біографическихъ фактахъ сколько на смыслѣ литературной дѣятельности Бѣлинскаго, должно стать теперь на стелени положительнаго вывода. Слѣдя за внутреннею жизнью Бѣлинскаго по его письмамъ и по воспоминанiямъ друзей его, мы видимъ его въ столкновенiяхъ не только съ литературными личностями весьма различнаго направленiя и образа мыслей, но и съ самимъ собою, со своею натурой, своими страстями и увлеченiями. При общей у Бѣлинскаго съ людьми того времени наклонности къ рефлексiи и анализу, при его привычкѣ объяснять самого себя, всѣ движенiя своей мысли въ интимной перепискѣ съ друзьями, мы находимъ въ ней какъ бы подробную лѣтопись его внутренняго развитiя, въ которой отразились всѣ даже минутныя явленiя. Смыслъ этой внутренней жизни раскрывается предъ нами страница за страницей, и нравственный образъ Бѣлинскаго возникаетъ въ такой полнотѣ что не остается почти ничего недосказаннаго.

Образъ этотъ, при ближайшемъ знакомствѣ, быть-можетъ теряетъ въ той силѣ, съ ореоломъ которой онъ утвердился во мнѣнiи его почитателей, но не лишается привлекательныхъ сторонъ своихъ. Напротивъ, слѣдя за „труднымъ горестнымъ“, по собственному его выраженiю, развитiемъ его мысли, видишь сколько прирожденной даровитости заключилось въ его натурѣ когда онъ слѣдовалъ своему дѣятельному призванiю, и какъ много умалены несомнѣнныя его заслуги старанiями друзей его, прошедшихъ и нынѣшнихъ.

нихъ, придать ему черты какого-то рыцаря журнальнаго либерализма. Если въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ является намъ съ признаками слабости, неустойчивости и подчиненности постороннимъ вліяніямъ, если мы вообще должны признать что въ сферѣ политическихъ и философскихъ идей онъ шелъ оцуюлю, постоянно борясь съ недостаточностью подготовки и, къ сожалѣнію, никогда не сознавая этой слабости стороны своей,—то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны будемъ часто удивляться силѣ его критическихъ инстинктовъ, эстетическаго чутья, должны будемъ признать много интереснаго въ его личности. Поэтому мы нисколько не колеблемся указать тѣ черты въ литературномъ и человѣческомъ образѣ Бѣлинскаго въ которыхъ выразилась его несостоятельность какъ политическаго мыслителя и вообще представителя какого-либо твердо и прочно установившагося образа мыслей: признаки слабости, съ какими является Бѣлинскій въ несвойственной ему сферѣ, къ сожалѣнію постоянно сохранившейся для него особую привлекательность, не должны быть скрыты и, по нашему мнѣнію, не могутъ заслонить его, во всякомъ случаѣ, даровитой личности.

Намѣреваясь на слѣдующихъ страницахъ воспользоваться біографическимъ матеріаломъ собраннымъ въ статьяхъ г. Пылина, мы можемъ пользоваться имъ, конечно, только какъ сырымъ матеріаломъ, отнюдь не раздѣляя взглядовъ и толкованій біографа, съ направленіемъ которыхъ читатели знакомы изъ нашихъ прежнихъ обзорѣній.

Чтобы подойти прямо къ цѣли, мы начнемъ съ любопытныхъ попытокъ самого Бѣлинскаго опредѣлить свою личность, сущность своего я. Хотя въ этихъ опытахъ самоопредѣленія не все, конечно, можетъ быть принято прямо, но многое замѣчено Бѣлинскимъ чрезвычайно вѣрно, и во всякомъ случаѣ представляетъ данныя для заключеній.

Въ одномъ письмѣ, относящемся къ срединѣ 1837 года, Бѣлинскій говоритъ о себѣ: „Я гордъ, самолюбивъ, тщеславенъ до того что всякая похвала, даже со стороны глупца, вызываетъ краску удовольствія на мое лицо и ускоряетъ обращеніе крови... Похвала скорѣе можетъ повредить мнѣ нежели горькая истина...“ Немного далѣе, онъ дѣлаетъ попытку болѣе полнаго самоопредѣленія: „Во мнѣ два главныхъ недостатка“, пишетъ онъ: „самолюбіе и чувственность... Ты знаешь что я имѣю похвальную привычку краснѣть, безо

всякой причины какъ думаютъ всѣ, но въ самомъ-то дѣлѣ очень не безъ причины. Эта похвальная привычка составляетъ несчастіе моей жизни. Самолюбіе, вотъ причина этого явленія. Конечно, здѣсь принимаетъ большое участіе какая-то природная робость характера и еще одно обстоятельство въ моемъ воспитаніи, о чемъ теперь мнѣ некогда распространяться, но главная причина—все-таки самолюбіе. Я краснѣю оттого что мнѣ не отдали должной справедливости, слѣдовательно отъ оскорбленнаго самолюбія; я краснѣю оттого что мнѣ отдали справедливость, слѣдовательно отъ удовлетвореннаго самолюбія; къ чести своей скажу что еще чаще краснѣю. я вслѣдствіе признанія своего недостойнства, отъ того вниманія которое оказываютъ мнѣ хорошіе люди, знающіе меня издалека... *Я не написалъ ни одной статьи съ полнымъ самозабвеніемъ въ своей идѣ: безсознательное чувство уступка и, еще болѣе того, уступка, всегда волновало мою кровь, усиливало и напрягало мои умственныя силы какъ приѣмъ опиума.*

Приведенныя выдержки изъ письма, хотя въ нихъ и сквозитъ раздраженная потребность самообличенія, заслуживаютъ вниманія. Бѣлинскій сознается здѣсь въ такой чертѣ своей натуры которая безъ сомнѣнія должна была всегда вліять на его образъ мысли въ данную минуту и отразиться на его литературной дѣятельности. Очевидно онъ не былъ свободенъ въ направленіи своей мысли, очевидно эта мысль искала направиться по тому пути на который выносило его настроеніе его кружка. Люди близкіе къ литературной профессіи очень хорошо знаютъ что такъ-называемый „авторскій успѣхъ“ обыкновенно есть не что иное какъ успѣхъ въ литературномъ кружкѣ къ которому принадлежитъ писатель. Мнѣніе публики о какомъ-нибудь произведеніи очень рѣдко доходитъ до автора, въ особенности о журнальныхъ статьяхъ, успѣхъ которыхъ нельзя измѣрять распространенностью изданія; поэтому на журналистѣ главнымъ образомъ отражается лишь впечатлѣніе его литературныхъ друзей. Понятно что писатель столь чувствительный къ успѣху какъ Бѣлинскій долженъ былъ относиться съ вѣчно возбужденною чуткостью къ настроенію кружковъ къ которымъ онъ принадлежалъ въ разное время жизни. По собственному признанію, онъ не написалъ ни одной статьи безъ того чтобы предчувствіе успѣха или неуспѣха не волновало его кровь и не отражалось на его

трудѣ. Нѣтъ причины не довѣрять этому признанію, потому что черта эта въ натурѣ тѣхъ самолюбиво-застѣнчивыхъ людей къ категоріи которыхъ несомнѣнно принадлежалъ Бѣлинскій. Но добиваться успѣха значило полагать въ тонѣ литературнаго кружка стоявшаго близъ него, сдѣлаться выразителемъ настроенія ближайшихъ литературныхъ друзей и такимъ образомъ пробудить въ нихъ сочувствіе къ своему труду. Все это достигалось конечно непредназначенно, безо всякой личной цѣли, безо всякой измѣны своимъ убѣжденіямъ: литературный кружокъ иначе не можетъ сформироваться какъ изъ людей сходнаго образа мыслей, сходныхъ вкусовъ; привычка постоянно мѣняться своими мыслями и впечатлѣніями приводитъ такой кружокъ къ тому что составляющія его лица долгое время совершаютъ совмѣстно процессъ своего внутренняго развитія до тѣхъ поръ пока къ нимъ не приходитъ новое сильное вліяніе со стороны. Такъ было съ Бѣлинскимъ въ московскій періодъ его жизни, когда онъ воспринималъ всѣ свои впечатлѣнія отъ Станкевича, Боткина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ „философскаго“ кружка. Для Бѣлинскаго, не принимавшаго никакого участія въ общественной жизни, этотъ замкнутый кружокъ представлялъ собою цѣлый міръ; здѣсь были его учителя, его публика, его друзья, его вселенная. Пока онъ принадлежалъ этому кружку, все внутреннее развитіе его направилось согласно образу мыслей, вкусамъ и настроенію маленькаго литературнаго товарищества. Лучшія статьи написанныя въ то время Бѣлинскимъ были конечно написаны съ произвольнымъ расчетомъ на одобреніе и сочувствіе этихъ лицъ. Переездъ въ Петербургъ былъ внѣшнимъ толчкомъ выбросившимъ Бѣлинскаго изъ заколдованнаго круга въ которомъ онъ вращался до тѣхъ поръ. Мы увидимъ однако что идеи и стремленія воспріятыя и выношенныя имъ въ Москвѣ не тотчасъ его оставили: въ первое время по переездѣ въ Петербургъ онъ еще продолжалъ внутренне московскій періодъ своего развитія и даже въ *Отечественныхъ Запискахъ* писалъ сначала въ прежнемъ духѣ и направленіи. Но потребность успѣха, которую сознавалъ въ себѣ Бѣлинскій, не находила себѣ здѣсь удовлетворенія. Статьи его вызывали одобреніе прежнихъ московскихъ друзей, съ которыми Бѣлинскій вступилъ въ дѣятельную переписку. Но впечатлительная и страстная натура Бѣлинскаго не могла,

конечно, довольствоваться тѣмъ отдаленнымъ сочувствіемъ за которымъ надо было обращаться къ перепискѣ, ожидать почты, узнавать о впечатлѣніи статьи черезъ мѣсяцъ послѣ ея напечатанія; ему необходимо былъ успѣхъ немедленный и зримый во-очію, онъ искалъ изліяній въ горячей дружеской бесѣдѣ, требовалъ раздѣла впечатлѣній въ ту минуту когда сошли чернила. Къ тому же Московскій кружокъ, въ которомъ была сосредоточена духовная жизнь Бѣлинскаго, скоро разстроился, Станкевичъ умеръ, другіе разошлись. Безъ кружка Бѣлинскій не могъ оставаться, и вотъ онъ слустя нѣкоторое время поддался новому вліянію которое первоначально тоже вышло изъ Москвы. Бѣлинскій нашелъ себѣ въ Герценѣ новаго Станкевича, какъ ни глубоко разлились между собой эти два человѣка....

Въ первой нашей статьѣ о Бѣлинскомъ мы указывали на то что первоначальная подготовка, вынесенная имъ изъ школьнаго періода жизни, давала ему слишкомъ мало матеріала для выработки какихъ-либо прочныхъ, устойчивыхъ взглядовъ и мнѣній. Дальнѣйшій процессъ самообразования, расширяя его кругозоръ, не могъ однако дать ему полной умственной самостоятельности, особливо въ тѣхъ теоретическихъ сферахъ которыя навсегда сохранили для Бѣлинскаго наибольшую привлекательность, и въ которыхъ онъ однакоже до конца оставался дилеттантомъ. Г. Пылинъ самъ не рѣшается отрицать этого обстоятельства. Говоря о впечатлѣніи произведенномъ на Станкевича однимъ лицомъ изъ московскаго философскаго кружка, онъ замѣчаетъ: „тѣмъ больше еще было его вліяніе на Бѣлинскаго, который по необходимости принималъ философскія ученія изъ вторыхъ рукъ и. становился на первое время въ зависимость отъ истолкователя“. Зависимость эта конечно не ограничивалась „первымъ временемъ“, но должна была продолжаться до тѣхъ поръ пока Бѣлинскій не переходилъ отъ болѣе или менѣе точныхъ изученій въ область чистой фантазіи или пока не поддавался зависимости отъ новаго „истолкователя“. Личный характеръ Бѣлинскаго представлялъ очень мало противовѣса этой умственной неустойчивости. Тутъ же г. Пылинъ признаетъ что даровитый критикъ „выдѣлялся своею особенностью — пламеннымъ увлеченіемъ во всемъ что въ данную минуту было для него истиной“. Онъ самъ часто указываетъ въ своихъ письмахъ на эту способность пламен-

но увлекаться, и очевидно такая черта природы ему самому очень нравилась. „Когда, говоритъ онъ между прочимъ въ одномъ письмѣ своемъ, одушевленный негодованіемъ, я съ обычною моею энергіей выражаюсь сравненіями, которыя беру гдѣ ни попало и которыя не пропустила бы никакая общественная цензура, то Боткинъ отъ меня въ восторгѣ.... тоже и Станкевичъ“. Какъ замѣчаетъ г. Пылинъ, Бѣлинскій обладалъ въ разговорѣ особеннымъ бурнымъ краснорѣчіемъ, отличавшимся энергіей выраженій, за чтѣ и получилъ отъ друзей прозвище „неистоваго Виссаріона“. Въ томъ самомъ письмѣ изъ котораго выше мы привели выдержку и въ которомъ Бѣлинскій дѣлаетъ любопытную попытку самоопредѣленія, мы читаемъ между прочимъ: „какъ скоро дѣло касается до моихъ душевныхъ убѣжденій, я тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ каеэдру и толпу народа: я ощущу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое я исчезнетъ, и слова, полныя жара и силы, рѣкою польются съ языка моего.“ Рѣчь идетъ здѣсь о „душевныхъ убѣжденіяхъ“. Но мы не ошибемся, конечно, если скажемъ что подъ убѣжденіями Бѣлинскій разумѣлъ увлеченія владѣвшія имъ въ ту или другую минуту, и о частой смѣнѣ которыхъ свидѣлствуютъ какъ его литературныя статьи, такъ въ особенности его интимная переписка съ друзьями. Въ предыдущей статьѣ мы имѣли случай показать что періоду ультра-консервативнаго поклоненія русской дѣйствительности, у Бѣлинскаго предшествовало отрицательное къ ней отношеніе, выразившееся между прочимъ съ его студенческой трагедіи и носившее тотъ же самый характеръ какъ и лоздѣвшее направленіе его мыслей. Въ новыхъ главахъ труда г. Пылина мы встрѣчаемся съ другимъ любопытнымъ примѣромъ въ томъ же родѣ, относящимся къ 1836 году. Именно г. Пылинъ передаетъ что однажды Бѣлинскій въ большомъ обществѣ, несовершенно ему близкомъ, въ разговорѣ о французской революціи высказалъ мнѣнія смутившія хозяина своею крайнею рѣзкостью. Случай этотъ любопытенъ въ особенности потому что спустя два года Бѣлинскій самъ упомянулъ о немъ въ дружескомъ письмѣ, причемъ выразилось какъ онъ вообще смотрѣлъ на такъ-называемыя „убѣжденія“ даже политическаго характера. „Ты помнишь — говорится въ этомъ письмѣ — какую фразу отпустилъ я за столомъ, и какъ она подѣйствовала на А. М.

Но знаешь ли что? — я нисколько не раскаиваюсь въ этой фразѣ и нисколько не смущаюсь воспоминаніемъ о ней: ею выразилъ я совершенно добросовѣстно и со всею полнотою моеи неустовой натуры тогдашнее состояніе моего духа. Да, я такъ думалъ тогда, заключаетъ онъ, очевидно предполагая что вся задача сводится лишь къ тому чтобы всегда и неуклонно говорить то что думаешь въ данную минуту. Таково было дѣйствительно понятіе Бѣлинскаго о процессѣ развитія, представлявшемся ему непрерывною смѣною увлеченій, хотя бы въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ. Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій продолжаетъ: „Повторяю искренно и добросовѣстно выразилъ я этою фразою напряженное состояніе моего духа, чрезъ которое *необходимо* долженъ былъ пройти“. Такимъ образомъ, онъ не только допускалъ быстрые переходы отъ одного образа мыслей къ другому, но и считалъ ихъ необходимыми для своего внутренняго развитія. Онъ объясняетъ далѣе въ томъ же письмѣ что рѣзкое мнѣніе о французской революціи было „моментомъ“ въ его развитіи и вытекало изъ его собственнаго толкованія фиктианства.... Извѣстно что въ послѣдствіи эта фраза о „моментахъ развитія“ была подхвачена нашею журналистикой и сочтена за окончательное разъясненіе всѣхъ противорѣчій въ общественныхъ и теорическихъ взглядахъ Бѣлинскаго. Считаемъ излишнимъ останавливаться на этомъ объясненіи и указывать сколько въ немъ невыработанность и доктринерства. „Моменты“ были дѣйствительно неизбежны у Бѣлинскаго, но не потому чтобъ они были необходимыми ступенями развитія, а потому что въ сферѣ общественныхъ и теоретическихъ вопросовъ даровитый критикъ и чувствовалъ подъ собою лачвы и не имѣлъ установившихся принциповъ. Впрочемъ, условія своего собственнаго развитія онъ отдѣлялъ отъ требованій съ которыми обращался къ журналистикѣ. „Въ журналѣ, говоритъ г. Пылинъ, Бѣлинскій придавалъ первостепенную цѣну направленію, т.-е. требовалъ чтобы въ журналѣ былъ *какой бы ни было, хотя ошибочный, но опредѣленный взглядъ на вещи*, чтобы журналъ былъ дѣломъ сознательной мысли, а не сборомъ случайнаго матеріала. Нисколько не сочувствуя, на примѣръ, *Библиотекѣ* онъ признавалъ за ней ту заслугу, что она была вѣрна самъ себѣ, вездѣ выдерживала свой характеръ, какъ будто лиса была однимъ человѣкомъ“. Понятно что такой рискованнѣй-

взглядъ, какъ бы допускающій внутреннее единство журнала, независимо отъ достоинства убѣжденія, легко могъ отразиться на нашей журналистикѣ безплодною игрой въ направленіе, что и случилось потомъ.

Мы не получимъ полнаго представленія о причинахъ неустойчивости Бѣлинскаго какъ теоретика и мыслителя, если не выйдемъ въ одну изъ отличительныхъ особенностей его натуры, именно въ его чрезвычайную наклонность къ рефлексіи. Наклонность эту раздѣлялъ въ значительной степени и весь Московскій кружокъ тридцатыхъ годовъ, но ни въ комъ не проявлялась она съ такими почти каррикатурными преувеличеніями какъ въ Бѣлинскомъ. Она была источникомъ многихъ его страданій и безъ сомнѣнія отразилась также ослабляющимъ образомъ на его теоретической мысли. Даровитый критикъ самъ сознавалъ въ себѣ эту слабую сторону и много разъ горько жаловался на нее друзьямъ, объясняя ею большую часть своихъ нравственныхъ страданій. Такъ въ одномъ письмѣ къ Боткину (уже изъ Петербурга), говоря о романтическихъ похожденияхъ одного лица изъ прежняго Московскаго кружка, онъ завидуетъ его способности увлечься *безъ рефлексіи* и восклицаетъ: „Отчего же я никогда не могъ предаться весь и вполне какому чувству.... Я знаю что пораженный благородствомъ и нравственностью моего слога, NN выронить изъ ливныхъ рукъ трубку, разсыплетъ на полъ табакъ, и мѣлко махая и загребая ими, зареветь:—это оттого что у Бѣлинскаго глубокая натура, которая можетъ удовлетвориться только истиннымъ чувствомъ и любить только разъ въ жизни!—Если онъ это сдѣлаетъ, Боткинъ, наплюй ему пожауста въ рожу и скажи что онъ дуракъ. Я понимаю необходимость, разумность, а слѣдовательно и достоинство рефлексіи какъ момента самаго разума, какъ двигателя жизни, не дающаго человѣку убаюкаться на какой-нибудь низенькой ступенькѣ жизни, но дѣло въ томъ что есть двѣ рефлексіи: нормальная и болѣзненная.“ Обильный біографическій матеріалъ, собранный въ статьяхъ г. Пылина, не позволяетъ къ сожалѣнію сомнѣваться что Бѣлинскій страдалъ именно этою второю, болѣзненною формою рефлексіи. Мы могли бы подтвердить наши слова многочисленными выписками изъ писемъ Бѣлинскаго еслибы не опасались утомить вниманіе читателя. Слѣды тягостной душевной борьбы бросавшей его

минутами въ состояніе совершеннаго изнеможенія, и которую главнымъ образомъ питала именно эта болѣзненная потребность рефлексіи, лежатъ на всей почти перепискѣ ея тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Недугъ самогрызенія, вѣчнаго подозрительнаго наблюденія за каждымъ движеніемъ мысли и чувства, вѣчнаго недовѣрія къ своей человѣческой природѣ и въ то же время замѣчательной увѣренности въ силѣ своего анализирующаго ума, недугъ этотъ владѣлъ Бѣлинскимъ въ такой степени, проявлялся въ такихъ болѣзненныхъ и часто карикатурныхъ формахъ что чита его письма догадываешься гдѣ взялъ г. Тургеневъ черты для своего *лишняго человека* и Гамлетика Щигровскаго увѣзд. При этомъ недугѣ, процессъ умственной работы, внутренняго развитія, становился для него удрученіемъ. „Новая мысль дается мнѣ горестно и трудно“, признавался самъ Бѣлинскій, и не со стороны только формальныхъ трудностей, усложненныхъ недостаточностью теоретической подготовки. Трудности исходили также изъ самой натурѣ Бѣлинскаго, которая при столкновеніи съ каждою новою идеею подымала внутреннюю возню, мучительную тревогу сомнѣній и самоугрызеній. Новая идея не становилась спокойно мѣсто, но переворачивала вверхъ дномъ весь внутренній міръ: требовала повѣрки или отрицанія всѣхъ прежде накопившихся понятій, обобщалась до безконечности, и въ довершеніи всего, охваченный этою суматохой Бѣлинскій начиналъ медленно перевоспитывать себя, измѣнять сообразно новой идеѣ складъ своей жизни, свои отношенія къ людямъ, насилывать свои симпатіи и антипатіи.

При этой болѣзненной особенности въ натурѣ Бѣлинскаго благодаря которой каждая новая мысль вторгалась во внутренніе тайники его существованія, процессъ внутренняго развитія долженъ былъ обратиться въ немъ въ какое-то постоянное и бесплодное самосгараніе. Мысль, знаніе, опытъ жизни не нарастали въ немъ, а только сжигали другъ друга, оявъ каждую минуту готовъ былъ загорѣться новымъ пламенемъ, лишь бы его раздуло какое-нибудь сильное вѣяніе. Изъ матеріалахъ собраныхъ г. Пылинымъ есть любопытное указаніе на то какую мучительную внутреннюю возню поднявъ въ немъ первое соприкосновеніе съ философскою мыслью. Его поразило что кромѣ „истины въ созерцаніи и вѣдѣніи“ есть еще процессъ отвлеченнаго мышленія,

что въ жизнь входитъ также мысль „которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить“. И вмѣсто простаго принятія отвлеченной мысли, „безъ которой нельзя жить“, въ немъ началась мучительная борьба между „созерцаніемъ“ и „отвлеченіемъ“. Объ этихъ терзаніяхъ онъ выражался самъ такимъ образомъ: „Результатомъ этой борьбы и должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ алатіи смертельной. Я лицомъ къ лицу, въ первый разъ, столкнулся съ мыслью и ужаснулся своей пустоты. Это былъ ужасный періодъ моей жизни, но я теперь понимаю его необходимость. Я страдалъ, потому что принесъ въ жертву почти все конечнымъ опредѣленіямъ все мои чувства, вѣрованія, надежды, свое самолюбіе, свою личность. Это было нужно: тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться и приносить ей въ жертву, какъ Молоху, все чѣмъ живешь и радуешься“... Для нашего поколѣнія смыслъ этихъ извѣстій почти утраченъ; входя въ соприкосновеніе съ отвлеченною мыслью, никто конечно въ наше время не задается опасеніями такъ мучительно взволновавшими Бѣлинскаго. Но въ тридцатыхъ годахъ нѣмецкая философія была у насъ чѣмъ-то невиданнымъ и неслышаннымъ, и на впечатлительныя натуры производила какое-то мистическое дѣйствіе. Впрочемъ, здѣсь конечно много значили личныя свойства самого Бѣлинскаго и то странное соотношеніе которое отыскивалъ онъ между новыми пріобрѣтеніями ума и „жизнью“ въ обширномъ смыслѣ слова.

Чрезмѣрно-торжественное, какъ бы священнодѣйственное отношеніе къ самымъ незначительнымъ явленіямъ нравственной и даже житейской сферы было вообще въ характерѣ Бѣлинскаго. Вкусивъ немного отъ философіи, онъ уже усвоилъ себѣ привычку держаться философомъ въ самой жизни, и каждое встрѣчающееся ему явленіе, каждое наблюденіе возводитъ въ принципъ. Въ 1837 году онъ лѣчился въ Пятигорскѣ, и тутъ на досугъ потребность рефлексіи овладѣла имъ съ особенною силой. Онъ сталъ подводить итоги своей жизни, своего нравственнаго содержанія, и впалъ въ хандру. У него были долги и не было почти никакихъ средствъ къ жизни, гнетъ матеріальной нужды предсталъ ему во время этого одинокаго раздумья въ самомъ удручающемъ видѣ. Естественнымъ образомъ онъ натолкнулся на мысль

что матеріальная необезпеченность отражалась на его умственныхъ силахъ, мѣшала ему спокойно и свободно предаться работѣ. Но онъ не остановился на этомъ простомъ наблюдѣніи, а отнесся къ нему какъ къ открытію необычайной важности, какъ къ факту имѣющему какъ бы и теоретическое значеніе. „Едва родится во мнѣ сознаніе силы — писалъ онъ изъ Пятигорска къ одному пріятелю — едва почувствую я теллоту вѣры, какъ квартира, *авошная* лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру, и тогда я могу только играть въ свои козыри или въ шашки. Прикованный желѣзными цѣпями ко внѣшней жизни, могъ ли я возвыситься до абсолютной? Я увидѣлъ себя безчестнымъ, подлымъ, лѣнивымъ, ни къ чему неспособнымъ, какимъ-то жалкимъ недоноскомъ, и только въ моей внѣшней жизни видѣлъ причину всего этого. Эта мысль обрадовала меня: я нашла причину болѣзни — лѣкарство было не трудно найти“.... Такъ дѣйствительно въ ту минуту казалось Бѣлинскому, и онъ наивно *рѣшился* раздѣлаться съ долгами и съ матеріальными нуждами, чтобы всецѣло отдаться „жизни абсолютной“. Но долги не уплачивались, нужды не покидали его, и идея возрожденія духовной силы посредствомъ внѣшняго обезпеченія скоро была заброшена, какъ заброшены были многія другія „идеи“ съ которыми попеременно носился Бѣлинскій....

Мы быть-можетъ слѣшкомъ долго остановились на этой чертѣ въ натурѣ Бѣлинскаго, являющей скорѣе ея крайнюю слабость чѣмъ силу. Но съ сильными сторонами этой даровитой личности мы еще будемъ имѣть время познакомиться, показать же ея теоретическую несостоятельность намъ было необходимо, чтобы окончательно объяснить извѣстный переходъ Бѣлинскаго отъ консервативныхъ и примирительныхъ воззрѣній къ противоположному образу мыслей. Полагаемъ что итогъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ Бѣлинскаго, какой опредѣляется изъ сказаннаго выше, и нѣкоторыя отличительныя черты въ его натурѣ, которыя мы старались разяснить, должны значительно облегчить какъ уразумѣніе мотивовъ этого перехода, такъ и вообще оцѣнку мнѣній и сужденій Бѣлинскаго въ чисто-литературной критики. Мы видѣли что въ періодъ уже горячей и плодотворной журнальной дѣятельности, Бѣлинскій, собственно говоря, только что начиналъ работу самообразованія, случайно наталки-

ваясь на ту или другую область знанія, на ту или другую философскую систему, которой въ данную минуту и отдавался всецѣло, не только мыслью, но и самымъ чувствомъ, самую жизнь свою. Въ этомъ страстномъ увлеченіи какимъ-нибудь отдѣльнымъ явленіемъ изъ области европейской мысли заключалась уже конечно причина той неправильности въ развитіи и той непрочности умственныхъ пріобрѣтеній, какими до конца страдалъ Бѣлинскій: несмотря на постоянную и страстную работу, ему никогда не удавалось выработать никакихъ общихъ основаній, за исключеніемъ ограниченной области художественной критики, гдѣ имъ руководило замѣчательное чутье. Надо впрочемъ сказать что и въ этой наиболѣе доступной ему сферѣ примиряющая ширина взгляда давалась ему лишь послѣ тяжкихъ усилій: увлекаясь какимъ-нибудь поэтомъ, онъ обыкновенно отрицалъ другихъ и не могъ признавать, на примѣръ, въ одно и то же время Шиллера и Гёте; сначала онъ ненавидѣлъ перваго и поклонялся второму, потомъ наоборотъ. Въ одномъ письмѣ его, конца 1840 года, есть любопытное мѣсто, указывающее какъ обрадовался онъ когда ему открылось что можно въ одно и то же время признавать поэтовъ различнаго направленія и міросозерцанія. „Я рѣшилъ для себя важный вопросъ, писалъ онъ, есть поэзія художественная (высшая — Гомеръ, Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Пушкинъ, Гоголь); есть поэзія религиозная (Шиллеръ, Ж. П. Рихтеръ, Гофманъ, самъ Гёте); есть поэзія философская (*Фаустъ, Прометей*, отчасти *Манфредъ* и пр.). Между ними нельзя положить опредѣленныхъ границъ, потому что онѣ не пребываютъ одна къ другой въ неподвижномъ равнодушіи, но какъ элементъ входятъ одна въ другую, взаимно модифицируя другъ друга. Слава Богу, наконецъ всемъ *нашлось мѣсто.*“ А въ этой области, въ которой такъ поздно разрѣшился Бѣлинскому „важный вопросъ“, онъ былъ безъ сомнѣнія много сильнѣе чѣмъ въ сферѣ чисто-философскихъ и общественныхъ вопросовъ. Онъ былъ правъ, восклицая въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ: „Чортъ знаетъ, какъ подумаешь, какими зизгагами совершалось мое развитіе!“

Мы подошли такимъ образомъ къ поворотному періоду въ жизни и въ развитіи Бѣлинскаго. Первый годъ жизни въ Петербургѣ былъ помозъ для Бѣлинскаго самыхъ острыхъ впечатлѣній. Переломъ совершился рядомъ болѣзненныхъ.

толчковъ, за которыми мы теперь можемъ слѣдить почти по днямъ, благодаря обширной перелискѣ его съ Боткинымъ, собранной г. Пыливымъ. И намъ необходимо войти въ этотъ интимный матеріалъ, чтобъ уразумѣть любопытный нравственный процессъ пережитый Бѣлинскимъ.

Первое впечатлѣніе произведенное на московскаго критика Петербургомъ было далеко не благоприятное. Бѣлинскій оставлялъ за собою въ Москвѣ радости дружбы, наслажденіе раздѣленной мысли, теплаго сочувствія. Въ новой столицѣ онъ ощутилъ себя одинокимъ и чужимъ. Назвавъ въ письмѣ къ Боткину двухъ-трехъ лицъ, встрѣтившихъ его радушно, онъ продолжаетъ: „Да, и въ Питерѣ есть люди, но это все Москвичи, хотя бы они и въ глаза не видали Бѣлокаменной. Собственно Питеру принадлежитъ все половинчатое, полудѣльное, сѣренькое какъ его небо, обтершееся и гладкое, какъ его прекрасные тротуары. Въ Питерѣ только поймешь что религія есть основа всего и что безъ нея человѣкъ—ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ немъ—человѣкъ; если Питеръ полюбитъ ему—будетъ богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Самъ городъ красивъ, но основанъ на *плоскости*, и потому Москва—красавица предъ нимъ. Въ театрѣ я былъ два раза (то-есть въ Александринскомъ) и въ третій страхъ не хочется идти..... Публика—господа офицеры и чиновники.“ Въ другомъ письмѣ онъ иронизируетъ въ томъ же смыслѣ: „Питеръ—городъ знатный, Нева-рѣка преобладающая, а петербургскіе литераторы прекраснѣйшіе люди послѣ чиновниковъ и господъ-офицеровъ. Мнѣ очень, очень весело: о чемъ ни заговоришь, столько сочувствія. Однимъ словомъ: Петербургъ—молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ какъ старикъ“ (слова Бобчинскаго о Хлестаковѣ).

Предметъ ироніи очевидно уже плохо вязался съ московскими мнѣніями Бѣлинскаго о „разумной дѣйствительности“, потому что петербургскіе чиновники и гг. офицеры 40хъ годовъ были конечно какъ нельзя болѣе „дѣйствительны“ въ томъ странномъ смыслѣ какой придавалъ этому слову Бѣлинскій. Но ниже мы увидимъ несомнѣнные признаки того что нерасположеніе московскаго критика къ слоямъ петер-

бургскаго общества вытекало главнымъ образомъ изъ почувствованной имъ невозможности приобрести въ этихъ слояхъ сочувственную публику для своихъ литературныхъ статей.

Вообще, въ тотъ первый періодъ петербургской жизни Бѣлинскаго съ которымъ мы теперь имѣемъ дѣло, господствующимъ ощущеніемъ его было чувство одиночества, и тоска по прежней дружественной обстановкѣ, въ которой онъ работалъ и среди которой вкушалъ наслажденія литературнаго успѣха. Тоскливое чувство это выразилось въ цѣломъ рядѣ писемъ, изъ которыхъ видно что имъ овладѣвали попеременно то болѣзненные страданія, то мертвая апатія. „Я нахожусь— читаемъ въ одномъ изъ первыхъ писемъ его изъ Петербурга—въ какой-то апатіи, въ которой впрочемъ есть все, кромѣ участія ко всему тому что не я. Я и чувствую, и мыслю, порою даже и страдаю; но ни до тебя и ни до кого изъ васъ мнѣ дѣла нѣтъ, какъ будто вы всѣ не существуете и никогда не существовали. Или, видно, настало время расчета съ самимъ собою, или чортъ знаетъ что—но вотъ вамъ фактъ; понимайте и толкуйте его какъ хотите.“ Къ этому же времени относится то письмо изъ котораго мы привели выше выдержку и въ которомъ Бѣлинскій жалуется на заѣдающую его рефлексію, на неспособность отдаться хоть разъ глубокому и полному чувству. Ощущеніе одиночества, охватившее его въ чужомъ городѣ, растеведило потребность любви, женскаго сочувствія. „Великое благо въ сей жизни дружба— писалъ онъ въ томъ письмѣ—и особенно великое для меня, потому что оно одно которое я вполнѣ вкусилъ; но знаешь ли что? мужская грудь и холодна и жестка, а пожатіе грубой мужской руки, хотя бы и дружной, даетъ только жизнь, а не смерть, ту сладкую и блаженную смерть о которой говоритъ Гёте въ своемъ божественномъ *Прометей*. А мнѣ хотѣлось бы хоть на мгновеніе умереть отъ избытка жизни, а послѣ этого пожалуй хоть и умереть въ буквальномъ смыслѣ.“

Слѣдующая затѣмъ выдержка, отдѣленная отъ предыдущей лишь двумя недѣлями, вводитъ уже прямо во внутренній процессъ совершавшійся въ душѣ и въ мысляхъ Бѣлинскаго. Въ эту половину мѣсяца, писалъ онъ, „много во мнѣ измѣнилось, хотя и все то же осталось что и было—мучительное и безотрадное страданіе. Не хочу и перечестъ написаннаго—стыдно будетъ. Боже мой! скоро ли

настанетъ время когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой. Скоро ли мое слово будетъ мыслью, а не фразою, скоро ли ощущенія производимыя на меня объективнымъ міромъ будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами“...

Мѣсяць слустя Бѣлинскій писалъ Боткину: „Состояніе моего духа страждущее, рефлектирующее, резонерствующее. Да, я не знаю свѣтлыхъ минутъ. Въ душѣ моей сужость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч. и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность, отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней безвѣріе и отчаяніе. Не могу завидовать блаженству пошляковъ, ненавижу и презираю его всѣми силами моей дико-страстной натуры, но право часто жалѣю зачѣмъ я не рожденъ однимъ изъ этихъ господъ: по крайней мѣрѣ, зналъ бы хоть какое-нибудь довольство и удовлетвореніе.“ Далѣе мы впервые встрѣчаемся въ этомъ письмѣ съ сознаниемъ Бѣлинскаго что въ его предшествующемъ развитіи было много искусственнаго, телличнаго, и что переездъ въ Петербургъ разрушилъ заколдованный кругъ идей въ которомъ онъ до тѣхъ поръ вращался.

„Что моя абсолютность! восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ: я отдалъ бы ее, еще съ придачею послѣдняго сюртука, за полноту съ какою иной офицеръ слѣзаетъ на балъ, гдѣ много барышень и скачетъ пикардъ“. — „Горе человѣку, продолжаетъ Бѣлинскій, если онъ ограничивается быть только человѣкомъ, не присовокулая къ этому абстрактному и громкому званію званія ни купца, ни помѣщика, ни офицера, ни чиновника, ни артиста, ни учителя. Общество покараетъ его. Эту кару я уже чувствую на себѣ.“

Слѣды непосредственнаго петербургскаго вліянія, какъ кажется, ясно сказываются въ этихъ отрокахъ. Замкнутая жизнь въ Москвѣ заслоняла отъ него общественный организмъ, и у него не возникалъ вопросъ какое мѣсто занималъ онъ самъ въ этомъ организмѣ. Въ Петербургѣ громадное и явно господствующее наслоеніе чиновниковъ и офицеровъ расшевелило въ немъ безпокойный вопросъ: какое же мѣсто занимаетъ онъ самъ въ этой дѣйствительности, которой онъ покаивался почти съ комическимъ увлеченіемъ? И вотъ слѣдуетъ новый рядъ писемъ, въ которыхъ

онъ изливается въ безконечныхъ жалобахъ на петербургскую жизнь, на общество, на свое собственное неумѣніе приоровиться къ нему. „Питеръ мнѣ ненавистенъ, читаемъ мы въ письмѣ отъ 20го февраля 1840 года, и жить мнѣ въ немъ тяжело и мучительно. Впрочемъ, и кромѣ него много причинъ для моихъ страданій. Недостатокъ воли, лѣнь, безпорядочный образъ жизни, разныя огорченія и внутреннія и вѣшнія,—все это дѣлаетъ мнѣ жизнь не ошпкомъ-то веселою. Люди въ Питерѣ не тѣ что въ Москвѣ, образованность лаковая, вѣшная, а внутренняго одао: корысть, мелкодушіе и невѣжество. Впрочемъ, вездѣ не безъ добрыхъ людей, и въ Питерѣ есть хорошіе люди, которыхъ я называю московскими колонистами, хотя иныя изъ нихъ и въ глаза не видала Москвы.“ Два мѣсяца спустя, душевныя страданія еще продолжались: „Не повѣривъ, вновь писалъ Бѣлинскій къ Боткину, что за алатія, что за лѣнь овладѣли мною—истинное замерзаніе души и тѣла. Да, и тѣла, ибо и оно ничего не проситъ, и если исправно ѣсть, то больше для порядка чѣмъ для удовольствія. А душа совсѣмъ расклеилась и похожа на разбитую скрипку—одна щепка; собери и склей—скрипка олять заиграетъ, и можетъ-быть еще лучше, но пока—одна щепка. Большею частію лежу на кровати и думаю объ *испанскихъ дѣлахъ*. Только фантазія и жива, но это къ моему горю, ибо фантазія первый мой врагъ.“

Какъ однако отражалось это мучительное состояніе духа на литературной дѣятельности Бѣлинскаго? Сомнѣніе въ „дѣйствительности“ выразилось ли въ литературныхъ статьяхъ его относящихся къ этому времени? Нисколько. Напротивъ, никогда въ своемъ *печатномъ* поклоненіи дѣйствительности не доходилъ Бѣлинскій до такой рѣзкости, какъ въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Петербургъ. Достаточно припомнить что къ этому періоду относятся его статьи: *Бородинская Годовщина* и о *Метцель*. Наканунъ отреченія отъ примирительной теоріи, Бѣлинскій какъ бы хотѣлъ довести ее до ея самаго крайняго выраженія. Онъ соглашался съ Боткинымъ что статья *Бородинская Годовщина* не удалась, но еще не отступалъ отъ выраженныхъ въ ней мыслей. „Хотѣлось мнѣ въ ней, писалъ онъ Боткину нѣсколько недѣль спустя послѣ появленія статьи, главное, намекнуть пояснѣе на субстанціальное значеніе идеи общества, но какъ я писалъ къ сроку и къ слѣху, сочиняя и пиша въ одво и то же время,

и какъ хотѣлось сказать непрѣменно и о томъ и о другомъ, то и не вытанцовалось. Теперь я *ты же писанку* да не такъ бы слѣлъ. Что она тебѣ не понравилась—это такъ и должно быть: ты понимаешь дѣло и смотришь на него не снизу въ верхъ; но досадно что и людъ-то Божій ею недоволенъ.“

Эта жалоба на „людъ Божій“, остававшіяся недовольнымъ первыми статьями Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ*, повторяется затѣмъ въ цѣломъ рядѣ писемъ. Литературный неуспѣхъ составлялъ очевидно главное событіе, около котораго вращались всѣ мысли и ощущенія Бѣлинскаго. „Кого она поддерживаетъ, кого любитъ?“ спрашиваетъ онъ Боткина о публикѣ, и отвѣчаетъ: „Или людей по плечу себѣ, или плутовъ и мошенниковъ, которые ее надуваютъ.“ Затѣмъ онъ вдается въ подробности, винить публику за ея страсть ко всему запрещенному цензурой, приводитъ слова Пушкина что „съ прекращеніемъ его запрещенныхъ стиховъ прекратилась и его слава“. Онъ указываетъ что такъ-называемые либералы „не умѣютъ быть подданными, они холопы: за угломъ любятъ побранить правительство, а въ лицо подличаютъ не по нуждѣ, а по собственной охотѣ“. Къ сожалѣнію, г. Пыпинъ и приводитъ цѣликомъ этого любопытнаго письма и только глухо упоминаетъ что въ разсужденіяхъ Бѣлинскаго „еще отзывается раздражительность *Бородинской Годовщины* и вражда къ либерализму“.

Въ прочихъ письмахъ той эпохи отражается то же крайнее раздраженіе противъ публики, хотя обвиненія Бѣлинскаго направляются уже въ другую сторону „Чѣмъ взялъ Сенковскій? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: основною мысли своей дѣятельности что учиться не надо, и что на все міръ надо смотрѣть шутя. Русскій человекъ любитъ жить шаромыгу... Потомъ, кого любитъ наша публика? Греча, Булрина—да, они, особенно первый, въ Питерѣ даже при жизни Пушкина были важнѣе его и доселѣ сохраняютъ свой авторитетъ. О публичныхъ лекціяхъ Греча и теперь говорятъ какъ о чудѣ, съ восторгомъ и благоговѣніемъ.“ Въ другомъ письмѣ, Бѣлинскій возвращается къ тому же предмету: „Живя въ Москвѣ, я даже стыдился много и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковского. Лекціи свои онъ началъ чита

хотѣю уронить *Отечественныя Записки*: онъ говоритъ это публично. Вотъ тебѣ и дѣйствительность!”

Такимъ образомъ, отъ личнаго литературнаго неуспѣха своего и отъ чувства отчужденности какое онъ испытывалъ первое время въ Петербургѣ, Бѣлинскій переходитъ къ отрицанію русской публки, а затѣмъ и русской *дѣйствительности*. Оба эти понятія сначала какъ-то смѣшиваются въ его представленіи, потому что въ немъ прежде всего говорятъ литераторъ; но понятно что съ теченіемъ времени отрицательное отношеніе къ публкѣ весьма легко могло перейти въ раздраженіе противъ порядковъ русской жизни вообще и сдѣлаться господствующею нотой его журнальныхъ статей. Это было въ натурѣ Бѣлинскаго, чрезмѣрно наклонной, какъ мы знаемъ, обобщать каждое явленіе и доводить каждую идею до ея послѣднихъ крайностей. Въ томъ же самомъ письмѣ изъ котораго мы только-что привели выдержку, Бѣлинскій уже обнаруживаетъ готовность повернуть отъ своихъ московскихъ теорій. Онъ вспоминаетъ Грановскаго, произведшаго на него сначала невыгодное впечатлѣніе своимъ равнодушіемъ къ художественной литературѣ, и говоритъ что теперь онъ лучше бы сошелся съ нимъ. Онъ припоминаетъ московскіе слоры съ лицами Герценовскаго кружка и призываетъ справедливость нѣкоторыхъ ихъ мнѣній. „*Идея общества*, пишетъ онъ, обхватила меня крѣпче, и пока въ душѣ останется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо, я дѣйствую. Мочи нѣтъ! Куда ни взглянешь — душа возмущается, чувства оскорбляются. Чтò мнѣ за дѣло до кружка? Во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ уже нашъ кружокъ и рассыпался, и еще больше рассыплется, а куда преклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человечность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и дѣла! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схему, мы должны страдать чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ, и въ гробъ вѣло положить подъ голову книжку *Отечественныхъ Записокъ*. Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ русской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть чтобы русская публика лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліанію финскихъ болотъ и гнусной ласкости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь влопѣть успѣть въ этомъ.“

Хотя, такимъ образомъ, раздраженіе Бѣлинскаго уже явно обрушивается на ту самую *дѣйствительность* которой нѣсколько недѣль предъ тѣмъ онъ такъ горячо поклонялся, но приведенныя строки сохраняютъ еще явные сады первоначальной и главной причины раздраженія. Незрелость публики, среди которой одни гнались лишь „за запрещеннымъ цензурой“; другіе восхищались Гречемъ и Булгаринымъ; неуспѣхъ статьи *Бородинская Годовщина*; разстройство дружескаго Московскаго кружка и немощныя куды приклонить голову: вотъ что несомнѣнно оквозить въ вышеприведенныхъ строкахъ. Публика, такъ сильно оскорблявшая литературное самолюбіе Бѣлинскаго, конечно составляла часть „рассейской дѣйствительности“; онъ это чувствуетъ и возмущается; отсюда, при помощи рефлексіи, конечно не трудно перейти и къ боляе общему и широкому отрицанію. Чисто-авторское происхожденіе этого отрицанія выражается и въ другихъ письмахъ Бѣлинскаго, которыхъ много приведено у г. Пылина. Укажемъ напримѣръ хотя на слѣдующія строки: „Россійская дѣйствительность ужасно гнететъ меня. Я теперь понимаю раздражительность Гофмана при сужденіи глауцовъ объ искусствѣ, его готовность язвить ихъ сарказмами...“ — „Я больше горжусь, больше счастливъ какою-нибудь удачною выходкою противъ Булгарина, Греча и подобныхъ... нежели дѣльною критическою статьею...“

Рефлексія, получивъ толчокъ, продолжала между тѣмъ дѣйствовать. Въ іюнѣ Бѣлинскій уже говоритъ о своей враждѣ къ *москводушійю*, подъ которымъ подразумѣвалъ идеи и возрѣнія своихъ московскихъ друзей. Онъ находитъ что въ правѣ ненавидѣть и презирать дѣйствительность, которая также въ правѣ ненавидѣть и презирать его. Онъ всломиваетъ что единственнымъ прибѣжищемъ до сихъ поръ былъ для него Московскій кружокъ, этотъ необитаемый островъ какъ онъ его называетъ; но ссоры друзей доказали что эти прибѣжище не надежно. „Въ Петербургѣ, продолжаетъ онъ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ, и Богъ извѣстно какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушійю*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убивало это зрѣнше общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецовъ и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое

тое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ. Отчего же Европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?”

Чѣмъ далѣе дѣйствовала рефлексія, тѣмъ рѣзче обозначался поворотъ въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго. Ненависть къ дѣйствительности переходила въ разочарованіе, въ отчаяніе. Осенью 1840 года Бѣлинскій писалъ къ Боткину: „Я вообще съ тобою въ одномъ страшно и дико разошелся: читаю и не вѣрю глазамъ своимъ, когда ты говоришь о жизни и счастіи, съ уваженіемъ и не шутя, съ какою-то вѣрою. Я не сойдуся, не помирюсь съ пошлою дѣйствительностью, но счастія жду отъ однихъ фантазій и только въ нихъ бываю счастливъ. Дѣйствительность — палацъ.“ Въ другомъ письмѣ отъ того же мѣсяца читаемъ: „Я не умѣю тебѣ этого хорошо растолковать, но я хорошо это знаю по себѣ: нѣтъ въ мѣстѣ гнуснѣ Питера, нѣтъ поганнѣ литерской дѣйствительности, но я съ нея не потерялъ, а пріобрѣлъ; я глубже чувствую, больше понимаю, во мнѣ стало больше внутренняго и духовнаго. Еслибы не журналъ, я бы съ ума сошелъ. Еслибы гнусная дѣйствительность не высасывала изъ меня капля по каплѣ крови, я бы помѣшался. Оторваться отъ общества и затвориться въ себѣ — плохое убѣжище“. Но еще болѣе рѣшительное и рѣзкое выраженіе новаго настроенія Бѣлинскаго находимъ мы въ письмѣ его къ Боткину отъ 4го октября. Въ этомъ письмѣ онъ пламенно отрекается отъ всего предшествующаго періода своего развитія, который приписываетъ умственной помѣшательству. „Проклинаю, лишетъ онъ, мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, чтѣ со мною было — горячка или помѣшательство ума — я словно выздоравливающій.“

Такими скорыми шагами подошелъ Бѣлинскій къ извѣстному перелому въ образѣ мыслей и вступилъ въ тотъ послѣдній періодъ дѣятельности, который упрочилъ за нимъ

поклоненіе петербургской журналистики и всего того что в нашемъ обществѣ было предрасположено литаться отрица- тельными идеями и протестомъ противъ „рассейской дѣйстви- тельности“. Мы старались выслѣдить этотъ внутренній про- цессъ по собственнымъ признаніямъ и изліаніямъ Бѣлинска- го, устраняясь до поры до времени отъ всякой его оцѣнки, такъ какъ оцѣнка заключается въ самой исторіи отреченія и перерожденія критика. Теперь, когда всѣ подробности это- го процесса извѣстны читателю, мы можемъ сказать что во всей этой исторіи было очень много увлеченія, но чрезъвычайно мало чего-либо серіознаго. Не останавливаясь даже на внѣшнемъ побудительномъ толчкѣ, исходившемъ несо- мнѣнно изъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, изъ горько почувствованной литературной неудачи, нельзя не видѣть какъ мало во всемъ этомъ переворотѣ принимала участіе зрѣлая и опытная мысль. Переворотъ очевидно совершился лишь рядомъ ощущеній. Сначала чувство одиночества въ чужомъ городѣ, потомъ чувство раздраженія противъ слабо раз- витаго общества, равнодушно встрѣтившаго его горячіе до- сирамбы дѣйствительности, вмѣстѣ съ сознаніемъ что писате- лю въ этомъ обществѣ отведено очень скромное мѣсто,—вотъ три главныя ступени черезъ которыя прошло отрицаніе Бѣ- линскаго, сохранившее до самаго конца какой-то чисто лит- ратурный, писательскій характеръ. Иначе впрочемъ и быть не могло, при совершенномъ невѣдѣніи его въ вопросахъ по- литическаго характера. Ни условія и историческія потребно- сти русскаго государства, ни степень гражданской зрѣлост- русскаго общества не входили въ его соображенія. Перескочивъ однимъ прыжкомъ отъ пламеннаго „примиренія“ къ столь же пламенному „отрицанію“, онъ ни однимъ намъ комъ не показываетъ чтобы такой прыжокъ былъ слѣдствіемъ новаго, внезапно выяснившагося ему политическаго идеала. Его горячія наладки на „дѣйствительность“ вращаю- ся лишь около того что русское общество мало подготов- лено къ чтенію дѣльныхъ критическихъ статей, что въ этомъ обществѣ преобладаютъ „чиновники и господа офицеры“, ко- торые восхищаются лекціями Греча и фельетонами Бул- рина, и что такому литератору какъ Бѣлинскій въ этомъ о- ществѣ „негдѣ приклонить голову“. Несмотря на совершен- ную дружескую откровенность, въ письмахъ Бѣлинскаго такъ пламенно бранившихъ русскую дѣйствительность, нѣ-

однако ни одного указанія которое обличало бы серьезную люлитическую мысль. „Отрицаніе“ было такимъ же увлеченіемъ, какъ и „примиреніе“; въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствовала *натура* Бѣлинскаго и сказалась его недостаточная умственная зрѣлость.

Понятно что съ выходомъ на луть „отрицанія“ не прекратились душевныя страданія, жертвою которыхъ сталъ онъ съ той самой поры какъ вышелъ изъ-подъ нравственнаго авторитета Московскаго кружка. Въ „примирительныя“ идеи и въ культъ „разумной дѣйствительности“ было уже положено имъ столько пыла и страсти что разорвать съ этимъ прошлымъ нельзя было безъ болѣзненнаго потрясенія. Приходилось отречься отъ того чтѣ еще недавно, лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, провозглашалъ онъ, по собственному признанію, съ дикимъ фанатизмомъ; надо было мотивировать это отреченіе, а мотивовъ, какъ мы видѣли, другихъ не представлялось кромѣ ряда испытанныхъ ощущеній. Сначала у Бѣлинскаго какъ бы замѣчается попытка примирить обѣ крайности, старое и новое, покаяненіе и отрицаніе. „Конечно, писалъ онъ къ Боткину, идея которую я силался развить въ статьѣ по случаю книги Гайки *О Бородинской Годовщинѣ* вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія человечества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото, а если этого нельзя было писать, то долгъ чести требовалъ чтобъ ужъ и ничего не писать“. Но мы знаемъ что дѣлиться между двумя точками зрѣнія, искать истины между двумя крайностями, было не въ натурѣ Бѣлинскаго; каждая идея, каждое впечатлѣніе до тѣхъ поръ не оставляли его въ покоѣ, пока не поработали безусловно. И дѣйствительно, уже въ томъ же самомъ письмѣ мы читаемъ слѣдующее: „Чортъ возьми, я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностью я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія. Въ прошедшемъ меня мучатъ двѣ мысли: первая, что мнѣ представлялись случаи къ наслажденію и я упустилъ ихъ вслѣдствіе пошлой идеальности и робости своего характера; вторая, мое гнусное примиреніе съ гнусною дѣйствительностью. Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я лечатно, со всею

искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія! Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менделѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности—его родины.... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтому рижованныхъ памфлетовъ! Послѣ этого всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о *Горѣ отъ ума*, которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь что это — благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, барь-развратниковъ, противъ.... свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства, и пр.“ „Чортъ знаетъ заключаетъ Бѣлинскій, какъ подумаешь, какими зигзагами совершилось мое развитіе, цѣною какихъ ужасныхъ заблужденій купилъ я истину, и какую ужасную истину—что все не свѣтъ гнусно, а особенно вокругъ насъ....“ Здѣсь кстати будетъ припомнить что въ послѣдствіи Бѣлинскій не могъ равнодушно видѣть своихъ статей написанныхъ около того времени, и при одномъ намекѣ на нихъ задыхался и измѣнялся въ лицѣ.

Подводя итогъ этому наиболее любознательному вводу въ жизнь Бѣлинскаго, г. Пылинъ настаиваетъ на томъ что переходъ московскаго критика отъ примирительныхъ идей къ отрицательнымъ былъ его самостоятельнымъ дѣломъ, и что несправедливо было бы приписывать его непосредственному вліянію Герценовскаго кружка. Г. Пылинъ указываетъ что первая встрѣча съ людьми этого кружка еще въ Москвѣ не сколько не подѣйствовала на Бѣлинскаго, а напротивъ только усилила его взгляды, такъ что самыя рѣзкія статьи его въ крайне консервативномъ духѣ написаны именно подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи. Біографъ полагаетъ что главнымъ источникомъ новаго направленія Бѣлинскаго была сама жизнь, сама „россійская дѣйствительность“, открывшая ему въ Петербургѣ; что вліяніе Герцена наступило уже тогда когда въ самомъ Бѣлинскомъ совершилась уже перемѣна. Но Герценъ въ Москвѣ не могъ имѣть никакого вліянія на Бѣлинскаго, который принадлежалъ тогда къ Станкевичевскому кружку. Въ Петербургѣ онъ волею

и клятыся, но оставался на той же почвѣ. Идеи въ которыхъ заключалась его умственная жизнь, безъ поддержки и развитія которыя онѣ находили въ Московскомъ кружкѣ, слабыя, увядали или извращались, и онѣ изнывали, оставаясь безъ опоры, безъ возбужденія, безъ руководства. Авторитетъ Герцена явился какъ разъ въ ту минуту когда въ немъ настала надобность. Новая встрѣча съ Герценомъ произошла года чрезъ три по прїѣздѣ Бѣлинскаго въ Петербургъ, и послѣдній былъ уже внутренно подготовленъ къ этой встрѣчѣ. Они сошлись у одного общаго знакомаго, вѣроятно уже имѣвшаго въ мысли сблизить ихъ. „Встрѣча была холодна и натяжута, рассказываетъ г. Пылинъ,—разговоръ долго не вязался, но не могъ наконецъ не упасть на предметы которые заставили высказаться обоимъ.“ Примиреніе совершилось очень скоро и легко, и Бѣлинскій, рассказывая о томъ Панаеву, говорилъ что у него гора съ плечъ свалилась.

Съ этого времени Бѣлинскій сталъ къ Герцену въ такія же отношенія въ какихъ прежде стоялъ къ Станкевичу. Въ сблизеніи съ Герценомъ Бѣлинскій пріобрѣталъ руководителя и авторитетнаго друга, одобреніе котораго составляло то что онъ называлъ литературнымъ успѣхомъ; такимъ образомъ удовлетворялись разомъ двѣ главныя потребности его натуры,—а мы видѣли какимъ терзаніямъ подвергался Бѣлинскій когда эти потребности оставались безъ литація.

Впрочемъ не одинъ Герценъ становился на стражѣ направленія которому отнынѣ служилъ Бѣлинскій. Обстоятельства складывались такимъ образомъ что сама жизнь такъ или иначе заявляла требованія литавшія новое настроеніе. Условія нашей „дѣйствительности“ сороковыхъ годовъ представляли развѣтвленія серьезнаго зла, и это зло было сознано наиболѣе мыслящими людьми времени. Не отрицать многого въ тогдашнихъ порядкахъ, не желать лучшаго было невозможно; зло представлялось нерѣдко въ самыхъ волюнтарныхъ формахъ. Съ каждымъ годомъ отрицательное отношеніе къ нашимъ внутреннимъ порядкомъ росло и служило элементомъ объединенія для мыслящихъ людей. Отрицаніе, впрочемъ въ формѣ довольно неопредѣленной и общей, было во всякомъ случаѣ главнымъ явленіемъ въ нашей внутренней жизни выработаннымъ Петербургомъ въ сороковыхъ годахъ. Въ Москвѣ въ это время возникло славянофильство. Еслибы

Бѣлинскій продолжалъ жить въ Москвѣ, весьма вѣроятно что онъ сдѣлался бы рьянымъ славянофиломъ; въ Петербургѣ же ему пришлось сдѣлаться однимъ изъ выразителей ожесточенной вражды съ какою западническій кружокъ отнесся къ славянофиламъ. Это опять было какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей, потому что Бѣлинскій никогда не отличался теоретическою самостоятельностью, но становился подъ знамя того движенія которое въ данную минуту господствовало вокругъ него и надъ нимъ.

На этомъ мы покаместъ останавливаемся въ нашемъ обзорѣ новаго біографическаго матеріала собраннаго г. Пылинымъ. Для большаго единства настоящаго очерка мы ограничились обзорнымъ и анализомъ лишь той части переписки Бѣлинскаго которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ процессу его внутренняго развитія и къ перелому въ его образѣ мыслей, совлашшему съ переездомъ изъ Москвы въ Петербургъ. Но переписка его заключаетъ въ себѣ еще множество любопытныхъ объясненій къ исторіи его чисто-литературныхъ мнѣній и его сношеній съ Полевымъ, Колюцовымъ, Лермонтовымъ и др. Къ этому матеріалу мы еще возвратимся позднѣе, такъ же какъ и къ дальнѣйшимъ статьямъ г. Пылина о петербургскомъ періодѣ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго.

А.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вышло и поступило въ продажу сочиненіе:

**ФОРМЫ ВОДЫ
ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ,
ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.**

ДЖОНА ТИНДАЛА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Съ политушажами въ текстѣ.

Цѣна 1 руб.

Переводъ *Русскаго Вѣстника*, съ исправленіями.

**Складъ въ Университетской типографіи, на
Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ.**

ПОЛНЫЙ КУРСЪ

НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора Н. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 политипажамъ въ текстѣ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

Поступили въ продажу слѣдующія книги

изданія учрежденной по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнiю г. вивистромъ народнаго просвѣщенiя

ПОСТОЯННОЙ КОММИССИИ

ПО УСТРОЙСТВУ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНIЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ:

СЛАВА НА ЗЕМЛѢ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА. Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

ЧЕМУ УЧИЛЪ ЛЮДЕЙ ГОСПОДЬ НАШЪ ИСУСЪ ХРИСТОСЪ. Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5ю раскрашенными картин. Ц. 10 к.

УНИЧИЖЕНIЕ НА ЗЕМЛѢ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА. Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5ю раскр. картин. Ц. 10 к.

ЖИЗНЬ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. Праздники въ честь Ея: Рождество Богородицы, Введенiе во храмъ, Благовѣщенiе, Успенiе, Покровъ Ея и праздники въ честь Ея иконъ: Владимiрской, Смоленской, Знаменiя (Новгородской), Тихвинской, Казанской и Всѣхъ Скорбящихъ Радость. Свящ. М. И. Соколова. Съ 7ю раскр. карт. Ц. 15 к.

ЖИЗНЬ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА (въ связи съ церковными событiями его времени). Свящ. М. И. Соколова. Съ 10ю раскр. картин. Ц. 15 к.

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ И РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ. С. М. Съ 10ю раскраш. карт. Ц. 10 к.

О БОГОСЛУЖЕНIИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: Всенощное бдѣнiе и божественная литургiя: проскомидiя, литургiя оглашенныхъ и вѣрныхъ. Свящ. М. И. Соколова. Съ 8хъ раскраш. карт. Ц. 20 к.

ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТИАНСТВА и распространенiе его на Руси. Свящ. С. И. Опатовича. Съ 15ю раскрашенными картин. Ц. 25 к.

СВЯТЫЯ МѢСТА ЗЕМЛИ РУССКОЙ:

1. Соловецкiй монастырь. С. Максимова. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

2. Троицко-Сергіевская Лавра. С. М. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

3. Святые Кіева. Свящ. С. И. Олатовича. Съ 8ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. С. Е. Рождественскаго. Съ 8ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ТВЕРСКОЙ И ТАТАРСКИЙ ПОГРОМЪ. В. О. Михневича. Съ 6ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ

1. Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ. В. О. Михневича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

2. Самозванщина. В. О. Михневича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

3. Воцареніе Романовыхъ. В. О. Михневича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

О ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ: I. Молодость Петра Великаго— какъ и чему онъ учился. II. Какъ онъ добылъ море и создалъ русскій флотъ. С. Рождественскаго. Съ 12ю раскрашенными картинами. Ц. 20 к.

ЧЕМУ УЧИЛЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ НАРОДЪ СВОЙ. С. М. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

ПОДВИГЪ НОВГОРОДСКАГО КУЩА ИГОЛКИНА. В. О. Михневича. Съ 4 раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

О ТОМЪ, КАКЪ ЕКАТЕРИНА II, ВЕЛИКАЯ, ПРАВИЛА ЗЕМЛЕЙ РУССКОЙ. С. М. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

А. В. СУВОРОВЪ. С. Е. Рождественскаго. Съ 8ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

АЛЕКСАНДРЪ I, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 20 к.

Отечественная война (1812 г.): **БОРОДИНО.** В. О. Михневича. Съ 8ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

Отечественная война (1812 г.): **БѢГСТВО ФРАНЦУЗОВЪ.** В. О. Михневича. Съ 7ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

Новыя славныя доблести русскаго воинства: **ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ И ЕЯ ПОКОРЕНІЕ.** Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 20 к.

РАЗКАЗЫ О СЕВАСТОПОЛЬЦАХЪ. А. Н. Сулонова. Съ 10ю раскрашенными картинами. Ц. 20 к.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ. А. Г. Филонова. Съ 4 раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ И ЕГО БАСНИ. А. Г. Филонова. Съ 10 раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

А. В. КОЛЬЦОВЪ И ЕГО ПЬСНИ. М. Парунова. Съ 4 раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

КАКЪ ЪДА ПИТАЕТЪ НАШЕ ТЬЛО. Алфьева. Съ 2 раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

КАКЪ РАЗВОДЕТЬ ЛЕНЪ И КАКЪ УВЕЛИЧИТЬ СБОРЫ СЪ РАЗНЫХЪ ПОСЬВОВЪ. Н. П. Казанскаго. Съ 4 раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

ЧАЙ: ОТКУДА ОНЪ ИДЕТЬ КЪ НАМЪ И ЧѢМЪ ПОЛЕЗЕНЪ. Е. Рейбота. Съ 6ю раскрашенными картинами. Ц. 15 к.

КНИГИ изданія Коммиссiи народныхъ чтенiй одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендованы г. управляющимъ Морскимъ Министерствомъ для судовыхъ матросскихъ библиотекъ, и Военно-Ученымъ Комитетомъ всемъ войскамъ,

ПРОДАЮТСЯ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ при канцелярiи с.-петербургскаго градоначальника лѣ Большой Морской 1. № 40. Покупающимъ 100 и болѣе экземпляровъ каждаго званiя дѣлается уступка 20% съ рубля:

Иногородные покупатели прилагаютъ на пересылку, считая отъ 1 до 5 экз., за одинъ фунтъ и отъ 5 до 10 за два фунта и т. д.

Склады изданiй Коммиссiи открыты

Въ **МОСКВѢ**, въ книжныхъ магазинахъ: „Общества распространенiя полезныхъ книгъ“, братьевъ Салаевыхъ, А. И. Манухина и др.

Въ **КИЕВѢ**, при редакци *Кiевского Народнаго Календаря*:

Въ **САРАТОВѢ**, при складѣ „Общества распространенiя полезныхъ книгъ“.

Въ **ХАРЬКОВѢ**, при книжномъ складѣ „Общества грамотности“.

Въ **КАЗАНИ**, у книгопродавца А. А. Дубровина.

Сего 1го января 1875 года вышла и разслана подлищикамъ
1я январьская книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Карлъ-Леопольдъ дѣдъ императора
Иоанна Антоновича: женитьба на племянницѣ Петра Великаго
Екатерины Іоанновны; пребываніе Петра I въ Германіи и пр.
1720—24 гг.—II. Залиски Донскаго атамана Адриана Карло-
вича Денисова: Походы и битвы Донскихъ казаковъ въ армию
Суворова въ Италіи; переходъ черезъ Альпы въ 1799 г. и пр.—
III. Калиостро, его жизнь и пребываніе въ Россіи, историче-
скій очеркъ.—IV. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ
1822—26 годахъ: дѣятельность его въ военныхъ послеленіяхъ;
жизнь въ Грузинѣ;—обѣды, Высочайшіе смотры, раздача на-
градъ, взысканія и казни, похождения мнимаго сына Арак-
чеева, Шумскаго и пр.—V. Последняя польская смута, раз-
казы очевидца: Намѣстничество генерала А. Н. Лидерса,
1861—62 год. — VI. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ
подъ управленіемъ Бецкаго, изслѣдованіе А. П. Пятковска-
го.—VII. Поѣздка императора Николая Павловича, инкогнито
въ Стокгольмъ, въ 1838 году, воспоминанія В. И. Фельк-
нера.—VIII. Оборона Севастополя: кн. А. С. Меншиковъ въ
1853—54 годахъ.—IX. Сорокалѣтіе артистической дѣятельно-
сти Василія Васильевича Самойлова 1835 — 75 год. — X.
Воспоминаніе В. В. Самойлова: вступленіе на сцену въ 1834
году и первые годы его артистической дѣятельности. — XI.
Замѣтки къ разказамъ о Польской смутѣ 1861—62 годовъ.—
XII. Моды въ Россіи въ 1791 году. — XIII. Петербургская
Старина: новости, объявленія, распоряженія правительства и
рѣшенія императора Павла на всеподданнѣйшія прошенія
въ 1798 году.—XIV. О новомъ изданіи перваго года *Русской
Старины* 1870 года (12 книгъ, томы 1 и 2й, съ приложеніемъ
1 тома *Записокъ* Болотова).—XV. Библиографическій листокъ
новыхъ книгъ.

Къ этой, январьской, книгѣ приложены: I. Представители
державной власти въ Россіи съ Петра Великаго, рисунокъ
профессора А. Шарлеманя, гравироваль академикъ Л. Стряковъ.
2. Портретъ гр. Аракчеева, гравированъ въ Лейпцигѣ у Брок-
гауза. 3. Гербъ гр. Аракчеева. 4. Рисунокъ: моды въ Россіи
въ 1791 году, гравироваль академикъ Л. А. Стряковъ.

Русская Старина изд. 1870, 1871 и 1873 годовъ разошлась стою по подпискѣ.

Русская Старина 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 82 экзempl.)

Цѣна *Русской Старины* 1874 года за 12 книгъ, со всѣми приложеніями, портретами, рисунками и снимками замѣчательныхъ людей, — ВОСЕМЬ рублей, съ доставкой и пересылкой. (Осталось 35 экз.)

Принимается подписка на *Русскую Старину* изд. 1875 г. Журналъ этотъ издается въ 1875 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ первыя пять лѣтъ (1870—74 гг.), то-есть 12 книгъ, съ портретами и рисунками.

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Русской Старины*—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію *Русской Старины* въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ домѣ Трута, кв. № 12.

Принимается подписка на *Русскую Старину* 1875 года.

может не заставить говорить о себѣ весь Парижъ, еслибы; даже она и не написала самую эффектную книгу сезона.

— *Mademoiselle* Чигонья принимаетъ по четвергамъ — въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго; у нея нѣтъ другой *chaperon* кромѣ италіанской дамы о которой вы упомянули, это оттого что *Mademoiselle* Чигонья сирота и имѣетъ собственное состояніе; я не понимаю почему бы ей не жить также независимо какъ многія незамужнія женщины при такихъ же условіяхъ жить въ Лондонѣ. Полагаю, она принимаетъ преимущественно людей изъ литературнаго міра, и если всѣ они также достойны уваженія какъ Саварены, то я не думаю чтобы сама злоба могла видѣть что-нибудь дурное въ ея обществѣ.

— А! Вы значить знаете Чигонью. Я не желалъ сказать ничего такого что могло бы оскорбить ея лучшихъ друзей; жаль только что она не замужемъ, бѣдная дѣвушка!

— *Mademoiselle* Чигонья, съ ея образованіемъ, красотою и происхожденіемъ (Чигоньи считаются въ числѣ древнѣйшихъ ломбардскихъ фамилій), вѣроятно не имѣетъ недостатка въ предложеніяхъ.

— Предложенія замужества, гм, да, конечно, отъ писателей и артистовъ. Вы лучше моего знаете Парижъ, но я не думаю чтобы тамошніе писатели и артисты могли быть лучшими мужьями; и я почти не знаю во Франціи случая женитьбы писателя на писательницѣ который не оканчивался бы смертельною враждою, вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія. Можетъ-быть мушны слишкомъ восхищаются собственнымъ гениемъ чтобы отдавать должное гению своей жены.

— Но выборъ *Mademoiselle* Чигоньи не долженъ непременно ограничиваться писателями; безъ сомнѣнія, ею восхищаются многіе и ловыше этого вздорнаго класса.

— Конечно, безчисленное множество обожателей. Ангерранъ де-Вандемаръ — вы знакомы съ этимъ перломъ дандизма?

— Очень; онъ тоже ея обожатель?

— *Cela va sans dire*; онъ говорить что хоть она и не самая красивая изъ парижскихъ женщинъ, но всѣ другія женщины кажутся ему не такъ красивы съ тѣхъ поръ какъ онъ увидалъ ее. Но разумеется, французскіе сердцеѣды въ родѣ Ангеррана, когда дѣло идетъ о женитьбѣ, предоставляютъ своимъ родителямъ выбирать для себя жену и позаботиться объ условіяхъ контракта. Кстати о сердцеѣдахъ, въ числѣ другихъ я встрѣтилъ у *Mademoiselle* Чигоньи *ci-devant* Ловеласа

котораго помню двадцать три года тому назадъ какъ балови женщймъ и ужасъ мужей, Виктора де-Молеона.

— Викторъ де-Молеонъ у *Mademoiselle* Чигоньи! Какъ развѣ этотъ человекъ опять принять въ обществѣ?

— А! вы вспоминаете ту скверную исторію съ бриллиантъ ми; да, онъ оправдался въ ней; всѣ его знатные родственники Вандемары, Бовилье, Рошбріаны и другіе, подали ему руку когда онъ снова появился въ Парижѣ въ прошломъ годъ и хотъ многіе какъ кажется избѣгаютъ его, но почитатели его еще многочисленнѣе; и если его избѣгаютъ, то кажется скорѣе по причинамъ политическимъ. Имперіалистскія партія разумѣется ненавидитъ и проклинаетъ его. Вы знаете что онъ авторъ тѣхъ рѣзкихъ статей за подписью „Пьеръ Ферменъ“ въ *Sens Commun*; и я слышалъ что этотъ умный журналъ, ставшій теперь силой, принадлежитъ ему.

— Это журналъ въ которомъ впервые появился романъ *Mademoiselle* Чигоньи. Такъ Викторъ де-Молеонъ ея собесѣдникъ, ея совѣтникъ и другъ — *ah!*

— Нѣтъ, я не говорю этого; напротивъ, онъ былъ только-что представлень ей въ тотъ вечеръ когда я былъ у нея. Я видѣлъ какъ этотъ молодой шелко-кудрый дуракъ, Густавъ Рамо, представлялъ его. Вы можетъ-быть не знаете Рамо редактора *Sens Commun*; пишетъ поэмы и критику. Говорятъ онъ красивый республиканецъ, но де-Молеонъ не даетъ простора ярости политикѣ въ своемъ циническомъ журналѣ. Я слышалъ отъ кого-то что Чигонья сильно влюблена въ Рамо: конечно у него красивое лицо, можетъ-быть это и была причиною почему она такъ рѣзко отвѣтила русскому князю X — —.

— Какъ рѣзко! Развѣ князь дѣлалъ ей предложеніе?

— Предложеніе! Вы забываете что онъ женатъ. Развѣ вы не знаете княгиню? Но вѣдь есть и другія предложенія, кромѣ женитбы, которыя русскій князь можетъ дѣлать кромѣ писательницѣ воспитанной для сцены.

— Бевиль! воскликнулъ Грагамъ, яростно сжавъ его руку какъ вы смѣете!

— Любезный юноша, сказалъ Бевиль чрезвычайно удивленный, — я право не зналъ что вы такъ сильно интересуетесь этою дѣвушкой. Если я огорчилъ васъ передавая простое *dit* слышанное въ Жокей-Клубѣ, то прошу у васъ тысячу извеній. Я могу сказать что въ этомъ нѣтъ ни слова правды.

— Ни слова правды, вы можете быть въ томъ увѣрены если это *on dit* оскорбительно для *Mademoiselle* Чигоньи. Правда, я принимаю въ ней большой интересъ; всякій человекъ, всякій джентльменъ, принималъ бы такой же интересъ въ такой блестящей и такой одиокой дѣвушкѣ. Стыдно становится за человеческую природу когда подумаешь что награда какую свѣтъ даетъ тѣмъ что поднимаютъ его пошлость, освѣщаютъ гаупость, услаждаютъ бездѣлье — есть клевета! Я цѣль честь познакомиться съ этою дѣвушкой прежде чѣмъ она стала знаменитостью, и я никогда въ жизни не встрѣчалъ болѣе чистаго сердца и болѣе благородной натуры. Что это за презрѣнные *on dit* которые вы удостоиваете распространять? Позвольте мнѣ прибавить: „Кто повторяетъ клевету, тотъ самъ ея участникъ“.

— По чести, любезнѣйшій Венъ, сказалъ Бевиль серьезно (у него не было недостатка ума), — я едва узнаю васъ сегодня. Изъ того что дуэли вышли изъ моды вовсе не слѣдуетъ чтобъ одинъ человекъ могъ безъ причины оскорблять другаго; а если дуэли не въ модѣ въ Англии, я скорѣе готовъ перенять съ вами Каналь чѣмъ выслушивать незаслуженныя оскорбленія.

Щеки Грагама, до тѣхъ поръ смертельно блѣдныя, покрылись густымъ румянцемъ.

— Я понялъ васъ, сказалъ онъ спокойно, — и буду завтра въ Булонскомъ Лѣсу.

— Грагамъ Венъ, возразилъ Бевиль съ достоинствомъ, — мы съ вами достаточно знаемъ другъ друга въ теченіи многихъ лѣтъ, и ни одинъ изъ насъ не сомнѣвается въ храбрости другаго; но я гораздо старше васъ; позвольте мнѣ воспользоваться этимъ печальнымъ преимуществомъ. Дуэль между нами вызванная легкомысленными словами о женщинѣ которая не родственница ни одному изъ насъ, была бы для нея жестокимъ оскорбленіемъ; дуэль вслѣдствіе такой ничтожной причины мало повредитъ мнѣ, человекъ занятому визитами, который не согласился бы просидѣть часъ въ Палатѣ Общинъ еслибы ему предложили заплатить по тысячѣ фунтовъ за каждую минуту. Но для васъ, Грагама Вена, кому предстоитъ искать избирателей и составлять законы, развѣ для васъ не было бы оскорбленіемъ еслибы васъ спросили предъ выборами зачѣмъ вы нарушили законъ и искали жизни другаго? Полно, полно! дайте вашу руку и предположите что всѣ секунданты, еслибы

мы пригласили ихъ, удостовѣрять что оскорбленіе съ обѣихъ сторонъ взято назадъ и съ обѣихъ сторонъ сдѣланы всевозможныя извиненія.

— Бевиль, вы обезоружили и побѣдили меня. Я говорилъ какъ разгоряченный безумецъ; забудьте и простите. Но—теперь я могу высказать спокойно—что такое было это *on dit?*

— Оно вполнѣ оправдываетъ ваше мужественное заступничество за молодую сироту, чье имя я всегда буду упоминать съ такимъ уваженіемъ которое удовлетворитъ самаго горячаго ея защитника. Разказывали что князь X— хвасталъ что не пройдетъ недѣли какъ *Mademoiselle* Чигонья появится въ Булонскомъ Лѣсу въ его экипажѣ и надѣнетъ въ оперу брилліанты которые онъ послалъ ей; это хвастовство вызвало пари, по условію котораго князь долженъ былъ открыть средства какія употребить для достиженія успѣха и представить доказательства выигралъ онъ или проигралъ. Говорятъ что князь написалъ *Mademoiselle* Чигоньѣ и вмѣстѣ съ письмомъ послалъ *parure* стоившую ему полмилліона франковъ; брилліанты были отосланы назадъ съ нѣсколькими словами выражавшими такое презрѣніе съ какимъ королева обратилась бы къ забывшемуся лакею. Но, любезнѣйшій Векъ, невыносимое положеніе для дѣвушки получать подобныя предложенія; вы должны согласиться со мною что лучше бы она благополучно вышла замужъ, даже за *Monsieur* Рамо, какъ онъ ни глупъ. Будемъ надѣяться что они будутъ исключеніемъ среди французскихъ писателей, мужчинъ и женщинъ, и проживутъ какъ голубки.

ГЛАВА VII.

Немного дней спустя послѣ разказаннаго въ предыдущей главѣ, полковникъ Морли вернулся въ Парижъ. Онъ обѣдалъ съ Грагамомъ въ Гриничѣ, встрѣчалъ его послѣ въ обществѣ и наканунѣ своего отъѣзда сдѣлалъ ему прощальный визитъ; но имени Исавры Чигоньи уже не было произнесено между ними. Морли былъ удивленъ что жена не спросила его подробно о томъ какъ онъ исполнилъ ея деликатное порученіе и о способѣ какимъ онъ производилъ свое вышлѣ

тываніе. Когда же онъ началъ свой разказъ Лизи прервала его:

— Я больше не хочу слышать объ этомъ человѣкѣ. Онъ оттолкнулъ сокровище болѣе драгоценное чѣмъ какого можетъ когда-нибудь достичь его честолюбіе, еслибы даже онъ достигъ престола.

— Онъ не можетъ достичь его въ старой Англіи. Народъ тамъ предавъ настоящей династіи, что бы тебѣ ни говорили противъ этого.

— Не будь такъ ужасно точенъ, Франкъ; довольно объ этомъ. Какъ была одѣта герцогиня М——?

Но когда полковникъ удалился въ комнату которую Французы называютъ *cabinet de travail*, и которую онъ точнѣ называлъ курильней, и закурилъ тамъ сигару, которую, несмотря на его американское гражданство, было запрещено курить въ гостиной тирана управлявшаго его жизнью, мистрисъ Моран достала изъ своей конторки письмо полученное три дня назадъ, и пристально задумалась надъ нимъ, изучая каждое слово. Когда она перечла его такимъ образомъ, слезы закапали на страницу. „Бѣдная Исавра!“ прошептала она, „бѣдная Исавра! Я знаю она любитъ его, знаю какъ глубоко могутъ любить такіа натуры. Но я должна открыть это ей. Если я не сдѣлаю этого, она будетъ продолжать дѣлать бесплодную мечту, и отказываться отъ всякой надежды на счастье ради этой мечты.“ Потомъ она машинально сложила письмо — нѣтъ надобности говорить что письмо это было отъ Графа Вена — спрятала его опять въ конторку и продолжала сидѣть въ задумчивости, пока полковникъ не заглянулъ въ дверь сказавъ тономъ не допускавшимъ возраженія: „очень поздно, ступай спать“.

На слѣдующій день *Madame* Саваренъ заѣхала къ Исаврѣ.

— *Chère enfant*, сказала она, — я принесла вамъ дурное извѣстіе. Бѣдный Густавъ очень боленъ: — воспаленіе въ легкихъ и горячка; вы знаете какъ онъ нѣженъ.

— Я искренно огорчена, сказала Исавра серіознымъ нѣжнымъ тономъ: — значить это случилось внезапно; онъ былъ здѣсь въ прошлый четвергъ.

— Болѣзнь обнаружилась только вчера утромъ, но вы конечно замѣтили какой болѣзненный видъ имѣлъ онъ уже много дней. Мнѣ было больно глядѣть на него.

— Я не замѣчала въ немъ никакой перемѣны, сказала Иса-

вра не безъ угроженія совѣсти. Погруженная въ собственныя мысли, она не замѣтила бы перемѣны въ лицахъ гораздо болѣе близкихъ ей чѣмъ ея молодой обожатель.

— Я подозреваю, сказала *Madame* Саварень, — что здоровье нашего друга пострадало вслѣдствіе моральной причины. Зачѣмъ мнѣ скрывать мои подозрѣнія? Вы хорошо знаете какъ безумно онъ влюбленъ въ васъ, а вы отняли у него всякую надежду?

— Я привязана къ Рамо какъ къ другу; онъ нравится мнѣ, и по временамъ я жалѣю его.

— Жалость родня любви.

— Я сомнѣваюсь въ истинѣ этихъ словъ, особенно въ томъ смыслѣ какъ вы ихъ употребили. Я не могу любить *Monsieur* Рамо; я никогда не давала ему повода думать иначе.

— Ради васъ обоихъ я желала бы слышать отъ васъ другой отвѣтъ; для него, потому что зная его ошибки и недостатки я убѣждена что они исправятся въ такомъ чистомъ и возвышающемъ сообществѣ какъ ваше; вы могли бы сдѣлать его не только счастливѣйшимъ, но и лучшимъ человѣкомъ.... Пойдите! дайте мнѣ досказать, я хочу сказать еще о васъ; я сказала что желала бы этого ради васъ также. Ваши цѣли, ваше честолюбіе одинаковы съ его; вы не должны выходить замужъ за человѣка который не будетъ въ состояніи сочувствовать вамъ въ этомъ. Такой человѣкъ или стѣснялъ бы проявленіе вашихъ талантовъ или раздражался бы ими. Единственная извѣстная мнѣ писательница которой замужняя жизнь была счастлива до конца, была величайшая англійская поэтесса вышедшая замужъ за великаго англійскаго поэта. Вы можете и не должны посвящать себя блестящей карьерѣ которой неудержимо влечетъ васъ вашъ гений безъ тѣхъ свѣтовъ, поддержки и покровительства которыя можетъ дать только мужъ. Милое дитя мое, я сама жена писателя, и знаю какъ кома со всѣми слетнями и пересудами какимъ подвергаются люди сдѣлавшіе свои имена достояніемъ публики. И еслибъ у меня была дочь которая наследовала бы таланты Саварена, и имѣла бы честолюбіе достигъ его знаменитости, я скорѣе заперла бы ее въ монастырь нежели позволила бы ей издать сочиненіе которое разошлось бы по камъ прежде чѣмъ имя ея было бы защищено именемъ мужа; и если я говорю это о своей дочери у которой бы такой свѣтски-опытный и пользующійся всеобщимъ

женіемъ отецъ какъ мой *bonhomme*, тѣмъ больше я должна чувствовать какъ это необходимо для васъ, чужой въ нашей странѣ, бѣдной одинокой сироты, у которой нѣтъ другаго совѣтника и руководителя кромѣ учительницы лѣнія которую вы трогательно зовете *madre!* Я вижу какъ я огорчаю васъ — но не могу удержаться. Слушайте: на дняхъ Саваренъ вернулся вечеромъ изъ своего любимаго кафе въ такомъ возбужденномъ состояніи что я подумала что онъ готовъ сообщить извѣстіе о вспыхнувшей революціи. Но это было по поводу лая; онъ бундовалъ, плакалъ, дѣйствительно плакалъ, мой философскій, веселый Саваренъ. Онъ только-что услышалъ объ этомъ ненавистномъ пари которое держалъ этотъ русскій варваръ. Всѣ одобряли васъ за то презрѣніе съ какимъ вы отвесили къ оскорбленію дикаря. Но то что вы могли подвергнуться такому оскорбленію не имѣя ни одного друга который бы смылъ и загладилъ его — вы не можете себѣ представить какъ это бѣсило и раздражало Саварена. Вы знаете какъ онъ восхищается вами, но вы не знаете какъ онъ уважаетъ васъ; съ тѣхъ поръ онъ каждый день говоритъ мнѣ: „Эта дѣвушка не должна оставаться одинокою. Лучше выйти замужъ за человѣка у котораго хватитъ мужества защитить честь жены и силы чтобы выстрѣлить изъ листолета: а эти качества можно встрѣтить у каждаго Француза“.

Исавра не могла болѣе сдержать своего волненія, она зарыдала такъ порывисто, такъ конвульсивно, что *Madame* Саваренъ пришла въ ужасъ; но когда она попробовала обнять и утѣшить ее, Исавра отклонилась съ замѣтнымъ трепетомъ и съ трудомъ проговорила: „жестокая, жестокая!“ повернулась къ двери и бросилась въ свою комнату.

Нѣсколько минутъ спустя, въ залу вошла служанка и передала *Madame* Саваренъ что *Mademoiselle* чувствуетъ себя такъ дурно что проситъ извинить ее что она не можетъ опять вернуться въ залу.

Нѣсколько позже заѣхала мистрисъ Морли, но Исавра не могла видѣть ее.

Между тѣмъ бѣдный Рамо лежалъ больной въ постели, въ сильной борьбѣ между жизнію и смертію. Не легко распутать одну за другою всѣ нити въ такой сложной натурѣ какъ натура Рамо; но мы рѣшаемся сдѣлать предположеніе что горе вслѣдствіе отвергнутой любви не было непосредственною причиною его болѣзни, хотя не мало повліяло на нее. Задѣтый

отказомъ Исавры онъ сталъ искать разсѣванія въ излишествахъ которыхъ и для болѣе сильной натуры не прошли бы безнаказанно. Человѣкъ этотъ былъ совершенный Парижанинъ во многихъ вещахъ, между прочимъ въ своей нетерпимости ко всякому огорченію. Если причиною огорченія была любовь — любовь могла быть потоплена въ абсентѣ; и неутирѣнное употребленіе абсента могло быть болѣе непосредственною причиною воспаления, нежели любовь, которая была усыплена абсентомъ.

У постели его была не наемная сидѣлка. Когда онъ заболѣлъ, настолько что не могъ исполнять редакторскихъ обязанностей, объ этомъ былъ извѣщенъ издатель *Sens Commun*, и вслѣдствіе этого извѣщенія Викторъ де-Молеонъ пришелъ навѣстить больного. У постели его онъ нашелъ Саварена, который замель случайно, и доктора, который сказалъ:

— Это серьезно. За нимъ нуженъ хорошій уходъ.

Саваренъ шелпнулъ де-Молеону:

— Не пригласить ли намъ сидѣлку или сестру милосердія?

Де-Молеонъ отвѣчалъ также шепотомъ:

— Я слышалъ отъ кого-то что у него есть мать.

Это была правда; Саваренъ забылъ объ этомъ. Рамо никогда не говорилъ о своихъ родителяхъ, онъ не гордился ими.

Они принадлежали къ низшему классу *bourgeoisie*, бывшіе лавочники, а красный республиканецъ даетъ клятву неавидѣть *bourgeoisie*, высшую или низшую; въ то же время красивый молодой писатель, пробивающій себѣ дорогу въ *Chaussée d'Antin*, не слѣдуетъ объявлять свѣту что родители его торговали въ чулочной лавкѣ въ *Rue St. Denis*.

Тѣмъ не менѣе Саваренъ зналъ что родители Рамо были живы и принялъ къ свѣдѣнію это замѣчаніе. Два часа спустя воспаленная голова Рамо покоилась на груди его матери.

На слѣдующее утро докторъ сказалъ ей:

— Вы однѣ стоите десятерыхъ такихъ какъ я. Еслибы вы могли побыть здѣсь, мы выручили бы его изъ опасности.

— Побыть здѣсь! Онъ мой сынъ! воскликнула съ негодова ніемъ бѣдная мать.

Г Л А В А VIII.

День который принесъ столько горя Исавръ ознаменовался славнымъ испытаніемъ въ жизни Алена де-Рошбріана.

Путру онъ получалъ извѣщеніе о *commandement tendant à saisie immobilière* со стороны его кредитора г. Лувье; но просту говоря, объявленіе что его помѣстье Рошбріанъ будетъ продано съ публичнаго торга въ такой-то день если долгъ по закладной не будетъ до тѣхъ поръ уплаченъ. Часть слуста получила лисьмо отъ Дюлеси съ извѣстіемъ „что онъ вернулся изъ Бретани наканунѣ вечеромъ, и будетъ очень счастливъ видѣть маркиза де-Рошбріана до двухъ часовъ, если ему не будетъ неудобно пожаловать“.

Аленъ положилъ *commandement* въ карманъ и явился въ отель Дюлеси.

Финанистъ принялъ его съ дружелюбною пріятливостью. Потомъ началъ:

— Я счастливъ что могу передать вамъ что оставилъ вашу достойнѣйшую тетюшку въ добромъ здоровьи. На рекомендательное лисьмо которымъ вы такъ любезно снабдили меня она отвѣчала самымъ любезнымъ гостепріимствомъ; она настояла чтобъ я переѣхалъ изъ *auberge* въ которомъ сначала остановился, и былъ гостемъ подъ кровлей вашего почтеннаго замка; чрезвычайно пріятная дама, и въ высшей степени интересный *château*.

— Боюсь что ваше помѣщеніе тамъ было рѣзкимъ контрастомъ съ вашимъ парижскимъ комфортомъ; мой *château* представляетъ интересъ только для антикварія влюбленнаго въ развалины.

— Простите меня; „развалины“ выраженіе слишкомъ преувеличенное. Не скажу чтобы замокъ не требовалъ нѣкоторыхъ поправокъ, но онъ не могутъ стоить дорого; наружныя стѣны достаточно крѣпки чтобы простоять еще нѣсколько столѣтій; и небольшая отдышка внутри, да нѣкоторая прибавка новой мебели превратитъ старый *manoir* въ помѣщеніе приличное для любого принца. Я осмотрѣлъ все помѣстье съ почтеннѣйшимъ господиномъ Геберомъ — великолѣпное имѣніе.

— Гду Лувье оно тоже, какъ видно, нравится, сказалъ Аленъ

съ нѣскольکو грустною улыбкой, подавая Дюлеси угрожающее извѣщеніе.

Дюлеси взглянулъ на него и сказалъ сухо:

— *Monsieur* Лувье знаетъ свое дѣло. Но я думаю вамъ лучше положить конецъ формальностямъ которыя должны быть тяжелы для такого великодушнаго кредитора. Я не думаю предлагать уплатить за васъ проценты съ тѣмъ чтобы вы расплатились въ послѣдствіи. Если вы отказались отъ такого предложенія сдѣланнаго вашимъ другомъ Лемерсье, то разумѣется не примете его отъ меня. Я хочу сдѣлать другое предложеніе, отъ котораго вы едва ли откажетесь. Я не хочу доставить моему сопернику на биржѣ торжества въ такой хорошо разчитанной спекуляціи. Помогите мнѣ поразить его. Позвольте мнѣ перевести на себя закладную и стать единственнымъ вашимъ кредиторомъ—постойте!—съ условіемъ что интересы наши будутъ общіе; что я буду имѣть право сдѣлать какія хочу улучшенія, и когда они будутъ сдѣланы, тогда мы согласимся касательно выгодъ какія будутъ сдѣланы мнѣ по закладной и за улучшенія и вамъ какъ настоящему владѣльцу. Позвольте, любезнѣйшій маркизь, я говорю только какъ дѣловой человекъ. Я вижу возможность увеличить на треть — я могъ бы сказать даже на половину—настоящій доходъ Рошбріана. Лѣса были сильно залущены; одишь древажъ на много увеличить ихъ производительность. Ваши фруктовые сады при лучшемъ уходѣ могутъ найти великолѣпныя сбыты въ Парижѣ. Наконецъ, я употребилъ бы подъ постройку или подъ огороды всѣ земли примыкающія къ городамъ — — и — —. Надѣюсь что для этихъ дѣлъ мнѣ удастся найти подходящихъ предпринимателей. Словомъ, хотя биржевая цѣна Рошбріана въ настоящемъ его положеніи не покрываетъ лежащаго на немъ долга, но чрезъ лять, шесть лѣтъ она можетъ быть доведена—не стану говорить до какой цифры—и оба мы можемъ быть очень довольны результатами. А пока если позволите мнѣ найти покупателей лѣса на срубъ, если не допустите кавалеру де-Фивистерру руководить вашими расходами, вамъ нечего будетъ бояться что слѣдующіе мнѣ проценты не будутъ уплачиваться правильно, да и если я найду необходимымъ, на первый годъ или два, назначить высшій интересъ чѣмъ условлено съ Лувье, скажемъ и четверть процента болѣе; послѣ этого вы поймете что между нами рѣчь будетъ идти о дѣлахъ, а не о дружбѣ.

Алень отвернулся чтобы скрыть свое волненіе, потомъ съ быстрымъ порывомъ чувства свойственнымъ истой французской натурѣ бросился на грудь финансиста и разцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Вы спасли меня! вы спасли домъ и могилы моихъ предковъ! Благодарить васъ я не могу; но я вѣрю въ Бога, я молю Его и буду молить за васъ какъ за отца; и если когда-нибудь, — слышалъ онъ выговорить отрывистыми словами, — я вздумаю бросить на лустую прихоть хоть одинъ франкъ который долженъ беречь для уплаты вамъ, браните меня какъ отецъ сталъ бы бранить неблагодарнаго сына.

Какъ ни былъ расстроганъ Алень, но Дюллеси былъ тронуть еще больше.

— Какой отецъ не гордился бы имѣя такого сына! О, если бы такой сынъ былъ у меня! сказалъ онъ нѣжно.

Потомъ быстро вернувшись къ обычной овоей сдержанности, прибавилъ съ сардонической улыбкой которая обдавала холодомъ его друзей и приводила въ трепеть враговъ:

— *Monsieur* Лувье скоро получить то что я обѣщалъ ему: *un mauvais quart d'heure*. Позвольте мнѣ этотъ *commandement tendant à saisie*. Я долженъ послѣдить къ моему *avocat* дать ему инструкціи. Если вы не имѣете лучшаго приглашенія, прошу васъ откушайте сегодня съ нами и потомъ отправитесь съ Валеріей и со мной въ Оперу.

Нѣтъ надобности говорить что Алень принялъ это приглашеніе. Какъ счастлива была Валерія въ этотъ вечеръ!

Г Л А В А IX.

На слѣдующій день Дюллеси былъ удивленъ посѣщеніемъ Лувье: этотъ магнатъ милліонеръ никогда прежде не входилъ въ домъ своего младшаго и менѣе знаменитаго солерника.

Этотъ толстый человѣкъ вошелъ въ комнату съ сильно раскраснѣвшимся лицомъ и съ болѣе рѣзкою чѣмъ обыкновенно смѣсью веселой *brusquerie* и надменной чванливости.

— Я думаю вы удивлены вида меня, началъ Лувье, какъ только дверь была затворена. — Сегодня утромъ я получилъ сообщеніе отъ вашего агента съ приложеніемъ чека на сумму процентовъ которые долженъ мнѣ *Monsieur* Ромбріанъ, и формальное заявленіе вашего желанія уплатить капиталъ за

этого счастливаго щеголя. Хотя до сихъ поръ мы не были лучшими друзьями въ мірѣ, но я счелъ справедливымъ относительно человѣка въ вашемъ положеніи придти прямо къ вамъ и сказать: *Cher confrère*, какой плутъ обогатилъ васъ? Вы не знаете дѣйствительнаго положенія Бретонскаго помѣстья, иначе вы никогда не бросили бы на него вашихъ миліоновъ. Цѣна имѣнія выше стоимости моей закладной на 30.000 луидоровъ.

— Въ такомъ случаѣ, *Monsieur* Лувье, вы будете на 30.000 луидоровъ богаче если я избавлю васъ отъ закладной.

— Я могу перенести этотъ убытокъ—не обижайтесь—скорѣе чѣмъ вы; и у меня могутъ быть причуды на которыя я не жалю денегъ, но которыя не могутъ имѣть значенія для другаго. Посмотрите, я принесъ съ собою подлинная бумага касающіяся всѣхъ подробностей имѣнія. Вамъ нечего спрашивать объ ихъ точности; они составлены собственными агентами маркиза, *Monsieur* Гандреномъ и *Monsieur* Геберомъ. Вы увидите что изъ нихъ помянуты всѣ возможная статьи дохода до послѣдней яблони. Просмотрите ихъ и скажите мнѣ правы ли вы затрачивая такую сумму на такое имѣніе.

— Очень вамъ благодаренъ за интересъ который вы приваждаете въ мои дѣла и котораго я не смѣлъ ожидать отъ *Monsieur* Лувье; но я вижу что у меня есгь дубликатъ этихъ бумагъ, данный мнѣ самимъ *Monsieur* Геберомъ. Кромѣ того у меня тоже есть фантазія на которыя я не жалю денегъ, и въ числѣ ихъ можетъ быть фантазія о земляхъ Ротшбріана.

— Смотрите, Дюллеси, когда такой человѣкъ какъ я проситъ объ одолженіи, то вы можете быть увѣрены что у него хватитъ силы отплатить за него. Уступите моей причудѣ и просите за это все чего хотите!

— *Desolé* что не могу сдѣлать вамъ пріятнаго, но для меня это стало не только причудой, а дѣломъ чести; а честь, вы знаете, любезнѣйшій *Monsieur* Лувье, первое условіе правильныхъ финансовъ. Послѣ внимательнаго ознакомленія съ помѣстьемъ Ротшбріана, я самъ предложилъ ему деньги для выплаты по вашей гипотекѣ; а что будутъ говорить на биржѣ если Луціанъ Дюллеси не исполнитъ обязательства?

— Мнѣ кажется я могу отгадать что будутъ раю или поздно говорить о Луціанѣ Дюллеси если онъ сдѣлаетъ Поля Лувье своимъ непримиримымъ врагомъ. *Corbleu! mon cher*, человѣкъ съ тройнымъ противъ вашего капиталомъ, сдѣла

враждебнымъ взоромъ за всякою вашею спекуляціей, можетъ *un beau jour* сдѣлать даже васъ банкротомъ!

— Предостережень — вооружень! возразилъ Дюплеси невозмутимо. — *Fas est ab hoste doceri*, я хочу сказать: позволительно отъ врага научиться; я не помню дня когда бы вы не относились ко мнѣ враждебно, а я еще не банкротъ, хотя принимаю васъ въ домъ который благодаря вамъ имѣетъ такіе скромные размѣры.

— *Bah!* Это была ошибка съ моей стороны, и, ха! ха! вы уже отомщены за это — вашъ лѣсъ!

— Хотите, чтобы помириться я уступлю вамъ этотъ лѣсъ и ограничу свое честолюбіе какъ землевладѣлецъ въ этой плохой спекуляціи съ Рошбріаномъ.

— Будь онъ проклятъ этотъ лѣсъ, я теперь и не думаю о немъ! Я могу продать свою землю дороже чѣмъ она мнѣ стоила одному изъ вашихъ императорскихъ фаворитовъ. Стройте дворецъ въ своемъ лѣсу. Уступите мнѣ Рошбріанъ; скажите ваши условія.

— Тысяча извиненій! но я уже имѣлъ честь сообщить вамъ что я заключилъ обязательство которое не позволяетъ мнѣ говорить объ условіяхъ.

Какъ змѣи который послѣ извиваній и пресмыканій поднимается въ вышину, Лувье всталъ съ выпяченною грудью.

— Такъ значитъ это кончено. Я пришелъ желая предложить миръ, вы отказываетесь и объявляете войну.

— Ни мало, я не объявляю войны; я принимаю ее если это необходимо.

— Это вамъ послѣднее слово, *Monsieur* Дюплеси?

— *Monsieur* Лувье, да.

— *Bon jour!*

И Лувье шагнулъ къ двери; тамъ онъ остановился.

— Подумайте денекъ.

— Ни минуты.

— Вашъ слуга, *Monsieur*; вашъ покорнѣйшій слуга.

Лувье вышелъ.

Дюплеси подперъ свой широкій задумчивый лобъ своею толкою жилистою рукой. „Эта затрата подорветъ меня, прощелтавъ онъ. Мнѣ нужно теперь быть очень осторожнымъ итѣя такого врага. Но, къ чему мнѣ заботиться о богатствѣ? Приданое Валеріи, ея счастье обезлечены.“

Г Л А В А X.

Madame Саваренъ написала Исаврѣ очень вѣжное письмо со множествомъ извиненій, но оно осталось безъ отвѣта. *Madame* Саваренъ не рѣшалась сообщить мужу содержаніе разговора имѣвшаго такой печальный исходъ. Въ теоріи онъ обладалъ деликатнымъ тактомъ, который если не всегда проявлялся на практикѣ, но побуждалъ его строго осуждать недостатки такта въ другихъ. Не зная такимъ образомъ объ оскорбленіи онъ завѣхалъ къ Исаврѣ и передалъ черезъ служанку записку что „онъ увѣренъ ей пріятно будетъ узнать что *Monsieur* Рамо лучше, хотя онъ все еще въ опасности“.

Только на третій день послѣ свиданія съ *Madame* Саваренъ Исавра вышла изъ своей комнаты чтобы принять мистрисъ Морли.

Прекрасная Американка была поражена видя перемѣну въ лицѣ Исавры. Она была очень блѣдна и имѣла тотъ непередаваемый видъ истощенія что свидѣтельствуетъ о продолжительной бессонницѣ; кроткіе глаза ея потускнѣли, улыбка на губахъ исчезла, легкая походка смѣнилась усталою и медленною.

— Бѣдное дитя! воскликнула мистрисъ Морли! Что съ вами? кто васъ лѣчитъ?

— Мнѣ не нужно доктора; это небольшая простуда; воздухъ Парижа очень измѣнчивъ. Не безпокойтесь обо мнѣ, дорогая моя; какія послѣднія новости?

Мистрисъ Морли вкратцѣ передала о главнѣйшихъ событіяхъ минуты—о разрывѣ готовомъ послѣдовать между Оливье и его прежнею либеральною партіей; какой тонъ неожиданно принялъ де-Жирарденъ; предположенія о результатахъ покушенія пойманныхъ заговорщиковъ на жизнь императора которое предположено было привести въ исполненіе въ концѣ юня—событія имѣвшія не маловажное значеніе для Имперіи. Приютившись въ глубинѣ своего кресла, Исавра слушала ловидимому спокойно, и когда наступило молчаніе спросила холоднымъ яснымъ тономъ:

— А что мистеръ Грагамъ Вевъ, онъ не принялъ вашего приглашенія?

— Къ сожалѣнію нѣтъ; онъ такъ занятъ въ Лондонѣ.

— Я знаю что онъ отказался, сказала Исавра съ тихимъ горькимъ смѣхомъ.

— Почему? кто вамъ сказалъ?

— Мой здравый смыслъ сказалъ мнѣ это. — Вѣдь можно имѣть здравый смыслъ будучи только бѣднымъ писаккой.

— Не говорите такъ; это недостойно васъ напрашиваться на комплименты.

— Комплименты! А! Итакъ мистеръ Венъ отказался прѣхать въ Парижъ; ничего, онъ прѣдетъ на будущій годъ. Тогда меня не будетъ въ Парижѣ. Полковникъ Морли видѣлъ мистера Вена?

— О да; два или три раза.

— Онъ здоровъ?

— Совершенно, кажется; по крайней мѣрѣ Франкъ не говорилъ мнѣ чтобъ онъ былъ боленъ; но судя по тому что я услышала, онъ не такой человекъ какимъ я считала его. Многие говорили Франку что онъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ какъ получалъ наслѣдство, сдѣлался большимъ скрягой, совсемъ несчастный; онъ даже отказывается занять мѣсто въ парламентъ потому что это сопряжено съ расходами. Удивительно какъ деньги портятъ человека.

— Онъ получалъ уже наслѣдство когда былъ здѣсь. Деньги не испортили его.

Исавра помолчала, крѣпко сжавъ руки; потомъ внезапно подвинулась на ноги, румянецъ быстро выступилъ и исчезъ на ея щекахъ, и устремивъ на свою удивленную гостью глаза уже не тусклые, а съ отблѣскомъ отчасти злобнымъ, отчасти умоляющимъ сказала:

— Вашъ мужъ говорилъ съ мистеромъ Веномъ обо мнѣ; я знаю это. Что отвѣчалъ мистеръ Венъ? Отвѣчайте прямо на мой вопросъ. Правду! Правду! Я прошу только правды!

— Дайте мнѣ вашу руку; сядьте здѣсь возлѣ меня, мое дитя.

— Дитя! Нѣтъ, я женщина! Слабая какъ женщина, но и сильная тоже какъ женщина! Правду!

Мистрисъ Морли пришла съ намѣреніемъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе и высказать Исаврѣ „правду“, которой та теперь требовала. Но она думала высказать правду по-своему, мягко и постепенно. При такомъ внезапномъ вызовѣ, мужество оставило ее. Она залилась слезами. Исавра смотрѣла на нее сухими глазами.

— Ваши слезы служатъ мнѣ отвѣтомъ. Мистеръ Веъ слышалъ о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Такой человекъ какъ онъ не увидится до любви къ женщинѣ знакомой съ оскорбленіемъ. Я не осуждаю его; я тѣмъ больше уважаю его; онъ правъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы были оскорблены! Кто осмѣлился оскорбить васъ? (Мистрисъ Морли ничего не слыхала объ исторіи съ русскимъ княземъ.) Мистеръ Веъ говорилъ Франку и писалъ мнѣ что вами нельзя не восхищаться, нельзя не уважать васъ; но — я не могу повторить этого, — вы узнаете правду, прочтите и судите сами.

Мистрисъ Морли вынула и подала Исавръ письмо которое скрыла отъ мужа. Письмо было не очень длинно; оно началось выраженіемъ горячей благодарности мистрисъ Морли не только за ея приглашеніе, но и за интересъ какой она принимала въ его счастіи. Затѣмъ оно продолжалось такъ:

„Я отъ всего сердца раздѣляю то что вы такъ краснорѣчиво и справедливо говорите о душевныхъ и личныхъ качествахъ которыми природа такъ щедро надѣлила названную вами особу.

„Никто не можетъ въ такой степени какъ я чувствовать очарованіе такого несравненнаго превосходства; никто не можетъ такъ искренно раздѣлять убѣжденіе что похвалы привѣтствовавшія начало ея карьеры только слабое предвѣстіе той славы которая будутъ все громче и громче сопровождать ея успѣхъ.

„Только тотъ можетъ быть достоинъ ея руки кто, если и не сравнится съ нею по гениальности, но возвысится до ея уровня сочувствуя ея цѣлямъ и радуясь ея успѣху. Что касается меня, то узнавъ что она избрала карьеру на которой достигается еще бѣльшая извѣстность чѣмъ на сценѣ, и отреклась отъ мирнаго уединенія частной жизни, я почувствовала такую же боль какъ еслибъ услышала что она посвятила себя профессіи къ которой готовилась прежде. Еслибы при выборѣ единственной подруги моихъ судебъ я могъ руководиться только собственнымъ сердцемъ (чего, говоря по совѣсти, я не могу теперь, хотя когда видѣлъ васъ въ послѣдній разъ въ Парижѣ я надѣялся что буду уже теперь имѣть эту возможность); еслибъ я могъ надѣяться — на что не имѣю права — что буду въ состояніи приковать къ себѣ хотя часть мыслей которыя устремлены теперь по тѣмъ путямъ на которыхъ лоты улучшаютъ міръ, и тогда (говорю это съ сокру-

шеніемъ, можетъ-быть это недостатокъ моего англійскаго воспитанія, можетъ быть свидѣніе моего личнаго вѣгузма), даже тогда я сомнѣваюсь чтобы могъ сдѣлать счастливою женщину міръ которой не можетъ быть ограниченъ стѣнами дома котораго она будетъ счастіемъ и украшеніемъ.

„И даже ревнивая тиранія мужниной любви не осмѣлится сказать натурамъ подобнымъ той о комъ мы говоримъ: „Сосредоточь для домашнихъ радостей одного человека свѣтъ который свѣтитъ съ высоты тверди на радость и утѣшеніе всѣхъ.“

— Я такъ много благодарна вамъ, сказала Исавра спокойно; — подозрѣнія дѣлають женщину слабою, увѣренность сильною.

Она машинально разгладила и сложила письмо; машинально, но медленно, нетвердою рукою подала его улыбаясь своему другу.

— Не хотите ли оставить его у себя? сказала мистрисъ Морли. — Чѣмъ больше вы познакомитесь съ предразсудками этого ограниченаго ума, съ ревнивою боязью англійскаго мужа встрѣтить превосходство, даже равенство въ женщинѣ которую онъ можетъ цѣнить только какъ свой домъ или лошадь, потому что она составляетъ его исключительную собственность, тѣмъ пріятнѣе вамъ будетъ убѣдиться что вы свободны для лучшаго выбора. Оставьте письмо у себя; перечитывайте его пока не почувствуете къ писавшему его снисхожденіе и презрѣніе.

Исавра взяла назадъ письмо и положивъ щеку на руку дремотою смотрѣла въ пространство. Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ она отвѣтила, и слова ея ни мало не относились къ утѣшающей рѣчи мистрисъ Морли.

— Онъ былъ такъ радъ когда узналъ что я отказалась отъ карьеры въ которой я ставила свое честолюбіе. Я думала что онъ будетъ радъ если я на другой карьерѣ буду стараться подвигаться до одного съ нимъ уровня; теперь я вижу какъ горько я ошибалась. Все чего я не понимала въ немъ прежде, теперь объяснилось. Я не понимала какъ безумно я обманывала себя; три дня тому назадъ я постигла это, и эта догадка такъ мучила меня что сегодня увидавъ васъ я не могла сдержатъ свое сердце; вопреки женской гордости оно прорвалось наружу чтобы узнать правду. Поймите! Я должна передать вамъ что мнѣ было сказано другимъ моимъ дру-

гомъ, добрымъ и умнымъ другомъ. А я такъ разсердилась на нее когда она сказала это что думала что никогда не буду больше въ состоянiи видѣть ее.

— Милое дитя мое! кто былъ этотъ другъ и что онъ сказалъ вамъ?

— Другъ этотъ была *Madame* Саварень.

— Ни одна женщина не любитъ васъ больше моего; что же она сказала?

— Что она не позволила бы своей дочери сдѣлать свое имя предметомъ толковъ свѣта, какъ я это сдѣлала, подвергнуться риску получить оскорбленiе, подобно мнѣ, пока дочь ея не будетъ имѣть покровителя, какого я не имѣю. И я, переступивъ границы какiя благоразумная мать назначаетъ своей дочери, стала въ ряды тѣхъ чьей руки не ищутъ мушкетеры, развѣ только тѣ которые сами избрали такой же путь къ извѣстности. Думаете ли вы что она не была права?

— Въ той ужасной формѣ какъ вы передаете это, гуленская дѣвочка, конечно нѣтъ. Но я также желаю чтобы вы имѣли покровителя о которомъ говорила *Madame* Саварень; я желаю чтобы вы счастливо вышли замужъ за человѣка ни мало не похожаго на мистера Вена, человѣка который гордился бы болѣе вашимъ гениемъ нежели красотою, который сказалъ бы: „слава моего имени будетъ долѣе жить въ потомствѣ нежели слава именъ украшенныхъ титулами, потому что она удостоила сдѣлать его своимъ именемъ. Никакая демократическая революція не можетъ лишить меня этой чести“.

— Вы думаете что можно найти людей которые смиренно подчинятся мысли что обязаны женѣ именемъ котораго не могли составить себѣ сами. Можетъ-быть и есть такiе люди. Но гдѣ? въ числѣ тѣхъ которые уже соединены симпатiями къ одинакимъ дѣламъ, одинакимъ занятiямъ, одинакимъ надеждамъ и опасенiямъ, съ женщинами отрехшимися отъ уединенiя своего дома. *Madame* де-Гранмевиль ошибалась. Артистки должны выходить замужъ за артистовъ. Такъ, такъ.

Она провела рукой по лбу — это была ея милая привычка когда она старалась сосредоточить свои мысли — и помолчала съ минутой.

— Не чувствовали ли вы, сказала она мечтательно, — что бываютъ минуты въ жизни когда кажется будто темная завѣса закрываетъ прошлое которое наканунѣ еще было такъ ясно, такъ перелеталось съ настоящимъ? Тогда ужъ не можешь боль-

ше оглянуться назадъ; взоръ влечется впередъ, и полоса свѣта освѣщаетъ будущее, будущее которое еще наканунѣ было невидимо. У одного англійскаго поэта есть стихъ — мистеръ Вентъ однажды привелъ его въ разговоръ, не со мною, а съ Савареномъ, въ подтвержденіе своихъ словъ что самыя сложныя развѣтвленія мысли лучше достигаются въ простѣйшей формѣ выраженія. Я сказала себѣ „я заломню твердо эту ленту если когда-нибудь посвящу себя литературѣ какъ посвятила себя пѣнію“; и... да, именно въ тотъ вечеръ честолюбіе роковое для женщинъ безповоротво захватило меня въ свои когти; это было въ Авіенѣ. Мы были на озерѣ, солнце садилось....

— Но вы не оказали мнѣ стихъ который произвелъ на насъ такое впечатлѣніе, сказала мистрисъ Морли съ добротой женскаго такта.

— Стихъ — какой стихъ? А, вспомнила:

Я вижу какъ съ вершины башни комедъ всему.

А теперь поцѣлуйте меня, милая, и никогда ни слова больше объ этомъ разговорѣ, никогда ни слова о мистерѣ Вентѣ — темная завѣса закрыла собою прошлое.

Г Л А В А XI.

Мушны и женщины болѣе сходны другъ съ другомъ въ некоторыхъ важныхъ чертахъ характера чѣмъ обыкновенно думаютъ, но именно это сходство дѣлаетъ ихъ различія менѣе понятными другъ для друга; точно также какъ въ политикѣ, теологіи, или въ самой спорной изъ всѣхъ спорныхъ наукъ, метафизикѣ, чѣмъ болѣе разсуждающіе приближаются другъ къ другу въ такихъ пунктахъ которые для наблюдателя не критика кажутся самыми важными, тѣмъ болѣе вѣроятности что они бросятся въ противоположныя направленія чтобы достигнуть разницы на остріе булавки.

Между мужчиной и женщиной есть нѣсколько значительныхъ пунктовъ сходства, наибольшій изъ нихъ въ любви, однако же и здѣсь обширное поле для несогласій. Здѣсь разсказъ такой повѣсти какъ моя, если онъ настолько уменьшится чтобы быть скромнымъ, долженъ знать что было бы почти профанаціей еслибъ онъ какъ мужчина полагалъ про-

вникнуть въ сокровѣннѣйшую глубину женскаго сердца и повторить какъ мушкетеръ въ вибраціи звука издаваемого сердцемъ женщины непримѣтно даже для ея собственнаго слуха.

Я знаю Исавру такъ коротко какъ еслибы я качалъ ея колыбель, игралъ съ нею во время ея дѣтства, училъ и воспитывалъ ее въ юности; но я столько же могу разказать вамъ съ достовѣрностію о томъ что произошло въ душѣ ея въ теченіи сорока восьми часовъ которые протекли со времени ея разговора съ Американкой до появленія ея въ какой-то пошлаой гостиницѣ, сколько могу разказать о томъ что почувствовалъ бы житель Луны еслибы солнце лучи котораго отражалъ его міръ исчезло изъ мірозданія.

Я могу сказать только что когда она снова появилась въ этомъ пошлоемъ гостиницѣ мірѣ, въ лицѣ ея произошла перемѣна, не слѣшкомъ замѣтная для обыкновеннаго наблюдателя. Если онъ замѣчалъ что-нибудь, то на его взглядъ она стала красивѣе, въ глазахъ было больше блеску, цвѣтъ лица (всегда пре-красный, хотя нѣсколько блѣдный, матово блѣдный, что такъ идетъ къ чернымъ волосамъ) сталъ еще блистательнѣе, въ немъ появился нѣжный розовый оттѣнокъ, который еще больше идетъ къ темнымъ волосамъ. Въ чемъ же, значитъ, была перемѣна, и перемѣна не къ лучшему? Губы, прежде мягко задумчивыя, стали жесткими; перемѣна была во лбу, который прежде, казалось, смѣялся когда смѣялись губы, теперь же не было болѣе симпатіи между лбомъ и губами; еще едва примѣтна была тоненькая какъ виточка линія которая черестъ нѣсколько лѣтъ обозначится въ морщину въ пространствѣ между глазами; голосъ не былъ такъ нѣжно мягокъ; походка стала самоувѣреннѣе. Что означала всѣ эти перемѣны, рѣшать женщины, я же могу только угадывать. *Mademoiselle* Чигонья ежедневно посылала свою служанку справляться съ Рамо. Это, я думаю, она дѣлала бы при всякихъ обстоятельствахъ. Она отправилась къ *Madame* Саваренъ, примирилась съ ней, запечатлѣвъ примиреніе холоднымъ поцѣлуемъ. Это также она сдѣлала бы, я думаю, при всякихъ обстоятельствахъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ поцѣлуй не былъ бы такъ холоденъ.

Была только одна вещь необычная въ ея привычкахъ. Я упоминаю о ней, хотя только женщина можетъ сказать означаетъ ли она что-нибудь достойное замѣчанія.

Въ теченіе шести дней она оставляла письмо *Madame* де

Граммениль безъ отвѣта. Съ *Madame* де-Граммениль была связана вся ея внутренняя жизнь, съ того дня когда одинокое безутѣшное дитя увидѣло, выше битыхъ дорогъ жизни, проблески волшебной страхи поэзіи и искусства, затѣмъ въ теченіе всей безлокойной, мечтательной, жаждущей отличій юности, до сихъ поръ, во всемъ что обуславливаетъ прекрасную дѣйствительность которую мы называемъ романтичностью.

Накогда прежде не откладывала она до другаго дня своихъ отвѣтовъ на письма которыя были для нея какъ Сибилыны листа для безлокойнаго неопита жаждущаго разрѣшить загадки представляемыя внутреннимъ или вѣшнимъ міромъ. Въ теченіе шести дней письмо гжи де-Граммениль оставалось неотвѣченное, непрочтенное, пренебреженное, отброшенное съ глазъ долой; подобно тому какъ въ то время когда какая-нибудь настоятельная необходимость заставляетъ насъ имѣть дѣло съ существующимъ міромъ, мы отбрасываемъ вымыслы которые въ наши праздничные часы очаровывая уносили насъ въ міръ которымъ мы уже не интересуемся болѣе, съ которымъ не имѣемъ болѣе симпатіи.

Г Л А В А XII.

Густавъ поправлялся, но медленно. Докторъ объявилъ что всякая непосредственная опасность миновала, но сказалъ ему откровенно и нѣсколько сдержаннѣе его родителямъ: „нужно быть очень осторожнымъ“.

— Послушайте, молодой другъ мой, прибавилъ онъ Рамо, — одна умственная работа не убиваетъ человѣка привыкшаго къ ней какъ вы; но если кромѣ мозга утомлять сердце и желудокъ и нервы, то это можетъ свести въ гробъ человѣка съ организмомъ вдесятеро крѣпче вашего. Пишите сколько хотите — это ваше призваніе; но пять абсентъ, предсѣдатель на оргіяхъ въ *Maison Dorée*, вовсе не ваше призваніе. Регулируйте свою жизнь а не слѣдуйте примѣру сказочнаго Дома Жуана. Живите, ведите жизнь трезвую и спокойную, и вы переживете вѣковыя *viveurs*. Но если вы будете продолжать жить какъ жиаи до сихъ поръ, то не пройдетъ и года какъ вы будете въ *Père la chaise*.

Рамо слушалъ томно, но съ глубочайшимъ убѣжденіемъ что докторъ вполнѣ понималъ въ чемъ дѣло.

Лежа безпомощно въ своей постели онъ не мечталъ объ оргіяхъ въ *Maison Dorée*; залекшіяся губы его жаждали невнятной *tisane* изъ липоваго цвѣта, и мысль объ абсентѣ также страшила его какъ жидкій огонь Флегетона. Если былъ когда-нибудь грѣшникъ который внезапно убѣждался что многое можно сказать въ пользу нравственной жизни, то этотъ грѣшникъ въ моментъ моего разказа былъ Густавъ Рамо. Носомѣнно что нравственная жизнь, *Domus et placens uxor*, была существенно необходима для поэта который ища безсмертной славы, осужденъ былъ на страданія очень недого вѣчнаго тѣла.

„А, шепталъ онъ жалобно про себя, эта дѣвушка, Исавра, не можетъ имѣть настоящей симпатіи къ генію! Она убьетъ во мнѣ не обыкновеннаго человѣка!“

И шепча такимъ образомъ онъ заснулъ. Когда онъ проснулся и увидѣлъ что голова его покоилась на груди матери, онъ былъ похожъ на чувствительнаго, слабого человѣка пробудившагося послѣ того какъ слюшномъ много вылилъ на кауну. Раскаяніе, горе, неразуміе вызвали у него слезы и въ слезахъ онъ открылъ матери свое сердце.

Исавра отвергла его и это довело его до отчаянія.

— А! какъ измѣнилась бы его жизнь съ Исаврой! какъ чиста была бы она! какъ прекрасна!

Мать слушала его вѣжно и употребила всѣ усилія чтобъ услокоить его и подаять его ладавшій духъ.

Она сказала ему что Исавра постоянно по два раза въ день присладала справляться объ немъ. Рамо, который больше зналъ женщину вообще и Исавру въ частности чѣмъ могла думать его мать, печально покачалъ головою.

— Она не могла сдѣлать меньше этого, сказалъ онъ. — Не пыталась ли другая сдѣлать больше?

Говоря это онъ думалъ о Жюли. *Madame* Рамо колебалась.

Бѣдаме Парижане! проповѣдывать противъ нихъ сдѣлалось модой; и прежде чѣмъ кончится моя книга, мнѣ придется проповѣдывать — нѣтъ, не проповѣдывать, но указывать на множество ошибокъ которыя слѣдуетъ замѣтить и исправить. А пока я стараюсь относиться къ нимъ такъ какъ философія жизни учить насъ относиться къ другимъ людямъ, считая ихъ тѣмъ что они есть.

Я не думаю чтобы семейная отношенія парижской *bourgeoisie* были такъ дураки какъ она представляется во фран-

пускахъ повѣстяхъ. *Madame* Рамо довольно обыкновенный типъ того класса къ которому она принадлежитъ. Выходя замужъ она была замѣчательно красива. Густавъ отъ нея наследовалъ свою красоту. Мужъ ея былъ очень обыкновенный типъ французскаго лавочника, очень плоскій, ни мало не умятый, но веселый, добродушный, сильно привязанный къ жентъ и хранившій непоколебимую увѣренность въ ея супружескую добродѣтель. Во всемъ кварталѣ гдѣ они жили не было болѣе очастливой, болѣе вѣрной четы. *Madame* Рамо колебалась когда ея сынъ, думая о Жюли, спросилъ не сдѣлалъ ли кто-нибудь больше чѣмъ только присылать справляться о вамъ какъ Исавра.

Послѣ молчаливаго колебанія она сказала:

— Да, одна молодѣя особа назвавшая себя *Mademoiselle* Жюли Комартенъ хотѣла остаться здѣсь чтобы ходить за тобой. Когда я сказала: „но я его мать, ему не нужно никакой другой сидѣлки“, она удалилась застыдившись, бѣдняжка! Я не осуждаю ее за то что она любитъ моего сына. Но, сынъ мой, я говорю, если ты любишь ее, то не говори мнѣ объ этой *Mademoiselle* Чигонья; если же ты любишь *Mademoiselle* Чигонья, дѣлать нечего, отецъ твой позаботится чтобы бѣдная дѣвушка которая любила тебя, не зная что ты любишь другую, не терпѣла нужды.

Бѣдные губы Рамо изобразили призрачную насмѣшку Жюли! блестящая Жюли! правда, не больше какъ балетная таццовщица, но экипажу которой когда-то завидовали въ Булонскомъ Лѣсу герцогини; Жюли! которая ради его пренебрегла состояніемъ, которая, не будь его, могла снова видѣть миллионеровъ у своихъ ногъ! Жюли! спасаемая отъ нужды лавочникомъ какъ бездомная сидѣлка. Жюли! неудержимая Жюли! которая писала ему за день до его болѣзни, обмакивая перо не въ чернила, а въ кровь изъ жилы которую вскрыла на рукѣ: „Измѣнникъ! — Я не вижу тебя цѣлыхъ три дня. Осмѣливаешься ли ты любить другую? Если такъ, то какъ бы ты ни старался скрывать это — горе ей! *Ingrat!* горе тебѣ! Любовь не есть любовь если будучи обманута она не вызываетъ къ смерти. Отвѣчай мнѣ скоро, скоро. Жюли.“

Бѣдный Густавъ вспомнилъ объ этомъ письмѣ и простоналъ. Конечно мать его была права, ему слѣдуетъ отдѣлаться отъ Жюли; но онъ не могъ представить себѣ какимъ обра-

зомъ отъ нея отдѣлаться. Онъ капризно отвѣчалъ *Madame Рамо*:

— Не тревожьте своего сердца о *Mademoiselle* Комартенъ; она не нуждается въ деньгахъ. Конечно, еслибъ я могъ разчитывать на Исавру—но увы! Я не смѣю надѣяться. Дайте мнѣ выпить *tisane*.

Придя на другой день докторъ посмотрѣлъ серьезно и отозвавъ *Madame Рамо* въ другую комнату сказалъ:

— Мы не дѣлаемъ такихъ успѣховъ какъ я надѣялся; горячка миновала, но истощеніе послѣ нея очень серьезно. Онъ очень упалъ духомъ.

Потомъ докторъ прибавилъ весело, съ тѣмъ удивительнымъ постиженіемъ нашей сложной человѣческой природы въ которомъ доктора превосходятъ повтовы, а парижскіе доктора превосходятъ всѣхъ докторовъ въ мірѣ:

— Не найдете ли у васъ для него какой-нибудь доброй вѣсточки: что г. Тьеръ бредитъ послѣднею поэмой вашего сына, что между академиками возникъ вопросъ объ избраніи его или Жюль Жанена, или что прекрасная герцогиня де — — посажена въ сумашедшій домъ сойдя съ ума отъ любви къ некоторому молодому красному республиканцу имя котораго начинается на Р. — Не можете ли вы найти какой-нибудь хорошей новости въ этомъ родѣ? Если найдете, то это послужитъ къ возбужденію самолюбія вашего сына, и подѣйствуетъ гораздо сильнѣе чѣмъ всѣ лѣкарства помѣщаемыя въ Фармакопей; кромѣ того позаботьтесь какъ можно скорѣе перевезти его къ себѣ домой, гдѣ онъ не могъ бы видѣться съ своими безразсудными молодыми друзьями.

Когда великій авторитетъ передалъ такимъ образомъ своего пациента на руки его матери, она оказала:

— Сынъ мой будетъ спасенъ.

Г Л А В А XIII.

Исавра сидѣла возлѣ Веносты — къ которой въ послѣднее время она повидимому привязалась больше обыкновеннаго — и занималась вышиваньемъ, работой за которую не принималась въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; теперь же она чувствовала отвращеніе отъ письма, чтенія и музыки. Исавра сидѣла такимъ образомъ молча занималась своею работою, а Ве-

воста говорила безъ умолку когда служанка доложила о *Madame Рамо*.

Имя это изумило обидку; Веноста никогда не слышала чтобы мать поэта была въ живыхъ, и тотчасъ же вывела заключение что *Madame Рамо* должна быть его жена, которую онъ до сихъ поръ скрывалъ. Когда въ залу вошла женщина еще не утратившая красоты, съ лицомъ серьезнымъ и печальнымъ, Веноста прошептала:

— Коварство мужа отражается на лицѣ жены, и достала платокъ приготовляясь пролить слезы сочувствія.

— *Mademoiselle*, сказала посѣтительница останавливаясь и устремивъ глаза на Исавру. — Простите мое вторженіе къ вамъ—мой сынъ имѣетъ честь пользоваться вашимъ знакомствомъ. Всякій кто знаетъ его раздѣлитъ мое горе; такъ молодъ, съ такими надеждами, и въ такой опасности, бѣдный мой мальчикъ!

Madame Рамо вдругъ остановилась. У нея выступили слезы, она отвернулась чтобы скрыть ихъ.

Въ обоихъ качествахъ, какъ гений и какъ женщина, Исавра была щедро одарена живостью симпатіи которая отличаетъ женщинъ отъ мужчинъ и гений отъ таланта, и потому была замѣчательно склонна къ жалости.

Она успѣла уже обнять сокрушенную мать, успѣла усадить ее на мѣсто съ котораго сама встала и склонясь къ ней сказала нѣсколько словъ, правда довольно условныхъ, но сказанныхъ сладчайшимъ голосомъ какой я только могу надѣяться слышать развѣ во свѣтѣ по сю сторону могилы.

Madame Рамо провела рукой по глазамъ, обвела взглядомъ комнату и замѣтивъ Веносту, въ блузѣ и въ туфляхъ, уставившуюся на нее тѣми итальянскими глазами которые на видъ кажутся такъ спокойно невнятыми, на самомъ же дѣлѣ такъ лукаво пристальны, она шепнула умоляющимъ голосомъ:

— Не могу ли я поговорить съ вами нѣсколько минутъ наединѣ?

Исавра не могла отказать въ этой просьбѣ, хотя и была смущена и поставлена въ затрудненіе угадавъ съ какой цѣлью *Madame Рамо* просила объ этомъ. Она провела свою гостью въ соседнюю комнату и сдѣлавъ Веностѣ знакъ извѣстія затворила дверь.

ГЛАВА XIV.

Когда онѣ остались одна *Madame* Рамо взяла руку Исавры въ обѣ свои и смотря пристально ей въ лицо, сказала:

— Не удивительно что вы такъ любимы: красота ваша такова что проникаетъ въ сердце и остается тамъ. Я еще больше одобряю моего мальчика теперь когда видѣла васъ. Но простите меня, *Mademoiselle*, не отнимайте вашу руку, простите мать которая пришла отъ постели больного сына просить васъ не можете ли вы ей спасти его! Одно ваше слово—жизнь или смерть для него!

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого, *Madame*; сынъ вашъ знаетъ какъ я цѣню его дружбу, съ какой искренностью отвѣчаю ему тѣмъ же; но, но—она помолчала съ минуту и продолжала грустно, съ глазами полными слезъ:— У меня нѣтъ сердца которое я могла бы отдать ему, или кому-нибудь другому.

— Я не прошу васъ, не стала бы просить еслибы смѣла, о томъ что для васъ тяжело было бы обѣщать. Я не прошу васъ позволить мнѣ возвратясь сказать сыну: „надѣйся и будь спасенъ“, но позвольте мнѣ получить какое-нибудь цѣлительное слово изъ вашихъ устъ. Если я правильно поняла ваши слова, я по крайней мѣрѣ могу сказать ему что вы не подали никому другому надежды въ которой отказали ему?

— Въ этомъ вы поняли меня вѣрно, *Madame*. Кто-то сказалъ что романисты такъ много отдають изъ своего сердца героямъ и героинямъ которыхъ создаютъ сами, что у нихъ не остается ничего что стоило бы отдать людямъ имъ подобнымъ. Можетъ-быть это правда, но *Madame*, — прибавила Исавра съ улыбкой безконечно сладкою въ своей грусти:— у меня осталось еще настолькоъ сердца чтобы почувствовать вамъ.

Madame Рамо была тронута.

— *Ah, Mademoiselle*, я не вѣрю тѣмъ словамъ которыя вы привели. Но я не должна злоупотреблять вашею добротой продолжая говорить о предметѣ вамъ неприятномъ. Еще только одно слово: вы знаете что мы съ мужемъ скромные торговцы, мы не принадлежимъ къ тому обществу въ которомъ получили извѣстность таланты нашего сына и не стараемся попасть въ него; но смѣю ли я просить чтобы знаком-

ство ваше этимъ не кончилось? Смѣю ли я просить позволенія время отъ времени заходить къ вамъ, и когда-нибудь пригласить васъ у себя дома? Вѣрьте что я не прошу ничего такого чего не одобрила бы ваша мать еслибъ она была даже очень взыскательна къ неравенству общественныхъ классовъ. Какъ ни скромнѣнъ нашъ домъ, но пороки никогда не вступала въ его двери.

— *Ah, Madame*, и я и сеньора Велоста, которую я на нашемъ италіянскомъ языкѣ называю матерью, можемъ только благодарить васъ и считать для себя честью когда вамъ угодно будетъ пригласить насъ.

— Я отплатила бы низкою неблагодарностью за ваше доброе согласіе на мою просьбу еслибы скрыла отъ васъ причину почему я мою Небо благословить васъ за такой отвѣтъ. Докторъ говоритъ что пройдетъ еще долгое время прежде чѣмъ сынъ мой поправится настолько что ему не нужны уже будутъ болѣе заботы матери и онъ будетъ въ состояніи возвратиться къ прежней своей жизни и занятіямъ въ большомъ свѣтѣ. Для насъ чрезвычайно важно убѣдить его переселиться въ нашъ домъ. Сдѣлать это не легко. Для молодаго человека живущаго въ свѣтѣ очень естественно желать имѣть свое *chez lui*. Въ такомъ случаѣ что будетъ съ Густавомъ? Одинокій, съ разбитымъ сердцемъ, онъ будетъ созывать друзей, такихъ же молодыхъ, но гораздо крѣпче чѣмъ онъ, приходитъ развеселять его; или же будетъ искать разсѣять свои мысли черезчуръ сильною умственною работою; въ обоихъ случаяхъ онъ осужденъ. Но у меня есть еще болѣе важныя причины удержать его на время у нашего очага. Теперь именно время, и улуствивъ его уже никогда не воротить, когда важное сообщество, кроткіе совѣты безъ упрековъ могутъ прочно утвердить его въ такихъ привычкахъ и образѣ жизни которыя навсегда изгонятъ страхъ за него изъ сердца его родителей. Вы по крайней мѣрѣ удостоиваете его вашею дружбой, вы желали бы удалить его ото всего что можетъ заслужить дружеское порицаніе и сожалѣніе, а Провидѣніе создало его добрымъ и можетъ-быть назначило ему быть великимъ. Если я скажу ему: „Ты еще не скоро будешь въ состояніи выходить чтобы видѣться съ друзьями, но въ моемъ домѣ твои друзья могутъ приходить чтобы повидаться съ тобой, между прочимъ и сеньора Велоста и *Mademoi-*

velle Чигонья обѣщала зайти иногда, тогда дѣло мое выиграю, сынъ мой спасенъ.

— *Madame*, сказала Исавра почти рыдая, — какое счастье имѣть такую мать какъ вы! Такая благородная любовь облагораживаетъ другихъ которые слышатъ ея голосъ. Передайте вашему сыну какъ сильно мое желаніе чтобъ онъ выздоровѣлъ и достигъ большого чина; общается его геній; скажите ему также какъ я завидую ему что онъ имѣетъ такую мать.

Г Л А В А XV.

Мнѣ не нужно тратить много словъ чтобы повѣдать тебѣ, мой провидательный читатель, кто бы ты ни былъ, мужчина или женщина — въ особенности женщина — обо всѣхъ событіяхъ смѣнявшихъ одно другое какъ волна смѣняетъ волну во время прилива, и бывшихъ послѣдствіемъ свиданія о которомъ разказано въ послѣдней главѣ. Густавъ былъ перевезенъ въ домъ своихъ родителей; по цѣлымъ недѣлямъ остается онъ дома, или же въ солнечные дни катается часъ или около того въ собственномъ экипажѣ, на лошади кулевной у Ротбріана, по отдаленнымъ аллеямъ, въ сторонѣ отъ моднаго свѣта; Исавра поощряетъ его мать, любитъ, уважаетъ ее, и все больше подчиняется ея вліянію; во время этихъ посѣщеній она сидитъ около дивана на которомъ отдыхаетъ Рамо. Постепенно, незамѣтно, изъ словъ его матери она приходитъ къ убѣжденію что въ ея власти спасти человѣческую жизнь, и направить его карьеру къ тѣмъ цѣлямъ которыя никогда не спускаются до земли въ глазахъ генія, или въ видѣніи можетъ-быть еще болѣе возвышенномъ, вѣрующей женщины съ чистою душой.

И самъ Густавъ, по мѣрѣ того какъ онъ медленно подвигается къ выздоровленію, кажется съ благодарностью приписываетъ ей каждый шагъ своего успѣха, характеръ его по видимому смягчается, онъ очищается отъ прежней аффектаціи, облагораживаясь отдѣляется отъ прежняго цинизма, и, главное, ему такъ необходимо ея присутствіе, такъ темно безъ нея, что — нужно ли договаривать? — читатель дополнитъ самъ то что я оставляю недосказаннымъ.

Довольно сказать что однажды Исавра возвратилась домой отъ *Madame* Рамо зная что рука ея уже обѣщана, что ея бу-

дущее уже не принадлежать ей; и избѣгая Веносты, которую она такъ вѣжно, жажда материнской любви, называла *Madre*, дѣвушка затворилась въ своей комнатѣ и залерла дверь на ключъ.

О, бѣднсе дитя! о, сладкогласная Исавра! чей вѣжный образъ я чувствую себя слишкомъ грубымъ и жесткимъ чтобы передать на этой страницѣ съ чистотою его очертаній, съ томною вѣжностью его дѣвста; ты которая говоря вещи серьезныя въ устахъ мушны, выражала ихъ съ такою очаровательною серьезностью и съ такимъ женственнымъ взглядомъ; ты, кого ни одинъ изъ извѣстныхъ мѣт мушнѣвъ не былъ вполне достоинъ; о бѣдная, простая, несчастная дѣвушка, какъ смотрю я на тебя теперь въ уединеніи твоей дѣвственной горенки съ бѣлыми занавѣсками! ужели наконецъ твоя особая звѣзда спустилась въ толпу тѣхъ пошлыхъ дѣвусекъ чьи уста говорятъ „да“, тогда какъ сердце говоритъ „нѣтъ“? Ты, блестящая Исавра! ты, бѣдное дитя лишенное матери!

Она опустилась въ свое кресло, свое любимое кресло — покрывка его была вышита гжей де-Граммениль и подарена ей въ прошедшемъ году въ день ея рожденія, въ тотъ годъ когда она впервые узнала что такое любовь, впервые узнала что значитъ борьба для достиженія славы. И когда подобно многимъ молодымъ людямъ она соединяла любовь и славу въ мечтахъ о будущемъ, это шелковое кресло стало для нея тѣмъ же чѣмъ Дельфійскій треножникъ былъ для Пифа: она инстинктивно обращалась къ нему во все часы горя или радости, когда юность ищетъ пророчества и ограничивается мечтами.

Тамъ сидѣла она теперь, въ какомъ-то оцѣпленіи, въ какомъ-то печальномъ забытіи — иллюзіи Пифа прешли, жажда мечтаній и пророчества также — сжавъ руки и шепча про себя: „Что случилось? Что я сдѣлала?“

Три часа спустя вы не узнали бы то же лицо которое видите теперь. Потому что тогда мужество, честь и чествость бывшія въ натурѣ дѣвуски взяли верхъ. Она дала слово одному человеку — слово это не можетъ быть взято назадъ. всякая мысль о другомъ мушнѣвѣ должна исчезнуть. Въ каминѣ ея лежитъ зола и пепель — послѣдніе остатки драгоцѣннаго письма Грагама Вена, сохранявшейся вырѣзки изъ газетъ гдѣ упоминалось его имя, сухаго трактата имъ

изданнаго который побудилъ милую писательницу романовъ желать „познакомиться съ политикой“. О, еслибы трактатъ этотъ касался охоты на лисицъ, она пожелала бы „познакомиться“ съ этою охотою! Поверхъ всего, еще отличалась отъ остальнаго, когда искры слабо всплывали и погасали то на листкѣ, то на стеблѣ, видѣлись высушенные цвѣты напоминавшіе о счастливомъ часѣ проведенномъ въ бесѣдкѣ, и прогулку въ забытомъ саду, когда она рѣшилась отказать отъ артистической карьеры въ которой могла быть достигнута слава, но слава эта не была бы неразлучна съ любовью, въ мечтахъ навсегда теперь о ставленныхъ.

К Н И Г А X.

Г Л А В А I.

Графамъ Вевъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ извѣстій отъ *Monsieur* Ренара, какъ однажды утромъ онъ получилъ письмо приводимое здѣсь въ переводѣ:

„*Monsieur*, — Съ радостью могу увѣдомить васъ что я наконецъ получилъ извѣстіе которое можетъ повести къ болѣе важнымъ открытіямъ. Когда мы разстались послѣ бесплодныхъ поисковъ въ Вѣнѣ, мы оба пришли къ убѣжденію что по какой-то причинѣ, извѣстной только самимъ этимъ дамамъ, *Madame* Мариньи и *Madame* Дюваль помѣнялись именами, что умершая подъ именемъ Дюваль была *Madame* Мариньи, а *Madame* Дюваль осталась въ живыхъ подъ именемъ Мариньи.

„Для меня было ясно что этотъ *beau Monsieur* который навѣщалъ ложную Дюваль, долженъ былъ знать объ этой перемѣнѣ именъ, и если его имя и мѣстожительство можетъ быть найдено, онъ, по всей вѣроятности, долженъ знать что стало съ дамою составляющей цѣль розысковъ; по истеченіи столькихъ лѣтъ онъ вѣроятно не будетъ уже имѣть причинъ такъ строго сохранять тайну которую безъ сомнѣнія было умѣстно хранить въ свое время. Возлюбленный этой *soi-disant Mademoiselle* Дюваль принадлежалъ, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ какія намъ удалось собрать, къ высшему обществу, и можетъ-быть былъ человекъ жеманый; словомъ, эта *liaison*

принадлежала къ числу тѣхъ которыя, пока продолжаются, требуютъ осторожности и тайны.

„Потому, оставивъ всѣ дальнѣйшія попытки къ отысканію пропавшей дамы, я рѣшился вернуться въ Вѣну какъ только кончатся дѣла вызвавшія меня въ Парижъ и посвятить себя исключительно отысканію таинственнаго влюбленнаго господина.

„Я не сообщалъ вамъ объ этомъ намѣреніи потому что могъ случиться что я ошибался, или если не ошибался, могъ слишкомъ увлекаться своими надеждами. Благоразумнѣе было избавить почтеннаго кліента отъ возможнаго разочарованія.

„Ясно было одно, что во время смерти *soi-disant* Дюваль, этотъ *beau Monsieur* находился въ Вѣнѣ.

„Довольно яснымъ представлялось также то что когда подруга умершей такъ таинственно уѣхала изъ Мюнхена, она отправилась въ Вѣну, и изъ Вѣны было получено письмо съ требованіемъ удостовѣренія о смерти *Madame* Дюваль. Простите что я напоминаю вамъ всѣ эти обстоятельства, которыя безъ сомнѣнія еще свѣжи въ вашей памяти. Повторяю ихъ для объясненія заключеній къ какимъ они привели меня.

„Я не могъ получить разрѣшенія уѣхать изъ Парижа на продолжительное время ранѣе конца апрѣля. Между тѣмъ я старался частнымъ образомъ разузнать кто изъ Французовъ принадлежащихъ къ высшему обществу былъ въ этой столицѣ осенью 1849. Въ небольшомъ спискѣ такихъ лицъ я остановился на одномъ который могъ быть таинственнымъ Ашилемъ, его *nom de baptême* было дѣйствительно Ашиль.

„Интриганъ, à *bonnes fortunes*, и въ то же время рачительный; очень щекотливый въ поддержаніи своего достоинства, и избѣгавшій малѣйшаго повода къ сплетнѣ которая могла бы его унизить; такой именно человекъ который при случайномъ ухаживаніи за женщиной сомнительной репутаціи никогда не подписалъ бы письма своимъ титулованнымъ именемъ и насколько возможно старался бы сохранять инкогнито. Но человекъ этотъ уже умеръ, и послѣ смерти его прошло нѣсколько лѣтъ. Онъ умеръ не въ Вѣнѣ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ до своей смерти не бывалъ въ этомъ городѣ. Онъ былъ долгое время *ami de la maison* одной изъ тѣхъ *grandes dames* съ которыми близости не стыдятся *grands seigneurs*. Въ такомъ случаѣ они хвастливо выставляютъ на видѣ свои *bonnes fortunes* которыя

при другихъ обстоятельствахъ скрываютъ. *Monsieur* вмѣстѣ съ *grande dame* были въ Баденѣ когда первый умеръ. Донъ Жуанъ подобнаго сорта всегда долженъ имѣть довѣреннаго Лелорелло. Еслибъ я могъ найти этого Лелорелло въ живыхъ, отъ него можно было бы вывѣдать тайны которыхъ нельзя ужъ узнать отъ покойнаго Донъ Жуана. Дѣйствительно, я узналъ какъ въ Вѣнѣ, куда сперва отправился для проверки свѣдѣній полученныхъ въ Парижѣ, такъ и въ Баденѣ, куда потомъ направилъ свой путь, что у этого блестящаго дворянина былъ любимый слуга который жилъ у него съ молодыхъ лѣтъ, Италіанецъ, который сумѣлъ во время своей службы накопить достаточно денегъ чтобъ открыть гостиницу гдѣ-то въ Италіи, полагали что въ Пизѣ. Я прибылъ въ Пизу, но человѣкъ этотъ выѣхалъ оттуда нѣсколько лѣтъ тому назадъ; гостиница его не имѣла успѣха и у него остались долги. Никто не могъ сказать что съ нимъ случилось. Наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысковъ, я нашелъ его содержателемъ небольшой гостиницы въ Генуѣ и довольно пріятнымъ человѣкомъ; послѣ дружескаго знакомства съ нимъ (я разумѣется остановился въ его гостиницѣ) я безъ труда вызвалъ его на разговоръ о его прежней жизни и приключеніяхъ, въ особенности о его бывшемъ господинѣ, блестящею карьерой котораго въ рядахъ *de la Belle Déesse* онъ не мало гордился. Но не легко было навести его въ частности на тотъ случай который интересенъ для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, приключеніе съ бѣдною *Soi-disant* Дюваль было такимъ краткимъ и незначительнымъ эпизодомъ въ жизни его господина что онъ не безъ труда могъ вспомнить о немъ.

„Мало-по-малу однако же, въ теченіи двухъ или трехъ вечеровъ, и съ помощію многихъ флашекъ Орвіетта или бутылочекъ Лакрима (вина, *Monsieur*, которыхъ я не рекомендую никому кто желаетъ сохранить въ порядкѣ свой желудокъ и въ тайнѣ свои секреты), я разузналъ слѣдующія подробности.

„Нашъ Донъ Жуанъ со времени смерти жены, въ первый годъ супружества, рѣдко посѣщалъ Парижъ, гдѣ имѣлъ квартиру—свой фамильный отель тамъ онъ продалъ.

„Но посѣтивъ случайно эту столицу Европы за нѣсколько мѣсяцевъ до извѣстнаго намъ случая въ Ахенѣ, онъ свелъ знакомство съ *Madame* Мариньи, незаконною дочерью высокопоставленныхъ родителей, которыми, разумѣется, она никогда не была признана, но которые позаботились чтобъ она

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСѢ

И

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

СОЧИНЕНІЕ МАКЪ-ГАХАНА,

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(Съ рисунками)

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОБСУСѢ.

И

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

СОЧИНЕНІЕ МАВЪ-ГАХАНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО. *

Цѣль этого сочиненія весьма скромная, это скорѣе замѣтки путешественника о личныхъ приключеніяхъ, чѣмъ регулярная исторія военной кампаніи. По большей части я просто описываю что самъ видѣлъ и слышалъ. Я однако надѣюсь что вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ удалось изобразить довольно вѣрную картину жизни и веденія войны въ Центральной Азш. Я старался также придать какъ можно болѣе полноты самому разказу, описывая не одни только военныя дѣйствія противъ Хивы, а также и физическія черты этой страны, социальный строй въ жизни и ея политическое положеніе.

Мнѣ могутъ поставить въ укоръ то что я слишкомъ долго оставался — особенно въ первыхъ главахъ — на своихъ личныхъ приключеніяхъ. Хотя я и не могу не сознаться въ справедливости этого замѣчанія, я приведу два довода смягчающіе мою вину. Вопервыхъ, надо принять во вниманіе что путешествовалъ я по совершенно чуждой странѣ при весьма странныхъ обстоятельствахъ. А во вторыхъ, замѣтки о моихъ личныхъ приключеніяхъ могутъ дать читателю нѣкоторую идею о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ тѣхъ почти что неизвѣстныхъ народовъ въ средѣ которыхъ я вращался.

Книга эта раздѣлена на три части. Въ первой заключается повѣсть о моей жизни въ пустынѣ Кизиль-Кумы въ періодъ моихъ поисковъ арміи генерала фонъ-Кауфмана. Во второй части я описываю походъ къ Хивѣ и взятіе этого города, посвятивъ нѣкоторыя ея главы на общее описаніе ханства. Въ третьей части заключается разказъ о войнѣ съ Туркменами, послѣдовавшей за паденіемъ Хивы.

* *Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva.* By J. A. Mac Gahan. London, 1874.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ ВЪ КИЗИЛЬ-КУМЪ.

I. Отъ Волги до Сыръ-Дарьи.

Ясный солнечный день. Широко раскинулась во всѣ стороны гладкая равнина, вся испещренная группами лѣсныхъ зарослей. Мѣстами она перерѣзана каналами, когда-то служившими для орошенія, но теперь давно залущенными; къ югу до самаго горизонта простирается тинистое, заросшее тростниками болото, съ котораго по временамъ поднимаются такіа многочисленныя стаи болотной дичи что какъ тучи затмѣваютъ собою солнце; на западѣ медленно, точно громадная улитка, движется караванъ со своимъ длиннымъ рядомъ верблюдовъ, на востокѣ же виднѣются глиняныя городскія стѣны, за которыми, какъ колья направленные въ небо, стоятъ высокія и стройныя мачты кораблей.

Равнина эта уже принадлежитъ къ области Центральной Азіи и лежитъ верстахъ въ семьдесятъ на востокъ отъ сѣверныхъ окраинъ Аральскаго моря, по близости рѣки Сыръ-Дарьи. Какъ ни пустынна эта мѣстность, но въ настоящее время, а именно 7го (19го) апрѣля 1873 года, она представляетъ видъ довольно оживленный. Посреди ея стоитъ длинная повозка извѣстная въ Россіи подъ названіемъ тарантаса, съ колесами погруженными въ быстрый потокъ воды; отъ шести до восьми лошадей впряженныхъ въ тарантасъ вязнуть и брызгаются самымъ отчаяннымъ образомъ въ грязи, систематически отказываясь тянуть его впередъ; человѣкъ пять ямщиковъ-Киргизовъ, кто на лошадяхъ, кто по поясъ въ водѣ, толкаютъ колеса, кричатъ, воютъ и кричатъ не хуже самой нечистой силы, которую они безпрестанно поминуютъ; а колеса, своимъ чередомъ, тонуть только все глубже да глубже при каждомъ движеніи взбѣшенныхъ лошадей. Въ самомъ тарантасѣ сидятъ двое заполучныхъ путешественниковъ укутанные одѣялами и овчинами, съ какою-то хладнокровною покорностію наблюдая за погруженіемъ колесъ, и

исчисляя, черезъ сколько, примѣрно, времени залетѣла вода въ самый тарантасъ и промочить имъ ноги, одѣяла, оружіе и провизію.

Эти двое унылыхъ путешественниковъ—г. Скайлеръ, „chargé d'affaires“ при посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, предпринявшій путешествіе по Центральной Азіи, и авторъ этой книги, на пути въ Хиву.

Было время когда не знали они ни унынія, ни покорности, ни грусти, когда вѣхали они полные надеждъ и радужныхъ мечтаній, съ легкимъ сердцемъ, огорая лишь желаніемъ новизны и приключеній,—время когда они щедро расточали свои совѣты ямщикамъ-Киргизамъ, сердились, видя что имъ не сѣдуютъ, когда они выходили изъ себя, бѣсились и ругались, били какъ лошадей, такъ и возницъ, полагая такой избытокъ энергіи на это стремленіе къ скорѣйшему передвиженію что погружали въ полнѣйшее недоумѣніе мирныхъ туземцовъ, но результатовъ не достигали почти никакихъ.

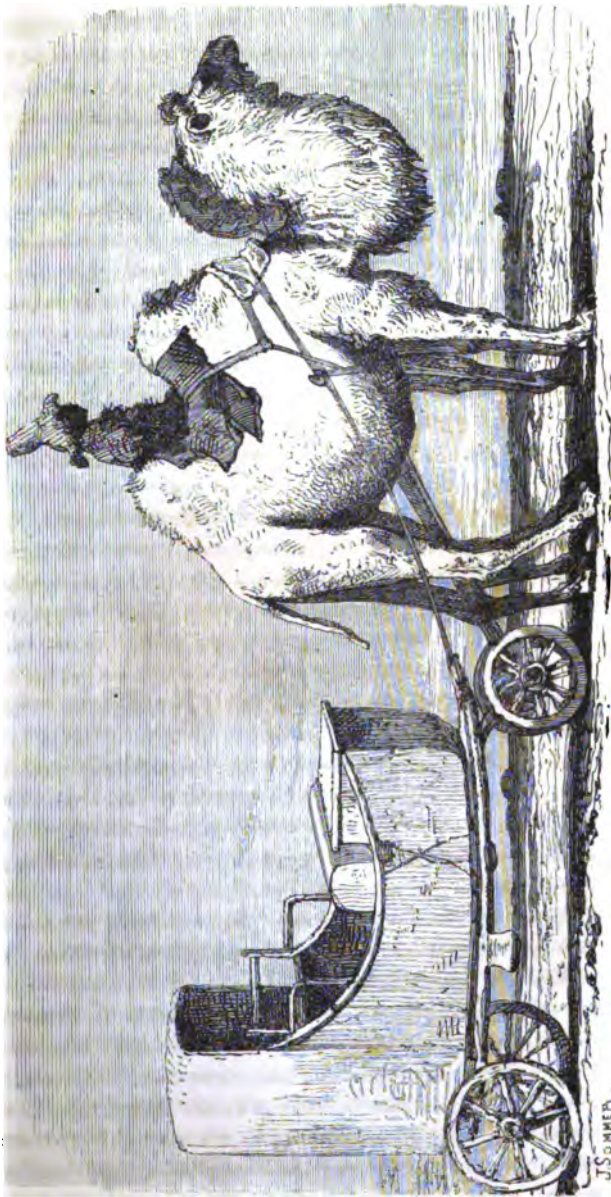
Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много воды утекло. Въ ихъ оцѣнкой памяти все это представлялось дѣлами давно минувшихъ лѣтъ. Теперь эти самые герои-бойцы покорно возсѣдали въ своемъ тарантасѣ, положившись во всемъ на волю Божію, наблюдая за бьющимися лошадьми, гиканьемъ ямщиковъ и погруженіемъ въ грязь колесъ, уже не думая предлагать ни помощи, ни совѣтовъ. Четырехнедѣльное путешествіе по почтовому тракту днемъ и ночью, по ровнымъ морознымъ степямъ Россіи и широкимъ сѣвнымъ равнинамъ Азіи, при двадцати и болѣе градусахъ мороза, война съ отчаяннымъ упрямствомъ русскихъ ямщиковъ и невыносимой тупостью джигитовъ и собственниковъ лошадей, безсиліе изнуренныхъ и оголодалыхъ клячъ, которыя едва были въ состояніи передвигать свои собственныя ноги, не говоря уже объ нашемъ тяжеломъ тарантасѣ и багажѣ, упорство стрелковыхъ верблюдовъ, томившихъ насъ во дѣлымъ часамъ своими получеловѣческими криками—все это въ совокупности довело насъ наконецъ до состоянія чистотской покорности.

Путешествіе по этой мѣстности и въ то время года когда его предприняли представляетъ нескончаемую, непрерывную борьбу съ препятствіями самаго непріятнаго, а подчасъ и неожиданныя свойства. Разстояніе отъ Самары или Саратова

до Ташкента, главнаго города Туркестанской области, около двухъ съ половиною тысячъ верстъ. Хотя въ Европѣ и Америкѣ подобный переѣздъ кажется совершенными лустяками, въ Азіи это дѣло совсѣмъ не легкое, требующее цѣлыхъ недѣль, а при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, цѣлыхъ мѣсяцевъ на приведеніе его въ исполненіе. Русскіе устроили почтовое сообщеніе по всему пространству этой линіи и, въ тѣхъ случаяхъ когда лошади не оголодали еще послѣ лѣтнихъ ластбищъ и дороги хороши, или же въ началѣ зимы по первому пути, весь переѣздъ можетъ-быть совершенъ въ 3 недѣли, если ѣхать днемъ и ночью. Весною же, въ ту пору о которой идетъ рѣчь, когда лошади изморены зимнимъ голодомъ, дороги изрыты и затолпены, можно почитать себя счастливымъ если удастся совершить этотъ переѣздъ и въ три мѣсяца. Первой заботой каждаго путешественника въ этихъ мѣстахъ должно быть приобрѣтеніе тарантаса, такъ какъ почтовые телѣги и сани мѣняются съ каждой перемѣной лошадей, что поставяетъ пассажировъ въ необходимость перегружать такъ же часто и весь свой багажъ, который не можетъ-быть незначительнаго вѣса и объема при такого рода переѣздѣ. Тарантасъ — исключительно русская повозка, кромѣ рѣдкой прочности имѣющая то удобство что снятая съ колесъ, можетъ-быть поставлена на полозья и съ такимъ же успѣхомъ исполнять должность зимняго экипажа, что и пришлось намъ, налпримѣръ, примѣнить на дѣлѣ при самомъ нашемъ выѣздѣ.

Мнѣ кажется что переѣздъ отъ Саратова до Казани, гдѣ насъ застаётъ начало этой главы, можетъ показаться не безынтереснымъ читателю, и потому я постараюсь, въ возможно краткихъ словахъ, дать бѣглый очеркъ этого мучительнаго для насъ времени.

Первый день путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу Волги, черезъ поселенія нѣмецкихъ колонистовъ, основавшихся здѣсь въ царствованіе Екатерины II, въ 1769 году. Довольно пріятенъ еще былъ нашъ переѣздъ по этимъ маленькимъ старомоднымъ селеніямъ съ ихъ привѣтливими, уютными домиками, полузанесенными снѣгомъ, ихъ приземистыми курками съ высокими колокольнями, какъ бы для того поставленными чтобъ указывать мѣсто гдѣ стоитъ деревня, на тотъ случай если она окончателно будетъ занесена степными жителями. Почтовые станціи вездѣ чисты и одрѣтны,

ТАРАНТАСЪ. Съ рисунка Верещагина.

всегда можно добыть хорошій кофе, хлѣбъ и масло, народъ проворенъ и услужливъ, лошади въ хорошемъ состояніи, и мчимся мы полнымъ галопомъ по блестящей свѣжной леденѣ. Рѣзкій зимній воздухъ весь сверкаетъ отъ летающихъ въ немъ морозныхъ частицъ, которыя, точно иглы, колютъ вамъ лицо; сильные порывы вѣтра заставляютъ его горѣть подъ морозомъ, но все это казалось намъ тогда только ликвентною приправой къ нашей длинной санной прогулкѣ. Изъ деревни въ деревню, отъ станціи къ станціи, переносимся мы со скоростью почти желѣзнодорожнаго поѣзда. Подъѣхавъ къ станціи, послѣднѣе выскакиваемъ мы изъ своей повозки, выворачиваемся изъ овчинъ и входимъ въ теплую комнату станціоннаго дома; тѣмъ временемъ какъ мы согрѣваемся и наскоро выпиваемъ по стакану чаю или кофе, лошади уже готовы, и вотъ мы олять въ дорогѣ, весело мчась по свѣгу подъ звуки колокольчика. Днемъ и ночью ѣдемъ мы такимъ образомъ, устраиваясь спать какъ можемъ въ экипажѣ и только изрѣдка останавливаясь перекусить на скорую руку, пока не доѣзжаемъ до Николаевска. Здѣсь приходится намъ распрощаться съ нѣмецкими колонистами, а вмѣстѣ съ ними и со всѣмъ нашимъ дорожнымъ комфортомъ и спокойствіемъ. Изъ Николаевска мы прямо проѣзжаемъ на Уральскъ, минуя почтовую дорогу, и тутъ уже начинаемъ испытывать перемѣну.

Мы находимся на вольной почтовой дорогѣ, то-есть на почтовой линіи основанной не правительствомъ, а частною предпріимчивостью. Тутъ нѣтъ почтовыхъ лошадей и останавливаемся мы уже не на почтовой станціи, а у крестьянскихъ избъ, ища мужика, которому приходилось поставлять для насъ лошадей. Лошади эти по большей части костлявыя, лохматыя, полуизморенныя голодомъ животныя, совсѣмъ не похожія на тѣхъ лоснящихся, сытыхъ лошадокъ что мчались по странѣ нѣмецкихъ колонистовъ; онѣ едва въ состояніи плестись шагомъ, да и самые переѣзды гораздо длиннѣе, а въ избахъ уже не можемъ мы допроситься ни молока, ни масла.

Вотъ подѣзжаемъ мы, бывало, къ одной изъ этихъ избъ, исполняющихъ должность станціонныхъ домовъ. Выскакиваемъ изъ тарантаса, расправляемъ онѣмѣлые, полузамершіе члены и вступаемъ въ сѣни, холодныя и темныя, исполняющія роль кладовой и чулана, а также прикрывающія входи

въ настоящую избу отъ провзительнаго зимняго вѣтра; про-
бравшись тутъ ощуль, подходимъ къ тяжелой обитой вой-
локомъ двери, которая откидывается къ стѣнѣ, а за ней на-
тапливаемся на другую, подобную ей, дверь, но уже отворяю-
щуюся въ сторону избы—и вотъ мы въ самой избѣ, натолпан-
ной до такой степени что въ первый моментъ представляет-
ся что какою-то сверхестественною силою насъ втокнуло въ
то самое мѣсто что обыкновенно считается самымъ раска-
леннымъ во всей вселенной. Внутренняя атмосфера налегаетъ
на насъ какъ горячая подушка, и въ продолженіе нѣсколькихъ
минуть мы почти задыхаемся, тогда какъ глаза наши, при-
выкшіе къ яркости зимняго солнца, ничего не могутъ разли-
чить въ этомъ полумракѣ. По прошествіи нѣкотораго време-
ни, впрочемъ, къ намъ возвращается поемногу способность
дышать и видѣть. Мы находимся въ тѣсной избѣ, футовъ въ
12 шириною при 14ти длинны; около четверти этого простран-
ства занимаетъ собою раскаленная печь, изъ которой и вы-
ходитъ этотъ ошеломляющій жаръ; одно или два маленькихъ
окошка съ двойными рамами и стеклами, покрытыми снару-
жи толстымъ слоемъ льда, лавки вокругъ всей стѣны, столъ,
сколоченный изъ неотесанныхъ досокъ, двѣ-три скамьи изъ
того же матеріала; въ одномъ изъ угловъ у потолка образъ
Николая Чудотворца а иногда и образъ Богородицы; немно-
го въ сторонѣ, на веревкѣ прибитой къ потолку, виситъ
глиняный сосудъ, наломивающій формою чайникъ, и напо-
ленный водою: стобитъ только его нагнуть, и вы можете тутъ
же умыться надъ стоящей подъ нимъ деревянной лоханью;
вотъ и все незатѣливое убранство избы. Нѣтъ никакихъ
полокъ, да онѣ бы и были здѣсь излишнею затѣей, когда
изъ всей посуды имѣется развѣ пара ножей, нѣсколько де-
ревянныхъ чашекъ и съ полдюжины такихъ же ложекъ; нѣтъ
постели, такъ какъ вся семья спитъ на этой самой чудовищ-
ной печи, прикрываясь старымъ тряпьемъ и тулудами; нѣтъ
здѣсь шкаловъ, потому что платья свои они сберегаютъ въ
болѣе подходящемъ мѣстѣ, а именно на собственныхъ сли-
нахъ, почти никогда не снимая, даже во время сна. Въ из-
бахъ этихъ въ рѣдкихъ случаяхъ найдете вы даже самоваръ,
необходимую принадлежность каждаго стационарнаго дома:
здѣшній мужикъ слишкомъ бѣденъ чтобы позволить себѣ
эту роскошь,—два, много три самовара приходятся на всю
деревню и правятъ всю службу.

Сговорившись относительно лошадей, мы садимся за столъ, и намъ вносятъ нашу чайную посуду и занятый у сосѣда калѣку-самоваръ. Скоро вода закипаетъ, чай заваренъ, и мы погружаемся въ процессъ чаепитія, стараясь заластись тепломъ для предстоящей борьбы съ вѣтрами и морозомъ. Затѣмъ мы опять въ дорогѣ, опять начинается возня съ изморенными животными, которыя едва-едва тянутъ насъ по нескончаемой снѣжной равнинѣ.

Впрочемъ, всей вины нельзя и сваливать на лошадей; возницы также не мало намъ перелортели крови. Помнится, какъ-то ночью, чуть ли не одной изъ самыхъ морозныхъ которыми намъ приходилось подвергаться, застигнуты мы были въ полѣ страшной метелью, и едва-едва на разсвѣтѣ добрались до деревни. Каково же было наше удивленіе, когда мы тутъ увидели что нашъ чудовищный возница, косою сажени въ плечахъ, до носа укутанный лолушубками и овчинами, спрыгиваетъ съ козелъ и мало-по-малу обращается въ груду овчинъ и быстроглазую дѣвочку двѣнадцати лѣтъ! Къ удовольствію своему, мы, впрочемъ, узнали что не одной ей были вѣрены, а что отецъ ея ѣхалъ впереди съ нашимъ багажемъ.

Отъ русскихъ деревень переѣхали мы въ поселенія Башкиръ, гдѣ чуть не принуждены были зимовать, вслѣдствіе упрямства этихъ разбойниковъ, которые отказывались ставить лошадей иначе какъ за баснословныя цѣны, да и то не всегда ихъ можно было добиться. Послѣ неимоверныхъ усилій и такого количества дипломатическихъ удовокъ которое удивило бы самихъ Бисмарка и Тьера, намъ, впрочемъ, удается вырваться отъ нихъ; мы перерѣзываемъ южную отрасль Уральскихъ горъ и взѣзжаемъ въ землю Уральскихъ казаковъ.

Отъ Уральска, по берегу Урала, до самаго Оренбурга наше путешествіе много напоминаетъ собою переѣздъ по землѣ нѣмецкихъ коловистовъ. Лошади исправны, станціонныя дома чисты и опрятны, и еслибы не изрытыя канавами и ложбинами дороги, этотъ переѣздъ былъ бы пріятенъ, несмотря на трескучій морозъ.

Въ Оренбургѣ останавливаемся мы всего на нѣсколько часовъ, переправляемся чрезъ Уралъ по льду, оставляемъ Европу за собою и скоро обрѣтаемся далеко въ широкихъ, необозримыхъ равнинахъ Азіи.

Здѣсь почтовые лошади поставляются Киргизами, у которыхъ ихъ цѣлыя тысячи бѣгаютъ на волѣ по степи. Но рав-

лею весною, изнуренныя долгимъ зимнимъ голодомъ, онѣ едва передвигаютъ ноги. Иногда приходилось впрягать въ наши двѣ повозки отъ пятнадцати до двадцати лошадей, по три, по четыре въ рядъ; спотыкаясь плелись онѣ предъ нами какъ стадо овецъ, но никогда не были въ состояніи поднять ся въ рысь. Верблюды, которыхъ намъ иногда поставляли вмѣсто лошадей, оказались ничѣмъ не лучше этихъ послѣднихъ, съ тою развѣ разницей что который-нибудь изъ этихъ „кораблей пустыни“ поднималъ вой, точно протестуя противъ всей этой процедуры, и уже не замолкалъ ни на минуту въ продолженіе всего переѣзда, версты на 30—35.

Много часовъ приходилось намъ проводить на морозѣ въ вознѣ съ нашими клячами, а затѣмъ вмѣсто станціи подѣзжали мы къ землянкамъ, крытымъ хворостомъ и землею, куда пробираться приходилось подземнымъ ходомъ. Не будь тутъ почтовыхъ столбовъ врытыхъ въ землю, легко можно бы проѣхать подобную станцію не подозревая даже ея существованія, — такъ сравниваются крыши этихъ комфортабельныхъ жилищъ съ уровнемъ снѣжной равнины. Лошади вѣчно оказывались угнанными въ отдаленный аулъ, надо было посылать ихъ искать и приводить, на что употреблялось по нѣскольку часовъ, такъ что нерѣдко мы дѣлали по одному только переѣзду въ день. Въ одномъ даже мѣстѣ намъ наотрѣзъ отказались ставить лошадей, объявляя безъ обиняковъ что ихъ нѣтъ и не будетъ. На вопросъ нашъ у Киргиза, которому приходилось поставлять лошадей, не думаетъ ли ужь онъ что мы за тѣмъ и ѣхали чтобы простоять здѣсь на мѣстѣ всю зиму, онъ преспокойно отвѣчалъ что не знаетъ, да и дѣло это не его. Терпѣнью нашему, впрочемъ, насталъ конецъ, а Акъ-Маматовъ, нашъ слуга-Татаринъ, человекъ къ дѣлу привычный, немедленно пустилъ въ ходъ для убѣжденія невозмутимаго Киргиза крайніе доводы, приравляя ихъ вѣскимъ ударами старой, ржавой шлагги, которая при немъ случилась. Эта дипломатическая уловка оказалась дѣйствительнѣе всѣхъ переговоровъ, потому что немедленно ея слѣдствіемъ было то что намъ вывели множество клячь, почти съ ногъ валившихся отъ голода, и чрезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали, несмотря на всеобщее убѣжденіе что несчастныя животныя эти полягутъ на половинѣ переѣзда.

Съ подобными развлеченіями тянутся для насъ дни за днями; нѣкоторые проходятъ въ свирѣлыхъ снѣговыхъ вихряхъ, которые воютъ, кружась вокругъ насъ, точно всѣ стелные демоны на насъ ополчились; другіе — въ ослабительномъ солнечномъ сіяніи и трескучихъ морозахъ, которые заставляютъ нарывать наши лица. Отъ времени до времени подѣвжаемъ мы къ темнымъ землянкамъ, душнымъ и дымнымъ, подсаживаемся къ кипящему самовару и поглощаемъ цѣлые океаны горячаго чая; затѣмъ опять лускаемся въ дорогу, въ ту же утомительную борьбу со степью. Даже ночью когда случалось просыпаться, насъ неотступно преслѣдовало сознаніе что мы все въ тѣхъ же таинственныхъ странахъ Средней Азіи, окружены все тѣмъ же безмолвіемъ при мертвенномъ свѣтѣ той же луны, гдѣ на цѣлые десятки верстъ кругомъ не найдешь людскаго жилища, развѣ только попадется гдѣ землянка, болѣе похожая на кротовую нору, чѣмъ на жилище человѣка, — такъ сглаживается ея поверхность и подводится къ уровню всей окружающей степи, какъ бы подавляемая ея обширностью. Жутко бывало подумать о странномъ образѣ жизни вылазшемъ на долю бѣднаго станціоннаго зрителя, прозябающаго въ этой подземной берлогѣ занесенной снѣгомъ и отрѣзанной отъ обитаемаго міра.

Есть что-то непонятно гнетущее и ужасное въ неизмѣнномъ одиобразіи этихъ безконечныхъ снѣговыхъ равнинъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ вы не видите ничего кромѣ необозримыхъ снѣговъ и неба, гдѣ вы изображаете собой какъ бы двигающійся центръ этого бѣлаго покрыва обрамленнаго со всѣхъ сторонъ прямою линіей горизонта; да и самый горизонтъ какъ будто передвигается вмѣстѣ съ вами, налегаетъ на васъ и подавляетъ васъ какъ чудовищный жерновъ. Здѣсь найдете вы весь просторъ и удивленіе Океана, но безъ движенія; холодную, ледяную тишину арктическихъ странъ, безъ сіянія арктическихъ ночей и безъ величія арктическихъ горъ. Вездѣ кругомъ безмолвіе и пустота необитаемаго міра.

Единственная жизнь проявляющаяся въ этихъ снѣговыхъ равнинахъ заключается въ свирѣломъ бушеваніи вѣтра, который вырывается изъ холодныхъ окраинъ сѣверной Сибири и на пространствѣ цѣлыхъ тысячъ верстъ не встрѣчаетъ ни малѣйшей преграды; онъ рѣжетъ вамъ лицо какъ лезвиемъ ножа, если вы не позаботитесь укрыться отъ его свирѣлости;

поднимаетъ снѣгъ клубами и носитъ ихъ по всей степи. Короткіе солнечные дни, когда сверканіе снѣговъ ослаблѣло насъ, длинные холодныя ночи проведенныя въ полусонномъ въ полузамерзломъ состояніи, ходячіе лошадиные скелеты едва передвигающіе ноги подъ градомъ ударовъ, — и теперь не могу я вспомнить обо всемъ этомъ безъ содроганія.

День за днемъ, ночь за ночью, недѣля за недѣлей застаютъ насъ въ дорогѣ, въ медленномъ движеніи впередъ по однообразной снѣговой степи, гдѣ мы мѣняемъ лошадей на станціяхъ до того похожихъ одна на другую что намъ все кажется что мы возвращаемся къ одному и тому же мѣсту, что мы вовсе не подвигаемся впередъ, а вѣчно окружены въ той же полосой горизонта, отступающей отъ насъ по мѣрѣ того какъ мы къ ней подвигаемся. Наконецъ, вся эта степь начинаетъ представляться нашему ошумѣлому воображенію чѣмъ-то въ родѣ чудовищнаго колеса, въ которомъ мы, какъ бѣлки, сколько изъ силъ ни выбиваемся, все толчемся въ томъ же мѣстѣ.

Но вотъ, по мѣрѣ приближенія къ Сыръ-Дарьѣ, погода дѣлается теплѣе, снѣгъ поемнаго исчезаетъ, и намъ приходится переправляться черезъ большія наводненныя пространства и ежеминутно вязнуть въ грязи и промоинахъ. Мало-по-малу снѣговой покровъ равнины уступаетъ мѣсто зеленому, воздухъ дѣлается мягокъ, все кругомъ дышетъ весною и начинаетъ наполняться благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы повсюду встрѣчаемъ Киргизовъ съ ихъ кибитками и верблюдами: они трогаются уже съ зимнихъ своихъ стоянокъ и предпринимуютъ свой ежегодный лѣтній переходъ по направлению къ северу, и вся равнина испещрена стадами ихъ скота. Такимъ образомъ, зима для насъ миновала, хотя въ широкой степи которую мы оставили за собою, снѣгъ еще долженъ быть колѣна. Затѣмъ взѣзжаемъ мы въ лески Кара-Кумы, по которымъ движемся съ трудомъ, и наконецъ, яснымъ солнечнымъ вечеромъ, взбираемся на маленькій песчаный холмъ, минаемъ у подошвы его послѣднюю станцію, и съ восторгомъ привѣтствуемъ синія воды Аральскаго моря, разстилающія посреди желтыхъ песковъ и сверкающія какъ бирюза, обаянная въ золото.

Въ мрачномъ спокойствіи и тишинѣ лежитъ оно посрединѣ песчаной пустыни его окружающей. Съ нашей стороны е берега образуютъ пологіе холмы покрытые кустарникомъ

но далеко впередъ можно различить высокій, обрывистый западный берегъ, покрытый скалистыми горами съ сіяющими на вечернемъ солнцѣ вершинами. Это картина странной, дикой, пустынной красоты, хорошо гармонирующей съ мрачнымъ за опустеніемъ, царящимъ вездѣ кругомъ.

Еще одинъ день, и мы въ виду города Казаинска или Форта № 1, на Сыръ-Дарьѣ, гдѣ начало этой главы и застасть насъ.

Здѣсь приходится намъ стоять въ смиренномъ ожиданіи въ виду самаго города, который былъ цѣлюю всѣхъ нашихъ стремленій, предметомъ всѣхъ нашихъ надеждъ за такое долгое время. Мы хорошо знаемъ по опыту что малѣйшее замѣчаніе съ нашей стороны относительно посылки въ городъ за подставочными лошадьми должно вызвать результатъ прямо противоположный нашему желанію, и вотъ, проводимъ мы время въ наблюденіи за тщетными усиліями ямщиковъ вытянуть насъ изъ грязи, чувствуя что наше внимательство дѣлу не поможетъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій вытянуть тарахтася изъ грязи, всякаго рода уловокъ и хитростей со стороны ямщиковъ, переговоровъ, приправляемыхъ криками, бранью, а подчасъ и пулками, они рѣшаются послать въ городъ за лошадьми, которыя и появляются часа два спустя, вытаскиваютъ насъ изъ нашей засады и, не болѣе какъ черезъ полчаса, доставляютъ насъ въ самый городъ Казаинскъ, къ берегамъ древняго Яксарта.

II. К а з а и н с к ѣ .

Казаинскъ или Фортъ № 1 есть пунктъ съ котораго начало распространяться русское владычество въ Центральной Азіи.

Фортъ этотъ былъ въ 1847 году основанъ Перовскимъ при самомъ устьѣ Сыръ-Дарьи, въ шестидесяти верстахъ ниже его настоящаго положенія, и названъ фортомъ Аральскимъ; но потомъ это мѣсто признано было до такой степени неудобнымъ вслѣдствіе окружающихъ болотъ что фортъ былъ перенесенъ вверхъ по рѣкѣ, къ его къ настоящему мѣсту. Это былъ первый стратегическій пунктъ занятый на востокъ отъ Орска; но вскорѣ послѣдовао и сооруженіе форта № 2.

Занятіемъ въ 1853 году Акъ-Мечети, извѣстной теперь подъ названіемъ форта Перовскаго, верстахъ въ 350 вверхъ по теченію Сыръ-Дарьи, Русскіе окончателно закрѣпили свое положеніе на этой рѣкѣ.

Казалинскій фортъ — небольшое земляное сооруженіе, на протяженіи около сорока квадратныхъ сажень, окруженное ровомъ и защищенное маленькими крѣпостными орудіями, имѣеть около тысячи человекъ гарнизона, и представляетъ собою вѣрный образецъ всѣхъ русскихъ крѣпостей въ этой странѣ свѣта. Одна батарея новѣйшей полевой артиллеріи покончила бы съ нею въ полчаса времени, но въ Центральной Азіи Русскіе посредствомъ такихъ-то крѣпостей содержатъ всѣ свои владѣнія въ покорности. За фортомъ къ рѣкѣ расположена корабельная верфь, а на сторонѣ суши возникъ процвѣтающій теперь городокъ Казалинскъ, насчитывающій около 5.000 жителей.

За исключеніемъ военныхъ, въ Казалинскѣ весьма мало Русскихъ, большая же часть населенія состоитъ изъ Сартовъ или Таджиковъ, Бухарцевъ, Киргизовъ и Кара-Калпаковъ племенъ родственныхъ Татарамъ, въ которыхъ впрочемъ монгольской тили болѣе или менѣе смягчилась смѣшеніемъ съ кровью арийской.

Одного взгляда на Казалу достаточно чтобы напомнитъ вамъ что, несмотря на широкія улицы, вы уже находитесь въ Средней Азіи. Низкіе дома, съ плоскими крышами, безъ оконъ и почти безъ дверей, базаръ съ его рядомъ лѣлящихся другъ къ другу маленькихъ стоиль, изображающихъ лавки, гдѣ длиннорылые торговцы, въ яркихъ халатахъ, величественно возсѣдаютъ посреди своихъ товаровъ, пробавляясь чаепитіемъ; ряды навьюченныхъ верблюдовъ, выстулающихъ среди толлы людей съ дикими лицами, груды страннаго и да товаровъ, — все напоминаетъ вамъ что вы уже вступили въ сказочныя страны Востока.

Удовольствіе, которое мы испытывали подѣзжая къ казалинской гостиницѣ можетъ вполнѣ понять и оцѣнить только тотъ кому самому случалось проѣхать тысячи двѣ версты по почтовой дорогѣ. Устройство и меблировка этой гостиницы, однако, далеко не оказались роскошными. По моимъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ, большая комната съ столомъ, нѣсколькими стульями, деревяннымъ диваномъ и кроватью, на которой недостаетъ простынь, одѣяла, подушекъ

и матраца, еще не представляетъ всего чего могъ бы пожелать для своего комфорта человѣкъ требовательный. Но мы не принадлежали къ числу этихъ людей. У насъ были свои кожаныя подушки, матрацы, овчины, и послѣ русской бани, которую намъ приготовили въ соотвѣтствіе избѣ, мы расположились для перваго настоящаго отдыха послѣ многихъ дней утомительнаго переѣзда почтовымъ трактомъ. Проснувшись, приступили мы къ великолѣпному обѣду, главное украшеніе котораго составляли сочныя дикія утки, зажаренныя въ самую пору нашимъ слугою-Татариномъ Акъ-Маматовымъ, а затѣмъ вышли полюбоваться видомъ на Сыръ, знаменитый Яксартъ древней исторіи. Выйдя за городъ и крѣпость, мы скоро стояли на его берегахъ.

Здѣсь онъ около двухсотъ сажень шириною, воды его темная и мутная, съ коварнымъ ролотомъ мчатся между низкими, рѣзко обрисованными берегами; мѣстами эти берега до самой воды покрыты роскошною муравой, мѣстами же они поросли густыми чащами кустарниковъ, перемѣшанными съ высокимъ тростникомъ, вѣрное убѣжище для сыръ-дарьинскихъ тигровъ; а вдаль, на югъ по направленію къ Океусу, тянутся желтые пески Кизиль - Кума, сливающиеся съ туманнымъ небомъ на горизонтѣ.

На рѣкѣ вниманіе наше было привлечено Аральскою флотиліей. Здѣсь стояли три большихъ колесныхъ парохода—*Самаркандъ*, *Перовскій* и *Ташкентъ*; два винтовые—*Аралъ* и *Сыръ-Дарья*, паровой катеръ *Обручевъ* и многочисленныя баржи, изъ которыхъ три были оснащены какъ шкуны. Тутъ же, кромѣ того, застали мы двѣ новыя баржи, одну только-что спущенную, а другую еще на верфи. Два или три изъ этихъ желѣзныхъ пароходовъ были построены въ Швеціи, остальные же всѣ въ Ливерпулѣ или въ Лондонѣ, привезены по частямъ и собраны уже здѣсь, на мѣстѣ. Перевозка производилась тою самою стелью что я уже описывалъ, на вербаодахъ, не поднимающихъ каждый болѣе 600 фунтовъ: можно вообразить съ какими неимоверными трудами было сопряжено это предпріятіе. *Самаркандъ*, который кажется былъ построенъ въ 1870 году, очень красивъ, удобовъ и много лучше остальныхъ судовъ флотиліи. Въ сущности однако, ни одинъ изъ нихъ не годится для плаванія по мелководной Сыръ-Дарьѣ иначе какъ въ половодье и въ началѣ лѣта, когда стаиваетъ и стекаетъ въ нее снѣгъ съ горныхъ хребтовъ. У Казалинска

Сырѣ-Дарья еще довольно глубока и широка; но около форта № 2й много мелей, которыя постоянно измѣняются. Не далѣе какъ прошлою весною, спускаясь по Джаманъ-Дарьѣ отъ форта Перовскаго, *Самаркандъ* бросилъ на ночь якорь въ глубокихъ водахъ, а на другое утро очутился на сушѣ и только послѣ семидневной работы лятисотъ человѣкъ, удалось прорыть каналъ и освободить его. Образцами русскихъ пароходовъ для Сырѣ-Дарьи слѣдовало бы взять не темземскіе, а американскіе рѣчные пароходы, которые сидятъ въ водѣ всего на шесть дюймовъ.

Хотя это было Свѣтлое Воскресенье, самый большой праздникъ русскаго календаря, берегъ рѣки представлялъ видъ самый оживленный. Баржи и пароходы со всевозможною поспѣшностію нагружались провизіей и аммуниціей, такъ какъ капитанъ Ситниковъ готовился отплыть къ устьямъ Аму-Дары черезъ три или четыре дня, намѣреваясь подняться по этой рѣкѣ и встрѣтить экспедицію генерала Кауфмана какъ можно ближе къ Хивѣ.

Намъ чрезвычайно было любопытно узнать что-нибудь о Хивинской экспедиціи, такъ какъ объ ней мы не слышали ничего съ самаго отъѣзда изъ Оренбурга, а легко могло статься что Хива уже этимъ временемъ была занята. Я выѣхалъ изъ Петербурга въ надеждѣ застать еще въ Казалѣ отрядъ подъ начальствомъ Великаго Князя Николая Константиновича, который, я зналъ, долженъ былъ выступить съ этого пункта. Эту надежду, впрочемъ, я уже оставилъ, зная что отряду полагалось уже давно быть на пути въ Хиву. Весь вопросъ теперь для меня заключался въ томъ дали ли онъ отошелъ, и есть ли еще какая-нибудь возможность его нагнать. Съ цѣлью собрать всѣ належащія по этому предмету свѣдѣнія, мы въ теченіе перваго же дня явились коменданту крѣпости, полковнику Козыреву, которымъ были приняты очень радушно. Это былъ человѣкъ уже покойный, чрезвычайно добродушный и гостеприимный, и его приглашеніе къ обѣду принято было нами съ истиннымъ удовольствіемъ.

У него мы узнали что Хивинская экспедиція далеко двинулась впередъ. Казалинскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Голова и съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ во главѣ авангарда, выступилъ съ мѣста (21го) марта, прибылъ 25го марта (9го апрѣля) на Яны-Дар

гдѣ была имъ основана Благовѣщенская крѣпость, а по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ дней десять назадъ, отрядъ этотъ уже находился у колодцевъ, въ горахъ Буканъ-Тау, не болѣе какъ въ 120 верстахъ отъ Аму-Дарьи, гдѣ ему и положено было дожидаться прибытія главнокомандующаго, лично ведущаго отрядъ Туркестанскій. Въ Казалинскѣ не приходило никакихъ извѣстій о генералѣ Кауфманѣ со времени выступленія его колонны изъ Ташкента, и ничего не было извѣстно вѣрнаго насчетъ его настоящаго мѣсто-пребыванія; предполагали, однако, что этимъ временемъ уже должно было совершиться соединеніе его отряда съ Казалинскимъ, и даже могло статься что соединенныя войска достигли самаго Оксуса.

Во всѣхъ этихъ вѣстяхъ не было ничего утѣшительнаго для меня. Я надѣялся нагнать армию здѣсь, а теперь оказывалось что меня отъ нея отдѣляетъ еще цѣлые Кизиль-Кумы, и бо́льшая часть предстоящаго мнѣ пути лежитъ въ неприятельской территоріи.

Только-что прибывшій курьеръ съ депешами отъ Оренбургскаго отряда къ генералу Кауфману, объявилъ что войска подъ начальствомъ генерала Веревкина уже переправились черезъ Эмбу и подвигались къ югу. 1го (13го) мая отрядъ долженъ былъ достигнуть южныхъ береговъ Аральскаго моря, гдѣ къ нему имѣлъ присоединиться отрядъ полковника Ломакина цупій отъ Кивдерлинской бухты, у сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Объ этомъ послѣднемъ отрядѣ экспедиціи мы тутъ слышали еще въ первый разъ.

Самой же интересной въ то время новостью было то что въ Казалинскѣ прибылъ три недѣли тому назадъ посольство хана Хивинскаго Бей-Муртаза-Ходжа-Абасходжинъ, съ письмомъ отъ хана къ генералу Кауфману и съ русскими подарками. При послѣ состояла свита изъ 25 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ диванъ-бегъ и одинъ ишанъ. Говорили что ханъ предписалъ этому посольству соглашаться на всѣ условія какія бы Кауфманъ ни предложилъ, надѣясь отвратить грозящій погромъ, такъ какъ во время выступленія посольства изъ ханства, т.-е. за мѣсяцъ до прибытія его въ Казалинскъ, въ Хивѣ еще ничего не было извѣстно о движеніи русскихъ силъ. Недостатка въ водѣ дорогой это посольство не терпѣло, находя вездѣ еще снѣгъ въ изобиліи; для же у самыхъ береговъ Аральскаго моря, оно не встрѣ-

тило ни одного изъ экспедиціонныхъ отрядовъ. Отъ генерала фонъ-Кауфмана пришло приказаніе доставить къ нему посла, а также и тѣхъ изъ русскихъ лѣвнанныхъ которые способны были вынести переходъ. Освобожденныхъ Русскихъ было 21 человекъ, изъ которыхъ 11 казаковъ. Захвачены они были Киргизами въ 1869—1870 годахъ и проданы Хивинцамъ. Кромѣ этихъ не было у Хивинцевъ больше русскихъ рабовъ за исключеніемъ еще одного, захваченнаго во время несчастной экспедиціи Перовскаго, старика, который перешелъ въ мусульманство, женился въ Хивѣ, а теперь предпочелъ тамъ и остаться.

На слѣдующій день мы сдѣлали визитъ лейтенанту Ситинову, который также принялъ насъ очень любезно, радушно угощалъ насъ и доставилъ возможность ближе осмотрѣть флотилію.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я рѣшился попытаться одному пробраться чрезъ Кизиль-Кумы по слѣдамъ Казалинскаго отряда. Съ быстрыми лошадьми и хорошимъ проводникомъ, думалъ я, можно добраться до Оксуса въ семь или въ семь дней, прежде нежели генералъ Кауфманъ совершитъ чрезъ него переправу. Этотъ переѣздъ былъ очень рискованъ и здѣсь считался не только опаснымъ, но почти невозможнымъ, въ виду того что Киргизы кочующіе въ Кизиль-Кумахъ и враждебные Русскимъ, издавна славилась какъ разбойники и грабители первой руки, и ужь конечно такую маленькую партію какъ моя почтутъ по праву имъ принадлежющею добычей въ военное время. А между тѣмъ переѣздъ этою пустыней казался мнѣ единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ моего положенія. Остаться въ Казалинскѣ и ѣхать въ Ташкентъ было бы равносильно пребыванію въ Петербургѣ, а я уже столько потратилъ денегъ *New-York Herald* что чувствовалъ себя нравственно обязаннымъ что-нибудь предпринять, и сознавалъ что одно мое достиженіе горо Хивы можетъ еще имѣть какую-нибудь цѣну въ этомъ отношеніи.

Положеніе корреспондента иногда бываетъ очень затруднительно. Ему подчасъ приходится вступать въ какое-нибудь предпріятіе и на половину не оцѣняя и не предвидя всѣхъ препятствій къ достиженію цѣли; а потомъ онъ уже считаетъ себя обязаннымъ довести дѣло до конца, рискуя иногда самую жизнь, и въ то же время сознавая что будь на

одна его воля—ему никогда въ голову не пришла бы и мысль о подобномъ предпріятіи. Такимъ-то путемъ выладеваетъ на долю корреспондента репутація безумной отваги, храбрости, настойчивости и даже мѣднаго лба, репутація которой онъ иногда, право, не заслуживаетъ.

Вскорѣ и я нашелъ что отъ рѣшенія еще далеко до исполненія. Я уже ломышлялъ о лошадяхъ и проводникѣ, съ которыми бы предпринять переходъ, когда капитанъ Верещагинъ, заступавшій мѣсто начальника города, полковника Голова, явился къ намъ и объявилъ мнѣ что безъ разрѣшенія генералъ-губернатора онъ не можетъ взять на свою отвѣтственность дозволить мнѣ предпринять опасный переѣздъ Кизиль-Кумами. Ничто не могло поколебать его въ этомъ рѣшеніи; всѣ наши аргументы не повели ни къ чему, а такъ какъ генералъ Кауфманъ былъ въ пустынѣ, никто даже не зналъ навѣрное гдѣ, и на письменное съ нимъ сообщеніе потребовались бы цѣлыя недѣли, то это рѣшеніе капитана Верещагина оказалось непреодолимымъ препятствіемъ моему плану. Минутнаго размышленія достаточно было для меня чтобъ убѣдиться что на половину возникшій въ моей головѣ планъ ночнаго бѣгства чрезъ Сыръ-Дарью былъ также неисполнимъ. Уже не говоря о трудности переправы, мнѣ еще предстояла покупка лошадей, отысканіе проводника и другія необходимыя приготовленія которыя я никогда не могъ бы довести до конца въ маленькомъ городкѣ, подъ бдительнымъ окомъ капитана Верещагина, безъ того чтобъ это до него не дошло. Волей-неволей приходилось оставить эту попытку на настоящее время и отложить ея исполненіе до прибытія нашего въ фортъ № 2 или фортъ Перовскій, такъ какъ капитанъ Верещагинъ не противился нашему проѣзду въ Ташкентъ, а я не терялъ надежды напастъ наконецъ на начальника который не имѣлъ бы такого преувеличеннаго страха за мою личную безопасность. Несмотря на все это, впрочемъ, капитанъ Верещагинъ былъ очень вѣжливъ и съ послѣдностію вызвался переправить съ нарочнымъ письма которыя мы пожелаемъ написать Кауфману, что мы и сдѣлали, испрашивая позволенія главнокомандующаго ѣхать въ Хиву и прибавляя что отвѣта ожидать будемъ въ Ташкентѣ.

Здѣсь я могу позволить себѣ забѣгать нѣсколько впередъ и сказать что генералъ фонъ-Кауфманъ, стоявшій тогда на Катты-Курганѣ, какъ только получилъ наши письма, немед-

денно съ курьеромъ выслалъ намъ приглашеніе ѣхать въ Хиву, прилагая для насъ также карту и подробныя наставленія касательно пути. Еслибъ я, впрочемъ, вздумалъ ждать этого позволенія, то былъ бы въ Хивѣ не ранѣе какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ ея паденія.

III. Фортъ Перовскій.

Такъ какъ г. Скайлеру, ѣдущему въ Ташкентъ, не было никакого дѣла въ Казалинскѣ, а самъ я только о томъ и мечталъ какъ бы поскорѣе добраться до форта Перовскаго чтобы попытаться тамъ счастья, то мы лоторопились отъѣздомъ, и послѣ трехдневной остановки опять уложили свой багажъ въ телѣгу, заняли свои старыя мѣста въ тарантасѣ и скоро были опять на скучной почтовой дорогѣ.

Путь нашъ лежалъ теперь по берегу прихотливой Сыръ-Дарьи, что и доставило намъ возможность ближе познакомиться съ ея причудами и вполне ихъ изучить.

Сыръ-Дарья одна изъ самыхъ эксцентрическихъ и предательскихъ рѣкъ; она также измѣнчива какъ луна, не обладая впрочемъ регулярностію этой планеты. Случись хотя малѣйшая преграда въ ея теченіи — она тотчасъ же измѣняетъ свое русло, какъ будто не терпя никакого вмѣшательства въ свои дѣла. Вообще, это рѣка-бродяга, которой ничего не стоитъ перемѣнить свое теченіе, проложить новое русло и прогуляться на 10—15 верстъ въ сторону, не хуже любого кочевнику-Киргиза живущаго на ея берегахъ. Русскимъ никогда не удавалось сладить съ нею; мнѣ даже и не вѣрится чтобы когда-нибудь могли изъ нея сдѣлать настоящую судоходную рѣку. Конечно, еслибы страна по которой она протекаетъ была густо населена, то нашлись бы къ тому средства. Но до тѣхъ поръ пока это можетъ осуществиться, большая часть ея водъ пойдетъ на орошеніе знойныхъ песковъ Кизиль-Кума, и это еще будетъ самымъ полезнымъ для нихъ употребленіемъ.

Четыре дня мы ѣхали до форта Петровскаго, и эти дни прошли для меня въ невыносимомъ безпокойствѣ. Если генералъ Кауфманъ дѣйствительно зашелъ уже такъ далеко, то придется употребить величайшую поспѣшность чтобы нагнать его до вступленія войскъ въ Хиву, а я тутъ тащился

черепашьимъ шагомъ по почтовой дорогѣ и даже не зная навѣрно допустить ли меня вѣхать дальше Перовскаго. Наконецъ ночью вѣехали мы въ фортъ Перовскій, и подѣхавъ къ единственной въ городѣ гостиницѣ застали ее цѣликомъ занятую семействомъ одного русскаго офицера. Намъ, впрочемъ, отвели комнату въ пять футовъ ширины при восьми длины, безо всякой мебели, лыльную и грязную, въ которой намъ волей-неволей пришлось расположить свои матрацы и провести ночь.

Рано слѣдующимъ утромъ я послалъ Акъ-Маматова на поиски за проводникомъ и лошадьми, такъ какъ уже рѣшился проѣхать Кизиль-Кумами до Аму-Дарьи во всякомъ случаѣ, станетъ ли меня задерживать начальникъ города или нѣтъ; самъ провелъ я весь день въ набиваніи ружейныхъ патроновъ и въ довершеніи остальныхъ необходимыхъ приготовленій. Вечеромъ возвратился Акъ-Маматовъ, говоря что проводника онъ не нашелъ, а лошадей нельзя и достать въ Перовскомъ.

Заявленіе это сильно меня сразило. Въ первую минуту я бы, кажется, готовъ былъ пуститься въ дорогу безъ проводника, но безъ лошадей это конечно было невысказимо. На вопросъ мой можно ли достать верблюдовъ, Акъ-Маматовъ отвѣчалъ что этихъ послѣднихъ легко будетъ купить. Такъ какъ смерклось, то нечего уже было дѣлать этимъ днемъ, но рано слѣдующимъ утромъ онъ вышелъ на поиски за верблюдами и проводникомъ, обѣщая скоро вернуться.

Мы этотъ день провели съ г. Скайлеромъ въ осмотрѣ города. Видомъ онъ очень походилъ на Казалинскъ: тѣ же глиняные домики, тѣ же маленькія, лѣплящаяся другъ къ другу лавки и базаръ, тѣ же яркіе костюмы при темныхъ, загорѣлыхъ лицахъ, тѣ же грубые товары, такая же миниатюрная крѣпость съ выглядывающими изъ-за стѣнъ орудіями и та же протекающая широкая рѣка.

На этомъ пунктѣ встрѣтили Русскіе первое серьезное сопротивленіе въ Центральной Азіи. Мѣсто это было подъ начальствомъ состоявшаго тогда на службѣ у Бухарскаго эмира Якубъ-бека, съ которымъ рѣдко кто могъ сравняться отвагой, искусствомъ въ войнѣ и храбростью. Послѣ нѣсколькихъ-дневной осады, впрочемъ, крѣпость была взята Русскими штурмомъ, при большой потерѣ людей съ обѣихъ сторонъ. Якубъ-бекъ бѣжалъ, и въ послѣдствіи сдѣлался эмиромъ Камгара, самой цвѣтущей и богатой страны въ Центральной Азіи.

Въ тѣ времена пунктъ этотъ еще назывался Акъ-Мечетью, но въ послѣдствіи былъ переименованъ въ фортъ Перовскій.

Акъ-Маматовъ мой олять вернулся только къ ночи, и все съ тою же старою лѣсней: нѣтъ ни проводника, ни лошадей, ни верблюдовъ. Это начало мнѣ казаться весьма страннымъ. Что нельзя было найти верблюдовъ и лошадей на мѣстѣ гдѣ три четверти всей собственности жителей составляютъ именно эти животныя, было болѣе чѣмъ нелѣпо. Акъ-Маматовъ повидимому лгалъ, имѣя на то свои личныя побужденія, и минутнаго размышленія съ моей стороны достаточно было чтобы залодозрить дѣйствительную тому причину. Когда, предъ самымъ вѣздомъ въ Казалинскъ, мы объявили ему о моемъ намѣреніи ѣхать въ Хиву и спрашивали поѣдетъ ли онъ со мною, онъ не только съ восторгомъ привѣтствовалъ мой планъ, но даже изъявлялъ нетерпѣніе поскорѣе привести его въ исполненіе. Съ той поры, впрочемъ, восторженность эта значительно охладѣла; онъ сталъ говорить уже о предстоящемъ переѣздѣ не иначе какъ съ уныніемъ, должно-быть услыхавъ въ Казалинскѣ что-нибудь относительно трудности этого предпріятія. Теперь же онъ, повидимому, пріялъ остроумную тактику не находить мнѣ ни лошадей, ни верблюдовъ, съ цѣлью внушить мнѣ какъ невыполнимы были самыя приготовленія къ такому предпріятію. Быть-можетъ онъ также думалъ что умножая такимъ образомъ прелятствія къ моему отъѣзду, ему удастся вынудить отъ меня за свои хлопоты хорошенькій кушъ денегъ если придется все-таки въ концѣ концовъ сдѣлать по-моему.

Дойдя до этихъ выводовъ, и вспомнивъ что онъ задержалъ уже меня цѣлыхъ два дня, я почувствовалъ сильнѣйшее желаніе немедленно переправить его въ объятія ожидающей его небесной гуріи. Прибѣгнувъ, впрочемъ, къ нѣкоторымъ весьма вѣскимъ и всегда дѣйствительнымъ убѣжденіямъ, я заставилъ его наконецъ понять что дальнѣйшіе обманы касательно лошадей поведутъ только къ весьма печальному результату для него самого; и на другой день онъ вновь пустился на поиски уже съ клятвенными завѣреніями что сдѣлаетъ все что отъ него зависитъ.

Акъ-Маматовъ этотъ былъ Татаринъ изъ Оренбурга, рекомандованный намъ Бектуринымъ, однимъ изъ цивилизованныхъ Татаръ, состоящихъ въ государственной службѣ. Акъ-

Маматовъ былъ дѣтъ пятидесяти пяти, говорилъ по-русски и на всѣхъ средне-азіатскихъ нарѣчіяхъ, и вдобавокъ оказалъ самымъ лѣнвымъ и упрямымъ старымъ негодяемъ и воровомъ, какого только можно себя представить. Хотя и магометанинъ, онъ напивался пьянъ при первой возможности и вѣчно находилъ предлогъ противиться моимъ желаніямъ и не исполнять моихъ приказаній, какъ и въ настоящемъ случаѣ.

Возвратился онъ тѣмъ же утромъ съ какимъ-то бродягой-Жидомъ, предлагая его въ проводники; самъ Жидъ увѣрялъ что не разъ бывалъ въ горахъ Буканъ-Тау, гдѣ я думалъ застать генерала Кауфмана, и зналъ туда дорогу какъ свои пять пальцевъ.

Подрядившись въ проводники и переговоры съ нами о количествѣ необходимыхъ для перѣзда лошадей, Жидъ этотъ внезапно куда-то исчезъ и никогда послѣ не подался намъ на глаза, что вышло нѣсколько неожиданнымъ и весьма плохимъ результатомъ всѣхъ нашихъ долгихъ и, какъ казалось, удачныхъ переговоровъ.

Такимъ образомъ, потерянь былъ еще день, что и дано было почувствовать Акъ-Маматову въ такой степени что онъ поднялся съ зарей на слѣдующее утро и отправился на лошади, уже окончательно убѣжденный въ прямой выгодѣ послушанія. На этотъ разъ онъ привелъ съ собой Каракалпака Мустрова, который только-что вернулся изъ Иркибая, куда ѣздилъ въ качествѣ джигита-проводника при маленькомъ отрядѣ, высланномъ изъ Перовскаго на соединеніе съ Казалинскою колонной. Этотъ, повидимому, пришелъ за дѣломъ, да и говорилъ какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью; я уговорился взять его проводникомъ по цѣнѣ которую онъ самъ запросилъ, оказавшейся потомъ цѣною баснословною, за что олять-таки можно было мнѣ поблагодарить Акъ-Маматова. Оставалось только добыть отъ полковника Родіонова, городского начальника, разрѣшеніе нашему проводнику сопровождать насъ, безъ чего онъ никакъ не соглашался ѣхать, хотя самъ я гораздо бы охотнѣе уклонился отъ этой формальности. Скрѣпя сердце отправился я къ полковнику Родіонову. Оказалось, однако, что онъ не только не противился моему выѣзду, какъ Верецагимъ, но немедленно выдалъ проводнику паспортъ, самому мнѣ далъ разрѣшеніе на выѣздъ, и вообще оказалъ мнѣ всякую помощь и услугу которая была въ его власти.

Какъ только разошелся по городу слухъ что мнѣ требуются лошади, ихъ привели мнѣ болѣе сотни. Скоро самая улица у нашихъ дверей была ими залужена, — живѣйшій укоръ Акъ-Маматову въ его лганьѣ; но онъ посмотрѣлъ на это чрезвычайно спокойно, вовсе, повидимому, не обезкураженный этою явною уликой въ мошенничествѣ. Я купилъ шесть лошадей, заллативъ отъ 45 до 75 руб. за каждую; четыре верховыхъ для себя, Акъ-Маматова, проводника Мустрова и для молодого Киргиза котораго я нанялъ по внушенію Мустрова для ухода за лошадьми и багажемъ, и двѣ лошади для перевозки багажа, фуража и воды которую намъ предстояло перевозить съ собою во многихъ мѣстахъ.

Верблюды, конечно, были бы много полезнѣе въ перевозкѣ тяжестей: съ ними я бы могъ взять палатку, ковры, походныя стуль, столъ, запасъ платья и провизіи, при которыхъ переѣздъ пустыней не имѣлъ бы относительно ничего особенно непріятнаго. Я зналъ самъ что безъ верблюдовъ я не могу себѣ доставить даже того комфорта которымъ пользуются номады, но на лошадяхъ разчитывалъ я проѣзжать вдвое болѣе того пространства что проходятъ верблюды, а сбереженіе времени было для меня вопросомъ громадной важности. Знаю я тогда какъ долго суждено мнѣ скитаться по пустынь, я бы никогда не рѣшился пуститься въ путь съ одними лошадьми.

IV. Среди разбойниковъ.

Въ три часа пополудни 30го (18го) апрѣля распрощался я съ г. Скайлеромъ, и взомель на паромъ, который долженъ былъ перевезти меня черезъ Сыръ-Дарью. Три изъ моихъ маленькихъ киргизскихъ лошадокъ уже были на немъ, вмѣстѣ съ проводникомъ Мустровымъ, тогда какъ Акъ-Маматовъ готовился вступить на другой паромъ съ остальными лошадьми и багажемъ. Пятеро Киргизовъ схватили длинный канатъ и повлекли насъ вверхъ по теченію, чтобъ отчалить съ такого мѣста откуда бы мы не были пронесены быстрымъ теченіемъ ниже мѣста выгрузки; привычные къ дѣлу, они беззаботно вошли по поясъ въ воду, перешли къ песчаной мели неподалеку отъ берега, и наконецъ, отошедъ на полверсты отъ того мѣста гдѣ мы взшли на паромъ, вскочили на него

сами и оттолкнулись отъ леска. Скоро мы были уже далеко отъ берега, быстро скользя внизъ по теченію, тогда какъ двое Киргизовъ гребли не переставая. Сыръ-Дарья здѣсь была около полторы версты шириною; берегъ съ крѣпостью и выглядывающими изъ-за ея стѣнъ лужками, маленькій городокъ и обыватели, собравшіеся на берегу смотрѣть на мое отплытіе, все это быстро отступало, подергиваясь туманомъ. Вскорѣ я принужденъ уже былъ взять зрительную трубу чтобы различить въ толпѣ г. Скайлера; онъ отдавалъ послѣднія приказанія Акъ-Маматову предъ окончательнымъ отправленіемъ его съ лошадьми и багажемъ.

На другой сторонѣ мы причалили къ маленькой киргизской деревенькѣ, состоящей изъ пяти или шести кибитокъ. Обыватели всѣ высыпали на берегъ и очень добродушно помогли намъ выгрузить наши пожитки. Скоро и Акъ-Маматовъ прыгнулъ на другомъ ларомѣ съ вьючными лошадьми, на одну изъ которыхъ нагрузили ячмень для лошадей, а на другую около двухъ съ половиною лудовъ багажа: тутъ были сухари, чай, чайникъ, *турсуки* или кожаные мѣшки для перевозки воды, кожаныя ведра съ привязанными къ нимъ длинными веревками для вытаскиванія воды изъ колодцевъ, и наконецъ мой собственный скудный гардеробъ, тогда какъ по сотнѣ патроновъ для каждаго изъ моихъ четырехъ ружей и револьверовъ было лоровну нагружено вмѣстѣ со многими другими бездѣльцами на остальныхъ четырехъ верховыхъ лошадяхъ.

Присмотрѣвъ за увязкой багажа и всѣми необходимыми приготовленіями, я перекинулъ черезъ плечо свою винчестерскую винтовку, влѣзъ на маленькую киргизскую лошадь, помахалъ на прощанье платкомъ г. Скайлеру, котораго еще могъ рассмотреть вдали, на другомъ берегу, также слѣдующаго въ зрительную трубу за нашими дѣйствіями, повернулъ лошадь къ югу и вѣхалъ въ пустыню.

Вся моя маленькая партія людей состояла изъ Акъ-Маматова, въ качествѣ слуги и переводчика, Мустрова, нанятаго въ проводника, и наконецъ мальчика Киргиза, изъ Перовскаго, для ухода за шестью лошадьми и для присмотра за багажемъ.

Принадлежа къ числу людей миролюбивыхъ, я былъ только слегка вооруженъ. Тяжелая англійская двуствольная винтовка, двуствольное охотничье ружье, винчестерская винтовка о восемнадцати зарядахъ, три тяжелые револьвера, одно обык-

новенное ружье заряжающееся съ дула да еще нѣсколько охотничьихъ ножей и сабель — вотъ и вся моя аммуниція. Я вовсе не желалъ вступать съ кѣмъ-нибудь въ бой, а везъ съ собою все это оружіе лишь для того чтобъ имѣть возможность съ достоинствомъ вести переговоры о правѣ пути и правѣ собственности могущіе возникнуть съ кочевниками пустыни, понятія которыхъ объ этихъ предметахъ подчасъ бываютъ нѣсколько своеобразны.

Моимъ единственнымъ стремленіемъ теперь было какъ можно скорѣе выбраться изъ окрестностей Перовскаго: мнѣ все еще мерещилось что полковникъ Родіоновъ передумаетъ и пошлетъ за мной погоню. Только въ открытой степи могъ я почитать себя въ безопасности на этотъ счетъ; потому и отъѣздъ нашъ сильно походилъ на послѣднее бѣгство. Я предполагалъ слѣдовать берегомъ Яны-Дарьи — маленькой рѣчки вытекающей изъ Сыръ-Дарьи и извивающейся по пескамъ въ юго-западномъ направленіи — до ключей Иркибая, у которыхъ, какъ и было уже мною замѣчено, Великимъ Княземъ была заложена крѣпость. Оттуда я уже намѣревался идти по слѣдамъ отряда пока не настигну его.

Впередъ выѣхалъ проводникъ Мустровъ, а за нимъ я самъ и Акъ-Маматовъ съ молодымъ Киргизомъ; оба послѣдніе вели по лошади. Путь нашъ лежалъ на юго-западъ, и мы почти немедленно потеряли Сыръ-Дарью изъ виду. Долина здѣсь была очень песчана, а мѣстами покрыта жесткою, высокою травой. Было также много тростника, перемѣшаннаго съ массою кустообразнаго терновника, который иногда достигалъ до двадцати футовъ въ вышину, образуя частый, непроницаемый лѣсъ — вѣрный притонъ для сыръ-дарьинскихъ тигровъ. Временами попадались мѣстечки поросшія хорошо зеленою травой и маленькія чащи захирѣвшихъ колючихъ деревцовъ, похожихъ на американское сливное дерево. Кустарники и деревья еще не одѣвались, но щебетанье птицъ и запахъ раннихъ цвѣтовъ свидѣтельствовали уже о наступленіи весны.

Иногда встрѣчались намъ конные Киргизы съ ихъ старыми фитильными ружьями перекинутыми черезъ плечо; проѣздомъ, они съ любопытствомъ осматривали меня и неизмѣнно привѣтствовали насъ своимъ „саламомъ“. Конечно, люди мои не улускали ни одного изъ этихъ случаевъ чтобъ остановиться поболтать и дать каждому проѣзжему полный

обо мнѣ отчетъ: откуда я пріѣхалъ, кто я самъ, куда направляюсь и за какимъ дѣломъ; словомъ, повторялось все то что обо мнѣ зналъ Акъ-Маматовъ, съ должнымъ разумѣется прибавленіемъ того о чемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Такимъ порядкомъ продолжали мы свое шествіе почти до захода солнечнаго, когда вѣхали въ густую чащу терновника. Проложенная здѣсь тропинка вывела насъ на чудесную лужайку, покрытую густымъ ковромъ зеленой травы. Она была съ трехъ сторонъ окружена зеленою чащей, которую мы проѣхали, а на четвертой сторонѣ спускалась къ берегу широкой рѣки, оказавшейся, къ величайшему моему удивленію, той же Сыръ-Дарьей. Въ послѣдствіи я узналъ, впрочемъ, что эта рѣка дѣлаетъ въ своемъ теченіи широкой загибъ на югъ, и наша тропинка въ этомъ пунктѣ опять шла по его берегамъ. По срединѣ лужайки стоялъ киргизскій аулъ, состоящій изъ четырехъ или пяти кибитокъ или палатокъ. Надо замѣтить что ауломъ называютъ Киргизы деревню, но не осѣдлую, а кочующую съ мѣста на мѣсто, такъ какъ въ средѣ ихъ осѣдлости не существуетъ.

Мустровъ подѣхалъ къ одной изъ кибитокъ, изъ которой выбѣжало нѣсколько женщинъ и дѣтей, и спросилъ что-то по-киргизски. Ему указали на большую кибитку, стоявшую поодаль, а Акъ-Маматовъ сталъ поговаривать объ остановкѣ здѣсь на ночлегъ. Такъ какъ теперь мы отѣхали довольно далеко, да и время клонилось къ вечеру, то я согласился что Акъ-Маматовъ говоритъ дѣло, и мы подѣхали къ большой кибиткѣ, хозяинъ которой уже вышелъ къ намъ на встрѣчу. Съ Мустровымъ они дружески поздоровались, поглаживая свои бороды, и обмѣнялись привѣтствіями, будучи, какъ оказалось потомъ, уже старыми друзьями. Поразспросивъ немного Мустрова, насколько я могъ замѣтить, обо мнѣ, Киргизъ сдѣлалъ мнѣ знакъ сойти съ лошади, что я немедленно и привелъ въ исполненіе. Онъ потрясъ меня за руку, все поглаживая свою бороду, проговорилъ свой „саламъ“, ввелъ меня въ кибитку и съ самою степенною вѣжливостью пригласилъ меня садиться на килъ разныхъ яркихъ одѣялъ и ковровъ, которые были разостланы у одной стороны кибитки.

Тутъ я впервые очутился одинъ посреди кизиль-кумскихъ Киргизовъ, внѣ охраны и покровительства Русскихъ.

Народъ этотъ имѣлъ репутацію разбойниковъ и грабителей, а при мнѣ было достаточно денегъ и вещей чтобы составить богатую добычу даже для самыхъ богатыхъ изъ нихъ. Въѣзжая въ пустыню, я зналъ что съ этимъ народомъ возможны только двѣ системы чтобы пройти ихъ страной: или съ боя пробивать себѣ путь, или же вполне положиться на ихъ великодушіе и гостепріимство. Я выбралъ послѣднее.

Итакъ теперь, войдя въ палатку, я снялъ свою винтовку и вручилъ еѣ хозяину вмѣстѣ съ поясомъ и револьверомъ, а самъ разлегся на полу, вполнѣ оцѣняя послѣ тревожнейшій послѣднихъ дней настоящій покой со всею прелестью и комфортомъ мягкихъ ковровъ, при яркомъ свѣтѣ костра, пылающаго по срединѣ кибитки, тогда какъ дымъ синими клубами выходилъ въ отверстіе вверху. Хозяинъ повѣсилъ мое оружіе въ кибиткѣ, и вышелъ посмотрѣть какъ уладились мои люди съ лошадьми, оставя меня на попеченіи двухъ оборванныхъ, широкоскулыхъ женщинъ, которыя, расхаживая по хозяйству, бросали на меня по временамъ любопытные, хотя и скромные, взгляды.

Сцена меня окружающая была очень привлекательна. Черезъ открытую сторону кибитки видѣлись уже разсѣданные и слутанные лошади, которыя спокойно ложились на зеленую траву, дѣти играли тутъ же на зелени, дымъ извивался надъ кибитками, придавая имъ чрезвычайно уютный видъ, а издали доносилось мягкое журчаніе протекающей рѣки. Дѣти этихъ разбойниковъ не только не были застѣнчивы, какъ дѣти всѣхъ дикихъ вообще, но оказались очень общительными и, какъ видно, ни мало меня не боялись: одинъ едва прикрытый мальчуганъ даже прибѣжалъ спрятаться у меня, нисколько не труся, съ полнѣйшею дѣтскою довѣрчивостью.

Вошедшій Акъ-Маматовъ внушилъ мнѣ мысль отправиться на ближній прудъ, куда спустилась стая дикихъ утокъ. Послеѣнно схвативъ ружье, я выбѣжалъ за нимъ на прудъ и дѣйствительно засталъ такое множество дичи что одну за другою положилъ ихъ пять штукъ.

Отправивъ Акъ-Маматова съ утками обратно, самъ я пошелъ немного дальше. Уже почти совсѣмъ смерклось, и темная вода Сыръ-Дарьи катилась съ ровнымъ, но какимъ-то зловѣщимъ рокотомъ, лишь изрѣдка нарушаемымъ внезапнымъ всплескомъ, когда обваливались ея берега. Противоположная сторона погружена была въ темноту, въ которой еще

неясно обрисовывались вершины деревьевъ на болѣе свѣтломъ небосклонѣ. Судя по времени употребленному нами на перѣздъ отъ Перовскаго, мы должны были уже отѣхать версты на двадцать.

Я возвратился въ аулъ и увидалъ что мои утки произвели большое впечатлѣніе. У Киргизовъ такое плохое оружіе что рѣдко когда и одну удается имъ убить, пристрѣлить же лять въ одинъ разъ казалось имъ почти богатырскимъ подвигомъ. Войдя въ кибитку, я засталъ утокъ уже зажаренными и пригласилъ самого хозяина со всѣми присутствующими принять участіе въ моемъ пиру. Мы всѣ усѣлись по срединѣ кибитки и плотно поужинали дикими утками, оренбургскими сухарями и холоднымъ мясомъ, захваченнымъ мною изъ Перовскаго. Болѣе всего понравились хозяину сухари; это, быть-можетъ, даже было первымъ случаемъ когда ему приходилось отвѣдать блага хлѣба, такъ какъ даже черный хлѣбъ считается лакомствомъ между Киргизами, которые питаются однимъ молокомъ и бараниной. Здѣсь замѣтилъ я въ первый разъ что при послѣднемъ моемъ отѣздѣ изъ Перовскаго я забылъ захватить съ собою ножъ, вилку, жестяную тарелку и ложку, которые я нарочно для дороги приготовилъ; а теперь привужденъ былъ ѣсть большимъ складнымъ ножомъ, какъ Киргизы, а чай мѣшать сучкомъ, наскоро срѣзаннымъ въ терновникѣ. Киргизы, также какъ и нанятые мною люди, готовяли себѣ чай самымъ простымъ и первобытнымъ способомъ, киятя его, какъ суль, въ большомъ чугунномъ котлѣ, распивали же они его потомъ изъ фаянсовыхъ чашекъ русскаго издѣлія, погрызывая все время куски сахара. Класть сахаръ въ чай кажется имъ безумнымъ мотовствомъ.

Надъ догорѣвшимъ этимъ временемъ костромъ задернули отверстіе кускомъ войлока. Все кругомъ приняло домовитый и уютный видъ, всѣ мало-по-малу погрузились въ крѣпкій сонъ; наконецъ и самъ я, увернувшись одѣялами, разлегся на коврѣ и послѣдовалъ общему примѣру, очень довольный результатомъ перваго дня въ Кизиль-Кумахъ.

V. Н а л у т и .

Слѣдующимъ утромъ восходъ солнца засталъ насъ уже на лошадяхъ. Радужно распрощались мы съ хозяиномъ, и выѣхали тѣмъ же порядкомъ какъ и наканунѣ. Путь нашъ лежалъ все по тому же юго-западному направленію, въ мѣстности гдѣ не было ни дороги, ни тропинки: приходилось идти прямо впередъ то высокими тростниками, въ которыхъ мы совершенно терялись, то пологими песчаными холмами, поросшими терновникомъ; а затѣмъ опять голою степью гдѣ изрѣдка лишь попададась жесткая, колючая трава.

Вскорѣ мое вниманіе было привлечено безпрестанно повторявшимся крикомъ какихъ-то птицъ; ихъ, повидимому, было множество въ этомъ тростникѣ и кустарникѣ, такъ какъ мы ежеминутно слышали тѣ же крики справа, слѣва, впереди и позади себя. Это былъ рѣзкій, непріятный звукъ похожій на крикъ лавина, и всегда немедленно сопровождался шорохомъ какъ бы отъ взмахиванія крыльевъ вспорхнувшей птицы. Услыхавъ, къ величайшему моему удивленію, что это и есть столь прославленный золотой туркестанскій фазанъ, возгорѣлъ желаніемъ пристрѣлить хотя бы одного. Но это оказалось дѣломъ далеко не легкимъ въ высокихъ тростникахъ; да къ тому же птицы эти надѣлены совершенно особымъ талантомъ прятаться, несмотря на ихъ яркія перы часто приходилось мнѣ слышать ихъ крики всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ себя, но все-таки, сколько я ни обыскавалъ кустарники, ни разу мнѣ не удалось ни высмотрѣть, ни вслугнуть ни одного изъ нихъ. Это было тѣмъ болѣе досадно что лишь только отходилъ я отъ какого куста, крикъ раздавался повидимому на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ я предъ тѣмъ стоялъ.

Тѣмъ временемъ выѣхали мы на тропинку, проходящую по долину, что много облегчило нашъ переѣздъ этими колючими кустарниками и терновникомъ. Часто проѣзжали мы мимо стадъ лошадей и скота, которыя спокойно паслись на поросшихъ травой лужайкахъ. Стерегъ ихъ всегда конный Кизилъ, который обыкновенно подѣвжалъ къ намъ: результатомъ, конечно, являлась короткая остановка моихъ людей взаимное перебрасываніе волпросами съ пастухомъ. Воор

жены были эти кочевники кривою саблей, а иногда и фитильнымъ ружьемъ, и всегда почти сопровождали насъ на некоторое разстояніе. Сыръ-Дарьинская долина густо населена этими номадами, и многія тысячи овецъ и лошадей ежегодно разводятся на этихъ берегахъ.

Около десяти часовъ подъѣхали мы къ аулу, состоящему изъ четырехъ кибитокъ, гдѣ и остановились для легкаго завтрака, такъ какъ съ утра еще ничего не ѣли. Ауль стоялъ въ маленькой терновой чащѣ, огораживающей его со всѣхъ сторонъ, и мы легко бы его миновали, еслибы Мустровъ не былъ насторожѣнъ, зная что именно здѣсь онъ долженъ намъ попасться. Путь къ нему лежалъ извилистою тропинкой, прорубленною въ терновникъ. Я радъ былъ укрыться подъ тѣнью кибитки отъ солнца, которое начинало уже сильно прилекать. Ауль этотъ оказался очень бѣднымъ. Войлокъ, покрывавшій кибитку былъ старый и весь изодраный, не видать было ни яркихъ ковровъ, ни мягкихъ одеялъ, какъ тамъ гдѣ мы провели ночь. Остальныя кибитки, какъ я послѣ увидалъ, были не богаче той въ которую мы попали.

Пока шли приготовленія къ завтраку, я схватилъ ружье и вышелъ на поиски за фазаномъ, крикъ котораго я замѣтилъ при въѣздѣ въ ауль. Долина здѣсь была покрыта короткимъ дикимъ терномъ и рѣдкимъ, низкимъ кустарникомъ; лишь мѣстами попадались маленькія чащи терновника какъ та что окружала ауль, и я заключилъ что будетъ больше шансовъ для охоты въ этой мѣстности нежели между высокими тростниками. Я не ошибся. Вскорѣ показался изъ чащи красивый фазанъ съ золотыми крыльями, зеленою шеей и длиннымъ хвостомъ, почти не уступающимъ въ яркости радужнымъ цвѣтамъ лавина. Онъ гордо выступалъ изъ одной чащи терновника и неслѣшно направлялся къ другой, по временамъ останавливаясь клонуть червяка или букашку, и не обращая на меня, по видимому, ни малѣйшаго вниманія. Медленно приподнявъ свою вивтовку, чтобы не спугнуть его, я прицѣлился настолько аккуратно насколько это допускала свѣтящее мнѣ прямо въ глаза солнце, и перешибъ ему крылья. Онъ бросился въ чащу, но я тутъ же его догналъ и торжественно внесъ въ ауль, гдѣ онъ немедленно былъ ошланъ и зажаренъ къ завтраку.

Замѣтивъ тутъ что я потерялъ луговницу отъ картуза, я спросилъ Акъ-Маматова, не сумѣетъ ли онъ мнѣ пришить

другую. Онъ сильно оскорбился даже самымъ предложеніемъ что онъ способенъ взяться за женское дѣло, вышелъ, не говоря ни слова, и вернулся съ хорошенькою молодою Киргизкой, заявляя, съ явною еще досадою, что она вотъ можетъ сдѣлать что мнѣ нужно, если я найду луговицу и иголку съ ниткой. Необходимые матеріалы были доставлены; Киргизка усѣлась на полу и принялась за дѣло при хихиканьѣ трехъ или четырехъ своихъ товарокъ, собравшихся у двери по-смотреть на иностранца. Киргизка эта была премиленькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, но очень бѣдно одѣтая; недостатокъ костюма, впрочемъ, скрашивался нѣсколькими тяжелыми, черными какъ смоль косами, лежащими на ея плечахъ, и блестящими черными глазами. Вся эта процедура казалась чрезвычайно смѣшною ея пріятельницамъ: онѣ продолжали пересмѣиваться и дѣлать мнѣ знаки чтобъ я ее поцѣловалъ; я, конечно, не замедлилъ привести это въ исполненіе, а Киргизка покорилаь этому съ той же простою, спокойною граціей. Подаривъ ей кое-какія бездѣлки и надѣливъ иголками и нитками, я отпустилъ ее, и узналъ только послѣ что она приходилась сестрою моему молодому Киргизу, принадлежавшему къ этому аулу.

Послѣ часоваго отдыха и чая, завареннаго мутною, почти грязною водою, мы опять сѣли на коней. Было около часа полудни, и солнце пекло ужаснымъ образомъ. Впрочемъ, мы были на очень хорошей тропинкѣ, и лошади бѣжали своимъ ровнымъ и быстрымъ ходомъ. Лошади мои были киргизскія, мелкой, но очень выносливой породы. Всѣ онѣ отъ природы или отъ выѣздки ходятъ иноходью, что, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайно легко и покойно какъ для коня, такъ и для всадника; иноходью этой способны онѣ бѣжать съ утра до поздней ночи, проѣзжая въ день почти невѣроятное количество верстъ. Выносливость ихъ такъ велика что онѣ могутъ дѣлать по 70 верстъ день за день въ продолженіе мѣсяца, безо всякаго другаго корма кромѣ того что имъ самимъ удастся подобрать въ пустынь, да еще какой-нибудь горсти ячменя отъ времени до времени.

Какъ было уже сказано, со мною было шесть лошадей. Только четыре изъ нихъ, впрочемъ, были чистокровныя киргизскія, другія двѣ были помѣсью съ казацкою и мингрельскою породами. Одна изъ этихъ послѣднихъ должна была прежде принадлежать Мустрову, судя по тому какъ неотступно уго-

варивалъ онъ меня дать за нее хорошую цѣну, увѣряя что это превосходная лошадь и, что было для меня важнѣе всего, отлично выдержать переходъ. Хотя эта лошадь и самого меня прельщала своею красотой, тяжелою черною гривой и хвостомъ, купилъ я ее совершенно вопреки собственному убѣжденію, которое сильно противилось тому чтобы брать такую худощавую лошадь для длиннаго переѣзда. Для трехъ-четыре-дневнаго переѣзда худощавая лошадь очень хороша, но для мѣсячнаго тяжелаго перехода необходимо болѣе жирное животное; скоро пришлось мнѣ раскаяться въ томъ что у меня не хватило твердости отстоять свое мнѣніе: лошадь эта досталась шакаламъ еще задолго до прибытія на Оксусъ.

Киргизы, въ противоположность Туркменамъ, вовсе не заботятся о своихъ лошадяхъ. Они никогда не чистятъ ихъ и не укрываютъ, исключая лоры самыхъ сильнѣйшихъ морозовъ, и почти никогда не засыпаютъ имъ корма. Зимой еще даютъ они имъ немного сѣна, если оно есть, а если нѣтъ, то просто расчищаютъ снѣгъ и предоставляютъ животнымъ подбирать то что попадется изъ прошлогодней травы. Лѣтомъ же ихъ оставляютъ совсѣмъ на произволь судьбы, и онѣ, какъ верблюды, только тѣмъ и питаются что находятъ сами; въ Сыръ-Дарьинской долинѣ имъ еще довольно сытно сравнительно съ выжельными солнцемъ Кизиль-Кумскими степями.

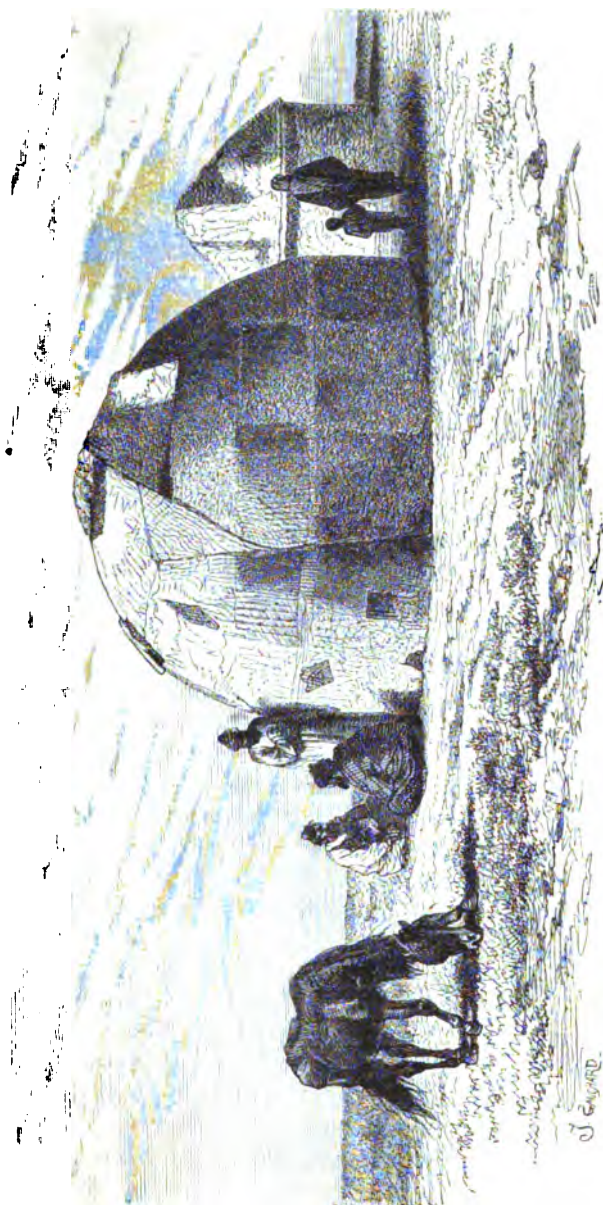
Результатомъ всего этого является то что порода этихъ лошадей стала самою выносливою въ цѣломъ свѣтѣ; жить онѣ могутъ вездѣ гдѣ можетъ существовать верблюдъ, и также далеко пройдутъ безъ питья, но не могутъ только выносить кажды такъ много дней какъ верблюдъ. Впрочемъ ростомъ и быстротой бѣга онѣ не могутъ и сравниться съ туркменскими лошадьми.

Черезъ полчаса по выѣздѣ изъ этого аула, мы подѣхали къ Яны-Дарьѣ и переправились черезъ нее, такъ какъ луть нашъ лежалъ по противоположному берегу. Рѣка была узка, извилиста и почти суха. Мы не стали слѣдовать за ея капризными изворотами, а все продолжали ѣхать наперерѣзъ къ юго-западу, переправляясь черезъ нее много разъ предъ нашимъ прибытіемъ въ Иркибай. Мы находились теперь въ мѣстахъ перерѣзанной, въ видахъ орошенія, каналами, которые были теперь по большей части сухи, такъ какъ Сыръ-Дарья не выходила изъ береговъ въ этомъ году.

казалась довольно хорошею, но была выжжена до такой степени что по всѣмъ направленіямъ была покрыта разсѣлинами, что можетъ дать нѣкоторое понятіе о жарѣ здѣсь царящей, такъ какъ это было всего 19го апрѣля (1го мая). Растительность при этой засухѣ конечно не могло существовать никакой; въ насыщенная почва поглощала снѣгъ чуть ли не съ большею скоростью чѣмъ онъ таялъ; только мѣстами, ради разнообразіи попадались сухіе стволы прошлогоднихъ растений.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы оставили за собой всѣ признаки искусственнаго орошенія и выѣхали на неровную песчаную мѣстность, гдѣ подалось много маленькихъ озеръ окруженныхъ песчаными холмами и почти скрытыхъ изъ виду высокими тростникомъ. Нѣкоторыя изъ озеръ были икрыты дикими утками, и я скоро настрѣлялъ ихъ достаточно для обѣда на всѣхъ насъ. Солнце сильно лекло послѣ полдня; я никогда бы не повѣрилъ, еслибы не испыталъ самъ что разница нѣсколькихъ дней разстоянія могла быть та велика. Мы даже начали томиться жаждой, такъ какъ водной для питья не подалось съ самаго утра.

Теперь мы уже вступили въ пустыню или, вѣрнѣе говоръ проходили песчаную мѣстностью, испещренною маленькимъ незадолго до того воздѣланными полосами земли, которыя представляли разительную противоположность съ окружающими ихъ песками. Все преимущество было на сторонѣ послѣднихъ. Мѣста орошенныя лишь въ прошломъ году, влотрескались отъ засухи, на нихъ не подалось ни малѣшаго намека на растительность, тогда какъ сама пустыня была почти зелена отъ распускающагося хворостника и рденкой травки, которая всегда пробивается немедленно послѣ стаяніи снѣга и даже цвѣтеть до тѣхъ поръ пока ее солнцемъ не выжжетъ. Болѣе всего тутъ было дикихъ тюльпановъ въ цвѣту, но также подалось множество другихъ цвѣтущихъ, которые я собиралъ на пути; тюльпаны же были особенно красивы: чашечки ихъ были величиною въ маленькую рюмку, лепестки блѣдно-желтаго цвѣта, а основанія ярко-красныя. Они имѣютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить смертельнаго врага въ маленькомъ буромъ животномъ, вочиною съ крысу, и извѣстномъ у Русскихъ подъ именемъ слика; сликъ этотъ подкапывается къ луковицамъ и окончательно ихъ выѣдаетъ, оставляя одну тонкую кожу.

КИРГИЗСКАЯ КИБИТКА. Съ рисунка Верещагина.

Къ вечеру подѣхали мы къ киргизскому кладбищу, состоящему изъ нѣсколькихъ глиняныхъ гробницъ и высокой пустой башни съ лѣстницею внутри. Подлѣ башни былъ колодезь, вода котораго была до такой степени тепла и такъ отзывалась гнилою соломой что ее почти не было возможности пить. Впрочемъ дѣлать было нечего, мы утолили здѣсь жажду насколько могли, напоили лошадей и осмотрѣвъ кладбище отправились дальше.

Плоскость по которой мы до тѣхъ поръ ѣхали незамѣтно возвышалась, и теперь видъ предъ нами открывался на нѣсколько верстъ по всѣмъ направленіямъ, но никакого признака жизни не попадавалось намъ на глаза: мы оставили населенные берега Сыръ-Дарьи за собою. Еще черезъ часъ мы подѣхали къ другому колодцу, вода котораго была чрезвычайно холодна и вкисла, и прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшій путь, мы наполнили этою водою наши кожаныя бутылки, уже не довѣря больше долившъ послѣ опыта настоящаго дня.

Подъ вечеръ Мустровъ началъ высматривать аулъ, который, по его соображеніямъ, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь по сосѣдству. Однако намъ до ночи ничего не попадалось, и мы уже стали выбирать мѣсто гдѣ бы расположиться на вочлегъ подъ открытымъ небомъ, когда вдругъ широкая полоса свѣта постепенно поднялась къ небу верстахъ въ трехъ вправо отъ нашей тропинки. Мустровъ и я пустили своихъ лошадей въ галопъ, и черезъ нѣсколько минутъ подскочили къ аулу, состоящему изъ дюжины кибитокъ, установленныхъ на густой зеленой муравѣ, представлявшей богатое пастбище для нашихъ лошадей. Мы подѣхали къ полоскѣ земли составляющей нѣчто въ родѣ оазиса, гдѣ была трава и вода въ изобиліи, что я приписалъ опять-таки тому что мы снова приблизились къ Яны-Дарьѣ.

Это было первымъ моимъ безостановочнымъ дневнымъ перѣездомъ; я былъ на лошади въ продолженіе одиннадцати часовъ и такъ усталъ что какъ только подѣхали мы съ Мустровымъ къ кибиткѣ Киргиза который насъ пригласилъ къ себѣ, я сошелъ съ коня и подложивъ подъ голову сѣдельную покрывку, растянулся на землѣ. Хозяинъ было пытался зазвать меня въ кибитку, но видя что я предпочитаю лежать на открытомъ воздухѣ, немедленно вынесъ коверъ, разстелилъ его на землѣ и пригласилъ меня расположиться на

немъ, тогда какъ самъ усѣлся съ явнымъ намѣреніемъ завязать со мною разговоръ, но такъ какъ мое знакомство съ татарскимъ языкомъ ограничивалось всего немногими словами, а Мустровъ по-русски не говорилъ, то хозяину пришлось отложить всѣ разговоры со мной до пріѣзда Акъ-Маматова, но онъ тѣмъ не менѣе важно и вѣжливо меня привѣтствовавши, поглаживая свою бороду и низко кланяясь.

Онъ былъ высокій, хорошо сложенный человѣкъ, съ длинною бородой—обстоятельство очень странное въ Киргизѣ. Дѣл потому, съ пріѣздомъ Акъ-Маматова, и оказалось что онъ со всѣми не Киргизъ, а братъ Мустрова, родомъ Каракалпакъ, что и объясняло длину его бороды. Хотя такіе же кочевники, въ силу своихъ обычаевъ, какъ и Киргизы, живя бокъ-о-бокъ и часто вступая въ браки съ этими послѣдними, Каракалпаки, повидимому, принадлежатъ къ совершенно другой расѣ. Они обыкновенно хорошо сложены, много выше Киргизовъ, и вмѣсто маленькихъ, узкихъ глазъ, широкихъ скулъ, приплюснутыхъ носовъ, толстыхъ губъ и круглыхъ безбородыхъ киргизскихъ лицъ, имѣютъ обыкновенно большіе открытые глаза, продолговатыя лица, выдающіеся носы и густыя черныя бороды; даже кожа ихъ, когда не обожжена солнцемъ, можетъ почти сравняться съ бѣлизной Европейца. Кто они такіе, какъ сюда попали, откуда пришли—все это предстоитъ объяснить историкамъ и этнологамъ, да и они едва ли скоро рѣшатъ эти вопросы. Что Каракалпаки принадлежатъ къ расѣ монгольской, это очевидно, но кто они дѣйствительно, еще трудно сказать.

Скоро ужинъ и чай были готовы, мои утки зажарены, всѣ мы подѣли къ яркому костру разложенному въ кибиткѣ, и принялись за ѣду. Послѣ ужина я олять вышелъ подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ и полюбоваться на окружающую меня обстановку.

Молодой мѣсяцъ уже готовъ былъ зайти за горизонтъ, огни мелькали въ степи по всѣмъ направленіямъ, доказывая что нашъ аулъ не одинъ стоитъ въ этой мѣстности; по тому вечернему воздуху доносилось до меня мычанье скота и блеяніе овецъ, перемѣшанное съ рѣзвымъ лаемъ собакъ смѣющимся дѣтскими голосами, и все это сливалось въ какой-то мягкой, даже нѣсколько музыкальный гулъ. Мѣстамъ зажжена была сухая прошлогодняя трава и терновникъ для очищенія почвы подъ новую растительность, и широкія я

лосы пламени, замѣченныя нами издаалека, медленно ползали по долинамъ, тогда какъ густые клубы дыма, застилая яркіе костры, подвигались къ самому небу въ странныхъ, фантастическихъ формахъ, точно огненные облака.

VI. Киргизскій старшина.

На слѣдующій день стало мнѣ попадаться растеніе издававшее сильный ароматичный запахъ подъ лошадиными копытами, и оказавшееся, по ближайшемъ разсмотрѣніи, особаго рода лолынью. Долина была мѣстами сплошь ею покрыта, и лошади ее ѣли съ удовольствіемъ. Здѣсь же сталъ иногда попадаться намъ родъ низкаго, шероховатаго исковерканнаго хворостника, отъ одного до шести футовъ вышиной; кустарникъ этотъ очень жестокъ и хрупокъ, такъ что гораздо легче ломается нежели рубится, и до того не приотлививъ что отлично разрастается на самыхъ сухихъ и песчаныхъ мѣстахъ. У Киргизовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ саксаула; названіе это они, впрочемъ, примѣняютъ ко всякому лѣсу идущему на топливо.

Этимъ же утромъ видѣли мы пять или шесть „сайгаковъ“, этихъ антилопъ Кизиль-Кума, составляющихъ собственно нечто среднее между этими животными и козлами. Я собирался уже дать по нимъ выстрѣлъ, но люди мои, не имѣвшіе никакой охотничьей выдержки, до того гикали и кричали что спугнули сайгаковъ: они бросились въ сторону съ быстротою вихря. Я скакалъ въ догону за ними до мѣста окаймленнаго высокимъ хворостникомъ, переходившимъ даже въ маленькія деревца футовъ десяти-пятнадцати вышиной; но все напрасно. Никто не въ состояніи нагнать этихъ животныхъ кромѣ быстроногихъ туркестанскихъ борзыхъ собакъ.

Возвращаясь къ тропинкѣ по которой мы до тѣхъ поръ слѣдовали, я замѣтилъ что саксаулы здѣсь, хотя и довольно высокіе, благодаря большой сырости почвы, не измѣнили нисколько своихъ рѣзкихъ особенностей; они были все такіе же сухіе, шероховатые и изогнутые въ оленьи рога. Больше половины ихъ казались вымершими, да и весь этотъ не одѣвшійся еще лѣсъ представлялъ мрачное, печальное, зрѣлище, будто онъ былъ исковерканъ и вывертъ подъ вліяніемъ какого-то сверхъестественнаго проклятiя.

Переѣздъ этого утра былъ восхитителенъ; съ наслажденіемъ вдыхали мы свѣжій, прохладный воздухъ, весь пропитанный ароматомъ дикой полыни, раздавленной подъ копытами нашихъ лошадей.

Къ полудню однако солнце начало сильно прилекать и, примѣтивъ въ верстѣ или двухъ на сѣверъ отъ насъ верховаго, Мустровъ галопомъ направился въ его сторону, рассчитывая найти подлѣ него колодець. Перебросившись нѣсколькими словами съ этимъ человѣкомъ, онъ далъ намъ знакъ подѣзжать, что мы немедленно же привели въ исполненіе, и застали на томъ мѣстѣ не одного уже, а цѣлыхъ четверыхъ всадниковъ. Приняли они насъ весьма радушно, взявъ на себя уборку нашихъ лошадей и предложивъ намъ самимъ только-что заваренный ими для себя чай. Это мѣсто, какъ я тутъ узналъ, было выбрано ими для полуденнаго привала ихъ аула, шедшаго за ними слѣдомъ.

Всѣ работы при уходѣ съ кочевья, какъ-то: разборка кибитокъ, нагрузка ихъ со всею домашней утварью на верблюдовъ, гонка скота и тому подобное, всегда возлагаются на однихъ женщинъ и дѣтей, тогда какъ мужчины садятся на коней и скачутъ впередъ, на поиски за мѣстомъ для новаго привала. Настоящее мѣсто было ими выбрано ради лежащаго недалеко маленькаго озера, или, вѣрнѣе говоря, большой лужи, наполненной мутною водой, а отчасти и изъ-за травы, весьма хорошей для пустыни.

Скоро показался и весь аулъ: длинною нитью потянулись верблюды съ женщинами и дѣтьми, а за ними подошли стада овецъ и скота, которыя немедленно же разсыпались по долинѣ въ поискахъ за кормомъ. Верблюдовъ заставили стать на колѣна, потянувъ веревки, обвязанныя вокругъ ихъ морды, или пропущенныя въ ноздри въ видѣ узды; женщины сошли на землю и немедленно принялись за установку кибитокъ и разборку домашней утвари; зажгли костры, все оживилось, пришло въ движеніе и наполнилось шумомъ.

Я сталъ наблюдать за установкой кибитки женщинами; меня особенно удивила послѣдствіе съ которою онѣ съ этимъ дѣломъ справлялись.

Самый остовъ кибитки, или палатки употребляемой въ Центральной Азіи, состоитъ изъ множества тонкихъ деревянныхъ полосокъ, скрѣпленныхъ крестъ-на-крестъ въ видѣ рѣшотки, но не на крѣпко, а такимъ образомъ что могутъ раздвигать-

ся въ квадратъ и сдвигаться въ одну полосу, по произволу. Оставъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ такихъ рѣшетокъ, выгнутыхъ внутри, такъ что каждая часть имѣетъ форму сегмента круга, а четыре части, вмѣстѣ связанныя веревками, составляютъ кругообразный срубъ. Вверху его ставится отъ двадцати пяти до тридцати изогнутыхъ же стропиль, верхнія оконечности которыхъ прикрѣпляются къ обручу трехъ-четырехъ футовъ въ діаметрѣ, и образуютъ крышу кибитки.

Какъ только верблюды нагруженный кибиткой стали на колѣна, двѣ женщины сняли срубъ и раздвинули его въ кругъ; одна изъ нихъ держала отдѣльныя части, въ то время какъ другая крѣпко ихъ связывала вмѣстѣ; вставили дверные косяки и все вмѣстѣ обвязали крѣпко-на-крѣпко веревкой изъ верблюжьего волоса. Затѣмъ одна изъ женщинъ взяла обручъ, служащій центромъ и основаніемъ потолка, подняла его изнутри кибитки посредствомъ палки, вставленной въ одно изъ множества отверстій, которыя въ немъ просверлены, тогда какъ другая немедленно приступила ко вставленію верхнихъ концовъ всѣхъ стропиль въ эти отверстія для нихъ приготовленные; основаніе же стропиль прикрѣплялось къ стоящему подъ ними срубѣ посредствомъ петлей. Наконецъ обертывали этотъ скелетъ кибитки тяжелымъ войлокомъ, и кибитка была готова. Обыкновенно она имѣетъ около пятнадцати футовъ въ діаметрѣ при восьми футахъ въ вышину, а формою походить на старомодный улей. На всю установку кибитки требуется не болѣе десяти минутъ, а между тѣмъ она очень устойчива и развѣ только при сильнѣйшемъ ураганѣ способна сдвинуться съ мѣста.

Возвратившись къ аулу послѣ неудачныхъ поисковъ за лучью, я былъ удивленъ и порадованъ видя что и мой комфортъ не былъ забытъ во всеобщемъ движеніи и суматохѣ. Старшина аула приказалъ доставить маленькую кибитку исключительно для меня одного, и къ ней телерь подвелъ онъ меня со своею стеленною вѣжливостью. Я нашелъ кибитку уставленную коврами и снабженною нѣсколькими мягкими, яркими покрывалами и подушками, которыя, при усталости моей, были неоцѣннымы.

Радужнаго хозяина пригласилъ я придти попробовать фазана, что я застрѣлилъ утромъ, и напиться потомъ чаю, на что онъ охотно согласился. Я очень удивился когда, слустая

нѣсколько времени, явился онъ съ настоящимъ русскимъ самоваромъ, который килѣлъ и пыхтѣлъ самымъ аппетитнымъ образомъ; мнѣ оставалось только заварить чай. Замѣтивъ что у меня не было ложки, а мѣшаю я свой чай сучкомъ, онъ послалъ къ себѣ за чайною ложкой и подарилъ мнѣ ее въ вѣчное владѣніе. Все это, вмѣстѣ съ отведенною мнѣ прекрасно-убранною кубиткой, пріютомъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца — все это, говорю я, было проявленіемъ такого искренняго гостепріимства и доброты которыя трудно и встрѣтить гдѣ бы то ни было кромѣ лустыни.

Съ своей стороны, я выставилъ предъ нимъ все что имѣлось при мнѣ съѣстнаго. У меня былъ мясной экстрактъ Либиха — отвратительнѣйшій составъ, скажу мимоходомъ, который мнѣ когда-либо приходилось отвѣдывать, но изъ котораго я тѣмъ же не менѣ варилъ супъ, кроша туда сухіе коренья; стразбургскій пирогъ, который чрезвычайно понравился моему хозяину, и множество сухихъ фруктовъ — персиковъ, абрикосовъ и изюма, извѣстнаго въ Средней Азіи подъ названіемъ кишмиша, и, кромѣ того, шоколатъ, который заслужилъ одобреніе Киргиза въ такой степени что онъ послалъ ло куску своей женѣ и дочерямъ. Въ заключеніе я вскипятилъ молока и накрошилъ туда множество сухарей, что понравилось ему болѣе всего остальнаго, и этимъ закончили мы свой пиръ. Чай пили мы изъ большихъ чашекъ, единственной посуды которую я захватилъ съ собой. Такія чашки, вставленныя въ кожаный футляръ, привязываются къ сѣдлу и составляютъ часть необходимой экипировки всякаго путешественника въ лустынѣ.

Во время чая я предложилъ Киргизу сигаръ. Онъ отъ нихъ сперва отказался, но лишь только увидѣлъ что я закурилъ одну изъ нихъ, онъ передумалъ и послѣдовалъ моему примѣру съ большимъ наслажденіемъ, не появявъ, какъ видно, сперва что такое сигара. Онъ при этомъ показалъ мнѣ свои лалиросы и трубку, курить которыя научился отъ Русскихъ. Сигары, впрочемъ, какъ онъ меня увѣрялъ, нравились ему несравненно больше.

Во время куренья, наконецъ, завязалъ я съ нимъ чрезъ Акъ-Маматова общій разговоръ, тогда какъ до сихъ поръ перебрасывались мы съ нимъ немногими вопросами безъ всякой связи, да и тѣ относились только до нашего обѣда. Теперь же узналъ я что онъ киргизскій старшина, имя его До-

вдѣтъ, а управляетъ онъ подъ властію Русскихъ двумя тысячами кибитокъ. Каждая изъ этихъ кибитокъ обязана платить Русскимъ налогу по три рубля ежегодно. На вопросъ мой довольны ли они русскимъ управленіемъ, онъ отвѣчалъ что довольны; но затѣмъ покачалъ головою, говоря что очень часто приходится имъ платить также подати и хану Хивинскому, который считаетъ себя подвластными всѣхъ Киргизовъ кочующихъ между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей. Я утѣшалъ его, говоря что когда Русскіе покорятъ хана, то положить конецъ настоящему положенію дѣлъ, но онъ на это опять только покачалъ головою, точно вовсе не особенно радуясь. Вѣроятно ему не могла быть пріятна та перспектива что послѣдняя твердыня его религіи будетъ покорена христіанскою властію.

Киргизы, надо замѣтить, ведутъ очень оригинальный образъ жизни. Три зимніе мѣсяца они проводятъ въ глиняныхъ жилищахъ на берегу какой-нибудь небольшой рѣчки, когда же снѣгъ начинается стаивать, они поднимаются съ мѣста чтобы совершить свой ежегодный переходъ. Странствуютъ они цѣлыя девять мѣсяцевъ, никогда не останавливаясь болѣе трехъ дней на одномъ мѣстѣ и живя все время въ кибиткахъ. Иногда подвигаются они верстъ на четыреста и болѣе впередъ, а потомъ пускаются въ обратный луть той же самою дорогою, возвращаясь на зимнія стоянки къ тому времени когда снѣгъ опять начинается выпадать. Трудно было бы сказать на чемъ основывается ихъ выборъ мѣстъ для стоянокъ въ этихъ переходахъ. Каждый аулъ охотно остановится на томъ мѣстѣ съ котораго только-что ушелъ другой аулъ: часто даже Киргизы оставляютъ за собой хорошія пастбища и переходятъ за цѣлыя сотни верстъ на дурныя.

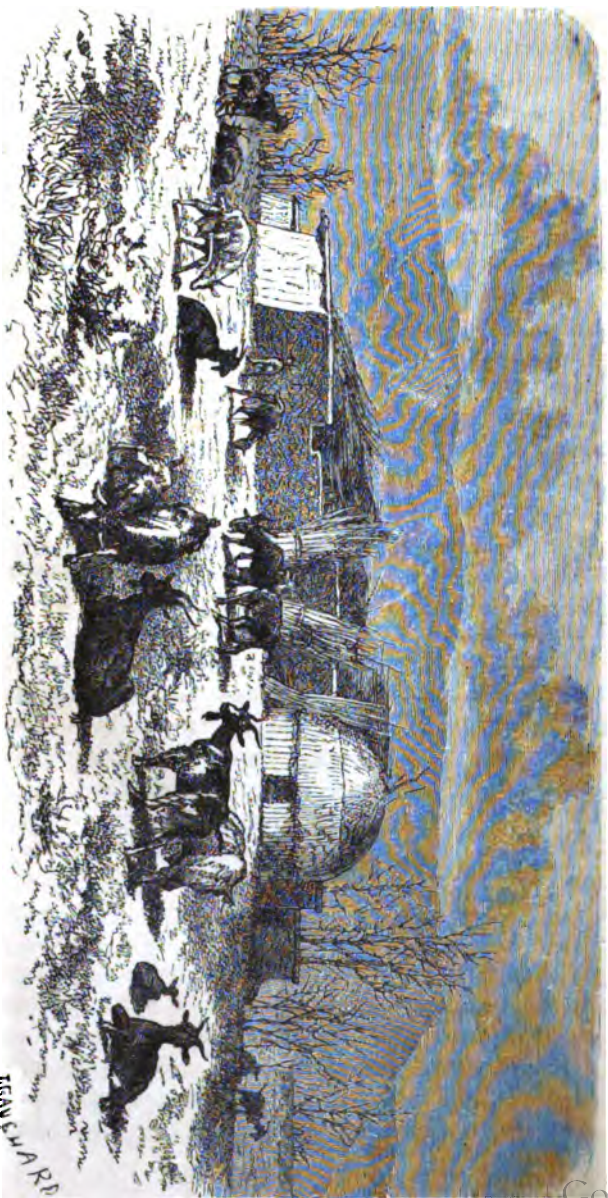
Такъ напримѣръ Киргизы зимующіе на Аму-Дарьѣ перекочевываютъ весною на Сыръ и даже дальше къ сѣверу, тогда какъ многіе изъ сыръ-дарьинскихъ Киргизовъ переходятъ на югъ къ Аму-Дарьѣ или направляются на сѣверъ къ Иргизу. Многіе съ Иргиза идутъ еще дальше на сѣверъ или же кочуютъ на югъ къ Сыру, постоянно пересѣкая дороги другъ друга по всѣмъ направленіямъ. Человѣкъ незнакомый съ ихъ обычаями не найдетъ ни малѣйшей системы въ этихъ переходахъ. Но система эта тѣмъ не менѣе существуетъ. Каждый родъ или аулъ слѣдуетъ годъ за годомъ именно по тому направленію, идя по тѣмъ же тропинкамъ,

останавливаясь у тѣхъ же ключей, по которымъ шли и у которыхъ останавливались ихъ предки тысячу лѣтъ тому назадъ, а многіе аулы, зимующіе всегда по сосѣдству, каждымъ лѣтомъ удаляются другъ отъ друга на цѣлыя сотни версты. Эти переходы до того регулярны и точны что можно бы заранее предсказать гдѣ можно будетъ найти какой изъ этихъ кочевыхъ ауловъ въ любой день въ году. Еслибы можно было составить карту пустыни указывающую пути всѣхъ ауловъ, то она представила бы самую переплетенную сеть тропинокъ, которыя будутъ встрѣчаться и пересѣкаться другъ друга во всевозможныхъ направленіяхъ, представляя страшную запутанность и безпорядокъ невообразимый.

А между тѣмъ ни одинъ аулъ никогда не сбивается со своего пути и не позволяетъ другому вступить на него. Каждый аулъ имѣетъ право пересѣчь дорогу другаго аула, но пройти хотя небольшое разстояніе тѣмъ же путемъ его никогда не допустить. Малѣйшее уклоненіе какаго бы то ни было аула или племени отъ пути по которому переходили его предки уже считается достаточнымъ предлогомъ для войны; да на дѣлѣ и оказывается что основаніемъ почти всѣхъ распрій и побоищъ между Киргизами служитъ то что одинъ какой-нибудь родъ завладѣлъ — не ластбищемъ, какъ можно еще было бы предположить, но — дорогой другаго рода или аула.

Обитатели одного аула почти всегда приходятся другъ другу родственниками. Во многихъ случаяхъ даже сами аулы бывали основаны двумя-тремя братьями, которые, со своими женами, дѣтьми и внуками образуютъ маленькую общину, занимая отъ пяти до десяти кубитоковъ.

Русскіе, при первомъ покореніи Киргизовъ, нашли эту систему чрезвычайно запутанною, и думая что не будетъ возможности установить какой бы то ни было надъ ними контроль при этихъ вѣчныхъ перекочевкахъ, пытались въ началѣ заставить ихъ измѣнить этотъ образъ жизни, произвели между ними поземельный надѣлъ и старались утвердить каждый родъ на отведенной ему полосѣ. Какъ и легко было предвидѣть, мѣра эта не удалась. Кромѣ невозможности колебать вѣками вкоренившійся обычай, увидали что это нововведеніе только вело къ вѣчнымъ побоищамъ между самими Киргизами, которые никакъ не могли взять въ толкъ въ чемъ собственно заключались ихъ права.

КИРГИЗСКАЯ ЗИМНЯЯ КОЧЕВКА. *Съ рисунка Верещагина.*

ИСКАУАРД

Они скоро возвратились къ старому порядку вещей, а начальники Оренбургскаго и Туркестанскаго округовъ согласились считать пункты ихъ зимовокъ настоящимъ ихъ мѣстожительствомъ, не взирая на ихъ лѣтнія странствованія, и такимъ же порядкомъ рѣшать какой мѣстности чинить надъ ними судъ и расправу.

Настоящимъ случаемъ я воспользовался чтобы спросить прудводителя аула, отчего не остаются они на мѣстѣ, вмѣсто этого вѣчнаго скитанья по степи. Онъ отвѣчалъ что не достало бы корма скоту ихъ, еслибъ они оставались на мѣстѣ.

— Но отчего же тѣ что живутъ на Сыръ-Дарьѣ не остаются на лѣто тамъ же, гдѣ ластбища такъ хороши, вмѣсто того чтобъ уходить кочевать въ пустынь, гдѣ трава плоха и въ маломъ количествѣ? спрашиваю я.

— А потому что другіе аулы приходятъ, а оставайся они тамъ всѣ, то скоро и при рѣкѣ никакого корма бы не осталось.

— Но отчего же другіе аулы не остаются на своихъ мѣстахъ у Иргиза и Аму-Дарьи вмѣсто того чтобъ идти на Сыръ?

— Да оттого же что другіе аулы туда приходятъ.

— Такъ отчего бы имъ всѣмъ не оставаться на мѣстахъ?

— Да что объ этомъ говорить, отцы и прадеды наши такъ жили, отчего же намъ не дѣлать того что они всегда дѣлали? отвѣчалъ онъ. И, какъ я думаю, это одно изъ самыхъ вѣрныхъ объясненій которыя они могутъ дать. Впрочемъ, какъ кажется, этотъ кочевой образъ жизни болѣе примѣнимъ къ этой пустынь нежели къ какой бы то ни было другой.

Старшина аула говорилъ мнѣ, между прочимъ, что питаются Киргизы преимущественно молокомъ, иногда употребляютъ немного муки, а по временамъ убиваютъ и барана. Но самъ онъ имѣетъ ежедневно баранину, хлѣбъ, чай и сахаръ. Послѣ бесѣды, продолжавшейся около часа, старшина удалился, а я остальное время остановки провелъ во снѣ. Проснувшись, я нашелъ лошадей уже осѣдлавшими и все готовымъ къ отъѣзду. Наскоро выливъ стаканъ чаю, я вскочилъ на лошадь и уѣхалъ, крѣпко пожалъ на прощанье руку гостеприимнаго хозяина и оставивъ ему съ лошадью сигаръ.

Подъ вечеръ стало казаться что мы олять приближаемся къ Яны-Дарьѣ. Мы набрали на маленькій лѣсокъ, состоящій изъ деревь наломивающихъ одинъ изъ американскихъ дубовъ, многія даже достигаютъ до 25 — 30 футовъ въ вышину. Посреди этого лѣса былъ маленькій пригорокъ, частію околанный глубокою канавою и очень смахивающій на остатки какого-нибудь стариннаго землянаго укрѣвленія. Я спросилъ у Мустрова объ этомъ, но тогда не добился никакого удовлетворительнаго отвѣта. Въ послѣдствіи я узналъ что на этомъ мѣстѣ былъ въ старинныя времена городъ, покинутый обитателями когда воды протекавшей въ этихъ мѣстахъ Яны-Дары стали высыхать.

Хотя по сосѣдству и можно было найти много воды, Мустровъ воспротивился остановкѣ здѣсь на ночлегъ, а уговаривалъ ѣхать дальше и поискать какого-нибудь аула. Итакъ мы продолжали ѣхать впередъ долгое время послѣ наступленія темноты. Оставивъ Яны-Дарью позади себя, мы въѣхали на нѣсколько возвышенную открытую и сухую плоскость, гдѣ почти не было никакой растительности. Лошади наши все подвигались легонькой иноходью впередъ, стулая колытами едва слышно по мягкой, пыльной почвѣ. Послѣ долгаго переѣзда, когда я уже начиналъ думать что придется провести ночь подъ открытымъ небомъ, до меня внезапно донесся звукъ дѣтскаго голоса. Послѣшно повернувъ лошадей по направленію голоса, мы проѣхали еще съ полверсты и разсмотрѣли полосу свѣта исходящую изъ жилья и блескъ воды при блѣдномъ мѣсячномъ отсвѣтѣ.

Чуя близость отдыха и корма, лошади наши пустились легкимъ галопомъ и черезъ нѣсколько минутъ мы уже выѣзжали къ маленькому аулу.

VII. Киргизскій романъ.

Войдя въ кибитку я засталъ тамъ большой костеръ, красноватый свѣтъ котораго падалъ на яркіе ковры, одѣяла и подушки; надъ головами и вездѣ кругомъ видѣлся рѣшетчатый деревянный остовъ кибитки, обитый толстымъ бѣлымъ войлокомъ; по стѣнамъ на этой рѣшеткѣ развѣшана была кухонная посуда, всякаго рода домашнія принадлежности, сабля

ВНУТРЕННОСТЬ КИБИТКИ.

и ружье, сѣдла и уздечки, въ сторонѣ была брошена трех-струнная татарская гитара.

Сама кибитка оказалась цѣлыхъ двадцати футовъ въ диаметрѣ больше всѣхъ мною видѣнныхъ до тѣхъ поръ, а наружный войлокъ, чистый и новый, былъ почти снѣжной бѣлизны. По всему было видно что Киргизъ приглашавшій меня къ себѣ принадлежалъ къ богатому классу кочевниковъ.

Введя меня въ кибитку, онъ сказалъ что-то двумъ молодѣйшимъ дѣвушкамъ, своимъ сестрамъ и чуть ли не двойникамъ; онѣ тутъ же подошли ко мнѣ съ потуленными глазами и привѣтствовали меня, каждая по очереди, взявъ мою руку въ обѣ свои и прикладывая ее къ своему сердцу съ тихою скромностію, которая была положительно очаровательна.

Какъ мнѣ послѣ случилось замѣчать, женщины киргизскія такимъ образомъ привѣтствуютъ своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, возлюбленныхъ, а также и гостей, судя по настоящему случаю со мною. Сдѣлано это тутъ было съ такою простою, натуральною граціею, сопровождалось такимъ застѣнчивымъ взглядомъ темныхъ глазъ что мнѣ показалось въ эту минуту что лицъ красивѣе и интереснѣе этихъ двухъ я еще не встрѣчалъ. Да и въ дѣйствительности это были лица очень миловидныя, круглыя и свѣжія, безъ малѣйшаго слѣда монгольскаго типа. Смуглая кожа ихъ была чрезвычайно прозрачна, черные какъ смоль волосы свѣшивались двумя тяжелыми косами чуть ли не до колѣнъ, а глаза, темные и мягкіе, были окаймлены такими длинными рѣсницами какія рѣдко встрѣчаются иначе какъ въ расѣ кавказской. Одѣты онѣ были въ красные шелковые халаты съ особеннаго рода пестрымъ шитьемъ по швамъ и на рукавахъ и со множествомъ большихъ серебряныхъ луговицъ, тонкихъ какъ пластинки. Изъ подъ халата, застегнутаго одною коралловою запонкою у шеи, видѣлась бѣлая шелковая рубашка доходящая до колѣнъ и распахивающаяся очень ликантно на груди. Бѣлые шаровары изъ такого же шелка и красные саложки дополняли ихъ несложный, но для пустыни весьма нарядный костюмъ.

На братѣ была надѣта короткая узкая куртка изъ какой-то красной полубумажной, полшелковой матеріи, также украшенная серебряными луговицами; при этомъ широкіе

шаровары изъ ярко-желтой кожи, почти сплошь покрытые вышивкой самыхъ разнообразныхъ узоровъ, желтый шелковый поясъ за который былъ заткнутъ ножъ и старый пистолетъ съ кремневымъ замкомъ, маленькая нарядная мѣховая шапка и широкіе салюги изъ нечерненой кожи.

Вручивъ ему мою винтовку и револьверъ, я бросился на разостланныя предъ костромъ одѣяла, тогда какъ Акъ-Маматовъ сталъ съ меня стаскивать тяжелые верховые салюги чтобы замѣнить ихъ туфлями, доставленными предусмотрительнымъ хозяиномъ. Затѣмъ я приступилъ къ дальнѣйшему своему туалету. Въ кибиткѣ всегда есть небольшое пространство незастланное ковромъ. Чтобы умыться, надо стать на колѣни на краю ковра у этого мѣста и вамъ полавляютъ воду на руки и на голову изъ чайника, кожанаго ведра или бутылки, а иногда изъ мѣднаго кувшина очень изящной формы, часто встрѣчаемаго у Киргизовъ, словомъ, изъ той посуды которая первая подъ руку попадется. Вода тутъ же втягивается сухимъ пескомъ и всякій слѣдъ сглаживается.

Тѣмъ временемъ поставили надъ костромъ чугуный котелъ на большомъ кругѣ, къ которому прикрѣплены были ножки. Скоро вошли мои люди съ нѣсколькими сосѣдями-Киргизами, размѣстились въ скорченнахъ позахъ вокругъ огня и завели оживленную болтовню. Киргизы не складываютъ ноги крестообразно какъ Турки, но становятся на колѣни и опрокидываютъ всю тяжесть своего тѣла на поджатыя такимъ образомъ ноги, съ лямками вывернутыми наружу. Какъ бы ни казалась эта поза натуральна и удобна въ Киргизіѣ, я не советую ни одному Европейцу пробовать такъ садиться, если онъ желаетъ олять послѣ того встать на ноги! По взглядамъ которые они на меня иногда бросали, я понималъ что разговоръ у нихъ шелъ обо мнѣ, а изъ частныхъ возгласовъ и другихъ знаковъ изумления, я легко могъ вывести что Акъ-Маматовъ олять далъ волю своему воображенію и рассказываетъ имъ обо мнѣ какія-нибудь небылицы. Непохожіе въ этомъ отношеніи на другихъ восточныхъ народовъ, Турокъ и Арабовъ, Киргизы болтливы чрезвычайно любятъ поговорить. Весь вечеръ прошелъ въ разговорахъ, прерываемыхъ только взрывами хохота.

Послѣ получасовой варки кушанье было вывалено въ большую деревянную чашку; мнѣ также дали деревянную

ложку и пригласили подѣлать къ намъ вмѣстѣ съ другими. Кушанье это, весьма вкусное, оказалось чѣмъ-то въ родѣ супа изъ баранины, заправленнаго пшеничною мукой. Мы всѣ ѣли изъ одной чашки самымъ пріятельскимъ образомъ, но къ несчастію супа не достало, а мнѣ какъ нарочно въ этотъ день не попадалось ни утокъ, ни фазановъ. Молока за то оказалось вдоволь; я приказалъ его накупятить и накрошилъ туда сухарей. Друзья мои Киргизы вѣроятно никогда еще до тѣхъ поръ не отвѣдывали подобнаго блюда, потому что оно ихъ привело въ положительный восторгъ, а къ концу ужина, заключеннаго шоколатомъ и кишмишемъ, всѣ мы были въ самомъ веселомъ и общительномъ расположеніи духа, вполнѣ забывая объ окружающей насъ пустынь. Дѣвушки все время держались въ сторонѣ, и мнѣ стоило большихъ трудовъ добиться чтобъ онѣ подѣлали ѣсть съ нами.

Послѣ ужина я попросилъ молодого хозяина кибитки сыграть что-нибудь, указывая на гитару. Не заставляя себя долго просить, онъ спѣвалъ нѣсколько лѣсенъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Двѣ изъ этихъ лѣсенъ были встрѣчены остальными Киргизами богатырскими взрывами хохота. Затѣмъ онъ еще спѣвалъ, какъ мнѣ объяснили, нѣсколько боевыхъ лѣсенъ, слава лодвиги какого-то киргизскаго богатыря противъ Туркменъ, и эти также были встрѣчены одобрительно.

Гитара татарская очень маленькій инструментъ, напоминающій своею формою вдоль перерѣзанную грушу, не болѣе фута величиною, тогда какъ рукоятка доходитъ футовъ до трехъ. Эта гитара была изъ темнаго дерева, похожаго на орѣхъ, и на ней натянуты были двѣ простыя и одна мѣдная струна. Своеобразные татарскіе мотивы были бы довольно пріятны еслибы не лѣлись такимъ рѣзкимъ тонкимъ голосомъ съ какимъ-то непріятнымъ гнусавымъ визгомъ. Эта манера въ лѣвѣи распространена по всей Центральной Азіи; я слышалъ ее и въ Хивѣ, и между Бухарцами сопровождавшими русскую экспедицію. Это, впрочемъ, не мѣшало лѣвнѣ Киргиза быть забавнымъ и совершенно гармонирующимъ съ окружающей обстановкой. Эта кибитка посреди лесчаной степи, освѣщеннаи яркимъ костромъ, красноватое пламя котораго бросало оригинальные колориты на дикія лица присутствующихъ и на ихъ странные костюмы; развѣшанное оружіе, сѣдла, уздечки, эти двѣ дѣвушки съ ихъ оригиналь-

ною красотой — все это сливалось въ совершенно своеобразную, но очень красивую сцену.

Я пробовалъ заставить лѣтъ и дѣвушекъ, но онѣ наотрѣвъ отказались и не поддались ни на какія увѣщанія. Шутки ради, я заставилъ Акъ-Маматова предложить одной изъ нихъ выйти за меня замужъ; слушая это предложеніе онѣ очень краснѣли и смѣялись. Акъ-Маматовъ впрочемъ отвѣтилъ мнѣ что я долженъ обратиться къ брату ихъ, который одинъ имѣеть право ихъ выдать замужъ если желаетъ, а что мнѣ придется заключить договоръ этотъ подаркомъ брату и ассигновкой приданого дѣвушкѣ. Тогда я предложилъ дать хозяйну одну изъ своихъ винтовокъ, а дѣвушкѣ — лошадь, верблюда, устроенную кибитку и двадцать овецъ. Это послѣднее предложеніе уже выслушано было дѣвушками совершенно серьезно, и онѣ не предполагали здѣсь никакой шутки. Онѣ заявили Акъ-Маматову что мнѣ придется жениться на нихъ обѣихъ, такъ какъ онѣ другъ съ другомъ не разстанутся. Условіе это не представляло для меня ничего непріятнаго, и потому я съ готовностію согласился, да и въ дѣйствительности было бы жаль ихъ разлучать. При отъѣздѣ же нашемъ на другое утро и хозяинъ поручилъ Акъ-Маматову мнѣ сказать что онъ переговорилъ съ сестрой и что окончательный отвѣтъ мнѣ дадутъ когда я къ нимъ заѣду на возвратномъ пути.

Киргизы могутъ, какъ и всѣ магометане, имѣть по нѣскольку женъ, но они рѣдко пользуются этою привилегіей. Браку они не придаютъ никакого религіознаго значенія, а смотрять на него какъ на простую торговую сдѣлку. Мушана платитъ за дѣвушку отцу ея подарками сообразно съ состояніемъ обѣихъ сторонъ. Обыкновенно подарки эти возвращаются молодымъ, образуя такимъ образомъ женнино приданое. Иногда, впрочемъ, эти подарки отецъ держитъ у себя на тотъ случай если его дочь будетъ ему возвращена ея мужемъ, такъ какъ Киргизъ имѣеть право прогнать свою жену во всякое время; на дѣлѣ, однако, право это рѣдко прилагается. Если же подарокъ былъ возвращенъ, то жена можетъ, уходя отъ мужа, захватывать съ собою все что было имъ прежде за нее дано.

Въ случаѣ смерти мужа, по здѣшнимъ порядкамъ, налечащимъ древній еврейскій законъ, вдова достается его брату

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки **пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою кою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать руб.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ германскаго Почтового Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Францію, Швецію, Германію, Европейскую Турцію и Грецію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прѣдѣлахъ за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, у Каменнаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Изъ числа подписчиковъ *Русскаго Вѣстника* года желающіе получить напечатанныя въ прошломъ году главы романа Булвера **Парижскій романъ** Вилки Коллинза **Законъ и Женщины** говорятъ заявить о томъ редакціи прилагая первый 1 р. и за второй 50 к.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ Бульварѣ.

LIBRARY
1018
1875

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. КАТКОВЫМЪ.

1875

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1875

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА И
ОБЪ НИМЪ ГВАРДІИ. (Исслѣдованіе.) М. П. Погодина.
- II. ОЧЕРКИ КИТАЯ. Окончаніе. К. А. Свѣткова.
- III. ЖИЗНЬ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ СЪ НОЯБРЯ 1854 ПО ФЕВ-
РАЛЬ 1855 ГОДА. М. И. Богдановича.
- IV. ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Вилки Коллинза. Пере-
водъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXVIII—XXXIV.
- V. УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ. Гл. VI—X. Н. А.
Добжмова.
- VI. МАРИЯ УЛЬЯНА ВЯЗЕМСКАЯ. Драма въ четырехъ
дѣйствіяхъ. Д. В. Аверкіева.
- VII. НАКАЗАНІЕ КАРЕНИНА. Романъ. Часть первая. Гл. XV—XX.
Часть вторая. Гл. I—X. Гр. Л. Н. Толстаго.
- VIII. ВРЕМЕННОЕ УКРАЙНОФИЛЬСТВО. З.
- IX. ПЕДАГОГИЯ ВЪ РОМАНѢ. К. Н.
- X. НЕПОНЯТНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ. (Отвѣтъ г. Лесевичу.)
С. Соловьева.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ПЕРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона.
Переводъ съ англійскаго. Книга десятая, гл. II—VII.
- II. ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСѢ И ПАДЕНІЕ
Галана. Переводъ съ англійскаго (съ ру-
скаго) первая, гл. VIII—XIII.

О ПОДПИСКѢ

в а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1875 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП. съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во все мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конто-рѣ Унивѣрситетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Со-ловьева, на Страстномъ Бульварѣ; въ С.-Петер-бургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Слу-жащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ру-ководствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	18	—
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію.	19	—
Въ Англию, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію.	20	50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	21	60

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1875 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1875 году еженежно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые придутся на недѣль, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за двумя праздничными днями), будетъ издаваться, какъ и въ вышнемъ году, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1875 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и болѣе, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты помѣщаемо не будетъ. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подданныхъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* будутъ на 1875 годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.....	8 „ 50 „
„ 12 „.....	13 „ — „	„ 12 „.....	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЮ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. — к.	На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „ — „
„ 12 „.....	16 „ — „	„ 12 „.....	18 „ — „

Подписка въ Москвѣ съ доставкою чрезъ разнощиковъ редакціи на одинъ мѣсяць не принимается.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подписной цѣны (съ доставкою) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	7 . 75 .	15 . — .	28 .
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египеть. . .	9 . — .	17 . 50 .	33 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	10 . 50 .	20 . — .	38 .
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	8 р. — к.	14 р. — к.	28 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	10 . — .	17 . 50 .	35 .
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египеть. . .	11 . 50 .	21 . — .	42 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	13 . — .	24 . — .	48 .

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по предварительному соглашенію съ редакціей.

Священно- и церковно-служителямъ православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), во всѣхъ привислинскихъ и балтійскихъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерніяхъ редація будетъ высылать свою газету за уменьшенную цѣну, а именно: въ годъ за 9 р., 6 мѣсяцевъ за 5 р. безъ казенныхъ объявленій, и 11 р. за годъ, 6 р. за 6 мѣсяцевъ съ казенными объявленіями.

Редація проситъ иногородныхъ присылать адреса четкою написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перенятіи адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА И СЪ НИМЪ ГВАРДІИ

Исчислимъ прежде всего источники, по документамъ, въ томъ порядкѣ какъ они приводятся по мѣстамъ у г. Устрялова, которому наиболѣе были доступны наши архивы.

Сперва о Сергѣѣ Леонтьевичѣ Бухвостовѣ, какъ первомъ гвардейскомъ солдатѣ.

1. Списокъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1701 по 1786 годъ, съ отмѣткою о службѣ С. Л. Бухвостова. *

2. Извѣстіе напечатанное по распоряженію генераль-фельдцейхмейстера Миниха въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1728 года о С. Л. Бухвостовѣ, по случаю его кончины. **

* *Исторія Царствованія Императора Петра Великаго*, Н. Устрялова. Петербургъ, 1858. Томъ II, примѣчаніе IV, с. 328: въ „спискѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1701 по 1786 годъ показанъ „отъ бомбардиръ поручикъ Сергѣй Бухвостовъ, переведенный 2го октября 1714 года въ С.-Петербургскую артиллерію“, съ отмѣткою на полѣ что онъ былъ „первый солдатъ Преображенскаго полка, и началъ службу съ 1682 года“.

** „По смерти его, въ 1728 году, генераль-фельдцейхмейстеръ Минихъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* напечаталъ что Бухво-

3. Подпись къ портрету его, выгравированному знакомцемъ его, академическимъ мастеромъ Махаевымъ, бывшимъ при его кончинѣ. *

4. Свидѣтельство назирателя Кунсткамеры Бѣляева, премника Бухвостову, вѣроятно родственнику С. Л. Бухвостова, служившему при Академіи 50 лѣтъ. **

еговъ первый записался въ бомбардирскую роту при самомъ учрежденіи ея въ 1695 году, и что императоръ Петръ Великій приказалъ художнику Растрелли, для вѣчной памяти, вылить изъ металла персону его въ натуральную величину*.

* „Первый Россійскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ. Изъ придворныхъ служителей, 1683 года, ноября 30го дня, при мачалѣ военно-потѣшной службы первѣйшимъ въ оную самохоткою представалъ, потому государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служа потомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку въ бомбардирской ротѣ до оберъ-офицера былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. По кончинѣ служилъ артиллеріи майоромъ. Хотя Его Величество во многихъ случаяхъ изволилъ оказывать къ дальнему его повышеію свое монаршее благоволеніе; но онъ по своей набожной кротости вслѣдствіи убѣгалъ излишняго славолубія. Родился 1642, скончался 1728, ноября 30го дня. Жилъ больше 86 лѣтъ, былъ росту средняго, силенъ твердъ, скромнъ и весьма воздержнъ. А по конецъ жизни и самой его кончинѣ свидѣаемъ былъ Акад. Наукъ ландкарт. грав. въ перспективѣ М. Михайла Махаевъ.“

** *Кабинетъ Петра Великаго*, изд. Осипомъ Бѣляевымъ, въ Петербургѣ 1800, отд. I, с. 48 и отд. III, с. 241.

„Сергѣй Леонтьевъ, сынъ Бухвостовъ, родился въ 1659; вступивъ въ службу въ 1674 году, опредѣленъ былъ на мѣсто отца своего Леонтя Бухвостова въ компанейной чинъ, и служилъ въ томъ чинѣ по 1683 годъ. Потомъ въ томъ же году по именному его императорскаго величества указу опредѣленъ былъ въ Преображенской полкъ въ число потѣшныхъ. Въ 1695 году опредѣленъ тогда въ полку въ бомбардирскую роту. Въ 1698 году пожалованъ въ ту роту капитаномъ; въ 1700 сержантомъ, а въ 1706 году въ подпоручики и служилъ въ помянутомъ полку въ той же ротѣ по 1715 годъ, а послѣ въ томъ же году пожалованъ въ артиллерію въ С.-Петербургской гарнизонъ майоромъ.“

„По вступленіи въ службу, былъ онъ, Бухвостовъ, въ разныхъ походахъ, а именно: въ походахъ Троицкихъ, Переславскихъ, Семюковскихъ и Кожуховскихъ. Въ дѣйствительныхъ же походахъ ходилъ онъ въ 1695, 1696 и 1697 годахъ подъ Азовомъ въ баталіяхъ, приступахъ и осадахъ; въ 1700 подъ Нарвою при осадѣ и на баталіи; въ 1701 былъ въ походахъ въ Новѣ-городѣ; и

Къ вопросу объ учрежденіи Преображенскаго полка относятся слѣдующіе документы:

5. Просьба императору Петру Великому квартирмистра Преображенскаго полка Луки Хабарова, 1724 года, мая 6го, о наградахъ, съ прописаніемъ разныхъ обстоятельствъ его службы. с. 329.

6. Просьба Данила Новицкаго императрицѣ Екатеринѣ I, въ іюнь 1726 года, о возвращеніи ему чина, съ описаніемъ прежней службы въ Преображенскомъ полку, с. 329.

7. Показаніе Федора Шакловитаго при допросѣ 1689 года, с. 330.

8. Официальный современный (?) списокъ Преображенскаго полка (с. 330).

9. Подлинная вѣдомость за подписью генерала Ивана Бутурлина, 19го октября, 1721 года, объ офицерскихъ производствахъ въ Преображенскомъ полку, с. 330.

10. Отзывъ князя М. М. Голицына, 1724 года, кабинетъ-секретарю Макарову на требованіе имѣть свѣдѣнія о службѣ, для сочиненія исторіи Свейской войны, с. 331.

11. Вѣдомости и списки Преображенскаго полка * около 1693 года.

1702 былъ въ походѣ у города Архангельска, и въ томъ же году при осадѣ и взятѣ Шлиссельбурга, въ 1703 году при осадѣ и взятѣ Кавецъ, при взятѣ на морѣ шкутовъ, на баталіи съ Кариньотомъ на Сестрѣ рѣкѣ, и въ походѣ на Ладейномъ Полѣ; въ 1704 году былъ при осадѣ и взятѣ Нарвы; въ 1705 въ походахъ въ Польшѣ и въ Курляндіи, при осадѣ и взятѣ Митавы; въ 1706, 1707 и 1708 годахъ находился въ походахъ въ Польшѣ и на баталіяхъ подъ Добрынь и подъ Лѣсьнымъ; въ 1709 году въ походѣ въ Магдоросіи, и въ томъ же году на баталіи Полатавской; въ 1710 году былъ при осадѣ и взятѣ Выборга и въ походахъ; въ 1711 въ походѣ и на баталіи при Прутской акціи; въ 1712 и 1713 годахъ былъ въ походахъ и атакахъ въ Голстимию и въ Померанію, при осадѣ и взятѣ Штетина, и находясь при тѣхъ баталіяхъ и осадахъ, былъ раненъ. Во время же всѣхъ оныхъ вышепомянутыхъ походовъ, баталій, приступовъ, осадъ и атакъ, былъ онъ, Бухвостовъ, всегда при его императорскомъ величествѣ государѣ Петрѣ Великомъ.*

На с. 48 въ 1 отд., Бѣляевъ, сообщая одно преданіе касающееся до императора Петра, говоритъ что „слышалъ его отъ предмѣстника своего надзирателя Кунсткамеры г. Бухвостова, бывшаго еще при жизни Петра Великаго 16ти лѣтъ, и служившаго при Академіи 50 лѣтъ.

* Устряловъ, II, с. 557—562.

Выберемъ показанія этихъ документовъ и поговоримъ объ ихъ достовѣрности.

№ 1. Бомбардиръ-поручикъ Сергѣй Бухвостовъ переведенъ 23го октября, 1714 года, въ Петербургскую артиллерию; онъ былъ первый солдатъ Преображенскаго полка, и началъ службу съ 1682 года. Такъ свидѣтельствуется ясно официальный документъ, и сомнѣваться въ достовѣрности нѣтъ основанія.

1682 годъ можетъ относиться и вообще къ службѣ Бухвостова, гдѣ бы то ни было, и къ поступленію его въ число солдатъ будущаго Преображенскаго полка, о чемъ будемъ говорить ниже.

№ 2. По извѣстію Минихову, Бухвостовъ поступилъ въ бомбардирскую роту при ея учрежденіи въ 1695 году. Это показаніе не вѣрно, ибо есть списки бомбардирской роты, приводимые Устряловымъ, 1693 года.

Какъ могла произойти ошибка? Ошибка могла принадлежать полковому писарю, которому вѣрно было сдѣлать справку. Онъ увидѣлъ имя Бухвостова въ какомъ-нибудь попавшемся на его глаза спискѣ 1695 года въ бомбардирской ротѣ, и между тѣмъ зналъ, слышалъ, что это былъ первый солдатъ, и безъ дальнѣйшихъ справокъ смѣшалъ эти два свѣдѣнія, какъ это случалось и случается часто. Невѣрность заключается впрочемъ только въ лишнихъ словахъ: „при ея учрежденіи“, а поступленіе въ бомбардирскую роту Бухвостова въ 1695 году значится и по другимъ документамъ; въ спискахъ же до этого года имени Бухвостова нѣтъ въ числѣ бомбардировъ.

Изъ Минихова извѣстія все-таки видно что Бухвостовъ записался первый, — куда? По первому документу — въ Преображенскій полкъ!

Наконецъ Минихъ представляетъ наисильнѣйшее подтвержденіе этому показанію, въ драгоценномъ извѣстіи что императоръ Петръ велѣлъ вылить статую Бухвостова, какъ перваго русскаго солдата. Родился Бухвостовъ, сказано въ томъ же извѣстіи, въ 1659 году.

№ 3. Надпись подъ портретомъ представляетъ обстоятельное извѣстіе, сообщенное, вѣроятно, самимъ Бухвостовымъ своему знакомцу, граверу Махаеву, или заимствованное имъ изъ какихъ-нибудь документовъ оставшихся послѣ Бухвостова. Здѣсь сообщается кто былъ Бухвостовъ: первый россійскій солдатъ. Изъ какого онъ былъ званія? Изъ при-

дворныхъ служителей. Когда онъ поступилъ на военную службу? 1683 года, ноября 30го. Какая это была служба? Военно-потѣшная. Какъ поступилъ онъ на эту службу? „Первымъ самохотно предсталъ, — потому государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его изволилъ“. Бухвостовъ родился въ 1642 году и умеръ 89 лѣтъ.

Всего важнѣе въ этомъ извѣстіи точное опредѣленіе времени когда Бухвостовъ поступилъ на военную службу, сдѣлался первымъ солдатомъ; нѣтъ никакого повода усомниться чтобы Махаевъ выдумалъ это годовое число столь точно опредѣленное, съ мѣсяцемъ и числомъ. На что ему это было бы нужно? Притомъ Махаевъ, предъ лицомъ многихъ современниковъ, не могъ сказать что-нибудь о Бухвостовѣ на обумъ, съ опасностью подвергнуться немедленнымъ нареканіямъ и быть уличену во лжи. Ошибку въ годахъ возраста (если она есть, см. ниже), которыхъ не зналъ навѣрное можетъ-быть самъ Бухвостовъ, допустить можно, хоть и здѣсь не безъ затрудненія.

№ 4. Бѣляевъ поясняетъ показаніе подписи, въ числѣ какихъ „придворныхъ служителей“ состоялъ прежде Бухвостовъ: въ конюшенномъ приказѣ. Онъ подтверждаетъ поступленіе его на военную службу въ 1683 году въ потѣшные, т.е. солдаты будущаго Преображенскаго полка. Подробности представляемая Бѣляевымъ вообще о всей службѣ С. Д. Бухвостова заставляютъ предполагать что въ его рукахъ были какіе-нибудь подлинныя документы.

Годъ рожденія Бухвостова, полагаетъ Бѣляевъ и Минихъ, 1659, а подпись 1642. Г. Устряловъ говоритъ: „кому тутъ вѣрить?“ Я думаю Бѣляеву, ибо странно представить себѣ поступленіе на службу въ конюха, на мѣсто отца, человека сорокалѣтняго; лятнадцатилѣтняго же очень возможно и вѣроятно.

Изъ документовъ относящихся вообще къ Преображенскому полку, особеннаго вниманія заслуживаетъ официальная подлинная вѣдомость за подписью генерала Бутурлина, 19го октября 1721 года (№ 9), по которой можемъ мы судить объ образѣ тогдашняго производства въ чины, напримѣръ: „Г. полковникъ Михайловъ (самъ государь) объявленъ былъ оберъ-офицеромъ съ 1700 года; былъ въ оберъ-офицерахъ по 1706 годъ, шесть лѣтъ, а съ 1706 года пожалованъ въ гвар-

дію въ штабъ-офицеры, тому нынѣ въ 1721 году 16й годъ. Иванъ Бутурлинъ въ гвардію пожалованъ въ штабъ-офицеры въ 195 году (1687), тому нынѣ 34й годъ.“

Это показаніе очень важно: если Бутурлинъ пожалованъ въ штабъ-офицеры Преображенскаго полка въ 1687 году, то изъ этого слѣдуетъ, во первыхъ, что онъ служилъ въ полку до 1687, то-есть, что полкъ существовалъ уже до 1687 года. Еслибы не существовалъ прежде, то нельзя было бы говорить о пожалованіи, а просто объ учрежденіи, объ опредѣленіи; во вторыхъ, судя по производствомъ послѣ 1700 года, должно заключить что и предыдущія производства происходили также по истеченіи извѣстныхъ сроковъ, а это указываетъ на то что полкъ существовалъ много времени, говоря относительно, до 1687 года; наконецъ, третьихъ, самое различіе оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ, какое видимъ въ 1687 году, могло образоваться не вдругъ.

Официальный списокъ № 8 Преображенскаго полка служитъ новымъ подтвержденіемъ что полкъ до 1687 года существовалъ довольно долго, ибо въ этомъ году (?) было уже старшинство, и старшими считались: премьеръ-майоръ Иванъ Бутурлинъ, отъ бомбардиръ-поручикъ Степанъ Бужениновъ, подпоручикъ Иванъ Оглобинъ и прапорщикъ Лазарь Сомовъ. Ясно что если эти лица были старшими, то другіе были младшими, то-есть что прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ образовалось это старшинство.

(Впрочемъ это разсужденіе можетъ-быть не должно имѣть мѣста, если я не такъ понялъ двусмысленныя слова г. Устрялова, см. ниже).

№ 10. Изъ отзыва князя М. М. Голицына оказывается что въ 1687 году существовалъ уже и Семеновскій полкъ, ибо онъ въ этомъ году (195) изъ комнатныхъ стольниковъ взять въ Семеновскій полкъ въ солдаты и за малолѣтствомъ былъ въ наукѣ барабанной.

Челобитная Луки Хабарова (№ 5) есть драгоценный документъ. Представляя ее лично императору Петру, проситель не могъ говорить ничего кромѣ сущей истины. Изъ нея почерпаются любопытныя свѣдѣнія относящіяся къ Преображенскому полку за „много лѣтъ“ до 1689 года, когда Хабаровъ былъ наконецъ пожалованъ капитаномъ, и послѣ этого года до 1692 года.

Въ челобитной унтеръ-лейтенанта Преображенскаго полка Даниила Новицкаго (№ 6) значится что онъ началъ свою службу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ съ 190 года (сѣдовательно не позже сентября 1682 года), показаніе не вѣрное, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Показаніе Шакловитаго (№ 7) на допросѣ „что въ прошломъ дѣ во 195 году (1687) въ Великой Постѣ объявилось письмо на Лубянкѣ (подметное, съ угрозами Софіи), а въ то время у великаго государя Петра Алексѣевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе“, слишкомъ неопредѣленно, и на немъ нельзя основываться исключительно: разумѣлъ ли здѣсь Шакловитый начало, или продолженіе.

Объ официальныхъ полковыхъ вѣдомостяхъ, заключающихъ несомнѣнныя свидѣтельства, замѣтимъ только что о первой изъ нихъ нельзя сказать навѣрное къ которому году она принадлежитъ, что особенно важно. Устряловъ справедливо заключаетъ только что она составлена прежде 1693 года.*

Соображая все эти показанія источниковъ, какое заключеніе должны мы вывести о томъ съ какого времени должно начинать исторію Преображенскаго полка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ соединяется съ отвѣтомъ на вопросъ, когда Бухвостовъ поступилъ на службу, то-есть сдѣлался первымъ русскимъ солдатомъ, а что онъ точно былъ *первымъ* русскимъ солдатомъ, это свидѣлствуютъ *единогласно* все источники.

Странно что до сихъ поръ это положеніе, какъ будто по предубѣжденію, не выражалось нигдѣ рѣшительнымъ образомъ, между тѣмъ какъ ясно, кажется, что, если точно Бухвостовъ былъ первымъ солдатомъ (въ чемъ сомнѣваться нельзя), то съ него и начался наборъ полка. До него вѣдъ не было полка, а съ нимъ полкъ началъ набираться, сѣдовательно, раздѣлять ихъ нельзя. Не даромъ Петръ велѣлъ вылить его статую „изъ металла“.

Въ которомъ же году поступилъ Бухвостовъ на службу въ солдаты?

Источники несогласны: по Преображенскому списку (№ 1)

* Устряловъ, II, стр. 557.

Бухвостовъ поступилъ въ 1682 году, и по просьбѣ Новицкаго (№ 2), полкъ существовалъ уже въ 1682 году, а по извѣстіямъ частнымъ, заслуживающимъ впрочемъ довѣрія, Махаева и Бѣляева (№ 3 и 4), Бухвостовъ поступилъ въ солдаты въ 1683 году.

Который изъ этихъ годовъ достовѣрнѣе? Это стоить изслѣдовать, ибо съ этого года должна собственно, какъ замѣчено выше, начинаться исторія Преображенскаго полка, исторія гвардіи, исторія нынѣшняго войска.

Прежде всего, по правиламъ Шлѣцеровоѣ критики, надо изслѣдовать, точно ли означенные источники,—списокъ и челобитная Хабарова,—свидѣтельствуютъ о 1682 годѣ.

Въ списокѣ о началѣ службы сказано глухо, и подъ началомъ можетъ разумѣться вообще служба какаѣ-нибудь другая, изъ которой поступилъ Бухвостовъ въ солдаты, но, кажется, вѣрнѣе должно разумѣть полковую, ибо о предыдущей службѣ говорить было бы не нужно; то-есть списокъ какъ бы такъ говорить: Бухвостовъ былъ первый солдатъ, и началъ эту службу, поступилъ въ солдаты въ 1682 году.

Во второмъ свидѣтельствѣ Новицкаго Устряловъ видитъ обмолвку и думаетъ что Новицкій отнюдь не къ 1682 году относитъ начало своей службы.

„Есть указаніе“, говоритъ онъ, „что въ 1682 году уже былъ сформированъ Преображенскій полкъ: унтеръ-лейтенантъ сего полка Даниилъ Новицкій, въ челобитной императрицѣ Екатеринѣ I, въ іюнь 1726 года, испрашивая возвращенія чина капитанъ-лейтенанта (онъ былъ разжалованъ Петромъ по какому-то дѣлу), говоритъ о началѣ своей службы: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ: „Началъ я служить съ 190 года (слѣдовательно не позже сентября 1682 года), и былъ въ Троицкомъ походѣ“. Изъ этого показанія можно заключить что въ 1682 году былъ уже Преображенскій полкъ, раздѣлявшійся на роты; но едва ли Новицкій не ошибся въ своей челобитной, написавъ 190 годъ вмѣсто 1690: по крайней мѣрѣ съ сего года онъ числился по списку Преображенскаго полка, а другихъ свидѣтельствъ о сформированіи Преображенскаго полка въ 1682 году мы не имѣемъ. Могло впрочемъ статься что Новицкій дѣйствительно поступилъ въ число тѣхъ потѣшныхъ „изъ которыхъ въ 1690 году образовалась бомбардирская рота“.*

* Исторія Устрялова, т. II, стр. 331.

Это разсужденіе г. Устрялова не выдерживаетъ критики.

Онъ думаетъ что Новицкій ошибся, наименовавъ 190 годъ (отъ сотворенія міра) вмѣсто 1690 года (отъ Р. X.), то-есть что онъ хотѣлъ сказать о началѣ своей службы въ Преображенскомъ полку въ 1690 году, а не въ 190 (1782). Нѣтъ, счисленіе по годамъ отъ сотворенія міра, несмотря на введеніе по указу новаго лѣтосчисленія, велось долго въ Петрово время между частными лицами; слѣдовательно, предполагать ошибку Новицкаго нѣтъ никакого права. Такъ, князь М. М. Голицынъ, фельдмаршалъ, въ своемъ официальномъ отзывѣ, считаетъ свою службу: въ 195 (1687) году взятъ я въ Семёновскій полкъ, въ 197 (1689) году былъ въ Троицкомъ походѣ, въ 201 (1693) въ Переяславлѣ и пр.

Такъ считаетъ въ просьбѣ своей квартирмейстеръ Лука Хабаровъ: въ 191 году пожалованъ я изъ недорослей къ командѣ, въ 198 году посланъ изъ Троицкаго монастыря и пр.

Такъ вѣроятно считалъ и Новицкій: не могъ онъ смѣшать два лѣтосчисленія, то-есть, думая объ одномъ лѣтосчисленіи, употребить на словахъ другое, увлекаясь подобнозвучными цифрами. Это все равно какъ еслибы кто, говоря на одномъ языкѣ, вдругъ вставилъ по ошибкѣ слово изъ другаго языка только потому что оно звучитъ сходно.

Положительное же доказательство что Новицкій вовсе не могъ опредѣлять начала своей службы 1690 годомъ состоитъ въ томъ что онъ говоритъ *послѣ* своего 190 года, который г. Устряловъ исправляетъ 1690мъ, объ участіи своемъ въ Троицкомъ походѣ, а Троицкій походъ былъ въ 1689 году. Не могъ онъ участвовать въ Троицкомъ походѣ 1689 года, еслибы началъ служить только въ 1690 году. Слѣдовательно по второй Шлёцеровой критикѣ, въ просьбѣ своей онъ говоритъ именно что началъ служить лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ бомбардирской ротѣ съ 1682 года, а правильно ли онъ говоритъ, это должна рѣшить—такъ же какъ и о показаніи Преображенскаго списка—Шлёцерева высшая третья критика, критика дѣлъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два свидѣтельства о началѣ Преображенскаго полка въ 1682 году (списокъ его, начинающійся 1701 года, и просьба Диніила Новицкаго къ императрицѣ Екатеринѣ I), и два свидѣтельства что исторію его должно начинать съ 1683 года (надпись надъ портретомъ и показаніе Бѣляева, со словъ родственника С. Л. Бухвостова).

Смѣю назвать первыя два показанія о 1682 годѣ неправильными.

Бухвостовъ поступилъ на военно-потѣшную службу не въ 1682 году, какъ отмѣчаетъ Преображенскій списокъ, а въ 1683, какъ свидѣтельствуется надпись надъ портретомъ и Бѣлаевъ.

Такъ точно и Новицкій могъ поступить въ бомбардирскую роту только въ 191 (1683) году, а не въ 190 (1682), какъ онъ, видно заламятоваль, ошибкою написалъ въ своей челобитной.

Доказательства: Въ 1682 году Петръ не жилъ почти въ Преображенскомъ. Вспомнимъ, что это былъ за годъ. Это былъ годъ втораго бракосочетанія и потомъ кончины царя Федора Алексѣевича, годъ избранія Петра на царство и стрѣльцкихъ смятеній, продолжавшихся въ разныхъ формахъ вплоть до зимы: въ концѣ августа Дворъ удалился въ Коломенское, и потомъ въ сентябрѣ въ Вздвиженское, гдѣ были казнены Хованскіе, и наконецъ къ Троицѣ, откуда, по усмиреніи стрѣльцовъ, въ Москву возвратился только 6го ноября 1682 года. Петръ съ матерью едва успѣли оломниться послѣ страшныхъ тревоженій, продолжавшихся почти весь этотъ годъ. Тогда было не до потѣхъ! Странно что никто изъ писавшихъ о военныхъ занятіяхъ Петра, говоря о 1682 годѣ, не припомнилъ что происходило тогда въ Москвѣ.

Причиною то что событія общественныя, московскія, и военныя Петровы занятія, Преображенскія, разказывались и обсуждались отдѣльно, между тѣмъ какъ въ 1682 году ихъ физически не возможно отдѣлять однѣ отъ другихъ. Одни описывали военныя учрежденія Петра и не думали о томъ что въ это время происходило на Верху въ Москвѣ. Другіе, описывавшіе управленіе московское, не заботились о томъ что дѣлалось въ Преображенскомъ. Взгляните на Москву и на Преображенское вмѣстѣ и увидите что въ 1682 году въ Преображенскомъ ничего произойти не могло. Килучій мальчикъ связанъ былъ тогда по рукамъ и ногамъ, и долженъ былъ находиться постоянно въ Кремлѣ, на Верху, вмѣстѣ съ матерью, братомъ, царевной, и солутствовать имъ въ ихъ путешествіяхъ.

По возвращеніи Двора (6го ноября) отъ Троицы въ Москву съ обоими царями, царевною и вдовствовавшими царицами, въ дворцовыхъ приказахъ не видать никакихъ военныхъ требованій, ни покулокъ, ни лочинковъ. Преображенское не упоминается даже по имени до 1683 года.

Замѣтимъ еще что въ концѣ 1682 года Петръ былъ боленъ; то мы узнаемъ изъ награды дьяку Михаилу Ерофѣеву за то, что онъ его, великаго государя, лечилъ предъ праздникомъ Рождества Христова.... денегъ 20 рублей, да съ казеннаго двора 10 аршинъ камки нѣмецкія“.

Но, возражать, въ самомъ началѣ 1682 года, то-есть, въ январѣ, февралѣ, мартѣ, Петръ могъ быть въ Преображенскомъ, и тогда задумать учрежденіе особаго своего потѣшнаго полка?

Нѣтъ, едва ли это могло быть, потому что въ началѣ 1682 года, когда ему было только съ небольшимъ девять лѣтъ, мудрево предположить такую своеобразную затѣю,—да еще и не былъ онъ царемъ,—а черезъ два года, въ концѣ 1683 года, когда ему шелъ уже двѣнадцатый годъ за лоловину, то гораздо естественнѣе и вѣроятнѣе. Можно прибавить еще вотъ что: послѣ критическаго 1682 года, это былъ человекъ почти другой, какъ бы пережившій въ одинъ годъ много лѣтъ, развившійся необыкновенно страшными и разнообразными обстоятельствами этого времени.

Архіепископъ Теофанъ, въ исторіи Петра до Полтавской битвы, при немъ писанной, говоритъ (стр. 17) объ учрежденіи полковъ *послѣ* возвращенія Двора отъ Троицы въ Москву: Царь же Петръ, усмиривъ народные мятежи, началъ въ приподной себѣ къ дѣлу воинскому охотѣ упражняться. Избравъ съ сверстныхъ своихъ разные воинскіе чины и рядовыхъ число довольное, конницу и пѣхоту сочинилъ и пр.“

Такъ представлялось мнѣ дѣло по источникамъ приводимымъ у Устрялова. Но вотъ является сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, изданный г. Есиковымъ въ 1872 году.

Въ этомъ сборникѣ находятся новыя, вполне достовѣрныя показанія о Бухвостовѣ и другихъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ Преображенскому полку, которыя должны мы разсмотрѣть, согласны ли они съ нашимъ заключеніемъ.

Подъ 1683 годомъ помѣщена тамъ слѣдующая просьба потѣшныхъ конюховъ:

„Царемъ государемъ, Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, быють челомъ холода ваши, стрялчіе конюхи, что живемъ мы у вашихъ государевыхъ у потѣшныхъ лошадей,

десять человекъ, Тимошка Ушаковъ съ товарищи: живемъ, хололи ваши, жилые и гуляціе мѣсяцы безлережня платышкомъ хололи ваши ободрались и саложенки облажлись.... смилуйтесь!"

„191 года (1683) августа въ 15й день, государи пожаловали велѣли имъ дать на кафтаны по портищу сукна амбурска изъ казеннаго приказа, а инымъ та дача не въ образецъ

„Роспись стрялчимъ конюхамъ, которые у потѣшныхъ лошадей: Тимошей Ушаковъ, Сафонъ Волоховъ, Дмитрій Неловъ, *Сергій Бухвостовъ*, Фидилъ Сомовъ, Павелъ Антиповъ, Матвѣй Васильевъ, Иванъ Блиновскій, Иванъ Бурцовъ *Якимъ Воронинъ*.“

Это извѣстіе опредѣляетъ еще точнѣе прежнюю службу Бухвостова, котораго портретная подпись называется прядорнымъ служителемъ, а Бѣляевъ поясняетъ: изъ конюшеннаго приказа. Теперь мы узнаемъ что онъ въ 1683 году былъ конюхомъ у потѣшныхъ лошадей, также какъ и Якимъ Воронинъ, о которомъ намъ нужно будетъ говорить послѣ Далѣе, если Бухвостовъ еще въ августѣ 1683 года служилъ потѣшнымъ конюхомъ, то не могъ въ 1682 году явиться и солдаты, какъ то говоритъ списокъ, а въ ноябрѣ 1683 года могъ, какъ говорятъ подпись и Бѣляевъ. (См. еще ниже.)

Новое свидѣтельство приноситъ намъ пользу, подтверждаетъ наше мнѣніе о 1683 годѣ, но вотъ другое, доставляемое Ефимовскимъ сборникомъ, которое заставляетъ задуматься: *Сергѣй Бухвостовъ изъ стрялчихъ конюховъ* взять 1686 года марта 31го въ потѣшные лущари:

„Лѣта 194 марта въ 24й день, по указу велѣно изъ конюшеннаго приказа въ мастерскую палату прислать стрялчихъ конюховъ: *Якима Воронина, Сергѣя Бухвостова*, Данилу Катиана, Ивана Нагибина, Ивана Іевлева, Сергѣя Чертковъ, Василья Бухвостова, а что имъ ихъ.... жалованье денегъ и окладамъ и хлѣба, и о томъ.... велѣно отписать. А безъ именнаго ихъ великихъ государей указу окладовъ ихъ отдавать никому не велѣно. И по тому указу тѣмъ стрялчіе конюхи: *Сергѣй Бухвостовъ, Якимъ Воронинъ* и пр. посланы. А по окладному списку конюшеннаго чину людей прошлаго 1го году (1685) тѣмъ стрялчимъ конюхамъ: *Сергѣю Бухвостову, Якому Воронину* и пр., ихъ 6 человекъ, жалованье, окладъ были: денегъ по 5 руб., хлѣба по пяти чети ржи, овса тожъ. И марта въ 31й день того же году они, *Сергѣй Бухвостовъ*

Кимъ Воронинъ... изъ мѣстныхъ (штатныхъ?) стряпчихъ конюховъ взяты въ Верхъ *въ потѣшные пушкари*, да изъ безмѣстныхъ (сверхъ штатныхъ?) Иванъ Нагибинъ, Иванъ Евлевъ, Василій Бухвостовъ, а тѣ ихъ мѣстныхъ конюховъ денежныя и хлѣбныя оклады розданы аргамачьи конюшни стряпчимъ же безмѣстнымъ конюхамъ, которые взяты на мѣста, а имъ, Сергѣю Бухвостову съ товарищи, семи человѣкамъ, учинены оклады вновь, сверхъ аргамачьи конюшни стряпческихъ окладовъ, денегъ по 5 рублей человѣку, хлѣба по 5 четвертей ржи, овса тожъ.“

Изъ этого извѣстiя мы видимъ что Бухвостовъ взятъ въ мартъ 1686 года изъ потѣшныхъ конюховъ въ потѣшныя пушкари.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два показанiя, какъ бы противорѣчiя между собою. Добровольное поступленiе на службу въ солдаты несомнѣнно, а съ другой стороны, взятiе въ пушкари въ 1686 году изъ потѣшныхъ конюховъ также несомнѣнно! Какъ же онъ могъ быть взятъ, когда онъ прежде *самохотно* первый, въ 1683 году, изъ потѣшныхъ конюховъ явился въ солдаты, и слѣдовательно въ 1686 году уже не былъ конюхомъ? Два несомнѣнныхъ порознь показанiя въ противорѣчiи между собою! Тяжелая минута для изслѣдователя! Имъ надо согласить непремѣнно; — какимъ образомъ?

Долго смущался я этимъ затрудненiемъ, — скажу болѣе, — этимъ противорѣчiемъ двухъ несомнѣнныхъ показанiй: самохотно явился въ 1683 году въ солдаты, и взятъ изъ потѣшныхъ конюховъ въ пушкари въ 1686 году!

Предположить что Бухвостовъ, служившiй потѣшнымъ конюхомъ въ 1683 году, взятый въ пушкари въ мартъ 1686 года, *послѣ* уже явился самохотно на потѣшную службу и явился солдатомъ, никоимъ образомъ нельзя. Не говоря уже о томъ что это противорѣчило бы слишкомъ рѣзко и стику Преображенскаго полка, и свидѣтельству Бѣляева и подписи подъ портретомъ, вспомнимъ что Хабаровъ (см. выше) до 1689 года служилъ въ солдатахъ Преображенскаго полка, по его словамъ, „много лѣтъ“, и произведенъ въ капитаны, а Хабаровъ во всякомъ случаѣ поступилъ въ солдаты послѣ Бухвостова, ибо тотъ единогласно признается первымъ солдатомъ: гдѣ же найдемъ мы тогда ему „много лѣтъ“, на которые онъ ссылается предъ самимъ Петромъ, если при-

нять поступленіе Бухвостова въ солдаты послѣ 1686 года? Вспомнимъ еще что въ 1687 году полкъ имѣлъ уже штабъ и оберъ-офицеровъ, и что въ немъ завелось производство и старшинство.

Думалъ я думалъ, и попалъ вотъ на какую мысль:

Потѣшныя солдаты могли числиться, служить, только частнымъ, такъ-сказать, образомъ, въ угожденіе молодому царю, а *официальная* ихъ служба съ своими окладами шла сама-по-себѣ. Официальный конюхъ, пушкаръ, могъ быть и былъ въ то же время потѣшнымъ солдатомъ, могъ быть пожалованъ въ капралы безъ всякаго отношенія къ приказнымъ документамъ, гдѣ онъ продолжалъ значиться полпрежнему; потѣшная служба у Петра сама-по-себѣ, придворная служба, въ официальныхъ спискахъ, сама-по-себѣ, и шли онъ вмѣстѣ одновременно—одна *de jure*, другая *de facto*. Иначе нельзя, кажется, разрѣшить мнимаго противорѣчія. Замѣтимъ притомъ что Петру нечѣмъ было бы содержать потѣшныхъ солдатъ изъ постороннихъ, чужихъ людей, да и откуда ихъ брать, какъ скликать? Онъ могъ набирать сначала только изъ своихъ придворныхъ служителей, которые, поступая къ нему на потѣшную службу, продолжали числиться въ прежнихъ своихъ должностяхъ придворныхъ и получать прежніе опредѣленные имъ оклады.

Каково же было мое удовольствіе, когда, продолжая читать Есиловскій сборникъ, я нашелъ почти рѣшительное подтвержденіе моей догадкѣ о совмѣстности двухъ службъ, по крайней мѣрѣ по письменнымъ документамъ.

Лука Хабарова, квартирмейстеръ Преображенскаго полка, служившій до 1689 въ солдатахъ „много лѣтъ“, называется въ расходной книгѣ Мастерской Палаты, 1687 марта 11, постельнымъ истолникомъ *. 1691 апрѣля 4 и іюня 6 — потѣшнымъ конюхомъ, между тѣмъ какъ онъ тогда уже былъ капраломъ.

Въ другихъ окладныхъ книгахъ въ то же время онъ значится фартермейстеромъ, 1690 марта 17, 27, іюня 30, ноября 1, 1691 года ноября 3, — фартермейстеромъ потѣшнаго строя 1692 февраля 8.

* Есиловскаго сборника I, с. 281.

Другой примѣръ. *Степанъ Бужениновъ*, имя котораго сохранилось до сихъ поръ въ названіи одной улицы въ Преображенскомъ, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя, судя по частымъ ему наградамъ, и значился во всѣхъ старыхъ преображенскихъ спискахъ то бомбардиромъ, то рядовымъ, служившій въ 1687 году однимъ изъ старшихъ, — въ однѣхъ дворцовыхъ вѣдомостяхъ называется стрѣльчимъ конюхомъ:

1689 ноября 15, велѣно дать.... жалованья, въ приказъ, стрѣльчому конюху С. Буженинову десять рублей.

1690 октября 16, жалованье Степану Буженинову исподъ лисей хребтовой, цѣною въ 15 руб.

Въ другихъ запискахъ Бужениновъ называется потѣшнымъ конюхомъ:

1690 октября 28, потѣшному конюху Степану Буженинову сукна кармазина 5 аршинъ.

Ноября 17, потѣшному конюху Степану Буженинову аршинъ тафты бѣлой.

Декабря 9, — исподъ лисей хребтовой въ 15 руб. (брату его исподъ лесцовой хребтовой въ 4 руб.).

1691 января 17, ихъ, великихъ государей, жалованья потѣшному конюху Степану Буженинову сукна кармазина 6 арш., отласу 10 арш., камки 2 портища, мѣрою по 10 арш.

Января 19, потѣшному конюху Степану Буженинову пара соболей, цѣною въ 20 руб., юфть сафьяновъ алыхъ, цѣною 2 р.

Декабря 26, потѣшному конюху Степану Буженинову исподъ лулчатой соболей, цѣною 70 руб., ему жь Степану Буженинову пара соболей въ 25 руб., сукна кармазину васильковаго 5 арш., тафты алой 15 арш., отласу краснаго 5 арш., камки луданной портище мѣрою 9 арш. *

Декабря 29, потѣшному конюху Степану Буженинову портище байбереку, золото съ серебромъ, мѣрою 10 арш., зарбафъ по жаркой землѣ травы золоты.

Декабря 30, потѣшному конюху Степану Буженинову 8 паръ соболей, цѣною въ томъ числѣ: пара въ 25 руб., пара въ 20 руб., пара въ 15 руб., пара въ 12 руб., пара въ 10 руб., пара въ 8 руб., пара въ 7 руб., пара въ 5 руб.

1693 года, Степану Буженинову на нѣмецкой кафтанъ 18 рублей **.

* Есиповскаго сборника I, с. 287.

** Любопытно было бы узнать почему Степанъ Бужениновъ получалъ такіе частые и дорогіе подарки.

Но не могъ ли, возразять, Степанъ Бужениновъ *послѣ* награды и жалованій въ 90 и 91 году поступить изъ потѣшныхъ конюховъ въ солдаты Преображенскаго полка?

Нѣтъ, не могъ; потому что въ одномъ спискѣ до 93 года онъ значится первымъ бомбардиромъ 2 статьи (F), а въ другомъ — первымъ рядовымъ, слѣдовательно онъ служилъ издавна въ Преображенскомъ полку. Не могъ: ибо въ такомъ случаѣ нельзя бѣ ему было сѣсть на голову всѣмъ старшимъ солдатамъ, и занять первое мѣсто въ числѣ бомбардировъ и рядовыхъ — въ полку, гдѣ строго считалось и уважалось старшинство.

О М. Волковѣ говорится, напримѣръ, что онъ съ 1687 или 1688 служилъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ солдатствѣ и въ унтеръ-офицерахъ 12 лѣтъ.

Повторяемъ: полковая служба у Петра шла одновременно со службою придворною — штатною; придворные служители постулали, кому какъ случалось, съ оклада на окладъ, а Петровы солдаты отдѣльно жаловались изъ чина въ чинъ.

Взятіе Бухвостова и Воронина съ товарищами въ потѣшные пушкарни въ 1686 году значило только возвышеніе ихъ окладовъ; какъ потѣшные пушкарни, они стали получать вдвое противъ окладовъ стрѣльчихъ конюховъ аргамачьи конюшны, которыми они считались прежде. Можетъ-быть и по полковой службѣ они поступили тогда изъ простыхъ солдатъ въ бомбардиры.

Но развѣ были по придворному штату пушкарни? На ту пору, вѣроятно, были; въ современныхъ актахъ мы читаемъ извѣстіе что 30 мая 1683 года пушкарскаго приказа, гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла мастерами и учениками произведена была потѣшная огнестрѣльная пальба, подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зоммера.

Еще возможно возраженіе: если службы полковая и штатная были раздѣлены, то просьбу Бухвостова съ товарищами о пособіи въ 1683 году должно исключить изъ числа доказательствъ противъ явки его на службу въ солдаты въ 1682, какъ мы то приняла выше: Бухвостовъ могъ явиться въ 1682 въ солдаты, и въ 1683 году просить о пособіи, какъ стрѣльчихъ конюховъ.

Правда, могъ, но мудро предположить чтобы, бывъ солдатомъ, могъ быть неодѣтымъ и необутымъ. Въ просьбѣ именно говорится: живемъ мы холоду ваши жилые и гулящія мѣсяцы безперемѣнно, платышкомъ холоду ваши ободрались и сапоженки обножились. Нѣтъ, тогда онъ не былъ еще солдатомъ.

Въ новыхъ показаніяхъ о Бухвостовѣ, если нѣтъ положительныхъ подтвержденій выведеннымъ нами изъ прежнихъ документовъ заключеніямъ о поступленіи Бухвостова на службу въ солдаты въ 1683 году, то нѣтъ и основательныхъ противорѣчій, а есть подтвержденія косвенныя, изъ коихъ главное — просьба о пособіи въ 1683 году, до 15го августа; Бухвостовъ былъ тогда *только* потѣшнымъ конюхомъ.

Въ такимъ косвеннымъ подтвержденіямъ должно отнести еще: 1) челобитную Хабарова, который служилъ солдатомъ въ Преображенскомъ полку „много лѣтъ“: ближе 1683 года это не могло быть; 2) исправленную челобитную Новицкаго, начавшаго въ этомъ году службу; 3) вѣдомость Бутурлина и офиціальныи списокъ; 4) что въ 1687 году были въ полку уже не только оберъ, но и штабъ-офицеры; 5) отзывъ Голицына и свидѣніе о Волковѣ, что въ 1687 году былъ уже и Семеновскій полкъ.

Возраженій же на 1683 годъ нѣтъ никакихъ.

Итакъ послѣ всѣхъ сихъ мелочныхъ, утомительныхъ и трудныхъ разысканій, справокъ и ловѣрокъ, съ совершенною достовѣрностію заключить можно что лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ долженъ вести свое начало ноября съ 30 числа, 1683 года, когда Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, продолжая числиться въ офиціальныи придворныхъ вѣдомостяхъ потѣшнымъ конюхомъ, самохотно предсталъ, по вызову молодого государя, въ составъ вновь образуемаго полка, и былъ почетенъ отъ него первенствомъ.

Начался полкъ *вызовомъ* охотниковъ, ибо безъ вызова не могъ бы явиться Бухвостовъ.

За Бухвостовымъ явились: Новицкій, Хабаровъ, вѣроятно Воронинъ, Лукинъ и проч.

Вызовъ охотниковъ, значить, намѣреніе сформировать особый, собственный, потѣшный полкъ, принадлежитъ двѣ-

надцатилѣтнему Петру, на другой годъ по возвращеніи его отъ Троицы и укрощеніи стрѣдкихъ смятеній (1683).

Какъ обрадовался Петръ явкѣ Бухвостова, видно изъ того что онъ живо заломнилъ эту минуту, и, чувшій ея значеніе, захотѣлъ увѣковѣчить ее, приказавъ вылить статую перваго солдата. (Мысль объ Исторіи была неразлучна съ Петромъ.)

Число охотниковъ увеличивалось, и явилось, вѣроятно, въ послѣдствіи ихъ много и изъ Нѣмецкой слободы. Петръ началъ въ 1687 набирать солдатъ, то-есть, назначать изъ придворныхъ служителей и даже изъ чиновниковъ, какъ на-примѣръ, комнатнаго стольника, князя Голицына. Тогда и пошла молва и произвела опасеніе при дворѣ царевны Софіи, что видно изъ показанія Шакловитаго.

Вновь набираемый полкъ не имѣлъ сначала собственнаго имени. Это былъ потѣшный, личный Петровъ полкъ. Преображенскимъ онъ назывался при случаяхъ въ географическомъ, такъ-сказать, смыслѣ, потому что стоялъ въ селѣ Преображенскомъ, а потомъ такъ назывался въ отлчіе отъ подобнаго полка который стоялъ по сосѣдству въ селѣ Семеновскомъ, и потому назывался Семеновскимъ.

Изъ отзыва князя М. М. Голицына видно что въ 1688 былъ уже Семеновскій.

Туда поступилъ на службу и М. М. Волковъ, по современному свидѣтельству.

Изъ просьбы Луки Хабарова видно что полкъ въ 1688 назывался уже собственно Преображенскимъ, какъ друго Семеновскимъ. „По указу вашего величества пожалованъ я въ Москвѣ изъ капраловъ въ квартирмистры въ *Преображенскій полкъ*, и вѣдалъ я пожарное орудіе, потѣшныхъ людей, лущкарей и мастеровыхъ людей Преображенскаго, Семеновскаго, Бутырскаго и Лефортовскаго полковъ“ и проч.

Оба полка долго назывались впрочемъ потѣшными полками а именно:

1691 года ноября 15го, дано ихъ великихъ государей изъ мастерской палаты *Преображенскаго потѣшнаго полку* барбанщику Петру Добрину, 10 рублей.

1692 года октября 30го, дано жалованья одной новокрещенной иноземкѣ, въ которомъ расписаться велѣно... *Преображенскаго полку потѣшнаго* иноземцу новокрещенной же, Микитѣ Маку.

Въ описаніи Кожуховскаго похода (1694) у Желябужскаго * въ одномъ мѣстѣ названъ „полкъ потѣшныхъ Преображенскій“, * а въ другомъ: „полкъ потѣшныхъ солдатъ Преображенскаго полку“, „полкъ потѣшныхъ Семеновскихъ“. **

1692 года апрѣля 22го, куплено... тафты... а тѣ тафты и шелки отданы въ *Семеновскій потѣшный полкъ* надѣлать знаменъ.

Въ 1694 году Преображенскій и Семеновскій полки, въ официальныхъ запискахъ называются уже безъ прилагательнаго потѣшныхъ, февраля 27го, марта 2го, 3го, 1695 года марта 8го и пр.

А когда употреблено въ первый разъ имя гвардіи, я сказать по известнымъ мнѣ теперь документамъ не могу; могу сказать только что въ челобитныхъ Луки Хабарова (1724) и Ианлы Новицкаго (1728), въ надписи подъ портретомъ (1728), въ вѣдомости за подписью генерала Ивана Бутурлина (1721) употребляется названіе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка *переднимъ числомъ*, то-есть полкъ назывался такъ тогда когда были писаны эти документы, а назывался ли онъ такъ прежде, утверждать нельзя.

Вотъ мои заключенія изъ тщательно сдѣланныхъ изслѣдованій, по известнымъ документамъ, но вѣроятно есть другіе, коими, къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться, напримѣръ, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ и указаніямъ въ отрывкѣ, попавшемъ мнѣ на глаза, изъ исторіи Преображенскаго полка г. Азаньевскаго. Онъ говоритъ (№ 22 *Русское Инвалида* 1857 года), когда въ 1687 году въ февралѣ и вѣтъ нѣсяцакъ этого года „кликнули ключъ къ окошимъ людемъ“, тогда число потѣшныхъ возрасло до того что для нихъ въ селѣ не достало помѣщенія. Спрашивается: откуда произошло выраженіе: „кликнули ключъ къ окошимъ людемъ“?

Устряловъ (II, с. 24) употребилъ это же выраженіе, кажется въ словъ Шакловитяго: „въ прошломъ 195 году (1687), въ Великій Постъ... у... государя... Петра Алексѣевича началъ прибирать потѣшныхъ конеховъ, и отъ того учало

* *Записки Жел.* 1840, с. 45.

** Тамъ же, с. 36.

быть оласеніе.“ Но „учали прибирать“, „кликнули кличь“ выраженія не равнозначительныя“. Нѣтъ ли еще другаго основанія?

Нужны свидѣтельства о Семеновскомъ полку, которымъ должно быть больше, чѣмъ о Преображенскомъ, потому что этотъ полкъ началъ формироваться послѣ Преображенскаго, и вѣроятно, по его образцу, по сдѣланнымъ опытамъ.

Нужно критическое описаніе списка лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1700 по 1786 годъ, о которомъ говорить Устряловъ въ примѣчаніи 9, на с. 328. Къ какому времени принадлежит рукопись? Или это списокъ подлинный? Съ котораго времени веденъ онъ и какимъ образомъ? Когда первоначально составленъ списокъ? Заносились ли имена служащихъ по мѣрѣ вступленія ихъ на службу, или въ извѣстные періоды? Отмѣтка о переходѣ Бухвостова въ Петербургскую артиллерію въ 1714 году сдѣлана тогда же или послѣ? Списокъ нужно напечатать.

Нужно напечатать вполнѣ извѣстіе сообщенное Минихомъ по случаю кончины Бухвостова въ 1728 году, и навести справку въ подвалахъ Академіи Художествъ, Эрмитажа или Кунсткамеры, не скрывается ли гдѣ тамъ, какъ Рафаэлевъ Амуръ, статуя Бухвостова, вылитая Растрелли. Куда и какъ могла она пропасть? Нѣтъ ли еще гдѣ-нибудь какихъ извѣстій объ ея изготовленіи, объ ея существованіи? Узнать если можно, съ чего былъ выгравированъ портретъ.

Нужно напечатать вполнѣ просьбу Луки Хабарова (№ 5) также Данила Новицкаго (№ 6), офиціальныи списокъ Преображенскаго полка (№ 8), въ коемъ, по извѣстію г. Устрялова, с. 330, за исключеніемъ одного Бухвостова, самымъ старшими по службѣ съ 1687 года числились слѣдующіи лица: „премьеръ-майоръ Иванъ Бутурлинъ, отъ бомбардиръ поручикъ Степанъ Бужениновъ, подпоручикъ Иванъ Оглобинъ и прапорщикъ Лазарь Сомовъ.“ Къ какому времени принадлежит этотъ списокъ? Кому принадлежать слова „за исключеніемъ Бухвостова“? Списку или Устрялову? Что разумѣть подъ старшинствомъ и чинами поименованныхъ лицъ? Были ли это чины ихъ тогда какъ составленъ списокъ? Когда же составленъ списокъ? или почему можно положить о времени его сочиненія? Что значать слова: „считались старшими съ 1687 года“? Почему старшинство считалось

тается съ 1687 года? Кому принадлежатъ эти слова? Какъ могли Бутурлинъ, Бужениновъ, Оглоблинъ и Сомовъ считаться старшими только съ 1687 года, если они начали службу прежде? Притомъ мы знаемъ что Бутурлинъ пожалованъ въ 1687 году, слѣдовательно, онъ служилъ прежде. Какія имена помѣщены въ этомъ спискѣ?

Нужно напечатать подлинную вѣдомость (№ 9), за подписью генерала Ивана Бутурлина, 1721, гдѣ говорится о производствѣ въ чины офицеровъ Преображенскаго полка. Всѣхъ ли офицеровъ производство тамъ означено, или только поменованныхъ въ замѣчаніи, то-есть самого Петра, Мельшикова и Бутурлина?

Исслѣдованіе наше производилось по современнымъ источникамъ: рассмотримъ теперь сказанія и разсужденія, старыя и новыя, о началѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, то-есть о началѣ гвардіи.

Первое сказаніе, которое должно быть отнесено вмѣстѣ и къ числу источниковъ, принадлежитъ Андрею Артамоновичу Матвѣеву въ его запискахъ о стрѣлецкихъ бунтахъ * и пр. Оно для насъ тѣмъ важнѣе что Матвѣевъ самъ находился при молодомъ царѣ въ числѣ его стольниковъ въ то время какъ начиналось это дѣло. **

Предлагаемъ свидѣтельство Матвѣева:

...Его царское величество *повелѣлъ набрать изъ разныхъ чинныхъ людей молодыхъ, и учить ихъ лѣхотнаго и коннаго*

* У Туманскаго I, с. 194 и пр.

** Вотъ на то доказательство: 192 года, сентября въ 11й день (1688), въ хоромы (отпущено) 26 алтынъ 4 деньги. Взялъ стоальникъ А. А. Матвѣевъ, а сказалъ что за тѣ деньги купленъ конь деревянный.

1688 года, декабря 29го, въ хоромы 5 рублевъ принявъ окошничій Т. Н. Стрѣшневъ, а сказалъ, тѣ де деньги изволилъ великій государь носить со стоальникомъ А. А. Матвѣевымъ въ монастырь къ Александру Свирокому чудотворцу на молебны и милостыню.

1684 года марта 5го, указали великому государю дать стоальнику А. А. Матвѣеву 10 аршинъ бархату темнокоричневаго вендцейскаго, да половинку суконъ англійскихъ.

Странно что въ этотъ же день куплены въ государевы хоромы еще конь деревянный, данъ 23 алтына 2 деньги, да 8го сентября куплены два конька деревянныхъ, 23 алтына 2 деньги, и конь деревянный цѣною 13 алтынъ 4 деньги.

упражненія во всемъ строго, а съ нѣкоторыми и самъ повсѣременнымъ тѣмъ обученіемъ и трудами своими, какъ Россійскихъ, такъ и окрестныхъ государствъ военнымъ наукамъ и хитростямъ преизрядно изучася уже навѣкъ.

„Оныхъ молодыхъ солдатъ, не по лѣтамъ своимъ всему воинству строго обученныхъ, повелѣлъ *мундиромъ темно-зеленаго цвѣту* убрать, и всѣмъ надлежащимъ ружьемъ въ самомъ прямомъ порядкѣ честно учредить, и навать ихъ въ то время *потѣшными*, къ которымъ приставлены были тогда штабъ- и оберъ- и унтеръ-офицеры изъ *дѣльныхъ измѣншихъ*, комнатные его царскаго величества люди, для содержанія всегдашняго ихъ въ добромъ томъ воинскомъ обученіи, какъ бы къ прямой какой впредь ожидаемой съ неприятелемъ войнѣ. И не токмо его высокопоянутое величество *леусынно отъ тѣхъ молодыхъ своихъ маетей* оной корпусъ молодыхъ тѣхъ солдатъ самъ всегда надзиралъ, но и всѣ тѣ, *начавъ отъ барабанщицы чина, солдатскіе чины прямили своими заслугами прошесть*. Въ селѣ онъ своимъ Преображенскомъ въ *рощахъ* во всегдашнихъ обученіяхъ тѣхъ воинскихъ ихъ *солдатъ потѣшныхъ* не оставилъ. Притомъ же его царское величество, чтобы *они* солдаты его и приступомъ къ осадѣ крѣпостей, въ томъ же обученіи своемъ воинскомъ, со временемъ навѣкали, того ради повелѣлъ въ томъ же селѣ *прирѣкѣ Яузѣ сдѣлать потѣшную* регулярнымъ порядкомъ фортецію или *крѣпостуу*, нававъ *Презбургомъ*, которой городъ въ Венграхъ столицею есть. И дѣйствительно по временамъ къ осадѣ той приступалъ съ *притворными* изъ *мартировъ* бомбами, которому искусству они *потѣшные* солдаты прямо изучились, и со дня-на-день оной корпусъ тѣхъ *потѣшныхъ* умножался, которые уже *потомъ* всѣ въ гвардію употреблены, на два *Преображенской и Семеновской полки*, и поселены были слободами въ тѣхъ же селѣхъ въ Преображенскомъ и въ Семеновскомъ, о чемъ всѣмъ извѣстно есть.“*

* У Тумайскаго, т. I, с. 184. Матвѣевъ говоритъ о военномъ *потѣшномъ* наборѣ вслѣдъ за извѣстіемъ о повелѣніи царицы Софіи „по двухъ лѣтахъ правленія своего“, сажд. 1684 года, „писать ея имъ рядомъ съ братьями самодержицею, и чеканить ея персону на монетахъ съ другой стороны“, а не послѣ извѣстія о заключеніи мира съ Польшею, какъ приводитъ Устряловъ (1686 годъ, апрѣль 26го), котораго у него совсѣмъ нѣтъ.

Матвѣевъ писалъ свои записки въ позднѣйшее время, и отъ него нельзя требовать точности въ томъ смыслѣ какого требуетъ нынѣшняя критика. Промедшее осталось въ его памяти только въ общихъ чертахъ, которыя тѣмъ не менѣе для насъ драгоценны, какъ современные. Отдѣливъ многословіе, и опредѣливъ значеніе его словъ, по официальнымъ документамъ, мы находимъ у него извѣстія вообще вѣрныя, которыя и отмѣтили курсивомъ. Важнѣйшее изъ нихъ и служащее подтвержденіемъ нашего заключенія о 1683 годѣ есть то что наборъ Петровъ относится къ тому времени когда онъ былъ уже царемъ, и послѣ стрѣлецкаго бунта. Сдѣлавшись же царемъ, весь 1682 годъ онъ былъ занятъ, какъ мы видѣли выше, вѣдъ Преображенскаго.

О прочихъ замѣткахъ: „Петръ велѣлъ набрать“, говоритъ Матвѣевъ, „молодыхъ людей изъ разныхъ чиновъ“. Нѣтъ, не велѣлъ, а вызвалъ охотниковъ, ибо мы знаемъ на Бухвостовъ что онъ первый самоохотно явился, и за то государь почтилъ его лервенствомъ, и велѣлъ вылить изъ металла его статую. Дѣло началось вызовомъ, а въ послѣдствіи уже употреблялся и наборъ: „начали прибирать“.

Матвѣевъ выразился такъ, считая какъ бы неприличнымъ, по своимъ придворнымъ понятіямъ, чтобы дѣлалось что-нибудь само собою, помимо царской власти.

Точно также не хотѣлось ему употребить имя потѣшныхъ *конюховъ*, какъ не благоприличное и унижительное для гвардіи, и онъ составляетъ полки „изъ молодыхъ людей разныхъ чиновъ“.

Первые потѣшные солдаты были изъ потѣшныхъ конюховъ: мы знаемъ, по документамъ, Бухвостова, Воронина, Буженинова, Хабарова, Лукина.

Потѣшные солдаты при дворѣ царевны Софіи продолжали слыть подъ именемъ потѣшныхъ конюховъ, — и она, съ своими приверженцами, употребляла это имя въ насмѣшку и брань.

Не было также, да и не нужно было, повелѣнія Петра называть вновь набиравшійся имъ полкъ солдатъ потѣшными. Потѣшный — сначала это слово, которому досталось такое важное значеніе въ Русской исторіи, было только прилагательное. Оно приложилось тотчасъ само собою, безъ всякаго повелѣнія, ко вновь набиравшимся солдатамъ, какъ прилагалось къ вещамъ и людямъ употреблявшимся для потѣхи

молодаго царя съ первыхъ его лѣтъ: потѣшныя книги, тетради, потѣшные луки, стрѣлы, палаши, набаты, пушки, потѣшныя огнестрѣльные дѣла, потѣшные мосты, корабли; потѣшныя лошади, конюхи у потѣшныхъ лошадей, потѣшныя конюхи, потѣшные солдаты.

Я думаю даже что сначала въ оборотѣ было только слово полкъ. Петръ вздумалъ набрать себѣ полкъ, явились охотники, первый — Бухвостовъ, и они, разумѣется, поступивъ въ полкъ, получили названіе солдатъ тотчасъ съ прилагательнымъ потѣшныхъ, какъ и прецѣ тѣмъ назывались потѣшными конюхами.

Подъ потѣшными всегда подразумѣвать должно солдатъ, какъ и Матвѣевъ называетъ ихъ иногда правильно полнымъ именемъ такъ: „въ селѣ же своемъ Преображенскомъ въ рощахъ во всегдашнихъ обученіяхъ тѣхъ воинскихъ ихъ солдатъ потѣшныхъ не оставил“, и еще: „которому искусству (осаду) они потѣшные солдаты прямо изучались“.

Иногда же, для сокращенія, Матвѣевъ употребляетъ одно прилагательное — потѣшные, какъ бы существительное, подразумѣвая только солдатъ: „и со дня на день оной корпусъ тѣхъ потѣшныхъ умножался“. Подъ потѣшными въ такомъ случаѣ всегда разумѣются солдаты.

Слово потѣшные въ послѣдствіи, особенно въ литературѣ, вошло въ общее употребленіе, и изъ прилагательнаго сдѣлалось существительнымъ.

Поговоримъ теперь объ извѣстіи достопочтеннаго труженника Русской исторіи Миллера, которое оставилъ онъ о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи. *

„Послѣ кончины царя Федора Алексѣевича, царевна Софія государствомъ правила.... Молдой государь *Петръ Алексѣевичъ* собралъ къ себѣ небольшое число равныхъ съ нимъ лѣтъ юношей, съ коими, какъ тогда казалось, единственно для своего увеселенія (чего ради и *потѣшными* названы были), упражнялся въ воинскихъ экзерциціяхъ, но самымъ дѣломъ чрезъ то положилъ основаніе новому воинскому учрежденію.“

Нѣтъ, Миллеръ смѣшалъ здѣсь два разныхъ времени: когда Петръ дитя, отъ пяти до десяти лѣтъ, игралъ съ своими

* У Туманскаго, VII, стр. 299 и проч.

ровесниками, такъ-называемыми робятами, — положимъ до 1682 года, — и когда двѣнадцатилѣтній отрокъ, въ 1683 году, задумалъ устроить себѣ лодкѣ и вызывалъ охотниковъ. Съ робятами были у него потѣшныя игры военные, но у робятокъ не было этого постоянного имени. Вторые, вызванные охотники, не были отнюдь его ровесниками: это были совершеннолѣтніе конюхи, которые сдѣлались солдатами и прозывались въ общемъ оборотѣ потѣшными, потому что употреблялись для потѣхи, а не для войны, о которой нечего было и думать.

Набраніе потѣшныхъ Миллеръ относитъ неправильно къ 1687 году: „Какъ къ набранію *потѣшныхъ*, и къ снабженію оныхъ всѣмъ надлежащимъ, продолжительнаго пребыванія въ *Преображенскомъ* требовалось, то первое такое пребываніе въ разрядныхъ записныхъ книгахъ упоминается не прежде какъ въ 1687 году; почему вѣроятно что и не прежде, какъ тогда, набраніе *потѣшныхъ* начало возмѣло“.

Мы видѣли, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, что набраніе происходило гораздо раньше, съ 1683, а касательно пребыванія въ Преображенскомъ, то и прежде 1687 года Петръ часто живалъ подолгу въ Преображенскомъ, какъ извѣстно по документамъ.

Мнѣніе о Лефорть, которому Миллеръ приписываетъ мысль, подаанную имъ Петру, о набраніи потѣшныхъ и потомъ самое обученіе имъ потѣшныхъ, основательно опровергнуто Устряловымъ.

Прибавимъ что по оглашеннымъ нынѣ первымъ спискамъ и вѣдомостямъ Преображенскаго полка имени Лефорта нѣтъ.

Далѣе Миллеръ говоритъ * что „потѣшныхъ сперва было не болѣе одной роты состоящей изъ 50 человекъ (это могло быть, но сѣдующее несогласно съ прочими источниками), имъ коимъ капитаномъ былъ Лефортъ“. Имени Лефорта нѣтъ ни въ какихъ спискахъ Преображенскаго полка, „а отъ арміи былъ онъ полковникомъ, и между сими потѣхами набралъ себѣ особый полкъ, по его имени Лефортскимъ называемый“. Этому извѣстія также нѣтъ нигдѣ, а извѣстно что Лефортскимъ названъ первый выборный (Елецкій?), который прежде находился подъ начальствомъ полковника Захарова, какъ Бутырскій подъ начальствомъ Гордона.

* У Туманскаго, VII, стр. 303.

Впрочемъ о происхожденіи и началѣ этихъ полковъ нужно бы особое изслѣдованіе. Куда они дѣлались? Жаль что не сохраняется ихъ память.

„Но потѣшныхъ прибавлялось“, продолжаетъ Миллеръ, „ежегодно толикое число, что въ Преображенскомъ уже не умѣщалось. Часть ихъ поселилась въ близлежащемъ *Семеновскомъ* селѣ, отъ чего *потѣшные* на *Преображенскіихъ* и *Семеновскіихъ* раздѣляться стали“. Слѣдующему замѣчанію нельзя не отдать справедливости: „При чемъ многіе были изъ дворянъ, особливо изъ тѣхъ коихъ отцы, какъ при дворѣ двѣ открытыя партіи были, молодому царю *Петру Алексѣвичу* преимущественно нравиться старались. Между тѣмъ государь многихъ придворныхъ и коюшенныхъ служителейскихъ дѣтей къ себѣ въ *потѣшные* прибралъ, кои, можетъ быть, дворянъ числомъ и превосходили. О князѣ М. М. Голицынѣ, который наконецъ былъ фельдмаршаломъ, объявляется въ печатномъ родословіи князей Голицыныхъ что въ 1687 году вступилъ онъ изъ стольниковъ комватныхъ гвардіи въ Семеновскій полкъ, въ должность рядоваго солдата, подражая тѣмъ своему монарху, съ которымъ онъ имѣлъ счастье служить товарищемъ.“

„Видно“, замѣчаетъ при этихъ словахъ Миллеръ, „что надлежало бы написать *вступилъ* въ потѣшные, потому что гвардіи полковъ еще не было, и былъ [въ *рядовыхъ потѣшныхъ*, а когда изъ потѣшныхъ сдѣлались Преображенскій и Семеновскій полки, то въ послѣднемъ онъ и въ чины произшелъ.“

Миллеръ жалуется здѣсь на неточность, но и самъ выражается, хотъ и точнѣе, но не совсѣмъ; надо было бы сказать: „вступилъ въ потѣшные солдаты“ и „былъ въ рядовыхъ потѣшныхъ солдатахъ“ и проч.

Далѣе:

Князь Голицынъ вступилъ не вообще въ потѣшные, а именно въ тотъ полкъ который стоялъ въ Семеновскомъ, и назывался уже Семеновскимъ по мѣсту своего пребыванія.

Наконецъ, Миллеръ возражаетъ несправедливо, говоря: „чтобы (государь) дѣйствительнымъ солдатомъ числался и въ солдатскомъ спискѣ состоялъ, сего по достовѣрнымъ российскимъ свидѣтельствамъ не явствуетъ“. „Равнымъ образомъ иностранные писатели, никакими российскими свидѣтельствами будучи не подтверждаемы, повѣствуютъ якобы

государь военную свою службу *съ потѣшными* началъ барабандикомъ. Въ барабанъ бить есть дѣтская игрушка, и едва бы носно было то сказать объ одиннадцатилѣтнемъ государѣ, слабы *потѣшныя* въ 1683 году начались; а въ 1687 году государю уже 15й годъ исполнился: въ такихъ лѣтахъ государю, столь великихъ качествъ, дѣтскія игрушки приписывать неприлично.“

Напротивъ, очень ясно явствуется, и самъ Матвѣевъ говоритъ: „всѣ тѣ, начавъ отъ барабанщицья чина, солдатскіе дѣла прямыми своими заслугами прошелъ.“ Да и по списку преображенскимъ Петръ числится долго бомбардиромъ. Императоръ, напуганный слѣдствіемъ объ его разсужденіи (*О происхожденіи Россійскаго народа*), осужденномъ за неуваженіе къ предмету, боялся утверждать что-либо такое что могло бы по тогдашнимъ понятіямъ служить къ предосужденію царскаго достоинства.

Намъ остается разобрать эпизодъ изъ *Исторіи Петра I, Устрялова*. Много труда, это видно, положилъ онъ на рѣшеніе вопроса, и имѣетъ за то право на нашу благодарность, и разказъ его исполненъ неточностей и неясностей, двусмысленностей и поводовъ къ недоразумѣніямъ.

Начало онъ передаетъ почти слово въ слово по Матвѣеву, но выше разобранному: „отъ молодыхъ ногтевъ“, по слову современника, „страстно любя ратное дѣло, Петръ уже отроческіе годы, со своими сверстниками, съ товарищами пѣскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, вѣдывалъ цѣлые дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ нами солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпостцы и билъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе *потѣшныхъ*.“ *

Матвѣевъ говоритъ что Петръ велѣлъ называть товарищей ихъ игръ *потѣшными*, чего не могло быть, какъ мы знаемъ, а г. Устряловъ говоритъ что „они получили названіе *потѣшныхъ*“.

Въ началѣ не было такого собственнаго имени, точно также не было и постоянныхъ участниковъ въ играхъ. Эти такъ-называемые по документамъ робятки, съ которыми случалось играть Петру, — мыли съ одними, завтра съ

другими, хотя по большей части принадлежавшими къ его двору. Они, „юные сподвижники“, не имѣли *собственного* имени потѣшныхъ.

„Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное число потѣшныхъ было незначительно, ограничиваясь одними сверстниками государя, до 1682 года, или до 1683, когда вызвались поступить въ составъ ихъ охотники разнаго званія, едва ли не по тайному приглашенію самого царя.“

Совершенно неправильно и невѣрно. Вызвались, или, вѣрнѣе, вызвался Бухвостовъ, а за нимъ и другіе „не въ составъ“ первыхъ, котораго опредѣленнаго и не было, а въ составъ новаго, особаго, задуманнаго Петромъ потѣшнаго полка, почему и могъ Бухвостовъ почестся первымъ. Эти новые солдаты совсѣмъ не то что прежніе робятки. „Первоначальнаго числа“ ихъ никакого не было, ибо играли разными лица по временамъ кому какъ случилось. Тѣ были ровесники Петра, а солдаты были совершеннолѣтніе, изъ потѣшныхъ конюховъ и пр. Еслибъ эти новые потѣшные были одинакіе съ тѣми, то почему же Бухвостову считаться первымъ? Новые солдаты составляли особый, опредѣленный полкъ, и назывались по своимъ занятіямъ, повторяю, нарицательнымъ именемъ потѣшныхъ, которое для нихъ въ народѣ и у писателей сдѣлалось собственнымъ. Матвѣевъ, Миллеръ и Устряловъ могутъ называть ихъ потѣшными только подразумѣвая солдатами, въ отличіе отъ прежнихъ робятокъ.

Устряловъ полагаетъ начало вызова охотниковъ изъ разнаго званія въ 1682 или 1683 году, имѣя въ виду 1682 годъ выставленный въ спискѣ, и 1683 въ надписи къ портрету но его „или“ съ 1682 года не нужно, на основаніи выше предложенныхъ доказательствъ: начало потѣшныхъ (солдатъ) относится къ 1683 году.

„Прежде всѣхъ явился къ нему двадцатилѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ, Сергѣй Бухвостовъ съ просьбой записать его въ потѣшные.“

Опять совершенно неправильное выраженіе: Бухвостовъ записался не въ потѣшные, которыхъ не было и по имени, въ солдаты, въ новый полкъ, которые назвались въ народѣ потѣшными, какъ и конюхи были потѣшные. Въ послѣдствіи уже сообщилось этому имени значеніе солдатъ, которое впрочемъ всегда при нихъ подразумѣвалось.

Въ примѣчаніи же г. Устряловъ говоритъ: „начало потѣш-ныхъ и постепенное образованіе ихъ объяснить трудно, по недостатку современныхъ матеріаловъ. Единственное указаніе о началѣ потѣшныхъ современное и вѣроятное мы находимъ у Матвѣева (въ *Зап. Туманскаго*, I, 694—696). Онъ описываетъ учрежденіе ихъ послѣ мира съ Польшей въ 1686 году.“ Совсѣмъ нѣтъ, Матвѣевъ въ указанномъ мѣстѣ не говоритъ ни слова о мирѣ съ Польшей, какъ мы замѣтили выше, а о принятіи царевною Софьей титула одинакаго съ братьями — самодержицы: „По двухъ же лѣтѣхъ правленія своего (слѣдов. 1684) царевна повелѣла имъ писать вмѣстѣ съ братьями... и на монетахъ большихъ на другой сторонѣ изображать свою персону.“

За симъ г. Устряловъ приводитъ доказательства (поступленіе Бухвостова на службу въ полкъ, просьбы Хабарова и Новицкаго и проч.), „что Петръ прежде 1687 года началъ прибирать въ потѣшные солдаты людей постороннихъ, и уже задумалъ сформировать свою гвардію“.

Первое утвержденіе выражено правильно, и приведенныя доказательства вполнѣ основательны, кромѣ мѣстъ разобранныхъ нами выше въ разсужденіи, но второе утвержденіе, будто Петръ, по двѣнадцатому году, думалъ уже о сформированіи своей гвардіи, допустить мудро, да и не нужно. Сначала онъ думалъ только объ учрежденіи своего полка потѣшнаго.

Что къ 1687 году принадлежить рѣшительное сформированіе Преображенскаго полка, это принять можно, какъ мы увидѣли, но чтобъ въ этомъ году *возникли* Преображенскій и Семеновскій полки, сказать никакъ нельзя: ибо Преображенскій полкъ начался или возникъ въ 1683 году, а Семеновскій не вмѣстѣ съ нимъ, а послѣ него, когда охотникамъ не достало мѣста въ Преображенскомъ.

Есть еще у г. Устрялова извѣстіе, имѣющее отношеніе къ военнымъ занятіямъ Петра: „Неизвѣстны также“, говоритъ онъ, „и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ, Екима Воронина и Григорья Лукина: оба они, по достоверному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ государемъ и въ послѣдствіи положили свои головы подъ стѣнами Азова“*.

* Устр. т. II, стр. 23.

Екима Воронина мы видимъ, по первому напечатанному списку, въ числѣ бомбардировъ, а въ спискѣ 1693 года — сержантовъ, вмѣстѣ со многими другими: почему жь г. Устряловъ его одного изъ всего этого числа считаетъ однимъ изъ первыхъ товарищей Петровыхъ игръ? Еще болѣе: Екимъ Воронинъ былъ вмѣстѣ съ Бухвостовымъ стрѣльчичь конюхомъ у потѣшныхъ лошадей въ 1683 году, следовательно никакъ не сверстникомъ десятилѣтняго Петра. Онъ взятъ былъ изъ конюшеннаго приказа также вмѣстѣ съ Бухвостовымъ въ Верхъ, въ число потѣшныхъ пушкарей, въ 1686 году.

Окладъ стрѣльчичь конюхамъ былъ: „денегъ по 5 рублевъ хлѣба по 5 четв ржи, овса тожь“, * а потѣшнымъ пушкарямъ „учинены оклады вновь, сверхъ аргамачьи конюши стрѣльческихъ окладовъ, денегъ по 5 руб. человѣку, хлѣбъ по 5 четв. ржи, овса тожь“. Въ 1692 году сержанту Воронину велѣно дать сукна 5 арш. кармазину **.

Григорья Лукина въ означенныхъ спискахъ нѣтъ, но онъ считался потѣшнымъ конюхомъ еще въ 1691 году. Ему жаловано 1691 года: 30 января, камки желтой 7 арш. *** 13 февраля, 10 рублей. 25 февраля, тафты жаркой 8 арш. **** 30 октября, 10 руб. †. 5 декабря, исподъ песцовой, крестовой, цѣною въ 4 р. †*.

Устряловъ основывается, вѣроятно, на свидѣльствѣ Гордона, что они воспитывались съ нимъ (they being both bred with him). Почему Гордонъ такъ отозвался объ нихъ, трудно понять. Вѣроятно только потому что они принадлежали къ числу первыхъ потѣшныхъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлались в отлучными товарищами государя.

Въ *Исторіи Россіи* г. Соловьева нѣтъ ничего относящагося къ изслѣдованнымъ нами вопросамъ.

Въ *Исторіи Преображенскаго полка* г. Аванчевскаго (185) приводится въ примѣчаніяхъ (с. 2) списокъ саужившихъ

* Сбор. Епископскаго т. 1, стр. 68.

** Ibid. стр. 129.

*** Ibid. стр. 287.

**** Ibid. стр. 288.

† Ibid. стр. 124.

†* Ibid. стр. 317.

лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку съ начала его основанія. Тамъ показаны служащими: съ 1682 Сергѣй Бухвостовъ, Семенъ Жаркой, Иванъ Горожанкинъ; съ 1683 — Лука Хабаровъ; съ 1684 — Андрей Быковъ, Ѳедоръ Степановъ, Иванъ Пареевъ, съ 1685 — Логинъ Борисовъ, Тимофей Бутыгинъ; съ 1686 — Терентій Киселевъ, съ 1687 — Иванъ Бутурлинъ, Степанъ Бужениновъ, Илья Сбруевъ, Иванъ Оглобинъ, Игнатій Нелюбовъ и проч.

Но къ какому времени принадлежитъ этотъ списокъ, на чемъ онъ основанъ, подлинный, списанный (копія), современный или позднѣйшій, — не приведено никакихъ свѣдѣній и потому пользоваться имъ до времени критика не позволяетъ. Вѣроятно, списокъ составленъ поздно, по наличнымъ во время составленія солдатамъ, ибо не изъ двухъ же трехъ солдатъ состоялъ полкъ въ первые годы; потому показанія его и должны подвергнуться критикѣ наравнѣ съ прочими документами.

Желательно чтобъ этотъ списокъ, равно какъ и другіе, о которыхъ г. Азанчевскій упоминаетъ на с. 4 примѣчаній, были напечатаны.

М. ПОГОДИНЪ.

Августъ, 1874.

Село Глаздалово.

ОЧЕРКИ КИТАЯ*

Очерки Современнаго Китая. Г. Вельюкова.

IV. Иноземцы въ Китаѣ.

Во главѣ *Очерковъ Современнаго Китая* посвященной Еропейцамъ въ Китаѣ, авторъ на основаніи шанхайскаго гонъ-кюнгскаго альманаховъ, не заслуживающихъ впрочемъ довѣрія, опредѣляетъ приблизительную цифру всего населенія иноземцевъ въ Китаѣ около 6.100 человекъ, и раздѣляетъ ихъ на классы, даетъ характеристику каждому въ отдѣльности. Относительно достовѣрности изложеннаго, авторъ ссылается на мѣстные книги, журналы и мѣстныхъ жителей сообщившихъ ему данныя. Нѣкоторыя событія, замѣчаетъ онъ, происходили даже у него на глазахъ.

Какими же красками рисуетъ онъ иноземцевъ? Мы постараемся говорить словами автора, хотя и короче.

Самый многочисленный классъ иноземцевъ, разночинцевъ (37^о/₁₀₀), авторъ называетъ чернью. Въ его составѣ, матросы

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣст.* № 1.

нъ признаеть вообще грубыми и буянами; а всѣхъ остальныхъ называетъ отъявленными *chevaliers d'industrie* цѣлаго вѣта, ворами и даже разбойниками. Это сословіе немножко родни и торговцамъ. Такъ, благодаря контрабанднымъ услугамъ Тайлинамъ, изъ его среды одинъ кузнецъ сдѣлался владѣтелемъ дока и почетнымъ горожаниномъ. Одинъ бѣглый одманъ, изъ отчаяннѣйшаго положенія вышелъ чуть ли не въ секретари какого-то консульства и въ *associé* значительной торговой фирмы.

Второй по многочисленности классъ — торговцы съ ихъ прикащиками (36%). Они по большей части знакомы только въ ариметикой и бухгалтеріей; въ конторахъ заняты почти вѣлый день, а послѣ въ билліардныхъ и въ публичныхъ докахъ, и конечно едва ли имѣють право называться цивилизаторами. Ихъ вліяніе на Китайцевъ выражается коммерческою эксплуатаціей, ввозомъ опиума и коммерческимъ обменомъ. Прикащики еще ловинны гражданскими браками съ китайками, которыхъ бросаютъ когда родятся дѣти. Для лучшей характеристики этого разряда, авторъ приводитъ три примѣра:

Богачъ Д., извѣстный своею азіатскою роскошью и разцѣтствомъ, разчиталъ своихъ кредиторовъ по 12 за 100 и изорилъ сотни несчастныхъ. Но едва разчитался, какъ вновь открылъ торговый домъ, чему сочувствовали остальные тузы. Одна *esprit fort* особенно замѣчательна. Она два раза была банкротомъ, убѣгая въ Европу и въ Америку; но за тѣмъ тѣмъ, его снова помѣщали въ коммерческія конторы, цѣли его олытности въ торговлѣ. Она почетный консулъ и орденъ; насмѣшники произвели его въ *chargé d'affaires*.

Нѣкто У. долгое время управлялъ значительнымъ торговымъ домомъ и пароходною компаніей. Но когда увидѣлъ что пароходы стали уже негодны, то, ликвидировавъ свои личныя дѣла, съ почетомъ уѣхалъ въ Америку. Только тогда компанія замѣтила западню, но уже поздно, и она анкрутилась.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, значительная часть этихъ названныхъ группъ въ благоустроенномъ государствѣ дѣла бы по тюрьмамъ и рабочимъ домомъ.

Классъ занимающихся разными профессіями (10 $\frac{1}{2}$ %) сравнительно весьма полезный; по крайней мѣрѣ не даромъ

зарабатывающій хорошія деньги. Но и его составъ въ своемъ родѣ „оборыши“: медики безъ дипломовъ; инженеры вездѣ уволенные отъ службы; механики не находящіе себѣ мѣсть въ Европѣ. Китайцы отъ нихъ выигрываютъ развѣ только то что получаютъ случаи знакомиться у себя дома съ европейскою наукой и ея приложеніями.

Классъ служащихъ по найму у китайскаго правительства ($1\frac{1}{2}\%$), какъ-то: военные инструкторы, техники и прочіе спеціалисты, по большей части недобросовѣстные эксплуататоры, хотя и приносящіе пользу.

Что касается до таможенныхъ чиновниковъ (слишкомъ $4\frac{1}{2}\%$), съ огромными окладами водворяющихъ честность, то они добросовѣстностію не отличаются, будучи по происхожденію и по образованію не выше прикащиковъ; съ китайскими сослуживцами не сближаются.

Классъ членовъ дипломатическихъ миссій и консульствъ ($2\frac{1}{4}\%$) по профессіи своей стоитъ внѣ Китая; его вліяніе, иногда очень могущественное, направлено не за Китай, а противъ него. Какъ характеристическіе случаи дѣятельности этого высшаго по цивилизаціи сословія иноземцевъ, авторъ представляетъ три эпизода.

Нѣкто консулъ А., благотворительною подпиской собралъ въ пользу одной вдовы капиталецъ, самъ женился на ней; а пустивъ капиталецъ въ оборотъ, нажилъ большой капиталъ. Всѣ хвалили его за умный лостулокъ. Но въ послѣдствіи онъ уронилъ себя, подписавъ невыгодный торговый договоръ.

Другой бывшій консулъ, а потомъ и выше, былъ вызванъ назадъ за торгашество.

Третій публично попался въ торговлѣ людьми.

Наконецъ, авторъ указываетъ на классъ миссіонеровъ ($8\frac{1}{2}\%$). Протестантскіе миссіонеры по большей части люди достойные, но вліяніе ихъ на Китайцевъ ничтожное. Католиковъ авторъ изображаетъ аделтами римскаго ханжества, властолюбія и корыстолюбія.

Такъ изображаетъ авторъ живущихъ въ Китаѣ иноземцевъ. Гдѣ же въ этомъ интересномъ очеркѣ указаніе на ту могущественную внутреннюю силу благодаря которой живущіе въ Китаѣ иноземцы, какъ намъ повѣстали прежнія главы тѣхъ же *Очерковъ*, уже сдвигаютъ съ мѣста сорокалѣтнюю самостоятельность Китая, съ ея законными предразсудками, могущественнымъ вліяніемъ которой „ветхое старо

китайское традиціонное знамя рвется все больше и больше? Во всей главѣ мы не нашли ничего достойнаго панегирика иноземной расѣ. Мало того. Съ неожиданнымъ удивленіемъ мы встрѣтились тутъ съ изображеніемъ совершенно противоположнаго свойства. Въмѣсто похвального слова просвѣтителямъ Китайцевъ авторъ изобразилъ живущихъ въ Китаѣ иноземцевъ, почти сплошь, въ чертахъ самыхъ темныхъ и непривлекательныхъ.

Правда, авторъ предупреждалъ читателя что, въ предлагаемой главѣ, онъ будетъ говорить не о выдающейся, существенной сторонѣ вліянія иноземцевъ на судьбу Китая, а о другихъ сторонахъ ихъ вліянія. Но такое предупрежденіе несколько насъ не удовлетворяетъ. Вникая въ черты какими авторъ характеризуетъ иноземцевъ въ Китаѣ, по своей разносторонности обнимающія собою мораль и бытъ всего тамошняго общества иноземцевъ, въ общемъ и въ частностяхъ, нельзя не видѣть что авторъ изображаетъ не полускисзы, а полноту картины.

Какими же наконецъ, спроситъ читатель, таинственными орудіями, должно-быть скрываемыми авторомъ, это жалкое стадо иноземцевъ перевоспитываетъ Китайцевъ, раздирая ветхое знамя китайской народности?

Каждый, кто хотя поверхностно пробѣжалъ написанное въ нашихъ очеркахъ, видѣлъ что мы старались дать себѣ отчетъ насколько точны воззрѣнія автора *Очерковъ Современнаго Китая* на вліяніе Запада на судьбу Китая. Почти во всемъ расходясь съ его взглядами, главнѣйшимъ образомъ мы ссылались на безсиліе горсти иноземцевъ поколебать самостоятельность этой страны. Въ разсматриваемой главѣ авторъ, повидимому, самъ подаетъ намъ руку согласія, подтверждая то же самое, и мало того, изображая иноземцевъ въ Китаѣ не только безсильными, какъ и мы заключали, но и неспособными къ столь высокой миссиі какъ перевоспитаніе Китайцевъ, и даже недостойными названія цивилизованныхъ.

Слѣдуя принятому нами порядку, не ограничимся впрочемъ указаніемъ и разборомъ сказаннаго авторомъ *Очерковъ*, но ознакомимъ читателей съ положеніемъ иноземцевъ въ Китаѣ и по собственному воззрѣнію, сгруппировавъ наблюденія въ Китаѣ собранныя въ теченіе безъ малаго тридцати лѣтъ.

Притягательны, звучны слова: крайній Востокъ, Китай,

Японія; но не легко тамъ живется иноземцамъ. Китай не можетъ привлечь къ себѣ иноземца ради *saug piente*, изъ любви къ прогулкамъ, для того чтобы пожить безъ дѣла. Это не Парижъ, не Италія. Одно изъ важнѣйшихъ тамъ неудобствъ представляетъ климатъ, особенно въ береговыхъ частяхъ, въ портахъ. Онъ замѣчательнъ неумѣренностью лѣтняго зноя, и пронзительностію вѣтровъ, особенно зимой, продолжающихся безостановочно иногда нѣсколько дней. Чрезмѣрная сухость въ воздухѣ, за исключеніемъ лѣта, и прѣобладаніемъ лѣтомъ легко поражаютъ лихорадки, диссентерію, невралгію, ревматизмы. Лѣтніе солнечные удары легко доводятъ до сумашествія. Кромѣ такихъ враговъ благополучія, съ перваго же шага иноземца на берегъ, Китай заявляетъ ему негостепріимство и въ другихъ формахъ: въ говорѣ Китайца, ему непонятнаго, въ чрезмѣрной дороговизнѣ, весьма чувствительной даже для пріѣхавшаго изъ Петербурга или изъ Лондона, въ отсутствіи условій комфорта, необходимыхъ, какъ и лица, для образованнаго человѣка, каковы на примѣръ, чтеніе вчерашнихъ новостей всего свѣта, музыка, театр. Почти вездѣ въ Китаѣ нѣтъ и лица для желудка, которая была бы хорошо изготовлена. Поосмотрѣвшись, иноземецъ встрѣчается и съ другими неудобствами. Прежде всего являются невгоды и заботы устроиться своей квартирой, благодаря тому что дома строятся слишкомъ плохо. Для иноземцевъ въ мѣстныхъ портахъ строятъ дома обыкновенно Китайцы, но не по-китайски, а по образцамъ иноземнымъ, отъ того и выходитъ нѣчто среднее, ни лава ни ворона. За немногими исключеніями, въ такихъ квартирахъ сквозь окна и даже сквозь стѣны вѣтеръ проходить будто чрезъ рѣшето; каминъ не грѣютъ и дымятся; разбухшія двери и рамы не затворяются плотно; чрезъ крышу и потолокъ просачивается въ комнату дождевая вода; въ подпольяхъ прыгаютъ хорьки, крысы, мыши; въ сырыхъ углахъ засиживаются змѣи, для ванной нѣтъ водопровода; бани нѣтъ; всѣ принадлежности мебели и хозяйства надобно выписывать изъ Европы или изъ Америки, или же купить на мѣстѣ въ тридорога. Потомъ иноземецъ начинаетъ томиться скукой по дальней родинѣ, долгою разлукой со всѣмъ что его привязывало съ дѣтства. Онъ отягощается множествомъ неудобствъ и трудностію свыкаться съ новыми требованіями всей житейской обстановки въ Китаѣ. Приходится ему глотать

огорченіе задѣтаго самолюбія, видя что всѣ окружающіе его Китайцы, начиная съ прислуги, лгутъ и обкрадываютъ его. Страдаетъ чувство его достоинства, видя что всѣ Китайцы, не привязанные интересами къ его карману, смѣются надъ нимъ въ глаза; даже нищіе смотрятъ на него съ такимъ же отвращеніемъ какъ бывало наши уличныя дѣти лосматривали на проходящихъ Евреевъ съ ихъ лейсами. Потомъ, уже нѣсколько усѣвшись, иноземецъ убѣждается что ему и нездорово и неловко оставаться въ столь негостепріимной труппѣ; что языкъ, обычаи, отношенія къ Китайцамъ даются ему чрезмѣрно туго. Онъ самъ не свой, не умѣя для дѣла сдѣлать шага безъ того чтобы не обратиться за помощію къ Китайцу, нужно ли что сказать, сбѣгать за покулками и т. п. А для подобныхъ услугъ, иноземецъ по необходимости обзаводится менторомъ во образѣ слуги, компрадора или гада, которые всегда какъ коршуны стерегутъ свою добычу, не давая жертвѣ двинуться безъ магарыча. Если иноземецъ семейный, то тягость его положенія становится еще болѣе чувствительной, при видѣ что жена и дѣти его вздыхаютъ и за себя самихъ и за него; видя что и хозяйство его вполне зависитъ не отъ хозяйки, ничего не понимающей въ Китаѣ, а отъ произвола окружающихъ Китайцевъ. Ни необходимыхъ развлеченій нѣтъ для семейства, ни возможности дать хотя бы первоначальное воспитаніе дѣтямъ, умирающимъ къ тому же отъ климата во множествѣ, ни надежды сдѣлать матеріальныя сбереженія на черный день. Сколько бы онъ ни выручалъ денегъ, они не залежатся у него; благодаря безчисленнымъ уловкамъ Китайцевъ, благодаря всей обстановкѣ въ обществѣ иноземцевъ, въ которой онъ обязанъ вращаться, и при дороговизнѣ въ китайскихъ портахъ, возрастающей съ каждымъ годомъ, годовые балансы обыкновенно сводятся къ нулю или къ цифрамъ долговъ. Многіе съ долгами возвращаются на родину. Такое положеніе, стѣсненное, пришибенное, отчужденное, часто приводитъ иноземца въ состояніе ненормальное, то къ какой-то бессмысленной апатіи ко всему его окружающему, то къ самымъ неопредѣленнымъ, безотчетнымъ моральнымъ возбужденіямъ, что и заставляетъ его или безъ оглядки бѣжать вонъ изъ Китая, или же влѣзть окончательно въ ту кабалу которая называется жизнью иноземца въ Китаѣ, съ Китайцами и въ обществѣ закабаленныхъ иноземцевъ.

Въ такомъ положеніи предъ глазами нашими пропало не мало прекрасныхъ людей. Между десятками примѣровъ, мы не забудемъ слѣдующаго эпизода.

Одинъ джентльменъ, въ одной изъ блистательныхъ столицъ, точно высиживая свои часы за бухгалтерскимъ бюро, скромно содержалъ себя и свою мать, которая, не зная горя, только и жила любовью къ сыну. Нежданно онъ получилъ приглашеніе ѣхать на службу въ Китай. Соблазнившись хорошимъ жалованьемъ, которое по прошествіи пяти лѣтъ должно было достигнуть до десяти тысячъ рублей въ годъ, онъ рѣшился принять предложеніе. Его мать узнала по справкамъ что для иноземца жизнь въ Китайъ хуже дурной махи; но, видя желаніе сына обезпечить свою будущность и зная что его убѣжденія тверды, она благословила его. Приѣхавъ въ Китай, поставленный въ борьбу съ новымъ положеніемъ, онъ не замедлилъ вспомнить родной уголокъ. Вскорѣ же, онъ отдалъ не легкую дань климату. Живя почти на всемъ готовомъ содержаніи, сперва онъ находилъ особое удовольствіе отсылать домой бѣольшую часть своего жалованья. Но такъ продолжалось не долго. Со втораго же года юноша сталъ не тотъ. Попрежнему усердствуя къ обязательнымъ занятіямъ по службѣ, онъ, однакожь, сталъ искать развлеченія вѣвъ службы. Книги валились изъ его рукъ. Его влекло къ кругу товарищей, уже завязнувшихъ въ мѣстномъ круговоротѣ. Деньги стали ему казаться дешевле прежняго; сбереженія стали сокращаться; искалъ и находилъ предлоги оставлять свою мать безъ помощи. Онъ не разъ сознавался намъ что бывали минуты когда оломнясь, оглядѣвъ свое положеніе, онъ смѣялся надъ воздушными замками своей будущности и рѣшился, бросивъ все, съ первымъ пароходомъ умчаться на родину. Мы охотно поддерживали въ немъ такое намѣреніе. Но, уже обуявшая его кабала, алатія, вкравшееся пристрастіе къ чувственнымъ возбужденіямъ, заглушали благородныя чувства; онъ лугался что на родинѣ будетъ потеряннымъ, чужимъ, безъ средствъ, въ тягость другимъ. Въ такой постоянной борьбѣ самыхъ противоположныхъ влеченій, продолжавшейся семь лѣтъ, прежній красавецъ, энергическій юноша пресобразился въ тощаго, преждевременнаго старца, избалованнаго издѣлиствами, потерявшаго понятіе о цѣнности денегъ и, повидимому, не вполнѣ разборчиваго на средства, со всѣми задатками къ худ-

шему. А осиротѣлая мать его, пріютившись въ богадѣльнѣ, радуется въ тѣ рѣдкіе часы когда получить посылку чая да письмо отъ сына, не зная что оно наполнено ложью.

Представивъ одинъ изъ выдающихся эпизодовъ, мы просямъ впрочемъ не дѣлать изъ него заключенія что подобному роковому превращенію подвергается въ Китаѣ каждый иностранецъ. Нѣтъ, исключеній бываетъ много. Точно также не станемъ утверждать что очерченное нами негостепріимство Китая непремѣнно испытывается каждымъ иностранцемъ, со всѣми тягостями и послѣдствіями. Нѣтъ и въ этомъ отношеніи бываютъ болѣе или менѣе счастливыя исключенія. Такія счастливыя личности, пройдя въ Китаѣ болѣе или менѣе длинный путь жизни, всегда обросшіи не розами, а колючимъ шиповникомъ, уже настолько свыкаются со своимъ изолированнымъ положеніемъ что ихъ не трогаетъ даже и климатъ. На нихъ поистинѣ можно смотрѣть какъ на вышедшихъ чудесно цѣлыми изъ пламени горькихъ испытаній и лишеній. Но, завидуя имъ, было бы жестоко осуждать строго тѣхъ которые попали во всѣ невыгодныя условія губительной жизни въ Китаѣ.

Всю группу до семи тысячъ иностранцевъ привлеченныхъ въ Китай можно подраздѣлить на три разряда: надѣющихся скорѣе оттуда перешагнуть на лучшую землю внѣ крайняго Востока: къ нимъ должно отнести всѣхъ принадлежащихъ къ дипломатическимъ миссіямъ и къ консульствамъ; обязанныхъ жить тамъ какъ миссіонеры; и ищущихъ скорой наживы, къ которымъ принадлежатъ почти безъ исключеній всѣ остальные.

Положеніе членовъ дипломатическихъ миссій и консульствъ можно назвать привилегированнымъ. Но было бы очень ошибочно заключать что ихъ путь безъ колючихъ шиповниковъ. Болѣе или менѣе и они находятся подъ гнетомъ китайскаго негостепріимства. Мы не знавали ни одного изъ нихъ который бы не засматривался впередъ, въ тѣ „обѣтованные“ дни когда онъ можетъ разстаться съ Китаемъ. Между многими сѣдующій случай можетъ дать близкое понятіе насколько они дорожатъ тѣмъ чтобъ ихъ служба въ Китаѣ не упрочивалась. Правительство одной изъ великихъ державъ увидѣло большія неудобства въ томъ что его консулы, не зная Китая и его языка, обыкновенно полагаются въ своихъ дѣлахъ на своихъ переводчиковъ, большею частію не соотечественни-

ковъ, а Китайцевъ. Оттого оно предложило дополнительные оклады, около двухъ тысячъ рублей, тѣмъ кто знакомъ съ китайскимъ языкомъ или серьезно займется имъ. И что же? Изъ всей корпорации только трое заявили претензію на такое вознагражденіе. А остальные видѣли опасность, учась по-китайски, зарекомендовать себя способными и полезными къ продолжительной службѣ въ Китаѣ, въ странѣ кабаны, какъ отозвались они. Еще болѣе ихъ опасаются за себя специалисты въ знаніи Китая и его языка, на которыхъ обыкновенно смотрятъ какъ на чернорабочихъ полезныхъ для дѣла въ Китаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на людей которыхъ некуда дѣвать въ своемъ отечествѣ. Въ этомъ одна изъ причинъ почему много агентовъ, будучи отличными синологами, не рѣшаются напечатать о Китаѣ ни одной строки.

Очерки Современнаго Китая говорятъ о миссіонерахъ протестантахъ и католикахъ, но не упоминаютъ о православныхъ. Правда, составъ нашей духовной миссіи очень не великъ, но кто знаетъ тѣсный кругъ ея благочестивой дѣятельности, тотъ согласится что она вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Дѣятельность ея четырехъ пастырей состоитъ въ назиданіи словомъ Божиимъ потомковъ нашихъ соотечественниковъ изъ Албазина, къ которымъ въ разное время присоединилось болѣе сотни семействъ изъ природныхъ Китайцевъ и Манчжуровъ, дѣйствительно искавшихъ духовнаго утѣшенія въ лонѣ нашей церкви. Наши пастыри даютъ также духовную пищу нашимъ соотечественникамъ, въ числѣ болѣе восьмидесяти человекъ, живущимъ въ Пекинѣ, въ Калганѣ и въ нѣкоторыхъ открытыхъ портахъ, и тоже нашимъ морякамъ на стоящихъ въ портахъ военныхъ судахъ. Для богослуженія мы имѣемъ два храма въ Пекинѣ и одинъ на пути между Пекиномъ и Тяньцзиномъ, въ деревнѣ Дунъ-дианъ-наль, издавна населенной православными природными Китайцами. Нынѣ еще воздвигается церковь въ портѣ Ханькоу, куда, какъ слышно, будетъ изъ Россіи приглашенъ пятый пастырь. Наши пастыри не ходятъ на облаву за Китайцами для привлеченія лицемѣрно окрещаемыхъ. Вмѣсто того, они усердно воспитываютъ свою небольшую паству въ правилахъ вѣры православной. Въ истекающее пятидесятилѣтіе непрерывный рядъ замѣчательныхъ начальниковъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ своимъ образованіемъ и глубокимъ изученіемъ Китая и его языка, при

сотрудничествѣ остальныхъ членовъ миссиі, своими трудами составили очень цѣнное собраніе на китайскомъ языкѣ нашихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, по своей отчужденности въ переводахъ не оставляющихъ желать ничего лучшаго. Извѣстно что протестантскіе и католическіе миссіонеры уже давно прельстились такимъ рѣдкимъ собраніемъ книгъ, часто заимствуя изъ нихъ длинныя выписки для своихъ изданій.

Живущіе въ Китаѣ протестантскіе миссіонеры, иногда соединяющіе въ себѣ съ обязанностями проповѣдниковъ тоже и обязанности безмездныхъ медиковъ и аптекарей собственно для бѣдныхъ Китайцевъ, по своей безупречной благочестивой обстановкѣ и по образованію своему вполне могутъ быть приравнены къ нашимъ миссіонерамъ, рѣзко отличаясь впрочемъ тѣмъ что каждый изъ нихъ имѣетъ свое семейство. Нѣкоторые изъ нихъ, однакожь въ числѣ очень ограниченномъ, въ послѣднее время получили извѣстность какъ переводчики на китайскій языкъ ученыхъ руководствъ, о чемъ мы уже говорили выше.

Мы говорили также о характерѣ католической пропаганды въ Китаѣ, но къ католическимъ миссіонерамъ не допустимъ себя отнестись со столь тяжкими упреками какъ авторъ *Очерковъ Современнаго Китая*. Справедливо ли осуждать безъ разбора каждаго католическаго патера за тотъ общій характеръ которымъ къ несчастію отличается въ Китаѣ католическая пропаганда? Смотря на католическихъ миссіонеровъ, невольно приходитъ на память мудрое изреченіе апостола Павла: въ человѣкѣ два человѣка. Будемъ къ нимъ справедливы; вспомнимъ что въ рядахъ ихъ есть весьма много людей благочестивыхъ, благонамѣренныхъ, просвѣщенныхъ.

Всѣ миссіонеры въ Китаѣ, находясь въ положеніи болѣе отчужденномъ чѣмъ остальные тамъ иноземцы и въ положеніи безотрадномъ, при неизвѣстности когда имъ придется снова увидѣть свою родину, страдаютъ еще отъ скудости содержанія. Впрочемъ въ этомъ отношеніи лучше другихъ поставлены протестанты и стѣсненнѣе всѣхъ наши миссіонеры.

Наиболѣе независимымъ положеніемъ между иноземцами въ Китаѣ пользуются имѣющіе какую-либо спеціальную

профессію: журналисты, вполне безупречные въ исполненіи предъ публикой своихъ обязательствъ; содержатели типографій, щеголяющіе своими изданіями; архитекторы, украсившіе особенно Шанхай постройками; инженеры, построившіе въ портахъ мосты, доки, и пр.; механики, столь необходимые особенно для паровой флотиліи; шкипера для всей каботажной флотиліи; медики съ успѣхомъ борющіеся съ невзгодами для иноземцевъ климата въ Китаѣ; аптекари, на которыхъ никогда не было слышно жалобъ въ невѣдѣніи и въ небрежности; музыканты, впрочемъ въ числѣ весьма ограниченномъ; настройщики музыкальныхъ инструментовъ, фотографы и прочіе. Это все такіе полезныя дѣятели безъ которыхъ здѣсь не мыслимъ комфортъ у себя въ домѣ и въ общественномъ быту. Они хоть сколько-нибудь украшаютъ жизнь иноземцевъ въ Китаѣ.

Такъ смотритъ на это сословіе каждый иноземецъ въ Китаѣ. А само сословіе, находясь въ Китаѣ ради денегъ, вознаграждаетъ невыгодныя стороны своего положенія львинными пошлинами со своихъ паціентовъ. Мы не знаемъ тамъ солиднаго журнала для иноземцевъ годовая подписная цѣна котораго была бы ниже двѣнадцати долларовъ. Гонорарій архитекторовъ столь высокъ что, за исключеніемъ Шанхая, въ остальныхъ портахъ почти всѣ постройки для иноземцевъ возлагаются на искусство китайскихъ подрядчиковъ. Услуги инженеровъ и механиковъ, при всѣхъ общественныхъ сооруженіяхъ, обходятся очень дорого. Медики за свои визиты обыкновенно каждый разъ берутъ отъ пяти до десяти ланъ серебра (12¹/₂ до 25 рублей). Аптекарскіе рецепты обходятся вчетверо, влѣтеродороже чѣмъ у насъ. Настройщики, живя только въ Шанхай, за каждую настройку рояля обыкновенно берутъ до двухъ ланъ (5 рублей); а въ экскурсіяхъ своихъ по портамъ и въ Пекинѣ, за такую же услугу берутъ по десяти и по пятнадцати ланъ (отъ 25 до 37¹/₂ руб.). Мы не знаемъ во что обходятся уроки музыки, но не ошибемся много, предположивъ вдесятеро дороже нашего. За доставку фотографическихъ карточекъ обыкновенно берутъ отъ 10 до 15 долларовъ. Замѣчательно что между дѣятелями сего сословія въ Китаѣ нѣтъ содержателей пансіоновъ, учителей и учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ. Отсутствіе первыхъ четырехъ разрядовъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ что

по обычаю очень подвижных націй, Англичанъ и Сѣверо-Американцевъ, въ семействахъ иноземцевъ въ Китаѣ обыкновенно очень рѣдко остаются дѣти старше восьми, девяти лѣтъ. Въ такомъ возрастѣ отвозятъ дѣтей въ отечество для воспитанія. Чтобы разстаться съ дѣтьми, родители стѣсняются мало. Такъ, если они не могутъ лично проводить своихъ маютокъ въ столь дальній путь, то пользуются оказіями, или же просто сдаютъ кому-либо изъ служащихъ на почтовыхъ пароходахъ. Что же касается до губернатокъ, то хотя въ нихъ и случается настоящая нужда, особенно при дочеряхъ, и ихъ иногда привозятъ или выписываютъ въ Китаѣ; но, можно сказать безъ исключеній, онѣ не долго остаются у своихъ патронесъ. При значительномъ недостаткѣ въ Китаѣ въ женскомъ персоналѣ иноземцевъ, каждая губервантка, хотя бы и пожилая и непривлекательной наружности, обыкновенно безъ труда находитъ мужа.

Видное мѣсто въ разсматриваемомъ классѣ занимаютъ служащіе у китайскаго правительства по найму, для техническихъ работъ и для обученія [войска. Если военные инструкторы плохо услѣваютъ въ передачѣ нашего военного ученія и дисциплины китайскимъ солдатамъ, то такой неуспѣхъ происходитъ собственно отъ природы Китайца, котораго слишкомъ трудно вразумить и переломить на нашъ ладъ. Что же касается до того обстоятельства что состоящіе при арсеналахъ и при другихъ китайскихъ учрежденіяхъ техники для казенныхъ работъ выписываютъ бѣольшую часть матеріаловъ изъ Европы и изъ Америки, то это въ большей части случаевъ представляется необходимостію, за невозможностью, по неразвитости въ странѣ технической организаціи, добыть годные матеріалы у себя дома. И мы, Русскіе, для нашихъ техническихъ сооруженій, многое выписываемъ изъ-за границы. Если же обратить вниманіе [что для службы у Китайцевъ [техники] и инструкторы бросаютъ свои занятія на родинѣ, подвергаясь [всѣмъ невзгодамъ китайскаго негостепріимства, и своими занятіями оказываютъ Китайцамъ огромныя услуги, по обученію и вооруженію войска и созданной ими паровой флотиліи, то конечно можно согласиться что они вполнѣ заслуживаютъ получаемыхъ огромныхъ окладовъ. Впрочемъ въ послѣдніе года въ этомъ сословіи стало являться много конкурентовъ, чѣмъ Китайцы и пользуются для сокращенія платы. Прибавимъ что всѣ эти

труженики рѣдко вывозятъ изъ Китая запасы на черный день. Мы не забудемъ нашего почтеннаго соотечественника, инженера Б., который послѣ шести лѣтъ службы у Китайцевъ, получивъ солнечный ударъ съ тяжкими отъ него послѣдствіями, возвратился въ Россію ни съ чѣмъ..

Авторомъ *Очерковъ Современнаго Китая* не поглажены по головкѣ иноземцы служащіе по найму въ китайскихъ морскихъ таможенныхъ. Хотя въ главѣ о составѣ населенія Китая, и говоритъ онъ что „теперь, сидя посреди европейскихъ сотрудниковъ по таможеннымъ, Китайцы не берутъ взятокъ“, однако въ разбираемомъ нами отдѣлѣ о тѣхъ же самыхъ европейскихъ сотрудникахъ замѣчаетъ, и справедливо, что они не сближаются съ Китайцами-сослуживцами, и спрашиваетъ: „и дѣлаются ли китайскіе чиновники отъ соприкосновенія съ Европейцами честнѣе? это еще вопросъ; и сдѣлаются-ли когда? тоже вопросъ“. Чуть ли не все цивилизаторское вліяніе этого класса иноземцевъ на Китайцевъ авторъ сводитъ къ размноженію въ Китаѣ незаконныхъ лѣтей. Такой оттънокъ ироніи вѣроятно вынудилъ автора забыть о другой, болѣе полезной сторонѣ вліянія, благодаря которой Китайцы успѣшно усваиваютъ европейскіе приемы въ сферѣ государственной экономіи. Благодаря европейскому элементу въ таможенныхъ китайское правительство успѣло ввести англійскія таможенныя обрядности, вмѣсто прежнихъ своихъ. Такой новый порядокъ увеличилъ по морской торговлѣ сборы въ огромной прогрессіи, и китайское правительство поставлено въ возможность, не прибѣгая ни къ новымъ налогамъ, ни къ займамъ, бросать большіе мѣлліоны на вооруженія страны.

Мы не вполне отчетливо понимаемъ что желалъ выразить авторъ, указывая что это сословіе по происхожденію своему преимущественно изъ кулеческихъ прикащиковъ. Дурно ли это или хорошо? По нашему мнѣнію, это хорошій выборъ. Точно также мы не соглашаемся съ авторомъ въ низкомъ будто бы уровнѣ образованія этого сословія, когда, благодаря щедрымъ окладамъ, въ китайскихъ таможенныхъ служатъ много молодыхъ людей окончившихъ курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Есть и изъ Петербургскаго Коммерческаго Училища.

Торговое сословіе иноземцевъ представляетъ собою въ Китаѣ муравейникъ, который, находясь въ непрерывномъ движеніи, неустанно складываетъ у себя добычу. Собствен-

во ради этого муравейника, съ толикими дипломатическими усилиями и военными издержками написаны всѣ трактаты съ Китаемъ. Торговля есть могущественнѣйшій магнитъ привлекающій въ Китай. Торговое сословіе стоитъ впереди всѣхъ между иностранцами. Только его звонкій голосъ слышенъ въ аккордахъ періодическихъ иностранныхъ изданій въ Китаѣ, только его чувства и настроенія, радости и печали, отражаются на остальныхъ иностранцахъ, въ ихъ общемъ благополучіи или невзгодахъ.

Изъ *Очерковъ Современнаго Китая* мы узнаемъ только что торговое сословіе иностранцевъ знакомо не болѣе какъ съ коммерческою ариеметикой; подолгу просиживаетъ въ конторахъ, а потомъ кутить. Какою же невидимою силою подобная масса дѣятелей ежегодно ворочаетъ оборотами почти трехсотъ милліоновъ рублей? Повидимому въ качествѣ характеристическаго свидѣтельства невысокаго уровня здѣшняго торговаго сословія авторъ приводитъ три факта, за достоверность которыхъ ручается.

Подъ буквою Д. авторъ конечно разумѣетъ фирму Дента и Ко. По значенію своему она извѣстна въ Китаѣ со временъ первой англо-французской бомбардировки Кантона. При многообъемлющей коммерческой дѣятельности во всѣхъ открытыхъ портахъ въ Китаѣ, при своемъ сильномъ вліяніи во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ иностранцевъ, и при своемъ вліяніи на курсы и на фрахты, установившіеся въ его диктаторскихъ конторахъ въ Китаѣ, своимъ гигантскимъ банкротствомъ, въ началѣ 1860 годовъ, эта фирма произвела потрясающее дѣйствіе на всю вѣдущую торговлю въ странѣ, и разорила очень многихъ иностранцевъ и Китайцевъ, ввѣрившихъ ея банкамъ свои сбереженія и ея складамъ свои товары.

Подъ именемъ „esprit fort“, *Очерки Современнаго Китая* вѣроятно рисуютъ одного изъ лучшихъ коммерсантовъ въ Китаѣ, по своему уму и образованію стоящему впереди многихъ. Но разстройство его коммерческихъ дѣлъ, дважды повторившееся, не было банкротствами. Они разорили только его самого, безъ обиды кому-либо постороннему. А фактъ что и безъ капитала онъ былъ приглашенъ вступить въ компанію значительной фирмы, говоритъ въ его пользу.

Разказъ про лицо отмѣченное буквою У, какъ эпизодъ не фактій въ коммерческомъ быту всего свѣта, мы можемъ оставить безъ вниманія.

Но будетъ ли логично изъ такихъ частныхъ случаевъ заключать что всѣ торгующіе въ Китаѣ иноземцы суть эксплуататоры, обманщики, отравители оліумомъ?

Торговое сословіе хотя и служитъ въ Китаѣ своему кумиру, выражающемуся въ двухъ словахъ „take money“, ради чего оно рабски подчиняетъ себя всѣмъ лишеніямъ въ негостепріимномъ Китаѣ, и очень усидчиво трудится въ своихъ бюро, но въ большинствѣ случаевъ, результатъ его усилій обнаруживаетъ то явленіе что послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго томленія въ Китаѣ, исписавъ цѣлыя томы бухгалтерскихъ книгъ милліонами долларовъ кредита и дебета, принявъ и отпустивъ изъ своихъ складовъ милліарды аршинъ и пудовъ товара, преобладающее большинство его членовъ возвращается въ свое отечество безъ здоровья, безъ надеждъ, безъ пригрѣтаго пристанища и безъ крупицъ отъ своего кумира, а многіе не видятъ и отечества своего, оставивъ свои кости въ Китаѣ. Въ подтвержденіе того обстоятельства сколь неувлекательны надежды для наживы денегъ въ Китаѣ, и сколь не сладко жить тамъ, можетъ послужить широкой фактъ что несмотря на колоссальность иноземныхъ капиталовъ, вращающихся оборотами всей внѣшней торговли въ Китаѣ, сами капиталисты, за исключеніями весьма рѣдкими, не живутъ въ этой странѣ, поручая изъ столицъ Европы и Сѣверной Америки весь неблагоприятный трудъ своимъ комиссіонерамъ. Ихъ комиссіонеры собственно и составляютъ массу мѣстныхъ иноземныхъ торговцевъ. И только болѣе или менѣе высокими преміями за комиссію поддерживается ихъ энергія не покидать негостепріимной страны, гдѣ они проживаютъ и свои прибыли.

Остается еще сказать объ иноземцахъ-разночинцахъ въ Китаѣ, подраздѣляя это сословіе на два отдѣла: на разночинцевъ полезныхъ для общества и на разночинцевъ вредныхъ для него.

Къ послѣднему отдѣлу мы охотно отнесемъ всѣхъ *chevaliers d'industrie*, которые подобны своимъ собратамъ на всемъ свѣтѣ. Они стекаются въ китайскіе порты хотя тоже ради денегъ, но ожидаютъ схватить ихъ какъ даровую добычу, подобно маннѣ небесной; а такъ какъ нынѣ чудеса рѣдки, то они пріобрѣтаютъ ее тунеядствомъ и наглостію, обманомъ и воровствомъ, грабежомъ и разбоемъ. Впрочемъ, говоря относительно, такой иноземный червь мало распро-

страненъ въ Китаѣ. Бываетъ даже что иной аттестованный бродяга, попавъ въ Китай, гдѣ, при доброй волѣ, дѣло найти легко, и гдѣ трудъ хорошо оплачивается, забываетъ свое прошлое, завлекшись производительною дѣятельностью. Но, съ другой стороны, мы знаемъ случаи, что люди повидимому съ задатками порядочности, но съ слабою волей, встрѣтивъ неудачи въ своей дѣятельности въ Китаѣ и, при негостеприимствѣ климата, выдержавъ продолжительный карантинъ въ госпиталяхъ, быстро падали въ пропасть.

Первое мѣсто между полезными разночинцами конечно должно уступить иноземнымъ лоцманамъ. Въ каждомъ китайскомъ открытомъ портѣ они почти всегда соединяются въ самостоятельныя корпораціи, на артельныхъ началахъ, причемъ нравственныя качества и знаніе своего дѣла составляютъ главнѣйшія условія для каждаго члена. Заработокъ лоцмана не проченъ и тяжелъ; отъ того многіе изъ нихъ переходятъ на службу въ коммерческую флотилію, а иногда и въ коммерческія конторы.

Далѣе помѣстимъ въ этотъ отдѣлъ всѣхъ лавочныхъ торговцевъ, ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, какъ то: часовыхъ мастеровъ, булочниковъ, портныхъ, парикмахеровъ, содержателей разныхъ магазиновъ, трактировъ, расплывчатыхъ лавокъ, и т. п. Это такіе же коммерсанты какъ и вездѣ, съ тою впрочемъ разницей что цѣнять свое время, трудъ и свои товары несравненно дороже, чѣмъ у себя въ отечествѣ. Такъ, чтобы дать понятіе о цѣнахъ въ иноземныхъ магазинахъ въ Китаѣ, скажемъ, напримѣръ, что герметически укуренные въ разукрашенныхъ жестянкахъ, фунтъ макаронъ стоитъ два доллара, три сосиски—полтора доллара, фунтъ сушеныхъ—долларъ, дѣтская шляпка средней руки—пятнадцать долларовъ, и т. п. Впрочемъ, нѣкоторые предметы, особенно американскаго привоза, какъ сахаръ и мука, и тоже вина, портеръ и пиво, говоря вообще, отдаются сравнительно дешевле.

Иноземные полицейскіе служители столь же благообразны какъ лондонскіе полицмены. Получая щедрые оклады, они вообще надежная стража порядка въ иноземныхъ кварталахъ въ открытыхъ портахъ Китая.

Между трактирною прислугой, за исключеніемъ бухгалте-

ровъ и буфетчиковъ, по большей части набираемыхъ изъ макаоскихъ Португальцевъ и манильскихъ мулатовъ, мы никогда не встрѣчали иноземцевъ, даже въ лучшихъ отеляхъ. Они замѣняются китайскою прислугой, болѣе исправною и менѣе дорогою.

За исключеніемъ военныхъ и коммерческихъ судовъ изъ Европы и изъ Америки, вся иноземная каботажная флотилія въ Китаѣ снабжена по преимуществу китайскими матросами. А боцманы ихъ по преимуществу тѣ же макаоскіе Португальцы и манильскіе мулаты.

Вся остальная рабочая сила необходимая въ домашнемъ и въ общественномъ быту иноземцевъ заключается въ рукахъ Китайцевъ. Такимъ образомъ, даже иноземные повара, слуги и служанки въ Китаѣ очень рѣдки, несмотря на всѣ изысканности въ комфортѣ. Выписываемые изъ Европы или изъ Сѣверной Америки слуги, изъ своихъ плебейскихъ обязанностей почти всегда успѣваютъ выкарабкаться въ разночинцы; повара идутъ въ булочники, въ кондитеры и трактирщики; а служанки всегда находятъ между иноземцами жениховъ, и становятся самостоятельными хозяйками, со всѣми претензіями на наряды, перчатки и визиты.

Въ дополненіе къ сказанному нами прежде объ иноземномъ дамскомъ персоналѣ въ Китаѣ, должно еще сказать что недостатокъ въ немъ столь великъ, что тамъ между иноземцами въ большомъ ходу публикаціи въ газетахъ въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ о вызовѣ невѣсты. Послѣ заключаемыхъ заочно условій, сперва обыкновенно присылается фотографическая карточка суженой а потомъ является и сама невѣста. Извѣстенъ случай какъ одинъ изъ подобныхъ счастливецевъ, войдя въ Шанхаѣ на пароходъ для встрѣчи суженой, увидѣлъ ее не съ правой стороны профеля, какъ она была изображена на фотографіи, а съ лѣвой, обезображенной выбитымъ глазомъ.

Мы ограничились бы сказаннымъ объ иноземныхъ разночинцахъ въ Китаѣ, еслибы случайно не встрѣтили въ нѣсколькихъ строкахъ *Очерковъ Современнаго Китая* повторенія пасквиля сложеннаго на одного скромнѣйшаго, умнаго и честнаго дѣятеля въ Китаѣ. Мы хотимъ сказать о передаваемой авторомъ сказкѣ про нѣкое бѣглое боцмана, которому оставалось одно изъ двухъ,

оситься въ море или идти въ матросы, и который однажды сталъ чуть ли не секретаремъ какого-то консульства и осіе одной большой торговой фирмы.

Такимъ образомъ мы обозрѣли всѣ сословія иноземцевъ речисленные въ *Очеркахъ Современнаго Китая*. Но для ясноты нашего обзора, должно прибавить еще одно сословіе, забытое въ *Очеркахъ*. Мы хотимъ сказать о туристахъ, посѣщающихъ Китай изъ Европы и изъ Америки. Когодно ихъ съѣзжается тамъ изрядная цифра, иногда ра- прогулки даже съ семействами, и они, въ массѣ своей, представляютъ элементъ прямо противоположный съ жителями живущими въ Китай. Они не сидящіе на мѣ- стѣ, а постоянно движущіеся изъ одного порта въ другой даже внутри Китая, куда, какъ извѣстно, проѣздъ для ино- мцевъ свободенъ. Они не апатично глядятъ на все китай- ское, прискучившее для постоянныхъ жителей, а ложираютъ своимъ любопытствомъ все, даже самое мелочное. Они не мыслятъ о наживѣ, а, напротивъ, разбрасываютъ свои доллары, кормя ими эксплуататоровъ иноземныхъ и китай- скихъ.

Къ сожалѣнію туристы наѣзжаютъ въ Китай съ той или другою цѣлью, не будучи приготовлены ко взятой на себя дачѣ. Не зная ни китайскаго, ни англійскаго языка, ко- торые тамъ только и въ ходу, они бѣольшую часть своихъ дней напрасно просиживаютъ въ отеляхъ, все высматривая и выслушивая изъ своихъ оконъ. Они проводятъ бѣольшую часть времени за дѣломъ, которымъ точно также можно было бы заняться и не видя Китая, въ своемъ род- номъ кабинетѣ. Кромѣ открытыхъ портовъ и Пекина, они не видятъ остальнаго Китая.

Прибавимъ что авторъ заключаетъ свою главу объ инозем- кихъ въ Китай ошибкой, утверждая что профессоромъ хи- мии избранъ въ Пекинѣ юристъ изъ протестантскихъ мис- сionеровъ, когда извѣстно что съ самаго основанія образцовой школы эту кафедру занимаетъ ученый химикъ изъ Бельгіи. Оглядываясь назадъ, мы видимъ что до настоящей строки почти ни въ чемъ не соглашались съ авторомъ *Очерковъ Современнаго Китая*, менѣе всего согласны мы вслѣдъ за *авторами* изображать эту страну съ зарождающеюся будто въ ней западною дивилизаціей. Но если ограничить кругъ деятельности иноземцевъ тѣми немногими кланьями страны

гдѣ они имѣютъ свое постоянное мѣстопробываніе, то-есть въ открытыхъ портахъ, да еще отчасти въ Пекинѣ, мы согласны повторить замѣчаніе автора что они создаютъ новыхъ людей, хотя и не въ томъ смыслѣ какъ указывается въ *Очеркахъ*. Здѣсь дѣйствительно, новое поколѣніе Китайцевъ растетъ при условіяхъ совершенно различныхъ отъ прежнихъ.

Выше мы замѣтили что все чернорабочее, необходимое въ быту иноземцевъ, исполняется Китайцами. Изъ нихъ набираются слуги, повара, сторожа, артельщики, носильщики и т. п. Китайцы же исполняютъ всѣ тѣ обязанности съ которыми сами иноземцы справиться не могутъ при незнакомствѣ Китая и языка его. Они писаря при консульствахъ, компрადоры при коммерческихъ конторахъ, при каботажныхъ пароходахъ и при товарныхъ складахъ, маклера и т. п. Всѣ эти Китайцы болѣе или менѣе одного и того же покроя. Понимая что безъ нихъ иноземцамъ не обойтись, что отказавъ отъ мѣста одному, необходимость вынуждаетъ позвать другаго изъ той же своры, естественно что они превозносятся своими услугами и, ради большаго прохвора, ввели слишкомъ раздробленную систему раздѣленія труда, что понуждаетъ иноземцевъ держать у себя массу слугителей. Они измышляютъ разнообразныя хитрыя средства брать со своихъ хозяевъ магарычи, лохищать ихъ собственность, и съ каждымъ годомъ повышаютъ свои требованія на жалованье. А при такомъ привольи, еще поблажаемомъ и куреніемъ опиума, деморализація между ними усиливается со дня на день. Мы помнимъ тѣ быжественныя времена въ Китаѣ, слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, когда китайскіе слуги довольствовались ничтожнымъ жалованьемъ въ два рубля, при отпускахъ имъ лишь на столько же; они были всегда трезвы, и послушны, дорожа своимъ мѣстомъ, никогда не разставались съ хозяиномъ; свой непрѣмляемый налогъ, — магарычь хозяина, они довольно строго ограничивали 10% вынѣ уже не то. Слуги уже ропщутъ на получаемое ими жалованье отъ 8 до 12 долларовъ; являются предъ хозяиномъ полусонные, полухмельные отъ опиума; ихъ магарычи достигаютъ до 50% и выше; при замѣчаніяхъ, они немедленно расстаются съ хозяиномъ. Оттого стало рѣдкостью еслприслуга живетъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ. М

само ли было въ Китаѣ назадъ тому тридцать лѣтъ то что мы видимъ теперь, когда эти „новые люди“ становятся чувствительною тягостью для иноземцевъ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ общественными растригами предъ Китайцами роднаго покроя.

V. Нѣсколько замѣчаній о торговлѣ Россіи съ Китаемъ.

Разумѣя подъ прямою торговлей такія коммерческія операціи когда произведенія одной страны переходятъ въ другую прямо, помимо третьихъ рукъ, авторъ *Очерковъ Современнаго Китая* признаетъ что Кяхта производитъ прямую торговлю съ Китаемъ. Упомянувъ затѣмъ что кяхтинская торговля расширила свой рынокъ, воспользовавшись дозволеніемъ Русскимъ торговать внутри Китая, а Китайцамъ внутри Россіи, авторъ указываетъ что съ 1862 года возникла и другая торговля Россіи съ Китаемъ, не прямая, а чрезъ третьи руки, чрезъ иноземцевъ, захватившая бѣольшую часть Европейской Россіи и даже въ предѣлахъ Азіи Ирбитскую армарку.

Чтобы прослѣдить постепенный ходъ такового измѣненія въ нашей торговлѣ съ Китаемъ, авторъ указываетъ на таблицы цифръ, взятая изъ *Видовъ Внѣшней Торговли* за десятилѣтіе съ 1859—1868 годъ, относительно вывоза изъ Китая чая, какъ главнаго продукта нашей торговли.

Для нашей цѣли мы ограничимся только тѣми немногими цифрами таблицы которыя играютъ особенную роль въ выводахъ автора:

Годы.	Пудовъ.
1859 ввезено въ Россію чай чрезъ одну азіатскую границу.....	454.338
1862 чрезъ европейскую границу 248.026 пуд., чрезъ азіатскую границу 472.049 пуд., всего.....	715.075
1868 чрезъ европейскую границу 515.807 пуд., чрезъ азіатскую границу 252.714 пуд., всего.....	768.521

При семъ авторъ принимаетъ что чрезъ азіатскую границу ввезенъ чай въ Россію торговлей прямою, а чрезъ европейскую границу торговлей не прямою.

Отсюда авторъ слѣдуетъ слѣдующіе выводы:

- 1) Въ десятилѣтіе обороты между Россіей и Китаемъ по

чайной торговлѣ возрасли слѣшкомъ на 71%. (Тутъ вкралась ошибка: должно читать 70%).

2) Прямая торговля между Россіей и Китаемъ уменьшилась въ тотъ же періодъ на 44%.

3) Взаимнѣ ея развилась не прямая торговля, чѣрезъ посредство иноземцевъ, которая въ теченіе семи лѣтъ увеличилась на 108%. (Тутъ тоже ошибка; должно читать 112%)

Два послѣдніе вывода, по нашему мнѣнію, основаны на ложныхъ основаніяхъ.

Подъ ложностью основаній мы разумѣемъ слѣдующее:

Соглашаясь съ принятыми авторомъ терминами торговли прямой и не прямой, должно однакожь дать имъ точное опредѣленіе въ настоящемъ случаѣ. Въ русско-китайской торговлѣ мы понимаемъ ихъ такъ: когда русскій торговецъ А. для своего склада въ Россіи покупаетъ чай прямо у чаевладѣльца-Китайца В., безъ всякаго посредства С., то онъ ведетъ прямую торговлю съ Китаемъ; когда русскій торговецъ А. для своего склада въ Россіи покупаетъ чай принадлежащій чаевладѣльцу-Китайцу В. не у него самого, а чрезъ посредника С., будь это Китаецъ или Европеецъ, будь это на нашей границѣ въ Азіи или въ Европѣ, все равно, — онъ ведетъ не прямую торговлю съ Китаемъ.

Руководствуясь такимъ опредѣленіемъ, нельзя согласиться чтобы весь чай вывозимый изъ Китая чрезъ нашу азіатскую границу, главнымъ образомъ чрезъ Кяхту, принадлежалъ къ торговлѣ прямой. Нельзя также согласиться чтобы весь чай ввозимый изъ Китая чрезъ нашу европейскую границу принадлежалъ непремѣнно къ торговлѣ не прямой. Называть торговлю Кяхты съ Китаемъ прямою значитъ противорѣчить себѣ, такъ какъ извѣстно что Кяхтинцы покупаютъ товары изъ Китая и продаютъ свои товары въ Китай не прямо, а чрезъ Китайцевъ торгующихъ въ кяхтинскомъ Маймайченѣ и являющихся посредниками между Кяхтинцами и калганскими Китайцами. Такимъ образомъ маймайченскіе Китайцы играютъ точно такую же роль въ Кяхтѣ въ нашей сухопутной торговлѣ съ Китаемъ, какъ другіе иноземцы въ нашей торговлѣ съ тою же страной при ввозѣ въ Россію китайскихъ товаровъ чрезъ европейскую границу. Съ другой стороны, не должно забывать что съ 1862 года наши торговцы имѣютъ свои конторы внутри Китая. Этими только путемъ они и ведутъ въ строгомъ смыслѣ

прямую торговлю съ Китаемъ: покупая товары прямо изъ рукъ Китайцевъ въ ихъ портахъ, и отправляя его въ свои склады сухопутно чрезъ азіатскую границу, или моремъ къ европейской нашей границѣ. Оттого-то, хотя въ *Видѣхъ Внѣшней Торговли*, весь привозимый въ Россію чай моремъ безраздѣльно называется общимъ именемъ „кантонскаго“, * но въ его грузахъ есть доля чая доставляемая изъ Китая чрезъ третьи руки, то-есть чрезъ иноземцевъ, и тоже есть доля чая присылаемая изъ Китая прямо въ свои склады русскими торговцами. То же самое должно сказать о чаѣ ввозимомъ изъ Китая чрезъ азіатскую границу: посланный изъ нашихъ конторъ внутри Китая пріобрѣтенъ прямою торговлею, а купленный въ Кяхтѣ пріобрѣтенъ не прямою торговлею.

Слѣдуя такому раздѣленію русско-китайской торговли на прямую и не прямую, мы должны будемъ иначе подраздѣлить цифры вывоза чая. Для такого разчета мы воспользуемся вполнѣ точными офиціальными свѣдѣніями, взятыми изъ отчетовъ нашего генеральнаго консульства въ Китаѣ.

Нашъ разчетъ представляется въ нижеслѣдующемъ:

Въ 1859 году, когда въ Китаѣ не было ни одной русской конторы, и когда въ Россію ввозился чай только чрезъ азіатскую границу, изъ Китая было вывезено чая 454.333 пуда.

Въ 1862 году, когда въ Китаѣ уже учредились наши конторы, и когда уже было дозволено ввозить въ Россію чай тоже и чрезъ европейскую границу, въ числѣ всего ввоза 472.049 пудовъ чрезъ азіатскую границу, было: купленнаго чая нашими торговцами въ китайскихъ портахъ 33.788 пудовъ, а остальные 438.261 пудъ были куплены въ Кяхтѣ у маймайченскихъ Китайцевъ. И въ числѣ всего ввоза 243.026 пудовъ чрезъ европейскую границу, было: доставленнаго по куплѣ нашими торговцами въ китайскихъ портахъ 25.611 пудовъ, а остальные 217.415 пудовъ доставлены по куплѣ въ Китаѣ иноземцами.

Въ 1868 году, въ числѣ всего ввоза въ Россію 252.714 пудовъ чрезъ азіатскую границу, было: чая купленнаго нашими

* Оставшееся отъ старыхъ времъ контрабандистовъ названіе чая кантонскимъ уже пора бы забыть, такъ какъ извѣстно что чрезъ европейскую границу къ намъ привозятся грузы чая изъ портовъ Ханькоу, Шанхая и Фуцжоу, и только въ наименьшей долѣ изъ Кантона.

торговцами въ китайскихъ портахъ 99.798 пудовъ, а остальные 152.916 пудовъ были куплены въ Кяхтѣ у маймейчевскихъ Китайцевъ. И въ числѣ всего ввоза 515.807 пудовъ чрезъ европейскую границу, было: доставленнаго покупкой нашими торговцами въ китайскихъ портахъ 23.399 пудовъ, а остальные 492.408 пудовъ доставлены покупкой въ Китай иноземцами.

Оттого общіе итоги раздѣляются такъ:

Года.	Было ввезено въ Россію чая, въ пудахъ.		
	Торговлею прямою.	Торговлею непрямую.	Всего.
1859, по азиатской границѣ.....	—	454.333	454.333
1862, по азиатской границѣ.....	83.788	438.261	—
по европейской границѣ...	25.611	217.415	—
Итого....	59.399	655.676	715.075
1868, по азиатской границѣ.....	99.798	152.916	—
по европейской границѣ...	23.399	492.408	—
Итого....	123.197	645.324	768.521

Изъ этой таблицы вытекаютъ слѣдующіе выводы:

По 1862 годъ между Россіей и Китаемъ существовала одна непрямая торговля.

Непрямая торговля въ десятилѣтіе съ 1859 по 1868 годъ увеличилась на 42^о/_о; и

Съ 1862 года впервые развилась прямая торговля Россіи съ Китаемъ, и по ввозу чая въ теченіе семилѣтія она увеличилась слишкомъ вдвое.

Впрочемъ изъ нашей таблицы нельзя составить точнаго понятія о всемъ движеніи торговли Россіи съ Китаемъ, тѣмъ болѣе что и заключительный годъ избранъ неудачно, такъ какъ въ 1868 году многое неблагоприятствовало чайной торговлѣ въ Китаѣ. Предложимъ болѣе современныя цифры о движеніи нашей торговли съ Китаемъ, по ввозу и вывозу въ 1870 и въ 1871 годахъ. Свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ по прямой торговлѣ взяты нами изъ отчетовъ нашего генеральнаго консульства въ Китаѣ; точность ихъ несомнѣнна, но однакожь не должно упускать изъ виду что по вывозу изъ Китая товара показана стоимость его на мѣстѣ, въ китайскомъ портѣ гдѣ онъ купленъ, безъ расходовъ за доставку въ Россію и для уплаты у насъ лошаины. А свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ по непрямой торговлѣ, въ Кяхтѣ, взяты нами изъ отчетовъ старшинъ ку-

печества въ Кяхтѣ. И, наконецъ, по непрямой торговлѣ, цифры ввоза въ Россію чая иноземцами чрезъ европейскую границу взяты нами изъ *Видовъ Внѣшней Торговли*, а именно изъ цифръ годоваго ввоза кантонскаго чая, за вычетомъ изъ онаго того количества лудовъ сколько въ томъ же году и по той же границѣ было ввезено чая приобрѣтеннаго прямою торговлей въ русскихъ конторахъ въ китайскихъ портахъ.

Въ 1870 году было всего ввоза товаровъ изъ Россіи въ Китай.

	Металловъ въ золотѣ и серебрѣ, на сумму.	С У К О Н Ъ.		Другихъ ману- фактурныхъ, пушныхъ и раз- ныхъ товаровъ, на сумму.		Всего на сум- му.
	Р. К.	Аршинъ.	На сумму.	Р. К.	Р. К.	
<i>Прямую торго- вую русскими конторами:</i>						
1) Сухопутно чрезъ Кяхту...	519.997-63	18.500	42.000 —	—	—	561.997-63
2) Моремъ чрезъ Суецъ въ Одессу и Лон- донъ...	—	181.625	444.090 —	1.960	—	445.990 —
<i>Непрямую тор- говлей:</i>						
<i>Маймайченски- ми Китайцами въ Кяхтѣ.</i>						
	114.781-1	610.298	1.357.005-38	1.362.071-81	2.833.858-20	
Итого.	634.778-64	810.423	1.843.035-38	1.364.031-81	3.841.845-83	

Въ 1871 году было всего ввоза товаровъ изъ Россіи въ Китай.

<i>Прямую торго- вую русскими конторами.</i>						
1) Сухопутно чрезъ Кяхту...	523.165-90	10.000	24.000 —	—	—	547.165 90
2) Моремъ чрезъ Суецъ въ Одессу и Лон- донъ.....	—	88.875	221.700 —	11.546-35	233.246-35	
<i>Непрямую тор- говлей:</i>						
<i>Маймайченски- ми Китайцами въ Кяхтѣ.....</i>						
	273.460-96	677.558	1.442.910-77	1.241.974-80	2.958.346-53	
Итого.	796.626-86	776.433	1.688.610-77	1.253.521-15	3.738.758-78	

Въ 1870 году было всего вывоза товаровъ изъ Китая въ Россію.

	Ч	А	Я.	Разныхъ това-		Всего на сум-
	Судовъ.	На сумм.	К.	Р.	К.	му.
				Р.	К.	Р.
<i>Прямую торговлей русскими конторами:</i>						
1) Сухопутно чрезъ Кяхту.....	254.149	2.606.737	34	39.023	—	2.645.760
2) Моремъ чрезъ Суецъ въ Одессу и чрезъ Лондонъ....	61.032	923.282	—	—	—	923.282
<i>Непрямую торговлей:</i>						
<i>Маймайченскими Китайцами въ Кяхтѣ.</i>						
	223.106	3.549.535	24	90.920	70	3.640.455
Итого.	538.287	7.079.554	58	129.943	70	7.209.498
<i>Иноземцами чрезъ европейскую границу.....</i>						
	482.005					
Итого.	1.020.292					

Въ 1871 году было всего вывоза товаровъ изъ Китая въ Россію.

Прямую торговлей русскими конторами.

1) Сухопутно чрезъ Кяхту.....	312.670	2.285.811	20	59.823	36	2.345.634
2) Моремъ чрезъ Суецъ въ Одессу и чрезъ Лондонъ....	91.574	1.365.669	96	422	—	1.366.091
<i>Непрямую торговлей:</i>						
<i>Маймайченскими Китайцами въ Кяхтѣ.</i>						
	194.008	2.876.347	85	94.046	54	2.970.394
Итого.	598.252	6.527.829	1	154.291	90	6.682.120
<i>Иноземцами чрезъ европейскую границу.....</i>						
	598.667					
Итого.	1.196.919					

Наконецъ, благодаря тѣмъ же свѣдѣніямъ, мы можемъ показать послѣднія цифры, за 1873 годъ, всего вывоза изъ Китая въ Россію чая:

Прямую торговлей русскими конторами:

	Чая вудонъ.
1) Сухопутно чрезъ Кяхту и чрезъ Николаевскъ на Амуръ.	543.984
2) Моремъ чрезъ Суецъ въ Одессу и въ Лондонъ.....	134.090

Непрямую торговлей:

Маймайченскими Китайцами въ Кяхтѣ.....	?
Иноземцами чрезъ европейскую границу.....	596.909

Изъ этихъ послѣднихъ таблицъ, въ сравненіи съ первою нашею таблицей, мы можемъ сдѣлать нижеслѣдующіе дополнительные выводы:

въ тринадцать лѣтъ, съ 1859—1871 годъ, вывозъ чая изъ Китая въ Россію возросъ почти втрое;

въ тотъ же періодъ вывозъ чая непрямую торговлей, маймайченскими Китайцами въ Кяхту, уменьшился слишкомъ вдвое;

въ десятилѣтіе, съ 1862—1871 годъ, вывозъ чая изъ Китая въ Россію прямою торговлей, по азіатской границѣ возросъ почти вдесятеро, и по европейской границѣ почти вчетверо; а вмѣстѣ почти всемеро;

въ началѣ того же десятилѣтія вывозъ чая въ Россію по азіатской и европейской границѣ вмѣстѣ, непрямую торговлей, превышалъ въ одиннадцать разъ весь вывозъ чая прямой торговли; а въ 1871 году первый вывозъ превышалъ послѣдній менѣе чѣмъ вдвое;

въ 1873 году, вся прямая торговля превышала почти на 14%, непрямую торговлю по ввозу чая чрезъ европейскую границу иноземцами.

Мы полагаемъ что эти данныя должны разсвѣять превратныя толкованія о нашей торговлѣ съ Китаемъ. Оттого тѣмъ любопытнѣе слѣдить за авторомъ *Очерковъ Современнаго Китая*, пытающимся причины для объясненія жалкаго состоянія до какого будто бы дошла нѣкогда столь извѣстная русско-китайская торговля.

Насколько эта торговля дѣйствительно блистала своею дѣятельностью, *Очерки Современнаго Китая* не говорятъ. Скажемъ мы о ней въ слѣдующихъ среднихъ цифрахъ ежегоднаго привоза чая въ Россію. *

* См. *Матеріалы для обсужденія вопросовъ о чайной торговлѣ*, соч. Крота, изданіе 1864 года, стр. 49, и еще *Московскія Вѣдомости* № 140 1874 года.

	пудовъ.		пудовъ.
Въ 1801—1810 годахъ	75.000	Въ 1841—1845 годахъ	260.000
„ 1811—1820 „	96.000	„ 1846—1851 „	328.000
„ 1821—1830 „	143.000	„ 1854—1856 „	278.628 (только черезъ Кяхту.)
„ 1831—1840 „	190.000	„ 1857—1861 „	434.000

Извѣстно что въ показанный періодъ шестидесяти лѣтъ, весь ввозъ въ Россію чая былъ только чрезъ азіатскую границу, и главнѣйшимъ образомъ чрезъ Кяхту. Только съ 1851 года къ намъ стали ввозить чай тоже изъ китайскихъ городовъ Чугучака и Кульджи, ежегодно не свыше 8.000 пуд., да еще кромѣ того, въ послѣднее пятилѣтіе того же періода, ввозился въ Россію чай моремъ, благодаря привилегіи бывшей Россійско-Американской Компаніи, впрочемъ тоже въ ограниченномъ размѣрѣ, кажется не болѣе 5.000 пуд.

Сравненіе послѣдней цифры 434.000 пуд. ввезеннаго въ Россію чая въ 1861 году съ цифрой 598.252 пуд., (см. вышеприведенную таблицу, всего привоза чая въ 1871 году, краснорѣчиво указываетъ что русско-китайская торговля быстро шла въ гору въ то самое время когда *Очерки Современнаго Китая* видѣли ея паденіе. А сравненіе той же первой цифры съ цифрой 678.084 пуд. чая, ввезеннаго въ Россію въ 1873 году, помимо не прямой кяхтинской, одною только нашею прямою торговлею съ Китаемъ, служитъ тому краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ.

Но посмотримъ что далѣе говоритъ авторъ *Очерковъ*. Причины жалкаго состоянія нашей торговли съ Китаемъ онъ видитъ главнымъ образомъ въ двухъ обстоятельствахъ: въ уничтоженіи кяхтинской монополіи, сопровождавшемся развитіемъ привоза въ Россію чая чрезъ Европу иноземцами, и въ открытіи сѣверныхъ и рѣчныхъ портовъ Китая для всѣхъ иноземцевъ.

Что касается насъ, то на эти же самыя два обстоятельства мы смотримъ въ смыслѣ вполне противоположномъ; какъ на главные толчки благодаря которымъ русско-китайская торговля не замерла въ своей замкнутости, и разрослась до небывалыхъ прежде размѣровъ. Заблужденіе, какъ кажется намъ, происходитъ отъ того только что кругозоръ авторъ *Очерковъ* по отношенію къ торговлѣ слишкомъ узокъ, что онъ видитъ ее только въ товарныхъ складахъ въ Кяхтѣ, какъ бы

тая всё остальные пути чуждыми, не дающими прибылей
нимъ соотечественникамъ.

Ъ уничтоженіемъ монополіи въ Кяхтѣ, многія изъ ея
русскихъ и китайскихъ конторъ ликвидировали свои дѣла,
въ то же время нѣсколько нашихъ предприимчивыхъ Кях-
цевъ, увидѣвъ открывшійся путь въ Китай, послѣшили
его портахъ учредить свои конторы. То и другое явле-
нны естественны, то и другое взаимно прибыльно и
ловаться-то тутъ не на что. Пусть не мы, а маймаиценскіе
тайцы со скорбію вспоминаютъ о добромъ старожъ вре-
ни, когда они, доставляя чай въ Кяхту и зная что кромѣ
чая русскому потребителю другаго пить не прихо-
ся, монополизировали своимъ товаромъ, требуя съ поку-
еля сколько вздумается. Кяхтинцы, не видя иного исхода,
или все требуемое, конечно выручая всё свои расходы
русскихъ потребителей. Значить, отъ такихъ операцій
игрывали Китайцы, проигрывали мы, потребители: а услу-
жно посредники, наши Кяхтинцы, оставаясь часто не при-
тъ, заботились только о томъ чтобы самимъ не остаться
накладѣ. Такимъ образомъ, кяхтинская монополія была
идка не для русскихъ торговцевъ, а для Китайцевъ. Изда-
утвердившееся въ Россіи мнѣніе что всё крупныя бары-
отъ этой монополіи оставались въ карманахъ нашихъ
итинцевъ—несправедливо. Еслибы дѣйствительно наши
мерсанты въ Кяхтѣ загребали широкими лопатами при-
ли, въ теченіе полустолѣтія, въ ежегодныхъ десяткахъ
мліоновъ оборота, то было бы естественно въ средѣ ихъ
нѣ часто являться огромнымъ капиталистамъ. Между тѣмъ
нѣ известно что такое явленіе между ними бывало рѣдко. Не-
рдно по пальцамъ пересчитать пять, шесть фирмъ дѣй-
нтельно разбогатѣвшихъ, да и то не впрямую только отъ
ной торговли, а благодаря и другимъ условіямъ въ ихъ
говыхъ оборотахъ. Безспорно и очень понятно что для
итинцевъ были не лонутру оба обстоятельства указывае-
и *Очерки Современнаго Китая*. То и другое вмѣстѣ
превозмогли ихъ спокойствіе, разстроили ихъ привычную
ательность и всё ихъ расчеты. Но теперь, когда про-
ю уже десятилѣтіе, когда многіе Кяхтинцы уже успѣли
вопиться съ новою дѣятельностью, улолребивъ свои капита-
и свой трудъ тоже и на другія отрасли промышленности,
о весьма благотворно для малопромышленной Сибири, то

въ результатѣ оказывается что хотя въ Кяхтѣ осталось нѣе торговыхъ фирмъ, однакожь онѣ не бѣдствуютъ и остались безъ дѣла. Онѣ очень дѣятельно и весьма производительно для отечественной промышленности ведутъ дѣла оставшимися въ Маймайченѣ Китайцами. Они въ значительныхъ массахъ сбываютъ въ Маймайченѣ наши мануфактурные, пушные и другіе товары, получая за то чай и про китайскіе товары. Они же, благодаря своей опытности чайной торговлѣ, ведутъ и прямую торговлю съ Китаемъ снабжаютъ, изъ мѣстныхъ и изъ иркутскихъ своихъ контор представителей нашихъ фирмъ и прикащиковъ ихъ.

Авторъ *Очерковъ* не отрицаетъ что наши соотечественники встрѣтили въ Китаѣ много благоприятныхъ условій для своей торговли. Признавая что благодаря статьямъ трактата пошлинахъ, за покупаемый въ портахъ чай наши торговцы платятъ пошлину менѣе чѣмъ китайскіе торговцы, на первый планъ благоприятствующихъ условій онъ ставитъ то что въ Китаѣ наши торговцы поставлены внѣ вліянія „компаньоновъ“, которыхъ имѣли въ Кяхтѣ. По эти строки не вліяніе удобопонятны и требуютъ поправки. Известно что по имени „компаньона“ въ Кяхтѣ разумѣли, разумью и теперь, званіе комиссіонера, за опредѣленные проценты исполняющаго всѣ коммерческіе распоряженія и заказ своего довѣрителя живущаго внѣ Кяхты. Имѣя свой капиталъ, компаньонъ воленъ вести и свои собственныя торговля операціи. Точно такіе же комиссіонеры имѣютъ теперь въ нашихъ коммерческихъ фирмахъ въ Китаѣ. Известно что тамъ находится только девять русскихъ конторъ, а между тѣмъ онѣ производятъ обороты, кромѣ собственныхъ, на капиталы болѣе сотни торговыхъ домовъ, по довѣрителей, находящихся въ Кяхтѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ, Кунгурѣ, Перми, Казани, Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ, и пр. Это совершенно такое же коммерческое основаніе на которомъ построены почти всѣ иныя земныя конторы въ Китаѣ, да и на всемъ крайнемъ Востоку, комиссіонерствующія для торговыхъ домовъ Лондона, Нью-Йорка, Бомбея, Ліона, Парижа и пр., иногда имѣющія своихъ комиссіонеровъ во всѣхъ торговыхъ пунктахъ ихъ полушарій.

Неблагоприятная условія авторъ видитъ въ неравной борьбѣ съ иноземцами въ продажѣ товаровъ; въ зависимос

и другихъ, управляющихъ китайскими рынками, назначенны цѣны, и т. под., и въ зависимости отъ иноземцевъ въ перевозочныхъ для товаровъ средствахъ.

Рассмотримъ каждое изъ этихъ условій. Но предварительнымъ образомъ обратимъ вниманіе что мы будемъ говорить о торговлѣ Китаѣ съ Китайцами.

Китайцы, по своему торговому складу, если не хитрѣе, то крайней мѣрѣ столько же хитры какъ Евреи, и столько способны ко всѣмъ коммерческимъ операціямъ, начиная банковъ и кончая распродажей старыхъ гвоздей на уличныхъ рогахъ. Они лучше Англичанъ умѣютъ извлекать изъ всего хорошаго прибыль, а между тѣмъ проживаютъ очень просто. Умѣютъ увлечь покупателя, показывая товаръ лицомъ. Искренне знатоки въ коммерческой бухгалтеріи, сводя счета по товарамъ и своимъ прибылямъ каждый вечеръ, безъ того не уходятъ изъ конторы или лавки. Столь же отличны поны въ коммерческой политикѣ. На рынкахъ, гдѣ бы то было; они дѣйствуютъ дружно, напоромъ всей корпораціи, да и въ собственныхъ конторахъ всегда имѣютъ товарищей и сподручныхъ агентовъ; они всегда выживутъ съ помощью своихъ недоброжелателей и соперниковъ; обладая тонкимъ чутьемъ, они знаютъ когда поднять или слустить цѣны товаровъ покупаемые и продаваемые; ловко отыскиваютъ закоулки гдѣ можно хорошо приобрести товары третьи на рынкѣ; и убѣгаютъ безъ оглядки оттуда гдѣ лежатъ товары не спрашиваемые на рынкѣ.

Необходимо также не забыть что каждый иноземецъ, предвзятая учредить коммерческую контору въ Китаѣ, полагая какъ и въ другихъ странахъ, конечно сперва озабочивается тѣмъ чтобъ извѣдать какъ привести въ движеніе всю машину своихъ торговыхъ операцій. А для этого долженъ прежде всего ознакомиться съ характеромъ данного рынка, чтобы видѣть что можно тамъ продать и купить. Какъ и на всемъ свѣтѣ, въ Китаѣ есть рынки того свойства что на нихъ очень много мѣстныхъ товаровъ въ предложеніи покупателямъ, а мало спроса на ввозимые товары, и есть рынки свойства противоположнаго. Оттого иноземецъ, посвящающій свою дѣятельность торговлѣ столь отдаленномъ краѣ, какъ Китай, конечно долженъ прежде всего строго опредѣлить кругъ своей дѣятельности, и, только

соображаясь съ нею, поселяется въ томъ или другомъ по-
страны.

Такъ и поступили наши торговцы. Рѣшившись торговать въ Китаѣ своими товарами и покупать тамъ чай и дѣля произведенія, они не бросали туда свои капиталы жмуря глаза. Сперва они послали съ небольшими караванами своихъ пионеровъ. Благодаря въ особенности удачному въру старшины, въ лицѣ честнаго и умнаго труженника, И. Нерпина, нынѣ къ сожалѣнію забытаго, пионеры развѣдали что въ Китаѣ портъ Ханькоу есть лучшій чайный рынокъ а послѣ него портъ Фуцжоу, но какъ на первомъ, такъ и болѣе на второмъ рынкѣ спросы на наши товары вообщемъ слабые. Они развѣдали что лучшимъ пунктомъ для нашихъ караванныхъ отправокъ чая сухопутно въ Россію есть портъ Тяньцзинь, хотя его рынокъ тоже слабъ спросомъ нашихъ товаровъ; и наконецъ что лучшій рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ есть городъ Калгань; но очевидно, онъ слишкомъ тугъ для того чтобы покупать тамъ

Эти указанія были столь точны что, благодаря имъ, наши торговцы укоренились въ Китаѣ весьма скоро, сперва Тяньцзинь и отчасти въ Калганѣ, потомъ и въ Ханькоу наконецъ недавно тоже въ Фуцжоу. Сперва не будемъ говорить о Калганѣ, а скажемъ только о нашей дѣятельности въ Ханькоу и въ Тяньцзинѣ. Положеніе наше въ Фуцжоу сію пору не вполне опредѣлилось, хотя и обѣщаетъ намъ много выгодъ.

Въ Ханькоу и въ Тяньцзинѣ наши торговцы сплошь и рядомъ селились безъ особо чувствительныхъ потерь на новоселеніи. Тугимъ сбытомъ своихъ товаровъ они сокрушались и очень хорошо понимая что къ нимъ нельзя привлечь рынковъ насильно; оттого выжидали благоприятныхъ условій для сбыта ихъ спроса.

Но время бѣжитъ быстро. Уже протекло двѣнадцать лѣтъ со дня учрежденія первыхъ нашихъ колоній въ Китаѣ между тѣмъ условія его рынковъ для сбыта нашихъ товаровъ не только не улучшились, а даже ухудшились. И этотъ же самый періодъ, его рынки усилили свои спросы на мануфактурные товары у всемірныхъ поставщиковъ, Англичанъ.

На вопросъ, какими же особенными условіями китайскіе рынковъ объясняется такое явленіе что ставъ враждеб-

къ нашимъ мануфактурнымъ товарамъ, они обращаютъ ласковые взоры на таковые товары Англичанъ, мы слышимъ отвѣтитъ что создавшіяся условія не сложны, и что въ нихъ далеко не на первомъ планѣ конкуренція, хотя ея вліяніе мы и не отвергаемъ.

Они кроются въ развивающейся со дня на день бѣдности между Китайцами. Между важнѣйшими стимулами такой общественной бѣдности очень значительное мѣсто занимаютъ: куреніе опиума, истребляющее нравственныя и физическія силы народа, высасывающее его сбереженія, и ввозъ бумажныхъ тканей, которыя сперва конкуррировали, а теперь уже почти подавили хлопчато-бумажную производительность у Китайцевъ, нѣкогда литавшую почти все сельское населеніе въ среднемъ Китаѣ. Эта промышленность, подобно всѣмъ промысламъ въ Китаѣ, будучи кустарною, господствовала въ Китаѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій въ значительно большихъ размѣрахъ чѣмъ шелковая; но однакожь она быстро сдалась предъ могущественнѣйшею машинною производительностью Англичанъ. Естественно что по мѣрѣ усиливающейся бѣдности, китайскіе рынки должны были измѣнять свою физиономію. Со дня на день ихъ рынки скудѣютъ спросомъ на лучшіе и на дорогіе товары, болѣе и болѣе сосредоточивая спросы только на товары первѣйшей необходимости и на самыя дешевыя. Одѣться, прикрыться по крайней мѣрѣ въ трапки, теперь есть необходимость волюющая для большинства Китайцевъ. Они и находятъ такой низкій товаръ на своихъ рынкахъ въ шертингахъ и въ другихъ хлопчато-бумажныхъ англійскихъ тканяхъ. На то что эти ткани рѣдки какъ рѣшето, Китайцы могутъ только жаловаться, но тѣмъ не менѣе облачатся въ нихъ велитъ нужда: онѣ до невѣроятности дешевы. * Оттого одинъ только Ханькоускій рынокъ

* Такъ, напримѣръ, въ 1871 году на ярмаркѣ въ Пекинской провинціи Китайцы продавали изъ третьихъ рукъ отъ Англичанъ сѣрый шертингъ по одной ланѣ 87½ фынь за кусокъ. Въ кускѣ 60 аршинъ. Сказанная цѣнность составляетъ на наши кредитныя рубли 4 р. 69 к. Въ кускѣ вѣса 7½ фунтовъ. Значитъ одинъ аршинъ стоилъ 7½ к. Тогда же на той же ярмаркѣ за 7½ фунтовъ хлопчато-бумажной пряжи Китайцы не могли взять дешевле одной ланы 80 фынь, то-есть 4 р. 50 ⅒ к. кредитными билетами.

въ 1873 году продалъ 2.312.504 куска такого хаама. А сколько распродается его еще въ Шанхаѣ и въ остальныхъ открытыхъ портахъ Китая! Гдѣ же послѣ этого найти свободное мѣсто и сколько-нибудь изрядный спросъ на тѣхъ же рынкахъ для мануфактурныхъ товаровъ лучшей доброты, а за то и болѣе дорогихъ? Извѣстно что съ русскими мануфактурными товарами Китайцы ознакомились значительно ранѣе, чѣмъ съ такими же товарами другихъ западныхъ націй. Извѣстно тоже что наши произведенія издавна зарекомендовали себя въ Китаѣ столь почтенно что повсемѣстно тамъ, какъ и во всей Средней Азiи, всѣ лучшіе иноземные продукты, какого бы происхожденія они ни были, Китайцами именуется продуктами русскими, подобно наприимѣръ тому какъ въ Россiи лучшій товаръ называется англійскимъ. По сію пору только единственно къ нашимъ товарамъ, мануфактурнымъ и пушнымъ, Китайцы питаютъ почетъ. Отъ того-то наши товары и требовались въ Китаѣ хорошо, когда въ массѣ его народа изобиловало довольство. И отъ того же, при цѣнѣ относительно дорогой, отъ нихъ теперь отворачивается большинство обнищавшихъ Китайцевъ. Такимъ образомъ видимъ что требованіе на наши товары ослабло въ Китаѣ не отъ прямаго давленія конкуренціи иноземцевъ, а собственно отъ обѣдненія самихъ Китайцевъ. Если будущее обогатитъ Китаѣ, то и рынки его станутъ взыскательнѣе, щеголеватѣе и щедрѣе. Впрочемъ должно замѣтить что несмотря на значительнѣйшій сбытъ въ Китаѣ своихъ хлопчато-бумажныхъ тканей, Англичане тамъ не покупаются въ своихъ прибыляхъ. Отдавая шертинги почти за ту же самую цѣну во что они обходятся манчестерскимъ фабрикантамъ, они видятъ отъ своей торговли въ Китаѣ самую мизерную выгоду, едва окупающую ихъ заботы и расходы. Этимъ обстоятельствомъ объясняется что несмотря на громадно возрастающіе обороты ихъ въ Китаѣ, наприимѣръ съ 228½ миллионъ рублей за 1870 годъ дошедшіе въ 1873 году слiшкомъ до 300 миллионъ, доходы ихъ столь ничтожны что многіе торговые дома, вспоминая о золотыхъ временахъ въ 1850 годахъ, нынѣ заботятся о своихъ ликвидаціяхъ.

По сію пору мы говорили только о хлопчатобумажныхъ товарахъ. Но иноземцы тоже торгуютъ въ Китаѣ своими шерстяными тканями. Эта отрасль торговли ни въ чемъ не

конкурируетъ съ Китайцами, не имѣющими собственной шерстяной промышленности. Прежде, до знакомства съ русскими сукнами и другими нашими шерстяными тканями, китайскіе рынки пользовались тибетскими шерстяными издѣліями. Наши ткани быстро подавили тибетскій ввозъ. Потомъ, уже съ 1840 годовъ, въ Китаѣ появились намъ конкуренты въ издѣліяхъ голландскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, да и французскихъ. Но несмотря на такое обиліе предложений, наши сукна остались на китайскихъ рынкахъ побѣдителями. И по сію пору тамъ нѣтъ имъ соперниковъ; всѣ подражанія имъ остаются безуспѣшными*. Однакожь, несмотря на то, между Китайцами покупателей на наши сукна стало менѣе, подобно тому какъ съ каждымъ годомъ очень сокращаются между нами покупки тоже на всѣ шерстяныя ткани Англичанъ и остальныхъ иностранцевъ. Тутъ причина одна и та же: дороговизна ихъ, и въ особенности нашего мериносовскаго сукна. Покупателей ихъ должно искать между богатыми Китайцами, цифра которыхъ прогрессивно уменьшается.

Точно то же самое должно сказать и про наши лучшие товары, давно вздорожавшіе и у насъ. Въ прежнія времена они пользовались большимъ сбытомъ въ Китаѣ. На нихъ тамъ нѣтъ конкуренціи ни съ какой стороны, а между тѣмъ требованія на нихъ ослабли. Если большинство Китайцевъ нѣтъ видятъ необходимость имѣть хорошаго холста одѣться въ сѣрый шерстингъ, то по карману ли имъ заботиться о нѣмъ?

Впрочемъ для успокоенія алармистовъ, бросимъ бѣгло сравнительный взглядъ до какой мѣры сбытъ въ Китаѣ сукна, этого главнѣйшаго и самаго дорогаго продукта въ нашемъ вывозѣ, сократился въ послѣдніе годы. Начнемъ съ эпохи 1840 годовъ, когда былъ наибольшій вывозъ нашего сукна чрезъ Кяхту.

* Въ исходѣ прошлаго декабря, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ торговыхъ свѣдѣніяхъ изъ Тяньцзина, отъ 22го октября, было сказано что наши русскія сукна остаются безъ спроса, ибо поддѣланное въ Германіи сукно подъ фирмой Бабкиныхъ вытѣсняетъ съ рынка наше сукно. Но по корреспонденціи оттуда же къ намъ, отъ 27го октября, мы видимъ что то поддѣланное сукно ниже всякой несправедливости, оттого и не можетъ быть соперникомъ нашимъ сукнамъ.

Средній годовою отлускъ сукна чрезъ Кяхту въ Китай былъ:

Въ 1841—1845 годахъ 1.867.903 аршина.

„ 1846—1851 „ 1.329.627 * „

Нельзя не признать что эти цифры преувеличены, что въ оба показанныя пятилѣтія ежегодный отлускъ не превышалъ, считая по большей мѣрѣ, одного милліона аршинъ. Извѣстно что въ тѣ времена, при искусственной регламентаціи торговли, любящей свободу, въ Кяхтѣ спекулировали предъявленіями въ таможенъ отлуска сукна, безъ дѣйствительнаго его отлуска въ Китай. Оттого и случалось нерѣдко что одна и та же партія сукна записывалась въ таможенной книгѣ по два раза. Кстату сказать что на основаніи нашихъ разчетовъ, о которыхъ теперь было бы неумѣстно говорить, мы имѣемъ основанія считать 1.400.000 аршинъ русскаго сукна близкими къ нормальному спросу на рынкахъ въ Китаѣ въ года его нормальнаго благосостоянія.

Въ 1856—1861 годахъ средній годовою отлускъ нашего сукна чрезъ Кяхту въ Китай уже былъ только 799.209 аршинъ. Такое уменьшеніе, какъ хорошій барометръ, указываетъ на то какъ чувствительно было поколеблено благосостояніе Китая бѣдствіями внутреннихъ мятежей, первымъ англо-французскимъ наладеніемъ разорившимъ Кантонъ, и потомъ вторымъ вторженіемъ Англо-Французовъ уже въ сѣверный Китай, когда было истреблено на милліарды сокровищъ, вмѣстѣ со знаменитымъ за Пекиномъ дворцомъ Юань-минъ-юанемъ.

Наконецъ еще чрезъ десятилѣтіе, мы видимъ изъ вышеприведенной нами таблицы о ввозѣ и вывозѣ товаровъ между Китаемъ и Россіей что всего было вывезено въ Китай нашего сукна:

Въ 1870 году 810.423 аршинъ.

Въ 1871 году 776.433 аршинъ.

Эти цифры составляютъ около 58% и 55½% признаваемого нами нормальнаго спроса на китайскихъ рынкахъ нашего сукна. Онѣ еще не столь плачевны чтобъ, опираясь на нихъ, ставить нашу торговлю въ Китаѣ на порогъ паденія.

Второе невыгодное условіе русско-китайской торговли авторъ *Очерковъ* видитъ въ томъ что наши торговцы не господства рынка и находятся въ зависимости отъ болѣе сильныхъ

* См. *Московскія Вѣдомости* 1874 года, № 140.

торговых дѣятелей. На бесплорное его замѣчаніе что не нашими торговцами управляются рынки въ Ханькоу и въ Тяньшичѣ, мы спросимъ, гдѣ въ иномъ мѣстѣ по русско-китайской торговлѣ наши торговцы бывали, или могли быть таковыми обладателями, господами рынка? Не въ Кяхтѣ ли? Кому извѣстно что встарину, до 1860 годовъ, когда Кяхтинскій рынокъ былъ построенъ, какъ мы замѣтили выше, на искусственной регламетанціи, его управление зависѣло не столько отъ нашихъ торговцевъ, сколько отъ маймайченскихъ Китайцевъ. При всегдашнемъ нашемъ спросѣ чая только въ Кяхтѣ, какъ единственномъ тогда рынкѣ для насъ, цѣны на него наибольшимъ образомъ устанавливались сообразно съ болѣе или меньшею массой его привоза изъ Китая; а количество сего привоза находилось въ полной зависимости отъ маймайченскихъ Китайцевъ, и окончательныя цѣны на чай келейно опредѣлялись въ дружныхъ стачкахъ всѣхъ маймайченскихъ конторъ. Съ другой стороны, цѣнка нашихъ мануфактурныхъ, пушныхъ и другихъ товаровъ, въ промѣнѣ а которые наши Кяхтинцы только и могли приобрѣтати китайскіе товары, въ полной мѣрѣ зависѣла отъ степени проса ихъ тѣми же самыми конторами въ Маймайченѣ, которыя, въ тѣхъ же келейныхъ стачкахъ, обыкновенно и регулировали размѣры своего спроса, только бы сбить цѣны. Подобныя явленія невозможны на такомъ крупномъ рынкѣ какъ Ханькоускій. Между покупателями тамъ не одна горсть русскихъ, а толпа иноземцевъ. Никакихъ регламентацій, налагающихъ ихъ расчеты, тамъ нѣтъ. Никто изъ нихъ не обязанъ покупать чай въ промѣнѣ на свои товары; всѣ операціи оканчиваются уплатой серебромъ. И никого изъ нихъ ничто не можетъ обязывать приобрѣсти чай непременно на Ханькоускомъ рынкѣ. Въ точно такой же мѣрѣ и сами Китайцы, продавцы чая, вполне свободны продать ли свои товары въ Ханькоу, или же переслать ихъ въ другіе рынки. Этому мы видимъ часто повторяющіеся размѣры въ леремѣщеніяхъ многихъ тысячъ партій чая изъ Ханькоу на Шанхайскій рынокъ, въ чаяніи найти тамъ каждую иноземцами болѣе щедрыхъ покупателей. Кромѣ того, находясь не вдали, какъ бывало въ Кяхтѣ, а въ самомъ центрѣ чайнаго царства, иноземцы безъ затрудненій, со дня на день, могутъ слѣдить за всѣми благопріятными или неблагоприятными вліяніями на сборъ чайнаго матеріала, вслѣд-

ствіе чего имъ болѣе не могутъ угрожать ни стачки, ни частныя спекуляціи, и не трудно заранѣе предвидѣть твердость или слабость настроенія рынка. Потому установленіе рыночныхъ цѣнъ не зависитъ отъ предписаній влиятельнѣйшихъ фирмъ китайскихъ или иноземныхъ, а совершается естественнымъ путемъ какъ продуктъ общаго голоса на рынкѣ. Этотъ голосъ складывается изъ суммы большаго или меньшаго спроса на известныя партіи чая и изъ большаго или меньшаго предложенія его и, наконецъ, изъ самаго достоинства чая. Первое и второе условія являются на рынкѣ извѣстны, отъ покупателей и отъ продавцовъ; а для опредѣленія достоинства чая, товара столь дорогаго и столь деликатнаго, на рынкѣ есть эксперты. Эти эксперты не суть какія-либо привилегированныя лица, по большей части они сами покупатели чая. По крайней мѣрѣ между нашими торговцами, въ каждой ихъ конторѣ есть свой русскій экспертъ чая. Недавно умершій Е. Е. Окуловъ считался въ Ханькоу первымъ экспертомъ, лучшимъ и замѣчательнымъ знатокомъ чая между всѣми тамошними экспертами. Нынѣ однимъ изъ лучшихъ экспертовъ въ Ханькоу по справедливости считается А. Л. Родіоновъ. По соображеніямъ спроса и предложенія на чай, и сколько и какого качества чая требуется для своей конторы, руководствуясь своею экспертизой, контора покупаетъ у Китайцевъ тѣ или другія партіи чая, нисколько не заботясь сколько и какъ покупаютъ чай другіе. Такимъ образомъ постулаютъ въ Ханькоу всѣ иноземцы, одинаково съ Русскими, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, безъ всякой принудительной указки съ какой бы то ни было стороны.

Наконецъ мы скажемъ и относительно третьяго неблагоприятнаго условія русско-китайской торговли, усматриваемаго авторомъ *Очерковъ Современнаго Китая*, — нашей зависимости отъ другихъ въ перевозочныхъ средствахъ для торговъ между китайскими портами. За неимѣніемъ собственныхъ судовъ, мы платимъ за перевозъ каждой тонны отъ Ханькоу до Тяньцзина столько же (11—12 ланъ, 22—24 р.), сколько стоить Англичанамъ перевозка такой же тонны груза отъ Ханькоу до Лондона. Но это скорѣе обмѣнъ услугъ чѣмъ зависимость. Мы платимъ за перевозку грузовъ; компаніи доставляютъ быструю и обезпеченную перевозку на

шихъ грузовъ. Еслибъ ихъ пароходы лишились нашихъ грузовъ, то компаніи вскорѣ забыли бы о дивидендахъ, за недостаткомъ для нихъ грузовъ осенью, когда они доставляютъ изъ Ханькоу въ Тяньцзинь почти только нашъ чай. А между тѣмъ и безъ иноземныхъ пароходовъ наши торговцы всегда нашли бы возможность доставлять въ Тяньцзинь свои грузы, хотя бы и на парусныхъ судахъ Китайцевъ.

Правда, такая перевозка грузовъ обходится слишкомъ дорого; но не должно забывать что не одни Русскіе, а всѣ иноземцы, которые не менѣ насъ перевозятъ грузовъ, даже сами компаніоны компаніи, платятъ ровно столько же. Тутъ причина не въ эксплуатаціи, а въ общей для иноземцевъ дороговизнѣ въ Китаѣ. Мы имѣемъ въ рукахъ всѣ расчеты пароходныхъ компаній въ Китаѣ; въ нихъ видны невообразимыя для Петербуржца расходы, въ платежахъ за ремятъ, содержаніе экипажа, механиковъ и прислуги, въ хозяйственной части парохода и въ особенности за каменный уголь. Мы знаемъ тоже что несмотря на высокіе фрахты и на обиліе грузовъ для пароходныхъ компаній въ Китаѣ не въ особенно цвѣтущемъ положеніи. Впрочемъ нельзя обойтись молчаніемъ что *Очерки Современнаго Китая*, въ своихъ указаціяхъ на фрахты, поставили не среднія цѣны, обыкновенно стоящія для тракта отъ Ханькоу до Тяньцзина между 8 и 7 ланями (16—14 руб.), а самыя высшія, бывающія только въ первые дни по открытіи навигаціи въ Тяньцзинь и иногда въ послѣдніе рейсы предъ ея закрытіемъ.

По сію пору мы говорили только о русской торговлѣ въ китайскихъ портахъ. Теперь посмотримъ какъ *Очерки Современнаго Китая* смотрятъ на Калганъ. Сказавъ о неблагоприятныхъ для насъ условіяхъ въ Тяньцзинѣ, они говорятъ: „Еслибы не сосѣдство Калгана, гдѣ, напротивъ, русскій ввозъ преобладаетъ надъ вывозомъ, и гдѣ слѣдовательно вырываются наличныя деньги, то всякая самостоятельность торговли Русскихъ въ Тяньцзинѣ должна была бы прекратиться, то-есть купцамъ достаточно было бы имѣть тамъ прикащиковъ для пріема слѣдуемаго имъ чая съ пароходовъ и дальнѣйшаго направленія его въ Калганъ и Кяхту.“ И наконецъ, сказавъ что Калганъ есть самый южный пунктъ Монголіи, и показавъ сравнительный расчетъ, не имѣющій точности, во что обходится доставка товаровъ въ Калганъ

по сухопутному тракту изъ Москвы, и по морскому пути изъ Лондона, тѣ же *Очерки* говорятъ что если донынѣ русскіе товары держатся на Калганскомъ рынкѣ, то лишь потому что иеземные торговые дома „не любятъ“ заниматься сухопутною, да еще караванною торговлей, мало знакомы со вкусами степныхъ покупателей, и наконецъ справедливо смотрятъ на Монголію какъ на страну которая, по бѣдлости природы, никогда не будетъ рынкомъ значительнымъ.

Все сказанное въ *Очеркахъ Современнаго Китая* относительно Калгана, по нашему мнѣнію, едва ли точно.

Русскіе нисколько и ничѣмъ не торгуютъ въ Калганѣ. Вѣсто насъ тамъ торгуютъ русскими товарами Китайцы. Туда привозятъ русскій товаръ маймайченскіе Китайцы изъ Кяхты, а оттуда же тѣ же самые Китайцы вывозятъ и продаютъ нашимъ кяхтинцамъ чай и другіе китайскіе товары. Такимъ образомъ, маймайченскіе Китайцы суть торговые посредники между нашими Кяхтинцами и калганскими Китайцами. То-есть, маймайченскіе Китайцы, по отношенію къ русскимъ торговцамъ, точно такія же третьи руки какъ и иеземцы продающіе въ Европейской Россіи чай изъ Китая. На этомъ-то основаніи мы и замѣтили въ началѣ настоящей главы что Кяхтинцы ведутъ съ Китаемъ торговлю непрямо.

Калганъ находится не въ южной оконечности Монголіи, а въ сѣверной оконечности Китая, и его нельзя назвать соседомъ съ Тяньцзиномъ, когда между ними разстояніе около 260 верстъ.

Въ Калганѣ ввозъ русскихъ товаровъ не преобладаетъ, а уступаетъ вывозу оттуда въ Кяхту китайскихъ товаровъ, следовательно тамъ и не могутъ выручаться для нашей торговли наличныя деньги. Вся русско-китайская торговля между Калганомъ и Кяхтой происходитъ только въ Кяхтѣ: покупая у маймайченскихъ Китайцевъ чай и другіе товары, Кяхтинцы выплачиваютъ имъ своими товарами, да еще приплачиваютъ монетою. Нижеслѣдующія цифры изъ вышеприведенныхъ нами таблицъ о ввозѣ и вывозѣ товаровъ между Россіей и Китаемъ показываютъ что, по непрямой торговлѣ, маймайченскими Китайцами было:

	Всего вывезено изъ Кяхты въ	Въ томъ чис- лѣ монетою на	Только однихъ товаровъ на
въ 1870 году....	2.833.858 руб.	114.781 руб.	2.719.077 руб.
„ 1871 „	2.958.347 „	273.461 „	2.684.886 „

и было:

	Всего вывезено изъ Калгана въ	Въ томъ чис- лѣ мопетой на	Только однихъ товаровъ на
въ 1870 году....	3.640.456 руб.	"	3.640.456 руб.
, 1871	2.970.394 .	"	2.970.394 .

Отсюда явствуетъ что, сравнительно съ вывозомъ изъ Кяхты, ввозъ туда товаровъ изъ Калгана болѣе или менѣе преобладаетъ, и именно, онъ превышалъ кяхтинскій вывозъ въ 1870 году слѣшкомъ на 25%, и въ 1871 году почти на 10%.

Въ противоположность словамъ *Очерковъ Современнаго Китая*, до настоящую пору не можетъ быть и рѣчи о существованіи въ Калганѣ самостоятельной русской торговли. Ея нѣтъ тамъ. И не въ Тяньцзинѣ, какъ говоритъ авторъ, а именно въ Калганѣ, мы не только что можемъ довольствоваться, а въ дѣйствительности только и довольствуемся по сію пору такими своими конторами которыя озабочены не торговлей, а лишь приѣмомъ доставляемыхъ грузовъ чая изъ тяньцзинскихъ русскихъ конторъ для дальнѣйшаго ихъ отправления въ Кяхту.

Русскіе товары привлекаются въ Калганъ уже второе столѣтіе. Этотъ городъ представляетъ собой единственный обширный рынокъ въ Китаѣ для сбыта русскихъ товаровъ. Явленіе что иноземцы не торгуютъ въ Калганѣ, мы несомнѣнно объясняемъ ихъ нелюбовью къ сказанному рынку. Известно что торговцамъ не очень-то свойственна платоническая любовь; у нихъ все разчитано на матеріальныхъ выгодахъ. Они не торгуютъ въ Калганѣ оттого именно что въ Калганѣ своего товара тамъ покупать имъ нечего: самъ Калганъ не производитъ ничего, а везти оттуда чай или иные товары, приобретенные самими Калганцами въ Ханькоу, Фуцжоу или въ другихъ мѣстностяхъ своей страны, конечно обошлось бы иноземцамъ дорого въ покупкѣ и дорого въ перевозкѣ въ путь обратный, назадъ въ мѣстные порты. Несомнѣнно что иноземцы имѣютъ всѣ способы хорошо провѣдать что Монголія, равно какъ и другія степныя страны въ Средней Азіи, могутъ быть для нихъ болѣе или менѣе значительными рынками; при надобности въ нихъ они нашли бы и способы познакомиться съ нуждами и со вкусомъ тѣхъ степняковъ; но весь тормазъ для иноземцевъ состоитъ единственно въ томъ что они не способны заняться караванною

торговлей, удивляясь и завидуя способностямъ къ ней Русскихъ.

Такимъ образомъ изъ отвѣта нашего видно что сами Русскіе не торгуютъ въ Калганѣ, хотя его рынокъ и наполненъ товарами изъ Россіи. Хотя ввозъ въ Калганъ нашихъ товаровъ и вывозъ оттуда китайскихъ товаровъ въ Кяхту выражаютъ собой довольно крупную цифру торговой дѣятельности, однако же, повторяемъ съ чувствомъ сожалѣнія, такъ дѣятельность всецѣло принадлежитъ не русскимъ, а китайскимъ торговцамъ. Русскіе дѣятели остаются внѣ Калганскаго рынка, въ Кяхтѣ. Русскія конторы въ Калганѣ только изрѣдка, такъ-сказать случайно, продаютъ тамъ по нѣскольку кусковъ сукна, плица и т. п. и покупаютъ для перевязки чайныхъ ящиковъ лоповы и веревки.

Столь явное сиротство Русскихъ въ Калганѣ несомнѣнно бросится въ глаза каждому заботящемуся о преуспѣваніи нашей торговли въ Китаѣ, когда извѣстно что Калганцы только и ждутъ ввоза русскихъ товаровъ на ихъ рынокъ, только и ждутъ покупокъ у нихъ товаровъ для Кяхты; когда извѣстно что уже съ 1862 года въ Калганѣ учреждены наши коммерческія конторы; когда извѣстно и то что представители тѣхъ конторъ, видя должно-быть стѣсненія для своей торговли, жаловались, вмѣстѣ съ Кяхтинцами, на тяжкій для нихъ тормазъ въ заключенныхъ нами съ китайскимъ правительствомъ условіяхъ въ 1862 году о русско-китайской сухопутной торговлѣ. Въ тѣхъ условіяхъ между прочимъ было опредѣлено что изъ Кяхты наши товарные караваны должны проходить непремѣнно только по одному тракту, и именно черезъ Калганъ прямо въ портъ Тяньцзинь; и, въ случаѣ желанія караванныхъ старшинъ, они могутъ для продажи оставлять въ Калганѣ не болѣе какъ одну пятую часть изъ всего количества товаровъ, а все остальное должны доставить въ Тяньцзинь. Такими ограниченіями китайское правительство дѣйствительно успѣшно достигало того чтобы Калганъ былъ закрытъ для продажи товаровъ нашими торговцами; руки нашихъ торговцевъ настолько были связаны что не могли принять отъ Калганцевъ заказовъ на значительные грузы русскихъ товаровъ. Однакожъ извѣстно что жалобы нашихъ торговцевъ были уважены. Благодаря новымъ условіямъ о той же сухопутной торговлѣ, заключеннымъ съ

китайскимъ правительствомъ въ 1869 году генераломъ Влангелю, вышесказанное ограниченіе, о размѣрѣ оставленія въ Калганѣ товара, было вычеркнуто. Нашимъ торговцамъ былъ предоставленъ полный просторъ, по ихъ усмотрѣнію, оставлять въ Калганѣ произвольное количество товаровъ. То-есть, говоря точнѣе, Калганскій рынокъ сталъ для насъ открытъ почти настолько же какъ Тяньцзинскій.

Но несмотря и на такое благопріятное освобожденіе русской торговли отъ неволи въ Калганѣ, мы однакожь видимъ что и теперь, уже по прошествіи пяти лѣтъ, тѣ же самые наши торговцы, словно забывъ свои жалобы, не воспользовались даннымъ имъ правомъ, и, вмѣсто обещанныхъ ими коммерческихъ дѣлъ на Калганскомъ рынкѣ, попрежнему почти ничѣмъ не торгуютъ тамъ, держа свои конторы, какъ мы упоминали выше, собственно для того только чтобы на началахъ комиссіонныхъ принимать присылаемые изъ Тяньцзина наши грузы чая, для пересылки ихъ до Кяхты.

Такимъ образомъ русскіе торговцы чуждаются Калганскаго рынка. Люди мало знакомые съ обстоятельствами и съ условіями торговли иноземцевъ въ Китаѣ, видя такое отчужденіе наше отъ Калгана, обыкновенно и прежде всего склонны обвинять русскихъ дѣятелей въ апатіи и равнодушіи къ ихъ собственнымъ интересамъ. Въ корреспонденціяхъ въ наши калганскія конторы изъ Россіи упрекаютъ ихъ и въ томъ что, держась рутинны торговать въ Кяхтѣ, наши торговцы не хотятъ, будто бы, завязать непосредственныхъ коммерческихъ дѣлъ на столь бойкомъ рынкѣ какъ Калганъ, чѣмъ и теряютъ значительную часть своихъ прибылей въ пользу Калганцевъ, упускаютъ изъ рукъ крупную долю прямой торговли съ Китаемъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ наслушавшись подобныхъ голословныхъ упрековъ, мы невольно пришли къ сомнѣніямъ, побудившимъ насъ разобратъ насколько эти упреки действительно имѣютъ подъ собой почву. Не столь же тяжелы на подъемъ наши соотечественники чтобы топтать ногами представляющіяся имъ прибыли въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Напротивъ, мы видимъ образцы замѣчательной подвижности нашихъ торговцевъ въ томъ, напримѣръ, что они охотно живутъ и торгуютъ на китайскихъ рынкахъ значи-

тельно болѣе отдаленныхъ, даже въ знойномъ Фучжоу, даже въ горныхъ ущельяхъ на своихъ чайныхъ фабрикахъ. Мы знаемъ тоже что на тѣхъ рынкахъ и фабрикахъ наши соотечественники не мало потрудились и трудятся чтобы добывать себѣ способы къ коммерческой дѣятельности; а труды ихъ очень производительны и въ ихъ дѣлахъ заинтересованы миллионы капиталовъ. А видя и зная то и другое, нельзя не заключить что въ нашихъ торговцахъ нѣтъ недостатка въ энергiи, и конечно охотѣе и скорѣй, чѣмъ въ отдаленныхъ портахъ, они стали бы торговать въ ближайшемъ къ Сибири рынкѣ, въ Калганѣ, который для нихъ, наконецъ, почти столько же открытъ какъ и китайскiе порты; гдѣ ихъ, повидимому, ожидаетъ уже изстари готовый спросъ на наши товары; гдѣ, повидимому, можно съ такими же почти удобствами покупать партii чая, какъ и въ Ханькоу; гдѣ имъ, повидимому, легко войти въ личные сношенiя съ Китайцами, обыкновенно умѣющими говорить на кяхтинско-китайскомъ нарѣчii; наконецъ, гдѣ телерь, предъ глазами нашихъ конторъ, стекаются явныя прибыли въ карманы Китайцевъ за русскiе товары, продаваемые ими, а не нами. Потому естественно ли допустить чтобы наши торговцы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ которые уже давно и постоянно живутъ въ Калганѣ, при своихъ коммиссионерскихъ занятiяхъ имѣя достаточно свободнаго времени, имѣя и капиталы изрядные, оставляли свои собственныя выгоды безъ всякаго вниманiя, не покупая въ Калганѣ китайскихъ товаровъ и не продавая тамъ русскихъ товаровъ, безлечно предоставивъ то и другое, даже безъ посредничества своего, взаимнымъ сдѣлкамъ между Китайцами калганскими и майтаченскими въ Кяхтѣ, точно также какъ бывало и въ старое время, до заключенiя въ 1860 году нашего дополнительнаго договора въ Пекинѣ.

Что жъ, и въ самомъ дѣлѣ, наши торговцы за враги своимъ собственнымъ разчетамъ? А это сомнѣнiе приводитъ къ вопросу, нѣтъ ли причинъ вслѣдствiе которыхъ Русскiе отчуждаются не сами, а отчуждены другими отъ дѣятельнаго участiя на Калганскомъ рынкѣ?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ, вспомнимъ что Калганскiй рынокъ представляетъ собой складъ куда въ огромныхъ массахъ ввозятся товары изъ Россiи для всего

Китая, и товары изъ всего Китая для Россіи, и обратимъ вниманіе на то кто управляетъ этимъ рынкомъ.

По сію пору единственные представители Калганскаго рынка суть не мѣстные жители, а иногородные гости, всегда изъ губерніи Шаньси. Шаньсійская губернія, изрѣзанная горами, весьма бѣдна мѣстными произведеніями. За то она весьма богата тѣмъ благомъ что ея жители отличаются предъ всѣми остальными Китайцами необыкновенною способностью къ торговлѣ. Это, можно сказать, Евреи въ китайской кожѣ. Главные принципы въ ихъ торговой дѣятельности: пользоваться малымъ барышомъ; жить безъ всякихъ излишествъ; не принимать ни компаньоновъ, ни прикащиковъ, ни даже работниковъ не земляковъ своихъ, не Шаньсійцевъ; вести дѣла своей фирмы во всегдашнемъ секретѣ. Шаньсійцы никогда не торгуютъ въ одиночку, а непременно въ товариществахъ; новыхъ къ себѣ товарищей принимаютъ только изъ среды прикащиковъ своей фирмы, послѣ продолжительныхъ услугъ, часто тяжелыхъ и голодныхъ. Многія ихъ товарищества организованы въ колоссальныхъ размѣрахъ; такъ, нерѣдко встрѣчаются между ними фирмы съ сотнями, даже около тысячи товарищей, съ капиталами въ нѣсколько десятковъ миліоновъ рублей. Есть фирмы существующія по триста, четыреста лѣтъ. Сильныя своими средствами, ихъ фирмы кромѣ того и могущественны, благодаря вліянію извнѣ, главнымъ образомъ изъ Пекина, гдѣ у каждой непременно есть нѣсколько высокопоставленныхъ, тайныхъ покровителей, лично заинтересованныхъ въ прибыляхъ фирмы. Пользуясь возможностью покупать въ Китаѣ чины, сами товарищи фирмы часто приобрѣтаютъ высшіе ранги чиновъ (безъ связанныхъ съ ними служебныхъ обязанностей), и тѣмъ еще тверже упрочиваютъ свое вліяніе. Борьба съ такими титулованными становится не равною; въ полиціи и въ судѣ она причиняетъ много заботъ. Такъ, недавно, исправникъ одного изъ уѣздовъ Шаньсійской губерніи, жалуясь губернатору на самоуправство жителей его уѣзда, рапортовалъ: дайте мнѣ званіе по крайней мѣрѣ генералъ-губернатора чтобъ я могъ справляться съ мѣстными богачами, накулившими себѣ званія генераловъ, областныхъ правителей и т. п. Эти шаньсійскія фирмы суть главнѣйшіе представители богатства и движенія капиталовъ во всей Китайской Имперіи. Только въ ихъ

рукахъ находятся банкирскія конторы, разсѣяныя во множествѣ по всему государству, и точно также они монополисты всѣхъ конторъ для заклада движимостей, безъ помощи чего не обходится ни одинъ Китаецъ. Каждому Китайцу хорошо извѣстно что если кто-либо изъ не Шаньсйцевъ учредитъ ту или другую изъ вышеназванныхъ конторъ, то тотъ скорѣе будетъ неоплатнымъ банкротомъ, благодаря тайнымъ и явнымъ интригамъ со стороны монополистовъ. Кредитъ въ Китаѣ развитъ на самыхъ широкихъ началахъ: между шаньсйскими торговцами разныхъ фирмъ деньги рѣдко переходятъ изъ рукъ въ руки; платежи исполняются простыми памятнымъ залисками, которыя, подобно векселямъ, принимаются и дисконтируются въ банкахъ во всей Имперіи. Банкротства между ними весьма рѣдки, при поддержкѣ одной фирмы другою или нѣсколькими вмѣстѣ. Гдѣ водворится одна, двѣ шаньсйскихъ фирмы, тамъ чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ выгодныя отрасли мѣстной торговли непремѣнно переходятъ въ ихъ руки и наконецъ та мѣстность называется шаньсйскими торговцами. Въ каждомъ городѣ, селѣ, посадѣ, гдѣ Шаньсйцы завладѣли мѣстною торговлею, всѣ ихъ фирмы непремѣнно соединяются въ плотную, дружную корпорацию съ выборными старшинами, которые и руководятъ въ общую пользу корпорациі всѣми интересами рынка. Всѣ неприкосновенныя къ ихъ корпорациі оказываются излишними дѣлателями рынка и капиталамъ ихъ будетъ грозить опасность, если они замыслятъ бороться съ такою силой.

Такимъ образомъ въ сѣверномъ Китаѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, Тяньцзина, почти вся оптовая торговля и даже многія отрасли въ мелочной промышленности давно сдѣлались какъ бы крѣпостною собственностью Шаньсйцевъ. Если они и встрѣчаются иногда съ неопасными соперниками, то только въ жителяхъ изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, тоже гористыхъ и бѣдныхъ мѣстными произведеніями, въ Шаньдунской губерніи. Всѣ пограничныя съ Монголіей города и безъ исключенія всѣ внѣшнія владѣнія Китая находятся въ полномъ распоряженіи шаньсйскихъ торговцевъ. Наши Кяхтинцы никогда прежде, какъ и теперь, не видывали у себя иныхъ Китайцевъ кромѣ Шаньсйцевъ.

Съ самаго основанія русско-китайской торговли, завладевъ всѣми торговыми дѣлами въ кяхтинскомъ Магмайченѣ, Шаньсйцы столь же давно стали полными властелинами оптовой

торговли русскими товарами въ Калганѣ. Ихъ конторы въ Кяхтѣ и въ Калганѣ, словно двойники, заинтересованы одними и тѣми же операціями: покулатъ въ Кяхтѣ русскіе товары для Калганскаго рынка и заказывать внутри Китая партіи чая и другихъ товаровъ для Калгана же, съ назначеніемъ сбыта ихъ въ Кяхтѣ. Въ Калганѣ и въ кяхтинскомъ Маймайченѣ этой торговлей заняты нѣсколько очень крупныхъ шаньсійскихъ фирмъ, и онѣ настолько сильны что вліяютъ своей корпораціи задавать каждому кто захочетъ вмѣшаться въ ихъ дѣла, кто захочетъ заявить предъ ними соперничество.

Вотъ въ какихъ рукахъ находится Калганскій рынокъ. А мы хотимъ чтобы на этомъ же самомъ рынкѣ горсть нашихъ дѣателей водворила и свои коммерческія дѣла. Равна ли будетъ ихъ борьба? И не въ этомъ ли скрывается главнѣйшая причина что наши капиталисты по настоящую пору чуждаются вегостеприимнаго Калгана? И напрасно было бы предполагать что наши торговцы никогда не заботились и не заботятся торговать въ Калганѣ. Но по сію пору ихъ попытки и усилія были тщетны, встрѣчая тайныя противоудѣствія со стороны мѣстныхъ монополистовъ.

Какъ же, наконецъ, достигнуть того чтобы наши торговцы, получивъ уже всѣ права свободно торговать въ Калганѣ, дѣйствительно могли свободно торговать тамъ; чтобы тамошніе Шаньсійцы ни подпольными, ни явными путями не могли быть для насъ опасны; чтобы въ Калганѣ мы перестали быть праздными зрителями, какъ ввозимые изъ Кяхты русскіе товары переходятъ изъ рукъ въ руки между китайскими торговцами, помимо нашего въ томъ участія, помимо нашихъ прибылей съ рынка; чтобы тоже мы перестали быть въ Калганѣ напрасными зрителями, когда десятки тысячъ мѣстъ чая оттуда посылаются на продажу въ Кяхту; чтобы мы наравнѣ съ Шаньсійцами господствовали на Калганскомъ рынкѣ?

На всѣ эти вопросы, вытекающіе изъ одного общаго началъ, можно дать одинъ отвѣтъ. Надобно чтобы калганскіе Шаньсійцы лишились способовъ торговать въ Кяхтѣ. А для этого единственное средство въ томъ чтобы Кяхтинцы отказались локулатъ товары у маймайченскихъ Китайцевъ. Калганъ выросъ на торговлѣ съ Русскими и онъ не оставитъ этой торговли. Потерявъ возможность про-

давать свой чай и другіе товары въ Кяхтѣ, Шаньсійцы уже сами предлагаютъ ихъ купить нашимъ торговцамъ въ Калганѣ. Потерявъ возможность продавать свои товары въ Кяхтѣ, ихъ конторы въ кяхтинскомъ Маймайченѣ будутъ обезоружены; у нихъ не станетъ ни денегъ, ни кредита, они будутъ не въ состояніи покупать въ Кяхтѣ русскіе товары. А между тѣмъ наши товары необходимы на Калганскомъ рынкѣ, оттого въ Калганѣ же Шаньсійцы станутъ просить русскихъ товаровъ у нашихъ торговцевъ. Такимъ образомъ, но мнѣнію нашему, роли переменяются: мы поставимъ себя въ Калганѣ столь же твердо какъ по сію пору въ Кяхтѣ стоятъ маймайченскіе Китайцы.

То-есть, всѣ условія вытекающія изъ нашего отвѣта исполнятся въ томъ случаѣ еслибы послѣдовало прекращеніе русско-китайской торговли въ Кяхтѣ; когда Кяхтинцы перенесутъ въ Калганъ центръ своей торговой дѣятельности, вмѣстѣ со своимъ капиталомъ.

Впрочемъ, слѣшимъ оговориться, мы далеко не сторонники такой ломки. Мы убѣждены что всякая понудительность можетъ быть только въ ущербъ той же русско-китайской торговли. Вмѣсто сего не лучше ли весь ходъ этой торговли предоставить своей собственной инициативѣ; несомнѣнно что она сама найдетъ наивыгоднѣйшіе пути. Всякая во всю суть торговли въ Кяхтѣ, о которой въ нашихъ очеркахъ говорить было бы неумѣстно, мы отчетливо понимаемъ что для тамошнихъ дѣятелей представляются особые разчеты не сдвигаться со своего мѣста, пользуясь всѣми уже приспособленными удобствами для своей торговой дѣятельности. Въ Кяхтѣ они могутъ со всѣми удобствами помѣщать свой капиталы и въ другія промышленныя предпріятія, въ чемъ Сибирь такъ много нуждается. Къ тому же Кяхтинцы нисколько не враги и не соперники, а друзья и братья нашихъ торговцевъ внутри Китая. Одни другимъ взаимно помогаютъ. И дѣйствительно, кромѣ того что почти всѣ кяхтинскіе торговые дома своими капиталами болѣе или менѣе участвуютъ тоже и въ дѣятельности нашихъ торговыхъ фирмъ внутри Китая; кромѣ того что теперь Кяхтинцы получаютъ отъ своихъ сотоварищей изъ Китая, почти еженедѣльно, самыя подробныя свѣдѣнія о рыночныхъ дѣлахъ въ китайскихъ портахъ и въ Калганѣ на мѣстные и на русскіе товары, оттого уже и не поддаются

эксплуатации со стороны Шаньсийцевъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, чевъ производительно содѣйствуютъ нашимъ конторамъ въ Китаѣ прямымъ путемъ, помогая имъ сбывать свои товары Китайцамъ. Такъ, находясь не у себя дома, въ такихъ китайскихъ портахъ гдѣ спросъ на русскіе товары обыкновенно не великъ, будучи окружены иностранцами, конечно заботящимися о сбытѣ на мѣстныхъ рынкахъ своихъ товаровъ, эти фирмы, благодаря Кяхтинцамъ, не только нисколько не унываютъ, а даже очень охотно выписываютъ изъ Россіи капиталы, да арендуютъ чайныя фабрики, оттого и пользуются прибылями въ приобрѣтеніи китайскихъ товаровъ изъ чужихъ рукъ. А не унываютъ они потому собственно что регулярно получаютъ отъ Кяхтинцевъ извѣстія о продажѣ таймайченскимъ Китайцамъ имъ принадлежащихъ суконъ, лисовъ, пушныхъ и другихъ товаровъ. Такимъ образомъ, благодаря взаимнымъ услугамъ въ Кяхтѣ и въ китайскихъ портахъ, благодаря рынку въ Калганѣ, наши конторы въ Китаѣ нисколько не жалуются на коммерческія невзгоды; онѣ не въ убыткахъ отъ частыхъ покупокъ чая не взамѣвъ своего товара, а на деньги, хотя, безъ сомнѣнія, и желаютъ дождаться лучшихъ временъ въ Китаѣ, когда русскій товаръ пойдетъ тамъ требоваться шибче.

Изъ всего сказаннаго нами о Калганѣ, явствуетъ что *Зеркало Современнаго Китая*, въ заботахъ о будущности этого рынка, забыли его современное положеніе, когда на немъ нисколько не торгуютъ Русскіе, когда Калганскій рынокъ наполняется русскими товарами не изъ русскихъ конторъ, а Шаньсийцами изъ нашихъ кяхтинскихъ складовъ.

Впрочемъ, обозрѣвая русско-китайскую торговлю въ Ханьчжоу, въ Тяньцзинѣ и въ Калганѣ, авторъ сознается что не образъ болѣе полныхъ цифръ. Полагаемъ что такой недостатокъ данныхъ одна изъ главныхъ причинъ ложныхъ заключеній автора о незначительности и о шаткости русско-китайской торговли. Принимая, впрочемъ не точно, 11¹/₂ милл. руб. за цифру ежегоднаго оборота въ русско-китайской прямой торговлѣ, онъ признаетъ ея незначительность для Россіи, въ общемъ итогѣ 270 милліоновъ рублей всего ежегоднаго оборота по внѣшней торговлѣ Китая. Далѣе, онъ видитъ убытки въ торговомъ балансѣ, такъ какъ вслѣдствіе значительнаго

перевѣса нашего вывоза изъ Китая надъ привозомъ въ Китай нашихъ товаровъ, мы много прилачиваемъ Китайцамъ монетою, обходящейся намъ дорого, при постоянномъ колебаніи нашего денежнаго курса.

Находя такія заключенія не вполне въ соответствіи съ дѣйствительностью, сдѣлаемъ опытъ поставить въ истинномъ свѣтѣ русско-китайскую торговлю.

Чтобы видѣть сколь велики коммерческія сношенія Россіи съ Китаемъ, возьмемъ для примѣра цифры изъ нашихъ таблицъ за 1871 годъ, о ввозѣ товаровъ изъ Россіи въ Китай и вывозѣ ихъ изъ Китая въ Россію.

Изъ нихъ видно что годовой оборотъ по торговлѣ прямой и по торговлѣ непрямой въ Кяхтѣ, то-есть вообще чрезъ русскія руки, простирался до $10\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Изъ нихъ же видно что въ томъ году было ввезено въ Россію иноземцами чрезъ европейскую границу почти столько же пудовъ чая какъ и русскими торговцами чрезъ границы европейскую и азіатскую. Пользуясь такимъ случайнымъ равенствомъ, примемъ, что, полагаемъ, не будетъ далеко отъ дѣйствительности, такіе же $10\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей за цифру искомаго оборота иноземцевъ. Такимъ образомъ оказывается что въ 1871 году всего по коммерческимъ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ было оборотовъ на 21 милліонъ рублей.

Эта цифра нисколько не мелка въ нашихъ глазахъ.

Такимъ выводомъ мы хотѣли показать что торговля Россіи съ Китаемъ, по дѣятельности въ ней русскихъ торговцевъ, сравнительно съ другими нашими оборотами по внѣшней торговлѣ, никакъ не можетъ быть поставляема на заднемъ планѣ, хотя безъ сомнѣнія въ виду огромныхъ массъ чая доставляемыхъ въ Россію иноземцами, нельзя не выразить желанія чтобы дѣятельность русскихъ торговцевъ въ Китай становилась обширнѣе и обширнѣе. Впрочемъ, оглядываясь назадъ на послѣднее десятилѣтіе, когда, какъ мы показали выше, по прямой нашей торговлѣ ввозъ чая изъ Китая въ Россію возросъ всемеро, мы, повидимому, имѣемъ нѣкоторыя болѣе или менѣе свѣтлыя надежды. Но для осуществленія ихъ недостаточно одной энергіи русскихъ торговцевъ; требуется еще многое. Прежде всего, пусть Китайцы разбогачивутъ, тогда она и расширять требованіе на наши товары. Предметы нашего ввоза въ Китай должны значительно умножиться своими

азнообразіемъ, безъ чего однимъ сбытомъ суконъ, пливовъ, а пушнаго товара намъ не накопить лишнихъ милліоновъ баланса. Способы нашихъ сообщеній съ Китаемъ на сушѣ должны укоротиться, улучшиться и удешевиться, для чего необходимы желѣзные и шоссированные пути и каналы. Способы нашихъ сообщеній чрезъ океаны должны также придти къ лучшимъ условіямъ, при пособіи коммерческаго флота. Нужна стойкость нашей монетной единицы. Нужны наши банки и страховыя учрежденія на крайнемъ Востока. Нужны наши... Впрочемъ мы оласаемся власть въ витіеватость восточной озаці; боимся сказать слишкомъ много. Однакожь должно казать что уже и теперь намъ значительно легче торговать съ Китаемъ. Вспоминая старыя времена, когда у насъ царилъ искусственная система для торговли съ Китаемъ, и сравнивая ихъ съ настоящими коммерческими сношеніями съ той же страной, дѣйствительно нельзя не признать что въ тѣхъ ихъ преуспѣванія мы идемъ успѣшно и не шатко, а вердою ногой, благодаря въ особенности инициативѣ нашего правительства. Оно въ значительной мѣрѣ содѣйствовало содѣйствуетъ расширенію нашей торговли въ Китаѣ своими политическими и экономическими мѣропріятіями, начавшимися съ памятнаго дня 2го ноября 1860 года, когда былъ заключенъ въ Пекинѣ нашъ договоръ, и потомъ почти безстоповочно продолжающимися и по настоящее время. Будемъ надѣяться что осуществятся и другія условія необходимыя для успѣховъ этой торговли: что мы дождемся желѣзнаго пути изъ Москвы до Кяхты; заведемъ свой коммерческій флотъ въ Тихомъ Океанѣ; а благодаря всей сумѣ благъ даруемыхъ Россіи мудрымъ Преобразователемъ, мало-по-малу забудемъ наши коммерческіе тормазы. И только тогда, буде мы не уйдемъ впередъ въ нашей торговлѣ, не только въ Китаѣ, и на всемъ Востока, будетъ позволительно указывать на насъ пальцемъ, ставить намъ въ упрекъ нашу отсталость, неумѣлость, косность...

Впрочемъ, должно еще замѣтить что Россія не одна занимаетъ скромное мѣсто во вѣшной торговлѣ Китая. Нѣтъ. Знать съ ней на одной доскѣ должны быть поставлены почти всѣ другія страны, за исключеніемъ одного надъ всѣмъ возвышающагося гиганта. Говоримъ, конечно, объ Англіи. Нисколько не вдаваясь въ лабось, объ англійской торговлѣ можно казать что она есть торжище всего свѣта.

Для англійской торговли китайскіе порты суть одни изъ сотенъ ея рынковъ. Во всѣхъ коммерческихъ портахъ свѣта, во всѣхъ океанахъ, Англія обставила себя станціями, вездѣ господствуетъ ея коммерческій флагъ, вездѣ разсыяны ея капиталы. Ввозъ и вывозъ Англичанами товаровъ не принадлежитъ одной Великобританіи и не идетъ только оттуда, а принадлежитъ націямъ всего свѣта. Перевозимые ихъ коммерческимъ флотомъ товары приобрѣтаются столько же въ ихъ странѣ и для ихъ страны, сколько и для остальныхъ странъ; получаютъ то для доставки, то на комиссію, то въ свои склады, и т. л. Доставляя свои или чужіе товары въ какой-либо портъ, ихъ конторы оттуда же посылаютъ мѣстные товары въ другіе порты, и такимъ образомъ оборачиваютъ свои капиталы безконечно, не видя ихъ. Даже изъ балласта своего, особенно на каменномъ углѣ, они выручаютъ милліоны прибыли.

Дорости до такого геркулеса не легко, и было бы потераннымъ временемъ удивляться громадности англійской торговли въ Китаѣ.

Но посмотримъ какое мѣсто во внѣшней торговлѣ Китая занимаютъ Англія и всѣ остальные страны, принимающія въ той же торговлѣ участіе.

Въ 1870. Въ 1871.

Рублей и копейкой.

По внѣшней торговлѣ иностранцевъ въ открытыхъ портахъ въ Китаѣ было всего оборота. *

267.943.304 306.101.286

Въ томъ числѣ:

Торговля Великобританіи и ея колоній: въ Индіи, Австраліи, Сиагалурѣ, Канадѣ, и друг....

228.586.570 264.067.390

* Свѣдѣнія для этой таблицы мы взяли изъ ежегодныхъ статистическихъ обзорѣній Returns of trade at the treaty ports in China, издаваемыхъ генераль-инспекторствомъ морскихъ таможенъ въ Китаѣ. На дорожѣ всего болѣе отчетливостью по таможеннымъ сборамъ, это обзорѣніе иногда смѣшиваетъ, иногда соединяетъ вмѣстѣ вѣдѣнія, которые итоги оборотовъ той или другой страны. Такимъ же недостаткомъ оно страдаетъ и по отношенію къ русско-китайской торговлѣ. Оттого для послѣдней мы внесли точные итоги оборотовъ изъ вышеприведенныхъ нами таблицъ, въ которыхъ тоже включены и цифры кахтанско-кааганскихъ оборотовъ.

Торговая съ Сѣверо-Американскими Штатами.....	17.871.850	24.197.700
Торговая съ материкомъ Европы.....	7.064.926	8.693.280
Торговая съ Японіей *.....	8.384.026	6.850.904
Торговая съ Филиппинскими островами, Сиамомъ, Кохинхиной, Явой, мысомъ Доброй Надежды, Южной Америкой, Вестъ-Индіей и Суецомъ.....	3.966.094	3.363.936
Торговая съ Россіей.....	11.051.344	10.421.880

Изъ представленныхъ цифръ видно что изъ общаго итога оборотовъ всей торговли иноземцевъ въ открытыхъ портахъ въ Китаѣ, Великобританія съ колоніями занимаетъ первое мѣсто, поглотивъ въ 1870 году слѣшкомъ 85% и въ 1871 году слѣшкомъ 86% всей внѣшней торговли Китая. Послѣ ея оборотовъ, всѣ остальные не отличаются крупностію. Цифры оборотовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ занимаютъ по всей величинѣ второе мѣсто. Третье мѣсто занимаетъ торговля Россіи, которая въ оба означенные года превосходила обороты по торговлѣ въ Китаѣ всего материка западной Европы, и обороты взятыхъ вмѣстѣ остальныхъ странъ торгующихъ въ Китаѣ.

Впрочемъ, отдавая Сѣверо-Американскимъ Штатамъ первое мѣсто предъ Россіей значеніе въ торговлѣ съ Китаемъ, можно однакожь замѣтить что первые, сравнительно съ нами, гораздо болѣе оставляютъ въ Китаѣ монеты, при чрезвычайную невыгодномъ ихъ балансѣ между вывозомъ и ввозомъ товаровъ. Такъ, изъ тѣхъ же *Returns of trade* видно что Сѣверо-Американскими Штатами было:

	Въ 1870	Въ 1871
	Рублей монетою.	
Ввезено товаровъ въ Китай на.....	832.890	1.002.210
Вывезено товаровъ изъ Китая на.....	17.038.960	23.195.490
По ввозу было недобора на.....	16.206.070	22.193.280

Что сравнительно со всѣми ихъ оборотомъ по торговлѣ въ Китаѣ составляло приплату монетой: въ 1870 году на 91% и въ 1871 году на 92%.

* Крупными цифрами въ оборотахъ торговли Японіи съ Китаемъ насколько не вырѣжется дѣйствительное значеніе этой торговли, когда ввозъ и вывозъ между обѣими странами принадлежитъ болѣею частью къ транзитной перевозкѣ товаровъ и по преимуществу агайскихъ.

А въ балансѣ русско-китайской торговли, что видно изъ нашихъ таблицъ за 1870 и 1871 года, было приплаты монетой въ первомъ году на 36% и во второмъ на 28%. Такимъ образомъ, предъ Сѣверо-Американскими Штатами нашъ балансъ былъ выгоднѣе въ 1870 году на 55% и въ 1871 году на 64%.

Такимъ образомъ, ежегодно отдавая въ оборотахъ русско-китайской торговли отъ 28%—36% монетой, не будемъ сокрушаться подобными расходами, возьмемъ примѣръ высоко-промышленныхъ Американцевъ, сознавая что приливъ и отливъ звонкой монеты въ странѣ не обогащаетъ, и разоряетъ ее.

Но при такомъ взглядѣ на балансъ тѣмъ болѣе суровыми представляются предсказанія автора *Очерковъ Современнаго Китая*: „Въ случаѣ еслибы Россія была вовлечена въ войну не съ Китаемъ даже, а на Западѣ, или вообще еслибы послѣдовалъ такой рѣзкій уладокъ цѣны кредитныхъ билетовъ какъ былъ въ 1866 году, можно сказать навѣрное что русскіе торговые дома въ Ханькоу, да и вообще въ Китаѣ, не устоятъ и будутъ совершенно разорены.“ Такъ ли это? Вспомнимъ что свои *Очерки* авторъ писалъ въ 1871 году, то-есть на пятый годъ послѣ 1866го. Оттого нельзя не пожалѣть что тогда же, по свѣжимъ слѣдамъ, онъ не справился отчего не осуществилось столь суроваго предсказанія именно въ упомянутый имъ годъ рѣзкаго уладка цѣны кредитныхъ билетовъ? Что же касается до насъ, нисколько не вѣрующихъ въ такое пророчество, то мы знаемъ что въ 1866 году, при совершенномъ благополучіи нашей торговли въ Китаѣ, тамъ учредились еще и новые русскіе торговые дома. И 1867 годъ извѣстенъ Русскимъ въ Китаѣ своимъ полнымъ благополучіемъ.

Но еще мало того что русско-китайской торговлѣ предсказывается совершенное разореніе. Авторъ идетъ дальше. Взвѣсивая незначительность нашихъ ничтожныхъ 11½ милліоновъ рублей въ годовомъ оборотѣ 270 милліоновъ рублей всей внѣшней торговли иноземцевъ въ Китаѣ, онъ говоритъ: „Это же показываетъ что, на примѣръ, въ случаѣ столкновенія между двумя государствами, Китай можетъ не дорожить особенно перерывомъ торговыхъ сношеній съ нашимъ отечествомъ, и что нѣтъ возможности съ нашей стороны думать о какомъ-нибудь экономическомъ вліяніи на Среднее Царство, какъ то предполагалось нѣкоторыми еще въ 1850хъ

годахъ.“ Мы желали бы слышать отъ автора опредѣлительнѣе о какихъ именно предположеніяхъ 1850 года онъ говорить. Но прочитывая выписанныя строки, мы не знаемъ кому вѣрить, туристу ли воспитанному въ западныхъ поватіяхъ, или же Китайцамъ очень отчетливо изучающимъ свою страну. Спросимъ мы автора: дорожить ли вообще Китай сохраненіемъ торговыхъ сношеній съ иноземцами, на примѣръ въ особенности съ Англичанами, обороты которыхъ поглощаютъ слишкомъ 85% всей его внѣшней торговли? Развѣ неизвѣстно автору что Китайцы смотрятъ на экономическіе принципы въ свои собственные очки, завѣщанные имъ не нашими политико-экономами, а ихъ учителемъ Кунъ-фудзы и его послѣдователями; что правительство этой имперіи находится въ постоянномъ такъ-сказать судорожномъ напряженіи, мечтая освободиться отъ опеки надъ нимъ иноземцевъ, не жалѣя чрезъ то лишиться 20 милл. руб., нынѣ ежегодно имъ получаемыхъ въ открытыхъ портахъ таможенными сборами? Доморощенные Китайцы-экономисты убѣждены что иноземцы своею торговлею развращаютъ и разоряютъ ихъ соотечественниковъ: опіумомъ, роскошью и уничтоженіемъ мѣстной въ странѣ производительности. Эти же своеобразные экономисты убѣждены, убѣждено и правительство, что по освобожденіи ихъ страны отъ коммерческихъ услугъ иноземцевъ, она попрежнему встанетъ на здоровыя ноги, упавшая мѣстная производительность и торговля быстро оживится, и, благодаря огромности ея территоріи, съ ея природными богатствами и сотнями миллионовъ жителей, только одни внутренніе заставные сборы, даже грошовые, доставлять государственной кассѣ тѣ же самые десятки миллионовъ рублей.

Не то скажетъ каждый знакомый съ Китаемъ о значеніи для него русской торговли не со стороны моря, а со стороны нашей границы. Наша сухопутная торговля снабжаетъ Китайцевъ произведеніями для нихъ не новыми; они привыкли къ нашимъ товарамъ уже весьма давно. Наши товары не изгоняютъ съ китайскихъ рынковъ ихъ мѣстную производительность. Нашими товарами Китаецъ не отуманится какъ отъ опіума. Наша торговля, въ прибыль китайскому правительству, кормитъ значительную часть монгольскаго населенія, ежегодно давая работу сотни тысячъ его верблюдовъ въ караванной перевозкѣ нашихъ товаровъ.

Наконецъ на самое пребываніе Русскихъ, въ противоположность остальнымъ иноземцамъ всегда спокойныхъ, далекихъ отъ католической ярости пролагоды, Китайцы пріучились смотрѣть дружелюбно. Конечно китайское правительство тоже нисколько не льстится на собираемые имъ таможенные доходы съ нашей торговли; но всѣ вышеупомянутые факты, равно какъ и самый характеръ нашей сухопутной торговли, да еще наши сосѣдственныя близкія отношенія по границѣ, которая очень внушительна своими размѣрами и своимъ положеніемъ, все это взятое вмѣстѣ можетъ не побуждать китайское правительство особенно дорожить сношеніями съ нашимъ отечествомъ и поэтому дорожить и сохраненіемъ торговыхъ сношеній съ Россіей.

Но не напрасно ли мы напоминаемъ о русско-китайской сухопутной торговлѣ? *Очерки Современнаго Китая* даютъ ей весьма тѣсную роль въ нашемъ экономическомъ преуспѣваніи въ Азій. Они отвергаютъ надобность сухопутной торговли между Китаемъ и европейскою Россіей, и говорятъ что въ будущемъ она можетъ развиваться только въ предѣлахъ Монголіи, Чжунгаріи и отчасти Манчжуріи. За то они крѣпко стоятъ за наши морскія сношенія съ Китаемъ. Сказавъ что нашъ чайный рынокъ перемѣстился изъ Кяхты въ Ханькоу, авторъ продолжаетъ: „По соображенію этой перемѣны, уже въ 1869 году, когда открытіе Суецкаго канала еще только предвидѣлось, мнѣ казалось что нашимъ торговцамъ придется передвинуться на югъ, въ средоточіе чайнаго производства, губернію Фуцзянь; кажется что это передвиженіе и состоялось отчасти. Съ своей стороны я осмѣлюсь высказать какъ главную идею этихъ замѣтокъ, продолжаетъ авторъ, ту мысль что чѣмъ скорѣе и полнѣе это перемѣщеніе рынка и торговыхъ путей завершится, тѣмъ будетъ лучше для русской чайной торговли вообще, какъ съ точки зрѣнія производителей, такъ и потребителей.“ И потомъ далѣе, соглашаясь съ однимъ изъ нашихъ торговцевъ что и въ будущемъ особенныхъ видовъ для русской торговли въ Тяньцзинѣ не предвидится, авторъ присовокуляетъ: „Я же готовъ идти далѣе и сказать: Русскимъ изъ Тяньцзина должно слѣзть къ Фучжоу и въ Шанхай, какъ бы ни было жаль бросить осѣдлость въ первомъ изъ этихъ трехъ городовъ. Тяньцзинская торговля въ недалекомъ будущемъ станетъ лишь китае-сибирскою торговлей, но никакъ не китае-русскою.“

Когда же въ недалекомъ будущемъ? Не тогда ли когда Кяхта свяжется съ Москвою желѣзною дорогою, или положе, когда Кяхта будетъ связана рельсами тоже съ Тяньцзинемъ?

Впрочемъ прежде рѣшенія этого вопроса, еще спросимъ автора, зачѣмъ онъ забылъ послѣдовательность? Вспомнимъ что сперва и прежде всего онъ видѣлъ для русско-китайской торговли потери отъ передвиженія нашей торговли изъ Кяхты внутрь Китая, въ Ханькоу и въ Тяньцзинь. Зачѣмъ же теперь-то онъ приглашаетъ нашихъ торговцевъ слѣзть не назадъ въ Кяхту, а еще далѣе впередъ, влечетъ ихъ въ портъ Фуцжоу, гдѣ могутъ предстоять для нихъ еще большія неудачи въ сбытѣ суконъ: тамошній рынокъ по сію пору едва знакомъ съ Русскими. Намъ кажется что въ подобномъ вопросѣ всегда правильнѣе согласиться со взглядами самихъ торговцевъ. Они избрали своимъ мѣсто-пробываніемъ Тяньцзинь и Ханькоу не зря; туда ихъ привлекали прямыя разчеты коммерческой дѣятельности. Кто лучше и ближе какъ они сами, дѣйствуя своими крупными капиталами, могутъ понимать свои интересы. Но не такъ смотритъ на этотъ вопросъ авторъ. Еще не будучи лично знакомъ съ Китаемъ, въ 1869 году, онъ уже считалъ полезнымъ передвиженіе нашего рынка въ Фуцжоу. А въ послѣдствіи, уже побывавъ въ Китаѣ, онъ еще болѣе убѣдился въ необходимости такого передвиженія, находя, какъ утверждаетъ онъ, что прямая торговля европейской Россіи съ Китаемъ можетъ существовать только при морской доставкѣ грузовъ чрезъ Суецскій каналъ. Отчего же только, и отчего именно только изъ порта Фуцжоу? Оттого что этотъ портъ, съ его губерніей, онъ считаетъ средоточіемъ чайнаго производства, забывая такое же средоточіе въ Ханькоу. Путь исключительно чрезъ Суецскій каналъ онъ предпочитаетъ потому что странствованіе въ Россію чая моремъ обойдется въ семь, въ восемь разъ дешевле сухопутнаго его странствованія по Монголіи и Сибири. Этотъ послѣдній доводъ конечно очень силенъ, хотя счетъ разницы доставки не совсѣмъ точенъ. И мы сами, еще ранѣе автора, горячо ратовали за морскую доставку нашего чая. * Но, признавая

* См. *Буржуазія Владосты*, 27го октября 1873.

всю рациональность, всю естественность и необходимость развитія нашей морской торговли съ Китаемъ и со всѣмъ крайнимъ Востокомъ, и чѣмъ скорѣе и обширѣе, тѣмъ лучше, мы однакоже желаемъ быть осторожными въ своихъ проектахъ. Покидая китайско-русскій сухопутный трактъ, отдаваясь на произволь волю океановъ, не бросимся ли мы въ чужія руки, не рискуемъ ли мы утопить русско-китайскую торговлю въ волнахъ зависимости отъ иностранцевъ.

А война? Не только молодой коммерческій флотъ, какой долгое время будетъ нашъ, но уже вполне возмужалый, англійскій, со всѣми приспособленіями, съ искусствами шкиперами и механиками, со множествомъ морскихъ станцій, защищенныхъ орудіями, съ обильными запасами каменнаго угля, при безчисленныхъ страховыхъ компаніяхъ, даже такой флотъ многочисленный и могущественный, будучи въ открытомъ Океанѣ, нисколько не гарантированъ во время бѣдствій войны, и непріятель легко можетъ истребить его.

Благодаря счастливому географическому положенію въ какое поставлено наше отечество предъ его сосѣдкой, Китайскою Имперіей, мы вполне гарантированы въ своей коммерческой дѣятельности въ этой странѣ, при какихъ бы то ни было внѣшнихъ военныхъ невзгодахъ. Во время войны русскій коммерческій флотъ не будетъ имѣть надобности пускаться въ китайскихъ моряхъ на встрѣчу непріятелю; и крейсера не разорятъ нашей торговли въ китайскихъ портахъ. Мы спокойно повеземъ товары по нашему проторенному сухопутному тракту, черезъ степи, по болотамъ, лѣсамъ, горамъ и лѣскамъ Монголіи и Сибири, куда не проникнуть орудіямъ враговъ нашихъ. Благодаря этому тракту, мы останемся въ Китаѣ со своими милліонами, избавивъ отъ разореній нашихъ торговцевъ, и напоимъ чаемъ пожалуй и остальную Европу.

Но не станемъ говорить о важномъ политическомъ значеніи русско-китайскаго сухопутнаго тракта, полагая что учающимъ нашу военную границу въ Азію, а въ ихъ числѣ и автору *Очерковъ Современнаго Китая*, оно должно быть извѣстно короче нашего. Мыслимо ли чтобы наши соотечественники не дорожили имъ, когда все кругомъ насъ, всѣ промышленныя страны, несомнѣнно завидуютъ намъ за его обладаніе. Цѣнно и трудно не ломать созданное, а созидать вновь. Это сухопутное сообщеніе создано и упрочилось вѣками; не ломайте его. Оно избрѣло для

насъ всѣ караванныя приспособленія, поставило въ Сибири на своихъ мѣстахъ торговые города, укоренило наши знаменитыя ярмарки, воспитало у насъ замѣчательныхъ караванныхъ ходочовъ, которымъ позавидуетъ весь свѣтъ. Уважьте такія приобрѣтенія.

Должно не сдвигать русско-китайскую торговлю только въ одинъ уголь, въ портъ Фучжоу; не ограничивать ее только однимъ морскимъ движеніемъ; и не ограничивать наши сухопутные тракты только для движенія нашихъ каравановъ въ предѣлахъ Монголіи, Чжунгаріи и отчасти Манчжуріи. Нѣтъ. Усердно заботясь о созданіи коммерческаго флота для торговли съ крайнимъ Востокомъ, мы должны столь же энергически содѣйствовать чтобы русско-китайская сухопутная торговля расширялась болѣе и болѣе, чтобы средства нашихъ караванныхъ путей въ Азіи дѣлались обширнѣе и обширнѣе.

Въ настоящее время, при существующихъ пока ограниченіяхъ для нашей сухопутной торговли съ Китайскою Имперіей, нѣтъ для нашихъ каравановъ болѣе удобнаго, ближайшаго до русской границы и вполнѣ извѣданнаго тракта, какъ изъ Тяньцзина, чрезъ Калганъ, въ Кяхтинскія ворота. Другое дѣло, когда мы освободимся отъ существующихъ ограниченій, когда разрушатся тѣ тормазы которые препятствуютъ нашимъ политическимъ отношеніямъ къ Китайской Имперіи войти въ лучшій періодъ. Мы ищемъ не многого: только простора для нашей сухопутной торговли, того чтобы какъ внутри Китая, такъ, равнымъ образомъ, и во всѣхъ его вѣтвяхъ областей, въ Туркестанѣ и въ Тибетѣ, въ Чжунгаріи, въ Монголіи и въ Манчжуріи, наша караванная торговляшла для себя такую же точно дѣйствительную свободу какой издавна пользуются Китайцы въ Россіи. Подобно тому какъ Китайцы свободно торгуютъ въ Россійскихъ областяхъ не только своими, а и русскими товарами, наши караваны стали бы ходить въ китайскихъ областяхъ по всѣмъ направленіямъ, мѣняя свои товары на товары мѣстные, и платя то товарамъ, то деньгами, то кирличнымъ чаемъ, который заискивается кочующими Азіятцами дороже денегъ. Такая взаимность въ торговлѣ несомнѣнно потребуетъ изъ Россіи огромныя партіи товаровъ и поощритъ къ учрежденію внутри Китая множества новыхъ нашихъ фабрикъ для издѣлія кирличнаго чая.

Осуществивъ эти условія, перейди въ дѣйствительность проектируемые желѣзные пути, и наша торговля станетъ господствовать въ Азіи на сушѣ, какъ Англія уже господствуетъ на моряхъ. И какъ Англичане не боятся солерниковъ въ ихъ морской торговлѣ въ Азіи, такъ и мы, съ своими караванами, были бы свободны отъ солерниковъ, благодаря, повтораемъ, счастливому географическому положенію нашей азіатской границы, и той способности, терпѣливости и находчивости которыми отличается Русскій въ странствованіяхъ по степямъ. Тогда мы уже станемъ нуждаться не въ одной Кяхтѣ: для нашей сухопутной торговли будетъ тѣсно и мало однихъ Кяхтинскихъ воротъ; наши караваны потребуютъ десятки Кяхтъ. И онѣ выростутъ, подобно тому какъ выростали наши города въ Сибири, изъ тѣхъ пограничныхъ селеній, станицъ, даже пикетовъ, гдѣ окажутся проходы за границу наиболѣе удобными, гдѣ будетъ слодручѣе для товарныхъ складовъ, для конторъ коммерческихъ, почтовыхъ и телеграфныхъ и проч. Пынѣшнее значеніе Кяхты болѣе или менѣе отодвинется на второй, хотя и почетный планъ; а торговый братъ ея, Калганъ, по важности своего рынка, наконецъ привлечетъ русскіе капиталы. Сдѣлается для нихъ доступенъ и главнѣйшій рынокъ въ Средней Азіи,—Урумчи; откроется возможность значительныхъ оборотовъ на рынкахъ: въ Хлассѣ, въ Сиге-Гунчарѣ въ Тибетѣ, въ Хами и въ Баркюлѣ, въ Чэнь-дуфу Сычуаньской губерніи, въ Долонорѣ и на многихъ другихъ большихъ рынкахъ. Около окраинъ границы лучшими станціями для нашего караваннаго движенія будутъ Кашгаръ и Яркендъ, Аксу, Кульджа, Чугучакъ, Кабдо, Улясутай, Урга, и всѣ торговыя мѣста по теченію рѣкъ Амура, Усури и Сунгари...

VI. Заключение.

Мы рассмотрѣли взгляды проведенные въ *Очеркахъ Современнаго Китая* о непрочности китайской самостоятельности, о вліяніи ивоземцевъ на Китай и о паденіи, будто бы, русско-китайской торговли. Писать съ такою же подробностію по поводу всего остальнаго въ *Очеркахъ* мы не имѣемъ на

мрвѣя. Но для полноты обзора, скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ болѣе или менѣе выдающихся пунктахъ.

Въ главѣ о населеніи Китая авторъ съ большою увѣренностью трактуетъ объ этнографическомъ его составѣ и о числѣ жителей Китайской Имперіи, такъ что можно подумывать что каждая строка стоила долгихъ изслѣдованій, если уже не по китайскимъ источникамъ, которые для автора недоступны, то по крайней мѣрѣ по точнѣйшимъ указаніямъ западныхъ ученыхъ. Но, сколько намъ извѣстно, точными указаніями объ этнографическомъ составѣ Китая западная литература крайне бѣдна; что жь касается до количества его населенія, особенно во внѣшнихъ областяхъ, то и въ китайской литературѣ можно найти только отрывочныя и скудныя свѣдѣнія.* Не видно тоже чтобы для своего предмета авторъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Китаѣ. Изрѣдка дѣлая ссылки на авторитеты, онъ къ нимъ мало разборчивъ, когда, напримѣръ, въ одномъ ряду со столь вѣскими учеными именами, какъ отецъ Іакинѣъ и архимандритъ Палладій, ссылается тоже на Кулера и на аббата Гюка. Если уже онъ не побрезгалъ послѣдними свидѣтелями, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы оговориться что ихъ свидѣтельства далеко не надежны, ибо ученому міру извѣстно что первый, скорослѣло прославившійся своимъ піонерствомъ въ южной оконечности Китая, вскорѣ потерялъ всякое довѣріе со стороны серьезно изучающихъ Китай; а аббатъ Гюкъ, въ своихъ сочиненіяхъ, нисколько не стѣсняясь вымыслами, въ родѣ, напримѣръ, приведеннаго авторомъ утвержденія будто въ провинціи Ганьсу Китайцы отличаются своимъ особеннымъ типомъ и употребленіемъ языка который составляетъ нѣчто среднее между настоящимъ китайскимъ, монгольскимъ и тибетскимъ. Повторивъ этотъ якобы фактъ со словъ аббата Гюка, авторъ прибавляетъ что „со стороны антропологической точки зрѣнія это, стало-быть, весьма интересная область“. А мы полага-

* Есть одно изслѣдованіе, замѣчательное по своимъ источникамъ и по ясности взгляда, о населеніи во внутреннихъ провинціяхъ Китая и въ Манчжуріи. Оно принадлежитъ нашему символу И. Захарову, и напечатано въ статьѣ: „Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая“, въ *Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ*, томъ I, 1852 года.

емъ что это не фактъ, а антропологическая несообразность, ловившая подъ легкое перо аббата, вслѣдствіе того вѣроятно что ему случилось встрѣтиться съ караваннымъ торговцемъ изъ племени окитаившагося Дунганя, странствовавшаго въ Монголіи и въ Тибетѣ: разговаривая съ инородцами они дѣйствительно прибавляютъ то монгольскія, то тибетскія фразы, только бы поняли ихъ.

Что касается до населенія Китайской Имперіи то авторъ ничего почти не сказавъ о численности населенія во внутреннихъ областяхъ Китая, опредѣляетъ что во всѣхъ зависящихъ отъ Имперіи внѣшнихъ областяхъ населеніе въ общемъ итогѣ „едва ли простирается до 12 милліоновъ“. Такой итогъ онъ опредѣляетъ очень просто, не вдаваясь въ какія-либо трудныя изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, сообразивъ разселеніе Китайцевъ въ Манчжуріи, онъ говоритъ: „можно думать что изъ 10—12 милліоновъ теперешняго населенія этой страны вѣроятно 9—11 милліоновъ приходится на уроженцевъ Средняго Царства и только одинъ милліонъ на туземцевъ“. Значитъ и утверждено авторомъ что тунгусскаго племени только одинъ милліонъ. Монгольское племя тоже слишкомъ гадательно имъ опредѣлено въ 2—2½ милліона. Уже ровню ни на чемъ не основываясь, тибетскому племени дается пять милліоновъ человекъ. А наперекоръ серьезнымъ авторитетамъ, тюркское племя сокращается до трехъ милліоновъ.

Мы знаемъ достойныхъ ученыхъ которые продолжительно и очень настойчиво изучаютъ вопросъ о населеніи тѣхъ же областей, имѣя къ тому всѣ способы рыться въ китайскихъ источникахъ, но, будучи лишены такихъ данныхъ за которыя можно было бы ухватиться въ полной увѣренности въ ихъ точности, они и по сію пору знаютъ только что въ этомъ темномъ вопросѣ опредѣлительнаго ничего сказать нельзя. Въ интересахъ истины, желательно было бы слышать какими основательными доводами авторъ *Очерковъ Современнаго Китая* оспорить, напримѣръ, насъ когда мы скажемъ что его цифра 12 милліоновъ невѣрна, что вмѣсто нея надобно взять цифру по крайней мѣрѣ въ 20 милліоновъ. А другой скажетъ что и того мало, что должно взять около 30 милліоновъ. Защитники же автора, въ усердіи своемъ, быть-можетъ рѣшатся еще сократить все населеніе пожалуй до „едва ли восьми милліоновъ“. Конечно такая игра въ милліоны столько же забавна какъ и игра въ жмурки.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ авторъ говоритъ о китайской эмиграціи и о китайскихъ пиратахъ. Объ этихъ предметахъ можно найти много матеріаловъ въ английскихъ изданіяхъ въ Китаѣ, особенно въ шанхайской газетѣ *North China Herald*, откуда, мы полагаемъ, авторъ и заимствовалъ большую часть свѣдѣній. Она составлена хорошо, хотя отчасти и грѣшитъ противъ исторіи. Не входя въ подробности остановимся на нѣкоторыхъ выводахъ въ заключительномъ обзорѣ автора.

Авторъ говоритъ: „Китайская эмиграція нынѣ направлена преимущественно въ страны съ высшимъ политическимъ устройствомъ, обезпечивающимъ личность и собственность болѣе чѣмъ сама Небесная Имперія. Но Китайцы на чужбинѣ хранятъ свой языкъ, свои вѣрованія и крѣпко держатся другъ за друга. Она служитъ къ окитаенію тѣхъ странъ жители которыхъ менѣе цивилизованы, чѣмъ Китайцы. Она возбуждаетъ ревнивыя опасенія и вызываетъ крайнія притѣсненія со стороны другой расы, стремящейся къ овладѣнію почвой Востока, расы англо-саксонской.“

Но мы можемъ возразить что изъ всего обзора китайской эмиграціи, представленнаго тѣмъ же авторомъ, и считая оный достаточно полнымъ, мы не видимъ преимущественнаго влеченія этой эмиграціи въ страны съ высшимъ политическимъ устройствомъ. Не эмигрируютъ же Китайцы въ Англію, Бельгію, Швейцарію, и т. п. Правда можно указать на процвѣтающую свободу въ Калифорніи, гдѣ населеніе Китайцевъ многочисленно; но вспомнимъ что тамошняя свобода только дразнитъ Китайцевъ; тамъ свобода и полноправность не для нихъ. Тамъ Китайцы даже весьма стѣснены специально для нихъ созданными законоположеніями. И, на ряду съ Калифорніей, Китайцы тоже переселяются на Филиппинскіе острова, въ Австралію, на многіе острова Тихаго Океана и въ Вестъ-Индію, гдѣ, взамѣнъ своей доморощенной свободы, они часто попадаютъ въ тяжкую кабалу.

А съ другой стороны, подтверждая фактъ что на чужбинѣ Китайцы остаются тѣми же Китайцами, и даже окитаиваютъ тѣ страны гдѣ жители менѣе ихъ цивилизованы, тѣмъ самымъ авторъ не подтверждаетъ ли и той удивительной самостоятельности отъ которой никогда и ни при какихъ внѣшнихъ условіяхъ Китайцы не могутъ отрѣшиться, ни гдѣ не забывая

своей національности? Но авторъ идетъ еще далѣе. Въ движеніи китайской эмиграціи онъ видитъ особенный историческій интересъ, поставляя слѣдующій вопросъ: „По истеченіи вѣковъ, кто одолѣетъ почвой Востока, Китайцы ли, при живучести своей расы, или же враги ихъ, англо-саксонская раса?“ Поставляя такой вопросъ въ область міровыхъ, онъ спрашиваетъ, какъ смотрѣть на него Русскимъ: „оставаться ли хладнокровными зрителями въ такой разгарающейся борьбѣ, или же принять какое-либо участіе и стать на какой-нибудь сторонѣ?..“ И наконецъ авторъ заключаетъ свои выводы слѣдующимъ прорицаніемъ: „XIX вѣкъ безъ сомнѣнія не кончится, когда вопросъ этотъ станетъ на очередь, можно сказать, облечется въ плоть и въ кровь, въ такой же степени, но съ большею историческою силой и логическою необходимостью, какъ и вопросъ „восточный“, то-есть турецко-славянско-греческій.“

Признаемся, мы не видимъ изъ-за чего авторъ поднимаетъ такую бурю въ образѣ новаго міроваго вопроса, и никакъ не думаемъ чтобы послѣдствіемъ эмиграціоннаго движенія Китайцевъ всплылъ наружу такой грозный вопросъ. И гдѣ эта уже разгарающаяся буря? Намъ представляется что если что и произойдетъ изъ эмиграціоннаго движенія Китайцевъ, то нѣчто весьма скромное,—что они, расплотившись повсюду, будутъ всѣхъ и cadaго эксплуатировать, подобно Евреямъ. Нѣчто такое можно видѣть и теперь, напримѣръ въ Восточной Сибири.

Одна изъ наиболѣе обширныхъ главъ въ *Очеркахъ Современнаго Китая* посвящена возстанію Тайпиновъ*. Прочитавъ ее нельзя не видѣть что она стоила автору большихъ трудовъ. Онъ указываетъ на нѣсколько сочиненій которыми пользовался и благодаритъ нѣсколькихъ очевидцевъ возстанія, впрочемъ, не называя ихъ, которые поставили ему свѣдѣнія. Но, да проститъ намъ авторъ нашу откровенность, весь его трудъ, по нашему мнѣнію, потерявъ для исторіи. Разказъ его можетъ занять мѣсто въ сборникѣ вымышленныхъ сказаній, а не въ лѣтописи. Говоримъ какъ близкіе свидѣтели событія. Возстаніе Тайпиновъ началось, продолжалось и кончилось въ наше пребываніе въ Китаѣ.

* Мы не желаемъ подражать орфографіи автора, неправильно пишущаго „Тайпили“.

Во весь періодъ сего возстанія мы имѣли терпѣніе писать довольно подробный политическій дневникъ, въ который внесены свѣдѣнія о немъ изъ богдоханскихъ указовъ и изъ официальныхъ реляцій, изъ толковъ въ народѣ и въ сферахъ высшаго общества въ Пекинѣ за и противъ возстанія, изъ видѣннаго нами лично и изъ многихъ подлинныхъ прокламацій изъ лагерей Тайлиновъ. * Оттого, да повѣритъ намъ авторъ, мы имѣли хорошіе способы, изъ сгруппировки фактовъ, сказать точно о сути дѣйствій Тайлиновъ. Но она не та какъ изобразилъ ее авторъ, довѣрившись описаніямъ Медовса, Брайна, Каллери и другихъ, и разказамъ очевидцевъ, имена которыхъ къ сожалѣнію онъ не называетъ.

Исторія Китая свидѣтельствуешь что его обитатели издавна отличаются любовью къ возстаніямъ. До такой политической игры они страстные охотники и едва ли не опытнѣе въ ней Франгузовъ и Исламцевъ. Эпизоды паденія двухъ десятковъ ихъ династій, свободно прославляемые въ мѣстной литературѣ и въ публичныхъ зрѣлищахъ, извѣстны каждому Китаецу. Оттого-то центральное правительство страны всегда зорко слѣдитъ чтобы въ народѣ не было поводовъ даже къ слабому нарушенію спокойствія, зная что одна злокачественная искра можетъ зажечь все государственное зданіе. Совершенно неожиданно такая искра вспыхнула въ 1849 году въ юго-западномъ углу Китая. Она беснула вслѣдствіе толчка даннаго грубыми ошибками администраціи; а возгорѣлась когда для своихъ цѣлей ея воспользовалась горсть сектаторовъ триархіи. Благодаря многимъ благопріятствовавшимъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить теперь мы не станемъ, возстаніе быстро усилилось, и, по щедрымъ примѣрамъ исторіи, вскорѣ преобразилось въ народную брань, въ вопросъ династическій. Явился и предводитель, по имени Хунъ-сю-цюань, дѣйствительно изъ потомковъ чисто-китайской династіи, Минской, предшествовавшей нынѣшней Манчжурской династіи. Знамя возстанія сулило народу освобожденіе страны отъ манчжурокаго ига и возвѣщало начала триархіи льстившія общественному само-

* Наши обязательныя замѣткі, не прерывающіяся почти три десятилітія, не дають намъ досуга сдѣлать для изданія редакціи этому маленькому, равно какъ и многимъ другимъ нашимъ трудамъ о Китаѣ.

любію. Царствованіе претендента было окрещено прозваніемъ „величайшаго слокоиствія“ (тай-пинъ), что и выражало собой программу всѣхъ улованій въ народѣ на такую будущность въ странѣ. Главнѣйшею эмблемой возстанія былъ національный костюмъ временъ Минской династіи, съ распущенными волосами: головная коса, будучи нововведеніемъ отъ Манчжуровъ, преслѣдовалась очень строго. Вотъ тѣ элементы которыми орудовали вожаки возстанія; а полчища, набравшіяся изъ сбѣгавшихся въ лагери сельскихъ и городскихъ обывателей, были ихъ слѣпымъ орудіемъ. По мѣрѣ успѣховъ возстанія, вожаки приобрѣтали для него болѣе и болѣе средствъ, въ сдававшихся городахъ обирая казначейства, провіантскіе магазины и склады оружія. Въ значительной мѣрѣ опустошались и кумирни буддаискія и даоскія; ихъ грабили и сжигали до основанія, во имя уничтоженія въ странѣ религіознаго тунеядства, столь неравноправнаго съ вѣрованіями праотцевъ Китайцевъ, признавшихъ храмами однѣ только школы. Инсургенты были снисходительны ко всему китайскаго происхожденія, и неумолимо жестоки ко всему внесенному въ страну манчжурскою властью. Тайлины достигли апогея своихъ успѣховъ, овладѣвъ, съ бывшею первою столицей Минской династіи, Нанкиномъ, почти всѣми лучшими внутренними пунктами въ южномъ и въ среднемъ Китаѣ. Чтобъ окончательнo сразить Манчжуровъ имъ оставалось покорить сѣверную часть Китая, гдѣ, какъ намъ хорошо извѣстно, они уже запаслись множествомъ сильныхъ сторонниковъ, да еще имъ оставалось вступить въ тѣ порты гдѣ жили иноземцы. Для овладѣнія сѣвернымъ Китаемъ, то-есть для окончательнаго освобожденія страны отъ манчжурскаго правительства, они выжидали среди разыгрывавшихся тогда событій разгрома того же правительства силами Англо-Французовъ. Но, однакожь, извѣстно что тѣ же самые иноземцы, благодаря совѣту и помощи со стороны Россіи, любовно поладили съ Манчжурами; да еще сверхъ того, по справедливости дорожа для торговыхъ сношеній со страной выгодно заключенными трактатами, оставили Манчжуровъ не только неприкосновенными, а даже вновь и крѣпко упрочили ихъ династію, обративъ свои силы въ противоположную сторону, въ помощь Манчжурамъ противъ Тайлиновъ. Такимъ образомъ иноземцы, а не сами Китайцы,—силы Англичавъ, Фран-

узловъ, да еще Сѣверо-Американцевъ, а не богдоханское войско, разогнали Тайлиновъ, разгромивъ ихъ Нанкинское сѣдшище. Повторяемъ что въ такомъ дѣйстви руководящею дѣлю для иноземцевъ были политическія соображенія твердившія имъ что одна война дешевле двухъ. Дѣйствительно, выгодныя обязательства подписанныя покорнымъ уже правительствомъ конечно нисколько не могли быть обязательны для новой династіи; они могли бы улетучиться и очень могло бы статься что для обладанія ими снова пришлось бы затѣвать военный споръ. А это могло бы стоить иноземцамъ слишкомъ дорого, ибо изъ исторіи Китая извѣстно что его правительства обыкновенно проявляли наибольшую энергію и были сильны въ первый періодъ воцаренія династіи. Стало-быть, съ воцареніемъ династіи Тайлиновъ, противъ завоеванныхъ иноземцами преимуществъ могли бы даваться не одно полчище войска, а вся масса Китайцевъ. Истекшее десятилѣтіе сношеній съ Китайцами достаточно подтвердило что соображенія дипломатовъ были справедливы. Что жъ касается до Тайлиновъ, съ ихъ пресловатымъ ученіемъ Тριάды, то они теперь вполне забыты въ Китаѣ, пока не сверкнетъ новая искра, не явятся новые консулы.

Въ числѣ протестантскихъ миссіонеровъ, съ 1840 годовъ въ Макао и въ Кантонѣ жилъ миссіонеръ Гюцлавъ. Ради своихъ цѣлей, далеко не религіозныхъ и не политическихъ, онъ находилъ нужнымъ прославлять себя въ Европѣ собственными рекламами, особенно о своемъ крупномъ социальномъ значеніи въ Китаѣ, о сформированной имъ, будто бы, религіи, которой ученіе было главнымъ образомъ направлено къ низверженію кунфуцзіанства, и къ воцаренію въ Китаѣ европеизма, съ протестантскими убѣжденіями въ основаніи. Въ Европѣ аллоцировали только сильному сподвижнику Гюцлава, а Китайцы едва знали о немъ, по его небольшому просвѣщенію, и удивившей школь въ Кантонѣ. Но онъ жаждалъ почести и славы, и нашелъ ихъ. Одинъ кантонскій пройдоха, учитель въ школѣ Гюцлава, сталъ болтать между своими знакомыми что предводитель только - что поднявшагося тогда возстанія, Хунъ-сю-цюань, есть его ближайшій пріятель и тоже протестантъ. Вспомнила про какого-то сподвижника Гюцлава, котораго имя тоже было Хунъ,

и съ легкой руки пройдох, такая болтовня вскорѣ обрѣлась въ чудную легенду о таинственномъ избранникѣ, котораго всѣ помыслы обращены къ водворенію въ его странѣ христіанской религіи; что за столь высокую добродѣтельную жезвенное Провидѣніе руководить успѣхами военнаго дѣянія Хуна и т. п. Католическіе патеры завидовали такому торжеству протестантовъ, а эти употребляли усилія и успѣвали распространять подобныя разказы. Изъ Кантона разказы доходили до слуха другихъ горожанъ и сельчанъ южномъ Китаѣ; и не мудрено что тѣ же толки дошли и самого Хунъ-сю-цюаня, никогда не бывавшаго у иноземныхъ миссіонеровъ. По мѣрѣ успѣховъ въ движеніи Тайпиновъ, и особенно когда стало извѣстно что инсургенты истребляютъ каллица идоловъ, убѣжденіе что Тайпины христіане стало весьма распространеннымъ между иноземцами.

Въ духѣ убѣжденій этого рода, авторъ *Очерковъ* разсказываетъ что, въ прокламаціяхъ къ народу, Тайпины употребляли слова: небесный Отецъ, верховный Господь, святой небесный Богъ (подразумѣвая Иисуса Христа). Между тѣмъ мы имѣемъ десятки подлинныхъ прокламацій и ихъ же лагерей и ни въ одной не встрѣтили подобныхъ реченій, конечно составленныхъ миссіонерами. Въмѣсто ихъ прочитываемъ только извѣстныя китайскія фразы: сынъ не святѣйшій верховный владыка, и другія входящія въ акты болѣе какъ въ смыслѣ титулованія богдохана. Говоря о Хунъ-сю-цюань неуклонно проповѣдывалъ свое религіозно-мистическое ученіе, авторъ впрочемъ умалчиваетъ что за ученіе, да и едва ли нашель бы что сказать. Даже и въ разказахъ автора видно что инсургенты, повидимому, боялись двинуться со своими силами на Кантонъ, далеко въ сторонѣ миновавъ его; между тѣмъ будь Хунъ-сю-цюань литомцемъ кантонскихъ протестантовъ, не послѣшилъ ли бы онъ тамъ смѣло, безъ оглядки, въ полномъ убѣжденіи что тамошніе иноземцы помогутъ ему, обласкаютъ его и щедро одарятъ нужными ему орудіями и порохомъ. По разказу автора, занятіи Нанкина, въ числѣ официальныхъ у Тайпиновъ даній появилась тогда въ китайскомъ переводѣ книга Писанія. Однакоже, приовокупляетъ онъ, Хунъ-сю-цюань и сподвижники мало обращали вниманія на практическія нужды народа, и немногіе Европейцы тогда бывавшіе въ Н

нѣ не даютъ свѣдѣній сколько-нибудь лестныхъ о Тайпинъ; въ числѣ ихъ были Тейлоръ и Медовсъ, сопровождавшіе англійскаго уполномоченнаго Бонгема, желавшаго накомиться съ Тайпинами, но не принятаго Хунъ-сю-цюемъ. Этотъ разказъ въ достаточномъ рельефѣ указываетъ о предводителѣ возстанія не былъ сторонникомъ протестантовъ. Извѣстно что преимущественно Медовсъ, нелестно-принятый въ Нанкинѣ, потомъ увѣрялъ своихъ соотечественниковъ что именно тамъ, въ Нанкинѣ, онъ вполне убѣдился въ твердыхъ христіанскихъ тенденціяхъ самого Хунъ-сюаня. Медовсъ даже напечаталъ переведенныя имъ съ тайскихъ подлинниковъ оды, молитвы, возванія, все въ духъ христіанскаго ученія. Но теперь извѣстно что отрывки изъ книги Бытія и разныя христіанскія произведенія, добытыя въ Нанкинѣ Медовсомъ, принадлежатъ къ архаичнымъ школьнымъ упражненіямъ миссіонеровъ въ акао: они были даны Медовсу клеветами нанкинскаго правительства съ тою цѣлью чтобы, будто бы во имя христіанскаго братства между обѣими сторонами, успѣшнѣе привлечь симпатію иноземцевъ. Имъ нужно было овладѣть Шанхайскимъ портомъ. Естественно что столь убѣдительно адвокатство не замедлило дать ходъ официальнымъ сношеніямъ Англичанъ съ Тайпинами; но, какъ мы замѣтили выше, попытка посольства Бонгема, съ тѣмъ же слугами Медовсомъ, нисколько не удалась. Чего ожидалъ отъ Тайпиновъ англійскій уполномоченный, осталось тайной; только одно не могло быть скрыто: онъ не добился свиданія даже съ приближенными къ Хунъ-сю-цюаню. Такимъ образомъ обнаружилось что нанкинское правительство думало привлечь къ себѣ расположеніе иноземцевъ ложно представленною сѣтью христіанскихъ влеченій, а въ то же время во всего болѣе заботилось о томъ чтобы иноземцы нисколько не вмѣшивались въ его разчеты съ манчжурскимъ правительствомъ, и въ его программу государственнаго управленія, которое, при китайскомъ ученіи Триархіи, должно было горячо отвергать всякій иноземный элементъ. По свидѣніемъ столь неудавшихся сношеній было внезапное нападеніе Тайпиновъ на Шанхай, чрезмѣрно удивившее иноземцевъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего разказа авторъ прочемъ самъ упоминаетъ о принадлежности ихъ къ уче-

нiю Триады, но главные атрибуты этого ученiя и урочиваетъ къ христіанству, а китайское образованіе школъ по древнимъ и позднѣйшимъ ихъ классикамъ принятое конечно и въ Нанкинѣ, называется, согласно съ мечтами протестантскихъ миссіонеровъ, обученіемъ Ветхому и Новому Завету. Мы не знаемъ насколько справедливы изреченiя Хунъ-сю-цюаня, приведенныя авторомъ, ч его ученіе не есть подражаніе иноземному, а ведетъ свое происхожденіе съ династіи Ханьской (царствовавшей съ 206 года до Р. Х. по 226 годъ по Р. Х.); но, если вѣрится имъ, конечно онъ разумѣлъ не христіанскую религію, о которой столь рано, какъ напримѣръ III столѣтіе по Р. Х., никто не знали въ Китаѣ, а разумѣлъ ученіе Триады, извѣстное Китаѣ ранѣе времени нашей эры. Но, еще лучшимъ подтвержденіемъ мнимаго расположенiя Тайпиновъ къ христіанству могутъ служить нижеслѣдующія строки въ *Очеркахъ Современнаго Китая*: „Секретарь лорда Элгина (англійскаго посла въ Китаѣ) былъ поставленъ въ самыя счастливыя условія что узнать истину. Онъ-то, между прочимъ, уже въ 1859 году замѣтилъ что изъ одной прокламаціи Тайпиновъ, обращенной тогда къ Европейцамъ, онъ больше узналъ о нихъ, чѣмъ изъ всего до тѣхъ поръ читаннаго, не исключая конечно трудовъ Медовса, съ его опытомъ о цивилизаціи и разсужденiями о морали, административномъ устройствѣ Китая и проч.“ Къ этимъ строкамъ мы присовокупимъ: на рѣкѣ Янцзы-цзянѣ флагъ англійскаго посла былъ обстрѣливаемъ и китайскими пушками, что и побудило Англичанъ, ради водворенiя на рѣкѣ спокойствiя для внѣшней торговли, предложить манчжурскому правительству свои услуги, весьма охотно принятыя и увѣнчавшіяся успѣхомъ. Что же касается до почтеннаго Медовса, то, за свои увлеченiя, онъ разстается съ своимъ положеніемъ въ Китаѣ. Наконецъ, скажемъ еще что при извѣстныхъ впечатлительности и упорствѣ натурѣ Китайца, должно было бы ожидать что съ лавиннымъ движеніемъ партіи Тайпиновъ, между Китайцами остались бы и сiю пору послѣдователи ихъ ученiя. Однакожь теперь не видно и слѣдовъ его. Не видно отъ того что такового ученiя между Китайцами и не бывало. Между тѣмъ, въ случающихся мѣстныхъ возмущенiяхъ въ странѣ и по сiю пору много слышно о сторонникахъ то ученiя Триады, то другихъ

сихъ сектаторовъ, и они едва ли когда-либо истребятся Китаѣ.

Слѣдъ за разказомъ о погромѣ вынесенномъ Китаемъ отъ Тиновъ и объ иноземной помощи разсѣявшей оласенія вичуровъ за свою династію, авторъ очень кстати предложитъ читателю двѣ слѣдующія главы: „Китайскія военныя учрежденія на рѣкѣ Хайхэ“, и „такія же учрежденія въ Шанъ и въ Фуцжоу“. Всѣ эти учрежденія суть осязательныя свѣдѣнія только что испытаннаго Китаемъ въ послѣднее время. И дѣйствительно, пекинское правительство обнаружилось съ своей стороны непростительную недалководность, лживость, еслибы, послѣ нѣсколькихъ войнъ съ иноземцами и послѣ военной услуги оказанной иноземцами въ освобожденіи Тайпиновъ, когда бы послѣ такихъ событій оно попыталось создать и у себя оплоты для защиты своей гавани. Выше мы уже говорили сколь удачно для такой ли Китайцы нынѣ пользуются помощью иноземцевъ. И можно сказать что этотъ предметъ имѣетъ нынѣ самый сомнительный и самый серьезный интересъ для изучающаго Китай. Мы видимъ что нынѣ Китайцы учатся лучшей военной дисциплинѣ, у себя дома строятъ военный паровой флотъ и быстро вооружаются. Благодаря кому? Благодаря своимъ учителямъ, своимъ официальнымъ друзьямъ, иноземцамъ. А противъ кого они принимаютъ такія мѣры? Противъ тѣхъ же своихъ друзей. Оттого подробное знакомство съ успѣхами военныхъ учрежденій Китайцевъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. И такихъ свѣдѣній всего ближе было бы ожидать отъ наблюдателя принадлежащаго къ военному званію, которыми мы знаемъ автора *Очерковъ Современнаго Китая*. Сожалѣнію, обѣ названныя главы отличаются отъ всѣхъ предшествовавшихъ своею краткостью, представляя собою что-то въ родѣ сухихъ отчетовъ и рапортовъ.

Почти то же самое мы должны сказать и о послѣдней главѣ „Событія въ Китаѣ за 1871 — 1873 года“. Это даже не подробный обзоръ событій, а только краткое указаніе на которыя изъ нихъ.

Мы окончили нашъ обзоръ *Очерковъ Современнаго Китая* и заключеніе скажемъ нѣсколько словъ уже не о Китаѣ, о погромѣ наговорились достаточно, а о тѣхъ соотечественни-

кахъ нашихъ которые свою дѣятельность посвятили на изученіе Китая. Къ удивленію нашему, авторъ относится къ нимъ не съ особенно лестнымъ вниманіемъ. Въ своей выволочкѣ на страницѣ 85й, замѣчая о значеніи китайскаго слова Хонъ (правильно — Ханъ), выражающаго корпорацію мѣстныхъ торговцевъ, и осуждая отца Іакинѣа въ неправильномъ толкованіи этого слова, авторъ присовокупляетъ: „Это впрочемъ довольно общая черта всѣмъ произведеніямъ русскихъ синологовъ духовнаго званія, которые, живя въ уединеніи своихъ монастырей, въ Пекинѣ, рѣдко успѣвали ознакомиться съ практическою стороною китайской жизни, особенно съ тою стороною, которая имѣетъ столько сложныхъ подробностей. Сильныя въ археологіи, исторіи и отчасти географіи Китая, они слабы вездѣ гдѣ нужно не книжное ученіе, а знакомство съ дѣйствительностью. Какъ естественное слѣдствіе сего является излишняя притязательность на знаніе, которою иные хотятъ прикрыть прямо незнаніе. Нынѣ нѣкоторые, впрочемъ и многіе, изъ нашихъ лекцинскихъ синологовъ начинаютъ читать англійскіе журналы выходящіе въ Шанхаѣ, чѣмъ отчасти и пополняютъ свои свѣдѣнія.“ Какія основанія имѣетъ авторъ для столь строгаго осужденія ученой дѣятельности нашихъ почтенныхъ лекцинскихъ труженниковъ? Каждый серьезный изучающій Китай не долженъ ли прежде всего дорожить богатыми источниками китайской литературы, и китайской наукъ которыя столь тщательно, добросовѣстно разрабатываютъ наши труженники въ Пекинѣ? Сверхъ того прочитывая вышесказанныя строки, каждый знакомый съ настоящимъ состояніемъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, легко пойметъ противъ кого преимущественно направлены стрѣлы автора. Но несомнѣнно что каждый изъ нихъ скажетъ что такое сарказмъ нисколько не встревожитъ лица поставленнаго передъ нами всѣми иноземцами въ Китаѣ на самомъ передовомъ планѣ по своему отличному образованію, по обширной учености и по замѣчательной кротости.

Не трудно понять что противопоставляетъ авторъ ученую дѣятельность русскихъ синологовъ, когда, говоря на стр. 111 про французскаго консула Симона, прибавляетъ: „Она, подобно многимъ своимъ западно-европейскимъ собратамъ, занимается усердно изученіемъ не археологическаго, не книжнаго, не официальнаго, а дѣйствительнаго, живаго Китая. То-есть, какъ извѣстно каждому русскому синологу, назва-

Консуль, подобно значительному числу своих коллегъ въ Китаѣ, ни на іоту не изучаетъ ни языка, ни литературы страны, а отъ того, при страстномъ желаніи писать Китаѣ, пишетъ о немъ сказки.

Въ настоящіе неплодотворные на синологовъ года, когда можно указать между Американцами на двухъ, между Англичанами на трехъ, а со смертію Жюльена и Потье, между Французами ни на одного, дѣйствительно изучающихъ и пишущихъ Китаю, можно ли было ожидать чтобы русскій атлетъ столь легко и невнимательно относился къ русскимъ синологамъ, между которыми есть замѣчательнѣйшіе? Намъ казалось бы что не осуждать, а очень дорожить ими должно. Изучить Китаю заглянувъ на него изъ-за я не въ силахъ, ибо страна эта слишкомъ мало сходна со всѣми остальными странами на свѣтѣ. Не изучая Китая по его ятвикамъ, какими бы прекрасными дарованіями изучающій ни владелъ, онъ ходитъ въ этой странѣ слепой слепецъ на каждомъ шагѣ: онъ слѣпъ чтобы видѣть страну какова она есть, онъ глухъ чтобы слышать о странѣ правду.

К. СКАЧКОВЪ.

ЗИМА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

СЪ НОЯБРЯ 1854 ПО ФЕВРАЛЬ 1855 ГОДА. *

Сраженіе при Инкерманѣ, нами проигранное, въ которомъ мы повесили двойную убыль въ сравненіи съ неприятелемъ по видимому, должно было оказать невыгодное вліяніе на оборону Севастополя. Но противъ всякаго чаянія, Инкерманскій бой, выказавъ нашу готовность къ переходу въ наступленіе, заставилъ союзниковъ отказаться на время отъ рѣшительныхъ покушеній овладѣть Севастополемъ и обратить вниманіе на охраненіе себя отъ нашего нападенія, несмотря на то что къ нимъ были посланы значительныя подкрѣпленія. Уже прибыла, 31го октября (12го ноября), бригада Майрана которая вмѣстѣ съ бригадою Базена составила 6ю дивизию французской восточной арміи, подъ начальствомъ генерала Патэ (Pâté). **

* Изъ незаданнаго сочиненія генерала Богдановича: *Восточная Война 1853—1856 годовъ.*

** Guérin, *Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856)*. 1 et 4. Составъ бригады Майрана: 6й стрѣлковый баталіонъ, 28й артиллерійскій и 28й линейные полки, всего 5 баталіоновъ.

Въ продолженіе пяти дней, съ 25го по 29е октября (съ 3го по 10е ноября), непріятельская артиллерія продолжала дѣйствовать усиленно, преимущественно по 4му бастиону; съ нашей стороны были сооружены нѣсколько новыхъ батарей, и на случай занятія непріятелемъ 3го и 4го бастионовъ, устроены для взрыва ихъ проводники отъ пороховыхъ погребовъ въ нихъ находившихся къ батареѣ Никонова и католической церкви. Для обезпеченія же отступленія съ 3го бастиона, приведены въ оборонительное положеніе морскія казармы. *

Въ концѣ октября ст. ст. наступили ненастья, холодныя ночи; по вечерамъ поднимался сильный вѣтеръ, который, наконецъ, въ ночь на 2е (14е) ноября, разразился въ страшную бурю; дождь лилъ какъ изъ ведра, затопилъ траншеи и укрѣпленія и не оставилъ на стоявшихъ бивуаками войскахъ ни сухой нитки. Солдаты и наши, и непріятельскіе, много терпѣли отъ пронизывавшихъ ихъ насквозь порывовъ вѣтра и находили убѣжище только у костровъ, пылавшихъ всю ночь. Въ союзномъ лагерѣ, наиболѣе высокія лататки, въ коихъ помѣщались больные и раненые Англичане, были мгновенно свесены бурей; такая же участь постигла большіе деревянные бараки служившіе лазаретами Французамъ, а также ихъ магазины и склады интендантскаго вѣдомства. Небольшія французскія ставки (tentes-abri) держались долѣе, но и тѣ были затоплены и поглощены водою. Впрочемъ, какъ ни тяжело было положеніе солдатъ на сухомъ пути, союзный флотъ терпѣлъ несравненно большія бѣдствія. Напрасно французскія и англійскія суда побросали въ море всѣ свои якоря; разсвирѣпѣвшія волны разрывали цѣпи и сносили якоря; корабли, сдѣлавшись игралищемъ бури, сталкивались между собою, разбивались и исчезали въ морской безднѣ. Нельзя было оставаться на палубѣ не уцѣпившись за какую-либо изъ снастей. Пять военныхъ транспортовъ и тринадцать торговыхъ судовъ стали на мель въ устьѣ Качи; семь англійскихъ транспортовъ, нагруженныхъ провіантомъ, фуражемъ, боевыми припасами и теплою одеждою, погибли вмѣстѣ съ своими экипажами, изъ которыхъ спаслись только сорокъ человекъ; два турецкихъ фрегата и нѣсколько меньшихъ судовъ имѣли ту же участь. У Евлаторіи, фран-

* Тотлебенъ.

иностранскія суда, корабль *Генриль IV* и корветъ *Плутонъ*, потерпѣли крушеніе; множество другихъ кораблей и меньшихъ судовъ понесли значительныя поврежденія и были отправлены въ Константинополь. *

Какъ только съ нашихъ береговыхъ постовъ пришло извѣстіе что противъ устья Качи были приближены къ берегу непріятельскіе корабли, то стоявшій на Бельбекѣ Камчатскій полкъ съ восьмью батарейными орудіями получилъ приказаніе идти къ тому мѣсту гдѣ находились стоявшія на мель суда союзнаго флота, и съечь ихъ, предложивъ экипажамъ высадиться на берегъ, въ качествѣ военноплѣнныхъ. Когда же обнаружилось что сѣвшія на мель суда не были вооружены, князь Меншиковъ приказалъ высланнымъ къ морю войскамъ заняться спасеніемъ непріятельскихъ экипажей **. Но хотя съ нашей стороны и не было сдѣлано ничего чтобы воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ союзниковъ, однако же буря 2го (14го) ноября имѣла весьма невыгодныя для нихъ послѣдствія. Холера и другія болѣзни развились съ ужасающею быстротою и усилили смертность въ ихъ лагерѣ. Разрушеніе многихъ осадныхъ работъ заставило непріятеля оставить на время веденіе новыхъ подступовъ и трудиться день и ночь надъ исправленіемъ, и даже отчасти постройкою вновь, почти совершенно размытыхъ батарей и надъ очищеніемъ траншей, занесенныхъ грязью и наполненныхъ водою. Такія работы, въ глубокую осень, при недостаткѣ теплой одежды и всевозможныхъ лишеніяхъ, были весьма тягостны; въ особенности же страдали Англичане отъ нераспорядительности своего военнаго министерства, не снабдившаго заблаговременно войска всѣмъ нужнымъ для перенесенія тѣхъ невзгодъ которыя, сверхъ всякаго чаянія, достигли ихъ при наступленіи ненастной и холодной погоды ***.

Наши войска также много терпѣли отъ ненастья и холода, но по привычкѣ къ суровому климату, переносили труды и лишенія лучше союзниковъ. Въ теченіе ноября, нѣкоторые

* Алабинъ. *Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ*. II, 108—109. Guérin. II, 7—13. Bazancourt, *L'expédition de Crimée. La marine*. I, 353—371.

** Алабинъ. II, 112—116.

*** Алабинъ. II, 118—119.

изъ нашихъ солдатъ запаслись собственными полушубками и получили за то, по приказанію князя Меншикова, денежное вознагражденіе; для снабженія же прочихъ нижнихъ чиновъ теллою одеждою была отпущена въ войска особая сумма, пользуясь чѣмъ, полковые командиры послали во всѣ ближайшіе города скупать овчины, изъ коихъ въ солдатскихъ шпальняхъ немедленно были построены полушубки. По этому поводу, главнокомандующій писалъ военному министру князю Долгорукову: „касательно главнаго вашего вопроса, о полушубкахъ, многіе полки уже имѣютъ ихъ, другіе вскорѣ получатъ ихъ отъ вашего комиссіонера Фабера, либо приобретутъ ихъ покупкою. Впрочемъ, погода такъ хороша что въ низменныхъ ластбищахъ трава снова зазеленѣла. Очевидно судьба благоприятствуетъ нашимъ непріателямъ“.... *. Изъ послѣднихъ словъ не трудно вывести заключеніе что съ нашей стороны думали воспользоваться наступленіемъ зимы для нанесенія союзникамъ рѣшительнаго удара.

Войска наши большею частью находились на оборонительной линіи безсмысленно, днемъ и ночью, съ самаго начала осады: въ такихъ обстоятельствахъ, несмотря на всѣ мѣры принятыя для сохраненія ихъ здоровья, у насъ было много страдавшихъ холерою, изнурительными лихорадками и желудочными болѣзнями. Тѣмъ не менѣе однакоже русскія войска отличались превосходнымъ военнымъ духомъ; легко раненые оставались добровольно въ рядахъ защитниковъ Севастополя, и только тяжкія раны или смерть лолагали конецъ усерднымъ трудамъ ихъ.

Положеніе осаждающихъ войскъ было выгоднѣе нашего въ томъ отношеніи что союзники не имѣли надобности держать въ траншеяхъ болѣе двухъ или трехъ бригадъ; прочія же войска ихъ могли оставаться въ лагеряхъ, укрываясь отъ непогоды и стужи въ палаткахъ и баракахъ. При всемъ томъ они замѣтно улади духомъ, и непріятельскіе дезертиры, появаясь въ значительномъ числѣ, доносили что войска ихъ изнурены трудами и лишениями, и что доставка снарядовъ къ батареямъ замедлялась дурнымъ состояніемъ дорогъ. Для перевозки отъ мѣста выгрузки въ Балаклавѣ къ осадному

* Изъ письма князя Меншикова къ военному министру князю Долгорукову, отъ 1го декабря 1854 года.

дело шести 13тидюймовыхъ бомбъ требовалось 10 лошадей, которыя услѣвали доставлять снаряды только разъ въ день. Показанія переметчиковъ подтвердились тѣмъ что послѣ 2го (14го) ноября, огонь осадныхъ батарей замѣтно ослабѣлъ и лишь изрѣдка раздавались лучечные выстрѣлы, что дало намъ возможность также ослабить пальбу, для сбереженія зарядовъ на будущее время. Съ 8го (20го) ноября огонь англійскихъ батарей былъ почти совсѣмъ прекращенъ, и только отдѣльные выстрѣлы производились по 12е (24е); затѣмъ англійская артиллерія совершенно замолчала: не было зарядовъ! Англичане стали собирать русскіе снаряды, подходившіе калибромъ къ ихъ орудіямъ. Въ продолженіи десяти дней, съ 24го октября по 2е ноября (съ 5го по 14е ноября), въ севастопольскомъ гарнизонѣ убито и ранено 1.330 человекъ, то-есть среднимъ числомъ около 130 человекъ въ сутки; а съ 2го по 20е ноября (съ 14го ноября по 2е декабря) только отъ 4хъ до 42хъ человекъ въ сутки, преимущественно ружейными пулями. Въ первомъ періодѣ времени, ежедневный расходъ артиллерійскихъ зарядовъ у насъ простирался отъ 4—8.000, а во второмъ—отъ 1—2.000.*

Послѣ сраженія при Инкерманѣ, союзники сочли нужнымъ усилить свою циркумъ-валаціонную (обращенную въ поле) линію, въ особенности же укрѣпить Килень-балочную высоту. Съ этою цѣлью были окончены прежніе редуты и сооружены нѣсколько новыхъ, получившихъ вмѣстѣ съ прежними вообще названіе *Черныхъ Редутовъ*, которые были назначены для обстрѣливанія доступовъ отъ Килень-бухты и Черной Рѣчки, и тогда же перекопана въ нѣсколькихъ мѣстахъ Салперная дорога. Съ другой стороны, Англичане окончили укрѣпленія впереди Балаклавы и вооружили ихъ орудіями большаго калибра; а Французы, на всемъ пространствѣ Салпуть-Горы, отъ Балаклавскаго ущелья до Килень-балочной высоты, соорудили рядъ различныхъ укрѣпленій, усиленных вспомогательными средствами. Вообще же циркумъ-валаціонная линія союзниковъ была устроена на протяженіи около 18ти верстъ.

Съ нашей стороны для обезпеченія Сѣверной Стороны отъ покушеній непріятеля, занимавшаго Килень-балочную высоту

* Точаевскъ, Вейгельтъ. Переводъ Безака. *Осада Севастополя.* 81—82.

и для замедленія работъ осаждающаго, были построены на Инкерманскихъ высотахъ шесть батарей * и впереди ихъ расположены завалы для стрѣлковъ. Ослабленіе огня осадныхъ батарей дало намъ возможность возстановить разрушенныя части оборонительной линіи и усилить ее новыми постройками и вспомогательными препятствіями. Для придавія нашей линіи, растянутой на значительномъ пространствѣ, большей силы и возможности отразить непріятеля, въ случаѣ когда ему удалось бы прорваться сквозь нее въ какомъ-либо изъ слабѣйшихъ мѣстъ ея, рѣшено было устроить на главныхъ пунктахъ сомкнутыя укрѣпленія, что позволило бы намъ уменьшить число войскъ на оборонительной линіи, усиливъ главные резервы, которые могли быть укрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ началѣ ноября, стали смыкать съ горжи 2й бастионъ, а 7го (19го) приступлено къ обращенію укрѣпленій Малахова Кургана въ большое сомкнутое укрѣпленіе (бастионъ Корнилова), которое сдѣлалось главнымъ опорнымъ пунктомъ Корабельной Стороны. Исполненіе этой огромной работы шло весьма успѣшно, благодаря чрезвычайной энергіи и дѣятельности начальника 4го отдѣленія Истомина, хотя скалистый грунтъ кургана и штуцерной огонь Англичанъ, не позволявшій работать днемъ на правомъ фронтѣ, крайне затрудняли наши постройки. Одновременно съ тѣмъ, со 2го по 8е (съ 14го по 20е) ноября, окончены и другія работы по устройству и вооруженію центральнаго редюита Корабельной Стороны и пр.

Въ половинѣ (въ концѣ) ноября, начали смыкать горжу 4го бастиона, и тогда на Городской Стронѣ устроена вторая линія баррикадъ и сооружено нѣсколько батарей, которыя, вмѣстѣ съ оградами и зданіями, приспособленными къ оборонѣ, должны были служить внутреннимъ опорнымъ пунктомъ. **

По устройству вспомогательныхъ преградъ: впереди 5го бастиона вырыты волчьи ямы, положены доски съ гвоздями и устроены засѣки; впереди редута Шварца заложены 4 каменометныхъ фугаса и положены засѣки; предъ правымъ флангомъ 4го бастиона поставлены рогатки и засѣки; изъ

* Эти постройки, получившія названіе *литерныхъ батарей*, были вооружены 23 морскими и 22 полевыми орудіями. Тотлебенъ.

** Тотлебенъ.

минныхъ колодцевъ во рву этого бастіона выведены слуховые рукава; между Малаховымъ Курганомъ и 2мъ бастіономъ и далѣе къ верховью Куленъ-бухты, вырыты волчьи ямы. Особенную пользу для обороны, какъ въ это время, такъ и во все продолженіе осады, доставили *завалы* для стрѣлковъ, то-есть ямы глубиною до полусажени, въ которыхъ помѣщались стрѣлки. Изъ вырытой земли, либо изъ камней, устраивали брустверъ, иногда одѣтый со внутренней стороны турами или земляными мѣшками, а вверху съ бойницами, также изъ земляныхъ мѣшковъ. Такіе завалы большею частью располагались въ нѣсколько линій, такъ чтобы передніе не заслоняли огня заднихъ. При нападении непріятеля въ значительныхъ силахъ, стрѣлки, собравшись въ завалахъ задней линіи, быстро уходили къ ближайшему изъ нашихъ укрѣпленій, бросались въ ровъ и открывали просторъ огню крѣпостныхъ орудій. Стрѣлки обыкновенно занимали завалы ночью и оставались въ нихъ цѣлыя сутки, до смѣны въ слѣдующую ночь. Иногда нѣсколько заваловъ, для взаимной помощи, соединялись траншеями, которыя образовали *контръ-апроши*, устроенныя въ параллельномъ направленіи къ осаднымъ параллелямъ, и потому случалось что, по взятіи ихъ непріателемъ, онъ обращалъ ихъ противъ крѣпости. * Употребленіе контръ-апрошей возбудило въ военномъ мірѣ жаркую полемику между поборниками и противниками ихъ. Едвали возможно сомнѣваться въ пользѣ этого средства, способствующаго упорной и продолжительной оборонѣ; но какъ они сопряжены съ большою потерей въ людяхъ обѣихъ сторонъ, то и должно прибѣгать къ нимъ только въ такомъ случаѣ когда мы получаемъ извнѣ подкрѣпленія и можемъ расходовать часть войскъ для продленія защиты обороняемаго пункта, не ослабляя гарнизона.

Въ ночь съ 6го (18го) на 7е (19е) ноября Французы покушались выбить нашихъ стрѣлковъ изъ заваловъ впереди бастіона № 4го, но были разсѣяны картечью. Англичане также атаквали завалы впереди 3го бастіона предъ разсвѣтомъ 8го (20го) ноября. Высланные противъ непріятеля два горные еднорога нѣсколькими картечными выстрѣлами заставили его отступить. **

* Тотлебенъ, Вейгельтъ, 83—84. Bazancourt. *L'armée*. II, 123.

** Тотлебенъ.

Удачнѣе было нападеніе Англичанъ въ ночи съ 8го (20го) на 9е (21е) ноября на завалы устроенные на Зеленой Горѣ. Тамъ находились 118 охотниковъ 6го резервнаго баталіона Волынскаго полка и изъ матросовъ, подъ начальствомъ Волынскаго полка подпоручика Игнатъева. Въ семь часовъ вечера, три роты англійскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ капитана Тріона, въ густой цѣли, поддержанные двумя колоннами, выйдя изъ параллели, ударили на переднюю линію заваловъ и выбили оттуда нашихъ стрѣлковъ, которые отступили во вторые завалы, но, въ свою очередь, бросились впередъ съ крикомъ *ура* и выгнали непріятеля. Тогда Англичане открыли сильный ружейный огонь, атаковали вторично завалы и послѣ упорнаго боя овладѣли обѣими ихъ линіями. Въ половинѣ десятаго, подпоручикъ Игнатъевъ, отоидя со своими охотниками къ батарее Перекомскаго, навелъ непріятеля на перекрестный огонь нѣсколькихъ нашихъ батарей. Англичане потеряли въ этой схваткѣ своего начальника, пораженнаго смертельно пулей въ голову, и 25 стрѣлковъ; съ нашей стороны убито 3 и ранено 20 нижнихъ чиновъ; къ сожалѣнію храбрый Игнатъевъ былъ тяжело раненъ. Въ два часа ночи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, узнавъ отъ высланныхъ для развѣданія о непріятелѣ охотниковъ что Англичане оставили ближайшіе къ крѣлости завалы, приказалъ Волынцамъ и матросамъ снова занять ихъ, что и было исполнено; но непріятель въ превосходныхъ силахъ вышелъ на встрѣчу нашимъ охотникамъ, оттѣснилъ ихъ и къ разсвѣту 9го (21го) соединилъ передніе валы траншею на протяженіи около ста сажень.*

Въ слѣдующую ночь англійскія войска заняли наши задніе (ближайшіе къ городу) завалы и устроили на ихъ мѣстѣ третью параллель. Съ нашей стороны, чтобы не позволить Англичанамъ утвердиться на оконечности Зеленой Горы, откуда они могли поражать штуцернымъ огнемъ пространство позади 3го и 4го бастионовъ, рѣшено было постоянно тревожить непріятельскія работы и сильно обстрѣливать ихъ. Съ этою цѣлью удлинена батарея (Смагина) позади 3го бастиона на три орудія и заложена новая батарея (Коцебу) позади 4го бастиона на два орудія.**

Для держанія же непріятеля въ безпрестанной тревогѣ

* Тотлебенъ. Guérin. II, 18—19.

** Тотлебенъ.

(что, кромѣ изнуренія его войскъ, заставляло его постоянно имѣть въ траншеяхъ значительныя силы подѣ выстрѣлами крѣпостной артиллеріи) производились небольшія вылазки. Сначала почти исключительно ходили на вылазки охотники изъ матросовъ, но въ послѣдствіи солдаты и казаки (пластуны) солерничали съ моряками въ удальствѣ подлозти неожиданно къ непріятельскому ликету, заколотъ часоваго, ворваться въ траншею, поднять на ноги непріятельскіе резервы и уйти вовремя незамѣтно. Многіе изъ моряковъ ходили на вылазки по нѣскольку разъ, и до того облюбили это занятіе что оно обратилось какъ бы въ страсть. Само собою разумѣется что такая опасная игра обходилась не безъ потерь, и потому не всегда разрѣшалась начальствомъ; а какъ нѣкоторые изъ смѣльчаковъ рѣшались уходить на вылазку и безъ дозволенія, на свой страхъ, то чтобы предупредить подобныя отступленія отъ воинскаго порядка и сохранить храбрыхъ людей, необходимыхъ для защиты Севастополя, держали нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особымъ присмотромъ. Въ числѣ такихъ неугомонныхъ охотниковъ подраться съ непріятелемъ, 30го экипажа матросъ *Кошка* составилъ себѣ блистательную извѣстность, но такихъ въ Севастополѣ было много. Да и вообще какъ между Черноморскими моряками, такъ и между всеми бывшими наряду съ ними въ защиту „своего“ города, храбрость, при той жизни которую тогда вели они, сдѣлалась общимъ качествомъ, и храбрость не порывами, а постоянная, обратившаяся въ убѣжденіе что едва ли кому изъ „Севастопольцевъ“ удастся снести голову, выдти цѣлу и невредиму изъ этого горнила смертоносныхъ снарядовъ, въ которомъ огонь и желѣзо наперерывъ уничтожали цвѣтъ народонаселенія Россіи. *

Не довольствуясь обычнымъ наладеніемъ невзначай на олошнаго врага, наши охотники разнообразили свои ночные подвиги, придумывая всякія хитрости чтобы захватить живьемъ непріятельскаго часоваго и притащить его въ ближайшее укрѣпленіе. Для этого они иногда употребляли особый снарядъ, укороченную лику, которой остріе было загнута въ видѣ крючка. Охотникъ, притаивъ дыханіе, подлозая въ темнотѣ къ траншеѣ, стаскивалъ со стѣнки часоваго, и съ помощью товарищей доставлялъ его на ближайшую

* Алабинъ. II, 136—137.

батарею. Подобные случаи повторялись такъ часто что самъ генералъ Канроберъ счелъ нужнымъ сообщить о томъ начальнику Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанту Сакену. * „Позвольте мнѣ — писалъ онъ — довести до вашего свѣдѣнія фактъ; по всей вѣроятности, вамъ неизвѣстный: я удостовѣрился что въ схваткахъ происшедшихъ на дняхъ впереди нашихъ траншей, нѣсколько офицеровъ и солдатъ были захвачены съ помощію веревокъ и шестовъ съ крючьями. У насъ нѣтъ никакого оружія кромѣ ружей, штыковъ и сабель, и хотя я не беру на себя обязанности доказывать что употребленіе другихъ средствъ противно правиламъ войны, однакоже позволю себѣ повторить старинное французское выраженіе: „что такія средства не могутъ считаться приличнымъ оружіемъ“. (Que ce ne sont point là des armes courtoises). Предоставляю на ваше усмотрѣніе.“

Въ отвѣтъ на это посланіе, генералъ Сакенъ писалъ: „солдатамъ нашимъ приказано брать въ плѣнъ непріятелей, не убивая ихъ безъ надобности. Что же касается до упомянутыхъ вами снастей (instruments), то легко быть можетъ что рабочіе, всегда сопровождающіе наши вылазки, употребляли ихъ для своей обороны“. **

20го ноября (2го декабря) были произведены съ 3го бастиона двѣ вылазки на Зеленую Гору: одна, на разсвѣтъ, командою охотниковъ, изъ 60ти нижнихъ чиновъ 6го резервнаго Волынскаго баталіона и 11ти матросовъ, подъ начальствомъ коллорудчика Полеваго, а другая, въ восемь часовъ вечера, 60ю охотниками Томскаго полка и 4мя матросами, подъ начальствомъ поручика Жаринова. {Въ этихъ обоихъ дѣлахъ, Англичане, застигнутые врасплохъ, были обращены въ бѣгство съ урономъ. Французы отличались большею осторожностью, и потому нашимъ секретамъ было труднѣе слѣдить за ихъ работами. Тѣмъ не менѣе однакоже намъ удалось, въ ночи на 19е ноября (на 1е декабря), удостовѣриться въ заложениіи ими траншей впереди редута Шварца, что угрожало веденіемъ подступовъ противъ этого укрѣпленія. Такое

* Генералъ-адъютанту Сакену, назначенному, по представленію глаза Меншикова, командиромъ 4го пѣхотнаго корпуса, на мѣсто генерала Данненберга, было поручено начальство надъ войсками Севастопольскаго гарнизона.

** Bazancourt. *L'armée*. II, 164—165

расширеніе вѣво атаки Французовъ могло способствовать имъ, ло занятіи высоты впереди редута, устроить на ней сильныя батареи и поражать съ меньшаго разстоянія во флангъ какъ 4й бастионъ, такъ и всю ближайшую часть города. Мѣстность противъ редута Шварца представляла непріятелю удобство вести подступы, не подвергаясь сильному огню съ оборонительной линіи, и потому, для замедленія непріятельскихъ работъ, обороняющійся приступилъ къ устройству *ложементовъ*.

Севастопольскіе ложементы состояли изъ короткихъ участковъ траншей, закладываемыхъ летучею сапою впереди оборонительной линіи, на такомъ разстояніи отъ ближайшихъ непріятельскихъ работъ чтобы можно было мѣшать успѣху ихъ ружейнымъ огнемъ. Слѣдовательно, ложементы имѣли назначеніе одинаковое съ завалами; но различались отъ нихъ тѣмъ что завалы, изобрѣтенные самими войсками стоявшими на аванпостахъ, строились наскоро, безъ пособія искусства, и потому не всегда могли быть удобны для стрѣльбы и доставлять надежное прикрытіе отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Напротивъ того, ложементы, болѣе обширныя и самостоятельныя нежели завалы, сооружались на особенно выгодныхъ мѣстахъ, особыми рабочими, такъ чтобы, доставляя возможность дѣйствовать съ выгодою огнестрѣльнымъ оружіемъ и прикрывая достаточно стрѣлковъ отъ артиллерійскихъ снарядовъ, они представляли небольшую цѣль, въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ, не закрывали его отъ огня съ оборонительной линіи. Ложементы, подобно заваламъ, строились въ двѣ линіи, причемъ сперва закладывалась передняя, а потомъ уже, для подкрѣпленія ея, задняя, въ которой помѣщались резервы; обѣ линіи располагались въ шахматномъ порядкѣ. *

Первый ложементъ былъ сооруженъ въ ночь съ 20го на 21е ноября (со 2го на 3е декабря), въ ста саженьяхъ впереди редута Шварца, на краю городского оврага, инженеръ-поручикомъ Ватовскимъ, съ рабочими и прикрытіемъ отъ Мяскаго пѣхотнаго полка. ** Къ утру ложементъ въ 30 шаговъ

* Тотлебенъ.

** Подробности исполненія этой работы можно видѣть въ соч. генерала Тотлебена: *Описаніе обороны города Севастополя*, т. I, гл. XXI.

дѣлы уже были окончены. Эта постройка была исполнена съ такою тишиною что, несмотря на яркій свѣтъ полной луны и на близость непріятельскихъ траншей, Французы не знали о нашей работѣ и допустили окончить ее безъ всякой потери. Предъ разсвѣтомъ рабочіе были отведены, а ложементъ занятъ 20ю штуцерными Минскаго полка, которые тотчасъ открыли огонь какъ по непріятельскимъ работамъ впереди редута Шварца, такъ и во флангъ третьей параллели предъ четвертымъ бастиономъ. Непріятель обратился на ложементъ сильную канонаду, но безуспѣшно, по малой цѣлѣ имъ представляемой. Въ слѣдующія ночи продолжались такія же работы, и къ 24му ноября (6му декабря) впереди редута Шварца уже было построено семь ложементовъ, способныхъ выдержать дѣйствіе непріятельской артиллеріи и подведенныхъ подъ выстрѣлы оборонительной линіи посредствомъ сгласировки ихъ выемки и насыпи. Въ трехъ переднихъ ложементахъ помѣщались по 30 стрѣлковъ, а въ четырехъ заднихъ, отстоявшихъ отъ первыхъ на 60—120 шаговъ, по 40 или 50 человекъ въ каждомъ. Въ послѣдствіи, по мѣрѣ распространенія французской атаки влѣво, по направленію къ Карантинной бухтѣ, были устроены ложементы на всемъ протяженіи отъ Городскаго оврага до Карантинной бухты. Сооруженіе ихъ было поручено инженеръ-поручику Берху и юнкеру Бениславскому. Изъ этихъ ложементовъ зорко слѣдили за непріятелемъ, и какъ только онъ приступалъ къ работамъ, то немедленно открывали мѣткій ружейный огонь, а изъ ложементовъ у бухты стрѣляли также изъ Кугорновыхъ мортиръ. Подобные же ложементы были устроены и предъ обоими фланками 4го бастиона, капитаномъ 4го салернаго баталіона Танагелемъ и инженеръ-поручикомъ Дельсалеиъ. Передняя линія этихъ построекъ находилась въ полутараста шагахъ отъ третьей французской параллели. Противъ англійскихъ работъ также было расположено нѣсколько ложементовъ. *

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь ослабленіемъ огня осадныхъ батарей, мы значительно усилили вооруженіе укрѣпленій праваго фланга оборонительной линіи и построили три новыя батареи, на которыхъ поставлено 21 орудіе. **

* Тотлебенъ.

** Вообще же на укрѣпленіяхъ праваго фланга оборонительной

Въ продолженіе времени до половины (до конца) декабря были исполнены многія работы по инженерной части. Важнѣйшими изъ нихъ были: постройка на Городской Сторонѣ трехъ редутовъ, составившихъ вторую оборонительную линію, и усиленіе внутренней обороны города. Одинъ изъ редутовъ, *Чесменскій*, образовался изъ соединенія нѣсколькихъ батарей позади пятого бастиона. Другой редутъ, *Ростиславскій*, былъ заложенъ позади оборонительной стѣнки, между пятымъ и шестымъ бастионами, а третій, *Язюновскій*, составилъ изъ батарей четвертаго бастиона. Всѣ три редута получили свое названіе отъ судовъ команды которыхъ принимали участіе въ ихъ постройкѣ и вооруженіи. Для усиленія внутренней обороны всей части городской ограды между пятымъ и седьмымъ бастионами, устроены въ третьей линіи, на западной окраинѣ городской высоты, шесть батарей, вооруженныхъ 17ю орудіями. На 4мъ бастионѣ горжевой околы оконченъ и для большаго обезпеченія горжи расположены предъ нею въ нѣсколько линій волчьи ямы. Для прегражденія непріятелю доступа въ городъ отъ Перемысли по западному берегу Южной бухты, были устроены, одна позади другой, 4 батареи, вооруженныя 13ю орудіями. На Корабельной Сторонѣ, Малаховъ Курганъ значительно усиленъ, какъ возвышеніемъ бруствера и углубленіемъ рва, такъ и замѣною горныхъ еднороговъ орудіями большаго калибра и постановкою 2хъ пушекъ-карронадъ, для фланкированія горжи 2го бастиона. Въ послѣднихъ числахъ ноября (въ первой половинѣ декабря), на курганѣ стояло 43 орудій*.

лини, въ первой (во второй) половинѣ декабря, находилось слѣдующее число орудій:

На 5мъ бастионѣ: пушка бомбовая 68ти фунт. одна, пушекъ 24—36 фунт. 15, еднорогъ 1 пуд. одинъ, пушекъ-карронадъ и карронадъ 10, мортиръ 22, всего 49 орудій.

На люнетѣ Валькина: пушка бомбовая 68 фунт. одна, пушекъ-карронадъ 8, мортиръ 3, всего 12 орудій.

На 6мъ бастионѣ: пушекъ бомбовыхъ 3хъ пуд. 3, пушекъ 14, еднороговъ 6, мортиръ 5ти пуд. 2, всего 25 орудій.

Тоталемъ.

* Въ концѣ ноября (въ первой половинѣ декабря) на Малаховомъ Курганѣ находились: пушка бомбовая 68ми фунт. одна, пушекъ 36ти фунт. 16, еднороговъ 1 пуд. 3, пушекъ-карронадъ 24хъ фунт. 2. Тоталемъ.

Траншеи по сторонамъ Малахова Кургана, вправо до батареи Жерве и влѣво до бастіона № 2го, обращены въ окопы полевой профили и получили названіе куртимъ; а для доставленія передней покатости кургана перекрестной обороны поставлены на куртинахъ 5 орудій и усилено вооруженіе батареи Жерве двумя орудіями. Къ батареѣ на мѣстѣ 1го бастіона, съ лѣвой стороны, пристроенъ фланкъ на двѣ 24хъ-фунтовыя пушки-карронады, для обстрѣливанія мѣстности впереди 2го бастіона, а въ обѣ стороны батареи вырыты траншеи, приспособленныя къ ружейной оборонѣ. На 3мъ бастіонѣ горжевой окопъ оконченъ и приспособленъ къ ружейной оборонѣ; батарея вправо отъ 3го бастіона соединены траншеями, также для ружейной обороны. Къ батареѣ Перкомскаго слѣва пристроенъ новый фасъ на 3 орудія, для обстрѣливанія праваго берега Лабораторной балки; батарея Булицева удлинена вправо на 2 орудія, а на лѣвомъ фасѣ ея число орудій увеличено до пяти, для усиленія огня впереди 3го бастіона; позади этой батареи, для обстрѣливанія лѣвой отагоности Доковаго Оврага, построена новая батарея на 4 орудія. Для обстрѣливанія навѣснымъ огнемъ ближайшихъ англійскихъ работъ на оконечности Зеленой Горы, поставлено на батареяхъ вправо отъ 3го бастіона, по недостатку мортаръ, нѣсколько карронадъ на особыхъ станкахъ приспособляемыхъ для дѣйствія подъ большими углами возвышенія и получившихъ названіе *элевационныхъ*. Въ послѣдствіи многія изъ предпріятыхъ работъ были окончены и улучшены. Въ концѣ декабря, для защиты людей отъ навѣснаго огня, начали устраивать прочныя блиндажи и тогда же приступили къ снабженію амбразуръ тросовыми (веревочными) заслонами, предложенными морляками. Какъ загражденіе рейда затопленными кораблями было зимою размыто бурями, то, чтобы не дать непріятельскому флоту возможности занять Артиллерійскую бухту и бомбардировать оттуда городъ, были построены, по требованію адмирала Нахимова, на Городской высотѣ, у Малаго Бульвара, двѣ батареи, на 4 и 2 орудія *.

Со времени боя при Инкерманѣ, Французы, заложивъ третью параллель въ 65ти саженьяхъ отъ 4го бастіона, не

* Татабелъ.

подвигались впередъ своими подступами, и потому сѣдowało ожидать что непріятель, оставя надежду приблизиться къ бастиону салюю, поведеть противъ него мины, чтобы взорвать его, либо образованіемъ большихъ воронокъ и устройствомъ въ нихъ ложементовъ содѣйствовать успѣху подступовъ. Чтобы предупредить такія покушенія осаждающаго, устройствомъ контръ-минъ, съ нашей стороны, въ началѣ (въ половинѣ) декабря, на 4мъ бастионѣ были собраны необходимыя средства и приступлено къ подземнымъ работамъ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ полковника Тоталеба; исполненіе же работъ было поручено имъ штабсъ-капитану 4го салернаго баталіона Мельникову. Для работы назначены 200 нижнихъ чиновъ 4го салернаго баталіона и 80 минеровъ отъ 4го и 6го салерныхъ баталіоновъ; всѣ они были раздѣлены на три смѣны, работавшія по 8ми часова въ сутки: въ каждую смѣну наряжали по 200 рабочихъ отъ лѣхоты. Производство взрывовъ было возложено на гальваническую команду поручика Поуѣико.

Первоначальный планъ контръ-минной системы состоялъ въ томъ чтобы расположить подъ дномъ рва бастиона галерею, въ глинистомъ слоѣ, между двумя пластами скалы, вывести изъ этой галереи слуховые рукава по направленію капитали, какъ можно далѣе, и соединить галерею подземнымъ сообщеніемъ съ нишами, для помѣщенія минныхъ припасовъ и гальваническихъ батарей. Работы затруднялись недостаткомъ математическаго и плохимъ качествомъ землянокаго инструмента, однакоже несмотря на то, и на значительное скопленіе въ подземныхъ ходахъ грунтовой воды, къ половинѣ (къ концу) января 1855 года, всѣ предположенныя работы были почти окончены и слуховые рукава выведены впередъ до 20ти сажень, а ближайшіе къ капиталу до 25ти сажень. 25го декабря (6го января 1855 года), дезертиръ иностраннаго легіона показалъ что Французы вели мины подъ 4й бастионъ, и дѣйствительно еще въ ноябрѣ они вырыли въ поворотѣ третьей параллели, для развѣданія грунта, два колодезя, намѣреваясь вывести изъ нихъ галерею къ бастиону и взорвать его; но отложили на время подземныя работы, и только лишь 18го (30го) января, въ слуховомъ рукавѣ на капиталу 4го бастиона, была услышана впервые работа непріятельскаго минера. Полковникъ Тоталебъ, желая разбить непріятельскія галереи на значительную дальну,

не производя при этомъ большаго разрушенія на поверхности земли, рѣшился допустить непріятеля какъ можно ближе, и выдѣлавъ камеру съ зарядомъ въ 12 пудовъ, выждалъ до того времени когда во французской галлерей наши рабочіе услышали скрипъ минной телѣжки, даже говоръ людей, что выказывало неосторожность непріятеля, не ожидавшаго встрѣтить контръ-мину. 22го января (3го февраля), былъ произведенъ взрывъ, котораго дѣйствіе обнаружилось легкимъ поднятіемъ земли надъ горномъ и разрушеніемъ непріятельской галлерей до самаго начала ея у третьей параллели. Съ нашей стороны полагали что непріятель заложитъ усиленный горнъ и взорветъ его, чтобы разбить контръ-мины, но, вмѣсто того, оны ограничился взрывомъ, 26го января (7го февраля), весьма слабаго горна, въ разстояніи болѣе 13ти сажень отъ нашей воронки, имѣя въ виду преградить доступъ нашимъ войскамъ чрезъ его галлерей*.

Въ продолженіе зимы, почти каждую ночь производились съ оборонительной линіи вылазки, которымъ иногда придавали по два горныхъ единорога, съ прикрытіемъ изъ матросовъ, вооруженныхъ мушкетонами. Въ нѣсколько болѣе размѣрѣ были предприняты вылазки въ ночь съ 29го на 30е ноября (съ 11го на 12е декабря).

Чтобъ отвлечь вниманіе отъ главной вылазки, съ 4го бастіона, произведенной съ цѣлью узнать не возводитъ ли непріятель въ 3й параллели брешь-батарею и заклепать находящіяся тамъ мортиры, была предпринята другая, небольшая вылазка. Нѣсколько раннѣ полуночи, мичманъ Титовъ 2й, выйдя изъ воротъ правѣе 5го бастіона, съ двумя горными единорогами и двадцатью мортирами съ мушкетонами, подошелъ незамѣтно на тридцать шаговъ къ новой траншеѣ, выведенной Французами наканунѣ противъ капитали 5го бастіона, открылъ огонь по рабочимъ и обративъ ихъ въ бѣгство отошелъ въ Загородную балку безъ потери. Вслѣдъ затѣмъ, около часа пополудни, произведена большая вылазка отрядомъ въ числѣ 515 человекъ, ** подъ начальствомъ войсковаго старшины 2го Черно-

* Подробности исполненія этихъ инженерныхъ работъ можно найти въ сочиненіи генерала Тотлебена: *Описаніе обороны города Севастополя*. Т. I. Главы XXI, XXII, XXIII.

** Составъ отряда подъ начальствомъ войсковаго старшины Головинскаго:

морскаго казачьяго баталіона Головинскаго, съ резервомъ изъ двухъ ротъ, подъ командою артиллеріи подполковника Розенталя. Отрядъ Головинскаго, выйдя изъ 4го бастіона и построясь впереди застѣки, по сигналу свисткомъ кинулся впередъ и ворвался въ третью параллель. Здѣсь завязался рукопашный бой, въ которомъ Французы, не устоявъ противъ рѣшительнаго удара нашихъ пластуновъ и матросовъ, были опрокинуты и бѣжали во вторую параллель, откуда открыли сильный ружейный огонь по занятой нами параллели. Между тѣмъ Головинскій, успѣвъ разрушить часть непріятельскихъ работъ и заклепавъ четыре большія мортиры, возвратился на бастіонъ съ захваченными имъ восемью пѣхотными (въ числѣ коихъ былъ офицеръ), тремя мортирками и нѣсколькими ружьями. Уронъ его отряда состоялъ вообще изъ 64 человекъ. Въ числѣ тяжело раненыхъ былъ лейтенантъ Батьяновъ. Французы, по собственному ихъ показанію, потеряли въ этомъ дѣлѣ одними убитыми до полутора-ста человекъ.

Въ ту же ночь были произведены съ 3го бастіона двѣ вылазки подлоручикомъ Московскаго полка Бейтнеромъ, съ лѣтюдесятю охотниками 6го резервнаго баталіона Воинскаго и Московскаго полковъ: первая, предпринятая одновременно съ большою вылазкой, была направлена къ англійской траншеѣ устроенной наканунѣ поперегъ Лабораторной балки, а другая, нѣсколько позже, имѣла цѣлью выгнать непріятели изъ Сарандинакиной балки. Оттѣснивъ непріятельскую цѣль и разрушивъ часть непріятельскихъ траншей, команда Бейтнера возвратилась на оборонительную линію съ потерей въ оба раза семи человекъ ранеными.*

Безпрестанныя вылазки Севастопольскаго гарнизона заставили генерала Канробера сформировать три особыя роты, каждую въ полутора-ста человекъ, подъ названіемъ *оохотниковъ* (*éclaireurs volontaires*), которые должны были развѣ-

Черноморскаго казачьяго № 2го баталіона, подъ командою сотника Щербы и есаула Вербовскаго, 380 человекъ.

Матросовъ, подъ командою лейтенанта Батьянова 1го и мичмана Батурина, 80 человекъ.

Копылявскаго полка съ прапорщикомъ Мусевичемъ 50 человекъ.

Саперъ съ инженеръ-поручикомъ Дельсалеомъ 5 человекъ.

* Донесенія князя Меншикова.—Bazan-court. *L'armée*. II, 134—135. Guérin. II, 24—25.

дывать о всемъ томъ что происходило впереди нашихъ укрѣпленій, извѣщать о вылазкахъ изъ города, тревожить наши передовые посты, разрушать наши завалы и пр. Въ просторѣчии они назывались *сорои головами* и *чертами* (*enfants perdus et infernaux*) и вскорѣ сдѣлались извѣстны отсутствіемъ воинской дисциплины. *

Съ вашей стороны, кромѣ вылазокъ противъ непріятельскихъ работъ была предпринята и морская вылазка, днемъ 24го ноября (6го декабря), по распоряженію вице-адмирала Нахимова, капитаномъ 2го ранга Бутаковымъ съ пароходами *Владиміръ* и *Херсонесъ*. Самъ Бутаковъ принялъ на себя атаку желѣзнаго винтового парохода *Мегеры*, стоявшаго на фарватерѣ противъ Песочной бухты для наблюденія за нашими судами на рейдѣ; а капитанъ-лейтенанту Рудневу съ пароходомъ *Херсонесъ* поручено было наблюдать за двумя пароходами *Катономъ* и *Коришуномъ*, стоявшими въ Стрѣлецкой бухтѣ. Выйдя быстро изъ-за боновъ, *Владиміръ* полнымъ ходомъ устремился къ винтовому пароходу и сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ по непріятельскому лагерю, расположенному на восточномъ склонѣ Стрѣлецкой бухты, и по находившемся въ ней пароходамъ. Винтовой пароходъ, подавъ сигналъ союзному флоту о неожиданномъ нападении, спѣшилъ уйти подъ выстрѣлы судовъ расположенныхъ въ Камышевой и Казачьей бухтахъ, а *Владиміръ*, проведивъ его выстрѣлами, присоединился къ *Херсонесу* и вмѣстѣ съ нимъ сталъ бросать бомбы по двумъ пароходамъ и по лагерю у Стрѣлецкой бухты. Между тѣмъ нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ, успѣвъ развести якоря, снялись съ якоря, а потому, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ входа въ бухту, капитанъ Бутаковъ прекратилъ бой и возвратился въ Севастополь. Потери въ людяхъ на нашихъ пароходахъ не было и только перебито нѣсколько снастей. **

Въ числѣ нашихъ моряковъ ходившихъ въ ночные поиски вдоль Севастополема, приобрѣлъ громкую славу, или, лучше сказать, сдѣлался извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ необъятной Россіи, лейтенантъ Бирюлевъ. Подъ начальствомъ его были произведены вылазки: съ 19го на 20е декабря (съ 31го

* Guérin, II, 25—36.

** Рапортъ вице-адмирала Нахимова, отъ 24го ноября 1854 года. Bazancourt. *Marine*. I, 381—383.

декабря на 1е января); на 1е (13е) января, и въ особенности удачная, съ 19го на 20е января (съ 31го января на 1е февраля 1855 года). Для этой вылазки, предпринятой съ цѣлью отбить у Французовъ занятые наканунѣ ими наши завалы, впереди лѣваго фаса 4го бастіона, въ разстояніи не болѣе 25 сажень отъ непріятельскихъ траншей, назначенъ былъ отрядъ изъ 250ти охотниковъ и 80ти рабочихъ. * Въ темную ненастную ночь, отрядъ нашъ подошелъ незамѣтно къ заваламъ, взобрался на высоту и, послѣ троекратнаго оклика изъ ложемента: „Qui vive?“ (Кто идетъ?), съ громкимъ крикомъ ура ударилъ во флангъ непріятели. Лежавшіе въ завалахъ французскіе отборные охотники (éclaireurs volontaires d'élite) дали по нашему отряду залпъ изъ ружей, заряженныхъ двумя пулями, и отступили въ третью параллель. Охотники Бирюлева ворвались туда вслѣдъ за Французами; но были встрѣчены перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ второй параллели и ходовъ сообщенія, и атакованы двумя ротами 42го линейнаго полка и нѣсколькими командами стрѣлковъ и рабочихъ. Наши охотники, желая дать своимъ рабочимъ время перестроить обращенные непріятели противъ насъ завалы, ходили въ штыки шесть разъ; завязался упорный рукопашный бой, дрались прикладами, метали другъ въ друга камни. Здѣсь матросъ 30го экипажа Шевченко, сопровождавшій во всѣхъ вылазкахъ лейтенанта Бирюлева, явилъ особенный примѣръ самоотверженія. Когда наши охотники вытѣснили непріятели изъ траншей штыками, человекъ лятнадцать изъ отступавшихъ Французовъ прицѣпились къ Бирюлева. Тогда Шевченко, усмотрѣвъ какой опасности подвергается его начальникъ, осѣнилъ себя крестомъ, заслонилъ Бирюлева собою и палъ въ защиту его, пораженный смертельно пулею. Наконецъ, когда работа уже была окончена и къ непріятели прибыли сильныя подкрѣпленія, Бирюлевъ отвелъ свой отрядъ къ заваламъ, оставилъ тамъ штыцерныхъ и возвратился на 3й бастіонъ, унеся всѣхъ ране-

* Составъ отряда лейтенанта Бирюлева: Охотскаго егерскаго полка поручикъ Герсдорфъ и прапорщикъ Цируковъ съ 75ю людьми Охотскаго егерскаго полка; прапорщикъ Семеновскій съ 75ю людьми Волынскаго пѣхотнаго полка; прапорщикъ Канисскій съ 75ю людьми резервнаго баталіона Волынскаго пѣхотнаго полка; мичманъ Сахновскій съ 25ю людьми 45го флотскаго экипажа.

ныхъ и захвативъ въ лѣвъ двухъ офицеровъ и семь рядовыхъ. Со стороны Французовъ были убиты либо ранены четыре штабъ-и оберъ-офицера и множество нижнихъ чиновъ. Урокъ ихъ увеличился ошибкою ихъ войскъ занимавшихъ траншеи, которыя въ темнотѣ, принявъ за непріятеля двѣ роты французскаго 46го линейнаго полка, встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ. Съ нашей стороны убиты одинъ офицеръ, Вольнскаго полка прапорщикъ Семенскій, и три человека изъ нижнихъ чиновъ; ранено 34 нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ матросъ Кошка.*

Императоръ Николай, по полученіи донесенія князя Меншикова объ этой вылазкѣ, высочайше соизволилъ произвести лейтенанта Бирюлева въ капитанъ-лейтенанты и назначить его флигель-адъютантомъ.

Велики были подвиги храбрости и самоотверженія совершенные на вылазкахъ защитниками Севастополя. И кто можетъ исчислить ихъ? ** Одни изъ нашихъ героевъ пали славою смертию, другіе, оставшись въ живыхъ, не считали нужнымъ оглашать дѣла доблести которыхъ б^ыли участниками. Для нихъ не было ничего чрезвычайнаго ^{опрѣ}ть молодецкою грудью за Россію въ темныя ночи, вдали отъ своихъ, вѣ взорозъ начальниковъ и товарищей, которые могли бы оцѣнить дѣйствія мужественныхъ воиновъ. Ихъ возбуждали не награды, не отличія. Они шли на смертный бой за вѣру, за царя, за Россію. Другихъ ломысловъ у нихъ не было и не могло быть. Они были всѣ храбры: каждый офицеръ былъ Бирюлевъ; каждый изъ рядовыхъ Шевченко. Да будутъ же примѣромъ грядущимъ поколѣніямъ Русскаго народа извѣстные и неизвѣстные герои славной Севастопольской обороны, пока предъ лицомъ міра красуется великая, могучая Россія!

М. БОГДАНОВИЧЪ.

* Донесеніе князя Меншикова, отъ 23го января 1855 года. Приказъ князя Меншикова, отъ 2го февраля 1855 года. Guérin, II, 84—86.

** Кромѣ помянутыхъ офицеровъ, въ особенности отличались на вылазкахъ: моряки Асталовъ и Завалишинъ; саперный подполковникъ Макаровъ; пѣхотные: майоры Саловъ и Рудановскій; капитаны Лапуновъ и Сыробоарскій; поручики Ваальцовъ и Васильевъ и подпоручикъ Юдинъ.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА

РОМАНЪ

ВУЛЖИ КОЛЛИНЗА

20.
1874

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXVIII.

Во мракѣ.

Съ такимъ человѣкомъ какъ Мизерримусъ Декстеръ и съ такою цѣлью какую я имѣла въ виду, неполная откровенность была невозможна. Я должна была или довѣрить ему всѣ мои интересы безъ всякой утайки, или совсѣмъ отказаться подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ отъ разговора для котораго я пріѣхала къ нему. Между этими двумя крайними путями не было средняго. Я рѣшилась и начала смѣлымъ и откровеннымъ объясненіемъ собственнаго положенія.

— Вы почти ничего не знаете обо мнѣ, мистеръ Декстеръ, сказала я. — Вы кажется даже не подозреваете что я и мужъ мой не живемъ больше вмѣстѣ.

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1874 №№ 10, 11, 12 и 1875 № 1.

— Нельзя ли не упоминать о вашемъ мужѣ, сказалъ онъ холодно, не поднимая глазъ съ вышиванія, не прерывая работы.

— Никакъ нельзя, отвѣчала я. — Я не могу объясниться не упоминая о мужѣ.

Онъ наклонилъ голову съ покорнымъ вздохомъ.

— Итакъ мужъ вашъ и вы не живете больше вмѣстѣ, повторилъ онъ. — Значить ли это что Евстаеій покинулъ васъ?

— Да, онъ покинулъ меня и уѣхалъ за границу.

— Безъ необходимости?

— Безъ всякой необходимости.

— И не сказалъ когда вернется къ вамъ?

— Если онъ не перемѣнилъ своего рѣшенія, мистеръ Декстеръ, онъ никогда не вернется ко мнѣ.

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня съ выраженіемъ внезапнаго интереса.

— Такъ вотъ какъ серьезна ваша ссора, сказалъ онъ. — По взаимному соглашенію вы оба возвратили себѣ свободу, прекрасная мистрисъ Валерія?

Тонъ которымъ онъ предложилъ этотъ вопросъ не понравился мнѣ. Взглядъ которымъ онъ смотрѣлъ на меня наполнилъ мнѣ что я одна съ нимъ и что онъ можетъ воспользоваться этимъ. Я дала ему понять болѣе тономъ чѣмъ словами что онъ обязанъ былъ относиться ко мнѣ почтительно.

— Вы въ полнѣйшемъ заблужденіи, сказала я. — Между нами нѣтъ никакой ссоры, даже никакого недоразумѣнія. Наша разлука причиняетъ намъ обоимъ сильное страданіе, мистеръ Декстеръ.

Онъ принялъ мой выговоръ съ пролическою покорностью.

— Я весь вниманіе, сказалъ онъ принявшись олять за вышиваніе. — Продолжайте пожалуйста, я не прерву васъ олять.

Я приняла его приглашеніе и разказала ему всю правду о моемъ разрывѣ съ мужемъ, стараясь представить поступокъ Евстаеія въ лучшемъ свѣтѣ какой только былъ возможенъ. Мистеръ Декстеръ олустилъ свою работу на колѣни и засмѣялся тихимъ, злораднымъ смѣхомъ, возмущившимъ меня до глубины души.

— Я не вижу въ этомъ ничего смѣшнаго, сказала я рѣзко.

Его прекрасные голубые глаза устремились на меня съ невыразимымъ изумленіемъ.

— Вы не видите ничего смѣшнаго въ такомъ проявленіи человѣческой глулости! воскликнулъ онъ. Затѣмъ лицо его внезапно омрачилось и приняло какое-то странное, суровое выраженіе.

— Позвольте, сказалъ онъ прежде чѣмъ я успѣла возразить ему. — Я нахожу только одно объясненіе тому что вы относитесь къ этому такъ серьезно. [Вы привязаны къ своему мужу, мистрисъ Валерія.

— Вы употребили слишкомъ слабое выраженіе, мистерь Декстеръ. Я люблю моего мужа всѣмъ сердцемъ.

Мизерримусъ Декстеръ погладилъ свою великолѣпную бороду и повторилъ презрительнымъ тономъ:

— Вы любите вашего мужа всѣмъ сердцемъ. А знаете вы за что вы его любите?

— Я люблю его потому что не могу не любить его, отвѣчала я сердито.

Онъ улыбнулся саркастически и принялся опять за свое вышиваніе.

— Любопытное явленіе, сказалъ онъ про себя. — Первая жена Евстаѳія тоже любила его. Есть мушны которыхъ любятъ всѣ женщины и есть мушны на которыхъ ни одна женщина не хочетъ обратить вниманія. Это странное явленіе нельзя объяснить никакою видимою причиною. Одинъ мушна повидимому также хорошъ какъ и другой, также красивъ, также любезенъ, также почтененъ. Но для перваго женщины готовы пройти огонь и воду, а для втораго не хотятъ даже повернуть голову чтобы взглянуть на него. Почему? Женщины сами этого не знаютъ, какъ созналась сейчасъ мистрисъ Валерія. Не происходитъ ли это отъ какой-нибудь физической причины? Не обладаетъ ли первый какою-нибудь магнетическою силою которой вѣтъ у втораго? Я изслѣдую это въ свободное время.

Удовольствовавшись на время такимъ рѣшеніемъ вопроса, онъ обратился опять ко мнѣ.

— Я все еще во мракѣ насчетъ васъ и вашихъ намѣреній, сказалъ онъ. — Я все еще не понимаю что побуждаетъ васъ изслѣдовать страшную трагедію совершившуюся въ Глазбургѣ. Умная мистрисъ Валерія, возьмите меня за руку и выведите меня на свѣтъ. Вѣдь вы не сердитесь на меня, не правда ли? Помиритесь и я подарю вамъ эту красивую ло-

люду когда вышью ее. Вспомните что я только несчастный, одинокій калѣка со страшнымъ складомъ ума. Простите меня, побалуйте меня, выведите меня на свѣтъ.

Онъ говорилъ олять своимъ дѣтскимъ тономъ, онъ улыбаясь олять своею невинною улыбкой вызывавшей складку и морщины у внѣшнихъ угловъ его глазъ. Мнѣ показалось что я была слишкомъ сурова съ нимъ и я рѣшилась быть впередъ снисходительнѣе.

— Позвольте мнѣ, мистеръ Декстеръ, вернуться на минуту къ прежнимъ временамъ въ Гленвикъ. Вы, какъ и я, считаете Евстаѳіа невиннымъ въ преступленіи въ которомъ его обвиняли. Я узнала это изъ вашего показанія на судѣ.

Онъ оставилъ свою работу и взглянулъ на меня съ серьезнымъ, строгимъ вниманіемъ придавшимъ его лицу совсѣмъ новое выраженіе.

— Таково *наше* мнѣніе, продолжала я. — Къ несчастію, оно не было мнѣніемъ присяжныхъ. Ихъ вердиктъ, какъ вы помните, былъ: „не доказано“. Это значитъ что они не рѣшились высказать положительно и лублично что мой мужъ невиненъ. Права я?

Видѣсто отвѣта, онъ внезапно бросилъ свою работу и пригнулъ свое кресло къ моему такъ близко какъ только было возможно.

— Кто объяснилъ вамъ это? спросилъ онъ.

— Я узнала это изъ одной книги.

До сихъ поръ лицо его выражало напряженное вниманіе и ничего болѣе. Теперь мнѣ показалось что оно впервые омрачилось возникающимъ подозрѣніемъ.

— Женщины не любятъ утруждать свой умъ сухими юридическими вопросами, сказалъ онъ. — Мистрисъ Макалланъ которая должна имѣть очень важное побужденіе для изученія законовъ.

— Да, мистеръ Декстеръ, я имѣю очень важное побужденіе. Мой мужъ, его мать и всѣ его друзья, сколько мнѣ известно, локорились шотландскому вердикту.

— Дальше.

— Я не согласна въ этомъ отношеніи съ моимъ мужемъ, съ его матерью и съ его друзьями. Я не хочу локориться шотландскому вердикту.

Лишь только я произнесла эти слова, какъ мнѣ пришлось усомниться была ли я права отвергая его безуміе. Онъ

внезапно вытянулся на своемъ креслѣ, положилъ руки на мои плечи и, приблизивъ свое лицо къ моему, устремилъ на меня свирѣлый, испытующій взглядъ.

— Что вы хотите сказать? крикнулъ онъ во всю мочь своего сильнаго, звучнаго голоса.

Смертельный страхъ овладѣлъ мною, но я употребила всѣ силы чтобы скрыть это. Взглядомъ и словами я показала ему такъ твердо какъ только могла что его обращеніе со мной оскорбляло меня.

— Снимите ваши руки, сэръ, и отодвиньтесь на приличное разстояніе, сказала я.

Онъ ловиновался машинально. Онъ извинился машинально. Онъ былъ ловидимому занятъ исключительно моимъ признаніемъ что я не хочу покориться шотландскому вердикту и стараніемъ объяснить смыслъ этихъ словъ.

— Простите меня, сказалъ онъ. — Я смиренно прошу у васъ прощенія. Нашъ разговоръ волнуетъ меня, страшитъ меня, сводитъ меня съ ума. Еслибы вы знали какъ мнѣ трудно владѣть собою. Не обращайтесь на меня. Не обижайтесь, не лугайтесь. Мнѣ такъ стыдно, такъ больно что я оскорбилъ васъ. Накажите меня. Возьмите лалку и прибейте меня. Привяжите меня къ моему креслу. Позовите Аріэль, она сильна какъ лошадь, и прикажите ей держать меня. Милая мистрисъ Валерія, оскорбленная мистрисъ Валерія, я готовъ вытерпѣть какое угодно наказаніе чтобы только услышать отъ васъ что значатъ ваши слова что вы не хотите покориться шотландскому вердикту. (Онъ локорно отодвинулъ отъ меня свое кресло.) Достаточно ли далеко я отъ васъ телерь?—спросилъ онъ съ жалобнымъ взглядомъ.— Вы все еще боитесь меня? Я спрячусь если вы желаете. Я олуцусь на подложку кресла.

Онъ подвѣялъ зеленое покрывало и готовъ былъ исчезнуть какъ кукла въ театрѣ маріонетокъ. Я оставила его.

— Не нужно, сказала я. — Я принимаю ваше извиненіе. Когда я сказала что не хочу покориться шотландскому вердикту, я разумѣла именно то что выражаютъ мои слова. Шотландскій вердиктъ оставилъ пятно на репутаціи моего мужа. Онъ сознаетъ это, никто не знаетъ лучше меня какъ горько онъ сознаетъ это. Мучительное сознаніе своего униженія заставило его покинуть меня. Ему мало знать что я считаю его невиннымъ. Онъ не вернется ко мнѣ, онъ не

сказать что я считаю его достойнымъ быть слутникомъ и проводникомъ моей жизни, онъ не усложнится до тѣхъ поръ пока невинность его не будетъ доказана присяжными публичкѣ, которые до сихъ поръ сомнѣваются въ ней. Онъ, ругая его и адвокаты отчаялись въ возможности найти доказательства его невинности. Но я его жена, и никто не любитъ его такъ какъ я его люблю. Я одна не теряю надежды, одна отказываюсь покориться разсудку. Если Господь родитъ мою жизнь, я посвящу ее единственной цѣли доказать невинность моего мужа. Вы его старый другъ, я пришла къ вамъ просить васъ помочь мнѣ.

Теперь повидимому пришелъ мой чередъ исполнить его. Рукавецъ сошелъ съ его лица, отъ тревожно провелъ рукой по губу какъ будто стараясь избавиться отъ какого-то страшнаго кошмара.

— Не есть ли это одинъ изъ моихъ сновъ? сказалъ онъ слабымъ голосомъ.— Не видѣнны ли вы ночное?

— Я не болѣе какъ одинокая женщина которая утратила то что любила и цѣнила и старается вернуть свое счастье, отвѣчала я.

Онъ началъ опять придвигать свое кресло ко мнѣ. Я подвинула руку. Онъ тотчасъ же остановился. Прошла минута молчанія. Мы смотрѣли другъ на друга. Я замѣтила что руки его дрожали, что лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе. Какія умершія и похороненныя воспоминанія восприняла я въ немъ со всѣмъ ихъ прежнимъ ужасомъ?

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Такъ это-то и есть причина побуждающая васъ разсказать тайну смерти покойной мистрисъ Маккаланъ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала я.

— И вы полагаете что я могу помочь вамъ?

— Я разчитываю на вашу помощь.

Онъ медленно поднял свой длинный указательный палецъ.

— Вы подозреваете кого-нибудь, сказалъ онъ.

Эти слова были произнесены тихимъ, угрожающимъ голосомъ напомнившимъ мнѣ что необходимо быть осторожной съ этимъ человекомъ. Но еслибъ я рѣшилась воздержаться отъ дальнѣйшихъ признаній, я должна была бы вмѣстѣ съ этимъ отказаться отъ надежды достичь цѣли ради которой я

уже вынесла столько неприятностей во время этого опаснаго свиданія.

- Вы подозрѣваете кого-нибудь? повторилъ онъ.
- Можетъ-быть! отвѣчала я.
- Вы имѣете доступъ къ этому лицу?
- Нѣтъ еще.
- Вы знаете гдѣ оно находится?
- Нѣтъ.

Онъ устало опустилъ голову на спинку кресла и вздохнулъ долгимъ, прерывистымъ вздохомъ. Обманулся ли онъ въ своихъ ожиданіяхъ, или освободился отъ тяжелаго опасенія, или просто усталъ и нравственно и физически? Могла ли я понять его? Могла ли я отвѣтить себѣ на эти вопросы?

— Дайте мнѣ отдохнуть минутъ пять, сказалъ онъ слабымъ голосомъ и не поднимая голову.—Вы уже знаете какъ всякій намекъ на прошлыя событія въ Гленникѣ потрясаетъ меня. Я готовъ буду слушать васъ опять если вы позволите мнѣ побыть нѣсколько минутъ одному. Въ сосѣдней комнатѣ есть книги. Извините меня пожалуйста.

Я тотчасъ же удалась въ круглую комнату. Онъ проводилъ меня въ своемъ креслѣ до двери и затворилъ ее за мною.

ГЛАВА XXIX.

Въ свѣтѣ.

Нѣсколько минутъ уединенія были для меня такимъ же облегченіемъ какъ и для Мизерримуса Декстера.

Мучительныя сомнѣнія преслѣдовали меня пока я ходила взадъ и впередъ то по круглой комнатѣ, то по корризору. Было ясно что я растревожила въ душѣ Мизерримуса Декстера (совершенно неумышленно) воспоминаніе о какихъ-то ужасныхъ тайнахъ. Что это были за тайны? Какъ я ни ломала голову надъ этимъ вопросомъ, но все мои предположенія, какъ оказалось въ послѣдствіи, были далеки отъ истины. Я была проницательнѣе когда пришла къ заключенію что каковы бы ни были тайны Декстера, онъ никогда не повѣрялъ ихъ ни одному живому существу. Мое объясненіе не привело бы его въ такое волненіе какое я замѣтила еслибы онъ разказалъ въ судѣ или кому-нибудь изъ своихъ друзей

все что ему было известно о драмѣ совершившейся въ спальнѣ Гленвикскаго дома. Какая могущественная причина заставила его молчать? Хранилъ ли онъ тайну изъ сожалѣнія къ другимъ или изъ опасенія неприятныхъ послѣдствій для себя? Могу ли я надѣяться что онъ сообщитъ мнѣ то что скрылъ и отъ правосудія, и отъ друзей? спрашивала я себя. Снабдите ли онъ меня изъ своего запаса свѣдѣній оружіемъ которое доставитъ мнѣ побѣду въ предстоящей мнѣ борьбѣ? Я сознавала что всѣ шансы были противъ меня. Однако цѣль стоила попытки. Съ такимъ страннымъ существомъ какъ Мизерримусъ Декстеръ можно было разчитывать на минутный калпризъ. Мои планы и намѣренія были такъ далеки отъ обычнаго круга женскихъ мыслей и дѣйствій что могли возбудить въ немъ симпатію. „Кто знаетъ, думала я, не удастся ли мнѣ захватить его враслохъ и вызвать его на откровенность простымъ объявленіемъ истины?“

По прошествіи нѣкотораго времени дверь отворилась настежь и голосъ моего хозяина пригласилъ меня вернуться къ нему.

— Прощу васъ войти, сказалъ онъ. — Я теперь совершенно спокоенъ. Какъ чувствуете себя вы, милая мистрисъ Валерія?

Онъ смотрѣлъ и говорилъ со свободною привѣтливостью стараго друга. Въ продолженіе моего отсутствія, какъ ни было оно кратковременно, въ этомъ измѣнчивомъ человѣкѣ произошла новая перемѣна. Глаза его сіяли добродушіемъ, щеки горѣли подъ вліяніемъ какого-то новаго возбужденія. Даже въ костюмѣ его была перемѣна. На головѣ его былъ надѣтъ импровизованный колпакъ изъ бѣлой бумаги, манжеты были засучены, зеленое покрывало покрыто чистымъ фартукомъ. Онъ встрѣтилъ меня кланяясь и улыбаясь, и показалъ мнѣ на стулъ съ граціей танцовальнаго учителя принимающаго лорда.

— Я собрался стрелять, объявилъ онъ съ обворожительнымъ простодушіемъ. — Намъ обоимъ необходимо подкрѣпиться прежде чѣмъ мы возвратимся къ серіозной цѣли нашего свиданія. Вы видите меня въ моемъ поваренномъ костюмѣ. Извините. Въ такихъ дѣлахъ необходимо соблюденіе формы. Я большой формалистъ. Я безъ васъ выпилъ немного вина. Выпейте и вы также.

Съ этими словами онъ наполнилъ стаканъ стараго венеціанскаго стекла ярко-краснымъ виномъ.

— Бургундское, сказалъ онъ, — король винъ. А этотъ сортъ король бургундскаго, кло-вужо. Пью за ваше здорье и счастье.

Онъ налилъ себѣ другой стаканъ и выпилъ его до дна. Я поняла теперь отчего сверкали его глаза и горѣли его щеки. Ради собственныхъ интересовъ я не должна была сердить его. Я выпила немного вина и вполнѣ согласилась съ нимъ: вино было восхитительное.

— Чего бы намъ покушать? спросилъ онъ. — Чего-нибудь достойнаго нашего кло-вужо. Ариэль мастерица жарить и варить говядину, но я не оскорблю вашъ вкусъ стряпней Ариэль. Простая говядина! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ деликатнаго отвращенія. — Человѣкъ который ѣсть простую говядину отличается немногимъ отъ людоѣда или отъ мясника. Позвольте мнѣ поискать чего-нибудь болѣе достойнаго насъ. Отправимтесь въ кухню.

Онъ поворотилъ свое кресло и учтивымъ движеніемъ руки пригласилъ меня сопровождать его.

Я послѣдовала за нимъ въ конецъ комнаты къ какому-то задернутому занавѣсу, котораго прежде не замѣчала. За занавѣсомъ оказался альковъ гдѣ стояла чистая маленькая газовая печь для стряпни. На полкахъ и въ шкафахъ окружавшихъ стѣны алькова стояли тарелки, блюда, соусники и разныя кухонныя принадлежности, все миниатюрное, все безупречно чистое и блестящее.

— Добро пожаловать въ кухню, сказалъ Мизерримусъ Декстеръ. Онъ выдвинулъ изъ стѣны мраморную доску замѣняющую столъ и задумался олутивъ голову на руку. — Нашелъ! воскликнулъ онъ, и отворивъ одинъ изъ шкафовъ, вынулъ изъ него бутылку.

Вооружившись затѣмъ вилкой, онъ досталъ изъ бутылки нѣсколько мелкихъ черныхъ предметовъ неправильной формы. Женщина привыкшая къ роскошному столу конечно узнала бы ихъ съ перваго взгляда, но для меня, воспитанной въ непрехотливомъ домѣ сельскаго священника, они были совершенною новостью. Смотря какъ мой хозяинъ вынималъ изъ бутылки загадочные, непривлекательные предметы и клалъ ихъ на чистую салфетку, я не могла сдержать свое любопытство.

— Что это такое, мистеръ Декстеръ? рѣшилась я спросить. — Неужели мы будемъ вѣсть это?

Онъ вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ вопросѣ и взглянулъ на меня съ сильнѣйшимъ изумленіемъ.

— Гдѣ же нашъ хваленый прогрессъ? воскликнулъ онъ. — Гдѣ наша цивилизація? Вотъ образованная особа не узнающая трюфелей!

— Я слышала о трюфеляхъ, но, признаюсь, до сихъ поръ никогда не видала ихъ, отвѣчала я скромно. — Въ домѣ моего дяди такія иностранныя роскоши не улотребляются.

Мизерримусъ Декстеръ бережно взялъ вилкой одинъ изъ трюфелей и показалъ его мнѣ.

— Постарайтесь насладиться вполнѣ однимъ изъ немногихъ первыхъ ощущеній не влекущихъ за собой разочарованія, сказалъ онъ. — Посмотрите на этотъ трюфель, подумайте о немъ. Вы съѣдите его, мистрисъ Валерія, когда онъ будетъ сваренъ въ бургундскомъ.

И онъ зажегъ газъ съ такимъ видомъ, какъ будто готовился осчастливить меня на всю жизнь.

— Простите меня если я буду безмолвенъ какъ рыба съ той минуты какъ вооружусь вотъ этимъ, сказалъ онъ доставая изъ своей коллекціи кухонныхъ принадлежностей блестящую маленькую кастрюлю. — Кулинарное искусство требуетъ сосредоточеннаго вниманія, продолжалъ онъ серьезно. — Вслѣдствіе этого женщины никогда не достигали и не достигнутъ въ немъ совершенства. Женщина вообще неспособна сосредоточить вниманіе на известное время на одномъ какомъ-нибудь занятіи. Умъ ея неизбежно перейдетъ на что-нибудь другое, скажемъ для примѣра, на ея возлюбленнаго или на ея новую шляпку. Единственное прелестіе мѣшающее женщинамъ соперничать съ мужчинами въ различныхъ общественныхъ профессіяхъ заключается не въ законахъ нашего вѣка, какъ онѣ полагаютъ, а въ нихъ самихъ. Идайте какой угодно законъ въ ихъ пользу, онъ не будетъ въ состояніи пересилить вліяніе возлюбленнаго и новой шляпки. Несколько времени тому назадъ, напримѣръ, я помогъ женщинамъ поступить на службу въ дѣйствующую почтовую контору. На дняхъ я взялъ на себя трудъ, тяжелый для меня трудъ, спуститься внизъ и отправиться въ контору чтобы посмотрѣть какъ онѣ дѣйствуютъ тамъ. Я захватилъ съ собою письмо для отправки. Адресъ былъ

необычайно длинный. Одна изъ служащихъ женщинъ начала списывать его на квитанцію съ такимъ дѣловымъ видомъ что утѣшительно было смотрѣть на нее. Но не услѣла она дописать до половины, какъ въ контору вошла маленькая дѣвочка, сестра другой служащей женщины, и прошла за прилавокъ чтобы повидаться съ сестрой. Женщина писавшая мнѣ квитанцію не выдержала. Карандашъ ея опустился, глаза обратились на дѣвочку съ трогательною вѣжностью. „Вотъ и Люси,“ сказала она. Какъ поживаетъ, Люси?“ Затѣмъ она вспомнила о дѣлѣ и принялась за списываніе адреса, но когда отдала мнѣ квитанцію, я увидалъ что важная строчка въ адресѣ была пропущена въ колѣ, пропущена благодаря Люси. Будь на мѣстѣ этой женщины мужчина, онъ не замѣтилъ бы Люси, все его вниманіе было бы поглощено его занятіемъ. Вотъ разница между умственною организаціей мужчинъ и женщинъ, и этой разницы не уничтожить никакое законодательство до скончанія міра. Но что за бѣда? Женщины несравненно выше мужчинъ въ нравственныхъ качествахъ, въ качествахъ составляющихъ украшеніе рода человѣческаго. Удовольствуйтесь этимъ, мои заблуждающіяся сестры, удовольствуйтесь этимъ.

Безполезно было бы осларивать его мнѣніе еслибъ я и была расположена къ тому. Онъ придвинулъ свое кресло къ печкѣ и сосредоточилъ все свое вниманіе на костюлѣ.

Я начала осматривать комнату.

Та же ненасытимая страсть къ ужасамъ которую я замѣтила въ картинахъ внизу, проявлялась на каждомъ шагѣ и здѣсь. На одной стѣнѣ висѣли фотографическіе снимки съ различныхъ проявленій сумашествія. На противоположной стѣнѣ стояли на полкѣ гипсовые слѣпки съ головъ знаменитыхъ убійцъ. Въ шкафу со стеклянною дверью висѣлъ женскій скелетъ со слѣдующею циническою надписью надъ черепомъ: „вы видите основаніе на которомъ строится красота“. У противоположной стѣны въ такомъ же шкафу съ настежь отворенною дверью висѣло вѣчто что я приваля сначала за сорочку изъ замши. Ощулавъ ее пальцами и замѣтивъ что она гораздо мягче замши, я расправила складки и нашла приколотую къ кожѣ бумажку со слѣдующими ужасными словами: „кожа французскаго маркиза содралая во время революціи девяносто третьяго года. Какъ можно

говорить что аристократія не годна ни на что? Она доставляет хорошую кожу.“

Послѣ этого послѣдняго образчика рѣдкостей моего хозяйства, я не продолжала моихъ изслѣдованій и сѣла на стулъ въ ожиданіи трюфелей.

Нѣсколько минутъ спустя голосъ поэта-живописца-композитора и повара пригласилъ меня вернуться въ альковъ.

Газъ былъ погашенъ. Кострюля исчезла. На мраморной оскѣ появились двѣ тарелки, двѣ салфетки, два ломтя хлѣба и блюдо покрытое салфеткой съ двумя черными шариками. Мизерримусъ Декстеръ положилъ одинъ изъ шариковъ на мою тарелку съ улыбкой благосклоннаго интереса, а другой взялъ себѣ.

— Соберитесь съ духомъ мистрисъ Валерія, сказалъ онъ.— Тотъ часъ составляетъ злоху въ вашей жизни. Вашъ первый трюфель. Не притрогивайтесь къ нимъ ножомъ. Дѣйствуйте одной вилкой. И — извините меня пожалуйста, это очень важное условіе—кушайте медленно.

Я послѣдовала его инструкціямъ и выразила восторгъ котораго, по правдѣ сказать, вовсе не чувствовала. Новое для меня кушанье показалось мнѣ далеко не стоящимъ чести которую ему воздавали. Пока Мизерримусъ Декстеръ наслаждался своими трюфелями, прихлебывая свое удивительное бургундское и воспѣвалъ хвалы себѣ какъ повару, я сходила съ ума отъ нетерпѣнія вернуться къ цѣли моего ющенія. Въ этомъ тревожномъ состояніи духа я наконецъ рѣшилась возобновить прерванный разговоръ и начала замымъ неосторожнымъ вопросомъ какой только могъ придти мнѣ въ голову.

— Мистеръ Декстеръ, сказала я, — не видали ли вы въ послѣднее время мистрисъ Боли?

Довольство выражавшееся на его лицѣ исчезло какъ внезапно потушенный огонь. Въ его манерахъ и голосѣ появилось опять затаенное недовѣріе ко мнѣ.

— Развѣ вы знаете мистрисъ Боли? спросилъ онъ.

— Я знаю ее только по отчету о процессѣ, отвѣчала я.

Онъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ.

— Но вы вѣроятно имѣете причину интересоваться ею если спрашиваете о ней, сказалъ онъ. — Дружескій это интересъ, или враждебный?

Какъ ни была я неосторожна, но я не рѣшилась дать пря-

мой отвѣтъ на этотъ прямой вопросъ. Лицо его предостерегало меня.

— Чтобъ отвѣтить вамъ, я должна вернуться къ тяжелому для васъ разговору о процессѣ, сказала я.

— Говорите, отвѣчалъ онъ съ одной изъ своихъ мрачныхъ вспышекъ юмора. — Я предаю себя въ ваши руки, я мучникъ на кострѣ. Зажигайте огонь, зажигайте огонь.

— Я несвѣдущая женщина и могу ошибаться, начала я, но въ судопроизводствѣ по дѣлу моего мужа есть часть которая кажется мнѣ весьма неудовлетворительной. Его защита, по моему мнѣнію, была основана на несомнѣнной ошибкѣ.

— На несомнѣнной ошибкѣ! повторилъ онъ. — Странное мнѣніе, мистрисъ Валерія, по меньшей мѣрѣ странное.

Онъ старался говорить шуточно, онъ взялъ стаканъ съ виномъ, но я замѣтила что слова мои произвели на него сильное впечатлѣніе и что рука его дрожала когда онъ подносилъ стаканъ къ губамъ.

— Я не сомнѣваюсь что первая жена Евстаѳія дѣйствительно просила его купить для нея мышьяку, продолжала я. — Я не сомнѣваюсь что она употребляла тайно мышьякъ для улучшенія своего цвѣта лица. Но что она умерла отъ излишней дозы мышьяку принятой ею самой, этому я не вѣрю.

Онъ опустилъ стаканъ на столъ такой нетвердой рукой что пролилъ часть вина. Глаза его встрѣтились съ моими и тотчасъ же опустились.

— Отъ чего же умерла она по вашему мнѣнію? спросилъ онъ такъ тихо что я едва разслышала.

— Отъ руки убійцы, отвѣчала я.

Онъ сдѣлалъ движеніе какъ будто хотѣлъ соскочить съ кресла, но пораженный повидимому внезапной слабостью остался на своемъ мѣстѣ и откинулся на спинку кресла.

— Но конечно не отъ руки моего мужа, послѣшила я прибавить. — Вы знаете что я вполнѣ увѣрена въ его виновности.

Я замѣтила что онъ содрогнулся и что руки его стали конвульсивно ручки кресла.

— Кто же отравилъ ее? спросилъ онъ.

Въ эту критическую минуту мое мужество поколебалось. Я не рѣшилась высказать ему прямо мое подозрѣніе.

— Развѣ вы не можете угадать, спросила я.

Онъ не отвѣтилъ. Онъ повидимому размышлялъ. Слуста

минуту онъ внезапно приподнялся. Его слабость очевидно прошла. Въ глазахъ его появился прежній дикій блескъ, на лицѣ вспыхнулъ яркій румянецъ. Угадалъ ли онъ почему меня интересовала мистрисъ Боли? Да.

— Отвѣчайте мнѣ правду, воскликнулъ онъ. — Не пытаетесь обмануть меня. Вы подозреваете женщину?

— Женщину.

— Съ какой буквы начинается ея имя? Съ одной изъ трехъ первыхъ буквъ азбуки?

— Да.

— Съ Б.?

— Да.

— Боли?

— Боли.

Онъ всплеснулъ руками и разразился громкимъ хохотомъ.

— Наконецъ-то я дожидъ до того что встрѣтилъ существо раздѣляющее мое мнѣніе воскликнулъ онъ дико. — Жестокая мистрисъ Валерія! Для чего вы мучили меня? Почему не сказали вы мнѣ этого раньше?

— Какъ! воскликнула я заразившись его волненіемъ. — Развѣ вы согласны со мной? Развѣ вы тоже подозреваете мистрисъ Боли?

Онъ далъ мнѣ слѣдующій достопамятный отвѣтъ.

— Я не подозреваю, я вполне увѣренъ что мистрисъ Макалланъ умерла отъ руки мистрисъ Боли.

ГЛАВА XXX.

Обвиненіе мистрисъ Боли.

Я вскочила и молча устремила глаза на Декстера. Я была слишкомъ взволнована чтобы сказать что-нибудь.

Самыя смѣлыя мои ожиданія не могли приготовить меня къ тому что я услышала. Больше на что я надѣялась было узнать что онъ раздѣляетъ мое подозрѣніе. Каково же мнѣ было услышать твердо выраженную увѣренность что мистрисъ Макалланъ умерла отъ руки мистрисъ Боли!

— Сядьте, сказалъ онъ. — Пугаться нечего. Здѣсь насъ никто не услышитъ.

Я села и постаралась овладѣть собою.

— Вы не говорили никому того что сейчасъ сказали мнѣ? Было первымъ вопросомъ который я предложила ему.

— Никому. Никто кромѣ меня не подозрѣвалъ ее.

— Даже юристы?

— Даже юристы. Противъ нея нѣтъ ни малѣйшей законной улики. Есть только нравственная увѣренность.

— Неужели вы не могли бы найти улику еслибы захотѣли? Онъ засмѣялся.

— Взгляните на меня, сказалъ онъ.—Возможно ли для человѣка привязаннаго къ креслу разыскивать улики? Кромѣ этого затрудненія были и другія. Я не люблю высказываться безъ нужды, я человѣкъ осторожный, хотя вы можете быть и не замѣтили этого. Но моя безграничная ненависть къ мистрисъ Боли не могла остаться тайной для нея. Если глаза выдають чувство, она должна была прочесть въ моихъ глазахъ что я алкалъ и жаждалъ увидать ее въ рукахъ палача. Мистрисъ Борджіа-Боли съ начала до конца была насторожѣнъ противъ меня. А она хитра, о, какъ она хитра! Я употребляю степени сравненія чтобы дать вамъ хоть слабое понятіе объ ея хитрости. Я хитеръ въ положительной степени, дьяволъ хитеръ въ сравнительной степени, мистрисъ Боли хитра въ превосходной степени. Нѣтъ! Нѣтъ! Если она будетъ когда-нибудь обличена, то не мужчиной, а женщиной, женщиной которую она не подозрѣваетъ, женщиной которая способна слѣдить за ней съ терпѣніемъ голодной тигрицы.

— Словомъ, такой женщиной какъ я. Я готова попытаться.

Глаза его засверкали, зубы злобно оскалились подъ усами, кулаки свирѣло забарабанили по ручкамъ кресла.

— Вы говорите серьезно? спросилъ онъ.

— Помогите мнѣ, отвѣчала я. — Подѣлитесь со мной вашей нравственной увѣренностью, какъ вы выразились, и вы увидите.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Разкажите мнѣ сначала какъ случилось что вы, судя со стороны, заподозрили мистрисъ Боли?

Я представила ему всѣ данныя (почеркнутыя изъ отчета) на которыхъ было основано мое подозрѣніе и обратила его вниманіе въ особенности на то что мистрисъ Боли (какъ показала подъ присягой сидѣлка) была неизвѣстно гдѣ въ то самое время когда мистрисъ Макалланъ осталась въ комнатѣ одна.

— Вы правы, воскликнулъ Мизерримусъ Декстеръ. — Вы удивительная женщина! Что дѣлала она въ утро того дня когда мистрисъ Макалланъ умерла отравленная? Гдѣ была

она въ темные часы предшествовавшей ночи? Я могу сказать вамъ гдѣ она не была. Она не была въ своей комнатѣ.

— Не была въ своей комнатѣ? повторила я. — Влодкѣ ли вы увѣрены въ этомъ?

— Я влодкѣ увѣренъ во всемъ что говорю о мистрисъ Боли. Помните же и слушайте. Это настоящая драма, а я имѣю особенную способность къ драматическимъ разказамъ. Судите сами. Я начинаю. Число—двадцатое октября. Сцена—корридоръ называемый корридоромъ Гостей въ Гленикѣ. Съ одной стороны рядъ оконъ выходящихъ въ садъ, съ другой четыре спальни съ четырьмя уборными. Первую спальню (со стороны лѣстницы) занимаетъ мистрисъ Боли, вторая стоитъ пустая, третья занята Мизерримусомъ Декстеромъ, четвертая стоитъ пустая. Такова сцена. Время — одиннадцать часовъ ночи. Декстеръ сидитъ и читаетъ въ своей спальнѣ. Къ нему входитъ Евстаеѣй Макаланъ. Евстаеѣй говоритъ: постарайтесь, другъ мой, быть потише сегодня. Не кажитесь по корридору. Декстеръ спрашиваетъ: почему? Евстаеѣй отвѣчаетъ: мистрисъ Боли обѣдала у своихъ друзей въ Эдинбургѣ и вернулась ужасно утомленная. Она желаетъ отдохнуть. Декстеръ предлагаетъ другой вопросъ, сатирическій вопросъ: какова она въ ужасномъ утомленіи? Все такъ же ли прекрасна какъ всегда? Отвѣтъ: — не знаю, я не видѣлъ ея. Она ушла на верхъ ни съ кѣмъ не видавшись. Третій вопросъ со стороны Декстера, логическій вопросъ въ тотъ разъ:—если она не видалась ни съ кѣмъ, какъ вы знаете что она утомлена? Евстаеѣй протягиваетъ ему листокъ бумаги и говоритъ: я нашелъ эту записку въ прихожей на столѣ. Помните мою просьбу, не дурачьтесь, будьте спокойны. Доброй ночи. Евстаеѣй уходитъ: Декстеръ смотритъ на листокъ бумаги и читаетъ слѣдующія строки написанныя карандашомъ: „Я только-что вернулась. Прошу извинить мнѣ что я уйду спать не простясь. Я очень утомлена. Елена.“ Декстеръ по природѣ подозрителенъ. Декстеръ начинаетъ подозрѣвать мистрисъ Боли. Не спрашивайте что побуждаетъ его къ тому. Теперь не время толковать о его побужденіяхъ. Онъ разсуждаетъ такъ: чрезмѣрно утомленная женщина не написала бы этихъ строкъ. Чрезмѣрно утомленная женщина нашла бы мѣнѣе утомительнымъ постучаться мимоходомъ въ дверь гостиной и извиниться словесно. Въ поступкѣ мистрисъ Боли есть что-то загадочное. Это надо

ислѣдовать. Прекрасно. Декстеръ приступаетъ къ исслѣдованію. Онъ отворяетъ свою дверь, выѣзжаетъ тихо въ корридоръ, запираетъ двери двухъ пустыхъ спаленъ и возвращается къ себѣ. Теперь, говоритъ онъ, если я услышу что въ корридорѣ отворится дверь, я буду знать навѣрное что это дверь комнаты мистрисъ Боли. Затѣмъ онъ притворяетъ свою дверь, оставляетъ щелку для подсматриванія, тушитъ огонь и усаживается у своей щелки какъ кошка у мышиной норки. Ему нужно видѣть только корридоръ, а корридоръ освѣщенъ лампой. Пробыло двѣнадцать, внизу раздался стукъ запираемыхъ дверей, но ничего особеннаго не случилось. Пробыло половина перваго, и все ничего. Въ домѣ тихо какъ въ могилѣ. Бьетъ часъ, бьетъ два — та же тишина. Бьетъ половина третьяго, и наконецъ что-то начинается. Декстеръ слышитъ скрилъ осторожно повернутой ручки двери, единственной двери которую можно было отворить, двери комнаты мистрисъ Боли. Декстеръ выскакиваетъ неслышно изъ своего кресла, ложится на полъ и слушаетъ. Онъ слышитъ что ручка поворачивается опять и затѣмъ видитъ что мимо его двери проходитъ что-то черное. Онъ высовываетъ голову за дверь, и кого же онъ видитъ? Мистрисъ Боли! Она идетъ въ своемъ длинномъ коричневомъ пальто которое надѣваетъ когда выѣзжаетъ. Спустя минуту она поворачиваетъ направо и скрывается въ другомъ корридорѣ, называемомъ Южнымъ корридоромъ. Какія комнаты выходятъ въ Южный корридоръ? Три комнаты: небольшой кабинетъ о которомъ говорила сидѣлка въ своемъ показаніи, спальня мистрисъ Макалланъ и спальня ея мужа. Что понадобилось мистрисъ Боли (по ея словамъ сильно утомленной) въ этой части дома въ третьемъ часу ночи? Декстеръ рѣшается подвергнуться риску быть замѣченнымъ и отправляется вслѣдъ за мистрисъ Боли. Знаете вы какъ онъ передвигается безъ своего кресла? Видѣли вы какъ этотъ несчастный калѣка скачетъ на рукахъ? Не хотите ли чтобы онъ показалъ это вамъ прежде чѣмъ продолжать свой разказъ?

Я послѣдила отказать отъ предложеннаго представленія.

— Я видѣла какъ вы скакали вчера, сказала я. — Продолжайте пожалуста вашъ разказъ.

— Нравится вамъ драматическій складъ моего разказа, спросилъ онъ. — Интересно я разказываю?

— Необычайно интересно, мистеръ Декстеръ. — Я горю не-
рпѣннѣмъ услышать продолженіе.

Онъ улыбнулся самодовольною улыбкой.

— Я такъ же искусенъ и въ автобіографическомъ родѣ,
сказалъ онъ. — Не перейти ли мнѣ для разнообразія въ авто-
графическій родъ?

— Въ какой угодно, только продолжайте! воскликнула я
терявъ всякое терпѣніе.

— Часть вторая; автобіографическій родъ, сказалъ онъ
схвувъ рукой. — Я проскакалъ по корридорю Гостей, повер-
нулъ въ Южный корридоръ и остановился у маленькаго ка-
бинета. Дверь отворена; въ кабинетъ никого. Я подползъ къ
углу двери кабинета, къ двери выходившей въ спальню
мистрисъ Макалланъ. Залерта. Я взглянулъ въ замочную
щель. Стояло ли что за дверью или нѣтъ, но я не уви-
лъ ничего кромѣ непроницаемаго мрака. Я прислушался.
Ничего не слышно. Я подошелъ къ двери выходившей изъ
спальни въ корридоръ. Тотъ же непроницаемый мракъ, та же
глубокая тишина. Я перешелъ къ двери спальни мистера
Макаллана. Я былъ самаго дурнаго мнѣнія о мистрисъ Бо-
ли и не удивился бы ни мало еслибы засталъ ее въ комнатѣ
Евстаеія. Я взглянулъ въ замочную скважину. Ключъ былъ
вставленъ или повернутъ такъ что не заслонялъ отверстія.
Въ комнатѣ Евстаеія стояла прямо противъ двери. И тутъ ни-
кого открытія. Евстаеій былъ одинъ, онъ спалъ невиннымъ
сномъ. Я подумалъ. Въ концѣ корридора была задняя лѣст-
ница. Я спустился по ней и осмотрѣлъ нижній корридоръ
освѣщенный ночью лампой. Всѣ двери залерты и ключи на-
вѣшаны. Выходная дверь тоже залерта. Двери комнатъ служи-
лей залерты. Я вернулся въ свою спальню и задумался.
Гдѣ скрылась мистрисъ Боли? Нѣтъ сомнѣнія что она гдѣ-
нибудь въ домѣ. Но гдѣ именно? Я осмотрѣлъ весь домъ и
убѣдился что она не могла быть нигдѣ кромѣ единственной
комнаты которая не подверглась моему изслѣдованію, кромѣ
комнаты мистрисъ Макалланъ. Прибавьте къ этому что
ключъ отъ двери между кабинетомъ и спальней былъ неиз-
вѣстенъ гдѣ и вспомните что завѣтою мечтой мистрисъ Боли
было свидѣтельство ея письмо прочтенное въ судѣ) было
получено счастливою женой Евстаеія Макаллана. Примите
это въ соображеніе и вы поймете каковы были мои мыс-
ли когда я сидѣлъ предъ дверью и ждалъ что будетъ дальше.

Около четырехъ часовъ усталость однако пересилила меня. Я заснулъ. Но не надолго. Проснувшись я взглянул на часы. Было двадцать пять минутъ лятаго. Не вернулась ли она въ свою комнату пока я спалъ? Я подползъ къ двери и прислушался. Ни малѣйшаго звука. Я тихо отворилъ дверь. Комната была пуста. Я вернулся къ себѣ и уснулъ опять на свой сторожевой постѣ. Глаза мои спланились. Отворилъ окно чтобъ освѣжить себя воздухомъ, я всѣми силами боролся съ истощенною природою и истощенная природа взяла наконецъ верхъ надо мною. Я заснулъ опять. В этотъ разъ я проспалъ до восьми. У меня необыкновенно тонкій слухъ, какъ вы можете-быть замѣтили. Проснувшись я услышала подъ открытымъ окномъ моей комнаты жестокъ голоса. Я выглянулъ: мистрисъ Боли и ея горничная такъ ственно совѣщающіяся! Мистрисъ Боли и ея горничная роко посматривающія по сторонамъ изъ опасенія что кто-нибудь увидитъ или подслушаетъ ихъ! — „Берегитесь, судариныя,“ сказала служанка. — „Этотъ ужасный уродъ хитеръ какъ лисица. Смотрите чтобъ онъ не увидалъ васъ.“ Мистрисъ Боли отвѣчала: „Идите сначала вы и глядите впередъ, а пойду за вами и буду смотрѣть нѣтъ ли кого позади.“ По лѣ этого онъ скрылся за угломъ дома. Минутъ пять спустя я слышала что дверь комнаты мистрисъ Боли отворилась тотчасъ же затворилась олять. Три часа спустя она вышла съ невиннымъ видомъ освѣдомиться о здоровьѣ больной встрѣтилась съ сидѣлкой. Что вы думаете обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ? Что вы думаете о томъ что мистрисъ Боли и ея горничная въ 'день смерти мистрисъ Макаллы имѣли сказать другъ другу что-то такое чего онъ не смѣлъ сказать въ домѣ изъ опасенія что я подслушаю ихъ? Что вы думаете обо всемъ что я разказалъ вамъ? Привесть вамъ какую-нибудь пользу сумашедшій Мизерримусъ Дерстеръ?

Я была слишкомъ взволнована чтобъ отвѣтить ему. Пунктъ обнаруженію невинности моего мужа открылся наконецъ предо мной!

— Гдѣ она? воскликнула я. — И гдѣ служанка посвященная въ ея тайны?

— На это я не могу отвѣтить вамъ, сказалъ онъ. — Я знаю гдѣ онъ.

— Не можете ли вы сказать мнѣ по крайней мѣрѣ гдѣ я могу узнать это?

Онъ подумалъ немного.

— Есть человекъ который долженъ знать гдѣ она, или можетъ узнать это для васъ, сказалъ онъ.

— Кто этотъ человекъ? Какъ его имя?

— Онъ другъ Евстаѳія, майоръ Фитцъ-Девидъ.

— Майоръ Фитцъ-Девидъ. Я знаю его. Я буду обѣдать у него на будущей недѣлѣ. Онъ пригласилъ и васъ.

Мизерримусъ Декстеръ засмѣялся презрительно.

— Майоръ Фитцъ-Девидъ можетъ нравиться только женщинамъ, сказалъ онъ. — Женщины смотрятъ на него какъ на старую ручную собаченку, но я не обѣдаю съ ручными собаченками. Я отказался. Но вы должны отправиться. Не знаете ли вы кто другіе приглашенные?

— Какая - то Француженка имя которой я забыла, леди Кларианда....

— Леди Кларианда! Она другъ мистрисъ Боли. Ей должно быть извѣстно гдѣ живетъ теперь мистрисъ Боли. Узнайте это и немедленно сообщите мнѣ. Узнайте также гдѣ служанка. Съ ней легче будетъ поладить чѣмъ съ самой мистрисъ Боли. Стоить только заставить ее выдать тайну, и мистрисъ Боли будетъ въ нашихъ рукахъ. И мы раздавимъ ее какъ я раздавилъ эту муху, сказалъ онъ свирѣло прихлопнувъ рукой слабую осеннюю муху пріотившуюся на ручкѣ его кресла.

— Позвольте. Еще одинъ вопросъ, очень важный вопросъ. Есть у васъ деньги?

— У меня достаточно денегъ.

Онъ радостно захолопалъ въ ладоши.

— Служанка въ нашихъ рукахъ! воскликнулъ онъ. — Подождите. Еще вопросъ. Какъ вы представитесь мистрисъ Боли? Если вы представитесь ей какъ жена Евстаѳія, вы сразу вооружите ее противъ себя какъ женщина заявлявшая ей мѣсто. Это было бы неблагоприятно.

Моя ревность къ мистрисъ Боли, затаенная во все время этого свиданія, при послѣднихъ словахъ вслыхнула яркимъ пламенемъ. Я не выдержала и рѣшилась спросить правда ли что мужъ мой любилъ мистрисъ Боли?

— Скажите мнѣ правду, начала я. — Дѣйствительно ли Евстаѳій?...

Онъ засмѣялся, онъ понялъ мою ревность и угадалъ мой вопросъ прежде чѣмъ я успѣла выговорить его.

— Да, сказалъ онъ, — Евстаеѣй дѣйствительно любилъ ее, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя. Она имѣла полное право (до процесса) думать что смерть жены очистить мѣсто для нея. Но процессъ сдѣлалъ Евстаея другимъ человекомъ. Мистрисъ Боли была свидѣтельницей его публичнаго униженiя. Этого было достаточно чтобы заставить его отказаться отъ мысли о женитьбѣ на ней. Онъ разорвалъ съ ней немедленно и навсегда, какъ разорвалъ по той же причинѣ съ вами. Онъ не настолько мужественъ чтобы жить съ женщиной знающей что его судили какъ убійцу и что ему угрожала опасность быть повѣшеннымъ. Вы желали чтобы я сказалъ вамъ правду. Теперь вы ее знаете. Вамъ слѣдуетъ быть осторожной съ мистрисъ Боли, но вамъ не слѣдуетъ смотрѣть на нее съ ревностью. Примите необходимыя предосторожности. Устройте такъ чтобы вы были представлены леди Клариндѣ на обѣдѣ у майора подъ вымышленнымъ именемъ.

— Я могу назваться мистрисъ Вудвиль. Евстаеѣй женился на мнѣ подъ этимъ именемъ.

— Вотъ и прекрасно! воскликнулъ онъ. — Чего бы я не далъ чтобы быть свидѣтелемъ вашей встрѣчи съ мистрисъ Боли когда леди Кларинда представитъ васъ другъ-другу! Вообразите себѣ положенiе! Женщина со страшною тайной затаенной въ глубинѣ ея души и другая женщина знающая эту тайну и рѣшившаяся открыть ее во что бы то ни стало. Какая борьба! Какая тема для романа! Я весь дрожу когда думаю объ этомъ, когда заглядываю въ будущее и вижу уличенную Борджию-Боли. Не лугайтесь! воскликнулъ онъ съ дикимъ блескомъ въ глазахъ. — Мозгъ начинаетъ опять кипѣть въ моей головѣ. Я долженъ облегчить себя телеснымъ движенiемъ. Я долженъ загасить пламя, иначе я стору на мѣстѣ въ моемъ розовомъ халатѣ.

Имъ овладѣло опять его безумiе. Я послѣшнo отошла къ двери чтобы имѣть возможность уйти въ случаѣ крайности и оглянулась на него.

Странное созданiе, получеловѣкъ - полукресло, забѣгло опять по комнатѣ съ неустовою скоростью. Но даже такое движенiе повидимому показалось ему недостаточнымъ. Слуста минуту онъ соскочилъ на полъ и принялся скакать какъ

ромадная лягушка, опрокидывая всѣ легкіе стулья встрѣавшіеся на его пути. Проскакавъ съ одной стороны комнаты на другую, онъ остановился, посмотрѣлъ на опрокинутые стулья и ободривъ себя восклицаніемъ торжества, бросился перепрыгивать черезъ стулья употребляя руки вмѣсто ногъ, перекидывая свое безногое тѣло, для сохраненія равновѣсія, то назадъ то впередъ. Поразительное и ужасное зрѣище.

— Декстеръ игралъ въ чехарду! весело крикнулъ онъ рыгнувъ съ лтичьєю легкостью на послѣдній изъ опрокинутыхъ стульевъ. — Я достаточно подвиженъ для калѣвки, истрисъ Валерія, не правда ли? Разольемъ еще бутылку ургонскаго за ловѣшеніе мистрисъ Боли!

Я воспользовалась первымъ предлогомъ какой пришелъ нѣ въ голову чтобъ отдѣлаться отъ него.

— Вы забыли, сказала я, — что мнѣ нужно слѣшнить къ айору. Если я не предупрежу его немедленно, онъ можетъ казать леди Клариндѣ мое настоящее имя.

Идеи послѣшности и движенія были теперь идеями сильно вѣствовавшими на Декстера. Онъ схватилъ свистокъ вѣвшій на его шеѣ, издалъ рѣзкій свистъ и запрыгалъ на ухахъ въ неистовомъ восторгѣ.

— Аріэль запряжетъ вамъ кабриолетъ, воскликнулъ онъ. — Гчитесь во весь духъ къ майору. Разставьте сѣти не теряя и минуты. О, что за день! О, какое облегченіе освободитья отъ моей страшной тайны, раздѣливъ ее съ вами! Я захочу отъ счастья, я подобенъ духу земли въ повѣи Целли. И онъ продекламировалъ величественныя строфы изъ *Освобожденнаго Прометея*, гдѣ земля, почувствовавъ ухъ любви, восклицаетъ: „Радость, торжество, восторгъ, езуміе! Безпредѣльное счастье! Неудержимое ликованіе! Ха! а! Возбужденіе восторга облекающее меня какъ атмосфера вѣта и несущее меня какъ вѣтеръ несетъ облака!“ Вотъ то я чувствую, Валерія, вотъ что я чувствую!

Я вышла изъ комнаты не дослушавъ его. Когда я бросила а него послѣдній взглядъ, онъ стоялъ на опрокинутомъ тулѣ и поднявъ глаза къ какому-то фантастическому небу озданному его собственнымъ воображеніемъ извергалъ свой распорѣчивый потокъ словъ. Но не успѣла я выйти изъ руглой комнаты какъ въ немъ произошла уже новая перетна. Я услышала его громкій крикъ и шлепанье его лад-

ней по полу. Онъ скакалъ опять чрезъ опрокинутые стулья.

Въ прихожей меня ждала Аріэль.

Подходя къ ней я надѣвала перчатки. Она остановила меня, взяла мою правую руку и поднесла ее къ своему лицу. Не хотѣла ли она поцѣловать ее? Или укусить? Ни того, ни другого. Она обнюхала ее какъ собака и выпустила съ громкимъ смѣхомъ.

— Вы не лахнете его духами, сказала она. — Вы не прикасались къ его бородѣ. Теперь я вѣрю вамъ. Нуженъ вамъ кабриолетъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я пойду лѣвшкомъ пока не встречу извозчика.

Увѣрившись что я не прикасалась къ его бородѣ, она рѣшилась быть учтивой со мной.

— Послушайте! воскликнула она своимъ грубымъ голосомъ.

— Чтò?

— Я рада что не опрокинула васъ въ каналъ. Вотъ чтò!

Она хлопнула меня дружески по плечу съ такою силой что я едва не упала, потомъ, перейдя мгновенно къ своей прежней безчувственности во взглядѣ и манерахъ, выпустила меня изъ дома чрезъ переднюю дверь и проводила до калитки. Заперевъ ее за мной она захохотала опять. Звѣзда моя начала всходить наконецъ. Я сразу попала въ милость къ Аріэль и къ ея хозяину.

Г Л А В А XXXI.

Защита мистрисъ Боли.

Промежуточные дни между днемъ моего послѣдняго свиданія съ Декстеромъ и днемъ обѣда майора были драгоценными для меня днями.

Мое продолжительное свиданіе съ Мизерримусомъ Декстеромъ разстроило меня больше чѣмъ я полагала когда уходила отъ него. Только спустя нѣсколько часовъ почувствовала я вполнѣ какъ разстроены были мои нервы отъ всего видѣннаго и слышаннаго въ его домѣ. Я вздрагивала при всякомъ шумѣ, мысли мои были мрачны, я готова была плакать безъ причины и сердиться безъ причины. Мнѣ необходимо было полнѣйшее спокойствіе и благодаря Веніамину

пользовалась имъ. Мой добрый старый другъ затаилъ свое безпокойство обо маѣ и воздерживался отъ разспросовъ. Между нами было безмолвно рѣшено не говорить ничего о моей поѣздкѣ къ Декстеру (которую Веніаминъ, конечно, не одобрялъ) пока спокойствіе не возстановитъ энергіи моего ума и тѣла. Въ коттеджъ пріѣзжала мистрисъ Макалланъ, пріѣзжалъ и майоръ, первая чтобъ узнать что произошло между мною и Декстеромъ, второй чтобы развлечь меня. Веніаминъ извинился за меня и избавилъ меня отъ труда принимать моихъ гостей. Мы наняли небольшую коляску и дѣлали длинныя прогулки по красивымъ, все еще зеленымъ окрестностямъ города. Дома мы разговаривали о прошломъ или играли въ триктракъ и въ домино. Такъ прошло нѣсколько тихихъ, спокойныхъ дней, оказавшихся очень полезными для меня. Въ день обѣда майора я чувствовала себя опять самой собою, я была вполне готова къ встрѣчѣ съ леди Клариндой и къ разспросамъ о мистрисъ Боли.

Веніаминъ глядѣлъ съ грустью на мое раскраснѣвшееся лицо на пути къ майору Фитцъ-Девиду.

— Я вижу что вы совсѣмъ оправились, другъ мой, сказалъ онъ съ своею простодушною добротой. — Вамъ уже надоѣла ваша скучная жизнь.

Мои воспоминанія объ обѣдѣ необычайно смутны. Я помню что намъ было очень весело и что мы держали себя другъ съ другомъ такъ непринужденно какъ будто были старыми артыками. Я помню что мадамъ Мирлифлоръ затмила другую присутствовавшую даму изяществомъ своего туалета и своей готовностью воздать честь роскошному обѣду предложенному намъ майоромъ. Я помню что молодая прицедана майора была разряжена болѣе чѣмъ когда-либо, что манеры будущей царицы нѣвня поражали своей рѣзкостью и надменностью. Я помню что самъ майоръ постоянно цѣловалъ наши руки, говорилъ намъ любезности, находилъ сходство между нами, постоянно находился „подъ обаяніемъ“ и ни разу не измѣнилъ своей роли престарѣлаго Донъ-Жуана. Я помню что милый старый Веніаминъ былъ внѣ себя отъ смущенія, прятался въ углы, краснѣлъ когда его вызывали на разговоръ, смотрѣлъ на мадамъ Мирлифлоръ боязливо, на леди Кларинду смиренно, на майора покорно, страдалъ отъ музыки и въ глубинѣ своего честнаго сердца стремился до-мой. Этимъ, за исключеніемъ одной особы, ограничиваются

мои воспоминанія о присутствовавшихъ. Наружность леди Кларинды сохранилась въ моей памяти такъ живо какъ будто я видѣла ее вчера, а разговоръ который я имѣла съ нею въ концѣ вечера я могу повторить почти слово въ слово.

Я вижу ея нарядъ, я слышу ея голосъ.

Она была одѣта съ тою изысканною простотою которая всегда производитъ впечатлѣннѣе обратное отъ предполагаемаго. На ней было бѣлое шелковое платье покрытое простою бѣлою кисеей безъ всякой отдѣлки. Ея роскошные черные волосы, вопреки моды, были откинута отъ лба наверхъ и свернуты на затылкѣ въ простой узелъ. Узкая бѣлая ленточка на ея шеѣ была заколота небольшою бриллиантовою брошкой, единственною драгоценностью которую она имѣла. Она была безспорно красива, но наружность ея приняла лежала къ тому рѣзкому, угловатому типу который встрѣчается такъ часто между Англичанками; носъ и подбородокъ слишкомъ выдающіеся и слишкомъ твердо очерченные, красивые сѣрые глаза полные ума и достоинства, но лишены живости и живости. Ея манеры, въ высшей степени учтивыя и непритворно дружественныя, выражали покладистую но не шокирующую самоувѣренность, которая въ Англіи есть повидимому естественное слѣдствіе знатности происхождения. Еслибы вы произнесли свое мнѣніе о ней судя по наружности, вы сказали бы: вотъ знатная женщина вполне свободная отъ гордости. Но еслибы на основаніи этого мнѣнія вы позволили себѣ какую-нибудь вольность съ ней, она заставила бы васъ помнить это до конца вашей жизни.

Мы поладили какъ нельзя лучше. Я была представлена по предварительному соглашенію съ майоромъ, какъ мистрисъ Вудвиль. Прежде чѣмъ обѣдъ кончился мы обмѣнялись обѣщаніемъ посѣтить другъ друга. Оставалось только найти удобный случай чтобы завязать разговоръ о мистрисъ Болъ.

Позже вечеромъ случай представился.

Я скрылась отъ ужаснаго бравурнаго лѣвня примадона майора въ заднюю гостиную. Спустя немного леди Кларинда какъ я и надѣялась, замѣтила мое исчезновеніе изъ круга собравшагося вокругъ рояля и пришла ко мнѣ. Она усѣлась возлѣ меня и къ моему невыразимому удовольствію заговорила сама о Мизерримусѣ Декстерѣ. Что-то сказанна мною когда кто-то упомянулъ о немъ за обѣдомъ привела насъ послѣ естественныхъ переходовъ къ разговоръ о

стрисъ Боли. Наконецъ-то я вознагражу себя за обѣдъ майора, подумала я.

Но что это было за вознагражденіе! Сердце мое сжимается при воспоминаніи объ этомъ какъ оно сжалось въ тотъ достопамятный вечеръ.

— Неужели Декстеръ дѣйствительно говорилъ съ вами о мистрисъ Боли? воскликнула леди Кларинда.— Вы не можете представить себѣ какъ это удивляетъ меня.

— Почему?

— Потому что онъ ненавидитъ ее. Когда я видѣлась съ нимъ въ послѣдній разъ, онъ не позволялъ мнѣ произнести ея имя. Однако если такое чувство какъ симпатія возможно въ такомъ человѣкѣ, ему слѣдовало бы любить Елену Боли. Она самая искренняя особа изъ всѣхъ кого я знаю. Когда она, бѣдная, выходитъ изъ себя, она говоритъ и дѣлаетъ сумасбродства достойныя самого Декстера. Желала бы я знать понравилась ли бы она вамъ.

— Вы были такъ добры что пригласили меня къ себѣ, леди Кларинда.— Не встрѣчу ли я ее у васъ?

Леди Кларинда засмѣялась.

— Надѣюсь что вы не отложите свое посѣщеніе до тѣхъ поръ когда будете имѣть возможность встрѣтиться у меня съ Еленой, сказала она.— Послѣднимъ сумасбродствомъ Елены было то что она вообразила себя больною подагрой. Она отправилась лѣчиться на какія-то чудодѣйственныя воды въ Венгрію или въ Богемію, а что она сдѣлаетъ вслѣдъ за этимъ, извѣстно одному Богу.— Что съ вами, мистрисъ Вудвилъ? Не слишкомъ ли жарко здѣсь? Какъ вы поблѣднѣли.

Я сама чувствовала что поблѣднѣла. Открытіе что мистрисъ Боли уѣхала за границу было для меня совершенно неожиданнымъ ударомъ.

— Не пойти ли намъ въ другую комнату? спросила леди Кларинда.

Пойти въ другую комнату значило прекратить начатый разговоръ. Я рѣшила не допустить такой катастрофы. Мнѣ необходимо было узнать гдѣ находилась служанка мистрисъ Боли. Она могла отойти отъ нея и остаться въ Англіи. Я отодвинула свой стулъ подальше отъ камина и взяла со стола вѣеръ чтобы закрыть имъ лицо въ случаѣ новаго разочарованія.

— Благодарю васъ, леди Кларинда. Я сидѣла слишкомъ

близко къ огню. Здѣсь мнѣ хорошо. Меня удивляетъ вашъ отзывъ о мистрисъ Боли. Судя по тому что сказалъ мнѣ о ней мистеръ Декстеръ, я полагала...

— О, Декстеру нельзя вѣрить, прервала меня леди Кларинда. — Онъ любитъ мистифицировать людей, и я увѣрена что онъ умышленно ввелъ васъ въ заблужденіе. Если все что я слышала правда, ему слѣдовало бы знать объ эксцентричности мистрисъ Боли. Онъ едва не открылъ одно ея похожденіе въ Шотландіи наломинающее сюжетъ прелестной оперы Обера—какъ ея названіе? Я скоро забуду мое собственное имя. Помните оперу въ которой двѣ монахини уходятъ тайно изъ монастыря и отправляются на балъ? Слышите? Какъ странно! Эта вульгарная дѣвушка запѣла сейчасъ арію съ кастаньетами изъ втораго акта. Майоръ! Изъ какой оперы поетъ молодая особа?

Майоръ, скандализованый ея громкимъ возгласомъ, вбѣжалъ въ комнату и прошепталъ:

— Тихе, тихе, миледи, изъ *Domino Noir*, и бросился назадъ къ роялю.

— Дѣйствительно, сказала леди Кларинда. — Изъ *Domino Noir*. Какъ я могла забыть это? Странно что вы тоже забыли.

Я не забыла, но я не была въ силахъ отвѣтить ей. Если „похожденіе“ о которомъ она заговорила имѣло связь съ таинственными поступками мистрисъ Боли въ утро двадцать перваго октября, я была близка къ открытію которое составляло теперь главный интересъ моей жизни. Я закрыла лицо вѣеромъ и сказала такъ твердо какъ только могла:

— Продолжайте пожалуйста. Разкажите мнѣ приключеніе мистрисъ Боли.

Леди Кларинда была польщена моимъ горячимъ интересомъ.

— Надѣюсь что мой разказъ оправдаетъ ваше любезное желаніе выслушать его, сказала она. — Еслибы вы только знали Елену, это такъ похоже на нее. Я узнала эту исторію отъ ея горничной. Елена взяла съ собой въ Венгрію женщину говорящую на иностранныхъ языкахъ и оставилъ свою горничную у меня. Эта дѣвушка истинное сокровище. У нея только одинъ недостатокъ—имя котораго я терпѣть не могу. Ее зовутъ Эёбе. И такъ Эёбе и ея госпожа гостили въ одномъ помѣстьѣ близъ Эдинбурга, называющемся

какъ мнѣ помнится, Гленникъ. Оно принадлежало тогда мистеру Макалану, тому самому Макалану который судился потомъ по обвиненію въ отравленіи жены. Ужасное дѣло, но не пугайтесь, моя исторія не имѣетъ ничего общаго съ этимъ дѣломъ, моя исторія касается только мистрисъ Боли. Въ то время когда мистрисъ Боли гостила въ Гленникъ, она была однажды приглашена на обѣдъ однимъ знакомымъ ей семействомъ Англичанъ пріѣхавшихъ въ Единбургъ на короткое время. Въ тотъ же вечеръ въ Единбургѣ давался кѣмъ-то костюмированный балъ,—событіе почти безпримѣрное въ Шотландіи и показавшееся обществу не совсѣмъ приличнымъ увеселеніемъ. Говорили что тамъ будутъ всякаго рода люди, и женщины сомнительной добродѣтели и джентльмены изъ низшихъ слоевъ общества. Друзьямъ Елены удалось достать билетъ и они намѣревались отправиться вопреки всѣмъ толкамъ, но сохранивъ конечно строгое инкогнито. Елена тоже очень хотѣлось ѣхать, но съ тѣмъ чтобъ это осталось тайной для Гленника. Мистеръ Макаланъ былъ изъ числа щелетильныхъ людей не одобрявшихъ бала. Ни одна порядочная женщина, говорилъ онъ, не можетъ показаться на такомъ балу не скомпрометтировавъ своей репутаціи. Вздоръ, конечно. Елена въ одну изъ своихъ сумасбродныхъ минутъ придумала средство отправиться на балъ тайно, средство которое могло бы послужить сюжетомъ для остроумной французской комедіи. Она пріѣхала на обѣдъ въ каретѣ изъ Гленника, а Эѣбе была отправлена въ Единбургъ раньше. Какъ вы думаете что сдѣлала Елена когда пришло время ѣхать назадъ въ Гленникъ? Она отправила вмѣсто себя свою горничную. Эѣбе надѣла пальто, шляпку и вуаль своей гослужи. Прибывъ въ Гленникъ она должна была бѣжать немедленно наверхъ, оставивъ въ прихожей на столѣ записку въ которой говорилось что чрезмѣрная усталость мѣшаетъ мистрисъ Боли проститься съ ея хозяиномъ. Записка была конечно написана самою мистрисъ Боли. Гослужа и служанка были почти одного роста, и слуги не замѣтили обмана. Эѣбе добралась до комнаты своей гослужи. Тутъ она должна была ждать пока все въ домѣ не успокоится и потомъ пробраться въ свою комнату. Дождавшись она заснула и проснулась только въ третьемъ часу. Она рѣшилась однако пройти въ свою комнату. Не успѣла она выйти изъ коридора, какъ позади ея послышался какой-то шумъ. Она не

оставовилась пока не сошла съ лѣстницы и тогда взглянула черезъ перила на верхъ. Чтò же она увидѣла? Декстеръ скакалъ по корридору (видѣли вы какъ онъ скачетъ на рукахъ? Самое безобразное зрѣлище какое вы только можете себѣ представить) и заглядывалъ въ замочныя щели. Онъ вѣроятно принялъ Эббе за ея госпожу, такъ какъ она забыла снять пальто Елены, и искалъ куда она скрылась въ третьемъ часу ночи. На слѣдующій день рано утромъ Елена вернулась изъ Единбурга въ наемной каретѣ, взявъ пальто и шляпку у своихъ англійскихъ друзей. Она оставила карету на дорогѣ и вошла въ домъ черезъ садъ какъ бы незамѣченная. Умно и смѣло, не правда ли? И, какъ я сказала, повтореніе исторіи *Domino Noir*. Васъ можетъ-быть удивить что Декстеръ не воспользовался тѣмъ что ему удалось подсмотреть ночью и не надѣлалъ ей неприятностей. Дѣло въ томъ что въ этотъ день въ Гленвикѣ случилось ужасное событіе которое заставило молчать даже Декстера. Милая моя, право въ этой комнатѣ слишкомъ жарко. Возьмите мой флаконъ со спиртомъ. Позвольте мнѣ открыть окно.

Я едва была въ состояніи отвѣтить: — Пожалуста не поднимайте тревоги. Я выйду на свѣжій воздухъ.

Я вышла не замѣченная на лѣстницу и сѣла на ступеньку. Спустя минуту я почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку и оглянувшись увидала добраго Веніамина. Леди Кларинда переговорила съ нимъ секретно и помогла ему выйти тайкомъ изъ комнаты между тѣмъ какъ вниманіе хозяйки было поглощено музыкой.

— Милое дитя мое! Чтò съ вами? прошепталъ онъ тревожно.

— Отвезите меня домой и я скажу вамъ, было все что я могла ему отвѣтить.

Г Л А В А XXXII.

• Образецъ моего баагоразумія.

Лондонъ перестаетъ быть на время сценой моихъ дѣйствій; я переносу ихъ въ Единбургъ.

Прошло два дня послѣ обѣда майора Фитцъ-Девида. Я успокоилась отъ удара который я вынесла когда всѣ мои планы на будущее и всѣ надежды которыя я основала на нихъ были разрушены. Я поняла теперь что я была втройнт

виновата: виновата въ томъ что заподозрѣла невинную женщину, виновата въ томъ что сообщила свое подозрѣніе (не сдѣлавъ предварительно попытки узнать насколько оно основательно) другому лицу; виновата въ томъ что приняла поспѣшные выводы и заключенія Мизерримуса Декстера за неопровержимую истину. Я такъ стыдилась своей прошлой глупости, моя самонадѣянность была такъ поколеблена что я наконецъ приняла совѣтъ моего добраго стараго Веніамина.

— Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ когда мы по возвращеніи съ обѣда наговорились вдоволь о моей неудачѣ, — то что вы рассказали мнѣ о мистерѣ Декстерѣ, не располагаетъ меня въ его пользу. Общайте мнѣ что вы не поѣдете къ нему пока не посоветуетесь съ кѣмъ-нибудь кто способенъ меня руководить вами въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Я дала обѣщаніе, но съ условіемъ.

— А если я не найду такого человѣка, сказала я,—обѣщаете ли вы съ своей стороны помогать мнѣ.

Онъ охотно обѣщаль сдѣлать все что было въ его силахъ.

На слѣдующее утро когда я чесала волосы и думала о своихъ дѣлахъ, мнѣ пришло въ голову что я совѣмъ упустила изъ виду одно изъ намѣреній принятыхъ мною во время чтенія отчета. Я говорю о моемъ намѣреніи обратиться, въ случаѣ неудачи у Декстера, къ одному изъ агентовъ (или солиситоровъ, какъ слѣдовало бы называть ихъ), подготовлявшихъ защиту моего мужа, къ мистеру Плеймору. Не лишнее можетъ-быть напомнить что этотъ джентльменъ расположилъ меня къ себѣ дружескимъ участіемъ которое онъ оказалъ моему мужу во время обыска. Проглядѣвъ снова показаніе Исаака Скулькрафта я нашла что мистеръ Плейморъ былъ призванъ тогда на помощь моему мужу Мизерримусомъ Декстеромъ. Слѣдовательно онъ былъ не только искреннимъ другомъ моего мужа, но и человѣкомъ лично знакомымъ съ Декстеромъ. Вотъ къ кому слѣдуетъ мнѣ обратиться за помощію, рѣшила я. Веніаминъ въ этотъ разъ вполне одобрилъ мое намѣреніе и немедленно принялся помогать мнѣ. Онъ узналъ чрезъ своего адвоката адресъ лондонскихъ повѣренныхъ мистера Плеймора и взялъ у нихъ для меня рекомендательное письмо къ самому мистеру Плеймору. Мнѣ нечего было скрывать отъ моего новаго совѣтника, и въ рекомендательномъ письмѣ я была названа какъ и слѣдуетъ второй женой Евстаѳія Макаллана.

Въ тотъ же вечеръ мы оба отправились въ Единбургъ. Веніаминъ не согласился отпустить меня одну.

По совѣту моего друга я предварительно написала Мэзерримусу Декстеру что мнѣ приходится уѣхать на нѣсколь-ко дней изъ Лондона по совершенно неожиданному дѣлу и что я разкажу ему о результатѣ моего свиданія съ леди Клариндой вскорѣ по возвращеніи въ Лондонъ. Въ отвѣтъ онъ прислалъ мнѣ съ Аріэль слѣдующія характеристическія строки: „Мистрисъ Валерія, я человекъ проникательный. Я прочелъ недописанную часть вашего письма и понялъ что леди Кларинда поколебала ваше довѣріе ко мнѣ. Прекрасно. Я съ своей стороны берусь поколебать ваше довѣріе къ леди Клариндѣ. Не думайте что я оскорбился. Я буду жить въ невозмутимомъ спокойствіи чести и счастья увидать васъ опять у себя. Увѣдомьте меня по телеграфу чѣмъ мнѣ угодитъ васъ, опять трюфелями или чѣмъ-нибудь полегче и попроще. Не приготовить ли мнѣ для васъ несравненное французское блюдо — свиная вѣки съ тамариндами? Остаюся вашъ преданный союзникъ и поклонникъ, поэтъ и поваръ Декстеръ.“

По прибытіи въ Единбургъ у насъ съ Веніаминомъ произошла маленькая размолвка. Спорнымъ вопросомъ было слѣдуетъ ли мнѣ отправиться къ мистеру Плеймору одной или съ нимъ. Я настаивала что отправлюсь одна.

— Я мало знакома со свѣтомъ, сказала я Веніамину, — но я замѣтила что въ девяти случаяхъ изъ десяти мужчина дѣлаетъ женщинѣ когда она приходитъ къ нему одна такія уступки о которыхъ онъ и не подумалъ бы еслибы съ ней былъ мужчина. Не знаю чѣмъ объяснить это, но это такъ. Если мое свиданіе съ мистеромъ Плейморомъ окажется неудачнымъ, я попрошу у него позволенія придти къ нему опять и тогда вы будете сопровождать меня. Не считайте меня упрямой. Дайте мнѣ попытать счастья одной и посмотримъ что выйдетъ изъ этого.

Веніаминъ уступилъ со своею обыкновенною внимательностью ко мнѣ. Я послала мое рекомендательное письмо въ контору мистера Плеймора, такъ какъ его домъ былъ за городомъ, недалеко отъ Гленинка. Мой посланный принесъ мнѣ въ отвѣтъ учтивое приглашеніе побывать вскорѣ послѣ полудня. Въ назначенное время я позвонила у двери конторы.

ГЛАВА XXXIII.

Образецъ моего безразсудства.

Непонятное подчиненіе Шотландцевъ тираніи духовенства ихъ господствующей церкви по моему мнѣнію было главною причиною общепринятаго ложнаго понятія о ихъ національномъ характерѣ.

Общественное мнѣніе видитъ въ Шотландіи учрежденіе „субботнаго дня“, находитъ его безсмысленную строгость явленіемъ безпримѣрнымъ въ христіанскомъ мірѣ, видитъ что нація терпѣливо покоряется тому что ея духовенство въ теченіе одного дня въ недѣлю лишаетъ ее всѣхъ преимуществъ цивилизованной жизни, вѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, чтенія газетъ и тому подобнаго, оставляя ей только два развлеченія, ходить въ церковь или сидѣть залершись надъ бутылкой, и общественное мнѣніе рѣшаетъ что люди способные покоряться этому должны быть самыми тулоумными, суровыми, угрюмыми людьми. Но таковы ли Шотландцы на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Когда ихъ видишь вблизи и судишь о нихъ по личному опыту, приходится сознаться что нѣтъ людей болѣе веселыхъ, общительныхъ, гостепріимныхъ какъ тѣ самые люди которые соблюдаютъ шотландскій субботній день. Шесть дней недѣли среди Шотландцевъ господствуетъ атмосфера добродушнаго юмора и здраваго смысла въ которой чувствуешь себя какъ-то необыкновенно пріятно, но на седьмой день они становятся единственными людьми на землѣ способными спокойно выслушивать отъ своихъ духовныхъ отцовъ что гулять въ субботній день святотатство и другія нелѣпости въ этомъ родѣ.

Я не берусь объяснить причину такой странной аномаліи въ національномъ характерѣ. Я упомянула о ней только для того чтобы приготовить читателей къ появленію въ моемъ разказѣ такой рѣдкой въ книгахъ личности какъ веселый Шотландецъ.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я нашла въ мистерѣ Плейкорѣ только отрицательныя особенности. Онъ не былъ ни старъ, ни молодъ, ни красивъ, ни безобразенъ и ни мало не подходилъ подъ общепринятое понятіе о юристѣ. По-англій-

ски онъ говорилъ совершенно правильно и съ самымъ значительнымъ шотландскимъ акцентомъ.

— Я имѣю честь быть старымъ другомъ мистера Макалана и очень радъ случаю познакомиться съ женой мистера Макалана, сказалъ онъ радушно пожавъ мнѣ руку.—Гдѣ вы сядете? Поближе къ свѣту? Вы еще такъ молоды что можете не бояться дневнаго освѣщенія. Вы въ первый разъ Эдинбургъ? Позвольте мнѣ постараться сдѣлать его приятнымъ для васъ насколько это въ моихъ силахъ. Мнѣ было бы очень пріятно познакомиться васъ съ мистрисъ Плейморъ. Мы переселились на время въ Эдинбургъ. Теперь здѣсь ирландская опера и у насъ есть ложа на нынѣшній вечеръ. Отложите въ сторону всякія церемоніи, откушайте съ нами и отправитесь затѣмъ въ театръ.

— Вы очень добры, отвѣчалъ я.—Но въ настоящее время я въ такомъ тревожномъ состояніи духа что мистрисъ Плейморъ нашла бы меня очень незанимательною собесѣдницей. Въ моемъ письмѣ къ вамъ кажется сказано что мнѣ нужно посоветоваться съ вами насчетъ очень важнаго для меня дѣла.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ онъ.—Я, признаться, не дочиталъ письма. Я увидалъ въ немъ ваше имя и понялъ изъ словъ вашего посланнаго что вы желаете видѣться со мной. Я отвѣтилъ вамъ и занялся другимъ. Извините пожалуйста. Ради васъ надѣюсь что вы пріѣхали не для профессиональной консультаціи.

— Нѣтъ, мистеръ Плейморъ, не для профессиональной консультаціи. Я нахожусь въ очень тяжеломъ положеніи и пришла просить у васъ совѣта при весьма необычайныхъ обстоятельствахъ. Вы будете очень удивлены тѣмъ что я шлю сообщить вамъ и я боюсь что мнѣ придется отнять у васъ больше времени чѣмъ вы желали бы удѣлить мнѣ.

— Я и мое время въ вашемъ полномъ распоряженіи, сказалъ онъ.—Объясните мнѣ какъ умѣете что я могу сдѣлать для васъ.

Его обращеніе было такъ же ласково какъ и его слова. Я разказала ему свободно и откровенно и безъ всякой утайки всю мою странную исторію.

Онъ не старался скрывать разнообразныя впечатлѣнія которыя производилъ на него мой разказъ. Моя разлука съ Евстаѣемъ поразила и огорчила его. Мое намѣреніе оспари-

вать шотландскій вердиктъ и мое несправедливое подозрѣнiе противъ мистрисъ Боли сначала показались ему забавными, потому удивили его. Но когда я разказала ему о моемъ странномъ свиданiи съ Декстеромъ и о моемъ не менѣе странномъ разговорѣ съ леди Клариндой, юристъ обнаружилъ признаки сильнаго волненiя. Онъ измѣнился въ лицѣ, онъ оживился и пробормоталъ про себя, какъ бы забывая обо мнѣ:—Боже праведный! Возможно ли! Неужели правда скрывается *здѣсь*?

Я рѣшилась прервать его и заставить подѣлиться своими мыслями со мной.

— Я кажется удивила васъ? спросила я.

Онъ вздрогнулъ при звукѣ моего голоса.

— Тысяча извиненiй, воскликнулъ онъ.—Вы не только удивили меня, вы дали мнѣ совершенно новую идею, до сихъ поръ никогда не приходившую мнѣ въ голову, насчетъ тайны преступленiя въ Гленинкѣ. Странное положенiе, прибавилъ онъ, владая олять въ свой прежнiй юморъ.—Клиентка руководить юристомъ. Кто изъ насъ нуждается въ совѣтѣ другаго, вы въ моемъ, или я въ вашемъ?

— Могу я узнать вашу новую идею? спросила я.

— Не сейчасъ, если позволите, отвѣчалъ онъ.—Будьте свасходительны къ моей профессиональной осторожности. Я не хочу быть профессиональнымъ съ вами, я всѣми силами стараюсь избѣжать этого, но юристъ тѣмъ не менѣе беретъ верхъ надъ человѣкомъ. Я не могу рѣшиться высказать то что у меня на умѣ, не разспросивъ васъ подробнѣе. Сдѣлайте мнѣ величайшее одолженiе, позвольте мнѣ полпросить васъ повторить часть вашего разказа и предложить вамъ нѣсколько вопросовъ. Имѣете ли вы что-нибудь противъ этого?

— Конечно нѣтъ, мистеръ Плейморъ. Какую часть моего разказа должна я повторить?

— Часть касающуюся вашего перваго визита къ Декстеру въ сопровожденiи вашей свекрови. Вы сказали, если я поналя васъ, что когда вы впервые спросили его не имѣеть ли онъ своего собственнаго воззрѣнiя на причину смерти мистрисъ Макелланъ, онъ взглянулъ на васъ подозрительно?

— Очень подозрительно.

— И лицо его прояснилось олять когда онъ узналъ что вашъ вопросъ былъ основанъ только на томъ что вы прочли въ отчетѣ?

— Да.

Онъ вынулъ изъ ящика своего бюро листокъ бумаги, обмокнулъ перо въ чернила, подумалъ немного и пригласилъ меня сѣсть поближе къ нему.

— Юристъ исчезаетъ и человѣкъ занимаетъ его мѣсто, сказалъ онъ.—Между мной и вами не должно быть профессиональной сдержанности. Какъ старый другъ вашего мужа я принимаю въ васъ большое участіе. Я вижу серіозную необходимость предупредить васъ пока не поздно и для этого я долженъ сдѣлать то что сдѣлали бы немногіе на моемъ мѣстѣ. Хотя я Шотландецъ и юристъ, но я рѣшаюсь довериться вамъ лично и профессионально. Сядьте сюда и глядите чрезъ мое плечо на замѣтки которыя я буду писать. Онъ объясняетъ вамъ мои мысли.

Я сѣла возлѣ него и устремила взглядъ чрезъ его плечо на бумагу.

Онъ началъ такъ:

„Отравленіе въ Гленинкѣ. Вопросы: въ какомъ положеніи стоитъ Мизерримусъ Декстеръ относительно отравленія? И что можетъ онъ знать объ этомъ дѣлѣ?“

„Онъ имѣетъ идеи которыя держать въ тайнѣ. У него является подозрѣніе что онъ выдалъ ихъ или что онъ открыты какимъ-то непостижимымъ для него образомъ. Онъ очевидно радуется когда находитъ что его подозрѣніе ошибочно.“

Перо остановилось. Мистеръ Плейморъ обратился опять ко мнѣ.

— Перейдемъ къ вашему второму визиту, сказалъ онъ.—Расскажите мнѣ опять какія чувства онъ обнаружилъ и что онъ сдѣлалъ когда услышалъ отъ васъ что вы не хотите покориться шотландскому вердикту.

Я повторила то же самое что было разказано на этихъ страницахъ. Перо вернулось къ бумагѣ и написало слѣдующія строки.

„Онъ не слышитъ ничего болѣе замѣчательнаго какъ то что особа заинтересованная въ дѣлѣ не хочетъ примириться съ вердиктомъ которымъ кончилось дѣло Макаллана и намѣревается возобновить слѣдствіе. Какъ встрѣчаетъ онъ это извѣстіе?“

„Онъ обнаруживаетъ симптомы паническаго ужаса; онъ видитъ себя почему-то въ опасности; онъ приходитъ сначала въ ярость, потомъ становится униженно покорнымъ, потомъ

безъ всякаго основанія, обвиняетъ свою посѣтительницу въ томъ что она подозрѣваетъ кого-нибудь. Вопросъ по этому поводу: когда въ домѣ пролаждаетъ небольшая сумма денегъ и объ этомъ объявляется всей прислугѣ дома вообще, что думаемъ мы о слугѣ который заговариваетъ первый и спрашиваетъ: не подозрѣваете ли вы меня?"

Онъ положилъ перо.

— Правъ я? спросилъ онъ.

Я начала понимать къ какой цѣли клонились его замѣтки. Высто того чтобъ отвѣтить ему, я попросила войти въ объясненія которыя могли бы убѣдить и меня.

— Не сейчасъ, отвѣчалъ онъ.—Я спрашиваю васъ олятъ: правъ я до сихъ поръ?

— Совершенно правы.

— Прекрасно. Продолжайте вашъ разказъ. Не бойтесь повтореній. Говорите всѣ подробности одну за другой.

Я повторила всѣ подробности сохранившіяся въ моей лямпѣ. Мистеръ Плейморъ взялся олятъ за перо и закончилъ свои замѣтки слѣдующими строками:

„Его косвенно успокоиваютъ что заподозрѣнная особа не онъ. Онъ склоняется на спинку кресла, онъ испускаетъ глубокий вздохъ облегченія, онъ проситъ позволенія остаться на нѣсколько времени въ одиночествѣ подъ предлогомъ что онъ слишкомъ взволнованъ разговоромъ. Посѣтительница уходитъ. Вернувшись къ нему она узнаетъ что онъ безъ нея пилъ вино. Онъ молчитъ о прерванномъ разговорѣ; посѣтительница сама возобновляетъ его. Посѣтительница убѣждена что мистрисъ Макаланъ умерла отравленная чужою рукою и говоритъ это прямо. Декстеръ опрокидывается на спинку своего кресла какъ человекъ падающій въ обморокъ. Какъ объяснить такой ужасъ? Онъ будетъ понятенъ если мы назовемъ его преступнымъ ужасомъ. Иначе онъ необъяснимъ. Въ слѣдующую минуту Декстеръ владаетъ въ другую крайность. Узнавъ что подозрѣнне посѣтительницы обращено всецѣло на отсутствующую особу, онъ приходитъ въ неописанный восторгъ. Тогда и только тогда онъ начинаетъ увѣрять что и самъ подозрѣваетъ эту особу. Таковы факты. Къ какому прямому заключенію приводятъ они?“

Онъ спряталъ свои замѣтки, устремилъ внимательный взглядъ на мое лицо и ждалъ чтобъ я заговорила первая.

— Я понимаю васъ теперь, мистеръ Плейморъ, начала я съ жаромъ. — Вы думаете что мистеръ Декстеръ....

Онъ прервалъ меня.

— Повторите мнѣ, сказалъ онъ, — какъ выразился мистеръ Декстеръ когда былъ такъ добръ что подтвердилъ ваше подозрѣніе противъ бѣдной мистрисъ Боли?

— Онъ сказалъ: я вполне увѣренъ что мистрисъ Макаланъ умерла отъ руки мистрисъ Боли.

— Я съ своей стороны повторю его слова съ небольшимъ измѣненіемъ. Я скажу: я вполне увѣренъ что мистрисъ Макаланъ умерла отъ руки Декстера.

— Вы шутите, мистеръ Плейморъ?

— Я никогда въ жизни не говорилъ серьезно чѣмъ теперь. Вашъ опрометчивый визитъ къ Декстеру и поразительная неосторожность съ которой вы доверились ему привели къ поразительнымъ результатамъ. Тайна преступленія въ Гленникъ, которой не могъ открыть законъ со всеми своими средствами, случайно открыта женщиной отказавшейся по вину разсудку и вознамѣрившейся дѣйствовать по-своему. Невѣроятно и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо.

— Невозможно! воскликнула я.

— Чтò невозможно? спросилъ онъ холодно.

— Чтò Декстеръ отравилъ первую жену моего мужа.

— Почему же это невозможно? позвольте спросить.

Я начала выходить изъ себя.

— Чтò за вопросъ? мистеръ Плейморъ, сказала я съ негодованіемъ. — Развѣ я не говорила вамъ что онъ отзывался о ней съ такою симпатіей и съ такимъ почтеніемъ которыми могла бы гордиться всякая женщина? Я обязана его дружескимъ приѣмомъ какому-то сходству которое онъ нашелъ между ею и мною. На глазахъ его были слезы, голосъ его дрожалъ и обрывался когда онъ говорилъ о ней. Нѣтъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть самый дѣловитый человѣкъ, но о ней онъ говорилъ искренно. Когда женщина говоритъ съ женщиной о томъ чтò дѣйствительно близко его сердцу, женщина всегда угадываетъ по некоторымъ признакамъ что онъ говоритъ искренно. Я видѣла эти признаки, и ваше предположеніе что онъ отравилъ ее кажется мнѣ столь же страннымъ какъ еслибы вы предположили что я отравила ее. Мнѣ совѣстно оспаривать ваше мнѣніе, мистеръ Плейморъ, но чтò же дѣлать если я не могу согла-

ться съ нимъ? Я должна сознаться что я почти сержусъ васъ.

Мое смѣлое объясненіе повидимому не только не оскорбило его, но даже понравилось ему.

— Вамъ не за что сердиться на меня, мистрисъ Макалланъ, азаль онъ. — Въ одномъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, съ тою только разницею что я иду дальше васъ.

— Что вы хотите сказать?

— Сейчасъ узнаете. Вы увѣрены что Декстеръ относился покойной мистрисъ Макалланъ съ искреннимъ расположеніемъ и почтеніемъ. Я могу сказать что его чувства къ ней были горячѣе чѣмъ вы полагаете. Я знаю это отъ самой покойной мистрисъ Макалланъ, которая удостоивала меня моею дружбой и своимъ довѣріемъ въ лучшій періодъ своей жизни. Когда она не была еще замужемъ за мистеромъ Макалланомъ—она скрыла это отъ него и я совѣтую послѣдовать ея примѣру, — Мизерримусъ Декстеръ былъ влюбленъ въ нее. Мизерримусъ Декстеръ, несмотря на свое уродство, просилъ ее, серьезно просилъ ее сдѣлаться его женой.

— И въ виду этого, воскликнула я, — вы говорите что онъ развилъ ее!

— Да. Я не могу вывести другаго заключенія изъ всего что случилось когда вы были у него. Вы едва не довели его до обморока. Чего онъ испугался?

— Онъ очень хотѣлось найти отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я же начала отвѣчать сама не зная что скажу.

— Мистеръ Декстеръ старый и преданный другъ моего отца, начала я. — Узнавъ что я не хочу покориться вердиктъ онъ можетъ-быть испугался...

— Испугался послѣдствій которыя можетъ повлечь за собою возобновленіе слѣдствія по дѣлу вашего мужа, сказалъ Декстеръ Плейморъ, проницательно закончивъ мою рѣчь за меня.

— Странное разсужденіе, мистрисъ Макалланъ. И не сомнѣвайтесь согласное съ вашею увѣренностью въ невинности вашего мужа. Освободитесь разъ навсегда отъ вашего заблужденія которое можетъ ввести васъ въ роковыя ошибки. Помните моему слову что Мизерримусъ Декстеръ пересталъ любить другого вашего мужа въ тотъ день когда вашъ мужъ женился на своей первой женѣ. Наружно Декстеръ сохранилъ ради приличія дружескія отношенія съ нимъ. Его поведеніе на судѣ оправдало общія ожиданія. Тѣмъ не менѣе

я твердо убѣжденъ что оный завѣщій врагъ мистера Макдана.

Я похолодѣла. Я поняла что послѣднее по крайней мѣрѣ было справедливо. Мой мужъ женился на женщинѣ отъ которой Мизерримусъ Декстеръ получалъ отказъ. Былъ Декстеръ человекомъ способнымъ простить это? Мой собственный опытъ отвѣчалъ мнѣ: нѣтъ.

— Запомните то что я сказалъ вамъ, продолжалъ мистеръ Шлейморъ, — и перейдемъ къ вашему положенію въ этотъ дѣлъ и къ вашимъ интересамъ. Попробуйте принять мою точку зрѣнія и посмотримъ какіе шансы имѣемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ. Быть нравственно увѣренны что Мизерримусъ Декстеръ виновенъ въ преступленіи — то же самое что найти, спустя столько лѣтъ, такіа ясныя доказательства его виновности чтобъ имѣть право осудить его публично. Если я не въ полнѣйшемъ заблужденіи, то просьба теперь сводится на слѣдующее прямое положеніе: публичное доказательство невинности вашего мужа зависитъ единственно отъ публичнаго доказательства виновности Декстера. Какъ вамъ доказать его виновность? Противъ него нѣтъ ни малѣйшей улики. Осудить его можно только на основаніи его собственного сознанія. Слушаете вы меня?

Я слушала, но очень неохотно. Если оный былъ правъ, то положеніе дѣлъ было дѣйствительно такъ ужасно какъ оный ворилъ. Но при всемъ моемъ уваженіи къ превосходству его знаній и опытности, я не могла заставить себя думать что оный правъ. И я созналась ему въ этомъ съ искреннимъ признаніемъ.

Оный улыбнулся добродушно.

— Какъ бы то ни было, сказалъ оный, — но вы должны признаться что Декстеръ до сихъ поръ не былъ вполнѣ искрененъ съ вами. Оный таитъ отъ васъ что-то такое что вамъ необходимо знать.

— Да, съ этимъ я согласна.

— Прекрасно. Я утверждаю что оный таитъ отъ васъ свою виновность; вы предполагаете что оный таитъ факты которые могутъ доказать виновность другаго, но несомнѣнно что оный таитъ нѣчто. Пусть это послужитъ намъ точкой отправленія. Спрашивается, какъ вамъ открыть его тайну? Какія вліянія употребите вы когда увидите съ нимъ оный?

— Я могу попробовать убѣдить его.

— Конечно можете. Но если ваша попытка убѣдить его не удастся, что тогда? Не надѣетесь ли вы что сумѣете выпытать у него его тайну? Или налугать его такъ чтобъ онъ выдалъ ее самъ?

— Если вы взглянете на ваши замѣтки, мистеръ Плейморъ, вы увидите что мнѣ уже удалось налугать его, хотя я только женщина.

— Славный отвѣтъ. Вы очень находчивы. Такъ вы думаете что то что удалось вамъ разъ, удастся вамъ и опять? Хорошо. Если вы уже рѣшились на эту попытку, вамъ не мѣшаетъ познакомиться получше съ характеромъ и темпераментомъ Декстера. Не обратится ли намъ за справками о немъ къ лицу на мнѣніе котораго можно положиться?

Я вздрогнула и оглянула комнату. Я заключила изъ его словъ что лицо которое можетъ помочь намъ находится недалеко отъ насъ.

— Не пугайтесь, сказалъ онъ. — Оракулъ безмолвенъ и скрываетъ вотъ здѣсь.

Съ этими словами онъ отперъ одинокъ изъ ящичковъ своего бюро, досталъ пачку писемъ и выбралъ одно.

— Подготовляя защиту вашего мужа, сказалъ онъ, — мы затруднялись включить въ число свидѣтелей Мизерримуса Декстера. Не то чтобы мы имѣли какія-нибудь подозрѣнія противъ него, — вы знаете что мы были далеки отъ этого, — но насъ пугала его эксцентричность и мы опасались что появленіе въ судѣ приведетъ его въ такое волненіе что онъ лишится разсудка. Въ этомъ затрудненіи мы рѣшились посоветоваться съ докторомъ. Мы познакомили его подъ какимъ-то предлогомъ, который я уже забылъ, съ Мизерримусомъ Декстеромъ, и вотъ его мнѣніе которое онъ выразилъ послѣ свиданія съ нимъ.

Онъ развернулъ письмо и сдѣлавъ отиѣтку карандашомъ, передалъ его мнѣ.

— Достаточно будетъ если вы прочтете то что я отиѣтилъ, сказалъ онъ.

Я прочла нижеслѣдующія строки:

„Суммируя результаты моихъ наблюденій, я могу сказать что по моему мнѣнію въ этомъ человѣкѣ есть затаенные зачатки безумія, но что въ настоящее время безумія еще нѣтъ. Я полагаю что вы можете вызвать его въ судъ не опасаясь за послѣдствія. Если онъ говоритъ и дѣлаетъ всевозможныя

странности, онъ тѣмъ не менѣ въ состояніи управлять своимъ умомъ и вы можете быть увѣрены что самолюбіе побудитъ его показать себя умнымъ человѣкомъ.

„О будущемъ я конечно не могу говорить положительно. Я выскажу только мои предположенія.

„Что онъ рано или поздно кончитъ безуміемъ (если не умретъ до тѣхъ поръ) я почти не сомнѣваюсь. Вопросъ, когда именно овладѣетъ имъ безуміе, зависитъ единственно отъ состоянія его здоровья. Его первая система очень чувствительна и есть признаки что его образъ жизни уже сильно разстроилъ ее. Если онъ отстанетъ отъ дурныхъ привычекъ о которыхъ я говорилъ въ началѣ моего письма и будетъ проводить каждый день по нѣскольку часовъ на свѣжемъ воздухѣ, онъ можетъ прожить еще много лѣтъ въ здоровомъ разсудкѣ. Если же онъ не измѣнитъ своего телерешнаго образа жизни, иными словами, если онъ будетъ усиливать вредъ уже причиненный его чувствительной нервной системой, безуміе овладѣетъ имъ когда этотъ вредъ достигнетъ до высшей степени. Безъ всякаго предупрежденія для него самого и для другихъ, можетъ-быть въ то самое время когда онъ будетъ держать себя совершенно спокойно и говорить совершенно благоразумно, его умственная организація мгновенно выйдетъ изъ нормальнаго состоянія и онъ впадетъ въ безуміе или въ идиотизмъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ друзья его, по моему мнѣнію, не должны будутъ питать надежды на его выздоровленіе. Балансъ разъ утраченный будетъ утраченъ навсегда.“

Этимъ кончалось письмо. Мистеръ Плеймсръ спряталъ его опять въ бюро.

— Вы прочли мнѣніе одного изъ нашихъ величайшихъ авторитетовъ, сказалъ онъ. — Какъ вамъ показалось, въ такомъ ли состояніи Декстеръ чтобы разчитывать на поправленіе его нервной системы? Не видите ли вы какихъ-нибудь препятствій и опасностей на своемъ пути?

Я промолчала.

— Предположимъ что вы отправитесь опять къ Декстеру продолжалъ онъ,—и допустимъ что докторъ преувеличилъ опасность. Что сдѣлаете вы? Въ ваши два первые визита въ пользовались громаднымъ преимуществомъ, вы могли порадовать его неожиданностью. Его чувствительные нервы не выдержали и онъ не сумѣлъ скрыть своего искуса. Но телери

онъ ожидаетъ васъ и будетъ насторожѣнъ. Если вы не встрѣтите ничего хуже, вамъ придется бороться съ его хитростью. Считаете ли вы себя способной къ этому? Еслибы не леди Кларинда, онъ ввелъ бы васъ въ величайшее заблужденіе насчетъ мистрисъ Боли.

Это было тоже неопровержимо. Я была однако настолько неблагоразумна что попробовала возражать ему.

— Онъ разказалъ мнѣ только то что зналъ. Все что, по его словамъ, онъ видѣлъ въ корридорѣ, дѣйствительно случилось тамъ.

— Онъ разказалъ вамъ правду, потому что былъ настолько провицателемъ чтобы понять что правда поможетъ ему подкрѣпить ваше подозрѣніе. Неужели вы думаете что онъ дѣйствительно раздѣляетъ его?

— Почему же нѣтъ? сказала я. — О томъ гдѣ была въ эту ночь мистрисъ Боли онъ зналъ также мало какъ и я до моей встрѣчи съ леди Клариндой. Теперь остается посмотреть удивить ли его также какъ удивило меня то что разказала мнѣ леди Кларинда.

Этотъ отвѣтъ произвелъ дѣйствіе котораго я не ожидала.

Къ моему удивленію мистеръ Плейморъ рѣзко прервалъ свои разсужденія со мной. Онъ потерялъ надежду убѣдить меня и сознался въ этомъ въ своихъ слѣдующихъ словахъ:

— Мнѣ кажется что никакіе доводы съ моей стороны не заставятъ васъ раздѣлить мое мнѣніе, сказалъ онъ.

— Я не обладаю вашею провицательностью и вашею опытностью, отвѣчала я. — Къ сожалѣнію я не могу думать такъ какъ думаете вы.

— И вы серіозно намѣреваетесь отправиться опять къ Мизерримусу Декстеру?

— Да, я обѣщала побывать у него опять.

Онъ подумалъ немного.

— Такъ какъ вы сами сдѣлали мнѣ такую честь что обратились ко мнѣ за совѣтомъ, сказалъ онъ, — я отъ всей души совѣтую вамъ, мистрисъ Макалланъ, не исполнять вашего обѣщанія. Этого мало. Я умоляю васъ не ѣздить къ Декстеру.

То же самое что я слышала отъ моей свекрови, то же самое что я слышала отъ Веніамина и отъ майора Фитцъ-Девида. Они всѣ были противъ меня. Я устояла однако. Вспомнивая объ этомъ теперь я сама удивляюсь своей настойчи-

вості. Мнѣ почти совѣстно сознаться что я не отвѣтила мистеру Плеймору на его дружескія слова. Онъ ждалъ отвѣта не сводя съ меня глазъ. Этотъ пристальный взглядъ раздражилъ меня. Я встала и остановилась предъ нимъ съ опущенными глазами.

Онъ тоже всталъ. Онъ понялъ что совѣщаніе кончено.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ съ грустнымъ добродушіемъ. — Съ моей стороны можетъ-быть неблагоприятно было ожидать что такая молодая женщина какъ вы раздѣлитъ мнѣніе такого стараго юриста какъ я. Позвольте мнѣ только напомнить вамъ что нашъ разговоръ до поры до времени долженъ остаться тайною и затѣмъ перейдемъ къ другому предмету. Не могу ли я сдѣлать что-нибудь для васъ? Вы однѣ въ Единбургѣ?

— Нѣтъ, я пріѣхала со старымъ другомъ, который знаетъ меня съ дѣтства.

— Пробудете вы здѣсь завтрашній день?

— По всей вѣроятности пробуду.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе. Обдумайте хорошенько нашъ разговоръ и пріѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ.

— Очень охотно, мистеръ Плейморъ, хотя бы только для того чтобы поблагодарить васъ за вашу доброту.

Послѣ этого соглашенія мы разстались. Отворяя мнѣ дверь онъ вздохнулъ. Женщины странныя созданія. Его вздохъ подвѣствовалъ на меня сильнѣе всѣхъ его аргументовъ. Мнѣ было очень совѣстно за мое упрямство когда я вышла изъ его конторы.

Г Л А В А XXXIV.

Гленижкъ.

— Ага! сказалъ Веніаминъ довольнымъ тономъ. — Такъ юристъ думаетъ какъ и я, что вы поступите очень неосторожно если отправитесь опять къ Декстеру. Умный онъ должно-быть человекъ этотъ юристъ, и вы конечно послушаетесь его.

(Само собою разумѣется что я не измѣнила довѣрію оказанному мнѣ мистеромъ Плейморомъ. Я не сказала Веніамину ни слова объ его ужасномъ подозрѣніи противъ Мизерримуса Декстера.)

— Вы должны простить меня, мой добрый другъ, отвѣчая Веніамину. — Боюсь что я дошла до того что потеряла способность руководиться чьими бы то ни было совѣтами. Я шла сюда съ искреннимъ намѣреніемъ поступить такъ къ посовѣтуетъ мнѣ мистеръ Плейморъ. И я старалась, всѣми силами старалась заставить себя быть уступчивою, эвровичою женщиной. Но во мнѣ есть что-то что не хотѣло покориться. Боюсь что я отправлюсь олять къ Декеру.

Въ этотъ разъ даже Веніаминъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Какое въ колыбелькѣ, такое и въ могилкѣ, сказалъ онъ. — Вы и въ дѣтствѣ были такою упрямецой что не признаете Бога. И для чего было прѣзжать сюда? Не лучше ли бы сидѣть спокойно въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала я. — Сидя въ Лондонѣ, мы не увидали ни одного мѣста сильно интересующаго меня. Помѣстье моего мужа въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. Завтра мы отправимся въ Гленвикъ.

— Въ то мѣсто гдѣ была отравлена бѣдная мистрисъ Маклаунъ? спросилъ Веніаминъ съ изумленіемъ.

— Да; я хочу видѣть комнату въ которой она умерла и съ домъ.

Веніаминъ скрестилъ покорно руки на колѣняхъ. — Сколько ни стараюсь понять новое поколѣніе, сказалъ онъ грустно, — новое поколѣніе остается для меня непостижимою загадкой.

Я написала мистеру Плеймору о моемъ желаніи съѣздить въ Гленвикъ. Домъ въ которомъ совершилась трагедія, омрачавшая жизнь моего мужа, былъ теперь для меня самымъ интереснымъ домомъ на земномъ шарѣ и я должна сознаться что надежда увидать Гленвикъ имѣла большое вліяніе на мое рѣшеніе съѣздить въ Единбургъ. Я послала мою записку къ мистеру Плеймору съ нарочнымъ и получила самый безпечный отвѣтъ. Если я могу подождать до послѣполудня, гдѣ онъ освободится отъ своихъ дѣлъ, то онъ свозитъ меня въ Гленвикъ въ своей коляскѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Веніаминъ, сохраняя отличавшее его спокойствіе, былъ столь же упрямецъ какъ и я. Онъ шутилъ про себя не имѣвъ ничего общаго съ Гленвикомъ. Когда я сказала мнѣ объ этомъ ни слова пока коляска мистера Плеймора не подъѣхала къ двери гостиницы, онъ въ эту

самую минуту вспомнилъ объ одномъ своемъ старомъ другѣ въ Эдинбургѣ.

— Просту извинить меня, Валерія, сказалъ онъ. — У меня есть здѣсь другъ, по имени Сондерсъ. Онъ обидится если я не буду обѣдать у него сегодня.

Гленникъ, помимо значенія которое онъ имѣлъ для меня не представлялъ ничего интереснаго для путешественниковъ.

Окрестная мѣстность была красива и хорошо обработана. Паркъ, въ сравненіи съ англійскими парками, казался зануценнымъ и дикимъ. Домъ былъ построенъ лѣтъ семьдесятъ или восемьдесятъ тому назадъ. Снаружи онъ былъ простъ какъ фабрика и мраченъ какъ тюрьма. Внутри на всемъ мѣжалъ отпечатокъ гнетущей пустоты и унылости покинутаго жилья. Домъ стоялъ закрытый со времени процесса. Полученіе о немъ было поручено одинокой старой четѣ, мужу и женѣ. Когда мистеръ Плейморъ приказалъ отворить ставни и двери, старикъ покачалъ головою съ безмолвнымъ и грустнымъ протестомъ противъ нашего посѣщенія. Когда мы вошли, въ бібліотекѣ и въ картинной галлерей, для предохраненія отъ сырости заключавшихся въ нихъ сокровища, толпились каминны. Смотра на веселый огонь, трудно было отдѣлаться отъ мысли что вотъ сейчасъ войдутъ обитатели дома чтобы погрѣться у каминовъ. Я поднялась въ верхній этажъ и осмотрѣла комнаты которыя были уже знакомы мнѣ по отчету. Вотъ небольшой кабинетъ со старыми книгами на полкахъ и дверью ключъ отъ которой все еще не былъ отысканъ. Вотъ спальня въ которой страдала и умерла бывшая хозяйка Гленника. Кровать осталась на прежнемъ мѣстѣ, въ ногахъ стоялъ диванъ на которомъ отдыхала сидѣлка въ свободные часы; въ индійскомъ бюро, въ которомъ былъ найденъ ярыкъ съ крутинками мышьяку, все еще хранилась небольшая коллекція рѣдкостей, предъ кроватью стоялъ больничный столъ на которомъ бѣдная больная писала свои поэмы. Въ комнатѣ было пусто и мрачно, тяжелый воздухъ, казалось, былъ пропитанъ горемъ и отчаяніемъ. Я послѣшила выйти. Заглянувъ въ комнату которую занималъ Евставій, я перешла въ корридоръ Гостей. Тутъ была спальня у двери которой Мизерримусъ Декстеръ подстерегалъ мистрисъ Боли, тутъ былъ дубовый полъ и которому онъ скакалъ на рукахъ вслѣдъ за служанкой одетой въ пальто и шляпку мистрисъ Боли. Вездѣ, куда бы

ни оглянулась, меня встрѣчали воспоминанія о покойной и объ отсутствующихъ, вездѣ, куда бы я ни пошла, страшная тишина какъ будто говорила мнѣ: я храню тайну преступленія, я храню тайну смерти.

Уныніе нагоняемое домою стало наконецъ нестерпимымъ. Мнѣ захотѣлось на чистый воздухъ, подъ свѣтлое небо. Мой спутникъ понялъ меня.

— Поидемте, сказалъ онъ. — Посмотримъ усадьбу.

Въ тишинѣ вечера мы побродили по саду и по заброшеннымъ разсадникамъ, заглянули и въ огородъ заросшій сорною травой; только небольшой клочокъ земли былъ тщательно обработанъ сторожемъ и его женой. Въ концѣ сада, за низкимъ частоколомъ, была лустая поляна защищенная съ трехъ сторонъ деревьями. На краю этой поляны я наткнулась на сорную кучу. Величина ея и близость къ дому возбудили во мнѣ на минуту безотчетное любопытство. Я остановилась и взглянула внимательно на лыль и золу, на черепки разбитой посуды и куски стараго желѣза. Тамъ торчала старая шляпа, тамъ изношенный салогъ. Вокругъ валялись разлетѣвшіеся клочки бумаги и старыхъ тряпокъ.

— На что вы смотрите? спросилъ мистеръ Плейморъ.

— На простую сорную кучу, отвѣчала я.

— Въ опрятной Англіи, сказалъ онъ, — весь этотъ соръ былъ бы конечно давно увезенъ куда-нибудь подальше. Въ Шотландіи не обращаютъ вниманія на сорную кучу когда запахъ ея не достигаетъ дома. Къ тому же часть ея, просѣянная, можетъ служить хорошимъ удобрениемъ для сада. Здѣсь объ этомъ некому заботиться. Въ Гленинкѣ, мистрисъ Макалланъ, все, не исключая и сорной кучи, отдаетъ хозяйку которая водворила бы во всемъ порядокъ. Кто знаетъ, можетъ-быть когда-нибудь вы будете здѣсь царицей.

— Я никогда не загляну сюда.

— За будущее нельзя ручаться, возразилъ мой спутникъ. — Время готовить сюрпризы для всѣхъ насъ.

Мы повернулись и дошли молча до калитки ларка гдѣ насъ ожидала коляска.

На обратномъ пути мистеръ Плейморъ завязалъ разговоръ не имѣвшій ничего общаго съ моей поѣздкой въ Гленинкъ. Онъ видѣлъ что мой умъ нуждался въ отдохновеніи

и старался развлечь меня. Только когда мы уже подъѣхали къ городу онъ заговорилъ о моемъ возвращеніи въ Лондонъ.

— Когда намѣрены вы уѣхать изъ Единбурга? спросилъ онъ.

— Завтра утромъ, отвѣчала я.

— И вы не отказались отъ намѣреній выраженныхъ вамъ вчера? спросилъ онъ. — Не они ли побуждаютъ васъ къ такому слѣдующему отъѣзду?

— Кажется что такъ, мистеръ Плейморъ. Еслибъ я была старше, я была бы можетъ-быть умнѣе. Теперь же я должна сознаться вамъ, разчитывая на вашу свисходительность, что я намѣрена дѣйствовать по-своему.

Онъ ласково улыбнулся и потрелалъ мою руку, потомъ лицо его вдругъ измѣнилось, и онъ поглядѣлъ на меня съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Мы не увидимся больше до вашего отъѣзда, сказалъ онъ. — Позвольте ли вы мнѣ высказаться откровенно?

— Чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ лучше, мистеръ Плейморъ. Все что бы вы ни сказали только усилитъ мою благодарность къ вамъ за вашу доброту.

— Я имѣю сказать вамъ очень немного, мистрисъ Макалланъ, и это немного начинается предостереженіемъ. Вы были въ послѣдній разъ у Декстера одна. Не дѣлайте этого опять. Возьмите кого-нибудь съ собой.

— Развѣ вы думаете что мнѣ угрожаетъ у него какая-нибудь опасность?

— Не въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Я думаю только что присутствіе какого-нибудь друга можетъ удержать въ приличныхъ границахъ дерзость Декстера. Онъ самый наглый изъ людей. Притомъ слутникъ можетъ быть полезенъ какъ свидѣтель если Декстеръ скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь такое что полезно будетъ запомнить. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я взялъ бы кого-нибудь кто могъ бы дѣлать замѣтки. Впрочемъ я юристъ и потому можетъ-быть слишкомъ подозрителенъ. Я совѣтую вамъ только не ѣздить къ Декстеру одной, а у него быть насторожѣ противъ самой себя когда разговоръ коснется мистрисъ Боли.

— Быть насторожѣ противъ самой себя? Что вы хотите сказать?

— Опытъ, любезнѣйшая мистрисъ Макалланъ, научилъ меня замѣчать маленькія слабости человѣческой природы. Вы относитесь къ мистрисъ Боли съ естественною ревнов-

стью и вслѣдствіе этого вашъ замѣчательный здравый смыслъ измѣняетъ вамъ когда Декстеръ пользуется вашимъ чувствомъ къ мистрисъ Боли какъ средствомъ ввести васъ въ заблужденіе. Не слишкомъ ли свободно говорю я?

— Нисколько. Я считаю ревность къ мистрисъ Боли очень унизительнымъ для себя чувствомъ. Мое самолюбіе страдаетъ ужасно когда я думаю объ этомъ. Но здравый смыслъ заставляетъ меня сознаться что вы правы.

— Очень радъ что мы согласны хоть въ этомъ, возразилъ онъ сухо. — Я не теряю надежды убѣдить васъ и въ томъ что гораздо важнѣе и что все еще остается спорнымъ вопросомъ между нами. Я даже разчитываю что самъ Декстеръ поможетъ мнѣ въ этомъ если не будетъ препятствій съ вашей стороны.

Эти слова заинтересовали меня. Какъ могъ Декстеръ помочь ему?

— Вы намѣреваетесь повторить Декстеру все что сказала вамъ леди Кларинда, продолжая онъ. — И вы ожидаете что Декстеръ будетъ также пораженъ какъ были поражены вы когда узнали правду. Я рѣшаюсь сдѣлать предсказаніе. Я говорю что Декстеръ обманетъ ваши ожиданія. Онъ не выкажетъ никакого удивленія, онъ начнетъ увѣрять васъ что вы были введены въ заблужденіе умышленнымъ искаженіемъ фактовъ, сказкой которую придумала сама мистрисъ Боли для сокрытія своей вины. Скажите мнѣ откровенно, если онъ попробуетъ возобновить такимъ образомъ ваше несправедливое подозрѣніе противъ невинной женщины, поколеблетъ ли это ваше довѣріе къ нему?

— Не поколеблетъ, но уничтожитъ, мистеръ Плейморъ.

— И прекрасно. Во всякомъ случаѣ вы потрудитесь написать мнѣ, и я надѣюсь что не пройдетъ недѣли какъ мы уже будемъ одного мнѣнія. Храните въ тайнѣ все что я сказалъ вамъ вчера о Декстерѣ, не произносите даже при немъ моего имени. При моемъ теперешнемъ мнѣніи о немъ я согласился бы скорѣй положить руку лалача чѣмъ руку того чудовища. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ.

Съ этими прощальными словами онъ высадилъ меня у двери гостиницы.

(Продолж. слѣд.)

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ*

VI

Въ числѣ мѣръ проектированныхъ высшею правительственною комиссіей по вопросу объ университетахъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ едва ли не важнѣйшее значеніе, по отношенію къ университетамъ, имѣеть предполагаемое преобразование экзаменовъ. Имѣется въ виду „не нарушая свободы преподаванія“, отдѣлать испытанія отъ текущаго преподаванія, поручивъ ихъ особымъ экзаменаціоннымъ комиссіямъ. Дѣйствительно, никакое серьезное улучшеніе нашего университетскаго преподаванія не мыслимо безъ измѣненій нынѣшней системы экзаменовъ. Видѣть въ этой системѣ, какъ и въ другихъ особенностяхъ нашей университетской организаціи, не имѣющихъ подобія ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ учрежденій образованнѣйшихъ странъ, не наросты и отступленія, а корни и завѣты нарушить которые значать де поддѣчь университетское зданіе — можно только при полномъ, къ сожалѣнію столь у насъ обыкновенномъ, отсутствіи свѣдѣній объ организаціи университетовъ въ странахъ гдѣ они родились и процвѣтають. Вотъ почему одною изъ главныхъ задачъ моихъ универси-

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1.

тетскихъ очерковъ я поставилъ ознакомленіе съ устройствомъ университетовъ за границею и особенно въ Германіи.

Основаніе нынѣ дѣйствующей у насъ системы студентскихъ испытаній есть экзаменъ производимый тѣмъ кто читалъ и изъ того что прочитано. Испытаніе изъ преподаваемаго есть одно изъ условій школьнаго порядка въ тѣсномъ смыслѣ. Оно умѣстно когда экзаменъ разсматривается какъ педагогическое средство, какъ одна изъ формъ контроля надъ текущими занятіями учащихся. Но чтобы такое испытаніе давало какія-нибудь права, для этого само преподаваніе должно быть строго соображено съ опредѣленно указанными требованіями; должны быть точно предписанныя программы имѣющаго быть преподаваемымъ, исполняемая подъ строгимъ контролемъ, и столь же точныя программы требованій испытаній. Объ академической свободѣ тутъ не можетъ быть рѣчи. Приватъ-доцентство не можетъ имѣть мѣста, ибо преподаватель есть лицо которому поручено въ опредѣленной рамкѣ достигъ указанныхъ результатовъ. Преподаватели и ихъ помощники, а не конкуренты, отвѣтственны за успѣхи учениковъ. Учащіеся въ свою очередь подчиняются строгому педагогическому контролю во все время занятій. Они не могутъ выбирать преподавателей, а слѣдовательно не можетъ быть допущена и система гонорарія. Весь механизмъ регламентированъ положеніями и предписаніями исходящими сверху, и члены учрежденія суть въ тѣсномъ смыслѣ исполнители указаннаго. Такова система принятая, на примѣръ, въ знаменитой Парижской Политехнической Школѣ, гдѣ ученики спрашиваются профессорами на лекціяхъ, ежедневно повѣряются въ занятіяхъ релетиторами и нѣсколько разъ въ годъ подвергаются испытаніямъ, кромѣ экзаменовъ рѣшающихъ ихъ лѣреходъ въ высшій курсъ въ концѣ перваго года и вылускъ въ концѣ втораго, — экзаменовъ производимыхъ притомъ особо назначенными экзаминаторами не изъ профессоровъ читавшихъ курсы.

Въ нашихъ университетскихъ уставахъ и правилахъ по отношенію къ преподаванію и экзаменамъ въ ихъ взаимной связи издавна господствуетъ смѣшеніе началъ школьной системы съ свободною системою германскихъ университетовъ. Въ § 87 устава 1835 года профессоръ изображается *обучающимъ* студентовъ, контролирующимъ ихъ успѣхи. „Профессоры,

сказано въ этомъ параграфѣ, прилагаютъ равное стараніе къ обученію каждаго изъ студентовъ, посѣщающихъ ихъ лекціи и въ концѣ семестра удостоверяются посредствомъ словесныхъ вопросовъ, съ успѣхомъ ли слушатели ихъ слѣдуютъ за преподаваніемъ“. Профессоръ считался отвѣтственнымъ за успѣхи студентовъ, и начальствующія лица посѣщая экзамены имѣли въ обычаѣ благодарить преподавателей за удовлетворительные отвѣты испытуемыхъ, видя въ бойкомъ экзаменѣ результатъ хорошаго преподаванія. Съ другой стороны, относительно экзаменаціонныхъ требованій, распоряженій и важнаго вопроса о томъ въ какомъ отношеніи распредѣленіе и содержаніе преподаванія должно находиться къ экзаменамъ, опредѣлительныхъ указаній со стороны министерства не было. У университетамъ предоставлялась значительная свобода, министерскій контроль ограничивался канцелярскою провѣркой протоколовъ испытаній на высшія ученые степени, магистра и доктора. Въ § 108 устава 1835 года сказано что для студенческихъ испытаній въ теченіе курса и по окончаніи его будутъ изданы отъ Министерства Просвѣщенія особыя правила; но таковыхъ составлено не было, а въ 1837 году вышло общее положеніе объ испытаніяхъ на ученые степени, да въ разные годы утверждались составленныя, повидимому, самими университетами правила порядка студенческихъ испытаній въ томъ или другомъ округѣ. Въ положеніи объ ученыхъ степеняхъ значилось что „студенческое окончательное и кандидатское испытаніе есть одно и то же. Отъ удостоиваемаго въ степень кандидата требуется знаніе предметовъ полное и систематически стройное, по *руководствамъ* признаннымъ за лучшія и одобренныя для университетскаго преподаванія“. Объ отношеніи годовичныхъ испытаній къ окончательному ничего не упоминается. Упоминаніе же о *руководствахъ* находится, повидимому, въ связи съ § 20, гдѣ между предметами занятій факультетовъ указано „разсмотрѣніе методъ преподаванія и *руководствъ* избираемыхъ профессорами“. Вообще министерство и само не давало какихъ-либо точныхъ указаній относительно системы испытаній, и не требовало ихъ отъ университетовъ. Важное дѣло должно было на практикѣ уладиться само собою. Практика привела къ упомянутому выше, донынѣ господствующему началу: экзаменъ производимый тѣмъ кто читалъ и изъ того что прочитано.

Уставъ 1863 года, измѣнивъ порядокъ докторскаго испытанія (отбѣнивъ оное, за исключеніемъ медицинскаго факультета, гдѣ имѣтъ магистерской степени), не произвелъ существенныхъ измѣненій въ системѣ студентскихъ испытаній. Въ § 112 значится: „испытаніе на званіе дѣйствительнаго студента и степень кандидата обнимаетъ всѣ предметы опредѣленные для обучающихся въ университетѣ студентовъ того отдѣленія факультета (?) по которому испытываемый ищетъ упомянутыя званія или степени“. Замѣчу неопредѣленность выраженія „отдѣленіе факультета“, какъ бы указывающаго на обязательность факультетскаго дробленія на специальности. Студентскія испытанія (§ 93) относительно срока и порядка ихъ производства распределяются по усмотрѣнію университетовъ.... Студенты (§ 94) окончившіе полное испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ удостоиваются на представленіе ими диссертациі и, по одобреніи оной факультетомъ, степени кандидата“. Съ правилами принятыми разными университетами можно ознакомиться изъ третьяго тома *Сборника распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія*. Правила эти разнообразны. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ въ Московскомъ (за исключеніемъ медицинскаго факультета, подчиненнаго особымъ, весьма впрочемъ неудовлетворительнымъ, правиламъ), переводныя испытанія суть вмѣстѣ и испытанія на степень, приобретаемую на основаніи балловъ за всѣ четыре года. Въ другихъ, напримѣръ въ Петербургѣ, переводныя испытанія имѣютъ значеніе контроля надъ занятіями, а окончательныя касаются всей совокупности требуемыхъ предметовъ; въ нѣкоторыхъ назначены полугодовыя релетциі. Въ общемъ направленіи принято испытаніями, въ послѣдніе годы, можно замѣтить два тока. Значительное увеличеніе, съ уставомъ 1863 года, штата преподавателей должно было значительно увеличить и число какъ экзаминаторовъ, такъ и предметовъ испытанія, что естественно должно вести къ осложненію и дробленію экзаменовъ. А такъ какъ баллъ cadaго испытанія имѣетъ у насъ одинаковое значеніе, то предметы второстепенные должны загораживать собою главные. Такъ и бываетъ во многихъ случаяхъ. Никакая равномерность невозможна, и стоить экзаминатору какого-нибудь второстепеннаго предмета быть строже экзаминаторовъ главнѣйшихъ предметовъ чтобъ его экзаменъ сдѣлался рѣшающимъ часть испытываемаго. Дону-

стимъ, напимъ, что профессоръ каноническаго права на юридическомъ факультетѣ есть экзаминаторъ строгій, тогда какъ экзаминаторы римскаго и гражданскаго правъ снисходительны. Каноническому праву отмѣрено столько же часовъ какъ и главнѣйшимъ предметамъ и слѣдовательно курсъ обширенъ. Естественно что приготовленіе къ экзамену сосредоточится на этомъ предметѣ какъ имѣющемъ преобладающее вліяніе. Выходящіе молодые люди должны бы именоваться кандидатами предметовъ преподаваемыхъ болѣе строгими или притязательными профессорами, а не факультета. Съ другой стороны, дробленіе кафедръ должно было дать сильнѣйшее поощреніе стремленію къ спеціализаціи, имѣющему къ сожалѣнію нѣрѣдко корни въ столь распространенномъ у насъ смѣшеніи малознанія съ знаніемъ спеціальнымъ. Началось дробленіе факультетовъ, которое могло бы быть полезно только еслибъ усиленіе требованій по той или другой части не шло въ ущербъ приобрѣтенію общихъ знаній. У профессоровъ явилось льготное для себя презрѣніе къ общимъ курсамъ, съ каковыми справиться конечно труднѣе чѣмъ съ перефразировкою какого-нибудь иностраннаго трактата. Явились студенты объявляющіе себя спеціалистами съ перваго курса и, не зная азбуки науки, наивно воображающіе себя учеными погруженными въ тѣсный кругъ самостоятельныхъ занятій. Но и накопленіе предметовъ испытанія, и дробленіе,—все на практикѣ представлено болѣе случаю чѣмъ обдуманному плану. На практикѣ дѣло никого особенно не интересуетъ, а если интересуется то обыкновенно изъ соображеній личнаго свойства,—желанія вліять и примировать, расположить къ себѣ и т. п. Обыкновенно каждый профессоръ несетъ въ концѣ года обязанность экзаминатора какъ необходимую тяготу, отказаться отъ которой нѣтъ возможности, исполнять которую вѣжательно нѣтъ никакого побужденія. Каждый экзаминирующій университетскій корпусъ есть болѣе или менѣе случайное соединеніе нѣкотораго числа разнородныхъ экзаминаторовъ, дѣйствующихъ независимо, каждый на свой образецъ, по своему характеру, причемъ дѣло улаживается такъ или иначе по законамъ теоріи вѣроятностей какъ событіе случайнаго характера. Кто не слышалъ о куріозахъ университетскихъ экзаменовъ, цѣлой массы разказовъ самаго невѣроятнаго свой-

ства, но въ которыхъ нерѣдко приходится признать скорѣе ослабленными чѣмъ усиленными краски дѣйствительности?

Испытанія вообще производятся по вопросамъ составленнымъ незадолго до экзаменовъ, причемъ обыкновенно студентами имѣющими подвергнуться испытанію выторговывается нѣкоторое количество статей. Программы (то-есть перечни вопросовъ) бываютъ самаго разнообразнаго характера; однѣ отличаются сжатостію и ничтожнымъ числомъ вопросовъ, инныя же, напротивъ, составлены съ такою подробностью что отвѣчающій прочтя вопросъ уже изъ заключающагося въ немъ можетъ составить нѣкоторый отвѣтъ.

На бумагѣ дѣло обставлено болѣе или менѣе значительными формальностями. Есть и экзаминаціонныя комиссіи, и сужденіе объ отвѣтѣ, и перенесеніе сомнительныхъ случаевъ въ факультеты, и письменная форма въ нѣкоторыхъ случаяхъ и пр. На практикѣ экзаменъ имѣетъ всегда характеръ единоличнаго испытанія, и вмѣшательство декана или ассистента показалось бы аномаліей, которая при настоящихъ порядкахъ была бы несравненно скорѣе свидѣтельствомъ неадавыхъ отношеній къ экзаминатору чѣмъ признакомъ интереса къ экзамену.

Готовятся студенты, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ университетахъ, главнымъ образомъ по литографированнымъ запискамъ. Профессора нынѣ значительно рѣже издають руководства чѣмъ въ прежнее время; записываніе лекцій также болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія (вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ изъ употребленія и хожденіе на лекціи). Строгія запретительныя мѣры изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ противъ литографированія лекцій на практикѣ оказались безплодными и только подняли цѣну литографированныхъ курсовъ. И это весьма естественно. Удобства литографированныхъ тетрадокъ для приготовляющагося къ экзамену такъ велики что едва ли можно удивляться ихъ успѣху и распространенности. Студентъ, рѣдко имѣя практически исполнимыя указанія какъ приготовляться къ экзамену (профессоры обыкновенно не указываютъ руководства какими можно было бы прямо воспользоваться или указываютъ рядъ сочиненій воспользоваться которыми студенту не подъ силу и не по средствамъ), видитъ въ литографированномъ курсѣ единственное убѣжище знанія. И вотъ записки эти, оставленныя болѣе или менѣе

удачно со словъ профессора, съ значительною, конечно, дозой перевиранія, зубрятся и треплются въ теченіи мая мѣсяца, могущественно содѣйствуя распространенію полу-пониманія и полужнанія, вмѣстѣ съ привычкою улотреблять вкривъ и вкось множество научныхъ терминовъ, не разумя ихъ значенія. Нося въ себѣ если не теоретическое, то практическое убѣжденіе что вся мудрость университетскаго курса, ведущая къ полученію степени, заключается въ литографированныхъ листкахъ, многіе студенты даже не живутъ въ университетскомъ городѣ, и являются только на экзамены, услѣшнымъ окончаніемъ которыхъ нерѣдко подтверждаютъ справедливость своей теоріи. Прибавлю что злоупотребленіе литографіями не есть исключительно наше явленіе оно оказывается вездѣ гдѣ экзамень производится не изъ науки, а изъ лекцій о ней. Французская коммиссія обуждавшая въ пятидесятыхъ годахъ вопросъ о преобразованіи Политехнической Школы обратила особенное вниманіе на литографированные курсы, составлявшіеся, какъ у насъ, студентами, и единогласно положила что они не должны быть допущаемы ни въ какомъ случаѣ (запрещеніе которое впрочемъ, если не ошибаюсь, не произвело, какъ и у насъ, своего дѣйствія). Экзаминаторы постоянно указывали на вредныя послѣдствія приготовленія по литографированнымъ листамъ. „Воспитанники, говорилъ одинъ изъ нихъ въ 1837 году, разчитывая на листки, пренебрегаютъ устнымъ преподаваніемъ; оттого съ трудомъ могутъ прикладывать общія теоріи къ частнымъ случаямъ“. Другой указывалъ что надѣясь на литографіи воспитанники „отлагаютъ до послѣднихъ недѣль слѣшный трудъ, результаты котораго, мало усвоенные, должны скоро изглаживаться“. „Сколько разъ, прибавляютъ въ свою очередь члены коммисіи, листки, наскоро составленные молодыми людьми, безъ сомнѣнія способными, но вдовольно учеными,—часто излагавшими первую часть теоріи не зная ея конца,—оказывались заключающими грубыя ошибка, воспроизводившіеся потомъ изъ года въ годъ подъ перомъ новыхъ редакторовъ, когда эти послѣдніе ограничивались списываніемъ у предшественниковъ. Сколько ложныхъ идей перешло такимъ образомъ въ преподаваніе нѣкоторыхъ выпусковъ! И сколько страдала репутація школы за границею, когда по проникавшимъ туда этимъ листкамъ судили о

состояніи преподаванія въ заведеніи!“ Но возвращусь къ нашимъ экзаменамъ.

Дѣло волюющей необходимости чтобъ экзамены наши стали испытаніемъ изъ предметовъ, а не изъ лекцій; чтобъ они были сосредоточены на существенныхъ познаніяхъ и не могли быть выдержаны безъ основательнаго усвоенія первыхъ началъ науки; чтобы главнымъ матеріаломъ для приготовленія служили печатныя сочиненія; чтобъ экзамены были испытаніемъ достигнутаго умѣнья и разумѣнія, а не лампаты и рѣчистости, и не были тридцатью турнирами испытуемаго съ разнообразнѣйшими и разнороднѣйшими противниками, дѣйствующими каждый на свой образецъ. Осуществленіе всего этого весьма возможно чрезъ установленіе опредѣленно выраженныхъ требованій и введеніе строгаго порядка при производствѣ испытаній, съ отдѣленіемъ экзаменовъ отъ текущаго преподаванія и устройствомъ особыхъ экзаминаціонныхъ комиссій для которыхъ экзамены были бы не побочною повинностію кое-какъ отбываемою, но предметомъ внимательной заботы.

Читатели видятъ что сущность дѣла—въ этихъ комиссіяхъ, и потому мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Важнѣйшее возраженіе противъ устройства независимыхъ экзаминаціонныхъ комиссій состоитъ въ вопросѣ: изъ кого образовать эти комиссіи какъ не изъ тѣхъ же профессоровъ которые читаютъ лекціи; гдѣ кромѣ самихъ лекторовъ, найти специалистовъ которые могли бы взять на себя испытаніе изъ университетскаго курса? При экзаменахъ изъ лекцій, безъ сомнѣнія, независимыя экзаминаціонныя комиссіи не могутъ имѣть мѣста. Правда также что при томъ дробленіи познаній которое у насъ называется спеціализаціей науки возможенъ случай что цѣлый факультетъ, за отсутствіемъ профессора даннаго предмета, сочтетъ себя безсильнымъ проэкзаминовать студента перваго курса, не превращая испытаніе въ пустую формальность. Но не всегда же спеціальность будетъ полагаться въ ограниченности познаній. Не всегда же отъ студентовъ будутъ требовать знанія мельчайшихъ подробностей изъ одной какой-нибудь главы преподаваемой науки, когда достоверно извѣстно что эта наука въ цѣломъ своемъ составѣ неслѣдома никому изъ нихъ даже самымъ поверхностнымъ образомъ. Испытаніе независимое отъ лекцій вовсе не требуетъ чтобъ экзаминаторы были спе-

ціалистами по вѣсѣмъ отраслямъ каждой изъ наукъ того факультета по коему производится испытаніе. Когда требованія испытанія вообще и въ частности требованія предстоящаго экзамена опредѣлены и обдуманы, когда главная часть испытанія, сосредоточеннаго на основныхъ познаніяхъ, производится письменно, когда сужденіе основывается на совокупности знаній испытуемаго, а не на пробѣ его памяти въ раздробь,—тогда для составленія экзаминаціонной комиссіи вовсе не требуется столько членовъ сколько предметовъ преподаванія въ университетѣ. Съ другой стороны, точно такъ не требуется чтобы члены комиссіи были непременно изъ преподавателей.

Прежде чѣмъ перейти къ указанію наиболѣе правильной по моему сужденію, организаціи испытаній, обращусь къ обзору того какъ организованы экзамены въ другихъ странахъ.

VII.

Извѣстно что въ Германіи для молодыхъ людей университетскаго образованія есть двѣ системы экзаменовъ: собственно университетскіе или точнѣе факультетскіе экзамены и экзамены государственные. Экзамены университетскіе суть экзамены на ученую степень доктора (низшія степени, сохранившіяся въ статутахъ нѣкоторыхъ факультетовъ, почти не велись изъ употребленія). Съ этою степенью не сопряжено никакихъ государственныхъ правъ; по назначенію своему это есть первая ступень на ученомъ поприщѣ, и лишь на медицинскомъ факультетѣ, въ иныхъ мѣстахъ, необходимое условіе для допущенія къ испытанію на практическаго врача. Государственные экзамены, совершенно независимые отъ университета, приговорены къ требованіямъ государственныхъ профессій къ которымъ назначаютъ себя молодые люди прослушавшіе трехъ- или четырехлѣтній университетскій курсъ и суть весьма серьезныя испытанія, дающія медику право читать, педагогу занимать мѣсто учителя, занимающемуся юридическими или государственными науками вступать дѣятелемъ на судебное или административное поприще. Государственные экзамены находятся въ вѣдѣніи тѣхъ управленій которымъ подчинены соответствующія отрасли службы.

Испытаній собственно студенческихъ, которыя соответствовали бы нашимъ переводнымъ экзаменамъ, въ германскихъ университетахъ нѣтъ. Это явленіе, нынѣ повсемѣстное, въ прежнее время далеко не было общимъ, и въ католическихъ университетахъ, какъ узнаемъ изъ книги Мейнерса, экзамены какъ педагогическое средство лобуждать студентовъ къ занятіямъ были въ прошломъ вѣкъ въ большомъ употребленіи. Мейнерсъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и продолжительной университетской практикѣ, рѣшительно высказывается противъ экзаменовъ въ университетѣ съ педагогическою цѣлью. „Признаюсь, говоритъ онъ, что основанія приводимыя въ пользу принудительныхъ испытаній молодыхъ людей въ университетахъ никогда не казались мнѣ удовлетворительными, и всѣ наблюденія сдѣланныя мною во многихъ университетахъ относительно послѣдствій такихъ экзаменовъ чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе меня отъ нихъ удаляють. Извѣстно что студенты католическихъ университетовъ вообще, и въ особенности изучающіе философію и богословіе, ведутся болѣе школьнымъ образомъ, чѣмъ студенты протестантскихъ университетовъ. Но несмотря на привычку студентовъ въ католической Германіи къ школьнымъ стѣсненіямъ, многіе молодые люди въ Майнцѣ, Пресбургѣ, Вѣнѣ жаловались мнѣ что вѣчные, какъ еженедѣльные, такъ и полугодовые экзамены доводили ихъ почти до отчаянія и возбуждали въ нихъ непреодолимое отвращеніе къ наукѣ и ученію. Нѣкоторые профессора сознавались что жалобы эти основательны и не скрывали что эти предписанные экзамены имъ также неприятны какъ и студентамъ.... Разсуждали что хорошаго не можетъ быть избытокъ и превратили испытанія въ невыносимую тягость для учителей и учениковъ безъ малѣйшей пользы для тѣхъ и другихъ.... Студенты въ протестантскихъ университетахъ вообще старше, образованнѣе, независимѣе и съ дѣтства привыкли къ болѣе либеральному обращенію чѣмъ студенты католическихъ университетовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ испытанія въ протестантскихъ университетахъ менѣе нужны и вмѣстѣ менѣе исполнимы чѣмъ въ католическихъ. Какъ бы ни прикрывать студенческіе экзамены, за ними все остается неистребимое порожденіе школьнаго принужденія и школьнаго порядка, и они разслабляютъ и унижаютъ тѣхъ кто должны имъ подчиняться. Способные и прилежные теряють въ частыхъ испытаніяхъ

время. Менѣ способные и менѣ прилежные направляютъ занятія такъ чтобы лишь могли отвѣтить на тотъ или другой вопросъ. Не только положеніе учащихся, но и положеніе учащихся противорѣчитъ введенію студенческихъ экзаменовъ въ протестантскихъ университетахъ значительно болѣе чѣмъ въ католическихъ. Въ католическихъ преподаватели не получаютъ гонорарія отъ слушателей и потому отъ нихъ значительно независимѣе чѣмъ въ протестантскихъ, гдѣ гонорарій составляетъ часть получаемого профессоромъ дохода. Профессора въ католическихъ университетахъ могутъ строго экзаминовать не платясь ничѣмъ кромѣ расположенія слушателей, безъ котораго могутъ обойтись. Въ протестантскихъ, напротивъ, еслибы профессоръ сталъ строго экзаминовать, то съ потерей расположенія и одобренія слушателей потерялъ бы часть дохода. По обычному порядку вещей можно слѣдовательно думать что профессора которые могли бы потерять чрезъ строгіе экзамены не строже станутъ экзаминовать какъ вообще экзаменуютъ члены факультетовъ на академическія ученныя степени. Но кто же можетъ подумать чтобы такія испытанія принесли хотя бы настолько пользы чтобы вознаградить вредъ потеряннаго для профессоровъ и студентовъ времени? Привожу мнѣніе Мейнера какъ образецъ сужденій германскихъ профессоровъ стараго времени, въ эпоху когда студенческіе экзамены съ педагогическимъ характеромъ имѣли многихъ приверженцевъ желавшихъ ихъ большаго распространенія. Мнѣнія подобныя Мейнерову воспреобладали, и нынѣ въ германскихъ университетахъ нѣтъ студенческихъ экзаменовъ (за исключеніемъ развѣ медицинскаго *tentamen physicum*). Остались лишь испытанія на ученныя степени.

Право возводить въ ученныя степени одно изъ древнѣйшихъ правъ университетовъ. Произошли факультетскія испытанія, замѣчаетъ Мейнеръ, отъ того что съ давнихъ поръ учащіеся стали обращаться къ преподавателямъ, прося повергнуть ихъ испытанію и дать свидѣтельство что они достаточно выучились чтобы самимъ стать учителями. Дабы придать испытаніямъ болѣе значенія и удостовѣренію болѣе силы, ихъ стали производить при университетскихъ властяхъ. Экзаминующіеся въ благодарность за трудъ испытанія дѣлали экзаминаторамъ подарки и праздновали дни своего возведенія въ академическія степени пирушками и угощеньями.

Со стороны правительствъ многократно принимались мѣры противъ злоупотребленія снисходительной раздаче степеней и въ особенности противъ принятія подарковъ. По обыкновению мѣры эти оказывались тщетными, и дѣло испытанія мало-по-малу предоставляемо было на исключительное усмотрѣніе факультетовъ. Подарки замѣнились взносомъ отчасти раздаваемымъ между экзаминаторами. Снисходительность факультетскихъ испытаній и легкость пріобрѣтенія докторской степени въ Германіи обратилась въ пословицу. Это явленіе историческое, общее всѣмъ европейскимъ университетамъ. Уже въ тринадцатомъ и послѣдующихъ вѣкахъ, говоритъ Мейверсъ, слышались еще болѣе громкія чѣмъ нынѣ жалобы на то что экзамены и промоціи въ университетахъ слишкомъ снисходительны, и академическія степени раздаются недостойнымъ.... Въ Болоніи столько недостойныхъ было допущено къ учительству что папа Гонорій, въ 1219 году, передалъ исключительное право допускать къ учительству соборному благочинному, предписавъ ему давать свидѣтельства лишь по строгому испытанію.... Въ Падуѣ и другихъ итальянскихъ университетахъ вошло въ обычай что экзаменующійся приходилъ съ помощникомъ который напечатывалъ ему въ ухо отвѣты на предложенные вопросы. Кандидатъ настолько самолюбивый чтобы не прибѣгать къ такому подказыванію поступалъ на нѣкоторое время на выучку къ такимъ лицамъ и подучивалъ съ ними отвѣты на вопросы подобныя имѣющимъ быть предложенными на экзаменѣ. Въ началѣ XVIII вѣка, кто могъ заплатить за академическую степень достигалъ цѣли еще легчайшимъ способомъ. „Я зналъ,“ говоритъ Августинъ Лейзеръ (въ рѣчи произнесенной въ Гельмштадтѣ въ 1722), въ Падуѣ одного Нѣмца который хотѣлъ сдѣлаться докторомъ правъ. Экзаменъ назначили на третій день и выдали кандидату бумагу на которой были написаны и вопросы, и отвѣты, съ замѣчаніемъ что онъ не долженъ ничего отвѣчать кромѣ написаннаго. Я слышалъ что другіе факультеты постулають точно также какъ юридическій. Одинъ молодой человекъ стыдился отвѣчать такъ какъ написано и лотому измѣнилъ отвѣты. Это отступленіе отъ предписанія такъ разсердило экзаминаторовъ что они даже отъ отказа бы ему еслибы за него не ходатайствовалъ усердно одинъ изъ профессоровъ. Диспуты были не страшнѣе экзамена....“ Во Франціи было не лучше Италіи. Тамъ

можно было встрѣтить не мало простыхъ ремесленниковъ, даже воровъ и разбойниковъ, украшенныхъ титулами бакалавровъ и магистровъ. Въ статутѣ Парижскаго *facultatis artium* въ 1503 году значится: Каждодневно достигаютъ магистерскаго достоинства продавцы лошадей, скота и иные простые люди, которые не только ничего не знаютъ объ Аристотелѣ, но и не знакомы съ первыми началами грамматики.

Въ Германіи традиціонная легкость университетскихъ испытаній сохранилась до нашего времени, хоть многія злоупотребленія стараго времени исчезли, и въ университетахъ замѣчается стремленіе поднять достоинство академическаго испытанія. „Нынѣ, говоритъ авторъ сочиненія *Von Deutschen Hochschulen Allerlei* (Berlin, 1864, стр. 204), надлежитъ уже отнести въ область басель разказы о докторскомъ испытаніи при роскошномъ обѣдѣ или ужинѣ. Съ перемѣною блюдъ перемѣнялись вина, экзаминаторы и предметы испытанія. Но между всѣми этими отдѣльными элементами была ощутительная связь. Съ большимъ кускомъ мяса, какъ *pièce de résistance*, соединялось римское право, основаніе прочія, и красное Бордо признанное за всемірное вино; нѣмецкое право съ нѣмецкимъ виномъ и нѣмецкою рыбою, — гдѣ можно лососиной или сельдями; при каноническомъ правѣ выборъ между винами былъ не легокъ: *Jesuitengarten*, *Domdechant*, *Dompräsent*, *Liebfrauenmilch*, и къ столу жирные пастеты и раки; къ десерту, естественно народное право и шампанское. Нынѣ такъ много нигдѣ уже не предлагается: но легонькая чашечка чаю съ сухарями и бутербродомъ все-таки нѣсколько содѣйствуетъ приданію колорита и согрѣванію положенія. Иногда подымай выше: хорошее вино разныхъ сортовъ съ тортами и марципанами способствуетъ оживленію: кандидаты заливаютъ свой конфузъ профессора свою скуку. Экзамень идетъ въ уютномъ кабинетѣ декана, между друзьями и хорошими знакомыми: никто непризванный не имѣетъ доступа; факультетъ никому не обязанъ отчетомъ кромѣ самого себя.... Полный размѣръ требованій впрочемъ не малъ: письменный экзамень, обширнѣйшій кромѣ диссертациі, которая печатается, многіе меньшіе отвѣты на данные факультетомъ вопросы; затѣмъ устный экзамень предъ собраніемъ факультета; публичный диспутъ, на которомъ кандидатъ защищаетъ свои тезисы противъ значенныхъ оппонентовъ, а также противъ членовъ факультета.

ета или стороннихъ лицъ пожелавшихъ принять участіе въ порѣ; наконецъ не малая плата въ двадцать фридрихсдоловъ и болѣе, вмѣстѣ съ издержками печатанія диссертациі диплома. Но многое изъ этихъ требованій можетъ-быть блегчево. При промоціи *intra parietes*, дозволяемой впроемъ не во всѣхъ университетахъ и не на всѣхъ факультетахъ, не требуется публичнаго диспута и печатанія диссертациі, и издержекъ значительно менѣе. При заочномъ экзаменѣ остаются лишь письменныя работы, часто одна диссертациія: за то цѣна возвышается и иногда превосходитъ издержку личнаго испытанія. Этому возвышенію цѣны соотвѣтствовала тамъ и сямъ усиленная снисходительность въ удѣленіи объ ученыхъ работахъ: мало обращалось вниманія на ихъ достоинство, на то исполнены ли онѣ самимъ кандидатомъ и даже вообще были ли налицо.

Официальныя требованія отъ докторскаго испытанія, согласно статутамъ философскаго факультета Берлинскаго университета, слѣдующія:

Желающій подвергнуться испытанію долженъ представить удостовѣреніе что, имѣя свидѣтельство зрѣлости, въ теченіи рѣхъ лѣтъ (*trienium academicum*) посѣщалъ университетскія лекціи (освобожденіе отъ этого условія можетъ быть дано министерствомъ). При этомъ прилагаетъ, вмѣстѣ съ краткою на латинскомъ языкѣ написанною біографіей, образчикъ своихъ трудовъ и, если желаетъ, еще какія-либо свидѣтельства своего прилежанія и свѣдѣній. Образчикъ (*specimen*) состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ работъ по главному предмету испытанія. Въ качествѣ такого образчика можетъ быть представлено печатное сочиненіе или то самое сочиненіе которое имѣетъ быть выдано въ свѣтъ какъ докторская диссертациія. Представленные труды посылаются для прочтенія членамъ факультета, и по одобреніи, кандидатъ допускается къ своему испытанію. Испытаніе производится въ собраніи факультета, главнымъ образомъ на основаніи представленныхъ трудовъ и притомъ: 1) обязательно двумя профессорами по предметамъ ближайшимъ къ содержанію этихъ трудовъ; 2) однимъ изъ профессоровъ философіи, буде найдетъ во нужнымъ, по отношенію къ обнаруженнымъ въ разсужденіяхъ ясности понятій и послѣдовательности заключеній; 3) каждымъ профессоромъ факультета желающимъ предложить тотъ или другой вопросъ по главнымъ предметамъ,

Последній актъ есть публичное защищеніе одобренной диссертациі и приложенныхъ къ ней тезисовъ. За приобретеніе степени доктора вносится въ пользу факультета сто талеровъ и пять талеровъ въ пользу университетской библіотеки (отъ взноса ста талеровъ освобождаются дѣти и братья профессоровъ и могутъ быть также освобождены съ согласія всѣхъ членовъ факультета кандидаты доказанной бѣдности). Изъ вносимой суммы десятая доля идетъ ректору, судѣ и педлею которому поручено взиманіе (ректору половина десятой доли, судѣ и педлею по четверти), затѣмъ десятая доля декану и по двадцатой каждому изъ членовъ факультета до конца присутствовавшихъ на испытаніи, безъ различія экзаминаторовъ (если число такихъ членовъ превыситъ шестнадцать, то получаютъ первые шестнадцать по старшинству въ спискахъ). Что останется, постуляетъ въ кассу факультета.

Ученыя степени даваемые германскими университетами, представляя собою первую ступень ученой карьеры, не соединены, какъ мы уже упоминали, ни съ какими государственными правами. Воспользоваться университетскимъ образованіемъ для практической дѣятельности по какой-либо отрасли, имѣющей государственное значеніе, можно только подвергнувшись *государственному экзамену*, производимому разнообразными комиссіями совершенно независимыми отъ университетовъ.

VIII.

Сдѣлаемъ краткій очеркъ порядка главнѣйшихъ государственныхъ экзаменовъ въ Германіи, именно экзаменовъ для кандидатовъ на учительскія мѣста въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, экзамена для практическихъ врачей и юридическихъ экзаменовъ. Экзамены на право обученія, *pro facultate docendi*, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ производятся въ особыхъ испытательныхъ комиссіяхъ, назначенныхъ правительствомъ и членами которыхъ состоятъ обыкновенно профессора университетовъ и гимназій (старѣйшіе изъ учителей гимназій имѣютъ, какъ извѣстно, титулъ профессора). Въ Берлинѣ, на примѣръ, въ 1865 году были: председателемъ (директоромъ) провинціальный школьный совѣтникъ (*Provincial Schul Rath*) Чирнеръ (экзаменаторъ нѣмец-

аго языка); членами: Тренделенбургъ (философія и педагогика), Шельбахъ (математика и физика), Дройзенъ (исторія географія), Кирхгофъ (классическая филологія), Эренбергъ, имѣвшійся профессоромъ Брауномъ (естественная исторія), Герригъ (новые языки) и Месснеръ (богословіе и еврейскій языкъ).

Экзаменъ на учительскія должности введенъ въ нынѣшнемъ голѣтѣ. Въ прежнее время учителя опредѣлялись или по рекомендаціи извѣстныхъ ученыхъ, или на основаніи богословской ученой степени, а позже—степени доктора филологіи. До эпохи Ф. А. Вольфа, поднявшаго изученіе классическихъ языковъ, а въ южной Германіи долгое время и по тѣмъ того, гимназическіе учителя были почти исключительно въ богословскаго факультета. Испытаніе на званіе учителя становлено въ Пруссіи регламентомъ 1810 года, расширено регламентомъ 1831 года и приведено въ нынѣ дѣйствующую форму въ концѣ 1866 (см. *Reglement für die Prüfungen der Kandidaten des höheren Schulamts*. Berlin. 1871).

Чтобы быть допущеннымъ къ испытанію, кандидатъ долженъ представить: гимназическое свидѣтельство зрѣлости, университетское свидѣтельство о посѣщеніи лекцій въ теченіе трехъ лѣтъ (*triennium academicum*), краткій автобиографическій очеркъ на латинскомъ языкѣ (кандидатамъ на учительскія мѣста по новымъ языкамъ дозволяется представлять такой очеркъ на французскомъ или англійскомъ языкѣ, будущимъ учителямъ математики и естествознанія а нѣмецкомъ языкѣ), наконецъ свидѣтельство мѣстнаго начальства о поведеніи. Испытаніе распадается: 1) на испытаніе общаго образованія; 2) испытаніе по спеціальной отрасли. Испытаніе общаго образованія обнимаетъ Законъ Божій, философію, педагогику, исторію, географію и языкованіе; но при этомъ въ испытаніе не вводятся предметы о которыхъ кандидату предстоитъ спеціальнѣ экзаменъ. Математика въ общее испытаніе не входитъ. Коммиссія можетъ освободить отъ общаго испытанія, принявъ во вниманіе отличное свидѣтельство зрѣлости. Испытаніе спеціальное производится по какому-либо изъ слѣдующихъ четырехъ гдѣловъ: 1) филологія и исторія; 2) математика и естествознаніе; 3) Законъ Божій и еврейскій языкъ, и 4) новые языки. Оно распадается на письменный экзаменъ, словесный экзаменъ и пробные уроки. Каждый кандидатъ долженъ

представить разсужденіе на философскую или педагогическую тему и кромѣ того обработать одинъ или два вопроса изъ области того отдѣла по которому испытывается. Для представленія работъ полагается шестимѣсячный срокъ. Работы по филологіи и древней исторіи должны быть на латинскомъ языкѣ. Комиссія можетъ, кромѣ этихъ письменныхъ работъ, дать письменный вопросъ (переводъ съ нѣмецкаго на греческій или латинскій языкъ, математическія задачи) для непосредственнаго разрѣшенія безъ научныхъ пособій, съ принятіемъ мѣръ чтобъ испытываемый былъ предоставленъ исключительно своимъ силамъ (*Clausurarbeit*). Отъ сочиненія на специальную тему отдѣла освобождаются имѣющіе степень доктора философіи, приобретенную на основаніи печатной диссертациі и полнаго испытанія. Отъ представленія сочиненія на философскую или педагогическую тему не освобождается никто. Замѣтимъ что по регламенту 1810 года доктора освобождались отъ всякаго испытанія кромѣ пробныхъ уроковъ (§ 8); по регламенту 1831 (§ 29) къ пробнымъ урокамъ уже прибавлено словесное испытаніе, но еще не требовалось сочиненія, нынѣ обязательнаго (см. *Mushacke, Reglements etc. betreffend die Prüfungen zum höh. Schulamte*, 2 изд. Berlin 1865). Государственное испытаніе здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе выходило изъ связи съ испытаніями университетскими. Комиссіи предоставлялъ даже какъ бы нѣкоторый контроль университетскихъ испытаній: § 14 предписано доносить министру если окажется что кандидатъ имѣющій степень доктора философіи обнаружитъ при устномъ испытаніи столь малыя свѣдѣнія и такую недостаточность общаго образованія что не будетъ пропущенъ комиссіей. При словесномъ испытаніи присутствуютъ, кромѣ экзаминатора и директора комиссіи, по крайней мѣрѣ одинъ изъ членовъ. Долженъ ли имѣть мѣсто пробный урокъ — зависитъ отъ экзаминатора соответствующаго отдѣла.

Право обученія дается трехъ степеней: для высшихъ классовъ (прима и оберъ-секунда), для среднихъ (унтеръ-секунда, оберъ-и унтеръ-терціи) и для низшихъ (кварта, квинта, секста). При этомъ требуется чтобы каждый учитель былъ способенъ преподавать не одинъ свой предметъ, но непремѣнно и нѣсколько другихъ. Требованіе особенно поучитель-

ное для насъ и идущее въ разрѣзъ нашему дробленію специальности прикрывающему малознаніе. Прибавимъ что регламентъ испытанія общій и для гимназій и для реальныхъ училищъ, съ нѣкоторыми отступленіями для послѣднихъ и предоставленіемъ комиссіи давать свидѣтельства съ ограниченіемъ права обученія одними реальными училищами. Чтобы получить свидѣтельство перваго класса по филолого-историческому отдѣлу надлежитъ доказать, кромѣ достаточнаго общаго образованія, или 1) способность учить греческому, латинскому и нѣмецкому языкамъ во всѣхъ классахъ, и кромѣ того исторіи и географіи, или Закону Божію въ среднихъ классахъ; или 2) греческому и латинскому языкамъ, а также исторіи и географіи во всѣхъ классахъ и кромѣ того нѣмецкому языку или Закону Божію въ среднихъ классахъ; или 3) исторіи и географіи во всѣхъ классахъ, греческому и латинскому въ среднихъ, и въ среднихъ же нѣмецкому языку или Закону Божію. По отдѣлу математики и естествознанія: или 1) способность преподавать математику и физику въ высшихъ классахъ, и кромѣ того философскую проледевтику въ примѣ или естественную исторію, или Законъ Божій, или латинскій и нѣмецкій, или одинъ изъ новыхъ языковъ въ среднихъ классахъ; или 2) естественную исторію во всѣхъ и математику въ среднихъ классахъ, кромѣ того физику и нѣмецкій языкъ, или Законъ Божій, или латинскій и нѣмецкій, или одинъ изъ новыхъ языковъ въ среднихъ классахъ. Требования отъ преподавателя весьма значительны. Отъ учителя математики въ высшихъ классахъ, наприкладъ, требуется чтобъ онъ былъ математикомъ вполнѣ владѣющимъ предметомъ (*ausgebildeter Mathematiker*) и настолько провѣдывшимъ въ высшую геометрію, высшій анализъ и аналитическую механику чтобы могъ въ этихъ областяхъ съ успѣхомъ производить собственные изысканія (*dass sie auf diesen Gebieten eigene Untersuchungen mit Erfolg anstellen können*). Отъ преподавателя древнихъ языковъ въ высшихъ классахъ требуется не только научное знаніе греческой и латинской грамматики и близкое знакомство съ классиками, но и знакомство съ исторіей и современнымъ состояніемъ филологіи, съ филологическою методикой и искусство свободно писать и говорить по-латыни. По части греческой и римской исторіи литературы, по древностямъ, мифологіи и метрикѣ хотя и не требуется специальныхъ познаній по всѣмъ

частямъ, но испытаніе должно доказать что кандидатъ серьезно занимался главными отдѣлами этихъ предметовъ и способенъ пополнить пробѣлы. Наконецъ требуется, кроме общаго историческаго образованія, точное знаніе древней исторіи и высказано желаніе чтобы кандидатъ обнаружилъ что занимался археологіей искусства. Практическую способность преподаванія кандидатъ обнаруживаетъ въ теченіе пробнаго года въ одной изъ гимназій подъ наблюденіемъ (безвозмезднымъ) директора и ординаріуса класса (класснаго наставника). Тогда только выдается окончательное свидѣтельство на право занять штатное учительское мѣсто.

Таковы требованія учительскаго испытанія въ Пруссіи. Въ другихъ мѣстахъ Германіи общій характеръ испытаній тотъ же. Укажу, на примѣръ, на имѣющіяся у меня подъ рукою правила учительскихъ испытаній въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ (постановленіе 23го декабря 1868 года). Испытаніе производится по четыремъ отдѣламъ: 1) классическая филологія, 2) новые языки, 3) математика, 4) естественнѣдѣніе, и распадается на предварительное испытаніе и испытаніе спеціальное. Предварительное испытаніе, соответствующее прусскому испытанію общаго образованія, замѣчательно стремленіемъ требовать отъ учителя знанія поминуты гимназическаго курса. Такъ въ отдѣлѣ филологіи предварительное испытаніе касается философіи, *математики*, санскритскаго или еврейскаго языка; въ отдѣлѣ математики касается философіи, исторіи, *латинскаго* и нѣмецкаго языковъ. Письменныя задачи, числомъ восемь, разрѣшаются въ самомъ экзаменѣ (*Clausurarbeit*), но съ разрѣшенія комиссіи, по вспомогательнымъ предметамъ могутъ быть исполнены дома.

Если испытаніе молодыхъ людей назначающихъ себя на педагогическую карьеру совершенно выдѣлено изъ университетовъ, то приготовленіе будущихъ учителей или точнѣе поставленіе молодымъ людямъ средствъ образованія себя на педагогическаго поприща вполне принадлежитъ университетамъ. Въ этомъ отношеніи важную роль играютъ возникшіе еще въ прошломъ вѣкѣ, въ позднѣйшее время получающія силу и болѣе важное значеніе, педагогическія семинаріи въ университетахъ для образованія филологовъ и математиковъ. Устройство подобныхъ семинаріи по разнымъ отраслямъ полагаетъ университетское преподаваніе, вводя профессора

въ болѣе близкія сношенія со слушателями. Студенты пріобрѣтаютъ дѣятельную роль въ занятіяхъ, не ограничивающихся со стороны профессора изложеніемъ интересующаго его предмета, со стороны слушателей пассивнымъ слушаніемъ и записываніемъ произносимаго съ кафедры. Сведеніе университетскаго преподаванія исключительно къ обученію студентовъ сдѣлало бы изъ университетовъ спеціальныя школы; свободное изложеніе профессоромъ съ кафедры результатовъ уединеннаго труда произведеннаго въ тиши кабинета или лабораторіи—великій нервъ университетской науки обуславливающий движеніе впередъ. Помощію семинарій задачи обученія достигаются безъ нарушенія высшихъ цѣлей преподаванія.

Сравнительно наибольшая доля участія въ испытаніяхъ предоставлена университетамъ по медицинской части. Чтобы быть допущеннымъ къ врачебному государственному экзамену надлежитъ представить свидѣтельство о выдержаніи университетскаго испытанія именуемаго *tentamen physicum* и обнимающаго вспомогательныя для медицины предметы (физика, химія, анатомія, физиологія и естественная исторія), а до закона 1869 года требовалась кромѣ того степенъ доктора медицины. Укажемъ требованія врачебнаго испытанія какъ они установлены регламентомъ 18го сентября 1867 года (*Reglement für die Staats-Prüfung der Aerzte*, Berlin 1867), и затѣмъ скажемъ объ измѣненіяхъ внесенныхъ закономъ 25го сентября 1869 года. Испытаніе врачей производится въ Берлинѣ въ медицинской высшей комиссіи (*Medicinische Ober-Examinations-Kommission*), въ провинціяхъ въ медицинскихъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ назначаемыхъ министромъ при университетахъ изъ ученыхъ спеціалистовъ (*aus wissenschaftlich gebildeten Fachmännern*). При прошеніи объ экзаменѣ должны быть представлены: гимназическое свидѣтельство зрѣлости, свидѣтельство о четырехлѣтнемъ пребываніи въ университетѣ и выдержанномъ *tentamen physicum*, докторскій дипломъ, съ приложеніемъ 15 экземпляровъ диссертациі; свидѣтельство что экзаменующійся по крайней мѣрѣ два семестра участвовалъ какъ практикъ въ хирургической и медицинской (терапевтической) клиникахъ, а въ акушерской самостоятельно дѣйствовалъ при четырехъ по крайней мѣрѣ родахъ, наконецъ свидѣтельство что въ ослепномъ

институтъ или камикутъ прививаль оспу и слѣдилъ за послѣдствіями прививанія.

Нынѣ дѣйствующія положенія о tentamen physicum изданы министерствомъ въ 1861 году. Подвергающіеся испытанію должны обнаружить (*Sach's Jahrbuch der gesammten Heilkunde, XXIV Jahrgang, Berlin, 1872, стр. 479*) „обладаютъ потребными для доктора медицины свѣдѣніями въ общихъ приготовительныхъ наукахъ медицинскаго ученія, особенно въ физикѣ и химіи, анатоміи и физиологіи. Этому испытанію подлежащіе медицинской докторской степени должны подвергнуться не ранѣе конца четвертаго семестра ихъ университетскаго ученія. Оно производится подъ предсѣдательствомъ декана медицинскаго факультета, комиссіей назначаемой министромъ просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ каждый разъ на срокъ одного года“.

Самое испытаніе распадается на пять отдѣловъ: 1) по анатоміи и физиологіи; 2) по хирургіи; 3) по медицинѣ (терапии); 4) по акушерству, и 5) словесное заключительное испытаніе. Общій характеръ экзамена практической и демонстративный. Анатомио-физиологическое испытаніе производится двумя членами комиссіи имѣющими эти науки своею спеціальностію. Испытаніе дѣлается въ три термина. На первомъ кандидатъ разрѣшаетъ *ex tempore*, на предложенныхъ препаратахъ, вопросъ по остеологіи, вынутый по крѣбію изъ числа 16 темъ означенныхъ въ регламентѣ (напримѣръ *os frontis, columna vertebrarum, thorax* и т. д.), и другою вопросомъ по славихологіи изъ 13 указанныхъ въ регламентѣ (напримѣръ *oculus, lagunx, cor, herax* и т. д.). Къ второму термину кандидатъ долженъ изготовить заданный нервный препаратъ и продемонстрировать его при одномъ изъ экзаминаторовъ. Третій терминъ посвящается гистологіи и физиологіи. Испытуемый разрѣшаетъ одинъ изъ десяти вопросовъ по гистологіи (составныя части человѣческаго тела, кровь и лимфа, ткани глазъ и т. п.) и одинъ изъ 20 вопросовъ по физиологіи (физиологія сердца, животная теплота, учение о движеніяхъ и т. д.). Нельзя не замѣтить что въ противоположность къ дробности нашихъ экзаменовъ, всѣ вопросы состоятъ обширныхъ статей, и позволяютъ обнаружить свѣдѣнія основныя и прочныя, а не пріобрѣтенныя вчера и напряженнымъ усиліемъ памяти. Клиническое испытаніе по хирургіи производится въ больницѣ: кандидату поручаютъ

на восемь дней два больныхъ. Отчетъ объ одномъ онъ отдаетъ одному, о другомъ другому экзаминаторамъ. Въ началѣ, въ присутствіи экзаминатора, онъ дѣлаетъ подробное изслѣдованіе больного и заявляетъ планъ лѣченія. Въ теченіе лѣченія ведетъ подробный журналъ болѣзни. Клиническое испытаніе дополняется практическимъ, состоящимъ въ разрѣшеніи задачи изъ области акургіи и задачи изъ ученія о вывихахъ и переломахъ. Въ регламентѣ указано сорокъ восемь акургическихъ задачъ и 16 по переломамъ (9) и вывихамъ (7). Испытаніе производится насколько возможно надъ группою (причемъ испытуемый долженъ обнаружить знакомство съ исторіей и сравнительнымъ достоинствомъ приемовъ операціи). Медицинское (терапевтическое) испытаніе есть по существу своему также клиническое, производимое двумя экзаминаторами. Значительное вниманіе обращается на знакомство испытуемаго съ ученіемъ о дозахъ медикаментовъ и составленіемъ рецептовъ, для чего даются особыя задачи. Затѣмъ слѣдуетъ испытаніе изъ акушерства и заключительный устный экзаменъ, производимый подъ предсѣдательствомъ директора комиссіи тремя ея членами изъ числа производившихъ испытаніе и особаго комиссара для медицинскаго естествознанія. Испытаніе это публично и имѣетъ цѣлью обнаружить общее медицинское образованіе кандидата. Оно касается необходимѣйшихъ свѣдѣній изъ области патологіи и терапіи, хирургіи, акушерства, фармакологіи и медицинскаго естествознанія. Прибавимъ въ заключеніе что экзаменъ обходится кандидату въ 68 талеровъ.

Законъ 21го іюня 1869 года (см. *Bundesgesetzblatt* von 1869, № 3) внесъ нѣсколько существенныхъ измѣненій въ требованія регламента 1867 года. Требованіе степени доктора медицины отмѣнено, обязательенъ лишь *tentamen physicum*. Въ хирургическомъ испытаніи обращено болѣе прежняго вниманіе на офталміатрію, такъ что самое испытаніе именуется „по хирургіи и офталміатріи“; въ числѣ предметовъ заключительнаго испытанія упомянута гигиена (*Staatsarzneikunde oder Hygiene*). Исключено перечисленіе вопросовъ и задачъ предлагаемыхъ на испытаніи: экзаменаціонной комиссіи предоставлено ежегодно предъ началомъ экзаменаціоннаго періода назначать для вынута по жребію 12—15 остеологическихъ и сланхнологическихъ, 10—12 гистологи-

ческихъ и 20 физиологическихъ задачъ; 40—50 изъ акургии и до 20 по вывихамъ и переломамъ.

Перейду къ юридическимъ испытаніямъ. Испытанія эти, введенныя въ Пруссіи со времени Фридриха Великаго, до закона 6го мая 1869 года представляли весьма сложную систему. Юристъ прослушавшій трехлѣтній университетскій курсъ подвергался при аппелляціонномъ судѣ (въ комиссіи изъ двухъ членовъ и предсѣдателя) первому юридическому испытанію на званіе аускультатора; чрезъ 18 мѣсяцевъ практическихъ занятій въ разныхъ инстанціяхъ, приступалъ ко второму испытанію, выдержавъ которое получалъ званіе референдарія. Референдарій чрезъ 18 мѣсяцевъ могъ подвергнуться третьему высшему экзамену, при помощи юридической экзаменаціонной комиссіи, изъ всего курса юридическихъ знаній. Экзамень этотъ давалъ званіе ассессора съ правомъ на занятіе мѣстъ требующихъ полного юридическаго образованія. Въ новомъ законѣ замѣтно стремленіе по возможности упростить процедуру, усилить теоретическое испытаніе при началѣ поприща, не сосредоточивая его, какъ прежде, главнымъ образомъ на послѣднемъ испытаніи, экзаменаціонныя комиссіи сдѣлать менѣе удаленными отъ университетовъ. Нынѣ требуются два юридическія испытанія. Первое испытаніе, на званіе референдарія, производится при одномъ изъ аппелляціонныхъ судовъ, въ комиссіи назначаемой министромъ юстиціи на годичный срокъ, по представленію президента суда, изъ членовъ суда, прокуратуры или адвокатуры, и также изъ университетскихъ преподавателей правъ (der Rechts- und Staatswissenschaft). Отдѣльныя испытанія производятся тремя членами комиссіи (предсѣдательствующій можетъ пригласить четвертаго). Испытаніе раздѣляется на письменную работу и устный экзамень и обнимаетъ ученія публичнаго и частнаго права (öffentliche und Privatrechts), исторію права и начала государственныхъ наукъ. Тема письменной работы дается предсѣдателемъ комиссіи (кандидатъ можетъ выбрать изъ области какого права должна быть дана тема). Для разрѣшенія дается шестинедѣльный срокъ; подъ письменною работою кандидатъ даетъ удостовѣреніе что исполнилъ ее самостоятельно. Получившій званіе референдарія, чтобы быть допущеннымъ ко второму, большому государственному испытанію, долженъ провести въ практической

службъ четыре приготовительныхъ года, причѣмъ занятія распределяются такъ чтобы референдарій могъ приобрести практическую опытность по самымъ разнообразнымъ отраслямъ юридическихъ занятій. Испытанія производятся въ юридической испытательной комиссiи (Justiz Prüfungs-Kommission), одной для всего государства. Испытаніе также распадается на письменную работу и устный экзаменъ. Съ послѣднимъ соединяется изложеніе дѣла по актамъ сообщаемымъ испытуемому за три дня.

Приведемъ нѣсколько темъ научныхъ работъ даваемыхъ на большомъ юридическомъ испытаніи, заимствуя примѣры изъ обстоятельнаго сочиненія предсѣдателя экзаменаціонной комиссiи Симона (*Geschichtliches über die Königlich Preussische Immediat-Justiz-Examinations-Kommission, Zur Säkulat-Feier derselben am 12 November 1855*): „Понятіе обмана и его наказаніе по римскому, общему (gemeinen) и прусскому праву“. „Различіе между продолжаемымъ и повторяемымъ преступленіемъ.“ „Значеніе положенія: res succedit in locum pretii et pretium in locum rei по римскому праву; условія при которыхъ оно имѣетъ силу, съ объясненіемъ прилагается ли оно по прусскому праву“. „Въ чемъ состоитъ legitimatio ad processum, legitimatio ad causam и fundamentum agendi? Въ особенности объ отношеніи двухъ послѣднихъ“. „Изложеніе понятій emptio spei и emptio rei speratae по римскому и прусскому праву“ и т. д.

Мы говорили объ испытаніяхъ открывающихъ дорогу къ собственно юридическимъ должностямъ. Для другихъ отраслей гражданской службы есть свои государственные экзамены. При этомъ отрасли требующія техническихъ свѣдѣній, какъ горное и лѣсное вѣдомства, имѣютъ свои особыя требованія, первое же чиновничье испытаніе вообще сводится (см. Nasse *Über die Universitätsstudien und Staatsprüfungen der preussischen Verwaltungsbeamten*, Bonn, 1868) къ требованіямъ перваго юридическаго экзамена.

Затѣмъ, пробывъ годъ или два въ качествѣ аускультатора (нынѣ референдарія, такъ какъ званіе аускультатора упразднено) при судѣ первой инстанціи, кандидатъ заявляетъ о своемъ желаніи (см. анонимную брошюру *Die Preussischen Verwaltungsbeamten*, Berlin, 1872, стр. 9) подвергнуться испытанію на правительственнаго референдарія (Regierungs-Referendarien-Prüfung) согласно регулятивѣ 14го февраля 1846

года. Въ этомъ званіи онъ остается отъ двухъ до трехъ лѣтъ, и затѣмъ сдаетъ большой государственный экзаменъ предъ высшею экзаменаціонною комиссіей въ Берлинѣ (Ober-Examinations-Kommission) и получаетъ наконецъ званіе ассессора. Но казеннаго жалованья чрезъ это онъ еще не достигъ; первый годъ служитъ бесплатно, пока наконецъ достигнетъ оклада 400 талеровъ, возвышаемаго постепенно до 800 талеровъ. Чрезъ десять или двѣнадцать лѣтъ достигается званія совѣтника съ окладомъ 1.000 талеровъ, восходящаго до 1.200 и 1.800 талеровъ. Этимъ обыкновенно карьера и оканчивается. При такихъ условіяхъ понятно что въ Пруссіи почти невозможно избирать чиновническое поприще не имѣя нѣкотораго собственнаго состоянія. Многіе потому, когда представится случай, охотно покидаютъ службу, переходя на частную дѣятельность. Подобно чиновничьему и юридическое поприще требуетъ значительной затраты собственныхъ средствъ прежде чѣмъ достигнется положеніе соединенное съ болѣе или менѣе значительными выгодами. Для неимущихъ это поприще закрыто. Отъ ищущаго званіе аускультатора (нынѣ референдарія) требуется даже удостовѣреніе что онъ можетъ содержаться на собственный счетъ, такъ какъ ему придется пробыть много лѣтъ не получая никакой поддержки со стороны государства. Удостовереніе должно сопровождаться, подкрѣпленнымъ честнымъ словомъ, заявленіемъ имѣть ли кандидатъ долги и какіе именно (см. Hundrich, *Über Bildungsstufen junger Juristen*, Berlin, 1857, стр. 63). Нельзя удивляться что юридическіе факультеты въ послѣднее время замѣтно пустуютъ, и молодые люди избираютъ поприща болѣе обѣщающія выгоды.

Издержки для избирающихъ чиновничью карьеру увеличиваются еще тѣмъ что большинство готовящихся къ экзамену на ассессора обращаются въ особыя частныя учрежденія имѣющія спеціальностію готовить къ государственному экзамену, принимая во вниманіе установившіяся на практикѣ требованія, во многомъ зависящія отъ личныхъ качествъ экзаминаторовъ высшей комиссіи, остающихся въ этомъ званіи по многу лѣтъ. Насе, ссылаясь на статью въ *Preussische Jahrbücher* (В. XVII, 1866), указываетъ на такую фабрику скоро испеченныхъ ассессоровъ въ Потсдамѣ (Schnellassessorenfabrik zu Baumgartenbrück bei Potsdam), чрезъ которую въ Берлинѣ въ шестидесятыхъ годахъ про-

ходили изъ 12 ассессоровъ 11. Явленіе объясняется отчасти нерациональною регулятивою 1846 года, согласно которой отъ экзаменующихся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практической дѣятельности на ассессорскомъ испытаніи требуется множество теоретическихъ и фактическихъ свѣдѣній, изученныхъ въ годы теоретическихъ занятій и которыя приходится возобновлять въ памяти.

Прибавимъ что чиновничье полприще въ Пруссіи не легкое полприще; работаютъ прусскіе чиновники чрезвычайно много. Картина набросанная много лѣтъ тому назадъ Кунтомъ (Kunth) въ письмѣ къ министру Штейну (Nasse, стран. 29) и нынѣ не потеряла значенія. „Чиновный людъ“, писалъ онъ, „почти не имѣетъ времени для чтенія. Могу привести мой собственный примѣръ. Никто менѣ меня не посѣщалъ общества и мѣста публичныхъ удовольствій, и между тѣмъ въ продолженіи первыхъ тридцати съ чѣмъ-либо лѣтъ, до 1822 года и нѣсколько позже, я рѣшительно не имѣлъ возможности серьезно ознакомиться съ какимъ-либо большимъ сочиненіемъ. Когда вечеромъ въ 9 часовъ измученный отодвигалъ отъ себя свое писаніе, я радъ былъ изъ одной-двухъ газетъ и періодическихъ изданій хотя немного узнать что дѣлается въ политическомъ мірѣ и нѣкоторыхъ отрасляхъ литературы“.

IX.

Не буду входить въ подробности о системѣ испытаній во Франціи и Англіи. Я касался этого предмета въ довольно обширной статьѣ помѣщенной лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Скажу лишь нѣсколько словъ о факультетскихъ испытаніяхъ во Франціи.

Французскія испытанія на факультетахъ медицинскомъ и юридическомъ ближе подходятъ къ нашимъ порядкамъ чѣмъ германскіе экзамены. Медицинскій курсъ во Франціи продолжается четыре года, распредѣляясь по семестрамъ (за исключеніемъ клиническихъ курсовъ, которые годовые); число лекцій вообще три въ недѣлю по каждому предмету. Недостаточное число лекцій производитъ то что профессеры обыкновенно не прочитываютъ всего предмета въ одинъ семестръ, а располагаютъ курсъ на нѣсколько семестровъ, что не лишено неудобствъ для вновь вступающихъ. Чтобы

достичь степени доктора медицины, надлежитъ выдержать три годичныя испытанія и четвертое окончательное. Первый годичный экзаменъ (годичные экзамены производятся отъ 15го іюля до 1го августа) обнимаетъ физику, химию и естественную исторію, а также элементы анатоміи и пролегомены физиологіи. Второй годичный экзаменъ имѣетъ предметъ: анатомію и физиологію; третій: патологію внутреннюю и наружную. Экзамены эти производятся комиссіями изъ предсѣдателя-профессора и двухъ *agrégés* (состоящихъ при факультетѣ). Окончательное испытаніе, производящееся въ теченіе всего года, обнимаетъ: первый экзаменъ — анатомію (въ Парижѣ гистологію также), физиологію, диссекціи; второй—патологію общую, патологію внутреннюю и наружную, патологическую анатомію, оперативную медицину; третій—медицинскую естественную исторію, физику, химию, фармакологию; четвертой—гигиену, судебную медицину, терапію и *matéria médica*; пятый — клинику внутреннюю и наружную, акушерство; наконецъ письменный отвѣтъ на тему изъ патологіи. Испытаніе заключается представленіемъ печатной диссертациі на тему избранную кандидатомъ и ея защищеніемъ, имѣющимъ характеръ экзамена, такъ какъ испытуемый разрѣшаетъ на немъ нѣсколько вопросовъ относящихся къ разнымъ частямъ преподаванія и вынимаемыхъ по жребію. Желаящій получить степень доктора хирургіи подвергается болѣе подробному испытанію изъ хирургіи и новой тезѣ.

На юридическомъ факультетѣ испытаніе на степени распадается на слѣдующія ступени: экзаменъ на бакалавра — черезъ два года ученія; экзаменъ на степень *licence* — черезъ три, и экзаменъ докторскій, по истеченіи четвертаго года. Большинство ограничивается степенью *licence*, такъ какъ она уже открываетъ дверь къ юридической и административной карьерѣ. Испытаніе на бакалавра (два экзамена) обнимаетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, гражданскій кодексъ (*Code civil*), кодексъ гражданскаго судопроизводства, первыя двѣ книги уголовного кодекса и тѣ части уголовного процесса какія были объяснены профессоромъ (*les parties de Code d'instruction criminelle qui ont été expliquées par le professeur*); кромѣ того двѣ первыя книги Институцій Юстиніана. Испытаніе на степень *licence* обнимаетъ (первый экзаменъ) двѣ послѣднія книги Институцій, съ дополненіемъ изъ разныхъ

частей римскаго права какія объяснялись профессоромъ, и (второй экзаменъ) части гражданскаго кодекса не вошедшія въ испытаніе на бакалавра, а также торговый кодексъ (*Code de commerce*) и административное право (*droit administratif*). Кроме того сочиненіе и диссертация (*thèse*). Ищущій докторской степени, кроме диссертациі, подвергается также экзамену изъ полнаго юридическаго курса преподаваемаго на факультетѣ и въ особенности изъ римскаго права. Экзамены производятся комиссіями назначаемыми министромъ изъ профессоровъ и *agrégés*. Любопытно что студентскіе порядки на французскихъ юридическихъ факультетахъ отчасти накладываютъ наши. Студенты получаютъ билеты для входа на лекціи, обязаны имѣть ихъ при себѣ посѣщая чтенія; профессоръ обязанъ по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ дѣлать переключку студентовъ внесенныхъ въ его списокъ. Последнее предписаніе регламента въ Парижѣ давно не исполняется (см. Mortimer d'Osagne, *Les grandes écoles de France*, Paris. 1873, стр. 247). Обыкновенно не болѣе половины студентовъ посѣщаютъ лекціи, и нѣкоторыя аудиторіи не могли бы вмѣстить слушателей обязанныхъ посѣщать тотъ или другой курсъ, еслибъ имъ пришла фантазія всегдѣ явиться на лекцію. Явленіе объясняется отчасти тѣмъ что значительная часть студентовъ не имѣютъ въ виду юридической карьеры: это дѣти промышленниковъ, негодіантовъ, собственниковъ занимающіяся или готовящіяся заниматься своимъ практическимъ дѣломъ, которыя при болѣе строгомъ соблюденіи правилъ должны бы удалиться изъ факультета. Впрочемъ, не рѣдки, какъ и у насъ, случаи съ успѣхомъ выдержаннаго экзамена безъ посѣщенія лекцій.

Испытанія на факультетахъ словесномъ и математическомъ имѣютъ иной характеръ и суть испытанія на степени, производимыя въ назначаемыхъ для того комиссіяхъ. Экзамены соответствующіе нашимъ университетскимъ суть испытанія на степени *licence* и доктора. Экзаменъ на степень *licence* производится по программѣ въ которой опредѣлительно и даже подробно высказаны требованія; для докторства требуется лишь диссертация и диспутъ. Степень *licence* приобрѣтаютъ обыкновенно ищущіе мѣсть по учебной части, такъ какъ эта степень требуется чтобы быть допущеннымъ къ испытанію на званіе состоящаго при лицейхъ (*agrégé des lycées*), дающее право занять въ послѣдствіи штатное мѣсто

преподавателя. Приведу нѣсколько свѣдѣній объ экзаменѣ лиценціатовъ математическаго факультета: На этомъ факультетѣ есть три рода лиценціи: лиценція математическихъ наукъ (математика, механика, астрономія), лиценція физическихъ наукъ (физика, химія, минералогія), лиценція естественныхъ наукъ (зоологія, ботаника, минералогія). Чтобы получить степень лиценціи должно имѣть дипломъ бакалавра и представить свидѣтельство о слушаніи лекцій въ продолженіи двухъ годовыхъ курсовъ. Экзаменъ распадается на три части: испытаніе письменное, испытаніе практическое и испытаніе устное. Для испытанія письменнаго отводится четыре часа. Практическое испытаніе по математикѣ касается умѣнья вычислять и знанія методовъ начертательной геометріи (графическое разрѣшеніе какой-нибудь изъ задачъ). По отдѣлу физическихъ наукъ практическое испытаніе производится въ кабинетѣ и лабораторіи факультета (въ программѣ указаны 15 задачъ по физикѣ, 30 по химіи и 9 по минералогіи). По отдѣлу естественныхъ наукъ въ программѣ значится 18 задачъ анатомическихъ (напримѣръ: препарировать органы дыханія моллюска, рыбы, суставчатого), 18 ботаническихъ (микроскопическое изученіе разныхъ органовъ), по геологіи же дается для разбора образцы какой-нибудь формаціи. Вообще число предметовъ требуемыхъ на испытаніи значительно менѣе чѣмъ сколько требуется у насъ для полученія степени кандидата, но за то испытанія гораздо опредѣлительнѣе, серіознѣе, неисполнимы для неимѣющаго основательныхъ свѣдѣній, и вообще выше уровня знаній нашихъ кандидатовъ, несмотря на нашу дробность специальностей и въ преподаваніи, и на экзаменахъ, и кажушуюся высоту требованій.

Возвращаемся къ нашимъ экзаменамъ.

X.

Изъ всего предыдущаго изложенія, мнѣ кажется, достаточно выяснились основныя черты тѣхъ измѣненій какимъ должна подлежать система нашихъ нынѣ столь неудовлетворительныхъ университетскихъ испытаній. Система эта отдаетъ во власть случайности и нашего „кое-какъ“ и занятія студентовъ, и чтенія профессоровъ. Первый шагъ, очевидно,

долженъ состоять въ томъ чтобъ это важное дѣло привлекло къ себѣ серьезное вниманіе не въ смыслѣ только предписаній и постановленій, но помощію нѣсколькихъ обдуманыхъ органическихъ мѣръ. Общая задача реформы состоитъ въ томъ чтобы, сдѣлавъ экзаменныя требованія опредѣлительными, отдѣлить экзамены отъ текущаго преподаванія, возведя ихъ въ степень особой, не придаточной, а самостоятельной функции, и притомъ помощію мѣръ которыя не были бы въ ущербъ занятіямъ студентовъ, а скорѣе возбуждали бы оныя. Опасеніе что черезъ сведеніе испытаній къ экзаменамъ на степени, студентскія занятія останутся безъ контроля и студенты будутъ проводить время въ праздности, откладывая приготовленіе до послѣдняго срока, было, какъ сейчасъ увидимъ, главною причиною почему, несмотря на германскій типъ нашихъ университетовъ, въ нихъ до сихъ поръ удержалась, такъ несогласная съ академическою свободою преподаванія и слушанія, система экзаменовъ, болѣе и болѣе утрачивающая смыслъ по мѣрѣ расширенія преподаванія и удаленія нашихъ университетовъ отъ школьныхъ порядковъ прежняго времени. То что казалось преждевременнымъ въ сороковыхъ годахъ, на что не сочтено нужнымъ обратить должное вниманіе при составленіи устава въ шестидесятыхъ, — когда воѣ помыслы устремлены были на то въ какую форменную одежду мнимо-либеральнаго управленія одѣть университетское тѣло, а не на то что составляетъ питаніе и жизнь этого тѣла, — не созрѣло ли наконецъ для обдуманнаго разрѣшенія въ духѣ академической свободы въ семидесятыхъ годахъ?

Черезъ нѣсколько лѣтъ по введеніи въ силу университетскаго устава 1835 года, его составитель, министръ С. С. Уваровъ, возымѣлъ мысль черезъ реформу экзаменовъ и введеніе свободы слушанія лекцій приблизить наши университеты къ ихъ германскому образцу. „Обращая постоянное вниманіе“, писалъ министръ въ предложеніи отъ 16го мая 1842 года, за № 4.840, на имя попечителя Московскаго учебнаго округа (*Архивъ канцеляріи попечителя*, 1842 года, за № 277, во Іму столу; подобныя предложенія были безъ сомнѣнія посланы и въ другіе округа), „на ходъ преподаванія въ нашихъ университетахъ, я замѣтилъ что кромѣ значительнаго числа праздничныхъ, табельныхъ и каникулярныхъ дней, въ которые не бываетъ лекцій, преподаватели отвлекаются еще

отъ исполненія главной своей обязанности религиціями, производствомъ приемныхъ экзаменовъ молодымъ людямъ вступающимъ въ университеты и ежегодныхъ испытаній студентамъ для удостоенія ихъ къ переходу изъ одного курса въ другой, независимо отъ окончательныхъ при выпускѣ экзаменовъ, послѣдствіе коихъ опредѣляетъ долженъ ли испытываемый воспользоваться степенью кандидата или званіемъ действительнаго студента, или не удостоится ни первой, ни послѣдняго. Затѣмъ собственно для преподаванія остается столь мало времени что, не взирая на прибавку по новому уставу одного года къ полному университетскому курсу, встрѣчается затрудненіе въ подробномъ и стройномъ развитіи наукъ профессорами. Съ другой стороны, частыя релігіи и испытанія содѣйствуютъ къ преимущественному изощренію памяти учащихся на счетъ прочихъ ихъ способностей. Для отклоненія столь важнаго неудобства представляются слѣдующія средства:

„1) Ограничить приемные экзамены для вступленія въ университеты только тѣми молодыми людьми которые получили домашнее воспитаніе или приобрѣли требуемыя свѣдѣнія въ заведеніяхъ не состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія; окончившихъ же въ гимназіяхъ полный курсъ ученія и получившихъ по окончательномъ испытаніи удовлетворительные аттестаты принимать въ университеты не подвергая новому экзамену.

„2) Уменьшить по возможности или вовсе уничтожить релігіи на профессорскихъ лекціяхъ.

„3) Отмѣнить ежегодныя для своекоштныхъ студентовъ испытанія и требовать отъ кончившихъ полный университетскій курсъ одного общаго экзамена, который долженъ распространяться на всѣ предметы сего курса и съ услѣшнымъ окончаніемъ коего соединены ученныя званія и присвоенныя имъ преимущества.

„*Примѣчаніе.* Общее испытаніе, по надлежащемъ соображеніи въ факультетахъ и по одобреніи въ совѣтъ университета, можетъ, съ утвержденія Министерства Народнаго Просвѣщенія, быть раздѣлено для желающихъ на двѣ части, съ допущеніемъ между ними достаточнаго промежутка времени какъ сіе существуетъ уже въ Дерптскомъ университетѣ.

„4) Для доставленія большей удобности своекоштнымъ сту-

этамъ избирать курсы по своему усмотрѣнiю, раздѣлить, гласно § 100 устава, университетское преподаванiе на годiя, съ допущенiемъ прiема и выпуска студентовъ по два раза въ годъ.

5) Казеннокостныхъ же студентовъ, независимо отъ очтательнаго, подвергать и полугодичнымъ испытанiямъ, въ послѣдствiя коихъ будетъ зависть дальнѣйшее оставленiе ихъ на казенномъ содержанiи или увольненiе для продолженiя ученiя на свой счетъ.“

Сообщая означенныя предположенiя, министръ просилъ печителя „внести это дѣло на разсмотрѣнiе совѣта Московскаго университета, и о мнѣнiи онаго, съ своимъ заключенiемъ, представить въ свое время“.

Предположенiе министра приблизить наши университетскiе рядки къ тому какъ ведется дѣло въ германскихъ университетахъ и отчасти въ Лерлнтскомъ нашло въ полечителѣ московскаго учебнаго округа самаго рѣшительнаго и жаркаго противника. Графу С. Г. Строганову казалось что осуществленiе министерскаго плана было бы пагубно для нашихъ университетовъ въ ихъ тогдашнемъ состоянiи. Укавъ въ вредъ какой, по его мнѣнiю, можетъ произойти отъ безмычнаго дарованiя всѣмъ гимназiямъ права выпускать спитанниковъ въ университетъ безъ новаго испытанiя, полчитель останавливается на предположенiяхъ относительно удентскихъ испытанiй. „Ежела“, пишетъ онъ, „главная азавность студентовъ есть прилежное слушанiе университетскихъ лекцiй, то конечно уставомъ не безъ основанiя внено гг. профессорамъ слѣдить за ходомъ занятiй своихъ слушателей и повѣрять эти занятiя релетициями и переводными экзаменами. Измѣнить это положенiе значитъ лишить молодыхъ неопытныхъ людей вѣрнѣшаго побужденiя труда и предоставить ихъ самимъ себѣ. У насъ въ Россiи, должно сознаться, еще нѣтъ той общей потребности каковую мы видимъ въ Германiи и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ государствахъ Европы, гдѣ наука въ одно то же время служить и цѣлю и средствомъ къ достиженiю этой цѣли: тамъ всякое постороннее побужденiе къ учению было бы излишнимъ; у насъ, напротивъ того, оно необходимо. Если правительство наше, видя эту необходимость вѣшняго побужденiя къ учению, съ этою цѣлю даровало права и преимущества которыми пользуются теперь лица

получающія университетское образованіе, то университет съ своей стороны, содѣйствуя видамъ правительства, должен не останавливать начинающееся у насъ всеобщее стремленіе къ наукѣ, но поддерживать его и усиливать всѣми висящими отъ нихъ средствами. А релетиціи и переводы экзамены не суть ли самыя дѣйствительныя и самыя вѣрныя къ тому средства?.. Ежегодные экзамены при переходе студентовъ съ курса на курсъ и релетиціи имѣютъ еще другую выгоду въ томъ отношеніи что они, поставляя студентовъ въ соприкосновеніе съ гг. преподавателями, даютъ этимъ послѣднимъ возможность оцѣнивать способности наблюдать за успѣхами своихъ слушателей. Уничтожить релетиціи и переводные экзамены значитъ сдѣлать гг. профессоровъ такими судьями которые бы безъ всякаго ближайшаго соображенія, какимъ-то роковымъ приговоромъ рѣшали судьбу молодыхъ людей на общемъ окончательномъ испытаніи. Спрашивается, съ чьей же стороны будетъ тогда позоръ? Теперь въ продолженіе четырехъ лѣтъ при годичныхъ экзаменахъ и релетиціяхъ оцѣнка одного профессора отчетливая повѣряется оцѣнкой другаго товарища его; при одномъ окончательномъ экзаменѣ повѣрка этой не будетъ. Студентъ чувствуя что участь его должна зависѣть отъ одного и другаго преподавателя, всѣми позволительными и непозволительными средствами будетъ искать его расположенія, тогда начнутся происки и разныя непозволительныя домогательства, которыхъ начальству нельзя будетъ ни угадать, ни предупредить, и разовьются въ Московскомъ университетѣ злоупотребленія, къ счастью давно уже забытыя.

Еще рѣшительнѣе высказался полечитель противъ свободы слушанія, указанной въ третьемъ пунктѣ министерскаго предложенія.

„Развѣ можетъ быть“, спрашивалъ онъ, „такой порядокъ введенъ у насъ въ Россіи? Какъ предоставить молодымъ и опытнымъ людямъ выборъ того или другаго курса, разрешить имъ слушать или не слушать одного или нѣсколькихъ профессоровъ, наконецъ, самихъ профессоровъ честь и славу подчинить произволу и прихоти студентовъ, вынудить ихъ искать расположенія своихъ слушателей?... Неужели такъ должно быть пріуготовительное воспитаніе готовящихъ молодыхъ людей на службу Государя самодержавнаго, во

аніе, которое должно сдѣлать ихъ смиренными труженниками въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ?"

Въ заключеніе полечитель говорилъ что онъ не рѣшается едать министерскія предположенія на обсужденіе совѣта. Явила служившія до настоящаго времени основаніемъ треняго порядка въ Московскомъ университетѣ, лишь онъ, „никогда не были обсуживаемы въ совѣтѣ. Возлоныя на членовъ онаго трудныя обязанности со времени образованія университетовъ приводились всегда въ исполіе по одному настоятельному и сильному вліянію мѣстнаачальства. Вызванные телерь на свободное и гласное кованіе сихъ мѣръ, гг. профессеры сдѣлаются судьями въ ственномъ дѣлѣ, довѣріе къ существующему порядку поблется, а разгласка сихъ сужденій будетъ имѣть еще ыгоднѣйшее вліяніе на самихъ студентовъ, тѣмъ болѣ новое предположеніе является какъ выраженіе убѣжій министерства. Признавая подобный приступъ къ столь зому дѣлу несогласнымъ съ общепринятымъ въ Россіи ядкому, я не рѣшился передать совѣту университета доженіе вашего высокопревосходительства, а долгомъ итаю представить вамъ, м. г., собственные мои по этому дмету заключенія.“

то рѣзкое опроверженіе естественно не могло удовлетвоь министра. Прислано было новое строгое предположеніе олнить предписанное и внести предлагаемыя мѣры для ржденія въ совѣтъ университета. Въ сентябрѣ 1842 года о обсуждалось въ совѣтѣ.

остойно вниманія что поднятый министерствомъ въ маѣ 1842 года вопросъ о преобразованіи экзаменовъ за нѣсколькѣсяцевъ предъ тѣмъ былъ уже предметомъ обсуждения университетскомъ совѣтѣ по инициативѣ философскаго и дическаго факультетовъ, и въ засѣданіи 28го марта 1842 а состоялось весьма любопытное опредѣленіе совѣта, оставленное на усмотрѣніе начальства. (*Журналы совѣта Московскаго университета за 1842 годъ.*) Совѣтъ находилъ іходимымъ измѣнять дѣйствовавшую тогда систему испыд—ту самую кака я до нынѣ въ употребленіи въ Москомъ университетѣ (четыре экзамена въ теченіе курса рованіе стелеви на основаніи общаго итога балловъ за четыре года). „Соотвѣтствуетъ ли этотъ порядокъ экзаовъ“, спрашивалъ совѣтъ, „цѣли университетскаго ученія

и пользѣ учащихся, тѣмъ болѣе что ни въ уставѣ университетскомъ, ни въ высочайше утвержденныхъ 28го апрѣля 1837 года правилахъ испытаній на ученые степени не существуетъ по сему предмету опредѣлительныхъ постановленій. Университеты учреждены для высшаго окончательнаго образованія молодыхъ людей въ избранныхъ наукахъ наиболѣе соответствующихъ ихъ способностямъ и будущему предмету значенію. Въ гимназіяхъ и другихъ приготовительныхъ къ университету заведеніяхъ учащіеся приобрѣтаютъ общія познанія въ наукахъ и языкахъ, необходимыя для развитія ихъ умственныхъ способностей и для доставленія имъ той воспріимчивости которая также необходима при высшихъ учебныхъ занятіяхъ. Въ университетахъ студенты, посѣждая спеціальныя лекціи того или другаго факультета, не могутъ приобрѣсти прочныя и основательныя свѣдѣнія какъ собственными усиліями ума, собственными сужденіями и при взаимности къ избраннымъ упражненіямъ, дабы такимъ образомъ усвоить преподаваемая имъ науки. При столь развитомъ духѣ и направленіи ученія среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній излишне было бы говорить и о различіи въ способахъ преподаванія и формахъ испытаній. Здѣсь достаточно сказать что цѣль университетскихъ курсовъ тогда только достигается когда изъ университетовъ выходятъ молодые люди не съ выученными или затверженными познаніями, но съ тѣмъ образованіемъ которое въ общей массѣ свѣдѣній отличаетъ благовоспитаннаго юношу при первомъ вступленіи его на поприще государственной службы. Если телеграфъ примѣнить эти основныя мысли къ существующимъ нынѣ правиламъ испытаній, то едва ли они могутъ соответствовать предположенной цѣли. Студентъ экзаменующійся окончитъ по послѣ каждого академическаго года въ пройденныхъ предметахъ, весьма часто не обращаетъ потомъ на нихъ никакого вниманія; это такъ-сказать его годовыя свѣдѣнія которыя онъ старается приобрѣсти для одного экзамена вытверживая на память главнѣйшіе факты наукъ, въ несколько недѣль предъ окончаніемъ учебнаго года. При дальнѣйшемъ разсужденіи открываются еще важнѣйшія неумѣстна принятыя правила. Встрѣчается что студентъ, получившій въ низшихъ курсахъ посредственныя баллы, поступившій въ высшіе курсы, при лучшемъ развитіи его способностей, при лучшемъ прилежаніи, при лучшихъ домашнихъ

стоятельствахъ, оказываетъ лучшіе, даже превосходные рѣши, не только въ преподаваемыхъ въ этихъ курсахъ предметахъ, но можетъ усовершенствоваться и въ прежнихъ, несмотря однакожь на всѣ свои усилія, на отличие между вариантами, онъ не можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе кандидатской степени, потому единственно что онъ получилъ достаточныя для того аттестаціи въ низшихъ курсахъ. Противъ, студентъ имѣющій хорошіе и отличныя баллы низшихъ курсовъ, при посредственномъ затѣмъ прилежаніи, можетъ пріобрѣсти прямо ученую степень. Въ первомъ случаѣ онъ лишается лобужденія къ усовершенствованію себя въ наукахъ, а въ другомъ, обезпечивъ себя относительно предметовъ низшихъ курсовъ, не имѣетъ также повода подоживать свои познанія въ оныхъ и теряетъ изъ виду взаимную связь между всѣми науками, которая даетъ существенную цѣну ученію. Далѣе, можетъ ли быть справедливымъ и сообразнымъ съ цѣлію университетскаго ученія, если и производствѣ въ ученые званія принимать въ расчетъ баллы полученные студентами въ низшихъ курсахъ по однимъ тѣмъ же предметамъ или имѣющимъ между собою ближайшую связь: если, на примѣръ, учащійся получилъ на послѣднихъ курсахъ въ древнихъ языкахъ, русской словесности, въ скихъ частяхъ математики, гражданскомъ и уголовномъ производствѣ по 4 и 5 балловъ, между тѣмъ въ низшихъ курсахъ, въ скихъ же языкахъ, низшихъ частяхъ математики, гражданскихъ и уголовныхъ законахъ по 2 и по 3 балла, и наоборотъ, если онъ имѣетъ хорошія аттестаціи по предметамъ низшихъ курсовъ, а въ высшихъ, въ которыхъ сосредоточиваются важнѣйшія науки факультета или отдѣленія, получаетъ худшія аттестаціи. Наконецъ, должно еще сказать, можетъ ли имѣть какую-нибудь цѣну самая отличная аттестація въ какихъ-либо отдѣльныхъ предметахъ 1го, 2го и 3го курса, если при выпускѣ студента онъ по этимъ предметамъ не заслуживаетъ и половины такой аттестаціи?" Руководствуясь этими соображеніями, совѣтъ предлагалъ на первомъ отдѣленіи философскаго факультета (нынѣшнемъ юрико-филологическомъ факультетѣ) производить полное испытаніе на кандидата или дѣйствительнаго студента при окончаніи курса; на второмъ отдѣленіи (нынѣшній математическій факультетъ) производить испытаніе также при окончаніи курса — идущимъ по математическому отдѣлу изъ

всѣхъ математическихъ предметовъ, а также изъ неорганической химіи и общихъ курсовъ зоологіи и минералогіи; идущимъ же по естественному отдѣлу изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, а также изъ начальной геометріи, начальной алгебры аналитической геометріи на плоскости и въ пространствѣ статикъ и опытной физикъ. На юридическомъ факультетѣ „студенты могутъ подвергаться окончателъному испытанію въ предметахъ 1го и 2го курсовъ, въ которыхъ преподаются всѣ вспомогательныя науки и нѣкоторыя изъ специальныхъ, — при переходѣ на 2й и 3й курсъ, а потомъ, по окончаніи ученія, экзаминуются вдругъ изъ всѣхъ предметовъ 3го и 4го курсовъ, гдѣ сосредоточиваются главныя спеціальныя науки; по этому послѣднему экзамену и удостоиваются степени или званія“ (въ испытаніи принимаютъ участіе и профессора преподающіе на 1мъ и 2мъ курсахъ энциклопедію законовѣдѣнія, государственный законъ и исторію римскаго права). Совѣтъ высказывалъ увѣренность что при такой системѣ „молодые люди выходящіе изъ университета будутъ получать ученую степень или званіе сообразно съ полною массою настоящихъ ихъ свѣдѣній приобретенныхъ постепенно въ продолженіе цѣлаго университетскаго курса“.

„Что же касается до того“, сказано далѣе въ совѣтскомъ опредѣленіи, „слѣдуетъ ли при таковыхъ экзаменахъ сохранять и переводъ студентовъ въ 1мъ и 2мъ отдѣленіяхъ философскаго факультета съ курса на курсъ, а въ юридическомъ факультетѣ съ 3го на 4й, то совѣтъ не можетъ входить по сему предмету въ разсужденіе, потому что о томъ существуетъ опредѣлительное постановленіе Министерствъ Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ онъ полагалъ бы съ своей стороны просить чтобы таковыя переводы въ философскомъ факультетѣ производились токмо съ 1го на 2й курсъ или по крайней мѣрѣ, какъ и въ факультетѣ юридическомъ не далѣе 3го, по тому уваженію что студенты 3го и 4го курса при совершенномъ развитіи ихъ способностей занимаютъ науками съ полною любовью и убѣжденіемъ въ ихъ пользѣ и необходимости, слѣдовательно не требуютъ уже принудительныхъ къ ученію мѣръ.“ Предположеніе совѣта не встрѣтило, по видимому, сочувствія попечителя, дѣлу не было и во дальнѣйшаго хода и на совѣтскую бумагу не послѣдовало отвѣта.

При обсужденіи вновь, по министерскому уже предложению, вопроса объ устройствѣ экзаменовъ, совѣтъ, подъ вліяніемъ, полагаютъ надо, мнѣнія попечителя, значительно измѣнилъ свои сужденія. Подобныя явленія весьма обыкновенны во многолюдныхъ коллегіяхъ, гдѣ большинство всегда слѣдуетъ току указываемому тою или другою группою членовъ берущихъ дѣло въ свои руки. Отмѣну ежегодныхъ для своеобразныхъ студентовъ испытаній и требованіе отъ кончившихъ курсъ одного общаго экзамена совѣтъ признаетъ мѣрой „совершенно неудобною, преждевременною“. „Если она“, замѣчаетъ онъ, „какъ вѣроятно, не достигнетъ предполагаемой цѣли, то принесетъ самыя вредныя послѣдствія для тысячъ юношей образующихся въ университетѣ. Подобный переворотъ, долженствующій разрушить всѣ прежнія правила университетскаго ученія, долженъ быть введенъ постепенно, дабы такимъ образомъ удостовѣриться неоднократными опытами въ удобства и пользы новой системы, по которой допускалось бы безотчетное ученіе юношей въ продолженіе четырехлѣтняго курса.“ Порядокъ какой совѣтъ предлагаетъ съ своей стороны, ссылаясь мимоходомъ на свое январское постановленіе, состоитъ въ слѣдующемъ: „Признавая, съ одной стороны, необходимымъ требовать отъ студентовъ отчета въ ихъ занятіяхъ въ продолженіе университетскаго курса, а съ другой стороны, полезнымъ предоставить имъ и нѣкоторую свободу умственной самостоятельности, совѣтъ предлагаетъ назначить два экзамена для учащихся въ университетахъ: послѣ двухгодичнаго курса и по окончаніи полнаго университетскаго курса; первый будетъ обнимать общіе пріготовительные и нѣкоторые основные предметы, а послѣдній всѣ спеціальныя предметы каждаго факультета и отдѣленія; первый долженъ служить токмо для удостоенія студентовъ къ переводу въ 3й курсъ, или въ высшее отдѣленіе, а по послѣднему они пріобрѣтаютъ ученые степени и званія. Такимъ образомъ учебные предметы въ первыхъ двухъ курсахъ будутъ служить къ полному развитію умственныхъ способностей учащихся и къ пріготовленію ихъ къ спеціальнымъ занятіямъ избраннаго факультета или отдѣленія; а предметы 3го и 4го курсовъ, съ присоединеніемъ спеціальныхъ наукъ 1го и 2го курсовъ, должны доставлять имъ тѣ свѣдѣнія которыя въ общей ихъ массѣ предоставляютъ имъ драго на производство въ степень или званіе по тому или

другому факультету.“ Относительно релетицій совѣтъ предлагаетъ не дѣлать ихъ обязательными для профессоровъ, предоставляя имъ производить или не производить ихъ, по усмотрѣнiю.

Не соглашаясь съ состоявшимся общимъ мнѣнiемъ совѣта, профессоръ Перевощиковъ высказался безусловно въ пользу министерскихъ предположенiй. „Онъ полагаетъ, сказано въ совѣтскомъ донесенiи, что релетици и переводные экзамены не соответвуютъ университетскому ученiю; релетици, полугодичныя и годичныя испытанiя, какъ справедливо заключено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя, содѣйствуютъ къ преимущественному изоцрненiю памяти учащихся на счетъ прочихъ ихъ способностей; а въ университетахъ это должно быть наоборотъ. Здѣсь должна быть оставлена полная свобода развитiю умственныхъ дарованiй молодыхъ людей избирающихъ опредѣленный кругъ ученыхъ, а не ученическихъ занятiй; здѣсь они должны побороть свои занятiя и предаться имъ съ полнымъ убѣжденiемъ въ ихъ пользу и необходимости для будущаго своего назначенiя. Для этой главнѣйшей цѣли профессеры обязаны, безъ всякихъ релетицiй и экзаменовъ, руководить занятiями своихъ слушателей, показать имъ лучшiй планъ ученiя, лучшiя учебныя пособiя, своими лекцiями содѣйствуя къ умноженiю ихъ познанiй; укоренять въ ихъ умахъ здравыя понятiя о наукахъ, и такимъ образомъ, дѣйствуя на природныя способности и разсудокъ, доставить молодымъ людямъ прочныя усвоенныя ими познанiя, которыя останутся съ ними въ высшней степени на всю жизнь. Напротивъ, принудительныя мѣры къ ученiю, заключающiяся въ релетицiяхъ и экзаменахъ, не говоря о потерѣ времени для преподаванiя, побѣды даютъ токмо большую часть учащихся приготовляясь къ нимъ въ нѣсколько дней, а ихъ поверхностныя, выученныя на память свѣдѣнiя въ однихъ курсахъ, исчезаютъ въ спящихъ, особенно по тѣмъ наукамъ которыя не имѣютъ ближайшей связи съ предшествовавшими учебными предметами.“

Препровождая въ министерство мнѣнiе совѣта, полечитель присовокупилъ къ нему свои замѣчанiя, развивая, хотя и не столь рѣзко и рѣшительно, аргументы своей первой мысли. Полечитель находилъ что совѣтскiй планъ производства экзаменовъ составилъ „подъ влiянiемъ одной той

ученой односторонней идеи преподаванія“. „Какъ начальникъ университета, продолжаетъ онъ, не могу не коснуться вопроса объ этомъ и съ другой стороны. При существующемъ порядкѣ, на основаніи устава 1835 года, переводные экзамены имѣли сильное вліяніе на студентовъ, возбуждая ихъ къ постоянному слѣдованію за профессорскими лекціями и напоявая молодымъ людямъ о важности ихъ занятій преподаваемыми предметами. Кромѣ того, переводные экзамены, въ особенности на первыхъ двухъ курсахъ, служили къ удаленію отъ дальнѣйшаго продолженія ученія тѣхъ которые, по ограниченности способностей и недостатку внутренняго призванія, безо всякой пользы оставались бы въ университетахъ.... Кромѣ явной пользы этого очищенія въ отношеніи учебномъ, оно служило также къ удаленію изъ университета многихъ молодыхъ людей которыхъ праздная жизнь была бы соблазномъ для другихъ, а потому оно должно почитаться полезнымъ и въ отношеніи нравственномъ. Извѣстно что управленіе до тысячи студентовъ, собранныхъ съ разныхъ дальнихъ мѣстъ, при столь разнородномъ воспитаніи, невозможно безъ строгихъ полицейскихъ мѣръ; искать ихъ въ однихъ наружныхъ формахъ или въ примѣненіи однихъ полицейскихъ градскихъ законовъ кажется мнѣ неудовлетворительнымъ, а потому я полагаю что только при содѣйствіи самихъ преподавателей и при стройномъ развитіи переводныхъ экзаменовъ, подкрѣпляемыхъ релетиціями, можно наилучше достигнуть желаемой цѣли. Замѣтнымъ образомъ и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе укрѣпляется вліяніе профессоровъ на студентовъ, и эта нравственная сила возвела университетъ на ту степень на которой онъ находится въ настоящее время. Какъ бы семейное начало это рѣзко ни отличалось отъ существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ началъ, нельзя не признать благотѣльнаго вліянія онаго на нашъ университетъ. Съ прискорбіемъ буду я смотрѣть на перемѣну которая водворитъ у насъ и обычаи тѣхъ заведеній.“ Указавъ затѣмъ на систему экзаменовъ въ баварскихъ лицеяхъ, Англіи, Австріи, на примѣръ Парижской Политехнической Школы и нашего Корпуса Путей Сообщенія (котораго онъ былъ воспитанникомъ), полечитель замѣчаетъ: „Предполагаемая мѣра, основанная на сближеніи нашихъ университетовъ съ высшими учебными заведеніями другихъ государствъ, противорѣчитъ обычаямъ тѣхъ мѣстъ:

въ Германіи нѣтъ экзаменовъ въ университетѣ, а рѣшительный для поступленія въ службу гражданскую экзамень основанъ совершенно на другихъ началахъ“. „При настоящемъ порядкѣ“, продолжаетъ онъ, „переводные экзамены служили высшему университетскому начальству повѣркой дѣйствій самихъ гг. преподавателей; предметы ученія въ ихъ отдѣльности лучше оцѣнивались, да и самая оцѣнка экзаминаторовъ получала болѣе вѣсу. При раздѣленіи студентовъ по годичнымъ курсамъ труднѣе ускользнуть пристрастному вліянію одного или другаго члена факультета; (безъ него) искатеельства слабыхъ по занятіямъ въ наукахъ, но сильныхъ въ другомъ отношеніи студентовъ легче могли бы обнаружиться, и начальство не имѣло бы возможность принимать къ прекращенію ихъ нужныя мѣры. Я говорю по опыту и не признаю себя обязаннымъ подкрѣплять мнѣніе свое наличными доказательствами. Чтѣ дѣлалось въ послѣдніе годы и чему Московскій университетъ обязанъ уваженіемъ къ нему общества, доказываетъ намъ строгая справедливость въ дѣйствіяхъ членовъ онаго.“ О водвореніи свободы слушанія полечитель говорилъ такъ: „Это Freistudium можетъ быть полезно тамъ гдѣ студенту представляется полная возможность избирать между многими преподавателями, и гдѣ каждый изъ сихъ послѣднихъ есть вмѣстѣ и представитель отдѣльной части науки; однимъ словомъ, тамъ гдѣ развита вполне система (приватъ) доцентовъ (doctores legentes) и гдѣ нѣтъ окончательныхъ экзаменовъ. Но у насъ, когда каеэдра имѣетъ только одного профессора и когда студентъ у того же профессора обязанъ держать и окончательный экзамень, эта свобода будетъ только мечта и можетъ имѣть послѣствія самыя неблагопріятныя и которыя должны быть угадываемы тѣми которые знакомы съ настоящимъ состояніемъ нашихъ университетовъ. Обращаясь еще къ обычаямъ германскихъ университетовъ, нельзя не замѣтить что тамъ личная выгода профессоровъ связана со строгимъ исполненіемъ требованій самой науки, что соперничество преподавателей между собою вызываетъ другое начало совершенно въ пользу учащихся и наконецъ что весь механизмъ университетскаго ученія основанъ на денежномъ сборѣ за лекціи. У насъ же студенты, безъ этихъ содѣйствій, врядъ ли получаютъ какую-нибудь пользу въ учебномъ отношеніи отъ одной свободы избирать по усмотрѣнію своему профессорскія лекціи,

гда какъ въ нравственномъ отношеніи она будетъ имѣть
многія вредныя послѣдствія для будущности новаго поколѣ-
нія. Вообще это начало свободы такъ рѣзко отдѣляется отъ
всѣхъ началъ на которыхъ основанъ весь гражданскій по-
рядокъ въ Россіи что я не постигаю цѣли подобнаго ново-
веденія. Развѣ общественное воспитаніе не должно на всѣхъ
степеняхъ своихъ выражать и самую основную идею каждо-
го государства? Чувствуя всю важность образованія въ на-
шемъ отечествѣ, я привыкъ думать что оно нераздѣльно отъ
гражданскаго и послѣдовательнаго порядка въ ученіи. Если мы
спѣли въ одно время соединить съ этими условіями и нѣ-
которую подчиненность властямъ и старшимъ, приучить мо-
лодыхъ людей, въ самое оласное время ихъ возраста, къ из-
вѣстному порядку, не предпочтительнѣе ли это всякому
одражанію совершенно чуждымъ намъ заграничнымъ выс-
шимъ учебнымъ заведеніямъ въ которыхъ все такъ рѣзко
отдѣляется отъ нашихъ? Замѣчательно что въ совѣтскомъ
вѣннѣ вовсе не говорится о свободѣ слушанія лекцій и, по-
видимому, предложенія таковой совѣтъ не усматривалъ въ
твердомъ пунктѣ министерской бумаги.

Мы пересказали съ нѣкоторою подробностію любопытный
многихъ отношеній эпизодъ въ исторіи нашихъ уни-
верситетовъ. Сопротивленіе встрѣченное министерствомъ въ
убѣжденіяхъ лица пользовавшагося заслуженнымъ авторите-
томъ, благодаря своимъ очевиднымъ заслугамъ по управле-
нію Московскимъ учебнымъ округомъ, не могло остаться
безъ вліянія на судьбу министерскихъ предположеній. Дѣло,
полагать надо, главнымъ образомъ вслѣдствіе этого сопро-
тивленія, осталось безъ послѣдствій. Въ Московскомъ уни-
верситетѣ на долго укрѣпилась система переводныхъ испы-
наній, и въ свое время давала плоды. Съ тѣхъ поръ прошло
уже тридцати лѣтъ. Какіе же уроки опыта можно извлечь
изъ этого длиннаго промежутка времени? Аргументы приво-
димаея въ ту эпоху сохраняютъ ли свою силу и въ наше
время? Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, разкажу дру-
гой также любопытный эпизодъ въ исторіи реформъ нашихъ
заменовъ: попытку преобразования ихъ предпринимавшу-
ся въ шестидесятихъ годахъ.

XI.

Въ 1860 году, въ эпоху зачинавшихся университетскихъ преобразованій и студентскихъ неурядицъ, совѣтъ Московскаго университета, по инициативѣ историко-филологическаго факультета, обратилъ вниманіе на порядокъ университетскихъ испытаній. Несостоятельность системы курсовыхъ испытаній особенно живо чувствовалась въ ту эпоху вслѣдствіе многочисленныхъ столкновеній какими стали сопровождаться тогдашніе экзамены. При нынѣшней системѣ, читаемъ въ совѣтскомъ опредѣленіи, „невозможно достигать равномерности отнѣтокъ по разнымъ предметамъ экзамена, а слѣдовательно избѣжать недовольства экзаминирующихся экзаминаторами болѣе строгими, тѣмъ болѣе что экзаминаторъ не имѣетъ средства доказать справедливость выставленной имъ отнѣтки и оправдать себя отъ обвиненій въ излишней строгости или въ излишней слабости, а совокупная отвѣтственность факультета, выводимая изъ того что такъ-называемые сводные списки подписываются всѣми членами факультета, оказывается на практикѣ формальностію и не можетъ оградить экзаминаторовъ отъ несправедливыхъ нареканій. Студенты могутъ легко сносить зависимость свою отъ совѣсти экзаминирующихъ только при господствѣ полного довѣрія къ профессорамъ, а когда это довѣріе по какой-нибудь случайности нарушается, то студенты тяготеютъ этой зависимоścią. Далѣе, студенты робкіе отъ природы, неадаптированные, получившіе домашнее воспитаніе и не привыкшіе къ процедурѣ экзаменовъ, поставлены теперь въ невыгодное положеніе относительно своихъ товарищей, и напротивъ. имѣя навыкъ къ экзаменамъ, можно блистательно экзаменоваться послѣ трехъ-или четырехъ-дневнаго приготовленія. Бывали примѣры полученія даже стелени кандидата людьми далеко несовершенно приготовленными. Наконецъ, обязанность держать экзамены въ извѣстный день изъ извѣстнаго предмета ведетъ по необходимости къ тому чтобы студенты являлись на экзаменъ недостаточно приготовленные, а кромѣ того общій экзаменъ для всѣхъ студентовъ одного курса подавалъ уже поводъ къ безпорядкамъ, а потому было бы желательно устранить общіе курсовые экзамены.“ Вы-

работавъ былъ планъ которымъ въ первый разъ имѣлось въ виду придать надлежащее значеніе письменной формѣ испытанія. Введеніе письменной формы должно было, какъ сказано въ протоколѣ совѣта, устранить большую часть неудобствъ дѣйствовавшей тогда системы экзаменовъ, улучшение которой требовало „съ одной стороны, уменьшенія числа экзаменовъ, съ другой — такого измѣненія въ порядкѣ ихъ производства которое бы клонилось къ тому чтобы сдѣлать ихъ дѣломъ серіознымъ, опирающимся на болѣе твердыя данныя“. Предположенія, послѣ ихъ обсужденія формулованныя профессоромъ Леонтьевымъ, состояли въ томъ чтобъ, отмѣнивъ переводныя испытанія, установить два экзамена: 1) полукурсовой изъ всѣхъ вспомогательныхъ предметовъ и изъ факультетскихъ предметовъ первыхъ лѣтъ и 2) выпускной. Оба экзамена должны начинаться письменнымъ испытаніемъ, состоящимъ въ отвѣтахъ на сводные вопросы по всѣмъ предметамъ испытанія, и которое бы составляло основаніе для факультетскаго опредѣленія о пропускѣ или непропускѣ экзаменующагося, а равно о допущеніи или недопущеніи его къ дополненію письменнаго испытанія словеснымъ, когда окажется невозможнымъ выставить баллы на основаніи однихъ письменныхъ отвѣтовъ“. Экзамены предполагалось производить дважды въ годъ; сдаваться они должны были каждымъ экзаменующимся, — первый, полукурсовой, въ продолженіе двухъ недѣль, второй, выпускной, въ продолженіе мѣсяца.

Планъ этотъ, въ засѣданіи 26го марта 1860 года, былъ единогласно принятъ совѣтомъ * и внесенъ въ журналъ засѣданія какъ совѣтское опредѣленіе къ представленію на утвержденіе начальства. (Архивъ Московскаго университета, дѣло № 653 за 1860 годъ.) Немедленно послѣдовало разрѣшеніе произвести, согласно совѣтскому ходатайству, „въ текущемъ году, въ видѣ опыта, переводный экзаменъ только со 2го на 3й курсъ и выпускной“. Но о самомъ существенномъ пунктѣ, введеніи письменной формы и производствѣ экзаменовъ дважды въ годъ, въ разрѣшеніи не упомянуто. Не входя, — писалъ министръ Е. П. Ковалевскій въ бумагѣ

* Только одинъ профессоръ написалъ на совѣтскомъ журналѣ что подалъ особое мнѣніе, но такового, полагать надо, не подалъ, ибо въ дѣлахъ совѣта его не оказывается.

на имя полечителя, — въ настоящее время въ обсужденіе предположеній относящихся до производства испытаній въ будущемъ году, я предоставляю вамъ, милостивый государь, войти по сему предмету въ министерство въ свое время съ особымъ представленіемъ, съ подробнымъ изложеніемъ тѣхъ причинъ и убѣжденій которыя возбуждаютъ необходимость установленія новаго порядка произведенія курсовыхъ и окончательныхъ испытаній и съ приложеніемъ самыхъ правилъ порядка производства сихъ испытаній, если только до того времени не воспослѣдуетъ утвержденіе новаго университетскаго устава, или не будутъ предложены отъ министерства общія по сему предмету правила къ руководству университетамъ вообще.“ Предполагая существенныя измѣненія ввести со слѣдующаго академическаго года, совѣтъ для ближайшихъ майскихъ испытаній ходатайствовалъ только объ уменьшеніи числа экзаменовъ и введеніи письменнаго испытанія для языковъ и для случаевъ когда студентъ недоволенъ отмѣткой профессора.

Но новыхъ правилъ не было установлено и въ слѣдующемъ году, и въ маѣ 1861 года экзамены, съ разрѣшенія министра, были вновь произведены на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ 1860. Произошло это отчасти вслѣдствіе разнообразія мнѣній не позволявшаго установиться прочному убѣжденію, ибо въ факультетахъ слагались постанавленія не согласныя съ рѣшеніями къ которымъ приходили въ совѣтъ; отчасти, вслѣдствіе не довольно живаго интереса къ вопросу, и наконецъ вслѣдствіе распоряженій начальства, отлагавшихъ въ сторону главное и привлекавшихъ вниманіе университета не на существенныя стороны дѣла. Спрашивалось, напримѣръ, обсудить „въ какой степени нужно и возможно возложить чтеніе одного и того же предмета на различныхъ преподавателей, смотря по факультетамъ на коихъ они читаются, дабы отстранить неудобство чтенія предмета въ одно и то же время съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ разномъ объемѣ, отчего происходитъ или отягощеніе для профессора въ его приготовленіяхъ къ лекціямъ или отягощеніе студентовъ отъ объема предметовъ.“ Отвѣтъ факультетовъ, переведенный на простой языкъ, гласилъ: можно по жалуй такъ, а можно и иначе. И вопросы и отвѣты такого рода, какъ и ожидать слѣдовало, не повели ни къ чему. Оби экзаменахъ было, впрочемъ, разсуждаемо въ октябрѣ 1861

Факультеты дали краткіе отзывы, не принимая во вниманіе мартовскаго опредѣленія совѣта: словесный желалъ одного выпускнаго экзамена черезъ четыре года, математическій предлагалъ для экзаменовъ переводныхъ и выпускныхъ два срока, въ маѣ и августѣ, юридическій ссылался на прежнее свое мнѣніе, медицинскій просто отписывался. Въ совѣтѣ вспомнили о мартовскомъ рѣшеніи, состоялось общее опредѣленіе, согласно которому опять предположено производить два испытанія: полукурсовое (въ маѣ и августѣ) и окончательное. Полукурсовое „въ присутствіи факультета начивается письменнымъ отвѣтомъ на сводные вопросы, предлагаемые факультетомъ и факультетомъ же оцѣниваемые. Затѣмъ слѣдуетъ словесное испытаніе особо по каждому предмету“. Что касается до окончательныхъ испытаний, то „разсмотрѣніе этого вопроса предоставлено обсужденію университетской комиссіи составленной для разсмотрѣнія проекта новаго положенія о производствѣ въ ученые степени“. По письменному испытанію опять не суждено было осуществиться. Въ мартѣ 1861 получено предложеніе полечителя, и въ ономъ значилось: „г. министр народнаго просвѣщенія, отъ 30 сего марта за № 1.511, согласно представленію моему, разрѣшилъ произвести въ текущемъ году курсовыя въ Московскомъ университетѣ испытанія на тѣхъ же основаніяхъ на коихъ разрѣшено это было въ минувшемъ году, съ допущеніемъ въ частностяхъ тѣхъ измѣненій какія по соглашенію съ совѣтомъ университета будутъ признаны необходимыми для приданія экзаменамъ большей самостоятельности (?),—впредь до предложенія министерствомъ общихъ по сему предмету правилъ къ руководству университетамъ вообще“. Было сдѣлано какое-то ничтожное измѣненіе; въ остальномъ экзамены прошли по образцу предыдущаго года, только безъ ссылки, какъ тогда, на краткость времени не позволившую де выработать правила; серіозность экзаменовъ скорѣе уменьшилась чѣмъ увеличилась.

Въ 1862 году вопросъ объ экзаменахъ вновь былъ возбужденъ по поводу предложенія трехъ профессоровъ математическаго факультета (Лясковскаго, Давидова и Киттары), выдвинувшихъ новый планъ, нашедшій одобреніе факультета. Предложено отмѣнить совсѣмъ переводные экзамены, экзаменовывать желающихъ не въ срокъ, а когда кто чувствуетъ себя готовымъ къ экзамену. Факультетъ въ полномъ составѣ

собирается однажды въ мѣсяцъ и подвергаетъ всякаго имѣющаго на это право слушателя испытанію изъ тѣхъ предметовъ изъ которыхъ послѣдній желаетъ экзаминоваться въ данное засѣданіе.“ Выказывалась надежда что экзамены чрезъ это будутъ строже и правильнѣе. Рѣшительнымъ противникомъ предложенной перемѣны выступилъ профессоръ Чичеринъ, къ которому присоединились восемь членовъ совѣта. Въ совѣтскихъ попыткахъ преобразовать систему испытаній профессоръ Чичеринъ видѣлъ „результатъ того общаго движенія которое увлекло русское общество къ либеральнымъ преобразованіямъ. Реформы требовались нерѣдко даже тамъ гдѣ онѣ вовсе не были нужны.“ Онъ указывалъ даже на рѣшительную неудачу перемѣны введенной въ 1860 году. „Занятія студентовъ, писалъ онъ, не только не повысились, но понизились. Экзамены не только не сдѣлались строже, но превратились въ совершенный хаосъ. Распущенность университетовъ достигла высшихъ своихъ предѣловъ, и привела къ прискорбнымъ событіямъ прошедшаго года. Теперь когда все усложнилось необходимо позаботиться объ установленіи правильнаго порядка въ испытаніяхъ.“ По мнѣнію профессора Чичерина, система необязательности предложенная математическимъ факультетомъ была бы новымъ шагомъ по пути расшатыванія университетскихъ порядковъ. Онъ предлагалъ вернуться къ системѣ переводныхъ экзаменовъ. Это, по его мнѣнію, избавило бы дѣло испытаній отъ опасности нововведеній и устранило бы неудобства существующей системы при которой „студенту приходится иногда экзаминоваться изъ 12, 14 и болѣе предметовъ. Такое постоянное напряженіе приводитъ наконецъ къ тулости.“ Послѣ продолжительныхъ преній, въ совѣтѣ рѣшено было „отложить дальнѣйшее сужденіе объ экзаменахъ до времени утвержденія новаго университетскаго устава“. Но „дальнѣйшихъ преній“ такъ и не было; и когда по введенію новаго устава надлежало составить правила испытанія, совѣтъ послушалъ, безъ всякихъ преній, ухватиться какъ за якорь успокоенія за прежнюю форму ежегодныхъ экзаменовъ, и вливъ вино новое въ мѣхи старые, принялъ въ основаніе правилъ составленныхъ по уставу 1860 года преданія устава 1835 года.

Почему же не удалось преобразовательныя попытки, и укрѣпилось убѣжденіе въ безнадежности улучшеній по этой части и въ необходимости держаться привычной рутинныя дѣ-

бы не произвести лутаницы? Кромѣ причинъ указанныхъ выше, — разномыслія, равнодушія и парализующихъ начальственныхъ распоряженій, — было обстоятельство которое сдѣлало бы осуществленіе преобразованія невозможнымъ и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Не трудно усмотрѣть что никакое серьезное преобразование системы экзаменовъ невозможно и повело бы дѣйствительно лишь къ лутаницѣ пока остается въ силѣ основное начало: испытаніе изъ того что прочитано и тѣмъ кто читалъ. Пока всѣ профессора экзамируютъ, и все то и только то что прочитано съ кафедры спрашивается на устномъ экзаменѣ, для котораго программа чтеній есть вмѣстѣ и программа испытанія, всякое отступленіе отъ формы курсовыхъ экзаменовъ и системы сороковыхъ годовъ дѣйствительно должно скорѣе ухудшить чѣмъ поправить дѣло. Мы хотѣли преобразовать испытанія, съ тѣмъ чтобы придать имъ болѣе серьезности. Мы не ошибались полагая что студенты мало занимаются науками, мало развиваются умственно и подвергаются всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ праздности, вслѣдствіе неудовлетворительности нашихъ университетскихъ экзаменовъ. Мы не могли не видѣть изъ живаго опыта какъ различно смотрятъ профессоры на свои экзаминаторскія обязанности, и какъ при щедрости однихъ бываетъ трудно другимъ соблюсти надлежащій уровень требованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не рѣшились отступать отъ упомянутаго основнаго начала нашей системы испытаній, и пожелали сохранить ее во всей силѣ. Ничего кромѣ хаоса изъ этого выдти не могло. Вышелъ впрочемъ вынѣшній порядокъ экзаменной игры случайностей и произвола.

VIII.

Въ чемъ же должно состоять преобразование экзаменовъ, которое могло бы дѣйствительно поднять уровень университетскихъ занятій? Я привелъ съ нѣкоторою подробностію различныя сужденія высказывавшіяся въ сороковыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ о различныхъ системахъ экзаменовъ не только какъ интересные историческіе факты, но и какъ аргументы которые могутъ быть приведены въ пользу и противъ системы курсовыхъ экзаменовъ. Основываясь на этихъ аргументахъ, такъ какъ отрицаніе курсовыхъ

экзаменовъ есть одно изъ условій предполагаемыхъ нами измѣненій.

Главный, какъ мы видѣли, и дѣйствительно серьезный аргументъ за сохраненіе переводныхъ испытаній состоитъ въ томъ что съ уничтоженіемъ ихъ уничтожается де важное побужденіе студентовъ къ занятіямъ. Если нынѣ занятія эти сосредоточиваются главнымъ образомъ, для многихъ студентовъ, исключительно въ мѣсяцахъ экзаменовъ, то чѣмъ далѣе удалимъ срокъ испытаній, тѣмъ де длиннѣе будетъ періодъ праздности: занятія по естественной слабости будутъ откладываться до послѣдняго срока. Но спрашивается, такой порядокъ занятій только предъ экзаменомъ и для экзамена есть ли нормальный, и система его поражающая и укрѣпляющая есть ли правильная система? Если занятія обусловливаются единственно предстоящимъ непосредственно отчетомъ, то не должно ли требовать отчета возможно часто, и не должны ли мы и въ университетѣ придти къ задаванію и спрашиванію уроковъ яко къ наилучшей системѣ? Но гонясь за однимъ не потерять бы другаго, важнѣйшаго. Если очевидно что полезно имѣть возбуждающія къ занятіямъ средства, то не менѣе очевидно что университетская степень, соединенная съ извѣстными правами, должна быть даруема когда испытуемый доказалъ извѣстный уровень умѣнія и знанія, опредѣлительно указанный. Испытаніе должно быть испытаніемъ изъ науки, а не повѣркой того слушалъ ли студентъ чтенія профессора и насколько сохранилъ въ памяти то что прочитано или точнѣе то что внесено въ автографированное искаженіе прочитаннаго. Правда, экзамень изъ науки упраздняетъ экзамень контрольный. Но жалѣть объ этомъ едва ли стоить. Контрольные экзамены обыкновенно не имѣютъ значенія, и въ Московскомъ университетѣ сложилось изъ опыта убѣжденіе что переводные экзамены, дабы не утратить значенія, должны быть вмѣстѣ и экзаменами на степень (при окончательномъ выборѣ считаются баллы за всѣ четыре года). Сохранившіеся на медицинскомъ факультетѣ (гдѣ дѣйствуютъ особыя правила, позволить которыя едва ли можно) повторныя испытанія изъ некоторыхъ предметовъ не имѣютъ значенія: изъ двухъ экзаменовъ одинъ дѣлается болѣе или менѣе серьезно, другой остается одною формальностью. Оставить то и другое значитъ взаимно ослабить и то и другое, усложнивъ и безъ то-

тягостный и неблагодарный трудъ: исполненіе будетъ невыносимо плохо. Придавать экзаменамъ изъ прочитаннаго числа экзаменовъ на степенъ значить отказаться отъ мысли притребованіямъ опредѣлительность, значить оставить испытанія, студентскія занятія и профессорскія чтенія на волю случая и произвола, какъ это и есть нынѣ. Съ отменою курсовыхъ экзаменовъ, говорятъ намъ, студенты перестанутъ трудиться, откладывая занятія до послѣдняго предѣла. спрашивается: занимаются ли они теперь кромѣ времени экзаменовъ, и можно ли назвать полезнымъ занятіемъ скороспѣлое экзаменное зубреніе, результатъ котораго исплается немедленно? Экзамены одна изъ формъ побужденія къ занятіямъ, но это не единственная и можетъ-быть не главная форма. Выше мы упоминали что было бы выше степені полезно развитъ при университетахъ устройство ученыхъ семинарій при различныхъ кафедрахъ и занятій студентовъ подъ ближайшимъ руководствомъ профессоровъ; мы говорили о раздѣленіи казеннокоштныхъ студентовъ на группы, къ которымъ могли бы принадлежать желающіе своекоштные, указывали на участие какое приватъ-доценты могли бы принять въ этомъ дѣлѣ. Еслибы студентскія занятія, подъ руководствомъ преподавателей, послѣдними засвидѣтельствованныя, принимались въ соображеніе при испытаніи на степенъ; еслибы, при подачѣ прошенія о допущеніи къ экзамену, было дозволено и въ извѣстныхъ предѣлахъ было даже обязательно представлять всякаго рода доказательства своихъ занятій и теченіе университетскаго курса; еслибы по нѣкоторымъ предметамъ, какъ напримѣръ по химіи, можно было бы требовать удостовѣренія что студентъ занимался практически нѣтъ сомнѣнія что подобныя мѣры были бы сильнымъ побужденіемъ къ занятіямъ, и притомъ не скороспѣлымъ въ нѣмѣсяцѣ, а основательнымъ и не слѣпнымъ. Наконецъ, нѣтъ надобности чтобъ экзаменъ на степенъ производился съ заразъ. Нѣтъ никакого препятствія раздѣлить его на сколько стадій. Раздѣленіе его на двѣ части: общую, чрезъ годъ слушанія лекцій, и специальную, еще чрезъ годъ или два, есть едва ли не самое рациональное разрѣшеніе вопроса порядкѣ испытанія на степенъ кандидата. Къ нему склонялся Московскій университетъ и въ сороковыхъ и въ шестидесятихъ годахъ. Подобное испытаніе, подъ наименованіемъ

нiемъ tentamen physicum, установлено на медицинскихъ факультетахъ германскихъ университетовъ; и въ Германiи вѣдѣютъ что экзамены подобнаго характера было бы полезно устроить и для юридическаго факультета. Министръ графъ Уваровъ, въ приведенной выше бумагѣ, указывалъ что такое дробленiе экзамена было въ употребленiи въ сороковыхъ годахъ въ Дерптскомъ университетѣ. Вообще, на порядки дѣйствующiе въ этомъ университетѣ надлежитъ обратить особое вниманiе, такъ какъ этотъ университетъ есть имѣющiй опытъ приложенiя германской университетской системы къ требованiямъ русскаго государственнаго устройства.

Съ эпохи сороковыхъ годовъ, когда полечитель Московскаго учебнаго округа такъ энергически отстаивалъ систему переводныхъ экзаменовъ, внутреннее развитiе нашихъ университетовъ шло въ сторону удаленiя отъ школьныхъ порядковъ въ дѣлѣ обученiя. Перiодъ реакцiи пятидесятыхъ годовъ, когда студенты были подчинены строгимъ съ стороны преподающей стороны порядкамъ, прошелъ не коснувшись ни въ чемъ существенномъ учебныхъ порядковъ. Принималось что начальство въ учебное дѣло не мѣшается: что это дѣло профессоровъ, которые къ тому и приставлены, и за которыми должно только смотрѣть чтобы не научили чему вредному. Вмѣшательство, случавшееся отъ времени до времени обыкновенно тотчасъ парализовалось какъ свойствомъ распоряженiй, такъ и исполненiемъ. Такъ было, напримѣръ, съ попыткой въ 1852 году ввести полугодичныя релетиции изъ всѣхъ предметовъ. Общiй ходъ дѣла способствовалъ установленiю взгляда, до нынѣ не лишенаго значенiя, что каждая ученая корпорацiя должна представлять собою родъ благороднаго заговора противъ несвѣдущаго начальства и направлять его къ благимъ цѣлямъ не настоящими соображенiями, а особыми аргументами приложенными къ его помыслию. Въ шестидесятыхъ годахъ сдѣланы важныя измѣненiя въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Изъ лансионовъ, жившихъ подъ ближайшимъ надзоромъ университетскаго начальства, на обязанность котораго возлагалось слѣдить и за ихъ поведенiемъ и занятiями, они обращены въ казенныхъ стипендиатовъ получающихъ извѣстную сумму въ свое содержанiе. Затѣмъ студенты внѣ стѣнъ университетскихъ были изъяты изъ вѣдѣнiя университетскаго начальства и объявлены полноправными гражданами. Релетиции, перекачки

вывелись изъ употребленія и нынѣ были бы анахронизмомъ. Начало безответственности внесенное порядками новаго устава, подъ видомъ началъ самоуправленія и свободы, вручило враздробь интересы преподаванія и испытанія каждой науки личному усмотрѣнiю преподающаго, спокойно пользующагося своимъ положенiемъ до той поры пока одно личное усмотрѣнiе не столкнется съ другимъ таковымъ же. Это было бы свободой, еслибы не было монополiей; столкновения были бы конкуренцiей еслибы проявлялись въ научной области, а не въ вопросахъ влiянiя и власти, еслибы университетскiе порядки менѣе манили управлять и протектировать и болѣе звали на кафедры и въ кабинеты. Представится яблоко раздора, и интересы отвлеченной пользы облекутся въ плоть и кровь личныхъ побужденiй и загорится борьба, съ призванiемъ на помощь якобы требованiй науки, блага университетовъ и Россiи, параграфовъ устава, правъ членовъ и т. п.

Предстоятъ два пути чтобы выйти изъ нынѣшняго состоянiя неопредѣленности и распущенности: или возвращенiе къ школьной системѣ съ релетициями, контрольными испытанiями, предписанными программами, строгимъ начальническимъ наблюденiемъ и т. д., или путь правильной организацiи академической свободы. Свѣтуя на уладокъ университетовъ было бы грѣхъ жаловаться на ухудшенiе духа университетской молодежи. Скорѣе должно признать что духъ этотъ мало-по-малу подымается; охота къ занятiямъ высказывается многими явленiями; новыя поколѣнiя мало-по-малу освобождаются отъ той умственной и нравственной дряблости, того безсилiя какимъ страдали ихъ предшественники. Тѣмъ не менѣе, это овцы ходящiя безъ пастырей и ищущiя пастырей. Въ послѣднемъ отношенiи обнаруживаются любопытныя явленiя. Тамъ и самъ воспитанникъ гимназiй цѣлыми группами идутъ въ тотъ или другой отдаленный университетъ, на томъ основанiи что избранный факультетъ ихъ округа находится по ихъ мнѣнiю въ уладкѣ. Желанiе учиться есть, какъ есть и готовность на матеріальныя пожертвованiя въ ожиданiи пользы. Шагъ къ утвержденiю академической свободы преподаванiя и слушанiя, судя по всѣмъ признакамъ, нынѣ не былъ бы ошибочнымъ или преждевременнымъ.

Введенiе приватъ-доцентовъ и правильное устройство экзаменовъ, вотъ истинный ключъ университетской реформы, вотъ тѣ серьезныя и жизненныя вопросы разрѣшенiемъ кото-

рыхъ стоить заняться. Они прошли незамѣтно при пышномъ на взглядъ преобразованіи 1863 года, когда помыслы направлялись главнымъ образомъ къ тому кому чѣмъ управлять ни за что не отвѣчая. Не время ли имъ стать на очередь нынѣ когда правительствомъ заявлено намѣреніе подвергнуть пересмотру университетскія учрежденія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ науки и преподаванія? Пробудится конкуренція, измѣнится система испытаній, и при тѣхъ же научныхъ силахъ преподаваніе дастъ совсѣмъ иные результаты.

Необходимость измѣненія системы испытаній прямо вызывается положеніемъ вещей созданнымъ уставомъ 1863 года. Число профессоровъ почти удвоено; между тѣмъ курсы все обязательны, и экзаменъ сдается изъ всего прочитаннаго. Не должно ли бы отсюда слѣдовать что и экзаменныя требованія, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, должны чуть ли не удвоиться если предположить строгость требованій ту какая была до 1863 года? Между тѣмъ, на практикѣ, нельзя никакъ сказать чтобы экзамены нынѣшніе были для студентовъ труднѣе прежнихъ и чтобы занятія студентовъ повысились. Тотъ же май мѣсяцъ выноситъ тяготы университетскаго ученья. Какимъ же образомъ столь значительное, повидимому, усиленіе преподаванія ничѣмъ замѣтнымъ не отозвалось въ дѣлѣ испытаній и по нѣкоторымъ отраслямъ повело даже къ ихъ ослабленію (вспомнимъ тридцать экзаменовъ изъ медицинскихъ наукъ). Разгадка въ томъ что съ увеличеніемъ числа преподавателей число часовъ преподаванія каждаго вообще много уменьшилось. Еслибъ осталось обязательнымъ число часовъ преподаванія предписанное уставомъ 1835 года, то при обязательныхъ курсахъ не хватало бы дней въ недѣлѣ, аудиторіи въ зданіяхъ университета и студентовъ для лекцій (студенты медики и теперь по росписанію слушаютъ лекціи по семи часамъ въ день, отъ восьми до трехъ). Съ уменьшеніемъ объема курсовъ, другіе уменьшили требованія, что весьма естественно со стороны молодыхъ преподавателей въ свою очередь вызывается многообразіемъ испытаній. Полнота и правильность требованій стала невозможна. Какъ же выйти изъ такого положенія, неудобства котораго идутъ возрастая? Посоветуютъ ли защитники нынѣшнихъ порядковъ уменьшить вдвое число преподавателей? Раздѣлить и

курсы на обязательные и необязательные, лишь первые сопровождаемы испытаніями? Но не значило ли бы это разомъ лишить слушателей значительную часть профессоровъ? Не единственное ли рѣшеніе вопроса — полное отдѣленіе экзаменовъ отъ текущаго преподаванія и сосредоточеніе дѣла испытанія въ особыхъ комиссіяхъ, для которыхъ это дѣло было бы занятіемъ существенной важности?

Но какая организація должна быть дана такимъ комиссіямъ чтобъ онѣ удовлетворили условіямъ нашей дѣятельности? Хорошо понимая трудности сопряженныя съ практическимъ разрѣшеніемъ этого вопроса, прошу смотрѣть на предлагаемый мною планъ скорѣе какъ на постановку вопроса чѣмъ какъ на его разрѣшеніе.

Полагаю что экзаменъ долженъ производиться комиссіями при университетахъ. Членами могли бы быть какъ наслѣдственные профессора, но не въ полномъ своемъ личномъ составѣ, а въ ограниченномъ числѣ, такъ и профессора окончившіе преподавательскую дѣятельность, но способные быть опытными экзаминаторами, и наконецъ сторонніе ученые имѣющіе высшую университетскую степень. Комиссіи должны составляться на извѣстный срокъ, по назначенію министра, и имѣть надобности чтобъ онѣ оставались изъ однихъ и тѣхъ же лицъ которымъ было бы закрѣплено дѣло испытанія. Очевидно что профессоръ-экзаминаторъ всегда будетъ имѣть болѣе слушателей и болѣе вліянія. Это надлежитъ имѣть въ виду при назначеніяхъ, которыя должны быть предметомъ большаго вниманія. Съ другой стороны, не каждый профессоръ можетъ быть хорошимъ экзаминаторомъ. Не говоря уже о преподавателяхъ начинающихъ дѣятельность, вспомнимъ что многие знаменитые профессора, какъ Т. Н. Грановскій, бывали слабыми экзаминаторами, что не мало содѣйствовало упадку кредита самихъ экзаменовъ. И какой, въ самомъ дѣлѣ, мысли могъ быть въ экзаменѣ Грановскаго изъ его краснорѣчивыхъ чтеній, которыхъ главное значеніе заключалось въ возбужденіи чувствъ гуманности, чѣмъ они могутъ повсѣленно дѣйствовать на слушателей? Главное возраженіе противъ учрежденія независимыхъ экзаменныхъ комиссій состоитъ въ томъ что членовъ ихъ придется де назначить изъ тѣхъ же профессоровъ по соответствующимъ предметамъ, — ибо гдѣ иначе найти специалистовъ для производства испытаній? Не останутся ли на практикѣ экзамены тѣмъ

же чѣмъ они были до сихъ поръ? Дѣлая это возраженіе, забываютъ что измѣненія касающіяся состава корпуса экзаминаторовъ должны сопровождаться существеннымъ измѣненіемъ порядка самыхъ испытаній. Когда письменное испытаніе сдѣлается существенною частью экзамена, требованія будутъ сосредоточены на главныхъ основаніяхъ науки, когда экзаменъ будетъ по преимуществу испытаніемъ приобрѣтеннаго умѣнья и усвоеннаго знанія, а не пробой памяти, — не будетъ надобности въ большомъ числѣ экзаминаторовъ. Конечно, если профессоръ А долженъ спрашивать то что вздумалось читать профессору В, то экзаменъ невозможенъ иначе какъ самимъ профессоромъ изъ того что онъ читалъ. Но для сужденія объ отвѣтѣ, особенно письменномъ, въ предѣлахъ точно указанныхъ, едва ли есть необходимость быть непременно преподавателемъ той самой науки по которой данъ отвѣтъ. Замѣчаемая нынѣ девизная монополія знанія какую у насъ одни обнаруживаютъ, другіе поддерживаютъ; претензіи специалистовъ, со вчерашняго дня въ таковыя пожалованныхъ или себя пожаловавшихъ; яко-торое хвастовство незнакомствомъ съ самыми близко прикасающимися предметами, дающее понять что въ своей области я дока, — все это явленія преходящаго свойства, скорѣе комическаго чѣмъ серьезнаго. Первые работы Лавверье были по химіи, Дюма — по физиологіи; математическія знанія болѣе и болѣе требуются для занимающихся химіей и естественными науками, а мы въ крайней спеціализаціи видимъ не печальную необходимость вызываемую ограниченностію человѣческихъ силъ, а вѣнецъ научнаго преуспѣянія, и смѣшиваемъ спеціальность ученаго со спеціальностію школьника, которая есть просто малознаніе.

Мнѣ кажется, правильный порядокъ университетскихъ испытаній могъ бы установиться на первый разъ слѣдующимъ путемъ. Прежде всего надлежало бы поручить факультетамъ привести въ ясность требованія кандидатскаго и лѣкарскаго испытаній. Было бы желательно получить опредѣлительныя программы требованій. При составленіи ихъ, факультеты должны принять въ соображеніе что испытаніе должно распадаться на двѣ части: полукурсовое и окончательное, что испытаніе должно начинаться письменнымъ отвѣтомъ на свободные вопросы по главнымъ предметамъ, и что устный экзаменъ долженъ быть дополненіемъ письменнаго. На факул

татахъ медицинскомъ и отчасти математическомъ письменная форма должна дополняться, а по нѣкоторымъ предметамъ замѣняться демонстративною. На испытаніи вообще кандидатъ долженъ доказать что главныя дисциплины были имъ во время курса внимательно студированы, хотя бы память ѣи не сохранила 'подробностей. Наконецъ, въ программахъ должны быть указаны сочиненія которыя могли бы служить пособіемъ для приготовленія. Замѣтимъ мимоходомъ что въ Англіи по нѣкоторымъ предметамъ весь экзамень сводится къ тому чтобъ испытуемый доказалъ близкое изученіе нѣкоторыхъ капитальныхъ трактатовъ, и искусство составленія вопросовъ для преобладающаго тамъ письменнаго экзамена доведено до большаго совершенства. Въ этомъ отношеніи знакомство съ англійскими порядками можетъ быть для насъ весьма поучительно.

Первоначально составленныя программы всѣхъ университетовъ могли бы быть разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, и на основаніи этого разбора приведены въ ясность точныя общія правила, и въ ихъ предѣлахъ факультетамъ могла бы быть предоставлена извѣстная свобода движенія, такъ какъ нѣтъ надобности чтобы программы одного университета были тождественны съ программами другихъ. Программы никакъ не должны быть только оглавленіемъ курса, но во всякомъ случаѣ, на первое въ особенности время, представлять довольно подробное указаніе требованій. Подробныя программы имѣютъ ту невыгоду что дѣлаютъ возможнымъ скоростную фабрикацію выдерживающихъ экзаменѣ. Но фабрикація эта возможна и при отсутствіи программъ такого рода, какъ доказываетъ прусскій чиновничій экзамень (см. выше). Къ тому же опасность эта у насъ еще далеко впереди, между тѣмъ какъ приведеніе въ ясность требованій есть насущная потребность. Окончательно составленныя и одобренныя программы были бы утверждены на нѣсколько лѣтъ (напримѣръ на три). По истеченіи срока, программы могли бы измѣняться; но вообще надлежало бы принять за правило что каждый экзаменуется по программѣ дѣйствовавшей при началѣ законнаго срока требуемаго для допущенія къ экзамену (слѣдовательно для полукурсоваго испытанія силу имѣетъ программа дѣйствовавшая при вступленіи экзаменующагося въ университетъ, для окончанія — дѣйствовавшая въ то время когда окончень полукурсовый

экзаменъ). Исполненіе экзамена сообразно требованіямъ программы поручается, по каждому факультету, особой комиссіи, изъ пяти, напимѣръ, членовъ, по назначенію министра. Комиссіямъ предоставляется приглашать въ помощь, съ совѣщательнымъ голосомъ, лицъ принадлежащихъ къ составу университета, но не иначе какъ съ разрѣшенія полечителя, и лишь въ случаѣ дѣйствительной надобности. Экзаaminаторы получаютъ вознагражденіе въ той или другой формѣ. Испытаніе вообще раздѣляется на два экзамена: общій, не ранѣе конца четвертаго и не позже начала седьмаго семестра (какъ *temamen physicum* на медицинскомъ факультетѣ въ Германіи), и спеціальный, по истеченіи не менѣе трехъ семестровъ послѣ общаго. Допущенный къ испытанію представляетъ въ комиссію свидѣтельства своихъ занятій и успѣховъ въ теченіе курса: сочиненія, удостовѣренія и рекомендаціи преподавателей относительно участія въ семинаріяхъ и практическихъ занятіяхъ и т. п. Свидѣтельства эти принимаются во вниманіе комиссіей. Нѣкоторыя изъ нихъ можно сдѣлать обязательными. Не выдержавшій можетъ по усмотрѣнію комиссіи быть допущенъ къ новому испытанію чрезъ два или чрезъ одинъ семестръ, и притомъ или опять изъ всѣхъ предметовъ или только изъ дополнительнаго. Комиссія производитъ испытанія въ опредѣленные сроки (напимѣръ по десяти дней въ первой половинѣ января и второй августа), и экзаaminуетъ въ полномъ составѣ. Одинъ изъ членовъ назначается предсѣдателемъ. Общее собраніе экзаменныхъ комиссій университета имѣетъ предсѣдателемъ полечителя.

Дѣйствія комиссій очевидно должны получить чрезвычайную важность. Требования ихъ будутъ имѣть прямое вліяніе и на занятія студентовъ и на тонъ преподаванія. Преобразуйте серьезно и правильно систему экзаменовъ, и скоро нельзя будетъ узнать преподавателя. Система испытаній чрезъ комиссіи должна стремиться къ тому чтобы занятія въ семинаріяхъ сдѣлались необходимымъ путемъ приготовленія. Студенты будутъ искать помощи у профессоровъ; профессора будутъ обращать вниманіе на то что требуется студентамъ, иначе не будутъ имѣть слушателей. Безъ школьнаго понужденія установится правильный порядокъ занятій. Преподаваніе сойдетъ съ ходулей, но обученіе осно-

заніямъ наукъ поднимется. Курсы спеціальныя въ истинномъ смыслѣ не пострадаютъ: кто имѣетъ что сообщить изъ самостоятельныхъ изслѣдованій по какой-нибудь части науки, всегда найдетъ слушателей.

X.

Испытанія на высшія ученые степени, магистра и доктора, согласно основнымъ университетскимъ уставамъ, суть дѣло факультетовъ. Магистерское испытаніе въ нашихъ университетахъ имѣетъ хорошія преданія. Испытаніе это всегда уважалось, и на него рѣдко отваживались не занимавшіеся серьезно. Оно всегда было шагомъ къ профессорскому званію. Кто не помнитъ что въ качествѣ магистерскихъ диссертаций неоднократно представлялись капиталныя ученые труды, что магистерскіе диспуты бывали событіями въ университетской жизни? Къ сожалѣнію, многіе магистерскою диссертациею такъ и оканчивали свою ученую производительность, какъ бы истощившись въ трудѣ который теоретически долженъ быть первымъ шагомъ на ученомъ поприщѣ. Университетская организація, исключая конкурренцію, отсутствіе побужденій къ научной дѣятельности, къ которой, при нынѣшнихъ порядкахъ, можетъ манить только чувство долга и внутреннее удовольствіе доставляемое трудомъ, хотя бы и не цѣнимымъ правильно, и отъ которой отвлекаетъ обиліе побужденій зовущихъ къ дѣятельности шарлатанскаго характера — вотъ главныя причины явленій подобнаго рода. Съ другой стороны, магистерское испытаніе всегда было и нынѣ есть еще болѣе чѣмъ прежде, дѣло полного произвола экзаминаторовъ. Экзаминаторъ можетъ спросить о чемъ угодно изъ обширной области данной науки, — условіе при которомъ величайшій ученый не пройдетъ на испытаніи у вчерашняго школьника. Между тѣмъ дать программы и правила для высшаго ученаго испытанія едва ли и возможно. Дѣло по необходимости должно улаживаться обычаемъ. И при нормальномъ порядкѣ, когда экзаминаторомъ молодого человѣка будетъ уважаемый имъ ученый, имѣющій за собою многолѣтнюю опытность, смотрящій на экзаменующаго какъ на способнаго ученика, когда испытаніе имѣетъ значеніе радушнаго пріема новобранца въ ряды научныхъ дѣятелей — скорѣе можно ждать излишней снисходительности

чѣмъ строгости переходящей мѣру справедливости. Отчасти по этой причинѣ, отчасти вслѣдствіе выгодъ доставляемыхъ университетамъ докторскими экзаменами, экзамены эти въ Германіи, какъ извѣстно, отличаются даже крайнею слабостію.

Въ новѣйшее время, вслѣдствіе форсированнаго уставомъ размноженія и отчасти измельченія официальныхъ ученыхъ силъ, при быстромъ наплывѣ дѣятелей не поднявшихся, а поднятыхъ на кафедрѣ, — система протекцій, съ одной стороны, и обращеніе, съ другой, экзамена въ актъ своего рода соперничества сдѣлались явленіемъ еще болѣе распространеннымъ чѣмъ прежде. А обусловленный легкостію сношеній нашъ поворотъ однимъ бокомъ къ Европѣ, соединенный съ отсутствіемъ, до послѣдняго времени, всякой серіозной подготовки въ самомъ нашемъ отечествѣ, развилъ въ нѣкоторой части нашихъ молодыхъ дѣятелей, вступающихъ на ученое поприще и почитающихъ себя какъ бы заброшенными въ Россію, самомнѣніе, доходящее до болѣзненности, мѣшающее правильной оцѣнкѣ собственныхъ силъ и иногда дѣлающее пустоцвѣтомъ людей которые по природнымъ дарованіямъ могли бы принести не мало пользы. Явилось взаимное пожалованіе въ знаменитости, на основаніа басни Крылова о кукушкѣ хвальной пѣтуха за то что хвалить онъ кукушку, и столь же быстрое разжалованіе и производство въ невѣжды. На аренѣ ученыхъ испытаній указанныя черты нерѣдко обозначаются яркимъ свѣдомъ. Я помню магистранда бросившаго факультету небрежно черновые листки въ качествѣ диссертациі; когда они не были приняты, онъ отрясъ прахъ съ ногъ, уѣхалъ изъ Россіи и прислалъ „съ того берега“, на имя одного изъ профессоровъ, полуофициальное посланіе гдѣ заявилъ что онъ своею особой, съ одной стороны, и Московскій университетъ, съ другой, два полюса, и подать другъ другу руку не могутъ. Въ эту минуту предо мною двѣ брошюры, гдѣ разказывается весьма поучительная исторія одного магистерскаго экзамена. Одна брошюра озаглавлена *Замѣтка о моемъ магистерскомъ экзаменѣ* доктора геологіи Іенскаго университета В К (въ подлинникѣ полная фамилія), Кіевъ, 1874 года. Авторъ разказываетъ при какихъ, дѣйствительно, куріозныхъ обстоятельствахъ онъ не былъ пропущенъ на испытаніи профессоромъ Новороссійскаго университета г. С (въ брошюрѣ полная фамилія). Дру-

гая брошюра есть отвѣтъ профессора С, дающаго свои объясненія и ссылающагося на то что отвѣты г. К признаны были неудовлетворительными почти единогласно членами факультета (семью голосами противъ одного). Никто, конечно, не можетъ взять на себя рѣшить заочно какого достоинства были отвѣты г. К, но при брошюрѣ есть документъ: его письменный отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ, какъ и замѣчанія разсѣяныя въ брошюрѣ, мнѣ кажется носомъ свидѣлствуютъ что знаніе г. К. никакъ не ниже требованій магистерскаго испытанія. А приложенныя къ *Замѣткѣ* свидѣтельства извѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ, по его просьбѣ производившихъ ему подробное испытаніе, заключаютъ въ себѣ самые лестные отзывы о его научныхъ достоинствахъ. Но медаль имѣетъ и обратную сторону. Какъ отнесся къ своему экзамену и своимъ экзаминаторамъ г. К? Изъ его разказа видно что все испытаніе было столкновеніемъ двухъ юныхъ самолюбій: съ одной стороны самолюбіе молодого ретиваго ученаго, чувствующаго себя особенно сильнымъ по полемической части [новѣйшей науки и обладающаго большимъ запасомъ охоты къ обличеніямъ; а съ другой самолюбіе юнаго профессора чувствующаго себя официальнымъ воплощеніемъ преподаваемой науки и не безъ основанія раздраженнаго, такъ какъ г. К. прежде прибытія собственною особою въ Одессу сообщилъ ученому міру этого города самый неслестный отзывъ о докторской диссертациі своего будущаго экзаминатора. Вотъ какъ онъ самъ разказываетъ объ этомъ обстоятельстве:

„Лѣтомъ 1873 года, профессоръ И. М. С.—въ, встрѣтивъ меня въ Лондонѣ, гдѣ я работалъ въ Британскомъ Музеѣ, спросилъ меня что я думаю о работѣ новаго доктора Новороссійскаго университета С, прибавивъ что при защитѣ докторской диссертациі, докторандъ былъ осыпанъ похвалами своего учителя, г. Г—скаго, за самостоятельность и полноту изслѣдованія. Докторскую диссертацию г. С я между тѣмъ получилъ и конечно долженъ былъ отвѣтить профессору С—ву что здѣсь должно быть какое-нибудь недоразумѣніе. Профессору Г—скому конечно должны быть ближе извѣстны достоинства его ученика, и его похвалы могли относиться къ этимъ мнѣ неизвѣстнымъ качествамъ, потому что къ диссертациі ихъ никакъ приложить нельзя, такъ какъ она вся, цѣлкомъ, переписана, и, именно, состоитъ изъ описанія

извѣстнаго числа раковинъ, которыя всѣ давно описаны, чуть ли не сорокъ лѣтъ тому назадъ, и что считать такую переписку за разсужденіе для полученія степени доктора невозможно. Профессоръ С—въ, вернувшись въ Одессу, не считъ нужнымъ умолчать объ этомъ мнѣніи, что породило тамъ извѣстное неудовольствіе. Между тѣмъ мое мнѣніе можно назвать только слишкомъ снисходительнымъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій перелиставъ это „Разсужденіе на степень доктора“, содержащее едва четыре страницы, изъ 120, исходящія отъ автора и притомъ такія что лучше бы ихъ вовсе не было; все же остальное списано цѣликомъ изъ извѣстныхъ описаній раковинъ.“

Назначается экзаменъ. Вопросы касаются предметовъ съ которыми испытуемый, по его словамъ, имѣлъ случай практически ознакомиться то во время пребыванія въ Іенѣ, въ центрѣ Тюрингенской Пермской формаціи, то на съемкахъ въ Англіи, то на Уайтѣ, гдѣ каждый футъ одного изъ классическихъ разрѣзовъ пройденъ де имъ не разъ съ молоткомъ въ рукѣ, то близъ Борнемута, то въ Марсели и пр. и пр. Экзаминующійся спѣшитъ превратить экзаменъ въ диспутъ и обличеніе экзаминатора въ незнаніи и прiveredженности къ учебникамъ. „Послѣ экзамена, повѣствуетъ г. К, начался очень долгія пренія; г. С былъ единственнымъ специалистомъ, а всѣ остальные члены факультета рѣшительно не могли судить объ отвѣтахъ иначе какъ по самому ходу нашего спора. Г. С настаивалъ на неудовлетворительности, утверждая что магистрандъ не знаетъ того что стоитъ въ учебникѣ, но факультету показалось страннымъ незнаніе которое можетъ слорить въ теченіе двухъ часовъ съ раздраженнымъ экзаминаторомъ, и экзаменъ былъ признанъ факультетомъ удовлетворительнымъ по всѣмъ главнымъ предметамъ.“ Дальнѣйшая исторія не совсѣмъ ясна. Магистрандъ выдерживаетъ экзаменъ изъ дополнительныхъ предметовъ, даетъ письменный отвѣтъ. Экзаминаторъ желаетъ дать еще вопросъ; это оказывается противнымъ правиламъ; экзаминаторъ требуетъ новаго экзамена, факультетъ рѣшаетъ что „новаго экзамена не нужно“. Испытуемый считаетъ себя нравственно обязаннымъ просить факультетъ назначить новое испытаніе. Новое испытаніе, новые слоры, экзаминаторъ для пораженія противника вытаскиваетъ изъ кармана свертокъ съ раковинами изъ Бессарабіи, предлагая ихъ опре-

дѣлать, а экзаминирующійся приглашаетъ его „вслать этотъ соръ обратно въ карманъ“. Предполагается еще экзаменъ въ присутствіи прибывшаго профессора геологіи Г, но г. С рѣшительно отказывается, грозитъ отставкою и проситъ суда. Такъ повѣствуетъ г. К. Съ своей стороны г. С, не входя въ опроверженіе сообщенныхъ подробностей, ссылается на протоколъ, изъ котораго оказывается что факультетъ, все время, по разказу г. К, признававшій его испытаніе удовлетворительнымъ, въ концѣ концовъ почти единогласно призналъ его неудовлетворительнымъ.

Разказанный случай потому и приведенъ нами что онъ не есть что-либо исключительное. Не ходя далеко, въ лѣтописяхъ того же самаго университета можно указать цѣлый рядъ столкновеній дралированныхъ въ ученую мантию, но съ подкладкой далеко не научнаго свойства. Защищается диссертація. Согласно одному мнѣнію, это — важное пріобрѣтеніе европейской науки, чуть ли не переворотъ; согласно другому — исполненное претензій произведеніе невѣжества. Появляется оригинальная работа одного изъ членовъ университета. Помощникъ автора, недовольный патрономъ, привираетъ за тотъ же предметъ и объявляетъ всѣ результаты патрона ложными. Въ другой разъ, трудъ несомнѣнно полезный рѣшительно обличается какъ научное преступленіе, ибо де не достаточно самостоятеленъ. Противорѣчивыя сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ, объявляемомъ одними великимъ шагомъ впередъ, другими свидѣтельствомъ крайняго невѣжества — явленіе довольно обыкновенное въ лѣтописяхъ ученой полемики, и безвредное, пока дѣло остается въ области ученыхъ споровъ, но оно пріобрѣтаетъ острый характеръ когда борьба разыгрывается въ области официальной науки, среди официальныхъ судей и судимыхъ, тогда интересы науки сплетаются съ личными отношеніями, искательствами и интригами. Устраниться это зло можетъ тогда экзаменъ на стелень перестанетъ быть экзаменомъ на занятіе штатнаго мѣста, и профессорскія мѣста будутъ достигаться чрезъ открытую и продолжительную конкуренцію и прочное испытаніе привать-доцента, выдержать которое можно лишь при солидныхъ достоинствахъ. Но не станутъ ли штатные профессора пристрастными испытаніями тѣснить своихъ будущихъ конкурентовъ, которые во всякомъ случаѣ не могутъ миновать экзамена на стелень?

Эту возможность, безъ сомнѣнiя, должно имѣть въ виду, хотя систематическаго преслѣдованiя нѣтъ поводовъ ожидать. Тѣмъ не менѣе быть-можетъ было бы полезно предоставить членамъ Императорской Академiи Наукъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, право производить по ихъ специальностямъ испытанiя обращающимся къ нимъ лицамъ, съ тѣмъ чтобъ удовлетворительныя свидѣтельства академиковъ, заключающiя въ себѣ болѣе или менѣе подробный протоколъ испытанiя, освобождали ищущаго магистерской степени отъ испытанiя въ данной наукѣ при факультетахъ.

Общее положенiе о магистерскомъ испытанiи не нуждается, по моему мнѣнiю, въ какомъ-либо радикальномъ измѣненiи, но не бесполезно пересмотрѣть группы предметовъ испытанiя. Что касается докторскаго испытанiя, то за его сохраненiе можно привести слѣдующiя соображенiя. Такъ какъ по дѣйствующему нынѣ положенiю оно ограничивается диссертацией, то очевидно что достиженiе докторской степени для человѣка занимающагося не можетъ представитъ особаго затрудненiя. Между тѣмъ, это одно изъ побужденiй къ обогащенiю ученой литературы. Съ другой стороны, съ развитiемъ института приватъ-доцентовъ и упраздненiемъ доцентства въ нынѣшнемъ смыслѣ, едва ли не сдѣлается излишнимъ сохранять двѣ высшiя ученые степени и не естественнѣе ли будетъ ограничиться нынѣшнимъ магистерскимъ испытанiемъ переименовавъ его въ докторское и отъ мнѣнiя представленiе второй диссертации нынѣ требуемой для достиженiя высшей ученой степени? Наконецъ, однимъ изъ нынѣ дѣйствующихъ положенiй должно быть необходимо устранено: требованiе отъ ищущаго данной кафедры высшей ученой степени именно по предмету этой кафедры, такъ что, напримѣръ, докторъ математики не можетъ быть профессоромъ теоретической механики и наоборотъ. Положенiе это прямо превращаетъ экзаменъ на степень въ экзаменъ штатное мѣсто, крайне стѣсняетъ выборъ и укрѣпляетъ начало крайней спеціализацiи и закрѣпощенiя преподаванiя. Положенiе это, выраженное въ порождавшей споры и толкованiя неопредѣлительной формѣ: „никто не можетъ быть профессоромъ не имѣя степени доктора *по разряду наукъ соответствующихъ кафедрѣ*“ и введенное въ замѣвъ § 7 устава 1835 года, гдѣ значилось: „не имѣя степени доктора того факультета къ которому принадлежитъ кафедра“, оди

въ многихъ свидѣтельствъ неосновательности съ какою рѣшировался уставъ 1863 года. Положеніе о докторскомъ испытаніи на медицинскомъ факультетѣ подлежитъ серьезному пересмотру: докторскій экзаменъ не долженъ быть, какъ дѣйствительно, повтореніемъ студентскаго испытанія изъ большей части преподаваемаго на факультетѣ.

Довольно объ экзаменахъ. Перейду къ тѣсно связанному вопросу объ экзаменахъ вопросу о профессіяхъ къ которымъ готовитъ университетъ. Позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній касающихся дѣла имѣющаго, по моему мнѣнію, существенную важность для университетовъ.

Согласно идеѣ университетовъ, это суть разсадники высшего образования подготавливающие людей ко всѣмъ отраслямъ общественной государственной дѣятельности. Существованіе раздѣленій на факультеты свидѣтельствуетъ что при этомъ имѣется въ виду не только общее развитіе духовныхъ силъ, какъ въ гимназіяхъ, дѣлающее человѣка способнымъ ко всякаго рода умственной дѣятельности, но и упражненіе этихъ силъ въ той или другой отрасли знанія согласно требованіямъ ея стоящей профессіи. Такими профессіями, если судить факультетскимъ дѣленіямъ и по организаціи экзаменовъ въ Германіи, издавна считаются профессіи: духовная, педагогическая, служебная, юридическая и медицинская. Но спрашивается: ограничиваются ли этимъ дѣленіемъ всѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности для которыхъ требуется высшее образованіе и не должны ли университеты, чтобы не потерять свое высшее положеніе и универсальнаго значенія, имѣть въ виду и иныя области дѣятельности всѣмъ днемъ болѣе и болѣе нуждающіяся въ свѣтѣ наукъ? Съ давнихъ поръ званіе врача считалось требующимъ высшего образованія. Врачъ былъ даже типомъ ученаго; цѣлая отрасль знанія, какъ на примѣръ естественныя науки, была обязана своимъ развитіемъ тому обстоятельству что она служила вспомогательными въ медицинскомъ обученіи и привлекала къ себѣ вниманіе ученыхъ врачей, для которыхъ медицина была профессіей, какъ была для Келлера профессіей астрологія, а зоологія, ботаника или иныя отрасли естествознанія любимымъ занятіемъ и удовлетвореніемъ жаждающаго изслѣдованія и открытія. Высшее образованіе считалось всегда необходимымъ для врача, ибо будучи врачомъ, онъ въ то же время въ извѣстной мѣрѣ и врачъ духа,

и долженъ усматривать не одни внѣшніе признаки болѣзни и ощущать разнообразныя условія психологическія и общественныя, могущественно вліяющія на состояніе человѣческаго организма. Но въ вѣкъ громадныхъ научныхъ положеній, быстро измѣняющихъ всю матеріальную обстановку жизни, въ вѣкъ трансатлантическаго телеграфа и Суэскаго канала, профессія строителя, профессія техника и обширномъ смыслѣ не становятся ли профессіями требующими высшаго образованія? Для преслѣдованія и осуществленія предпріятій затрогивающихъ великіе общественныя интересы, достаточно ли рутинное знаніе практическихъ приемовъ, достаточно ли даже знакомство со спеціальными частями математики, механики и химіи, и не требуется ли чего либо кромѣ того? Не требуется ли ужъ та высота пониманія предметовъ въ доступной человѣку полнотѣ возрѣванія, которая достигается высшимъ образованіемъ? Не время ли университетамъ придти на помощь обнаруживающемуся движенію и расширить свои рамки, принявъ въ область высшей науки тѣ отрасли знанія которыя донынѣ оставались исключительно на долю спеціальныхъ техническихъ учрежденій? Университетское преподаваніе имѣющее въ виду прежде всего интересы чистой науки есть вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе готовящее къ общественной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ гдѣ требуется высшее знаніе. Въ университетахъ бывали попытки отступить отъ стараго факультетскаго дѣленія. Устраивались, напримѣръ, отдѣленія ближайше прилегающія къ потребностямъ будущихъ дѣятелей государственной службы. Таковы камеральныя факультеты и отдѣленія. Подобныя попытки не были удачны. Отдѣленія эти представляли амальгаму разнородныхъ свѣдѣній съ исключеніемъ основныхъ дисциплинъ, помощью которыхъ сообщаются знанія только, но, что важнѣе, научные методы; преподаваніе слагалось изъ такихъ курсовъ по которымъ испытаніе между студентами считается легкимъ. На камеральное отдѣленіе стремились искавшіе легкости занятій; способнѣйшимъ не было побужденій къ серіозному труду. Не многими удавалось раздробленіе математическаго факультета съ перваго курса на два отдѣленія и организація такъ-называемаго естественнаго отдѣленія, раздробленіе оставляющее, съ одной стороны, студентовъ-математиковъ безъ всякихъ естественныхъ историческихъ свѣдѣній и съ самыми слабыми химическимъ

а студентовъ естественнаго отдѣла лишающее основныхъ свѣдѣній изъ чистой и прикладной математики, становящихся со всякимъ днемъ болѣе и болѣе потребными для естествоиспытателя и химика. Полагаю что иную судьбу и иное значеніе имѣло бы устройство при математическихъ факультетахъ университетовъ техническихъ отдѣленій въ полномъ составѣ или въ нѣкоторыхъ специальныхъ подразделенияхъ (инженерное, машиностроительное, агрономическое, технико-химическое и т. п.). На эти отдѣленія студенты могли бы вступать послѣ двухлѣтняго курса, сдавъ общій факультетскій экзаменъ. Не развивая въ подробностяхъ этой идеи, скажу только что осуществленіе ея не только принесло бы непосредственную пользу, но и имѣло бы существенное вліяніе на судьбу какъ университетовъ, такъ и высшихъ техническихъ училищъ. Уже подымаются голоса спрашивающіе: суть ли университеты единственно высшія учебныя учрежденія служація разсадниками науки во всей ея полнотѣ какой она достигла въ данную эпоху, или это не болѣе какъ одинъ видъ высшихъ учебныхъ заведеній имѣющій свой талъ какъ имѣютъ его и другіе виды того же рода; полнота же научнаго образованія эпохи не достигается ли совокупною дѣятельностью всѣхъ этихъ равноправныхъ разсадниковъ высшаго обученія? Было время, и не такъ давно, когда не могло и возникнуть такого вопроса, когда университеты безспорно были выразителями полноты науки, когда въ нихъ были представлены всѣ отрасли знанія поднявшіяся на высоту знанія научнаго. Но въ новѣйшую эпоху отъ совокупности многихъ причинъ обнаружилось явленіе грозящее въ будущемъ значительными затрудненіями, если оно не будетъ своевременно сознано и устранено.

Я говорю о расколѣ высшаго образованія, противоположеніи старой школы и стараго образованія, какой-то новой школѣ и новому образованію, гуманнаго естественно-историческому, классическаго реальному; о стремленіи раздѣлить во существу своему единственный путь къ высшему образованію на двѣ якобы параллельныя дороги; разработить воспитаніе на двѣ будто бы равноправныя системы, изъ коихъ одна должна де вести къ университетамъ, другая къ высшимъ специальнымъ заведеніямъ. Этотъ вредный расколъ уже успѣлъ было во Франціи привести къ пагубной системѣ биркаціи, въ Германіи породилъ реальныя перворазрядныя

школы. Поднятіе высшихъ техническихъ заведеній на степенъ заведеній какъ бы конкурирующихъ съ университетами, съ университетскими формами, но безъ университетскаго духа, поднятіе совершающееся отчасти по винѣ самихъ университетовъ, есть явленіе идущее объ руку съ тѣмъ же расколомъ и ведущее лишь ко взаимному ослабленію тѣхъ и другихъ учрежденій.

Еслибы высшее техническое образованіе нашло пріютъ въ университетахъ, оно вошло бы въ общій кругъ высшихъ научныхъ знаній, и свободная научная разработка трудныхъ вопросовъ техники нашла бы свое естественное удовлетвореніе на ряду съ другими задачами человѣческаго знанія въ главныхъ центрахъ научныхъ силъ страны, кафедры которыхъ всегда наиболѣе привлекательны для талантовъ. Въ то же время техническія училища, освободившись отъ элементовъ высшихъ теорій, доступныхъ избранному меньшинству, тѣмъ съ большею пользою могли бы удовлетворить своему ближайшему назначенію—выпускать людей серіозно подготовленныхъ къ практическому дѣлу. Стремленіе же поднимать преподаваніе техническихъ знаній на высоту преподаванія университетскаго, въ высшихъ техническихъ училищахъ лишь нарушающее свойственный имъ строй спеціальной школы нашло бы свое естественное осуществленіе въ университетскихъ курсахъ. Съ своей стороны училища эти могли бы оказать помощь и слушателямъ университетскихъ курсовъ въ дѣлѣ обученія практическаго, или ремесленнаго въ высшемъ смыслѣ этого слова.

Вредная идея раздѣленія пути высшаго образованія на двѣ параллельныя дороги нашла и у насъ свое отраженіе, и притомъ въ очертаніяхъ каррикатурныхъ, но тѣмъ не менѣе и учительныхъ. Наше печальное стремленіе повторять заднимъ числомъ то что всплываетъ на поверхность общественнаго и умственнаго движенія западныхъ государствъ и нами чувствуется какъ плодъ цивилизаціи, вкусить который мы обязаны какъ можно скорѣе, пораждаеть ненормальныя явленія, которыя въ каррикатурномъ образѣ особенно рѣзко бросаются въ глаза. Доморощенный радикализмъ нашъ учитъ что человѣчeskій міръ въ современномъ его состояніи есть великое зданіе распадающееся со всѣхъ четырехъ угловъ на развалинахъ котораго, неминуемо имѣющихъ послѣдовать и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, долженъ возникнуть новый міръ

ивыхъ лучшихъ отношеній. Орудіемъ переменъ должны быть „новые люди“ успѣвшіе стряхнуть съ себя тяготу предрасудковъ (операція, какъ извѣстно, совершающаяся съ удивительною легкостію) и разорвать связь съ прошедшимъ. Новые люди должны и воспитываться по-новому. Если нельзя еще упразднить старую школу, то надлежитъ по крайней мѣрѣ воздвигнуть рядомъ съ нею новую, удовлетворяющую новымъ стремленіямъ времени указываемымъ де успѣхами положительныхъ знаній, выражающимся особенно въ ихъ приложеніяхъ. Въ литературныхъ симпатіяхъ добродѣтельный техникъ смѣнилъ не только гусара добраго стараго времени, но даже студента болѣе близкой эпохи, даже юнаго медика отказывающагося отъ практики и нещадно истребляющаго лягушекъ на пользу науки. Герой не одной тенденціозной повѣсти новѣйшаго времени есть молодой человекъ обладающій удивительными свѣдѣніями въ точныхъ наукахъ, энергическимъ трудомъ, на удивленіе неумѣлыхъ идеалистовъ и рутинеровъ стараго времени въ самое короткое время доводящій до процвѣтанія и доходности залущенное имѣніе или фабрику, идущій въ народъ и устраивающій бытъ окружающаго темнаго люда на правильныхъ началахъ, но неожиданно куда-то увозимый жандармами въ алогей своей полезной дѣятельности.

Но возвратимся къ серіозному дѣлу.

Недавно въ Германіи появилось сочиненіе обратившее на себя вниманіе компетентныхъ людей: *Будущность нѣмецкихъ университетовъ* (Die Zukunft der Deutschen Hochschulen) Лотара Мейера, профессора химіи въ Политехникумѣ въ Карлсруэ. Въ этомъ сочиненіи авторъ на основаніи убѣдительнѣйшихъ доводовъ высказывается въ пользу открытія при университетахъ курсовъ техническихъ знаній. „Достаточно“, говоритъ онъ, „было изучить исторію политехническихъ и другихъ спеціальныхъ школъ и сравнить ихъ современное состояніе съ прежнимъ, дабы убѣдиться что они, насколько въ нихъ вообще обнаруживается свѣжая жизнь, ревностно стремятся насколько возможно приблизиться къ университетамъ въ формѣ и сущности. Ихъ устройство, нравы и обычаи болѣе и болѣе становятся академическими. Нѣкоторые изъ нихъ... достигли уже академическаго выборнаго права; ихъ учебныя методы нынѣ въ сущности тѣ же университетскія методы; примѣру университетовъ слѣдуютъ

они и въ томъ что стремятся дать своимъ воспитанникамъ вмѣстѣ съ собственно спеціальнымъ образованіемъ и образованіе болѣе общее, и для этой цѣли усиливаютъ свои учебныя силы представителями научныхъ областей, строго говоря, не входящихъ, по видимому, въ кругъ спеціальнаго обученія.“ Попытки нѣкоторыхъ университетовъ въ Германіи устроить техническія отдѣленія увѣнчались, какъ свидѣтельствуеъ Л. Мейеръ, блистательнымъ успѣхомъ. „Университеты“, говоритъ онъ, „начали уже поглощать въ себя цѣлыя техническія школы. Этотъ процессъ улодобленія начался съ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, вспомоgetельные предметы которыхъ родственны и отчасти тождественны со вспомоgetельными предметами медицины. Учрежденіе сельско-хозяйственнаго института при Галльскомъ университетѣ имѣло столь рѣшительный успѣхъ что несмотря на многоразличныя явленія и скрытыя противодѣйствія, хорошій примѣръ нашель подражателей, и въ Пруссіи несомнѣнно всѣ сельско-хозяйственныя академіи исчезли бы и замѣнились бы институтами при университетахъ, еслибъ ихъ мало завидное существованіе не поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ что онѣ подчинены сельско-хозяйственному министерству, а не министерству просвѣщенія. Лѣсныя академіи должны скоро послѣдовать за сельско-хозяйственными. Въ Гессенѣ давно уже лѣсоводство имѣетъ представителей въ университетѣ, но малость страны ограничиваетъ ихъ кругъ дѣятельности. Баварская лѣсная академія въ Ашаффенбургѣ уже проситъ о перенесеніи ея въ Мюнхель. Баденская соединена съ политехнической школой въ Карlsruhe, но скоро, полагать надо, должно послѣдовать ея перенесеніе въ университетъ въ качествѣ сельско-хозяйственной школы. Равнымъ образомъ исчезаютъ горныя академіи... И политехническія школы, въ ихъ изолированномъ состояніи, не могутъ разчитывать на прочность.“

Есть одно обстоятельство играющее важную роль въ исторіи раздробленія высшихъ учебныхъ заведеній, у насъ имѣющее болѣе чѣмъ гдѣ-либо важное значеніе, и представляющее серьезное затрудненіе къ сближенію техническихъ училищъ съ университетами. На это обстоятельство обращаетъ вниманіе Л. Мейеръ, указывая что въ Германіи университеты и высшія спеціальныя заведенія принадлежать по своему управленію обыкновенно къ разнымъ вѣдомствамъ

неодинаково обладающимъ средствами (извѣстна бѣдность средствъ какою отличались до настоящаго времени германскіе университеты) и нерѣдко различающимся воззрѣніями на дѣло обученія. Во сколько разъ должны мы преувеличить указываемое Л. Мейеромъ неудобство германскаго устройства чтобы приблизиться къ изображенію того что видимъ у насъ, гдѣ система раздробленія учебныхъ заведеній царствуетъ въ ея крайнемъ развитіи? Какое вѣдомство не имѣетъ у насъ своихъ школъ, и низшихъ, и среднихъ, и высшихъ, снабжаемыхъ неравными средствами и направляемыхъ въ разномъ духѣ, въ зависимости отъ случайныхъ воззрѣній не только высшихъ начальствующихъ лицъ, но и людей имъ слодручныхъ, что иногда приводитъ къ антагонизму цѣлыхъ вѣдомствъ и дѣлаетъ шаткимъ великое дѣло народнаго воспитанія? Говоря такъ, мы не имѣемъ намѣренія предлагать сейчасъ же какое-либо радикальное преобразование въ этомъ отношеніи. Но здравая практика требуетъ не дѣлать зла когда оно сознано и не продолжать идти по пути очевидно удаляющему отъ настоящей дороги.

(До слѣд. №)

Н. ЛЮБИМОВЪ.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА ВЯЗЕМСКАЯ

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующіе:

КНЯЗЬ ЮРІЙ СВЯТОСЛАВИЧЪ СМОЛЕНСКІЙ.
КНЯЗЬ СЕМЕНЪ МСТИСЛАВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.
МИХАЛКО ЖИРОСЛАВИЧЪ.

ЖУРКО.

Двое слугъ.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ СМОЛЕНСКАЯ.

КНЯГИНЯ АННА ОЛЬГОВНА СМОЛЕНСКАЯ.

ПОРФИРКА.

У князь Юрія. — Комната. — Трое дверей: средняя, лѣвая глухая, и правая ближе къ авансценѣ. — Надѣво столъ, столыцы, кресло. — По стѣнамъ, гдѣ свободно, лавки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЖУРКО, одинъ, дремлетъ сидя на лавкѣ у заднихъ дверей; вскидывается и съ проскокомъ хватаетъ себя за руку.

Стой, нѣтъ, не увернешься!... Тыфу ты, анаеема! Самого себя за руку сдалалъ.... А все княгиня старая... Поприччалось, вишь, ей: по дому будто кто ходитъ (*смотритъ на руку*). И ловко жь схвачено, ровно клещами, лосинѣло даже.... (*звонитъ*). „Сторожи“, говоритъ. Чего не сторожить? Тутъ не сторожба, гдѣ же? Лавка широкая, полавочникъ мягкій: самое бы дѣло спать. Такъ нѣтъ: чуть ты глаза закроешь, лѣзетъ, такъ-таки прямо на тебя, чудится, лѣзетъ. Охъ, Господи, Господи! (*звонитъ и перекрестилъ ротъ*.) И то соснуть попытаться. (*Прилавчивается какъ бы задремать по удобнѣй; слегка дремлетъ; изъ лѣвыхъ дверей Михалко Жирославичъ; Журко, про себя, полузажмуривъ глаза*.) Вотъ оно, полѣзло, опять залазило. Нѣ-ѣ, идетъ, безъ обману идетъ. Ну, шалишь, теперь не промахнуся, живо схватаю. (*Подкрадывается и схватываетъ Михалку сзади за руку*).

ЯВЛЕНИЕ II.

МИХАЛКО, ЖУРКО.

Журко. Стой, не уйдешь, нѣтъ!

Михалко (*покойно*). Ты со сна, сдуру или спьяна?

Журко. Съ нами крестная сила!... Да это ты!.. Прости, Христа ради, господине.... Даве себя, теперь... навожденье! (*мастнитъ рукой*.) А все княгиня!..

Михалко. Которая?

Журко. Старуха. Сторожи, приказала. Не ходитъ ли кто, говорить, по тайности къ князю.

Михалко. Одинъ сторожишь?

Журко. Тута одинъ, а тамъ-отъ (*показалъ на среднія двери*) Аеонька съ Грешкой поставлены.

Михалко. Давно?

Журко. Третій день.

Михалко. Много ль насторожилъ?

Журко. Очи, господине, проглядѣвъ, уши прослушавъ—никѣмъ никого.

Михалко. Ладно. Стѣной пойдешь скажешь — княгиня бы старой сдоложила: Михалко молъ Жарославичъ пришелъ, приказу твоего, государыня, ждетъ.

(Журко ушелъ направо).

ЯВЛЕНИЕ III.

Михалко *(одинъ)*.

Приказъ, и тайный... Не сблатнулъ бы Журко, Кабы не тайный. Ужь таковъ народецъ: Вели молчать, разблаговѣститъ всѣмъ, А не приказывай—что надо сдѣлать, И самъ забылъ.... Съ чего приказъ-отъ?... Къ князю По тайности молъ кто-то ходитъ... притча! Кому, зачѣмъ ходитъ?... И будь то кража, Иль умыселъ какой злодѣйскій, первымъ Дворецкій зналъ бы... Старая княгиня Не потаилась бы: Михалку любить, Михалкъ вѣритъ что своимъ очамъ.... *(Пауза)*.
Постой!... Какъ я намедни съ княземъ Въ его олочивальнѣ говорилъ, Послышъся мнѣ какъ будто кто-то въ двери Скребется. Ну скажи: Песъ въ избу просится. Тогда-жь хотѣлъ я Пойти и посмотрѣть, да князь прикрикнулъ: „Не смѣй, самъ знаю!“ То-то. Что знаешь-то? И прежде то же было; слышится, бывало, Ни мышь, ни лѣсъ скребется тихо въ двери, И также князь кричалъ: „оставь, не трожь, Молъ знаю я“.... *(пауза)* Аль у него, помимо Княгини, завелась забава?... Гм.... И тѣмъ скребленьемъ не дають ли вѣсти: „Молъ время, приходи“? Не даромъ тотчасъ Меня онъ выслалъ, и собрался самъ. Узнать, узнать!... Чу, старая княгиня; Ея нетвердый шагъ. Прикинусь Какъ будто залечалился. *(Садится у стола)*.

(Входитъ справа старая княгиня.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

МИХАЛКО, СТАРАЯ КНЯГИНЯ.

Старая княгиня (*подходитъ къ нему.*)

Михалко, чу.

Михалко Жирославичъ! (*кладетъ ему руку на плечо.*)Михалко (*вставая, какъ-бы съ испуга.*)

Охъ, прости!

И какъ вошла ты, матушка-княгиня,
И не слыхалъ. (*Почтительно утлууетъ ей руку.*)

Старая княгиня.

Вздремгулось, видно.

Михалко.

Не до дремы — покинулъ совъ меня.
Всю вочку нынче думалъ да гадалъ я....
Да что!... Словами горю не помочь.Старая княгиня (*любовно.*)Какое горе у Михалки есть
Что мнѣ не вѣдомо?... Скажи, дружокъ,
Разсудимъ вмѣстѣ.

Михалко.

Матушка-княгиня,

Прости ты глаулаго меня. Ты знаешь,
Притворщикомъ я не былъ, и не буду.
Что на умѣ, на языкѣ. Хоть ѣмъ твой хлѣбъ,
А правду рѣжу: простъ я уродился.
За что же, матушка, меня въ опалу
Поставила?... За что меня забыла?
Чѣмъ досадила?....

Старая княгиня.

Что говоришь-то? полно!

Михалко.

Звать, слуги вѣрные не нужны нынче,
Не имъ ты довѣряешь, а холопьямъ....

Не мнѣ за княземъ сторожить вѣлишь,
А дворской мелкотѣ, Аеонькѣ съ Журкомъ!

Старая княгиня *(съ безпокойствомъ)*

Откуда ты узналъ?

Михалко.

То не бѣда

Что знаю я. Во мнѣ, 'въ могилѣ.

А то бѣда что князь....

Старая княгиня.

Ужли узналъ олъ?

Михалко.

Чуть-было не узналъ. Съ просонья Журко
Меня схваталъ, а князь-отъ за дверьми....

Старая княгиня.

И услыхалъ?

Михалка.

Успѣлъ ему я ротъ

Зажать, не гаркнулъ бы. Не то — бѣды бы!

Такъ вотъ оно, въ чемъ горе-то мое,

Вотъ отчего про сонъ я позабылъ

И не найду нигдѣ себѣ покоя.

Старая княгиня.

Михалушка, Михалушка, мой свѣтъ!

Ужь отъ тебя-ль бы стала я таиться,

Кабы не совѣстно признаться.... Охъ,

Стыдобушка, стыдобушка моя!

Такое дѣло — какъ сказать не знаю.

Михалко.

Страшишься мнѣ открыть, не лобоялась

Открыться смердамъ!

Старая княгиня *(гордо)*

Я ли имъ откроюсь?

Велѣла сторожить, ни слова болѣ.

Михалко.

А какъ они насторожатъ да станутъ

Разыскивать, а тотъ, иль та,

Кто къ князю ходить, имъ со страху
Разкажетъ все — тогда?...

Старая княгиня.

Молчи, молчи!

Михалко (*продолжая*.)

И черезъ часъ о томъ весь дворъ узнаеть,
А черезъ день Торжокъ заговорить,
Черезъ недѣлю до Москвы доидеть.
Не то что мы, вы на горѣ стоите,
Далѣко видно васъ, и всѣ-то смотрять,
И ваша слава — слава всей Руси:
Какъ слава добрая гремитъ вовѣки,
До позднихъ внуковъ добѣжитъ худая.

Старая княгиня.

О, Господи, прости мя! Можетъ, сынъ
И не виновенъ въ чемъ его виню я,
А только сердце... Чуть, Михалка, всплывю
Да думать стану — слѣзы, слѣзы дунать.

Михалко.

Чѣмъ прегрѣшилъ что грозно таково
Видишь ты князя?

Старая княгиня.

Слушай-ка. (*Пауза. Тише*.) Невѣстка,

Княгиня Ольговна, призналась мнѣ,
Недѣли съ двѣ, что князь ее не любитъ,
Забывъ совсѣмъ. И стала примѣчать я,
И вижу: точно, Юрій сталъ инымъ.
Дичится нынче насъ: не часто дома
Сидитъ, уѣхать наровить... куда?
И, грѣшный человекъ, на мысль мнѣ вспадо...
Скажи, Михалушка, какъ передъ Богомъ
Повѣдай мнѣ: не замѣчалъ ли ты
Куда, и часто ль, и зачѣмъ князь ѣздить?
И при тебѣ такъ, къ слову, не хвалилъ ли
Жены чужой; не говорилъ ли: тамъ-отъ
Моль двѣнца-красавица живетъ?
А, словомъ молвить, нѣтъ ли у него
На сторонѣ какой зазнобы тайной?

Михалко.

Хоть и четвертый мѣсь пошелъ десятокъ,
 Не вѣдаю я, матушка, доселѣ
 Ни женской прелести, ни красоты
 Дѣвичьей. Не мастакъ я самъ на эти
 Дѣла,—такъ гдѣ ужъ запримѣтить мѣсь
 То за другимъ, чего не знаю самъ.
 А слышалъ я: орелъ гдѣ ни летаетъ,
 Все къ ночи де въ свое гнѣздо вернется.
 И такъ смѣкаю: заведись у князя
 Зазнобушка — оно бѣла, бѣда,
 Да не большая...

Старая княгиня.

Можетъ, для другихъ,

Хоть грѣхъ равно великъ, не велика
 Бѣда. Не то для Юрья-князя.
 Какое ребенкомъ былъ, такое онъ нынѣ
 Упрямъ, настойчивъ, золъ и скрытенъ.
 Чего захочется, тотчасъ подай,
 Что въ голову втемяшется — не выбьешь.

Михалко.

Добьется своего, — забаву бросить,
 Опять къ тебѣ съ невѣстужкой вернется.

Старая княгиня.

Не тѣ его года, не тѣ, Михалко,
 Чтобъ легкою любовью полюбить.
 На поворотѣ лѣтъ, когда вся сила
 Что въ человѣкѣ есть кипитъ ключомъ
 И хочетъ ринуться въ послѣдній разъ
 Передъ разумнымъ мужескимъ покоемъ,
 Любовь тяжка, опасна и безумна.
 Кого онъ любитъ? Можетъ, привязался
 Къ негодницѣ какой что станетъ имъ
 Вертѣтъ, а онъ пойдетъ кружиться
 Какъ ловко пуценный волчокъ... Охъ, страшно!
 Погубить насъ онъ, да и самъ погибнетъ.

Михалко.

И то сказать: бываютъ злыя жоны...

(За сценой шумъ.)

Журко (за сценой).]

Что раздобаривать! знай, волоки.

Старая княгиня.

Насторожили, знать.

Михалко

Уйди, княгиня.

Не гоже, государыня, тебѣ...

Старая княгиня.

И то пойду. А ты, Михалко, помни

Мои слова, да поумнѣй...

(Пошла направо.)

Михалко (проводя ее).

Не бойся:

Я въ судьяхъ сиживалъ: всѣ лазы знаю.

(Старая княгиня ушла.)

ЯВЛЕНИЕ V.

МИХАЛКО, одинокъ; потомъ ЖУРКО, ПОРФИРКА, двое слугъ.

Порфирка (за сценой).

Оставь же, говорятъ!

Журко (тамъ же).

Такъ и оставилъ!

Михалко (отворяя среднюю дверь).

Что тамъ еще?

Журко (въ дверяхъ).

Схватили, господине.

Михалко.

Веди сюда.

Журко (тамъ же).

Иди жь, иди, не улирайся.

Входятъ: Журко, держитъ за руку
Порфирку, двое слугъ сзади под-
талкиваютъ.

Михалко (сплз у стола, Порфирку).

Какъ звать?

П о р ф и р к а .

Порфирой.

М и х а л к о .

Чьихъ?

П о р ф и р к а .

Княгини

Ульяны Власьевны свѣнная дѣвка.

М и х а л к о (*про себя*).

Ульяны Власьевны!... Того не чаялъ.

(*Вслухъ, Журкъ.*)

Гдѣ вы ее схватили?

Ж у р к о .

Изъ чулана

Откуда къ князю ходъ, бѣжать хотѣла.

М и х а л к о (*Порфиркъ*).

Зачѣмъ въ чуланъ зашла?

П о р ф и р к а .

Спроси у Журка.

Ж у р к о .

Чтѣ? у меня? ахъ, песья ты порода!

П о р ф и р к а .

А у кого же? Аль забылъ, безстыжіи?

М и х а л к о (*Порфиркъ, строго*).

Ты не вертись, — того я не люблю.

Винися лучше, а не то, гледи!

П о р ф и р к а .

Хоть стыдъ дѣвичій и велить молчать,

А повинюсь во всемъ я, господине...

Глула была, а онъ хитеръ вѣдь, Журко!

Смазилъ меня, обманомъ обманулъ:

Моль золотымъ вѣнцомъ грѣшокъ прикроемъ.

Ж у р к о .

Да провались я!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ, КНЯЗЬ СЕМЕНЬ.

Князь Семень (за сценой).

Эй! Аль князя нѣту? (Отворяя дверь.)

Аль нѣту ни души? (вошелъ; увидѣлъ Порфирку).

Ты здѣсь зачѣмъ?

Порфирка.

Сватали, государь.

Князь Семень.

Пошла домой.

(Порфирка убѣгаетъ.)

Михалко.

И вы стулайте!

(Журко и слуги ушли.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

МИХАЛКО, КНЯЗЬ СЕМЕНЬ.

Князь Семень (указывая головой
на двери, куда естъ
ушли).

Это чтò еще?

Михалко.

Въ чуланъ забралась, думалъ допросить....

Князь Семень (горячо).

Коль провинилась, ко мнѣ прислать бы;

Я разобралъ бы: виновата,

Такъ головой бы князю выдалъ, нѣтъ....

Михалко.

Не по своей я волѣ...

Князь Семень.

Я тому не вѣрю,

Чтобъ князь велѣлъ судить моихъ людшекъ.

Не безызвѣстно, чай, ему что мы
 Въ Торжкѣ равны. Какъ править онъ
 Одною половиною, такъ я
 Другой поставленъ вѣдать. И надъ нами
 Одинъ глава — великій князь Московскій.

М и х а л к о.

Такъ такъ-то, князь Семень Мстиславичъ,
 Заговорилъ ты! А давно ль то время,
 Какъ Юрій Святославичъ былъ Смоленскимъ
 Великимъ княземъ, ты же, князь на Вязьмѣ,
 Сидѣлъ въ подручныхъ, звалъ его не братомъ
 А государемъ, и служилъ ему.
 Теперь же: мы равны молъ, мы де оба
 Намѣстники Московскіе!...

К н я з ь С е м е н ь.

Не я

Тому виной что отчину свою
 Князь Юрій Святославичъ истерялъ —
 Какъ вся Литва обрушилась на насъ,
 Я за другихъ не прятался, а бился
 Какъ подобаеть вѣрному слугѣ за князя;
 Въ изгнаніи его я не покинулъ,
 Его любилъ я, и люблю какъ сына.
 И станеть нужда — кровь свою пролью
 И лягу старыми костыми за Юрья-князя.
 Но правъ своихъ ему не уступлю я,
 А ни людей своихъ судить не дамъ.

М и х а л к о.

Красно, красно!..

К н я з ь С е м е н ь.

Не красословець я,

А дѣло говорю. Я не изъ тѣхъ
 Чтò за совѣтами въ карманъ не лезать,
 А какъ до дѣла — на полятный дворъ;
 Я не наушникъ, не шелтувъ, не льстець,
 Не приживалка дворскій: черезъ бабъ
 Обдѣлывать свои дѣла не ловокъ.

М и х а л к о.

Не на меня ли мѣтишь?

Князь Семень.

Тѣхъ же щей ты!

М и х а л к о.

Аль лѣвою ногою всталъ съ постели?

Князь Семень.

Какъ говорить съ тобой, въ тотъ день всегда
На лѣвую встаю. ;

М и х а л к о.

Спасибо, княже.

Князь Семень.

А не на чѣмъ, честной ты господине!
Съ тобой въ друзьяхъ, даль Богъ, мы не бывали.
И некогда намъ было подружиться:
Все жилъ я въ чистомъ полѣ, на сторожѣ
Земли родной, а ты весьма обыченъ
По задверьямъ, по залечьямъ таиться.

- М и х а л к о (со злобой).

Ты такъ-то, княже.

Князь Семень.

Такъ-то, господине

Судейскій перелестникъ, такъ-то.

Свѣтъ-бабій пересмѣшникъ, такъ-то.

М и х а л к о.

Съ чего ты вскинулся? Съ чего ты взѣлся?

Обиды, Богъ свидѣтель, отъ меня

Не зналъ ты никогда. Аль тѣмъ

Виновенъ я что сваталъ за себя

Ульяну Власьевну, — такъ не твоей,

Моей же чести выпала лоруха.

Твой гордый тесть, бояринъ новгородскій,

Боярина въ зятя не пожелалъ,

Позарился на князя безъ княженья!

Князь Семень.

Не слыхивалъ чтобъ тѣ кому удача
 На обездоленныхъ держали злобу;
 Скорѣй наоборотъ. А благо къ слову,
 За то тебя я не люблю что ты
 Толкуешь вкривь и вкось слова чужія.
 Хоть бы сегодня: я вспылить маленько,
 А ты сейчасъ: „моль князя ты не любишь“!
 Во всемъ что видишь, видишь ты худое,
 Лихое слышишь ты во всемъ что слышишь.
 И не тебѣ, Михалко Жирославичъ,
 Понять отъ сердца сказанное слово,
 Какъ слова истаго не вымолвилъ ты средю.

Михалко.

Потѣмки, слышалъ я, душа чужая,
 А ты, подикось, высмотрѣлъ до два
 Что у меня на сердцѣ есть. Ужъ больно
 Глубоко, княже, вызналъ ты меня.
 Такого вѣдвнѣя не любятъ люди,
 И не прощаютъ. Ладятъ мудреца
 Убрать съ дороги. Охъ, и намъ не стало бѣ
 Вдвоемъ съ тобой на бѣломъ свѣтѣ тѣсно.

Князь Семень.

Грозись! Ты страшень мнѣ какъ лесъ дворовый!
 Куда какъ лихъ изъ подворотни лаять,
 На улицу не сунется, а развѣ,
 И то изподтишка, за пятку кусить.

Михалко.

Такой же древле былъ какъ ты храбрецъ,
 Хвалися: моль неуязвимъ какъ въ пятку,
 А подстрѣлили, въ пятку угодил.

Князь Семень.

Таки угодники какъ ты не страшны!

Михалко.

Еще скажу: напрасно мыслишь ты
 Что будто я во всемъ худое вижу.
 Ни ливо доброе не стану я хулить,

А ни твоей жены я не ложаю,
Всегда готовъ хвалить....

Князь Семень.

Съ чего ты рѣчь
Который разъ ужъ на княгиню сводишь?
Грозился ты сейчасъ, я безъ грозьбы
За честь своей княгини встану.

Михалко.

Княже,
Ты къ слову молвилъ, молвилось и мнѣ;
Что въ голову приходитъ говорю я
Безъ злаго умысла. И вотъ тебѣ еще:
Съ того, я чаю, ты и золь несносно
Что старъ женился....

Князь Семень.

Ну, кончай, кончай.

Михалко.

А у мужей у старыхъ въ головѣ
Что шло колется лихая думка:
Моль хороша жена—корысть чужая.

Князь Семень *(съ порывистымъ дви-
женіемъ)*.

Проклятый лизоблюдь!

(Сдержавъ себя.)

Да ладно. Скажешь:

Что князь вернется, заѣзжалъ моль князь
Семень Мстиславичъ звать тебя сегодня
На смѣстный судъ. Не позабудь, гляди.

(Быстро повернулся и ушелъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

МИХАЛКО; потомъ СТАРАЯ КНЯГИНЯ; въ концѣ на время КНЯ-
ГИНЯ АННА.

Михалко *(одинъ)*.

Чуть заикнулся про княгиню я,
Какъ князь Семень вспылилъ и лютымъ звѣремъ
Весь оцетинился. Живуть не ладно,

Съ того и золь.... Княгинина дѣвчонка,
 Порфирка, давече лгала на Журка.
 Хитра! Вѣстимо не хотѣла выдать.
 Князь Юрій тожь хитритъ, таится. Ладно!
 Не выдавайте, сами мы возьмемъ,
 Всю подноготную узнаемъ.... Стой,
 Идетъ старуха.

(Справа Старая Княгиня.)

Старая княгиня *(входя)*.
 Чтò тутъ князь Семень?

Михалко.

Схватили давече его дѣвчонку,
 Такъ обозлился страсть....

Старая княгиня.

Княгини
 Ульяны Власьевны!... Такъ вотъ оно!
 Такъ вотъ откудова находить туча.

Михалко.

Не думай, матушка, и не грѣши ты:
 Ульяна Власьевна тутъ не причемъ.
 Ея сѣнная, вишь, связалась съ Журкомъ....

Старая княгиня *(подозрительно)*.

Ты правду ль говоришь?

Михалко.

Съ чего мнѣ лгать-то?
 Сейчасъ лишь князь Семень Мстиславичъ
 Меня обидѣлъ, кровно оскорбилъ,
 Да будь хоть малая на то возможность,
 Не только предъ тобой скрывать не сталъ бы,
 На торгъ пошелъ бы разглашать: слыхали ль
 Молъ люди добрые, у князь Семена
 Княгиня какова!

(Справа, спѣшно, княгиня Анна.)

Княгиня Анна *(пробѣгая среди
двери)*.

Князь, князь пріѣхалъ!

(Ушла.)

Старая княгиня (*задумчиво*).

Какъ князя бросилась встрѣчать, голубка,
А оны, лоды, не взглянетъ на нее.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ИХАЛКО, СТАРАЯ КНЯГИНЯ; въ среднія двери: КНЯЗЬ ЮРІЙ,
КНЯГИНЯ АННА.

Князь Юрій (*подходя къ матери*).

Здорова ль, матушка?

Старая княгиня.

Не подходи.

Князь Юрій.

Аль провинился чѣмъ?

Старая княгиня.

Ты оглянися....

Не видишь ничего?

Князь Юрій.

На что глядѣть-то?

Старая княгиня.

Охъ, Юрій, Юрій, слѣлота объяла
Не очи, а твой умъ. Нездравымъ сердцемъ
Слѣлотствуешь.

Князь Юрій.

Полреки слышу,

А смысла ихъ, прости, не разумѣю.

Старая княгиня.

Вотъ то-то же и есть,
Что на жену глядишь, а видишь... бабу,
Не замѣчаешь какова она.
Тебѣ на стрѣчу Анна побѣжала:
Лицо-то радостно и вся сіяетъ,
И свѣтъ въ очахъ, и на лицѣ улыбка,
А за тобой вошла приговоренной:
Ни радости, ни свѣту, ни улыбки.

т. ску.

Побѣдную головушку сложила,
Глаза потуплены; гляди, сейчасъ
Украдкою слезу съ рѣсницъ сморгнула.

Князь Юрій.

Чего ты, Анна? Нездорова, что ль?

(Матери:)

Вотъ и спросилъ, а слова не добился:
Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.

Старая княгиня.

Не разумѣешь ты.

Князь Юрій.

Пусть толкомъ скажетъ.

Старая княгиня.

Не бойся, Анна; смѣло говори.

Михалко (князю).

Уйти прикажешь мнѣ?

Князь Юрій.

Чего тутъ! оставайся!

(Женъ.)

Знай, говори.

Княгиня Анна.

Охъ, княже мой любимый!

Прилики ради станешь только слушать,
А думка далеко, не ближе сердце,
Не будь тутъ матушки, и не спросилъ бы!

Князь Юрій.

Запрчитала! Слава Богу, живъ,
Умру — успеешь наволиться вволю.

Княгиня Анна.

Мнѣ умирать! Какъ ты забылъ меня,
Да полюбилъ другую....

Князь Юрій (со слѣзками).

Третью, третью....

Княгиня Анна.

Смѣшкомъ отдѣлаться замыслилъ!

Князь Юрій.

Плакать

Мнѣ не прикажешь ли? Обираетъ вздоръ,
А ты изволь, считай его за дѣло!

Княгиня Анна.

Кабы ты точно почиталъ за вздоръ
Мои слова, не такъ бы отвѣчалъ ты,
Не тѣмъ бы смѣхомъ засмѣялся, княже.
Ты подошелъ бы съ радостнымъ лицомъ,
Поцѣловалъ бы и въ уста, и въ очи,
Сквозь поцѣлуй промолвилъ: „Третью, третью“....

Князь Юрій.

Скучаячи въ высококомъ терему,
Придумывать горазда отъ бездѣлья....

Княгиня Анна.

Пока любилъ, не знала скуки я....

Князь Юрій.

Еще примѣть что разлюбилъ не знаешь?

Княгиня Анна.

Что мнѣ высчитывать! Чай, знаешь самъ....
Давно ль игралъ ты съ сыномъ? А бывало
По дѣлымъ по часамъ съ нимъ забавлялся.
Давно ли сиживалъ-совѣтовалъ со мной?
Со стороны сказали бы: болтаетъ
О лустякахъ, о сущихъ о бездѣлкахъ,
Да въ разговорѣ-то, бывало, подойдешь
И за руку меня возьмешь, иль улыбнешься,
Иль ласково потреплешь по щекѣ,
Или словечко приберешь смѣшное:
Какъ сумашедшіе хохочемъ до уладу!
Въ тѣхъ ласкахъ мелочныхъ, въ словахъ ничтожныхъ,
Да сердцу милыхъ и рожденныхъ въ сердцѣ,
Любовь сквозила и свѣтила мнѣ.
Мы, женщины, ихъ любимъ и считаемъ

Превыше красныхъ словъ и клятвъ пустыхъ:
 „Моль захоти, сейчасъ себя убью я!“
 Жизнь красится бездѣлками такими,
 Полна становится, свѣтла, ясна!

Князь Юрій.

Ты кончила? Теперь меня послушай:
 Моя ль вина что ты изъ той породы
 Что кукутся да киснуть цѣлый вѣкъ?
 Не угодишь ничѣмъ. Не смѣй мужъ думать,
 Ни горевать, ни дѣломъ позаняться;
 Не отлучись на малый на часокъ....
 И день и ночь сиди моль близъ жены,
 Валяючись по лавкамъ душегрѣшкой.
 Какъ вздумалось, накинула на плечи
 Да и пошла. И тѣмъ вѣдь не довольна,
 Все трогаешь да мыслишь: тутъ ли,
 Куда моль не обѣжалъ ли? Аль неправда?...
 Еще чего не приберешь ли?

Княгиня Анна.

Смѣйся,

Брани меня, а все же я скажу:
 И до того дошла что позабылъ ты
 Какой сегодня день....

Князь Юрій.

Кажись что вторникъ.

Княгиня Анна.

День нашей свадьбы....

Князь Юрій.

Ну, прости, забылъ.
 Михаилко, пиръ готовъ, сзывай весь городъ!
 Изъ погребовъ тащи меда и вина,
 Да чтобъ обѣдъ на славу былъ сготовленъ,
 Пусть лѣвчиче гремятъ намъ „многи лѣта“,
 Въ колокола трезвонятъ цѣлый день!

(Женъ.)

Довольна ли?... Гляди, развеселился
 Какъ только вспомнилъ что за день сегодня!

Княгиня Анна.

Не забывалъ ты прежде.

Князь Юрій.

Ну, опять

Завыла!... Чѣмъ же угодить тебѣ?

Подѣловать велишь?

Княгиня Анна.

Не надо мнѣ

Насильныхъ подѣлуевъ, ласкъ притворныхъ!

Однимъ мнѣ угодить: коль я постыла,

Безъ хитрости скажи, и съ глазъ долой,

Въ далекій монастырь на заточенье!

Въ пустынной келіи мнѣ легче будетъ,

Не станешь надо мной въ глаза смѣяться,

Предъ матушкой не станешь выставлять

Привязчивой и вздорной душой

Что жалится — на что сама не знаетъ,

Лишь мужу досадить бы. Думалъ,

Я умысловъ твоихъ не распознаю,

Ошибся, другъ. Впередъ, не бось, не стану

Ни плакаться, ни говорить съ тобой!

Пойдемъ, родная.

(Быстро уходитъ направо.)

Старая княгиня *(идя)*.

Пойдемъ, болѣзная моя, пойдемъ.

(Въ дверяхъ.)

Поломни, Юрій, что теперь скажу я:

Гляжу я въ оба, на слѣду стою

И выслѣжу зазнобушку твою.

(Ушла.)

ЯВЛЕНІЕ X.

КНЯЗЬ ЮРІЙ, МИХАЛКО.

Князь Юрій *(самъ съ собою)*.

Немилая, постылая жена!...

Съ глазъ-моль долой, иль въ монастырь запри!

Прогналъ бы я тебя, и заточилъ бы,

Да сердце облегу ли тѣмъ? Постыло,
Охъ, все-то опостылило, все, все!

(Слѣз у стола, закрылъ лицо руками.)

Михалко *(сталъ сзади, полагая)*
Докладъ есть, княже, до тебя.

Князь Юрій.

Что тамъ?

Михалко.

Князь Вяземскій сейчасъ лишь заѣзжалъ:
Зоветь тебя на смѣстный судъ сегодня.

Князь Юрій.

Мнѣ некогда.

Михалко *(особо)*.

Къ княгинѣ надо ѣхать.

Князь Юрій.

Что ты сказалъ?

Михалко.

А мысляю: за себя

Послать бы надобно....

Князь Юрій.

А ты поѣдешь.

Михалко.

Поѣду я, кто жь лиромъ распорядить?

Князь Юрій.

Не ты, другой.

Михалко.

Не больно ловко было бѣ

Намъ съ князь Семеновъ за однимъ столомъ....

Повздорили маленько. Разказать ли?

Князь Юрій.

Если охота есть.

Михалко *(особо)*.

Сейчасъ ты у меня

Заговоришь! *(Вслухъ.)* Сболтнулъ я что-то,

Такъ сдурю, съ дубу, про его княгиню,

А онъ какъ вскинется: пошелъ лисать!
Чего тутъ не прибралъ! Одно я понялъ:
Ревнуешь крѣлко онъ жену къ кому-то.

Князь Юрій.

Не судьи мы межъ мужемъ и женою.

Михалко (*особо*).

И скрытень же! Чтò глушь въ темномъ лѣсу.
(*Вслухъ.*)

А раньше: заберись къ тебѣ въ чуланъ
Княгинина сѣнная, звать Порфиркой....

Князь Юрій.

Ну, чтò жь?

Михалко (*особо*).

А, вздрогнулъ! (*Вслухъ.*) Мы сейчасъ
Допросъ свимать: и думали не вѣсть чтò
Откроетъ намъ.

Князь Юрій (*съ нервною усмѣшкой*).

Анъ не открылась?

Михалко.

Знать не въ чемъ было.

Князь Юрій.

И со всякимъ вздоромъ

Ко мнѣ ты лѣзешь!

Михалко (*особо*).

Погоди же ты,
Лихой притворщикъ! (*Вслухъ.*) То не бѣда бы,
Да матушка твоя при томъ случилась,
Задумалась....

Князь Юрій (*быстро обернулся къ
нему*).

Ну, ну?

Михалко.

Знать домекнулась.

Князь Юрій (*вскочилъ на ноги*).

Да говори же, дьяволъ!

Михалко.

Дѣло плохо:

Промолвила: какъ только князь Семена
Увижу на пиру, аль гдѣ съ женой,
При всѣхъ скажу: гляди-моль за княгиней,
Не отбивала бы чужихъ мужей....

Князь Юрій (*схвативъ его за руку*).

У, лжешь! Гляди въ глаза. (*Смотритъ ему въ глаза.*) На-
рочно сплелъ ты

Чтобы довѣдаться люблю ли я
Ульяну Власьевну.

Михалко.

Сказалъ я правду. —

Добавить не успѣлъ: увѣрилъ я
Княгиню-матушку моль все то вздоръ,
Напраслина, нелѣлица лустая.
Вотъ то-то жь, княже. Отъ меня таяся
Въ лиху бѣду чуть было не попалъ.

Князь Юрій.

Теперь провѣдалъ ты, узналъ, — что жь толку?
Мнѣ легче ли? Я разлюбить могу ли?
Иль въ силахъ ты Семенову княгиню
Заставить полюбить меня? Какой
Совѣтъ, какое зелье дашь ты
Чтобъ привязалася она ко мнѣ,
Чтобъ напоилася ея душа, какъ губка
Водою, мыслью обо мнѣ? А коль безсилень,
Что проку знаешь ты или не знаешь?

Михалко.

Совѣта просишь ты! Какой совѣтъ
Тебѣ потребенъ? Добрый или лукавый?

Князь Юрій.

Тебѣ ли добрые давать совѣты!

Михалко.

Не хочешь добраго, изволь лукавый.
Какъ царь Давидъ любовью возгорѣлся
Къ чужой женѣ, онъ не послалъ ли мужа

Какъ будто на войну, не повѣдѣлъ ли
Его убить, жену же взять во дворъ?

Князь Юрій.

Иль мнѣ убить прикажешь князь Семена!

Михалко.

Ты прикажи, охотники найдутся.

Князь Юрій.

Какую мысль во мнѣ ты лосѣваешь,
Въ какую бездну увлекаешь, демонъ!

Михалко.

Не ты ли требовалъ совѣта злаго?
А добрый приберегъ я про запасъ:
Заприся на замокъ, молись, постися,
Клади по лятисотъ локлоновъ утромъ,
По тысячѣ клади ихъ передъ сномъ.

Князь Юрій.

Замыслилъ ты смѣяться надо мною?

Михалко.

И смѣхъ, и грѣхъ! Таковъ-то родъ людской.
Укажешь зло:—меня де соблазняетъ,
Добро укажешь:—надо мной смѣнешся!
Какой же луть иной ты изберешь?
Промежь добра и зла луты не знаю.

Князь Юрій.

Хочу я чтобъ меня она любила.

Михалко.

Аль ей повѣдалъ про свою любовь,
Она же надъ тобою посмѣялась?

Князь Юрій.

Повѣдалъ про любовь!... Охъ, много разъ
Хотѣлъ сказать я ей, да слово
Какъ не живое на устахъ замреть.
Боюсь вымолвить, боюсь отвѣта,
Еще чего боюсь, и самъ не знаю.

Михалко.

Отсель я вижу какъ творилось дѣло.
 Давно ль, недавно ль, все равно, смутились
 При взглядѣ на нее твои всѣ мысли,
 Сталъ грезить наяву ея красою,
 Въ ночной мечтѣ княгиню обнимать.
 Не смогъ ты лобороть любви, придумалъ
 Молъ визнаю когда она одна,
 И для того Порфирку подкулилъ....
 Приду, откроюсь-молъ.... Не такъ ли, княже?

Князь Юрій.

Какъ въ книгѣ ты прочелъ въ моей душѣ.

Михалко.

Ты поступалъ безумно, безъ разчета:
 Нельзя съ разчетомъ поступить умнѣй.
 Какъ въ первый разъ съ тобою съ глазу на глазъ
 Она осталася, смутилась. Далъ
 Подумала: онъ князю ближній другъ,
 Его какъ сына любить князь, и нѣтъ
 Грѣха съ нимъ посидѣть вдвоемъ часочекъ,
 Какъ брата полюбить его, и Богъ велѣлъ де!
 Теперь къ тебѣ она полпріобыкла,
 Роднымъ ей кажешься, и голосъ твой
 Звучитъ знакомо для нея. Не медли жъ.
 Способнѣй время не было, не будетъ:
 Межъ ей и мужемъ кошка пробѣжала.
 А истина стара: коль хочешь ты
 Жену чужую соблазнить, дождися
 Какъ съ мужемъ де повзорить. Нынче жъ
 Ты начинай, не то поладятъ снова
 И не назвать тебѣ ее своею.

Князь Юрій *(съ раздумьемъ самъ о
 собою).*

О, сколько низости и лжи позорной
 Мы ради прихоти готовы сдѣлать!
 Будь разумъ здравъ, ты самъ бы ужаснулся,
 А полюбилъ, и сталъ не воленъ въ мысляхъ...
 Онъ говоритъ: чего же медлишь ты?
 И впрямь, чего я медлю? Иль не знаю

Что князя дома вѣтъ, что долго
 Онъ на судѣ пробудеть? А вернется,
 Застанетъ вмѣстѣ, отговорка есть:
 На пирь-моль звать тебя съ женой прѣхалъ.

(По маломъ молчаніи Михалкѣ.)

Михалко! Изъ бояръ, кто поумнѣе,
 Пошлешь на судъ....

Михалко.

И научить прикажешь
 Чтобъ князь Семена долѣ задержалъ?

Князь Юрій *(схвативъ его за руку,
 наклонился къ нему,
 почти шепотомъ).*

Коль можешь въ мысляхъ ты читать, лукавый,
 Такъ дѣлай самъ безъ спросу злое дѣло,
 А не выпытывай живой души
 И не позорь ее предъ челоуѣкомъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Михалко *(одинъ.)*

Охъ, жалкіе, пустые люди! Всѣ вы
 Хотите чтобъ за васъ другіе
 Творили зло. Желанье есть, а воли
 Какъ не бывало. И того
 Кто острымъ разумомъ проникнетъ васъ
 Зѣло вы ненавидите. Моя ль,
 Моя ль вина что я въ то время
 Какъ потѣшались вы стрѣльбой изъ лука,
 Да знали на конѣ скакать, да рыскать
 За лютымъ звѣремъ, деревенскихъ дурь
 Обманывать, чтобъ было чѣмъ хвалиться,
 Когда нальетесь, передъ такими жъ
 Какъ вы невѣждами,—сидѣлъ за книгой
 И какъ пчела что собираетъ медъ
 Отъ всѣхъ цвѣтовъ, обираетъ слова и притчи
 Душиствѣи меда отъ писемъ премудрыхъ.
 Теперь вы выместить на мнѣ хотите

Свои въ гульбѣ растерявныя силы.
 Вы мною помыкаете какъ лѣшкой...
 Глядите: на сторожѣ зоркій разумъ,
 Обоихъ видитъ васъ насквозь, и все
 Чтò съ вами есть, и все чтò съ вами будетъ.
 Князя Семень и Юрій, берегитесь!
 Цѣдите мнѣ некого, на всѣхъ я золь:
 И горячо желѣзо, и Михалко
 Лихой кузнецъ!...

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣ й с т в у ю щ і е:

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

КНЯЗЬ СЕМЕНЪ.

МИХАЛКО.

ГАВРЮКЪ.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА ВЛАСЬЕВНА ВЯЗЕМСКАЯ.

ПОРФИРКА.

Двѣ дѣвочки.

У князь Семена.— Садъ; молодая вѣшная земля; правѣ вѣтвиста
 черемуха, вся въ цвѣту; подъ нею столъ съ лавкой, простое кресло.
 Видъ на Тверцу.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ сѣма: ПОРФИРКА и еще спящая, вносятъ пальцы; за ними
 двѣ дѣвочки, каждая съ своимъ руководяемъ; немного погодя
 ГАВРЮКЪ.

Порфирка (спящей). Завѣвалась! разрываешь, гляди...
 Ладно, ладно ужь; ставь, знай, на столъ. (Поставили пальцы
 на столъ.) Ну, хорошо, ступай себѣ. (Спящая уходитъ на-
 лѣво; Порфирка, старшей дѣвочки): Машутка, скамеечку,

княгинѣ подъ ноги, приготовила бы. *(Та исполняетъ.)* Ну, дѣвушки, сидите тутъ, княгиню ждите, а я пойду *(оглянувшись и увидитъ вѣшедшаго изъ глубины Гаврюка).* Гаврюкъ! Привяжется еще! *(Хочетъ незаметно уйти направо.)*

Гаврюкъ. Порфира! Порфирка! Куда пошла? *(Та останавливается.)* Подъ сюда; не бось, не укушу; смѣлаѣе, ближе.

Порфирка *(подходя).* Чего тебѣ?

Гаврюкъ. Не знаешь? Ишь ты! *(Взявъ ее за руку, отвелъ ее сторону.)* Ты что у князь Юрія Святославича натворила? Чего наплела?

Порфирка. Ничего не творила, ничего не плела, правду говорила.

Гаврюкъ. Аль подлинно съ Журкомъ?...

Порфирка. Ты что за допроцикъ еще выискался? Аль князь разыскать приказалъ?

Гаврюкъ. Не приказывалъ, а спросить: долженъ же я ему отвѣтить.

Порфирка. Приказу дождись, тогда спрашивай. отвѣчу. А теперь мнѣ-ка некогда. *(Пошла.)* Накось, всё въ набольшіе вывче дѣзуть. *(Ушла направо.)*

Гаврюкъ *(вслѣдъ ей).* Пожди, дождѣюсь, доберусь я до тебя.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГАВРЮКЪ; ДѢВОЧКИ; слыва КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.

Старшая дѣвочка.

Глади, княгиня.

Меньшая.

Побѣжимъ на стрѣчу.

(Побѣжали.)

Объ *(вслѣдъ утѣлая ей руки).*

Здорова ль, матушка моя княгиня?

Княгиня Ульяна *(лаская ихъ).*

Здоровы ль, милыя? Здоровы ль,

Работницы-заботницы мои,

Швея да кружевница? Покажите

Что наработали. Вотъ погляжу 'я
Вы выдче не лѣнились ли...

Старшая (*подавая работу*).

Гляди-ка

На кружево мое.

Княгиня Ульяна (*разсматривая*).

Ай да Машута!

Чудесно, право: золотыя руки.

Старшая.

Гдѣ золотыя! (*Указывая.*) Тутъ, кажись, неладно.

Княгиня Ульяна.

Сама замѣтила: на что же лучше?

Вдругорядь постарайся и выйдеть.

(*Меньшой:*)

А ты, дитюшка?

Меньшая (*показывая работу*).

Я нашла во-о!

Что ладно ли?

Княгиня Ульяна (*смѣясь*).

Нельзя ладнѣе.

Меньшая.

Я тоже „ладно“ говорю, а вотъ Машутка

Смѣется: будто няточала криво.

Княгиня Ульяна.

Кривенько малость.

Меньшая.

А теперь я платье

Хочу на куклу сшить. Давно ужъ

Какъ въ первый разъ дала иголку въ руки,

Ты обѣщала научить кроить.

Княгиня Ульяна.

Охъ, Оея, Оея, больно ужъ скоро ты!

Глядилося, кроить. Ты научись

Сперва точать, потомъ рубить, строчить,

Запощивать, собирать....

Меньшая.

У-у, какъ долго!

Княгиня Ульяна.

Заломни-ка: что скоро, то не споро.
Услышь, не невѣста. Вотъ бѣгите
Да поиграйтея часокъ съ Машуткой,
А тамъ сточай гладенько да ровненько,
Такъ покажу рубить.

Меньшая (*схвативъ Машутку за
руку*).

Бѣжимъ, Машутка!

(*Объ убитъсами нальво.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА; ГАВРЮКЪ.

Гаврюкъ (*подошелъ ближе*).

Княгинюшка ты наша! Погляжу я
Какъ ты ласкаючи сиротокъ учишь,
Всегда подумаю: пошла Господь
Тебѣ сынка иль дочь—ужь то-то бѣ заглядѣнье:
Всѣхъ матерей отдай къ тебѣ въ науку!

Княгиня Ульяна.

Ужь ты мнѣ! Выщещь всегда часокъ
Чтобъ похвалить княгинюшку. А нѣтъ
Того чтобъ доложить сперва про дѣло.
Ну, что старушка хвораа?

Гаврюкъ.

Даль Богъ,

Полегчало.

Княгиня Ульяна.

И слава Богу.

Гаврюкъ.

Чаю,

На днѣхъ забѣгаетъ.

Княгиня Ульяна.

Не надо ль ей чего?

Гаврюкъ.

По милости твоей не знаетъ нужды.

Княгиня Ульяна.

Иныхъ больныхъ не слышала ли?

Гаврюкъ.

Не знаю

А видѣлъ нынче на торгу бабенку,
Версть за тридцать аль болаѣ приобрела,
И не стара еще: лѣтъ тридцать есть ли.
Такъ крѣлко жалалась: онѣсь де мужа
Убили на бою, дѣтшекъ куча,
А свекоръ старъ, и всю семью кормилъ де
Молодшій братъ покойнаго, ей зять,
И жили ничего, да дней съ пятокъ
Пожаръ случился, погорѣли вовсе,
А ларенекъ-отъ, обчій-то кормилецъ,
Сласаючи другихъ обжегся крѣлко,
Остались де теперь безъ крова-лицы,
И безъ работника. Какъ ты учила,
Поразспросилъ у вѣрныхъ у людей,
Не привираетъ ли? Все оказалось,
Какъ говорила, правдой.

Княгиня Ульяна.

Что же ты?

Гаврюкъ.

А сдоложить пришелъ: какъ ты прикажешь.

Княгиня Ульяна.

Что надо изъ одежы и съѣстнаго
Изъ кладовой возьмешь. На избу лѣсу
У князя выпросимъ. Да разспроси-ка
Не погорѣлъ ли скоть. — Еще о комъ
Не знаешь ли?

Гаврюкъ.

А ничего не слышала.

Княгиня Ульяна.

Гляди, Гаврюкъ, на спросъ ты не лѣнивъ ли?

Гаврюкъ.

Не я лѣнивъ, а ты скоро на помощь.
 Пройдетъ годокъ другой, и Новоторы
 По милости твоей, гляди, забудутъ
 Про нужду: есть ли моль она на свѣтѣ?...

Княгиня Ульяна.

Ну, полно, полно....

Гаврюкъ.

Не свои слова,
 Княгинюшка, не въ похвальбу тебѣ
 Я прибираю. Всюду тотъ же говоръ.
 Иду по улицѣ, и слышу: „вотъ-моль
 Пошелъ Гаврюкъ выуживать недужныхъ
 Да бѣдныхъ; Господа молить должны мы
 За матушку княгиню; мы за ней де
 Что у Христа за лазухой.“

Княгиня Ульяна.

Не гоже

Такія рѣчи повторять тебѣ,
 На слушать мнѣ. Еще я загоржуся,
 Подумаю: добрѣй меня жены
 На свѣтѣ нѣтъ....

Гаврюкъ.

И правда, побожиться.

Княгиня Ульяна.

Ну, ладно-ко, старикъ, ступай да сдѣлай
 Чтѣ приказала. Намъ съ тобой прохладно
 Тутъ раздобаривать, а бѣдной вдовкѣ....
 Ступай, Гаврюкъ, ступай.

Гаврюкъ.

Прощенья просимъ. *(Пошелъ на-
 лѣво.)*Княгиня Ульяна *(вслѣдъ ему).*

Про скотъ-отъ не забудь.

Гаврюкъ.

А все исправлю.

(Ушелъ.)

22*

ЯВЛЕНІЕ IV.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА одна; потомъ ПОРФИРКА.

Княгиня Ульяна *(одна)*.

За вышиванье сѣсть. А то лѣнива:
 Которую недѣлю за работой,
 А все не кончена.... Куда же это
 Порфирка забѣжала?... Вѣтеръ-дѣвка:
 Какъ хватисься и нѣту. Побранить бы,
 Да духъ бѣда: строжитсья не умѣю....
 А! вотъ, бѣжить....

Порфирка *(опрометью, справа)*.
 Охъ, матушка-княгиня!

Княгиня Ульяна.

Что тамъ еще?

Порфирка.

Охъ, князь пріѣхалъ, князь!...

Княгиня Ульяна.

Не чаяла такъ рано.

Порфирка.

Да не нашъ вѣдь,

Не нашъ; князь Юрій Святославиичъ....

Княгиня Ульяна.

Какъ же

Узнала ты? Не отъ дому бѣжала....

Порфирка *(весьма быстро)*.

Стояла, грѣшнымъ дѣломъ, у калитки
 Что въ переулочекъ выходитъ, тутъ вотъ,
(указала)

Съ сосѣдками калякала. Глянь — князь;
 Подѣхалъ на конѣ, спросилъ ты дома ль,
 И слѣшился, и стремянному отдасть
 Коня стеречь, а самъ пошелъ сюда,
 Промолвивши: бѣги-моль, доложи.

Княгиня Ульяна *(про себя)*.

Не ладно что-то....

Порфирка.

Вотъ и князь....

(Убѣжала налево).

ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯГИЦЯ УЛЬЯНА; справа КНЯЗЬ ЮРИЙ.

Князь Юрій.

Княгиня

Ульянъ Власьевнѣ! Все ль по добру,
Все ль по здорову?

Княгиня Ульяна.

Слава Богу, княже.

Твои княгини, матушка съ женою,
Здоровы ли?... Затѣмъ, прости меня,
Не чаяла гостей я: не въ уборѣ....

Князь Юрій.

Что за чины! Я князю что родной.
Да и заѣхалъ на часокъ. Словечко
Сказать мнѣ надо.

Княгиня Ульяна.

Слушала бѣ тебя я,

Войди ты съ краснаго крыльца.

Князь Юрій.

Случилось....

Княгиня Ульяна (*поспѣшно перехва-
тывая рѣчь*).

Случилось нынче: ты вошелъ въ калитку,
А раньше, благо къ слову, заѣзжалъ ты
И какъ нарочно все въ такое время
Какъ мужа дома нѣтъ....

Князь Юрій.

Случалось, точно.

Что жь изъ того?

Княгиня Ульяна.

А ничего покуда.

Боюся только: разговоръ поидеть.

Князь Юрій.

Аль гаулыхъ пересудовъ испугалась?

Княгиня Ульяна.

Не за себя. А не къ чему людей
Напрасно въ грѣхъ вводитъ.

Князь Юрій.

Аль домекнулась?

Княгиня Ульяна.

Не знаю ничего.... Прости же, княже.

(Хочетъ уйти.)

Князь Юрій.

Не уходи, княгиня; ради Бога....

Княгиня Ульяна *(тревожно)*.

Аль съ мужемъ что случилось?

Князь Юрій.

Нѣту... Живъ онъ...

Живъ и здоровъ... Не уходи ты только...

Княгиня Ульяна *(про себя)*.

И не пойму.

Князь Юрій *(малость помолчавъ)*.

Охъ, много разъ хотѣлъ я

Сказать тебѣ что доложу сейчасъ,
Да слово замирало...

Княгиня Ульяна *(спѣшно)*.

Замолчи же,

Знать, слово то не доброе...

Князь Юрій.

Суди

Сама, а я... Довольно я таился

Не отъ людей, отъ самого себя,

Боялся вымолвить то слово въ думахъ.

А нынче... нынче я... и ты... ты слушай...

Околдовала ты, очаровала

Меня совсѣмъ — не приворотнымъ зельемъ,

Своей красою душу ознобила,

Да вѣжнымъ голосомъ и всѣмъ своимъ

Обычаемъ любить себя велѣла.

Княгиня Ульяна *(пошла было)*.

Князь Юрій (*удерживая ее за руку*).

Нѣтъ, не уйдешь ты не дослушавъ. Богомъ
Тебя я заклинаю, слушай!
Люблю тебя, и все-то мнѣ постыло,
Ты мнѣ одна мила на бѣломъ свѣтѣ,
Иль есть ли что еще на немъ, аль нѣтъ — равно мнѣ.
Одну тебя люблю, и звать хочу
И солнышкомъ своимъ, и темной ночью,
Своей сестрицей, и семьей, и любовью!...

Княгиня Ульяна.

Прощай.

Князь Юрій.

Аль такъ меня покинешь?
Не скажешь ни словечка на прощанье,
Ни малую надеждой не утѣшишь?

Княгиня Ульяна.

Аль ты молчанья моего не понялъ?
Иль, такъ и быть, тебя я на прощанье
Хоть не утѣшу, все-таки потѣшу
Стариной былью.

Князь Юрій.

Говори что хочешь,
Какъ знаешь говори: загадкой, притчей,
Уразумѣю все я....

Княгиня Ульяна.

Слушай. Въ стары годы

Подъ Псковомъ-городомъ жила дѣвица,
Держала перевозъ, и тѣмъ кормила
Свою семью. И вотъ случилось разъ
Что нѣкій князь съ охоты возвращался
Одинъ, безъ слугъ, а вечерѣтъ ужъ стало...
Рядится онъ: свези де ты меня
Поближе къ дому, за рѣку. „Что жь, ладно;
Служить готова.“ А примолвить надо
Была она красавицей такою:
Ни описать, ни разказать.

Князь Юрій.

Какъ ты же...

Къ чему ты рѣчь ведешь, теперь я понялъ.

Княгиня Ульяна.

Ты ль, княже, понялъ? Слушай же. Вотъ вѣдутъ,
Садится солнышко; закатомъ альмъ
Всю дѣвичью красу приозарило.
Дивится князь, любитъся: и сердце
Въ немъ помутилось, и сталъ склонять онъ
Дѣвицу на любовь. Молъ полюби,
И одарю-то, и жену покину....

Князь Юрій.

Остановись. Тебя уразумѣлъ я.
Къ женѣ ревнуешь? такъ скажи лишь слово,
И завтра жь въ монастырь ее на вѣку!..

Княгиня Ульяна.

Ты ладно понялъ. Слушай же. Молчала
Дѣвица, а какъ кончилъ князь,
Вся тихою улыбкой освѣтилась
И говорить: „Нагнись-ка, княже,
И зачерпни направо отъ себя
Воды ладонью.“ Сдѣлалъ онъ. „Молъ выпей“.
И выпилъ князь. „А наклонись налево,
И то же сдѣлай.“ Снова выпилъ князь.
„Которая жь, спросила, повкуснѣе:
Что черпалъ справа отъ себя, аль слева?“
— Молъ все одно... Теперь уразумѣлъ ли?

Князь Юрій.

Тебѣ смѣшки, мнѣ слезы.

Княгиня Ульяна.

Жены что вода.

Вода направо — то твоя жена,
Вода налево — дѣвица какая,
Жена ль чужая. А глядишь ты нынѣ
Несытымъ окомъ, оттого и кажетъ:
Молъ струйка что налево побойчѣе..

Князь Юрій.

Что разказала, прихоть то....

Княгиня Ульяна.

Не вѣрю....

Князь Юрій.

Не вѣришь мнѣ ты!

Княгиня Ульяна.

Не тебѣ не вѣрю,

Не вѣрю я чтобъ прихоти лустой

Не могъ ты побороть.

Князь Юрій.

Не прихоть, нѣтъ,

Не прихоть мимолетная, что нынче

Тобой владѣеть, завтра жь нѣтъ ее,

Любовь моя. Ужь я ли не боролся?

Не толковалъ себѣ: молъ строишь

Свою погибель ты; оломнись, Юрій,

Ты не мальчишка первоусый, мужъ,

И зрѣлый мужъ, тебѣ минуло тридцать...

Да что жь мнѣ дѣлать, коли всякій разъ

Я послѣ чувствовалъ что все сильнѣе,

Непобѣдимѣ люблю тебя!

Княгиня Ульяна.

И, полно-ка. Уйдешь, забудешь.

Князь Юрій.

Куда уйду? Гдѣ отъ тебя сокроюсь?

Тобою полонъ я. Тебя я вижу

Во снѣ дремотномъ, грежу наяву...

Молиться ли начну, гляжу на образъ,

А ликъ твой вижу, и твой голосъ слышу...

Княгиня Ульяна.

Не вѣдаешь какъ скрыться отъ меня,

А какъ же ты любовь свою сокроешь?..

Князь Юрій.

Не бойся. Ото всѣхъ я утаю:

Ни звѣзды ясныя насъ не увидятъ,

А ни услышитъ мать-сыра-земля!

Княгиня Ульяна.

Ты обезумѣлъ. Я сказать хотѣла

Какъ ты отъ совѣсти любовь сокроешь?

Придешь домой ты, выбѣжить жена

Тебѣ на стрѣчу, матушку увидишь...

Какъ станешь ты здороваться съ женою?
 Какъ матушкѣ посмѣешь прямо въ очи
 Ты поглядѣть? И совѣсть не измучить,
 Не истерзаетъ?

Князь Юрій.

Аль теперь я
 Не вѣдаю мученій и терзаній?
 Съ женой здороваться! Глядѣть на мать!
 Что это передъ тѣмъ какъ ты при мнѣ
 Заговоришь поласковѣй съ другими,
 Иль взглянешь на кого-нибудь съ улыбкой?
 Змѣей въ груди зашевелится ревность,
 И точно подъ руку толкаетъ кто,
 И шелчетъ мнѣ: убей, убей его,
 Чтобъ не глядѣла на него съ улыбкой,
 Ни ласково не молвила бы слова.

Княгиня Ульяна.

Какъ жалко мнѣ тебя! Тебя я знала
 За мужа добраго, за князя чѣстна,
 За друга вѣрнаго, за... человѣка...
 Тебя любила я какъ брата. Нынѣ
 Какъ ты умалился въ моихъ глазахъ,
 Какъ мелокъ и ничтоженъ сталъ ты!..
 Затѣмъ прощай. Не обезсудь. Княгинямъ,
 Домой вернешься, поклонись усердно.

(Ушла нѣтъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Юрій *(одинъ)*.

Ушла!.. Послушался... Повѣдалъ ей!
 И насмѣялася: домой вернешься,
 Моль поклонись женѣ. Была надежда,
 И малую надежду погубилъ!
 Теперь стою какъ бы передъ могилой,
 Гдѣ все скоронено что мило было.
 И самъ я бросилъ первый комъ, и самъ же
 Слѣшилъ скорѣе закидать землей!

(Впадаетъ въ задумчивость.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

КНЯЗЬ ЮРІЙ, КНЯЗЬ СЕМЕНЪ, сѣва.

Князь Семенъ *(входя.)*

Князь Юрій Святославичъ!

Князь Юрій.

Здравствуй, княже.

Князь Семенъ.

И не сказали что сидишь въ саду.

Князь Юрій.

Я на часокъ. Заѣхалъ звать на лиръ,
 Да, вишь, твоя княгиня не въ уборѣ,
 Не стала слушать даже. А хотѣлось
 Мнѣ самому сказать тебѣ, аль ей.

Князь Семенъ.

Сегодня лиръ-отъ ты съ чего жъ затѣялъ?

Князь Юрій.

Сегодня день какъ повѣнчался я.

Князь Семенъ.

И то! Вѣдь помнилъ, всю недѣлю помнилъ,
 А нынче, какъ нарочно, позабылъ.

Князь Юрій.

Пріѣдешь ли?

Князь Семенъ.

Какъ, друже, не пріѣхать!

Обижу ли тебя?

Князь Юрій.

Затѣмъ, прощаешь.

Къ жемъ слѣшу.

*(Пошелъ направо.)*Князь Семенъ *(проводя его.)*

Куда же ты пошелъ!

Князь Юрій.

Не провожай. А тутъ мой конь. Я прямо
 Черезъ калитку въ садъ прошель. Прощайте.

(Ушелъ направо.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ СЕМЕНЪ; потомъ ГАВРЮКЪ.

Князь Семень (одинъ).

Черезъ калитку?.. Чтò за ходъ для князя!
 Аль съ умысломъ Михалко намекнулъ
 Мнѣ давеча?... Э, полно князь Семень!
 Нѣтъ, стой!... Порфирка-то зачѣмъ же
 Была у князя? Можетъ, съ тайной вѣстью?
 Развѣдать, подъ допросъ ее, подъ строгой!...
 И дѣвочекъ-сиротокъ разспросить:
 Княгиня молъ не высылаетъ васъ
 Какъ ей доложить что пріѣхалъ
 Князь Юрій? И еще.... еще!... Да.... часто-ль
 Бываетъ безъ меня онъ у княгини?
 Кто знаетъ?... Можетъ, онъ давно потайно
 Черезъ калитку ходитъ?... Боже, Боже!
 И чтò за мысли въ головѣ моей
 Роятся роємъ? Стыдно, князь Семень!
 Желѣ не вѣришь, а повѣрить хочешь
 Сынной дѣвчонкѣ? И замыслилъ души
 Невинныя смутить о томъ допросомъ
 О чемъ имъ вѣдать вовсе не годится.

(Вошелъ Гаврюкъ слѣва.)

Гаврюкъ.

Къ тебѣ Михалко Жирославичъ, княже.

Князь Семень.

Чего ему?

Гаврюкъ.

За княземъ за своимъ
 Пріѣхалъ, говорить. Да вотъ онъ самъ.

(Отшелъ въ сторону.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

КНЯЗЬ СЕМЕНЪ, МИХАЛКО, ГАВРЮКЪ.

Михалко *(слѣва вошелъ)*.

Здорово, княже.

Князь Семенъ.

Здрастуй, господине.

Хоть послѣ утрешнихъ рѣчей, признаться,
Тебя не чаялъ у себя я видѣть.

Михалко.

Прости, ищю я князя....

Князь Семенъ *(слѣючись)*.

Аль у васъ

Князь что иголка: уронилъ не видно,
Не знаете куда запалъ. Повсюду
Суется: не тутъ ли завалился?

Михалко.

Не скажется онъ намъ куда собрался.
И то бываетъ что нельзя сказать-то.
Случается.... смекаешь, чай, зачѣмъ?...

Князь Семенъ.

Мнѣ нечего смекать.

Михалко.

Такъ не былъ тутъ онъ?

Князь Семенъ.

На пиръ просить сейчасъ лишь заѣзжалъ.

Михалко.

На пиръ? сегодня?

Князь Семенъ.

Али ты не вѣдалъ?

Михалко.

Сегодня, говоришь?

Князь Семенъ.

Ну да, сегодня.

Михалко.

И то забылъ.... Кажись что правда.... точно....

Князь Семень.

Съ тобой-то что? Потулилъ очи въ землю,
Какъ словно щещь ты чего. И рѣчи
Всѣ растерялъ: по слову подбираешь.

Михалко.

Какъ разминулись мы!

Князь Семень.

Въ калитку вышелъ.

Михалко.

Въ калитку, говоришь?

Князь Семень.

Ну да, въ калитку.

Михалко (*потихе, ровно бы я
себя*).

По тайности съ проулка подѣзжаетъ. (*Громко*).
И долго пробылъ?

Князь Семень.

А не знаю точно,

Недавно самъ вернулся.

Михалко.

Такъ, не знаешь? (*Тихе, какъ вы
Нѣтъ, думалъ я, съ княгиней можетъ....*

Князь Семень (*взволнованнымъ*).

Да что съ княгиней-то?....

Михалко.

Смекаю я

Гдѣ пробылъ онъ такъ долго... Вотъ что....

Прощай (*идетъ направо*).

Князь Семень.

Куда пошелъ?

Михалко (*возвращаясь*).

Аль заперта калитка?

Прощай (*ушелъ налево*).

ЯВЛЕНИЕ X.

КНЯЗЬ СЕМЕНЪ, ГАВРЮКЪ.

Князь Семенъ (*вслѣдъ Михайлѣ*).Прощай и ты. (*Помолчавъ, самъ съ собой*).

У, дьяволъ!

Лгать смутиль. И знаю что лукавить,
 [вѣдаю что лжетъ! А бросилъ
 лустое слово, и оно всю душу
 ласковъ прошло. Скажи: замоза
 лпалася въ сердце, и никакъ не вынешь.
По молчаніи громко:)
 аврюкъ!

Гаврюкъ (*подходя.*)

Чего изволишь, милый княже?

Князь Семенъ.

оди сюда, и говори со мною,
 е какъ слуга, какъ другъ надежный мой.
 ри мнѣ ты съ дѣтства, ты меня училъ
 трѣлять изъ лука, вѣздить на конѣ,
 остарѣлъ ты со мной не разлучаясь,
 ъ бою не разъ другъ друга мы спасали,
 честь мою спасаючи теперь
 кажи: не замѣчалъ ты ничего
 [ежъ княземъ Юрьемъ и моею княгиней?...
 то жъ ты молчишь! Аль правда-то страшна?

Гаврюкъ.

ебѣ, не мнѣ страшиться Божьей правды!
 то говоришь, о чемъ ты рѣчь ведешь?
 гвѣчу я тебѣ!... Да ты бы прямо
 ослѣднимъ именемъ княгиню назваль!

Князь Семенъ.

брани, брани! да пожалѣй меня!

Гаврюкъ.

брани! А кто бранить тебя? Не я ли?
 : стоишь брани ты.... А я, не дамъ я,
 : дамъ своей княгинюшки въ обиду.

(Притопнулъ ногой.)

Князь Семень *(улыбался)*

Своей княгинюшки! Аль мнѣ она
Чужая? Знать не я, а ты вѣнчался!

Гаврюкъ.

Вѣнчался ты!... Мужья-те берегутъ
Да любятъ жень. А ты — кому повѣрилъ?
Михалкъ! Чтò онъ? — наллевать.

Князь Семень.

Спасибо, друже: облегчилъ мнѣ душу,
Завозу лютую изъ сердца вынулъ....
И какъ мнѣ мысль!...

Гаврюкъ.

Ты погоди еще!

Тебѣ я вымещу. Гляди, гляди-ка
Княгинюшка идетъ, я ей сейчасъ
Нажалуюсь....

Князь Семень *(строго)*

Гаврюкъ! не смѣй, ни слова!

Гаврюкъ.

Нажалуюсь....

Князь Семень.

Я говорю: не смѣй!

Да я тебя!...

Гаврюкъ.

Аль перенощикъ я?

Эхъ, князь Семень! Охъ, князь Семень!... Да ладно.

(Мажуеъ рукой, ушелъ въ глубину)

ЯВЛЕНИЕ XI.

КНЯЗЬ СЕМЕНЬ; сѣва КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.

Князь Семень *(идеть на встрѣчу)*

Княгинюшка моя!

Княгиня Ульяна.

Постой, постой!

Къ тебѣ за дѣломъ я.

Князь Семень.

Чтò тамъ такое?

Княгиня Ульяна.

Ты обѣдай то сдѣлать что спрошу я,
Тогда скажу.

Князь Семень.

Ну, ладно, обѣщаль ужь.

Княгиня Ульяна.

Да ты не смѣйся: не пустое дѣло.

Князь Семень.

Аль князь-отъ Юрій?...

Княгиня Ульяна.

Что ты про него?

Князь Семень.

Нѣтъ, думаль я.... Ты сказывай свое-то,
Скажу я послѣ.

Княгиня Ульяна.

Погорѣльцы есть,

И съ Гаврюкомъ намъ лѣсу надо много,
Охъ, много, княже! Помни: обѣщаль ты...

Князь Семень.

Ты съ этимъ шла!.. А я... Дуракъ я старый,
И больше ничего!

Княгиня Ульяна.

Да что съ тобою?

Князь Семень.

И могъ подумать я!

Княгиня Ульяна.

Не мучь жены.

Князь Семень.

Нѣтъ, Уля, послѣ... Ты ступай, одѣнься,
На лиръ пора.

Княгиня Ульяна.

На лиръ? къ кому?

Князь Семень *(съ невольной дрожью
въ голосъ)*.

Къ князь Юрью...

Съ чего жь ты вспыхнула что маковъ цвѣтъ?

Княгиня Ульяна.

Невольно вспыхнешь какъ ты взглянешь грозно
Да голосомъ дрожащимъ...

Князь Семень.

Погоди.

Увертки женскія оставь покуда.

Не заговаривай меня. Дай руку,

Дай руки, говорю; гляди мнѣ въ очи.

*(Взялъ ее за руки и поставил
предъ собою.)*

Княгиня Ульяна.

Изволь.

(Смотритъ ему въ глаза.)

Князь Семень.

Прости безумнаго, прости!

Княгиня Ульяна.

Что въ мысляхъ у тебя!

Князь Семень.

Знать, вправду старъ я,
Старъ становлюсь.

Княгиня Ульяна.

Не перестарокъ ты,

Моложе молодыхъ. А только въ мысли

Недоброе запало про жену.

Какъ могъ подумать ты? Какое слово,

Хотя не вслухъ, а про себя и тайно,

Проговорилъ ты про свою княгиню?

Князь Семень.

Прости меня.

Княгиня Ульяна.

Аль поводъ подала я?

Аль ничего тебѣ жену позорить?

Князь Семень.

Забудь что сорвалось...

Княгиня Ульяна.

Не мнѣ забыть,

Тебѣ не помнить. Ты сумѣлъ обидѣть,

Сумѣй же отвѣчать. Сейчасъ-вотъ

Ты приказалъ женѣ чтобъ прямо въ очи

Тебѣ глядѣла, а тебя заставляю
Смотрѣть въ глаза, и не посмѣешь ты!

Князь Семень.

Ахъ, Уленька, ты Уленька моя!
И впрямь не смѣю. И того не стою
Чтобъ ты взглянула.... Слѣзы не даютъ мнѣ....

Княгиня Ульяна.

Прости, прости, обидѣла тебя я,
Родной мой, милый и желанный княже!

Князь Семень.

Сама обижена, сама прощенья....

Княгиня Ульяна (*грозитъ ему.*)

Ну, ну, молчи ужь! Знай, цѣлуй жену! (*цѣлуются.*)

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствующіе.

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

КНЯЗЬ СЕМЕНЪ.

МИХАЛКО.

ЖУРКО.

ГАВРЮКЪ.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ.

КНЯГИНЯ АННА.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЖУРКО и ГАВРЮКЪ, сидятъ на задней лавкѣ.

Журко. Вѣсѣмъ бы ты, старикъ, хорошъ былъ, однимъ
е ладенъ: ни въ зернѣ, ни въ кости. Чтѣ такъ-то сидѣть-
ѣвать — скука!

Гаврюкъ. Молодѣ ты, и забавы у тебя на умѣ; поста-
ѣшь, другія мысли пойдуть.

т. схѣ.

23

Журко. Охо, хо, хо! (*зъѣнулъ*). Князьямъ да боярамъ зъ сытымъ да пьянымъ столомъ сидѣть способно, а тутъ бы вотъ посидѣли.

Гаврюкъ. Не завидуй.

Журко. Безъ зависти говорю, а что прохладная шъ жизнь, такъ прохладная! Эхъ, будь я княземъ, вѣсмъ бы кажись распорядилъ.

Гаврюкъ. Былъ такой-то молодецъ: кабы мѣъ коня ло ретивѣй, похвалялся, весь свѣтъ обрыскалъ бы, а конь-отъ на первомъ поворотѣ его сшибъ.

Журко. Нѣтъ, распорядилъ бы, ей-Богу. И вотъ сейчасъ бы первымъ дѣломъ сюда: Журко, приказалъ бы, чего-молъ тутъ сидишь, ступай отдохни.... Аль князь идетъ? (*Спѣшилъ вскочилъ и отворилъ двери*).

ЯВЛЕНИЕ II.

ЖУРКО, ГАВРЮКЪ; въ среднія двери МИХАЛКО.

Михалко (*входя*.) Э, да вы тутъ сидите? Эхъ, Журко Журко, догадки у тебя нѣтъ: свезъ бы гостя въ подкѣтъ угостилъ бы.

Журко. Догадки, господине, хватило бы, смѣлости вшъ имѣю; подневолея челоувѣкъ есмь: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай; сиди пустую горницу сторожи. Отпустилъ бы, господине, догадку показалъ бы.

Михалко. Праздникъ нынѣ, а ло праздникамъ, вѣдаешъ не строгъ я, всегда отпускаю: гуляй-молъ душа. Да и сторъ жить благо некого: гости почитай всѣ разошлись. Князь Семень да бояръ челоувѣка съ три ближнихъ осталось. Зуби прополощатъ долго. (*Гаврюку*.) Не ло князя твоего, старикъ говорю: не винопійца онъ, знаю. А разговоръ любитъ; разоидетъ, до поздней ночи съ мѣста ничѣмъ не сдвинешъ. Правду ль, старикъ, молвилъ?

Гаврюкъ (*угрюмо*.) Чтѣ правда, то правда.

Журко. Чтѣ жь, старче, двишемся. Приказъ отдавъ, приказа, каковъ ни есть, слушаться надо: вѣсть такъ вшъ лить такъ лей. (*Михалкъ*.) Благодарствуешъ, господине, чтѣ отпустилъ.

(*Гаврюкъ и Журко ушли въ среднія двери*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Михалко (одинъ.)

Князь Юрью посулилъ я: молъ придетъ
 Ульяна Власьевна сюда къ тебѣ.
 И радъ же сталъ!... Придетъ, придетъ, не бойся;
 Я выманю.... Ты съ нею съ глазу на глазъ
 Какъ знаешь вѣдайся. А я тѣмъ временемъ
 Скорехонько на верхъ, и взбудоражу
 Княгиня, бѣжали бы сюда. Застанутъ,
 Пойдутъ трещать. На шумъ-отъ и на брань,
 На бабы переборы-перекоры,
 Я князь Семена приведу. Горячъ онъ
 И вслыхнетъ разомъ что щела сухая,
 Лишь вздуѣ огонь. И такъ-то я поставлю
 Обоихъ вороговъ лицомъ къ лицу,
 Пускай другъ другу выместятъ обиды
 Что наносили мнѣ.... Одинъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

МИХАЛКО; въ среднія двери КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Князь Юрій (входя).
 Ты съ нею говорилъ? И общала?

Михалко.

Покоенъ будь.

Князь Юрій.
 Не вѣрится, Михалко.

Михалко.

Чего не вѣрится? Охъ, княже, княже!
 Не постигалъ ты женскія природы,
 О женскихъ хитростяхъ невѣдомъ, я же
 Читалъ про нихъ довольно. Вѣрь мнѣ,
 Лукавы жены; никогда не скажутъ
 Ни слова прямо, все наизворотъ.
 „Поди“, промолвила, толмачъ: „остався“;
 Сказала: „не люблю“, пойми: „ты любъ мнѣ“.

Ты даве мнѣ пересказалъ до слова
Свой 'разговоръ съ княгинею Ульяной.
А выикни-ка въ слова, пойми ихъ смыслъ
Въ чемъ заключается.

Князь Юрій.

Утѣшить хочешь
Меня ты! Не трудись—тотъ трудъ напрасный.

Михалко.

Промолви мнѣ она такіа рѣчи,
Отъ радости не вспомнилъ бы себя я.
Ты на начало не гляди. Какая
Жена отдастся сразу? Такъ смѣваю:
Праматерь наша поводила Змія
Не часъ, не два, пока не соблазнулась
На яблочко завѣтное. Не мало, чай,
Прелестныхъ словъ сказалъ онъ ей. Не даромъ
Про Змія писано: онъ былъ мудрѣйшимъ
Отъ всѣхъ звѣрей.

Князь Юрій.

Не дьявольскимъ соблазномъ
Хочу ее я побѣдить—любовью!

Михалко.

Не стану спорить, есть въ любви соблазнъ,
Иль нѣтъ его. Слѣди за мною далѣ:
Къ чему клонилась рѣчь? Чтò на послѣдокъ
Она спросила? „Какъ отъ меня придетъ моль,
Сумѣешь ли ты тайну скоронить,
Искусно ли обманешь мать съ женою?“
Вотъ смыслъ рѣчей, а остальное — сказки
Да присказки да бабы вздоры. Вѣрно.

Князь Юрій.

Чтò ты толкуешь мнѣ? И въ чемъ увѣрить
Меня ты хочешь? Дѣломъ увѣрай.
Придетъ она—тогда тебѣ повѣрю;
Меня обвинеть, и скажу: ты правъ.

Михалко.

За поцѣлуями не ставеть дѣло,
Ты только не плошай и будь смѣлѣе.

Князь Юрій.

Да гдѣ жь она?

Михалко.

Иду за нею.

Не вспомнишься, какъ встанетъ предъ тобой

Во всей красѣ, а ты—смѣлѣе будь.

(Ушелъ направо. Начинаетъ темнѣть.)

ЯВЛЕНІЕ V.

КНЯЗЬ ЮРІЙ, одинъ; потомъ, на минуту, МИХАЛКО. Къ концу явленія темнѣетъ все сцѣны.

Князь Юрій.

Придетъ она: не можетъ лгать Михалко....

Къ чему солгалъ бы онъ, когда сегодня жь,

Черезъ мгновенье я открылъ бы ложь?

Когда придетъ, людей не лобоятся,

Такъ значитъ крѣпко полюбила Юрья.

Что ей скажу я? Гдѣ такія рѣчи

На бѣломъ свѣтѣ есть чтобы могли

Сказать какъ много, сильно, крѣпко,

Безумно-страстно я люблю ее?...

А все не вѣрится... Ужли сейчасъ

Придетъ? сейчасъ-вотъ, и она, она?

И обниму ее, и поцѣлую

Въ уста и въ очи? И на лобзанье

Она отвѣтитъ пламеннымъ лобзаньемъ!...

Шаги.... застыла кровь.... Какъ не живой

Мгновенья жду: вотъ дверь зашелевится...

(Справа: Михалко.)

Михалко *(быстро проходя въ среднія двери).*

За мной идетъ. Слѣшу я на сторожу.

(Ушелъ.)

Князь Юрій.

Видѣнье было, аль прошелъ Михалко?

Сказалъ онъ что идетъ, аль это кровь

Бушуетъ въ головѣ и шелчетъ мнѣ

Отрадныя забавныя слова?...

Въ очахъ темнѣетъ, голова кружится.

Страшусь: не доживу до счастья....

ЯВЛЕНІЕ VI.

КНЯЗЬ ЮРІЙ; справа КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.

Княгиня Уляна (*озираясь*).
Ты тутъ ли, княже мой?

Князь Юрій (*быстро подбѣжалъ
схватилъ ее за руку*).

Я здѣсь, голубка,
Здѣсь, бѣлая лебедушка моя!

Княгиня Уляна.

Ахъ, это ты! Оставь! (*рвется*.)Князь Юрій (*обнялъ ее*.)

Ну, полно жь, полно!

Я вѣдаю что любишь ты меня,—
Пришла, пришла ко мнѣ, моя отрада!

Княгиня Уляна.

Прочь, прочь лоди!

Князь Юрій

Къ чему, зачѣмъ притворство?

Вы, женщины, не можете не мучить,
Цѣлуя насъ проговорить слѣшите:
„Я не люблю тебя!“ (*целуетъ ее*).

Княгиня Уляна.

Съ ума сошелъ ты!

О, Господи, что дѣлаешь мнѣ!

Князь Юрій.

Не бойся,

Никто насъ не увидитъ, не услышитъ.
Не притворяйся же, скажи хоть разикъ,
Хоть прошепчи завѣтное словечко.

Княгиня Уляна.

Князь Юрій! не шути со мной!

Князь Юрій.

Напрасно;

Чѣмъ ты сильнѣе будешь отбиваться,

Тѣмъ горячѣй тебя я зацѣлю;
 Чѣмъ ты грознѣе станешь проклинать,
 Тѣмъ мнѣ отраднѣй что меня ты любишь!

Княгиня Ульяна.

Оставь, идутъ!

Князь Юрій.

Не ислугаешь, вѣтъ!

Не отлучу, не отлучу тебя я.

(Правая дверь отворилась. Мелькнулъ свѣтъ. Княгиня Ульяна вырвалась и отбѣжала.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

КНЯЗЬ ЮРІЙ, КНЯГИНЯ УЛЬЯНА; сѣва—СТАРАЯ КНЯГИНЯ,
 котога КНЯГИНЯ АННА; въ концѣ МИХАЛКО и КНЯЗЬ СЕ-
 МЕНЬ.

Старая княгиня, *(въ дверяхъ со сѣт-
 кой въ рукахъ.)*

Иди смѣлѣй, иди за мной, не бойся!

*(Переходитъ сцену и ставитъ свѣчу на
 столъ.)*

Княгиня Ульяна *(сама съ собою.)*

О срамъ, о стыдъ великій! Боже, Боже!

Старая княгиня.

Напрасно кроешь ты лицо, княгиня
 Ульяна Власьева,—стыда не скроешь.

Княгиня Анна *(въ правыхъ дверяхъ,
 вся блѣдная.)*

Разлучница проклятая!

Князь Юрій.

Молчи.

Княгиня Анна *(также.)*

За любовницу готовъ жену
 Убить. Убей же, на!

(Сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему.)

Князь Юрій (*задыхаясь*).

Молчи, молчи же!

Старая княгиня (*переходя къ не-
вѣсткѣ*).

Не ей молчать: чиста какъ правда Божья!
А правдѣ громко говорить.

Князь Юрій (*матери*).

Клянуся,
Клянуся Богомъ, я одинъ виновель!
Темно тутъ было: покажись что Анна...

Старая княгиня.
Клянись, клянись: улика-тъ на лицо.

Княгиня Анна.
Ей мало было что чужаго мужа
Уворовала; въ домъ ко мнѣ пришла
Чтобъ срамомъ похвалиться, выгнать
И опозорить честную жену!

Князь Юрій (*съ движеніемъ*).
Да перестань же!

Старая княгиня (*стала между сы-
номъ и невѣсткой*).

Раньше черезъ мать
Ты перестулишь, чѣмъ ее коснешься.

Княгиня Анна.
Не уступлю. Въ своемъ я правѣ. Стану
Кричать, нельзя громчѣй кричать, чтобъ люди
Услышали; хочу срамить ее
При всемъ народѣ.

Михалко (*въ среднѣхъ дверяхъ*).
Тите, князь Семень (*вошелъ*).
(*Общее движеніе. Среднія двери
широко распянулись. Князь Се-
мень, войдя, быстро оглядѣлъ
всѣхъ.*)

Княгиня Анна.
Иди скорѣе, князь Семень Мстиславицъ,
На женивъ срамъ слѣши полюбоваться:
Здѣсь съ любовникомъ...

Князь Семень *(прерывая)*.

Прости, княгиня.

Не время о своихъ дѣлахъ. Князь Юрій!
Отъ рубежа говецъ: Литва идетъ.

Княгиня Анна.

Они стакнулись, матушка. Знать князю
Овъ продаетъ жену.

Князь Юрій *(схвативъ жену за руку)*.

Да пощади же,

Меня-то пощади! Уйди!

Княгиня Анна *(схвативъ другою
кой мужнину руку)*.

Не рвися,

Не вылуцу руки. Пойдемъ со мною,
А съ нею не оставлю, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

*(Оба ушли направо. Небольшое
молчаніе.)*

Старая княгиня.

Охъ, князь Семень! Сказала бы словечко
Да честь твою и родъ высокій твой
Жалѣючи, уйду безъ слова.

(Ушла направо. Михаилко за нею.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ СЕМЕНЬ, КНЯГИНЯ УЛЪЯНА.

Князь Семень.

Что тутъ было?

Княгиня Ульяна.

О, милый княже мой! И стыдъ, и горе!

Князь Семень.

Да говори же.

Княгиня Ульяна.

Я сидѣла

Въ верху съ княгинями; вошелъ Михаилко

И говоритъ что ты велѣлъ сойти
 Сюда, къ себѣ. Едва сюда вбѣжала,
 Едва промолвила: „ты тутъ ли, княже?“
 Какъ за руку меня схватилъ князь Юрій
 И началъ цѣловать и обнимать.
 Мнѣ на крикъ бы кричать, да пожалѣва
 Я честь твою, и отбиваться стала...

Князь Семень.

Что жь дальше-то?

Княгиня Ульяна.

Вдругъ свѣтъ въ дверяхъ,
 Вошли княгини; начали срамить
 Меня безвинную, и не послѣди ты
 Я за мертво упала бы!

Князь Семень.

Постой.

Не могъ тебя князь Юрій ни съ того,
 А ни съ сего обнять и цѣловать.
 Знать раньше говорилъ онъ про любовь,
 Да утаила ты.

Княгиня Ульяна (*пала предъ нимъ
на колѣна*).

Прости, прости!

Ужь съ мѣсяцъ замѣчала: затѣжалъ онъ
 Все безъ тебя; часочекъ посидить,
 Поклоны скажетъ и затѣмъ уйдетъ,—
 И не въ домекъ мнѣ глупой было. Нынче жь,
 По утру, безъ тебя, онъ про любовь
 Заговорилъ.

Князь Семень.

И что же ты? Ты что же?

Княгиня Ульяна.

Какъ вѣрная жена я отвѣчала.

Князь Семень.

А не таить бы отъ меня....

Княгиня Ульяна.

Прости,

Прости меня. Не въ томъ я виновата
 Что лгала, княже, отъ тебя.

Плохая та жена что станетъ мужа
Тревожить по пустому, не сумѣетъ
Отвадить мѳлодца. Моя вина
Что на себя я крѣлко положила,
На чистоту да на отвѣтъ свой твердый,
И загордѣла: молю теперъ не смѣетъ
Не то коснуться, а взглянуть, помыслить....
И что случилось! Прости, прости!

Князь Семень.

Встань, Ульянка, поди домой. Гаврюкъ
Тебя проводить.

Княгиня Ульяна *(встала)*.

Съ тѣмъ меня отпустишь?

Не поцѣлуешь даже, на дорогу
Не перекрестишь.

Князь Семень *(улыуя ее)*.

Милая жена,

О, любая и вѣрная моя! *(Съ порывомъ)*
И ворогъ злой тебя, тебя-то
Отнять замыслилъ!

Княгиня Ульяна.

Не уйду я.

Глядишь ты грозно, грозно говоришь:—
Ты мстить замыслилъ. Отпусти ему,
Онъ самъ не вѣдалъ что творилъ, безумецъ.

Князь Семень.

Передо мной о немъ жалѣть ты смѣешь!

Княгиня Ульяна.

Ужъ мнѣ ль его жалѣть! Боюсь, боюсь я:
Они тебѣ засаду здѣсь устроятъ *(съ крикомъ)*:
Убьютъ тебя!... Уйдемъ, уйдемъ скорѣй.

Князь Семень.

Не страшны мнѣ они! За мною правда!

Княгиня Ульяна.

Прости его; тѣмъ соберешь ему
На голову огонь неугасимый:
Твое прощенье станетъ Божьей мстью.

Князь Семень.

Не стану мстить. Не бойся ничего.
Иди же съ Богомъ.

Княгиня Ульяна.

Коль сказалъ ты правду,

Иди со мной.

Князь Семень.

Нельзя.

Княгиня Ульяна.

А, обмануль ты!

Князь Семень.

Аль не слыхала ты: Литва идетъ,
Литва идетъ, на насъ, на Русь.

Княгиня Ульяна.

Не правда.

Сейчасъ, нарочно, про Литву придумаль.

Князь Семень.

Вошелъ я съ этимъ словомъ.

Княгиня Ульяна.

Побожися.

Князь Семень.

Божбы не знаю я, а слово крѣлко...
Иди, готовъ меня въ походъ. Сейчасъ
Вернусь домой, лишь только перемолваю,
Уговорюся про походъ.

Княгиня Ульяна.

Мнѣ страшно,

Боюсь одна...

Князь Семень.

Гаврюкъ тебя проводить.

Послушайся же мужа, уходи.

Княгиня Ульяна.

Прощай, мой княже.

*(Поцѣловала мужа, пошла, вер-
нулась.)*

Страшно, страшно мнѣ!

Хоть до крыльца-то проводи.

Князь Семень.

Изволь.

Княгиня Ульяна *(ластясь къ нему)*.

Хитрю вѣдь я, хитрю съ тобою:

Все думаю, авось уговорю я,

Увидеть со мной.

(Оба ушли въ среднія двери.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

МИХАЛКО одинъ; потомъ КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Михалко *(въ правыхъ дверяхъ)*.

Уговорить, надѣйся!

Приластилась, и думаетъ: послушала!

(Вошелъ.)

Но мѣшкать нечего. Сейчасъ вернется...

Чего жь князь Юрій не идетъ? Неужто

Схоронится за женину сорочку?

Того не можетъ быть... Не позабудеть:

Честь княженицкая велить де встать

Съ обиженнымъ лицомъ къ лицу.

(Справо быстро князь Юрій.)

Князь Юрій *(входя)*.

Насилу

Отъ бабъ отдѣлался. А уходилъ

На всякій случай заперъ дверь засовомъ.

Гдѣ жь князь Семень?

Михалко.

А проводитъ жену

Пошелъ.

Князь Юрій.

Вернется онъ, что скажемъ мы?

Какой отвѣтъ сготовимъ мы ему?

Нельзя жь сказать: мнѣ моль твоя жена

Люба и я ей полюбилъ.

Михалко.

Скажешь:

Ревнива крѣлко молъ моя княгиня,
 Молъ сдуру ей попритчилось что будто
 Твою княгиню я поцѣловалъ.
 Охъ, княже, княже! Какъ она-то любить,
 Какъ любить-то тебя! Сейчасъ за дверью
 Стоялъ и слышалъ какъ она предъ мужемъ
 Вертѣлася, божилась за тебя:
 Ни въ чемъ-то ты, ни въ чемъ вишь не ловинень.

Князь Юрій.

Постой. А спросить оны: зачѣмъ де вмѣстѣ
 Вы очутились здѣсь?

Михалко.

А то жь отвѣтъ

Что и она сейчасъ: молъ шла я звать
 Тебя домой, а князь сидѣлъ съ Михалкомъ....
 Чу, князь Семень....

ЯВЛЕНИЕ X.

МИХАЛКО, КНЯЗЬ ЮРІЙ; изъ среднихъ дверей КНЯЗЬ СЕМЕНЬ.

Князь Семень.

Пришелъ я звать къ отвѣту....

Князь Юрій.

Какой отвѣтъ и въ чемъ?

Князь Семень.

Какой отвѣтъ!...

Аль ты не князь, а смердъ, мужикъ послѣдній
 Что живучи въ полѣсьи, сроду
 Про честь не слыхивалъ?

Князь Юрій.

Телерь я появля.

Напрасно только горячишься ты:
 Ни въ чемъ я предъ тобою не ловинень,
 Всему виной моя княгиня, друже—
 Ревнива больно, и приснися ей....

Князь Семень.

Проснися, князь Семень! Аль ты не слышишь?
 Въ глаза смѣется надъ твоимъ безчестьемъ!
 Эхъ, молодость, ты молодость моя!
 Зачѣмъ съ могучихъ плечъ что ясный соколъ
 Вспорхнула, улетѣла въ чисто поле?
 Будь ты со мной, давно бы за обиду
 Я отомстилъ. У, старость, старость,
 Ты старость омертвѣлая! зачѣмъ
 Что черныи воронъ мнѣ на плечи сѣла
 И сердце молодецкое склевала!
 Проснися душа, и разгорися, сердце!
 Князь Юрій! Коли ты не лодыи трусъ,
 Коль капля чистая въ тебѣ осталась,
 Такъ выходи на Божіи судъ, на поле,
 Готовъ твой ножъ. Мой вынуть, и наточень!

(Съ ножомъ въ рукахъ идетъ на князя Юрія; Михалко сзади бросается и бьетъ его ножомъ.)

Князь Семень *(обернувшись.)*

Изподтишка! Злодѣи! *(бросился на него и упалъ.)*

Часъ смертныи пробилъ.

Прости мнѣ, Господи! Спаси Уляну! *(Умеръ.)*

Князь Юрій.

Что сдѣлалъ ты?

Михалко *(наклонясь надъ трупомъ.)*

Не знаю.

Князь Юрій.

Ну?

Михалко.

Приконченъ *(отошелъ.)*

Князь Юрій.

Проклятыи! дьяволь! Не его, меня,
 Меня убилъ ты!

Михалко.

Я того убилъ

Кто на тебя, мой княже, покусился!

Князь Юрій.

Любовь мою убилъ. Межь мной и ею
Ты бросилъ трулъ холодный и кровавый.

Михалко.

Не бось, увидитесь.

Князь Юрій.

Аль мыслишь ты

Ея любовь перешагнетъ безстрашно
Черезъ мужа мертваго чтобъ цѣловаться....
Съ убійцею!

Михалко.

Не ты его убилъ.

Ты чистъ предъ нею, передъ небомъ правъ.

Князь Юрій.

Прощай, голубушка! Прощай на вѣки!
Прости въ то время какъ увѣдалъ я
Что полюбила ты меня!

Михалко.

Довольно жь

Какъ мальчикъ плакаться, какъ мужъ разумный
Меня послушай. Коль ты вправду любишь,
Забудь что князь Семень лежитъ убитый
Въ твоемъ дому.

Князь Юрій.

Какъ я о томъ забуду?

И какъ ты скроешь, какъ ее обманешь?

Михалко.

О томъ не бойся. Вспомни, нынче утромъ
Про Урію тебѣ я говорилъ,
И ты отвѣтилъ: коль читаешь ты
Въ чужой душѣ, то молча дѣлай дѣло.
Я сдѣлалъ молча.

Князь Юрій.

О, клянуса Богомъ,

Я мысли не имѣлъ убить Семена!

Михалко.

Ты честь его, что намъ дороже жизни,
Хотѣлъ убить.

Князь Юрій.

Я задушу тебя!

Михалко.

Зачѣмъ душишь? вели сказнись народно.
 За то что спасъ тебя, — казни люте:
 Никто тогда, никто ужъ не повѣритъ
 Что не тобою князь Семень убитъ.
 Всѣ скажутъ: „приказалъ убить, а послѣ,
 Чтобъ очи отвести, сказнись убійцу“.
 Тогда докажешь что ея не любишь,
 Тогда-то вѣкъ тебѣ ея не видѣть!
 А ты дозволя, и я убійство скрою,
 А ты — владѣй Ульяной!

Князь Юрій.

Отойди,

Оставь меня, лукавый соблазнитель!

(Ушелъ пальцо.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

МИХАЛКО, одинъ.

Кляни, кляни! Въ моихъ рукахъ ты!
 Осѣтилъ я тебя со всѣхъ сторонъ,
 Не вырвешься!... А ты, Господень рабъ
 Новопреставленный, недавній княже!
 Хвалился ты сегодня что глубоко
 Мнѣ въ душу заглянулъ. Ошибся, друже,
 Теперь лишь ты, теперь меня узнаешь!...
 Сороковины всѣ — какъ вѣрятъ люди —
 Душа умершаго летаетъ надъ землей,
 Прощаючись съ мѣстами что при жизни
 Любились ей... Лети жь, душа княжая,
 Къ княгинюшкѣ своей въ опочивальню:
 Увидишь тамъ какъ другъ начнетъ ласкать
 Твою вдову, да про Михалку вспомни!...
 Что говоришь ты, что?... Безумецъ жалкій,
 Чего, скажи, чего ты ужаснулся?
 Не можетъ мертвый говорить, ни думать!
 Не онъ а тамъ, внутри, въ душѣ твоей

Холодная безжалостная совѣсть
 Оскаливъ зубы словно мертвый черепъ,
 Съ усмѣшкой на устахъ безгубыхъ шелчетъ:
 „Коль хочешь ты чтобъ замолчала я,
 Такъ зло на зло, и труль на труль вади“....
 О, жалкій человекъ! Ты похвалялся
 Что врага убилъ, — лютейшій врагъ
 Въ душѣ твоей и не убьешь его,
 Умолкнуть не заставишь!... Ужась, ужась!..

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствующие:

КНЯЗЬ ЮРІЙ.
 ЖУРКО.
 ГАВРЮКЪ.
 СТАРАЯ КНЯГИНЯ.
 КНЯГИНЯ АННА.
 КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.
 ПОРФИРКА.
 Сауги, сѣнныя.

1407 годъ, Торжокъ.

У князя Семена. Горница. Двери: въ задней стѣнѣ, средняя, и л правая, ближе къ авансценѣ. Направо: гаубже окно, ближе къ авансценѣ накрытый столъ; зажжены свѣчи. — Въ правомъ углу печь ближе къ авансценѣ, наискось поставлена широкая съ изгородью лавка, поставлена мѣхомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Порфирка, одна (*сидитъ на низенькой скамеечкѣ у постели*).

А вѣдь позднеенько, чай. Наготовили, на столъ настави приходи-моль, князь дорогой, кунай на здоровье! А князь отъ не то къ ужину, и къ свѣту, знать, не вернется.... ужъ нынче у князя Юрія Святославича безпремѣнно что вибудь да вышло. Спросить, бѣда, не у кого; Гаврюкъ

скорѣй, что-ль, вертался; да вѣдь люди старый промолчить, не скажетъ.... Охъ, мнѣ-ка самой, какъ олять княгиня про князя своего спрашивать станетъ, отвѣта не перелутать бы. Училь Михалко Жирославичъ, училь, да нешто съ нашей княгиней сообразить? Трижды ужъ спрашивала, да все съ новыми спросами, да съ переспросами. Все-то ей надо: и когда, и что, и какъ, да это-ль ранѣ, это-ль позже, да гдѣ, мѣсто ей досконально обозначь. Того гляди собьешься. Охъ, жоны, жоны! одна у васъ заботушка: про мужьевъ думай. Тольдѣло дѣвичье житье вольное: ни думушки, ни заботушки. И то сказать: молодцовъ мало ль, о всѣхъ не передумаешь.

ЯВЛЕНИЕ II.

ПОРФИРКА; справа: КНЯГИНЯ УЛЬЯНА.

Княгиня Ульяна (*входя*).

Ты ничего не слышала?

Порфирка.

Ни, ни.

Княгиня Ульяна.

Какъ будто конскій топъ?

Порфирка.

Знать, показалось.

Княгиня Ульяна.

Приотвори-ка двери да послушай.

(Порфирка исполняетъ).

Вотъ-вотъ.... Шаги, шаги.... Олять замолкло.

(Перешла и стала у стола).

А вотъ олять.... Неужто-жь ты не слышишь?

Порфирка *(у дверей)*.

Ни шороха, ни вороха.

Княгиня Ульяна.

Поди-ка,

Сюда ко мнѣ.... Хоть ты и трижды

Докладывала мнѣ, да забываю....

Ты говоришь: какъ только я вернулась

Гаврюкъ сейчасъ ушелъ?...

П о р ф и р к а.

Такъ точно,

Сейчасъ же и ушелъ. А только раньше
Онъ слово повелѣнное къ дружинѣ,
Держалъ отъ князя: „будьте-моль готовы,
Походъ-де сказанъ.“

Княгиня Ульяна.

Тѣ сама слыхала...

Что жь дальше-то?

П о р ф и р к а.

А прибѣжалъ нарочный
Съ князь-Юрьева двора; велѣлъ дружинѣ
На конь садиться.

Княгиня Ульяна.

Такъ. Куда жь они

Пошли-то? На князь-Юрьевъ дворъ?

П о р ф и р к а.

Приказъ былъ

Чтобъ прямо за городъ.

Княгиня Ульяна.

И ты за ними?

П о р ф и р к а.

Взмачилась я: моль любѣгу къ собору,
Узнаю что толкуютъ про походъ-отъ.

Княгиня Ульяна.

И у собора князя увидала?

П о р ф и р к а.

Такъ точно. Знать, молебень-отъ отлѣли
Въ соборъ. Только я гляжу и вижу:
Нашъ князь на лаперти.

Княгиня Ульяна.

Одинъ?

П о р ф и р к а.

Съ князь Юрьемъ.

Княгиня Ульяна.

Ты хорошо ль князь Юрья разглядѣла?

Порфирка.

Ужь какъ не разглядѣть! Вдвоемъ стояли.

Княгиня Ульяна.

И князь тебя окликнулъ?

Порфирка.

Подозвалъ онъ:

„Порфирка-моль, поди сюда ко мнѣ.“

Я подбѣжала. „Моль стулай къ княгинѣ

И доложи: второй гонецъ пригналъ,

Такъ за городъ слѣщимъ де чтобъ вѣстей,

Коль будутъ, переаять“. Еще прибавилъ:

„Моль улучу часокъ, домой вернуся

Съ княгинею проститься. А приготовить

Еще гонецъ, то не ждала бъ сегодня,

Молилася бы Богу, не боялася:

Лишь черезъ три моль я вернусь конечно.“

Княгиня Ульяна.

Такъ и сказалъ что нечего бояться?

Порфирка.

Такъ и промолвилъ: „лустъ де не боится,

А Богу молится.“

Княгиня Ульяна.

А отъ собора-тъ

Одинъ похваля?

Порфирка.

Нѣтъ, вдвоемъ; олять

Вдвоемъ же. Тронули, и слѣдъ простылъ.

Княгиня Ульяна.

Какъ думаешь: вернется князь сегодня?

Порфирка.

Сегодня бы вернуться, ужь вернулся бъ.

Чай, поздно. Вѣрно пригонилъ гонецъ,

Литва знать близко.

Княгиня Ульяна *(по маломъ молчаніи.)*

Подыми окно.

Закрой отыми. Слышнѣе будетъ.

(Порфирка исполняетъ княгинино приказаніе. Лунный снакъ падаетъ въ комнату.)

Княгиня Ульяна.
 Чтò на дворѣ?

Порфирка.

А тишь да благодать.

И мѣсячно, и соловей въ кустахъ
 Знай заливается.

Княгиня Ульяна.

Не слышно топа?

Порфирка.

Ни песь не взлаеть.

Княгиня Ульяна.

Ну, поди-ка въ сѣни,

Послушай тамъ.

Порфирка.

Наслушаю, авось.

(Ушла отъ средня двери).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Княгиня Ульяна *(одна.)*

Четвертый разъ она пересказала:
 До слова то же чтò и въ первый разъ.
 Знать впрямь гонецъ, и впрямь Литва идетъ....
 Охъ, Господи! Нѣтъ, нѣтъ да думка злая
 Мнѣ сердце засосеть: молъ князь твой милый
 Хоть даве и повѣровалъ тебѣ,
 А все же осердился. Не сердись онъ,
 Захалъ бы домой проститься съ Улей....
 За то сердить: зачѣмъ де утаила
 Что про любовь князь Юрій говорилъ.
 Кабы знатѣ! Я думала-гадаля:
 Молъ лучше утаить, анъ вышло хуже....

(Задумалась).

Гляжу на горницу, и все-то въ ней
 Про князя милаго наломинаеть.
 Вотъ столъ накрытъ гдѣ каждый вечеръ съ нимъ
 Мы ужинали. Вотъ постель стоитъ
 Гдѣ пообѣдавъ, удневалъ часочекъ....

(Встала и пошла).

Поправлю-ка подушки я; авось
 Вернется скоро, отдохнуть приляжетъ,
 А я вотъ на скамеечкѣ въ ногахъ,
 И примощуся.... *(Съ тоской)*. Какъ нарочно, право,
 Походъ приспѣлъ въ такое злое время!

ЯВЛЕНИЕ IV.

КНЯГИНЯ УЛЪЯНА; въ среднѣя двери: ПОРФИРКА.

Порфирка *(въ дверяхъ)*
 Княгиня-матушка!

Княгиня Ульяна.

Аль князь вернулся?

Порфирка.

Нарочный прибѣжалъ, князь-Юрьевъ Журко....

Княгиня Ульяна.

Веди жь сюда.

Порфирка *(въ двери)*.

Войди.

(Ушла. Вошелъ Журко.)

ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯГИНЯ УЛЪЯНА, ЖУРКО.

Журко *(входя)*.

Отъ князь Семена

Нарочнымъ присланъ....

Княгиня Ульяна.

Что, голубчикъ, скажешь?

Журко.

Съ прощальнымъ словомъ....

Княгиня Ульяна.

Аль въ походъ ушелъ?

Журко.

И то ушелъ. Совсѣмъ собрался было
Домой вернуться какъ опять гонецъ:
Литва близка....

Княгиня Ульяна.

И повернулъ коня онъ?

Журко.

И повернулъ. Меня жь послалъ сюда:
„Скажи княгинѣ не ждала бь сегодня“.

Княгиня Ульяна.

А гдѣ жь Гаврюкъ?

Журко.

Должно что съ княземъ; впрочемъ
Мнѣ не было о Гаврюкѣ приказа....
А нашъ-отъ князь, онъ провожать поѣхалъ.

Княгиня Ульяна.

Докудова?

Журко.

А не могу сказать
Далече ли... А приказалъ примолвить:
„Дозволить де княгиня, я сегодня жь
Отъ князь Семена привезу поклонъ,
И доложу: каковъ со мной простился,
И все такое....“

Княгиня Ульяна.

А въ ладу князь-те?

Журко.

Опять же не было на то приказа.

Княгиня Ульяна.

Промежь собой-то ладно ль говорили?
Чай видѣлъ.

Журко.

Ладно. Ничего. Ладненько.
Съ чего не ладнымъ быть?... Такъ что жь прикажешь
Отвѣтить князю, заѣзжать ему?

Княгиня Ульяна.

Отъ князь Семена всякаго приму я.

Журко.

Затѣмъ прощай, княгиня; послѣдшать
съ отвѣтомъ велѣно.

Княгиня Ульяна.

Прощай и ты.

(Журко ушелъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА, потомъ ГАВРЮКЪ.

Княгиня Ульяна *(одна.)*

Увѣхаль, не простясь со мной увѣхаль!...

Да слава Богу, и тому я рада

Что помирился, а то боялась....

Охъ, ладно ли я Журку отвѣчала

Моль всякому отъ князь Семена рада?...

А что жь худаго? Коли мужъ простилъ,

Женѣ не слѣдъ сердиться.... Не лосмѣветъ....

Гаврюкъ *(за сценой, у окна.)*

Княгинюшка!

Княгиня Ульяна.

Аль кто зоветъ меня?

Гаврюкъ *(тамъ же.)*

Княгинюшка моя!

Княгиня Ульяна *(пошла къ окну.)*

Изъ сада голосъ. *(Въ окно.)*

Кто тамъ?

Гаврюкъ *(тамъ же.)*

Не слышь еще?

Княгиня Ульяна.

Да кто ты, кто?

Гаврюкъ *(тамъ же.)*

Гаврюкъ, Гаврюкъ твой вѣрный.

Княгиня Ульяна.

Ты съ чего же

По лодоконьямъ бродишь, не войдешь?

Гаврюкъ (тамъ же.)

Войду сейчасъ. Боялся... думалъ спишь ты.

Княгиня Уляна (побѣжала, отворила среднія двери.)

Порфирка, посвѣти! Гаврюкъ вернулся!

О, Господи, благодарю тебя!

Не позабылъ мой князь своей Уляны,

Прислалъ съ вѣстями. — Да входи-жь скорѣе.

(Вошелъ Гаврюкъ.)

Княгиня Уляна.

О, Господи помилуй!... Чтò съ тобою?

Оборванный, всклокоченный и блѣдный...

Лица нѣтъ на тебѣ.

Гаврюкъ.

Лихія вѣсти.

Княгиня Уляна.

Отъ князя ты? Здоровъ ли онъ?...

Гаврюкъ.

Послушай.

Какъ проводилъ я, матушка, тебя,

Къ князь Юрью послѣшилъ, и лишь въ ворота,

Налали на меня, скрутили руки...

Кричать я-было, кумъ Иванъ, спасибо,

Шелнулъ: молчи, молчи, не то убьютъ-де

Какъ князя твоего сейчасъ убили.

Княгиня Уляна.

Чтò ты сказалъ? Убьютъ, кого убьютъ?

Гаврюкъ.

Убили, князя твоего убили!

Княгиня Уляна.

Не правда, лжешь ты.... Смуту съешь.... Нѣтъ....

Сейчасъ лишь вѣсти отъ него имѣю.

Онъ живъ, здоровъ, поклонъ прислалъ.

Гаврюкъ.

Убить онъ!

Княгиня Ульяна.

Не можетъ быть... Не лги... Сейчасъ лишь... Кто же,
Кто могъ убить его, злодѣй?

Гаврюкъ.

Князь Юрій.

Княгиня Ульяна.

Князь Юрій! Господи! Съ ума сойду я!..
Нѣтъ, лжешь ты, говорю тебѣ я: лжешь.

Гаврюкъ.

Охъ, матушка! Да до послѣдней капли
Я кровь отдамъ лишь воскресить бы князя!

Княгиня Ульяна.

Ты видѣлъ?.. Мертвымъ ты его не видѣлъ?..

Гаврюкъ.

Не видѣлъ я...

Княгиня Ульяна.

Такъ какъ же знаешь ты?

Гаврюкъ.

Княгинюшка... На малость услокойся...
Сейчасъ скажу... Вотъ какъ меня схватили..
Да бросили въ чужань... А на сторожѣ-тъ
Поставленъ былъ мой кумь, и онъ же
Мнѣ помогаль бѣжать... онъ и сказалъ мнѣ:
Михалко съ княземъ-моль....

Княгиня Ульяна.

Когда, когда же?

Гаврюкъ.

Какъ ты ушла, заспорили они...

Княгиня Ульяна.

Изъ-за меня!.. Теперь тебѣ я вѣрю...
Убить мой князь!.. Охъ, сердце... Боже, Боже!

(Зашаталась.)

Гаврюкъ (бросился, поддержалъ
ее).

Княгинюшка!

Княгиня Ульяна.

Не бойся, не умру я...

Жива еще... Господь не попустилъ.

(Съ рыданьемъ припала къ Гаврюкѣ.)

Гаврюкъ, Гаврюкъ! Убить нашъ князь, убить!
Убить сердечный нашъ! Убить нашъ свѣтлый!
Во вѣки не видать его, во вѣки!..
Нѣтъ, полно плакать. Скоро, скоро
Передъ престоломъ Божьимъ съ нимъ увижусь,
Тогда обнимемся, наплачемся мы вдосталь...
Теперь... теперь...

Гаврюкъ.

Бѣжать тебѣ, спастись.

Княгиня Ульяна.

А князя бросить псамъ на растерзанье?
Врагамъ на лоруганье?.. Отойди:
Ты больше не слуга мнѣ...

Гаврюкъ.

Матушка-княгиня!

Княгиня Ульяна.

Постой, постой... Сейчасъ Порфирку кликну...
И что бы я ни стала говорить,
Ни слова ей, ни слова, ни!.. Порфирка!

ЯВЛЕНІЕ VII.

КНЯГИНЯ УЛЬЯНА, ГАВРЮКЪ: въ среднія двери ПОРФИРКА

Княгиня Ульяна *(схвативъ ее за руку)*.

Поди сюда!.. Стулай во дворъ къ князь Юрью
И въ теремъ проберися. Слечь, не слечь ли
Княгиня старая, ты достучишься,
И скажешь ей: молъ твой сыночекъ князь Юрій
Съ моею княгинею сидятъ тайкомъ,
А князь Семена нѣтъ молъ, онъ въ отъѣздѣ...

И проводи ее дорогой ближней,
 По задворкамъ, сюда... Стулай, слыши же...
 Постой! И помни, если ты изменишь
 (Указала на Гаврюка.)
 Онъ за тобой пойдетъ—убьетъ на мѣстѣ.
 (Порфирка ушла.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КНЯГИНЯ УЛЯНА; ГАВРЮКЪ.

Княгиня Уляна.

Гаврюкъ! Стулай за ней... Чего жъ ты смотришь
 Смущенными очами на меня?

Гаврюкъ.

Что ты задумала?

Княгиня Уляна.

Аль мыслишь ты:

На тринѣ женщиной я цѣловаться
 Съ убійцей стану?

Гаврюкъ.

Господи помилуй!

Княгиня Уляна.

А коли вѣришь мнѣ, стулай за нею...
 Постой. Откроюсь я тебѣ... Князь Юрий...
 Злодѣй, изменникъ лютый, кровопіица!...
 Убійство скрыть и обмануть замыслилъ!
 Последній де поклонъ отъ мужа привезу ея!...
 Предъ матерью его я обличу,
 Покаяться заставлю предъ народомъ.

Гаврюкъ.

Княгинюшка! Господь да вразумить
 Тебя!

Княгиня Уляна.

Стулай, слыши, Гаврюкъ.

Гаврюкъ.

Иду.

И заклинаюся тебѣ честнымъ крестомъ
 Что приведу княгинь. Прощай.

Княгиня Ульяна.

Постой,

Дай ножъ....

Гаврюкъ.

Зачѣмъ тебѣ?

Княгиня Ульяна *(выхватывая у него ножъ и за-за поясъ,*

Давай!...

(Спрятала ножъ къ себѣ за поясъ.)

Боюся встрѣтишь ты его, не стерпишь,
Ножомъ зарѣжешь, и нашъ свѣтлый князь
Останется тогда безъ погребенья.

(Гаврюкъ ушелъ.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Княгиня Ульяна *(одна, на колыбели)*

Святый и многомилостивый Боже!
О, Приснодѣва, Мати всѣхъ скорбящихъ!
Внемли скорбямъ твоей рабыни грѣшной
И Сына умоли да ниспошлетъ Онъ
Мнѣ мудрость змія. Да смогу я
Въ глаза глядѣть кровавому убійцѣ
И сердцемъ не смущаться. Укрѣпи
Мой робкій духъ и трепетную душу!
Да облечу его, да обрѣту
Честное тѣло князя моего:
Омывъ его горячими слезами,
Съ церковнымъ пѣньемъ провожу въ могилу.

(Пауза.)

А помолясь, вставай, вставай Ульяна!

(Встала.)

Злой ворогъ близокъ. На лицо зови
Прелестную улыбку, на уста —
Послушныя затѣйныя слова.
Отри же слезы. Хитростію женской
Злодѣйство побѣди... Идетъ, идетъ...
Какъ будто рада, побѣгу на стрѣчу.

(Бѣжитъ къ средней двери.)

ЯВЛЕНИЕ X.

КНЯГИНЯ УЛЪЯНА, КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Князь Юрій (за дверью.)

Аль никого?

Княгиня Ульяна (отворила двери).

А!... милости прошу.

Ждала тебя, услала всѣхъ. Войди же.

(Князь Юрій медлитъ.)

Аль мой порогъ тебѣ непереступель?

Князь Юрій (вошелъ).

Къ тебѣ съ поклономъ я...

Княгиня Ульяна.

Отъ мужа, знаю...

Ну что онъ, старый, приказать изволилъ?

Ждала бы не кручинилась?

Князь Юрій (смущенъ ея рѣчью).

Княгиня...

Княгиня Ульяна.

Ждала стара, дождалась молодого...

Садись за столъ, отужинай со мной...

Князь Юрій.

Не смѣю... мнѣ домой...

Княгиня Ульяна.

И полно, полно!

Аль по женѣ соскучилась?

Князь Юрій (какъ выше).

Княгиня...

Княгиня Ульяна.

Садись же, милости прошу. Я стану

Тебѣ прислуживать. Служить готова,

Чѣмъ ни прикажешь. (У стола.) Медомъ, аль виномъ

Полодчивать?

Князь Юрій (*самъ съ собой*).
 О, замолчи же совѣсть!
 (*Съль.*)

Княгиня Ульяна.
 Что ты сказалъ?

Князь Юрій.
 Нѣтъ, такъ я... ничего

Княгиня Ульяна.
 Аль шибко на конѣ скакалъ, такъ духъ
 Перехватило?

Князь Юрій.
 Да, скакалъ я шибко....

Княгиня Ульяна (*подаетъ медъ*).
 Такъ освѣжись медкомъ....

Князь Юрій.
 Гляжу я на тебя,
 Ульяна Власьевна, очамъ не вѣрю....
 Ты ль предо мной? Ты ль подчуешь меня
 Какъ мужа нѣжная жена?

Княгиня Ульяна.
 Жена ли?

Князь Юрій.
 О, не гляди ты на меня съ улыбкой,
 Любовной мыслью сердца не муди!
 Гляжу, любить хочу. Улыбку вижу....

Княгиня Ульяна.
 Опять ты про любовь!...

Князь Юрій.
 Опять и вѣчно!

Княгиня Ульяна.
 Охъ, любишь ли меня?

Князь Юрій (*вставая*).
 Люблю ли?

Княгиня Ульяна.
 Готовъ ли ты что захочу я сдѣлать?

Князь Юрій.

И смерть принять, и душу загубить!

Княгиня Ульяна.

Коль повелю: зарѣжешь князь Семена?
 Чтò жь ты смутился? Отвѣчай мнѣ прямо:
 Зарѣжешь ли, коль прикажу я, мужа?

Князь Юрій *(схвативъ ее за руку)*.

Аль ты довѣдалась? Аль ворогъ злой
 Предупредилъ тебя? Такъ знай, княгиня,
 Я душу загублю, но ты... моей,
 Моею будешь. Я возьму силомъ. *(Обнялъ ее.)*
 Люблю, люблю тебя!... Цѣлуй, цѣлуй!

Княгиня Ульяна *(бьетъ его ножомъ
 подъ мышку)*.

Проклятый!

Князь Юрій *(бросая ее, съ крикомъ)*.

О! Чтò ты?

Княгиня Ульяна.

Аль промахнулась?

Князь Юрій *(бросаясь на нее)*.

Убить меня! А! Я не промахнуся! *(Бьетъ ее ножомъ)*.
 Не мнѣ, не доставайся никому. *(Княгиня Ульяна упала)*.
 О, Боже, Боже! Чтò ты сдѣлалъ Юрій!...
 Я слышу голоса.... Идутъ.... Придутъ....
 Меня застанутъ за кровавымъ трупомъ....
 Всѣмъ станетъ вѣдомо, изъ рода въ роды
 Расскажетъ лѣтопись: послѣдній
 Великій князь Смоленскій Юрій
 Злодѣй былъ и убійца!... Боже, Боже!

*(Подымаетъ трупъ, несетъ и кладетъ
 на кровать)*.

Скорѣй, скорѣй!... И чѣмъ-нибудь накрою
 Хоть еланчою.... а теперь.... а самъ.... идутъ.

(Съ крикомъ, бросаясь къ дверямъ).

Сюда! Спасите, помогите люди!
 Убійство здѣсь!

*(Отворяетъ дверь, видитъ мать, и
 шатаясь отскакиваетъ въ сторону.)*

А! матушка!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪ ЖЕ; СТАРАЯ КНЯГИНЯ, за нею ГАВРЮКЪ, КНЯГИНЯ АНА,
ПОРФИРКА, народъ.

Старая княгиня.

Не бойтесь.

За мной входите. Не посягайте руку
На родшую его поднять.

Гаврюкъ *(бросаясь къ постели,*
Княгинюшка, княгинюшка моя!

(Указывая на князь Юрія.)

Онъ, онъ убилъ!

Старая княгиня.

Постой, старикъ. Я мать.

Коль онъ виновень, мнѣ его судить...
Князь Юрій! Сынъ мой! Отвѣчай народу:
Твое ли дѣло? Ты ль убилъ ее?

Князь Юрій *(съ рыданіемъ).*

Мое, мое. Я, я убилъ ее...

Старая княгиня.

За что?

Князь Юрій.

За то что полюбилъ ее безумно,
Она же князя своего любила
И доброй мужелюбицей была;
За то... Гдѣ жь онъ? Гдѣ дьяволь-соблазнитель,
Михалко гдѣ?

Гаврюкъ.

Сейчасъ о немъ промыслилъ.

(Малое молчаніе.)

Старая княгиня.

Послушай сынъ что присудила мать.
Уйди отъ насъ, братоубійца Каинъ!
Какъ окаянный Святополкъ скитайся
Въ лѣсахъ и дебряхъ, и не знай покоя,
Стевая и трясыйся! Будь ты про.....!

Княгиня Анна.

Не проклинай! *(Падая къ ногамъ мужа.)*

О, милый, милый княже!

Куда ты ни пойдешь, я всюду, всюду...

Всегда, всегда, пока ты не убьешь!

Князь Юрій *(оттолкнулъ ее).*

Оставь, постылая!... Смотрите, всё смотрите!

Уста зашевелилися у мертвой!...

О, матушка! кормилица моя!

Не смѣю я кровавыми руками!...

Головушку приподыми ты ей!...

Быть-можетъ, слово!... О, прости, прости.

*(Паль на колѣни предъ постелью.
Старая княгиня приподняла и
поддерживаетъ голову княгини
Ульяны.)*

Княгиня Ульяна.

Прости и ты!... и вы всё, христіане,

Простите грѣшную меня. *(Умираетъ.)*

(Занавѣсь тихо пошла.)

Старая княгиня *(опускаетъ голову и
закрываетъ глаза
покойной).*

Скончалась.

Прими, о Господи, въ свои селеня

Новопреставленной твоей рабыни

Святую душу.

(Занавѣсь пала.)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

АННА КАРЕНИНА*

РОМАНЪ.

XV.

Прямо отъ Щербацкихъ, послѣ мучительнаго вечера, Левинъ заѣхалъ на телеграфъ и далъ знать къ себѣ въ деревню чтобы за нимъ выѣхали лошади. Вернувшись домой, онъ зашелъ къ брату чтобы объявить ему о своемъ отъѣздѣ. Сергей Ивановичъ сидѣлъ съ двумя свѣчами у заваленнаго раскрытыми книгами письменнаго стола, и быстро писалъ. Онъ откинулся на спинку кресла и остановилъ свои всегда пронизывающіе глаза на разстроенномъ лицѣ меньшаго брата. Пронизывающіе глаза на этотъ разъ ничего не видали. Лицо меньшаго брата было совсѣмъ другое чѣмъ оно было утрачено оно осунулось и какъ бы похудѣло; но глаза блестяще смотрѣли на него и не видя и не наблюдая.

— Что, ѣдешь? сказалъ онъ. — Что же ты такъ...

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

Онъ очевидно забылъ когда пріѣхалъ братъ, зачѣмъ, на долго ли, и съ трудомъ старался вспомнить.

— Что же кончилъ ты свои дѣла?..

Левинъ понялъ что брату будетъ стоить перерыва мысли разговоръ съ нимъ, и потому послѣшно отвѣчалъ:—Да, кончилъ. Такъ тебѣ нужна тысяча рублей къ Святой. Я приду.

Сергѣй Ивановичъ вдругъ нагнулся и приписалъ два слова на полѣ бумаги.—Да, да, благодарствуй, сказалъ онъ.—Ну прощай Костя, извини меня.

Левинъ всталъ и направился къ двери.

— Ахъ да! сказалъ онъ останавливаясь. — Гдѣ найти Николаичку?

Сергѣй Ивановичъ нахмурился.

— Не знаю право. У Прокофья есть адресъ. Ты не былъ у него?

— Нѣтъ, но я сейчасъ поѣду.

— Ну какъ знаешь. Прощай, прощай.

Левинъ ушелъ въ свою комнату и сталъ укладываться.

„Да, что-то есть во мнѣ противное, отталкивающее,“ думалъ онъ про себя. „И не гожусь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости.“ И онъ представлялъ себѣ Вронскаго счастливаго, добраго, умнаго и спокойнаго, никогда навѣрное не бывавшаго въ томъ ужасномъ положеніи въ которомъ онъ былъ нынче вечеромъ. „Да, она должна была выбрать его. Такъ надо, и жаловаться мнѣ не на кого и не за что. Виновать я самъ. Какое право имѣлъ я думать что она захочетъ соединить свою жизнь съ моею. Кто я? И что я? Ничтожный, слабый человекъ, никому и ни для кого ненужный. Я горжусь тѣмъ что я добръ и честенъ. А это развѣ доброта и честность что я бросаю брата Николая и забылъ о немъ только потому что мнѣ не хотѣлось оскорблять брата Сергѣя Ивановича и главное потому что мнѣ самому хотѣлось быть счастливымъ. Да и справедливо ли мы судимъ и судили о братѣ Николаѣ? Можетъ-быть мы не понимаемъ его. Можетъ-быть онъ лучше насъ. Разумѣется, съ точки зрѣнія Прокофья, видѣвшаго его въ оборванной шубѣ и лыснаго, онъ презрѣнный человекъ; но я знаю его иначе. Я знаю его душу, потому знаю что мы похожи съ нимъ.“ И въ воображеніи Левина мгновенно, одно за другимъ, возникали самыя рѣзкія событія изъ

жизни брата Николая. „Онъ въ университетѣ и годъ послѣ университета, несмотря на насмѣшки товарищей и мои (сѣ стыдомъ вспоминалъ Левинъ), жилъ какъ монахъ, въ строго сти исполняя всѣ обряды религіи, службы, посты, и избѣгая всякихъ удовольствій, въ особенности женщинъ, и потомъ вдругъ его прорвало, и онъ пустился въ пьянство, игру, развратъ, сблизился съ самыми гадкими людьми. Потомъ у него было дѣло съ родителями мальчика котораго онъ взялъ изъ деревни и воспитывалъ, дѣло за то что онъ въ припадкѣ злости такъ избилъ мальчика что его обвиняли въ причиненіи увѣчья. Потомъ онъ проигралъ деньги шулеру, и не платя денегъ подалъ на шулера жалобу доказывая что тотъ его обманулъ, и разумѣется не доказалъ, и былъ присужденъ отдать деньги, но не отдалъ, считая это несправедливымъ. Это были тѣ деньги которыя заплатилъ Сергѣй Ивановичъ. Потомъ онъ попался полиціи въ безобразныхъ кутежахъ и буйствахъ, уронившихъ его окончательно въ общественномъ мнѣніи и удалившихъ отъ него всѣхъ порядочныхъ людей его круга. Потомъ онъ затѣялъ совершенно несовѣтательный и постыдный процессъ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ за то что тотъ будто бы не выплатилъ ему долгу изъ материнскаго имѣнія, потомъ уѣхалъ служить въ дальній край и тамъ попалъ подъ судъ за побой нанесенныи старшинѣ...“ Константинъ Левинъ видѣлъ что все это гадко; но онъ любилъ брата, и потому видѣлъ въ немъ несмотря на отвращеніе и стыдъ которые возбуждалъ въ немъ поступки брата, все-таки много хорошаго, и въ душѣ своей старался оправдать его.

Константинъ Левинъ помнилъ какъ въ то время когда Николай былъ въ періодѣ набожности, постовъ, монашескихъ службъ церковныхъ, когда онъ искалъ въ религіи помощи, узды на свою страстную натуру, никто не только не поддѣлывалъ его, но всѣ помиралли со смѣху. Его дразнили, звали его Ноемъ, монахомъ; а когда его прорвало, никто не помогъ ему, а всѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ отвернулись.

Константинъ Левинъ чувствовалъ что братъ Николай былъ озлобленъ и на Сергѣя Ивановича и на общество за то что Сергѣй Ивановичъ и весь міръ были логически правы отвергая и презирая его; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ что въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души и братъ Николай не былъ не правъ.

Онъ родился съ своимъ неудержимымъ характеромъ, и хотя не былъ обдѣленъ умомъ, но мысль его отъ природы была какъ-то стѣснена, и онъ въ этомъ не могъ быть виноватъ. Но въ немъ много было хорошаго. „Все выскажу ему, все заставлю его высказать, и покажу ему что я люблю и потому понимаю его“, рѣшилъ самъ съ собою Левинъ.

Узнавъ отъ Прокофья адресъ брата, Левинъ прѣѣхалъ въ 11 часу въ гостиницу гдѣ стоялъ Николай Левинъ. Константинъ замѣтилъ что швейцаръ нѣсколько измѣнилъ тонъ почтительности по спросѣ о Левинѣ.

— На верху 12й и 13й, сказалъ швейцаръ.

— Дома?

— Должно дома.

Дверь 12го номера была полуотворена, и оттуда, въ полосѣ свѣта, выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табаку, и слышался незнакомый Левину голосъ; но Левинъ тотчасъ же узналъ что братъ тутъ, онъ услышалъ его покашливанье, и при этомъ звукѣ въ его воображеніи возникъ образъ брата Николая, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ, съ его большимъ нескладнымъ ростомъ, сутулою спиной, огромными руками и большими наивными дикими глазами.

Когда онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

— Все зависитъ отъ того насколько разумно и сознательно поведется дѣло.

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидѣлъ что говоритъ какой-то взъерошенный молодой человѣкъ въ лоддевкѣ, а какая-то молодая, рябоватая женщина, въ шерстяномъ платкѣ безъ рукавчиковъ и воротничковъ, сидитъ на диванѣ; самъ братъ сидѣлъ у стола спиной къ двери. Видны были его затылокъ, бѣлая длинная шея и рѣдкіе волосы. У Константина больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ. Никто не услышалъ его, и Константинъ, снимая колоши, прислушиваясь къ тому что говорилъ господинъ въ лоддевкѣ. Онъ говорилъ о неравномѣрности распредѣленія богатствъ и привилегированныхъ сословіяхъ; и изъ самыхъ словъ и манеры говорить этого господина Константинъ понялъ какого рода это былъ молодой человѣкъ, и при этомъ сердце его еще больше сжалось. Не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ умозаключеніи, онъ понялъ что близость съ этого рода людьми есть самый вѣрный признакъ безнадежно испорченной жизни.

— Ну, чортъ ихъ дери привилегированныя классы, прокашляваясь проговорилъ голосъ брата.— Маша! Добудь ты намъ поужинать и дай вина, если осталось, а то лошади.

Женщина встала, вышла за перегородку и увидела Константина.

— Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ, сказала она.

— Кого нужно? сердито сказалъ Николай Левинъ.

— Это я, отвѣчалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

— Кто я? еще сердитѣе повторилъ Николай Левинъ, не узнавая брата, и привставъ сдѣлалъ столь знакомое Константину судорожное движеніе головой и шеей, какъ будто галстукъ жаль его.

Онъ былъ еще худѣе чѣмъ три года тому назадъ когда Константинъ Левинъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. На немъ былъ короткій сюртукъ. И руки и широкія кости казались еще огромнѣе. Волосы стали рѣже, тѣ же прамые усы висѣли на губы, тѣ же глаза странно и наивно смотрѣли на вошедшаго.

— А, Костя! вдругъ проговорилъ онъ, узнавъ брата. Глаза засвѣтились радостью. Но въ ту же секунду онъ оглянулся на молодаго человѣка и сдѣлалъ опять судорожное движеніе головой, и совсѣмъ другое, дикое, страдальческое и жестокое выраженіе остановилось на его исхудаломъ лицѣ.

— Я писалъ и вамъ и Сергѣю Иванычу что я васъ не знаю и не хочу знать. Чтò тебѣ, чтò вамъ нужно?

Да, онъ былъ совсѣмъ не такой какимъ воображалъ его Константинъ. Какъ многое въ его характерѣ, изъ того чтò дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ, было позабыто Константиномъ Левинымъ, и какъ онъ все это мучительно вспомнилъ теперь когда увидѣлъ его лицо, въ особенности это судорожное поворачиванье головы!

— Мнѣ ни для чего не нужно видѣть тебя, робко отвѣчалъ Константинъ. — Я просто пріѣхалъ тебя видѣть.

Робость брата видимо смягчила Николая. Онъ дернулся губами.

— А ты такъ, сказалъ онъ.— Пуходи, садись. Хочешь ужинать? Маша, три порціи принеси. Нѣтъ, постой. Ты знаешь кто это, обратился онъ къ брату указывая на господина въ поддевкѣ:— это господинъ Крицкій, мой другъ еще изъ Кіева, очень замѣчательный человѣкъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ не подлець.

И онъ оглянулся по своей привычкѣ на всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Увидавъ что женщина стоявшая въ дверяхъ двинулась было идти, онъ крикнулъ ей: „Постой, я сказалъ.“ И съ тѣмъ неумѣваемъ, съ тою нескладностью разговора которая такъ зналъ Константинъ, онъ, опять оглядывая всѣхъ, такъ разказывать брату исторію Крицкаго: какъ его выгнали изъ университета за то что онъ завелъ общество вспоможенія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ, и такъ его оттуда также выгнали, и какъ потомъ судили за что-то.

— Вы Киевскаго университета? сказалъ Константинъ Левинъ Крицкому, чтобы прервать установившееся неловкое молчаніе.

— Да, Киевскаго былъ, насулившись сердито, проговорилъ Крицкій.

— А эта женщина, перебилъ его Николай Левинъ, указывая на нее,—моя подруга жизни, Марья Николаевна. Я взялъ ее изъ дома,—и онъ покраснѣлъ говоря это.—Но люблю ее и уважаю, и всѣхъ кто меня хочетъ знать, прибавилъ онъ возвышая голосъ и хмурясь,—прошу любить и уважать ее. Она все равно что моя жена, все равно. Такъ вотъ ты знаешь къ кѣмъ имѣешь дѣло. И если думаешь что ты унизишься, такъ вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

И опять глаза его вопросительно обѣжали всѣхъ.

— Отчего же я унижусь, я не понимаю.

— Такъ вели, Маша, принести ужинать: три порціи, водки и вина... Нѣтъ постой... Нѣтъ не надо... Иди.

XVI.

— Такъ видишь, продолжалъ Николай Левинъ, съ усиленіемъ юрща лобъ и подергиваясь.

Ему видимо трудно было сообразить что сказать и сдѣлать.

— Вотъ видишь ли...—Онъ указалъ въ углу комнаты какіе-то желѣзные бруски завязанные бичевками.—Видишь ли то? Это начало новаго дѣла къ которому мы приступаемъ. Дѣло это есть производительная артель, говорилъ онъ вопросительно и испуганно глядя на брата.

Константинъ почти не слушалъ. Онъ вглядывался въ его блѣдное чахоточное лицо, и все больше и больше ему

жалко было его, и онъ не могъ заставить себя слушать то что братъ разказывалъ ему про артель. Онъ видѣлъ что эта артель есть только якорь спасенія отъ презрѣнія къ самому себѣ. Николай Левинъ какъ будто появлялъ его мысль. Онъ вдругъ смутился, подернулся, и началъ горячо говорить какъ бы возражая:

— Дѣло это такое же важное какъ дѣло первыхъ христіанъ. Точно также эти люди гонимы, и точно также они люди будущаго.

Крицкій слушая улыбался, какъ показалось Константину Левину, презрительно, и онъ не могъ удержаться чтобы и сказать, обращаясь къ Крицкому:

— Но разница въ томъ что христіане признавали одно орудіе: любовь и убѣжденіе.

— Я съ своей стороны не утверждалъ чтобы мы были подобны первымъ христіанамъ; я признаюсь вамъ и не знаю что они проповѣдывали, да и не хочу знать, сказалъ Крицкій съ улыбкой злою и враждебною, наломившею выраженіе собаки показавшей зубы. — Мы предоставляемъ проповѣдывать любовь тѣмъ кто доволенъ существующимъ порядкомъ вещей. А мы признаемъ его прямо уродливымъ, и знаемъ что насиліе побѣждается только насиліемъ.

— Такъ что же значитъ производительная артель? обратился Константинъ Левинъ къ брату, не отвѣчая Крицкому.

— А вотъ что. Ты знаешь что капиталъ давитъ работника, заговорилъ Николай, не глядя на брата; — работники и насъ, мужики, несутъ всю тягость труда и поставлены такъ что сколько бы они ни трудились, они не могутъ выдти изъ своего скотскаго положенія. Всѣ барыши заработной платы, на которые они могли бы улучшить свое положеніе, доставить себѣ досугъ и вслѣдствіе этого образованіе, всѣ лишки платы, отнимаются у нихъ капиталистами. И такъ случилось общество что чѣмъ больше они будутъ работать, тѣмъ больше будутъ наживаться кулцы, землевладѣльцы, а они будутъ скоты рабочіе всегда. И этотъ порядокъ нужно изменить.

— Да, разумѣется, вставилъ Константинъ Левинъ, вглядываясь въ румянецъ выступившій подъ выдающимися костями щекъ брата.

— И мы вотъ устраиваемъ артель слесарную гдѣ все производство, и барышъ, и главныя орудія производства, все будетъ общее.

— Гдѣ же будетъ артель? спросилъ Константинъ Левинъ.

— Въ селѣ Воздремѣ Т. губерніи.

— Да зачѣмъ же въ селѣ? Въ селахъ земли не обработаны, рукъ мало, а такъ и послѣднія руки отнимутся отъ земледѣлія. Зачѣмъ въ селѣ слесарная артель?

— А зачѣмъ что мужики теперь такіе же рабы какими были прежде, и отъ этого-то вамъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ и непріятно что ихъ хотятъ вывести изъ этого рабства, говорилъ Николай Левинъ, все болѣе и болѣе горячася и покашливая.

Константинъ Левинъ вздохнулъ, оглядывая въ это время комнату мрачную и грязную. Этотъ вздохъ, казалось, еще болѣе раздражилъ Николая.

— Знаю вашу съ Сергѣемъ Ивановичемъ аристократическія воззрѣнія. Знаю что онъ всѣ силы ума употребляетъ на то чтобъ оправдать существующее зло.

— Ну, въ чемъ тутъ Сергѣй Ивановичъ виноватъ? проговорилъ улыбаясь Левинъ.

— Сергѣй Ивановичъ? А вотъ въ чемъ, вдругъ при имени Сергѣя Ивановича вскрикнулъ Николай Левинъ, — вотъ въ чемъ... Да что говорить? Только одно... Для чего ты пріѣхалъ ко мнѣ? Ты презираешь это, и прекрасно, и ступай съ Богомъ, ступай, кричалъ онъ, вставая со стула, — и ступай, и ступай!

— Я нисколько не возражаю, робко сказалъ Константинъ Левинъ. — Я совсѣмъ не спорить пріѣхалъ.

Въ это время вернулась Марья Николаевна. Николай Левинъ сердито оглянулся на нее. Она быстро подошла къ нему и что-то прошептала.

— Я нездоровъ, я раздражителемъ сталъ, проговорилъ успокоиваясь и тяжело дыша Николай Левинъ, — и потомъ ты мнѣ говоришь о сочиненіяхъ Сергѣя Ивановича. Это такой вздоръ, такое вранье, такое самообманыванье. Что можетъ писать о справедливости человѣкъ который ее не знаетъ? Вы читали его книгу, обратился онъ къ Крицкому, опять садясь къ столу, сдвигая съ него до половины насыпанные палирасы чтобъ опростать мѣсто.

— Я началъ читать, но бросилъ, сказалъ Крицкій.

— Отчего? съ раздраженіемъ обратился теперь къ Крицкому Николай Левинъ.

— Потому что не считаю нужнымъ терять время на чтеніе бездарныхъ книгъ...

— То-есть, позвольте, ужь никакъ не бездарныхъ. Ужь и даръ есть большой, и многимъ книга эта недоступна, то-есть выше ихъ. Но я, другое дѣло, я вижу насквозь его мысли, и знаю почему это слабо.

Всѣ замолчали. Крицкій всталъ чтобъ уходить.

— Не хотите ужинать? Ну прощайте. Завтра приходите со слесаремъ.

Только-что Крицкій вышелъ, Николай Левинъ улыбуясь и подмигнулъ.

— Тоже плохъ, проговорилъ онъ. — Вѣдь я вижу...

Но въ это время Крицкій въ дверяхъ позвалъ его.

— Чтò еще нужно? сказалъ онъ и вышелъ къ нему.

Нѣсколько времени они о чемъ-то говорили въ корридорѣ. Оставшись одинъ съ Марьей Николаевной, Левинъ обратился къ ней:

— А вы давно съ братомъ? сказалъ онъ ей.

— Да вотъ ужь второй годъ. Здоровье ихъ очень плохо стало. Пьютъ много, сказала она.

— То-есть какъ льетъ?

— Водку пьютъ, а имъ вредно.

— А развѣ много? прошепталъ Левинъ.

— Да, вздохнувъ и робко оглядываясь на дверь, сказала она.

И, странное дѣло, хотя Левинъ еще только сегодня говорилъ что не признаетъ человѣческими существами павшихъ женщинъ, онъ испытывалъ братское чувство къ этой женщинѣ, понявъ изъ этихъ немногихъ ея словъ и главное, изъ простаго, добраго выраженія ея, что она истинно и можетъ-быть одна во всемъ свѣтѣ любила его брата. Между тѣмъ Николай вернулся. Лицо его было весело какъ у школьника послѣ урока; но увидавъ что братъ разговариваетъ съ Марьей Николаевной, онъ покраснѣлъ и опять нахмурился.

— О чемъ вы говорили? сказалъ онъ, перевода услуживающихъ глазъ съ одного на другаго. — О чемъ?

Константинъ невольно смутился.

— Ни о чемъ.

— А не хотите говорить, какъ хотите. Только нечего тебѣ съ ней говорить. Она дѣвка, а ты баринъ.

Опять онъ подернулся шей.

— Ты, я вѣдь вижу, все понялъ и оцѣнилъ и съ сожалѣніемъ относишься къ моимъ заблужденіямъ, заговорилъ онъ опять, возвышая голосъ.

— Николай Дмитричъ, Николай Дмитричъ, прошептала опять Марья Николаевна, приближаясь къ нему.

— Ну хорошо, хорошо.... Да что жь, ужинъ? А вотъ и онъ, проговорилъ онъ, увидавъ лакея съ подносомъ. — Сюда, сюда ставь, проговорилъ онъ сердито, и тотчасъ же взявъ водку, налилъ рюмку и жадно выпилъ. — Выпей, хочешь? обратился онъ къ брату.

Лицо Николая Дмитриевича тотчасъ же повеселѣло.

— Ну будетъ о Сергѣѣ Ивановичѣ. Я все-таки радъ тебя видѣть. Что тамъ ни толкуй, а все чужіе. Ну выпей же. Расскажи, что ты дѣлаешь? продолжалъ онъ жадно пережевывая кусокъ хлѣба и наливая другую рюмку. — Какъ ты живешь?

— Живу одинъ въ деревнѣ, какъ жилъ прежде, занимаюсь хозяйствомъ, отвѣчалъ Константинъ, съ ужасомъ вглядываясь въ жадность съ которою братъ его пилъ и ѣлъ, и стараясь скрыть свое вниманіе.

— Отчего ты не женишься?

— Не пришлось, покраснѣвъ отвѣчалъ Константинъ.

— Отчего? Ты будешь хорошей семьяниной, а это много значить. Да, я одного желалъ, это семейной жизни; но Богъ не привелъ. Я свою жизнь испортилъ. Это я сказалъ и скажу, заговорилъ онъ краснѣя, — что еслибы мнѣ дали тогда мою часть когда мнѣ она нужна была, вся жизнь моя была бы другая.

Константинъ Дмитриевичъ послѣшилъ отвести разговоръ.

— А ты знаешь что твой Ванюшка у меня въ Покровскомъ конторщикомъ, сказалъ онъ.

Николай дернулъ шей и задумался.

— Да расскажи мнѣ что дѣлается въ Покровскомъ? Что домъ все стоитъ, и березы, и наша класная? А Филиппъ садовникъ неужели живъ? Какъ я помню бесѣдку и диванъ!

Николай съ наслажденіемъ перебиралъ старыя воспоминанія. Лицо его имѣло дѣтское наивное выраженіе.

— Да смотри же, ничего не перемѣняй въ домѣ, но скорѣе женись и опять заведи то же что было. Я тогда прїѣду къ тебѣ если твоя жена будетъ хорошая.

— Да прїѣзжай телерь ко мнѣ, сказалъ Левинъ. — Какъ бы мы хорошо устроились!

— Я бы прїѣхалъ къ тебѣ еслибы зналъ что не найду Сергѣя Ивановича.

— Ты его не найдешь. Я живу совершенно независимо отъ него.

— Да, но какъ ни говори, ты долженъ выбрать между мною и имъ, сказалъ онъ.

И Константинъ замѣтилъ что онъ прямо смотрѣлъ ему въ глаза, говоря это, и робѣлъ ожидая его отвѣта. Эта робость болѣе всего тронула его.

— Если хочешь знать всю мою исповѣдь въ этомъ отношеніи, я скажу тебѣ что въ вашей ссорѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ, я не беру ни той, ни другой стороны. Вы оба не правы. Ты неправъ болѣе внѣшнимъ образомъ, а онъ болѣе внутренно.

— А а! Ты понялъ это, ты понялъ это! радостно закричалъ Николай.

— Но я, лично, если ты хочешь знать, больше дорожѣ дружбой съ тобой, потому что...

— Почему, почему?

Константинъ не могъ сказать что онъ дорожитъ потому что Николай несчастенъ и ему нужна дружба, и онъ не сказалъ. Но Николай понялъ это, нахмурился, и взялся олять за водку.

— Вы бы поменьше лiali, Николай Дмитричъ, сказала Марья Николаевна, протягивая духлау, обнаженную руку къ графинчику.

— Пусти! Не приставай! Прибью, крикнулъ онъ.

Марья Николаевна улыбнулась кроткою и доброю улыбкой, которая сообщилась и Николаю, и все-таки отняла водку.

— Да ты думаешь она ничего не понимаетъ? говорилъ Николай: — Она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. Правда что есть въ ней что-то хорошее, милое?

— Вы никогда прежде не были въ Москвѣ? сказалъ ей Константинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да не говори ей *сы*. Она этого боится. Ей никто кромѣ мирового судьи, когда ее судили за то что она хотѣла уйти изъ дома разврата, никто не говорилъ *сы*. Боже мой, что это за бессмыслица на свѣтѣ! вдругъ вскрикнулъ онъ. — Эти новыя учрежденія, эти мировые судьи, земство, что это за безобразіе!

И онъ началъ разказывать свои столкновения съ новыми режденіями.

Константинъ Левинъ слушалъ его; и то отрицаніе смысла всѣхъ учрежденіяхъ которое онъ самъ отчасти раздѣлялъ и часто высказывалъ, было ему непріятно теперь изъ-за брата.

— На томъ свѣтѣ пойдемъ все это, перебилъ онъ шутя.

— На томъ свѣтѣ? Охъ, не люблю я тотъ свѣтъ! Не люблю. Ты думаешь когда-нибудь о смерти? вдругъ спросилъ онъ, тановивъ испуганные дикіе глаза на лицѣ брата.

— Думаю, но признаюсь, не вѣрю еще хорошенько.

— А я сталъ вѣрить. И вѣдь вотъ кажется что уйти изъ ея мерзости, лутаницы, и чужой и своей, хорошо бы было, я боюсь смерти, ужасно боюсь смерти. — Онъ содрогнулся. — Да вылей что-нибудь. Хочешь шампанскаго? Или подемъ куда-нибудь. Поѣдемъ къ Цыганамъ. Знаешь, я очень любилъ Цыганъ и русскія лѣсны.

Языкъ его сталъ мѣшаться, и онъ пошелъ перескакивать съ одного предмета на другой. Константинъ съ помощью матери уговорилъ его никуда не ѣздить и уложилъ спать совершенно пьянаго.

Мать обѣщала писать ему въ случаѣ нужды, и уговорить Николая Левина пріѣхать жить къ брату.

XVII.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхалъ изъ Москвы и къ вечеру прибылъ домой. Дорогой, въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, также какъ въ Москвѣ, его одолевала лутаница понятий, недовольство собой, стыдъ предъ чѣмъ-то; но когда онъ вышелъ на своей станціи, узналъ криваго кучера Игнатъ съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ яркомъ свѣтѣ, ладающемъ изъ оконъ станціи, свои ковроля сани, своихъ лошадей съ подвязными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и мохрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время какъ укладывались, разказалъ ему деревенскія новости, о приходѣ рядчика и о томъ что отелилась Паша, онъ почувствовалъ что левеняго лутаница разясняется, и стыдъ и недовольство собой проходятъ. Это онъ почувство-

валъ при одномъ видѣ Игната и лошадей; но когда онъ надѣлъ привезенный ему тулупъ, сѣлъ закутавшись въ сани и поѣхалъ раздумывая о предстоящихъ распоряженіяхъ въ дѣлѣ ревнѣ и поглядывая на пристяжную, бывшую верховую, Дюжскую, надорванную, но лхую лошадь, онъ совершенно ничто не сталъ понимать что съ нимъ случилось. Онъ чувствовалъ себя собой, и другимъ не хотѣлъ быть. Онъ хотѣлъ теперь быть только лучше чѣмъ онъ былъ прежде. Вопервыхъ, с этого дня онъ рѣшилъ что не будетъ больше надѣяться на необыкновенное счастье какое ему должна была дать женитьба, и вслѣдствіе этого не будетъ такъ пренебрегать всѣми стоящимъ. Въ вторыхъ, онъ уже никогда не позволитъ себѣ увлечься гадкою страстью, воспоминанье о которой такъ мучило его когда онъ собирался сдѣлать предложеніе. Поэтому, вспоминая брата Николая, онъ рѣшилъ самъ съ собою что никогда уже онъ не позволитъ себѣ забыть его, будетъ слѣдить за нимъ и не выпуститъ его изъ виду, чтобы быть готовымъ на помощь когда ему придется плохо. А это будетъ скоро, онъ это чувствовалъ. Потомъ и разговоръ брата о коммунизмѣ, къ которому тогда онъ такъ легко отнесся, теперь заставилъ его задуматься. Онъ считалъ переѣздъ въ экономическіе условія вздоромъ, но онъ всегда чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ бѣдностью народа, и теперь рѣшилъ про себя что для того чтобы чувствовать себя вполне правымъ, онъ хотя прежде много работалъ и нероскошно жилъ, теперь будетъ еще больше работать и еще меньше будетъ позволять себѣ роскоши. И на это казалось ему такъ легко сдѣлать надъ собою что въ дорогу онъ провелъ въ самыхъ пріятныхъ мечтаніяхъ. Съ бодрымъ чувствомъ надежды на новую, лучшую жизнь, онъ въ девятомъ часу ночи подѣхалъ къ своему дому.

Изъ оконъ комнаты Агаѣи Михайловны, старой нянюшки исполнявшей въ его домѣ роль экономки, падалъ свѣтъ на свѣтъ площадки предъ домомъ. Она не спала еще. Кузнецъ разбуженный ею, сонный и босикомъ выбѣжалъ на крыльцо. Лагавая сука Ласка визжала, терлась объ его колѣни, лаяла малась, и хотѣла и не смѣла положить переднія лапы ея на грудь.

— Скоро жь, батюшка, вернулись, сказала Агаѣя Михайловна.

— Соскучился, Агаея Михайловна. Въ гостяхъ хорошо, дома лучше, отвѣчалъ онъ ей и прошелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ медленно освѣтился принесенною свѣчей, выступили знакомыя подробности: оленьи рога, полки съ книгами, зеркало печи съ отдушникомъ который давно надо было починить, отцовскій диванъ, большой столъ, на столѣ открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его портретомъ. Когда онъ увидаль все это, на него нашло на минуту сомнѣнiе въ возможности устроить ту новую жизнь которой онъ мечталъ дорогой. Всѣ эти слѣды его жизни какъ будто охватили его и говорили ему: „нѣтъ, ты не уйдешь отъ насъ и не будешь другимъ, а будешь такой же карбовъ былъ: съ сомнѣнiями, вѣчнымъ недовольствомъ собой, напрасными попытками исправленiя и паденiями, и вѣчнымъ жиданiемъ счастья которое не далось и не возможно тебѣ.“

— Вздоръ! сказалъ онъ себѣ вслухъ, подошелъ къ углу дѣ у него стояли двѣ лудовыя гири и гимнастическуя подъялъ ихъ разминаясь. За дверью зашкрипѣли шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири.

Вошелъ прикащикъ, и сказалъ что все слава Богу благополучно, но сообщилъ что греча въ новой сушилкѣ подгорѣла. Извѣстiе это раздражило Левина. Новая сушилка была выстроена и частью придумана Левинымъ. Прикащикъ былъ всегда противъ этой сушилки и теперь со скрытымъ оржествомъ объявлялъ что греча подгорѣла. Левинъ же былъ твердо убѣжденъ что если она подгорѣла, то потому только что не были приняты тѣ мѣры о которыхъ онъ сотни разъ указывалъ. Ему стало досадно, и онъ сдѣлалъ выговоръ прикащику. Но было одно важное и радостное событiе: отелась Пава, лучшая, дорогая, купленная съ выставки кова.

— Кузьма, дай тулупъ. А вы ведите-ка взять фонарь, я иду взгляну, сказалъ онъ прикащику.

Скотная для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домою. Проходя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ скотной. Пахнуло навознымъ, теплымъ лѣромъ гдѣ отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивляясь непривычнымъ свѣтомъ фонаря, зашевелились на свѣтѣ соломы. Мелькнула гладкая, черлопѣгая, широкая спина Голландки. Беркутъ, быкъ, лежалъ съ своимъ кольцомъ въ бѣ, и хотѣлъ было встать, но раздумалъ, и только пыхнулъ

раза два когда проходили мимо. Красная красавица, громадная какъ гипполотамъ, Пава, повернувшись задомъ, заслоняла отъ входившихъ теленка и обнюхивала его.

Левинъ вошелъ въ денникъ, оглядѣвъ Паву и поднулъ краснолѣггаго теленка на его шаткія длинныя ноги. Взволованная Пава замычала было, но успокоилась когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, и тяжело вздохнувъ стала лизать ее шаршавымъ языкомъ. Телка отыскивая подталкивала морсомъ подъ лахъ свою мать и крутила хвостикомъ.

— Да, сюда посвѣти, Федоръ, сюда фонарь, говорилъ Левинъ оглядывая телку. — Въ мать! Даромъ что мастью в отца. Очень хороша. Длинна и пашиста. Василий Федоровичъ, вѣдь хороша? обращался онъ къ прикащику, совершенно примиряясь съ нимъ за греху подъ вліяніемъ радости за телку.

— Въ кого же дурной быть? А Семень рядчикъ на другой день вашего отъѣзда пришелъ. Надо будетъ порядиться съ нимъ, Константинъ Дмитричъ, сказалъ прикащикъ. — Я вамъ прежде докладывалъ про машину.

Одинъ этотъ вопросъ ввелъ Левина во всѣ подробности хозяйства, которое было большое и сложное, и онъ прямо изъ коровника пошелъ въ контору, и поговоривъ съ прикащикомъ и съ Семеномъ рядчикомъ, вернулся домой и прямо пошелъ наверхъ въ гостиную.

XVIII.

Домъ былъ большой, старинный, и Левинъ хотя жилъ одинъ но топилъ и занималъ весь домъ. Онъ зналъ что это было глупо, зналъ что это даже не хорошо и противно его теперешнимъ новымъ планамъ, но домъ этотъ былъ цѣлый міръ для Левина. Это былъ міръ, въ которомъ жили и умерли его отецъ и мать. Они жили тою жизнью которая для Левина казалась идеаломъ всякаго совершенства и которую онъ мечталъ возобновить съ своею женой, съ своею семьей.

Левинъ едва помнилъ свою мать. Понятіе о ней было для него священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелекаго, святаго идеала женщины какимъ была для него ма-

Любовь къ женщинѣ онъ не только не могъ себѣ представить безъ брака, но онъ прежде представлялъ себѣ семью, потому уже ту женщину которая дастъ ему семью. Его понятія о женитьбѣ лотому не были похожи на понятія большинства его знакомыхъ для кого женитьба была однимъ изъ многихъ общежитейскихъ дѣлъ; для Левина это было главнымъ дѣломъ жизни, отъ котораго зависѣло все ея счастье. И теперь отъ этого нужно отказаться! Но неужели отказаться? Нѣтъ...

Когда онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ всегда пили чай, и усѣлся въ своемъ креслѣ съ книгою, а Агаея Михайловна принесла ему чаю, и со своимъ обычнымъ: „А садю, батюшка“, сѣла на стулъ у окна, онъ почувствовалъ то, какъ ни странно это было, онъ не разстался съ своими мыслями, и что онъ безъ нихъ жить не можетъ. Съ ней ли, съ другою ли, но это будетъ. Онъ читалъ книгу, думалъ о томъ что читалъ, останавливаясь чтобы слушать Агаею Михайловну, которая безъ устали болтала; и вмѣстѣ съ тѣмъ изныя картины хозяйства и будущей семейной жизни безъ язи представлялись его воображенію. Онъ чувствовалъ что глубинѣ его души что-то устанавливалось, умиралось, укладывалось.

Онъ слушалъ разговоръ Агаеи Михайловны о томъ какъ рохоръ Бога забылъ, и на тѣ деньги что ему подарилъ живнъ чтобы лошадь купить, льетъ безъ просылу, и жену билъ до смерти; онъ слушалъ, и читалъ книгу, и вспоминалъ весь ходъ своихъ мыслей возбужденныхъ чтеніемъ. Это была книга Тиндала о теллѣ. Онъ вспоминалъ свои осужденія Тиндалю, за его самодовольство въ ловкости производства мытовъ, и за то что ему не достаетъ философскаго гляда. „А о кометахъ онъ вретъ, хоть и красиво.“ Другъ всплывада радостная мысль: „черезъ два года дуть у меня въ стадѣ двѣ голландки, сама Пава еще жетъ быть жива, двѣнадцать молодыхъ Беркутовыхъ дорей; да подсылать на казовый конецъ этихъ трехъ—чудо!“ Онъ опять взялся за книгу. „Ну хорошо, электричество и это одно и то же; но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса оставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Такъ что же? Связь между всѣми силами природы и такъ встаетъ инстинктомъ... Особенно пріятно какъ Павина дочь деть уже красноплѣгою коровой, и все стадо въ которое

подсыпать этихъ трехъ... Отлично! Выйти съ женой и гостями встрѣчать стадо... Жена скажетъ: мы съ Костей какъ ребенка выхаживали эту телку. Какъ это можетъ васъ такъ интересовать? скажетъ гость. Все что его интересуесть, интересуесть меня. Но кто она? Что-то тяжелое произошло в Москвѣ... Ну что же дѣлать?.. Я не виноватъ. Но теперь я хочу по новому жить. Только едва ли? Не допустить жизни прошедшее не допустить. Что же дѣлать? По старому жить? Только лучше, гораздо лучше жить....“ Онъ приподнял голову и задумался. Старая Ласка, еще не совсѣмъ перешедшая радость его прїезда и бѣгавшая чтобы полаять на дворѣ, вернулась махая хвостомъ и внося съ собой запахъ воздуха, подошла къ нему, подеунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая и требуя чтобы онъ поласкалъ ее.

— Только не говоритъ, сказала Агаеья Михайловна. — А песъ... Вѣдь понимаетъ же что хозяинъ прїѣхалъ и ему скучно.

— Отчего же скучно?

— Да развѣ я не вижу, батюшка. Пора мнѣ господъ звать. Съ измальства въ господахъ выросла. Ничего, батюшка. Было бы здорье да душа чиста.

Левинъ пристально смотрѣлъ на нее удивляясь тому какъ она появляла его мысли.

— Что жь принесть еще чайку? сказала она, и взявъ чашку вышла.

Ласка все подсовывала голову подъ его руки. Онъ поглядилъ ее, и она тутъ же у ногъ его свернулась кольцомъ, положивъ голову на высунувшуюся заднюю лапу. И въ знакъ того что теперь все хорошо и благополучно, она слегка раскрыла ротъ, лочмокала губами и лучше уложивъ около старыхъ зубъ липкія губы, затихла въ блаженномъ покоѣствіи. Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

— Такъ-то и я! сказалъ онъ себѣ:—такъ-то и я. Ничего. Все хорошо.

XIX.

Послѣ бала, рано утромъ, Анна Аркадьевна послала мужу телеграмму о своемъ выѣздѣ изъ Москвы въ тотъ же день.

— Нѣтъ, мнѣ надо, надо ѣхать, объясняла она невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія такимъ тономъ какъ будто она

пожила столько дѣлъ что не перечесть: — нѣтъ, ужь лучше нынче.

Стеланъ Аркадьевичъ не обѣдалъ дома, но обѣщалъ пріѣхать проводить сестру въ семь часовъ.

Кити тоже не пріѣхала, приславъ записку что у нея голова болитъ. Долли и Анна обѣдали однѣ съ дѣтми и Англичанкой. Потому ли что дѣти непостоянны или очень чутки почувствовали что Анна въ этотъ день совсѣмъ не такая какъ въ тотъ когда они такъ полюбили ее, что она уже не няня ими, но только они вдругъ прекратили свою игру съ ней и любовь къ ней, и ихъ совершенно не занимало то что она увѣзжаетъ. Анна все утро была занята приготовленіями къ отъѣзду. Она писала записки къ московскимъ знакомымъ, записывала свои счета и укладывалась. Вообще Долли замечало что она не въ спокойномъ духѣ, а въ томъ духѣ боты который Долли хорошо знала за собой, и который ходить не безъ причины и большею частью прикрываетъ удовольствіе собою. Послѣ обѣда Анна пошла одѣваться въ свою комнату, и Долли пошла за ней.

— Какая ты нынче странная, сказала ей Долли.

— Я? Ты находишь? Я не странная, но я дурная. Это бытъ со мною. Мнѣ все хочется плакать. Это очень гадко, это проходить, сказала быстро Анна и нагнула покраснѣвшее лицо къ игрушечному мѣшочку въ который она складывала ночной чепчикъ и батистовые платки. Глаза ея естъли лихорадочнымъ блескомъ и безпрестанно подергивались слезами. — Такъ мнѣ изъ Петербурга не хотѣлось ѣхать, а теперь отсюда не хочется.

— Ты пріѣхала сюда и сдѣлала доброе дѣло, сказала Долли, внимательно высматривая ее.

Анна посмотрѣла на нее мокрыми отъ слезъ глазами.

— Не говори этого, Долли. Я ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать. Я часто удивляюсь зачѣмъ люди сговорились ругать меня. Что я сдѣлала и что могла сдѣлать? У тебя сердце нашлось столько любви чтобы простить...

— Безъ тебя Богъ знаетъ что бы было! Какая ты счастливая, Анна! сказала Долли. — У тебя все въ душѣ ясно и хорошо.

— У каждаго есть въ душѣ свои skeletons, какъ говорятъ англичане.

— Какіе же у тебя skeletons? У тебя все такъ ясно.

— Есть! вдругъ сказала Анна и неожиданно послѣ слез хитрая, смѣшная улыбка сморщила ее губы.

— Ну такъ они смѣшные твои skeletons, а не мрачные, улыбаясь сказала Долли.

— Нѣтъ, мрачные. Ты знаешь отъ чего я ѣду нынче, завтра? Это признаніе которое меня давило, и я хочу тебѣ его сдѣлать, сказала Анна, рѣшительно откидываясь на кушетку и глядя прямо въ глаза Долли.

И къ удовольствію своему Долли увидала что Анна краснѣла до ушей, до вьющихся черныхъ косицъ на шѣ.

— Да, продолжала Анна. — Ты знаешь отъ чего Кити не пріѣхала обѣдать? Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила... и была причиной того что балъ этотъ былъ для нея мучительнымъ, а не радостью. Но право, право, я не виновата, или виновата немножко, сказала она тонкимъ голосомъ протянувъ слово „немножко“.

— О, какъ ты это похоже сказала на Стиву! смѣясь сказала Долли.

Анна оскорбилась.

— О нѣтъ, о нѣтъ! Я не Стива, сказала она хмурясь. — И отъ того говорю тебѣ что я ни на минуту даже не позволю себѣ сомнѣваться въ себѣ, сказала Анна.

Но въ ту минуту какъ она выговаривала эти слова, она чувствовала что они несправедливы; она не только сомнѣвалась въ себѣ, она чувствовала волненіе при мысли о Вронскомъ, и увѣжала скорѣе чѣмъ хотѣла только для того чтобы больше не встрѣчаться съ нимъ.

— Да, Стива мнѣ говорилъ что ты съ нимъ танцевала вальс, и что онъ...

— Ты не можешь себѣ представить какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ совсѣмъ другое.

Она покраснѣла и остановилась.

— О, они это сейчасъ чувствуютъ! сказала Долли.

— Но я была бы въ отчаяніи еслибы тутъ было что-нибудь серьезное съ его стороны, перебила ее Анна. — И я уверена что это все забудется, и Кити перестанетъ меня видеть.

— Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень люблю для Кити этого брака. И лучше чтобы это разошлось если онъ, Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ мигъ.

— Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо! сказала Анна, и опять густая краска удовольствія выступила на ея лицѣ когда она услышала словами выговоренную свою совѣсть. — Такъ вотъ я и уѣзжаю сдѣлавъ себѣ врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это Долли? Да?

Долли едва могла удерживать улыбку. Она любила Анну, но ей пріятно было видѣть что и у ней есть слабости.

— Врага? Это не можетъ быть.

— Я такъ бы желала чтобы вы всѣ меня любили какъ я васъ люблю, а теперь я еще больше полюбила васъ, сказала она со слезами на глазахъ. — Ахъ, какъ я нынче глупа!

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Уже предъ самымъ отѣздомъ пріѣхалъ опоздавшій Степанъ Аркадьевичъ съ краснымъ, веселымъ лицомъ и залатомъ вина и сигары.

Чувствительность Анны сообщилась и Долли, и когда она въ послѣдній разъ обняла золовку она прошептала: — Помни Анна, что ты для меня сдѣлала я никогда не забуду, и помни что я любила и всегда буду любить тебя какъ лучшаго друга.

— Я не понимаю за что, проговорила Анна, цѣлуя ее и скрывая слезы.

— Ты меня поняла и понимаешь. Прощай, моя прелесть.

XX.

„Ну, все кончено, и слава Богу!“ была первая мысль прішедшая Аннѣ Аркадьевнѣ когда она простилась въ послѣдній разъ съ братомъ, который до третьяго звонка загоразживалъ собою дорогу въ вагонъ. Она сѣла на свой диванчикъ, рядомъ съ Аннушкой, и оглядѣлась въ полусвѣтъ спальнаго вагона. „Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и поидетъ моя жизнь, хорошая и привычная, по старому.“

Все въ томъ же духѣ озабоченности, въ которомъ она находилась весь этотъ день, Анна съ удовольствіемъ и отчетливостью устроилась въ дорогу; своими маленькими, ловкими руками она отперла и заперла красный мѣшечекъ, достала подушечку, положила себѣ на колѣни и аккуратно закутавъ ноги спокойно усѣлась. Больная дама укла-

дывалась уже спать. Двѣ другія дамы говорили, очевидно не столько для себя сколько для нея, на дурномъ французскомъ языкѣ, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о толкѣ. Анна отвѣтила нѣсколько словъ дамамъ, обратившимся къ ней, но не предвидя интереса отъ разговора, попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и взяла изъ своей сумочки разръзной ножикъ и англійскій романъ. Первое время ей не читалось. Сначала мѣшала возня и ходьба; потомъ, когда тронулась машина, нельзя было не прислушаться къ звукамъ, потомъ снѣгъ бившій въ лѣвое окно и налилавшій на стекло, и видъ закутаннаго, мимо прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ съ одной стороны, и разговоры о томъ какая теперь страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Далѣе все было то же и то же, та же тряска съ постукиваньемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣ же быстрые переходы отъ лароваго жара къ холоду и опять къ жару, то же мельканіе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣ же голоса, и наконецъ Анна стала читать и понимать читаемое. Аннушка уже дремала держа красный мѣшечекъ на колѣнахъ широкими руками въ перчаткахъ, изъ которыхъ одна была прорвана. Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей непріятно было читать, то-есть слѣдить за отраженіемъ жизни другихъ людей. Ей самой хотѣлось двигаться, жить. Читала ли она какъ героиня романа ухаживала за больнымъ, ей хотѣлось ходить неслышными шагами по комнатѣ больнаго; читала ли она о томъ какъ членъ парламента говорилъ рѣчь, ей хотѣлось говорить эту рѣчь; читала ли она о томъ какъ леди Мери вѣхала верхомъ за стаей и дразнила невѣстку и удивляла всѣхъ своею смѣлостью, ей хотѣлось это дѣлать самой. Но дѣлать нечего было, и она перебирая своими маленькими руками гладкій ножичекъ уславалась читать.

Герой романа уже началъ достигать своего англійскаго счастья, баронетства и имѣнія, и Анна желала съ нимъ вмѣстѣ вѣхать въ это имѣніе, какъ вдругъ она почувствовала что ему должно быть стыдно, и что ей стыдно этого самаго. Но чего же ему стыдно? „Чего же мнѣ стыдно?“ спросила она себя съ оскорбленнымъ удивленіемъ. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крѣпко сжавъ въ обѣихъ рукахъ разръзной ножикъ. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспо-

шла балъ, вспомнила Вронскаго и его влюбленное покорное
цо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ: ничего не бы-
стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ самомъ мѣстѣ вос-
минаній, чувство стыда усиливалось какъ будто какой-то
утренній голосъ именно тутъ когда она вспоминала о Врон-
омъ говорилъ ей: тепло, очень тепло, горячо. Ну что же?
азала она себѣ рѣшительно, пересаживаясь въ креслѣ. Что
это значитъ? Развѣ я боюсь взглянуть прямо на это? Ну
о же? Неужели между мной и этимъ офицеромъ мальчи-
мъ существуютъ и могутъ существовать какія-нибудь дру-
и отношенія кромѣ тѣхъ что бываютъ съ каждымъ
акомымъ? Она презрительно усмѣхнулась и опять взялась
книгу; но уже рѣшительно не могла понимать того что
тала. Она провела разрѣзнымъ ножомъ по стеклу, потомъ
пложила его гладкую и холодную поверхность къ щекѣ, и
ть вслухъ не засмѣялась отъ радости, вдругъ безпричин-
овладѣвшей ею. Она чувствовала что нервы ея какъ стру-
и натягиваются все туже и туже на какіе-то завинчиваю-
еся колышки. Она чувствовала что глаза ея раскрываются
льше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно
ижутся, что внутри что-то давить дыханье, и что всѣ
разы и звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ не-
ычайною яркостью поражаютъ ее. На нее безпрестанно
кодили минуты сомнѣнія, впередъ ли ѣдетъ вагонъ или
задъ, или вовсе стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея или чужая?
о тамъ, на ручкѣ, шуба ли это или звѣрь? „И что сама
гутъ? Я сама или другая?“ Ей страшно было отдаваться
ому забытью. Но что-то втягивало въ него, и она по
озволу могла отдаваться ему и воздерживаться. Она
цнялась чтобъ оломниться, откинула пледъ и сняла ле-
ину теплаго платья. На минуту она оломвилась и по-
аа что вошедшій худой мужикъ, въ длинномъ нанковомъ
ыто, на которомъ не доставало луговицы, былъ истолвикъ,
онъ смотрѣлъ на термометръ, что вѣтеръ и снѣгъ во-
лились за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось...
жикъ этотъ съ длинною таліей принялся грызть что-то
стѣнѣ, старушка стала протягивать ноги во всю длину
она и наполнила его чернымъ облакомъ; потомъ что-то
ашно заскрипѣло и застучало какъ будто раздирали
о-то, потомъ красный огонь ослѣпилъ глаза, и потомъ все

закрылось стѣной. Анна почувствовала что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело. Голосъ окутаннаго и занесеннаго снѣгомъ человѣка прокричалъ что-то ей над ухомъ. Она поднялась и оломилась; она поняла что люди ѣхали къ станціи, и что это былъ кондукторъ. Она попросила Аннушку подать ей снятую пелерину и платокъ, надѣла ихъ и направилась къ двери.

— Выходить изволите? спросила Аннушка.

— Да, мнѣ подышать хочется. Тутъ очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей навстрѣчу и заспорили съ ней о двери. И это ей показалось весело. Она отворила дверь и рѣшительно вышла. Вѣтеръ какъ будто только ждалъ ее, радостно засвисталъ и хотѣлъ подхватить и увести ее, но она рукой взялась за холодный столбикъ, и придерживая платье слустилась на платформу и зашла за вагонъ. Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ; на платформѣ за вагонами было затишье. Съ наслажденіемъ, полною грудью, она вдыхала въ себя снѣжный, морозный воздухъ и стоя подлѣ вагона оглядывала платформу и освѣщенную станцію. Страшная буря рвалась и свистѣла между колесами вагоновъ по столбамъ изъ-за угла станціи. Вагоны, столбы, люди, все что было видно было занесено съ одной стороны снѣгомъ и заносилось все больше и больше. На мгновенье буря затихала, но потомъ опять налетала такими порывами что казалось нельзя было противостоятъ ей. Между тѣмъ, какіе-то люди бѣгали весело переговариваясь, скрипя досками платформы и безпрестанно отворяя и затворяя большія двери. Согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами, и послышались звуки молотка по желѣзу. „Делешу дай!“ раздался седитый голосъ съ другой стороны изъ бурнаго мрака. „Сюда пожалуйте! № 28!“ кричали еще разные голоса, и занесенны снѣгомъ пробѣгали обвязанные люди. Какіе-то два господина съ огнемъ лалирость во рту, прошли мимо ея и заглянули ей въ лицо. Она вздохнула еще разъ чтобы надышаться, уже вынула руку изъ муфты чтобы взяться за столбикъ войти въ вагонъ какъ еще человѣкъ въ военномъ плащѣ, подлѣ ея самой, заслонилъ ей колеблющійся свѣтъ фонаря. Она оглянулась, и въ ту же минуту узнала лицо Вронскаго. Приложивъ руку къ козырьку, онъ наклонился предъ ней и спросилъ не нужно ли ей чегонибудь, не можетъ ли онъ служить ей? Она довольна

долго ничего не отвѣчая, вглядывалась въ него, и не смотря на тѣнь, въ которой онъ стоялъ, видѣла или ей казалось что видѣла его, и выраженіе его лица и глазъ. Это было опять то выраженіе почтительнаго восхищенія которое такъ подѣйствовало на нее вчера. Не разъ говорила она себѣ, эти послѣдніе дни и сейчасъ только, что Вронскій для нея одинъ изъ сотенъ вѣчно однихъ и тѣхъ же, повсюду встрѣчаемыхъ молодыхъ людей, что она никогда не позволитъ себѣ и думать о немъ; но теперь, въ первое мгновеніе встрѣчи съ нимъ, ее охватило чувство радостной гордости. Ей не нужно было спрашивать зачѣмъ онъ тутъ. Она знала это такъ же вѣрно какъ еслибъ онъ сказалъ ей что онъ тутъ для того чтобы быть тамъ гдѣ она.

— Я не знала что вы ѣдете. Зачѣмъ вы ѣдете? сказала она, олутивъ руку которою взялась было за столбикъ. И не удержимая радость и оживленіе сіяли на ея лицѣ.

— Зачѣмъ я ѣду? повторилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза. — Вы знаете, я ѣду для того чтобы быть тамъ гдѣ вы, сказалъ онъ, — я не могу иначе.

И въ это же время, какъ бы одолѣвъ препятствія, вѣтеръ засыпалъ снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрелалъ какимъ-то жезльнымъ оторваннымъ листомъ, и впереди, плачевно и мрачно, заревѣлъ густой свистокъ паровоза. Весь ужасъ метели показался ей еще болѣе прекрасенъ теперь. Онъ сказалъ то самое чего желала ея душа, но чего она боялась разсудкомъ. Она ничего не отвѣчала, и на лицѣ ея онъ видѣлъ борьбу.

— Простите меня если вамъ непріятно то что я сказалъ, заговорилъ онъ покорно.

Онъ говорилъ учтиво, почтительно, но такъ твердо и упорно что она долго не могла ничего отвѣтить.

— Это дурно что вы говорите, и я прошу васъ, если вы хорошій человекъ, забудьте что вы сказали какъ и я забуду, сказала она наконецъ.

— Ни одного слова вашего, ни одного движенія вашего я не забуду никогда и не могу...

— Довольно, довольно, вскрикнула она тѣтливо стараясь придать строгое выраженіе своему лицу, въ которое онъ жадно всматривался. И взявшись рукой за холодный столбикъ, она поднялась на ступеньки и быстро вошла въ сѣни вагона. Но въ этихъ маленькихъ сѣняхъ она остановилась,

и обдумывая въ своемъ воображеніи то что было. Не вспоминая ни своихъ ни его словъ, она чувствомъ поняла что этотъ минутный разговоръ страшно сблизилъ ихъ. Она была испугана и счастлива этимъ. Постоявъ нѣсколько секундъ, она вышла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто. То напряженное состояніе которое ее мучило сначала, не только возобновилось, но усилилось и дошло до того что она боялась что всякую минуту порвется въ ней что-то слишкомъ натянутое. Она не спала всю ночь. Но въ томъ напряженіи и тѣхъ грезахъ которыя наполняли ея воображеніе, не было ничего неприятнаго и мрачнаго; напротивъ, было что-то радостное, жгучее и возбуждающее.

XXI.

Къ утру Анна задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было бѣло, свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Тотчасъ же мысли о домѣ, о мужѣ, о сынѣ, и заботы предстоящаго дня и слѣдующихъ обступили ее. Она съ удивленіемъ вспомнила свое вчерашнее состояніе. Но что же было? Ничего. Вронскій сказалъ глупость которой легко положить конецъ, и я отвѣтила такъ какъ нужно было. Сказать объ этомъ мужу? спросила она себя. Но что же говорить? Говорить объ этомъ значитъ придавать важность тому что ея не имѣетъ. Она вспомнила три тако-го же рода, или похожія, положенія, въ которыхъ она была во время своей замужней жизни, — вспомнила какъ она разказала почти признаніе которое ей сдѣлалъ въ Петербургѣ молодой подчиненный ея мужа, и какъ Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ что живя въ свѣтѣ всякая женщина можетъ подвергнуться этому, но что онъ довѣряется вполнѣ ея такту и никогда не позволитъ себѣ унижить ее и себя до ревности. Стало-быть незачѣмъ говорить? Да слава Богу и нечего, сказала она себѣ, вставая чтобы выходить изъ вагона.

Въ Петербургѣ, только-что остановился поѣздъ и она вышла, первое лицо обратившее ея вниманіе было лицо мужа. „Ахъ, Боже мой! отъ чего у него стали такія уши?“ подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившіе ее теперь хрящи ушей, подлирав-

шіе поля круглой шляпы. Увидавъ ее онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, сложивъ губы въ привычную ему, насмѣшливую улыбку и прямо глядя на нее большими усталыми глазами. Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце когда она встрѣтила его упорный и усталый взглядъ, какъ будто она ожидала увидѣть его другимъ. Въ особенности поразило ее чувство недовольства собой которое она испытала при встрѣчѣ съ нимъ. Чувство то было давнишнее, знакомое,—чувство похожее на состояніе притворства которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его.

— Да какъ видишь, нѣжный мужъ, нѣжный какъ на другой годъ жемчужбы, сгоралъ желаніемъ увидѣть тебя, сказалъ онъ своимъ медлительнымъ тонкимъ голосомъ и тѣмъ тономъ который онъ всегда почти употреблялъ съ ней, тономъ насмѣшки надъ тѣмъ кто бы въ самомъ дѣлѣ такъ говорилъ.

— Сережа здоровъ? спросила она.

— И это вся награда, сказалъ онъ, — за мою пылкость? Здоровъ, здоровъ....

И взявъ ее подъ руку, онъ повелъ ее къ каретѣ.

Вронскій и не пытался заснуть всю эту ночь. Онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, то прямо устремивъ глаза впередъ себя, то оглядывая входившихъ и выходившихъ, и если и прежде онъ поражалъ и волновалъ незнакомыхъ ему людей своимъ видомъ непоколебимаго спокойствія, то теперь онъ еще болѣе казался гордымъ и самодовлѣющимъ. Онъ смотрѣлъ на людей какъ на вещи. Молодой нервный человѣкъ служащій въ окружномъ судѣ, сидѣвшій противъ него, возненавидѣлъ его за этотъ видъ. Молодой человѣкъ и закуривалъ у него, и заговаривалъ съ нимъ, и даже толкалъ его, чтобы дать ему почувствовать что онъ не вещь, а человѣкъ, но Вронскій смотрѣлъ на него все также какъ на фонарь, и молодой человѣкъ гримасничалъ, чувствуя что онъ теряетъ самообладаніе подъ давленіемъ этого непризнаванія его человѣкомъ.

Вронскій ничего и никого не видалъ. Онъ чувствовалъ себя царемъ не потому чтобъ онъ вѣрилъ что произвелъ впечатлѣніе на Анну, — онъ еще не вѣрилъ этому, — но потому что впечатлѣніе которое она произвела на него давало ему счастье и гордость.

Что изъ этого всего выйдетъ онъ не зналъ и даже не думалъ. Онъ чувствовалъ что всѣ его доселѣ раслуценныя

разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли. И онъ былъ счастливъ этимъ. Онъ зналъ только что сказалъ ей правду, что онъ вѣхалъ туда гдѣ была она, что все счастье жизни единственный смыслъ жизни онъ находилъ теперь въ томъ чтобы видѣть и слышать ее. И когда онъ вышелъ изъ вагона въ Бологовѣ чтобы выпить сельтерской воды и увидалъ Анну, невольное первое слово его сказала ей то самое что онъ и желалъ. И онъ радъ былъ что сказалъ ей это, что она знаетъ теперь это и думаетъ объ этомъ. Онъ не спалъ всю ночь. Вернувшись въ свой вагонъ, онъ не переставая перебиралъ всѣ положенія въ которыхъ ее видѣлъ, всѣ слова, и въ его воображеніи, заставляя замирать сердце, встали картины возможнаго будущаго.

Когда въ Петербургѣ онъ вышелъ изъ вагона, онъ чувствовалъ себя послѣ бессонной ночи оживленнымъ и сильнымъ какъ послѣ холодной ванны. Онъ остановился у своего вагона, ожидая ея выхода. Еще разъ увижу, говорилъ онъ себѣ невольное улыбаясь, увижу ея походку, ея лицо, скажетъ что-нибудь, поворотитъ голову, взглянетъ, улыбнется можетъ-быть. Но прежде еще чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ увидалъ ея мужа, котораго начальникъ станціи учтиво проводилъ между толпою. „Ахъ, да! Мужъ!“ Теперь только въ первый разъ Вронскій ясно понялъ то что мужъ было связанное съ нею лицо. Онъ зналъ что у ней есть мужъ, но не вѣрилъ въ существованіе его, и повѣрилъ въ него вполне только когда увидалъ его съ его головой, плечами и ногами въ черныхъ панталонахъ; въ особенности когда онъ увидалъ какъ этотъ мужъ съ чувствомъ собственности, спокойно взялъ ея руку.

Увидѣвъ Алексѣя Александровича съ его петербургскимъ свѣжимъ лицомъ и строго-самоувѣренною фигурой, въ круглой шляпѣ, немного выдающаея спиной, онъ повѣрилъ въ него и испыталъ непріятное чувство, подобное тому какое испыталъ бы человѣкъ мучимый жаждою и добравшійся до источника и находящій въ этомъ источникѣ собаку, оццу или свинью, которая и выпила, и взмугала воду. Походка Алексѣя Александровича, вращавшая всѣмъ тазомъ и тулыми ногами, особенно оскорбляла Вронскаго. Онъ только за собой считалъ несомнѣнное право любить ее. Но она была все та же, и видъ ея все также, физически оживалъ,

возбуждая и наполняя счастьемъ его душу, подѣйствовалъ на него. Онъ приказалъ подбѣжавшему къ нему изъ втораго класса Нѣмцу лакею взять вещи и ѣхать, а самъ подошелъ къ ней. Онъ видѣлъ первую встрѣчу мужа съ женою, и замѣтилъ съ проникательностью влюбленнаго признакъ легкаго стѣсненія, съ которыми она говорила съ мужемъ. „Нѣтъ, она не любитъ и не можетъ любить его“, рѣшилъ онъ самъ съ собою.

Еще въ то время какъ онъ подходилъ къ Аннѣ Аркадьевнѣ сзади, онъ замѣтилъ съ радостью что она чувствовала его приближеніе и оглянулась было, и узнавъ его опять обратилась къ мужу.

— Хорошо ли вы провели ночь? сказалъ онъ наклоняясь предъ нею и предъ мужемъ вмѣстѣ и предоставляя Алексѣю Александровичу принять этотъ поклонъ на свой счетъ и узнать его или не узнать какъ ему будетъ угодно.

— Благодарю васъ, очень хорошо, отвѣчала она.

Лицо ея казалось устало и не было на немъ той игры просившагося то въ улыбку, то въ глаза оживленія, но на одно мгновеніе при взглядѣ на него что-то мелькнуло въ ея глазахъ и несмотря на то что огонь этотъ сейчасъ же потухъ, онъ былъ счастливъ этимъ мгновеніемъ. Она взглянула на мужа чтобъ узнать знаетъ ли онъ Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая кто это. Спокойствіе и самоувѣренность Вронскаго здѣсь какъ коса на камень наткнулись на холодную самоувѣренность Алексѣя Александровича.

— Графъ Вронскій, сказала Анна.

— А! Мы знакомы кажется, равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку.—Туда ѣхала съ матерью, а назадъ съ сыномъ, сказалъ отчетливо выговаривая, какъ рублемъ даря каждымъ словомъ.—Вы вѣрно изъ отпуска, сказалъ онъ и не дожидаясь отвѣта обратился къ женѣ своимъ шуточнымъ тономъ:—что жь, много слезъ было пролито въ Москвѣ при разлукѣ?

Обращеніемъ этимъ къ женѣ онъ давалъ чувствовать Вронскому что желаетъ остаться одинъ и повернувшись къ нему коснулся шляпы; но Вронскій обратился къ Аннѣ Аркадьевнѣ:

— Надѣюсь имѣть честь быть у васъ, сказалъ онъ.

Алексѣй Александровичъ прищурившись взглянулъ на Бронскаго.

— Очень радъ, сказалъ онъ холодно,—по понедѣльникамъ мы принимаемъ. — Затѣмъ отпустивъ совсѣмъ Бронскаго онъ сказалъ женѣ: — и какъ хорошо что у меня именно было полчаса времени чтобы встрѣтить тебя, и что я могъ показать тебѣ свою нѣжность, продолжалъ онъ тѣмъ же шуточнымъ тономъ.

— Ты слишкомъ уже подчеркиваешь свою нѣжность что я очень цѣнила, сказала она тѣмъ же шуточнымъ тономъ, невольно прислушиваясь къ звукамъ шаговъ Бронскаго, шагъ за шагомъ. „Но что мнѣ за дѣло?“ подумала она, и стала спрашивать у мужа какъ проводилъ время Сережа.

— О, прекрасно! Mariette говоритъ что онъ былъ мнѣ очень и... я долженъ тебя огорчить... не скучалъ о тебѣ, такъ какъ твой мужъ. Но еще разъ мерси, мой другъ, ты подарила мнѣ день. Нашъ милый самоваръ будетъ въ исторгѣ. (Самоваромъ онъ называлъ знаменитую графиню Лидію Ивановну, за то что она всегда и обо всемъ волновалась и горячилась.) Она о тебѣ спрашивала. И знаешь, если я смѣю совѣтовать, ты бы сѣздила къ ней почае. Вѣдь у ней обо всемъ болитъ сердце. Теперь она, кромѣ всѣхъ своихъ хлопотъ, занята примиреніемъ Обломскихъ.

Графиня Лидія Ивановна была другъ ея мужа и центр одного изъ тѣхъ кружковъ петербургскаго свѣта, съ которымъ по мужу ближе всѣхъ была связана Анна.

— Да вѣдь я писала ей.

— Но ей все нужно подробно. Сѣзди, если не устала, мой другъ. Ну, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ комитетъ. Опять буду обѣдать не одинъ, продолжалъ Алексѣй Александровичъ уже не шуточнымъ тономъ. — Ты не поводишь какъ я привыкъ...

И онъ, долго сжимая ей руку, съ особенною улыбкой поцеловалъ ее въ карету.

XXXII.

Первое лицо встрѣтившее Анну дома былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ гувернантки, и съ отчаяннымъ восторгомъ кричалъ: „Мама, мама!“ Добѣжавъ до нея онъ повисъ ей на шею.

— Я говорилъ вамъ что мама! кричалъ онъ гувернанткѣ.—
зналъ!

И сынъ, также какъ и мужъ, произвелъ въ Аннѣ чувство похожее на разочарованье. Она воображала его лучше чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Она была должна опуститься до дѣйствительности чтобы наслаждаться имъ такимъ каковъ онъ былъ. Но и такой каковъ онъ былъ, онъ былъ желестенъ съ своими бѣлокурыми кудрями, голубыми глазами и полными стройными ножками въ туго натянутыхъ чулкахъ. Анна испытывала почти физическое наслажденіе въ ощущеніи его близости и ласки, и нравственное покоеніе когда встрѣчала этотъ простодушный, доверчивый и любящій взглядъ и слышала наивные вопросы. Анна стала подарку которые посылали дѣти Долли, и разказала ему какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня, и какъ Таня эта гдетъ читать, и учить даже другихъ дѣтей.

— Чтѣ же я хуже ея? спросилъ Сережа.

— Для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Я это знаю, сказалъ Сережа улыбаясь.

Еще Анна не успѣла напиться кофе какъ доложили про афию Лидію Ивановну. Графиня Лидія Ивановна была высокая полная женщина съ нездорово желтымъ цвѣтомъ лица и прекрасными задумчивыми черными глазами. Анна любила ее, но тутъ она какъ будто въ первый разъ увидѣла ее со всѣми ея недостатками.

— Ну чтѣ, мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? спросила афиня Лидія Ивановна только-что вошла въ комнату.

— Да, все это кончилось, но все это и было не такъ важно какъ мы думали, отвѣчала Анна. — Вообще моя belle soeur шкомъ рѣшительна.

Но графиня Лидія Ивановна, всѣмъ до нея не касавшимся пересовавшаяся, имѣла привычку никогда не слушать того въ нее интересовало; она перебила Анну:

— Да, много, много горя и зла на свѣтѣ, а я такъ измученнѣе.

— А чтѣ? спросила Анна, стараясь удержать улыбку.

— Я начинаю уставать отъ нараснаго ломанія колій заведу, и иногда совсѣмъ развнчиваюсь. Дѣло сестричекъ было филантропическое, религіозно-патріотическое учрежденіе) лошло было прекрасно, но съ этими господами ничего

невозможно сдѣлать, прибавила графиня Лидія Ивановна съ насмѣшливою покорностью судьбѣ.—Они ухватились за мыслъ изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно. Два, три человѣка, вашъ мужъ въ томъ числѣ, повинуютъ все значеніе этого дѣла, а другіе только роняютъ. Выра мнѣ лишеть Правдинъ.

Правдинъ былъ извѣстный панславистъ за границей, и графиня Лидія Ивановна разказала содержаніе его письма.

Затѣмъ графиня разказала еще непріятности и козни противъ дѣла соединенія церквей и уѣхала торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день приходилось быть еще на засѣданіи общаго общества и въ Славянскомъ комитетѣ.

„Вѣдь все это было и прежде, но отчего я не замѣчала этого прежде? сказала себѣ Анна.— Или она очень раздражена нынче. А въ самомъ дѣлѣ смѣшно: ея дѣль добродѣтели она христіанка, а она все сердится, и все у нея враги, и все враги по христіанству и добродѣтели.“

Послѣ графини Лидіи Ивановны пріѣхала пріятельница, жена директора, и разказала всѣ городскія новости. Въ три часа и она уѣхала, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду. Алексѣй Александровичъ былъ въ министерствѣ. Остатокъ дня, Анна дообѣденное время употребила на то, чтобы присутствовать при обѣдѣ сына (онъ обѣдалъ съ дѣлью), и чтобы привести въ порядокъ свои вещи, прочесть и отвѣтить на записки и письма которыя у нея скопились на столѣ.

Чувство безпричиннаго стыда которое она испытывала дорогой и волненіе совершенно исчезли. Въ привычныхъ условіяхъ жизни она чувствовала себя олять твердою и бѣлоупречною.

Алексѣй Александровичъ вернулся изъ министерства въ четыре часа, но, какъ это часто бывало, не успѣлъ войти въ кабинетъ. Онъ прошелъ въ кабинетъ привимающаго дожидавшихъ просителей и подписать нѣкоторыя бумаги принесенныя и вынесенныя дѣль. Къ обѣду (всегда человѣка три обѣдали Карениныхъ) пріѣхали старая кузина Алексѣя Александровича, директоръ департамента съ женой и одинъ молодой человѣкъ рекомендованный Алексѣю Александровичу на службу. Анна вышла въ гостиную чтобы занимать ихъ. Но въ пять часовъ, бронзовые часы Петръ I не успѣлъ

бить пятого удара, какъ вышелъ Алексѣй Александровичъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ съ двумя звѣздами, такъ какъ сейчасъ послѣ обѣда ему надо было ѣхать. Каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распределена. И для того чтобъ успѣвать сдѣлать то что ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. Ohne Hast ohne Hast было его девизомъ. Онъ вошелъ въ залу, раскланялся со всѣми и послѣднимъ сѣлъ, улыбаясь женѣ.

— Да, кончилось мое уединеніе. Ты не повѣришь какъ неловко (онъ ударилъ на словѣ *неловко*) обѣдать одному.

За обѣдомъ онъ поговорилъ съ женой о московскихъ дѣлахъ, съ насмѣшливою улыбкой спрашивалъ о Степанѣ Аркадьичѣ; но разговоръ шелъ преимущественно общій, о петербургскихъ служебныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Послѣ обѣда онъ провелъ полчаса съ гостями; и опять съ улыбкой, пожавъ руку женѣ, вышелъ и уѣхалъ въ совѣтъ. Анна не поѣхала въ этотъ разъ ни къ княгинѣ Бетси Тверской, которая узнавъ о ея пріѣздѣ звала ее вечеромъ, ни въ театръ, гдѣ нынче была у нея ложа. Она не поѣхала преимущественно потому что платье на которое она разчитывала было не готово. Вообще, занявшись послѣ отъѣзда гостей своимъ туалетомъ, Анна была очень раздосадована. Предъ отъѣздомъ въ Москву, она, вообще мастерица одѣваться не очень дорого, отдала модисткѣ для передѣлки три платья. Платья нужно было такъ передѣлать чтобъ ихъ нельзя было узнать, и они должны были быть готовы уже три дня тому назадъ. Оказалось что два платья были совсѣмъ неготовы, а одно передѣлано не такъ какъ того хотѣла Анна. Модистка пріѣхала объясняться, утверждая что такъ будетъ лучше, и Анна разгорячилась такъ что ей потомъ совѣстно было вспоминать. Чтобы совершенно усложниться она пошла въ дѣтскую и весь вечеръ провела съ сыномъ, сама уложила его спать, перекрестила и покрыла его одѣяломъ. Она рада была что не поѣхала никуда и такъ хорошо провела этотъ вечеръ. Ей такъ легко и спокойно было, такъ ясно она видѣла что все что ей на желѣзной дорогѣ представлялось столь значительнымъ былъ только одинъ изъ обычныхъ ничтожныхъ случаевъ свѣтской жизни, и что ей ни предъ кѣмъ, ни предъ собой стыдиться нечего. Анна сѣла у камина съ англійскимъ романомъ

и ждала мужа. Ровно въ половинѣ десятаго послышался его звонокъ, и онъ вошелъ въ комнату.

— Наконецъ-то ты! сказала она, протягивая ему руку.

Онъ поцѣловалъ ея руку и подселъ къ ней.

— Вообще я вижу что поѣздка твоя удалась, сказалъ онъ ей.

— Да, очень, отвѣчала она, и стала разказывать ему все сначала: свое путешествіе со Вронскою, свой пріѣздъ, случай на желѣзной дорогѣ. Потомъ разказала свое впечатлѣніе жалости къ брату сначала, потомъ къ Долли.

— Я не полагаю чтобы можно было извинять такого человека, хотя онъ и твой братъ, сказалъ Алексѣй Александровичъ строго.

Анна улыбнулась. Она поняла что онъ сказалъ это именно затѣмъ чтобы показать что соображенія родства не могутъ остановить его въ высказываніи своего искренняго мнѣнія. Она знала эту черту въ своемъ мужѣ и любила ее.

— Я радъ что все кончилось благополучно и что ты пріѣхала, продолжалъ онъ. — Ну что говорятъ тамъ про новое положеніе которое я провелъ въ совѣтѣ?

Анна ничего не слышала объ этомъ положеніи, и ей стало совѣстно что она такъ легко могла забыть о томъ что для него было такъ важно.

— Здѣсь, напротивъ, это надѣлало много шума, сказалъ онъ съ самодовольною улыбкой.

Она видѣла что Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то сообщить ей пріятное для себя объ этомъ дѣлѣ, и она вопросами навела его на разказъ. Онъ съ тою же самодовольною улыбкой разказалъ объ оцінкахъ которыя сдѣланы ему вслѣдствіе этого проведеннаго положенія.

— Я очень, очень былъ радъ. Это доказываетъ что наконецъ у насъ начинается устанавливаться разумный и твердый взглядъ на это дѣло.

Доливъ со сливками и хлѣбомъ свой второй стаканъ чая, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ.

— А ты куда не поѣхала, тебѣ вѣрно скучно было? сказалъ онъ.

— О, нѣтъ! отвѣчала она, вставъ за нимъ и провожая его чрезъ залъ въ кабинетъ. — Что же ты читаешь теперь? спросила она.

— Теперь я читаю *Duc de Lille Poésie des enfers*, отвѣчалъ онъ. — Очень замѣчательная книга.

Анна улыбнулась какъ улыбаются слабостямъ любимыхъ людей, и положивъ свою руку подъ его, проводила его до дверей кабинета. Она знала его привычку, сдѣлавшуюся необходимостью, вечеромъ читать. Она знала что несмотря на поглощавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ появлявшимся въ умственной сферѣ. Она знала тоже что дѣйствительно его интересовали книги политическія, философскія, богословскія, что искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но что несмотря на это, или лучше вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того что дѣлало шумъ въ этой области и считалъ своимъ долгомъ все читать. Она знала что въ области политики, философіи, богословія, Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ; но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя и твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ поэзіи и музыки, которыя всѣ были у него распределены съ очень ясною послѣдовательностью.

— Ну и Богъ съ тобой, сказала она у двери кабинета, гдѣ уже были приготовлены ему абажуръ на свѣчѣ и графинъ воды у кресла. — А я напишу въ Москву.

Онъ пожалъ ей руку и олять поцѣловалъ ее.

„Все-таки онъ хорошій человекъ, правдивый, добрый и замѣчательный въ своей сферѣ“, говорила себѣ Анна, вернувшись къ себѣ какъ будто защищая его предъ кѣмъ-то кто обвинялъ его и говорилъ что его нельзя любить. Но что это уши у него такъ странно выдаются! Или онъ обстригся.“

Ровно въ двѣнадцать, когда Анна еще сидѣла за письменнымъ столомъ дописывая письмо къ Долли, послышались ровные шаги въ туфляхъ, и Алексѣй Александровичъ, вымытый и причесанный, съ книгою подъ мышкой, подошелъ къ ней.

— Пора, пора, сказалъ онъ особенно улыбаясь, и прошелъ въ спальню.

И какое право имѣлъ онъ такъ смотрѣть на него? подумала Анна, вспоминая взглядъ Вронскаго на Алексѣя Александровича.

Раздѣвшись, она вошла въ спальню, но на лицѣ ея не только не было того оживленія которое, въ бытность ея въ Москвѣ, такъ и брызгало изъ ея глазъ и улыбки; напротивъ, теперь огонь казался потушеннымъ въ ней или гдѣ-то далеко припрятаннымъ.

XXIII.

Уѣзжая изъ Петербурга, Вронскій оставилъ свою большую квартиру на Морской пріятелю и любимому товарищу Петрицкому.

Петрицкій былъ молодой поручикъ, не особенно знатный и не только не богатый, но кругомъ въ долгахъ, къ вечеру всегда пьяный и часто за разными и смѣшными и грязными исторіи поладавшій на гауптвахту, но любимый и товарищами и начальствомъ. Подъѣзжая въ двѣнадцатомъ часу съ желѣзной дороги къ своей квартирѣ, Вронскій увидѣлъ у подъѣзда знакомую ему извозничью карету. Изъ-за двери еще, на свой звонокъ, онъ услышалъ хохотъ и лелеть женскаго голоса и крикъ Петрицкаго: „если кто изъ злодѣевъ, то не пускать“. Вронскій не велѣлъ денщику говорить о себѣ и потихоньку вошелъ въ первую комнату. Баронесса Шильтонъ, пріятельница Петрицкаго, блестя лиловымъ атласомъ платья и румянымъ бѣлокурымъ личикомъ, какъ канарейка наполняя всю комнату своимъ парижскимъ говоромъ, сидѣла предъ круглымъ столомъ варя кофе. Петрицкій въ пальто и ротмистръ Камеровскій въ полной формѣ, вѣроятно со службы, сидѣли вокругъ нея.

— Bravo! Вронскій! закричалъ Петрицкій, вскакивая и гремя стуломъ.—Самъ хозяинъ! Баронесса, кофею ему изъ новаго кофейника. Здравствуй, дружище. Вотъ не ждали! Надѣюсь ты доволенъ украшеніемъ твоего кабинета, сказалъ онъ указывая на баронессу.—Вы вѣдь знакомы?

— Еще бы, сказалъ Вронскій весело улыбаясь и пожимая маленькую ручку баронессы.—Какъ же! старый другъ.

— Вы домой съ дороги, сказала баронесса,—такъ я бѣгу. Ахъ, я уѣду сію минуту если я мѣшаю.

— Вы дома тамъ гдѣ вы, баронесса, сказалъ Вронскій.—равствуй, Камеровскій, прибавилъ онъ холодно пожимая къ Камеровскаго.

— Вотъ вы никогда не умѣете говорить такія хорошенькія вещи, обратилась баронесса къ Петрицкому.

— Нѣтъ, отчего же? Послѣ обѣда и я скажу не хуже.

— Да послѣ обѣда, ха, ха, ха, нѣтъ заслуги. Ну, такъ я ить дамъ кофею, идите умойтесь и убирайтесь, сказала баронесса опять садясь и заботливо поворачивая винтикъ въ вомъ кофейникѣ.—Пьеръ, дайте кофе, обратилась она къ Петрицкому, котораго она называла Пьеръ, по его фамиліи Петрицкій, не скрывая своихъ отношеній съ нимъ.— Я при-
влю.

— Испортите.

— Ничего. Ха, ха, ха! Ну, а ваша жена, сказала вдругъ баронесса, перебивая разговоръ Вронскаго съ товарищемъ.— вы здѣсь женили васъ. Привезли вашу жену?

— Нѣтъ, баронесса. Я рожденъ Цыганомъ и умру Цыганомъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Давайте руку.

И баронесса не отпуская Вронскаго стала ему разказывать, пересылая шутками, свои послѣдніе планы жизни и рашивать его совѣта.

— Онъ все не хочетъ давать мнѣ развода, ну что же мнѣ дѣлать? (Онъ былъ мужъ ея.) Я теперь хочу процессъ начать. Какъ вы мнѣ посовѣтуете? Камеровскій, смотрите же кофеемъ—ушелъ; вы видите, я занята дѣлами. Я хочу процессъ, потому что состояніе мнѣ нужно мое. Вы понимаете ли эту глупость что я ему будто бы невѣрна, съ прѣвнїемъ сказала она,—и отъ этого онъ хочетъ пользоваться моимъ имѣніемъ.

Вронскій слушалъ съ удовольствїемъ этотъ веселый легкій хорошенькой женщины, поддакивалъ ей, давалъ похвальные совѣты и вообще тотчасъ же принималъ свой привычный тонъ обращенія съ этого рода женщинами. Въ его гербургскомъ мірѣ всѣ люди раздѣлялись на два совершенно противоположные сорта. Одинъ низшій сортъ: пошлые, глупые и главное смѣшные люди, которые вѣрують въ то что кому мужу надо жить съ одною женою, съ которою онъ вѣнчанъ, что дѣвушка надо быть невинною, женщина вѣрною, мушкетеръ мужественному, воздержному и твердому,

что надо воспитывать дѣтей, зарабатывать свой хлѣбъ, платить долги и разныя тому подобныя гаулости. Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали, въ которомъ надо быть главное элегантнымъ, красивымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться какой страсти не краснѣя и надъ всѣмъ остальнымъ смѣяться.

Вронскій только въ первую минуту былъ ошеломленъ и слѣдъ впечатлѣній совсѣмъ другого міра привезенныхъ изъ Москвы; но тотчасъ же, какъ всунулъ ноги въ старыя туфли, онъ вошелъ въ свой прежній веселый и пріятный міръ.

Кофе такъ и не сварился, а обрызгалъ всѣхъ и ушелъ, произвелъ именно то самое что было нужно, то-есть подавъ поводъ къ шуму и смѣху, и залилъ дорогой коверъ и платки баронессы.

— Ну, теперь прощайте, а то вы никогда не умаетесь, на моей совѣсти будетъ главное преступленіе порядочнаго человѣка, нечистоплотность. Такъ вы совѣтуете ножъ къ горлу?

— Непремѣнно, и такъ чтобы ваша ручка была поближе отъ его губъ. Онъ лопцѣдуетъ вашу ручку и все кончится благополучно, отвѣчалъ Вронскій.

— Такъ нынче во Французскомъ, и зашумѣвъ платьемъ она исчезла.

Камеровскій подвѣлся тоже, а Вронскій, не дожидаясь его ухода, подавъ ему руку и отправился въ уборную. Пока онъ умывался, Петрицкій описалъ ему въ краткихъ чертахъ свое положеніе, насколько оно измѣнилось послѣ отъѣзда Вронскаго. Денегъ нѣтъ ничего. Отецъ сказалъ что не дастъ и не заплатитъ долговъ. Портной хочетъ посадить, и другіе тоже непременно грозить посадить. Полковой командиръ объявилъ что если эти скандалы не прекратятся, то надо выдѣлываться. Баронесса надоѣла какъ горькая рѣдька, особенно тѣмъ что все хочетъ давать деньги; а есть одна, онъ ея покаже Вронскому, чудо, прелесть, въ восточномъ строгомъ стилѣ „genre рабыни Ребеки, понимаешь“. Съ Беркошевымъ то вчера разбранился, и онъ хотѣлъ прислать секундантовъ, разумѣется ничего не выйдетъ. Вообще же все превосходно и чрезвычайно весело. И не давая товарищу углубляться въ подробности своего положенія, Петрицкій пустился разказывать ему всѣ интересныя новости. Слушая столь знаком

разказы Петрицкаго въ столь знакомой обстановкѣ своей трехлѣтней квартиры, Вронскій испытывалъ пріятное чувство возвращенія къ привычной и беззаботной петербургской жизни съ сознаниемъ новой прелестной цѣли этой жизни.

— Не можетъ быть! закричалъ онъ, отпустивъ педадь умывальнойники, которымъ онъ обливалъ свою красную здоровую шею.— Не можетъ быть! закричалъ онъ при извѣстіи о томъ что Лора сошла съ Милеевымъ и бросила Фертингофа.— И онъ все также глупъ и доволенъ? Ну, а Бузулуковъ что?

— Ахъ, съ Бузулуковымъ была исторія прелесть! закричалъ Петрицкій.— Вѣдь его страсть балы, и онъ ни одного придворнаго бала не пропускаетъ. Отправился онъ на большой балъ въ новой каскѣ. Ты видѣлъ новыя каски? Очень хороши, легче. Только стоитъ онъ.... Нѣтъ, ты слушай.

— Да я слушаю, растираясь мохнатымъ полотенцемъ отвѣчалъ Вронскій.

— Проходитъ великая княгиня съ какимъ-то посломъ и на его бѣду зашелъ у нихъ разговоръ о новыхъ каскахъ. Великая княгиня и хотѣла показать новую каску.... Видятъ нашъ голубчикъ стоитъ. (Петрицкій представилъ какъ онъ стоитъ съ каской.) Великая княгиня попросила себѣ подать каску, онъ не даетъ. Что такое? Только ему мигаютъ, киваютъ, хмурятся. Подай. Не даетъ. Замеръ. Можешь себѣ представить.... Только этотъ.... какъ его.... хочетъ уже взять у него каску.... не даетъ.... Онъ вырвалъ, подаетъ великой княгинѣ. Вотъ это новая, говоритъ великая княгиня. Повернула каску, и можешь себѣ представить, оттуда бухъ! груша, конфеты, два фунта конфетъ.... Онъ это набралъ голубчикъ.

Вронскій покатился со смѣху. И долго потомъ, говоря уже о другомъ, закатывался своимъ здоровымъ смѣхомъ, выставляя свои крѣпкіе сплошные зубы когда вспоминалъ о каскѣ.

Узнавъ всѣ новости, Вронскій съ помощію лакея одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ являться. Явившись онъ намѣренъ былъ съѣздить къ брату, къ Бетси, и сдѣлать нѣсколько визитовъ, съ тѣмъ чтобы опять ѣздить въ тотъ свѣтъ, гдѣ бы онъ могъ встрѣчать Каренину. Какъ и всегда въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ изъ дома съ тѣмъ чтобы не возвращаться до поздней ночи.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Въ концѣ зимы, въ домѣ Щербацкихъ происходилъ консилиумъ долженствовавшій рѣшить въ какомъ положеніи находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановления ея 'ослабѣвающихъ силъ. Она была больна, и съ приближеніемъ весны здоровье ея становилось хуже. Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ желѣзо, потомъ лались, но такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не помогало и такъ какъ онъ совѣтовалъ отъ весны уѣхать за границу, то приглашенъ былъ знаменитый докторъ. Знаменитый докторъ, не старый еще, весьма красивый мушкетеръ, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ казалось настаивалъ на томъ что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства, и что нѣтъ ничего естественнаго какъ то чтобъ еще не старый мушкетеръ ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Онъ находилъ это естественнымъ, потому что дѣлалъ это каждый день и при этомъ ничего не чувствовалъ и не думалъ, какъ ему казалося, дурнаго, и поэтому стыдливость въ дѣвушкѣ онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ себѣ.

Надо было покориться, такъ какъ несмотря на то что всѣ доктора учились въ одной школѣ, знали одну науку по однимъ и тѣмъ же книгамъ, и несмотря на то что нѣкоторые говорили что этотъ знаменитый докторъ былъ дурной докторъ, въ домѣ княгини и въ ея кругу было признано почему то что этотъ знаменитый докторъ одинъ знаетъ что-то особенное и одинъ можетъ спасти Кити. Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванья растерянной и опешоленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Онъ, какъ пожившій, не глупый и не больной человекъ, не вѣрилъ въ медицину, и въ душѣ злился на всю эту комедию, тѣмъ болѣе что едва ли не онъ одинъ вполнѣ понималъ причину болѣзни Кити. „То-то лустобрехъ“, думалъ онъ, примѣняя въ мысляхъ это названіе

зъ охотничьяго словаря къ знаменитому доктору и слушая болтовню о признакахъ болѣзни дочери. Докторъ между тѣмъ съ трудомъ удерживалъ выраженіе презрѣнія къ этому тарому баричу и съ трудомъ спускался до низменности его овиманія. Онъ понималъ что со старикомъ говорить нечего, что глава въ этомъ домѣ — мать. Предъ нею-то онъ на-ѣревался разсылать свой бисеръ. Въ это время княгиня вышла въ гостиную съ домашнимъ докторомъ. Князь отомель стараясь не дать замѣтить какъ ему смѣшна была вся та комедія. Княгиня была растеряна и не знала что дѣлать. Она чувствовала себя виноватою предъ Кити.

— Ну, докторъ, рѣшайте нашу судьбу, сказала княгиня. — Говорите мнѣ все. „Есть ли надежда,“ хотѣла она сказать, но губы ея задрожали и она не могла выговорить этотъ вопросъ. — Ну что, докторъ?...

— Сейчасъ, княгиня, переговорю съ коллегой и тогда буду имѣть честь доложить вамъ свое мнѣніе.

— Такъ намъ васъ оставить?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Княгиня вздохнувъ вышла.

Когда доктора остались одни, домашній врачъ робко сталъ излагать свое мнѣніе, состоящее въ томъ что есть начало туберкулѣзнаго процесса, но... и т. д. Знаменитый докторъ мушамъ его, и въ серединѣ его рѣчи посмотрѣлъ на свои круглые золотые часы.

— Такъ, сказалъ онъ. — Но...

Домашній врачъ замолкъ почтительно на серединѣ рѣчи.

— Опредѣлить, какъ вы знаете, начало туберкулѣзнаго процесса мы не можемъ; до появленія кавернъ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Но подозрѣвать мы можемъ. И указанія есть: урвое литаніе, нервное возбужденіе и пр. Вопросъ стоитъ такъ: при подозрѣніи туберкулѣзнаго процесса, что нужно дѣлать чтобы поддержать литаніе?

— Но, вѣдь вы знаете, тутъ всегда скрываются нравственныя, духовныя причины, съ тонкою улыбкой позволилъ себѣ ставить домашній докторъ.

— Да, это само собой разумѣется, отвѣчалъ знаменитый докторъ, опять взглянувъ на часы. — Виновать; что поставленъ ли Яузскій мостъ или надо все еще кругомъ объѣзжать? спросилъ онъ. — А! поставленъ. Да, ну такъ я въ двадцать минутъ могу быть. Такъ мы говорили что вопросъ такъ

поставленъ: поддержать питаніе и исправить нервы. Одною связи съ другимъ, надо дѣйствовать на обѣ стороны круга.

— Но поѣздка за границу? спросилъ домашній докторъ.

— Я врагъ поѣздокъ за границу. И изволите видѣть: ели есть начало туберкулёзнаго процесса, чего мы знать не можемъ, то поѣздка за границу не поможетъ. Необходимо такое средство которое бы поддерживало питаніе и не вредило.

И знаменитый докторъ изложилъ свой планъ лѣченія и дами Соденскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль очевидно состояла въ томъ что онѣ повредить не могутъ.

Домашній докторъ внимательно и почтительно выслушалъ.

— Но въ пользу поѣздки за границу я бы выставилъ вредныя привычекъ, удаленіе отъ условій вызывающихъ воспоминанія, и потомъ матери хочется, сказалъ онъ.

— А! Ну въ этомъ случаѣ что жь, пускай вѣдутъ; только повредятъ эти нѣмецкіе шарлатаны... Надо чтобы слушались. Ну, такъ пускай вѣдутъ.

Онъ опять взглянулъ на часы.

— О! уже лора, и пошелъ къ двери.

Знаменитый докторъ объявилъ княгинѣ (чувство прищипа подсказало это) что ему нужно видѣть еще разъ больную.

— Какъ! еще разъ осматривать? съ ужасомъ воскликнула мать.

— О вѣтъ, мнѣ нѣкоторыя подробности, княгиня.

— Милости просимъ.

И мать сопутствуемая докторомъ вошла въ гостиную въ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ, вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула, и глаза ея наполнились слезами. Вся ея болѣзнь и лѣченіе представлялись ей такою глулою, даже смѣшною вещью! Лѣченіе ея представлялось ей столь же смѣшнымъ какъ составленіе кусковъ разбитой вазы. Сердце ея было разбито. Что же они хотятъ лѣчить ее пилюлями и порошками? Но нельзя было оскорблять мать, тѣмъ болѣе что мать считала себя виноватою.

— Потрудитесь присѣсть, княжна, сказалъ знаменитый докторъ.

Онъ съ улыбкой сѣлъ противъ нея, взялъ пудръ и опять сталъ дѣлать скучные вопросы. Она отвѣчала ему и вдругъ разсердившись встала.

— Извините меня, докторъ, но это право ни къ чему не ведетъ, и вы у меня по три раза то же самое спрашиваете. Знаменитый докторъ не обидѣлся.

— Болѣзненное раздраженіе, сказалъ онъ княгинѣ когда та вышла. — Впрочемъ, я кончилъ....

И докторъ предъ княгиней, какъ предъ исключительною женщиной, научно опредѣлилъ положеніе княжны, и вынулъ наставленіемъ о томъ какъ лить тѣ воды которыя ли не нужны. На вопросъ: ѣхать ли за границу? докторъ губился въ размышленія, какъ бы разрѣшая трудный вопросъ. Рѣшеніе наконецъ было изложено: ѣхать и не вѣрить платанамъ, а во всемъ обращаться къ нему.

Какъ будто что-то веселое случилось послѣ отъѣзда доктора. Мать повеселѣла вернувшись къ дочери, и Кити притворялась что она повеселѣла. Ей часто, почти всегда, приходилось теперь притворяться.

— Право, я здорова, тата. Но если вы хотите ѣхать, поѣзьте, сказала она, и стараясь показать что интересуется предстоящею поѣздкой, стала говорить о приготовленіяхъ къ ѣзду.

II.

Слѣдъ за докторомъ пріѣхала Долли. Она знала что въ этотъ день долженъ быть консилиумъ, и несмотря на то что давно поднялась отъ родовъ (она родила дѣвочку въ конзумы), несмотря на то что у ней было много своего го и заботъ, оставивъ груднаго ребенка и заболѣвшую дѣвку, она заѣхала узнать объ участи Кити, которая рѣшалась нынче.

— Ну что? сказала она входя въ гостиную и не снимая япы. — Вы всё веселыя. Вѣрно хорошо?

Они попробовали разказывать что говорилъ докторъ, но залось что хотя докторъ и говорилъ очень складно и довольнокакъ нельзя было передать того что онъ сказалъ. Интересно было только то что рѣшено ѣхать за границу..

Долли невольно вздохнула. Лучшій другъ ея, сестра, уѣзжала. А жизнь ея была не весела. Отношенія къ Степану Кадыевичу послѣ примиренія сдѣлались унизительны. Дѣлка, сдѣланная Анной, оказалась не прочна, и семейное счастье надломилось опять въ томъ же мѣстѣ. Опредѣленнаго

ничего не было, но Степанъ Аркадьевичъ никогда почти не былъ дома, денегъ тоже никогда почти не было дома, и незрѣнія невѣрностей постоянно мучили Долли, и она уже отняла ихъ отъ себя, боясь испытаннаго страданія ревности. Первый взрывъ ревности, разъ пережитый, уже не могъ возвратиться, и даже открытiе невѣрности не могло бы уже ни подѣйствовать на нее какъ въ первый разъ. Такое открытiе теперь только душило бы ея семейныхъ привычекъ, и не позволяла себя обманывать, презирая его и больше всего боя за эту слабость. Сверхъ того, заботы большого семейства безпрестанно мучили ее: то кормленiе груднаго ребенка неид, то нянька ушла, то, какъ теперь, заболѣлъ одинъ изъ дѣтъ.

— Что, какъ твои? спросила мать.

— Ахъ, маман, у васъ своего горя много. Лица заболѣла, и я боюсь что скарлатина. Я вотъ теперь выѣхала чтобъ узнать, а то засяду уже безвыѣздно если, избави Богъ, скарлатина.

Старый князь послѣ отъѣзда доктора тоже вышелъ изъ своего кабинета, и подставивъ свою щеку Долли и поговоривъ съ ней, обратился къ женѣ:

— Какъ же рѣшили, ѣдете? Ну, а со мной что хотите думать?

— Я думаю тебѣ остаться, Александръ Андреевичъ, сама жала жена.

— Какъ хотите.

— Маман, отчего же лала не поѣхать съ нами? сказала Кити. — И ему веселѣе и намъ.

Старый князь всталъ и погладилъ рукой волосы Кити. Она подняла лицо и, насильно улыбаясь, смотрѣла на него. Ей всегда казалось что онъ лучше всѣхъ въ семьѣ понималъ ее, хотя онъ мало говорилъ о ней. Она была, какъ маленькая любимица отца, и ей казалось что любовь его къ ней дѣлала его проникательнымъ. Теперь, встрѣтившись съ его голубыми, добрыми глазами, пристально смотрѣвшими на нее со своего сморщеннаго стараго лица, ей казалось что онъ какъ будто видитъ ее и понимаетъ все то нехорошее что въ ней дѣлалось. Она, краснѣя, потянулась къ нему ожидая поцѣлуда, и онъ только потрелалъ ее по волосамъ и проговорилъ:

— Эти глупые шивьоны! До настоящей дочери и не дѣлать рѣшья, а ласкаешь волосы дохлыхъ бабъ. Ну что, Долли, какъ, обратился онъ къ старшей дочери, — твой козырь что дѣлываетъ?

— Ничего, папа, отвѣчала Долли, понимая что рѣчь идетъ о мужѣ. — Все ѣздить, я его почти не вижу, не могла она не прибавить съ насмѣшливою улыбкой.

— Что жь, онъ не уѣхалъ еще въ деревню лѣсъ продавать?

— Нѣтъ, все собирается.

— Вотъ какъ! проговорилъ князь. — Такъ и мнѣ собираться? Слушаю-съ, обратился онъ къ женѣ садясь. — А ты вотъ что, Катя, прибавилъ онъ къ меньшей дочери, — ты когда-нибудь, въ одинъ прекрасный день, проснись и скажи себѣ: да вѣдь я совсѣмъ здорова и весела, и пойдемъ съ папа опять рано утромъ, по морозцу, гулять. А?

Казалось очень просто то что сказалъ отецъ, но Кити при этихъ словахъ смѣшалась и растерялась какъ уличенный преступникъ. „Да, онъ все знаетъ, все понимаетъ, и этими словами говорить мнѣ что хотя и стыдно, а надо пережить свой стыдъ.“ Она ничего не могла собраться съ духомъ отвѣтить. Начала было и вдругъ расплакалась, и выбѣжала изъ комнаты.

— Вотъ твои шутки, напустилась княгиня на мужа. — Ты всегда.... начала она свою укоризненную рѣчь.

Князь слушалъ довольно долго упреки княгини и молчалъ, но лицо его все болѣе и болѣе хмурилось.

— Она такъ жалка, бѣдняжка, такъ жалка, а ты не чувствуешь что ей больно отъ всякаго намека на то что причинной. Ахъ! такъ ошибаться въ людяхъ! сказала княгиня, и по перемѣнѣ ея тона Долли и князь поняли что она говорила о Вронскомъ. — Я не понимаю какъ нѣтъ законовъ противъ такихъ гадкихъ, неблагородныхъ людей.

— Ахъ, не слушалъ бы! мрачно проговорилъ князь вставая съ кресла и какъ бы желая уйти, но останавливаясь въ дверяхъ. — Законы есть, матушка, и если ты ужъ вызвала меня на это, то я тебѣ скажу кто виноватъ во всемъ: ты и ты, одна ты. Законы противъ такихъ молодчиковъ всегда были и есть! Да-съ, еслибы не было того чего не должно было быть, я старикъ, но я бы оставилъ его на барьерѣ, этого франта. Да, а теперь и лѣчите, возите къ себѣ этихъ шарлатановъ.

Князь, казалось, имѣлъ сказать еще многое, но какъ только княгиня услышала его тонъ, она, какъ это всегда бывало

въ серьезныхъ вопросахъ, тотчасъ же смирилась и раскалась.

— Alexandre, Alexandre, шептала она подвигаясь и плакалась.

Какъ только она заплакала, князь тоже затихъ. Онъ подошелъ къ ней.

— Прости меня, если я разгорячился, прости, голубчикъ. И тебѣ тяжело, я знаю. Что дѣлать? Бѣды большой нѣтъ. Богъ милостивъ... благодарствуй... говорилъ онъ ужь самъ не зная что говорить и отвѣчая на мокрый поцѣлуй княгини который онъ почувствовалъ на своей рукѣ, и вышелъ изъ комнаты.

Еще какъ только Кити въ слезахъ вышла изъ комнаты, Долли со своею материнскою, семейною привычкою, тотчасъ же увидала что тутъ предстоитъ женское дѣло и приготовилась сдѣлать его. Она сняла шляпку, и нравственно засучивъ рукава приготовилась дѣйствовать. Во время нападенія матери на отца, она пыталась удерживать мать, насколько позволяла дочерняя почтительность. Во время взрыва князя она молчала; она чувствовала стыдъ за мать и нѣжность къ отцу за его сейчасъ же вернувшуюся доброту; но когда отецъ ушелъ, она собралась сдѣлать главное что было нужно—идти къ Кити и успокоить ее.

— Я вамъ давно хотѣла сказать, маман: вы знаете ли что Левинъ хотѣлъ сдѣлать предложеніе Кити когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ? Онъ говорилъ Стивѣ.

— Ну что жь? Я не понимаю...

— Такъ можетъ-быть Кити отказала ему... Она вамъ ее говорила?

— Нѣтъ, она ничего не говорила, ни про того, ни про другаго; она слишкомъ горда, но я знаю что все отъ этого..

— Да вы представьте себѣ, если она отказала Левину, а она бы не отказала ему еслибъ не было того, я знаю... и потомъ этотъ такъ ужасно обманула ее...

Княгинѣ слишкомъ страшно было думать какъ много она виновата предъ дочерью, и она разсердилась.

— Ахъ, я ужь ничего не понимаю! Нынче все хотятъ своимъ умомъ жить, матери ничего не говорятъ, а потомъ вотъ и....

— Маман, я пойду къ ней.

— Поди. Развѣ я тебѣ запрещаю? сказала мать.

III.

Войдя въ маленькій кабинетъ Кити, хорошенькую, розовенькую съ куколками *viens saze* комнатку, такую же молоденькую, розовенькую и веселую какою была сама Кити еще за мѣсяца тому назадъ, Долли вспомнила какъ убирали онѣ мѣстѣ прошлаго года эту комнатку, съ какимъ весельемъ и любовью. У ней похолодѣло сердце когда она увидала Кити, идѣвшую на низенькомъ ближайшемъ отъ двери стулѣ и стремившую неподвижные глаза на уголь ковра. Кити взглянула на сестру, и холодное, нѣсколько суровое выраженіе лица не измѣнилось.

— Я теперь уѣду и засяду дома, и тебѣ нельзя будетъ ко мѣ, сказала Дарья Александровна садясь подлѣ нея.— Потому мнѣ хочется поговорить съ тобой.

— О чемъ? услугавно поднявъ голову, быстро спросила Кити.

— О чемъ какъ не о твоемъ горѣ?

— У меня нѣтъ горя.

— Полно, Кити. Неужели ты думаешь что я могу не знать? все знаю. И повѣрь мнѣ, это такъ ничтожно.... Мы всѣ прошли черезъ это.

Кити молчала, и лицо ея имѣло строгое выраженіе.

— Онъ не стоить того чтобы ты страдала изъ-за него, промолвила Дарья Александровна, прямо приступая къ дѣлу.

— Да, потому что онъ мною пренебрегъ, дребезжащимъ голосомъ проговорила Кити.— Не говори. Пожалуста не говори.

— Да кто же тебѣ это сказалъ? Никто этого не говорилъ. увѣреда что онъ былъ влюбленъ въ тебя и остался влюбленъ, но....

— Ахъ, ужаснѣе всего мнѣ эти соболѣзнованья! вскрикну-

Кити, вдругъ разсердившись. Она повернулась въ стулѣ, покраснѣла и быстро зашевелила пальцами сжимая то тою, другою рукой пряжку пояса которую она держала. Долли ма эту манеру сестры, она знала какъ Кити способна ма вдругъ раскилятиться, забыться и наговорить вещей которыхъ тотчасъ же раскаивалась.

— Чтѣ, чтѣ ты хочешь мнѣ дать почувствовать, чтѣ?

говорила Кити быстро.—То что я была влюблена въ человѣка который меня знать не хотѣлъ, и что я умираю отъ любви къ нему. И это мнѣ говорить сестра которая думаетъ что что... что она соболѣзнуеть.... Не хочу я этихъ сожалѣній притворствъ.

— Кити, ты несправедлива. Ты чувствуешь себя оскорбленною и наладаешь на меня.

— Чѣмъ я оскорблена? Только тобой.

— Да я, напротивъ.... послѣдила сказать Дарья Александровна.

Но Кити въ своей горячкѣ не слышала ея.

— Мнѣ не о чемъ сокрушаться и утѣшаться. Я настолько горда что никогда не позволю себѣ любить человѣка который меня не любитъ.

— Да я и не говорю.... Одно скажи мнѣ правду, проговори взявъ ее за руку Дарья Александровна:—скажи мнѣ, Левинъ говорилъ тебѣ?...

Упоминаніе о Левинѣ казалось лишило Кити послѣднія самообладанія; она вскочила со стула, и бросивъ пражку землю и дѣлая быстрые жесты руками, заговорила:

— Къ чему тутъ еще Левинъ? Не понимаю зачѣмъ тебѣ нужно мучить меня? Я сказала и повторяю что я горда, никогда, *никогда* я не сдѣлаю то что ты дѣлаешь чтобы вступить къ человѣку который тебѣ измѣнилъ, который и любилъ другую женщину. Я не понимаю, не понимаю это! Ты можешь, а я не могу.

И сказавъ эти слова она взглянула на сестру, и увидѣвъ что Долли молчитъ грустно опустивъ голову, Кити вѣтъ того чтобы выдти изъ комнаты, какъ намѣревалась, съѣхала двери и закрывъ лицо платкомъ опустила голову.

Молчаніе продолжалось минуты двѣ. Долли думала о себѣ. То свое униженіе, которое она всегда чувствовала, особенно больно отозвалось въ ней когда о немъ напомнила ей сестра. Она знаетъ, она чутьемъ понимаетъ это, думаетъ о Дарья Александровна. Но вдругъ она услышала шумъ плача и вмѣстѣ звукъ разразившагося, сдержаннаго рыданья чьи-то руки снизу обняли ея шею. Кити на колѣняхъ стояла предъ ней. Она не просила прощенія, но она шептала:

— Долинька, я такъ, такъ несчастна!

И покрытое слезами, милое лицо спряталось въ юлкъ платья арьи Александровны.

Какъ будто слезы были та необходимая мазь безъ которой не могла идти услѣшно машина взаимнаго общенія между двумя сестрами. Послѣ слезъ сестры разговорились не о томъ что онѣ хотѣли знать; но и не о томъ говоря, онѣ поняли что хотѣли знать. Кити поняла что сказанное ею въ сердцахъ слово о невѣрности мужа и объ униженіи глубины сердца поразило бѣдную сестру, но что она прощала ей. Долли, съ своей стороны, поняла все что она хотѣла сказать, она убѣдилась что догадки ея были вѣрны, что горе, вѣдѣваемое горе Кити состояло именно въ томъ что Левинъ вѣдалъ предложеніе и что она отказала ему, а Вронскій обвинилъ ее, и что она готова была любить Левина и ненавидѣть Вронскаго. Кити ни слова не сказала объ этомъ; она говорила только о своемъ душевномъ состояніи.

— У меня нѣтъ никакого горя, говорила она успокоившись,—но ты можешь ли понять что мнѣ все стало гадко, противно, грубо, и прежде всего я сама. Ты не можешь себѣ представить какія у меня гадкія мысли обо всемъ.

— Да какія же могутъ быть у тебя гадкія мысли? спросила Долли улыбаясь.

— Самыя, самыя гадкія и грубыя; не могу тебѣ сказать. Это не тоска, не скука, а гораздо хуже. Какъ будто все что было хорошаго во мнѣ все спряталось, а осталось одно самое гадкое. Ну, какъ тебѣ сказать, продолжала, она видя неловкіе въ глазахъ сестры:—папа сейчасъ мнѣ началъ говорить... Мнѣ кажется, онъ думаетъ только что мнѣ нужно выйти замужъ. Мама везетъ меня на балъ: мнѣ кажется что она только затѣмъ везетъ меня чтобы поскорѣе выдать замужъ и избавиться отъ меня. Я знаю что это правда, но не могу отогнать этихъ мыслей. Жениховъ къ-называемыхъ я видѣть не могу. Мнѣ кажется что они меня мѣрку снимаютъ. Прежде вѣхать куда-нибудь въ балетъ платѣ для меня было простое удовольствіе, я собой обовалась; теперь мнѣ стыдно, неловко. Ну, что хочешь! кто-же... Ну...

Кити замаялась; она хотѣла далѣе сказать что съ тѣхъ поръ къ съ ней сдѣлалась эта переменна, Степанъ Аркадьевичъ ей казался невыносимо непріятенъ, и что она не можетъ видѣть его безъ представленій самыхъ грубыхъ и безобразныхъ.

— Ну да, все мнѣ представляется въ самомъ гадкомъ видѣ, продолжала она. — Это моя болѣзнь. Можетъ-быть это пройдетъ...

— А ты не думай...

— Не могу. Только съ дѣтми мнѣ хорошо, только у тебя.

— Жаль что нельзя тебѣ бывать у меня.

— Нѣтъ, я прїѣду. У меня была скарлатина, и я упрому шатап.

Кити настояла на своемъ и перѣехала къ сестрѣ, и всю скарлатину, которая дѣйствительно пришла, ухаживала и дѣтми. Обѣ сестры благополучно выходили всѣхъ шестерыхъ дѣтей, но здоровье Кити не поправилось, и великимъ постомъ Цербацкіе уѣхали за границу.

IV.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ Анна Аркадьевна вернулась въ Петербургъ и жизнь ея пошла по старому; но послѣ ея поѣздки въ Москву взгляды ея на эту жизнь измѣнились. Прежде, свѣтская жизнь съ свѣтскими разговорами о бракахъ, столкновенияхъ, повышеніяхъ, перемѣщеніяхъ, съ заботами о прическѣ и платьѣ для бала, жизнь съ мелкими радостями, досадами тщеславія и, главное, съ привычными и спокойными отношеніями къ мужу и сыну наполняли ея время.

Эта свѣтская жизнь, казавшаяся Аннѣ, прежде чѣмъ она вступила въ нее, такимъ страшнымъ, опаснымъ, раздражающимъ водоворотомъ, оказалась въ сущности самою тихою и смиренною, не затрагивающею душевныхъ интересовъ жизнью. Затрагивались только самые мелкіе интересы, и Анна и свои послѣдніе два года петербургской жизни часто испытывала среди визитовъ, вечеровъ и баловъ, чувство усталости и скуки однообразнаго верченія въ колесѣ. Но теперь, съ времени ея прїѣзда изъ Москвы, все это вдругъ перемѣнилось. Свѣтъ уже не былъ для нея смиреннымъ проведеніемъ времени, свѣтъ или озлоблялъ ее своею скукой, притворствомъ и глупостью, или она чувствовала себя въ свѣтѣ взволнованно-счастливою и раздраженною, какою она чувствовала себя бывало дѣвочкой на первыхъ балахъ.

Свѣтскій высшій кругъ собственно одинъ, всѣ знаютъ другъ друга, даже ѣздятъ другъ къ другу. Но въ этомъ

льшомъ кругѣ есть свои подраздѣленія. Анна имѣла дру-
гъ и тѣсныя связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ
кругъ былъ служебный, officialный кругъ ея мужа, состо-
ящій изъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ самымъ разно-
образнымъ и прихотливымъ образомъ связанныхъ и разбѣдивен-
ныхъ въ общественныхъ условіяхъ. Анна теперь съ трудомъ
могла вспомнить то чувство почти набожнаго уваженія ко-
торое она въ первое время имѣла къ этимъ лицамъ. Теперь
она знала всѣхъ ихъ какъ знаютъ другъ друга въ узломъ
родѣ; знала у кого какія привычки и слабости, у кого ка-
кіе салоны жметъ ногу; знала ихъ отношенія другъ къ другу
къ главному центру, знала кто за кого и какъ и чѣмъ дер-
жится и кто съ кѣмъ и въ чемъ сходятся и расходятся;
этотъ кругъ правительственныхъ, мужскихъ интересовъ
когда, несмотря на внушенія графини Лидіи Ивановны, не
могла интересоваться ею, и она избѣгала его.

Другой близкій Аннинъ кружокъ, это былъ тотъ черезъ ко-
торый Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру. Цент-
ромъ этого кружка была графиня Лидія Ивановна. Это былъ
кружокъ старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набож-
ныхъ женщинъ, и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ му-
жьевъ. Одинъ изъ умныхъ людей, принадлежавшихъ къ этому
кружку, называлъ его „совѣстью Петербургскаго общества“.
Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ этимъ кружкомъ,

Анна, такъ умѣвшая сживаться со всѣми, нашла
бы въ первое время своей петербургской жизни друзей и
въ этомъ кругѣ. Теперь же, по возвращеніи изъ Москвы, кру-
жокъ этотъ ей сталъ невыносимъ. Ей показалось что и она,
всѣ они притворяются, и ей стало такъ скучно и неловко
въ этомъ обществѣ что она сколько возможно менѣе ѣздила
къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

Третій кругъ, наконецъ, гдѣ Анна имѣла связи, былъ соб-
ственно свѣтъ,—свѣтъ баловъ, обѣдовъ, блестящихъ туалетовъ,
вѣтъ державшійся одною рукой за дворъ чтобы не сплутить-
до полусвѣта, который члены этого круга думали что пре-
раза, но съ которымъ вкусы у него были не только сход-
ны, но одни и тѣ же. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась
еще княгиню Бетси Тверскую; жену ея двоюроднаго брата,
которой было сто двадцать тысячъ дохода, и которая съ
самаго появленія Анны въ свѣтъ особенно полюбила ее,

ухаживала за ней и втягивала въ свой кругъ, смѣясь надъ кругомъ графини Лидіи Ивановны.

— Когда стара буду и дурна, я сдѣлаюсь такая же, говорила Бетси,—но для васъ, для молодой, хорошенькой женщны еще рано въ эту богадѣльню.

Анна первое время избѣгала сколько могла этого свѣта княгини Тверской, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ она предпочитала первый; но послѣ поѣздки въ Москву сдѣлалось наоборотъ. Она избѣгала нравственныхъ друзей своихъ, и ѣздила въ большой свѣтъ. Тамъ она встрѣчала Вронскаго и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Вронскаго у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронскій былъ вездѣ гдѣ только могъ встрѣчать Анну, и говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый разъ когда она встрѣчалась съ нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ когда она въ первый разъ увидѣла его. Она сама чувствовала что при видѣ его радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы въ улыбку, и она не могла затушить выраженіе этой радости.

Первое время Анна искренно вѣрила что она недовольна имъ за то что онъ позволяетъ себѣ преслѣдовать ее; но скоро по возвращеніи своемъ изъ Москвы пріѣхавъ на вечеръ гдѣ она думала встрѣтить его, а его не было, она овладѣвшей ею грусти ясно поняла что она обманывала себя, что это преслѣдованіе не только не неприяно ей, но что оно составляетъ весь интересъ ея жизни.

Знаменитая лѣвица лѣла второй разъ, и весь большой свѣтъ былъ въ театрѣ. Бала не было въ этотъ день, и княгиня Бетси приглашала кое-кого изъ своихъ друзей къ себѣ пить чай послѣ оперы. Анны не было въ театрѣ. У Карениныхъ не было ложи въ этотъ абонементъ. Княгиня Бетси ждала Анну обѣдать въ этотъ день, но Анна не пріѣхавъ отговорившись тѣмъ что обѣщавалась въ этотъ вечеръ быть графини Лидіи Ивановны. Бетси предъ отъѣздомъ въ театръ послала ей другуу записку.

Пріѣзжайте пожалуста ко мнѣ вечеромъ послѣ оперы, жала она, я привезу кое-кого изъ театра, и мы постараемъ провести вечеръ не такъ торжественно, за то не совсѣмъ съ скучно какъ у графини Лидіи Ивановны.“

Увидавъ изъ своего кресла въ первомъ ряду кузину, Вронскій не дождавшись антракта вошелъ къ ней въ ложу.

— Что жъ вы не пріѣхали обѣдать? сказала она ему.— Удивюсь этому ясновидѣнью влюбленныхъ, прибавила она съ улыбкой, такъ чтобъ онъ одинъ слышалъ: — она не была. Но пріѣзжайте послѣ оперы.

Вронскій вопросительно взглянулъ на нее. Она нагнула юву. Онъ улыбкой поблагодарилъ ее и сѣлъ подлѣ нея.

— А какъ я вспоминаю ваши насмѣшки, продолжала князя Бетси, находившая особенное удовольствіе въ слѣдовавшихъ за успѣхомъ этой страсти, — куда это все дѣлось! Вы уманы, мой милый.

— Я только того и желаю чтобы быть пойманнымъ, отвѣлъ Вронскій съ своею спокойною добродушною улыбкой.— Если я жалуясь, то на то только что слишкомъ мало пойманъ, а говорить правду. Я начинаю терять надежду.

— Какую жъ вы можете имѣть надежду? сказала Бетси корбившись за своего друга: — entendons-nous, — но въ глазахъ ея бѣгали огоньки говорившіе что она очень хорошо, точно также какъ и онъ, понимаетъ какую онъ могъ имѣть надежду:

— Никакой, смѣясь и выставляя свои сплошные зубы, сказалъ Вронскій. — Виновать, прибавилъ онъ взявъ изъ ея руки бинокль и принявшись оглядывать, чрезъ ея обнаженное плечо, противоположный рядъ ложъ. — Я боюсь что становлюсь смѣшонъ.

Онъ зналъ очень хорошо что въ глазахъ Бетси и всѣхъ чужестранцевъ людей онъ не рисковалъ быть смѣшонъ. Онъ зналъ очень хорошо что въ глазахъ этихъ лицъ роль нечастнаго любовника дѣвушки, и вообще свободной женщины, можетъ быть смѣшна; но роль человѣка приставленнаго къ замужней женщинѣ и во что бы то ни стало положившаго свою жизнь на то чтобы вовлечь ее въ прелюбозаванье, что роль эта имѣетъ что-то красивое, величественное и никогда не можетъ быть смѣшна, и поэтому онъ съ радостью и веселою, игривою подъ его усами улыбкой, опустил бинокль и посмотрѣлъ на кузину.

— А отчего вы не пріѣхали обѣдать? сказала она любящимъ.

— Это надо разказать вамъ. Я былъ занятъ, и чѣмъ? Да вамъ это изъ ста, изъ тысячи... не угадаете. Я мирилъ мнѣ съ оскорбителемъ его жены. Да, право.

— Что жь, и помирили?

— Почти.

— Надо чтобы вы мнѣ это разказали.. сказала она вставая. — Приходите въ тотъ антрактъ.

— Нельзя; я ѣду во Французскій театръ.

— Отъ Нильсонъ? съ ужасомъ спросила Бетси, которая за чтò бы не распознала Нильсонъ отъ всякой хористки.

— Чтò жь дѣлать? Мнѣ тамъ свиданье все по этому дѣлу моего миротворства.

— Блаженны миротворцы, они спасутся, сказала Бетси вспоминая что-то подобное слышанное ею отъ кого-то. — Ну, такъ садитесь разкажите чтò такое?

И она олять сѣла.

V.

— Это немножко нескромно, но такъ мило что ужасно хочется разказать, сказалъ Вронскій глядя на нее смѣющимися глазами — Я не буду называть фамиліи.

— Но я буду угадывать, тѣмъ лучше.

— Слушайте же: ѣдутъ два веселые молодые человѣка.

— Разумѣется офицеры вашего полка?

— Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшіе молодые человѣка....

— Переводите: выпившіе.

— Можетъ-быть. Ёдутъ на обѣдъ къ товарищу въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И видятъ хорошенькая женщина обгоняетъ ихъ на извожикѣ, оглядывается и, имъ по краѣней мѣрѣ кажется, киваетъ имъ и смѣется. Они разумѣются за ней. Скачутъ во весь духъ. Къ удивленію ихъ, красавица останавливается у подѣзда того самого дома куда они ѣдутъ. Красавица взбѣгаетъ на верхній этажъ. Они видятъ только румяныя губки изъ-подъ короткаго вуаля и прекрасныя маленькія ножки.

— Вы съ такимъ чувствомъ это разказываете что мнѣ кажется вы сами одинъ изъ этихъ двухъ.

— А сейчас вы мнѣ что говорили? Ну, молодые люди одяты къ товарищу, у него обѣдъ прощальный. Тутъ чно они выливаютъ можетъ-быть лишнее, какъ всегда прощальныхъ обѣдахъ. И за обѣдомъ разспрашиваютъ о житьѣ на верху въ этомъ домѣ. Никто не знаетъ, только лакей хозяина на ихъ вопросъ: живутъ ли на рху *мамзели*, отвѣчаетъ что ихъ тутъ очень много. послѣ обѣда молодые люди отправляются въ кабинетъ къ изяну и пишутъ письмо къ неизвѣстной. Написали странное, поэтическое письмо, и сами несутъ письмо наверхъ обы разъяснить что въ письмѣ оказалось бы не совсѣмъ явнымъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ такіа гадости рассказываете? Ну?

— Звонятъ. Выходитъ дѣвушка, они даютъ письмо и увѣщаютъ дѣвуху что оба такъ влюблены что сейчасъ умрутъ утъ у двери. Дѣвушка въ недоумѣніи ведетъ переговоры. Другъ является господинъ съ бакенбардами колбасиками, расный какъ ракъ, объявляетъ что въ домѣ никого не жить кромѣ его жены, и выгоняетъ обоихъ.

— Почему же вы знаете что у него бакенбарды, какъ вы говорите, колбасиками?

— А вотъ слушайте. Нынче, я ѣздилъ мирить ихъ.

— Ну и что же?

— Тутъ-то самое интересное. Оказывается что это счастливая чета титулярнаго совѣтника и титулярной совѣтницы. Титулярный совѣтникъ подаетъ жалобу, и я дѣлаюсь примирителемъ, и какимъ!... Увѣряю васъ, Талейранъ ничто въ сравненіи со мной.

— Въ чемъ же трудность?

— Да вотъ послушайте... Мы извинились какъ слѣдуетъ: мы въ отчаяніи, мы просимъ простить за несчастное недоразумѣніе. "Титулярный совѣтникъ съ колбасиками начинать таять, но желаетъ тоже выразить свои чувства, и какъ только онъ начинаетъ выражать ихъ, такъ начинаетъ горячиться и говорить грубости, и опять я долженъ лускать въ одѣ всѣ свои дипломатическіе таланты. „Я согласенъ что оступокъ ихъ не хорошъ; но прошу васъ принять во вниманіе недоразумѣніе, молодость; потомъ молодые люди только позавтракали. Вы понимаете. Они раскаиваются отъ всей души, просятъ простить ихъ вину.“ Титулярный совѣтникъ пята смягчается: „Я согласенъ, графъ, и я готовъ простить,

но понимаете что моя жена, моя жена, честная женщина, подвергается преслѣдованіямъ, грубостямъ и дерзостямъ какихъ-нибудь мальчишекъ мерз....“ А вы понимаете мальчишка этотъ тутъ, и мнѣ надо примирять ихъ. Олять я пускаю въ ходъ дипломатію, и олять какъ только надо заключить все дѣло, мой титулярный совѣтникъ горячится, краснѣетъ, колбасики поднимаются, и олять я разливаюсь въ дипломатическихъ тонкостяхъ.

— Ахъ, это надо разказать вамъ, смѣясь обратилась Бетсико входившей въ ея ложу дамѣ.—Онъ такъ насмѣшилъ меня.

— Ну, *bonne chance*, прибавила она, подавая Вронскому палецъ, свободный отъ держанія вѣера, и движеніемъ палецъ опуская поднявшійся лифъ платья, съ тѣмъ чтобы какъ слѣдуетъ быть вполнѣ голою когда выйдетъ впередъ, къ рамлѣ, на свѣтъ газа и на всѣ глаза.

Вронскій поѣхалъ во Французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть полковаго командира, не пропуская ни одного представленія во Французскомъ театрѣ, съ тѣмъ чтобы переговорить съ нимъ о своемъ миротворствѣ которое занимало и забавляло его уже третій день. Въ дѣлѣ этомъ былъ замѣшанъ Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно постулившій, славный малый, отличный товарищъ, молодой князь Кедровъ. А главное, тутъ были замѣшаны интересы полка.

Оба были въ эскадронѣ Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ, титулярный совѣтникъ Венденъ, съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ разказывалъ Венденъ, — онъ былъ женатъ полгода,—была въ церкви съ матушкой и вдругъ почувствовавъ нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ-извозчикѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась, и еще болѣе разболѣвшись взбѣжала по лѣстницѣ домой. Самъ Венденъ, вернувшись изъ присутствія, услышалъ звонокъ и какіе-то голоса, вышелъ, и увидавъ пьяныхъ офицеровъ съ лисьмомъ вытолкалъ ихъ. Онъ просилъ строгаго наказанія.

— Нѣтъ, какъ хотите, сказалъ полковой командиръ Вронскому, пригласивъ его къ себѣ, — Петрицкій становится невозможнѣ. Не проходитъ недѣли безъ исторіи. Этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, онъ пойдетъ дальше.

Вронскій видѣлъ всю неблаговидность этого дѣла и что тутъ дуэли быть не можетъ, что надо все одѣлать чтобы смягчить этого титулярнаго совѣтника и замять дѣло. Полковой командиръ призвалъ Вронскаго именно потому что зналъ его за благороднаго и умнаго человѣка, и главное за человѣка дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили что надо ѣхать Петрицкому и Кедрову съ Вронскимъ къ этому титулярному совѣтнику извиняться. Полковой командиръ и Вронскій оба понимали что имя Вронскаго и флигель-адъютантскій вензель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительны; но результатъ примиренія остался сомнительнымъ, какъ и разказывалъ Вронскій.

Пріѣхъ въ во Французскій театръ, Вронскій удалился съ полковымъ командиромъ въ фойе и разказалъ ему свой успѣхъ или неуспѣхъ. Обдумавъ все, полковой командиръ рѣшилъ оставить дѣло безъ послѣдствій, но потомъ, ради удовольствія, сталъ разспрашивать Вронскаго о подробностяхъ его свиданья, и долго не могъ удержаться отъ смѣха слушая разказъ Вронскаго о томъ какъ затихавшій титулярный совѣтникъ вдругъ опять разгорался, вспоминая подробности дѣла, и какъ Вронскій, лавируя при послѣднемъ полусловѣ примиренія, ретировался, толкая впередъ себя Петрицкаго.

— Скверная исторія, но уморительная. Не можетъ же Кедровъ драться съ этимъ господиномъ. Такъ ужасно горячилась? смѣясь переспросилъ онъ.—А какова нынче Клеръ? Чудно! сказалъ онъ про новую французскую актрису.—Сколько ни смотри, каждый день новая. Только одни Французы могутъ это.

VI.

Бягина Бетси, не дождавшись конца послѣдняго акта, уѣхала изъ театра. Только-что услѣла она войти въ свою уборную, обсыпать свое длинное блѣдное лицо пудрой, стереть ее, оправиться и приказать чай въ большой гостиной, какъ ужъ одна за другою стали подѣзжать кареты къ ея огромному дому на Большой Морской. Гости выходили на широкій подъездъ, и тучный швейцаръ, читающій по утрамъ, для

назиданія прохожихъ, за стеклянною дверью газеты, беззвучно отворялъ эту огромную дверь, пропуская мимо себя прѣзжавшихъ.

Почти въ одно и то же время, вошли хозяйка съ освѣженною прической и освѣженнымъ лицомъ, изъ одной двери, и гости, изъ другой, въ большую гостиную съ темными стѣнами, пушистыми коврами и ярко-освѣщеннымъ столомъ, блестящимъ подъ огнями свѣчь бѣлизною скатерти, серебромъ самовара и прозрачнымъ фарфоромъ чайнаго прибора.

Хозяйка сѣла за самоваръ и сняла перчатки. Передвинула стулья съ помощью незамѣтныхъ лакеевъ, общество разиѣтилось, раздѣлившись на двѣ части, у самовара съ хозяйкой и на противоположномъ концѣ гостиной, около красивой жены посланника въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ въ обоихъ центрахъ, какъ и всегда въ первые минуты, колебался, перебиваемый встрѣчами, привѣтствіями, предложеніемъ чая, какъ бы отыскивая на чемъ остановиться.

— Она необыкновенно хороша какъ актриса, видно что она изучала Каульбаха, говорилъ дипломатъ въ кружкѣ жены посланника, — вы замѣтили какъ она улала...

— Ахъ, пожалуйста не будемъ говорить про Ниансонъ! Про нее нельзя ничего сказать новаго, сказала толстая, красная, безъ бровей и безъ шивьюна, бѣлокурая дама въ старомъ шелковомъ платьѣ. Это была княгиня Мягкая, известная своею простотою, грубостью обращенія и прозванная *enfant terrible*. Княгиня Мягкая сидѣла по серединѣ между обоими кружками и прислушивалась прिवивала участіе то въ томъ, то въ другомъ. — Мнѣ нынче три человѣка сказали эту самую фразу про Каульбаха, точно сговорились. И фраза не знаю чѣмъ такъ понравилась имъ.

Разговоръ былъ прерванъ этимъ замѣчаніемъ, и надо было придумывать опять новую тему.

— Разкажите намъ что-нибудь забавное, но не злое, сказала жена посланника, великая мастерица изящнаго разговора называемаго по-англійски *small-talk*, обращаясь къ дипломату, тоже не знавшему что теперь начать.

— Говорятъ что это очень трудно, что только злое ситино, началъ онъ съ улыбкою. — Но я попробую. Дайте тему. Все дѣло въ темѣ. Если тема дана, то вышивать по ней

се легко. Я часто думаю что знаменитые говорунны про-
шаго вѣка были бы теперь въ затрудненіи говорить умно.
се умное такъ надобно...

— Давно ужъ сказано, смѣясь перебила его жена послав-
ка.

Разговоръ начался мило, но именно потому что онъ былъ
шкомъ ужъ милъ онъ олять остановился. Надо было при-
гнуть къ вѣрному, никогда не измѣняющему, средству—
ословію.

— Вы не находите что въ Пушкивичѣ есть что-то Louis
V, сказалъ онъ, указывая глазами на красиваго, бѣлоку-
го, молодаго человѣка, стоявшаго у стола.

— О, да! Онъ въ одномъ вкусѣ съ гостиниой, отъ этого онъ
къ часто и бываетъ здѣсь.

Этотъ разговоръ поддержался, такъ какъ говорилось на-
еками именно о томъ чего нельзя было говорить въ этой
остиниой, то-есть объ отношеніяхъ Пушкивича къ хозяйкѣ.

Около самовара и хозяйки разговоръ между тѣмъ, точно
акже поколебавшись нѣсколько времени между тремя не-
збѣжными темами: послѣднею общественною новостью, те-
тромъ и осужденіемъ ближняго, тоже установился полавъ
а послѣднюю тему, то-есть на злословіе.

— Вы слышали, и Мальтищева, не дочь, а мать, шьетъ
объ костюмъ *diable rose*.

— Не можетъ быть! Нѣтъ, это прелестно!

— Я удивляюсь какъ съ ея умомъ, она вѣдь не глупа, не
идѣть какъ она смѣшна.

Каждый имѣлъ что сказать въ осужденіе и осмѣяніе не-
частной Мальтищевой, и разговоръ весело затрещалъ какъ
разгорѣвшійся костеръ.

Мужъ княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный
хобиратель гравюръ, узнавъ что у жены гости, зашелъ
предъ клубомъ въ гостиную. Не слышно, по мягкому ковра
въ подошелъ къ княгинѣ Мягкой.

— Какъ вамъ понравилась Нильсонъ? сказалъ онъ.

— Ахъ, можно ли такъ подкрадываться? Какъ вы меня
испугали! отвѣчала она. — Не говорите пожалуйста со мной
про оперу, вы ничего не понимаете въ музыкѣ. Лучше я
спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіюли-
ти и гравюры. Ну, какое тамъ сокровище купили вы недав-
во на толкучкѣ?

— Хотите я вамъ покажу? Но вы не знаете толку.

— Покажите. Я выучилась у этихъ, какъ ихъ зовутъ... банкиры... у нихъ прекрасныя есть гравюры. Они вамъ показывали.

— Какъ, вы были у Шюцбургъ? спросила хозяйка отъ мовара.

— Были, та сѣге. Они насъ звали съ мужемъ обѣдать: мнѣ сказывали что соусъ на этомъ обѣдѣ стоилъ тысячу рублей, громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя что все ее слушаютъ, — и очень гадкій соусъ, что-то зеленое. Намъ было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на восемьдесятъ ливъ копѣекъ, и все были очень довольны. Я не могу дѣлать тысячу рублевыхъ соусовъ.

— Она единственна, сказала хозяйка.

— Удивительна, сказала кто-то.

Эффектъ производимый рѣчами княгини Мягкой всегда былъ одинаковъ, и секретъ производимаго ею эффекта состоялъ въ томъ что она говорила, хотя и не совсемъ кстати, какъ теперь, но простыя вещи, имѣющія смыслъ. Въ обществѣ гдѣ она жила такія слова производили дѣйствіе самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять отъ чего это такъ дѣйствовало, но знала что это такъ дѣйствовало, и пользовалась этимъ.

Такъ какъ во время рѣчи княгини Мягкой все ее слушали и разговоръ около жены посланника прекратился, хозяйка хотѣла связать все общество воедино, и обратилась къ женѣ посланника.

— Рѣшительно вы не хотите чаю? Вы бы перешли къ намъ.

— Нѣтъ, намъ очень хорошо здѣсь, съ улыбкой отвѣчала жена посланника, и продолжала начатый разговоръ.

Разговоръ былъ очень пріятный. Осуждали Карениныхъ жену и мужа.

— Анна очень перемѣнилась съ своей московской поѣздкой. Въ ней есть что-то странное, говорила ея пріятельница.

— Перемѣна главная та что она привезла съ собою тѣна Алексѣя Вронскаго, сказала жена посланника.

— Да что же? У Гримма есть басня: человекъ безъ тѣна человекъ лишень тѣни. И это ему наказанье за что-то. Я никогда не могъ понять въ чемъ наказанье. Но женщины должно быть непріятно безъ тѣни.

— Да, но женщины съ тѣмъ обыкновенно дурно кончаютъ, сказала пріятельница Анны.

— Тилунъ вамъ на языкъ, сказала вдругъ княгиня Мягкая, услыжавъ эти слова. — Каренина прекрасная женщина. Мужа ея я не люблю, а ее очень люблю.

— Отчего же вы не любите мужа? Онъ такой замѣчательный человекъ, сказала жена посланника. — Мужъ говоритъ что такихъ государственныхъ людей мало въ Европѣ.

— И мнѣ то же говоритъ мужъ, но я не вѣрю, сказала княгиня Мягкая. — Еслибы мужа наши не говорили, мы бы видѣли то что есть, а Алексѣй Александровичъ, по моему, просто глупъ. Я шепотомъ говорю это... Не правда ли какъ все ясно дѣлается? Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила что я сама глупа не видя его ума; а какъ только я сказала: *онъ глупъ*, но шепотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

— Какъ вы злы нынче!

— Нисколько. У меня нѣтъ другаго выхода. Кто-нибудь изъ насъ двухъ глупъ. Ну а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

— Никто не доволенъ своимъ состояніемъ и всякій доволенъ своимъ умомъ, сказалъ дипломатъ французскій стихъ.

— Вотъ, вотъ именно, послѣшно обратилась къ нему княгиня: Мягкая, — но дѣло въ томъ что Анну я вамъ не отдамъ. Она такая славная, милая. Что же ей дѣлать если всѣ влюблены въ нее и какъ тѣмъ ходить за ней?

— Да я и не думаю осуждать, оправдывалась пріятельница Анны.

— Если за нами никто не ходитъ какъ тѣмъ, то это не доказываетъ что мы имѣемъ право осуждать.

И отдѣлавъ какъ слѣдовало пріятельницу Анны, княгиня Мягкая встала и вмѣстѣ съ женой посланника присоединилась къ столу гдѣ шелъ общій разговоръ о Прусскомъ королѣ.

— О чемъ вы тамъ злословили? спросила Бетси.

— О Карениныхъ. Княгиня дѣлала характеристику Алексѣя Александровича, отвѣчала жена посланника, съ улыбкой садясь къ столу.

— Жалко что мы не слышали, сказала хозяйка, взглядывая на входную дверь. — А, вотъ и вы наконецъ! обратилась она съ улыбкой ко входившему Вронскому.

Вронскій былъ не только знакомъ со всѣми, но видавъ каждый день всѣхъ кого онъ тутъ встрѣтилъ, и потому онъ вошелъ съ тѣми спокойными приемами съ какимъ входятъ въ комнату къ людямъ отъ которыхъ только-что вышли.

— Откуда я? отвѣчалъ онъ на вопросъ жены посланника.— Что же дѣлать, надо признаться. Изъ Буффъ. Кажется въ сотый разъ, и все съ новымъ удовольствіемъ. Прелесть! Я знаю что это стыдно; но въ оперѣ я слю, а въ Буффакъ до послѣдней минуты досиживаю, и весело. Нынче...

Онъ назвалъ французскую актрису и хотѣлъ что-то разказывать про нее; но жена посланника съ шутивнымъ ужасомъ перебила его.

— Пожалуста не разказывайте про этотъ ужасъ.

— Ну, не буду, тѣмъ болѣе что всѣ знаютъ эти ужасы.

— И всѣ бы поѣхали туда еслибъ это было также принято какъ опера, подхватила княгиня Мягкая.

VI.

Княгиня Бетси, случайно взглянувъ на Вронскаго, увидала что въ лицѣ его, обращенномъ къ двери, произошла странная перемѣна. Лицо Вронскаго просіяло. Всѣ волосы, какъ уши у лягавой собаки, двинулись назадъ, и онъ, не спуская глазъ съ двери, приподнялся. Въ гостиную вошла Анна. Какъ всегда держась чрезвычайно прямо, своимъ быстрымъ, твердымъ и легкимъ шагомъ, отличавшимъ ее отъ походки другихъ свѣтскихъ женщинъ, и не измѣняя направленія взгляда, она сдѣлала тѣ нѣсколько шаговъ которые отдѣляли ее отъ хозяйки и пожала ей руку, улыбнулась, и съ этою улыбкой оглянулась на Вронскаго. Вронскій низко поклонился и подвинулъ ей стулъ.

Она отвѣчала только наклоненіемъ головы, покраснѣла и нахмурилась. Но тотчасъ же, быстро какъ и всѣ ея движенія, кивая знакомымъ и лжжимая протягиваемыя руки, она обратилась къ хозяйкѣ.

— Я была у графини Лидіи, и хотѣла раньше пріѣхать, но засидѣлась. У ней былъ миссіонеръ сэръ Джонъ. Очень интересный.

— Ахъ, это миссіонеръ этотъ?

— Да, онъ разказывалъ про индійскую жизнь очень интересно.

Разговоръ перебитый прївздомъ опять замотался какъ огонь задуваемой лампы.

— Сэръ Джонъ! Да, сэръ Джонъ. Я его видѣла. Онъ хорошо говоритъ. Власьева совсѣмъ влюблена въ него.

— А правда что Власьева меньшая выходитъ за Голова?

— Да, говорятъ что это совсѣмъ рѣшено.

— Я удивляюсь родителямъ. Говорятъ, это бракъ по страсти.

— По страсти? Какія у васъ антидиллювіальныя мысли!

Кто нынче говоритъ про страсти? сказала жена посланника.

— Чтò дѣлать? Эта глупая старая мода все еще не выводится, сказалъ Вронскій.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ кто держится этой моды. Я знаю счастливые браки только по разсудку.

— Да, но за то какъ часто счастье браковъ по разсудку разлетается какъ пыль, именно отъ того что появляется та самая страсть которую не признавали.

— Но браками по разсудку мы называемъ тѣ когда уже оба перебѣсились. Это какъ скарлатина, чрезъ это надо пройти.

— Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, какъ ослу.

— Я была въ молодости влюблена въ дьячка, сказала княгиня Мягкая. — Не знаю, помогло ли мнѣ это.

— Нѣтъ, я думаю безъ шутокъ что для того чтобъ узнать любовь, надо ошибиться, и потомъ поправиться, сказала княгиня Бетси.

— Даже послѣ брака? шутливо сказала жена посланника.

— Никогда не поздно раскаяться, сказалъ дипломатъ англійскую пословицу.

— Вотъ именно, подхватила Бетси, — надо ошибиться и поправиться. Какъ вы объ этомъ думаете? обратилась она къ Аннѣ, которая съ чуть замѣтною твердою улыбкой на губахъ молча слушала этотъ разговоръ.

— Я думаю, сказала Анна, играя снятою перчаткой, — я думаю... если сколько головъ столько умовъ, то и сколько сердецъ, столько родовъ любви.

Вронскій смотрѣлъ на Анну сколько позволяло приличіе и съ замираніемъ сердца ждалъ чтò она скажетъ. Онъ вздохнулъ, какъ бы послѣ опасности, когда она выговорила эти слова.

Анна вдругъ обратилась къ нему:

— А я получила изъ Москвы письмо. Мнѣ пишутъ что Кити Щербацкая очень больна.

— Неужели? нахмурившись сказалъ Вронскій.

Анна строго посмотрѣла на него.

— Васъ не интересуешь это?

— Напротивъ, очень. Что именно вамъ пишутъ если можно узнать? спросилъ онъ.

Анна встала и подошла къ Бетси.

— Дайте мнѣ чашку чая, сказала она, останавливаясь за ея стуломъ.

Пока княгиня Бетси наливала ей чай, Вронскій подошелъ къ Аннѣ.

— Что же вамъ пишутъ? повторилъ онъ.

— Я часто думаю что мужчины не понимаютъ того что не благородно, а всегда говорятъ объ этомъ, сказала Анна, не отвѣчая ему. — Я давно хотѣла сказать вамъ, прибавила она и перейдя нѣсколько шаговъ сѣла у углового стола съ альбомами.

— Я не совсѣмъ понимаю значеніе вашихъ словъ, сказалъ онъ подавая ей чашку.

Она взглянула на диванъ подлѣ себя, и онъ тотчасъ же сѣлъ.

— Да, я хотѣла сказать вамъ, сказала она, не глядя на него. — Вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

— Развѣ я не знаю что я дурно поступилъ? Но кто причиною что я поступилъ такъ?

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это? сказала она, вслыхивая и взглядывая на него.

— Вы знаете зачѣмъ, отвѣчалъ онъ смѣло и радостно, встрѣчая ея взглядъ и не слуская глазъ.

Не онъ, а она смутилась.

— Это доказываетъ только то что у васъ нѣтъ сердца, сказала она, но взглядъ ея говорилъ что она знаетъ что у него есть сердце и отъ этого-то боится его.

— То о чемъ вы сейчасъ говорили была ошибка, а не любовь.

— Вы помните что я запретила вамъ произносить это слово это гадкое слово, вздрогнувъ сказала Анна; но тутъ же она почувствовала что однимъ этимъ словомъ: *запретила*, она не казывала что признавала за собой извѣстныя права на него и этимъ самымъ поощряла его говорить про любовь. —

— давно это хотѣла сказать, продолжала она рѣшительно для ему въ глаза и вся пылая жегшимъ ея лицо румянцемъ,—а нынче я нарочно пріѣхала зная что я васъ встрѣю. Я пріѣхала сказать вамъ что это должно кончиться. Я тогда ни предъ кѣмъ не краснѣла, а вы заставляете мѣ чувствовать себя виновною въ чемъ-то.

Онъ смотрѣлъ на нее и былъ пораженъ новою духовною истотою ея лица.

— Чего вы хотите отъ меня? сказалъ онъ просто и серьезно.

— Я хочу чтобы вы поѣхали въ Москву и просили прощенья у Кити, сказала она.

— Вы не хотите этого, сказалъ онъ.

Онъ видѣлъ что она говорила то что принуждаетъ себя сказать, но не то чего хочетъ.

— Если вы любите меня, какъ вы говорите, прошелтала она,—то сдѣлайте чтобъ я была спокойна.

Лицо его просіяло.

— Развѣ вы не знаете что вы для меня вся жизнь, но сподобивъ я не знаю и не могу вамъ дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о васъ и о себѣ отдѣльно. Вы для меня одно. И я не вижу впереди возможности сподобивъ ни для себя, ни для васъ. Я вижу возможность отчаянія, несчастія... или я вижу возможность счастья, какого вѣстья!... Развѣ оно не возможно? прибавилъ онъ одними бами, но она слышала.

Она всѣ силы ума своего напрягла на то чтобы сдѣлать и сказать то что должно: но вмѣсто того она остановила на мѣ свой взглядъ полный любви, и ничего не отвѣтила.

„Вотъ оно, съ восторгомъ думалъ онъ, тогда когда я уже чаивался и когда казалось не будетъ конца, вотъ оно. Она любить меня. Она признается въ этомъ.“

— Такъ сдѣлайте это для меня, никогда не говорите мнѣ этихъ словъ и будемъ добрыми друзьями, сказала она словами, но совсѣмъ другое говорилъ ея взглядъ.

— Друзьями мы не будемъ, вы это сами знаете. А будемъ мы счастливѣйшими или несчастнѣйшими изъ людей, то въ вашей власти.

Она хотѣла сказать что-то, но онъ перебилъ ее.

— Вѣдь я прошу одного, прошу права надѣяться, мучаться и жить теперь, но если и этого нельзя, велите мнѣ исчезнуть

и я исчезну. Вы не будете видѣть меня если мое присутствіе тяжело вамъ.

— Я не хочу никуда прогонять васъ.

— Только не измѣняйте ничего. Оставьте все какъ есть, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Вотъ вашъ мужъ.

Дѣйствительно, въ эту минуту Алексѣй Александровичъ своею спокойною, неуклюжею походкой входилъ въ гостиную.

Оглянувъ жену и Вронскаго, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и усѣвшись за чашкой чая, сталъ говорить своимъ тонкимъ, смѣлымъ голосомъ, въ своемъ обычномъ шуточномъ тонѣ, подтрунивая надъ кѣмъ-то.

— Вашъ Рамбулье въ полномъ составѣ, сказалъ съ оглядывая все общество:—граціи и музы.

Но княгиня Бетси терпѣть не могла этого тона его, saying, какъ она называла это, и какъ умная хозяйка тотчасъ же навела его на серьезный разговоръ объ общей общественной повинности. Алексѣй Александровичъ тотчасъ же увлекъ разговоромъ и сталъ защищать уже серьезно новый взглядъ предъ княгиней Бетси, которая нападала на него.

— Это становится неприлично, шепнула одна дама, указывая глазами на Каренину, Вронскаго и ея мужа.

— Что я вамъ говорила? отвѣчала пріятельница Анны.

Но не однѣ эти дамы, почти всѣ бывшія въ гостиной, мѣня княгиня Мягкая и сама Бетси по нѣскольку разъ взгляды вали на удалившихся отъ общаго кружка, какъ будто это мѣшало имъ. Только одинъ Алексѣй Александровичъ ни разу не взглянулъ въ ту сторону и не былъ отвлеченъ отъ интереса начатаго разговора.

Замѣтивъ производимое на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, княгиня Бетси подсунула на свое мѣсто для слушанія Алексѣя Александровича другое лицо и подошла къ Аннѣ.

— Я всегда удивляюсь ясности и точности выраженій вашего мужа, сказала она. — Самыя трансцендентныя понятія становятся мнѣ доступны когда онъ говоритъ.

— О, да! сказала Анна, сіяя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова изъ того что говорила ей Бетси. Она перешла къ большому столу и приняла участіе въ общемъ разговорѣ.

Алексѣй Александровичъ, просидѣвъ полчаса, подошелъ къ женѣ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ домой; но она, взгляда на него, отвѣчала что останется ужинать. Алексѣй Александровичъ раскланялся и вышелъ.

Старый, толстый Татаринъ, кучеръ Карениной, въ глянце-
въ кожанъ, съ трудомъ удерживалъ прозябшаго лѣваго
заго взвивавшагося у подѣзда. Лакей стоялъ отворивъ
рду. Швейцаръ стоялъ держа наружную дверь. Анна Ар-
дьевна отцѣпляла маленькою быстрою рукой кружева ру-
ка отъ крючка шубки, и нагнувши голову слушала съ вос-
цениемъ что говорилъ провожая ее Вронскій.

— Вы ничего не сказали, положимъ я ничего и не требую,
орилъ онъ,—но вы знаете что не дружба мнѣ нужна, мнѣ
можно одно счастье въ жизни, это слово котораго вы такъ
любите.... да, любовь...

— Любовь... повторила она медленно, внутреннимъ голо-
въ, и вдругъ, въ то же время какъ она отцѣпила кружево,
убавила: — Я оттого и не люблю этого слова что оно
меня слишкомъ много значить, больше гораздо чѣмъ
можете помять, — и она взглянула ему въ лицо:—до сви-
ца.

Она подала ему руку и быстрымъ, сильнымъ шагомъ про-
а мимо швейцара и скрылась въ каретѣ.

Она взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его, онъ поцѣло-
въ свою ладонь въ томъ мѣстѣ гдѣ она тронула его, и по-
мъ домой болѣе счастливый чѣмъ за все это время.

VIII.

Алексѣй Александровичъ ничего особеннаго и неприлична-
не нашелъ въ томъ что жена его сидѣла съ Вронскимъ
собаго стола и о чемъ-то оживленно разговаривала; но
замѣтилъ что другимъ въ гостиной это показалось
что-то особеннымъ и неприличнымъ, и потому это показа-
въ неприличнымъ и ему. Онъ рѣшилъ что нужно сказать
этомъ женѣ.

Вернувшись домой Алексѣй Александровичъ прошелъ къ
въ кабинетъ, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, и сѣлъ
кресло, развернувъ на заложенномъ разрѣзнымъ ножомъ
лѣ книгу о пализмѣ и читалъ до часу какъ обыкновен-
дѣлалъ; только изрѣдка онъ потиралъ себѣ высокой лобъ
страхивалъ голову, какъ бы отгоняя что-то. Въ обычный
въ онъ всталъ и сѣдѣлъ свой ночной туалетъ. Анны Ар-
дьевны еще не было. Съ книгой подъ мышкой, онъ

пришелъ наверхъ, но въ нынѣшней вечеръ, вмѣсто обычныхъ мыслей и соображеній о служебныхъ дѣлахъ, мысли его бы наполнены женою и чѣмъ-то непріятно случившимся съ нею. Онъ, противно своей привычкѣ, не легъ въ постель, а замъ живъ за спину сцѣпившіяся руки принялся ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Онъ не могъ лечь, онъ чувствовалъ что ему прежде необходимо обдумать вновь возникшее обстоятельство. Когда Алексѣй Александровичъ рѣшилъ самъ съ собою что нужно переговорить съ женою, ему казалось это очень легко и просто; но теперь когда онъ сталъ обдумывать это вновь возникшее обстоятельство, оно показалось ему очень сложнымъ и затруднительнымъ. Алексѣй Александровичъ былъ не ревнивъ. Ревность по его убѣжденію, оскорбляетъ жену, и къ женѣ долженъ имѣть довѣріе. Почему должно имѣть довѣріе, то-есть полную увѣренность въ томъ что его молодая жена всегда будетъ его любить, онъ себя не спрашивалъ; но онъ не испытывалъ недоувѣрія, потому имѣлъ довѣріе и говорилъ себѣ что надо его имѣть. Теперь же хотя убѣжденіе его о томъ что ревность есть постыдное чувство и что нужно имѣть довѣріе и не было разрушено, онъ чувствовалъ что стоитъ лицомъ къ лицу предъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ что надо дѣлать. Алексѣй Александровичъ стоялъ лицомъ къ лицу предъ жизнью, предъ возможностью любви въ его женѣ къ кому-нибудь кромѣ его, и это-то казалось ему очень безтолковымъ и непонятнымъ потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексѣй Александровичъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ когда онъ сталкивался съ самою жизнью, онъ отстранялся отъ нея. Теперь онъ испытывалъ чувство подобное тому какое испытываетъ человѣкъ спокойно прошедшій надъ пропастью по мосту и вдругъ увидавшій что этотъ мостъ разобралъ, и что тамъ лучина. Пучина эта была самая жизнь, мостъ—та истинная жизнь которую прожилъ Алексѣй Александровичъ. Ему въ первый разъ пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и онъ ужаснулся предъ этимъ.

Онъ не раздвѣваясь ходилъ своимъ ровнымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одною лампою столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ е

ражался только на большомъ недавно сдѣланномъ портретѣ его, висѣвшемъ надъ диваномъ, и чрезъ ея кабинетъ гдѣ горѣли двѣ свѣчи, освѣщая портреты ея родныхъ и пріятельницъ и красивыя, давно близко знакомыя ему, бездѣлушки ея письменнаго стола. Чрезъ ея комнату онъ доходилъ до двери спальни и опять поворачивался.

Въ каждомъ протяженіи своей прогулки, и большею частью на паркетѣ свѣтлой столовой, онъ останавливался и говорилъ себѣ: „Да, это необходимо рѣшить и прекратить, высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе.“ И онъ поворачивался назадъ. „Но высказать что же? какое рѣшеніе?“ говорилъ онъ себѣ въ гостиной и не находилъ отвѣта. „Да наконецъ, спрашивалъ онъ себя предъ поворотомъ въ кабинетъ, что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну что же? Мало ли женщина въ свѣтѣ съ кѣмъ можетъ говорить? И потомъ, ревновать значитъ унижать и себя и ее,“ говорилъ онъ себѣ входя въ ея кабинетъ; но разсужденіе это, прежде имѣвшее такой вѣсъ для него, теперь ничего не вѣсило и не значило. И онъ отъ двери спальни поворачивался опять къ залѣ; но какъ только онъ входилъ назадъ въ темную гостиную, ему какой-то голосъ говорилъ что это не такъ, и что если другіе замѣтили это, то значитъ что есть что-нибудь. И онъ опять говорилъ себѣ въ столовой: да, это необходимо рѣшить и прекратить и высказать свой взглядъ... И опять въ гостиной, предъ поворотомъ, онъ спрашивалъ себя: какъ рѣшить? И потомъ спрашивалъ себя, что случилось? И отвѣчалъ: ничего, и дѣлалъ разсужденіе о томъ что ревность есть чувство унижающее жену; но опять въ гостиной убѣждался что случилось что-то. Мысли его какъ и тѣло совершали полный кругъ, не нападая ни на что новое. Онъ замѣтилъ это, потеръ себѣ лобъ и сѣлъ въ ея кабинетъ.

Тутъ, глядя на ея столъ съ лежащимъ наверху малахитовымъ бюваромъ и начатою запиской, мысли его вдругъ измѣнились. Онъ сталъ думать о ней, о томъ что она думаетъ и чувствуетъ. Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія, и мысль что у нея можетъ и должна быть своя особенная жизнь показалась ему такъ страшна что онъ послѣдовалъ отогнать ее. Это была та пучина куда ему страшно было заглянуть. Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное

дѣйствию чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствию вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ.

И ужаснѣе всего то, думалъ онъ, что теперь именно когда подходитъ къ концу мое дѣло (онъ думалъ о проектѣ который онъ проводилъ теперь), когда мнѣ нужно все спокойствіе и всѣ силы души, теперь на меня сваливается эта бессмысленная тревога. Но что жь дѣлать? Я не изъ такихъ людей которые переносятъ безпокойство и тревоги и не шкряютъ силы взглянуть имъ въ лицо. Я долженъ обдумать, рѣшить и отбросить, проговорилъ онъ вслухъ. Вопросы о ея чувствахъ, о томъ что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ, это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежащею религіи, сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи что найденъ тотъ пунктъ узаконеній которому подлежаю возникшее обстоятельство.

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ вѣрующій, во первыхъ потому что религіозные вопросы никогда живо не затрагивали его и потому на него не находили сомнѣнія; во вторыхъ, и главное, потому что религія объясняла и опредѣляла всѣ сложныя житейскія обстоятельства о которыхъ размышленіе было неприятно уму Алексѣя Александровича. Религія, устраняя всѣ эти вопросы, давала досугъ и просторъ дѣятельности въ практическихъ сферахъ.

„Итакъ, сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, вопросы о ея чувствахъ и такъ далѣе суть вопросы ея совѣсти, до которой мнѣ не можетъ быть дѣла. Моя же обязанность ясно опредѣляется. Какъ глава семьи я лицо обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное, я долженъ указать опасность которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я долженъ ей высказать.“

И въ головѣ Алексѣя Александровича сложилось ясно все что онъ теперь скажетъ женѣ. Обдумывая что онъ скажетъ, онъ пожалѣлъ о томъ что для домашняго употребленія такъ незамѣтно онъ долженъ употребить свое время и силы ума; но несмотря на то въ головѣ его ясно и отчетливо, какъ докладъ, составила форма и послѣдовательность предстоящей рѣчи. „Я долженъ сказать и высказать слѣдующее: во первыхъ, объясненіе значенія общественнаго мнѣнія и приличія; во вторыхъ, религіозное объясненіе значенія брака; в третьихъ, если нужно, указаніе на могущее произойти несчастіе для сына; в четвертыхъ, указаніе на ея собственное

счастье. " И заложивъ пальцы за пальцы, ладонями къ лицу, лексѣй Александровичъ потянулъ, и пальцы затрещали въ уставахъ.

Этотъ жестъ, дурная привычка, соединеніе рукъ и трещанье мѣцезъ, всегда успокоивали его и приводили въ аккуратность, которая теперь такъ нужна была ему. У подъѣзда слышался звукъ подѣхавшей кареты. Алексѣй Александровичъ остановился посреди залы.

На лѣстницу всходила женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ ложаемая свои скрещенные пальцы и ожидая не треснуть ли еще гдѣ. Одинъ ступень треснулъ.

Еще по звуку легкихъ шаговъ на лѣстницѣ онъ почувствовалъ ея приближеніе, и хотя онъ былъ доволенъ своею мнью, ему стало страшно за предстоящее объясненіе...

IX.

Анна шла опустивъ голову и играла кистями башлыка. что ея блестяло яркимъ веселымъ блескомъ; но блескъ отъ напоминалъ страшный блескъ пожара среди темной ти. Увидавъ мужа, Анна подняла голову и какъ будто прощаясь улыбнулась.

— Ты не въ постели? Вотъ чудо! сказала она скидывая башлыкъ, не останавливаясь пошла дальше, въ уборю.—Пора, Алексѣй Александровичъ, проговорила она изъ двери.

— Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Со мной? сказала она удивленно, вышла изъ двери и смотрѣла на него.—Что же это такое? О чемъ это? спрашивала она садясь.—Ну, давай переговоримъ если такъ нуж-

А лучше бы спать.

Анна говорила что приходило ей на уста, и сама удивляясь, слушая себя, своей способности лжи. Какъ просты, естественны были ея слова и какъ похоже было что ей просто хочется спать! Она чувствовала себя одѣтою въ непродѣваемую броню лжи. Она чувствовала что какаѣ-то невидимыя сила помогала ей и поддерживала ее.

— Анна, я долженъ предостеречь тебя, сказалъ онъ.

— Предостеречь? сказала она.—Въ чемъ?

Она смотрѣла такъ просто, такъ весело, что кто не зналъ ее какъ зналъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго ее, знавшаго что когда онъ ложился лѣтъ минутому позже она замѣчала и спрашивала о причинѣ, для него знавшаго что всякія свои радости, веселье, горе, она тотчасъ сообщала ему, для него теперь видѣть что она не хотѣла замѣчать его состояніе, что не хотѣла ни слова сказать о себѣ—означало многое. Онъ видѣлъ что та глубина ея души всегда прежде открытая предъ нимъ, была закрыта отъ него. Мало того, по тому ея, онъ видѣлъ что она и не смущалась этимъ, а прямо какъ бы говорила ему: да, закрыта, и это такъ должно быть и будетъ впередъ. Теперь онъ испытывалъ чувство подобное тому какое испыталъ бы человекъ возвратившійся домой и находящій домъ свой запертымъ. „Но можетъ-быть ключъ еще найдется“, думалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я хочу предостеречь тебя въ томъ, сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—что по неосмотрительности и легкомыслію ты можешь подать въ свѣтъ поводъ говорить о тебѣ. Твой шумкомъ оживленный разговоръ сегодня съ графомъ Вронскимъ (онъ твердо и со спокойною разстановкой выговорилъ это имя) обратилъ на себя вниманіе.

Онъ говорилъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью глаза, и говоря чувствовалъ всю бесполезность и праздность своихъ словъ.

— Ты всегда такъ, отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его, и изъ всего того что онъ сказалъ умышленно понимая только послѣднее.—То тебѣ непріятно что я скучна, то тебѣ непріятно что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ?

Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ и загнулъ руки что бы трещать ими.

— Ахъ, пожалуста не трещи, я такъ не люблю, сказала она

— Анна, ты ли это? сказалъ Алексѣй Александровичъ тихо сдѣлавъ усиліе надъ собою и удержавъ движеніе рукъ.

— Да что жъ это такое? сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ удивленіемъ.—Что тебѣ отъ меня надо?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ и потеръ рукою лобъ и глаза. Онъ увидѣлъ что вмѣсто того что онъ хотѣлъ сдѣлать, то-есть предостеречь свою жену отъ ошибки въ глазахъ свѣта, онъ волновался неволью о томъ что касалось ея совѣсти и боролся съ воображаемою имъ какою-то стѣной.

— Я вотъ что намѣренъ сказать, продолжалъ онъ холодно и спокойно,— и я попрошу тебя выслушать меня. Я признаю, какъ ты знаешь, ревность чувствомъ оскорбительнымъ и унижительнымъ, и никогда не позволю себѣ руководиться этимъ чувствомъ; но есть извѣстные законы приличія которые нельзя преступать безнаказанно. Нынче не я замѣтилъ, но судя по впечатлѣнiю какое было произведено на общество, всѣ замѣтили что ты вела и держала себя не совсѣмъ такъ какъ можно было желать.

— Рѣшительно ничего не понимаю, сказала Анна пожимая плечами. „Ему все равно, подумала она. Но въ обществѣ замѣтили, и это тревожить его.“ — Ты не здоровъ, Алексѣй Александровичъ, прибавила она, встала и хотѣла уйти въ дверь; но онъ двинулся впередъ какъ бы желая остановить ее.

Лицо его было некрасиво и мрачно какимъ никогда не видала его Анна. Она остановилась, и отклонивъ голову назадъ на бокъ начала своею быстрою рукою выбирать шпильки.

— Ну-съ, я слушаю что будетъ, проговорила она спокойно и насмѣшливо.

Она говорила и удивлялась тому натурально-спокойному, вѣрному тону которымъ она говорила и выбору словъ которыя она употребляла.

— Входить во всѣ подробности твоихъ чувствъ я не имѣю права и вообще считаю это бесполезнымъ и даже вреднымъ, началъ Алексѣй Александровичъ.— Колаясь въ своей душѣ мы часто выкапываемъ такое что тамъ лежало бы незамѣтно. Твои чувства—это дѣло твоей совѣсти; но я обязанъ предъ тобою, предъ собой и предъ Богомъ указать тебѣ твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе, и преступленіе этого рода влечетъ за собой тяжелую кару.

— Ничего не понимаю. Ахъ Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется! сказала она, быстро перебирая рукою волосы и отыскивая оставшіяся шпильки.

— Анна, ради Бога не говори такъ, сказалъ онъ кротко.— Можетъ-быть я ошибаюсь, но повѣрь что то что я говорю я говорю столько же за себя какъ и за тебя. Я мужъ твой, и люблю тебя.

Голосъ его дрогнулъ. На мгновеніе лицо ея опустилось и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ; но слово: люблю, опять возмутило ее. Она подумала: любить? Развѣ онъ можетъ любить? Еслибъ онъ не слыхалъ что бываетъ любовь, онъ никогда и не употреблялъ бы этого слова. Онъ и не знаетъ что такое любовь.

— Алексѣй Александровичъ, право я не понимаю, сказала она.— Опредѣли что ты находишь...

— Позволь, дай договорить мнѣ. Я люблю тебя. Но я говорю не о себѣ, главные лица тутъ нашъ сызъ и ты сама. Очень можетъ быть, повторяю, тебѣ покажутся совершенно напрасными и неумѣстными мои слова; можетъ-быть они вызваны моимъ заблужденіемъ. Въ такомъ случаѣ, я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь что есть хоть малѣйшія основанія, то я тебя прошу подумать, и если сердце тебѣ говорить, высказать мнѣ...

Алексѣй Александровичъ, самъ не замѣчая того, говорилъ совершенно не то что приготовилъ.

— Мнѣ нечего говорить. Да и... вдругъ быстро сказала она, съ трудомъ удерживая улыбку,—право пора спать.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ, и не сказавъ больше ничего отправился въ спальню.

Когда она вошла въ спальню онъ уже лежалъ. Губы его были строго сжаты, и глаза не смотрѣли на нее. Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту что онъ еще разъ заговорить съ нею. Она и боялась того что онъ заговорить, и ей хотѣлось этого. Но онъ молчалъ. Она долго ждала неподвижно и уже забыла о немъ. Она думала о другомъ, она видѣла его и чувствовала какъ ея сердце при этой мысли наполнялось волненіемъ и преступною радостью. Вдругъ она услышала ровный и спокойный носовой свистъ. Въ первую минуту Алексѣй Александровичъ какъ будто испугался своего свиста и остановился; но переждавъ два дыханія, свистъ раздался съ новою, спокойною ровностью.

— Поздно, поздно, ужъ поздно, прошептала она съ улыбкой. Она долго лежала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

Х.

Съ этого вечера началась новая жизнь для Алексѣя Александровича и для его жены. Ничего особеннаго не случилось. Анна, какъ всегда, ѣздила въ свѣтъ, особенно часто бывала у княгини Бетси и встрѣчалась вездѣ съ Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ это, но ничего не могъ сдѣлать. На всѣ попытки его вызвать ее на объясненіе, она противопоставляла ему непроницаемую стѣну какого-то веселаго недоумѣнія. Снаружи было то же, но внутреннія отношенія ихъ совершенно измѣнились. Алексѣй Александровичъ, столь сильный человекъ въ государственной дѣятельности, тутъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Какъ быкъ покорно опустивъ голову, онъ ждалъ обуха который, онъ чувствовалъ, былъ надъ нимъ поднять. Каждый разъ какъ онъ начиналъ думать объ этомъ, онъ чувствовалъ что нужно попытаться еще разъ, что добротой, нѣжностью, убѣжденіемъ еще есть надежда спасти ее, заставить опомниться, и онъ каждый день собирался говорить съ ней. Но каждый разъ какъ онъ начиналъ говорить съ ней онъ чувствовалъ что тотъ духъ зла и обмана, который владѣлъ ею, овладѣвалъ и имъ, и онъ говорилъ съ ней совсѣмъ не то и не тѣмъ тономъ какимъ хотѣлъ говорить. Онъ говорилъ съ ней невольно своимъ привычнымъ тономъ подшучиванья надъ тѣмъ кто бы такъ говорилъ. А въ этомъ тонѣ нельзя было сказать того что требовалось сказать ей.

.

То что почти цѣлый годъ для Вронскаго составляло исключительно одно желанье его жизни, замѣнившее ему всѣ прежнія желанія; то что для Анны было невозможною, ужасною и тѣмъ болѣе обворожительною мечтою счастья: это желаніе было удовлетворено. Блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью, онъ стоялъ надъ нею и умолялъ успокоиться, самъ не зная въ чемъ и чѣмъ.

— Анна! Анна! говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Анна, ради Бога!...

Но чѣмъ громче онъ говорилъ, тѣмъ ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала съ дивана, на которомъ

сидѣла, на полъ, къ его ногамъ; она упала бы на коверъ еслибъ онъ не держалъ ея.

— Прости меня, всхлипывая говорила она.

Она чувствовала себя столь преступною и виноватою что ей оставалось только унижаться и просить прощенія, а въ жизни тельерь кромѣ его у ней никого не было. Больше она ничего не говорила, не могла говорить. Она, глядя на него, физически чувствовала свое униженіе. Онъ же чувствовалъ что долженъ чувствовать убійца когда видитъ тѣло лишеннымъ жизни. Это тѣло лишенное имъ жизни была ихъ любовь, первый періодъ ихъ любви. Было что-то ужасное и отвратительное въ воспоминаніяхъ о томъ за что было заплачено эту страшную цѣной стыда. Стыдъ предъ духовною наготою своей давилъ ее и сообщался ему. Но несмотря на весь ужасъ убійцы предъ тѣломъ убитаго, надо рѣзать на куски, прятать это тѣло, надо пользоваться тѣмъ что убійца приобрѣлъ убійствомъ.

И съ озлобленіемъ, какъ будто со страстью, бросается убійца на это тѣло, и тащить, и рѣжетъ его; такъ и онъ покрывалъ поцѣлуями ея лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцѣлуи то что куллено этимъ стыдомъ. Да, и эта одна рука, которая будетъ всегда моею, рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцѣловала ее. Онъ опустилса на колѣна и хотѣлъ видѣть ея лицо: но она прятала его и ничего не говорила. Наконецъ, какъ бы сдѣлавъ усиліе надъ собой, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ея было все также красиво, но тѣмъ болѣе было оно жалко.

— Все кончено, сказала она.—У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя. Помни это.

— Я не могу не помнить того что есть моя жизнь. За минуту этого счастья....

— Какое счастье! съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольнo сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала, и лицо ея приняло строгое выраженіе затаеннаго гнѣва.

— Ни слова больше, повторила она и съ тѣмъ же страшнымъ, непроницаемымъ для негс выраженіемъ лица, она разсталась съ нимъ. Она чувствовала что въ эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужа-

са предъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь и не хотѣла говорить объ этомъ, олошлывать это чувство неточными словами. Но и послѣ, ни на другой, ни на третій день, она не только не нашла словъ которыми бы она могла выразить всю сложность своихъ чувствъ, но не находила и мыслей которыми бы она сама съ собой могла обдумать все что было въ ея душѣ. Она говорила себѣ: „Нѣтъ, теперь я не могу объ этомъ думать; послѣ, когда я буду спокойнѣе“. Но это спокойствіе для мыслей никогда не наступало; каждый разъ какъ являлась ей мысль о томъ что она сдѣлала и что съ ней будетъ и что она должна сдѣлать, на нее находилъ ужасъ, и она отгоняла отъ себя эти мысли.

— Послѣ, послѣ, говорила она, — когда я буду спокойнѣе.

За то во снѣ, когда она не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей. Одно сновидѣнье почти каждую ночь посѣщало ее. Будто оба вмѣстѣ были ея мужья, оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ цѣлуя ея руки, и говорилъ: какъ хорошо теперь, и Алексѣй Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ. И она будто удивляясь тому что прежде ей казалось это невозможнымъ объясняла имъ смѣясь что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидѣніе какъ кошмаръ давило ее, и она просыпалась съ ужасомъ.

(Продолж. слѣд.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНОФИЛЬСТВО

I.

Въ 1845 году была основана въ Кіевѣ *Комисія для сбора древнихъ актовъ*, съ цѣлію показать на основаніи документовъ что юго-западный край искони принадлежалъ Русскому народу, что ополяченіе его началось сравнительно не очень давно, что оно постоянно встрѣчало сопротивленіе и отпоръ въ самой средѣ народа, который не разъ совершенно освобождался отъ власти Польши, что наконецъ свобода вѣры и развитіе народнаго благосостоянія сдѣлались безпечными только со времени подчиненія юго-западнаго края русскому владычеству. Чтобы доказать эти вполнѣ справедливыя положенія, надо было воскресить въ памяти мѣстныхъ событія трехъ послѣднихъ столѣтій, и вызвать на свѣтъ изъ могилъ забытые образы народныхъ бойцовъ за свободу православной вѣры, за самостоятельность общественнаго и частнаго быта, за достоинство Русскаго племени. Началось изданіе разнообразныхъ документовъ, актовъ, писемъ, договоровъ, записей, хранившихся въ мѣстныхъ архивахъ, изъбражавшихъ какъ событія политическія временъ возстаній такъ и гражданскій бытъ и положеніе православной церкви въ то время. Издано было также нѣсколько лѣтописей, почти современныхъ происшествіямъ. Русская исторія обогатилась

драгоценнымъ матеріаломъ для изученія прошедшей жизни юго-западнаго края, и что было извѣстно въ общихъ чертахъ оживилось характерными подробностями. Открылся неисчерпаемый источникъ для историческихъ изслѣдованій всѣхъ сферъ жизни тамошняго общества въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ тысячахъ градскихъ книгъ, свезенныхъ въ Кіевъ и составившихъ Кіевскій центральный архивъ. Записи, самаго разнообразнаго содержанія, наполняющія эти книги, несмотря на то что касаются интересовъ частныхъ лицъ, даютъ возможность по своему множеству возстановить общія черты тогдашняго быта, отношенія сословіи между собою, положеніе сельскаго населенія, мѣщанъ, шляхты и козаковъ, юридическія формы ихъ правъ и обязанностей, способъ и степень ихъ осуществленія на практикѣ, наконецъ борьбу элементовъ общества, принимавшую иногда, или лучше очень часто, трагическій характеръ, и кончившуюся его разложеньемъ. Мы здѣсь съ трудомъ можемъ себѣ представить какой живой интересъ эти вновь открываемые факты имѣли для мѣстнаго современнаго населенія, живущаго на развалинахъ прошедшаго, для потомковъ этихъ сословіи истощившихъ силы свои въ борьбѣ, сохранившихъ еще о ней много непосредственныхъ воспоминаній, и читавшихъ теперь, во вступительныхъ статьяхъ къ томамъ Кіевской Исторической Комиссіи, такъ сказать объяснительныя записки на преданія слышанныя отъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Естественно было возникнуть мысли что такое богатство матеріала, частію уже разработаннаго, но еще болѣе представляющаго нетронутую массу, оживляющую новыхъ дѣлателей, заслуживаетъ того чтобы въ подготовкѣ послѣднихъ и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ на этомъ поприщѣ, приняло участіе университетское преподаваніе. Вслѣдствіе этой мысли при кафедрѣ Русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, одинъ изъ преподавателей взялъ на себя спеціально занятіе исторіей юго-западной Россіи, и уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ подвизается на этомъ поприщѣ.

Разработка актовъ, извлеченныхъ изъ архивной пыли, не могла не отразиться и въ болѣе живой, современной области, этнографическомъ изученіи народа. Акты и лѣтописи безпрестанно говорили о важной роли которую онъ игралъ въ бытіяхъ прошедшаго: онъ былъ тамъ главнымъ дѣйствующимъ

щимъ лицомъ, онъ велъ борьбу, въ продолженіи почти двухъ столѣтій, со всѣмъ что его окружало — съ высшими сословіями, съ польскимъ правительствомъ и его порядками, съ Поляками, какъ представителями чуждой національности, съ латинскою церковію, то-есть въ сферахъ соціальной, политической, національной и церковной. Во всей этой разнообразной борьбѣ, архивнымъ изыскателямъ, видѣвшимъ ее сквозь призму повѣстическихъ преданій, народъ являлся колоссальнымъ героемъ. Всѣ ужасы и неистовства, которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать, представлялись только возмездіемъ за невыносимыя оскорбленія и угнетенія, которыя онъ терпѣлъ во всѣхъ упомянутыхъ сферахъ своей жизни. Народная масса, которая естественно уже по своей численности выносить главную тяжесть историческихъ переворотовъ, до того выросла въ глазахъ изыскателей старины что почти заслонила собою дѣятельность ея предводителей. Упомянутый естественный перевѣсъ ея силъ и участія въ борьбѣ былъ поставленъ въ заслугу исключительно ей; даже ея вожди, нѣкогда прославленные въ казацкихъ лѣтописяхъ, теперь были низведены съ своихъ пьедесталовъ, и объявлены злоупотреблявшими большею частію ея довѣріемъ и имѣвшими цѣлью эксплуатировать ее въ свою пользу.

При такомъ взглядѣ и настроеніи, естественно интересъ къ изученію этого героя исторической эпопеи возросъ до высокой степени. Всякій отрывокъ лѣсни дошедшей изъ его устъ, всякое преданіе, разказъ, пословица записывались съ жадностію, и считались почти святынею. Явились новые сборники лѣсенъ и другихъ произведеній народнофантазіи, этнографическіе очерки, собранія пословицъ. Географическое общество оказало свое пособіе; оно дало возможность г. Чубинскому объѣздить край населенный малорусскимъ племенемъ, и издало на свой счетъ нѣсколько большихъ томовъ собраннаго имъ самаго разнообразнаго этнографическаго матеріала. Но южно-русскіе дѣятели чувствовали что имъ не доставало средоточія, около котораго они могли бы сгруппироваться. Тогда имъ пришла счастливая мысль организовать въ Кіевѣ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества, такъ какъ слово этнографія получило въ послѣднее время такое обширное значеніе что могло вмѣстить въ себѣ всѣ задачи которыя они преслѣдовали. Благодаря ихъ стараніямъ, Этнографическій Отдѣлъ

былъ открытъ въ Кіевѣ тому около года назадъ, и далъ имъ возможность соединить свои силы. Стоить просмотрѣть первый томъ записокъ этого Отдѣла чтобы видѣть какъ широко раздвигаютъ они задачу этнографіи: тутъ есть статьи о промышленной и торговой дѣятельности края, прошедшей и настоящей, тутъ есть описаніе малороссійскаго кобзаря, котораго народолюбцы нарочно выписали изъ Полтавской губерніи чтобы познакомить членовъ Отдѣла и кіевскую публику съ исполненіемъ малорусскихъ думъ, причемъ приложено текстъ сихъ послѣднихъ, съ подробнымъ музыкальнымъ разборомъ ихъ напѣва; тутъ есть лѣсни, изъ времени крѣпостнаго права; есть даже длинные списки названій растений края, климатологія Кіева, извѣстія объ одномъ ссудосберегательномъ товариществѣ и пр.

Наконецъ, въ текущемъ году, гг. Антоновичъ и Драгомавовъ издали первый томъ обширнаго предпринимаемаго ими систематическаго Собранія лѣсенъ малорусскаго народа съ подробными объясненіями и коментаріями. Изъ предисловія къ нему и изъ протоколовъ засѣданій Этнографическаго Отдѣла, который предоставляетъ въ ихъ распоряженіе поступающіе въ него матеріалы, видно что они обладают громадными собраніями произведеній народнаго южно-русскаго творчества превосходящими все чтò было извѣстно доселѣ въ этой области. Сношеніями своими съ дѣятелями по русской этнографіи въ австрійскихъ областяхъ, они обезлечили себѣ пріобрѣтеніе матеріаловъ изъ Буковины, Галиціи и Карпатской Руси. Такимъ образомъ ихъ изданіе обѣщаетъ сдѣлаться памятникомъ жизни южно-русскаго народа, на его мѣстномъ нарѣчціи, въ продолженіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Изъ этого огромнаго сборника народныхъ воспоминаній, народной мысли и чувства, будутъ черпать въ теченіе долгаго времени занимающіеся исторіей южно-русскаго края сочинители повѣстей и разказовъ изъ народнаго быта, народные поэты и живописцы. Остовы предковъ казацкой Украйны, извлеченные изъ многихъ архивовъ, реставрированные въ изданіяхъ Кіевской комиссіи, облекутся плотію и кровію; личности представлѣвшіяся неопредѣленными тѣнями превратятся въ живые образы...

Всему этому можно бы радоваться; но чтобы заслуга была дѣйствительна, чтобы эти труды были истиннымъ вкладомъ

въ обще-русскую сокровищницу, надо чтобы тутъ не было никакой фальшивой, вольной или невольной, примѣси, которая какъ ложка дегтю испортить можетъ всю бочку меду. Къ сожалѣнiю, такая примѣсь оказывается....

Преобладанiе духа сомнѣнiя и отрицанiя въ характерѣ Южно-Руссовъ есть конечно черта национальная. Мы даже скажемъ—историческая, ибо, по нашему мнѣнiю, она выработана исторiею. Татарское иго, потолившее въ крови блестящую независимую политическую жизнь древней Южно-Руси, литовское иго, затѣмъ польское, давившiя Южно-Руссовъ въ продолженiе столѣтiй, не могли не повлiять сильно на складъ народнаго характера, не могли не воспитать этотъ ипохондрическiй, отрицательный взглядъ, принадлежность большинства Малороссовъ и до сего времени. Здѣсь же начало той раздражительности, способности и привычки во всемъ находить смѣшную или дурную сторону, отъ которой рѣдкiй изъ нихъ свободенъ; здѣсь начало, скажемъ мы, и циническаго юмора Котляревскаго въ его Энеидѣ, и того горькаго юмора и проицъ, которые вылились у Гоголя въ такой художественной формѣ, при той немощи въ созданiи идеаловъ положительныхъ которая истощила его до смерти.

Уже въ XVII столѣтiи южно-русскiй народъ, надо думать, былъ сильно зараженъ этою болѣзнию недовольства и раздраженiя, ибо, по сверженiю польскаго владычества, онъ тотчасъ же сталъ враждовать и съ Москвою, съ которою только что соединился, и съ своею войсковою старшиной, которая только что водила его къ побѣдамъ, и наконецъ съ самимъ собою, разодравшись на нѣсколько партiй которыя до тѣхъ поръ грызлись между собою пока не заѣли другъ друга, и не произвели *великой руины*, то-есть такого же почти залуствiя цѣлаго края какое было послѣ Монголовъ въ XIII столѣтiи.

Такъ кончилась историческая драма нашихъ Южно-Руссовъ: племя, лишненное политической самостоятельности въ продолженiе нѣсколькихъ столѣтiй, не могло организовать подобно сѣверно-русскому, даже и тогда когда отвоевало себѣ эту самостоятельность; надломленное многовѣковымъ гнетомъ, оно потеряло вѣру въ себя; оно уважало и слушалось своихъ предводителей только до тѣхъ поръ пока была опасность, пока надо было сражаться; когда враги были побѣж-

дены, предводители теряли свою популярность, и подвергались гонениямъ по самымъ лустымъ причинамъ.

Эта черта опредѣлительно выразилась въ устройствѣ Запорожскаго Войска, гдѣ слушались кошеваго атамана только въ военное время—черта, восхищающая малороссійскихъ повтовъ и народолюбцевъ, но совершенно противогосударственная, и выражающая несостоятельность создать что-нибудь прочное. Замѣчательно какъ долго сохраняются историческія черты: въ наше время малорусскіе писатели, точно также какъ ихъ послолитые предки, преслѣдуютъ своихъ историческихъ дѣятелей—гетмановъ, генеральную старшину, полковниковъ, даже сотниковъ; вся разница въ томъ что въ прежнія времена ихъ преслѣдовали кольями и саблями, такъ что рѣдкій изъ нихъ кончалъ жизнь естественною смертію: а теперь преслѣдуютъ перьями, печатнымъ станкомъ, который лишаетъ ихъ доброй памяти въ потомствѣ.

Только одни простые казаки и послоаство (чернь) пользуются безусловною симпатіею малорусскихъ писателей; все что стояло выше, даже на одну ступень (какъ сотникъ), укоряется названіемъ *значныхъ* (знатныхъ); отъ этого укора не спасаются даже иногда казаки *реестровые*, пользовавшіеся нѣсколько бѣльшимъ достаткомъ, т.-е. возможностью имѣть добраго коня и хорошее оружіе. Между тѣмъ всякому безпристрастному изслѣдователю было бы ясно что именно это послоаство, эта голода, состоявшая изъ людей имѣвшихъ отвращеніе ко всякому труду и зависимости, что именно ея своеволие и необузданность были главною причиною бѣдствій Украйны. Въ плодороднѣйшемъ краѣ, при малочисленномъ относительно пространства населеніи, гдѣ свободной земли было такъ много что огромныя степи оставались нетронутыми лаугомъ, гдѣ даже владѣльческіе крестьяне имѣли въ своемъ распоряженіи обширныя поля и пастбища, могла ли быть нужда и бѣдность безъ вины самого населенія? Что могло вызвать ее какъ не лѣнь, привычка къ даровому пользованію, сопротивленіе всякому стремленію начальниковъ обуздать своеволие массъ, и установить какую-нибудь организацию въ обществѣ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то мѣсто безпристрастной лѣтолиси Величка, въ предисловіи къ первому тому, гдѣ онъ уломиая о залуствнн *тогочной* Украйны (на правой сторонѣ Днѣпра) говоритъ: „Не на-

лрасно Поляки, жалѣя о потерѣ Украйны, называли и провозглашали ее раемъ земли польской; ибо до войны Хмельницкаго она была какъ земля обѣтованная, медомъ и молокомъ клящаяся." Значить, самое притѣснительное правленіе польской шляхты было гораздо полезнѣе для страны пресловутаго народоправства, о которомъ вздыхаютъ современные народолюбцы.

То же отрицательное направленіе проявилось въ трудахъ малорусскихъ писателей когда они касались исторіи сѣверной Руси. Представителемъ школы можно не обинуясь назвать г. Костомарова. Извѣстно направленіе которому онъ слѣдуетъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Нельзя сказать чтобъ онъ искажалъ факты или навязывалъ историческимъ дѣятелямъ небывалыя дѣйствія, но онъ старается обыкновенно представить изнанку тѣхъ и другихъ, вывести событія изъ игры нечистыхъ или корыстныхъ побужденій, ощущать въ душѣ историческаго лица какой-нибудь порокъ, благодаря которому можно бы отрицать благородство его намѣреній. Такъ какъ нѣтъ людей безгрѣшныхъ, то это ему и удается; но отъ этого происходитъ что, при видимомъ желаніи добраться до истины, изображеніе событія выходитъ у него невѣрное, а вмѣсто исторической личности является карриатура, или то что въ живописи называется *жанръ*. Онъ—историческій жанристъ или даже карриатуристъ; и напоминаетъ тѣхъ скульпторовъ которые на монументальныхъ памятникахъ ставятъ статуи историческихъ лицъ въ костюмахъ и позахъ какіе имъ были обычаи въ уборной или спальнѣ. Благодаря этой манерѣ, г. Костомаровъ олошливаетъ самые замѣчательные моменты и самыя замѣчательныя личности русской исторіи, и въ концѣ концовъ приходитъ къ такому отрицательному изображенію что если кто приметъ его за истинное, то долженъ потерять всякую вѣру въ нравственныя побужденія государственныхъ дѣятелей, и тому сдѣлается недоступнымъ величіе и нравственный смыслъ историческихъ событій.

Таковъ отрицательный, можно сказать разлагающій, характеръ этой исторической школы. По слѣдамъ г. Костомарова идутъ и прочіе ея дѣятели. Надо имъ отдать ту справедливость что они также беспощадно относятся къ прошедшему Малороссіи, какъ г. Костомаровъ къ прошедшему

сѣверной Руси. Последніе выводы одного изъ нихъ * тѣ что безпорядки и бѣдствія Украйны во второй половинѣ XVII в. происходили отъ того что казацкая старшина посягала на народное самоуправленіе, ограничивала его права, и занятая только собственнымъ обогащеніемъ, не заботилась объ организаціи общества. Какъ будто нѣсколько десятковъ людей, разбѣянныхъ на огромной территоріи, могли привести народъ до такой крайности что не оставалось ничего болѣе какъ браться за оружіе, и грабить всѣхъ сколько-нибудь зажиточныхъ жителей! И какъ будто возможна была какая-нибудь организація въ населеніи, потерявшемъ во многочисленныхъ возстаніяхъ всякое понятіе о законности и всякое уваженіе къ авторитету правительственной власти. Начиная съ Богдана Хмельницкаго, когда Малороссія получила возможность самостоятельно распоряжаться своими внутренними дѣлами, было нѣсколько гетмановъ, обладавшихъ беспорочно государственнымъ смысломъ, но всѣ ихъ попытки установить какой-нибудь порядокъ разбивались о такъ-называемое народоправство. Право черни выбирать себѣ начальниковъ на всѣ ступени правительственной лѣстницы выводило на эти ступени, какъ всегда бываетъ при неограниченномъ выборномъ началѣ, болшею частію людей интриги, умѣвшихъ подготовить себѣ партію и разумѣется заботившихся прежде всего о собственной пользѣ. Но обвиненію подлежатъ не они, а тѣ кто ихъ выбиралъ. Выборное право помѣшало образованію въ Малороссіи руководящаго сословія которое одно могло бы поддержать порядокъ и устранить хаосъ воцарившійся въ странѣ какъ скоро она приобрѣла независимость,—хаосъ приведшій наконецъ весь народъ не только къ матеріальному страшному бѣдствію, но и къ нравственному разложенію.

II.

Но обратимся отъ прошедшаго къ настоящему и посмотримъ что намъ обѣщаетъ дѣятельность южно-русскихъ этнографовъ въ современности? Получить объ этомъ понятіе мы можемъ изъ статей *Вѣстника Европы, Петербургскихъ*

* См. статью г. Левуцкаго „Очеркъ внутренней истор. Малорос. въ XVII ст.“ въ 3 и 4 свѣд. №№ *Кіев. Универс. Извѣстій*, 1874 года.

Вѣдомостей (прежней редакціи) и *Правды*, журнала выходящаго во Львовѣ два раза въ мѣсяць, и принадлежащаго партіи украинофиловъ. Мы ссылаемся на эти статьи потому что въ нихъ высказывается горячее сочувствіе мнѣніямъ, руководящимъ началамъ и изданіямъ малорусскихъ этнографовъ, и еще потому что по общему мнѣнію они выходятъ изъ ихъ кружка, что засвидѣтельствовано и редакторомъ *Слова* (см. *Кіевлянинъ*, № 98, 1874 года).

Вѣстникъ Европы, въ февралѣ и мартѣ 1873 года, помѣстилъ обширную статью подъ названіемъ *Русскіе въ Галиціи*, въ которой авторъ, изобразивъ большею частію въ превратномъ видѣ прошедшія дѣйствія русской народной партіи въ Галиціи, останавливается особенно на томъ времени когда партія такъ-называемыхъ *старыхъ* стала заявлять о племенномъ родствѣ Русскихъ въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ съ русскимъ народомъ всего нашего отечества. Можно бы подумать что такое заявленіе должно обрадовать всякаго Русскаго; но къ удивленію, авторъ статьи, съ худо скрытымъ злорадствомъ, старается выставить какъ безплодно, даже вредно было это заявленіе для самихъ Галичанъ, съ какимъ будто бы равнодушіемъ встрѣчено было оно у насъ. Далѣе, авторъ навязываетъ партіи признавшей единоплеменность русскаго народа въ обширномъ смыслѣ замыслы политическаго единенія съ Россіей, упрекаетъ ее въ двуличности передъ австрійскимъ правительствомъ, живо доноситъ на нее и взваливаетъ на нее вину того что Русскіе Галиціи, вслѣдствіе этого заявленія, были преданы во власть Поляковъ. Намъ кажется что двуличность тутъ на сторонѣ автора, и что только особыя побужденія, которыя раскроются вполнѣ предъ читателемъ далѣе, могли довести Русскаго до той степени помраченія чтобы съ одной стороны выставлять мнимое равнодушіе нашего общества къ пробудившемуся въ единоплеменникахъ сознанию ихъ единства съ нами, а съ другой—провозглашать о галицкихъ патріотахъ что они имѣютъ въ виду политическое соединеніе съ Россією.

Если нашлись въ Россіи органы, отнесшіе такъ къ упомянутому заявленію русскихъ патріотовъ, то неудивительно что галицкое общество *Просвѣта* (просвѣщеніе) объявляло нѣкогда отъ имени *молодыхъ*, то-есть украинофиловъ, что пре-

дѣятельнѣмъ къ соглашенію ихъ съ партіей *старыхъ* является то что послѣдняя, вмѣсто признанія австрійскихъ Русиновъ частію лятнадцатимиліоннаго малорусскаго народа, считаетъ ихъ тождественными со всѣмъ шестидесятимиліоннымъ русскимъ населеніемъ! Нечего сказать, тяжкое преступленіе *старыхъ*! За симъ кажется нѣтъ надобности объяснять смыслъ и характеръ общества *Просвѣта*. Для характеристики его достаточно прибавить что оно получаетъ субсидію отъ Галицкаго Польскаго Сейма.

Въ май мѣсяцѣ 1874 года, въ *С.-Петербургскіхъ Вѣдомостяхъ*, появилась замѣтка о нашихъ славянскихъ благотворительныхъ комитетахъ, не менѣе замѣчательная по своей недоброговѣстности, въ которой вмѣсто того чтобы поблагодарить комитеты за ихъ безкорыстную посильную дѣятельность, сочинитель изливаетъ на нихъ свою желчь, совершенно по непонятной причинѣ для того кто не знаетъ смысла загадки. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ что они не понимаютъ какого рода связь должна быть между Россіей и другими славянскими племенами, что они желаютъ обрусить Славянъ и ослабить Россію, что они привлекаютъ *славянскихъ братьевъ* въ Россію на службу, и эти люди, стоящіе де ниже уровня современныхъ идей (блюстителемъ которыхъ являются конечно *С.-Петербургскія Вѣдомости*), могутъ имѣть только вредное вліяніе.*

Въ особенности же достается Кіевскому Отдѣлу славянскаго комитета и его предсѣдателю за то что онъ, въ своемъ отчетѣ за 1873 годъ, осмѣлился сѣтовать на раздробленность славянскихъ нарѣчій, видѣть въ ней одну изъ главныхъ причинъ славянской отсталости, и стоять за то что надо всячески противиться дальнѣйшему увеличенію этого раздробленія.

Казалось бы трудно найти что-нибудь предосудительное въ этихъ мысляхъ; но критикъ видимо не могъ ихъ переварить. Желаніе чтобы знаніе русскаго языка распространялось между западными Славянами онъ *перекручиваетъ* (выраженіе

* Вѣроятно тутъ имѣются въ виду преподаватели изъ Чеховъ и Галицкаго, приглашаемые Министерствомъ Просвѣщенія. Въ этомъ славянскіе комитеты не принимали никакого участія, что очень извѣстно сочинителю статейки, но ему удобно и эту мнимую вину свалить на славянскіе комитеты.

украинофильское) въ требованіе чтобы русскій языкъ былъ безраздѣльно принятъ всіми Славянами. Укоряетъ комитетъ за безразборчивую выдачу пособій, и чтобы насолить еще разъ получившимъ пособия и выставить ихъ на гоненія со стороны Поляковъ, перечисляетъ изъ отчета 1872 года (слѣдовательно за давнее время) кому именно эти пособия были выданы, хотя такое перечисленіе уличаетъ самого обвинителя во лжи, показывая что пособия были выданы одному приюту для учениковъ, литературнымъ обществамъ, редакціямъ и литературнымъ предпріятіямъ. * Критикъ желаетъ лучше обнаружить свою недобросовѣстность предъ согражданами нежели упустить случай повредить ненавистнымъ ему сторонникамъ общерусской народности за границею.

Далѣе, отчетъ Кіевскаго комитета, говоря о сочувствіи его членовъ къ произведеніямъ малорусскаго творчества заявляетъ что оно простирается только на произведенія народные или такіа которыя имѣя предметомъ изображеніе сценъ народнаго быта, требуютъ для передачи ихъ мѣстнаго нарѣчія, и не могутъ безъ ущерба живости употреблять общерусскую литературную рѣчь. *Inde irae.* Естественно, что Кіевскій Комитетъ, сочувствуя партіи *Слова* галицкаго, партіи признающей (*horribile dictu*) австрійскихъ Русскихъ принадлежащими не къ 15милліонной, а къ 60милліонной русской національности, есть такой камень преткновенія для украинофидовъ подъ который они готовы подкалываться всіми позволительными и непозволительными средствами. Приведенныя нами двѣ статьи могутъ служить образцомъ ихъ манеры; можно подумать, что они вышли изъ-подъ пера

* Замѣчательна заочнаго знакомства корреспондентовъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (прежнихъ) и *Вѣстника Европы*: въ нихъ уже нѣсколько разъ обнародовались указанія кому выданы въ 1872 году пособия Кіевскимъ комитетомъ и каждый разъ это перепечатывалось въ австрійскихъ газетахъ. Такъ и теперь приводимая статья *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* цѣлкомъ перепечатана въ *Правдѣ* (№ 11 1874) подъ названіемъ: *Россійская критика Россійской благотворительности Славянамъ.* Извѣстно что *Правда* называется *Вѣстникъ Европы* и *С.-Петербургскія Вѣдомости* (прежнія) знаменитымъ Россійскимъ изданіемъ, передовыми, въ которыхъ выражается мнѣніе всего мыслящаго русскаго общества.

какого-нибудь потомка тѣхъ ябедниковъ которые когда-то приобрѣли такую печальную извѣстность въ Малороссіи: до такой степени все въ нихъ извращено и носить на себѣ отпечатокъ приказнаго крючкотворства.

III.

Гораздо яснѣе, впрочемъ, видно направление украинофильской партіи изъ періодическаго изданія *Правда*, выходящаго во Львовѣ два раза въ мѣсяць, въ типографіи имени Шевченка, устроенной Обществомъ этого имени, на средства, какъ гласить молва, большею частію присланныя изъ нашей Украйны (всѣхъ пожертвованій, кромѣ членскихъ взносовъ, въ первое полугодіе 1874 года было 9.000 гульд.). * Вотъ чтѣ писала редакція *Правды* въ 1мъ номерѣ, при объявленіи объ изданіи этой газеты на 1874 годъ: „Наша газета была основана въ 1867 году, въ самое печальное время для народной партіи. Ея противники, послѣ Прусской войны и этнографической выставки въ Москвѣ, ** набравшись смѣлости, скинули съ себя маску русскаго патриотизма, и опредѣлительно заявили свое ренегатство; старшіе изъ щирыхъ патриотовъ-народовцевъ замолкли, и почти никто не смѣлъ выступить энергически противъ новыхъ *Русскихъ*, которые всякаго кто не слѣдовалъ за ними выставляли какъ ляхомана или лустаго фантазера. Даже молодежь, которая до того почти безъ исключенія пламенѣла чистѣйшимъ патриотизмомъ, сумѣла большею частію деморализовать, сманивая ее здѣсь (то-есть въ Галиціи) деньгами, а въ Россіи—должностями. Народная партія, послѣ упадка *Мсты* въ 1865 и *Русалки* въ 1866, не имѣла печатнаго органа, казалась разсѣянною и осужденною на скорую смерть. Только осенью 1867 года опомнились, *русскіе* студенты во Львовѣ соединили свои силы и стали издавать

* Къ сожалѣнію, Общество имени Шевченка не послѣдовало совѣту который давали *С.-Петербургскія Вѣдомости* нашимъ славянскимъ комитетамъ, и не огласило въ своихъ протоколахъ именъ жертвователей на типографію.

** Хорошо сопоставленіе!

Правду какъ органъ русскихъ народовцевъ. Съ того времени *Правда*, какъ изданіе сначала литературное, а потомъ, послѣ полторагодоваго перерыва (1870—71), литературно-политическое, защищала всегда и вездѣ народное дѣло, избравши девизомъ безсмертныя слова лучшаго сына Русо-Украины (Шевченка): „Въ своей хатѣ, своя правда и сила, и воля“. Съ того времени когда была основана *Правда*, обстоятельства очень измѣнились. Тогдашніе юноши сдѣлались мужчинами, составляющими самый цвѣтъ русской интеллигенціи, и трудящимися во всѣхъ мѣстахъ нашего края и во всѣхъ пожеланіяхъ для добра народа. Тогдашніе обломки крѣпко организовались въ нѣсколько обществъ, изъ которыхъ *Просвита* приобрѣла себѣ добрую славу уже и за границею нашего края, а вновь основанное общество имени Шевченка, хоти и ограниченное меньшимъ кружкомъ, принесеть, надо надѣяться, также не малую пользу нашему дѣлу.“

Здѣсь кстати замѣтить что Общество *Просвита* получаетъ отъ галицкаго, то-есть польскаго сейма, который всячески противится развитію русской народности, 5.000 гульденовъ ежегоднаго пособія. Какъ *Просвита* задалась цѣлью издавать книжки народныя, такъ Общество имени Шевченка взяло на себя развитіе украинской литературы для образованнаго класса, такъ-называемой интеллигенціи. То и другое разумѣется на украинскомъ ими сочиняемомъ нарѣчій и фонетическою правописью или *кулешовкою*.

Капитальною статьею *Правды* за 1874 годъ можно считать статью *Украинца*, подъ названіемъ: *Литература російская великорусская, украинская и галицкая*, очень напоминающую по своему изложенію, манерѣ и направленію вышеупомянутыя статьи *Вѣстника Европы* и *С.-Петербургскихъ Ведомостей*, а по близкому знакомству автора съ общерусскою литературой несомнѣнно показывающую что она принадлежит перу нашего соотечественника. Она представляетъ странную смѣсь справедливыхъ данныхъ и замѣчаній съ ложными выводами; замѣтно что авторъ чувствуетъ себя вынужденнымъ считаться съ дѣйствительностію, хотя для него и неприятною, понимаетъ истинный смыслъ явленій, но ему необходимо оправдать ихъ безплодность и вывести изъ нихъ не то здравое поученіе которое они представляютъ, а другое, сообразное съ цѣлями его партіи. И вотъ онъ задается такими вопросами: 1) Что такое была и есть украин-

ская литература относительно идей, то-есть какія потребности и какія соціально-политическія условія вызвали ее къ жизни, и давали ей то или другое направленіе? 2) Чтò такое была и есть эта литература относительно матеріала? 3) Какіе шансы можетъ имѣть она для будущаго развитія, и какимъ путемъ, при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ находится, должна она направиться чтобы развиваться соотвѣтственно потребностямъ и цѣлямъ которыя ее вызвали, и чтобы послужить на пользу нашего народа?

Чтобъ отвѣчать на эти глубокомысленные вопросы, авторъ пускается въ пространное изложеніе разныхъ фазисовъ малороссійской письменности, большею частію созданныхъ его воображеніемъ, и начинаетъ свое изложеніе великолѣбною фразой: *украинская литература есть дочь Россіи XIX вѣка, поэтому должна жить и расти, пока Россія будетъ Россіей.* Между тѣмъ, все дальнѣйшее изложеніе, которое должно служить подтвержденіемъ этой великой истины, наперекоръ желанію автора, можетъ служить къ ея опроверженію. Такъ, въ самомъ началѣ, онъ доказываетъ мысль, не требовавшую впрочемъ доказательствъ, что *Украинцы заимствовали свои идеи и направленія не столько прямо изъ европейскихъ литературъ, сколько чрезъ посредство Россійской (замѣтьте: Россійской) литературы* (поистинѣ новость), и что въ украинской письменности отражались всѣ тѣ мотивы и направленія, которые по временамъ господствовали въ общерусской литературѣ, какъ-то сентиментализмъ, романтизмъ, націонализмъ (славянофильство) и демократизмъ. Такъ, Энеида Котляревскаго есть реакція псевдоклассицизму, гораздо болѣе сильная нежели *Душенька* Богдановича; *Наталка Полтавка* Котляревскаго есть выраженіе сентиментализма, подобно *Бѣдной Лизѣ* Карамзина; театральныя произведенія Гоголя отца и Котляревскаго для домашнихъ театровъ Трощинскаго и Куракина суть подражаніе интермедіямъ XVIII вѣка; произведенія Сковороды это отраженіе масонскаго мистицизма; Харьковскій университетъ, основанный по мысли нашего маркиза По-зы (sic) Каразина, есть будто бы источникъ украинскаго славянофильства: изъ него вышли Бодянскій (который никогда въ немъ не былъ), Григоровичъ, Метлинскій, Костомаровъ; онъ же будто бы имѣлъ вліяніе и на Срезневскаго. Это все, по мнѣнію автора, крайнофилы, какъ и Бантышъ-Каменскій, авторъ исторіи Малороссіи, и Гоголь; они же предста-

вители романтизма, потому что собирали и издавали народные лѣси, вмѣстѣ съ Максимовичемъ и Шевченко. Но погромъ 1847 года, ссылка Костомарова, Кулиша, Шевченка, уничтожилъ эти отрядныя начинанія, и была причиною что малороссійская письменность почти замолкла до шестидесяти годовъ, до появленія журнала *Основа*. *Основа* однако не имѣла своего призванія, она владала въ слѣшкомъ исключительный націонализмъ, говорила болѣе про старину Малороссіи нежели про ея настоящее, облакивала эту старину, думала только отмежеваться отъ обще-русскаго, а не слѣдовала новымъ реально-соціальнымъ направленіемъ обще-русскихъ оттого де встрѣтила общее равнодушіе. Оттого и произведенія этого періода отличаются слабостію, повтореніемъ избитыхъ мотивовъ о родинахъ, объ ея врагахъ, о силѣ казацкой, о волѣ, безъ указанія какою она должна быть, о несчастной долѣ Украйны: поэты, подражатели Шевченка, не замѣчали что его сила заключается не въ томъ что онъ плачетъ о презрѣнныхъ бунчукахъ и булавахъ, а въ томъ что онъ рвется къ свободѣ и наукѣ, не въ томъ что онъ бранитъ Ляховъ и Москалей, а что проклинаетъ господъ своихъ, которые не хуже чуждыхъ распинаютъ меньшаго брата. (Это говорится о тѣхъ что пожертвовали почти половиную своего состоянія при отнятіи крѣпостнаго права.)

Послѣ этого фантастическаго очерка, авторъ довольно справедливо оцѣниваетъ слабость украинской словесности шестидесятихъ годовъ, въ области романа и повѣсти, и совершенное отсутствіе научныхъ статей и учебниковъ, несмотря на то что въ *Замѣчаніяхъ на Уставъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній по Кіевскому учебному округу*, обнародованныхъ Министерствомъ Просвѣщенія, видно что многіе педагогическіе совѣты мѣстныхъ гимназій признавали полезнымъ введеніе въ школу обученія на малороссійскомъ нарѣчій (въ статьѣ *Правды* указываются даже страницы министерскаго изданія). Конечно, прибавляетъ авторъ въ утѣшеніе Россіянамъ, эти мнѣнія не отрицали потребности и русскаго языка въ школахъ. Тогда-то слѣдовало желать, и еслибы украинобилы имѣли готовую популярно-учебную библіотеку, то народныя школы остались бы за ними. (*Правда*, № 3 74 г., стр. 109.) Но благоприятное время было улучено (скажемъ, по счастію для учебнаго дѣла), и начало изданія педагогическихъ украинскихъ книжекъ было остановлено администраціей.

„Время послѣ 1864 года, продолжаетъ авторъ (стр. 114 и слѣд.), когда въ Россіи уже не безсознательно какъ прежде, но систематически высказывались и имѣли вліяніе на правительстве идеи національнаго централизма, по примѣру прусскаго, когда сложилась система *обрусенія окраинъ*, казалось было страшно неприязненно украинству, которое три-четыре сильныя газеты громко называли — *измѣною*, продуктомъ *польской интриги*. Правда, горькіе часы приходилось не разъ переживать щирому украинцу, видя какъ ненавистныя руки, *ісакіе Ташкентцы*, то изъ Великоруссовъ, то изъ своихъ, принимались, какъ говорилось, *чистить* народность малорусскую; будто оскверненную полонизмомъ и этимъ только и отличающуюся отъ великорусской. Но всмотрѣвшись сквозь поверхность, надо признаться что система обрусенія роковымъ образомъ должна была скрѣпить основу украинскаго направленія, хотя, конечно, не совсѣмъ такую какъ хотѣлось украинофиламъ, и отчасти потому не такую, что они защищали безъ должной энергіи свои далеко простирающіеся идеалы. Уже одинъ надѣлъ земли крестьянамъ въ Холмщинѣ, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, это такая закладка для поднятія народа нашего, которая дастъ себя знать въ ближайшемъ будущемъ.* То довольно большое число учениковъ изъ крестьянъ, въ гимназіяхъ Бѣлоцерковской, Острожской, въ учительской семинаріи Коростышевской, о коихъ должны были озаботиться *обрусители*, есть также фактъ который не останется безъ послѣдствій. Тамъ и здѣсь — это настоящій украинскій народъ поднимается вверхъ, а онъ поднимаетъ и народность. Потомъ, какъ ни кричали ненавистные обрусители про нечистоту украинской народности, но они должны были заявить и то что край западный — щиро, издавна русскій, они невольно залутывались и ссылались на преданія и вѣстныя, украинскія.** Поляки, которые брали инициативу въ гоненіяхъ на украинство до 1863 года, а иные изъ нихъ, по ненависти къ хлопманію, готовы были поддерживать скорѣе полицейскій централизмъ нежели эту хлопманію, теперь должны были надуматься (а современемъ надумаются еще больше) что украинство есть одна изъ преловъ тому централистскому потоку который хочетъ искоренить польскую народность и тамъ гдѣ она имѣетъ право жить. Мы думаемъ что тѣ симпатіи которыя иногда, на зло *Москву*, выказываетъ польская печать въ Галичинѣ къ украинофильству, покамѣстъ не больше какъ фразеологія,

* Можно легко себя представить какъ она дастъ себя знать если этотъ народъ разовьется подъ опекой посѣдователей украинофильскаго ученія.

** То-есть ихъ хотѣтъ теперь залутать украинофилья, и труды, которые были предприняты, чтобы доказать обще-русскій корень юго-западнаго края, употребить въ доказательство и для развитія его отдаленности, словомъ поддвинуть русскую народность сочиняемою украинскою.

или ошибочный расчетъ: украинофильство хочетъ жить и работать для себя, для своего народа, а не для возвращенія Польши 1772 или еще 1654 года, а съ этою цѣлью телерешее поколѣннє польскихъ политиковъ также мало можетъ согласиться, какъ и на *омосковленіе* Польши. Но и фразеологія *oblige*, и фразеологія затягиваетъ въ дѣло, и теперь польскія національныя идеи, которыя, какъ и слѣдовало ожидать, по минованіи первой алатіи послѣ 1863 г., снова поднимаются на правомъ берегу Днѣпра, должны считаться съ украинофильствомъ. Намъ предстоитъ еще много хлопотъ съ польскимъ элементомъ въ этомъ краѣ: не разъ и не два услышимъ мы тѣ же самыя клеветы, интриги, что и до 1862 года; но по всему можно ожидать что на сей разъ изъ польской молодежи будетъ большій приплодъ для хлопотанія и украинофильства нежели до 1863 года. Съ другой стороны, поднятіе польскаго знамени должно снова заставить и самихъ обрусителей приклониться къ Украинцамъ, а доказанная за десять лѣтъ безплодность административно-централизованной реакціи лонлизму въ сферѣ нравственной показываетъ мыслящимъ людямъ въ Россіи національной партіи что и здѣсь только поднятіе мѣстныхъ нравственныхъ элементовъ дастъ возможность окончательно нейтрализовать чужіе сепаратистическіе элементы, и приучить поборниковъ единства Россіи къ мысли, что органическое единство не должно свѣдаться мертвымъ единообразіемъ. Съ третьей стороны, та связь системы обрусенія съ политической и культурною реакціей которая проявилась послѣ 1863 года, должна была обратить вниманіе всей либеральной партіи въ Россіи на общую, а не только на провинціальную важность украинофильства, какъ одного изъ звеньевъ *новой* Россіи, хотя и опирающагося на старомъ преданіи.

„Это все готовится больше для будущаго; но и теперь мы видимъ довольно яркихъ признаковъ. Такими признаками мы считаемъ заявленіе передъ Европою российскимъ правительствомъ (?) и польскою оппозиціею фактовъ украинской исторіи, заявленія тенденціозныя, но имѣющія слѣдствиемъ то что свѣтъ начинаетъ узнавать факты какъ они есть. Другимъ важнымъ фактомъ мы считаемъ созданіе въ Кіевѣ ламятника Богдану Хмельницкому... Третьимъ признакомъ мы считаемъ то что Русское Географическое Общество, въ то время какъ стали говорить про *Западный Край* въ отношеніи политическомъ, снарядило туда этнографическую экспедицію, и теперь печатаетъ семь томовъ или десять книгъ матеріаловъ, по которымъ можно будетъ составить себѣ образъ украинскаго народа. Логическимъ слѣдствиемъ этой экспедиціи было открытіе въ 1873 году Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ, который, подобно учрежденной въ связи съ противопольскою реакціею, послѣ 1830—1839 годовъ, Археологическою Коммиссіею, долженъ заложить для народнаго украинскаго направленія основаніе этнографическо-стату-

гическое, какъ та комиссія заложила основаніе историческое. Четвертый признакъ мы видимъ въ томъ что замѣчательнѣйшій журналъ русскій (*Вѣстникъ Европы* въ 1872 году) напечаталъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ показали такую важность имѣть украинофильство въ связи съ вопросомъ объ окраинахъ Россіи, съ вопросомъ о соглашеніи въ Полякамъ, отчего между прочимъ зависитъ и сила державы русской сравнительно съ нѣмецкою, — объ автономіи вообще краевъ и народовъ Россіи, о демократизмѣ, езь котораго не можетъ идти впередъ мужицкая земля Россія, и т. д. Статьи эти были направлены противъ всей системы обрусенія, — и однако въ одной части русской печати нѣ вызвали похвалы, а другая, изломавшая такъ много коій за эту систему, должна была или молчать, или полемизировала очень не смѣло и не послѣдовательно.“

Итакъ, и надѣленіе крестьянъ землею въ юго-западномъ раѣ, и принятіе крестьянскихъ мальчиковъ въ гимназіи и учительскія семинаріи, и изданія Кіевской Археографической комиссіи и снаряженіе Географическимъ Обществомъ въ западный край экспедиціи, и учрежденіе въ Кіевѣ Этнографическаго Отдѣла, даже памятникъ Хмельницкому, всѣ эти дѣла, учрежденія или предпріятія, на которыя правительство и общество тратили и тратятъ не мало денегъ и заботъ въ надеждѣ возстановить и скрѣпить ими древнюю вязь южной и западной Руси съ сѣвѣрною и восточною, все это, по мнѣнію же Украица, должно быть употреблено на однятіе мѣстнаго элемента съ цѣлью положить основаніе для его самостоятельно-отдѣльнаго развитія, на своемъ мѣстѣ нарѣчи, изъ котораго долженъ де выработаться особый языкъ. Замѣчательна откровенность автора, что для того будетъ также очень полезно возобновляющееся будто и движеніе польскаго элемента на правомъ берегу Днѣпра: чѣмъ же украинофилы такъ отпираются отъ приписываемой имъ симпатіи къ Полякамъ? Эта симпатія очень естественна и неизбежна при обоюдности пользы.

Но послѣдуемъ дальше за авторомъ. Въ числѣ обстоятельствъ, способствующихъ, по его мнѣнію, развитію украинофильства, является и соединеніе Кіева желѣзными дорогами съ Галичиною. „Мы видимъ что молодежь не только изъ Украйны, но и изъ Великой Руси охотно братается съ молодежью *Съчи*. * А эта послѣдняя, въ книгахъ и журналахъ, выходящихъ въ Петербургъ и Москвѣ (?), находитъ

* Общество Украинофиловъ въ Вѣнѣ.

новое оружіе чтобы защищать свои идеи отъ своихъ реакціонеровъ, не по праву надѣвшихъ клобуки панрусистовъ и панславистовъ. Поживемъ — увидимъ еще и не то! Всѣ эти причины дѣлаютъ что украинофильство въ послѣднее время снова видимо поднимается, доказательствомъ тому служатъ статьи объ Украинѣ въ русскіихъ журналахъ, и не малое число книжекъ на украинскомъ языкѣ появившихся въ послѣдніе два года“ (стр. 156).

Дѣлая далѣ выводъ изъ всего сказаннаго, Украинецъ повторяетъ что малороссійская литература, такъ какъ она до сихъ поръ развивалась и жила одними мотивами съ общерусскою, должна и впредь держаться этого направленія чтобы внести свой элементъ въ общерусскую культуру. Этому совѣту можно бы влодѣть сочувствовать еслибы авторъ вслѣд затѣмъ не ставилъ слѣдующаго вопроса: „Какую выбрать дорогу чтобы не только дать выходъ украинскому духу въ русскію культуру, но и удержать и развить украинское слово, этотъ видимый знакъ индивидуальности?“ Надо, отвѣчаетъ авторъ, заняться народомъ, надо изобразить его во всемъ разнообразіи проявленій его жизни, внѣшнихъ и внутреннихъ; затѣмъ, надо воспитать его на украинскихъ книжкахъ. „Такъ, напримѣръ (стр. 159 и сл.) взявъ за исходную точку простонародныя лѣсни и сказки, можно будетъ перевести образцы лучшихъ народныхъ эпосовъ, начиная съ самого Гомера; изъ Шекспира можно будетъ перевести *Лира*, *Макбета*, *Ричарда III*, *Тимона Афинскаго*, изъ Шиллера *Орлеанскую Дѣвственницу*, *Донъ-Карлоса*, *Вильгельма Телля*, изъ новой литературы романы Эрмана Шатриана, нѣкоторыя изъ рождественскихъ повѣстей Диккенса, шварцвальдскихъ повѣстей Ауэрбаха. Хорошіи матеріалъ могутъ доставить другія провинціальныя литературы, аналогичныя нашему направленію (Гебель, Клаусъ Гротъ, Консиансъ и т. д.); только надо съ большою осмотрительностію остерегаться слишкомъ идилличнаго, а то и ретрограднаго романтизма.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ надо изготovitъ научную народную библіотеку. „Поэтому, мы думаемъ, одно изъ первыхъ дѣлъ украинской молодежи должно быть написать популярную энциклопедію по системѣ позитивизма арифметику и геометрію, физику и химию, геологію съ біологіей, антропологію и социологію, насколько, конечно, можетъ

ее изложить теперь. Эту энциклопедию надо разумѣется написать тономъ спокойнымъ, объективно, безъ демонстрацій, но твердо и ясно провести вездѣ методъ свободнаго разума который полагается только на себя и больше ни на что.... Особенно потребенъ трудъ и ученость для объясненій антропологии и социологии, которая вмѣститъ въ себя и такъ-называемую исторію. Про эту работу мы можемъ сказать съ Гамлетомъ: *такое дѣло достойно самаго горячаго желанія*. Такого рода литература поэтическая, беллетристическая и научная, систематично развиваемая въ продолженіе какихъ-нибудь пяти-шести лѣтъ, не можетъ не укрѣпить симпатію къ малороссійскому дѣлу въ образованномъ классѣ Малороссіи, а въ народѣ подниметъ уваженіе къ малороссійской рѣчи, и слѣдств. болѣе прочною основой малороссійскаго направленія, нежели воспоминанія о томъ *какъ было когда-то, да больше не будетъ*, нежели плачь на долю, нежели манифестаціи правъ Малороссовъ на полную національную самостоятельность,—манифестаціи, практическое осуществленіе коихъ разбивается условіями въ которыхъ живетъ край, да и самый край къ нимъ относится отчасти холодно. Безъ громкихъ да безплодныхъ фразъ, безъ манифестаціи правъ которыхъ нѣтъ силы достигнуть, которыя даже не всегда возможно защищать теоретично (ибо партія централистовъ не безсильна и на Украинѣ и въ Галичинѣ), не касаясь существующихъ живыхъ интересовъ которые вяжутся со всѣмъ государственнымъ и культурнымъ строемъ Россіи, выростетъ живая и крѣпкая, нужная народу, украинская литература, которая пробьетъ себѣ дорогу въ школы официальныя. "Далѣе (стр. 203): *„для школъ украинскихъ мы проектируемъ книжки для чтенія украино-россійскія, по системѣ педагоговъ школы Песталоцци. Такія книжки и такая литература помогутъ нашему народу не утратить своего существованія, пользуясь россійскимъ.“*

Какъ хитроумный Одиссей, *Украинецъ* совѣтуетъ чтобъ украинская литература не слишкомъ отдалялась отъ россійской—*по матеріалу*, то-есть чтобъ иногда знакомила Малороссіянянъ и съ Россією, *по правописанію и по языку*, чтобы слишкомъ отличною орфографією, словами и оборотами не затруднить Малороссіянянъ, выучившимся читать на обще-русскихъ книгахъ, чтеніе украинскихъ книжекъ своихъ воспитателей, и облегчить постепенное ихъ усвоеніе, а так-

же чтобы не затруднить доступа этимъ книжкамъ въ народныя школы, *котораго совѣтъ не трудно добиться если мы усвоимъ предложенную систему.* Авторъ, высказывая эту увѣренность, очень повидимому разчитываетъ на близорукость людей, отъ которыхъ зависитъ это допущеніе формируемаго украинскаго языка какъ преподавательнаго въ народныя школы.

Далѣе, авторъ преподаетъ совѣты какъ Малороссы въ своихъ трудахъ по отечественной исторіи должны вездѣ стараться выяснитъ важную роль какую имѣлъ южно-русскій элементъ въ исторической жизни Россіи, какъ онъ пріобрѣталъ 'верѣдко рѣшающее значеніе, а въ трудахъ по русскійской литературѣ должны расширить слишкомъ тѣсное мѣсто удѣляемое теперь въ нихъ малороссійскимъ произведеніямъ и малороссійскимъ писателямъ. Многимъ изъ этихъ совѣтовъ можно бы пожелать исполненія. Кто не согласится что участіе южно- и западно-русскаго элементовъ въ созиданіи нынѣшней Россіи еще не достаточно раскрыто, что мало извѣстны стихіи внутренней жизни тѣхъ краевъ, что можетъ-быть недостаточно оцѣнены вклады которые принесли и приносятъ Южно-Руссы въ общую сокровищницу русской науки и литературы. Но это происходитъ не отъ недоброжелательства Сѣверно-Руссовъ, а отъ достойной всякаго уваженія скромности Южно-Руссовъ которые до сихъ поръ не заботились выставлять на видъ свои заслуги, потому что самохвальство всего болѣе противно ихъ коренному характеру. Это происходитъ еще и отъ того что пора отдѣльности ихъ отъ общерусскаго корня, какъ временное, минувшее зло, которое и народъ, какъ отдѣльный человекъ, охотно забываетъ, уже изгладилась изъ ихъ памяти, и образованный классъ въ Малороссіи, а слѣдовательно и ея писатели считали себя не только гражданами Русскаго государства, равноправными съ Москвичами, Петербуржцами, но и равноправными гражданами въ области обще-русской умственной дѣятельности, науки и словесности, и имъ не приходило въ голову выставлять себя какою-то особою національною корпораціей, какъ это не приходило въ голову ученымъ и писателямъ, уроженцамъ другихъ краевъ Россіи. Только теперь украинофилы селятся искусственно создать такую національную корпорацію, и эта цѣль заражаетъ самыя полезныя ихъ научныя и литературныя труды та-

кою фальшью, что труды эти теряют почти всякую цѣну; примѣръ мы видимъ на томъ именно писателѣ котораго *Украинецъ* выставляетъ какъ образецъ для подражанія всѣмъ желающимъ принести пользу Украинѣ, именно на г. Костомаровѣ (стр. 204 Прав.). По предлагаемому учителю можно судить, каковы будутъ ученики, и каковы будутъ результаты ихъ трудовъ.

Разъяснивъ мотивы своей системы и способъ ея осуществленія, авторъ говоритъ: „мы должны были придти къ тому выводу что въ Россіи не двѣ литературы, московская и украинская, а три: а) общая русско-европейская, и б) и в) двѣ народныя, мѣстныя, великорусская и малорусская. Этотъ выводъ мы считаемъ фактомъ (!), отъ котораго должны исходить въ будущемъ. По минувшему и современному мы гадаемъ о будущемъ и выводимъ систему дѣйствій для насъ: а) какъ гражданъ великаго союза народовъ, преимущественно славяно-русскихъ, Россіи; перестать быть ими мы не можемъ и не хотимъ, ибо мы бы утратили большую половину своихъ нравственныхъ интересовъ, и отреклись бы отъ своей міровой роли, и б) какъ для сыновъ украинскаго народа. Мы думаемъ что въ будущемъ мы должны идти сознательно тѣмъ путемъ, по которому шли доселѣ формально, инстинктивно, то-есть не отрываясь отъ Россіи, не только политически, но и морально, не бросая россійской литературы, а въ пріязни съ великорусскою развивать народную малорусскую, ибо цѣли народа великорусскаго тѣ же самыя что и малорусскаго, и къ этимъ цѣлямъ и та общая интеллигенція русская или россійская, которая складывается изъ Великорусовъ и Малорусовъ, и которая прилагаетъ новыя европейскія идеи на службу мужицкой русской націи, Малорусамъ и Великорусамъ. Изложенную нами систему дѣйствія мы считаемъ не только практическою, но и такою которая можетъ сохранить истинную живость и народность украинской литературѣ, принести истинную пользу народу, привлечь къ намъ расположеніе общества на Украинѣ и въ Великой Руси; съ этою системою мы, не переставая быть украинцами, сохранимъ ту силу какую даетъ намъ Россійское государство и культура—силу быть въ помощь своему народу, славянству и свѣту (стр. 208).“ *

* То-есть, не надо отрываться отъ Россіи чтобы пользоваться ея силами и ея охраной, покажемъ мы настолько окрѣпимъ, чтобы въ

Надо совнаться что *Украинецъ* хотя и обладаетъ замѣчательнымъ искусствомъ давать благовидность вещамъ очень неблаговиднымъ; но на этотъ разъ хватилъ слишкомъ смѣло. Ему не сѣдовало резюмировать такъ открыто своихъ мыслей;—въ туманѣ діалектики, въ подтасовкѣ фактовъ не сразу можно бы добраться до выводовъ; нашлись бы люди которые бы повѣрили что онъ говоритъ дѣло, а тутъ вдругъ такой куріозъ. Какъ же это въ самомъ дѣлѣ: у насъ будетъ общерусскій языкъ и общерусская литература для всѣхъ, затѣмъ будетъ великорусскій языкъ и великорусская литература для Сѣверноруссовъ, и малорусскій или украинскій языкъ и литература для Южнорусовъ. Всякій выбирай себѣ языкъ и переводы на него Шекспира, Шиллера, Эркмана-Шатриана и пр., или составляй педагогическую бібліотеку по системѣ позитивизма: химію, механику, антропологию и социологию. Народъ будетъ читать Шекспира, Шиллера и пр. на языкѣ своей губерніи и уѣзда, а образованный классъ на общероссійскомъ языкѣ; также точно и химію, механику, антропологию и социологию. Удивительное будетъ богатство словъ и формъ; какъ быстро станетъ развиваться народъ при такой системѣ; ему раскроются такъ просто и легко тайны науки! Здѣсь *Украинецъ* простираетъ свою заботливость не на однихъ своихъ соплеменниковъ, онъ хочетъ осчастливить мужицкою литературой и Велико-Руссовъ: они вѣдь тоже не понимаютъ книжнаго языка который и для нихъ языкъ мертвый. Вѣроятно такъ думаетъ авторъ, иначе на что бы ему отыскивать какую-то великорусскую литературу, отличную отъ общерусской? Итакъ, Сѣверо-Руссы, принимайтесь за работу, создайте народную рѣчь которая послужитъ могучимъ рычагомъ для поднятія народа. Не стѣсняйтесь въ выборѣ, каждый можетъ писать на языкѣ своей губерніи; чѣмъ ближе онъ будетъ къ мѣстному говору, по своему словарю и орфографіи, тѣмъ лучше будетъ достигать своей цѣли—просвѣщенія народа!

Хотя такой выводъ прямо истекаетъ изъ словъ самого автора статьи, мы однакожь отнюдь не предполагаемъ въ

ней больше не нуждаться. Эту теорію мы слышали отъ умныхъ Полтавцовъ, это была теорія и маркиза Велѣпольскаго которая могла удался, благодаря нашему осѣлленію, еслибы не шальныя головы 1863 года.

нельзя настолько отсутствія здраваго смысла чтобъ онъ могъ вообразить себѣ возможнымъ совершиться на сѣверѣ Россіи тому что его партіи хотѣлось бы совершить на югѣ, то-есть создать разноязычіе въ письменности. Ему нужно было только оправдать затѣи крайнофиловъ, показать ихъ естественность, правоспособность, и вотъ онъ, въ параллель съ украинскою рѣчью, указываетъ на великорусскую рѣчь, также отличную отъ книжной, и требуетъ для нея литературныхъ правъ. На часто повторяемое возраженіе, что у Малоруссовъ не особый языкъ, а только нарѣчіе общерусскаго, не многимъ болѣе отличное отъ книжнаго языка, какъ и другія мѣстныя нарѣчія, авторъ можетъ отвѣчать: что не въ этомъ дѣло, что онъ и за сѣверными нарѣчіями признаетъ такое же право гражданства въ литературѣ; что это безплодный трудъ разсуждать о сходствѣ или отличіи живой рѣчи, отмежевываться одному отъ другаго, что надо писать такъ какъ говоритъ народъ, а остальное приложится само собою.

„Мы“, продолжаетъ онъ (стр. 210), „заявляемъ правн наши именемъ народа, хлопчаства; мы желаемъ просвѣщенія на его языкѣ потому, что онъ не разумѣетъ языка російскаго, что онъ для него мертвъ (!). Такъ не будемъ же начинать нашей литературы* съ выдѣлки новаго мертваго языка, а приложимъ наши силы прямо къ хлопской литературѣ, на живомъ хлопскомъ языкѣ. Если исторія застала нашу народность только въ хлопствѣ, а мы называемъ себя народовцами, такъ и примемъ честно это имя которымъ думаютъ укорить наши враги, признаемъ себя честными (?) хлопманами. Прежде всего будемъ работать какъ украинскіе хлопоманы. А такая работа не только не требуетъ разрыва, но ведетъ къ союзу съ великорусскою мужикоманіей и съ европейско-россійскою демократіей, которыхъ органами служатъ великорусская и російская литература. Работа для одного мужичества (хлопчаства), работа ученая надъ элементами украинскаго духа въ языкѣ и исторіи; эта работа, изъ которой мы только и можемъ набрать аргументовъ для поддержки и пропаганды нашего направленія, займетъ насъ по меньшей мѣрѣ лѣтъ на

* Хорошо что авторъ самъ сознается что нужно еще начинать украинскую литературу. Проговорился!

15—20. Въ теченіе послѣднихъ двадцати-тридцати лѣтъ все-россійская культура очень набралась великорусскаго элемента; черезъ двадцать лѣтъ, если мы будемъ вести разумно и систематично свою работу надъ украинскимъ элементомъ *, она можетъ приклониться и къ нашему. Да черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, кто знаетъ гдѣ еще будетъ центръ культуры въ Россіи? Чтò будетъ съ Россіей и славянщиной?.. Будемъ же работать для нашего мужика, въ союзѣ съ другими кто для своихъ работаетъ, а тамъ далѣе пойдемъ туда куда насъ поведутъ воля и интересы нашего, — о, еслибы мы имѣли право сказать, — трудомъ нашимъ просвѣщеннаго и свободаго ** мужика!“

Есть ученіе, которое говоритъ, что цѣль оправдываетъ средства, а мы скажемъ, что по средствамъ надо судить о цѣли, и если средства дурны, то и цѣль не можетъ быть хороша. Какъ ни желательно, какъ ни заманчиво просвѣщеніе южно-сѣверно-западно- и восточно-русскаго простолюдина, но если для достиженія этого предлагается намъ создать три или четыре литературы, раздробить умственные силы русскаго народа на нѣсколько удѣловъ, закрѣпить мѣстные отгѣнки изустной рѣчи грамматиками и учебниками, и не только закрѣпить, но и сочинить новыя слова и формы которыхъ нѣтъ въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ для выраженія научныхъ понятій, то-есть всячески работать надъ обособленіемъ этихъ нарѣчій, вмѣсто того чтобъ общій литературный языкъ служилъ средствомъ къ постепенному ихъ слитію — если, говоримъ, предлагаются такія средства, — то можно сказать съ увѣренностью что самая полезная цѣль выставлена тутъ лишь для соблазна вѣрующихъ, и что человекъ ее проловѣдующій есть или пустой верхоглядъ, не понимающій куда онъ ведетъ, или указываемая цѣль служить ему только предлогомъ, для прикрытія совсѣмъ другихъ стремленій, то-есть прямѣе выразившись — что у него средства составляютъ настоящую цѣль, а выставленная цѣль есть не болѣе какъ средство.

Мы не будемъ залѣзать въ душу автора чтобы рѣшить, какое изъ этихъ предположеній справедливѣе, пусть догадываются сами читатели по обширнымъ выпискамъ сдѣланнымъ нами изъ его статьи. Мы бы даже не остановились на

* Мы видѣли какого рода эта будетъ работа.

** Значитъ спустя 13 лѣтъ послѣ освобожденія и надѣленія землей онъ, по мнѣнію украинифиловъ, все-таки не свободенъ.

ней такъ долго еслибъ она не была выраженіемъ мнѣній и стремленій цѣлой партіи, — въ Галиціи, какъ это видно изъ подстрочныхъ примѣчаній редакціи *Правды* и содержанія этого журнала, и у насъ, какъ это изобличаютъ многочисленныя вклады нашихъ Украинцевъ въ ту же *Правду* симпатіи нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданій и ненависть выказываемая ими къ галицкому *Слову* — и всѣмъ тамошнимъ дѣятелямъ противнаго направленія. Мы будемъ говорить о сущности самаго дѣла. Вы, гг. украинофилы, такъ печалуетесь о вашемъ народѣ; вы боитесь его невѣжества, вы хотите его просвѣщать, и для этого выбираете такую окольную дорогу — хотите выковать его нарѣчіе въ литературный научный языкъ, хотите создавать для этого цѣлую литературу, которая бы его обособила отъ шестидесятимилліоннаго русскаго народа, то-есть хотите создать для него въ русскомъ мірѣ духовный партикуляризмъ. Вѣдь теперь Малороссіянинъ также легко выучивается обще-русской грамотѣ, какъ и Великороссъ, и не удивительно: эта рѣчь и эта грамота создана столько же людьми вашей родины, начиная съ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи начала XVIII вѣка, какъ и Ломоносовымъ и Карамзинымъ; на ней писали ваши земляки Дмитрій Ростовскій, Теофанъ Прокоповичъ, Георгій Ковисскій, Гоголь, вы хотите значить сдѣлать непонятными ихъ произведенія для вашего народа, равно какъ и Державина, Пушкина, Жуковскаго, Толстаго, вы хотите лишить его возможности читать исторію Карамзина, и другія новѣйшія отечественныя бытописанія. Чѣмъ же вы замѣните все это? Неужели вы воображаете себя въ силахъ написать что-нибудь подобное, создать хотя сотую долю того литературнаго богатства которымъ мы и вы уже обладаемъ, и пользованія которымъ вы хотите лишить вашъ народъ? Нѣтъ, вы не друзья его, а враги, вольные или невольные, вы враги и всего русскаго народа, потому что хотите лишить въ будущемъ Русскій міръ такихъ дѣятелей и талантовъ, какъ уломянутые выше и другіе ваши земляки, которые привнесли богатые вклады въ обще-русскую литературу, и какіе явятся безъ сомнѣнія и въ будущемъ для ея украшенія, если только ваши вредныя стремленія не возобладаютъ на Руси (отъ чего да избавить насъ Богъ!). Независимо отъ этого, въ вашихъ писаніяхъ проявляется духъ неприязни къ родному великорусскому племени, къ его исто-

рической жизни, къ тѣмъ зиждительнымъ началамъ которыя возвеличили наше отечество; въ нихъ проявляется пристрастiе ко всѣмъ разрушительнымъ и ненормальнымъ явленiямъ народной жизни, — это видно изъ характера и направленiя главы вашей исторической школы котораго вы выставляете образцомъ для подражанiя, и изъ той враждебности которую вы стараетесь навязать вашему народу къ образованнымъ сословiямъ. Какъ вы смѣете послѣ этого зачислять въ ваши ряды такихъ людей какъ Гоголь, Максимовичъ, Метлинскiй, Квитка, Котляревскiй, людей очень не равныхъ по таланту, но сходныхъ въ томъ что любовь ихъ къ своей родинѣ и языку нисколько не мѣшала имъ быть истинно Русскими, любить искренно общее отечество и ставить общее выше частнаго! Шевченко и другiе истинно художественные таланты не принадлежатъ вашимъ рядамъ. Они-то заставили Сѣверноруса любить Малороссiю, ея говоръ, ея лѣсно, бытовыя особенности ея народа, полныя иногда поэзи и изящества; они создали привлекательный типъ изъ своего земляка, а вы вашими безобразными измышленiями роняете его достоинство, отталкиваете отъ него братскую симпатiю, и въ самихъ себѣ выставляете напоказъ отрицательныя стороны его характера — недовольство, вражду, зависть ко всему что стоитъ выше васъ, злобу и интригу противъ не принадлежащихъ къ вашей кликѣ. Вы берете на себя тяжкiй грѣхъ, потому что по васъ станутъ пожалуй судить о вашемъ народѣ: вѣдь обзывали же Малороссiянъ мазедами и ябедниками, благодаря одной крупной коварной личности и нѣсколькимъ десяткамъ мелкихъ плутовъ. Неужели вы хотите воскресить въ народной памяти эти названiя? Неудивительно если вы въ этомъ услѣдете, когда вы рѣшаетесь употребить учрежденiя и общества назначаемыя для разработки исторiи и этнографiи древней Русской земли, изданiя произведенiй прежняго и современнаго народнаго творчества какъ орудiя вашей пропаганды; когда вы хотите придать памятнику Богдана Хмельницкаго, который долженъ служить символомъ воссоединенiя двухъ вѣтвей одного народа, значенiе воспоминанiя о его отдѣльности; когда вы силитесь воспользоваться для вашихъ цѣлей безразсудными и враждебными движенiями польской интеллигенци, и еще въ то время когда этотъ

блудный сын славянства начинает подавать въ некоторую надежду на раскаяніе и исправленіе. Вы хотите отравить ядомъ вашихъ стремленій и народную школу, и литературу народа и юношей назначаемыхъ быть его учителями; даже самое поднятіе его благосостоянія, надѣленіе землей кажется вамъ благопріятнымъ случаемъ для внушенія ему понятій о племенной отдѣльности которыхъ доселѣ онъ былъ чуждъ. Опомнитесь, вы идете по слѣдамъ тѣхъ дѣятелей, которые оловорили польское имя; можно подумать что вы воспитались въ ихъ школахъ: не такъ ли поступали агенты ненавистнаго *руконда*?

Ваши вредныя затѣи не ограничиваются предѣлами нашего государства, онѣ простираются и на Русскихъ принадлежащихъ сосѣдней державѣ. Какъ въ Россіи вы стараетесь поселить о тамошнихъ дѣлахъ превратныя понятія, такъ и тамъ, посредствомъ вашихъ дѣйствій и заграничныхъ органовъ, вы силитесь распространить ложныя мысли о нашемъ общественномъ мнѣніи, о нашихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ соплеменникамъ. Вы преслѣдуете бранью и злословіемъ ту партію въ Галиціи которая остается вѣрна народному преданію и усиливается поднимать свой народъ, уберечь его отъ лодовизма, укоренивъ въ немъ убѣжденіе въ его духовномъ единствѣ со всѣмъ Русскимъ племенемъ, которая стремится приблизить его литературный языкъ къ общерусскому; вы же работаете чтобъ убѣдить и утвердить его въ его отдѣльности, и издѣваетесь надъ языкомъ *Слова и Карата*, * бывшимъ тамъ и доселѣ общепотребительнымъ въ письменности, и гораздо болѣе доступнымъ большинству, нежели нарѣчіе вами фабрикуемое,— и это только потому что онъ сближаетъ Галичанъ съ нами. Ненависть ваша ко всему что тамъ признаетъ себя однороднымъ не только съ 15миллионнымъ, сочиненнымъ вами Русскимъ племенемъ, но съ дѣйствительнымъ 60миллионнымъ Русскимъ, простирается до того что вы доносите польскому правительству Галиціи о всякомъ малѣйшемъ лособіи которое кто-нибудь изъ писателей или какая-нибудь газета этой партіи получитъ отъ одного изъ нашихъ славянскихъ комитетовъ, и дѣлаете доносъ объ одномъ и томъ же

* Газета выходящая въ Угорской Руси.

пособіи по нѣскольку разъ. Вы очень хорошо знаете что эти пособія дѣлаются не изъ правительственныхъ источниковъ, что они идутъ отъ пожертвованій частныхъ лицъ, что они не имѣютъ никакой политической цѣли, а выражаютъ только симпатію русскаго общества къ бѣднымъ труженникамъ и борцамъ за нашу общую народность, что нѣтъ ничего предосудительнаго ни давать, ни получать подобное пособие для благородной цѣли, что вы сами то же дѣлаете только для вредной цѣли. Но вы также очень хорошо знаете что не такъ смотритъ на это западная печать и польскій Львовскій сеймъ, которыя дѣлаютъ видъ или можетъ-быть дѣйствительно подозрѣваютъ тутъ политическую и правительственную пропаганду. И вотъ вы пользуетесь этимъ заблужденіемъ или умышленною злобой, и поддерживаете ложь вашими разглашеніями чтобы повредить бѣднымъ людямъ за то что они ваши противники. Какъ низокъ долженъ быть нравственный уровень тѣхъ кто прибѣгаетъ къ подобнымъ средствамъ!

Да, прибавимъ мы въ заключеніе, вы враги вашего народа еще и потому что стараетесь развивать слабыя стороны его характера, его отрицательныя качества, вмѣсто того чтобы имъ противодѣйствовать. При богатой духовной природѣ, глубинѣ чувства, вѣрности и честности убѣжденія, вашъ народъ склоненъ къ какому-то болѣзненному раздраженію, къ безпричинной подозрительности и недовольству. Онъ не всегда руководится здравымъ взглядомъ на жизнь, требуетъ отъ нея невозможнаго, владаетъ въ колебанія и сомнѣнія, подмѣчаетъ только отрицательную сторону людскихъ дѣлъ и явленій; отсюда нервѣдко безотрадное его настроеніе, отсюда алтія, недостатокъ пракческаго смысла, энергіи, неспособность создать себѣ положительныя, осуществимыя идеалы и остановиться на нихъ. Вы можете служить представителями этихъ недостатковъ; не сознавая ихъ или стараясь ихъ эксплуатировать въ пользу своихъ стремленій, вы стараетесь не смягчать, а еще болѣе развить ихъ. Вы литаєте раздражительность народа, представляя ему въ преувеличенномъ видѣ картину минувшаго и мнимаго его настоящаго униженія; вы стараетесь воспитать въ немъ зависть и ненависть ко всему что стоитъ хотя одною ступенью выше уровня простоянина; вмѣсто того чтобы показать возможную и честную цѣль для его жизни и дѣятельности, вы сбиваете его съ прямого пути, и дутаете въ лабиринтѣ вашихъ фантасти-

ческих затѣй; вмѣсто того чтобы показать ему то что онъ приобрѣлъ, и дать ему возможность спокойно наслаждаться приобретеннымъ и мирно развиваться, вы твердите ему о томъ чего ему недостаетъ, и рисуете ему заманчивыя перспективы невозможнаго равенства, свободы и богатства, которыхъ онъ лишенъ будто бы потому только что есть враждебный классъ господъ которые не даютъ ему этихъ благъ.

Не потому ли вы ненавидите этихъ господъ что между людьми образованными ваша роль была бы ничтожна, тогда какъ вы можете разыгрывать оракуловъ и учителей между простонародьемъ? Вы оговариваетесь что не желаете политическаго отдѣленія отъ Россіи; но духовное обособленіе гораздо хуже: границы государствъ есть дѣло исторической случайности, есть слѣдствіе часто причинъ случайныхъ, если можно такъ выразиться,—появленія на престолѣ государя-завоевателя, господства системы округленія или ученія о естественныхъ границахъ, ловкости какого-нибудь дипломата на конгрессѣ и пр.; но гораздо глубже коренятся причины духовнаго объединенія народовъ въ словѣ и литературѣ. Тамъ, въ государствѣ, является простое сожителство гражданъ на одной территоріи и подъ однимъ уставомъ; здѣсь, въ области слова, полное родство и не тѣлесное, а духовное, выражающееся въ общей работѣ, взаимодѣйствіи, иногда борьбѣ всѣхъ духовныхъ силъ коллективной личности, народа, въ общихъ усиліяхъ его къ совершенствованію, образованію, развитію. Поэтому, тутъ обособленіе какой-нибудь части его неминуемо вредно отзовется какъ на той части, отъ которой вѣтвь отдѣляется, такъ и на отдѣляющейся; произведетъ оскуднѣніе силъ въ обѣихъ, подобно тому, какъ отводомъ воды вы можете причинить обмеленіе судоходной рѣчки, и образовать два ручья, пригодные развѣ только для водопоя. Западное Славянство представляетъ столько печальныхъ подтвержденій этой истины что излишне было бы доказывать ее.

Но перенесемъ въ отдаленное будущее, предположимъ что при неблагоприятныхъ для Россіи условіяхъ, ваши стремленія увѣнчались успѣхомъ, что вамъ удалось выковать языкъ для пятнадцати насчитанныхъ вами миллионовъ южно-Руссовъ, что вы воспитали новое поколѣніе на вашихъ украинскихъ учебникахъ, что оно выросло и разумѣется отвернулось отъ общерусской литературы, а читаетъ подго-

товленные вами въ изобиліи украинскія сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки и словесности. Чтò же, неужели поблагодарилъ бы васъ за это славянскій міръ? Вы бы образовали еще новый удѣлъ въ духовной славянской области, произвели бы обособленіе двухъ вѣтвей одного племени, и какого?—единственнаго, которому удалось сплотиться въ великое цѣлое, и которое поëтому служить опорой всѣмъ остальнымъ въ сохраненіи и развитіи ихъ самобытнаго духа. Порадоваться этому новому раздробленію, и поблагодарить васъ за вашу работу, могутъ только враги Славянства. Ищите же между ними себѣ одобренія и симпатій; чтò же касается истинныхъ Русскихъ, а равно и Славянъ любящихъ сколько-нибудь свою пользу, то они должны бороться съ вами изо всѣхъ силъ.

Z.

ПЕДАГОГІЯ ВЪ РОМАНѢ

Вологдавъ. *Хроника села Смурина*, въ пяти книгахъ. *Отечественныя Записки* 1874 №№ 8, 9, 10 и 12я.

Кому неизвѣстно что въ наше время процвѣтанія Фребелевскихъ садовъ и Дистервеговскихъ идей, самая популярная, самая модная наука у насъ есть педагогія, и что самое модное слово этой модной науки, послѣднее слово ея, есть *наглядность*. Правда, не всѣ наши новѣйшіе педагоги согласны насчетъ точнаго смысла этого слова: одни утверждаютъ что *наглядность* есть особый учебный предметъ, другіе же полагаютъ что она только способъ обученія, потому и программа школъ руководимыхъ этими педагогами представляетъ нѣкоторое разнообразіе: такъ напримѣръ въ однихъ сельскихъ училищахъ предполагается преподавать азбуку, клиническія лѣченія, извлеченіе квадратныхъ корней,* счисленіе отъ 1 до 10, чтеніе и *наглядность*; въ другихъ же азбуку, коническія сѣченія, физиологію, счисленіе

* Баронъ Корфъ. *Малютка*, первая книжка посвъ азбуки.

камушковъ, чтеніе, но безъ *наглядности*, а только по наглядному способу. Несмотря на такое разногласіе педагоговъ важное значеніе и польза наглядности признается одинаково всѣми. Да нельзя и не признавать ея, когда она для каждаго очевидна, когда всякій можетъ убѣдиться въ ней наглядно. Захотите ли вы объяснить ученикамъ что слова складываются изъ буквъ — стоить лишь по ученію новѣйшихъ педагоговъ наглядно раздѣлить осу на составныя части; пожелаете ли дать понятіе о самомъ происхожденіи буквъ и звуковъ — нѣтъ ничего легче: поболтайте наглядно лалкой въ водѣ. Если вамъ вздумается при дѣйствіи развитіи объяснить крестьянскимъ мальчикамъ что березовыя дрова дѣлаются изъ березы, что изъ нея же приготавливаются и бураки и таванки и деготь, что лыки дерутъ съ липы, и изъ нихъ же плетутъ лалты и дѣлаютъ мочалы, то питомцы ваши пожалуй что не узнаютъ ничего новаго. Но стоить вамъ приобрести учебное пособіе въ видѣ очень мило сдѣланныхъ игрушекъ, и вы наглядно докажете вашу ревность о народномъ образованіи, и при благоприятныхъ обстоятельствахъ можете заслужить даже лестный титулъ *полезнаго дѣятеля*.

При такой очевидной пользѣ и блестящихъ результатахъ *наглядности*, вполнѣ естественно что этотъ педагогическій приемъ, кромѣ новѣйшихъ педагоговъ, былъ усвоенъ и новѣйшими романистами. „Книга бесѣдуетъ, книга поучаетъ, книга наводитъ.“ И вотъ новѣйшіе романисты пустились поучать и наводить изображая въ лицахъ всѣ *общественныя вопросы*, то-есть все о чемъ вкривь и вкось толкуютъ газеты и разныя брошюрки, наводя свои поучающими писаніями журналы и книжныя лавки. Оно и понятно. Если поучать, то ужъ поучать по самому усовершенствованному и новѣйшему способу, а таковъ безъ сомнѣнія есть способъ наглядности. Если вы захотите доказать необходимость повсемѣстнаго учрежденія артельныхъ сыроварень или фабрикъ на кооперативныхъ началахъ, пользу звуковаго метода и предметныхъ уроковъ и удаленія духовенства отъ народныхъ школъ, важность преподаванія физиологіи малолѣтнимъ дѣвочкамъ и необходимость всѣмъ взрослымъ идти въ акушерки, преимущества равномернаго распредѣленія богатствъ и избѣрачнаго сожителства; если для доказательства всѣхъ этихъ истинъ вы прибѣгнете къ писанію теоретическихъ статей и брошюрокъ

или даже подобно Деметріусу Губареву * составите проектъ какимъ образомъ при содѣйствіи правительства и общественныхъ классовъ и на ихъ счетъ повернуть весь общественный строй вверхъ ногами, то употребляя такіе устарѣлые приемы вы рискуете не достичь цѣли. Если же перенесете всѣ эти *общественные вопросы* въ романъ, изготовивъ нѣсколько манекеновъ и заставивъ ихъ разыгрывать разрѣшеніе этихъ вопросовъ согласно вашему желанію; если вы позаботитесь при этомъ расписать яркими красками и украсить всѣми человѣческими добродѣтелями тѣхъ изъ числа манекеновъ которые представляютъ рѣшеніе въ вашемъ смыслѣ, и зачернить и изуродовать представляющихъ рѣшеніе противоположное, то вы смѣло можете быть увѣрены что по крайней мѣрѣ слабоумные или несовершенноклѣтніе изъ вашихъ читателей, не привыкшіе или лишенные возможности критически относиться къ читаемому — на таковыхъ очевидно и разчитываютъ авторы подобныхъ произведеній — получать надлежащее назиданіе. При извѣстныхъ словахъ или понятіяхъ, имъ будутъ смутно мерещиться гдѣ-то какъ будто видѣнныя симпатичныя фигуры; при другихъ — фигуры отталкивающія и отвратительныя, и они бессознательно готовы будутъ переносить свои симпатіи и антипатіи съ этихъ фигуръ на самыя понятія или слова. Удобство подобныхъ романовъ состоитъ еще въ томъ что если вмѣсто пользы такого-то разрѣшенія извѣстнаго вопроса вамъ вздумается доказать обратное: нѣтъ ничего легче, стоить только переменить краски; зачернивъ яркихъ манекеновъ и расцвѣтивъ мрачныхъ получимъ рѣшеніе противоположное. Наконецъ, публика, несмотря на свою серіозность, не довольствуется однимъ серіознымъ чтеніемъ газетъ съ ихъ новостями изъ административныхъ переднихъ, ругательными фельетонами и корреспонденціями съ описаніями народныхъ бѣдствій и клубныхъ скандаловъ; публика не можетъ довольствоваться однимъ этимъ какъ бы она ни была серіозна, она требуетъ легкаго, занимательнаго чтенія, и вотъ это легкое и занимательное чтеніе подносится ей въ формѣ романовъ составляющихъ иллюстраціи къ тѣмъ же газетнымъ статьямъ и фельетонамъ и корреспонденціямъ. Литература не забываетъ своей педагогической роли, она

* *Rénovation social basée sur les lois de la nature. Testament contemporain*, par Démétrius Goubareff.

лоучаетъ даже занимая. Нужно ли говорить что такъ какъ писаніе подобныхъ романовъ не требуетъ отъ авторовъ ни ума, ни таланта, ни знаній, ни воображенія, ни идеаловъ, ни поднятія надъ часто невысокимъ уровнемъ массъ, ни даже почти труда, кромѣ развѣ механическаго писанія, то подобные произведения могутъ появляться во множествѣ, и такимъ образомъ залрость публики можетъ быстро и полно удовлетворяться.

Изъ множества появившихся въ послѣднее время подобнаго рода педагогическихъ произведеній въ формѣ романовъ остановимся на одномъ, заглавіе котораго выписано въ началѣ; не потому чтобъ оно въ чемъ-нибудь существенно отличалось отъ прочихъ, а потому что на немъ можно наглядно видѣть самый способъ изготовленія подобныхъ произведеній.

Хроника села Смурина представляетъ собою прежде всего листъ бумаги раздѣленный на двѣ половины чертою изображающею рѣку. На одной сторонѣ „красуется рядъ новыхъ высокихъ двухъэтажныхъ домовъ съ тесовыми красными кровлями“, — эта часть называется Закручье; другая часть густо застроенная, „покрыта почернѣлыми, низкими, на бокъ скривившимися избами съ соломенными кровлями, тутъ же дѣлится около сотни маленькихъ заколтѣлыхъ кузницъ“; эта часть собственно Смурино. Въ богатыхъ хоромахъ живутъ все богачи-эксплуататоры, въ бѣдныхъ все бѣдняки-труженики; они куютъ гвоздь. „Куютъ взрослые, куютъ мальчишки-подростки, куютъ дѣвочки“, ничто не помогаетъ. Труженики все трудятся и бѣдняютъ; эксплуататоры же не трудятся, а богатѣютъ. Эксплуататоры всѣ безъ исключенія надѣлены авторомъ всевозможными физическими и нравственными уродствами: всѣ они мало того что кулаки и проходимцы, но и негодяи отъявленные, они не только эксплуатируютъ бѣдняковъ, но всячески притѣсняютъ ихъ, дерутся, то и дѣло колотятъ дѣтей нагайками, шларятъ ихъ кияткомъ, травятъ людей собаками, безчестятъ женщинъ. Между бѣдняками есть всякіе, но всѣ они по словамъ автора, таковы же какъ одинъ изъ его гербовъ который „былъ, какъ и всѣ Смурицы вообще, рабочимъ скотомъ“.

На этомъ-то листѣ бумаги изображающемъ село Смурино, который разрастается во множество листовъ, наводная о

бою четыре книжки тодстаго журнала, * разрѣшается въ лицахъ рядъ общественныхъ вопросовъ: устраивается ссудное товарищество, общественная лавка, рабочая артель, наносится ударъ старой церковной школѣ, возникаетъ „новая“ школа съ наглядно-звуковымъ методомъ, дурковатая дѣвица бѣжитъ изъ дома родительскаго въ Медико-Хирургическую Академію, является герой-дѣятель, страдалецъ за общее дѣло, другой герой непримиримый, льяница и поджигатель, тоже стоящій за правду, устраиваются *joursnées* не уступающія парижскимъ, идеализуется свободная любовь и т. д.

Если читатель, сообразивъ что всѣ эти общественныя реформы не могли же быть произведены самимъ „рабочимъ скотомъ“, залодозрить инициативу кого-нибудь „пошедшаго въ народъ“, какъ это обыкновенно случается, по крайней мѣрѣ въ романахъ такого сорта, то онъ очень ошибется. Здѣсь дѣятель не „идетъ въ народъ“, а выходитъ изъ народа, изъ среды этого „рабочаго скота“. Правда, во всѣхъ этихъ затѣяхъ принимаетъ ближайшее участіе одна стриженная дама, съ палупрошкой въ зубахъ и въ тулупѣ, гжа Водянина, которой, какъ повѣствуетъ авторъ, въ Петербургѣ „удалось войти въ кружокъ доброй, здоровой молодежи. Тутъ встрѣтили ее просто, посмотрѣли на нее по-человѣчески. Здѣсь не чесали языковъ, а учились и дѣйствовали. Здѣсь-то Водянина научилась сочувствовать не только личному несчастію, но и тому вѣковому горю которое какъ одною горькою волной разлито по всему міру. Горизонтъ ея разширился.“ Но все-таки инициатива разрѣшенія большей части вопросовъ идетъ отъ самого народнаго героя.*

Герой этотъ крестьянинъ села Смурина Дмитрій Кряжевъ, человѣкъ на всѣ руки, кузнецъ, столяръ и плотникъ. „Онъ всегда горой стоялъ за міръ и друзей своихъ не выдавалъ, а недругамъ въ иной разъ отъ него доставалось шибко“. Ростомъ онъ высокъ, плечистъ и силенъ, словомъ, кремень. „Да и дѣйствительно, говоритъ авторъ, Дмитрій Кряжевъ былъ кремень, и изъ него высѣкались искры и зажигали эти искры трутъ и трялцы валившіяся кругомъ него во образъ людей темныхъ и трусливыхъ“. Голову держалъ онъ высоко, смотрѣлъ прямо въ упоръ и духомъ былъ гордъ и самостояте-

* Въ началѣ текущаго февраля мѣсяца романъ этотъ вышелъ отдельнымъ издаваніемъ.

лень, „насколько, разумѣется, добавляетъ авторъ, могъ бытъ самостоятеленъ и бодръ человекъ выросшій на смуринскихъ хлѣбахъ, съ подмѣсю песку и отрубей, а иной разъ моху и коры древесной, взросшій подъ сѣрымъ смуринскимъ небомъ среди ровной, безконечной глади смуринскихъ полей и луговъ, подъ шумъ тощихъ березъ.“ Въ довершеніе всѣхъ достоинствъ онъ мастерски игралъ на гармоникѣ, припѣвая:

Дорогая, размилая, гдѣ ты свѣтъ мой живешь?
Гдѣ ты краля, гдѣ ты пава, гдѣ ты павушка моя?

Или:

На Пречистенкѣ направо
Есть большой прекрасный домъ;
Тамъ живетъ народу много...

Чудо какъ игралъ; цѣлыя страницы романа посвящены его игрѣ на гармоникѣ. На двадцать лѣтъ году выучился онъ грамотѣ. „Разъ досталъ отъ священника какой-то календарь съ рисунками машинъ и всякихъ земледѣльческихъ орудій и статей по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Это приложение съ рисунками такъ заняло Дмитрія что онъ дважды съ большимъ удовольствіемъ прочелъ его. И чѣмъ болѣе читалъ онъ тѣмъ болѣе убѣждался что и его голова можетъ кое-что понимать. Такое сознаніе его еще сильнѣе утвердило въ вѣрѣ въ его собственные силы, въ его умъ-разумъ.“ Послѣ того бывши однажды въ городѣ „онъ раздобылся книжечкой къ которой былъ приложенъ образецъ устава ссудо-сберегательнаго товарищества“. Эта книжка и дала толчокъ всей его общественной дѣятельности. Правда, нельзя отрицать также вліянія на эту дѣятельность и стриженной дамы, въ бесѣдахъ съ которою герой проводилъ цѣлые осенніе вечера; нельзя, послѣ слѣдующаго показанія самого автора которое нелюбопытно по своей наивности.

„Много узналъ, много услышалъ кузнецъ отъ барыни въ тѣ осенніе вечера. А барыня передавала ему все такъ просто, такъ ясно.... И барыня видимо старалась добиться того чтобы рабочій все понималъ, все уразумѣлъ, и когда тотъ перубивалъ ее какимъ-нибудь замѣчаніемъ доказывавшимъ что онъ понималъ ея мысль, барыня видимо ощущала довольство, и глаза ея съ удовольствіемъ останавливались на ученикѣ. Не даромъ же она и была „добрая барыня“. Въ эти вечера Кражевъ значительно окрѣлъ умомъ и научился смотрѣть гораздо далѣе Смуринъ и видѣть то что прежде ему никогда не привидѣлось бы и во снѣ. Онъ узналъ напередъ что на

Въломъ свѣтъ живетъ много такихъ же крестьянъ рабочихъ какъ и онъ, и живутъ они въ такихъ же селахъ какъ Смурино, живутъ также какъ Смурицы, иные получше, иные похуже, но всѣ похвастаться своимъ житьемъ-бытьемъ не могутъ. (Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить что еще въ началѣ романа авторъ рекомендуетъ своего героя какъ чело-вѣка бывалаго, который не разъ бывалъ и въ губернскомъ городѣ, и даже два года прожилъ въ Москвѣ.) Узналъ онъ что залравильщиковъ всѣми дѣлами не много, но они сильны гвмъ что учены, все знаютъ, все могутъ и умѣютъ, а крестьяне, какъ слѣлые калѣки или какъ скоть, кромѣ своихъ глѣвовъ ничего не смыслятъ и думаютъ что мѣръ за деревней у нихъ клиномъ сходится, а тамъ дальше что такое — Богъ его знаетъ, не сообразишь. Узналъ онъ и о томъ какія чудеса есть на свѣтѣ, какія машины придуманы, какіе желѣзные корабли плаваютъ по морямъ и развозятъ людямъ что надо, и много еще другаго узналъ Кряжевъ въ эти бурные осенніе вечера.“

Итакъ, многое узналъ герой отъ стриженной барыни даже такого что хорошо извѣстно пятилѣтнему ребенку, но разговоры эти происходили уже послѣ открытія дѣйстви устроенной имъ въ Смуринѣ ссудо-сберегательной кассы, первый же толчокъ данъ былъ все-таки книжкой съ приложеніемъ устава. Какая это книжка, авторъ не говоритъ, но мы рѣшаемся выдать его тайну, такъ какъ книжка эта имѣла роковое вліяніе не только на героя романа, но и на его автора: не будь этой книжки, не было бы и романа которымъ читатели могли наслаждаться и поучаться въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ, и который составляетъ въ большей своей части только передѣлку и распространеніе, или же иллюстрацію къ этой „драгоценной книжечкѣ“.

Книжка эта называется *Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?** Желающіе могутъ сравнить ее съ романомъ, или же читать одну вмѣсто другаго; это и сохранить время и избавить отъ скуки, такъ какъ въ брошюркѣ всего 15 страницъ, да столько же въ приложенномъ къ ней уставѣ, тогда какъ изготовленный по этому шаблону романъ занимаетъ цѣлыя сотни страницъ. Укажемъ на нѣкоторыя рѣзко выдающіяся черты

* Вотъ полное заглавіе этой книжки: *Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ? Ссудо-сберегательныя товарищества.* Н. Ф. 2е изданіе, съ приложеніемъ проекта устава ссудо-сберегательнаго товарищества составленнаго по образцу устава издавнаго Коммисією о ссудныхъ и промыслаемыхъ товариществахъ состоящею при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Спб. 1878. Цѣна 5 к.

для характеристики того какъ изготавливаются подобныя литературныя произведенія. Говоря о пользѣ учрежденія ссудо-сберегательнаго товарищества брошюрка указываетъ что крестьянину зачастую приходится обращаться съ просьбой о ссудѣ хлѣба къ кулакамъ. Выпишемъ эти строки:

„Черствыя сердца этихъ холодныхъ разчетливыхъ людей не хотятъ войти въ положеніе крестьянина, они впередивсе-го ставятъ свои выгоды и пользуются его труднымъ положеніемъ. На его усиленныя просьбы они долго не соглашались, и только послѣ многихъ поклоновъ, въ видѣ особой милости, ссужаютъ хлѣбъ, накидывая на четверть рубля 3 и болѣе, да сверхъ того выговариваютъ столько же разными работами, тяжесть которыхъ постигается только послѣ, дѣломъ, во время ихъ отбыванія. Такимъ образомъ четверть обходится почти вдвое дороже противъ настоящей цѣны.“ (Стр. 5).

Посмотримъ какъ это иллюстрируется въ романѣ въ первыхъ же главахъ. Сперва идетъ описаніе дома, обстановки, семьи и самого богатаго кулака, который „большую частію своихъ богатствъ былъ обязанъ самому себѣ, своей совѣсти не сознававшей неудобства упрековъ“, между прочимъ „онъ снабжалъ крестьянъ въ долгъ и деньгами и хлѣбомъ и разнымъ товаромъ“; „безъ разчета нельзя, говаривалъ онъ, безъ разчета не обойдешься; безъ разчета только дуракъ живетъ“. „Односельчанъ своихъ держалъ онъ въ рукахъ, держалъ не въ ежовыхъ рукавицахъ, а какъ есть въ цѣляхъ“. Дальше цѣлая глава иллюстрируетъ самый процессъ ссуды. „Дверь отворилась и въ комнату съ поклономъ вошелъ мужикъ въ истрепанномъ озямѣ и безъ шапки. На видѣ онъ былъ невзраченъ. Сухіе сплощенные, свѣтлорусые волосы и немного потемнѣе включенная борода отбѣняли его худощавое загорѣлое лицо; сѣрые глаза его выглядывали робко и недоувѣрчиво, а голова сидѣла на плечахъ въ такой жалкой позѣ словно бы обладатель ея ежеминутно ожидалъ получить затрещину. Изъ-подъ изодраннаго коричневаго азама виденъ былъ воротъ грязной рубахи; грубые холщяные штаны висѣли снизу ключьями и далеко не доходили до пятъ босыхъ до крови наколотыхъ ногъ.“ „Я къ твоей милости, насчетъ сѣмянъ-то... ужь удружи.“ Хозяинъ отказывается; гость продолжаетъ молить: „Самую малость не хватило. Осьмишку дашь и ладно! выручи, заставь Бога молить.“ Новый отказъ: „Экой вы народецъ чудной! Выручи! легко сказать!.. На-

родъ-то нынче сталъ неблагодаренъ, избаловался, Бога забылъ, отцовъ не почитаетъ..." Гость умасливаетъ его. „Да безъ тебя мы всѣ пропадемъ пропадемъ, какъ червь! Потому у тебя и совѣтъ и разумъ... и помочь ежели... все!“ Разговоръ продолжается на двухъ страницахъ. Наконецъ хозяинъ соглашается. „Да ну тебя! осмина-то набѣжить можетъ, проворчалъ кулакъ. — Только слышь, уговоръ лучше денегъ: къ Покрову съ четверикомъ, да день косьбы.“ „Помилуй, четверичокъ-то уволь, взмолился крестьянинъ. — Ахъ, Василій, Василій! уважить тебя хочу, отъ себя отрываю. Чувствуй!“ Заключается письменное условіе скрѣпляемое безграмотнымъ крестьяниномъ. „Должникъ и не предчувствовалъ что по письменному условію онъ обязанъ косить два дня, а не день, какъ было выговорено на словахъ.“ Въ слѣдующихъ главахъ видно что тяжесть этого онъ почувствовалъ только лѣтомъ, когда пришлось отработывать по условію. Наконецъ при отлускѣ хлѣба кулакъ еще обмѣрлялъ его.

Какъ въ брошюркѣ такъ и въ романѣ разказъ этотъ приводится для доказательства пользы и необходимости устройства ссудо-сберегательной кассы. Сдѣлаемъ еще двѣ-три параллельныя выписки изъ того и другаго произведенія. Въ брошюркѣ читаемъ:

„Но едва ли между работниками труженниками найдутся люди настолько ученые чтобы сумѣть сразу понять уставъ собрать артельщиковъ и выхлопотать разрѣшеніе на товарищество. Волей-неволей имъ придется обратиться къ людямъ учившимся: въ земскую управу, къ посреднику, къ мировому судѣ или помѣщику. На это пожалуй скажутъ: да что этимъ людямъ за дѣло до нашей бѣдности, до нашихъ нуждъ, у нихъ и своего дѣла довольно. Оно конечно у всякаго человѣка должно быть много дѣла, но вѣдь помогать бѣдняку не то что баклуши бить, оно тоже дѣло, да притомъ важнѣе многихъ другихъ. Къ тому же земская управа на то и выбирается чтобы помогать всѣмъ нуждающимся, а посредники, судьи и помѣщики не даромъ лѣтъ по десяти просидѣли за книгами въ школь; ученье должно научить насъ не только уму-разуму, но и добру; ученый человѣкъ въ благодарность за то что ему Богъ помогъ произойти разныя науки обязанъ прикладывать свои познанія ко всему хорошему, а если онъ этого не дѣлаетъ, то значить ему наука въ прокъ не пошла, даромъ потрачено на него время и деньги... Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Итакъ, затѣвающіе устроить товарищество должны просить помочь

имъ въ этомъ дѣлѣ или земскую управу или кого-либо изъ учившихся людей въ околоткѣ.“ (Стр. 9)

Въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ о случаѣ неимѣнія денегъ для начала дѣйстви товарищества, брошюрка говорить:

„Чтобы помочь этому горю, артельщикамъ придется попросить займы у земской управы или у состоятельныхъ людей нужный на первый случай капиталъ. Какъ мы высказали надежду что управа и люди эти не откажутъ въ своей помощи, въ совѣтѣ при учрежденіи товарищества, такъ скажемъ и теперь что земство почти-что должно ссудить товарищество нужнымъ капиталомъ, а состоятельные люди не посядутъ удѣлить временно часть своихъ достатковъ на доброе дѣло...“ (Стр. 12).

Въ романѣ иллюстрація этихъ разсужденій пятикопѣечной брошюрки разрослась на цѣлыя главы, и притомъ такъ какъ въ выписанныхъ строкахъ предлагается нѣсколько различныхъ комбинацій, то въ романѣ, очевидно въ видахъ педагогическихъ, для большей наглядности, приведенъ не одинъ, а нѣсколько подходящихъ примѣровъ: ссудно-сберегательная касса, рабочее товарищество и общественная лавка, и отдѣльные случаи предвидѣнные въ брошюрѣ отнесены то къ одному, то къ другому изъ этихъ предпріятій. Трудность пониманія устава отнесена авторомъ романа не къ ссудно-сберегательной кассѣ, а къ общественной лавкѣ.

„Барыня какъ умѣла постаралась передать Кражеву основанія потребительнаго общества. Кражевъ внимательно слушалъ и видно было по его нахмуренному лицу что онъ ловитъ каждое ея слово и силится уяснить себѣ его смыслъ. Но уразумѣнье, ловидимому, ему давалось не легко. Барыня кончила, пообѣщавшись привезти ему изъ города такую книжку въ которой объ общественныхъ лавкахъ все написано и объяснено.—Та-акъ! Это вотъ вы ладно. А то вдругъ-то не сообразишь никакъ, сказалъ Кражевъ.“

Совѣтъ и помощь отъ земства являются при устройствѣ рабочей артели. Дѣлу берется помогать членъ земской управы который „между прочимъ совершенно чистосердечно вѣровалъ въ артель, вѣровалъ въ то что артели суждено обновить старый міръ. Предъ умственными очами его и во снѣ и наяву, въ мечтахъ поминутно на каждомъ шагѣ создались артели, артели и артели и люди блаженствовали въ нихъ....“ Онъ берется написать уставъ и выхлопотать

у земства на устройство артели заимообразно 600 рублей съ уплатою въ 10 лѣтъ.

Помощь „учившихся людей въ околоткѣ“ иллюстрирована въ романѣ содѣйствіемъ „доброй барыни“, дающей на учрежденіе кассы, кромѣ 200 руб. жертвуемыхъ Кряжевымъ, еще 500 руб. своихъ денегъ. Что барыня эта училась, видно изъ приведенной выше выписки; въ томъ же что она „научилась не только уму-разуму, но и добру“, можетъ удостовѣрить, изъ числа многихъ свидѣтельствъ автора, между прочимъ и слѣдующая выписка. Послѣ хлопотъ ея у членовъ земской управы о пособіи для устройства новой школы, причемъ „чего не могла бы сдѣлать невзрачная хоть и честивѣйшая дѣвушка, то съ услѣхомъ выполнила молодая красивая женщина“, Кряжевъ проситъ ее дойти съ нимъ до лавки поручиться за артельщиковъ.

„Водяница поустила сегодня, ей хотѣлось ѣсть и пить, въ горѣ у ней пересохло. Она уже, было, послала за лимономъ и попросила хозяйку поставить самоваръ. Но вѣдь уже сказано что барыня была „добрая“, да къ тому же и день-то выдался очень хорошій. Барыня не поколебалась принести еще одну жертву. И вотъ она живо накинула свою черную суконную шубку съ чернымъ мерлушичьимъ воротникомъ и на голову надѣла черный большой платокъ. Отправилась....“

Сдѣлаемъ еще одну и на этотъ разъ послѣднюю параллельную выписку. Въ пятикопѣечной брошюркѣ между прочимъ читаемъ:

„Наработалъ мастеровой какого-либо товару на который въ то время нѣтъ спроса, а между тѣмъ ему необходимы деньги для закулки новаго матеріала и для содержанія своего семейства. Подвертываются ловкіе торгашы, тонко знающіе положеніе рабочаго, мастероваго, и за безцѣнокъ покупаютъ его работу съ тѣмъ чтобы выдержавши товаръ нѣкоторое время, продать втридорога. Въ концѣ концовъ выходитъ что торгашъ наживается, а рабочій, мастеровой, едва перебивается, только что не умираетъ съ голода“ (стр. 6).

Въ романѣ эти строки изображены наглядно въ цѣломъ рядѣ главъ и между прочимъ повторяются въ разговорѣ Кряжева съ сельскимъ учителемъ:

„Вѣдь мы теперь на кого убиваемся, изъ послѣднихъ кушокъ лѣземъ? говоритъ Кряжевъ.—На кого? Все на Закручевскихъ. Отъ нихъ и желѣзо покупаемъ, имъ и гвоздь продаемъ. Все къ намъ чрезъ ихнія руки идетъ, какъ есть все. И все это въ ихнія руки лыветъ задешево, а къ намъ втри-

дорога. Ну вотъ ты и разсуди.... Я онамеднись еще не все разказалъ вамъ.... Хошь примѣрно зимой.... Принесеть имъ крестьянцѣ гвоздь-то, да въ холодной горницѣ простоятъ съ часъ и больше....“

Дальше въ брошюркѣ сказано:

„Мастеровой имѣющій возможность вовремя добыть денегъ на закупку матеріала и на свое содержаніе, выдержитъ товаръ до хорошей цѣны, а слѣдовательно получить за свои труды порядочные барыши.“ (Стр. 6).

А въ романѣ:

„Смурицы всѣ въ долгу да въ недоумкахъ на вѣки вѣчныя. А локулай они желѣзо по настоящей цѣнѣ, продавалъ гвоздь какъ быть да слѣдуетъ, вотъ и лишняя денюга у нихъ въ мошнѣ забрякала бы, крыши у избѣ прикрылись бы, печи бы поправились и полъ подновился бы: не пришлось бы по зимамъ въ избѣ въ полушубкѣ сидѣть да мерзнуть. И не помирали бы ребята съ холоду, не колѣла бы скотина съ голоду да отъ всякихъ болѣстей. Подати бы платились, недоимки дѣлались бы меньше....“

Избавляемъ читателей отъ дальнѣйшихъ сравненій, полагая что и приведенныхъ достаточно чтобы показать происхожденіе романа. Выпишемъ лучше изъ него такое мѣсто котораго въ брошюрѣ не предусматрѣно; оно покажетъ между прочимъ какъ сильно у автора чувство дѣйствительности и какъ велико знакомство его съ русскою деревней. Это описаніе *journal*е устроенной въ день открытія скудной кассы и въ которой главными дѣятелями, какъ это всегда бываетъ, являются смуринскіе *gamins*.

„.... Гурьба ребятшекъ и ларней годовъ въ 30 и 40 съ воємъ и свистомъ направилась со Смурина на мостъ и повалила по Закручью мимо тесовыхъ хоромъ. Неистовый гамъ, дикія завыванья и крики понеслись по улицѣ. Почтенные хозяева выглядывали изъ оконъ, а мальчишки высовывали имъ языки, показывали кукиши, словомъ, срамили „лучшихъ людей“ какъ нельзя хуже. И вдругъ въ довершеніе всего этого озорства хоръ дикимъ голосомъ залѣлъ:

Толстобрюхи, толстобоки
Берегите свои боки:
Тамо денежки бренчать
Ровно выскочить хотать.

„Ругань и крѣпкія слова сыпались на пѣвцовъ. А Аггушка (герой непримиримый) стоялъ на колодцѣмъ и хохоталъ до надсады надъ тѣмъ какъ орали Закручевцы, какъ визжали бабы и какъ дикій вой заглушалъ ихъ лискъ и визгъ. Зрѣлище лютинѣ вышло необычайное. Куры ополоумѣвши

отъ страху метались изъ стороны въ сторону поднимая пыль; собаки лаяли и вили; малые ребята ревѣли какъ ошпаренные.... Вдругъ съ Кудряшевскаго двора (одного изъ кулаковъ) выскочилъ огромный черный песь и бросился на толпу.—Усь, усь ихъ! Куси, куси! О-го-го! О-го-го? оралъ захмѣлѣвшій племянникъ Кудряшева, махая изъ-за воротъ рукой, въ то время какъ во всѣхъ сторонахъ въ ребятъ начали швырять целками и осколками кирпичей.

„А черный песь дѣлалъ свое дѣло. Онъ свалилъ съ ногъ какую-то дѣвочку, другой разорвалъ весь сарафаншко, бросился на мальчугана и ухватилъ того за горло. Поднялись вопли и смятенія. Наконецъ какой-то дюжій парень изъ Смуринцевъ прорвался къ мѣсту побоища, и бросившись на пса и самъ ухвативъ его обѣими руками за горло повалилъ на землю. Песь дико рычалъ и рвался; парень остервенился и тоже рычалъ, визжалъ и не выпускалъ изъ рукъ чернаго чудовища. Его лѣвая рука въ двухъ мѣстахъ была уже прокушена и кровь шибко текла изъ нея. Нѣсколько мгновений мощные борцы возились среди улицы въ прахѣ. Наконецъ человѣкъ такъ стиснулъ горло своему четвероногому врагу что тотъ какъ-то странно вытянулся и помутившіеся глаза его не моргая уставились куда-то вдаль. Окровавленная лѣвая текла у него изо-рта, зубы крѣпко стиснулись. Парень поднялся весь истрепанный, въ пыли и въ крови. Въ ту же минуту сѣрый булыжникъ полетѣлъ въ одно изъ свѣтлыхъ оконъ Кудряшевскаго дома. Стекла зазвенѣли и посыпались....“

Объ этой *émeute* узнаетъ Кряжевъ и слѣшитъ на мѣсто схватки чтобы прекратить ее.

„Онъ послѣлъ вовремя. Толпа смуринскихъ бабъ совсѣмъ ужъ была готова идти и „вытрясти всю душу“ изъ Закручья. Нѣсколько мужиковъ тоже пристало къ нимъ, и руки всю жизнь работавшія молотомъ сжимались крѣпко въ кулаки. Хмѣлъ всѣмъ поддавалъ задору. Не малаго труда стоило сговорить съ охмѣлѣвшими и обозленными Смуринцами. „Пойдемъ да разобьемъ“, только и вертѣлось у нихъ на языкѣ съ приправой всякихъ крѣпкихъ словъ.“

Читатель безъ труда узнаетъ въ этомъ описаніи если не русскую деревню, то по крайней мѣрѣ Бельвильское предмѣстье Парижа въ его бурные дни.

Но эта *émeute* составляетъ только случайный эпизодъ въ романѣ. Вообще же всѣ смуринскія реформы совершаются сравнительно говоря довольно благополучно, къ выцему удовольствію читателей и автора и благоденствію смуринскихъ крестьянъ. Только эксплуататоры не могутъ примириться съ ними и строить разныя „каверзы“ и „подвохи“. Но наглядность

требуетъ чтобы герой явился не только дѣятелемъ, но и страдальцемъ за общее дѣло. И вотъ Дмитрій Кряжевъ, устроитель ссудо-сберегательной кассы, общественной лавки, рабочей артели, новой школы и ходатай за миръ по дѣлу о недоимкѣ, за невѣдомыя вины угодили въ острогъ, потомъ на скамью подсудимыхъ и чуть-чуть не попалъ на каторгу.

Дѣло о недоимкѣ состояло въ томъ что съ крестьянъ села Смурина становой взыскивалъ 500 рублей, которые были ими давно уплачены, на что у нихъ имѣлись квитанціи. По этому поводу собирается сходка.

„Наступилъ вечеръ мгlistый и сырой. Одной сѣрою непроглядно дымкой покрылось все небо и дали вокругъ села Смурина. Въ избахъ тускло свѣтили огонь. По задворкамъ по одному какъ будто крадучись сходились крестьяне къ хатѣ Кряжева и набралось въ хатѣ народу густо. Табачный дымъ и паръ застилали всю хатку..... Кряжевъ на подмогу къ себѣ позвалъ учителя. Собрались же крестьяне по задворкамъ для того чтобы не обратить на себя лишняго вниманія.“

Эта сцена приготовленій къ сходкѣ очевидно взята авторомъ также съ натуры и напоминаетъ если не русскихъ мужиковъ, то по крайней мѣрѣ оперныхъ конспираторовъ.

Вообще достойно замѣчанія что герои добродѣтели въ романѣ, что бы ни дѣлали, что бы ни затѣвали, все дѣлаютъ какъ-то тайкомъ и украдкой, все прячутся и хоронятся, и хотя повидимому храбрятся, увѣряя что не боятся ничего и что „никакой пролапанды тутъ нѣту“, но это самое доказываетъ возможность страха и необходимость скрываться. Такую странность трудно объяснить себѣ чѣмъ-нибудь инымъ кромѣ желанія автора дать наглядное подтвержденіе истинны что добро нужно творить въ тайнѣ.

Косвенное вліяніе на заключеніе героя въ острогъ имѣетъ между прочимъ и заведенная имъ въ Смуринѣ „новая школа.“ Вылишемъ нѣкоторыя касающіяся ея мѣста, тѣмъ болѣе что эта часть романа есть наглядное демонстрированіе преимуществъ „новой“ наглядно-звуковой развивающей школы, придуманной нашими новѣйшими педагогами, предъ старою церковною школою. * Въ этой части романъ представляетъ между прочимъ въ лицахъ нѣкоторыя педагогическія измышленія

* Любопытно замѣтить что въ той же самой книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* помѣщена статья графа Л. Н. Толстаго доказывающая негодность той же самой новѣйшей наглядно-звуковой школы.

барона Корфа. Избавимъ читателей отъ параллельныхъ выписокъ и надѣмся что знакомые съ сочиненіями „нашего знаменитаго педагога“ и такъ узнаютъ вліяніе его школьныхъ теорій.

Школа затѣвается и приводится въ исполненіе тѣмъ же героемъ Кряжевымъ купно съ тою же „доброю барыней“.

„Вотъ еще школу заведемъ! пробуждаясь изъ задумчивости проговорила барыня.—Такое большое село, а школы нѣтъ! Вѣдь просто срамъ!..“

„Я ужь самъ думалъ объ этомъ не однажды, отозвался Кряжевъ.—Да вишь въ Красныхъ Горкахъ (сосѣднее сѣло) школа есть. Мы за нее платимъ, да и земство отъ себя прибавляетъ. А какая это школа? Учитель-то тамошній племянникъ благоначинаго. Учить дрянно, испиваетъ, да и ребятъ еще деретъ.“

Барыня даетъ подъ школу флигель своего дома и денегъ, выхлопатываетъ пособіе отъ земства. Кряжевъ устраиваетъ все нужное, выписываетъ учителя, студента Казанскаго университета, и ученье начинается.

„Дворовые дивились что учитель ужь очень просто за дѣло принялся. Однако ученье, хотя съ виду и было просто, но пошло хорошо. Азбука проходилась по звуковому способу, и черезъ мѣсяцъ ребята начали уже читать и писать.“

„Прежде-то бывало ларень по двѣ зимы учится да и то ничего не знаетъ, а у насъ въ четыре недѣли—вотъ и поди! говорила одна баба.—Моя-то Машка какъ придетъ домой такъ сейчасъ и начнетъ писать! толковала другая.—Ухватить уголекъ изъ печки да и чиркаетъ, чиркаетъ.—И, матка, не говори лучше! Сашутка вечеръ газетину читалъ. Да вѣдь какво внятно! Мы инда съ отцомъ диву дались, восторгалась баба.“

„Бабамъ было очень любопытно послушать какъ такъ скоро ребята грамотѣ учатся; и стали онѣ одна за другой ходить въ школу. Учитель былъ не противъ такихъ посвѣщеній, лишь бы не шумѣли. Кряжевъ, побывавъ нѣсколько разъ на урокъ, однажды вечеромъ явился къ учителю съ просьбою не поучить ли онъ и ихъ стариковъ. Узнавъ что желающихъ наберется десятокъ, а послѣ можетъ-статься и больше, учитель согласился. Условились учиться по вечерамъ въ поведѣльничь, въ среду и лятницу.“

Черезъ нѣсколько главъ мы знакомимся съ порядками „старой“ приходской школы, по поводу посвѣщенія ея смуринскимъ учителемъ.

„Красногорскій учитель въ это утро пришелъ въ классъ по обыкновенію съ лустою головой и не въ духѣ: ему ни-

какъ не удалось достать денегъ чтобъ олохмѣлиться. Сердито принялся онъ спрашивать урокъ, треснулъ нѣсколько разъ книгой по головѣ одного парнягу, другаго огрѣлъ по затылку, но урокъ все еще шелъ сносно, безъ кровопролитія: ребяшки словно чужь надъ собой невзгоду не баловали и учителю не представлялось случая сорвать свое сердце. Вдругъ мальчикъ лисавшій на доскѣ уронилъ мѣлъ; мѣлъ подкатился подъ переднюю лавку. Другой мальчикъ бросился поднимать его и наступилъ ногой; мѣлъ рассыпался. Дверь была тотчасъ же залерта, явились прутья. Мальчика обронившаго мѣлъ двое старшихъ учениковъ взвалили на столъ, и Семень Васильевичъ вооружившись лозой сталъ отводить свою душу. Когда мальчикъ охрипъ отъ крика, мѣсто его занялъ другой преступникъ уничтожившій кусочекъ мѣлу. Но это былъ мальчикъ лѣтъ 14, довольно сильный, и во время наказанія онъ нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ своего мучителя и пытался проскочить въ дверь, но учитель лично вступалъ съ нимъ въ борьбу, снова лолагалъ его на столъ и хлесталъ съ двойною яростью, такъ что чуть руку не вывихнулъ. Мальчикъ напрягалъ послѣднія отчаяныя усилія вырваться изъ-подъ розогъ, какъ вдругъ въ дверь раздался стукъ. — Кто тутъ? прокричалъ учитель едва переводя духъ отъ усталости. — Смуриискій учитель, раздался за дверями голосъ. — Ахъ, чортъ тебя! Ну ты, одѣвайся, шепотомъ проговорилъ второяхъ Семень Васильевичъ, желовывая подъ парту прутья.

Происходитъ экзаментъ:

„Читай „вѣрую“, приказалъ Семень Васильевичъ одному изъ своихъ старшихъ учениковъ. Тотъ не переводя духу прочиталъ „вѣрую“, и произнеся аминь остановился какъ вколанный. Ученикъ дышалъ такъ тяжело какъ будто бы безъ отдыху пробѣжалъ съ версту или болѣе. Семень Васильевичъ милостиво кивнулъ ему головой. — Восемью девять? обратился онъ къ другому. — Семьдесятъ два, отрѣзалъ тотъ. — Скажи *Стрекозу и Муравья*, сказалъ Семень Васильевичъ беря ласково мальчугана за плечо. Тотъ отбарабанилъ лоповину басни безъ запинки, но вдругъ остановился и ни тпру, ни ну, въ смущеніи можетъ-быть отъ необычной учительской ласки. — Хорошо же ты знаешь, а сколько разъ услышу эту басню, все еще не вытвердилъ, не хорошо, лѣннись, умѣренно строгимъ тономъ замѣтилъ учитель. — Садись. Ученики съ изумленіемъ переглянулись. Терешка по какому-то случаю не залолучилъ на этотъ разъ затрецины, хотя по вѣзмъ ихъ соображеніямъ затрецина сѣдовала Терешкѣ. — Не угодно ли вамъ что-нибудь самимъ спросить? съ достоинствомъ предложилъ учитель усаживаясь на подоконникъ. — Пожалуй, согласился Смуриискій учитель и обратился къ одному изъ залаканныхъ мальчиковъ. — Скажите мнѣ хорошо ли сдѣлалъ Муравей что не пустилъ обогрѣться къ себѣ въ

муравейникъ Стрекозу? вѣдь у него мѣсто было, кормъ лишній тоже былъ: муравей вѣдь запасливъ. Ну что же, хорошо онъ сдѣлалъ? Мальчикъ всталъ и широко раскрывъ глаза смотрѣлъ на Смуриискаго учителя.—Добрый ли это Муравей или злой? мягко пояснилъ тотъ.—Добрый, сказалъ мальчикъ съ замѣтною нервѣтельностью; причемъ Семенъ Васильевичъ самодовольно ухмыльнулся, словно хотѣлъ молвить: знайте нашихъ!—Почему же онъ добрый? спросилъ Верхововъ взглядывая задумчиво на мальчика.—А попрыгунья Стрекоза ничего не собрала про запасъ. Такъ еѣ и надо, залинаясь и послѣ долгаго колебанія отвѣтила мальчуганъ.—Вы какъ думаете? спросилъ Верхововъ другаго который смотрѣлъ необыкновенно бойко и смѣло.—Муравей злой, злюка, отвѣтилъ тотъ встрахивая сильно волосами. Лицо Семена Васильича при такомъ извращенномъ толкованіи басни вытянулось.

Такимъ образомъ читателямъ дается понятъ что если ученики что-нибудь и знаютъ, то въ „старой“ школѣ они не развиты. Для сравненія авторъ наглядно знакомитъ читателей и съ „новою“ школою, описывая посѣщеніе ея благочиннымъ.

„Отецъ благочинный узнавъ о посѣщеніи Верховова раслалился гнѣвомъ.—Это что же за ревизоры такіе развѣздили! восклицалъ онъ.—Предписаніе у него есть что ли? Если есть такъ покажи; мы отъ гласности не прячемся, а всякому мальчишкѣ не позволимъ къ намъ въ школу носъ совать. Отчасти изъ желанія отплатить мальчишкѣ за его посѣщеніе Красногорской школы, отчасти лобуждаемый оласностью собственнаго положенія, отецъ Василій вознамѣрился сдѣлать визитъ Смуриискаго школь. Недѣлю черезъ двѣ какъ бы мимоходомъ онъ завернулъ въ школу и узнавъ отъ прислужницы что войти въ классъ можно, прямо направился въ классную и засталъ Верховова за урокомъ. Отецъ Василій благословилъ ребятъ, и въ короткихъ но довольно напыщенныхъ словахъ отрекомендовался учителю. Тотъ съ своей стороны назвалъ ему себя. Гость внимательно слушалъ и слѣдилъ за тѣмъ что дѣлается и говорится въ школѣ—Позвольте полюбопытствовать, обратился онъ къ Верховову, засучивая по обыкновенію рукава своей щегольской лиловой рясы.—Молитвы они знаютъ? И благочинный кивнулъ головой на школьниковъ.—Старшее отдѣленіе знаетъ, а младшее нѣтъ, отвѣтилъ учитель.—А младшее что же? спросилъ посѣтитель.—Младшее еще не подготовлено и молитвы ему не по силамъ, пояснилъ учитель, вѣдь мы еще только второй мѣсяцъ учимся, поспѣваемъ какъ можно.—Напрасно, напрасно-съ, откладывать бы не слѣдовало, совершенно мягкимъ тономъ замѣтилъ благочинный, слегка покачивая головой и какъ бы съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ взглядывая на литомцевъ,—если они еще не твердо чита-

ютъ, такъ они могли бы заучить молитвы со словъ старшихъ. Это вѣдь не долго, вы же наизусть имъ что-нибудь, а думаю, задаете? — Младшіе у меня наизусть еще ничего не учатъ, сказаль Верхововъ. — Нѣтъ-съ, а съ вами не согласенъ, возразилъ отецъ Василій поднимая голову. И если позволите, то посоветоваль бы вамъ не откладывать этого дѣла и приступить сейчасъ же къ молитвамъ. — Да вѣдь а же о томъ и хлопочу чтобъ ихъ поскорѣе развить настолькоъ чтобъ они могли понимать и сознательно читать молитвы, подхватилъ учитель. Я о томъ и стараюсь. Я самъ тороплюсь. Курсъ у насъ такой маленькій, три года, да и то не дѣлныхъ, только по семи мѣсяцевъ. — Такъ, извините что безлокоиль, закланялся отецъ Василій.... А вы дѣтутки что то нашу церковь забыли нонче, не хорошо, заглядывайте, я ужъ давно васъ никого не вижу. Да, а на заднихъ-то партахъ у васъ темненько, добавилъ священникъ протягивая руку по направленію къ задней стѣнѣ, — окошечко бы тутъ вотъ прорубить надо. Затѣмъ поклонившись еще разъ, благословилъ учащихся и попросивъ ихъ не вставать, вышелъ вонъ.

„Но отецъ Василій не тотчасъ же уѣхаль изъ Смурива. Онъ еще повидался съ нѣкоторыми учениками, бывшими питомцами Красногорской школы; спрашивалъ у нихъ достаточно ли у нихъ книгъ, есть ли бумага, перья, аспидныя доски и грифеля, не бьетъ ли ихъ учитель, ходятъ ли они въ церковь. Мальчики отвѣчали что всего у нихъ вдоволь, что учитель добрый и въ церковь они ходять. Такъ и уѣхаль благочинный, пообѣщавшись прислать своимъ прежнимъ питомцамъ нѣсколько Евангелій и житія святыхъ.

„Верхововъ же очень хорошо понималъ съ какою цѣлю пожаловалъ къ нимъ въ школу отецъ Василій. Ни за собою ни за школою Верхововъ предосудительнаго ничего не зналъ, поэтому онъ нисколько не смутился бы еслибы въ одно прекрасное утро нагрянули на него въ распахъ всѣ благочинные на свѣтъ. Онъ только потѣшался тревогой какумъ произвела Смуринская школа въ мирныхъ весяхъ. При этомъ, конечно, закрадывалось къ нему въ душу нѣчто въ родѣ темнаго предчувствія что какія-нибудь мелочи очень легко могутъ затормозить его дѣло, могутъ возникнуть ложныя толкованія самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ явленій, могутъ явиться недоразумѣнія, оттуда могутъ родиться придирки и подвохи, личные счеты, да и мало еще что! Верхововъ теперь сталъ въ положеніе челоуѣка ворохнувшаго того чего не слѣдовало бы трогать. Все это на Верховова не могло нагонять страховъ....“

Отецъ благочинный еще разъ посѣщаетъ Смуринскую школу:

„На другой день праздника, когда въ школѣ шло ученье, онъ подкатилъ къ школѣ со своими церковниками и послалъ-

подвыпившаго дьячка къ учителю освѣдомиться благоугодно ли будетъ тому допустить батюшку въ школу. Верхововъ отвѣтилъ что сегодня у нихъ ни церковный, ни табельный день, что у нихъ въ школѣ идутъ занятія, и потому онъ принять священника не можетъ, а если ему угодно зайти въ столовую, что рядомъ съ кухней, то милости прошу.... Но отецъ Василій въ столовую не захотѣлъ и покотился далѣе. А вечеромъ онъ строчилъ письмо за письмомъ въ Черешинскіе и далѣе Черешинска, на счетъ Красногорской школы, на счетъ неправильнаго приговора крестьянскаго схода (о закрытіи этой школы) и еще кое о чемъ. Онъ открякивался и откашливался и по всему было видно что одно письмо особенно занимало его, потому что прежде чѣмъ залечатать его, онъ прочелъ его по крайней мѣрѣ разъ пять или шесть. Отецъ благочинный въ тотъ вечеръ былъ сильно возбужденъ: личности гжи Водяниной, Кряжева Митьки и Смуринаго учителя какимъ-то чудомъ слились для него въ одинъ мрачный, чудовищный образъ...“

Подобныя-то „каверзы“ и „подвохи“, какъ любитъ выражаться авторъ, съ которыми недоброжелатели относились ко всѣмъ затѣямъ смуринскаго героя, и привели его наконецъ въ острогъ. Главнымъ образомъ повліяло на это его хатайство о сложеніи недоумки.

„Гжа Водянина хлопотала о Кряжевѣ, будучи увѣрена что все это дѣло раздуто недоброжелателями Дмитрія, что правды тутъ нѣтъ ни на грошъ. Она при помощи своихъ знакомыхъ составила даже небольшую корреспонденцію въ которой изображалось дѣло о недоумкѣ въ томъ самомъ видѣ какъ оно въ дѣйствительности было. Но корреспонденція въ печать не попала.“

Исторія любви героя Кряжева, подобно его игрѣ на гармоникѣ, не имѣетъ прямого отношенія къ ходу романа въ которомъ толкуется только о „матерьяхъ важныхъ“, и вставлена очевидно какъ наглядное пособіе для изображенія прелести вѣтвѣрныхъ отношеній. Предметъ любви Кряжева первая деревенская красавица Евгеша, племянница богача-эксплуататора, надѣленная всѣми совершенствами. Она напередъ рѣшила что замужъ никогда не выйдетъ, и на вопросъ почему отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Знаю я тоже мужьевъ-то. Маленько что не похвнему, сейчасъ и кулакъ... Запряжеть въ работу какъ казачиху да и поведетъ на тебѣ. Экая, подумаешь, хозяйка!“ Однажды вечеромъ она пришла къ Кряжеву.

„А ты зачѣмъ? невольно сорвалось у Кряжева съ языка.— Я, Дмитрій Михайлычъ... начала было дѣвushка, но вдругъ голосъ ея оторвался и рука потянулась къ Митюхину плечу.— Послушай... Вѣдь я николи не женюсь! дрогнувшимъ голосомъ молвила Кряжевъ.— Потому не приведи Богъ съ бабой вязаться... Не бѣда коли бѣдна одна голова... А тутъ и совсѣмъ согрѣшишь.— Я и сама не пойду замужъ, ежели... Не хочу и не хочу... перебила Евгеша, прямо взглядывая Кряжеву въ глаза,— только скажи по нраву ли я? Полюбила ли? А я... я... Дмитрій... Евгения остановилась тяжело дыша. Грудь ея высоко поднималась, лицо горѣло какъ въ огнѣ; глаза поминутно затѣнялись дрожащими рѣсницами, губы полураскрылись. По всему было видно что жгучая страсть охватила все ея существо.— Гм! м-м... промывчалъ Кряжевъ какъ бы отыскивая и не находя словъ.— Я уйду, уйду, уйду! скороговоркой молвила дѣвushка сквозь слезы. Вѣтеръ со страшною силою дунулъ въ ту минуту, со свистомъ обогнулъ за уголъ Митюхиной хаты и съ ревомъ-воемъ понесся за околицу.— Нѣтъ, ты ужь теперь не уйдешь отсюда! прошептала Кряжевъ какъ-то вдругъ раздражительно рванувшись съ мѣста.— Ежели ты сама пришла... и ежели говоришь... Ну такъ... Необычный румянецъ загорѣлся на его щекахъ, глаза блеснули... И въ то же мгновение дѣвushка почувствовала что ее обняли, да такъ крѣпко, такъ страстно какъ ей не снилось и во снѣ... Лучина догорѣла и потухла...“

„...Жениться Митюхѣ было нельзя... Кряжевъ любилъ Евгению, но любилъ по-своему: для крестьянскаго дѣла, для міра, онъ каждую минуту готовъ былъ оставить ее. Онъ и прежде зналъ что будетъ любить ее именно такъ, а не иначе; потому-то онъ съ Евгеніей и сходилъ неохотно и уступилъ лишь тогда когда та почти сама повисла у него на шеѣ, истомившись неудовлетворенною страстью. Противиться Кряжевъ болѣе уже не могъ. И крѣпко, и горячо любилась они и чудесно проходили для нихъ зимніе вечера, когда Дмитрій отдыхалъ отъ трудовъ и неприятностей на груди своей милой Митя! Вѣдь ты крѣпко любишь меня? шептала дѣвushка изо всей мочи обхватывая его шею своими обнаженными по локоть руками, прижимаясь все ближе и ближе къ нему и заглядывая ему въ глаза своими темными огневыми глазами.— Какъ же мнѣ не любить тебя, голубushка ты моя сизокрылая, говорилъ Кряжевъ и этакъ-то нѣжно и любовно гладилъ ея мягкіе черные волосыньки. И видно было что эти люди говорятъ правду; и что они счастливы. И прекрасныя лѣсенки наигрывалъ въ ту пору Кряжевъ на своей любезной гармоникѣ...“

Въ противоположность этому счастью всѣ женатыя пары въ романѣ не могутъ имѣть похвалиться: не была счастлива „добрая барыня“ со своимъ мужемъ; не завидна и семейная

жизнь крестьянъ спяна бьющихъ своихъ женъ или любимыхъ ими.

Въ заключеніе романа наглядно изображается засѣданіе суда по дѣлу народнаго героя Кряжева, обвиняемаго въ невидомыхъ преступленіяхъ; присяжнымъ дается три вопроса; они совѣщаются три съ половиною часа и выносятъ оправдательный приговоръ встрѣченный рукоплесканіями.

Хотя такимъ образомъ официально реабилитированный герой все-таки остается страдальцемъ: во время его пребыванія въ острогѣ, возлюбленная его умерла отъ непосильной работы послѣ родовъ и отъ солнечнаго удара, затѣи его разстраиваются, его чуть было не исключили изъ общества, гармоника его сломалась.

„И потянудо его со Смурина, захотѣлось ему уйти куда-нибудь, или въ степи дальнія, за большую рѣку, или въ Питеръ, только бы подальше... Сталъ онъ ломышлять объ этомъ все чаще и чаще, и днемъ и темною ноченькой. Думушка тяжелая, невеселая повсюду гонялась за нимъ, всюду неотвязно преслѣдовала его. Наконецъ онъ рѣшился уйти...“

Этимъ кончается романъ, который исполнивъ свою задачу, показавъ наглядно полезность разныхъ новыхъ социальныхъ идей, возвращается къ своему point de départ: бѣдникамъ труженникамъ суждено продолжать трудиться и бѣднѣть; а богачамъ эксплуататорамъ, безъ труда ихъ эксплуатирова, богатѣть.

Бѣгство дѣвицы въ Медицинскую Академію, которое есть вставной эпизодъ и совершается при помощи все той же благодѣтельной феи „добрый барыни“, безъ сомнѣнія напомнитъ, тѣмъ кому случается просматривать губернскіе листки, жалостные разказы провинціальныхъ корреспондентовъ о жестокихъ родителяхъ и дѣвицахъ стремящихся убѣгомъ къ высшему образованію повивальной бабки.

..... Чѣмъ дальше шло время тѣмъ замѣтнѣе волновалась Варинька (дочь благочиннаго, находящаяся въ гостяхъ у гжи Водяниной), хихикала уже совершенно безъ толку и не кстати, вертѣлась въ креслахъ и охала все чаще и чаще. Наконецъ когда Лизавета Петровна вышла въ другую комнату, Варинька вдругъ сорвалась съ мѣста и не слушая увѣщаній сестрицы и не обращая никакого вниманія на ея помананія носомъ шмыгнула за Лизаветой Петровной. — Ахъ, Лизавета Петровна, голубушка, милая! Я къ вамъ съ просьбой.... съ большой, съ огромною просьбой! защебетала по-

ловна едва переводя духъ. — Что такое? Если могу.... начала было Водянина и не кончила потому что Варинька, вмѣсто дальнѣйшаго объясненія, принялась лобызать ее самымъ неистовымъ образомъ въ губы, въ щеки, въ шею, въ плечи. — Я слышала вы скоро ѣдете въ Петербургъ.... Ахъ, милая, милая Лизавета Петровна! пересыпая поцѣлуями стрекотала Варинька. — Голубушка, Христа ради возьмите меня съ собой, я хочу учиться акушерству. Вотъ Машенька выучилась.... Счастливица! А паленька не пускаетъ.... Тамъ, говорить, все нигилисты какіе-то.... Возьмите меня, онъ противитъ.... Ничего не будетъ, право.... — Да вы серьезно хотите учиться? спросила Лизавета Петровна, пристально смотря ей въ лицо. — Ахъ, разумѣется серьезно.... А то какъ же еще? Я буду учиться такъ.... просто кажется съ ума сойду, только бы ужъ мнѣ кончить. Тутъ же уговорились что Варинька за день до отъѣзда отпросится у тятеньки погостить на недѣлю, будто бы по просьбѣ Лизавета Петровны, и немедленно же по пріѣздѣ въ Петербургъ напашетъ обо всемъ отцу....“

„....Велико было смущеніе и замѣшательство отца Василія когда онъ узналъ что гжа Водянина увезла его дочку, и смущеніе это чуть ли еще не увеличилось когда черезъ недѣлю онъ получилъ письмо отъ Вариньки со штемпелемъ С.-Петербургскаго почтамта.... Сумраченъ и унылъ застѣлъ отецъ Василій за сочиненіе письма къ своей бѣглой дочери. „Много неприятностей и горя причинила ты мнѣ своимъ не-
„обдуманнмъ и легкомысленнымъ поступкомъ, писалъ онъ
„между прочимъ. Но ежели ты въ самомъ дѣлѣ будешь учиться
„хорошо, то Богъ съ тобой, пусть хранитъ тебя Божія
„Матерь, а я тебѣ каждый мѣсяцъ буду высылать 25 рублей
„деньгами да холста. А ежели лаче чаянія ты плутаешься въ
„дрязги, то такъ и знай: не будетъ тебѣ отъ меня благослове-
„нія ни въ сей жизни, ни въ будущей, и 25 рублей въ мѣсяцъ
„высылать не стану.“

Здѣсь мы встрѣчаемъ повидимому какъ бы отступленіе отъ метода наглядности, ибо сочувствіе читателя могло быть перенесено на покинутого и великодушнаго отца. Но догадливый авторъ тотчасъ же исправляетъ свой промахъ. По его словамъ работница протололова съ просвирней находила что бѣглянку „слѣдовало вытребовать по эталу и водворить на мѣсто жительства, а для того чтобъ олять куда-нибудь не убѣгла, задать ей хорошую баню“.

„Хотя благочинный въ данномъ случаѣ и одобрялъ вѣкоторыя домостроевскія правила, но приложить ихъ на дѣлѣ не могъ. Онъ боялся прослыть тираномъ и потемнить свою репутацію. Отецъ Василій очень хорошо зналъ что учитель русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ полисываетъ очень

ядовитыя статейки въ обличительномъ вкусѣ. Попадись-ка такому на зубокъ, такъ онъ тебя по косточкѣ разберетъ, совершенно основательно думалъ благочинный. Вѣдь для нихъ ничего святаго нѣтъ... Свистуны! Сатирики!..“

Вообще во всемъ романѣ методъ наглядности проведенъ безукоризненно. Кстати замѣтить что методъ этотъ вовсе не такъ новъ какъ обыкновенно стараются увѣрить его приверженцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одномъ постояломъ дворѣ намъ довелось видѣть картинку изданную въ первой четверти текущаго столѣтія и долженствовавшую содѣйствовать распространенію оспопрививанія по деревнямъ. Картинка раздѣлена на двѣ части, подъ каждой соотвѣтственная подпись. Въ одной значится: *Несчастное положеніе семействъ уклоняющихся отъ привитія оспы.* Изображены разваленныя избы, толпы калѣкъ обезображенныхъ, безрукихъ, горбатыхъ, слѣпыхъ, умирающія дѣти и вдали кладбище со множествомъ могильныхъ крестовъ. На другой половинѣ картинки изображенъ домикъ подъ елочкой и предъ нимъ хороводъ, ларни съ гармониками, неестественно толстыя бабы и лузатые ребятишки. Подпись гласитъ: *Счастливое состояніе поселянъ воспользовавшихся благотельнымъ привитіемъ оспы.*

Авторъ нашъ безъ сомнѣнія также знакомъ съ этою картинкой, по крайней мѣрѣ въ своей *Хроникѣ села Смурина* онъ воспользовался буквально тѣмъ же приемомъ. Всѣ манекены его долженствующіе изображать идеалы новыхъ добродѣтелей имѣютъ красивую внѣшность. Лица эти: Кряжевъ, гжа Водянина, „добрая барыня“ тожь, Евгеша, въ лицѣ которой поэтизируется свободная любовь, учитель новой школы, членъ земской управы содѣйствующій устройству рабочей артели. Съ наружностью Кряжева мы уже знакомы. Вотъ какъ изображаются остальные:

Гжа Водянина: „Ей лѣтъ 30, но она очень еще моложава, она блондинка, средняго роста, худенькая; ея голубые глаза глядятъ какъ-то странно; словно она все смотритъ на кого-то съ сожалѣніемъ или кого-то молить о чемъ-то.... Ея молодое красивое лицо разгорѣлось и радостное удивленіе свѣтилось въ голубыхъ глазахъ“... и т. д.

Евгенія: „Прямо сказать, она была такъ хороша что ея здоровенныя румяныя подруги и толстая половна въ подметки ей не годились. Всѣ молодцы засматривались на нее...“ и т. д.

Членъ земской управы: „Голосъ его былъ мягокъ и нѣженъ. Его лицо было красиво, хотя нѣсколько женственно,

руки аристократическія, бѣлыя, мягкія. Русые волосы его зачесывались назадъ....“

Красота учителя внушаетъ состраданіе: „Человѣкъ молодой, лѣтъ 28, средняго роста, худой, сухощавый, со смуглымъ желтоватымъ лицомъ, съ карими, большими глазами, отъ страшной худобы казавшимися еще больше, съ рѣденькой, темной бородкой и съ темными же гладко выстриженными волосами.... Онъ худѣлъ и тощалъ съ каждымъ днемъ, сгоралъ какъ оталливающаяся свѣчка поставленная на вѣтру“....

Всѣ же фигуры олицетворяющія старые пороки, всѣ эксплуататоры, хищники, каверзники, имѣютъ важность скаредную и отвратительную.

Прокудовъ, одинъ изъ кулаковъ: „Потъ крупными каплями выступалъ на его широкомъ лоснящемся лицѣ. Невозмутимое спокойствіе и довольство отражалось на эту пору на его жирной, красной рожѣ, изъ которой казалось при малѣйшемъ давленіи сало такъ и готово было брызнуть.... Жена его сильно напоминала сказочную Бабу-Ягу и ея осунувшееся желтое лицо дышало злостью какъ у истой Бабы-Яги.“

Кудряшевъ, другой кулакъ: „Мужикъ лѣтъ 40, длинный, сухопарый, съ желтымъ, сморщеннымъ лицомъ и съ неподвижными выцвѣтшими глазами. Его длинный тонкій носъ былъ по какому-то случаю погнуть вправо. Сиваго сукна кафтанъ висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ.“

Безпалый, третій кулакъ: „Малорослый, мозглявый мужичонко, съ выдуленными глазами.... постоянно одергивалъ и вздымалъ плеча.... поминутно таращить свои буркалы.“

Каменевъ, крупный эксплуататоръ: „Съ толстымъ брюшкомъ, немного лысый, въ длиннополомъ потертомъ кафтанѣ съ пестренькимъ платочкомъ на шеѣ. Вотъ его жирное красноватое лицо, на лицо не похожее, съ почтенною бородой и съ рѣдкими волосиками, подстриженными въ скобку, такъ что его бычачій затылокъ весь на виду. На спицѣ хоть горохъ молоты. Пальцы толстые, неуклюжіе.... Залыбшіе жиромъ глаза его поминутно гдѣ бы онъ ни былъ ищутъ образа какъ будто онъ всегда готовъ взять Бога въ свидѣтели.“

Такъ же, если еще не болѣе, безобразны и остальные недобродѣтельные фигуры, и писарь, и учитель старой школы, и посредникъ и ставовой и пр. и пр. Авторъ безъ церемоній говоря о ихъ физіономіяхъ обыкновенно употребляетъ выраженія: рыла, поскудныя морды, хари, рожи и т. л.

Мораль преподаваемая наглядно: будьте добродѣтельны, устраивайте артели и „новыя“ школы, не давайте потачки богатымъ эксплуататорамъ, бѣгите и другимъ помогайте

бѣжать въ повивальныя институты, помните что семейная жизнь тяжела и сопряжена съ отвѣтственностью, тогда какъ свободная любовь привлекательна и ни къ чему не обязываетъ, принесите жертвы ради общаго дѣла, и тогда взглянувъ въ зеркало вы будете имѣть утѣшеніе видѣть тамъ не „поскудную морду“, а интересное и привлекательное лицо, и знать что это милое лицо есть привилегія добродѣтели.

Итакъ, грошевая брошюрка, уставъ ссудной кассы, учебно-вспомогательная книжка, да двѣ три газетныя корреспонденціи и одна лубочная картинка—вотъ матеріалы которые будучи перефразированы и иллюстрированы превращаются въ длинный-предлинный, скучный-прескучный, но безконечно назидательный, наглядно-педагогическій романъ. Много ли нужно ума и таланта для подобной стряпни, отвѣтъ на это кажется ясенъ; но неужели авторы подобныхъ фабрикацій и журналы угощающіе ими публику разчитываютъ найти въ своихъ читателяхъ столько неразумія что ихъ можно морочить подобными продѣлками? А такіа наглядно-педагогическія произведенія подъ именемъ романовъ появляются въ послѣднее время довольно часто.

К. Н.

СТРАННОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ

ОТВѢТЪ Г. ЛЕСЕВИЧУ.

Въ январьскомъ номерѣ *Отечественныхъ Записокъ* настоящаго года прочелъ я статью посвященную разбору моей диссертациі *Кризисъ западной философіи* и принадлежащую г. Лесевичу. Статья эта написана совершенно искренно и даже не безъ горячности; притомъ она повидимому стоила своему автору нѣкотораго труда. Поэтому нельзя не пожалѣть что единственнымъ основаніемъ для нея послужило одно довольно странное недоразумѣніе: критикъ мой принялъ за основную мысль разбираемаго имъ сочиненія нѣчто такое чего не только въ этомъ сочиненіи не находится, но что мнѣ, автору его, никогда и въ голову не приходило. Такъ какъ для меня не подлежитъ сомнѣнію что г. Лесевичъ впадалъ въ такую невѣроятную ошибку совершенно невольно, то я и считаю себя обязаннымъ пояснить ему въ чемъ дѣло.

Недоразумѣнію г. Лесевича вѣроятно не мало способствовало несовершенство его критическаго метода, слѣдуя которому онъ выводитъ основную мысль сочиненія изъ отдѣльнаго отрывка и изъ заглавія, не подвергая разсмотрѣнію все остальное, то-есть все содержаніе сочиненія. Между тѣмъ хотя заглавіе и должно указывать основную мысль книги,

но по краткости своей это указаніе не можетъ быть само по себѣ яснымъ; взятое отдѣльно, оно легко можетъ быть понято въ превратномъ смыслѣ. Точно также и отдѣльный отрывокъ имѣетъ значеніе лишь въ связи съ остальнымъ. Мнѣ очень жаль что приходится возвѣщать столь безслорныя истины. Еще болѣе я сожалею что г. Лесевичъ впалъ въ свое странное недоразумѣніе, несмотря на то что могъ очень легко его избѣгнуть. Я самъ далъ ему легкій и вѣрный способъ узнать основную мысль моего сочиненія, даже не читая его: представивъ это сочиненіе въ качествѣ диссертациі на ученую степень, я выразилъ его основную мысль и существенное содержаніе въ нѣсколькихъ краткихъ тезисахъ, прочтенныхъ мною по обычаю на диспутѣ и затѣмъ перепечатанныхъ почти во всѣхъ газетахъ. Но, къ сожалѣнію, ни объ этихъ тезисахъ, ни объ ихъ основаніяхъ въ диссертациі г. Лесевичъ не говоритъ ни слова, а занимается полемикою противъ отдѣльныхъ фразъ и словъ. Я впрочемъ не имѣлъ бы ничего и противъ такой полемики; хотя посредствомъ нея г. Лесевичъ и не могъ бы коснуться ничего существеннаго въ моей диссертациі, но онъ все-таки могъ бы разбирать нѣчто мною сказанное. Но я долженъ признаться что г. Лесевичъ только приводитъ мои слова, но нисколько не занимается ихъ прямымъ смысломъ, направляя свои возраженія исключительно противъ того значенія которое онъ самъ отъ себя этимъ словамъ приписываетъ.

Такъ, выписавъ вступительныя слова 1й главы (послѣ введенія) онъ будто бы на ихъ основаніи приписываетъ мнѣ слѣдующія утвержденія, которыхъ однако нѣтъ ни въ этихъ словахъ, ни въ другихъ мѣстахъ диссертациі.

1. „Недавнее еще всеобщее господство позитивизма смѣнилось теперь всеобщимъ господствомъ философіи бессознательнаго, небывалый успѣхъ которой представляется не только фактомъ свидѣтельствующимъ о современномъ умонастроеніи европейскаго Запада, но и рѣшающимъ принципиально вопросъ о значеніи метафизики въ ходѣ умственнаго развитія человѣчества.“ И далѣе вторично приписывается мнѣ увѣреніе „что успѣхъ философіи бессознательнаго принципиально разрѣшаетъ вопросъ о принудительности для ума метафизики, какъ будто,—замѣчаетъ г. Лесевичъ,—философскіе вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ“ (88—9).

Въ словахъ моихъ, приведенныхъ г. Лесевичемъ, ничего подобнаго этому утвержденію не заключается. Фактъ небывалаго успѣха Гартмановой метафизики послѣ того всеобщаго презрѣнія ко всякой метафизикѣ, которое господствовало въ послѣднее время, — этотъ фактъ указать мною какъ вѣтшее начало или поводъ для изслѣдованія о принципиальномъ значеніи западной философіи въ ея послѣднихъ результатахъ — изслѣдованія, которое составляетъ содержаніе моей диссертациі и которое было бы для меня совершенно излишне, еслибъ я утверждалъ то что заставляетъ меня утверждать г. Лесевичъ. Фактъ успѣха Гартмановой философіи свидѣтельствуетъ для меня лишь о *фактической* силѣ метафизическихъ задачъ надъ умомъ человѣческимъ и вызываетъ меня къ разсмотрѣнію вопроса о внутренней истинѣ какъ метафизики вообще, такъ въ особенности этой послѣдней метафизической попытки. „Въ виду этого“, говорю я, „важное значеніе получаетъ и эта новая послѣдняя попытка ихъ разрѣшенія.“ Изъ дальнѣйшаго же изслѣдованія оказывается, какъ это извѣстно всѣмъ читавшимъ мою диссертацию или хоть мои тезисы, что попытку Гартмана должно считать саму по себѣ весьма неудачною, что система его не только далека отъ совершенства, но представляетъ многія несомнѣныя недѣлости; но что тѣмъ не менѣе эта система, составляющая результатъ всего предшествующаго развитія, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя истинныя начала, какъ маленькое зерно въ толстой скорлупѣ, и что развивая логически эти начала, необходимо должно придти къ извѣстнымъ положительнымъ возрѣніямъ въ области существенныхъ философскихъ вопросовъ, — къ возрѣніямъ новымъ и для западнаго ума неожиданнымъ. Еслибы же одинъ фактъ успѣха Гартмана разрѣшалъ для меня принципиально вопросъ о значеніи метафизики, то я долженъ былъ бы на этомъ фактѣ остановиться, а я между тѣмъ во всей своей диссертациі ни слова больше о немъ не говорю. „Высшіе метафизическіе вопросы“, перефразируетъ меня г. Лесевичъ, „не только опять возстановлены Гартманомъ, но и разрѣшены имъ съ необыкновенною смѣлостью.“ Но вопросъ о томъ: *какъ* разрѣшены, и у меня показано что разрѣшены неудовлетворительно. Но объ этомъ г. Лесевичъ умалчиваетъ.

2. Далѣе г. Лесевичъ доказываетъ что позитивизмъ можетъ и долженъ получить дальнѣйшее развитіе, и заключаетъ свои

аргументы слѣдующими словами: „изъ этого видно до какой степени легкомысленно утвержденіе г. Соловьева что чей бы то ни было умъ можетъ успокоиться на результатѣ позитивизма (44).“ Но гдѣ же я это утверждалъ? Не самъ ли г. Лесевичъ приводитъ мои слова въ которыхъ я утверждаю нѣчто противоположное, а именно что успокоеніе на отрицательныхъ результатахъ позитивизма есть только кажущееся, обманчивое? Кому же принадлежитъ легкомысленное утвержденіе? Что касается до способности позитивизма къ дальнѣйшему развитію, то я ее нигдѣ не отрицаю. Только дѣло совсѣмъ не въ этомъ и не объ этомъ я говорю. Развивайте вашу систему сколько угодно, вѣдь она все-таки же останется системой относительныхъ познаній объ относительныхъ поверхностныхъ явленіяхъ или представленіяхъ. Продолжайте плоскость хоть до безконечности, она не получитъ стереометрическаго содержанія. А оно-то и нужно.

3. „Телерь намъ предстоитъ“, говоритъ далѣе г. Лесевичъ, „разсмотрѣть вѣрнѣ ли утверждаемый г. Соловьевымъ фактъ что еще въ недавнее время умъ человѣческой, представляемый западными мыслителями, подчинился господству позитивизма (44).“ И вотъ г. Лесевичъ, въ опроверженіе меня, подробно перечисляетъ всѣхъ представителей позитивизма (44—47). Изъ этого перечисленія оказывается что ихъ очень мало; притомъ лучшіе изъ нихъ, каковы Спенсеръ и покойный Милль, не могутъ быть названы собственно позитивистами, то-есть послѣдователями Огюста Конта. Итакъ г. Лесевичъ предполагаетъ что въ приведенномъ имъ мѣстѣ я говорю о всеобщемъ господствѣ *системы Огюста Конта!* Это есть третье утвержденіе которымъ онъ меня даритъ изъ собственныхъ средствъ. Въ дѣйствительности, въ томъ мѣстѣ нѣтъ ни слова о системѣ Огюста Конта, а говорится объ отрицательныхъ результатахъ позитивизма по отношенію къ метафизикѣ, о недавнемъ еще всеобщемъ пренебреженіи и отверженіи ея, которое однако оказывается поверхностнымъ и призрачнымъ и смѣняется новымъ и сильнымъ оживленіемъ метафизическаго интереса. Я указываю такимъ образомъ на тотъ же самый фактъ о которомъ говорить и Луисъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей послѣдней книги: „Мы видимъ что не только физика находится наканунѣ преобразованія чрезъ посредство молекулярной динамики, но замѣчаемъ и въ *метафизикѣ* странное движеніе и несомнѣнные признаки пробуж-

дающейея жизни. Послѣ длиннаго періода забвенія и пренебреженія, вопросы ея снова заявляютъ свои права.“ Позитивизмъ, какъ система, именно система Огюста Конта, и позитивизмъ какъ анти-метафизическое направленіе, суть двѣ вещи различныя. О системѣ Огюста Конта я говорю лишь въ особомъ приложеніи и нигдѣ не утверждаю чтобъ она когда-нибудь пользовалась всеобщимъ господствомъ. Въ томъ же мѣстѣ противъ котораго полемизируетъ г. Лесевичъ, я говорю о всеобщемъ, хотя, какъ оказалось, поверхностномъ и преходящемъ, господствѣ отрицательнаго антиметафизическаго направленія, которое, будучи наиболее рѣзко выражено у Огюста Конта, затѣмъ совершенно независимо отъ его системы распространилось не только среди большинства ученыхъ, но что важнѣе — среди огромнаго большинства образованныхъ людей, развѣ только по наслышкѣ знавшихъ о Контѣ и его системѣ. Господство этого отрицательнаго направленія, при всей своей эфемерности, есть фактъ несомнѣнный.

4. Отсюда видно что мнѣ никакой надобности не было утверждать и доказывать такую нелѣпность (это четвертая), „что позитивисты всѣхъ оттѣнковъ, полупозитивисты и представители родственнаго позитивизму системъ всѣ сдѣлались послѣдователями и поклонниками Гартмана“ (47). Смѣю увѣрить г. Лесевича что такой вздоръ не только на яву, но и во снѣ мнѣ не представлялся. Все что онъ говоритъ по этому поводу неизвѣстно противъ кого направлено.*

5. Также видно отсюда что „кризисъ противъ позитивистовъ“, представляемый философіей Гартмана и составляющей будто бы основную мысль моей диссертациі, есть ятая нелѣпность которою надѣляетъ меня щедрость г. Лесевича. Ни о какомъ „кризисѣ противъ позитивистовъ“ я ни въ одномъ мѣстѣ своей диссертациі не говорю, и это нелѣпое выраженіе ни разу мною не употребленное (пусть мнѣ укажутъ хоть одинъ) принадлежитъ исключительно г. Лесевичу.

* Что доказывается, напримѣръ, множествомъ возраженій и ожесточенныхъ нападеній на Гартмана, о которыхъ такъ распространяется г. Лесевичъ? Не то ли что философія Гартмана имѣла небывалый успѣхъ? Всѣ эти возраженія и нападенія говорятъ такимъ образомъ лишь въ пользу того факта который я утверждаю. Существенные же недостатки Гартмановой системы мною самимъ указаны и сѣдовательно мнѣ не было надобности ссылаться на другихъ.

Приписать же его мнѣ г. Лесевичъ могъ развѣ только по поводу заглавія и то только потому что въ немъ я не счелъ нужнымъ поставить знакъ препинанія. Такъ какъ слово *кризисъ* никогда не сочиняется со словомъ *противъ*, то очевидно слова „противъ позитивистовъ“ относятся не къ слову *кризисъ*, а ко всему заглавію, означая что эта книга, озаглавленная *кризисъ западной философіи*, направлена противъ позитивистовъ, какъ напримѣръ „*De civitate Dei contra paganos*“, или „*De Spiritu Sancto contra Eunomium*“ и т. п.* Въ этихъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, знакъ препинанія можетъ и не ставиться. И вотъ эта-то пропущенная точка, и пропущенная не безъ основанія, послужила единственною причиною всѣхъ возраженій г. Лесевича! Она заставила его заняться моею диссертациею, не понять ея, выдумать нелѣпость, приписать эту нелѣпость мнѣ и притомъ какъ мою основную мысль, возражать противъ нея на диспутѣ, приводя меня въ изумленіе неожиданностью такихъ возраженій, и наконецъ изъ тѣхъ же возраженій сдѣлать цѣлую печатную статью! Вотъ сколько дѣйствій, если и не важныхъ, то все-таки сложныхъ и продолжительныхъ, можетъ произвести одно маленькое лустое мѣсто на заглавномъ листѣ! Какъ бы то ни было, все что г. Лесевичъ говоритъ противъ этого бессмысленнаго „кризиса противъ позитивистовъ“ я готовъ подписать обѣими руками и меня только изумляетъ способность г. Лесевича такъ много и съ такою серіозностью толковать о такомъ очевидномъ вздорѣ. Другое дѣло тотъ несомнѣнный кризисъ западной философіи о которомъ я говорю, кризисъ, состоящій въ томъ что эта философія путемъ внутренняго логическаго развитія пришла въ

* Что слова эти „противъ позитивистовъ“ составляютъ лишь прибавку къ заглавію, и прибавку не существенную, видно изъ того что ихъ нѣтъ въ заглавіи текста послѣ введенія: тамъ стоитъ просто *Кризисъ западной философіи*. Точно также въ періодическомъ изданіи (*Православное Обзорніе*), въ которомъ первоначально печатана моя диссертация, она озаглавлена просто *Кризисъ западной философіи*, безъ прибавленія „противъ позитивистовъ“. Такъ какъ душевное спокойствіе моихъ ближнихъ дороже мнѣ двухъ столь мало важныхъ словъ, то я даю г. Лесевичу полное право во всѣхъ экземплярахъ моей диссертации которые ему только попадутся, безъ милосердія зачеркивать эти два несчастныя слова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разумѣется долженъ будетъ зачеркнуть и всѣ свои возраженія.

послѣднемъ результатѣ къ своему самоотрицанію, должна отказать отъ того на чемъ стояла и признать то что отвергала. Но объ этомъ-то дѣйствительномъ кризисѣ западной философіи, объясненіе котораго составляетъ содержаніе моего сочиненія, г. Лесевичъ къ сожалѣнію не говоритъ ни слова, т. е. онъ не говоритъ ни слова о содержаніи моего сочиненія.

Итакъ мы съ моимъ критикомъ благополучно свели къ нулю бессмысленный кризисъ противъ позитивистовъ. Но г. Лесевичъ не даетъ намъ успокоиться на этой сообщаемой побѣдѣ: намъ предстоитъ еще имѣть дѣло съ произволомъ у Кюнта и съ христіанскими идеями у Гартмана.

Г. Лесевичъ повторяетъ (51) утвержденіе одного изъ моихъ оппонентовъ на диспутѣ, г. де-Роберти, что французское слово *spontané* въ цитатѣ изъ Огюста Кюнта переведено мною невѣрно посредствомъ русскаго слова произвольный. Г. де-Роберти ссылаясь на французскій словарь Литтре. Я какъ тогда такъ и теперь эту ссылку отвергаю, но не потому, какъ думаетъ г. Лесевичъ, что считаю знанія позитивистовъ призрачными, а по болѣе простой причинѣ. Вопросъ вѣдь въ томъ: какимъ русскимъ словомъ должно передать французское *spontané*, и объ этомъ, разумѣется, нельзя узнать изъ толковаго французскаго словаря Литтре, не имѣющаго никакого отношенія къ русскому языку. Поэтому г. Лесевичъ хорошо дѣлаетъ что обращается къ словарю г. Леонтьева, такъ какъ слово *spontané* латинскаго происхожденія, а словарь г. Леонтьева есть *латино-русскій*. Весьма вѣроятно что большинство читателей г. Лесевича повѣрятъ ему на слово что словарь г. Леонтьева свидѣтельствуетъ противъ моего перевода. Но столь же вѣроятно что найдется хотя одинъ читатель который самъ возьметъ указанный словарь, и раскрывъ его прочтетъ на страницѣ 795 слѣдующее: *spontaneus, adj. (sprons)* — произвольный, добровольный, непринужденный. Не знаю что этотъ читатель подумаетъ о г. Лесевичѣ, но во всякомъ случаѣ онъ убѣдится что слово *spontaneus* и тождественное съ нимъ *spontané* по-русски значатъ произвольный. Далѣе г. Лесевичъ приводитъ въ свою пользу нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій Огюста Кюнта. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно слово *spontané* не ловко перевести чрезъ произвольный. Но что же это доказываетъ? Неужели г. Лесевичу неизвѣстно что одно и то же слово одного языка не во всякой связи можетъ передаваться однимъ и тѣмъ

же словомъ другого языка? Нужно бы было показать что именно въ данномъ случаѣ нельзя перевести такъ какъ я перевелъ, но этого оба мои оппонента и не пытались сдѣлать. Я сильно подозреваю что весь этотъ разговоръ произошелъ лишь вслѣдствіе того что гг. де-Роберти и Лесевичъ плохо понимаютъ настоящее значеніе слова произвольный. Оно значитъ: дѣйствующій отъ себя или изъ себя, ничѣмъ вѣшнимъ не опредѣляемый, независимый, то-есть именно то что, по признанію самого г. Лесевича, значитъ слово *sponané*. Оппоненты же мои очевидно понимаютъ произвольный въ неправильномъ этимологически и философски смыслѣ, близкомъ къ французскому *arbitraire*. Но на какомъ же основаніи они свое пониманіе или непониманіе приписываютъ мнѣ? Какъ бы то ни было, если и не доказано что я не понимаю французскаго *sponané*, за то есть сильная вѣроятность что оба мои оппонента не понимаютъ русскаго произвольный.

Теперь переходимъ къ христіанству Гартмана. „Какъ у Конта, говоритъ г. Лесевичъ, пригрезился ему (то-есть мнѣ) произволь, такъ у Гартмана пригрезились идеи тождественныя съ идеями христіанскими“ (53). Объ отношеніи Гартмана къ христіанству у меня нѣтъ ни слова въ диссертациі. Всякому читавшему *Philosophie des Unbewussten* извѣстно что это отношеніе есть отрицательное, такъ какъ тамъ христіанство опредѣляется и излагается лишь какъ вторая стадія иллюзіи. Поэтому, если г. Лесевичъ думаетъ что я долженъ былъ прочесть послѣднюю брошюру Гартмана о христіанствѣ для того чтобъ узнать его отрицательное отношеніе къ этому предмету, то это лишь показываетъ что г. Лесевичъ незнакомъ съ главнымъ сочиненіемъ Гартмана — фактъ впрочемъ мало интересный. Но спрашивается, какое заключеніе противъ меня можно вывести изъ того что мои взгляды на христіанство противоположны взглядамъ на него Гартмана? Вотъ еслибъ я утверждалъ что Гартманъ относится къ христіанству положительно и вдругъ оказалось бы нѣчто противное, тогда дѣйствительно я былъ бы въ печальномъ положеніи. Но я ничего подобнаго не утверждалъ и утверждать не могъ. Или можетъ-быть я безусловный послѣдователь Гартмана и потому долженъ быть съ нимъ во всемъ согласенъ? Г. Лесевичъ такъ думаетъ: „Провозглашать философію Гартмана,“ восклицаетъ онъ обо мнѣ, „увлекаться ею, *jugare in verba magistri*, и такъ расходиться съ нею!“ (52).

Какъ я увлекаюсь философiей Гартмана и *justo in verba magistri* — это читатель можетъ видѣть напримѣръ изъ слѣдующихъ мѣстъ моей диссертации: „Такъ какъ дѣйствующее есть начало духовное, представляющая воля, — то совершенно законенъ вопросъ о цѣли всего этого развитiя, о смыслѣ мирового процесса, о его началѣ и исходѣ. И дѣйствительно, Гартманъ ставитъ этотъ вопросъ. Но разрѣшенiе его — космогонiя и эсхатологiя Гартмана, находится въ такомъ явномъ противорѣчiи съ собственными принципами Гартмана и вообще представляетъ такой поразительный *larsus ingenii*, что послѣдователи Гартмана должны бы были объ этой части его системы хранить глубочайшее молчанiе. Мы же, не принадлежа къ ихъ числу, должны сказать нѣсколько словъ и объ этихъ печальныхъ умозрѣнiяхъ.“ (Криз. 62—3.) И далѣе о метафизическихъ принципахъ Гартмана я говорю слѣдующее: „Отъ того что къ одному гипостазированному абстракту присоединяется другой, мысль еще не много выплываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Гартмана воля сама по себѣ не имѣетъ никакого предмета, а идея сама по себѣ не имѣетъ никакого содержанiя. Какъ такiя, оба начала суть лишь возможность воли и представленiя. И эту-то пустую возможность Гартманъ утверждаетъ какъ существующую саму по себѣ, предшествующую дѣйствительному бытiю мира. Въ оправданiе этого безсмыслия Гартманъ конечно не можетъ сослаться на Платона“ и т. д. (74—75). Если такимъ образомъ мое мнимое увлеченiе философiей Гартмана не препятствуетъ мнѣ находить его метафизическiе принципы недѣльными, то что же удивительнаго если я расхожусь съ нимъ и въ пониманiи христіанства?

Приведя заключительныя слова моей диссертации, въ которыхъ говорится о синтезѣ религіознаго содержанiя Востока съ философскою формою Запада, г. Лесевичъ въ возраженiи своемъ противъ этихъ словъ вмѣсто синтеза говоритъ о какомъ-то амальгамированiи (это его слово). Что онъ не понимаетъ различiя между синтезомъ и амальгамированiемъ, въ этомъ я не виноватъ. Но вслѣдствiе такого непониманiя все что онъ говоритъ по этому поводу не имѣетъ никакого отношенiя къ тому что сказано мною.

Окончивъ свои возраженiя противъ отдѣльныхъ и превратно понятыхъ фразъ и словъ, г. Лесевичъ уломинаетъ наконецъ и о содержанiи моей диссертации, но къ сожалѣнiю, за-

являетъ что не будетъ заниматься его разборомъ. Тѣмъ же менѣе онъ произноситъ о немъ свое мнѣніе, и это, я полагаю, нарасно, потому что личное голословное мнѣніе г. Лесевича ни для кого не можетъ быть интересно. Впрочемъ не касаясь внутренняго содержанія, г. Лесевичъ дѣлаетъ противъ моей диссертациіи одно общее замѣчаніе со стороны внѣшняго метода. Важный коренной мой недостатокъ въ этомъ отношеніи состоитъ, по мнѣнію г. Лесевича, въ томъ что я излагая философскія ученія по источникамъ первой руки не обращалъ вниманія на второстепенную литературу предмета. Я не удивляюсь что г. Лесевичъ предпочитаетъ знакомство съ философскими системами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ: это безъ сомнѣнія легче и удобнѣе. Но тотъ кто посвятилъ себя философіи долженъ отказаться отъ этого удобства. Онъ долженъ изучать великихъ мыслителей въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ.

Въ заключеніе мой глубокомысленный критикъ дѣлаетъ длинную цитату изъ книги Цѣльнера о кометахъ. Въ этой цитатѣ говорится о солидарности ученыхъ между собою и о научной совѣсти и стыдливости. Насколько это относится къ дѣлу, пусть судитъ самъ читатель. Я же подведу итоги къ статьѣ г. Лесевича.

Ни одного изъ моихъ положеній, ни одной изъ моихъ мыслей, ни одного изъ вопросовъ затронутыхъ въ моей диссертациіи не касается г. Лесевичъ въ своихъ возраженіяхъ. Направлены же его возраженія противъ слѣдующаго: во первыхъ, противъ заглавія диссертациіи, понятаго имъ превратно; во вторыхъ, противъ вступительныхъ словъ первой главы и заключительныхъ словъ главы послѣдней,—словъ понятыхъ имъ въ столь же превратномъ смыслѣ, и наконецъ въ третьихъ, противъ превратно понятаго имъ перевода французскаго слова *spontané*.

Въ виду этого какъ объяснить статью г. Лесевича? Къ сожалѣнію, совершенно очевидно что единственное объясненіе состоитъ именно въ томъ что г. Лесевичъ совсѣмъ ничего не понималъ въ разбираемомъ имъ сочиненіи. А въ такомъ случаѣ мнѣ остается только дать ему одинъ добрый совѣтъ — исполнить высказанное имъ на моемъ диспутѣ намѣреніе и убѣждать какъ можно дальше не только отъ моей, но и отъ всякой философіи.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Я Н В А Р Ъ .

	<i>Стр.</i>
✓ Очерки Китая. <i>К. А. Скачкова</i>	5
✓ Просвѣщенное время. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>А. Ѳ. Писемскаго</i>	68
Изъ записокъ черноморскаго офицера. Два эпизода изъ обороны Севастополя. <i>А. Д. Сатина</i>	140
✓ Законъ и женщина. Романъ. Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXI—XXVII.	155
Логика какъ проледевтика философіи въ гимназіяхъ. <i>Н. Е. Скорцова</i>	203
Два сонета изъ Шекспира. <i>Гр. И. Мамуна</i>	228
Мельница. Разказъ. <i>Н. Б—ва</i>	230
✓ Анна Каренина. Романъ. Часть первая. Гл. I—XIV. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i>	243
с Университетскій вопросъ. Гл. I—V. <i>Н. А. Любимова</i>	337
✓ Перелиска Бѣлинскаго съ друзьями. <i>А. Н. Пылинъ</i> . <i>В. Г. Бѣлинскій</i> . Опытъ біографіи. (<i>Вѣстникъ</i> <i>Европы</i> , 1874, кн. X—XII.) <i>А</i>	393

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона.
Переводъ съ англійскаго. Книга девятая, гл.
VI—XV, и книга десятая, гл. I.
- ✓ Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. *Макъ-Гахана*. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками).
Часть первая, гл. I—VII.

Ф Е В Р А Л Ь.

	<i>Стр.</i>	
Происхожденіе Преображенскаго полка и съ нимъ гвардіи. (Измѣдованіе.) <i>М. П. Погодина</i>	5	
Очерки Китая. Окончаніе. <i>К. А. Скачкова</i>	450	✓
Зима въ Севастополѣ съ ноября 1854 по февраль 1855 года. <i>М. И. Богдановича</i>	522	
Заковъ и женщина. Романъ Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXVIII—XXXIV.	542	✓
Университетскій вопросъ. Гл. VI—X. <i>Н. А. Любимова</i>	590	✓
Княгиня Ульяна Вяземская. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>Д. В. Аверкіева</i>	660	✓
Анна Каренина. Романъ. Часть первая. Гл. XV—XX.	742	✓
Часть вторая. Гл. I—X. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i> . . .	818	✓ 742
Современное украинофильство. <i>З.</i>	818	
Педагогія въ романѣ. <i>К. Н.</i>	849	
Странное недоразумѣніе. (Отвѣтъ г. Лесевичу.) <i>В. С. Соловьева</i>	874	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ. Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга десятая. Гл. II—V.	✓
Военныя дѣйствія на Оксусѣ и ладеніе Хивы. Махъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть первая. Гл. VIII—XIII.	✓

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТ-ФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ

НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора П. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 политупажами въ текстъ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебникъ заведеній Министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

1875 ГОДА.

1е издание 4 руб., съ пересылкою 6 руб.

2е издание 5 руб., съ пересылкою 7 руб.

945.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

1875 ГОДА.

ЦѢНА 13 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 16 РУБ.

944.

Сего 1го февраля 1875 года вышла и разослана подлищикамъ 2я, февральская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА.“

Содержаніе книги: I. Записки Войска Донскаго атамана Адриана Денисова: походъ Донскихъ казаковъ въ Индію въ 1801 году. Поѣздка въ Петербургъ съ поздравленіемъ Александра I; участіе въ войнѣ съ Французами въ 1806—1807 годахъ. Платовъ и пр. — II. Федоръ Каржавинъ: его жизнь и похождения въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. 1745—1812 годовъ.—III. Разказы изъ временъ Петра I, Н. И. Костомарова.—IV. Императрица Екатерина II: проектъ манифеста о престолонаслѣдіи; мнѣніе ея о дѣлѣ князей Долгорукихъ въ 1730 году и пр. — V. Пугачевщина.—VI. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, изслѣдованіе А. П. Пятковского.—VII. Василий Назаровичъ Каразинъ: основаніе Харьковскаго университета въ 1803 году. VIII. Оборона Севастополя: переписка кв. А. С. Меншикова съ главнокомандующимъ Дунайскою арміею кв. М. Д. Горчаковымъ. 1854—1855 годовъ.—IX. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: автобіографія и переписка его, съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Стасова.—X. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: 1) Одинъ изъ проектовъ памятки Петру Великому въ XVIII вѣкѣ. 2) Могила кв. Дарьи Меншиковой, 1728 года. 3) Поваръ Халябля, 1741 года. 4) Челобитная императрицѣ Елисаветѣ 1747 года. 5) Продажа женщинъ въ Россію въ 1760 году. 6) Записка о судьбѣ участниковъ Лолухинскаго дѣла. 7) Прошеніе крестьянъ въ 1790 годахъ. 8) Фельдмаршалъ Каменскій, 1806 года. 9) Генералъ Костенецкій, 1780—1831 годовъ. 10) Исторія Россіи подъ цензурою Александра Ив. Красовскаго, 1836 года. 11) Псаломъ и пѣсня о Севастополѣ 1855 года. 12) Счетъ обѣда въ Севастополѣ 1856 года.—XI. Предсказатель монахъ Авель, 1757—1841 годовъ: житіе и страданія его по тюрьмамъ, имъ самимъ описанныя; переписка его съ графиней Потемкиной; тайныя книжки имъ составленныя и пр.—XII. Памятники русской старины въ Западной Россіи.—XIII. Родословіе владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго Дома.—XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

При этой книгѣ приложены: 1) Рисунокъ проекта памятника Петру I въ XVIII вѣкѣ. 2) Два чертежа изъ сочиненія предсказателя Авеля. 3) Родословная таблица (на большомъ листѣ) владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго Дома.

Русская Старина изд. 1870, 1871, 1873 и 1874 годовъ разошлась столя по подпискѣ.

Русская Старина 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 80 экзempl.)

Подписка на *Русскую Старину* изд. 1875 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами, рисунками и пр. приложеніями.

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Русской Старины*—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. *иногородныя* подлищниковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію *Русской Старины* въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, въ домѣ Трута, кв. № 12.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе многократныхъ требованій, редакція приступаетъ къ новому изданію *перваго* года *Русской Старины*, то-есть 1870 г., двѣнадцати книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать въ *скорѣйшемъ* времени свои о томъ заявленія, такъ какъ по числу этихъ заявленій будетъ напечатано число экзemplаровъ новаго изданія *Русской Старины* 1870 г. Цѣна будетъ 8 руб. съ пересылкой.

1.216.

получила хорошее образованіе въ монастырѣ; и по выходѣ ея оттуда сумѣли сдѣлать чтобъ одинъ старый солдатъ съ состояніемъ — что означаетъ офицеръ безъ всякаго состоянія, — служившій не безъ отличія въ Алжирѣ, предложилъ ей свою руку и присоединилъ ей скромное приданое къ своему еще болѣе скромному доходу. Они сумѣли также дать ей понять что предложеніе должно быть принято. Такимъ образомъ, *Mademoiselle „Quelque Chose“* сдѣлалась *Madame* Мариньи, — и съ своей стороны сумѣла черезъ годъ или около того остаться вдовою. Послѣ ея свадьбы родители разумѣется умыли руки, такъ какъ уже исполнили въ отношеніи къ ней свой долгъ. Въ то время когда Донъ Жуанъ познакомился съ этою дамой, ничего нельзя было сказать дурнаго объ ея характерѣ; но модистки и лавочники стали жаловаться что они охотнѣе согласились бы получить свои деньги нежели вѣрить въ безупречность ея характера. Донъ Жуанъ влюбился въ нее, немедленно удовлетворялъ претензіи модистокъ и лавочниковъ, и утѣжая изъ Парижа они условились встрѣтиться въ Ахенѣ. Когда же онъ прибылъ къ этимъ горячимъ, и по-моему вовсе не привлекательнымъ водамъ, онъ былъ удивленъ получивъ отъ нея записку что она перемѣнила свое имя Мариньи на имя Дюваль.

„Я вспоминаю, говорилъ Лепорелло, что черезъ два дня господинъ мой сказалъ мнѣ: „Осторожность и тайна. Не называй моего имени въ томъ домѣ куда я пошлю тебя съ запиской къ *Madame* Дюваль. Когда я бываю тамъ я не называю себя. *La petite* Мариньи перемѣнила свое имя на имя Луизы Дюваль; и я встрѣтилъ тамъ ея подругу, настоящую Луизу Дюваль, племянницу одного моего родственника, съ которымъ опасно ссориться, онъ первый боецъ на плагахъ и стрѣлокъ изъ пистолета — Викторъ де-Моллеонъ“. Господинъ мой былъ достаточно храбръ, но онъ любилъ жизнь и не находилъ чтобы *la petite* Мариньи стоила чтобъ быть за нее убитымъ.

„Лепорелло мало помнилъ о послѣдующихъ событіяхъ. Онъ вспоминалъ только что Донъ Жуанъ, когда они были въ Вѣнѣ, сказалъ ему однажды утромъ съ видомъ менѣе обыкновеннаго веселымъ: „Все кончено съ *la petite* Мариньи — ея уже нѣтъ болѣе“. Потомъ приказалъ приготовить себѣ ванну, написалъ записку и сказалъ со слезами на глазахъ: „Отнеси это *Mademoiselle* Селестъ; ее нельзя сравнить съ *la petite*

Мариньи; но *la petite* Селестъ еще жива. "А, *Monsieur!* еслибъ хоть одинъ человекъ во Франціи такъ гордился своимъ властелиномъ какъ этотъ Италіанецъ гордился моимъ соотечественникомъ! Увы! мы Французы созданы чтобы повелѣвать, но крайней мѣрѣ мы такъ о себѣ думаемъ, и оскорбляемся если кто-нибудь говоритъ намъ: „служи и повинуйся“. Теперь во Франціи можно встрѣтить только Домъ Жуановъ и ни одного Лепорелло.

„Послѣ большихъ усилій съ моей стороны вызвать въ памяти Лепорелло важнѣйшее обстоятельство — видѣлъ ли онъ когда-нибудь настоящую Дюваль выдававшую себя за *Madame* Мариньи, не являлась ли она къ его господику въ Вьеннѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, онъ растеръ свой лобъ и извлекъ изъ него слѣдующія воспоминанія.

„Въ тотъ день когда *Eccellenza* (Лепорелло всегда называлъ господина своего *Eccellenza*, титулъ этотъ, какъ вамъ извѣстно, Италіанецъ придавалъ бы самому сатанѣ еслибъ тотъ платилъ ему жалованье) сказалъ мнѣ что *la petite* Мариньи нѣтъ болѣе въ живыхъ, у него предъ этимъ была дама съ опущенною вуалью и укутанная, которую какъ мнѣ показалось я не встрѣчалъ прежде, но я замѣтилъ ея намеру держаться, очень высококомѣрно, голову назадъ, и подумалъ про себя что эта особа одна изъ его *grandes dames*. Она заходила еще раза два или три, никогда не называя своего имени; потомъ она больше не появлялась. Можетъ-статься это была *Madame* Дюваль, этого я не могу сказать.

„Но не случилось ли вамъ слышать чтобъ *Eccellenza* послѣ того упоминалъ о настоящей Дюваль?

„Нѣтъ, *non mi ricordo* — не помню.

„Или же о какой-нибудь находящейся въ живыхъ *Madame* Мариньи, хотя эта дама уже умерла?

„Постойте, вспомнилъ; не то чтобъ онъ упоминалъ когда-нибудь при мнѣ о такой особѣ, но я отправлялъ его письма на почту, адресованныя къ *Madame* Мариньи — о, да! даже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того какъ та *la petite* Мариньи умерла.

„Однажды я попробовалъ спросить: простите меня, *Eccellenza*, позвольте спросить въ самомъ ли дѣлѣ умерла эта бѣдная дама если вы приказываете мнѣ отослать къ ней письмо?

„О, сказалъ онъ, *Madame* Мариньи! Разумѣется та которую ты звалъ умерла, но есть и другія; эта дама принадле-

жить къ моей фамилии. Родственники ея, хотя сами благороднаго происхожденія, признають меня главою своего дома, и я сашкѣмъ *bon prince* чтобы не помогать вѣтвямъ моего родословнаго дерева.

„На другой послѣ этого разговора Лепорелло сказалъ мнѣ: „Другъ мой, вы какъ видно интересуетесь узнать что стало съ тою дамою которая приняла имя Мариньи. (Откровенно сознаюсь въ этомъ, *Monsieur*, чтобы показать какъ не легко даже для такого осторожнаго человѣка какъ я пробираться сквозь кусты не давъ людямъ замѣтить какую птицу вы ищете.)

„Да, отвѣчалъ я, она интересуетъ меня. Я невозможно зналъ этого Виктора де-Молеона съ которымъ *Essellenza* не желалъ ссориться; узнавъ что случилось съ Луизою Дюваль можно сдѣлать пріятное этому ея родственнику.

„Я могу указать вамъ путь какъ узнать все что было извѣстно *Essellenza* изъ переписки. Я часто слыжалъ какъ онъ съ похвалою повторялъ пословицу которая такъ умна что могла быть италіянскою: „Никогда не лишн, никогда не жи“; это значить никогда не компрометируй себя письмомъ, и береги всѣ письма которыя могутъ дать власть надъ другими. Всѣ письма какія онъ получалъ тщательно складывались и сохранялись. Я переслалъ ихъ его сыну въ четырехъ большихъ оундукахъ. Они безъ сомнѣнія и теперь у него.

„Теперь ресурсы мои истощились. Я прибылъ въ Парижъ прошлою ночью, и настоятельно совѣтую вамъ тотчасъ же пріѣхать сюда если вы желаете продолжать розыски.

„Вы, *Monsieur*, можете сдѣлать то на что я не могъ рѣшиться; вы можете спросить сына этого Довъ-Жуана не находятъ ли въ числѣ писемъ его отца, которыя онъ могъ сохранять, писемъ съ подписью Мариньи или Дюваль, словомъ, такихъ которыя могли бы пролить свѣтъ на это темное сплетеніе обстоятельствъ. *Grand seigneur* будетъ конечно любезнѣе съ вами, при вашемъ общественномъ положеніи, нежели съ полицейскѣмъ агентомъ. Сынъ Довъ-Жуана, наследовавшій титулъ отца, называется маркизомъ де-Рюшбріаномъ; и позвольте мнѣ прибавить что въ настоящую минуту, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно изъ газетъ, въ Парижѣ только и говорятъ что о приближающейся войнѣ; такъ что черезъ мѣсяцъ или два не легко будетъ найти *Monsieur* де-Рюшбріана,

который, какъ я узналъ, въ настоящее время находится въ Парижѣ.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.
„I. Ренаръ.“

На другой день по полученіи этого письма Грагамъ Венъ былъ въ Парижѣ.

Г Л А В А П.

Къ числу вещей не поддающихся описанію принадлежитъ то что въ Парижѣ называется *agitation*; это агитація безъ смуты или насилія, не обнаруживающаяся никакимъ беспорядкомъ, никакою буйною вспышкой. Быть-можетъ кафе болѣе полны; прохожіе на улицахъ чаще останавливаютъ другъ друга, разговариваютъ небольшими толпами или группами; но въ цѣломъ мало что обнаруживаетъ какъ сильно бьется сердце Парижа. Путешественникъ проѣзжая по спокойной мѣстности можетъ не знать что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него происходитъ сраженіе; если же онъ остановится и приложитъ ухо къ землѣ, онъ узнаетъ, по непередаваемому сотрясенію, голоса пушекъ.

Но въ Парижѣ проникательному наблюдателю нѣтъ надобности останавливаться и прикладывать ухо къ землѣ; онъ чувствуетъ внутри себя сотрясенія, таинственную внутреннюю симпатію передающую отдѣльнымъ лицамъ сознательную дрожь, когда страсти толпы взволнованы, какъ бы тихо ни было это волненіе.

Кафе Тортона было переполнено когда Дюлеси и Лемерсье вошли въ него: бесполезно было заказывать завтракъ, такъ какъ ни въ комнатахъ, ни снаружи не было ни одного свободнаго столика.

Но они не могли уйти такъ скоро какъ бы желали. Завидя финансиста нѣсколько человекъ встали и окружили его съ жадностью спрашивая:

— Какъ вы думаете, Дюлеси, подольетъ ли оскорбленіе нанесенное Франціи хоть каплю горячей крови въ ледяныя жилы несчастнаго Оливье?

— Еще не доказано что Франція оскорблена, *Monsieur*, отъчалъ Дюлеси флегматично.

— *Bah!* Не оскорблена! Самое назначеніе Гогенцоллерна на

Испанскій престолъ было оскорбленіемъ — чего вамъ еще больше?

— Я вамъ скажу что это значить, Дюлеси, сказалъ виконтъ де-Брезе, котораго обычное добродушіе повидимому смѣнилось обидною заносчивостью: — Я вамъ скажу что это значить; у вашего друга императора смѣлости не больше чѣмъ у цыпленка. Онъ сталъ старъ, трусливъ и лѣнивъ; онъ знаетъ что у него не хватитъ силъ даже сѣсть на лошадь. Но если въ теченіи недѣли онъ не объявитъ войны Пруссакамъ, большое будетъ счастье если ему удастся убраться также спокойно какъ Лудовику-Филиппу, подъ защитой своего зонтика, и съ прозвищемъ *Шлидта*. Или не можете ли вы, Дюлеси, переслать его обратно въ Лондонъ въ переводномъ векселѣ?

— Для человѣка съ вашею литературною извѣстностью, *Monsieur le vicomte*, сказалъ Дюлеси, — вы употребляете странная обивчивыя метафоры. Но, простите меня, я пришелъ сюда завтракать, и не могу оставаться затѣмъ чтобы ссориться. Пойдемте, Лемерсье, попытаемъ счастья не удастся ли намъ достать котлетку у *Trois Frères*.

— Фоксъ, Фоксъ, крикнулъ Лемерсье, свистнувъ лудею который вошелъ съ нимъ въ кафе и испуганный внезапнымъ движеніемъ и громкими голосами спрятался подъ столъ.

— Ваша собака труслива, сказалъ де-Брезе, — назывите ее *Nap*.

Шутка эта была покрыта общимъ смѣхомъ, среди котораго Дюлеси скрмыся, и Фредерикъ, найдя и взявъ свою собаку, последовалъ за нимъ, вѣжно лаская животное.

— Я не разстанусь съ Фоксомъ ни за какія сокровища, сказалъ Лемерсье съ *effusion*; — это залогъ любви и вѣрности одной прекрасной Англичанки: дама эта покинула меня — собака осталась.

Дюлеси сухо улыбулся.

— Вы истый Парижанинъ, мой другъ Лемерсье! Я увѣренъ что когда зазвучитъ труба архангела въ день судный, Парижъ раздѣлится на два лагеря: одни будутъ гнѣть *Marsельезу* и парадировать съ краснымъ знаменемъ; другіе будутъ пожимать плечами говоря: „*Bah! le Bon Dieu* какъ будто рѣшился оскорбить Парижъ, это любимое мѣсто Грацій, школу искусства, источникъ разума, око міра“; и ангелъ разрушенія всталъ бы изъ ласкающими своихъ луделей и съ готовыми *bons mots* на счетъ женщинъ.

— И совершенно справедливо, сказалъ Лемерсье примирительно, — какой другой народъ въ мирѣ можетъ сохранить хорошее расположеніе духа при такихъ неприятныхъ обстоятельствахъ? Но къ чему принимать такой торжественный токъ? Война разумѣется будетъ — бесполезно говорить о разъясненіяхъ. Когда Французъ говоритъ: „я оскорбленъ“, онъ не станетъ слушать никакихъ возраженій. Онъ разумѣетъ битву, а не извиненія. Но что жъ если и война? Наши храбрые солдаты побьютъ Прусаковъ, возьмутъ Рейль, возвратятся въ Парижъ покрытые лаврами; новый *Boulevard de Berlin* затмитъ собою *Boulevard de Sebastopol*. Кстати, Дюлеси, *Boulevard de Berlin* будетъ хорошая спекуляція, лучше чѣмъ *Rue de Louvier*. Ah! Кажется это мой англійскій другъ Грамъ Вамъ!

И оставивъ руку Дюлеси Лемерсье остановилъ джентльмена который готовъ былъ пройти незамѣченнымъ.

— *Bon jour, mon ami* Давно ли вы въ Парижъ?

— Я пріѣхалъ только вчера вечеромъ, отвѣчалъ Грамъ, — и такъ не надолго что вижу въ томъ большое счастье. Любезнѣйшій Лемерсье, что встрѣтился съ вами и что мнѣ удалось пожать вамъ руку.

— Мы съ Дюлеси только-что шли завтракать къ *Trois Frères*; пойдете съ нами.

— Съ большимъ удовольствіемъ; ah, *Monsieur* Дюлеси, я буду радъ услышать отъ васъ что императоръ найдетъ въ себѣ достаточно твердости чтобы положить конецъ воинственному задору, который, судя по тѣмъ кого я встрѣчалъ, угрожаетъ перейти въ помѣшательство.

Дюлеси смотрѣлъ очень пристально въ лицо Грама когда медленно отвѣтилъ:

— Англичанамъ должно быть извѣстно по крайней мѣрѣ то что когда императоръ при своей послѣдней реформѣ отказался отъ личной власти для конституціонной монархіи, вопросъ покажетъ ли онъ или нѣтъ твердость въ такихъ дѣлахъ которыя принадлежатъ кабинету и палатамъ не можетъ болѣе имѣть мѣста. Я увѣренъ что если *Monsieur* Гладстонъ посоветуетъ королеву Викторію объявить войну Россіи, и будетъ поддержанъ въ этомъ большинствомъ парламента, то вы сочли бы меня очень несвѣдущимъ въ дѣлахъ конституціонной монархіи и парламентскаго правленія если бы я выразилъ надежду что королева Викторія воспротивится этой воинственной лихорадкѣ.

— Вашъ укоръ былъ бы вполне справедливъ, *Monsieur* Дюлесси, еслибы вы могли доказать мнѣ что оба эти случая совершенно одинаковы; но мы въ Англіи не думаемъ чтобы не смотря на послѣднія реформы, императоръ настолько отрекся отъ своего личнаго вліянія чтобъ его воля, твердо и рѣшительно выраженная, не имѣла вѣса въ его совѣтъ и не заставила бы смолкнуть оппозицію въ палатѣ. Такъ ли это? Я прошу объясненія.

Въ продолженіе этого разговора они шли рядомъ въ направленіи къ Пале-Ройялю.

— Это зависитъ, возразилъ Дюлесси,—отъ того насколько усилится народное возбужденіе въ Парижѣ. Если оно утихнетъ, императоръ безъ сомнѣнія можетъ обратиться въ хорошую сторону эту благопріятную пріостановку лихорадки. Но если оно будетъ усиливаться, и Парижъ станетъ требовать войны такими же громкими криками какъ при Лудовикѣ-Филиппѣ онъ кричалъ о революціи, думаете ли вы что императоръ будетъ въ состояніи внушить своимъ министрамъ мудрость мира? Министры его будутъ слишкомъ налуганы криками, не рѣшатся имъ противиться и выйдутъ въ отставку. Изъ кого можетъ императоръ составить другой кабинетъ? Кабинетъ мира? Кто рѣшится ораторствовать въ пользу мира? Кто? Гамбетта, Жюль Фавръ, признанные республиканцы; захотятъ ли они занять министерскій постъ при Лудовикѣ-Наполеонѣ? Еслибъ они согласились, не было ли бы первымъ ихъ дѣйствіемъ уничтоженіе имперіи? Такимъ образомъ Наполеонъ такой же конституціонный монархъ какъ и королева Викторія въ томъ смыслѣ что народная воля страны (а во Франціи въ такихъ вопросахъ Парижъ есть вся страна) контролируетъ палаты, контролируетъ кабинетъ; а императоръ не можетъ дѣйствовать противъ кабинета. Я не говорю объ арміи, которая во Франціи есть сила неизвѣстная въ Англіи, и которая навѣрно не станетъ браться ни съ какою партией мира. Если война будетъ объявлена, пусть Англія осуждаетъ это—она не можетъ сожалѣть объ этомъ больше меня,—но пусть Англія осуждаетъ націю; пусть она осуждаетъ если хочетъ форму правленія основанную на всеобщей подачѣ голосовъ; но пусть не осуждаетъ она нашего государя, также какъ Франція не стала бы осуждать королеву еслибы вынужденная условіями на которыхъ утверждается ея престолъ она подписала объявленіе войны уступая требованіямъ большинства парламента только-

что избраннаго и совѣта министровъ которыхъ некимъ замѣнить.

— Замѣчанія ваши, *Monsieur* Дюлаеси, очень убѣдительны и еще болѣе увеличиваютъ безлокойство съ какимъ я, какъ и всѣ мои соотечественники, смотримъ на настоящее тревожное время. Будемъ надѣяться на лучшее. Правительство наше, какъ мнѣ извѣстно, употребляетъ всѣ усилія чтобъ уничтожить всякій поводъ къ оскорбленію какое это несчастное назначеніе германскаго принца на Испанскій престолъ не могло не причинить государственнымъ людямъ Франціи.

— Я очень радъ что вы соглашаетесь что подобное назначеніе было достаточнымъ поводомъ къ оскорбленію, сказалъ Лемерсье съ нѣкоторою горечью; — потому что я встрѣчалъ Англичанъ которые утверждаютъ что Франція не имѣетъ права противиться выбору государя какой бы ни былъ сдѣланъ Испаніи.

— Англичане вообще не очень вникаютъ въ политическія дѣла другихъ странъ, сказалъ Грагамъ;—но тѣ кто интересуется ими должны видѣть что Франція не можетъ безъ лояльной тревоги переносить чтобъ ее окружали со всѣхъ сторонъ линіей враждебныхъ государствъ: на западѣ сама Германія, ставшая столь грозною послѣ битвы при Садовой; германскій принцъ на юго-западѣ; довольно вѣроятный союзъ между Пруссіей и Италіанскимъ королевствомъ, уже отчужденнымъ отъ Франціи, которой оно такъ много обязано. Если Англій было бы неприятно большое морское могущество Амстерлена, то нѣсколько болѣе неприятно должно быть Франція еслибы Пруссія имѣла возможность, присоединивъ испанскія войска къ германской арміи, устремить и тѣ и другія на Францію. Нового повода къ безлокойству уже не существуетъ; кандидатура Гогенцоллерна взята назадъ. Будемъ надѣяться на лучшее.

Они усѣлись за столомъ въ кафе *Trois Frères*, и Лемерсье занялся просматриваніемъ *menu* и заказомъ завтрака, не улыбая изъ виду Фокса.

— Посмотрите на этого человѣка, сказалъ Дюлаеси, указывая на только-что вошедшаго господина;—нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ популярный герой; теперь, при всеобщемъ возбужденіи отъ угрожающей войны, онъ можетъ спокойно заказывать свой бифстекъ не посылаемый поздравленіями и привѣтствіями; такова слава во Франціи! Сегодня есть, а завтра нѣтъ ея.

— А чѣмъ прославился этотъ человѣкъ?

— Онъ живописецъ и отказался отъ ордена—единственный французскій живописецъ который сдѣлалъ это.

— А почему онъ отказался?

— Потому что онъ больше привлекалъ къ себѣ вниманіе своимъ отказомъ чѣмъ еслибы принялъ награду. Если когда-нибудь наступитъ день для красныхъ республиканцевъ, то самыя отчаянные изъ нихъ, осужденные человѣческимъ чувствомъ, и будутъ до помѣшательства заботиться о снисканіи одобренія людей.

— Вы глубокій философъ, *Monsieur* Дюлеси.

— Не думаю; я чувствую особенное презрѣніе къ философамъ. Простите меня на минуту, я вижу человѣка съ которымъ хотѣлъ бы сказать два слова.

Дюлеси перешелъ къ другому столу и заговорилъ съ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, довольно замѣчательной наружности, съ красною ленточкой въ петлицѣ, въ которомъ Грагамъ узналъ бывшаго императорскаго министра, отличавшагося отъ своихъ товарищей въ кабинетѣ того времени репутаціей преданности своему повелителю и мужества противъ толпы.

Оставшись одинъ съ Лемерсье, Грагамъ оказалъ:

— Скажите мнѣ пожалуйста гдѣ я могу найти вашего друга маркиза де-Ротбриана. Я сегодня заходилъ на его квартиру, и тамъ мнѣ сказали что онъ отправился гостить куда-то за городъ, взявъ съ собою своего слугу. *Conciergerie* не могъ дать мнѣ его адреса. Я такъ обрадовался когда встрѣтилъ васъ надѣясь что вы навѣрное знаете.

— Нѣтъ, я не знаю; я уже нѣсколько дней не видѣлъ Алена; но Дюлеси вѣрно знаетъ.

Въ это время финансистъ возвратился къ нимъ.

— *Mon cher*, Грамъ Варъ желаетъ знать въ какія Сабинскія сѣни сокрылся Ротбрианъ, *fatum opes strepitumque*, столицы?

— А! маркизъ вашъ другъ, *Monsieur*?

— Я едва ли могу похвалиться этою честью, но мы съ нимъ знакомы и я былъ бы радъ его видѣть.

— Въ настоящую минуту онъ находится въ сельскомъ домѣ герцогини де-Тарасковъ близъ Фонтенбло; два дня тому назадъ я получилъ отъ него наскоро написанную записку съ извѣщеніемъ что онъ отправился туда вслѣдствіе ея настоятельнаго.

приглашенія. Но онъ можетъ вернуться завтра; во всякомъ случаѣ онъ обѣдаетъ у меня въ восемь часовъ, и я былъ бы очень радъ еслибы вы сдѣлали мнѣ честь встрѣтиться съ нимъ въ моемъ домѣ.

— Это такое пріятное приглашеніе что я не могъ бы отъ него отказаться, и я принимаю его съ благодарностью.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Грагама съ двумя Французами не было сказано ничего достойнаго вниманія. Онъ оставилъ ихъ докуривать сигары въ саду и отправился домой чрезъ *Rue de Rivoli*. Проходя мимо *Magazin du Louvre*; онъ остановился давъ дорогу дамѣ быстро проходившей изъ дверей магазина къ своему экипажу.

Взглянувъ на него съ легкимъ наклоненіемъ головы въ признательность за его вѣжливость дама узнала его лицо.

— А, мистеръ Вень! воскликнула она почти радостно, — вы въ Парижѣ и не навѣстите меня!

— Я пріѣхалъ только вчера вечеромъ, любезнѣйшая мистрисъ Морли, сказалъ Грагамъ нѣсколько смутившись, — и только по дѣламъ которыя потребовали моего присутствія. Я пробуду здѣсь вѣроятно очень короткое время.

— Въ такомъ случаѣ позвольте похитить у васъ нѣсколько минутъ, нѣтъ, даже и того не надо; я могу довести васъ куда хотите, и такъ какъ карета моя движется быстрѣе чѣмъ вы идете пѣшкомъ, то я даже сохранию вамъ нѣсколько минутъ вмѣсто того чтобы похищать ихъ у васъ.

— Вы очень добры, но я шелъ только къ себѣ въ гостиницу которая здѣсь рядомъ.

— Въ такомъ случаѣ у васъ не можетъ быть оправданій чтобы не сдѣлать со мной небольшую прогулку въ Елисейскихъ Поляхъ; ѣдьте.

Вѣжливость обязывала Грагама ловивоваться. Онъ помогъ прекрасной Американкѣ сѣсть въ экипажъ и самъ сѣлъ рядомъ съ ней.

ГЛАВА III

— Мистеръ Вень, я должна очень извиняться предъ вами за участіе въ вашей жизни такъ нескромно обнаруженное въ моемъ письмѣ.

— О, мистрисъ Морли! вы не можете себѣ представить какъ глубоко тронуло меня это участіе.

— Я не рѣшилась бы зайти такъ далеко, продолжала мистрисъ Морли не обращая вниманія на перерывъ,—еслибы не попалла совершенно превратно ваши чувства къ известной особѣ. Въ этомъ виновато мое американское воспитаніе. У насъ бываетъ много ухаживаній между юношами и молодыми дѣвушками которыя не приходятъ ни къ чему; но если въ моей странѣ такой человекъ какъ вы встрѣчаетъ такую дѣвушку какъ Исавра Чигонья, тутъ не можетъ быть рѣчи о простомъ ухаживаньи. Его вниманіе, взгляды, обращеніе, для тѣхъ кто интересуется имъ настолько чтобы наблюдать, открываютъ одно изъ двухъ: или онъ холодно восхищается и уважаетъ, или же любитъ всѣмъ сердцемъ и душою женщину достойную внушить такую любовь. Я наблюдала, и непростительно обманулась. Я воображала что влечу любовь, и при этой мысли радовалась за васъ обоихъ. Я знаю что во всѣхъ странахъ, и у насъ и у васъ, любовь такъ впечатлительна и ревнива что всегда готова придумывать для себя воображаемыхъ враговъ. Уваженіе и восхищеніе никогда не бываютъ способны къ этому. Я думала что какое-нибудь недоразумѣніе, легко устранимое при внимательствѣ третьяго лица, могло замедлить влеченіе двухъ сердець другъ къ другу, и рѣшилась писать вамъ. Я полагала что вы любите, и ошиблась какъ нельзя больше: вы только восхищались и уважали.

— Вы провакируете очень тонко, мистрисъ Морли, и для васъ это можетъ казаться вполне вѣрно.

— Не называйте меня мистрисъ Морли такимъ высокомернымъ тономъ: развѣ вы не можете говорить со мной какъ съ другомъ? Вы только уважали и восхищались—и конецъ.

— Нѣтъ, не конецъ! воскликнулъ Грагамъ, давая просторъ порыву страсти, которая рѣдко въ присутствіи другихъ нарушала его самообладаніе, — конецъ для меня это жизнь изъ которой навсегда вычеркнута любовь какую я могъ бы питать къ женщиной. Истинная любовь для меня можетъ быть только одна. Она явилась при первомъ моемъ взглядѣ на это роковое лицо, и съ тѣхъ поръ никогда не покидала моихъ мыслей днемъ, моихъ видѣній ночью. Конецъ для меня это вѣчное престою тому счастью которое можетъ сулить любовь которая въ жизни только одна... во...

— Но что? спросила мистрисъ Морли кротко, глубоко тро-

нутая страстнымъ увлеченіемъ обнаружившимся въ голосѣ и словахъ Грагама.

— Но, продолжалъ онъ съ насильственною улыбкой, — мы Англичане такъ воспитаны что противимся безусловному авторитету, мы не можемъ подчинить всѣ элементы нашего бытія власти одного деспота. Любовь живописецъ, но не можетъ быть скульпторомъ.

— Я не понимаю этой метафоры.

— Любовь украшаетъ нашу жизнь, но не должна вытѣкать ея формы.

— Любезнѣйшій мистеръ Венъ, это учень умно сказано, но человеческое сердце слишкомъ обширно и слишкомъ тревожно чтобы спокойно замкнуться въ афоризмъ. Станете ли вы увѣрять меня что если вы убѣдитесь что разстроили счастье Исабры Чигоньи такъ какъ оттолкнула отъ себя свое счастье, что эта мысль не измѣнитъ отчасти самую форму которую вы придаете своей жизни? Развѣ въ этомъ случаѣ жизнь ваша утратитъ только краски?

— Не унижайте, мистрисъ Морли, вашего друга до уровня обыкновенной дѣвушки у которой бездѣлье усиливаетъ всякую мечту съ которой она носится. У Исабры Чигоньи есть свои занятія, геній, слава, карьера. По чести говоря, я думаю что въ этомъ она можетъ найти счастье котораго не можетъ замѣнить никакой домашній очагъ. Я не скажу больше ничего. Я убѣжденъ что еслибъ мы соединились, я не могъ бы сдѣлать ее счастливою. При томъ неудержимомъ порывѣ который влечетъ геній писателя къ публичнымъ симпатіямъ и локваламъ, она оскорбилась бы еслибъ я сказалъ ей: „довольствуйся тѣмъ что будешь безраздѣльно моя“. А еслибъ я не сказалъ этого и чувствовалъ бы что не имѣю права оказать, и предоставилъ бы полный просторъ ея естественному честолюбію, что тогда? Она оскорбилась бы еще больше увидавъ что я не могу почувствовать ея стремленіямъ и цѣлямъ, что то тѣмъ бы я долженъ былъ гордиться унижаетъ меня. Это было бы такъ! это выше моихъ силъ, это моя природа.

— Пусть будетъ такъ. Когда, можетъ-быть на будущей годъ, вы опять прѣдете въ Парижъ, вы будете свободны отъ моего навязчиваго внимательства—Исабра будетъ женою другаго.

Грагамъ прижалъ руку къ сердцу съ быстрымъ порывомъ чловѣка чувствующаго мучительную боль, на щекахъ его, даже на губахъ не осталось ни кровинки.

— Я говорилъ вамъ, сказалъ онъ съ горечью, — что ваше осласеніе моего вліянія на счастье такой даровитой дѣвушки не имѣетъ основанія; согласитесь что она скоро позабудетъ меня?

— Я не могу согласиться съ этимъ несмотря на все мое желаніе. Но развѣ вы такъ мало знаете женское сердце (а въ дѣлахъ сердца, я никогда не слыхала чтобы геніи имѣли талисманы противъ его порывовъ), развѣ вы такъ мало знаете сердце женщины чтобы не понять что въ то самое время когда она согласится выйти замужъ за человѣка который всего меньше можетъ составить ея счастье, въ это время она значитъ утратила надежду быть счастливою съ другимъ.

— Неужели это правда? прошепталъ Грагамъ; — да, я могу себя представить это.

— Развѣ вы не сознаете что неизбежно влечетъ за собою эта слава и эта карьера къ которой, по вашимъ словамъ, увлекаетъ ее инстинктъ геніальности, что необходимо для этой дѣвушки, молодой, красивой, не имѣющей ни отца ни матери? Какъ бы ни была чиста ея жизнь, можетъ ли она уберечься отъ клеветы завистливыхъ языковъ? Не станутъ ли всѣ ея ближайшіе друзья — не стали ли бы вы сами, еслибѣ были ея братомъ — употреблять всѣ возможные убѣжденія какія только могутъ имѣть вѣсь въ глазахъ женщины ищущей независимости въ жизни и въ то же время достаточно умной чтобы понять что свѣтъ можетъ судить о добродѣтели только по ея тѣни, репутаціи, чтобы уговорить ее не отказываться отъ покровительства которое можетъ дать только мужъ? Вотъ почему я предостерегаю васъ, если еще не поздно, что отказываясь отъ своего счастья, вы можете разбить и ея счастье. Она выйдетъ замужъ за другаго, но не будетъ счастлива. Что за химеры страховъ создаетъ вашъ мужской эгоизмъ! Неужели качества которыя услаждаютъ и украшаютъ міръ дѣлаютъ женщину неспособною быть подругой мушкетера? Стыдитесь, стыдитесь!

Какой отвѣтъ могъ бы дать Грагамъ на эти страстные упреки, осталось неизвѣстнымъ.

Двое мушкетеровъ верхомъ остановили экипажъ. Одинъ изъ нихъ былъ Ангерранъ де-Вандемаръ, другой алжирскій полковникъ съ которымъ мы встрѣтились на ужинѣ давномъ въ *Maison Dorée* Фредерикомъ Лемерсе.

— *Pardon, Madame* Морли, сказалъ Ангерранъ, — проѣхавъ еще немного вы можете встрѣтиться съ возбужденною толпою;

движеніе началось въ Бельвиль и угрожаетъ спокойствію Елисейскихъ Полей. Не пугайтесь, это можетъ кончиться пустяками, хотя можетъ также быть и серьезно. Въ Парижѣ невозможно разсчитать за часъ впередъ какіе размѣры приметъ политико-эпидемическая лихорадка. Я сейчасъ говорилъ: *Вал!* толпа оборванныхъ мальчишекъ, *gamins de Paris*; а мой другъ полковникъ, покручивая свои усы, *en souriant amèrement*, говорить: это негодованіе Парижа противъ апаіи правительства къ оскорбленію нанесенному чести Франціи; и одному Небу известно какъ быстро французскіе *gamins* вырастаютъ въ гигантовъ когда полковники толкуютъ о негодованіи Парижа и чести Франціи!

— Но что случилось? спросила мистрисъ Морли обращаясь къ полковнику.

— *Madame*, отвѣчалъ воинъ, — разнесся слухъ что король Прусскій повернулся спиной къ французскому послу; и что этотъ *pekín* который стоитъ за маръ во что бы то ни стало, *Monsieur* Оливье, объявить завтра въ палатѣ что Франція готова перенести пощечину.

— Потрудигесь, *Monsieur* де-Ваадемаръ, приказать моему кучеру вѣхать домой, сказала мистрисъ Морли.

Карета повернула и направилась къ дому. Полковникъ приподнял шляпу и повернулъ назадъ посмотрѣть что затѣвуютъ *gamins*. Анггеранъ, не интересовавшійся мальчишками и тяготившійся обществомъ полковника, лѣхалъ рядомъ съ экилажемъ.

— Это что-нибудь серьезное? спросила мистрисъ Морли.

— Пока еще нѣтъ. Но что можетъ быть въ этотъ же часъ завтра, я не могу сказать. А, *Monsieur* Веазъ! *bon jour*, я не узналъ васъ сначала. Однажды, когда я гостилъ въ *château* одного изъ вашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, я видѣлъ двухъ бойцовъ лѣтуховъ спущенныхъ и уставившихся другъ на друга: имъ не нужно было предлога для драки, какъ не нужно Франціи и Пруссіи; все равно который бы лѣтухъ ни началъ, бой былъ неизбеженъ. Все что можетъ сдѣлать Оливье, если онъ достаточно уменъ, это позаботиться чтобъ у французскаго лѣтуха шпоры были такой же длины какъ у прусскаго. Но я говорю одно, что если Оливье попытается усидить французскаго лѣтуха назадъ въ курятникъ, имперія погибнетъ въ сорокъ восемь часовъ. Для меня это пустяки, я ни мало не

забочусь объ имперіи, не на пустяки анархія и хаосъ. Лучше война и имперія, нежели миръ и Жюль Фавръ. Но будемъ ловить настоящую минуту, мистеръ Вень. Чтò бы ни случилось завтра, не отобѣдаемъ ли мы сегодня вмѣстѣ? Назовите вашъ ресторанъ.

— Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ Грагамъ,—но я здѣсь только по дѣламъ и занятъ весь вечеръ.

— Чтò за удивительная вещь наша жизнь! сказалъ Ангерранъ. — Судьба Франціи въ настоящую минуту виситъ на волоскѣ; я, Французъ, говорю моему другу Англличанину: отобѣдаемъ вмѣстѣ: сегодня котлетка, завтра будь чтò будетъ; а мой англійскій другъ, блестящій представитель страны состоящей съ нами въ тѣснѣйшемъ союзѣ, говоритъ мнѣ что въ это критическое время для Франціи у него есть дѣла которыми онъ долженъ заняться. Отецъ мой вполнѣ правъ; онъ придерживается философіи Вольтера и восклицаетъ: *vivent les indifférents!*

— Любезнѣйшій *Monsieur* де-Вандемаръ, сказалъ Грагамъ,—во всякой странѣ вы встрѣтите то же самое. Всѣ люди вмѣстѣ составляютъ публичную жизнь. Но у каждаго человѣка есть своя особая жизнь, потребности и привычки которой не подавляютъ его симпатій къ публичной жизни, но не удержимо одерживаютъ верхъ надъ ними. Мистрисъ Морди, позвольте мнѣ оставить экипажъ, я здѣсь выйду.

— Люблю я этого человѣка, сказалъ Ангерранъ продолжая ѣхать рядомъ съ прекрасною Американкой, — по языку и по уму онъ настоящій Французъ.

— Я всегда любила его еще больше чѣмъ вы можете любить, отвѣчала мистрисъ Морди, — но по предразсудкамъ и глупости онъ совершенный Англличанинъ. Кажется вы сегодня не приглашены никуда, не хотите ли раздѣлить *pot au feu* со мной и съ Франкомъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ умнѣйшій и благовоспитаннѣйшій изъ парижскихъ *beaux garçons*, — но простите если я рано долженъ буду васъ оставить. Бѣдная Франція! *Entre nous*, меня очень беспокоитъ эта парижская лихорадка. Послѣ обѣда я долженъ обѣгать клубы и кафе и узнать послѣднія новости.

„У насъ въ Штатахъ нѣтъ ничего похожаго на этого французскаго легитимиста, сказала про себя прекрасная Аме-

риканка, развѣ только мы будемъ такъ глупы что создадимъ легитимистовъ изъ разорившихся джевальменовъ Юга.“

Между тѣмъ Грагамъ Венъ медаленно подвигался къ своей квартирѣ. Извиненіе его предъ Авгерраномъ не было ложно, этотъ вечеръ былъ отдавъ *Monsieur* Ренару, который передалъ ему не много такого чего бы онъ не зналъ прежде; но его частная жизнь брала верхъ надъ публичною, и всю эту ночь, онъ, политикъ по призванію, не спалъ размышляя не о критическомъ положеніи Франціи, которое могло повліять на судьбу Европы, но о разговорѣ о своей частной жизни съ Американскою дамою.

Г Л А В А . IV.

На слѣдующій день, въ среду, 6го іюля, началась ода изъ тѣхъ эръ въ исторіи міра когда частная жизнь напрасно стала бы хвастаться перевѣсомъ надъ публичною. На сколько частныхъ жизней вліяетъ такое ужасное время, поглощаетъ ихъ, омрачаетъ печалью, сводитъ въ могилу!

Это былъ день когда герцогъ де-Грамонъ произнесъ роковую рѣчь рѣшившую жребій между миромъ и войной. Кто въ тотъ день не былъ въ Парижѣ, не можетъ представить себѣ народный энтузіазмъ съ какимъ эта рѣчь была привѣтствована, энтузіазмъ тѣмъ болѣе сильный что воинственный токъ ея былъ неожиданностью; даже въ самыхъ свѣдущихъ кругахъ ходили толки что результатомъ совѣщаній императорскаго кабинета будетъ рѣчь мирная и сдержанная. Бурины были рукоплесканія которыми собраніе привѣтствовало эту рѣчь дышавшую высококомѣрнымъ вызовомъ. Дамы въ трибунѣ разомъ поднялись махая платками. Высокій, плотный, темный, съ римскими чертами и гордою осанкой, министръ Франціи казался говорилъ вмѣстѣ съ Катилиной въ превосходной трагедіи: „Гдѣ я стою, тамъ я война.“

Парижъ жаждалъ героя дая; герцогъ де-Грамонъ сразу сдѣлался такимъ героемъ.

Всѣ газеты, за исключеніемъ очень немногихъ отличавшихся мирнымъ характеромъ изъ вражды къ императору, отзывались съ похвалами не только объ этой рѣчи, но и о самомъ ораторѣ. И грустно и забавно когда вспомнишь

теперь съ какою романтическою вѣжностью эти органы общественнаго мнѣнія говорили о наружности человека который наконецъ возвысилъ голосъ обращенный къ рыцарскимъ чувствамъ Франціи: „Чарующая важность его лица, таинственное выраженіе его взгляда“.

Когда толпа выходила изъ палаты, Викторъ де-Моллеонъ и Саваренъ, бывшіе также въ числѣ слушателей, встрѣтились.

— Нѣтъ болѣе надежды для моихъ друзей орлеанистовъ, сказалъ Саваренъ. — Вы смѣтаете надо всѣми партіями и въ душѣ, какъ кажется, сочувствуете республиканцамъ; не велика также надежда и для нихъ.

— Я съ вами не согласенъ. За сильными порывами слѣдуетъ быстрая реакція.

— Но какая реакція можетъ угрожать императору послѣ того какъ онъ вернется побѣдителемъ, съ лѣвымъ берегомъ Рейна въ карманѣ?

— Никакая, если ему дѣйствительно удастся это. Но удастся ли? Увѣренъ ли онъ самъ что удастся? Я сомнѣваюсь....

— Сомнѣваетесь въ успѣхѣ французской арміи противъ прусской?

— Противъ объединеннаго Германскаго народа; да, очень сомнѣваюсь.

— Но война разъединитъ Германію. Баварія безъ сомнѣнія будетъ помогать намъ, Ганноверъ возстанетъ противъ слюдиатора, Австрія при первомъ нашемъ успѣхѣ страхнетъ съ себя свой вынужденный нейтралитетъ.

— Вы не были въ Германіи, а я былъ. То что вчера было прусскою арміею, завтра будетъ Германскимъ народомъ, далеко превосходящимъ насъ численностью, тѣлесною крѣпостью, умственнымъ развитіемъ, военною дисциплиной. Но будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Какъ проживаетъ мой издатель, бѣдный Густавъ Гамо?

— Все еще очень слабъ, но поправляется. Вскорѣ онъ будетъ въ состояніи вернуться къ своимъ занятіямъ.

— Это невозможно! Даже во время болѣзни тщеславіе не оставило его и проявилось сильнѣе обыкновеннаго. Онъ сочинилъ воинственную лѣнь которая облетѣла всѣ воинствующие журналы съ его подписью. Онъ долженъ знать очень хорошо что имя подобнаго Туртея не можетъ опять появиться какъ имя издателя *Sens Commun*, что бросивъ эту головню онъ сжегъ корабли которые могли возвратить его къ покину-

той пристава. Но мнѣ кажется что въ своихъ интересахъ онъ поступилъ хорошо; я сомнѣваюсь чтобы *Sens Commis* могъ продолжать свое существованіе среди усиливающагося безумія.

— Какъ! онъ уже потерялъ подлищниковъ? пересталъ расходиться съ тѣхъ поръ какъ высказался въ пользу мира?

— Разумѣется; а послѣ статьи которая, если я доживу до утра, появится въ завтрашнемъ номерѣ, я бы удивился если бы продажа его окупила расходы на печать и бумагу.

— Мученикъ за принципы! Я преклоняюсь предъ тобой, но не завидую.

— Мученичество не составляетъ предмета моего честолюбія. Если Лудовикъ-Наполеонъ потерпитъ пораженіе можетъ быть онъ будетъ мученикомъ, и Фавры и Гамбетты будутъ печь яйца на жаровнѣ которую они разжигаютъ для его величества.

Въ это время одинъ Англичанинъ, талантливый корреспондентъ одной извѣстной газеты и въ этомъ качествѣ познакомившійся съ де-Молеономъ, подошелъ къ обоимъ Французамъ. Саваренъ послѣ обмена привѣтствій пошелъ своею дорогою.

— Смѣю ли просить васъ отвѣтить мнѣ откровенно на нѣсколько грубый вопросъ, *Monsieur le vicomte*? сказалъ Англичанинъ.—Предположимъ что императорское правительство высказалось бы сегодня въ пользу мира, сколько времени прошло бы до тѣхъ поръ какъ его ораторы въ палатѣ и органы печати сказали бы что Франція управляется трусами?

— Вѣроятно не больше двадцати четырехъ часовъ. Но у васъ не много людей которые были бы честны въ своихъ убѣжденіяхъ; къ этимъ немногимъ принадлежу я.

— И они продолжали бы переносить императора и его правительство?

— Нѣтъ, *Monsieur*, я этого не говорю.

— Въ такомъ случаѣ значить многіе изъ друзей императора сдѣлались бы его врагами, и ни одинъ изъ враговъ не присоединился бы къ числу его друзей.

— *Monsieur*, вы въ Англійи знаете что партія оппозиціи не становится сговорчивѣе когда партія въ силѣ проводить свои мѣры. *Ha!* простите, кто этотъ джентльменъ, повидимому вашъ соотечественникъ, который вонъ тамъ разговариваетъ съ секретаремъ вашего посольства?

— Мистеръ Вень, Грагамъ Вень. Вы не знакомы съ нимъ? Онъ долгое время былъ въ Парижѣ и прежде состоялъ при

нашемъ посольствѣ; умный человѣкъ, на него возлагають большія надежды.

— *Ah!* мнѣ кажется я его встрѣчалъ прежде, но не увѣренъ въ этомъ. Вы сказали Венз? Я когда-то знавалъ *Monsieur* Вена, знаменитаго парламентскаго оратора.

— Этого джентльменъ его сынъ; хотите я васъ познакомлю съ нимъ?

— Не сегодня, я теперь спѣшу.

Де-Молеонъ приподнял шляпу, простился и уходя бросилъ еще разъ на Грагама острый испытующій взглядъ. „Я видалъ этого человѣка, прошенталъ оъ, но гдѣ? когда? можетъ-быть это только фамильное сходство съ отцомъ? Нѣтъ, черты лица у него другія; профиль похожъ.... *ha!* мистеръ Ламъ. Мистеръ Ламъ; но для чего ему было называться чужимъ именемъ? Къ чему это переряживанье? Чтò ему за дѣло до бѣдной Луизы? Но не время теперь думать объ этихъ вопросахъ. Война, война; можно ли еще предупредить ее? Какъ она разрушаетъ всѣ планы чтò такъ старательно подготавливало мое честолюбие. О, еслибъ я былъ по крайней мѣрѣ въ палатѣ! Можетъ-быть это еще удастся раньше чѣмъ война дѣйствительно начнется; Клавиньи принимаютъ большой интересъ въ дѣлахъ своего департамента.“

Г Л А В А V.

Грагамъ оставилъ у Рошбріана письмо прося свиданія съ маркизомъ по возвращеніи его въ Парижъ и вечеромъ на другой день послѣ разказаннаго выше получилъ записку съ уведомленіемъ что Алень возвратился и будетъ дома въ девять часовъ. Ровно въ назначенное время Грагамъ вошелъ въ квартиру Бретонца.

Алень былъ въ возбужденномъ состояніи: оъ началъ восторженными восклицаніями по поводу объявленія войны.

— Поздравьте меня, *mon cher!* воскликнулъ оъ, — извѣстіе это было радостною новостью для меня. Не дальше какъ вчера утромъ я съ грустью думалъ что императорскій кабинетъ будетъ продолжать поддерживать трусливое завѣреніе Оливье что Франція не была оскорблена! Герцогиня де-Тарасконъ, у которой я гостилъ въ деревнѣ, пользуется (какъ вы безъ сомнѣнія знаете) большимъ довѣріемъ въ Тюллери. При первыхъ признакахъ войны я написалъ ей что хотя гордость не

позволяла мнѣ поступить въ армію рядовымъ въ мирное время, но эти препятствія уничтожаются когда всѣ разногласія во Франціи должны исчезнуть въ глазахъ ея сыновъ жаждущихъ защищать ея предѣлы. Въ отвѣтъ на это герцогиня просила меня пріѣхать къ ней въ деревню поговорить объ этомъ дѣлѣ; я отправился; она сказала мнѣ что въ случаѣ начатія войны есть предложеніе организовать *мобилей* съ назначеніемъ офицерами людей отличающихся происхожденіемъ и воспитаніемъ, хотя бы они и не проходили прежде военной службы, и что въ этомъ случаѣ я могу разчитывать получить зполеты. Но два дня тому назадъ она получила письмо—не знаю отъ кого, повидимому отъ лица съ высокимъ авторитетомъ — которое заставило ее полагать что умѣренность кабинета предотвратитъ войну и что шлага *мобилей* спокойно останутся въ кофлякахъ. Я подозреваю что вчерашнее рѣшеніе было совершенно врезалю. *Ce cher Gramont!* Вотъ чтó значитъ имѣть родоуитаго челоувѣка въ совѣтѣ государя.

— Если будетъ война, я желаю вамъ всякихъ отауцій. Но...

— О! избавьте меня отъ вашихъ *но*; Англичане очень щедры на нихъ когда дѣло не касается ихъ собственнаго интереса. Но у нихъ нѣтъ *но* противъ войны въ Иадіи или похода въ Абиссинію.

Алеаъ говорилъ калризно; въ то время Французы были очень раздражены наставительнымъ тономъ англійскихъ журналовъ. Грагамъ благоразумно избѣжалъ возбужденія гавъа молодого героя жаждавшаго зполеть.

— Я настолько Англичанинъ, сказалъ онъ съ добродушною любезностью, — чтобы заботиться объ англійскихъ интересахъ, а для Англіи нѣтъ болѣе дорогаго интереса во вавъшей политикѣ какъ благоденствіе и достоинство Франціи. Теперь позвольте мнѣ разказать вамъ почему я рѣшилъ воспользоваться знакомствомъ съ вами, хотя не столь близкимъ какъ бы я того желалъ, и просить свиданія по дѣлу касающемуся лично меня, въ которомъ можетъ-статься вы окажете мнѣ большую услугу.

— Если могу, считайте что это уже сдѣлано; присядьте здѣсь на диванъ, закуримте сигары и потюкуемъ *comme de vieux amis*, которыхъ отцы или братья могли биться рядомъ въ Крыму.

Грагамъ сѣлъ на диванъ возлѣ Рошбріана, и послѣ одной или двухъ затяжекъ отложилъ сигару и началъ:

— Нѣтъ ли въ корреспонденціи оставшейся послѣ вашего батюшки писемъ, писанныхъ недавно, съ подписью Мариньи, *Madame* Мариньи? Простите, я долженъ бы былъ объяснить причины побудившія меня предложить этотъ вопросъ. Я имѣю порученіе исполненіе котораго можетъ быть полезно для этой дамы или для ея ребенка; исполненіе этого порученія доверено моей чести. Но всѣ мои попытки разыскать эту даму остановились на слѣдующемъ свѣдѣніи: она иногда переписывалась съ маркизомъ де-Рошбрианомъ; онъ обыкновенно сохранялъ письма своихъ корреспондентовъ; и эти письма послѣ его смерти были переданы вамъ.

Пока Грагамъ говорилъ слово Алена приняло очень серьезное выраженіе; онъ отвѣчалъ съ высококомѣриемъ соединеннымъ съ замѣшательствомъ:

— Ящики съ письмами которыя получалъ и хранилъ мой отецъ были, какъ вы говорите, присланы ко мнѣ; большая часть этихъ писемъ была отъ женщинъ; они были подобраны и надписаны, такъ что взглянувъ на одно письмо въ каждой пачкѣ я могъ судить вообще о содержаніи ихъ, не имѣя надобности ихъ прочитывать. Всѣ письма такого рода, *Montmir* Веаъ, я сжегъ. Я не помню въ числѣ ихъ ни одного письма съ подписью Мариньи.

— Я вполнѣ понимаю, любезнѣйшій маркизъ, что вы уничтожили всѣ письма которыя вашъ батюшка уничтожилъ бы самъ еслибъ его предсмертная болѣзнь была продолжительнѣе. Но я не думаю чтобы письма о которыхъ я говорю могли попасть въ этотъ разрядъ; вѣроятно они были коротки, имѣли дѣловой характеръ и касались третьяго лица, напри- мѣръ нѣкоторой особы съ именемъ Луизы или Дюваль!

— Пойдите! дайте подумать. Я смутно припоминаю одно или два письма которыя поставили меня въ недоумѣніе; на нихъ было помѣчено: „Луиза Д — — . *Мет.*: навести дальнѣйшія справки о судьбѣ ея дяди.“

— Маркизъ, это тѣ письма которыхъ я ищу. Слава Богу; вы не уничтожили ихъ?

— Нѣтъ; я не видѣлъ причины уничтожать ихъ, точно такъ же какъ не было никакой особенной причины почему я ихъ сохранялъ. У меня осталось только смутное воспоминаніе объ ихъ существованіи.

— Прошу васъ позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ взглянуть на ихъ дочеркъ и сравнить его съ почеркомъ письма кото-

рое у меня съ собою; и если почерки окажутся сходными, я буду просить васъ сообщить мнѣ адресъ который, согласно памятной замѣткѣ вашего батюшки, долженъ находиться въ сохранныхъ вами письмахъ.

— Я не только не могу отказать въ этой просьбѣ, но можетъ-статься это освободитъ меня отъ отвѣтственности которую, какъ я думалъ, письма эти возлагаютъ на меня. Я увѣренъ что они не касаются чести никакой женщины, никакой фамиліи, потому что иначе я непременно сжегъ бы ихъ.

— Позвольте пожать вашу руку, маркизъ. Въ такомъ согласіи между частными людьми лучше выражается *entente cordial* между Англіей и Франціей чѣмъ при Севастополѣ. Позвольте же мнѣ сравнить почерки.

— Ящикъ съ письмами не здѣсь: я оставилъ его въ Ромбріанѣ; я телеграфирую моей тетускѣ чтобъ она выслала его; послѣзавтра онъ безъ сомнѣнія получится. Не позавтракаете ли со мной въ этотъ день, скажемъ въ первомъ часу; а послѣ завтрака ящикъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Благодарить меня! Но вѣдь вы сказали что порученіе это доверено вашей чести. Просьбы касающіяся чести между людьми *comme il faut* только простая церемонія, какъ поклоны которыми они обмѣниваются. Одинъ кланяется, другой отвѣчаетъ тѣмъ же, безо всякой благодарности съ той или другой стороны. Теперь, когда это дѣло кончено, позвольте мнѣ сказать что я думалъ что свиданіе наше должно состояться совершенно по другому поводу.

— Что же бы это могло быть?

— Помните ли нашъ послѣдній разговоръ, когда вы говорили мнѣ съ такою преданностью о *Mademoiselle* Чигонѣ; и предполагая что между нами могло быть соперничество, взаимъ назадъ все что прежде было вами сказано съ цѣлью предостереженья меня противъ развитія чувства которое она мнѣ внушила при первомъ взглядѣ на ея лицо, которое разъ видѣвши нельзя уже позабыть.

— Я очень хорошо помню каждое слово изъ этого разговора, маркизъ, отвѣчалъ Грагамъ спокойно, но рука его заложившая за жилетъ крѣпко прижалась къ сердцу. Ему вспомнились предостереженія мистрисъ Морли. Не этому ли человѣку, который моложе, красивѣе и знатнѣе его, должно достаться сокровище которое онъ отвергнулъ?

— Я помню этот разговор, маркизь! Что же dalje?

— Въ моемъ самообольщеніи я полагалъ что вы могли слышать какъ я восхищался *Mademoiselle* Чигоньей, какъ послѣ того что я не такъ давно встрѣтился съ нею въ домѣ Дюллеси (который, кстати, пишетъ мнѣ что завтра я увижусь у него съ вами), я искалъ случая встрѣчаться съ нею гдѣ только было возможно. Вы могли также слышать въ клубѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, какъ я восхищаюсь ея гениемъ, какъ я говорилъ что ничего въ такой мѣрѣ *Breton* — то-есть такого чистаго и высокаго — не появлялось въ литературѣ со времени Шатобриана; и вы, думалъ я, зная что *les absens ont toujours tort*, пожаловали ко мнѣ чтобы спросить: *Monsieur* де-Рошбрианъ, вы мой соперникъ? Я ожидалъ вызова — вы успокоили меня, вы оставляете поле за мною?

Я уже въ началѣ предупреждалъ читателей насколько годъ проведенный въ Парижѣ могъ освободить нашего *beau Marquis* отъ его *mauvaise honte*. Насколько годъ жизни въ Лондонѣ, съ его жаргономъ лошадаиковъ, съ его современными передовыми дѣвушками, могъ бы сдѣлать вульгарнымъ англійскаго Рошбриана!

Грагамъ закусилъ губы, но отвѣчалъ спокойно:

— Я не вызываю васъ. Могу ли я привести вамъ мои поздравленія?

— Нѣтъ, эта блестящая побѣда не для меня. Я думалъ что это ясно было изъ разговора о которомъ я упомянулъ. Но если вы дѣлаете мнѣ честь ревнуя меня, я очень польщенъ этимъ. Говоря серьезно, если я восхищался *Mademoiselle* Чигоньей при послѣднемъ нашемъ свиданіи, то восхищеніе это усилилось теперь уваженіемъ съ которымъ я смотрю на такой простой и благородный характеръ. Какъ много женщинъ старше ея были бы испорчены лестью которая окружаетъ ея литературный успѣхъ! какъ мало женщинъ которыя при такой молодости будучи поставлены въ такое критическое положеніе, рѣшившись вести такую независимую жизнь, удержали бы достоинство своего характера чистымъ отъ малѣйшей нескромности! Я говорю основываясь не на своихъ свѣдѣніяхъ, но на всеобщей молвѣ, которая была бы рада воспользоваться случаемъ еслибъ могла найти его. Хорошее общество рай для *mauvaises langues*.

Грагамъ взялъ руку Алена и пожалъ ее, но не сказалъ ни слова.

Молодой маркизъ продолжалъ:

— Вы простите меня что я говорю такъ свободно какъ бы я желалъ чтобы мои друзья говорили о *demoiselle* которая могла бы стать моею женою. Я много обязанъ вамъ, не только за то что вы такъ честно обратились ко мнѣ по поводу этой молодой особы, но и за тѣ слова которыя касались моего положенія во Франціи, они глубоко залазили въ мой умъ, благодаря имъ я избавился отъ положенія *proscript* въ моей странѣ, они наполнили меня мужественнымъ честолюбіемъ, которое не исчезло среди многихъ извѣженныхъ увлеченій, и привело меня къ карьерѣ которая открывается предо мной и на которой мои предки завѣщали мнѣ не безславные примѣры. Итакъ, будемъ говорить *à coeur ouvert*, какъ друзья. Не вышло ли между вами и *Mademoiselle* Чигоньей недоразумѣніа которое замедлило ваше возвращеніе въ Парижъ? Если такъ, то прошло оно теперь?

— Между нами не было недоразумѣніа.

— Вы сомнѣваетесь что она отвѣчаетъ на ваши чувства къ ней, высказанныя вами во время нашего свиданія въ прошломъ году?

— Я не имѣю права отгадывать ея чувства. Вы совершенно ошибаетесь.

— Я не считаю себя настолько несвѣдущимъ чтобы ошибаться въ вашихъ чувствахъ къ *Mademoiselle* — ихъ можно прочесть на вашемъ лицѣ въ настоящую минуту. Разумѣется я не беру на себя права гадать о чувствахъ *Mademoiselle* къ вамъ. Но когда я встрѣтилъ ее недавно въ домѣ Дюлесси, съ дочерью котораго она очень дружна, мнѣ случилось говорить съ нею о васъ; и если я могу судить по взглядамъ и мимикѣ это не было ей непріятно. Вы отворачиваетесь—а оскорбилъ васъ?

— Оскорбили—нѣтъ; но я не былъ приготовленъ къ разговору объ этомъ предметѣ. Я пріѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ очень сложнымъ, которымъ долженъ посвятить все свое вниманіе. Я не смѣю больше злоупотреблять вашимъ временемъ. Итакъ, послѣзавтра я буду у васъ въ часъ полудни.

— Да, я надѣюсь къ тому времени получить письма въ которыхъ вы хотите навести справки; а до тѣхъ поръ мы увидимся завтра въ отелѣ Дюлесси.

Г Л А В А VI.

Только-что Грагамъ вышелъ отъ Алена и молодой маркизь собрался отправиться въ свой клубъ какъ доложили о Дюлесси.

Съ того времени какъ Дюлесси любилъ въ Бретани и избавилъ Алена изъ когтей Лувье они естественно видались часто. Не проходило почти дня безъ того чтобъ Аленъ не былъ приглашенъ войти въ планы финансиста касавшіеся улучшения Ротбрианскихъ помѣстій, причемъ ему деликатно давалось почувствовать что онъ сталъ партнеромъ въ спекуляціяхъ, которыя благодаря капиталу и ловкости Дюлесси могли имѣть своимъ послѣдствіемъ полное освобожденіе его имѣнія отъ всякихъ обязательствъ и возстановленіе великолѣбія его наслѣдства соотвѣтственно достоинству его имени.

Ссылаясь на то что утра его занята профессиональными дѣлами Дюлесси устроилъ такъ чтобъ эти совѣщанія происходили по вечерамъ. Валерія не была удаляема отъ этихъ совѣщаній; Дюлесси привлекалъ ея къ участию въ совѣтѣ. „Валерія, оказалъ онъ Алену, несмотря на свою молодость имѣетъ ясный дѣловой умъ и такъ интересуется всѣмъ чтò интересуется меня что даже въ тѣхъ случаяхъ когда я не соглашалась съ ея мнѣніемъ, я по крайней мѣрѣ чувствую что ея симпатія дѣлаютъ ясное мое собственное мнѣніе.“

Такимъ образомъ дѣвушка приходила обыкновенно съ работою или съ книгой въ *cabinet de travail*, и никогда не высказывала своихъ мнѣній не будучи спрошена; когда же къ ней обращались, говорила со скромностью и благоразуміемъ которыя оправдывали довѣріе и похвалы отца. *A propos* объ ея книгахъ, она особенно полюбила Шатобриана. Аленъ почтительно поднесъ ей прекрасно перелестенныя изданія *Atala* и *Le Génie du Christianisme*; удивительно какъ онъ сумѣлъ руководить ея литературнымъ вкусомъ. Прелесть этихъ мирныхъ семейныхъ вечеровъ лѣвила сердце молодого Бретонца.

Онъ не желалъ болѣе веселыхъ собраній въ которыхъ прежде искалъ и не находилъ удовольствія; среди увеселеній Парижа Аленъ оставался истымъ Бретонцемъ, созданнымъ преимущественно для простыхъ радостей семейной

жизни, соединяя священный домашній очагъ съ древнею религіей предковъ, сосредоточивъ вокругъ него всѣ образы чистой и благородной любви которые романтичность поэтического темперамента вызывала изъ удивленія окружаващаго его меланхолическое дѣтство и незалатанную юность.

Дюлеси вошелъ быстро; выраженіе лица его не имѣло обычной угрюмости.

— Маркизь, что значитъ то что я сейчасъ слышалъ отъ герцогини де-Тарасковъ? Возможно ли это? Вы хотите вступить въ военную службу по случаю этой ничего хорошаго не обещающей войны? Вы?

— Мой дорогой и лучший другъ, сказалъ Аленъ, очень удивленный,—я думалъ что вы больше чѣмъ кто бы то ни было одобрите мое желаніе, вы, такой преданный имперіализмъ, недовольны что представитель одной изъ тѣхъ фамилій въ которыхъ такъ усердно и такъ тщетно заискивалъ Наполеонъ Первый, ищетъ чина подпоручика въ арміи Наполеона Третьяго, вы, кому лучше всѣхъ извѣстно въ какомъ разстроенномъ положеніи находится состояніе Ромбріана, удивляетесь что онъ беретъ за лучшее насѣдїе доставшееся ему отъ предковъ, за свою шпалу! Я не понимаю васъ.

— Маркизь, сказалъ Дюлеси садясь и смотря на Алена взглядомъ въ которомъ восхищеніе было смѣшано съ презрѣніемъ съ какимъ практической свѣтскій человекъ, самъ испытывавъ когда-то легкомысленныя увлеченія, научился относиться къ увлеченіямъ, но сохранялъ по воспоминанію симпатію къ безумцамъ которыми они овладѣваютъ,—маркизь, простите меня; вы говорите прекрасно, но неблагоразумно. Я былъ бы чрезвычайно радъ еслибъ ваши легитимистскіе предрассудки позволили вамъ истребить или скорѣе принять мѣсто въ гражданской службѣ, приличное вашему положенію, при государѣ самомъ искусномъ въ дѣлахъ гражданского управленія, которому Франція обязана разумною свободой соединенною съ прочувваннымъ порядкомъ. Вы отказались отъ вступленія на такую приличную для васъ карьеру; но кто бы могъ ожидать что вы, не будучи вовсе подготовлены къ военной службѣ, обнажите мечъ до сей поры посвященный Бурбонамъ, въ войнѣ къ которой безуміе, не скажу Франціи, но Парижу, вынудило государя противъ котораго вы будете готовы сражаться завтра же, еслибъ вамъ удалось возвести потомка Генрика IV на престолъ.

— Я вамъ реалъ сражаться не противъ какого бы то ни было государя, но въ защиту моей страны противъ чужеземцевъ.

— Превосходный отвѣтъ еслибы чужеземцы вторглись въ вашу страну; но повидимому ваша страна готова вторгнуться къ нимъ, а это совсѣмъ другое дѣло. *Chut!* Весь этотъ разговоръ оченъ тяжелъ для меня. Я питаю къ императору личную преданность, но къ случайности которую онъ готовъ встрѣтить такой же пророческій ужасъ какой одинъ изъ вашихъ предковъ могъ бы чувствовать за Франциска I, еслибы онъ могъ предвидѣть Наполеона. Будемте говорить о самихъ себѣ и о вліяніи какое война можетъ имѣть на наши личные дѣйствія. Вы конечно знаете что хотя Лувръ извѣщенъ о нашемъ желаніи выплатить ему деньги по закладной, но желаніе это не можетъ быть приведено въ исполненіе ранѣе шести мѣсяцевъ; если къ тому времени деньги не будутъ налицо, права его на Рошбріанъ останутся въ своей силѣ; сумма оченъ значительна.

— Увы! да.

— Война сильно поколеблетъ денежный рынокъ, повліяетъ на многія спекулятивные предпріятія и операціи именно въ то время когда кредитъ будетъ наиболѣе необходимъ. Мнѣ безусловно необходимо ежедневно быть на биржѣ, и ежечасно наблюдать приливъ и отливъ событій. При такихъ обстоятельствахъ я разчитывалъ, позвольте мнѣ продолжать разчитывать, на ваше присутствіе въ Бретани. Мы уже начали переговоры въ широкихъ размѣрахъ касательно улучшенія лѣсовъ и фруктовыхъ садовъ, и построекъ которыя должны производиться въ исполненіе какъ только земля будетъ въ нашемъ распоряженіи. Для всего этого необходимъ хозяйскій глазъ. Потому я прошу васъ поселиться въ Рошбріанъ.

— Любезнѣйшій другъ мой, это не больше какъ деликатный способъ избавить меня отъ опасностей войны. Я не имѣю, какъ вы безъ сомнѣнія знаете, практическихъ познаній въ дѣлахъ. Геберу можно вполнѣ довѣряться, и онъ будетъ исполнять ваши лааны съ такимъ же усердіемъ какъ я, но съ безконечно большимъ умѣньемъ.

— Маркизь, не уловите ни на Геркулеса, ни на Гебера; что хочешь сдѣлать хорошо дѣлай самъ.

Густой румянецъ выступилъ на щекахъ Алена; онъ не привыкъ чтобы къ нему обращались такъ безцеремонно, но онъ отвѣчалъ съ кротостью и достоинствомъ:

— Я всегда буду признателенъ вамъ за то что вы для меня сдѣлали и желаете сдѣлать. Но полагая что предположенія ваши оправдаются, Ромбріанскія помѣстья сдѣлаются въ вашихъ рукахъ доходною статью, болѣе нежели покроютъ закладную и сумму что вы уплатили Лувье за мой счетъ; пусть они перейдутъ къ вамъ. Я буду утѣшаться зная что старое мѣсто будетъ восстановлено, и тѣ кто читалъ его прежнихъ владѣльцевъ благоденствуютъ благодаря такимъ сильнымъ рукамъ руководимымъ такимъ великодушнымъ сердцемъ.

Дюлеси былъ глубоко тронутъ этими простыми словами, она коснулась чувствительнѣйшей стороны его характера, потому что сердце его было великодушно, и никто кромѣ его покойной жены и его любимаго дѣтища до сихъ поръ не замѣчалъ этого. Не случилось ли вамъ, читатель, слышать похвалу тому доброму или великому что есть въ васъ, что вы таймъ наиболѣе цѣните въ себѣ, но чего никто, не посвященный въ тайники вашего сердца, въ васъ не признавалъ? Если это случилось съ вами, вы можете судить что почувствовалъ Дюлеси когда лучший представитель рыцарства которое, если не отличается особеннымъ умомъ, то обязано всѣмъ что возвышаетъ его богатству сердца, говорилъ такимъ образомъ обращаясь къ спекулянту чей умъ былъ всѣми признанъ настолько что комплиментъ обращенный къ нему былъ бы пустою навязчивостью, но чьи сердечныя качества никогда еще не получали комплимента!

Дюлеси поднялся съ своего мѣста и обнявъ Алена прошепталъ:

— Послушайте, я люблю васъ; у меня никогда не было сына; будьте вы моимъ сыномъ — Ромбріанъ будетъ приданымъ моей дочери.

Аленъ въ свою очередь обнявъ его и сказалъ:

— Батюшка, вашимъ первымъ желаніемъ должна быть честь вашего сына. Вы отгадали мою тайну—я научился любить Валерію. Когда я видѣлъ ее въ свѣтъ, она казалась мнѣ похожею на другихъ, прекрасною, но обыкновенною дѣвушкой; когда же я увидалъ ее дома я сказалъ себѣ: эта дѣвушка прекраснѣе въ моихъ глазахъ чѣмъ всѣ другія дѣвушки и она выдѣляется изъ среды другихъ обыкновенныхъ дѣвушекъ.

— И это правда? правда?

— Правда! Развѣ *gentilhomme* когда-нибудь говоритъ неправду? И изъ этой любви къ ней возникло непремѣнное желаніе сдѣлать что-нибудь достойное ея, что-нибудь такое что можетъ поднять меня выше уровня людей которые всѣмъ обязаны своимъ предкамъ и ничѣмъ самимъ себѣ. Можете ли вы предположить на минуту что я, спасенный отъ разоренія и нищеты отцомъ Валеріи, могу увизиться до того чтобы сказать ей: въ воздаяніе за это будьте *Madame la Marquise* де-Рошбріанъ? Полагаете ли вы что я, кого вы готовы любить и уважать какъ сына, могъ бы прійти къ вамъ и сказать: я обремененъ вашими милостями, отягощенъ долгами; дайте мнѣ ваши милліоны и мы будемъ квиты. Нѣтъ, Дюлесси! Вы сами человекъ хорошаго рода и обладаете такими высокими качествами что они возвысили бы васъ еслибы вы родились сыномъ сапожника, вы стали бы вѣчно презирать дворянина который въ тѣ дни, когда все что мы Бретонцы считаемъ священнымъ въ *noblesse* подвергается посмѣянію и поруганію, позабылъ бы тотъ девизъ который одинъ неизмѣнно повторяется въ гербахъ всѣхъ *gentilhommes*, девизъ: *Noblesse oblige*. Война, со всѣми ея опасностями и величіемъ, война, которая обезпечиваетъ предѣлы Франціи, война, въ которой каждый изъ моихъ предковъ которыхъ я не могу забыть выставлялъ имя наследованное мною! Не мѣшайте же мнѣ сдѣлать то что дѣлали мои предки; я хочу доказать что самъ стою чего-нибудь, тогда мы съ вами будемъ равные и я буду въ состояніи сказать безъ униженія: Я принимаю ваши благодаренія; человекъ который благородно бился за Францію можетъ искать руки одной изъ ея дочерей. Отдайте мнѣ Валерію; пусть Рошбріанъ будетъ ея приданымъ — онъ перейдетъ къ ея дѣтамъ.

— Аленъ! Аленъ! другъ мой! сынъ мой! но если вы погибнете.

— Валеріа дастъ вамъ болѣе благороднаго сына.

Дюлесси ушелъ тяжело вздыхая; но не сказалъ ничего больше противъ воинственныхъ рѣшеній Алена.

Французъ, какъ бы ни былъ онъ практиченъ или суетенъ, какимъ бы ни былъ онъ философъ, если онъ не сочувствуетъ увлеченіямъ чести, если не относитсянисходительно къ горячести юности когда она говоритъ: „страна моя оскорблена, предѣлы ея не обезпечены“, такой Французъ конечно можетъ быть очень умнымъ человекомъ; но еслибы такихъ

людей было большинство, Галлія никогда не стала бы Франціей, а была бы провинціей Германіи.

Когда Дюллеси шелъ домой, онъ, самый спокойный и дальновидный изъ всѣхъ авторитетовъ биржи, человѣкъ который одинъ кромѣ де-Молеона самымъ рѣшительнымъ образомъ считалъ поводъ къ этой войнѣ ошибкою и предвидѣлъ ея печальный исходъ, этотъ человѣкъ заразился господствовавшимъ энтузіазмомъ. Повсюду его останавливали дружескія пожатія, повсюду привѣтствовали улыбки поздравленія. „Вы были правы, Дюллеси, когда смѣялись надъ тѣми кто говорили что императоръ боленъ, старъ, уступчивъ“.

— *Vive l'Empereur!* наконецъ-то мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ этими нахалами Прусаками!

Прежде чѣмъ онъ дошелъ домой идя вдоль бульваровъ, привѣтствуемый всѣми наслаждавшимися вечернею прохладой предъ кафе, Дюллеси заразился эпидеміей войны.

Войдя въ свой отель онъ прямо прошелъ въ комнату Валеріи:

— Спи спокойно сегодня, дитя мое; Алень сказалъ мнѣ что обожаетъ тебя, и если онъ пойдетъ на войну, то для того чтобы положить свои лавры къ твоимъ ногамъ. Богъ да благословить тебя, дитя мое, ты не могла сдѣлать лучшаго выбора.

Спала ли Валерія спокойно послѣ этихъ словъ, судить не мнѣ; но если она спала, то я могу отгадать что ей снились розовые сны.

Г Л А В А VII.

Все утро слѣдующаго дня Грагамъ Венъ не выходилъ изъ дому. 8го іюля въ Парижѣ была прекрасная погода, и въ этотъ солнечный день сердца всѣхъ Парижанъ бились въ унисонъ. Недовольные были увлечены энтузіазмомъ; Бельвиль и Монмартръ забыли призраки коммунизма и социализма и всѣхъ другихъ *измовъ*, которымъ суждено осуществиться развѣ на невѣдомой Атлантидѣ!

Императоръ былъ идоломъ дня; имена Жюль Фавра и Гамбетты приносились съ презрѣніемъ. Даже Армана Монье, который все еще оставался безъ работы, начиналъ чувствовать нужду и жаждалъ революціи которая могла бы повернуть вверхъ дномъ всѣ условія работы, даже Армана Монье можно

было встрѣтить въ толпѣ украшавшей импортеями подножіе колонны на Вандомской площади; онъ говорилъ другому недозвольному обращая глаза къ статуѣ Наполеона:

— Не чувствуете ли вы въ эту минуту что ни одинъ Французъ не можетъ питать гнѣва противъ маленькаго капрала? Онъ отвергалъ свободу, но онъ далъ намъ славу.

Старался не заглядывать во внѣшній міръ, Грагамъ углубился въ разрѣшеніе сомнѣній и недоумѣній которыя такъ долго боролись противъ его сердца, олустошали его, но не могли совершенно покорить.

Разговоръ съ мистрисъ Морли и Ротбрианомъ освѣтилъ образъ Исавры новымъ свѣтомъ въ которомъ онъ еще до сихъ поръ не видалъ его.

До сихъ поръ онъ разсуждалъ съ точки зрѣнія своей любви къ ней и старался убѣдить себя что его долгомъ было бороться противъ этой любви.

Но теперь для его совѣсти и сердца явился новый вопросъ. Хотя онъ никогда не высказывалъ ей своихъ чувствъ, никогда даже не намекалъ ей о надеждѣ на союзъ, которую делалъ одно время, тѣмъ не менѣе не была ли любовь его такъ ясна что могла быть отгадана и даже раздѣлена ею?

Онъ угадывалъ, какъ мы знаемъ, что она не была совершенно равнодушна къ нему: въ Англіи, годъ тому назадъ, онъ свискалъ ея уваженіе и можетъ-статься заинтересовалъ ея мечты.

Мы знаемъ также какъ онъ старался убѣдить себя что артистическій темпераментъ, особенно если онъ проявляется въ женщинѣ, слишкомъ властиченъ чтобы допустить предметамъ дѣйствительной жизни имѣть продолжительное вліяніе на свое счастье или горе, что Исавра скоро найдетъ утѣшеніе отъ минутнаго страданія причиненнаго обманувшимся чувствомъ въ занятіяхъ которымъ отданы ея мысли и воображеніе, въ напряженіи ихъ и въ той славѣ къ которой они ведутъ. И что человекъ по своей природѣ и привычкамъ настолько чуждый артистическаго міра меньше всѣхъ способенъ былъ произвести глубокое и продолжительное впечатлѣніе на ея дѣйствительную жизнь или идеальныя грезы. Но что если — какъ онъ могъ догадываться изъ словъ прекрасной Американки — что если онъ совершенно ошибался во всѣхъ этихъ предположеніяхъ? Что если заботясь объ излѣченіи своего сердца онъ разбивалъ ея сердце, если своимъ отступленіемъ, къ

которому она не была приготовлена, онъ омрачалъ ее будущность? Что если это блестящее гениальное дитя могло любить такъ же горячо, такъ же глубоко и продолжительно какъ простая деревенская дѣвушка для которой не существуетъ другой поэзіи кромѣ любви? Если это такъ, то что становится первѣйшею задачею его чести, его совѣсти, его долга?

Сила которую нѣсколько дней тому назадъ его разсужденіи придали аргументамъ запрещающимъ ему думать объ Исаврѣ сгавоилась все слабѣе и слабѣе, когда онъ пересматривалъ и взвѣшивалъ ихъ теперь при новомъ освѣщеніи.

Всѣ эти предразсудки — которые казались ему такими разумными истинами когда были переводимы изъ его ума въ слова письма леди Джанеты — не была ли мистрисъ Морли права называя ихъ причудами непростительнаго эгоизма? Не служило ли скорѣе къ возвышенію чѣмъ къ униженію Исавры, даже съ узкой мужской точки зрѣнія на женское достоинство, что эта одинокая дѣвушка могла съ незалытааннымъ характеромъ пройти черезъ испытаніе толковъ и взглядовъ публики, снискавъ уваженіе и такой чистой женщины какъ мистрисъ Морли и человѣка съ такимъ рыцарскимъ чувствомъ чести какъ Аленъ де-Ромбрианъ?

Когда Грагамъ размышлялъ такимъ образомъ, лицо его прояснилось, свѣтлая радость овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка который сокрушилъ ограды и путы которыя, держа его въ плѣну, раздражали и дѣлали несчастнымъ, и разбить которыя мѣшали ему какія-то волшебныя чары лолучавшія свою силу изъ его собственныя предразсудковъ.

Онъ былъ свободенъ! и эта свобода восхищала его. Да, рѣшеніе его было принято.

День былъ уже на исходѣ. У него оставалось ровно столько времени чтобы предъ обѣдомъ у Дюлеса заѣхать въ А — —, гдѣ, какъ онъ полагаеъ, все еще жила Исавра. Пока! фіакръ катился по хорошо памятной дорогѣ, какою полвою жизнью жилъ онъ въ томъ романтическомъ мірѣ который считалъ для себя недоступнымъ.

Прибывъ на маленькую виллу онъ нашелъ ее занатою двумя рабочими — въ ней шли передѣлки. Никто не могъ сказать ему куда перешли дамы занимавшія ее въ прошломъ году.

„Я узнаю это отъ мистрисъ Морли“, думалъ Грагамъ и на возвратномъ пути заѣхалъ къ ней, но мистрисъ Морли не

если таковой имѣется, — обычай возникшій вѣроятно изъ желанія сохранить собственность въ семействахъ.

Выспрашиваніемъ всѣхъ этихъ подробностей я вызвалъ моего молодого Киргиза на разказъ, изъ котораго ясно что природа человѣческая вездѣ одинакова, и что любовь также самовластно царитъ въ Кизиль-Кумѣ какъ въ мірѣ цивилизованомъ.

Молодой Киргизъ Полатъ былъ сговоренъ съ самою красивою дѣвушкой Туглукскаго аула. Калымъ, или свадебный подарокъ, уже былъ врученъ отцу дѣвушки, Ишъ Джану, и срокъ брака былъ назначенъ. Но за нѣсколько дней до свадьбы Полатъ померъ, и Муна Аимъ стала олять свободна. Тогда является Сулукъ, братъ покойнаго, и требуетъ Муна Аимъ себѣ въ жены. Онъ желалъ этимъ способомъ также получить обратно братнину собственность, которая была дана дѣвушкѣ въ приданое, и ея отецъ рѣшилъ что ей надо за него выйти. Но сама она, считая себя теперь обезпеченною вдовой и полною хозяйкой своихъ дѣйствій, наотрѣвъ отказалась выходить замужъ. Отецъ сталъ ее тогда гнать отъ себя. Она же взяла своего верблюда, овецъ и козъ, свои платья и ковры, и ушла изъ отцовской кибитки. Она купила себѣ маленькую кибитку и поселилась въ ней одна, доила своихъ овецъ и козъ, выгоняла ихъ пастись и сама имъ вытаскивала поило изъ колодцевъ. Когда аулъ тронулся съ мѣста, она пошла со всѣми и становила свою кибитку неподалеку отъ другихъ. Тогда всѣ старухи на нее озлились: „Что это дѣлается съ Муна Аимъ?“ говорили онѣ. „Она не хочетъ идти къ своему мужу, и живетъ одна, какъ бродяга. Пойдемте, уговоримъ ее“. И онѣ отправились къ ней, исцаралали ей лицо, драли ее за волосы; но Муна Аимъ только плакала, ломала себѣ руки, а къ мужу не шла. Съ тѣхъ поръ стали старухи сходить къ ея палаткѣ каждый день, ругали ее и мучали до такой степени что она чуть всѣ глаза себѣ не выплакала. Но все тщетно: ничто не могло ее сломить. Тогда Сулукъ взялся самъ покончить съ этимъ дѣломъ по-своему. Онъ ночью ворвался съ тремя товарищами въ кибитку Муны Аимъ съ тѣмъ чтобъ увлечь ее къ себѣ и силой взять ее въ жены. Но она защищалась какъ дикая кошка, и мушкетеры всѣ вмѣстѣ не могли съ нею сладить. Притянутая къ выходу, она схватилась за дверной косякъ и держалась такъ крѣпко что они были принуждены лорубить ей пальцы чтобы

сдвинуть ее съ мѣста. Когда они выволокли ее наконецъ изъ кибитки, на ней не осталось ни клочка одежды и все тѣло было окровавлено, но она все еще боролась. Тогда Сулукъ вскочилъ на лошадь, схватилъ ее за волосы и волочилъ за собою пока не повыдергалъ волосы съ корнями, тогда онъ ускакалъ, а ее оставилъ на землѣ, нагую и полумертвую.

— Да отчего же не хотѣла она за него выйти? спросилъ я.

— Потому что любила Азима.

— А гдѣ онъ былъ?

— Онъ принадлежалъ къ другому аулу, который зимовалъ рядомъ съ ея ауломъ, а лѣтомъ перекочевывалъ въ другую сторону. Она, видите ли, никогда не любила своего нареченнаго жениха, а выходила за него единственно по приказанію отца.

— Какъ же все это кончилось?

— А слышалъ объ этомъ Ярымъ Падшахъ, прислалъ казаковъ, которые и захватили Сулука.

— Чтò же съ нимъ сдѣлали?

— Не знаю. Говорятъ, угнали такъ далеко что ему никогда назадъ не вернуться.

— А дѣвушка ломерла?

— Нѣтъ, выздоровѣла; а какъ вернулась на зимнюю стоянку, то свидѣлась со старымъ своимъ возлюбленнымъ и вышла за него замужъ.

— А старухи уже не вмѣшивались?

— Нѣтъ, боялись Ярымъ Падшаха.

Ярымъ Падшахъ есть названіе подъ которымъ генералъ Кауфманъ извѣстенъ во всей Центральной Азіи. Это значить полу-императоръ.

Я потомъ спрашивалъ у генерала Кауфмана много ли правды въ этомъ разказѣ. Онъ подтвердилъ всѣ слышанныя мною подробности, прибавивъ что Сулукъ, братъ перваго нареченнаго жениха, былъ сосланъ въ Сибирь.

Около десяти часовъ дѣвушки оставили насъ однихъ и отошли спать къ другой сторонѣ кибитки, задернувъ ее красною занавѣсью, которую я прежде не замѣтилъ. Взглянувъ на лошадей, я вернулся въ кибитку, также разлегся на полу и слѣдя за слабымъ мерцаніемъ догоравшаго костра скоро заснулъ.

VIII. Печальная ночь.

Я не могу здѣсь не замѣтить что все время моего пребыванія съ Киргизами оставило по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Они всѣ, безъ исключенія, были добры ꙗко мнѣ, гостепріимны и честны. Я провелъ среди ихъ цѣлый мѣсяцъ, путешествовалъ съ ними, ѣлъ съ ними и спалъ въ ихъ кибиткахъ; со мной все это время были деньги, лошади, оружіе и вещи, которыя могли прельщать ихъ какъ богатая добыча. А между тѣмъ, я отъ нихъ ничего кромѣ хорошаго не видалъ; не только не пропало у меня во все время ни малѣйшей бездѣлицы, но не разъ случалось что за мной скакалъ Киргизъ [лять-шесть верстъ въ догоню чтобы возвратить что-нибудь мною забытое. Къ чему же всѣ эти толки о необходимости цивилизовать подобный народъ? Къ чему ведутъ всѣ разсужденія Вамбери о сравнительныхъ преимуществахъ англійской и русской цивилизаціи для нихъ? Киргизы замѣчательно честны, добродѣтельны и гостепріимны, качества которыя немедленно сглаживаются цивилизаціей во всѣхъ первобытныхъ народахъ. На мой взглядъ даже жаль прививать къ такому счастливому народу нашу цивилизацію со всеми сопровождающими ее пороками.

На слѣдующее утро не безъ сожалѣнія распрощался я съ хозяиномъ и его хорошенькими сестрами. Каждому при отъѣздѣ далъ я по подарку: брату карманный ножъ, а сестрамъ по парѣ серегъ и другихъ недорогихъ украшеній.

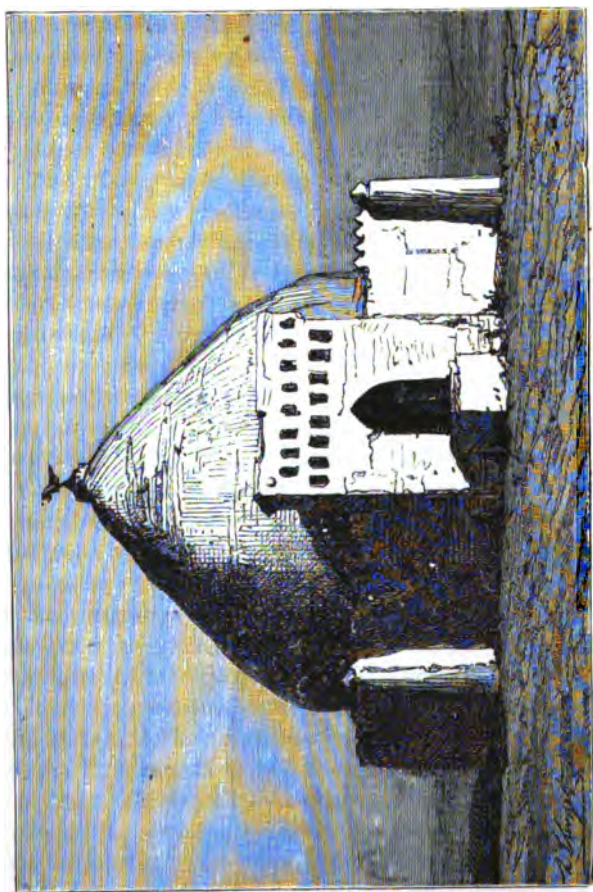
Въ этотъ день случилось намъ проѣзжать мимо многихъ киргизскихъ могилъ. Онѣ всѣ, очень велики, состоятъ изъ центрального кулола футовъ въ 30—40 вышиною и окружены высокою стѣной футовъ до лятидесяти въ квадратѣ; каждая изъ такихъ могилъ могла бы служить крѣпостью для маленькаго отряда.

Проѣхавъ небольшую чащу саксаула, отъ восьми до десяти футовъ вышины, мы прибыли въ бѣдный ауль, состоящій всего изъ трехъ кибитокъ, представлявшихъ самый печальный видъ: войлокъ на нихъ былъ весь въ лохмотьяхъ, а внутри не было ни нарядныхъ одѣялъ, ни яркихъ ковровъ. Здѣсь мнѣ впервые пришлось отвѣдать киргизскаго *ирана*. Онъ дѣлается изъ смѣшаннаго вмѣстѣ молока верблюдовъ,

овецъ и козъ; смѣсь эту, еще парную, ставятъ на легкой огонь пока она не свернется и не получитъ остраго, ѣдкаго вкуса. Налитокъ этотъ кажется очень вкусенъ когда къ нему привыкнемъ, а въ жаркіе лѣтніе дни онъ просто неощутимъ, такъ какъ имѣетъ свойство казаться всегда холоднымъ. Имъ-то преимущественно и питаются Киргизы лѣтомъ. Но у нихъ есть еще другой налитокъ приготовляемый изъ перебродившаго кобыляго молока, называется кумысомъ; онъ шипитъ, лѣбнится, очень освѣжаетъ въ жары и на вкусъ нѣсколько напоминаетъ шампанское.

Съ наступленіемъ вечера вѣтеръ усилился и перешелъ въ совершенный ураганъ. Воздухъ наполнился пылью, заставшей заходящее солнце, отчего и смеркалось часомъ ранѣе обыкновеннаго. Мы стали поглядывать, не поладитъ ли гдѣ аулъ, но ничего не могли различить поблизости. Наконецъ послали Киргиза объѣхать окрестность, такъ какъ Мустровъ продолжалъ утверждать что вблизи долженъ быть гдѣ-нибудь находиться аулъ. Вѣтеръ, усиливавшійся съ каждымъ мгновеніемъ, положительно насъ оглушалъ, пыль поднималась высокими клубами, которые кружились по лустынѣ при слабомъ свѣтѣ луны какъ степныя привидѣнія, по временамъ нельзя было ничего разсмотрѣть въ десяти шагахъ предъ собою.

Наконецъ услышали мы что Киргизъ зоветъ насъ. Не безъ затрудненія распознали мы направленіе откуда доносился его голосъ, казавшійся, по вѣтру, какимъ-то неземнымъ звукомъ, и направились къ нему, вполнѣ увѣренные что поладимъ наконецъ въ аулъ, который такъ давно искали. Но ожиданьямъ этимъ не суждено было оправдаться. Не было слышно ни криковъ, ни мычанья скота, ни веселыхъ дѣтскихъ голосовъ, ни одного изъ пріятныхъ для путешественника звуковъ раздающихся вокругъ аула. Все тѣ же порывы вѣтра, крутящіяся облака пыли, черезъ которыя едва пробивались блѣдныя лучи мѣсяца, наполняя всю лустыню какими-то неясными, движущимися тѣнями. Киргиза своего мы нашли у большой лужи мутной воды, футовъ десяти въ діаметрѣ, окруженной нѣсколькими кустарниками саксаула. Чтѣ было дѣлать? Подвигаться впередъ при такомъ вѣтрѣ было невозможно; также немислима была надежда наладить на аулъ въ этой темнотѣ. Ничего больше не оставалось⁹

КИРГИЗСКАЯ ГРОБНИЦА.

какъ расположиться на ночь въ открытой пустынѣ и улечься на песокъ, безъ всякой защиты отъ холода, вѣтра и лыаи.

Мы сошли съ лошадей, которыхъ Мустровъ съ Киргизомъ разсѣдлали и стали лопать, тогда какъ Акъ-Маматовъ отправился собирать топливо. Черезъ нѣсколько минутъ залыпалъ большой костеръ, бросая красноватый отблескъ на пустыню; мы связали вмѣстѣ вершины нѣсколькихъ невысокихъ кустарниковъ, укрыли ихъ лопонами и челпраками, устроивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ палатокъ, представлявшихъ, впрочемъ, весьма ненадежное убѣжище отъ вѣтра.

Къ счастью, у насъ былъ съ собою запасъ воды; мы приготовили чай, лоуживали холодною бараниной, увернулись въ свои тулупы и расположились спать подъ импровизованными палатками. Подложивъ подъ головы сѣдла, а ноги протянувъ къ костру, мы скоро заснули глубокимъ сномъ несмотря на завываніе вѣтра.

Послѣ тяжелаго дневнаго переезда по пустынѣ, заснуть было не мудрено, но горько было просыпаться. Въ это время года ночи такъ же холодны, какъ жарки бываютъ дни, а предъ разсвѣтомъ даже морозить. Просыпаясь, вы не можете пошевелиться, всѣ члены окоченѣли; малѣйшее движеніе причиняетъ боль, а песчаное ложе кажется чуть не каменнымъ. Вы не можете страхнуть съ себя какого-то совливаго оцѣлѣнія, а утомительный переездъ, который вамъ олять предстоитъ, кажется какою-то пыткой.

Весь день продолжали мы ѣхать песчаными холмами, на которыхъ не подалось почти никакой растительности, ни малѣйшаго сѣда людей или животныхъ. Послѣ полудня я убилъ сайгаку и потомъ встрѣтилъ мы недавно выкопанный колодезь, возлѣ сухаго дерева въ совершенно пустынной мѣстности. Ничего не было видно вокругъ кромѣ желтыхъ песчаныхъ холмовъ и равнины локрытой гравіемъ которую солнце обливало горячими лучами. Воронъ, свившій себѣ гнѣздо на самой вершинѣ оголеннаго дерева, былъ единственнымъ представителемъ живыхъ существъ въ этихъ мѣстахъ, да и онъ встрѣтилъ насъ какимъ-то непріязненнымъ, хрилымъ карканьемъ, и даже нѣсколько разъ пытался на насъ налѣтать. Песокъ кругомъ дерева былъ усыпанъ цитами маленькихъ черепахъ, бывшихъ жертвою алчности молодыхъ воронятъ.

Разъ случилось намъ въ этотъ день сбиться съ пути. Посмотрѣвъ на компасъ, я увидаль что мы идемъ къ Казалѣ, то-есть по направленію совершенно противоположному нашей цѣли, и залодозрилъ Мустрова въ обманѣ. Онъ же утверждалъ что нарочно свернулъ въ сторону, чтобы напастъ на караванную дорогу отъ Казалы на Иркибай.

Нѣсколько часовъ послѣдовавшихъ за этимъ открытіемъ были для меня самыми тяжелыми со времени вступленія моего въ пустыню. Мы блуждали, сами не зная гдѣ искать дороги, и по видимому имѣли весьма мало шансовъ напастъ на нее; къ довершенію нашего несчастія, намъ пришлось страдать отъ жажды. Благодаря безлечности Мустрова воды съ собою не захватили; съ прошлаго вечера я ничего еще не пилъ кромѣ чашки мутнаго чая, а длинный дневной переходъ при сильнѣйшей жарѣ довелъ меня почти до изнеможенія. Въ этомъ ничего не было и удивительнаго, такъ какъ я только-что выѣхалъ изъ снѣговыхъ стелей Сибири: въ пустынѣ я, правда, былъ всего четыре дня, но въ каждый изъ этихъ дней приходилось проѣзжать верхомъ около 70 верстъ. Горло мнѣ жгло какъ огнемъ, голова горѣла, воспаленные глаза блуждали по сторонамъ. Я серьезно сталъ бояться чтобъ у меня не сдѣлалось восплаеніе въ мозгу. На цѣлыя мили кругомъ пустыня была покрыта сухимъ пескомъ. Если не найдемъ дороги, то неизвѣстно когда придется напастъ на колодезь, а перспектива пробыть еще сутки и даже хоть одну ночь безъ воды сводила меня съ ума.

Цѣлые часы прошли въ этихъ невообразимыхъ мученіяхъ. Наконецъ, при самомъ солнечномъ заходѣ мы выѣхали на дорогу отъ Казалы на Иркибай, по которой проходилъ Великій Князь. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли наконецъ мелкое, тихистое озеро, болѣе похожее на мутную лужу. Вода оказалась почти густой отъ примѣси грязи; когда же я все-таки проглотилъ ее сколько могъ, то мнѣ весь ротъ, горло и желудокъ залепило иломъ, вкусъ котораго я чувствовалъ даже въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней. Наскоро перекусивъ, мы всѣ бросились на песокъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи.

Когда я проснулся въ три часа утра, звѣзды еще мерцали на темномъ небѣ. Люди мои сдѣлали лошадей, чтобы пораньше выступить, и мы пустились въ путь когда еще не занялась утренняя заря; подвигаясь по слѣдамъ арміи, мы

надѣялись добраться въ Иркибай до наступленія полуденной жары.

Въ девять часовъ мы подъѣхали къ мѣсту гдѣ почва спускалась пологою террасой, образуя долину, открывшуюся предъ нами на нѣсколько миль. Она была почти сплошь покрыта саксаулами съ распускающимися листьями. Хотя деревья эти были не выше четырехъ-пяти футовъ, но съ возвышенія на которомъ мы стояли они казались чуть ли не дубовымъ лѣсомъ. Посреди видѣлось укрѣпленіе, которое я принялъ сперва за Иркибай. Когда же послѣ часовой ѣзды мы приблизились къ нему, то увидали то это были однѣ развалины. Чтобы подъѣхать къ самому укрѣпленію надо было переѣхать по высохшему руслу широкаго канала и подняться на пригорокъ. Тутъ предъ нами предстали остатки вѣншей стѣны; переѣхавъ за нихъ, мы очутились посреди развалинъ древняго города.

IX. Древній городъ.

Развалины почти сплошь были покрыты кустарникомъ; кругомъ видѣлись остатки разрушенныхъ стѣнъ, а на вершинѣ холма были двѣ большія башни. Построенныя изъ необожженаго кирпича, онѣ быстро разрушались подъ вліяніемъ атмосферы, и ихъ можно было принять за земляные валы, еслибы не сохранилась довольно хорошо одна ихъ сторона. Можно было еще различить положеніе воротъ, которыя бы не трудно еще расчистить отъ заваливашаго ихъ мусора. Поднявшись на вершину одной изъ этихъ башень, около тридцати футовъ вышины, я увидалъ что она мѣстами провалилась внутрь и подъ ногами слышалась лустота, что доказывало что внизу было большое углубленіе.

Городъ былъ около мили въ діаметрѣ и окаймленъ съ трехъ сторонъ широкимъ, глубокимъ каналомъ, теперь высохшимъ, а съ четвертой, сѣверо-западной стороны, ограниченъ Яны-Дарьей, которою замыкался этотъ водяной кругъ. На разстояніи пятидесяти футовъ отъ наружнаго канала находились остатки стѣны, футовъ въ 15, а мѣстами и въ 20 вышиною, окружавшей когда-то весь городъ; тутъ же попадались и сторожевыя башни, немного ловыше стѣны и лучше ея сохранившіяся. Всѣ постройки были изъ того же необожженаго

кирлица. Часть наружной стѣны выходящая къ рѣкѣ такъ хорошо еще сохранилась что на нее нельзя было взобраться безъ лѣстницы. Судя по старому руслу, Яны-Дарья была здѣсь саженъ въ сорокъ шириною.

Мустровъ мнѣ говорилъ что городъ этотъ построенъ былъ Каракаллаками, вытѣсненными сюда съ береговъ Сыръ-Дарьи около 1760 года. Они не только построили городъ, но провели сюда и воду изъ Сыра на разстояніи 200 миль, углубивъ русло Яны-Дарьи и создавъ такимъ образомъ новую рѣку. Самое названіе Яны-Дарья, означающее „новая рѣка“, придаетъ нѣкоторую достовѣрность этому разказу.

Однакоже изъ другихъ источниковъ я узналъ что русло Яны-Дарьи гораздо древнѣе. По послѣднимъ изслѣдованіямъ оказывается что это была когда-то очень большая рѣка, чуть ли это даже не прежнее русло Сыръ-Дарьи. Чрезвычайно странно что относительно Сыръ-Дарьи, какъ и относительно Аму-Дарьи, найдены указанія на то что она прежде протекала другимъ русломъ, чуть ли не параллельно Аму-Дарьѣ, и также какъ и эта послѣдняя впадала въ Каспійское море. Чтò произвело это странное между ними сходство? Было ли это могущественное вулканическое сотрясеніе, поднявшее почву и внезапно измѣнившее теченіе обѣихъ большихъ рѣкъ, или же это произошло отъ болѣе простыхъ причинъ, оказавшихъ съ теченіемъ времени вліяніе и на всю окружающую страну.

Какая бы ни была тому причина, но ясно что берега Яны-Дарьи были еще незадолго до нашихъ дней заняты многочисленными поселеніями, килѣвшими жизнью, вмѣсто этихъ кочевниковъ, которые теперь одни попадаются на ея берегахъ. Этимъ объясняется происхожденіе высохшихъ оросительныхъ каналовъ, которые такъ возбуждали мое любопытство съ самаго форта Перовскаго. Чтò за причины произвели это внезапное опустошеніе когда-то цвѣтущаго оазиса, достовѣрно неизвѣстно; но высохшее русло Яны-Дарьи могло быть прямою тому причиною. Мустровъ увѣрялъ что все это пришло въ уладокъ только со времени прибытія сюда Русскихъ, которые отсюда отвели воду, чтобы сдѣлать Сыръ-Дарью судоходною. Я впрочемъ не вѣрю этому, такъ какъ развалины все-таки относятся къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ за 15 лѣтъ тому назадъ, когда Русскіе впервые заняли эту часть Сыръ-Дарьи; хотя справедливо и то что глиняныя стѣ-

ны, изъ которыхъ состоитъ бѣлая часть разваливъ, не будучи нѣкъмъ поддерживаемы, весьма скоро распадаются при разрушительномъ дѣйстви лѣтнихъ жаровъ и зимняго снѣга.

Въ прежнее время Яны-Дарья текла еще миль на 15 дальше, а тамъ обмелѣвъ, образовала нѣчто въ родѣ болота, въ которомъ и терялись ея воды. Теперь и рѣка и болото это высохли, но одно уже то что рѣка эта была устроена руками человѣческими, есть фактъ громадной важности, указывающій на то какъ легко могутъ Кизиль-Кумы быть орошены и воздѣланы. Въ Сыръ-Дарьѣ, конечно, найдется достаточно воды чтобъ орошать пустыню отъ этой рѣки до самаго Оксуса, а такъ какъ Кизиль-Кумы понижаются по направленію къ Оксусу отъ ста до двухсотъ футовъ, то эта ирригація и не представитъ большихъ затрудненій. Правда, что въ такомъ случаѣ не осталось бы достаточно воды въ Сыръ-Дарьѣ для навигаціи; но на что и нужна навигація въ странѣ заселенной одними кочующими номадами?

Я убѣжденъ что по мѣрѣ распространенія русскаго владычества въ Центральной Азіи, вся страна между Сыромъ и Амударьей приметъ самый цвѣтущій видъ. Генераль фонъ-Кауфманъ уже началъ у Самарканда обширныя ирригаціонныя работы, которыя хотя и были прерваны Хивинскою экспедиціей, но должны были опять продолжаться въ этомъ году. Онъ предполагаетъ собрать пятьдесятъ тысячъ Киргизовъ на линіи проектированнаго канала, снабдить ихъ всеми орудіями и провизіей и такимъ образомъ закончить работы въ одинъ сезонъ. Киргизы, съ своей стороны, вполнѣ оцѣниваютъ важность предпріятія, которое можетъ сдѣлать ихъ собственниками богатой, орошенной страны; они съ восторгомъ привѣтствуютъ работы. Разъ практичность этого плана будетъ доказана на дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія что многія части Центральной Азіи, представляющія теперь безплодную пустыню, сдѣлаются странами съ такою же богатою почвою и произведеніями какъ Хива и Бухара.

Слѣвъ опять на лошадей послѣ двухчасовой остановки, и слѣдуя все тою же рѣчною долиною, мы черезъ полчаса встрѣтили двухъ русскихъ солдатъ. Фортъ былъ неподалеку. Мы пришлорили коней и выѣхавъ изъ маленькой чащи саксауловъ увидали, въ близкомъ отъ себя разстояніи, на сухой, безплодной плоскости, земляные валы, предъ которыми собрались группою русскіе солдаты и офицеры, слѣдя за нашимъ приближеніемъ.

X. И р к и б а ѱ.

— Чтѣ васъ такъ долго задержало? былъ первый вопросъ которымъ меня встрѣтили, когда я подѣхалъ къ группѣ офицеровъ.

— Да я, кажется, недолго ѣхалъ, отвѣчалъ я, недоумѣвая: всего четыре съ половиною дня.

— Четыре съ половиною дня? воскликнулъ офицеръ.— Да вы выѣхали изъ Казалинска цѣлыхъ тринадцать дней тому назадъ.

Это замѣчаніе меня очень встревожило, такъ какъ черезъ Казалу меня не пропустили, и я никакъ не думалъ что и сюда дойдетъ слухъ о моемъ проѣздѣ. Я уже начиналъ бояться что меня опять задержатъ, и потому не безъ трепета отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, но вѣдь я былъ задержанъ четыре дня въ фортѣ Перовскомъ.

— Въ Перовскомъ? переспросилъ офицеръ въ удивленіи.

— Да, отвѣчаю я уже тономъ нѣсколько извиняющимся— я выѣхалъ оттуда только четыре дня тому назадъ.

— Да развѣ вы шли не съ хивинскимъ посланникомъ и это не вашъ караванъ? спросилъ онъ, указывая на что-то по тому направленію откуда я пріѣхалъ.

Я оглянулся. Слѣдомъ за Акъ-Маматовымъ и моими лошадами медленно подходила длинная вереница верблюдовъ своимъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ. Это былъ караванъ хивинскаго посланника.

Теперь насталъ мой чередъ удивляться, такъ какъ посольство, выѣхавшее изъ Казалы въ одно время со мною, могло идти прямою дорогою, и ужь конечно не подвергалось, подобно мнѣ, такимъ многочисленнымъ остановкамъ по пути. Я даже когда-то мечталъ пристать самъ къ этому посольству, прежде еще чѣмъ всѣ планы мои были разбиты однимъ рѣшеніемъ добрейшаго капитана Верецагина, въ Казалѣ.

— Да кто же вы такой, наконецъ? спросилъ меня офицеръ, услышавъ что я не принадлежу къ хивинскому посольству.

Я отвѣчалъ что я Американецъ, и наговяю теперь армію генерала Кауфмана.

— Страннѣе этого я ничего въ жизнь мою не слыхивалъ; ушамъ не вѣрится. Ну, да надѣюсь что бумаги ваши въ порядкѣ; а пока слѣзайте-ка съ лошади: вы, должно-быть, очень устали.

Черезъ нѣсколько минутъ по приказанію того же офицера была разбита для меня кибитка, куда онъ меня и ввелъ самымъ любезнымъ образомъ. Это былъ калитанъ Гизингъ, комендантъ крѣпости. Во все короткое время моего съ нимъ знакомства относился онъ ко мнѣ съ такою добротой и радушіемъ которыя трудно было бы когда-нибудь забыть.

Приглашеніе его приходить обѣдать принялъ я, послѣ долгаго моего поста, съ величайшемъ удовольствіемъ, и затѣмъ мы пошли осматривать маленькую крѣпость. Это было совершенно простое земляное сооруженіе съ двумя угловыми бастіонами, окруженное мелкою пересохшею канавой и защищенное двумя пушками. Скромные размѣры этого укрѣпленія, однако, перестали удивлять меня когда я узналъ что оно все было сооружено въ 24 часа, при проходѣ здѣсь Великаго Князя Николая Константиновича. Крѣпостной гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и небольшого числа казаковъ. Для солдатъ, также какъ и для офицеровъ, имѣлись кибитки, и на мѣстѣ былъ большой запасъ ячменю. Вода была очень вкусна и въ большомъ изобиліи, но мѣстность была чрезвычайно непріятная. Сухая, жесткая почва скоро разбита была солдатами въ лыль, которая носилась по вѣтру цѣлыми облаками, способными, кажется, удушить человѣка; въ добавокъ, въ эти дни наступила такая страшная жара, что несмотря на всю доброту съ которою относились ко мнѣ русскіе офицеры, непродолжительное мое пребываніе въ Иркибаѣ было почти невыносимо.

Оказалось что здѣсь никто не зналъ ничего ни о Кауфманѣ, ни о Казалинской колоннѣ, которая вышла отсюда двѣ недѣли тому назадъ. Впрочемъ, изъ того факта что хивинскій посланникъ былъ высланъ изъ Казалы къ Кауфману, въ Иркибаѣ заключали что этотъ послѣдній ожидалъ посольство гдѣ-нибудь въ пустынѣ. Этому предположенію я, впрочемъ, придавалъ и тогда весьма мало вѣры: едва ли было возможно цѣлой арміи стоять такъ долго въ открытой пустынѣ, поджидая тянувшихъ черепашьимъ шагомъ Хивинцевъ. Я увѣренъ былъ что Кауфманъ слѣшилъ добраться

до Аму-Дарьи, и потому рѣшился выѣхать на другое же утро и идти по слѣду Великаго Князя.

Командантъ не ирепятствовалъ моему выѣзду. Онъ только говорилъ что луть этотъ становится очень опаснымъ, и уговаривалъ меня ѣхать за хивинскимъ посланникомъ, при которомъ, кромѣ его собственной свиты, состоялъ еще конвой изъ 25ти казаковъ. Я однакоже отклонилъ это предложеніе.

Въ тотъ же день отправился я знакомиться съ хивинскимъ посланникомъ, котораго не допустили войти крѣпость. Онъ расположился не подалеку за фортомъ. При немъ было около тридцати верблюдовъ для перевозки провизіи и багажа, и вообще онъ считался весьма великимъ посломъ по среднеазіятскимъ понятіямъ.

Величіе, однако, здѣсь какъ и вездѣ, имѣеть свои невыгоды. Посоль этотъ былъ такою важною особою что не рѣшался компрометтировать себя большою послѣдствіемъ въ переходахъ. Выѣхавъ изъ Хивы съ тѣмъ чтобы застать Кауфмана въ Казалѣ, онъ подвигался впередъ такимъ неслѣпнымъ шагомъ что доѣхалъ до назначеннаго мѣста только два дня послѣ проѣзда Кауфмана. Остановившись здѣсь достаточно долгое время чтобы показать русскому генералу что представитель Хивы вовсе не торопится заводить переговоры, онъ направился обратно, разчитывая встрѣтить Кауфмана въ пустынѣ. Но величіе его до того стѣсняло и замедляло его движенія что онъ нагналъ Кауфмана лишь черезъ нѣсколько дней послѣ ладенія Хивы. Къ этому времени, конечно, важность его миссіи нѣсколько поубавилась.

Хивинскій посланникъ выѣхалъ изъ Иркибая рано утромъ на слѣдующій день, 7го мая (25 апрѣля), но мнѣ не удалось выбраться раньше полудня. Гостепріимный капитанъ Гизингъ настоялъ чтобъ я завтракалъ у него, а затѣмъ удержалъ меня еще пить кофе, послѣ того какъ часть моихъ людей уже выѣхала. Онъ мнѣ далъ десять четвериковъ ячменя для моихъ лошадей, отказываясь взять за него деньги и говоря что донесетъ объ этомъ въ главную квартиру, а Кауфманъ уже съ меня взыщетъ деньги, если найдетъ это нужнымъ. Также далъ онъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ знакомымъ офицерамъ; словомъ, я былъ принятъ имъ не хуже блуднаго сына, возвратившагося въ отчій домъ.

Наконецъ, пожавъ еще разъ руки всѣмъ офицерамъ, я вскочилъ на лошадь и ускакалъ изъ форта вмѣстѣ съ Мустровымъ, который почти потерялъ терпѣнье, поджидая меня цѣлыхъ два часа.

XI. Безводная степь.

Дорога по которой пришлось ѣхать была широка и хорошо убита. Это былъ обычный караванный путь, сохранившій на себѣ еще всѣ признаки недавно проходившей арміи, между прочимъ начали попадаться и верблюды лавшіе на дорогѣ отъ изнеможенія. Часоваго галопу оказалось достаточно чтобы нагнать моихъ людей, выѣхавшихъ прежде. Партія моя теперь увеличилась еще двумя лошадьми и Киргизомъ, который везъ почту, довѣренную мнѣ капитаномъ Гузингомъ.

Тутъ мы выѣхали въ первый разъ въ ту часть пустыни которая представляетъ для путешественника наибольшія опасости, окружаетъ его невообразимыми ужасами.

Благодѣтельныя рѣчки, также какъ частые колодцы и маленькія озера, остались уже далеко за нами, но видъ мѣстности тѣмъ не менѣе очень привлекателенъ. По всѣмъ направленіямъ раскинулись маленькія возвышенности, покрытыя роскошно темнозеленою муравой, которая могла бы соперничать по красотѣ съ роскошными покровами американскихъ долинъ, тогда какъ небольшія песчаныя мѣста, попадавшіяся кое-гдѣ, блестяли какъ золото при яркомъ свѣтѣ солнца съ безоблачнаго неба.

Но вся красота эта—одинъ обманъ. Маленькія возвышенности эти состоятъ изъ одного сылчуга песка, одѣтаго зеленью, которая скрываетъ подъ собою ужасы. Цвѣты зацвѣтаютъ и засыхаютъ въ нѣсколько дней. Зелень состоитъ изъ горькой негодной травы, высокой и мягкой, покрывающейя особаго рода цвѣтами, которые спадаютъ при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи и издаютъ отвратительный запахъ. Подъ листьями скрываются скорпіоны, тарантулы, громадныя ящерицы, часто до шести футовъ длины, черепахи и змѣи; тутъ же валяются во множествѣ зловонныя трупы верблюдовъ. Заблудившись въ этомъ песчаномъ океанѣ, безъ проводника и безъ воды, вы можете пробродить цѣлые дни,

пока не свалитесь въ изнеможеніи вмѣстѣ съ вашею лошадейю, умирая отъ голода и жажды на этой зловонной, негодной травѣ, которая послужитъ вамъ и ложемъ, и саваномъ, и могиллой.

Въ эту безотраднующую долину въѣзжаемъ мы съ какимъ-то болѣзненнымъ, подавляющимъ чувствомъ. Отсюда до первыхъ колодцовъ Кизиль-Какъ еще цѣлыхъ 60 миль стели, и на весь этотъ переѣздъ при насъ имѣется только два турсука воды, которой придется пробавляться пятерымъ людямъ и восьми лошадямъ. Погоняемъ лошадей чтобы только скорѣе отсюда выбраться. Красное солнце медленнующо, точно нехота, подвигается къ закату и затѣмъ вдругъ исчезаетъ за горизонтомъ. Вечернія тѣни сгущаются, окружающая пустыня скрывается въ ночномъ мракѣ и затѣмъ опять освѣщается блѣднымъ, невѣрнымъ свѣтомъ восходящаго мѣсяца. Проходятъ цѣлые часы. Мы проѣзжаемъ мимо погруженныхъ въ тишину кибитокъ, тлѣвшихъ костровъ и лоуснувшихъ верблюдовъ хивинскаго посланника, который ловидимому остановился на ночлегъ уже съ давнихъ поръ; наконецъ и мѣсяцъ поднялся надъ нашими головами, а мы все продолжаемъ ѣхать впередъ.

Соснувъ часа три мы опять садимся на лошадей. Солнце бросаетъ какой-то зловѣщій отблескъ на голую мѣстаость, кругомъ не видать почти никакой растительности, даже не попадается больше негодной травы, какъ въ прошлый переѣздъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся, солнце палитъ все жарче, достигаетъ зенита и безжалостно жжетъ насъ съ высоты безоблачнаго неба. Песокъ блеститъ и жжетъ какъ горячій пепель; атмосфера проникнута какимъ-то красноватогуманнымъ блескомъ, который ослѣпляетъ глаза и жжетъ мозгъ какъ жаръ исходящій изъ какого-нибудь адакаго горнила; внизу, у самаго горизонта, миражъ представляетъ намъ призрачныя деревья при водѣ — быть-можетъ призраки далекихъ хивинскихъ садовъ по берегамъ Оксуса; лошади наши плетутся по сылучему песку понуривъ головы и повѣсивъ уши; къ вечеру подѣвжаемъ мы къ колодцамъ Кизиль-Какъ, и я бросаюсь на песокъ внѣ себя отъ изнеможенія.

Нѣсколько Киргизовъ съ верблюдами и лошадейю только что наловили своихъ животныхъ и уже собирались уходить; но увидя что мы подѣвжаемъ усталые и измученные, они

остановились и стали самымъ добродушнымъ образомъ вытаскивать воду для насъ и для нашихъ лошадей. Колодезь былъ футовъ около 60ти глубины, и огороженъ твердыми, причудливо изогнутыми стволами саксауловъ. У отверстія, которое было очень узко, устроено было въ землѣ, также изъ древесныхъ стволовъ, что-то въ родѣ бассейна отъ восьми до десяти футовъ въ діаметрѣ. Сюда-то вливали воду для поилы животныхъ. Вытягивать воду изъ этихъ глубокихъ колодцевъ для животныхъ составляетъ такую тяжелую работу, что Киргизы на нее всегда улобляются еще и лошадиную силу.

Колодцы эти очень любопытны. Никто не знаетъ кѣмъ они были вырыты и когда, а они находятся теперь все въ томъ же положеніи какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда войска Тамерлана утоляли изъ нихъ ихъ свою жажду. Прогнали вѣка, смѣнилось много поколѣній, исчезли даже цѣлыя расы людей, міръ успѣлъ состарѣться, а прозрачныя воды этихъ колодцевъ все также свѣжи и неистощимы.

Остановившись ненадолго чтобы покормить лошадей и закутить самимъ сухарями и „правомъ“ доставленнымъ Киргизами, мы опять пускаемся въ путь незадолго до захода солнечнаго. Едва выѣхали мы на дорогу, какъ намъ попадается караванъ. Подходить караванъ-башу, ведущій караванъ; мы останавливаемся, и происходитъ обычный въ такихъ случаяхъ обмѣнъ новостей.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы спрашиваемъ не попадалась ли имъ гдѣ русская армія.

— О, да, было отвѣтомъ, — мы встрѣтились съ нею въ Тамды.

— А гдѣ Тамды? спрашиваю я, соскакивая съ лошади и развертывая свою карту.

— Въ десяти дняхъ пути отсюда, отвѣчали мнѣ.

— Десять дней! Быть не можетъ. По картѣ однакоже оказалось также что мѣсто это отстоитъ отъ колодцевъ Кизиль-Какъ на 240 верстѣ по прямой линіи, что по дорогѣ составляло бы добрыхъ триста. И на переходъ этотъ обыкновеннымъ шагомъ каравана потребовалось бы не менѣе десяти дней.

Надо вспомнить что выѣхалъ я изъ Казалы въ полной увѣренности что фонъ-Кауфманъ изъ Ташкента сначала прямо направится на сѣверо-западъ отъ Джизака, къ

горамъ Буканъ-Тау, здѣсь произойдетъ встрѣча съ Казаливскою колонною и соединенный отрядъ направится къ рѣкѣ. Теперь я былъ на разстояніи всего одного дня пути отъ горъ Буканъ-Тау; помяну что я надѣялся весьма скоро настичь армію. Итакъ, можно вообразить себѣ какъ пораженъ я былъ извѣстіемъ что послѣ семидневнаго переезда пустыней я нахожусь чуть ли еще не на такомъ же разстояніи отъ Кауфмана какое я предполагалъ при выѣздѣ моемъ изъ Перовскаго.

Но надежда никогда не покидаетъ человѣка, и я сталъ думать что быть-можетъ Кауфманъ и не дошелъ еще до горъ Буканъ-Тау и не началъ еще своего движенія къ Оксусу. Если же онъ направился къ этимъ горамъ съ юга, а я ѣхалъ туда же съ сѣвера, то мы несомнѣнно должны встрѣтиться. Не тамъ ли онъ теперь, такъ какъ караванъ встрѣтилъ его еще десять дней тому назадъ?

— Въ какую сторону шли Русскіе? спрашиваю я.

— Къ югу.

— Какъ къ югу? Да вѣдь Кауфманъ шелъ на сѣверо-западъ. Я уже начиналъ думать что они совсѣмъ и не видали Русскихъ.

— Нѣтъ. Оттуда онъ пошелъ на Аристанъ-бель-Кудукъ.

Это дѣйствительно было на югѣ; къ тому же я слышалъ и отъ капитана Гизинга объ этомъ мѣстѣ: извѣстіе было правдоподобно.

— Гдѣ же Аристанъ-бель-Кудукъ?

— Въ двухъ дняхъ пути отъ Тамды, къ югу.

Я начиналъ беззаботиться. Аристанъ-бель-Кудука на картахъ не было; но я все предполагалъ до тѣхъ поръ что это мѣсто находится гдѣ-нибудь въ горахъ Буканъ-Тау. Если же оно было въ двухдневномъ переходѣ отъ Тамды на югъ, а не на западъ, то Кауфманъ, очевидно, шелъ совершенно по другой дорогѣ чѣмъ я предполагалъ. Онъ долженъ былъ еще десять дней тому назадъ пройти къ югу, на Аму-Дарью, и я теперь совершенно былъ сбитъ съ толку. Въмѣсто того чтобы нагнать его черезъ день, какъ я надѣялся, на это могли теперь потребоваться нѣсколько недѣль. Услѣхъ моего предпріятія начиналъ казаться безнадежнымъ.

Идти назадъ, однако, было почти такъ же трудно какъ идти впередъ, и я рѣшился, скрѣпя сердце, на послѣднее, и мы двинулись дальше. Ъхали всю ночь; на слѣдующее утро

въ половинѣ шестаго, тотчасъ по восходѣ солнца, показались горы Буканъ-Тау, отстоящія еще верстѣ на тридцать. Мѣстность здѣсь уже не была холмиста, а постепенно спускалась переходя въ гладкую равнину, горы же представлялись темными, голыми и безжизненными, безъ малѣйшаго признака растительности.

Мы немного остановились чтобы полюбоваться непривычнымъ видомъ, и были нагнаны ауломъ, состоящимъ изъ 15ти—20ти верблюдовъ и столькожъ же кибитокъ, направлявшихся къ Буканъ-Тау. Верблюды были тяжело навьючены; любопытно было видѣть какъ цѣлыя семейства со всѣми своимъ домашнимъ скарбомъ передвигались на спинѣ этихъ герпѣливыхъ, кроткихъ животныхъ. Случается что одинъ верблюдъ несетъ на себѣ не только кибитку со всѣми ея принадлежностями, но еще двухъ женщинъ и нѣсколько дѣтей, такъ же удобно возсѣдающихъ на его спинѣ какъ въ экилажѣ.

Около девяти часовъ мы подѣхали къ подошвѣ горъ. Здѣсь стояло два аула у источника превосходной ключевой воды. Мы остановились; гостепріимные Киргизы тутъ же разбили для меня кибитку, гдѣ я разлежся чувствуя такую усталость какой, кажется, никогда еще до тѣхъ лоръ въ жизнь свою не испытывалъ. Хотя время еще было раннее, солнце уже пекло невыносимо, и тѣнь кибитки представлялась совершеннымъ раемъ. Кромѣ того, за исключеніемъ чая, сухарей и арана, я ничего не ѣлъ съ самаго Иркибая, т.-е. въ продолженіе 50ти часовъ, переѣхавъ въ это время около полутреста верстѣ. Проглотивъ чашку чая, наскоро приготовленнаго Акъ-Маматовымъ, я велѣлъ ему узнать не продасть ли кто намъ барана, а самъ бросился на одѣяла которыя оказались въ кибиткѣ, и въ ту же минуту уснулъ мертвымъ сномъ.

ХП. Б у к а н ъ - Т а у .

Горы Буканъ-Тау невыше одной тысячи футовъ и лишены всякой растительности — ни кустарникъ, ни былинка не оживляютъ ихъ пустыннаго вида. Онѣ состоятъ изъ песчанника, который постоянно обсыпается. Хотя и очень небольшія, горы эти представляютъ всѣ особенности высокихъ горныхъ crevasses, есть тутъ и миниатюрныя пики, конусообразныя вершины, глубокія долины и страшныя проласты.

Мы отдыхали здѣсь цѣлый день; на слѣдующее утро начали огибать Букавъ-Тау съ сѣвера. Здѣсь горы образовали легкій спускъ, постепенно переходившій въ равнину. Одна встрѣча здѣсь напомнила намъ объ оласности которой мы ежеминутно подвергались. Я выѣхалъ въ сопровожденіи Мустрова немного впередъ, и мы стали подниматься на маленькую возвышенность, чтобы тамъ дожидаться остальныхъ. Здѣсь мы увидали около дюжины всадниковъ, которые подъѣзжали по дорогѣ лежащей предъ нами. При нихъ не было верблюдовъ, стало-быть они не могли принадлежать къ аулу; къ тому же всѣ они были вооружены ружьями, закинутыми за плечи. Мустровъ казался очень испуганнымъ, такъ какъ Туркмены часто дѣлаютъ набѣги на Киргизовъ до самаго Букавъ-Тау, и это легко могла быть партія этихъ хищниковъ. Въ послѣдствіи я узналъ что въ это время дѣйствительно въ горахъ разъѣзжали Туркмены.

Мы приготовили свое оружіе и съ безпокойствомъ посматривали въ сторону гдѣ остался Акъ-Мамаковъ. Подвигнувшись, однако, еще немного впередъ, мы распознали что всадники эти были Киргизы, и черезъ нѣсколько минутъ Мустровъ уже пожималъ имъ руки. Остановились поговорить. Они намъ сообщили еще новости объ отрядѣ Великаго Князя Николая Константиновича, при которомъ они ѣхали изъ Казалы въ качествѣ джигитовъ.

По ихъ словамъ, Великій Князь сошелся съ Кауфманомъ еще десять дней тому назадъ на Аристанъ-бель-Кудукъ и соединенный отрядъ двинулся на Каракати. Это были опять-таки дурныя для меня вѣсти. На картѣ я увидѣлъ что Каракати лежитъ въ 60 верстахъ на югъ отъ Тамды, и заключилъ что если Кауфманъ вышелъ десять дней тому назадъ изъ Аристанъ-бель-Кудука, то онъ уже долженъ былъ пройти Каракати, направляясь къ рѣкѣ. Я увидѣлъ также что мѣсто это (Каракати) было отъ насъ не дальше чѣмъ Тамды, и что въ нѣсколькихъ верстахъ впереди, у колодца, караванный луть, развѣтвляясь къ югу, вель къ этому мѣсту. Я рѣшился свернуть на эту дорогу.

Въ полдень мы совершенно неожиданно спустились въ маленькую долину, которая разстиралась у подножія горъ. Это была долина Юзь-Кудукъ или „сто колодцевъ“. Растительности въ этой долинѣ не было никакой, кромѣ рѣдечьей травы, но за то по ней протекалъ небольшой ручей, который

чрезвычайно насъ порадовалъ. Онъ извивался узкою лентой между двумя голыми песчаными холмами. Слѣдуя вверхъ по его теченію, мы скоро доѣхали до источниковъ. По долину было разсѣяно отъ 25 до 30 колодцевъ: нѣкоторые были совершенно полны, въ другихъ вода была на глубинѣ отъ пяти до десяти футовъ отъ краевъ. Въ этихъ послѣднихъ вода была чрезвычайно холодна и вкусна. Соскочивъ съ лошадей, мы послѣдно спустились на веревкахъ въ колодцы наши чайники. Какъ освѣжила эта живительная хододная влага наши засохшія гортани, залекшіяся губы и обожженные солнцемъ запыленные лица!

Отсюда до слѣдующаго колодца, на растояніи 35 верстъ, мѣстность хотя все еще песчаная, переходила въ возвышенность, перерѣзанную многочисленными ямами и оврагами, а слѣва я замѣтилъ низкій горный хребетъ, тянувшійся къ западу, параллельно нашему пути. Хребта этого я не нашелъ ни на одной изъ существующихъ картъ, но мнѣ онъ кажется продолженіемъ горъ Урта-Тау, означенныхъ на послѣдней картѣ Живы, изданной русскимъ штабомъ. Я нашелъ ихъ на цѣлыхъ полтораста верстъ далѣе на западъ чѣмъ онѣ обозначены на этой картѣ; возвышались онѣ къ сѣверо-западу рядомъ длинныхъ холмовъ, изъ которыхъ каждый былъ рѣзко срѣзанъ и представлялъ крутой склонъ къ западу. Такихъ возвышенностей попалось мнѣ три между Юзь-Кудукомъ и Танджарыкомъ, на пространствѣ около семидесяти верстъ.

Не сходя съ лошадей почти всю слѣдующую ночь, мы подѣхали около полудня къ колодцу Танджарыкъ. Онъ отстоитъ болѣе версты отъ дороги, и мы нашии его только благодаря тому что замѣтили въ той сторонѣ нѣсколько Киргизовъ, поившихъ своихъ лошадей и овецъ. Подѣхавъ ближе, мы увидали что Киргизы всѣ собрались вокругъ низкой глиняной стѣны, окружавшей колодезь. Они тотчасъ же дали намъ мѣсто, и помогли намъ напоить лошадей. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, одѣтый богаче чѣмъ обыкновенно одѣваются Киргизы, пригласилъ насъ въ свой аулъ и предложилъ мнѣ остановиться въ его собственной кибиткѣ. Солнце стояло высоко, крова у насъ не было никакого, и потому я съ радостью принялъ это предложеніе; напоивъ лошадей, мы сѣли на нихъ олять и послѣдовали за гостепріимнымъ Киргизомъ. Аулъ его отстоялъ на цѣлыхъ пять верстъ и былъ совер-

шенно скрытъ изъ вида въ маленькой песчаной котловинѣ. Послѣ долгаго переѣзда нескончаемыми песчаными холмами и саксаулами; мы вдругъ выѣхали къ двѣнадцати кибиткамъ, расположеннымъ безо всякой системы и порядка.

Пригласившій насъ Киргизъ ввелъ меня въ свою кибитку и представилъ, какъ я потомъ понялъ, своей женѣ, старой и дурной, и своей молоденькой красивой невѣсткѣ. Онѣ поочередно подошли ко мнѣ, брали мою руку въ обѣ свои,жимали ее и клали ее затѣмъ на свои головы въ знакъ признанія. Я расположился на циновкахъ которыя женщины разстелили для меня и принялся счищать и смывать пылъ и грязь, обильлившія мое лицо, руки и одежду въ теченіе этого трехдневнаго переѣзда. Приведа себя въ болѣе человѣческой видъ, я уже располагался спать, когда вбѣжала въ кибитку еще старая Киргизка и стала предо мной, рыдая, ломая свои руки и обращаясь ко мнѣ съ цѣлымъ потокомъ рѣчей, изъ которыхъ я могъ понять всего одно слово Туркмень. Я было обратился къ хозяину за объясненіемъ, но и съ нимъ не могли мы объясняться безъ помощи Акъ-Маматова, занятаго еще уборкой лошадей; онъ только пожалъ плечами, точно давая понять что это старая лѣсня. Старуха же, покончивъ свой разказъ, сѣла у двери и такъ уставилась на меня своими безлокойными глазами что мнѣ наконецъ стало нѣсколько неловко подѣ этимъ пристальнымъ взглядомъ. Когда вошелъ Акъ-Маматовъ, старуха повторила олять все съ начала, а Акъ-Маматовъ передалъ мнѣ отрывки изъ ея длиннаго разказа.

Недѣль за шесть предѣ тѣмъ аулъ этотъ пасъ свои стада въ горахъ Букавъ-Тау, близъ Юзь-Кудука. Старуха говорила что у нея былъ всего одинъ сынъ, который ее прокармливалъ на старости лѣтъ. У нихъ была кибитка, верблюды, тридцать овецъ, и они жили счастливо. Разъ какъ-то сынъ ея, парень красивый и крѣпкій, выѣхалъ со стадомъ своимъ въ горы; партія Туркмень, развѣзжавшихъ тѣмъ временемъ въ этихъ мѣстахъ, напала на него и угнала его съ лошадьми и овцами въ Хиву. Телерь у нея, говорила она, ничего не остается кромѣ одной кибитки; но главное горе въ томъ что сына навѣрное продадутъ въ рабство, и она никогда его больше не увидитъ. Тутъ она олять разразилась рыданіями до того отчаянными что я былъ тронуть. На вопросъ Акъ-Маматова, чего она отъ меня хочетъ, она отвѣчала что мо-

КИРГИЗЪ.

жетъ-быть я могу ей помочь отыскать и освободить ея сына. Я сталъ увѣрять ее черезъ Акъ-Маматова что совступленіемъ Русскихъ въ Хиву всѣ рабы будутъ освобождены, а что я самъ и мои люди не только постараемся разыскать ея сына, но позаботимся также чтобъ ему возвращена была его лошадь или дана другая еще лучше, и столько же овецъ, сколько у него было отнято, или ихъ стоимость. Такъ что не дальше какъ черезъ два мѣсяца она опять увидитъ своего сына веселымъ и на хорошей лошади. Когда ей передали эти обѣщанія, она выказала самую безумную радость и ушла совершенно осчастливленная.

Я обратился затѣмъ къ хозяину, спрашивая правдивъ ли рассказъ старухи. Онъ отвѣчалъ мнѣ что женщина эта говорила правду; такіе случаи повторяются чуть ли не каждый годъ, и изъ-за нихъ-то возникла такая смертельная вражда между Киргизами и Туркменами. На вопросъ мой, неужели Туркмены дѣйствительно такъ страшны, онъ отвѣчалъ что совсѣмъ нѣтъ, но нападаютъ они только тогда когда значительно превышаютъ численностію своего непріятеля, или же въ такихъ случаяхъ какъ настоящій, гдѣ не было никакого риска. Въ равномъ же бою Киргизы всегда Туркменъ одолѣютъ.

Хозяинъ кибитки оказался не русскимъ Киргизомъ, а бухарскимъ, имя его было Бей-Табукъ и онъ былъ главою цѣлаго киргизскаго рода. Первый мой вопросъ въ разговорѣ съ нимъ былъ, конечно, о Кауфманѣ. По его словамъ, Кауфманъ дѣйствительно былъ на Каракати, но теперь уже онъ на Хала-Ата. Онъ самъ только-что оттуда пріѣхалъ, видѣлъ всю армію, потому и говорить вѣрно, а не по слухамъ.

Послѣ множества разныхъ разспросовъ относительно разстояній до Бухары, я заключилъ что мѣсто Хала-Ата, не помѣченное ни на одной картѣ, должно находиться около полутораста верстъ къ югу отъ Каракати, въ полутораста верстахъ отъ Аму-Дарьи и въ такомъ же разстояніи отъ Бухары, такимъ образомъ вмѣсто того чтобъ идти на Каракати, ближе всего мнѣ теперь будетъ идти на перерѣзъ пустыни, къ рѣкѣ, немного къ юго-западу. Эти предположенія мои вполнѣ подтверждены были Бей-Табукомъ: такимъ образомъ, говорилъ онъ, я прямо дойду до Хала-Ата, но по этому направленію не существуетъ не только караваннаго пути, но даже и тропинки тамъ не проложено.

Я однако рѣшился идти по этому пути, хотя и предвидѣлъ что Мустровъ тутъ уже не можетъ служить мнѣ проводникомъ. Опять обратился я къ Бей-Табуку, спрашивая, не выйдетъ ли онъ мнѣ проводника; онъ отвѣчалъ что охотно бы и самъ со мною пошелъ, да подрядился привести въ Хала-Ату барановъ, и не хочетъ вернуться туда безъ нихъ.

— Такъ покупайте барановъ, ихъ приведутъ послѣ, а мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Да денегъ мнѣ на покупку не дали.

— Неужели же вы не вѣрите что Русскіе послѣ заплатятъ?

— Я-то имъ вѣрю, но Киргизы барановъ все-таки не вышлютъ безъ денегъ.

— Сколько же надо купить барановъ?

— Штукъ около пятидесяти.

— Хорошо, я заплачу за барановъ, если вы со мной пойдете проводникомъ.

На послѣднее онъ немедленно согласился; поговорили еще и рѣшили что самъ онъ пойдетъ со мной, и найдетъ кого-нибудь другаго для доставки барановъ въ Хала-Ату.

Подъ вечеръ сѣли мы на лошадей и поѣхали искать барановъ. Въ пустынѣ мы безпрестанно наѣзжали самымъ неожиданнымъ образомъ на аулы, почти совершенно скрытые въ маленькихъ песчаныхъ ложбинахъ. Какимъ образомъ мы ихъ находили, я и теперь понять не могу. Барановъ нашлось много и всѣ оказывались въ очень хорошемъ состояніи. Мы объѣхали съ полдюжины ауловъ и вездѣ были приняты самымъ радушнымъ образомъ. Въ одномъ, впрочемъ, мѣстѣ какая-то старуха рѣшительно протестовала противъ моего присутствія; хотя я и не слѣзалъ съ лошади, она все-таки громко ругала меня, насколько я могъ понять изъ ея сердитаго голоса и угрожающихъ жестовъ. Пара блестящихъ лукавыхъ глазъ, выглядывавшихъ изъ кибитки, предъ которой стояла эта старая вѣдьма, разомъ пояснили мнѣ причину ея злобы и опасеній.

ХІІІ. Домашній бытъ Киргизовъ.

Замѣтивъ въ теченіи вечера что Акъ-Маматовъ очень заинтересованъ какимъ-то разказомъ Бей-Табука, я спросилъ у него что тотъ говорить, и мнѣ передали слѣдующій слу-

чай, который можетъ дать нѣкоторое понятіе о магометанскихъ законамъ относительно убійства.

У Киргизовъ, также какъ и у многихъ другихъ магометанскихъ народовъ, убійство не наказывается смертною казнью, но убійцу приговариваютъ къ уплатѣ родственникамъ убитаго лени, сообразной съ состояніемъ этого послѣдняго. Въ случаѣ же если убійца не въ состояніи уплатить назначенную сумму, онъ обязанъ идти въ семью убитаго и выслужить тамъ, въ качествѣ раба, такой срокъ который бы выкупилъ назначенную сумму. За убійство старика, старухи или ребенка, въ особенности дѣвочки, штрафъ полагается меньшій, чѣмъ за молодыхъ мужчинъ и женщинъ.

Двое братьевъ Киргизовъ часто ссорились и наконецъ возненавидѣли другъ друга. Одинъ изъ нихъ, чтобы досадить другому, убилъ маленькую свою племянницу, сироту-уродца, оставленную на его попеченіи умирающею сестрою, и ночью нѣкъ незамѣченный, положилъ мертвое тѣло у входа въ братнину кибитку. Улика эта найдена была вполне достаточною, и ни въ чемъ неповинный братъ присужденъ былъ вылатить значительный штрафъ убійцѣ, какъ единственному родственнику убитой дѣвочки. Онъ, однако, рѣшилъ отплатить брату тою же монетою: нашелъ въ отдаленномъ аулѣ какую-то свою двоюродную тетку, старуху лѣтъ восьмидесяти, убилъ ее и положилъ тѣло у дверей брата убившаго дѣвочку. Тогда первый убійца, въ свою очередь, былъ приговоренъ къ штрафу; а такъ какъ старуха и уродецъ ребенокъ стояли въ одной цѣнѣ, то счета братьевъ и были уравнены.

Киргизамъ дозволено разбирать ссоры свои по своимъ законамъ, но для Киргизовъ русскихъ подданныхъ Кауфманъ учредилъ апелляціонныя суды, составленные изъ русскихъ чиновниковъ. Эти суды, однако, не вмѣшиваются въ дѣло пока одна изъ сторонъ не обратится къ нимъ за разбирательствомъ или съ просьбой о наказаніи какого-нибудь волюющаго преступленія; да еще судъ употребляетъ иногда свой авторитетъ для защиты женщинъ, какъ въ томъ случаѣ о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ.

На слѣдующее утро я далъ Бей-Табуку денегъ на покупку полсотни барановъ, и онъ рано выѣхалъ съ Акъ-Маматовымъ, обѣщая ихъ всѣхъ пригнать къ полудню. Я же остался въ кибиткѣ, разлегся опять отдыхать на коврѣ, слѣдя за

занятіями женщинъ, ихъ хлопотами по хозяйству, и изучая будничныи складъ домашней жизни киргизскаго семейства.

Дневныя работы начались съ того что подоили овецъ, козъ, верблюдовъ и выгнали ихъ на пастбище; стали выбивать войлокъ, ковры, чистить всѣ хозяйственныя принадлежности и опять все устанавливать по мѣстамъ; напоили двухъ полунагихъ ребятъ *ираномъ* и выслали ихъ играть на пекѣ; тѣмъ же литательнымъ *ираномъ* напоили и маленькаго верблюда, который былъ привязанъ снаружи кибитки и не переставалъ жалобно выть. Затѣмъ послѣдовало лѣченье больной овцы и жеребенка, при всеобщей болтовнѣ и оглушительномъ шумѣ; наносили также толпы на цѣлый день. Наконецъ старуха вскочила верхомъ по-мужски на лошадь, взяла турсукъ, и поскакала за водой къ дальнему колодцу, оставляя меня одного съ молодой своей снохой. Эта послѣдняя скоро вошла въ кибитку, усѣлась, даже и не взглянувъ въ мою сторону, взяла лукъ шерсти и деревянное веретено, на которомъ навито уже было множество нитокъ, и начала прясть съ такимъ скромнымъ, женственнымъ видомъ, который меня положительно очаровалъ.

У нея были большіе черные глаза, освѣженные длинными рѣсницами; рѣзкій монгольскій типъ ея круглаго лица не портилъ ее, придавая какой-то странный, нѣсколько дикій характеръ ея красотѣ. На головѣ носила она высокій тюрбанъ всѣхъ замужнихъ Киргизокъ, и одѣта была въ короткую куртку изъ красной шелковой матеріи съ вышивкой, открытую на груди, и въ цѣломъ представляла такую привлекательную картину, что я отъ души завидовалъ молодому Бей-Табуку, раздумывая о томъ, оцѣняетъ ли онъ по достоинству доставшееся ему сокровище. Не изъ-за такой ли женщины одинъ изъ еврейскихъ праотцевъ прослужилъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ которыя показались ему немногими днями ради любви его? Не такую ли они вели жизнь потомъ, не такъ же ли они работали, жили и трудились?

И вотъ, пока я тутъ лежалъ на мягкомъ коврѣ, предо мною рисовались какъ въ видѣніи событія происходившія за цѣлыя тысячелѣтія до нашихъ дней, многочисленныя стада овецъ и скота Авраама, пронеслись туманными картинами образы Исаака, Исава, Иакова, Сарры, Ревекки Рахили, Агари, Руей.

Веретено тѣмъ временемъ вертѣлось не переставая, издавая какое-то усиливающее жужжаніе. Сдѣлано оно было изъ особаго рода твердаго дерева, гладко обточенного, и я съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ какъ Киргизка, посредствомъ одного этого куска дерева, производила работу всѣхъ нашихъ ларовыхъ машинъ, колесъ и прядильныхъ станковъ. Вытянувъ нитку шерсти, она вертѣла между ладоней острый конецъ веретена и затѣмъ, держа руку съ намотанною на нее шерстью высоко надъ головой, пускала веретено вертѣться до тѣхъ поръ пока не ссучивалась самая тонкая нитка, которая наматывалась на нижнюю часть веретена, и вся процедура повторялась снова. Все это было дѣломъ чрезвычайно простымъ и вовсе не мѣшкотнымъ. Веретено все росло и росло въ объемѣ, принимая, странное дѣло, именно ту форму какъ и тысячи веретенъ которыя можно видѣть на всякой бумаго-прядильной фабриктѣ.

Вопреки своему обѣщанію вернуться къ полудню, ни Бей-Табукъ, ни Акъ-Маматовъ глазъ не показывали до самаго вечера, да и тогда вернулись не приведя съ собой ни одного барана. Всѣ оправданія ихъ сводились къ тому что хотя барановъ можно было достать сколько угодно, но никто не соглашался гнать ихъ въ Хала-Ату.

— Но я видѣлъ множество молодыхъ парней въ сосѣднихъ аулахъ, и у всѣхъ у нихъ были лошади, говорилъ я, — неужели ни одинъ изъ нихъ не хочетъ идти ни за какую плату?

Акъ-Маматовъ увѣрялъ что они ни за что не соглашаются идти, а Бей-Табукъ возвратилъ мнѣ мои деньги. Я не повѣрилъ ни слову изъ ихъ нелѣпыхъ басенъ и мысленно обвинялъ во всемъ Акъ-Маматова. Я почти былъ увѣренъ что онъ опять перечилъ мнѣ по какой-то ему одному извѣстной причинѣ; но такъ какъ переговоровъ съ Бей-Табукомъ вести я не могъ безъ помощи того же Акъ-Маматова, то не могъ ничѣмъ и помочь этому дѣлу.

Дѣлать было нечего, приходилось покориться, а такъ какъ было уже слишкомъ поздно выѣзжать въ этотъ день, то я, волей-неволей, принужденъ былъ переночевать опять у Бей-Табука. Я однако попросилъ его непременно разыскать мнѣ проводника. Онъ тотчасъ же отправился на поиски и вернулся съ молодымъ Киргизомъ, который соглашался за 25 рублей вести меня въ Хала-Ату, ближайшимъ путемъ, прямо на перерѣзъ пустыни. Хотя цѣна была безобразная, я

согласился дать и ее, такъ какъ время не терпѣло. Проводникъ обѣщаль быть готовымъ выѣхать рано слѣдующимъ утромъ, и съ этимъ мы разстались.

Солнце садилось; пастухи пригнали стада козъ и барановъ къ аулу, который немедленно пришелъ въ движеніе и оживился ихъ криками и блеяніемъ. Также потянулись изъ пустыни верблюды, нѣкоторые навьюченные турсуками съ водой, другіе — старые и малые — безо всякой ноши: они оглядывались своими умными красивыми глазами, точно будто съ удовольствіемъ узнавая свой аулъ. Опять стали доить козъ и овецъ, постерегли ихъ пока онѣ легли на ночь, затѣмъ привязали маленькихъ ягнятъ и козлятъ, и тѣмъ закончили дневные свои труды.

Вечеромъ мы собрались вокругъ костра въ кибиткѣ Бей-Табука, такъ какъ хотя дни и были невыносимо жарки, ночи были такъ холодны, что пріятно было погрѣться у огня. Рѣзкая разница между жаркими днями и холодными ночами составляетъ особенность этого времени года, очень вредно дѣйствующую на здоровье. Я пріобрѣлъ расположеніе женщинъ разными маленькими подарками, и потому, когда пришло время спать въ отведенной мнѣ сторонѣ кибитки, я нашелъ что онѣ для меня разстелили прекрасный коверъ со множествомъ мягкихъ одеялъ и покрывалъ и устроили мнѣ постель которая показалась мнѣ чуть ли не ложемъ изъ розъ послѣ жесткаго песка пустыни на которомъ я спалъ столько ночей.

На слѣдующее утро мы поднялись еще до восхода солнечнаго а стали собираться въ дорогу. Тутъ я замѣтилъ что и весь аулъ снимается съ мѣста: женщины разбирали кибитки, навьючивали верблюдовъ и дѣлали послѣдныя приготовленія къ выступленію. Все пришло въ движеніе и безпорядокъ. Затѣмъ потянулись длинною вереницей верблюды, и скоро весь аулъ скрылся изъ виду. При этомъ выѣздѣ меня въ особенности удивила одна Киргизка, родившая наканунѣ: беззаботно взобралась она сама на верблюда, держа на рукахъ ребенка, точно событіе предыдущаго дня было для нея дѣломъ совершенно обычнымъ, вполнѣ вошедшимъ въ привычку. Я дружески распрощался съ хозяйками, но Бей-Табукъ поѣхаль провожать насъ еще на нѣкоторое разстояніе. Наконецъ я не безъ сожалѣнія распрощался и съ нимъ, пожалъ его руки, и мы разѣхались. У него встрѣтилъ я самый

радушный и ласковый пріемъ; время проведенное мною въ его кибиткѣ, посреди простой, счастливой стелной обстановки, оставило самое пріятное по себѣ воспоминаніе.

И вотъ я опять былъ на пути, опять въ погонѣ за генераломъ Кауфманомъ. Но недолго на этотъ разъ. Отъѣхавъ не болѣе двухъ верстъ, мы остановились поить лошадей у колодца, гдѣ уже стояло нѣсколько Киргизовъ. Наловивъ лошадей, люди мои, однако, продолжали мѣшкать: Акъ-Маматовъ, Мустровъ и новый проводникъ завели оживленный разговоръ, совершенно, повидимому, забывая что надо ѣхать дальше. Мнѣ это наконецъ надоѣло, и я приказалъ имъ трогаться съ мѣста, на что Акъ-Маматовъ прехладнокровно отвѣчалъ что нанятый наканунѣ проводникъ отказывался теперь сопровождать меня если сверхъ условленной платы я не куплю ему еще лошадь или не выдамъ деньги на ея покупку. Повидимому, и это требованіе сдѣлано было по наущенію надумавшагося за ночь Акъ-Маматова.

Я однако рѣшилъ положить конецъ всѣмъ этимъ моменностямъ, такъ какъ неизвѣстно было до чего еще могли дойти подобныя требованія, если имъ дать потачку. Такъ я и сказалъ Акъ-Маматову, давая ему ясно понять что знаю кого винить въ этомъ новомъ затрудненіи. Я велѣлъ ему спросить еще разъ проводника пойдетъ ли тотъ со мною за условленные 25 рублей. На отрицательный отвѣтъ, я прогналъ Киргиза, а моимъ людямъ объявилъ что въ такомъ случаѣ мы пойдемъ дальше безъ проводника, по дорогѣ на Каракати. Путь этотъ былъ гораздо длиннѣе предположеннаго сначала переѣзда лустыней, но за то тамъ мы слѣдовали бы по широкой караванной дорогѣ, съ которой сбиться трудно. Но противъ этого они положительно возстали: и дорога-то была имъ неизвѣстна, и воды не сумѣемъ мы одни найти, и заблудимся-то мы въ лустынѣ, словомъ, безъ проводника идти немисливо. А между тѣмъ прежде, когда я еще и самъ не рѣшилъ идти на перереѣзъ лустыни, а думалъ слѣдовать караваннымъ путемъ на Каракати, не было и помина о другомъ проводникѣ кромѣ Мустрова, такъ какъ до Каракати мы доѣхали бы въ одинъ день, а оттуда легко уже было бы идти по слѣдамъ русской арміи.

Кромѣ переѣзда до сихъ поръ не предвидѣлось никакого затрудненія на этомъ пути, и потому вся эта оппозиція показалась мнѣ дѣломъ подготовленнымъ заранѣе. Однако,

мнѣ уже наскучило быть игрушкой въ ихъ рукахъ: снявъ свой револьверъ, я приказалъ Акъ-Маматову садиться на лошадь и ѣхать дальше. Я рѣшился сначала привести въ повиновеніе этого главнаго бунтовщика, потомъ уже обезоружить Мустрова, взять лошадь на которой онъ ѣхалъ, и продолжать путь съ Акъ-Маматовымъ и молодымъ Киргизомъ, который, я зналъ, послѣдуетъ за мной охотно. Противъ Мустрова у меня злобы особенной не было, такъ какъ я зналъ что онъ дѣйствовалъ по подговорамъ Акъ-Маматова, но лошадь и оружіе его принадлежали мнѣ и должны были ко мнѣ возвратиться въ случаѣ его отказа идти дальше. Акъ-Маматовъ, который, какъ видно, никакъ не разчитывалъ на такой крутой оборотъ дѣла, немедленно повиновался, и черезъ минуту все уже было готово къ отъѣзду.

Тутъ, однако, Акъ-Маматовъ съ покорностію представилъ мнѣ другой планъ дѣйствій, а именно, что онъ поѣдетъ въ аулъ который находится по близости и постарается тамъ найти другаго проводника. На это я согласился, прибавивъ однако что черезъ часъ мы выѣдемъ во всякомъ случаѣ, найдеть онъ проводника или нѣтъ, и что я не дамъ проводнику ни копѣйки больше условленной прежде платы. Акъ-Маматовъ клялся что проводникъ найдется—и мы отправились къ аулу.

Аулъ этотъ состоялъ изъ трехъ или четырехъ кибитокъ и обитатели его казались далеко не такими зажиточными какъ тѣ что принадлежали къ аулу Бей-Табука. Мы скоро нашли старика который съ радостію согласился сопровождать насъ за назначенную плату—явная улика что прежній проводникъ, по наущенію Акъ-Маматова, хотѣлъ обмануть меня. Старикъ этотъ пригласилъ насъ въ свою кибитку закусить и отправился рѣзать барана.

Къ удивленію моему, я узналъ во время ѣзды что будущій нашъ проводникъ приходится братомъ богатому Бей-Табуку. Лицо его было все обезображено чудовищнымъ шрамомъ отъ сабельнаго удара нанесеннаго ему Туркменомъ, отбивавшимъ у него жену.

— Эту самую? спросилъ я, указывая на уродливую старуху, повидимому, хозяйку кибитки.

— Да, ее.

На мой взглядъ, не стоила она того чтобъ изъ-за нея сражаться на смерть съ Туркменомъ. Но и происходило это, правда, цѣлыхъ 40 лѣтъ тому назадъ.

Изъ сосѣдней кибитки пришли двѣ молодыя дѣвушки и сѣли завтракать съ тремя другими за столомъ рядомъ съ нами. Онѣ не были красивы, но казались чрезвычайно веселыми, и завели между собою такую трескучую болтовню, которая бы, кажется, могла выдержать съ честью сравненіе даже съ болтовней самыхъ цивилизованныхъ лансіонерокъ. Не показывая вида, я пристально слѣдилъ за ними. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ особенность которую потомъ находилъ во всѣхъ татарскихъ женщинахъ: это была чрезвычайная подвижность ихъ физіономій когда онѣ оживлялись. Покойныя и не заинтересованныя, онѣ смотрятъ на васъ какимъ-то тупымъ, упорнымъ взглядомъ, напоминая собой рѣзныя изображенія языческихъ идоловъ; но лишь только онѣ заинтересованы, обрадованы или разсмѣшены чѣмъ-нибудь — по всему лицу ихъ пробѣгалъ точно солнечный лучъ, оно все будто озарялось какимъ-то внутреннимъ сіяніемъ.

Послѣ закуски мы еще разъ пустились въ путь къ Хала-Атѣ на перерывъ пустыни. вмѣсто прежней широкой караванной дороги теперь вѣхали мы по узенькой тропинкѣ, которую мѣстами даже трудно бы было различить безъ помощи опытнаго проводника.

Мѣстность представляла почти тѣ же общія характеристическія черты какъ и во всей пустынѣ, съ тѣмъ, однако, измѣненіемъ что прежній песчаный, холмистый грунтъ, покрытый кустарникомъ, смѣнился тяжелыми песчаными же грядками будто нанесенными вѣтромъ. Здѣсь, какъ и вездѣ въ степи, намъ поладилось множество ящерицъ отъ 2 дюймовъ до одного фута длиною: вмѣстѣ съ маленькими земляными черепахами онѣ были единственными представителями животной жизни въ этихъ мѣстахъ. По разказамъ мною до гѣхъ поръ слышаннымъ, вся эта пустыня представлялась усѣянною скорпіонами и тарантулами; самъ я сюда вѣхалъ въ полномъ ожиданіи что днемъ и ночью буду окруженъ этими смертоносными маленькими чудовищами, и запасся всякаго рода противоядіями на случай ихъ ужаленія, не надѣясь чтобы пришлось обойтись безъ этихъ средствъ. На дѣлѣ же вышло что не только ни одного изъ нихъ мнѣ не подалось, но даже я и думать объ нихъ забывалъ, лежа по гѣлымъ ночамъ на пескѣ, гдѣ бы мнѣ неминуемо должно было подвергнуться ихъ нападеніямъ. Ящерицы же были предлюбопытныя маленькія животныя. Разъ какъ-то, лежа подъ

кустарникомъ, я замѣтилъ ящерицу, любознательность которой, какъ видно, сильно была возбуждена: она вытянула голову, завела хвостъ кольцомъ вверхъ, какъ собака, и два раза обошла вокругъ меня; послѣ того, какъ видно довольная моимъ миролюбивымъ расположеніемъ, она всползла на мою ногу и усѣлась тамъ въ полномъ торжествѣ. Случается что ящерицы здѣсь достигаютъ громадной величины: въ Хала-Атѣ поймана была одна ящерица около 5 футовъ длины. Впрочемъ, онѣ совершенно безвредны, и достаточно самаго легкаго удара чтобъ ихъ убить.

Еще ночь пришлось намъ провести на пескѣ, подъ открытымъ небомъ, а на слѣдующее утро мы измѣнили немного прежнее направленіе, взявъ прямо на юго-западъ, и въѣхали въ пустыню, гдѣ не было даже ни малѣйшей тропинки — въ мѣстность самую дикую и печальную какую я когда-либо видѣлъ. Это была плоская возвышенность, покрытая рѣдкимъ кустарникомъ, въ которомъ вездѣ проглядывалъ песокъ; плоскость эта была усѣяна множествомъ впадинъ, напоминающихъ собою кратеры вулкановъ, отъ 50 до 100 футовъ глубины и почти столько же въ діаметрѣ. Намъ приходилось постоянно то выбираться изъ этихъ углубленій, то олять въ нихъ спускаться, тогда какъ глубокой песокъ чрезвычайно замедлялъ наше движеніе: лошади иногда уходили въ него по колѣна.

Около полудня мы подѣхали къ колодцу Мидіатъ-Кизранъ, въ которомъ вода, хотя и на глубинѣ 80 футовъ, была чрезвычайно тепла и слегка солоновата. Пить эту воду было невозможно, но заваренный на ней чай оказался сноснымъ, что насъ и выручило на этотъ разъ изъ бѣды. Во время этого путешествія я убѣдился что горячій чай лучше утоляетъ жажду чѣмъ самая холодная вода; это мало извѣстно, но совершенно справедливо. Я сперва самъ этому не вѣрилъ и едва могъ заставить себя глотать горячій чай, когда бывало у меня все горло и губы пересыхали отъ жары и жажды. Поставленный однако въ необходимость испробовать этотъ способъ утоленія жажды, я принужденъ былъ признать его гораздо болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ вода. Жажда утоляется въ нѣсколько минутъ и уже не возвращается такъ скоро какъ послѣ питья воды.

Дорога шла все хуже и хуже. Лошади съ трудомъ пробивались по глубокимъ песчанымъ наносамъ. Маленькая ворона

лошадь, которую мнѣ Мустровъ особенно всегда расхваливалъ, но на которую я тѣмъ не менѣе не садился, обнаруживала чрезвычайную усталость въ два послѣдніе дня. Мы развьючили ее, распредѣливъ поклажу на другихъ лошадей, оставивъ на этой одно легкое вьючное сѣдло. Но все напрасно. Около девяти часовъ вечера бѣдное животное окончательно выбилось изъ силъ, споткнулось и со стономъ растянулось на пескѣ во всю длину. Видя что понукать эту лошадь было бы бесполезно, мы сняли съ нея сѣдло съ уздечкой и оставили ее одну въ пустынѣ.

Не весело продолжали мы свой путь. Ночь надвигалась все чернѣе и чернѣе, а съ нею и окружающая тишина принимала какой-то зловѣщій характеръ. Потеря коня навѣвала на насъ самыя мрачныя мысли: здѣсь, въ самомъ сердцѣ безводной песчаной степи, необходимость заставившая насъ замучить бѣдное животное до смерти и затѣмъ оставить его умирать въ пустынѣ, представлялась роковою. Долго ли этому еще суждено продолжаться? Пятнадцать дней были мы уже въ пустынѣ, а все также повидимому далеки были отъ цѣли какъ и при выѣздѣ. Лошади наши уже нѣсколько дней питались только тѣмъ что имъ удавалось самимъ подобрать въ пустынѣ. Скоро быть-можетъ и всѣмъ имъ суждено пасть отъ изнеможенія, и намъ придется выбираться изъ песковъ лѣшкомъ. Очевидно, эта призрачная погоня не могла быть продолжительна. Хотя Бей-Табукъ и увѣрялъ меня что я застаю Кауфмана, я на это не смѣлъ надѣяться, зная что онъ уже давно долженъ былъ достигнуть рѣки. Вездѣ въ тылу войска должны были рыскать Туркмены, а могу ли я пробовать бѣжать отъ ихъ быстроногихъ коней на моихъ изнуренныхъ животныхъ, или пробиться черезъ ихъ ряды чтобы присоединиться къ арміи? Смерть этой лошади казалась мнѣ предвѣстіемъ нашей собственной судьбы — началомъ конца.

Мы все пробиваемся впередъ, продираясь сквозь мелкій, посохшій кустарникъ, чуть не скатываясь въ глубокія песчаныя ямы и почти перескакивая черезъ конскія головы; потомъ вновь приходится нашимъ лошадямъ биться въ тяжеломъ, безплощадномъ пескѣ, взбираясь на крутые подъемы; затѣмъ опять раздается стукъ лошадиныхъ копытъ по иссохшему грунту точно по каменной мостовой, пока наконецъ поздно ночью рѣшаемся мы броситься на песокъ для

минутнаго отдыха. Едва успѣли мы сомкнуть глаза какъ олять были разбужены проводникомъ для дальнѣйшаго перехода. Заря еще не занималась, но темнота нѣсколько просвѣтѣла подѣ блѣдными, холодными лучами подыавшагося мѣсяца.

Растительность почти совершенно исчезла, изрѣдка развѣ видѣлась вѣтка саксаула. Рядомъ съ нами двигаются и наши тѣни, длинныя и черныя, на освѣщенномъ луною пескѣ, будто страшныя привидѣнія, провожающія насъ къ нашей неизбѣжной судьбѣ... Но вотъ заблѣвали первыя полосы свѣта на восточномъ краѣ неба; мѣсяць блѣднѣетъ, тѣни ступиваются, и наконецъ солнце, красное и зловѣщее, подымается изъ-за горизонта. Послѣ ночнаго холода пріятно пригрѣтъ на его лучахъ свои ошмѣлые члены. Затѣмъ дѣлается слѣшкомъ тепло, затѣмъ жарко, и скоро мы олять мучаемся отъ зноя и жажды, олять окружающій блескъ слѣпить наши глаза, и мы положительно задыхаемся въ этой душной полуденной атмосферѣ.

Къ двѣнадцати часамъ выѣхали мы на вершину восточнаго склона горнаго хребта, который тянулся у насъ справа почти во весь переходъ отъ Танджарыка, а теперь перестѣлъ намъ дорогу. Хотя это только холмы, но какъ и Букавъ-Тау они представляютъ всѣ особенности высокихъ хребтовъ, миниатюрныя пики, глубокія пропасти и суровые утесы. Формация ихъ — тотъ же красноватый песчаникъ; растянущись оль обнаженныя, мрачныя и безплодныя, подѣ палящимъ солнцемъ, нѣтъ на нихъ ни лелестка, ни былинки, ни малѣйшаго признака жизни; сюда не ступала нога ни человека, ни животнаго.

Съ вершины открывается нашимъ глазамъ низкая безплодная равнина, за которой, синія и туманныя, рисуются на горизонтѣ горы Урта-Тау, видѣвшіяся слѣва съ самаго выѣзда нашего съ Юзъ-Кудука. Онь разстилаются къ западу большимъ изгибомъ и теряются вдали, облитыя золотыми лучами заходящаго солнца. По словамъ проводника, сейчасъ за этимъ хребтомъ лежитъ и Хала-Ата, то-есть еще на разстояніи верстѣ-сорока.

Спускаемся внизъ по южному склону. Онь очень неровень и обрывистъ; копыты нашихъ лошадей скользятъ и мворачиваютъ большія глыбы песчаника, которыя скатываются предѣ нами миниатюрными лавинами. Черезъ полчаса мы олять находимся внизу, олять пробураемся чрезъ томительную пустыню покрытую не пескомъ, а пылью.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 годѣ

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базулова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базулова, на Невскомъ Проспектѣ, у Кашанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Изъ числа подписчиковъ *Русскаго Вѣстника* 1874 года желающіе получить напечатанныя въ прошломъ году главы романовъ Булвера **Парижане** и романа Вилки Коллинза **Законъ и Женщина**, могутъ заявить о томъ редакціи прилагая за первый 1 р. и за второй 50 к.

Въ Университетской типографіи
на Страстномъ Бульварѣ

